А. С. ПУШКИН

1

Александр Пушкин

А. С. ПУШКИН.
Гравюра Е. Гейтмана. 1822 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
1999

А. С. ПУШКИН

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЛИЦЕЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1813–1817

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
1999

УДК 882
ББК 84(0)5
П 91

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Э. ВАЦУРО, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, М. Л. ГАСПАРОВ, Л. С. ГЕЙРО, Р. В. ИЕЗУИТОВА, Т. И. КРАСНОБОРОДЬКО, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ, Е. О. ЛАРИОНОВА, Я. Л. ЛЕВКОВИЧ, Д. С. ЛИХАЧЕВ, Л. М. ЛОТМАН, В. Д. РАК, Н. Н. СКАТОВ (главный редактор), *С. Б. ФЕДОТОВА* (отв. секретарь), *С. А. ФОМИЧЕВ* (зам. главного редактора), *Е. П. ЧЕЛЫШЕВ*

Т. 1 печатается на основе подготовленного М. А. Цявловским и Т. Г. Зенгер-Цявловской комментированного т. 1 ([М.; Л.]: Изд. АН СССР, 1937) Полного собрания сочинений Пушкина 1937—1959 гг.

Тексты подготовили и примечания составили

В. Э. ВАЦУРО, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. О. ЛАРИОНОВА, Ю. Д. ЛЕВИН, О. С. МУРАВЬЕВА, Н. Н. ПЕТРУНИНА, С. Б. ФЕДОТОВА, И. С. ЧИСТОВА

Рецензент Н. Н. ПЕТРУНИНА
Редактор тома В. Э. ВАЦУРО

Федеральная программа книгоиздания России

© В. Э. Вацуро, составление, статьи, примечания, 1999
© В. Е. Холшевников, статья, 1999
© М. Н. Виролайнен, Е. О. Ларионова, Ю. Д. Левин, О. С. Муравьева, Н. Н. Петрунина, С. Б. Федотова, И. С. Чистова, составление, примечания, 1999
© Российская академия наук, 1999
© Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН, оформление, 1999

ТП-98-II-300
ISBN 5-02-028343-6 (Т. 1)
ISBN 5-02-028342-8

От редакции

Настоящим томом открывается академическое собрание сочинений Пушкина, подготовленное Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

Установление корпуса подлинных пушкинских сочинений, дефинитивного текста каждого из них, выработка эдиционных принципов — все это было длительным и сложным процессом, который начался сразу же после смерти Пушкина.[1] Первым критическим изданием, основанным на тщательном изучении рукописей, были «Сочинения» Пушкина под редакцией П. В. Анненкова, вышедшие в семи томах в 1855—1857 гг. Это издание, не утерявшее своего значения и поныне (в распоряжении Анненкова были важные не дошедшие до нас источники текстов), оставалось непревзойденным в течение четверти века — не только по уровню понимания и осмысления пушкинского творчества, но и потому, что рукописный фонд Пушкина вплоть до 1880-х гг. оставался недоступным другим исследователям. Систематическое изучение и описание его было начато в первой половине 1880-х гг. В. Е. Якушкиным; работы Якушкина, Я. К. Грота, Л. Н. Майкова создали предпосылки и научную базу для издания Пушкина, начатого Академией наук под редакцией Л. Н. Майкова в 1899 г. (второе издание т. 1 — 1900 г.); после смерти Майкова оно было продолжено Якушкиным, П. О. Морозовым и другими учеными. Это первое академическое издание не было завершено: вышли т. 1—4, охватывавшие лирическое творчество и поэмы 1813—1827 гг. (в едином хронологическом ряду), с включением и «Бориса Годунова», т. 11 («История Пугачевского бунта») и т. 9 в двух книгах («Историко-литературные, критические, публицистические и полемические статьи и заметки»); последние появились в свет уже в 1928—1929 гг. в Издательстве Академии наук СССР. Второй полутом т. 9 был занят полностью комментарием к критической прозе, составленным Н. К. Козминым и насчитывавшим более тысячи страниц.

Почти одновременно с академическим изданием печаталось и другое значительное собрание сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова

---

[1] Об истории изданий Пушкина в связи с эволюцией текстологических принципов его изучения см.: *Измайлов Н. В.* Текстология // Пушкин. Итоги и проблемы изучения: Коллективная монография под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л., 1966. С. 557—610.

(т. 1—6, изд. Брокгауз—Ефрон, серия «Библиотека великих писателей», СПб., 1907—1915).

Академическое издание 1899(1900)—1929 гг. широко использовало пушкинский рукописный фонд, стремясь исчерпывающе представить варианты черновых текстов; однако уже в т. 3 от принципа полноты пришлось отказаться. Текстологическое изучение строилось на безраздельно господствовавшем тогда методе транскрибирования рукописи, т. е. передачи графическими средствами (шрифты, условные знаки, зачеркивания, подчеркивания и т. п.) ее внешнего вида (расположение строк, вычеркнутые фрагменты, замена слов и т. п.). Такой способ воспроизведения черновика в виде своего рода схемы облегчал ориентацию в рукописи, но рассматривал ее как статическую величину, не давая представления о процессе работы над текстом. Органические недостатки транскрипционного метода подачи черновика стали совершенно ясны уже к началу 1920-х гг. Что же касается издания под редакцией Венгерова, то оно почти полностью исключило из поля зрения проблемы текстологии. Зато оба издания попытались с возможной полнотой собрать в комментариях (а венгеровское — и в больших общих статьях) фактические сведения о реалиях, творческой истории, источниках публикуемых произведений. Стремясь превратить свое издание в своеобразную энциклопедию литературной культуры пушкинского времени, Венгеров привлекал к участию специалистов в разных областях истории русской и западных литератур; в работе над собранием сочинений были заняты как опытные пушкиноведы (П. О. Морозов, Н. О. Лернер, Б. Л. Модзалевский, П. Е. Щеголев), так и только начинавшие свою деятельность М. Л. Гофман, А. Л. Слонимский и другие.

Оба издания явились итоговыми для пушкиноведения начала века. Новый этап изучения творчества Пушкина относится уже к 1920-м гг., когда на сцену выступает новое поколение ученых (Б. В. Томашевский, С. М. Бонди, Н. В. Измайлов и другие), с именами которых связан пересмотр самых основ текстологического изучения поэта и смена эдиционных принципов. Одним из первых результатов этой работы, основанной на фронтальном обследовании пушкинского рукописного фонда, было полное собрание сочинений Пушкина в шести томах, выпущенное как приложение к журналу «Красная нива» в 1930—1931 гг. и подготовленное М. А. Цявловским, Б. В. Томашевским, П. Е. Щеголевым, С. М. Бонди, Ю. Г. Оксманом, Д. П. Якубовичем и другими; за ним последовали девятитомное собрание сочинений под общей редакцией М. А. Цявловского и Ю. Г. Оксмана («Academia», 1935) и шеститомник, выпущенный тем же издательством в 1936 г. Эти работы уже прямо предвосхищали шестнадцатитомное академическое издание 1937—1959 гг. в двадцати книгах со «Справочным томом».

К участию в академическом издании, приуроченном к столетней годовщине гибели Пушкина, были привлечены лучшие пушкиноведческие силы. Над ним работали Д. Д. Благой (лирика, письма 1815—1825 гг.), С. М. Бонди (лирика, «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Медный всадник» (совместно с Н. В. Измайловым), «Египетские ночи», «Русалка», «Сцены из рыцарских времен»), В. В. Виноградов («Пиковая

дама», «Метель», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка»), Г. О. Винокур («Цыганы», «Борис Годунов»), В. В. Гиппиус (критическая проза), Н. В. Измайлов (лирика, «Полтава», «Медный всадник» (совместно с С. М. Бонди), письма 1828—1837 гг.), Б. В. Томашевский («Гаврилиада», «Евгений Онегин», «Капитанская дочка»), М. А. Цявловский и Т. Г. Цявловская-Зенгер (лирика), Б. М. Эйхенбаум («Граф Нулин», «Домик в Коломне», критическая проза), Д. П. Якубович («Анджело», «Скупой рыцарь», «Арап Петра Великого», «Выстрел», «Гробовщик», письма). В этом перечне поименованы лишь основные сотрудники издания, выступавшие также как контрольные рецензенты и редакторы томов; помимо них в издании участвовали М. П. Алексеев, А. А. Ахматова, Г. А. Бялый, Н. Г. Богословский, Н. К. Гудзий, Л. В. Домгер, А. И. Заозерский, Б. И. Коплан, И. Н. Медведева, Л. Б. Модзалевский, Б. С. Мейлах, П. С. Попов, А. Л. Слонимский, Ю. Н. Тынянов, Н. В. Яковлев.

В академическом издании 1937—1959 гг. был помещен полный свод творческих текстов Пушкина, критически проверенных по всем известным к тому времени источникам, рукописным и печатным. Оно с максимальной полнотой представило и варианты беловых и черновых рукописей поэта. Черновики, впервые прочитанные полностью, были даны не в статике, транскрипции, но осмыслены в динамике; они предстали как «стенограмма творческого процесса». Развернутые во временно́й перспективе рукописи позволили проследить весь процесс создания произведения от первоначального замысла до печатного текста. Это стало началом принципиально нового этапа в текстологическом изучении художественного творчества — и в этом отношении академическое издание определило современное состояние текстологии, явившись образцом для последующих изданий сочинений русских классиков. Критически установленный текст опирался на прочный фундамент источниковедческих, биографических, историко-литературных исследований; совокупность их определяла выбор источника текста и его хронологию. Результаты этих исследований должны были найти отражение в обширном комментарии, содержавшем не только обоснование текста, но и итог его изучения, обозначая в то же время спорные и неясные места в его истолковании. Образцом такого издания явился выпущенный в 1935 г. в качестве «пробного» т. 7 — «Драматические произведения» (подготовлен Д. П. Якубовичем (редактор тома), М. П. Алексеевым, Г. О. Винокуром, Б. В. Томашевским, С. М. Бонди, Н. В. Яковлевым, А. Л. Слонимским и Ю. Г. Оксманом); комментарий к нему, занимающий бо́льшую часть тома, представляет собой серию фундаментальных исследований, касающихся творческой истории, художественной специфики, реалий, источников, историко-литературного значения включенных в него произведений, их осмысления критикой и т. п. Том этот прочно вошел в классический фонд пушкинианы и доныне сохраняет свое значение.

В 1995—1997 гг. академическое издание 1937—1959 гг. было стереотипно переиздано издательством «Воскресенье» с добавлением двух томов — «Рисунки Пушкина» и «Рукою Пушкина» (2-е изд., переработанное), подготовленных Пушкинским Домом; тома эти не претендовали на

полноту представленных в них материалов — рисунков и нетворческих текстов, но давали лишь их образцы в соответствии с разработанной жанрово-тематической классификацией.

На академическое издание 1937—1959 гг. ориентировались все последующие, как научные, так и массовые, издания Пушкина. Вместе с тем уже при самом начале издания редакторам стало очевидно, что они не смогут выполнить первоначально намеченную программу. Одной из основных причин этого было решение властных органов, предписавших «юбилейному» изданию жесткий режим, как по срокам, так и по содержанию: их решением из издания был исключен комментарий, сведенный к краткой текстологической справке. Это нанесло изданию непоправимый ущерб: оно смогло представить только конечный результат огромной предварительной работы, без необходимой аргументации; произведения Пушкина лишились тщательно воссозданного культурного, исторического, биографического контекста. В настоящее время сохранилась лишь небольшая часть этих материалов — в частности, корректурные листы комментариев М. А. Цявловского к тому лицейской лирики. Не были изданы и обещанные в предисловии к т. 1 «Записки официального назначения. Выписки и записи разного содержания». Вышедшая несколько ранее книга «Рукою Пушкина» (1935) лишь отчасти заполняла эту лакуну.

Вопрос о необходимости завершения издания — в первую очередь о составлении комментария — ставился в течение многих лет. Тем временем текстологическое и историко-литературное изучение Пушкина продолжалось и в ряде случаев приводило к пересмотру решений, закрепленных академическим изданием 1937—1959 гг.: целый ряд новаций содержался в десятитомниках, подготовленных Б. В. Томашевским в 1956 г. (4-е изд. 1977—1979) и коллективом авторов — участников академического издания 1937—1959 гг. (Т. Г. Цявловская-Зенгер, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Ю. Г. Оксман, В. В. Виноградов) в 1959—1962 гг. (2-е изд. 1974), а также в томах с произведениями Пушкина, вышедших в серии «Литературные памятники».[2] Новое прочтение как вариантов, так и некоторых текстов в основном корпусе, установление адресатов стихов и писем, обоснование датировок содержатся также в многочисленных научных изданиях, и прежде всего в серийных трудах «Пушкин: Исследования и материалы» (т. 1—15) и «Временник Пушкинской комиссии» (вып. 1—27). Огромное значение для текстологического изучения имеет восьмитомное факсимильное издание восемнадцати рабочих тетрадей Пушкина, подготовленное Пушкинским Домом и вышедшее в свет при содействии форума лидеров европейского бизнеса под эгидой принца Уэльского. Необходимым дополнением к ним служит описание истории заполнения тетрадей, завершаемое в Пушкинском Доме.

---

[2] Имеются в виду «Капитанская дочка» (ред. Ю. Г. Оксман, 1954; 2-е изд., доп., ред. Г. П. Макогоненко, 1984), «Медный всадник» (ред. Н. В. Измайлов, 1978), «Письма к жене», «Дневники и записки» (ред. Я. Л. Левкович, 1986, 1995), «Стихотворения Александра Пушкина» (ред. Л. С. Сидяков, 1998). Уточнение некоторых принятых ранее датировок было сделано в двух изданиях «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского (1951, 1991).

Настоящее издание ставит своей задачей собрать и обобщить то, что было накоплено пушкиноведением за полстолетия, прошедшие со времени выхода академического издания 1937—1959 гг. В большой мере опираясь на опыт этого последнего, новое академическое издание стремится привлечь и те собранные для него материалы, которые в свое время не были востребованы; к числу их относится, например, обширная работа М. А. Цявловского об источниках текстов ранней лирики Пушкина. В отдельных случаях оно полностью или частично включает и известные, опубликованные ранее труды по пушкинскому источниковедению, если они дают исчерпывающий анализ материала и не нуждаются в коррективах. В то же время в настоящем издании заново осуществлена проверка, а иногда и пересмотр текстов (расхождения с академическим изданием отмечаются в комментарии), учтены вновь обнаруженные источники (автографы и копии), дано обоснование и в ряде случаев уточнение датировок. Некоторые изменения претерпел и самый корпус текстов, в особенности раздел «Dubia». Несколько иначе, чем ранее, строится раздел «Другие редакции и варианты»: везде, где это возможно, полностью приводятся ранние редакции произведений, нередко представляющие самостоятельную художественную ценность; усовершенствована и система подачи вариантов, с тем чтобы нагляднее представить процесс формирования окончательного текста. За исключением первого тома, весь комментарий написан заново.

Во всех необходимых случаях редколлегия стремилась подвергнуть новые решения широкому апробированию. Именно эту задачу преследовал выпущенный в 1994 г. том «А. С. Пушкин. Стихотворения лицейских лет», в основу комментария которого легла корректура подготовленного М. А. Цявловским т. 1 прежнего издания. В «Стихотворениях лицейских лет» был принят, в частности, принцип двойной подачи лицейских текстов (в последней лицейской и в окончательной редакциях) — параллельно, в основном корпусе. По выходе из печати этот том был в качестве «пробного» обсужден на специальном Всероссийском совещании текстологов. По мере подготовки отдельных текстов и томов в целом редколлегия и впредь намерена выносить на обсуждение спорные и непроясненные вопросы, связанные с публикацией и комментированием пушкинских произведений. Этой цели посвящена, например, новая серия трудов Пушкинской комиссии РАН «Неизданный Пушкин», открытая для обсуждения предлагаемых здесь новых текстологических решений.

Следует принять во внимание, что бóльшая часть текстов, которые печатаются в основном корпусе настоящего издания, не имела прижизненных публикаций и воспроизводится по автографам или же по спискам. В тех случаях, когда произведение Пушкина оставалось на стадии черновика, как правило, приходится прибегать к гипотетическому установлению дефинитивного текста. Академическое издание не стремится установить «канонический» (незыблемый на все времена) текст произведения, но в каждом сложном случае дает обоснование своего решения, которое можно детально проверить и в дальнейшем, с появлением новых данных, уточнить.

Настоящее издание в основном повторяет план, установленный изданием 1937—1959 гг., сочетая два принципа: жанровый — по томам и

хронологический — внутри каждого тома. Произведения Пушкина располагаются по томам (некоторые из них выйдут в двух книгах) следующим образом:

Т. 1. Лицейские стихотворения 1813—1817 гг.
Т. 2. Стихотворения 1817—1824 гг. (Петербург, Юг).
Т. 3. Стихотворения 1824 (Михайловское)—1829 гг.
Т. 4. Стихотворения 1830—1836 гг.
Т. 5. Поэмы 1820—1825 гг.
Т. 6. Поэмы 1828—1833 гг. Сказки.
Т. 7. Драматические произведения.
Т. 8. «Евгений Онегин».
Т. 9—10. Художественная проза.
Т. 11. Автобиографическая проза. Рукою Пушкина.
Т. 12—13. Критика и публицистика.
Т. 14. «История Пугачева».
Т. 15. Материалы к «Истории Петра».
Т. 16—20. Переписка.

Каждый том включает следующие разделы: 1. Тексты (основной корпус) в хронологической последовательности (в томах стихотворений и критической прозы — под годовой рубрикацией), при этом выделены «Отрывки», «Произведения неизвестных лет», «Коллективное», «Dubia»; 2. Другие редакции и варианты; 3. Комментарии, куда входят историко-литературная статья, статья об источниках текста и примечания к текстам отдельных произведений; 4. Справочный аппарат (условные сокращения, указатели имен и произведений).

1813

К НАТАЛЬЕ

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность — всё под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я — Селадон!
Миловидной жрицы Тальи,
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!

Так, Наталья! признаюся,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет, и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтаньи,
Вижу, в легком одеяньи
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,

И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Испускаю вздох глубокий,
Сон ленивый, томноокий
Отлетает на крылах,
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякий час.
Все к чему-то ум стремится,
А к чему? — никто из нас
Дамам вслух того не скажет,
А уж так и сяк размажет;
Я — по-свойски объяснюсь.
Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их — дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой на бекрень,
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!
Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалася меня
Удержать умильным взором.
Иль седым опекуном
Легкой, миленькой Розины,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну, полну грудь...
Я желал бы... да ногою
Моря не перешагнуть.
И хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всей надежды я лишен.

Но, Наталья! ты не знаешь,
Кто твой нежный Селадон,
Ты еще не понимаешь,

Отчего не смеет он
И надеяться? — Наталья!
Выслушай еще меня:
Не владетель я сераля,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя.
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитою,
И с цигаркою в зубах.
Не представь кавалергарда,
В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром;
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

«Кто же ты, болтун влюбленный?»
— Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окны загражденны,
На лампады там зажженны...
Знай, Наталья! — я... монах!

МОНАХ

Песнь первая
СВЯТОЙ МОНАХ, ГРЕХОПАДЕНИЕ, ЮБКА

Хочу воспеть, как дух нечистый ада
Оседлан был брадатым стариком;
Как овладел он черным клобуком,
Как он втолкнул монаха грешных в стадо.

Певец любви, фернейский старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели ввек
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнаса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою златую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дам.
А ты, поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрыпицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему».
Нет, нет, Барков! скрыпицы не возьму,
Я стану петь, что в голову придется,
Пусть как-нибудь стих за стихом польется.

Невдалеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван Великий,
На голове златой носящий крест,
В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
Был монастырь; в глухих его стенах
Под старость лет один седой монах
Святым житьем, молитвами спасался
И дней к концу спокойно приближался.
Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог попасться в ад.

Имел кота, имел псалтирь и четки,
Клобук, стихарь да штоф зеленой водки.
Взошедши в дом, где мирно жил монах,
Не золота увидели б вы горы,
Не мрамор там прельстил бы ваши взоры,
Там не висел Рафаэль на стенах.
Увидели б вы стул об трех ногах,
Да в уголку скамейка в пол-аршина,
На коей спал и завтракал монах.
Там пуховик над лавкой не вздувался:
Хотя монах, он в пухе не валялся
Меж двух простынь на мягких тюфяках.
Весь круглый год святой отец постился,
Весь Божий день он в кельи провождал,
«Помилуй мя» вполголоса читал,
Ел плотно, спал и всякий час молился.

А ты, монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты краснеть умеешь,
Коль совести хоть капельку имеешь;
Красней и ты, богатый кармелит,
И ты стыдись, Печерской лавры житель,
Сердец и душ смиренный повелитель...
Но, лира! стой! — Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвенье;
Бесить попов не наше ремесло.

Панкратий жил счастлив в уединеньи,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный край
Защитить нас от дьявола не может.
И в тех местах, где черный сатана
Под стражею от злости когти гложет,
Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.
И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись —
Иной в Париж к плешивым картезьянцам
С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым итальянцам
Бургонского и макарони нес;
Тот девкою с прелатом повалился,
Тот молодцом к монашенкам пустился.
И слышал я, что будто старый поп,
Одной ногой уже вступивший в гроб,
Двух молодых венчал перед налоем —
Черт прибежал амуров с целым роем;

И вдруг дьячок на крылосе всхрапел,
Поп замолчал — на девицу глядел,
А девица на дьякона глядела,
У жениха кровь сильно закипела,
А бес всех их к себе же в ад повел.

Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,
Луна в окно монаха осветила.
В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконой
Со вздохами земные клал поклоны.
Пришел Молок (так дьявола зовут),
Панкратия под черной ряской скрылся.
Святой монах молился уж, молился,
Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут.
Бьет час, Молок не хочет отцепиться,
Бьет два, бьет три — нечистый все сидит.
«Уж будешь мой», — он сам с собой ворчит.
А наш старик уж перестал креститься,
На лавку сел, потер глаза, зевнул,
С молитвою три раза протянулся,
Зевнул опять и... чуть-чуть не заснул.
Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся,
И снова бес монаха соблазнять;
Чтоб усыпить, Боброва стал читать.
Монах скучал, монах тому дивился.
Век не зевал, как Богу он молился.
Но — нет уж сил; кресты, псалтирь, слова —
Все позабыл; седая голова,
Как яблоко, по груди покатилась,
Со лбу рука в колени опустилась,
Молитвенник упал из рук под стол,
Святой вздремал, всхрапел, как старый вол.

Несчастный! спи... Панкратий вдруг проснулся,
Взад и вперед со страхом оглянулся,
Перекрестясь, с постели он встает,
Глядит вокруг — светильня нагорела;
Чуть слабый свет вокруг себя лиет;
Что-то в углу как будто забелело.
Монах идет — что ж? — юбку видит он.

«Что вижу я!.. иль это только сон? —
Вскричал монах, остолбенев, бледнея. —
Как! это что?..» — и, продолжать не смея,
Как вкопанный пред белой юбкой стал,
Молчал, краснел, смущался, трепетал.

Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь!

Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда, меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчовый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, виясь вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилеей.

Иль как Филон, за Хлоей побежав,
Прижать ее в объятия стремится,
Зеленый куст тебя вдруг удержав...
Она должна, стыдясь, остановиться.
Но поздно все, Филон, ее догнав,
С ней на траву душистую валится,
И пламенна, дрожащая рука
Счастливого любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимает...
Она ему взор томный осклабляет,
И он... но нет; не смею продолжать.
Я трепещу, и сердце сильно бьется,
И, может быть, читатели, как знать?
И ваша кровь с стремленьем страсти льется.
Но наш монах о юбке рассуждал
Не так, как я (я молод, не пострижен
И счастием нимало не обижен).
Он не был рад, что юбку увидал,
И в тот же час смекнул и догадался,
Что в когти он нечистого попался.

Песнь вторая

ГОРЬКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ, СОН, СПАСИТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ

Покаместь ночь еще не удалилась,
Покаместь свет лила еще луна,
То юбка все еще была видна.

Как скоро ж твердь зарею осветилась,
От взоров вдруг сокрылася она.

А наш монах, увы, лишен покоя.
Уж он не спит, не гладит он кота,
Не помнит он церковного налоя,
Со всех сторон Панкратию беда.
«Как, — мыслит он, — когда и собачонки
В монастыре и духа нет моем,
Когда здесь ввек не видывал юбчонки,
Кто мог ее принесть ко мне же в дом?
Уж мнится мне... прости, Владыко, в том!
Уж нет ли здесь... страшусь сказать... девчонки».
Монах краснел и делать что не знал.
Во всех углах, под лавками искал.
Все тщетно, нет, ни с чем старик остался,
Зато весь день, как бледна тень, таскался,
Не ел, не пил, покойно и не спал.

Проходит день, и вечер, наступая,
Зажег везде лампады и свечи.
Уже монах, с главы клобук снимая,
Ложился спать. Но только что лучи
Луна с небес в окно его пустила
И юбку вдруг на лавке осветила,
Зажмурился встревоженный монах
И, чтоб не впасть кой-как во искушенье,
Хотел уже навек лишиться зренья,
Лишь только бы на юбку не смотреть.
Старик, кряхтя, на бок перевернулся
И в простыню тепленько завернулся,
Сомкнул глаза, заснул и стал храпеть.

Тотчас Молок вдруг в муху превратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кружился
И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять пустился.
Монах храпит и чудный видит сон.

Казалося ему, что средь долины,
Между цветов, стоит под миртом он,
Вокруг него сатиров, фавнов сонм.
Иной, смеясь, льет в кубок пенны вины;
Зеленый плющ на черных волосах,
И виноград, на голове висящий,
И легкий фирз, у ног его лежащий, —

Все говорит, что вечно юный Вакх,
Веселья бог, — сатира покровитель.
Другой, надув пастушечью свирель,
Поет любовь, и сердца повелитель
Одушевлял его веселу трель.
Под липами там пляшут хороводом
Толпы детей, и юношей, и дев.
А далее, ветвей под темным сводом,
В густой тени развесистых дерев,
На ложе роз, любовью распаленны,
Чуть-чуть дыша, весельем истощенны,
Средь радостей и сладостных прохлад,
Обнявшися любовники лежат.

Монах на все взирал смятенным оком.
То на стакан он взоры обращал,
То на девиц глядел чернец со вздохом,
Плешивый лоб с досадою чесал —
Стоя как пень и рот в сажень разинув.
И вдруг, в душе почувствовав кураж
И на бекрень, взъярясь, клобук надвинув,
В зеленый лес, как белоусый паж,
Как легкий конь, за девкою погнался.

Быстрей орла, быстрее звука лир
Прелестница летела, как зефир.
Но наш монах Эол пред ней казался,
Без отдыха за новой Дафной гнался.
«Не дам, — ворчал, — я промаха в кольцо».
Но леший вдруг, мелькнув из-за кусточка,
Панкратья хвать юбчонкою в лицо.
И вдруг исчез приятный вид лесочка.
Ручья, холмов и нимф не видит он;
Уж фавнов нет, вспорхнул и Купидон,
И нет следа красоточки прелестной.
Монах один в степи глухой, безвестной,
Нахмуря взор, темнеет небосклон,
Вдруг грянул гром, монаха поражает —
Панкратий: «Ах!..», и вдруг проснулся он.

Смущенный взор он всюду обращает:
На небесах, как яхонты горя,
Уже восток румянила заря.
И юбки нет. Панкратий встал, умылся,
И, помолясь, он плакать сильно стал,
Сел под окно и горько горевал.
«Ах! — думал он, — почто Ты прогневился?

Чем виноват, Владыко, пред Тобой?
Как грешником, вертит нечистый мной.
Хочу не спать, хочу Тебе молиться,
Возьму псалтирь, а тут и юбку вдруг.
Хочу вздремать и ночью сном забыться,
Что ж снится мне? смущается мой дух.
Услышь мое усердное моленье,
Не дай мне впасть, Господь, во искушенье!»
Услышал Бог молитвы старика,
И ум его в минуту просветился.
Из бедного седого простяка
Панкратий вдруг в Невтоны претворился.
Обдумывал, смотрел, сличал, смекнул
И в радости свой опрокинул стул.
И, как мудрец, кем Сиракуз спасался,
По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался
И громко всем кричал: «Нашел! нашел!»
«Ну! — думал он, — от бесов и юбчонки
Избавлюсь я — и милые девчонки
Уже меня во сне не соблазнят.
Я заживу опять монах монахом,
Я стану ждать последний час со страхом
И с верою, и все пойдет на лад».
Так мыслил он — и очень ошибался.
Могущий Рок, вселенной господин,
Панкратием, как куклой, забавлялся.

Монах водой наполнил свой кувшин,
Забормотал над ним слова молитвы
И был готов на грозны ада битвы.
Ждет юбки он — с своей же стороны
Нечистый дух весь день был на работе
И, весь в жару, в грязи, в пыли и поте,
Предупредить спешил восход луны.

Песнь третия

ПОЙМАННЫЙ БЕС

Ах, отчего мне дивная природа
Корреджио искусства не дала?
Тогда б в число парнасского народа
Лихая страсть меня не занесла,
Чернилами я не марал бы пальцы,

Не засорял бумагою чердак,
И за бюро, как девица за пяльцы,
Стихи писать не сел бы я никак.
Я кисти б взял бестрепетной рукою
И, выпив вмиг шампанского стакан,
Трудиться б стал я жаркой головою,
Как Цициан иль пламенный Албан.
Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венок душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан обхватил Киприды б пояс злат.
И кистью б был счастливей я стократ!

Иль краски б взял Вернета иль Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина;
На небосклон палящих, южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышет ветерок,
На серебре, вкруг скал блестящей пены,
Зефирами колеблемый челнок.
Нарисовал бы в нем я Кантемиру,
Ее красы... и рад бы бросить лиру,
От чистых муз навеки удалясь,
Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плесть пустился.
М⟨артынов⟩ пусть пленяет кистью нас,
А я — я вновь взмостился на Парнас.
Исполнившись иройскою отвагой,
Опять беру чернильницу с бумагой
И стану вновь я песни продолжать.

Что делает теперь седой Панкратий?
Что делает и враг его косматый?
Уж перестал Феб землю освещать;
Со всех сторон уж тени налетают;
Туман сокрыл вид рощиц и лесов;
Уж кое-где и звездочки блистают...
Уж и луна мелькнула сквозь лесов...
Ни жив ни мертв сидит под образами
Чернец, молясь обеими руками.
И вдруг, бела, как вновь напавший снег
Москвы-реки на каменистый брег,
Как легка тень, в глазах явилась юбка...

Монах встает, как пламень покраснев,
Как модинки прелестной ала губка,
Схватил кувшин, весь гневом возгорев,
И всей водой он юбку обливает.
О чудо!.. вмиг сей призрак исчезает —
И вот пред ним с рогами и с хвостом,
Как серый волк, щетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
«Ура! — вскричал монах с усмешкой злою, —
Поймал тебя, подземный чародей.
Ты мой теперь, не вырвешься, злодей.
Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутыль, закупорю тебя,
Сейчас ее в колодез брошу я.
Ага, Мамон! дрожишь передо мною».
«Ты победил, почтенный старичок, —
Так отвечал смирнехонько Молок. —
Ты победил, но будь великодушен,
В гнилой воде меня не потопи.
Я буду ввек за то тебе послушен,
Спокойно ешь, спокойно ночью спи,
Уж соблазнять тебя никак не стану».
«Все так, все так, да полезай в бутыль,
Уж от тебя, мой друг, я не отстану,
Ведь плутни все твои я не забыл».
«Прости меня, доволен будешь мною,
Богатства все польют к тебе рекою,
Как Банкова, я в знать тебя пущу,
Достану дом, куплю тебе кареты,
Придут к тебе в переднюю поэты;
Всех кланяться заставлю богачу,
Сниму клобук, по моде причешу.
Все променяв на длинный фрак с штанами,
Поскачешь ты гордиться жеребцами,
Народ, смеясь, колесами давить
И аглинской каретой всех дивить.
Поедешь ты потеть у Шиловского,
За ужином дремать у Горчакова,
К Нарышкиной подправливать жилет.
Потом всю знать (с министрами, с князьями
Ведь будешь жить как с кровными друзьями)
Ты позовешь на пышный свой обед».
«Не соблазнишь! тебя я не оставлю,

Без дальних слов сейчас в бутыль иди».
«Постой, постой, голубчик, погоди!
Я жен тебе и красных дев доставлю».
«Проклятый бес! как? и в моих руках
Осмелился ты думать о женах!
Смотри какой! но нет, работник ада,
Ты не прельстишь Панкратья суетой.
За все про все готова уж награда,
Раскаешься, служитель беса злой!»
«Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим.
Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Иерусалим».
При сих словах монах себя не вспомнил.
«В Иерусалим!» — дивясь, он бесу молвил.
«В Иерусалим! — да, да, свезу тебя».
«Ну, если так, тебя избавлю я».

Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Иерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним.
Но ты меня не слушаешь, Панкратий,
Берешь седло, берешь чепрак, узду.
Уж под тобой бодрится черт проклятый,
Готовится на адскую езду.
Лети, старик, сев на плеча Молока,
Толкай его и в зад и под бока,
Лети, спеши в священный град востока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный ад дорога широка.

НЕСЧАСТИЕ КЛИТА

Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет,
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышет;
Мера простая сия все портит, по мнению Клита,
Смысл затмевает стихов и жар охлаждает пиита.
Спорить о том я не смею, пусть он безвинных поносит,
Ямб охладил рифмача, гекзаметры ж он заморозит.

1814

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей
И с строгой критикой вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай;
Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают — и целый свет забудет.
Быть может, и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою навек соединясь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды*
Сокрыт другой отец второй «Телемахиды».
Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздных дань поэтам справедлива;
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшись бесславия! Что, если Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит — спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвечать готов.
«Пожалуй, — скажешь мне, — не трать излишних слов;
Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне как хочет целый свет,
Сердись, кричи, бранись, — а я таки поэт».

Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.

---

* Т. е. в школе.

Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштеину французов побеждать.
Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь, и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать.

Положим, что, на Пинд взобравшися счастливо,
Поэтом можешь ты назваться справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и спишь?
Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камоэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да что же, — говоришь, — судя о всех так строго,
Перебирая все, как новый Ювенал,
Ты о Поэзии со мною толковал;
А сам, поссорившись с парнасскими сестрами,
Мне проповедовать пришел сюда стихами?
Что сделалось с тобой? В уме ли ты иль нет?»
Арист, без дальных слов, вот мой тебе ответ:

В деревне, помнится, с мирянами простыми
Священник пожилой и с кудрями седыми
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;

Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, — сказали простяки, —
Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь,
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...»
«Послушайте, — сказал священник мужикам, —
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне — не подражайте».

И мне то самое пришлося отвечать;
Я не хочу себя нимало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихий век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит
И над экспромтами недели не сидит!
Не любит он гулять по высотам Парнаса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса;
Его с пером в руке Рамаков не страшит;
Спокоен, весел он. Арист, он — не пиит.

Но полно рассуждать — боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Теперь, любезный друг, я дал тебе совет,
Оставишь ли свирель, умолкнешь или нет?..
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным — хорошо, спокойным — лучше вдвое.

КОЛЬНА

(ПОДРАЖАНИЕ ОССИАНУ)

(Фингал послал Тоскара воздвигнуть на берегах источника Кроны памятник победы, одержанной им некогда на сем месте. Между тем как он занимался сим трудом, Карул, соседственный государь, пригласил его к пиршеству; Тоскар влюбился в дочь его Кольну; нечаянный случай открыл взаимные их чувства и осчастливил Тоскара).

Источник быстрый Каломоны,
Бегущий к дальним берегам,
Я зрю, твои взмущенны волны
Потоком мутным по скалам
При блеске звезд ночных сверкают
Сквозь дремлющий, пустынный лес,
Шумят и корни орошают
Сплетенных в темный кров древес.
Твой мшистый брег любила Кольна,
Когда по небу тень лилась;
Ты зрел, когда, в любви невольна,
Здесь другу Кольна отдалась.

В чертогах Сельмы царь могущих
Тоскару юному вещал:
«Гряди во мрак лесов дремучих,
Где Крона катит черный вал.
Шумящей прохлажден осиной,
Там ряд является могил;
Там с верной, храброю дружиной
Полки врагов я расточил,
И много, много сильных пало;
Их гробы черный вран стрежет.
Гряди — и там, где их не стало,
Воздвигни памятник побед!»
Он рек, и в путь безвестный, дальный
Пустился с бардами Тоскар,
Идет во мгле ночи печальной,
В вечерний хлад, в полдневный жар.
Денница красная выводит
Златое утро в небеса,
И вот уже Тоскар подходит
К местам, где в темные леса

Бежит седой источник Кроны
И кроется в долины сонны.
Воспели барды гимн святой;
Тоскар обломок гор кремнистых
Усильно мощною рукой
Влечет из бездны волн сребристых
И с шумом на высокий брег
В густой и дикий злак поверг;
На нем повесил черны латы,
Покрытый кровью предков меч,
И круглый щит, и шлем пернатый,
И обратил он к камню речь:

«Вещай, сын шумного потока,
О храбрых поздним временам!
Да в страшный час, как ночь глубока
В туманах ляжет по лесам,
Пришлец, дорогой утомленный,
Возлегши под надежный кров,
Воспомнит веки отдаленны
В мечтаньи сладком легких снов!
С рассветом алыя денницы,
Лучами солнца пробужден,
Он узрит мрачные гробницы...
И, грозным видом поражен,
Вопросит сын иноплеменный:
„Кто памятник воздвиг надменный?"
И старец, летами согбен,
Речет: „Тоскар наш незабвенный,
Герой умчавшихся времен!"»

Небес сокрылся вечный житель,
Заря потухла в небесах;
Луна в воздушную обитель
Спешит на темных облаках;
Уж ночь на холме — берег Кроны
С окрестной рощею заснул:
Владыко сильный Каломоны,
Иноплеменных друг, Карул
Призвал Морвенского героя
В жилище Кольны молодой
Вкусить приятности покоя
И пить из чаши круговой.
. . . . . .
. . . . . .
Близ пепелища все воссели;
Веселья барды песнь воспели;

И в пене кубок золотой
Кругом несется чередой.
Печален лишь пришелец Лоры,
Главу ко груди преклонил;
Задумчиво он страстны взоры
На нежну Кольну устремил —
И тяжко грудь его вздыхает,
В очах веселья блеск потух,
То огнь по членам пробегает,
То негою томится дух;
Тоскует, втайне ощущая
Волненье сильное в крови,
На юны прелести взирая,
Он полну чашу пьет любви.

Но вот уж дуб престал дымиться,
И тень мрачнее становится,
Чернеет тусклый небосклон,
И царствует в чертогах сон.
. . . . . .
. . . . . .
Редеет ночь — заря багряна
Лучами солнца возжжена;
Пред ней златится твердь румяна;
Тоскар покинул ложе сна;
Быстротекущей Каломоны
Идет по влажным берегам,
Спешит узреть долины Кроны
И внемлет плещущим волнам.
И вдруг из сени темной рощи,
Как в час весенней полунощи
Из облак месяц золотой,
Выходит ратник молодой.
Меч острый на бедре сияет,
Копье десницу воружает;
Надвинут на чело шелом,
И гибкий стан покрыт щитом;
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренний в долине пар.

«О юный ратник! — рек Тоскар, —
С каким врагом тебе сражаться?
Ужель и в сей стране война
Багрит ручьев струисты волны?
Но все спокойно — тишина
Окрест жилища нежной Кольны».
«Спокойны дебри Каломоны,

Цветет отчизны край златой;
Но Кольна там не обитает
И ныне по стезе глухой
Пустыню с милым протекает,
Пленившим сердце красотой».
«Что рек ты мне, младой воитель?
Куда сокрылся похититель?
Подай мне щит твой!» — И Тоскар
Приемлет щит, пылая мщеньем.
Но вдруг исчез геройства жар;
Что зрит он с сладким восхищеньем?
Не в силах в страсти воздохнуть,
Пылая вдруг восторгом новым...
Лилейна обнажилась грудь,
Под грозным дышуща покровом...
«Ты ль это?..» — возопил герой
И трепетно рукой дрожащей
С главы снимает шлем блестящий —
И Кольну видит пред собой.

ЭВЛЕГА

Вдали ты зришь утес уединенный;
Пещеры в нем изрылась глубина;
Темнеет вход, кустами окруженный,
Вблизи шумит и пенится волна.
Вечор, когда туманилась луна,
Здесь милого Эвлега призывала;
Здесь тихий глас горам передавала
Во тьме ночной печальна и одна:

«Приди, Одульф, уж роща побледнела.
На дикий мох Одульфа ждать я села,
Пылает грудь, за вздохом вздох летит...
О! сладко жить, мой друг, душа с душою.
Приди, Одульф! забудусь я с тобою,
И поцелуй любовью возгорит!

Беги, Осгар! твои мне страшны взоры,
Твой грозен вид, и хладны разговоры.
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой в ночи со мною дремлет,
Уж на заре другой меня объемлет,
И сладостен его мне поцелуй!

Что ж медлит он свершить мои надежды?
Для милого я сбросила одежды!
Завистливый покров у ног лежит.
Но чу!.. идут — так! это друг мой нежный!
Уж начались восторги страсти нежной,
И поцелуй любовью возгорит».

Идет Одульф; во взорах упоенье,
В груди любовь, и прочь бежит печаль;
Но близ его во тьме сверкнула сталь,
И вздрогнул он — родилось подозренье:
«Кто ты? — спросил, — почто ты здесь, вещай!
Ответствуй мне, о ⟨сын⟩ угрюмой ночи!»

«Бессильный враг! Осгара убегай!
В пустынной тьме что ищут робки очи?
Страшись меня, я страстью воспален:

В пещере здесь Эвлега ждет Осгара!»
Булатный меч в минуту обнажен,
Огонь летит струями от удара...

Услышала Эвлега стук мечей
И бросила со страхом хлад пещерный.
«Приди узреть предмет любви твоей! —
Вскричал Одульф подруге нежной, верной. —
Изменница! ты здесь его зовешь?
Во тьме ночной вас услаждает нега, —
Но дерзкого в Валкале ты найдешь».

Он поднял меч, и с трепетом Эвлега
Падет на дерн, как клок летучий снега,
Метелицей отторженный со скал!
Друг на друга соперники стремятся,
Кровавый ток по камням побежал;
В кустарники с отчаяньем катятся.
Последний глас Эвлегу призывал,
И смерти хлад их ярость оковал!

ОСГАР

По камням гробовым, в туманах полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лоре путник шел, напрасно томны очи
Ночлега мирного искали в тьме густой.
Пещеры нет пред ним, на береге угрюмом
Не видит хижины, наследья рыбаря;
Вдали дремучий бор качают ветры с шумом,
Луна за тучами, и в море спит заря.

Идет, и на скале, обросшей влажным мохом,
Зрит барда старого — веселье прошлых лет:
Склонясь седым челом над воющим потоком,
В безмолвии времен он созерцал полет.
Зубчатый меч висел на ветви мрачной ивы.
Задумчивый певец взор тихий обратил
На сына чуждых стран, и путник боязливый
Содрогся в ужасе и мимо поспешил.

«Стой, путник! стой! — вещал певец веков минувших, —
Здесь пали храбрые, почти их бранный прах!
Почти геройства чад, могилы сном уснувших!»
Пришлец главой поник — и, мнилось, на холмах
Восставший ряд теней главы окровавленны
С улыбкой гордою на странника склонял.
«Чей гроб я вижу там?» — вещал иноплеменный
И барду посохом на берег указал.

Колчан и шлем стальной, к утесу пригвожденный,
Бросали тусклый луч, луною озлатясь.
«Увы! здесь пал Осгар! — рек старец вдохновенный. —
О! рано юноше настал последний час!
Но он искал его: я зрел, как в ратном строе
Он первыя стрелы с весельем ожидал,
И рвался из рядов, и пал в кипящем бое:
Покойся, юноша! ты в брани славной пал.

Во цвете нежных лет любил Осгар Мальвину,
Не раз он в радости с подругою встречал
Вечерний свет луны, скользящий на долину,
И тень, упадшую с приморских грозных скал.

Казалось, их сердца друг к другу пламенели;
Одной, одной Осгар Мальвиною дышал;
Но быстро дни любви и счастья пролетели,
И вечер горести для юноши настал.

Однажды, в темну ночь зимы порой унылой,
Осгар стучится в дверь красавицы младой
И шепчет: „Юный друг! не медли, здесь твой милый!"
Но тихо в хижине. Вновь робкою рукой
Стучит и слушает: лишь ветры с свистом веют.
„Ужели спишь теперь, Мальвина? — мгла вокруг,
Валится снег, власы в тумане леденеют.
Услышь, услышь меня, Мальвина, милый друг!"

Он в третий раз стучит, со скрыпом дверь шатнулась.
Он входит с трепетом. Несчастный! что ж узрел?
Темнеет взор его, Мальвина содрогнулась,
Он зрит — в объятиях изменницы Звигнел!
И ярость дикая во взорах закипела;
Немеет и дрожит любовник молодой.
Он грозный меч извлек, и нет уже Звигнела,
И бледный дух его сокрылся в тьме ночной!

Мальвина обняла несчастного колена,
Но, взоры отвратив: „Живи! — вещал Осгар, —
Живи, уж я не твой, презренна мной измена,
Забуду, потушу к неверной страсти жар".
И тихо за порог выходит он в молчаньи,
Окован мрачною, безмолвною тоской,
Исчезло сладкое навек очарованье!
Он в мире одинок, уж нет души родной.

Я видел юношу: поникнув головою,
Мальвины имя он в отчаяньи шептал;
Как сумрак, дремлющий над бездною морскою,
На сердце горестном унынья мрак лежал.
На друга детских лет взглянул он торопливо;
Уже недвижный взор друзей не узнавал;
От пиршеств удален, в пустыне молчаливой
Он одиночеством печаль свою питал.

И длинный год провел Осгар среди мучений.
Вдруг грянул трубный глас! Оденов сын, Фингал,
Вел грозных на мечи, в кровавый пыл сражений.
Осгар послышал весть и бранью воспылал.
Здесь меч его сверкнул, и смерть пред ним бежала;
Покрытый ранами, здесь пал на груду тел.

Он пал — еще рука меча кругом искала,
И крепкий сон веков на сильного слетел.

Побегли вспять враги — и тихий мир герою!
И тихо все вокруг могильного холма!
Лишь в осень хладную, безмесячной порою,
Когда вершины гор тягчит сырая тьма,
В багровом облаке, одеянна туманом,
Над камнем гробовым уныла тень сидит,
И стрелы дребезжат, стучит броня с колчаном,
И клен, зашевелясь, таинственно шумит».

РАССУДОК И ЛЮБОВЬ

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой,
«Постой, — кричал, — прелестная, постой!
Скажи: „Люблю" — и бегать за тобой
Не стану я — клянуся в том Кипридой!»
«Молчи, молчи!» — Рассудок говорил,
А плут Эрот: «Скажи: „Ты сердцу мил!"»

«Ты сердцу мил!» — пастушка повторила,
И их сердца огнем любви зажглись,
И пал к ногам красавицы Дафнис,
И страстный взор Дорида потупила.
«Беги, беги!» — Рассудок ей твердил,
А плут Эрот: «Останься!» — говорил.

Осталася — и трепетной рукою
Взял руку ей счастливый пастушок.
«Взгляни, — сказал, — с подругой голубок
Там обнялись под тенью лип густою».
«Беги! беги!» — Рассудок повторил,
«Учись от них!» — Эрот ей говорил.

И нежная улыбка пробежала
Красавицы на пламенных устах,
И вот она с томлением в глазах
К любезному в объятия упала...
«Будь счастлива!» — Эрот ей прошептал,
Рассудок что ж? Рассудок уж молчал.

К СЕСТРЕ

Ты хочешь, друг бесценный,
Чтоб я, поэт младой,
Беседовал с тобой
И с лирою забвенной,
Мечтами окриленный,
Оставил монастырь
И край уединенный,
Где непрерывный мир
Во мраке опустился
И в пустыни глухой
Безмолвно воцарился
С угрюмой тишиной.
⟨. . . . . .⟩
И быстрою стрелой
На невский брег примчуся,
С подругой обнимуся
Весны моей златой,
И, как певец Людмилы,
Мечты невольник милый,
Взошед под отчий кров,
Несу тебе не злато
(Чернец я небогатый),
В подарок пук стихов.

Тайком взошед в диванну,
Хоть помощью пера,
О, как тебя застану,
Любезная сестра?
Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака ли читаешь,
Жанлиса ль пред тобой?
Иль с резвым Гамильтоном
Смеешься всей душой?
Иль с Греем и Томсоном
Ты пренеслась мечтой
В поля, где от дубравы
В дол веет ветерок,
И шепчет лес кудрявый,
И мчится величавый
С вершины гор поток?

Иль моську престарелу,
В подушках поседелу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лелея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?
Иль звучным фортепьяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини и Рамо?

Но вот уж я с тобою,
И в радости немой
Твой друг расцвел душою,
Как ясный вешний день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тень.

Но это лишь мечтанье!
Увы, в монастыре,
При бледном свеч сияньи,
Один пишу к сестре.
Все тихо в мрачной кельи:
Защелка на дверях,
Молчанье, враг веселий,
И скука на часах!
Стул ветхий, необитый,
И шаткая постель,
Сосуд, водой налитый,
Соломенна свирель —
Вот все, что пред собою
Я вижу, пробужден.
Фантазия, тобою
Одной я награжден,
Тобою пренесенный
К волшебной Иппокрене,
И в кельи я блажен.

Что было бы со мною,
Богиня, без тебя?
Знакомый с суетою,
Приятной для меня,
Увлечен в даль судьбою,

Я вдруг в глухих стенах,
Как Леты на брегах,
Явился заключенным,
Навеки погребенным,
И скрыпнули врата,
Сомкнувшися за мною,
И мира красота
Оделась черной мглою!..
С тех пор гляжу на свет,
Как узник из темницы
На яркий блеск денницы.
Светило ль дня взойдет,
Луч кинув позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце помраченно
Не радует оно.
Иль позднею порою,
Как луч на небесах,
Покрытых чернотою,
Темнеет в облаках, —
С унынием встречаю
Я сумрачную тень
И с вздохом провожаю
Скрывающийся день!..
Сквозь слез смотрю в решетки,
Перебирая четки.

Но время протечет,
И с каменных ворот
Падут, падут затворы,
И в пышный Петроград
Через долины, горы
Ретивые примчат;
Спеша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Под стол клобук с веригой —
И прилечу расстригой
В объятия твои.

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК

Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных,
Тюльпанов, гордо наклоненных,
Душистых ландышей, ясминов и лилей,
Которых ты всегда любила
И прежде всякий день носила
На мраморной груди твоей, —
Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена!..
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок!
Пускай уже седой профессор Гетингена,
На старой кафедре согнувшися дугой,
Вперив в латинщину глубокий разум свой,
Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос иссохшею рукой;
Пускай младой драгун усатый
Поутру, сидя у окна,
Стаканы сушит все до дна
И, чтоб прогнать остаток сна,
Из трубки пенковой дым гонит сероватый;
Пускай красавица шестидесяти лет,
У граций в отпуску и у любви в отставке,
У коей держится вся прелесть на подставке,
У коей без морщин на теле места нет,
Чаек вприкуску попивает,
С сарептским табаком печали забывает, —
А ты, прелестная!.. но если уж табак
Столь нравится тебе — о пыл воображенья! —
Ах! если, превращенный в прах
И в табакерке в заточеньи,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б в сердечном восхищеньи
Рассыпался на грудь и, может, сквозь платок
Проникнуть захотел — о сладость вожделенья! —
До тайных прелестей, которых сам Эрот
Запрятал за леса и горы,
Чтоб не могли нескромны взоры
Открыть вместилище божественных красот.
Но что! мечта, мечта пустая.

Не будет этого никак.
О, доля человека злая!
Ах, отчего я не табак!..

Поздняя редакция

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК

Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных,
[Тюльпанов, гордо наклоненных,]
Душистых ландышей, ясминов и лилей,
[Которых ты всегда] любила
[И прежде всякий день] носила
На мраморной груди твоей, —
Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена!..
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок!
Пускай уже седой профессор Гетингена,
На старой кафедре согнувшися дугой,
Вперив в латинщину глубокий разум свой,
Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос иссохшею рукой;
Пускай младой драгун усатый
[Поутру, сидя у] окна,
С остатком утреннего сна
Из трубки пенковой дым гонит сероватый;
Пускай красавица шестидесяти лет,
У граций в отпуску и у любви в отставке,
Которой держится вся прелесть на подставке,
Которой без морщин на теле места нет,
Злословит, молится, зевает
И с верным табаком печали забывает, —
А ты, прелестная!.. но если уж табак
Так нравится тебе — [о пыл воображенья!] —
Ах! если, превращенный в прах
И в табакерке в заточеньи,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б я в сладко⟨м восхищеньи⟩
Рассыпался на грудь под [шалевый] платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.
Не будет этого никак.
Судьба завистливая, злая!
Ах, отчего я не табак!..

КОЗАК

Раз полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой козак.

Черна шапка на бекрене,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избушки, —
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис, —
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна сребрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девица-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напои коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому,
Коню дать воды».

«Ах! небось, девица красна,
С милым подружись!»
«Ночь красавицам опасна».
«Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал козак.

Поскакали, полетели.
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

ЛАИСА ВЕНЕРЕ, ПОСВЯЩАЯ ЕЙ СВОЕ ЗЕРКАЛО

Вот зеркало мое — прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будет ввек,
Седого времени не страшна ей обида:
Она — не смертный человек;
Но я, покорствуя судьбине,
Не в силах зреть себя в прозрачности стекла
Ни той, которой я была,
Ни той, которой ныне.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный философ,
Вельможе знатному с поклоном
Подносит оду в двести строф;
Но я, любезный Горчаков,
Не просыпаюсь с петухами,
И напыщенными стихами,
Набором громозвучных слов,
Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро
И в лиру превращать не смею
Мое — гусиное перо!
Нет, нет, любезный князь, не оду
Тебе намерен посвятить;
Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслед Державину парить?
Пишу своим я складом ныне
Кой-как стихи на именины.

Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу
Или богатства, громких дней,
Крестов, алмазных звезд, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлечен был в путь кровавый,
Чтоб в лаврах и венцах сиял,
Чтоб в битвах гром из рук метал
И чтоб победа за тобою,
Как древле Невскому герою,
Всегда, везде летела вслед?
Не сладострастия поэт
Такою песенкой поздравит,
Он лучше муз навек оставит!
Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомцем нежным Эпикура
Провел меж Вакха и Амура!
А там — когда Стигийский брег

Мелькнет в туманном отдаленьи,
Дай Бог, чтоб в страстном упоеньи
Ты с томной сладостью в очах,
Из рук младого Купидона
Вступая в мрачный челн Харона,
Уснул... Ершовой на грудях!

ОПЫТНОСТЬ

Кто с минуту переможет
Хладным разумом любовь,
Бремя тягостных оков
Ей на крылья не возложит.
Пусть не смейся, не резвись,
С строгой мудростью дружись;
Но с рассудком вновь заспоришь,
Хоть не рад, но дверь отворишь,
Как проказливый Эрот
Постучится у ворот.

Испытал я сам собою
Истину сих правых слов.
«Добрый путь! прости, любовь!
За богинею слепою,
Не за Хлоей, полечу,
Счастье, счастье ухвачу!» —
Мнил я в гордости безумной.
Вдруг услышал хохот шумный,
Оглянулся... и Эрот
Постучался у ворот.

Нет! мне, видно, не придется
С богом сим в размолвке жить,
И, покамест жизни нить
Старой Паркой *там* прядется,
Пусть владеет мною он!
Веселиться — мой закон.
Смерть откроет гроб ужасный,
Потемнеют взоры ясны,
И не стукнется Эрот
У могильных уж ворот!

БЛАЖЕНСТВО

В роще сумрачной, тенистой,
Где, журча в траве душистой,
Светлый бродит ручеек,
Ночью на простой свирели
Пел влюбленный пастушок;
Томный гул унылы трели
Повторял в глуши долин...

Вдруг из глубины пещеры,
Чтитель Вакха и Венеры,
Резвых фавнов господин,
Выбежал Эрмиев сын.
Розами рога обвиты,
Плющ на черных волосах,
Козий мех, вином налитый,
У сатира на плечах.
Бог лесов, в дугу склонившись
Над искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушал песенки ночной,
В лад качая головой.

«Дни, протекшие в весельи!
(Пел в тоске пастух младой)
Отчего, явясь мечтой,
Вы, как тень, от глаз исчезли
И покрылись вечной тьмой?

Ах! когда во мраке нощи,
При таинственной луне,
В темну сень прохладной рощи,
Сладко спящей в тишине,
Медленно, рука с рукою,
С нежной Хлоей приходил,
Кто сравниться мог со мною?
Хлое был тогда я мил!

А теперь мне жизнь — могила,
Белый свет душе постыл,
Грустен лес, поток уныл...

Хлоя — другу изменила!..
Я для милой... уж не мил!..»

Звук исчез свирели тихой;
Смолк певец — и тишина
Воцарилась в роще дикой;
Слышно, плещет лишь волна
И колышет повиликой
Тихо веющий зефир...
Древ оставя сень густую,
Вдруг является сатир.
Чашу дружбы круговую
Пенистым сребря вином,
Рек с осклабленным лицом:
«Ты уныл, ты сердцем мрачен;
Посмотри ж, как сок прозрачен
Блещет, осветясь луной!
Выпей чашу — и душой
Будешь так же чист и ясен.
Верь мне: стон в бедах напрасен.
Лучше, лучше веселись,
В горе с Бахусом дружись!»
И пастух, взяв чашу в руки,
Скоро выпил все до дна.
О могущество вина!
Вдруг сокрылись скорби, муки,
Мрак душевный вмиг исчез!
Лишь фиял к устам поднес,
Все мгновенно переменилось,
Вся природа оживилась,
Счастлив юноша в мечтах!
Выпив чашу золотую,
Наливает он другую;
Пьет уж третью... но в глазах
Вид окрестный потемнился —
И несчастный... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, сатир, меня, —
Говорит пастух со вздохом, —
Как могу бороться с роком?
Как могу счастливым быть?
Я не в силах вечно пить».
«Слушай, юноша любезный,
Вот тебе совет полезный:
Миг блаженства *век* лови;
Помни дружбы наставленья:
Без вина здесь нет веселья,

Нет и счастья без любви;
Так поди ж теперь с похмелья
С Купидоном помирись;
Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды
Снова счастьем насладись!»

ЭПИГРАММА

(ПОДРАЖАНИЕ ФРАНЦУЗСКОМУ)

Супругою твоей я так пленился,
Что если б три в удел достались мне,
Подобные во всем твоей жене,
То даром двух я б отдал сатане,
Чтоб третью лишь принять он согласился.

К Н. Г. Л(ОМОНОС)ОВУ

И ты, любезный друг, оставил
Надежну пристань тишины,
Челнок свой весело направил
По влаге бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно светят небеса,
Ладья крылатая пустилась —
Расправит *счастье* паруса.
Дай Бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал,
Чтоб бурный вихорь не вздувал
Пред челноком шумящи воды!
Дай Бог под вечер к берегам
Тебе пристать благополучно
И отдохнуть спокойно там
С *любовью*, *дружбой* неразлучно!
Нет! ты не можешь их забыть!
Но что! Не скоро, может быть,
Увижусь я, мой друг, с тобою
Укромной хаты в тишине;
За чашей пунша круговою
Подчас воспомнишь обо мне;
Когда ж пойду на новоселье
(Заснуть ведь общий всем удел),
Скажи: «Дай Бог ему веселье!
Он в жизни хоть любить умел».

К Б⟨АТЮШК⟩ОВУ

Философ резвый и пиит,
Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых аонид,
Почто на арфе златострунной
Умолкнул, радости певец?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Расстался с Фебом наконец?

Уже с венком из роз душистых
Меж кудрей вьющихся, златых,
Под тенью тополов ветвистых,
В кругу красавиц молодых
Заздравным не стучишь фиалом,
Любовь и Вакха не поешь,
Довольный счастливым началом,
Цветов парнасских вновь не рвешь;
Не слышен наш Парни российский!..
Пой, юноша, — певец Тиисский
В тебя влиял свой нежный дух.
С тобою твой прелестный друг,
Лилета, красных дней отрада:
Певцу любви любовь награда.
Настрой же лиру. По струнам
Летай игривыми перстами,
Как вешний зефир по цветам,
И сладострастными стихами,
И тихим шепотом любви
Лилету в свой шалаш зови.
И звезд ночных при бледном свете,
Плывущих в дальной вышине,
В уединенном кабинете,
Волшебной внемля тишине,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливец милый, орошай;
Но, упоен любовью страстной,
И нежных муз не забывай;
Любви нет боле счастья в мире:
Люби — и пой ее на лире.

Когда ж к тебе в досужный час
Друзья, знакомые сберутся

И вины пенные польются,
От плена с треском свободясь,
Описывай в стихах игривых
Веселье, шум гостей болтливых
Вокруг накрытого стола,
Стакан, кипящий пеной белой,
И стук блестящего стекла.
И гости дружно стих веселый,
Бокал в бокал ударя в лад,
Нестройным хором повторят.

Поэт! в твоей предметы воле,
Во звучны струны смело грянь,
С Ж⟨уковским⟩ пой кроваву брань
И грозну смерть на ратном поле.
И ты в строях ее встречал,
И ты, постигнутый судьбою,
Как Росс, питомцем славы пал!
Ты пал, и хладною косою
Едва скошенный не увял!..*

Иль, вдохновенный Ювеналом,
Вооружись сатиры жалом,
Подчас прими ее свисток,
Рази, осмеивай порок,
Шутя, показывай смешное
И, если можно, нас исправь.
Но Тредьяковского оставь
В столь часто рушимом покое.
Увы! довольно без него
Найдем бессмысленных поэтов,
Довольно в мире есть предметов,
Пера достойных твоего!

Но что!.. цевницею моею,
Безвестный в мире сем поэт,
Я песни продолжать не смею.
Прости — но помни мой совет:
Доколе, музами любимый,
Ты пиэрид горишь огнем,
Доколь, сражен стрелой незримой,
В подземный ты не снидешь дом,
Мирские забывай печали,
Играй: тебя младой Назон,
Эрот и грации венчали,
А лиру строил Аполлон.

* Кому неизвестны «Воспоминания на 1807 год»?

БОВА

(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)

Часто, часто я беседовал
С болтуном страны Эллинския
И не смел осиплым голосом
С Шапеленом и с Рифматовым
Воспевать героев Севера.
Несравненного Виргилия
Я читал и перечитывал,
Не стараясь подражать ему
В нежных чувствах и гармонии.
Разбирал я немца Клопштока
И не мог понять премудрого!
Не хотел я воспевать, как он;
Я хочу, чтоб меня поняли
Все от мала до великого.
За Мильтоном и Камоэнсом
Опасался я без крил парить;
Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками,
С сатаною обитать в раю
Иль святую Богородицу
Вместе славить с Афродитою.
Не бывал я греховодником!
Но вчера, в архивах рояся,
Отыскал я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизис остроумия,
Словом: Жанну Орлеанскую.
Прочитал, — и в восхищении
Про Бову пою царевича.

О Вольтер! о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом некиим,
В Риме дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею музою!
Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?

Не запомню, сколько лет спустя
После рождества Спасителя
Царь Додон со славой царствовал
В Светомире, сильном городе.
Царь Додон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного,
Бендокира *Слабоумного*.
(Так, бывало, верноподданны
Величали королей своих,
Если короли беспечные
Не в постеле и не ночкою
Почивали с камергерами).
Царь Додон не Слабоумного
Был достоин злого прозвища,
Но тирана неусыпного,
Хотя, впрочем, не имел его.
Лень мне все его достоинства
И пороки вам показывать:
Вы слыхали, люди добрые,
О царе, что двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещеный потопил в крови,
Не щадил и некрещеного,
И, в ничтожество низверженный
Александром, грозным ангелом,
Жизнь проводит в унижении
И, забытый всеми, кличется
Ныне Эльбы императором, —
Вот таков-то был и царь Додон.

Раз, собрав бородачей совет
(Безбородых не любил Додон),
На престоле пригорюнившись,
Произнес он им такую речь:
«Вы, которые советами
Облегчили тяжесть скипетра,
Усладили участь царскую
(Не горька она была ему),
Мудрые друзья, сподвижники!
К вам прибегнуть я решаюся:
Что мне делать ныне? Слушайте».

Все привстали, важно хмуряся,
Низко, низко поклонилися

И, подправя ус и бороду,
Сели на скамьи дубовые.

«Вам известно, — продолжал Додон, —
Что искусством и неправдою
Я достиг престола шаткого
Бендокира Слабоумного,
Сочетался с Милитрисою,
Милой женкой Бендокировой,
И в темницу посадил Бову,
Принца крови, сына царского.
Легче, легче захватить было
Слабоумного златой венец,
Чем, надев венец на голову,
За собою удержать его.
Вот уже народ бессмысленный,
Ходя в праздники по улицам,
Меж собой не раз говаривал:
Дай Бог помочь королевичу.
Ведь Бова уже не маленький,
Не в отца своей головушкой,
Нужды нет, что за решеткою,
Он опасен моим замыслам.
Что мне делать с ним? скажите мне,
Не оставить ли в тюрьме его?»

Все собранье призадумалось,
Все в молчаньи потупили взор:
То-то, право, золотой совет!
Не болтали здесь, а думали:
Арзамор, муж старый, опытный,
Рот открыл было (советовать,
Знать, хотелось поседелому),
Громко крякнул, но одумался
И в молчаньи закусил язык.
Ко лбу перст приставя тщательно,
Лекарь славный, Эскулапа внук,
Эзельдорф, обритый шваб, зевал,
Табакеркою поскрыпывал,
Но молчал, — своей премудрости
Он пред всеми не показывал.
Вихромах, Полкан с Дубынею,
Стражи трона, славны рыцари,
Все сидели будто вкопаны.
Громобурь, известный силою,
Но умом непроницательный,
Думал, думал и нечаянно

Задремал... и захрапел в углу.
Что примера лучше действует?
Что людьми сильней ворочает?
Вот зевнули под перчаткою
Храбрый Мировзор с Ивашкою,
И Полкан, и Арзамор седой...
И ко груди преклонилися
Тихо головами буйными...
Глядь, с Додоном задремал совет...
Захрапели многомысляще!

Долго спать было советникам,
Если б немцу не пришлось из рук
Табакерку на пол выронить.
Табакерка покатилася
И о шпору вдруг ударилась
Громобуря, крепко спавшего,
Загремела, раздвоилася,
Отлетела в разны стороны...
Храбрый воин пробуждается,
Озирает все собрание...
Между тем табак рассыпался,
К носу рыцаря подъемлется,
И чихнул герой с досадою,
Так что своды потрясаются,
Окны все дрожат и сыплются
И на петлях двери хлопают...
Пробуждается собрание!

«Что тут думать, — закричал герой, —
Царь! Бова тебе не надобен,
Ну и к черту королевича!
Решено: ему в живых не быть.
После, братцы, вы рассудите,
Как с ним надобно разделаться».
Тем и кончил: храбры воины
Речи любят лаконически.
«Ладно! мы тебя послушаем, —
Царь промолвил, потянувшися, —
Завтра, други, мы увидимся,
А теперь ступайте все домой».

Оплошал Додон отсрочкою.
Не твердил он, верно, в азбуке:
Не откладывай до завтрого,
Что сегодня можешь выполнить.
Разошлися все придворные.

Ночь меж тем уже сгущалася,
Царь Додон в постелю царскую
Вместе с милой лег супругою,
С несравненной Милитрисою,
Но спиной оборотился к ней:
В эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотелося.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая девица,
Ангел станом, взором, личиком,
Белой ручкой, нежной ножкою,
С госпожи сняв платье шелково,
Юбку, чепчик, ленты, кружева,
Все под ключ в комоде спрятала
И пошла тихонько в девичью.
Там она сама разделася,
Подняла с трудом окошечко
И легла в постель пуховую,
Ожидая друга милого,
Светозара, пажа царского:
К темной ночке обещался он
Из окна прыгнуть к ней в комнату.
Ждет-пождет девица красная;
Нет как нет все друга милого.
Чу! бьет полночь — что же Зоинька?
Видит — входят к ней в окошечко...
Кто же? друг ли сердца нежного?
Нет! совсем не то, читатели!
Видит тень иль призрак старого
Венценосца, с длинной шапкою,
В балахоне вместо мантии,
Опоясанный мочалкою,
Вид невинный, взор навыкате,
Рот разинут, зубы скалятся,
Уши длинные, ослиные
Над плечами громко хлопают;
Зоя видит и со трепетом
Узнает она, читатели,
Бендокира Слабоумного.

Трепетна, смятенья полная,
Стала на колени Зоинька,
Съединила ручку с ручкою,
Потупила очи ясные,
Прочитала скорым шепотом
То, что ввек не мог я выучить:

Отче наш и *Богородице*,
И тихохонько промолвила:
«Что я вижу? Боже! Господи...
О Никола! Савва-мученик!
Осените беззащитную.
Ты ли это, царь наш батюшка?
Отчего, скажи, оставил ты
Ныне царствие небесное?»

Глупым смехом осветившися,
Тень рекла прекрасной Зоиньке:
«Зоя, Зоя, не страшись, мой свет,
Не пугать тебя мне хочется,
Не на то сюда явился я
С того света привидением.
Весело пугать живых людей,
Но могу ли веселиться я,
Если сына Бендокирова,
Милого Бову-царевича,
На костре изжарят завтра же?»

Бедный царь заплакал жалобно.
Больно стало доброй девушке.
«Чем могу, скажи, помочь тебе?
Я во всем тебе покорствую».
«Вот что хочется мне, Зоинька!
Из темницы сына выручи
И сама в жилище мрачное
Сядь на место королевича,
Пострадай ты за невинного.
Поклонюсь тебе низехонько
И скажу: *спасибо, Зоинька*!»

Зоинька тут призадумалась;
За *спасибо* в темну яму сесть!
Это жестко ей казалося.
Но, имея чувства нежные,
Зоя втайне согласилася
На такое предложение.

Так, ты прав, оракул Франции,
Говоря, что жены, слабые
Против стрел Эрота юного,
Все имеют душу добрую,
Сердце нежно непритворное.
«Но скажи, о царь возлюбленный! —
Зоя молвила покойнику, —

Как могу (ну, посуди ты сам)
Пренестись в темницу мрачную,
Где горюет твой любезный сын?
Пятьдесят отборных воинов
Днем и ночью стерегут его.
Мне ли, слабой, робкой женщине,
Обмануть их очи зоркие?»

«Будь покойна, случай найдется,
Поклянись лишь только, милая,
Не отвергнуть сего случая,
Если сам тебе представится».
«Я клянусь!» — сказала девица.
Вмиг исчезло привидение,
Из окошка быстро вылетев.
Воздыхая тихо, Зоинька
Опустила тут окошечко
И, в постеле успокоившись,
Скоро, скоро сном забылася.

⟨ЭПИГРАММА⟩

Арист нам обещал трагедию такую,
Что все от жалости в театре заревут,
Что слезы зрителей рекою потекут.
Мы ждали драму золотую.
И что же? дождались — и, нечего сказать,
Достоинству ее нельзя убавить весу,
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалкую пиесу.

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ

Друзья! досужный час настал;
Все тихо, все в покое;
Скорее скатерть и бокал!
Сюда вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья! почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякий случай изберем
Скорее президента.
В награду пьяным — он нальет
И пунш, и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой!
Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Г⟨алич⟩, vale![1]
Ты Эпикуров младший брат,
Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам.

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей;
Бутыль вином налита,
За здравье нашей музы пей,
Парнасский волокита.

[1] будь здоров! (*лат.*)

Остряк любезный! по рукам!
Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм
На недруга и друга.

А ты, красавец молодой,
Сиятельный повеса!
Ты будешь Вакха жрец лихой,
На прочее — завеса!
Хотя студент, хотя я пьян,
Но скромность почитаю;
Придвинь же пенистый стакан,
На брань благословляю.

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —
И тотчас помиримся.

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышишь,
Забавный, право, ты поэт,
Хоть плохо басни пишешь;
С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев, —
Рассудок, Бог с тобою!

А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здравие Платова,
В козачью шапку пунш нальем —
И пить давайте снова!..

Приближься, милый наш певец,
Любимый Аполлоном!
Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном.
Как сладостно в стесненну грудь
Томленье звуков льется!..

Но мне ли страстью воздохнуть?
Нет! пьяный лишь смеется!

Не лучше ль, Роде записной,
В честь Вакховой станицы
Теперь скрыпеть тебе струной
Расстроенной скрыпицы?
Запойте хором, господа,
Нет нужды, что нескладно;
Охрипли? — это не беда:
Для пьяных все ведь ладно!

Но что?.. я вижу всё вдвоем;
Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом;
Покрылись очи мраком...
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вакха ради...
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради...
Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

Поздняя редакция

К СТУДЕНТАМ

Друзья! досужный час настал,
Все тихо, все в покое;
Скорее скатерть и бокал;
Сюда вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле, —
Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол ученых дураков, —
Мы полем овладеем;
Под стол холодных мудрецов —
Без них мы пить умеем!
Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякий случай изберем
Скорее президента:
В награду пьяным он нальет
И пунш и грог душистый,

А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой.
Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Г⟨алич⟩, vale!
Ты Эпикура младший брат,
Твоя душа в бокале,
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам!
Дай руку, Дельвиг, что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой лежишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей,
Бутыль вином налита,
За здравье музы нашей пей,
Парнасский волокита!
Остряк любезный, по рукам!
Полней бокал — досуха.
И вылей сотню эпиграмм
На недруга и друга!
А ты, красавец молодой,
Сиятельный повеса, —
Ты будешь Вакха жрец лихой,
На прочее — завеса.
Хоть я студент, хоть я и пьян,
Но скромность почитаю —
Придвиньте ж пенистый стакан,
На брань благословляю!
А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здравие Платова,
В козачью шапку пунш нальем
И пить давайте снова!
Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем дружнее руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз с тобой мы пьем,
Не в первый и бранимся;
Но чашу дружества нальем —
И снова помиримся.

С тобой тасуясь без чинов,
Люблю тебя душою —
Наполни кружку до краев,
Рассудок, Бог с тобою!..
Но что я вижу? всё вдвоем,
Двоится штоф с араком,
Вся комната пошла кругом,
Покрылись очи мраком!
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вакха ради.
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради.
Писатель за свои грехи,
Ты с виду всех трезвее,
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее!

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышет ветерок, уснувший на листах,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в сребристых облаках.

Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вкруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тополом сплелась младая ива
И отразилася в кристалле зыбких вод;
Царицей средь полей лилея горделива
В роскошной красоте цветет.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы Росской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Увы! промчалися те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Воззрев вокруг себя, со вздохом Росс вещает:
«Исчезло все, Великой нет!»

И, в думу углублен, над злачными брегами
Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух.
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищеньи дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширяяся крылами,
Над ним сидит орел младой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикраты обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, Кагульский брег, поносен
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о Росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О громкий век военных споров,
Свидетель славы Россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные Славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам, страшась, дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать — есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич — и вскоре лютой брани
Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
Дымится кровию земля;
И селы мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделося вокруг,

Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут — их силе нет препоны,
Все рушат, все свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздались!.. идут в дали туманной!
Звучат кольчуги и мечи!..

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За веру, за царя.

Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет, все местью, славой дышут,
Восторг во грудь их перешел.
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,
И се — пылает брань; на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

Сразились. Русский — победитель!
И вспять бежит надменный Галл;
Но сильного в боях небесный Вседержитель
Лучом последним увенчал,
Не здесь его сразил воитель поседелый;
О Бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! на башнях Галл Кремля!..

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь Русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Все пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной летней ночи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях брега и светлы рощи:
Все мертво, все молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престает в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть сретают,
А с тыла гонит Россов меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О Галлы хищные! и вы в могилы пали.
О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже Росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленьи,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

Достойный внук Екатерины!
Почто небесных аонид,

Как наших дней певец, славянской Бард дружины,
Мой дух восторгом не горит?
О, если б Аполлон пиитов дар чудесный
Влиял мне ныне в грудь! Тобою восхищен,
На лире б возгремел гармонией небесной
И воссиял во тьме времен.

О Скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу друзей твоих, с душой воспламененной,
Взгреми на арфе золотой!
Да снова стройный глас герою в честь прольется,
И струны трепетны посыплют огнь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

Поздняя редакция

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышет ветерок, уснувший на листах,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в сребристых облаках.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы Росской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Промчались навсегда те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины.

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Воззрев вокруг себя, со вздохом Росс вещает:
«Исчезло все, Великой нет!»
И, в думу углублен, над злачными брегами
Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух.
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищеньи дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширяяся крылами,
Над ним сидит орел младой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикратно обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, Кагульский брег, поносен
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о Росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О громкий век военных споров,
Свидетель славы Россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные Славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам, страшась, дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать — есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич — и вскоре новой брани
Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.

Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
Дымится кровию земля;
И селы мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделося вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут — их силе нет препоны,
Все рушат, все свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздались!.. идут в дали туманной!
Звучат кольчуги и мечи!

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель — иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.

Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет; все местью, славой дышут,
Восторг во грудь их перешел;
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,
И се — пылает брань; на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

Сразились. Русский — победитель!
И вспять бежит надменный Галл;
Но сильного в боях небесный Вседержитель
Лучом последним увенчал;
Не здесь его сразил воитель поседелый;
О Бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! на башнях Галл Кремля!

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,

И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни...
Вотще лишь гневом дух пылал!

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь Русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Все пламень истребил; венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала,
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней ночи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях брега и светлы рощи —
Все мертво, все молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престает в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть сретают,
А с тыла гонит русский меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О Галлы хищные! и вы в могилы пали...
О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру, и закон?
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны,
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже Росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой!
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой;
Еще военный гром грохочет в отдаленьи,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,

А он — несет врагу не гибель — но спасенье
И благотворный мир земле.

О Скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу товарищей, с душой воспламененной,
Греми на арфе золотой!
Да снова стройный глас героям в честь прольется,
И струны гордые посыплют огнь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

НА РЫБУШКИНА

Бывало, прежних лет герой,
Окончив славну брань с противной стороной,
Повесит меч войны средь отческия кущи;
А трагик наш Бурун, скончав чернильный бой,
Повесил уши.

РОМАНС

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Все было тихо — лес и горы,
Все спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье,
Вздохнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих —
Откроешь очи и, тоскуя,
Ко груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Стыд вечный мне вина моя —
Меня навеки ты забудешь;
Тебя не позабуду я;
Дадут покров тебе чужие
И скажут: „Ты для нас чужой!"
Ты спросишь: „Где ж мои родные?" —
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей!
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня...

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца.
Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца?

Утешь тогда страдальца муки,
Скажи: „Ее на свете нет —
Лаура не снесла разлуки
И бросила пустынный свет".

Но что сказала я?.. быть может,
Виновную ты встретишь мать —
Твой скорбный взор меня встревожит!
Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый
Моею тронулся мольбой...
Но, может быть, пройдешь ты мимо —
Навек рассталась я с тобой.

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей —
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
С волненьем сына ухватила
И к ней приближилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

Поздняя редакция

РОМАНС

Под вечер, осенью ненастной,
В пустынных дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Все было тихо: лес и горы,
Все спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинном сем творенье,
Вздохнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье...
Не знаешь горестей моих!
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты к груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей!

Ее манить напрасно будешь!
Мне вечный стыд вина моя!
Меня навеки ты забудешь...
Но не забуду я тебя!
Дадут покров тебе чужие
И скажут: „Ты для нас чужой!"
Ты спросишь: „Где мои родные?" —
И не найдешь семьи родной!

Несчастный! будешь грустной думой
Томиться меж других детей
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду странник одинокий,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня!

Ты спишь!.. позволь себя, несчастный,
Прижать к груди в последний раз,
Закон неправедный, ужасный
К страданью осуждает нас.
Пока лета не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
Бледна, трепещуща, уныла,
К дверям приближилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

ЛЕДА

(КАНТАТА)

Средь темной рощицы, под тенью лип душистых,
В высоком тростнике, где частым жемчугом
Вздувалась пена вод сребристых,
Колеблясь тихим ветерком,
Покров красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежал,
И прелести ее поток волной игривой
С веселъем орошал.

Житель рощи торопливый,
Будь же скромен, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Изменить страшитесь ей!

Леда робостью трепещет,
Тихо дышет снежна грудь,
Ни волна вокруг не плещет,
Ни зефир не смеет дуть.

В роще шорох утихает,
Все в прелестной тишине;
Нимфа далее ступает,
Робкой вверившись волне.

Но что-то меж кустов прибрежных восшумело,
И чувство робости прекрасной овладело;
Невольно вздрогнула, не в силах воздохнуть.
И вот пернатых царь из-под склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
К красавице плывет — веселья полна грудь;
С шумящей пеною отважно волны гонит,
Крылами воздух бьет,
То в кольцы шею вьет,
То гордую главу, смирясь, пред Ледой клонит.

Леда смеется —
Вдруг раздается
Радости клик.
Вид сладострастный!

К Леде прекрасной
Лебедь приник.
Слышно стенанье,
Снова молчанье.
Нимфа лесов
С негою сладкой
Видит украдкой
Тайну богов.

Опомнясь наконец, красавица младая
Открыла тихий взор, в томленьях воздыхая,
И что ж увидела? — На ложе из цветов
Она покоится в объятиях Зевеса;
Меж ними юная любовь, —
И пала таинства прелестного завеса.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты!
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды:

В темной рощице таится
Часто пламенный Эрот;
С хладной струйкою катится,
Стрелы прячет в пене вод.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты!
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды.

STANCES

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclose,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose!
L'aimable fille des amours
Tombe fanée, à peine éclose;
Il a fui, le temps des beaux jours!

Eudoxie! aimez, le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

Перевод с французского:

СТАНСЫ

Видали ль вы нежную розу,
Любезную дочь ясного дня,
Когда весной, едва расцветши,
Она является образом любви?

Такою пред вашими взорами, но еще прекраснее,
Ныне явилась Евдокия;
Не раз видела весна, как она расцветала,
Прелестная и юная, подобная ей самой.

Но, увы! ветры и бури,
Эти лютые дети зимы,

Скоро зашумят над нашими головами,
Окуют воду, землю и воздух.

И вот уже нет цветов, и нет розы!
Любезная дочь любви,
Завянув, падает, едва расцветшая:
Миновала пора ясных дней!

Евдокия! любите! Время не терпит;
Пользуйтесь вашими счастливыми днями!
В хладной ли старости
Дано нам ведать пыл любви?

MON PORTRAIT

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson,
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

Onc il ne fut de babillard,
Ni docteur en Sorbonne —
Plus ennuyeux et plus braillard,
Que moi-même en personne.

Ma taille à celles des plus longs
Ne peut être égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

J'aime et le monde et son fracas,
Je haïs la solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encore...
Si n'étais au Lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie.
Ma foi, voilà Pouchkine.

Перевод с французского:

МОЙ ПОРТРЕТ

Вы просите у меня мой портрет,
Но списанный с натуры;
Дорогой мой, он сейчас же будет готов,
Но только в миниатюре.

Я молодой повеса,
Еще на школьной скамье;
Не глуп, говорю без стеснения
И без жеманного кривлянья.

Никогда не было болтуна,
Ни доктора Сорбонны —
Надоедливее и крикливее,
Чем я, собственной своей персоной.

По росту я с самыми долговязыми
Вряд ли могу равняться;
У меня свежий цвет лица, русые волосы
И кудрявая голова.

Я люблю толпу и ее шум,
Одиночество ненавижу;
Мне претят ссоры и споры,
А отчасти и учение.

Спектакли, балы мне очень нравятся,
И, коли уж признаваться,
Я сказал бы, что еще люблю...
Если бы не был в Лицее.

По всему этому, мой милый друг,
Меня можно узнать:
Да, таким, как Бог меня сотворил,
Я хочу всегда казаться.

Сущий бес в проказах,
Сущая обезьяна лицом,
Много, слишком много ветрености —
Вот каков Пушкин.

1815

ГОРОДОК

(К***)

Прости мне, милый друг,
Двухлетнее молчанье:
Писать тебе посланье
Мне было недосуг.
На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великий град Петра,
От утра до утра
Два года все кружился
Без дела в хлопотах,
Зевая, веселился
В театре, на пирах;
Не ведал я покоя,
Увы! ни на часок,
Как будто у налоя
В великий четверток
Измученный дьячок.
Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь;
Уж вытолкал за дверь
Заботы и печали,
Которые играли,
Стыжусь, столь долго мной;
И в тишине святой
Философом ленивым,
От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливом.
Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные

Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет;
На улице карет
Не слышит стук докучный;
Здесь грома вовсе нет;
Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой,
Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожною клюкой
В калитку постучится...

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленький Эрот;
Блажен, кто на просторе
В укромном уголке
Не думает о горе,
Гуляет в колпаке,
Пьет, ест когда захочет,
О госте не хлопочет!
Никто, никто ему
Лениться одному
В постеле не мешает;
Захочет — аонид
Толпу к себе сзывает;
Захочет — сладко спит,
На *Рифмова* склоняясь
И тихо забываясь.
Так я, мой милый друг,
Теперь расположился;
С толпой бесстыдных слуг

Навеки распростился;
Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут.
Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Издетства стал пиит;
Всех больше перечитан,
Всех менее томит;
Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьоста, Тасса внук —
Скажу ль?.. отец Кандида —
Он все; везде велик
Единственный старик!
На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных граций —
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем.
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекший в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!
Ты здесь — и Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя.

Но вот наперсник милый
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!
Воспитанны Амуром,
Вержье, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят
И сон от глаз отводят
Под зимний вечерок).
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фон-Визин и Княжнин.
За ними, хмурясь важно,
Их грозный Аристарх
Является отважно
В шестнадцати томах.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видеть вкус,
Но часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

Кладбище обрели
На самой нижней полке
Все школьнически толки,
Лежащие в пыли,
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопенья,
Известные творенья
Увы! одним мышам.
Мир вечный и забвенье
И прозе и стихам!
Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата,
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненьи...
Нетрудно отгадать;

Так, это сочиненьи,
Презревшие печать.
Хвала вам, чада славы,
Враги парнасских уз!
О князь, наперсник муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знанье света
И слога чистоту
И в резвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гуртом потопил;
И ты, замысловатый
Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец;
И ты, шутник бесценный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжал
Игривой Тальи дал!
Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпонирует
Такой оригинал!
Тут вижу я — с *Чернавкой*
Подщипа слезы льет;
Здесь Князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятеньи
Плененные цари,
Забыв войну, сраженьи,
Играют в кубари...
Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнаса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,

Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик — Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть, право, не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но убирайся с Богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

О вы, в моей пустыне
Любимые творцы!
Займите же отныне
Беспечности часы.
Мой друг! весь день я с ними,
То в думу углублен,
То мыслями своими
В Элизий пренесен.
Когда же на закате
Последний луч зари
Потонет в ярком злате,
И светлые цари
Смеркающейся ночи
Плывут по небесам,
И тихо дремлют рощи,
И шорох по лесам,
Мой гений невидимкой
Летает надо мной;
И я в тиши ночной
Сливаю голос свой
С пастушьею волынкой.
Ах! счастлив, счастлив тот,
Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
«Бессмертен ввек пиит!»

Но ею мне ль гордиться,
Но мне ль бессмертьем льститься?..
До слез я спорить рад,
Не бьюсь лишь об заклад,

Как знать, и мне, быть может,
Печать свою наложит
Небесный Аполлон;
Сияя горним светом,
Бестрепетным полетом
Взлечу на Геликон.
Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой
Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире воздохнет.

Покаместь, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижу я под окном
С бумагой и с пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я ныне вдохновен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто ж ее сестрой,
Любовию младой,
Напрасно пламенею?
Иль юности златой
Вотще даны мне розы,
И лить навеки слезы
В юдоле, где расцвел,
Мой горестный удел?..
Певца сопутник милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью
И с чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвения тропой;
И в час безмолвной ночи,
Когда ленивый мак
Покроет томны очи,
На ветреных крылах
Примчись в мой домик тесный,
Тихонько постучись
И в тишине прелестной
С любимцем обнимись!
Мечта! в волшебной сени

Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огнь в сердца,
И граций стан прелестный,
И снег ее лица;
Представь, что, на коленях
Покоясь у меня,
В порывистых томленьях
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устах,
Горит лицо прекрасной,
И слезы на глазах!..
Почто стрелой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманет — и пропал
Беглец невозвратимый!
Не слышит плач и стон,
И где крылатый сон?
Исчезнет обольститель,
И в сердце грусть-мучитель.

Но все ли, милый друг,
Быть счастья в упоеньи?
И в грусти томный дух
Находит наслажденье:
Люблю я в летний день
Бродить один с тоскою,
Встречать вечерню тень
Над тихою рекою
И с сладостной слезою
В даль сумрачну смотреть;
Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставя злак прибрежный,
Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.
Или, для развлеченья,
Оставя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки

Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Со всех она сторон,
Все сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку,
Играя, разломал, —
Старушка все расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает все свое;
А я сижу смиренно,
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда *Свистова*
В столице я внимал,
Когда свои творенья
Он с жаром мне читал.
Ах! видно, Бог пытал
Тогда мое терпенье!

Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,
Уволенный от службы
Майором отставным,
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откушать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С Очаковской медалью
На раненой груди,
Воспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел на встречу славы,

Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый
С булатным палашом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать,
Но, Боже, виноват!
Я каюсь пред Тобою,
Служителей Твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю,
А с ними крючковатый
Подьяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот.

Но, друг мой, если вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами
(И слово уж сдержу),
Я с сельскими попами
Молебен отслужу.

ВОДА И ВИНО

Люблю я в полдень воспаленный
Прохладу черпать из ручья
И в роще тихой, отдаленной
Смотреть, как плещет в брег струя.
Когда ж вино в края поскачет,
Напенясь в чаше круговой,
Друзья, скажите, — кто не плачет,
Заране радуясь душой?

Да будет проклят дерзновенный,
Кто первый грешною рукой,
Нечестьем буйным ослепленный,
О страх!.. смесил вино с водой!
Да будет проклят род злодея!
Пускай не в силах будет пить
Или, стаканами владея,
Лафит с цимлянским различить!

ИЗМЕНЫ

«Все миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.
Так я премены
Сладость вкусил;
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Все позабудь;
В новой сей доле
Счастливо будь.
Только весною
Зефир младою
Розой пленен;
В юности страстной
Был я прекрасной
В сеть увлечен.
Нет, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встречу конец.
Ах! для тебя ли,
Юный певец,
Прелесть Елены
Розой цветет?..
Пусть весь народ,
Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой;
В мирном жилище,
На пепелище,
В чаше простой
Стану в смиреньи
Черпать забвенье
И — для друзей

Резвой рукою
Двигать струною
Арфы моей».

В скучной разлуке
Так я мечтал,
В горести, в муке
Себя услаждал;
В сердце возжженный
Образ Елены
Мнил истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумал любить.
Как ветерочек
Ранней порой
Гонит листочек
С резвой волной,
Так непрестанно
Непостоянный
Страстью играл,
Лилу, Темиру —
Всех обожал,
Сердце и лиру
Всем посвящал.
Что же? — напрасно
С груди прекрасной
Шаль я срывал.
Тщетны измены!
Образ Елены
В сердце пылал!
Ах! возвратися,
Радость очей,
Хладна, тронися
Грустью моей.
Тщетно взывает
Бедный певец!
Нет! не встречает
Мукам конец...
Так! до могилы,
Грустен, унылый,
Крова ищи!
Всеми забытый,
Терном увиты
Цепи влачи...

К ЛИЦИНИЮ
(С ЛАТИНСКОГО)

Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице,
Увенчан лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой.
Смотри, как все пред ним усердно спину клонят,
Как ликторов полки народ несчастный гонят!
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
С покорностью ему умильный мещут взгляд,
Ждут в тайном трепете улыбку, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья;
И дети малые, и старцы с сединой —
Стремятся все за ним и взором и душой,
И даже след колес, в грязи напечатленный,
Как некий памятник им кажется священный.

О Ромулов народ! пред кем ты пал во прах?
Пред кем восчувствовал в душе столь низкий страх?
Квириты гордые под иго преклонились!..
Кому ж, о небеса! кому поработились?..
Скажу ль — Ветулию! — Отчизне стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей,
Любимец деспота Сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит!
Ветулий — римлян царь!.. О срам! о времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком, с руками за спиною,
В изорванном плаще и с нищенской клюкою,
Поникнув головой, нахмурившись, идет?
Не ошибаюсь я, философ то Дамет.
«Дамет! куда, скажи, в одежде столь убогой
Средь Рима пышного бредешь своей дорогой?»

«Куда? не знаю сам. Пустыни я ищу,
Среди разврата жить уж боле не хочу;
Япетовых детей пороки, злобу вижу,
Навек оставлю Рим: я людства ненавижу».

Лициний, добрый друг! не лучше ли и нам,
Отдав поклон мечте, Фортуне, суетам,

Седого стоика примером научиться?
Не лучше ль поскорей со градом распроститься,
Где все на откупе: законы, правота,
И жены, и мужья, и честь, и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Других неопытных в любовну ловит сеть;
Нам стыдно слабости с морщинами иметь.
Летит от старика любовь в толпе веселий.
Пускай бесстыдный Клит, вельможей раб Корнелий,
Оставя ложе сна с запевшим петухом,
От знатных к богачам бегут из дома в дом;
Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода,
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний, поспешим далеко от забот,
Безумных гордецов, обманчивых красот,
Докучных риторов, парнасских Геростратов;
В деревню пренесем отеческих пенатов;
В тенистой рощице, на берегу морском
Найти нетрудно нам красивый, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в тиши уединенья,
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возжженном в камельке,
Воспомнив старину за дедовским фиялом,
Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом,
В гремящей сатире порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О Рим! о гордый край разврата, злодеянья,
Придет ужасный день — день мщенья, наказанья;
Предвижу грозного величия конец,
Падет, падет во прах вселенныя венец!
Народы дикие, сыны свирепой брани,
Войны ужасной меч прияв в кровавы длани,
И горы и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокий;
И путник, обратив на груды камней око,
Речет, задумавшись, в мечтаньях углублен:
«Свободой Рим возрос — а рабством погублен».

Поздняя редакция

ЛИЦИНИЮ

Лициний, зришь ли ты? На быстрой колеснице,
Венчанный лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой.
Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
Умильно вслед за ним стремит усердный взгляд;
Ждут, ловят с трепетом улыбки, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья;
И дети малые, и старцы в сединах —
Все ниц пред идолом безмолвно пали в прах:
Для них и след колес, в грязи напечатленный,
Есть некий памятник почетный и священный.
О Ромулов народ! скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?
Квириты гордые под иго преклонились!
Кому ж, о небеса! кому поработились?
Скажу ль? Ветулию! — Отчизне стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей;
Любимец деспота Сенатом слабым правит!
На Рим простер ярем, отечество бесславит;
Ветулий — римлян царь!.. О стыд, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто под портиком, с поникшею главою,
В изорванном плаще, с дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идет?
Куда ты, наш мудрец, друг истины, Дамет!
«Куда? не знаю сам, давно молчу и вижу,
Навек оставлю Рим: я рабство ненавижу».
Лициний, добрый друг! Не лучше ли и нам,
Смиренно поклонясь Фортуне и мечтам,
Седого циника примером научиться?
С развратным городом не лучше ль нам проститься,
Где все продажное: законы, правота,
И консул и трибун, и честь и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Неопытность других в наемну ловит сеть!
Нам стыдно слабости с морщинами иметь;
Тщеславной юности оставим блеск веселий:
Пускай бесстыдный Клит, слуга вельмож Корнелий

Торгуют подлостью и с дерзостным челом
От знатных к богачам ползут из дома в дом!
Я сердцем Римлянин; кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний! поспешим далеко от забот,
Безумных мудрецов, обманчивых красот,
Завистливой судьбы в душе презрев удары,
В деревню пренесем отеческие лары!
В прохладе древних рощ, на берегу морском,
Найти нетрудно нам укромный, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в глуши уединенья,
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возжженном в камельке,
Воспомнив старину за дедовским фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О Рим! о гордый край разврата, злодеянья,
Придет ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грозного величия конец:
Падет, падет во прах вселенныя венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны длани,
И горы и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокий;
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

БАТЮШКОВУ

В пещерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещен,
И светлой Иппокреной
С издетства напоенный,
Под кровом вешних роз,
Поэтом я возрос.

Веселый сын Эрмия
Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрестанно;
Нескладно хоть играл,
Но музам не скучал.

А ты, певец забавы
И друг пермесских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы
Стезею полетев,
Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.

Дано мне мало Фебом:
Охота, скудный дар,
Пою под чуждым небом,
Вдали домашних лар,
И, с дерзостным Икаром
Страшась летать недаром,
Бреду своим путем:
Будь всякий при своем.

НАПОЛЕОН НА ЭЛЬБЕ (1815)

Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала
Туманная луна;
Уже за западе седой одетый мглою
С равниной синих вод сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.
В уме губителя теснились мрачны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь ковал
И, к дальним берегам возведши взор угрюмый,
Свирепо прошептал:

«Вокруг меня все мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн...

О, скоро ли, напенясь под рулями,
Меня помчит покорная волна
И спящих вод прервется тишина?..
Волнуйся, ночь, над Эльбскими скалами!
Мрачнее тмись за тучами, луна!

Там ждут меня бесстрашные дружины.
Уже сошлись, уже сомкнуты в строй!
Уж мир лежит в оковах предо мной!
Прейду я к вам сквозь черные пучины
И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнет брань! за галльскими орлами
С мечом в руках победа полетит,
Кровавый ток в долинах закипит,
И троны в прах низвергну я громами
И сокрушу Европы дивный щит!..

Но вкруг меня все мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,

Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн...

О счастье! злобный обольститель,
И ты, как сладкий сон, сокрылось от очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И верный пестун с юных дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело
И скрыло дерзостной рукою
В венцах лавровое чело!
Давно ли с трепетом народы
Несли мне робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымились громы вкруг меня
И слава в блеске над главою
Неслась, прикрыв меня крылом?...
Но туча грозная нависла над Москвою,
И грянул мести гром!..
Полнощи царь младой! ты двигнул ополченья,
И гибель вслед пошла кровавым знаменам,
Отозвалось могущего паденье,
И мир земле, и радость небесам,
А мне — позор и заточенье!
И раздроблен мой звонкий щит,
Не блещет шлем на поле браней;
В прибрежном злаке меч забыт
И тускнет на тумане.
И тихо все кругом. В безмолвии ночей
Напрасно чудится мне смерти завыванье,
И стук блистающих мечей,
И падших ярое стенанье —
Лишь плещущим волнам внимает жадный слух;
Умолк сражений клик знакомый,
Вражды кровавой гаснут громы,
И факел мщения потух.
Но близок час! Грядет минута роковая!
Уже летит ладья, где грозный трон сокрыт;
Кругом простерта мгла густая,
И, взором гибели сверкая,
Бледнеющий мятеж на палубе сидит.
Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай — твой бич восстал — и все падет во прах,
Все сгибнет, и тогда, в всеобщем разрушеньи,
Царем воссяду на гробах!»

Умолк. На небесах лежали мрачны тени,
И месяц, дальних туч покинув темны сени,
Дрожащий, слабый свет на запад изливал —
Восточная звезда играла в океане,
И зрелася ладья, бегущая в тумане
Под сводом Эльбских грозных скал.
И Галлия тебя, о хищник, осенила;
Побегли с трепетом законные цари.
Но зришь ли? Гаснет день, мгновенно тьма сокрыла
Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина над бездною седою,
Мрачится неба свод, гроза во мгле висит,
Все смолкло... трепещи! погибель над тобою,
И жребий твой еще сокрыт!

К Г⟨АЛИЧ⟩У

Пускай угрюмый рифмотвор,
Повитый маком и крапивой,
Холодных од творец ретивый,
На скучный лад сплетая вздор,
Зовет обедать генерала, —
О Г⟨алич⟩, верный друг бокала
И жирных утренних пиров,
Тебя зову, мудрец ленивый,
В приют поэзии счастливый,
Под отдаленный неги кров.
Давно в моем уединеньи,
В кругу бутылок и друзей,
Не зрели кружки мы твоей,
Подруги долгих наслаждений,
Острот и хохота гостей.
В тебе трудиться нет охоты;
Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок.
Зайди к жиду З⟨олотар⟩еву,
В его, всем общий, уголок;
Мы там, собравшися в кружок,
Прольем вина струю багрову,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое.
И хлынет пиво золотое,
И гордый на столе пирог
Друзей стесненными рядами,
Сверкая светлыми ножами,
С тобою храбро осадим
И мигом стены разгромим;
Когда ж, вином отягощенный,
С главой, в колени преклоненной,
Захочешь в мире отдохнуть
И, опускаяся в подушку,
Дабы спокойнее заснуть,
Уронишь налитую кружку
На старый бархатный диван, —
Тогда послания, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты

Покинут скромный наш карман
И крепок сон ленивца будет!..
Но рюмок звон тебя разбудит,
Ты вскочишь с бодрой головой,
Оставишь смятую подушку,
Подымешь милую подружку —
И в келье снова пир горой.

О Г⟨алич⟩, время невозвратно,
И близок, близок грозный час,
Когда, послыша славы глас,
Покину кельи кров приятный,
Татарский сброшу свой халат;
Простите, девственные музы!
Прости, приют младых отрад!
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных муз —
В числе воюющих корнетов!
О Г⟨алич⟩, Г⟨алич⟩! поспешай!
Тебя зовут и сон ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок, полный через край!

Поздняя редакция

К Г⟨АЛИЧ⟩У

Когда печальный стихотвор,
Венчанный маком и крапивой,
На лире скучной и ретивой
Хвалебный напевая вздор,
Зовет обедать генерала,
О Г⟨алич⟩, верный друг бокала
И жирных утренних пиров,
Тебя зову, мудрец ленивый,
В приют поэзии счастливый,
Под отдаленный неги кров.
В тебе трудиться нет охоты;
Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок,
Зайди в мой мирный уголок,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое;

Явится на столе пирог,
И хлынет пиво золотое!
О Г⟨алич⟩, близок, близок час,
Когда, послыша славы глас,
Покину кельи кров пустынный,
Забыв волшебный свой Парнас,
Златой досуг и мир невинный.
Татарский сброшу свой халат;
Простите, девственные музы,
Прости, предел младых отрад!
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных муз —
В кругу пирующих корнетов!
О Г⟨алич⟩, Г⟨алич⟩, поспешай,
Тебя зовут досуг ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок, полный через край.

МЕЧТАТЕЛЬ

По небу крадется луна,
На холме тьма седеет,
На воды пала тишина,
С долины ветер веет,
Молчит певица вешних дней
В пустыне темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тих полет полнощи;

И мирный неги уголок
Ночь сумраком одела,
В камине гаснет огонек,
И свечка нагорела;
Стоит богов домашних лик
В кивоте небогатом,
И бледный теплится ночник
Пред глиняным пенатом.

Главою на руку склонен,
В забвении глубоком,
Я в сладки думы погружен
На ложе одиноком;
С волшебной ночи темнотой,
При месячном сияньи,
Слетают резвою толпой
Крылатые мечтаньи,

И тихий, тихий льется глас;
Дрожат златые струны.
В глухой, безмолвный мрака час
Поет мечтатель юный;
Исполнен тайною тоской,
Молчаньем вдохновенный,
Летает резвою рукой
На лире оживленной.

Блажен, кто в низкий свой шалаш
В мольбах не просит счастья!
Ему Зевес надежный страж
От грозного ненастья;
На маках лени, в тихий час,
Он сладко засыпает,

И бранных труб ужасный глас
Его не пробуждает.

Пускай, ударя в звучный щит
И с видом дерзновенным,
Мне Слава издали грозит
Перстом окровавленным,
И бранны вьются знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за Славой.

Нашел в глуши я мирный кров
И дни веду смиренно;
Дана мне лира от богов,
Поэту дар бесценный;
И Муза верная со мной;
Хвала тебе, богиня!
Тобою красен домик мой
И дикая пустыня.

На слабом утре дней златых
Певца ты осенила,
Венком из миртов молодых
Чело его покрыла,
И, горним светом озарясь,
Влетала в скромну келью,
И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью.

О, будь мне спутницей младой
До самых врат могилы!
Летай с мечтаньем надо мной,
Расправя легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Пленяйте ум... обманом,
И милой жизни светлу даль
Кажите за туманом!

И тих мой будет поздний час;
И смерти добрый гений
Шепнет, у двери постучась:
«Пора в жилище теней!..»
Так в зимний вечер сладкий сон
Приходит в мирны сени,
Венчанный маком и склонен
На посох томной лени...

К П⟨УЩИН⟩У
(4 МАЯ)

Любезный именинник,
О П⟨ущин⟩ дорогой!
Прибрел к тебе пустынник
С открытою душой;
С пришельцем обнимися —
Но доброго певца
Встречать не суетися
С парадного крыльца.
Он гость без этикета,
Не требует привета
Лукавой суеты;
Прими ж его лобзанья
И чистые желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостям пирушку;
На столик вощаной
Поставь пивную кружку
И кубок пуншевой.
Старинный собутыльник!
Забудемся на час,
Пускай ума светильник
Погаснет ныне в нас;
Пускай старик крылатый
Летит на почтовых:
Нам дорог миг утраты
В забавах лишь одних!

Ты счастлив, друг сердечный!
В спокойствии златом
Течет твой век беспечный,
Проходит день за днем;
И ты в беседе граций,
Не зная черных бед,
Живешь, как жил Гораций,
Хотя и не поэт.
Под кровом небогатым
Ты вовсе не знаком
С зловещим Гипократом,
С нахмуренным попом;

Не видишь у порогу
Толпящихся забот;
Нашли к тебе дорогу
Веселость и Эрот;
Ты любишь звон стаканов
И трубки дым густой,
И демон метроманов
Не властвует тобой.
Ты счастлив в этой доле.
Скажи, чего же боле
Мне другу пожелать?
Придется замолчать...

Дай Бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,
Сказал тебе стихами:
Вот кубок; *наливай*!
Веселье! будь до гроба
Сопутник верный наш,
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш!

К МОЛОДОЙ АКТРИСЕ

Ты не наследница Клероны,
Не для тебя свои законы
Владелец Пинда начертал;
Тебе не много Бог послал,
Твой голосок, телодвиженья,
Немые взоров обращенья
Не стоят, признаюсь, похвал
И шумных плесков удивленья;
Жестокой суждено судьбой
Тебе актрисой быть дурной.
Но, Клоя, ты мила собой.
Тебе вослед толпятся смехи,
Сулят любовникам утехи, —
Итак, венцы перед тобой
И несомнительны успехи.

Ты пленным зрителя ведешь,
Когда без такта ты поешь,
Недвижно стоя перед нами,
Поешь — и часто невпопад.
А мы усердными руками
Все громко хлопаем; кричат:
«Bravo! bravissimo! чудесно!»
Свистки сатириков молчат,
И все покорствуют прелестной.

Когда в неловкости своей
Ты сложишь руки у грудей
Или подымешь их и снова
На грудь положишь, застыдясь;
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для нас,
В любви без чувства уверяешь;
Или без памяти в слезах,
Холодный испуская *ах*!
Спокойно в креслы упадаешь,
Краснея и чуть-чуть дыша, —
Все шепчут: *ах*! *как хороша*!
Увы, другую б освистали:
Велико дело красота.

О Клоя, мудрые солгали:
Не все на свете суета.

Пленяй же, Клоя, красотою;
Стократ блажен любовник тот,
Который нежно пред тобою,
Осмелясь, о любви поет;
В стихах и прозою на сцене
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвечать,
Не смея молвить об измене;
Блажен, кто может роль забыть
На сцене с миленькой актрисой,
Жать руку ей, надеясь быть
Еще блаженней за кулисой!

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ
ДРУЗЬЯМ

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихий берег вод забвенья,
Веселой тенью полететь...
Прости навек, очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приближьтесь, о друзья мои,
Благоговенье и вниманье!
Певец решился умереть.
Итак, с вечернею луною,
В саду нельзя ли дерн одеть
Узорной белой пеленою?
На темный берег сонных вод,
Где мы вели беседы наши,
Нельзя ль, устроя длинный ход,
Нести наполненные чаши?
Зовите на последний пир
Спесивой Семелеи сына,
Эрота, друга наших лир,
Богов и смертных властелина.
Пускай веселье прибежит,
Махая резвою гремушкой,
И нас от сердца рассмешит
За полной, пенистою кружкой.
Пускай игривою толпой
Слетят родные наши музы;
Им первый кубок круговой.
Друзья! священны нам их узы;
До ранней утренней звезды,
До тихого лучей рассвета
Не выйдут из руки поэта
Фиалы братской череды;
В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди;
В последний раз, томимый нежно,
Не вспомню вечность и друзей;
В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней.

Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой
И белый топол озарится,
Покрытый утренней росой,
Подайте гроздь Анакреона;
Он был учителем моим;
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона...
Простите, милые друзья!
Подайте руку, до свиданья!
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру,
Тебе дарю я лень и лиру;
Да будут музы над тобой!..
Ты не забудешь дружбы нашей,
О П⟨ущ⟩ин, ветреный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец.
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, *ей*!..

На тихий праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;
Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить...
Стекитесь резвою толпою,
Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
«Здесь дремлет юноша-мудрец,
Питомец нег и Аполлона».

Поздняя редакция

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ
ДРУЗЬЯМ

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихий берег вод забвенья
Веселой тенью отлететь...
Прости навек, очарованье
Беспечной жизни и любви!
Приближьтесь, о друзья мои,
Благоговенье и вниманье!
Устройте завтра шумный ход,
Несите радостные чаши
На темный берег сонных вод,
Где мы вели беседы наши.
Зовите на последний пир
Семелы радостного сына,
Эрота, друга наших лир,
Богов и смертных властелина.
Пускай веселье прибежит,
Махая резвою гремушкой,
И нас от сердца рассмешит
За полной, пенистою кружкой.
Пускай игривою толпой
Слетят родные наши музы;
Им первый кубок круговой.
Друзья! священны нам их узы;
До ранней утренней звезды,
До тихого лучей рассвета
Не выйдут из руки поэта
Фиалы братской череды;
В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди.
И брякнут перстни золотые
В завет любви в последний раз.
Где вы, подруги молодые?
Летите — дорог смерти час.
В последний раз, томимый нежно,
Забуду вечность и друзей,
В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней.

Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой

И белый топол озарится,
Покрытый утренней росой,
Подайте гроздь Анакреона;
Он был учителем моим;
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона...
Простите, милые друзья,
Подайте руку, до свиданья!
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру,
Тебе дарю я лень и лиру;
Да будут музы над тобой!..
Ты не забудешь дружбы нашей,
О П⟨ущ⟩ин, ветреный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец.
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, *ей*!

На тихий праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;
Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить...
Стекитесь резвою толпою,
Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
«Здесь дремлет юноша-мудрец,
Питомец нег и Аполлона».

МОЯ ЭПИТАФИЯ

Здесь П⟨ушкин⟩ погребен; он с музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый век,
Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей-богу, добрый человек.

ПОСЛАНИЕ К Г⟨АЛИЧ⟩У

Где ты, ленивец мой?
Любовник наслажденья!
Ужель уединенья
Не мил тебе покой?
Ужели мне с тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать
И больше не видать
Парнасского бродяги?
На Пинде мой сосед,
И ты от муз укрылся,
Минутный домосед,
С пенатами простился!
Уж темный уголок
И садик опустели,
Где мы под вечерок
За рюмками шумели;
Где Ком нас угощал
Форелью, пирогами,
И пенистый бокал
Нам Бахус подавал.
Бегут за днями дни
Без дружеских собраний;
Веселых пирований
Веселые сыны
С тобой разлучены;
И шумные беседы,
И долгие обеды
Не столь оживлены.

Один в каморке тесной
Вечерней тишиной
Хочу, мудрец любезный,
Беседовать с тобой.
Уж темна ночь объемлет
Брега спокойных вод;
Мурлыча, в келье дремлет
Спесивый старый кот.
Покамест сон прелестный,
Под сенью тихих крил,

В обители безвестной
Меня не усыпил,
Морфея в ожиданьи
В постеле я лежу
И беглое посланье
Без строгого старанья
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Где Фебовы сестрицы
Мне с негой вьют досуг,
Скажи — среди столицы
Чем занят ты, мой друг?
Ужель приют поэта
Теперь средь вихря света,
Вдали родных полей,
И ближних, и друзей?
Ужель в театре шумном,
Где дюжий Аполлон
Партером полуумным
Прославлен, оглушен,
Измученный напевом
Бессмысленных стихов,
Ты спишь под страшным ревом
Актеров и смычков?
Или, мудрец придворный,
С улыбкою притворной
Пред лентою цветной
Поникнув головой,
С вертушкою слепой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столом
В куплете заказном
Трусливо величаешь?..
Нет, добрый Г⟨алич⟩ мой!
Поклону ты не сроден.
Друг мудрости прямой
Правдив и благороден;
Он любит тишину;
Судьбе своей послушный,
На барскую казну
Взирает равнодушно,
Рублям откупщика
Смеясь веселым часом,
Не снимет колпака
Философ пред Мидасом.
Пускай не дружен он
С Фортуною коварной,

Но Вакхом награжден
Философ благодарный,
Когда сей бог младой
Вечернею порой
Лафит и грог янтарный
С улыбкой на устах
В стекле ему подносит
И каплю выпить просит,
Качаясь на ногах.
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведет,
И дружба молодая
Венки ему плетет.
И счастлив он, признаться,
На деле, не в мечтах,
Когда минуты мчатся
Веселья на крылах;
Когда друзья-поэты
С утра до ночи с ним
Шумят, поют куплеты,
Пьют *мозель* разогретый,
Приятелям своим
Послания читают
И трубку разжигают
Безрифминым лихим!..

Оставь же город скучный,
С друзьями съединись
И с ними неразлучно
В пустыне уживись.
Беги, беги столицы,
О Г⟨алич⟩ мой, сюда!
Здесь розовой денницы
Не видя никогда,
Ленясь под одеялом,
С Тибурским мудрецом
Мы часто за бокалом
Проснемся — и заснем.
Смотри: тебе в награду
Наш Д⟨ельвиг⟩, наш поэт,
Несет свою балладу,
И стансы винограду,
И к лилии куплет.
И полон становится
Твой малый, тесный дом;
Вот с милым остряком
Наш песельник тащится

По лестнице с гудком,
И все к тебе нагрянем —
И снова каждый день
Стихами, прозой станем
Мы гнать печали тень.
Подруги молодые
Нас будут посещать;
Нам жизни дни златые
Не страшно расточать.
Поделимся с забавой
Мы веком остальным,
С волшебницею-славой
И с Вакхом молодым.

К Д⟨ЕЛЬВИГУ⟩

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник!
Жилец полей пустынных,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою —
И я главой поник
Пред милою мечтою.
Мой дядюшка-поэт
На то мне дал совет
И с музами сосватал.
Сначала я шалил,
Шутя стихи кроил,
А там их напечатал —
И вот теперь я брат
Бестолкову пустому,
Тому, сему, другому,
Да я ж и виноват!

Спасибо за посланье —
Но что мне пользы в том?
На грешника потом
Ведь станут в посмеянье
Указывать перстом!
Изменник! с Аполлоном
Ты, видно, заодно;
А мне прослыть Прадоном
Отныне суждено.
Везде беды застану!
Увы мне, метроману,
Куда сокроюсь я?
Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой в город шлют
И плод уединенья
Тисненью предают, —
Бумагу убивают!
Поэта окружают
С улыбкой остряки.
«Ах, сударь! мне сказали,
Вы пишете стишки;

Увидеть их нельзя ли?
Вы в них изображали,
Конечно, ручейки,
Конечно, василечик,
Иль тихий ветерочик,
И рощи, и цветки...»

О Дельвиг! начертали
Мне музы мой удел;
Но ты ль мои печали
Умножить захотел?
В объятиях Морфея
Беспечный дух лелея,
Еще хоть год один
Позволь мне полениться
И негой насладиться, —
Я, право, неги сын!
А там, хоть нет охоты,
Но придут уж заботы
Со всех ко мне сторон:
И буду принужден
С журналами сражаться,
С газетой торговаться,
С ⟨Графовым⟩ восхищаться...
Помилуй, Аполлон!

Поздняя редакция

К Д⟨ЕЛЬВИГУ⟩
(ОТВЕТ)

Послушай, муз невинных
Лукавый клеветник!
В тиши полей пустынных,
Природы ученик,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою...
И я главой поник
Пред милой суетою.
Ж⟨уковский⟩, наш поэт,
[На то мне дал совет]
И с музами сосватал.
Сначала я играл,
Шутя стихи марал,
А там переписал,
А там и напечатал,

И что ж — хоть рад не рад, —
Но вот уже я брат
Теперь тому, другому,
Что делать, виноват!

Изменник, с Аполлоном
Ты, видно, заодно;
А мне прослыть Прадоном
Отныне суждено.
Везде беды застану!
Увы мне, метроману,
Куда сокроюсь я?
Изменники-друзья
Невинное творенье
Украдкой в город шлют
И плод уединенья
Тисненью предают, —
Бумагу убивают!
Поэта окружают
С улыбкой остряки.
«Признайтесь, нам сказали —
Вы пишете стишки;
Увидеть их нельзя ли?
Вы в них изображали,
Конечно, ручейки,
Конечно, василечик,
Лесочик, ветерочик,
Барашков и цветки...»

О Дельвиг! начертали
Мне музы мой удел;
Но ты ль мои печали
Умножить захотел?
Меж лени ⟨и⟩ Морфея
Беспечный дух лелея,
Еще хоть год один
Позволь мне полениться
И негой насладиться, —
Я, право, лени сын!
А там хоть нет охоты,
Но придут уж заботы
Со всех ко мне сторон:
И буду принужден
С журналами сражаться,
С газетой торговаться,
С ⟨Графовым⟩ восхищаться...
Помилуй, Аполлон!

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗ ПАРИЖА В 1815 ГОДУ

Утихла брань племен; в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир,
На землю мрачную нисходит светлый Мир.
Свершилось!.. Русский царь, достиг ты славной цели!
Вотще надменные на родину летели;
Вотще впреди знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполин
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!
Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою,
Он землю русскую невзвидел под собою.
Бежит... и мести гром слетел ему вослед;
И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!

Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
В восторге пламенном летели вслед отца
И смертью роковой горели и дрожали;
И Россы пред врагом твердыней грозной стали!..

«К мечам!» — раздался клик, и вихрем понеслись;
Знамены, восшумев, по ветру развились;
Обнялся с братом брат; и милым дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились. Воспылал свободы ярый бой,
И смерть хватала их холодною рукой!..
А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!..
Сыны Бородина, о Кульмские герои!

Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

О, сколь величествен, бессмертный, ты явился,
Когда на сильного с сынами устремился;
И, челы приподняв из мрачности гробов,
Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепию с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный пал?..
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?..»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукой,
И власть мятежная исчезла пред тобой!

И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный взгляд —
Все лица радостью, любовию блестят.
Внемли — повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По стогнам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!
Встречать вождя побед летят твои дружины.
Старик, счастливый век забыв Екатерины,
Взирает на тебя с безмолвною слезой.
Ты наш, о русский царь! оставь же шлем стальной,
И грозный меч войны, и щит — ограду нашу;
Излей пред Янусом священну мира чашу
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной!..
И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изощренный;
Суда летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан,
И юные сыны воинственных славян
Спокойной праздности с досадой предадутся
И молча некогда вкруг старца соберутся,

Преклонят жадный слух, и ветхим костылем
И стан, и ратный строй, и дальний бор с холмом
На прахе начертит он медленно пред ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Им славу прошлых лет в рассказах оживит
И доброго царя в слезах благословит.

Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался лётом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкруг меня угрюмой скуки тень!..

ТЕНЬ ФОН-ВИЗИНА

В раю, за грустным Ахероном,
Зевая в рощице густой,
Творец, любимый Аполлоном,
Увидеть вздумал мир земной.
То был писатель знаменитый,
Известный русский весельчак,
Насмешник, лаврами повитый,
Денис, невежде бич и страх.
«Позволь на время удалиться, —
Владыке ада молвил он, —
Постыл мне мрачный Флегетон
И к людям хочется явиться».
«Ступай!» — в ответ ему Плутон;
И видит он перед собою:
В ладье с мелькающей толпою
Гребет наморщенный Харон
Челнок ко брегу; с подорожной
Герой поплыл в ладье порожной
И вот — выходит к нам на свет.
Добро пожаловать, поэт!

Мертвец в России очутился,
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не переменился.
Все идет той же чередой;
Все так же люди лицемерят,
Все те же песенки поют,
Клеветникам, как прежде, верят,
Как прежде, все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя,
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь, в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;
Все столько ж трусов и нахалов,

Рублевых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.

Вздохнул Денис: «О Боже, Боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой Петрушка:
Весь свет бездельная игрушка,
И нет в игрушке перемен.
Но где же братии-поэты,
Мои парнасские клевреты,
Питомцы граций молодых?
Желал бы очень видеть их».
Небес оставя светлы сени,
С крылатой шапкой на бекрене,
Богов посланник молодой
Слетает вдруг к нему стрелой.
«Пойдем, — сказал Эрмий поэту, —
Я здесь твоим проводником,
Сам Феб меня просил о том;
С тобой успеем до рассвету
Певцов российских посетить,
Иных — лозами наградить,
Других — венком увить свирели».
Сказал, взвились и полетели.

Уже сокрылся ясный день,
Уже густела мрачна тень,
Уж вечер к ночи уклонялся,
Мелькал в окошки лунный свет,
И всяк, кто только не поэт,
Морфею сладко предавался.
Эрмий с веселым мертвецом
Влетели на чердак высокий;
Там Кропов в тишине глубокой
С бумагой, склянкой и пером
Сидел в раздумьи за столом
На стуле ветхом и треногом
И площадным, раздутым слогом
На наши смертные грехи
Ковал и прозу и стихи.
«Кто он?» — «Издатель „Демокрита"!
Издатель, право, пресмешной,
Не жаждет лавров он пиита,
Лишь был бы только пьян порой.
Стихи читать его хоть тяжко,

А проза, ох! горька для всех;
Но что ж? смеяться над бедняжкой,
Ей-богу, братец, страшный грех;
Не лучше ли чердак оставить
И далее полет направить
К певцам российским записным?»
«Быть так, Меркурий, полетим».
И оба путника пустились
И в две минуты опустились
Хвостову прямо в кабинет.
Он не спал; добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,
Как Божий мученик, кряхтел,
Чертил, вычеркивал, потел,
Чтоб стать посмешищем народу.
Сидит; перо в его зубах,
На ленте анненской табак,
Повсюду разлиты чернилы,
Сопит себе Хвостов унылый.
«Ба! в полночь кто катит ко мне?
Не брежу, полно ль, я во сне!
Что сталось с бедной головою!
Фон-Визин! ты ль передо мною?
Помилуй! ты... конечно он!»
«Я, точно я, меня Плутон
Из мрачного теней жилища
С почетным членом адских сил
Сюда на время отпустил.
Хвостов! старинный мой дружище!
Скажи, как время ты ведешь?
Здорово ль, весело ль живешь?»
«Увы! несчастному поэту, —
Нахмурясь, отвечал Хвостов, —
Давно ни в чем удачи нету.
Скажу тебе без дальних слов:
По мне с парнасского задору
Хоть удавись — так в ту же пору.
Что я хорош, в том клясться рад,
Пишу, пою на всякий лад,
Хвалили гений мой в газетах,
В „Аспазии" боготворят.
А все последний я в поэтах,
Меня бранит и стар и млад,
Читать стихов моих не хочут,
Куда ни сунусь, всюду свист —
Мне враг последний журналист,
Мальчишки надо мной хохочут.

Анастасевич лишь один,
Мой верный крестник, чтец и сын,
Своею прозой уверяет,
Что истукан мой увенчает
Потомство лавровым венцом.
Никто не думает о том.
Но я — поставлю на своем.
Пускай мой перукмахер снова
Завьет у бедного Хвостова
Его поэмой заказной
Волос остаток уж седой,
Геройской воружась отвагой,
И жизнь я кончу над бумагой
И буду в аде век писать
И притчи дьяволам читать».
Денис на то пожал плечами;
Курьер богов захохотал
И, над свечой взмахнув крылами,
Во тьме с Фон-Визиным пропал.
Хвостов не слишком изумился,
Спокойно свечку засветил —
Вздохнул, зевнул, перекрестился,
Свой труд доканчивать пустился,
Поутру оду смастерил
И ею город усыпил.

Меж тем, поклон отдав Хвостову,
Творец, списавший Простакову,
Три ночи в мрачных чердаках
В больших и малых городах
Пугал российских стиходеев.
В своем *боскете* князь Шальной,
Краса писателей-Морфеев,
Сидел за книжкой записной,
Рисуя в ней цветки, кусточки,
И, движа вздохами листочки,
Мочил их нежною слезой;
Когда же призрак столь чудесный
Очам влюбленного предстал,
За платье ухватясь любезной,
О страх! он в обморок упал.
И ты, Славяно-Росс надутый,
О Безглагольник пресловутый,
И ты едва не побледнел,
Как будто от Шишкова взгляда;
И рук упала «Петриада»,
И дикий взор оцепенел.

И ты, попами воскормленный,
Дьячком псалтире обученный,
Ужасный критикам старик!
Ты видел тени грозный лик,
Твоя невинная другиня,
Уже поблекший цвет певиц,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страха пала ниц.
И ежемесячный вздыхатель,
Что в свет бесстыдно издает
Кокетки старой кабинет,
Безграмотный школяр-писатель,
Был строгой тенью посещен;
Не спас ребенка Купидон;
Блюститель чести муз усердный
Его журил немилосердно
И уши выдрал бедняка;
Страшна Фон-Визина рука!

«Довольно! нет во мне охоты, —
Сказал он, — у худых писцов
Лишь время тратить; от зевоты
Я снова умереть готов;
Но где певец Екатерины?»
«На берегах поет Невы».
«Итак, Стигийския долины
Еще не видел он?» — «Увы!»
«Увы? скажи, что значит это?»
«Денис! полнощный лавр отцвел,
Прошла весна, прошло и лето,
Огонь поэта охладел;
Ты все увидишь сам собою;
Слетим к певцу под сединою
На час послушать старика».
Они летят, и в три мига
Среди разубранной светлицы
Увидели певца Фелицы.
Почтенный старец их узнал.
Фон-Визин тотчас рассказал
Свои в том мире похожденья.
«Так ты здесь в виде привиденья?.. —
Сказал Державин, — очень рад;
Прими мои благословенья...
Брысь, кошка!.. сядь, усопший брат;
Какая тихая погода!..
Но кстати вот на славу ода, —

Послушай, братец», — и старик,
Покашляв, почесав парик,
Пустился петь свое творенье,
Статей библейских преложенье;
То был из гимнов гимн прямой.
Чета бесплотных в удивленьи
Внимала молча песнопенье,
Поникнув долу головой:

«Открылась тайн священных дверь!..
Из бездн исходит Луцифер,
Смиренный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал, как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!..
Благословен господь наш Бог!..»

«Ого! — насмешник мой воскликнул, —
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров;
Что сделалось с тобой, Державин?
И ты судьбой Невтону равен,
Ты бог — ты червь, ты свет — ты ночь...
Пойдем, Меркурий, сердцу больно;
Пойдем — бешуся я невольно».
И мигом отлетел он прочь.

«Какое чудное явленье!» —
Фон-Визин спутнику сказал.
«Оставь пустое удивленье, —
Эрмий с усмешкой отвечал. —
На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме россов
Татарин бритый возгремел,
И гневом Пиндар Холмогора,
И тайной завистью горел.
Но Феб услышал глас укора,
Его спокоить захотел,
И спотыкнулся мой Державин
Апокалипсис преложить —
Денис! он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?»

«Пора домой, — вещал Эрмию
Ужасный рифмачам мертвец, —
Оставим наскоро Россию;
Бродить устал я наконец».
Но вдруг близ мельницы стучащей,
Средь рощи сумрачной, густой,
На берегу реки шумящей
Шалаш является простой:
К калитке узкая дорога;
В окно склонился древний клен,
И Фальконетов Купидон
Грозит с усмешкой у порога.
«Конечно, здесь живет певец, —
Сказал, обрадуясь, мертвец, —
Взойдем!» Взошли и что ж узрели?
В приятной неге, на постеле
Певец Пенатов молодой
С венчанной розами главой,
Едва прикрытый одеялом,
С прелестной Лилою дремал
И, подрумяненный фиалом,
В забвеньи сладостном шептал.
Фон-Визин смотрит изумленный.
«Знакомый вид; но кто же он?
Уж не Парни ли несравненный,
Иль Клейст? иль сам Анакреон?»
«Он стоит их, — сказал Меркурий, —
Эрата, грации, амуры
Венчали миртами его,
И Феб цевницею златою
Почтил любимца своего;
Но лени связанный уздою,
Он только пьет, смеется, спит
И с Лилой нежится младою,
Забыв совсем, что он пиит».
«Так я же разбужу повесу», —
Сказал Фон-Визин, рассердясь,
И в миг отдернул занавесу.
Певец, услыша вещий глас,
С досадой весь в пуху проснулся,
Лениво руки протянул,
На свет насилу проглянул,
Потом в сторонку обернулся
И снова крепким сном заснул.
Что делать нашему герою?
Повеся нос, идти к покою
И только про себя ворчать.

Я слышал, будто бы с досады
Бранил он русских без пощады
И вот изволил что сказать:
«Когда Хвостов трудиться станет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет,
И дело не пойдет на лад».

СЛЕЗА

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

«Скажи, что смотришь на дорогу? —
Мой храбрый вопросил. —
Еще по ней ты, слава Богу,
Друзей не проводил».

К груди поникнув головою,
Я скоро прошептал:
«Гусар! уж нет *ее* со мною!..» —
Вздохнул — и замолчал.

Слеза повисла на реснице
И канула в бокал.
«Дитя, ты плачешь о девице,
Стыдись!» — он закричал.

«Оставь, гусар... ох! сердцу больно.
Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,
Чтоб отравить бокал!..»

Поздняя редакция

СЛЕЗА

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

«Скажи, что смотришь на дорогу? —
Гусар мой вопросил. —
Еще по ней ты, слава Богу,
Друзей не проводил».

К груди поникнув головою,
Я скоро прошептал:
«Гусар! уж нет *ее* со мною!..» —
Вздохнул — и замолчал.

Слеза повисла на реснице
И канула в бокал...
«Дитя, ты плачешь о девице,
Стыдись!» — он закричал.

«Оставь, гусар... ох! сердцу больно.
Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,
Чтоб отравить бокал!..»

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

К БАР⟨ОНЕССЕ⟩ М. А. ДЕЛЬВИГ

Вам восемь лет, а мне семнадцать било.
И я считал когда-то восемь лет;
Они прошли. В судьбе своей унылой,
Бог знает как, я ныне стал поэт.
Не возвратить уже того, что было,
Уже я стар, мне незнакома ложь:
Так верьте мне — мы спасены лишь верой.
Послушайте: Амур, как вы, хорош;
Амур дитя, Амур на вас похож —
В мои лета вы будете Венерой.
Но если только буду жив,
Всевышней благостью Зевеса,
И столько же красноречив —
Я напишу вам, баронесса,
В латинском вкусе мадригал,
Чудесный, вовсе без искусства —
Не много истинных похвал,
Но много истинного чувства.
Скажу я: «Ради ваших глаз,
О баронесса! ради балов,
Когда мы все глядим на вас,
Взгляните на меня хоть раз
В награду прежних мадригалов».
Когда ж Амур и Гименей
В прелестной Марии моей
Поздравят молодую даму —
Удастся ль мне под старость дней
Вам посвятить эпиталаму?

ГРОБ АНАКРЕОНА

Все в таинственном молчаньи,
Холм оделся темнотой,
Ходит в облачном сияньи
Полумесяц молодой.
Темных миртов занавеса
Наклонилася к водам;
В их сени, у входа леса,
Чью гробницу вижу там?
Розы юные алеют
Камня ветхого кругом,
И зефиры их не смеют
Свеять трепетным крылом.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине,
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, други! в вечном мире
Здесь Теосский спит мудрец.
Посмотрите: на гробнице
Сын отрад изображен.
Здесь на ветреной цевнице
Резвый наш Анакреон,
Красотой очарованный,
Нежно гимны ей поет,
Виноградом увенчанный,
В чашу сок его лиет.
Здесь он в зеркало глядится,
Говоря: «Я сед и стар;
Жизнью дайте ж насладиться —
Жизнь, увы! не вечный дар!..»
Здесь, на лиру кинув длани
И нахмуря важно бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь.
Здесь готовится природе
Тяжкий долг он заплатить;
Старый пляшет в хороводе,

Жажду просит утолить;
Вкруг философа седого
Девы пляшут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
Вот и музы, и хариты
В гроб любимца увели,
Плющем, розами повиты,
Игры, смехи вслед ушли;
Он исчез, как наслажденье,
Как невнятный вздох любви.
Смертный! век твой — сновиденье:
Счастье резвое лови,
Наслаждайся! наслаждайся!
Чаще кубок наливай,
Страстью нежной утомляйся,
А за чашей отдыхай.

Поздняя редакция

ГРОБ АНАКРЕОНА

Все в таинственном молчаньи,
Холм оделся темнотой,
Ходит в облачном сияньи
Полумесяц молодой.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине;
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, здесь почиет в мире
Сладострастия мудрец.
Посмотрите: на порфире
Оживил его резец!
Здесь он в зеркало глядится,
Говоря: «Я сед и стар,
Жизнью дайте ж насладиться;
Жизнь, увы! не вечный дар».
Здесь, подняв на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь.

Здесь готовится природе
Долг последний заплатить;
Старец пляшет в хороводе,
Жажду просит утолить;
Вкруг любовника седого
Девы скачут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
Вот и музы, и хариты
В гроб любимца увели;
Плющем, розами увиты,
Игры вслед за ним пошли...
Он исчез, как наслажденье,
Как веселый сон любви!
Смертный! век твой — привиденье;
Счастье резвое лови!
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубок наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

ВОСПОМИНАНИЕ
(К ПУЩИНУ)

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом, пенистом вине?

Как, укрывшись молчаливо
В нашем темном уголке,
С Вакхом нежились лениво,
Школьной стражи вдалеке?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье,
Пламя трубок грошевых?

Закипев, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали...

И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно —
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.

Убегаем торопливо —
Вмиг исчез минутный страх!
Щек румяных цвет игривый,
Ум и сердце на устах,

Хохот чистого веселья,
Неподвижный, тусклый взор
Изменяли час похмелья,
Сладкий Вакха заговор.

О друзья мои сердечны!
Вам клянуся, за столом
Всякий год в часы беспечны
Поминать его вином.

МОЕМУ АРИСТАРХУ

Помилуй, трезвый Аристарх
Моих бахических посланий,
Не осуждай моих мечтаний
И чувства в ветреных стихах:
Плоды веселого досуга
Не для бессмертья рождены,
Но разве так сбережены
Для самого себя, для друга
Или для Хлои молодой.
Помилуй, сжалься надо мной —
Не нужны мне твои уроки.
Я знаю сам свои пороки.
Конечно, беден гений мой,
За рифмой часто холостой,
Назло законам сочетанья,
Бегут трестопные толпой
На *аю, ает* и на *ой*.
Еще немногие признанья:
Я ставлю (кто же без греха?)
Пустые часто восклицанья
И сряду лишних три стиха;
Нехорошо, но оправданья
Нельзя ли скромно принести?
Мои летучие посланья
В потомстве будут ли цвести?
Не думай, цензор мой угрюмый,
Что я, беснуясь по ночам,
Окован стихотворной думой,
Покоем жертвую стихам;
Что, бегая по всем углам,
Ерошу волосы клоками,
Подобно Фебовым жрецам,
Сверкаю грозными очами,
Едва дыша, нахмуря взор
И засветив свою лампаду,
За шаткий стол, кряхтя, засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу — трестопный вздор...
Так пишет (молвить не в укор)
Конюший дряхлого Пегаса

Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель отставной Парнаса,
Родитель стареньких стихов,
И од не слишком громозвучных,
И сказочек довольно скучных.

Люблю я праздность и покой,
И мне досуг совсем не бремя;
И есть и пить найду я время.
Когда ж нечаянной порой
Стихи кропать найдет охота,
На славу Дружбы иль Эрота, —
Тотчас я труд окончу свой.
Сижу ли с добрыми друзьями,
Лежу ль в постеле пуховой,
Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой,
Задумаюсь — взмахну руками,
На рифмах вдруг заговорю —
И никого уж не морю
Моими резвыми стихами...
Но ежели когда-нибудь,
Желая в неге отдохнуть,
Расположась перед камином,
Один, свободным господином,
Поймаю прежню мысль мою, —
То не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И их вполголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Как я беседую с тобой?
Беспечный Пинда посетитель,
Я с музой нежусь молодой...
Уж утра яркое светило
Поля и рощи озарило;
Давно пропели петухи;
Вполглаза дремля — и зевая,
Шапеля в песнях призывая,
Пишу короткие стихи,
Среди приятного забвенья
Склонясь в подушку головой,
И в простоте, без украшенья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.
Под сенью лени неизвестной
Так нежился певец прелестный,

Когда Вер-Вера воспевал
Или с улыбкой рисовал
В непринужденном упоеньи
Уединенный свой чердак.
В таком ленивом положеньи
Стихи текут и так и сяк.
Возможно ли в свое творенье,
Уняв веселых мыслей шум,
Тогда вперять холодный ум,
Отделкой портить небылицы,
Плоды бродящих резвых дум,
И сокращать свои страницы?

Анакреон, Шолье, Парни,
Враги труда, забот, печали,
Не так, бывало, в прежни дни
Своих любовниц воспевали.
О вы, любезные певцы,
Сыны беспечности ленивой,
Давно вам отданы венцы
От музы праздности счастливой,
Но не блестящие дары
Поэзии трудолюбивой.
На верх Фессальския горы
Вели вас тайные извивы;
Веселых граций перст игривый
Младые лиры оживлял,
И ваши челы обвивал
Детей Пафосских рой шутливый.
И я — неопытный поэт, —
Небрежный ваших рифм наследник,
За вами крадуся вослед...
А ты — мой скучный проповедник,
Умерь ученый вкуса гнев.
Поди, кричи, брани другого
И брось ленивца молодого,
Об нем тихонько пожалев.

Поздняя редакция

МОЕМУ АРИСТАРХУ

Помилуй, трезвый Аристарх
Моих бахических посланий,
Не осуждай моих мечтаний
И чувства в ветреных стихах:

Плоды веселого досуга
Не для бессмертья рождены,
Но разве так сбережены
Для самого себя, для друга
Да для Темиры молодой.
Помилуй, сжалься надо мной —
Не нужны мне, поверь, уроки
Твоей учености сухой.
Я знаю сам свои пороки.
Конечно, беден гений мой, —
За рифмой часто холостой,
Назло законам сочетанья,
Бегут трестопные толпой
На *аю*, *ает* и на *ой*.
Еще немногие признанья:
Я ставлю (кто же без греха?)
Для рифм пустые восклицанья,
Для меры лишних три стиха;
Нехорошо, но оправданья
Позволь мне скромно принести.
Мои летучие посланья
В потомстве будут ли цвести?
Не думай, цензор мой угрюмый,
Что я, беснуясь по ночам,
Окован стихотворной думой,
Покоем жертвую стихам;
Что, засветив свою лампаду,
Едва дыша, нахмуря взор,
За верный стол, кряхтя, засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу — трестопный вздор...
Так пишет (молвить не в укор)
Конюший дряхлого Пегаса
Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель старенький Парнаса,
Родитель стареньких стихов,
И од не слишком громозвучных,
И сказочек довольно скучных.

Люблю я праздность и покой,
Мне счастливый досуг не бремя,
И днем найду себе я время,
Когда нечаянной порой
Стихи кропать найдет охота,
На славу Дружбы иль Эрота...
Сижу ли с добрыми друзьями,
Брожу ль над тихими водами

В дубраве темной и глухой,
Задумаюсь — взмахну руками,
На рифмах вдруг заговорю —
И никого уж не морю
Моими тайными стихами...
Но если я когда-нибудь,
Расположась перед камином,
Желая в неге отдохнуть,
Один, свободным господином,
Поймаю прежню мысль мою, —
То не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И их вполголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Как я беседую с тобой?
Беспечный Пинда посетитель,
Я с музой нежусь молодой...
Уж утра яркое светило
Поля и рощи озарило;
Давно пропели петухи;
Вполглаза дремля — и зевая,
Шапеля в песнях призывая,
Пишу короткие стихи,
Среди приятного забвенья
Склонясь в подушку головой,
И в простоте, без украшенья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.
Под сенью лени неизвестной
Так нежился певец прелестный,
Когда Вер-Вера воспевал
Или с улыбкой рисовал
В непринужденном упоеньи
Уединенный свой чердак.
В таком ленивом положеньи
Стихи текут и так и сяк.
Возможно ли в свое творенье,
Уняв веселых мыслей шум,
Тогда вперять холодный ум,
Отделкой портить небылицы,
Плоды бродящих резвых дум,
И сокращать свои страницы?

Наш друг Лафар, Шолье, Парни,
Враги труда, забот, печали,
Не так, бывало, в прежни дни

Своих любовниц воспевали.
О вы, любезные певцы,
Сыны беспечности ленивой,
Давно вам отданы венцы
От музы праздности счастливой,
Но не блестящие дары
Поэзии трудолюбивой.
На верх Фессальския горы
Вели вас тайные извивы;
Веселых граций перст игривый
Младые лиры оживлял,
И ваши челы обвивал
Детей Пафосских рой шутливый.
Но я — неопытный поэт, —
Небрежный ваших рифм наследник,
За вами крадуся вослед...
А ты — мой скучный проповедник,
Умерь ученый вкуса гнев!
Поди, кричи, брани другого
И брось ленивца молодого,
Об нем тихонько пожалев.

ПОСЛАНИЕ К Ю⟨ДИНУ⟩

Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья, цели
И тихий глас простой свирели
С улыбкой дружества внимать.
Но можно ль резвому поэту,
Невольнику мечты младой,
В картине быстрой и живой
Изобразить в порядке свету
Все то, что в юности златой
Воображение мне кажет?

Теперь, когда в покое лень,
Укрыв меня в пустынну сень,
Своею цепью чувства вяжет
И век мой тих, как ясный день,
Пустого неги украшенья
Не видя в хижине моей,
Смотрю с улыбкой сожаленья
На пышность бедных богачей
И, счастливый самим собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю *завтра*, ни *вчера*,
Доволен скромною судьбою
И думаю: «К чему певцам
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирные пустые вазы,
Драгие куклы по углам?
К чему им сукны Альбиона,
И пышные чехлы Лиона
На модных креслах и столах,
И ложе шалевое в спальней?
Какая нужда в зеркалах?
Не лучше ли в деревне дальней
Или в смиренном городке,
Вдали столиц, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке,
С которым роскошь незнакома,
Где можно в праздник отдохнуть!»
О, если бы когда-нибудь

Сбылись поэта сновиденья!
Ужель отрад уединенья
Ему вкушать не суждено?
Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона
И глухо тополы шумят, —
Туда зарею поспешаю
С смиренным заступом в руках,
В лугах тропинку извиваю,
Тюльпан и розу поливаю —
И счастлив в утренних трудах;
Вот здесь под дубом наклоненным
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружен мечтах.
Вблизи ручей шумит и скачет,
И мчится в влажных берегах,
И светлый ток с досадой прячет
В соседних рощах и лугах.
Но вот уж полдень. В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит.
Соседи шумною толпою
Взошли, прервали тишину,
Садятся; чаш внимаем звону:
Все хвалят Вакха и Помону
И с ними красную весну...

Вот кабинет уединенный,
Где я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивых красот,
Вдали нахмуренных забот
И той волшебницы лукавой,
Которая весь мир вертит,
В трубу немолчную гремит
И — помнится — зовется Славой, —

Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и младой...
Вот мой камин — под вечер темный,
Осенней бурною порой,
Люблю под сению укромной
Пред ним задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать
Или в минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потом свои творенья...
Вот здесь... но быстро привиденья,
Родясь в волшебном фонаре,
На белом полотне мелькают;
Мечты находят, исчезают,
Как тень на утренней заре.
Меж тем как в келье молчаливой
Во плен отдался я мечтам,
Рукой беспечной и ленивой
Разбросив рифмы здесь и там,
Я слышу топот, слышу ржанье.
Блеснув узорным чепраком,
В блестящем ментии сияньи
Гусар промчался под окном...
И где вы, мирные картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты,
Огни во стане догорают;
Меж них, окутанный плащом,
С седым, усатым казаком
Лежу — вдали штыки сверкают,
Лихие ржут, бразды кусают,
Да изредка грохочет гром,
Летя с высокого раската...
Трепещет бранью грудь моя
При блеске бранного булата,
Огнем пылает взор, — и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком —
С размаха сыплются удары.
О вы, отеческие лары,
Спасите юношу в боях!
Там свищет саблей он зубчатой,
Там кивер зыблется пернатый;
С черкесской буркой на плечах

И молча преклонясь ко гриве,
Он мчит стрелой по скользкой ниве
С цигарой дымною в зубах...

Но, лаврами побед увиты,
Бойцы из чаши мира пьют.
Военной славою забытый,
Спешу в смиренный свой приют;
Нашед на поле битв и чести
Одни болезни, костыли,
Навек оставил саблю мести...
Уж вижу в сумрачной дали
Мой тесный домик, рощи темны,
Калитку, садик, ближний пруд,
И снова я, философ скромный,
Укрылся в милый мне приют
И, мир забыв и им забвенный,
Покой души вкушаю вновь...

Скажи, о сердцу друг бесценный,
Мечта ль и дружба и любовь?
Доселе в резвости беспечной
Брели по розам дни мои;
В невинной ясности сердечной
Не знал мучений я любви,
Но быстро день за днем умчался;
Где ж детства ранние следы?
Прелестный возраст миновался,
Увяли первые цветы!
Уж сердце в радости не бьется
При милом виде мотылька,
Что в воздухе кружит и вьется
С дыханьем тихим ветерка,
И в беспокойстве непонятном
Пылаю, тлею, кровь горит,
И все языком, сердцу внятным,
О нежной страсти говорит...
Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая ⟨Сушкова⟩?
Везде со мною образ твой,
Везде со мною призрак милый:
Во тьме полуночи унылой,
В часы денницы золотой.
То на конце аллеи темной,
Вечерней, тихою порой,

Одну, в задумчивости томной,
Тебя я вижу пред собой,
Твой шалью стан не покровенный,
Твой взор, на груди потупленный,
В щеках любви стыдливый цвет.
Все тихо; брезжит лунный свет;
Нахмурясь, топол шевелится,
Уж сумрак тусклой пеленой
На холмы дальние ложится,
И завес рощицы струится
Над тихо спящею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты в рощице со мною,
На костыли мои склонясь,
Стоишь под ивою густою;
И ветер сумраков, резвясь,
На снежну грудь прохладой дует,
Играет локоном власов
И ногу стройную рисует
Сквозь белоснежный твой покров...
То часом полночи глубоким,
Пред теремом твоим высоким,
Угрюмой зимнею порой,
Я жду красавицу драгую —
Готовы сани; мрак густой;
Все спит, один лишь я тоскую,
Зову часов ленивый бой...
И шорох чудится глухой,
И вот уж шепот слышу сладкий, —
С крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша, идет украдкой,
И дева друга обняла.
Помчались кони, вдаль пустились,
По ветру гривы распустились,
Несутся в снежной глубине,
Прижалась робко ты ко мне,
Чуть-чуть дыша; мы обомлели,
В восторгах чувства онемели...
Но что! мечтанья отлетели!
Увы! я счастлив был во сне...

В отрадной музам тишине
Простыми звуками свирели,
Мой друг, я для тебя воспел
Мечту, младых певцов удел.
Питомец муз и вдохновенья,
Стремясь фантазии вослед,

Находит в сердце наслажденья
И на пути грозящих бед.
Минуты счастья золотые
Пускай мне Клофо не совьет:
В мечтах все радости земные!
Судьбы всемощнее поэт.

К ЖИВОПИСЦУ

Дитя харит и вображенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;

Красу невинности небесной,
Надежды робкие черты,
Улыбку Душеньки прелестной
И взоры самой красоты.

Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно воздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

Поздняя редакция

К ЖИВОПИСЦУ

Дитя харит и вдохновенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;

Красу невинности прелестной,
Надежды милые черты,
Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты.

Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно воздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Последним сияньем за лесом горя,
Вечерняя тихо потухла заря,
Безмолвна долина глухая;
В тумане пустынном клубится река,
Ленивой грядою идут облака,
Меж ими луна золотая.

Чугунные латы на холме лежат,
Копье раздробленно, в перчатке булат,
И щит под шеломом заржавым,
Вонзилися шпоры в увлаженный мох:
Лежат неподвижно, и месяца рог
Над ними в блистаньи кровавом.

Вкруг холма обходит друг сильного — конь;
В очах горделивых померкнул огонь —
Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень долин —
И смотрит на латы — конь верный один,
И дико трепещет, и стонет.

Во тьме заблудившись, пришелец идет,
С надеждою робость он в сердце несет.
Склонясь над дорожной клюкою,
На холм он взобрался, и в тусклую даль
Он смотрит, и сходит — и звонкую сталь
Толкает усталой ногою.

Хладеет пришелец — кольчуги звучат.
Погибшего грозно в них кости стучат,
По камням шелом покатился,
Скрывался в нем череп... при звуке глухом
Заржал конь ретивый — скок лётом на холм —
Взглянул... и главою склонился.

Уж путник далече в тьме бродит ночной,
Все мнится, что кости хрустят под ногой...
Но утро денница выводит —
Сраженный во брани на холме лежит,
И латы недвижны, и шлем не стучит,
И конь вкруг погибшего ходит.

Поздняя редакция

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Последним сияньем за рощей горя,
Вечерняя тихо потухла заря,
Темнеет долина глухая;
В тумане пустынном клубится река,
Ленивой грядою идут облака,
Меж ими луна золотая.

Недвижные латы на холме лежат,
В стальной рукавице забвенный булат,
И щит под шеломом заржавым,
Вонзилися шпоры в увлаженный мох,
Копье раздробленно, и месяца рог
Покрыл их сияньем кровавым.

Вкруг холма обходит друг сильного — конь;
В очах горделивых померкнул огонь,
Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень долин,
И смотрит на латы — конь верный один,
И дико трепещет, и стонет.

Во тьме заблудившись, пришелец идет,
Невольную робость он в сердце несет.
Склонясь над дорожной клюкою,
Заботливо смотрит в неверную даль,
Приближился к латам и звонкую сталь
Толкает усталой ногою.

Хладеет пришелец — кольчуги звучат.
Погибшего грозно в них кости стучат,
По камням шелом покатился,
Скрывался в нем череп... при звуке глухом
Заржал конь ретивый — скок лётом на холм —
Взглянул... и главою склонился.

Уж путник далече в тьме бродит ночной,
Все мнится, что кости хрустят под ногой...
Но утро денница выводит —
Сраженный во брани на холме лежит,
И латы недвижны, и шлем не стучит,
И конь вкруг погибшего ходит.

К НЕЙ

Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сон;
Скажи — увижу ли... на долгую ль разлуку
Я роком осужден?

Ужели никогда на друга друг не взглянет,
Иль вечной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда нас утро не застанет
В объятиях любви?

Эльвина, почему в часы глубокой ночи
Я не могу тебя с весельем обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

И в радости немой, в восторгах наслажденья
Твой шепот сладостный и тихий стон внимать
И тихо в скромной тьме для неги пробужденья
Близ милой засыпать?

Поздняя редакция

К НЕЙ

Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сон;
Скажи, увижу ли... на долгую ль разлуку
Любовник осужден?

Ужели никогда на друга друг не взглянет,
Иль вечной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда нас утро не застанет
В объятиях любви?

Эльвина, почему в часы глубокой ночи
Я не могу тебя с восторгом обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

И в радости немой, в блаженствах упоенья
Твой шепот сладостный и томный стон внимать
И в неге в скромной тьме для неги пробужденья
Близ милой засыпать?

1816

⟨НАДПИСЬ К ДИВАНУ⟩

Известно буди всем,
Кто только ходит к нам:
Ногами не марать парчового дивана,
Который получил мой праотец Фатам
В дар от персидского султана.

К МАШЕ

Вчера мне Маша приказала
В куплеты рифмы набросать
И мне в награду обещала
Спасибо в прозе написать.

Спешу исполнить приказанье,
Года не смеют погодить:
Еще семь лет — и обещанье
Ты не исполнишь, может быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
В собраньях будете сидеть
И, жертвуя богине скуки,
С воксала в маскерад лететь —

И уж не вспомните поэта!..
О Маша, Маша, поспеши —
И за четыре мне куплета
Мою награду напиши!

УСЫ

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА

Глаза скосив на ус кудрявый,
Гусар с улыбкой величавой
На палец завитки мотал;
Мудрец с обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохом усачу сказал:

«Гусар! все тленно под луною;
Как волны следом за волною,
Проходят царства и века.
Скажи, где стены Вавилона?
Где драмы тощие Клеона?
Умчала все времен река.

За уши ус твой закрученный,
Вином и ромом окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знает бритвы; выписною
Он вечно лоснится сурьмою,
Расправлен гребнем и рукой.

Чтобы не смять уса лихого,
Ты к ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь,
В подушку носом лечь не смеешь,
И в крепком сне его лелеешь,
И утром вновь его завьешь.

На долгих ужинах веселых,
В кругу гусаров поседелых
И черноусых удальцов,
Веселый гость, любовник пылкий,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавиц и усов.

Сраженья страшный час настанет,
В ряды ядро со треском грянет;
А ты, над ухарским седлом,
Рассудка, памяти не тратишь:

Сперва кудрявый ус ухватишь,
А саблю верную потом.

Окованный волшебной силой,
Наедине с красоткой милой
Ты маешься — одной рукой,
В восторгах неги сладострастной,
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный ус крутишь другой.

Гордись, гусар! но помни вечно,
Что все на свете скоротечно —
Летят губительны часы,
Румяны щеки пожелтеют,
И черны кудри поседеют,
И старость выщиплет усы».

Поздняя редакция

УСЫ

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА

Глаза скосив на ус кудрявый,
Гусар с улыбкой величавой
Вкруг пальца завитки мотал;
Мудрец с обритой бородою,
Качая лысой головою,
Со вздохом усачу сказал:

«За уши ус твой закрученный,
Вином и ромом окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знает бритвы; выписною
Он вечно лоснится сурьмою,
Расправлен гребнем и рукой.

Гордись, гусар! но помни вечно,
Что все на свете скоротечно —
Летят губительны часы,
Румяны щеки пожелтеют,
И черны кудри поседеют,
И старость выбелит усы».

⟨ИЗ ПИСЬМА К КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ⟩

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи,
Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельский дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже... стадо с пастухом!
Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом
И над славенскими глупцами
Смеется русскими стихами;
Блажен, кто шумную Москву
Для хижинки не покидает...
И не во сне, а наяву
Свою любовницу ласкает!..

⟨ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ПУШКИНУ⟩

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай Бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес
(Давно он, кажется, исчез).
Дай Боже, чтоб во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтобы воскресла добродетель;
Чтобы Шихматовым назло
Явился новый Буало —
Расколов, глупости свидетель;
А с ним побольше серебра
И золота et caetera.[1]

Но да не придет воскресенья
Усопшей прозы и стихов.
Да не воскреснет от забвенья
Покойный господин Бобров,
Хвалы газетчиков достойный,
И Николев, пиит покойный,
И непокойный граф Хвостов.

[1] и т. д. (*лат.*)

ЭПИГРАММА

⟨НА КАРАМЗИНА⟩

«Послушайте, я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород и Царство Золотое,
А может быть, про Грозного царя...»
«И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам „Илью-богатыря"».

Заутра с свечкой грошевою
Явлюсь пред образом святым:
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косою:
Сазонов был моим слугою,
А Пешель — лекарем моим.

ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ

Довольно битвы мчался гром,
Тупился меч окровавленный,
И смерть погибельным крылом
Шумела грозно над вселенной!

Свершилось... взорами царей
Европы твердый мир основан;
Оковы свергнувший злодей
Могущей бранью снова скован.

Узрел он в пламени Москву —
И был низвержен ужас мира,
Покрыла падшего главу
Благословенного порфира.

И мглой повлекся окружен;
Притек, и с буйной вдруг изменой
Уж воздвигал свой шаткий трон...
И пал, отторжен от вселенной.

Утихло все. Не мчится гром,
Не блещет меч окровавленный,
И брань погибельным крылом
Не мчится грозно над вселенной.

Хвала, о юноша-герой!
С героем дивным Альбиона
Он верных вел в последний бой
И мстил за лилии Бурбона.

Пред ним мятежных гром гремел,
Текли вослед щиты кровавы;
Грозой он в бранной мгле летел
И разливал блистанье славы.

Его текла младая кровь,
На нем сияет язва чести.
Венчай, венчай его, любовь!
Достойный был он воин мести.

К⟨НЯ⟩Ж⟨НЕ⟩ В. М. ВОЛКОНСКОЙ

On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon,
Mais pour une garce, — oh, mon Dieu, non.

Перевод с французского:

Сударыня, вас очень легко
Принять за сводню
Или за старую мартышку,
Но за потаскушку, — о Боже, никак.

К НАТАШЕ

Вянет, вянет лето красно;
Улетают ясны дни;
Стелется туман ненастный
Ночи в дремлющей тени;
Опустели злачны нивы,
Хладен ручеек игривый;
Лес кудрявый поседел;
Свод небесный побледнел.

Свет-Наташа! где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца разделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней — позднею порой
Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимный
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

ЭКСПРОМТ НА А⟨ГАРЕВУ⟩

В молчаньи пред тобой сижу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того уж верно не скажу,
Что говорит воображенье.

ОСЕННЕЕ УТРО

Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с образом любовницы драгой
Последнее слетело сновиденье.
С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, блистает бледный день —
А вкруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной;
Я звал ее — и глас уединенный
Пустых долин позвал ее вдали.
К ручью пришел, мечтами привлеченный;
Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них образ незабвенный.
Уж нет ее!.. до сладостной весны
Простился я с блаженством и с душою.
Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых;
Там день и ночь кружится желтый лист,
Стоит туман на волнах охладелых,
И слышится мгновенный ветра свист.
Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

Поздняя редакция

ОСЕННЕЕ УТРО

Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с милою любви моей мечтой
Последнее исчезло сновиденье.

С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, сияет бледный день —
А вкруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
У берегов не встретил я прекрасной,
Я не нашел нигде ее следов.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя незабвенной;
Я звал ее — лишь глас уединенный
Пустых долин [откликнулся] вдали.
К ручью пришел, мечтами привлеченный;
Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них образ несравненный.
Уж нет ее!.. до сладостной весны
Простился я с блаженством и с душою.
Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых,
Там день и ночь кружится мертвый лист,
Стоит туман на нивах пожелтелых,
И слышится мгновенный ветра свист.
Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели минувших дней забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

К ЖУКОВСКОМУ

Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени,
Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.
Страшусь, неопытный, бесславного паденья,
Но пылкого смирить не в силах я влеченья,
Не грозный приговор на гибель внемлю я:
Сокрытого в веках священный судия,*
Страж верный прошлых лет, наперсник муз любимый
И бледной зависти предмет неколебимый
Приветливым меня вниманьем ободрил;
И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил;
И славный старец наш, царей певец избранный,**
Крылатым гением и грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, незнаемое мной.
И ты, природою на песни обреченный!
Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?
Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял и молненной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела, —
Нет, нет! решился я — без страха в трудный путь,
Отважной верою исполнилася грудь.
Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья!..
Вы цель мне кажете в туманах отдаленья,
Лечу к *безвестному* отважною мечтой,
И, мнится, гений ваш промчался надо мной!

Но что? Под грозною Парнасскою скалою
Какое зрелище открылось предо мною?
В ужасной темноте пещерной глубины
Вражды и Зависти угрюмые сыны,
Возвышенных творцов зоилы записные
Сидят — Бессмыслицы дружины боевые.
Далеко диких лир несется резкий вой,
Варяжские стихи визжит Варягов строй.

---

* Карамзин.
** Державин.

Смех общий им ответ; над мрачными толпами
Во мгле два призрака склонилися главами.
Один на груды сел и прозы и стихов —
Тяжелые плоды полунощных трудов,
Усопших од, поэм забвенные могилы!
С улыбкой внемлет вой стопосложитель хилый,
Пред ним растерзанный стонает Тилимах;
Железное перо скрыпит в его перстах
И тянет за собой гекзаметры сухие,
Спондеи жесткие и дактилы тугие.
Ретивой музою прославленный певец,
Гордись — ты Мевия надутый образец!
Но кто другой, в дыму безумного куренья,
Стоит среди толпы друзей непросвещенья?
Торжественной хвалы к нему несется шум:
Он — он под рифмою попрал и Вкус и Ум;
Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный С⟨умароков⟩,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом
И с Пинда сброшенный и проклятый Расином?
Ему ли, карлику, тягаться с исполином?
Ему ль оспоривать тот лавровый венец,
В котором возблистал бессмертный наш певец,
Веселье россиян, полунощное диво?..*
Нет! в тихой Лете он потонет молчаливо,
Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?
Страшилась грация цинической свирели,
И персты грубые на лире костенели.
Пусть будет Мевием в речах превознесен —
Явится Депрео, исчезнет Шапелен.

И что ж? всегда смешным останется смешное;
Невежду пестует Невежество слепое.
Оно сокрыло их во мрачный свой приют;
Там прозу и стихи отважно все куют,
Там все враги наук, все глухи — лишь не немы,
Те слогом Никона печатают поэмы,
Одни славянских од громады громоздят,
Другие в бешеных трагедиях хрипят,
Тот, верный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зевающую музу,
Бессмертных гениев сорвать с Парнаса мнит.
Рука содрогнулась, удар его скользит,

* Ломоносов.

Вотще бросается с завистливым кинжалом,
Куплетом ранен он, низвержен в прах журналом, —
При свистах критики к собратьям он бежит...
И маковый венец Феспису ими свит.
Все, руку положив на том «Тилимахиды»,
Клянутся отомстить сотрудников обиды,
Волнуясь, восстают неистовой толпой.
Беда, кто в свет рожден с *чувствительной* душой!
Кто тайно мог пленить красавиц нежной лирой,
Кто смело просвистал шутливою сатирой,
Кто выражается правдивым языком
И русской Глупости не хочет бить челом!..
Он враг отечества, он сеятель разврата!
И речи сыплются дождем на сопостата.

И вы восстаньте же, парнасские жрецы,
Природой и трудом воспитанны певцы.
В счастливой ереси и Вкуса и Ученья
Разите дерзостных друзей непросвещенья.
Отмститель гения — друг истины, поэт!
Лиющая с небес и жизнь и вечный свет,
Стрелою гибели десница Аполлона
Сражает наконец ужасного Пифона.
К вам Озерова дух взывает: други! месть!..
Вам оскорбленный Вкус, вам Знанья дали весть —
Летите на врагов: и Феб и музы с вами!
Разите варваров кровавыми стихами;
Невежество, смирясь, потупит хладный взор,
Спесивых риторов безграмотный собор...

Но вижу: возвещать нам истины опасно,
Уж Мевий на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговор талантам возгремел.
Гонения терпеть ужель и мой удел?
Что нужды? смело *в даль*, дорогою прямою,
Ученью руку дав, поддержанный тобою,
Их злобы не страшусь; мне твердый Карамзин,
Мне ты пример. Что крик безумных сих дружин?
Пускай беседуют отверженные Феба;
Им прозы, ни стихов не послан дар от неба.
Их слава — им же стыд; творенья — смех уму;
И в тьме возникшие низвергнутся во тьму.

НА ПУЧКОВУ

Зачем кричишь ты, что ты *дева*,
На каждом девственном стихе?
О, вижу я, певица Эва,
Хлопочешь ты о женихе.

НА ПУЧКОВУ

Пучкова, право, не смешна:
Пером содействует она
Благотворительным газет недельных видам,
Хоть в смех читателям, да в пользу инвалидам.

СОН
(ОТРЫВОК)

Пускай поэт с кадильницей наемной
Гоняется за счастьем и молвой,
Мне страшен свет, проходит век мой темный
В безвестности, заглохшею тропой.
Пускай певцы гремящими хвалами
Полубогам бессмертие дают,
Мой голос тих, и звучными струнами
Не оглашу безмолвия приют.
Пускай любовь Овидии поют
И не дает покоя Цитерея,
Счастливых дней амуры мне не вьют:
Я сон пою, бесценный дар Морфея, —
И научу, как должно в тишине
Покоиться в приятном, крепком сне.

Приди, о Лень! приди в мою пустыню.
Тебя зовут прохлада и покой;
В одной тебе я зрю свою богиню;
Готово все для гостьи молодой.
Все тихо здесь — докучный шум укрылся
За мой порог; на светлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И в темный ниш, где сумрак воцарился,
Чуть крадется неверный свет дневной.
Вот мой диван. Приди ж в обитель мира;
Царицей будь, я пленник ныне твой.
Все, все твое: вот краски, кисть и лира, —
Учи меня, води моей рукой.

А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли,
Конечно б, сон спокойный предпочли,
О мудрецы! дивиться вам умея,
Для вас одних я ныне трон Морфея
Поэзии цветами обовью,
Для вас одних блаженство воспою.
Внемлите же с улыбкой снисхожденья
Моим стихам, урокам наслажденья.

В назначенный природой неги час
Хотите ли забыться каждый раз
В ночной тиши, средь общего молчанья,
В объятиях игривого мечтанья?
Спешите же под сельский мирный кров,
Там можно жить и праздно и беспечно,
Там прямо рай; но прочь от городов,
Где крик и шум ленивцев мучит вечно.
Согласен я: в них можно целый день
С прелестницей ловить веселья тень;
В платок зевать, блистая в модном свете;
На бале в ночь вертеться на паркете,
Но можно ли вкушать отраду снов?
Настала тень, — уснуть лишь я готов,
Обманутый призраками ночными,
И вот уже, при свете фонарей,
На бешеной четверке лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится *Спесь* под окнами моими.
Я дремлю вновь, вновь улица дрожит —
На скучный бал *Рассеянье* летит...
О Боже мой! ужели здесь ложатся,
Чтобы всю ночь бессонницей терзаться?
Еще стучат, а там уже светло,
И где мой сон? не лучше ли в село?
Там рощица листочков трепетаньем,
В лугу поток таинственным журчаньем,
Златых полей, долины тишина —
В деревне все к томленью клонит сна.
О сладкий сон, ничем не возмущенный!
Один петух, зарею пробужденный,
Свой резкий крик подымет, может быть;
Опасен он — он может разбудить.
Итак, пускай, в сераля́х удаленны,
Султаны кур гордятся заключенны
Иль поселян сзывают на поля:
Мы спать хотим, любезные друзья.
Стократ блажен, кто может сном забыться
Вдали столиц, карет и петухов!
Но сладостью веселой ночи снов
Не думайте вы даром насладиться
Средь мирных сел, без всякого труда.
Что ж надобно? — Движенье, господа!

Похвальна лень, но есть всему пределы.
Смотрите: Клит, в подушках поседелый,

Размученный, изнеженный, больной,
Весь век сидит с подагрой и тоской.
Наступит день; несчастный, задыхаясь,
Кряхтя, ползет с постели на диван;
Весь день сидит; когда ж ночной туман
Подернет свет, во мраке расстилаясь,
С дивана Клит к постеле поползет.
И как же ночь несчастный проведет?
В покойном сне, в приятном сновиденье?
Нет! сон ему не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроет томны очи,
И медленной проходят чередой
Для бедного часы угрюмой ночи.
Я не хочу, как общий друг Бершу,
Предписывать вам тяжкие движенья:
Упрямый плуг, охоты наслажденья.
Нет, в рощи я ленивца приглашу:
Друзья мои, как утро здесь прекрасно!
В тиши полей, сквозь тайну сень дубрав,
Как юный день сияет гордо, ясно!
Светлеет все; друг друга перегнав,
Журчат ручьи, блестят брега безмолвны;
Еще роса над свежей муравой;
Златых озер недвижно дремлют волны.
Друзья мои! возьмите посох свой,
Идите в лес, бродите по долине,
Крутых холмов устаньте на вершине,
И в долгу ночь глубок ваш будет сон.

Как только тень оденет небосклон,
Пускай войдет отрада жизни нашей,
Веселья бог с широкой, полной чашей,
И царствуй, Вакх, со всем двором своим.
Умеренно пируйте, други, с ним:
Стакана три шипящими волнами
Румяных вин налейте вы полней;
Но толстый Ком с надутыми щеками
Не приходи стучаться у дверей.
Я рад ему, но только за обедом,
И дружески я в полдень уберу
Его дары; но, право, ввечеру
Гораздо я дружней с его соседом.
Не ужинать — святой тому закон,
Кому всего дороже легкий сон.
Брегитесь вы, о дети мудрой лени!

Обманчивой успокоенья тени.
Не спите днем: о горе, горе вам,
Когда дремать привыкли по часам!
Что ваш покой? бесчувствие глубоко.
Сон истинный от вас уже далеко.
Не знаете веселой вы мечты;
Ваш целый век — несносное томленье,
И скучен сон, и скучно пробужденье,
И дни текут средь вечной темноты.

Но ежели в глуши, близ водопада,
Что под горой клокочет и кипит,
Прелестный сон, усталости награда,
При шуме волн на дикий брег слетит,
Покроет взор туманной пеленою,
Обнимет вас и тихою рукою
На мягкий мох преклонит, осенит:
О! сладостно близ шумных вод забвенье.
Пусть долее продлится ваш покой,
Завидно мне счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вам порой,
Дня зимнего при позднем, тихом свете,
Сидеть одним, без свечки в кабинете:
Все тихо вкруг; березы больше нет;
Час от часу темнеет окон свет;
На потолке какой-то призрак бродит;
Бледнеет угль, и синеватый дым,
Как легкий пар, в трубу, виясь, уходит;
И вот жезлом невидимым своим
Морфей на все неверный мрак наводит.
Темнеет взор; «Кандид» из ваших рук,
Закрывшися, упал в колени вдруг;
Вздохнули вы; рука на стол валится,
А голова с плеча на грудь катится,
Вы дремлете! над вами мира кров:
Нежданный сон приятней многих снов!

Душевных мук волшебный исцелитель,
Мой друг Морфей, мой дивный утешитель!
Тебе всегда я жертвовать любил,
И ты жреца давно благословил:
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный неги час,
Когда, в углу под вечер притаясь,
Я призывал и ждал тебя в покое...

Я сам не рад болтливости своей,
Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеяньи,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало, —
Все в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал — и тихо наконец
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

Но вы прошли, о ночи безмятежны!
И юности уж возраст наступил...
О, дайте мне Альбана кисти нежны,
И я мечту младой любви вкусил.
И где ж она? Восторгами родилась
И в тот же миг восторгом истребилась.
Проснулся я; ищу на небе день,
Но все молчит; луна во тьме сокрылась,
И вкруг меня глубокой ночи тень.
Но сон мой тих! беспечный сын Парнаса,
В ночной тиши я с рифмою не бьюсь,
Не вижу ввек ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый двор каких-то старых муз.

Я не герой, по лаврам не тоскую;
Спокойствием и негой не торгую,
Не чудится мне ночью грозный бой;
Я не богач — и лаем пес привратный

Не возмущал мечты моей приятной;
Я не злодей, с волненьем и тоской
Не зрю во сне кровавых привидений,
Убийственных детей предрассуждений,
И в поздний час ужасный бледный *Страх*
Не хмурится угрюмо в головах.

ИСТИНА

Издавна мудрые искали
Забытых Истины следов
И долго, долго толковали
Давнишни толки стариков.
Твердили: «Истина нагая
В колодез убралась тайком» —
И, дружно воду выпивая,
Кричали: «Здесь ее найдем!»

Но кто-то, смертных благодетель
(И чуть ли не старик Силен),
Их важной глупости свидетель,
Водой и криком утомлен,
Оставил невидимку нашу,
Подумал первый о вине
И, осушив до капли чашу,
Увидел Истину на дне.

⟨ПОСЛАНИЕ К В. Л. ПУШКИНУ⟩

Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт,
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный *Вот*!
Тебе, мой дядя, в Новый год
Веселья прежнего желанье
И слабый сердца перевод —
В стихах и прозою посланье.

10 В письме вашем вы называли меня братом, но я не осмелился назвать вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял,
От рифм бахических шатаясь на Пегасе.
Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад,
Нет, нет, вы мне совсем не брат,
Вы дядя мой и на Парнасе.

Итак, любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира, можно ли мне надеяться, что вы простите девятимесячную беременность пера ленивейшего из поэтов-племянников?

20 Да, каюсь я; конечно, перед вами
Совсем неправ пустынник-рифмоплет;
Он в лености сравнится лишь с богами,
Он виноват и прозой и стихами;
Но старое забудьте в Новый год.

Кажется, что судьбою определены мне только два рода писем — обещательные и извинительные: первые в начале годовой переписки, а последние при последнем ее издыхании. К тому же приметил я, что и вся она состоит из двух посланий, — это мне неизвинительно.

30 Но вы, которые умели
Простыми песнями свирели
Красавиц наших воспевать,
И с гневной музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмеять,

И мучить бледного Шишкова
Священным Феба языком,
И лоб угрюмый Шаховского
Клеймить единственным стихом!
О вы, которые умели
Любить, обедать и писать,
Скажите искренно, ужели
Вы не умеете прощать?

P. S. Напоминаю себя моим незабвенным. Не имею более времени писать; но — надобно ли еще обещать? Простите, вы все, которых любит мое сердце и которые любите еще меня.

Шапель Андреевич, конечно,
Меня забыл давным-давно,
Но я люблю его сердечно
За то, что любит он беспечно
И петь, и пить свое вино,
И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеяться — право, пресмешно.

1816 г. 22 дек⟨абря⟩.

ДЯДЕ, НАЗВАВШЕМУ СОЧИНИТЕЛЯ БРАТОМ

Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм бахических — шатаясь на Пегасе —
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет — вы мне совсем не брат;
Вы дядя мне и на Парнасе.

ОКНО

Недавно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видел — дева у окна
Одна задумчиво сидела,
Дышала в тайном страхе грудь,
Она с волнением глядела
На темный под холмами путь.

«Я здесь!» — шепнули торопливо.
И дева трепетной рукой
Окно открыла боязливо...
Луна покрылась темнотой.
«Счастливец! — молвил я с тоскою, —
Тебя веселье ждет одно.
Когда ж вечернею порою
И мне откроется окно?»

РАЗЛУКА

Когда пробил последний счастью час,
Когда в слезах над бездной я проснулся
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся —
Да! помню все; я сердцем ужаснулся,
Но заглушал несносную печаль;
Я говорил: «Не вечная разлука
Все радости уносит ныне вдаль.
Забудемся, в мечтах потонет мука,
Уныние, губительная скука
Пустынника приют не посетят;
Мою печаль усладой муза встретит;
Утешусь я — и дружбы тихий взгляд
Души моей холодный мрак осветит».

Как мало я любовь и сердце знал!
Часы идут, за ними дни проходят,
Но горестям отрады не приводят
И не несут забвения фиал.
О милая, повсюду ты со мною!
Но я уныл и втайне я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною —
Я все тебя, прелестный друг, ищу;
Засну ли я, лишь о тебе мечтаю, —
Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голос слышен мне.
Рассеянный сижу между друзьями,
Невнятен мне их шумный разговор,
Гляжу на них недвижными глазами,
Не узнает уж их мой хладный взор!

И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой,
И лишь любви ты голос не забыла!..
О верная, грусти, грусти со мной,

Пускай твои небрежные напевы
Изобразят уныние мое,
И, слушая бряцание твое,
Пускай вздохнут задумчивые девы.

Поздняя редакция

УНЫНИЕ

Мой милый друг! расстался я с тобою.
Душой уснув, безмолвно я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною,
Я все тебя, далекий друг, ищу;
Одну тебя везде воспоминаю,
Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голос слышен мне.

И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой,
И лишь тоски ты голос не забыла!..
О верная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напевы
Изобразят уныние любви,
И, слушая бряцания твои,
Пускай вздохнут задумчивые девы!

НАЕЗДНИКИ

Глубокой ночи на полях
Давно лежали покрывала,
И слабо в бледных облаках
Звезда пустынная сияла.
При умирающих огнях,
В неверной темноте тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченных высотах.
Все спит; лишь волн мятежный ропот
Разносится в тиши ночной,
Да слышен издали глухой
Булата звон и конский топот.
Толпа наездников младых
В дубраве едет молчаливой,
Дрожат и пышут кони их,
Главой трясут нетерпеливой.
Уж полем всадники спешат,
Дубравы кров покинув зыбкий,
Коней ласкают и смирят
И с гордой шепчутся улыбкой.
Их лица радостью горят,
Огнем пылают гневны очи;
Лишь ты, воинственный поэт,
Уныл, как сумрак полуночи,
И бледен, как осенний свет.
С главою, мрачно преклоненной,
С укрытой горестью в груди,
Печальной думой увлеченный,
Он едет молча впереди.

«Певец угрюмый, что с тобою?
Один пред боем ты уныл;
Поник бесстрашною главою,
Бразды и саблю опустил!
Ужель, невольник праздной неги,
Отрадней мир душе твоей,
Чем наши бурные набеги
И ночью бранный стук мечей?
Стезя войны пускай опасна,
Завиден гордый наш удел.

Тебе ли ныне смерть ужасна?
Ты ввек средь боев не бледнел.
Тебя мы зрели под мечами
С спокойным, дерзостным челом,
Всегда меж первыми рядами,
Все там, где битвы падал гром,
С победным съединяясь кликом,
Твой голос нашу славу пел —
А ныне ты в унынье диком,
Как беглый ратник, онемел».

Но медленно певец печальный
Главу и взоры приподнял,
Взглянул угрюмо в сумрак дальный
И вздохом грудь поколебал.

«Глубокий сон в долине бранной;
Одни мы мчимся в тьме ночной,
Предчувствую конец желанный!
Меня зовет последний бой!
Расторгну цепь судьбы жестокой,
Влечу я с братьями в огонь,
Влечу грозой! — и одинокий
В долину выбежит мой конь.

О вы, которым здесь со мною
Предел могильный положен,
Скажите: милая слезою
Ваш усладит ли долгий сон?
Но для меня никто не дышет,
Меня настигнет тишина...
Эльвина смерти весть услышит,
И втайне не вздохнет она.

А вы, хранимые судьбами
Для счастья жизненных отрад,
Пускай любовницы слезами
Благословится ваш возврат!
За чашей сладкого спасенья,
О братья! вспомните певца,
Его любовь, его мученья
И славу грозного конца!»

Поздняя редакция

НАЕЗДНИКИ

Уж полем всадники спешат,
Дубравы кров покинув зыбкий,
Коней ласкают и смирят
И с гордой шепчутся улыбкой;
Сердца их радостью горят,
Огнем пылают гневны очи;
Лишь ты, воинственный поэт,
Уныл, как сумрак полуночи,
И бледен, как осенний свет.
С главою, мрачно преклоненной,
С укрытой горестью в груди,
Печальной думой увлеченный,
Он едет молча впереди.
«Певец печальный, что с тобою?
Один пред боем ты уныл,
Поник бесстрашною главою,
Бразды и саблю опустил.
Тебя ль мы зрели под мечами
С спокойным, дерзостным челом,
Всегда меж первыми рядами,
Все там, где битвы падал гром?
Ужель, невольник праздной неги,
Отрадней мир твоих полей,
Чем наши бурные набеги
И ночью бранный стук мечей?»
Но медленно певец печальный
Главу и взоры приподнял,
Взглянул угрюмо в сумрак дальный
И вздохом грудь поколебал.
«Глубокий сон в долине бранной;
Одни мы мчимся в тьме ночной.
Предчувствую конец желанный,
Меня зовет последний бой.
Расторгну цепь судьбы жестокой,
Влечу я с братьями в огонь;
Удар падет... — и одинокий
В долину выбежит мой конь...
О вы, хранимые судьбами
Для сладостных любви наград;
Любви бесценными слезами
Благословится ль ваш возврат?
Но для певца никто не дышет,
Его настигнет тишина;

Эльвина смерти весть услышит,
И не вздохнет об нем она...
В минуты сладкого спасенья,
О други, вспомните певца,
Его любовь, его мученья
И славу грозного конца».

ЭЛЕГИЯ

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда робкая лелеет;
Кого луны туманный луч
Ведет в полночи сладострастной;
Кому тихонько верный ключ
Отворит дверь его прекрасной!

Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
Услышу старости угрозы,
Но я, любовью позабыт,
Моей любви забуду ль слезы!

Поздняя редакция

ЭЛЕГИЯ

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда тихая лелеет;
Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
И с ней увянут жизни розы.
Но я, любовью позабыт,
Любви не позабуду слезы!

МЕСЯЦ

Зачем из облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки, сквозь окна,
Сиянье тусклое наводишь?
Явленьем пасмурным своим
Ты будишь грустные мечтанья,
Любви напрасные страданья
И гордым разумом моим
Чуть усыпленные желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Уж не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сиянье
Твоих таинственных лучей
Сквозь темный ясень проницало
И бледно, бледно озаряло
Красу любовницы моей.
Что вы, восторги сладострастья,
Пред тайной прелестью отрад
Прямой любви, прямого счастья?
Примчатся ль радости назад?
Почто, минуты, вы летели
Тогда столь быстрой чередой?
И тени легкие редели
Пред неожиданной зарей?
Зачем ты, месяц, укатился
И в небе светлом утонул?
Зачем луч утренний блеснул?
Зачем я с милою простился?

Поздняя редакция

МЕСЯЦ

Зачем из облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки, сквозь окна,
Сиянье тусклое наводишь?
Явленьем пасмурным своим
Ты будишь грустные мечтанья,

Любви напрасные страданья
И строгим разумом моим
Чуть усыпленные желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Уж не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сиянье
Твоих таинственных лучей
Сквозь темный завес проницало
И бледно, бледно озаряло
Красу любовницы моей.
Почто, минуты, вы летели
Тогда столь быстрой чередой?
И тени легкие редели
Пред неожиданной зарей?
Зачем ты, месяц, укатился
И в небе светлом утонул?
Зачем луч утренний блеснул?
Зачем я с милою простился?

ПЕВЕЦ

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой —
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Прискорбную ль улыбку замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской, —
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз, —
Вздохнули ль вы?

Поздняя редакция

ПЕВЕЦ

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой —
Слыхали ль вы?

Встречали ль, вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской, —
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз, —
Вздохнули ль вы?

К СНУ

Знакомец милый и старинный,
О сон, хранитель добрый мой!
Где ты? Под кровлею пустынной
Мне ложе стелет уж покой
В безмолвной тишине ночной.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови,
До утра только дай отраду
Моей мучительной любви.
Сокрой от памяти унылой
Разлуки грустный приговор,
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи, —
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

Поздняя редакция

МОРФЕЮ

Морфей! до утра дай отраду
Моей мучительной любви,
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови.
Сокрой от памяти унылой
Разлуки вечной приговор,
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи.

СЛОВО МИЛОЙ

Я Лилу слушал у клавира;
Ее прелестный, томный глас
Волшебной грустью нежит нас,
Как ночью веянье зефира.
Упали слезы из очей,
И я сказал певице милой:
«Волшебен голос твой унылый,
Но слово милыя моей
Волшебней нежных песен Лилы».

Поздняя редакция

СЛОВО МИЛОЙ

Я Лилу слушал у клавира;
Она приятнее поет,
Чем соловей близ тихих вод
Или полунощная лира.
Упали слезы из очей,
И я сказал певице милой:
«Прелестен голос твой унылый,
Но слово милыя моей
Прелестней томных песен Лилы».

ЭЛЕГИЯ

Я видел смерть; она в молчаньи села
У мирного порогу моего;
Я видел гроб; открылась дверь его;
Душа, померкнув, охладела.
Покину скоро я друзей,
И жизни горестной моей
Никто следов уж не приметит;
Последний взор моих очей
Луча бессмертия не встретит,
И погасающий светильник юных дней
Ничтожества спокойный мрак осветит.
. . . . . .
Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала, —
Где Вера тихая меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!

Прости, светило дня, прости, небес завеса,
Немая ночи мгла, денницы сладкий час,
Знакомые холмы, ручья пустынный глас,
Безмолвие таинственного леса
И все... прости в последний раз.

А ты, которая была мне в мире богом,
Предметом тайных слез и горестей залогом,
Прости! минуло все... уж гаснет пламень мой,
Схожу я в хладную могилу,
И смерти сумрак роковой
С мученьями любви покроет жизнь унылу.

А вы, друзья, когда, лишенный сил,
Едва дыша, в болезненном бореньи,
Скажу я вам: «О други! я любил!..» —
И тихий дух умрет в изнеможеньи, —
Друзья мои, — тогда подите к ней;
Скажите: взят он вечной тьмою...
И, может быть, об участи моей
Она вздохнет над урной гробовою.

Поздняя редакция

ПОДРАЖАНИЕ

Я видел смерть; она сидела
У тихого порога моего.
Я видел гроб; открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетела...
Умру — и младости моей
Никто следов пустынных не заметит,
И взора милого не встретит
Последний взор моих очей.
. . . . . .
Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала,
Где жизнь меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!
Небес лазурная завеса,
Любимые холмы, ручья веселый глас,
Ты, утро — вдохновенья час,
Вы, тени мирные таинственного леса,
И все — прости в последний раз.

ЖЕЛАНИЕ

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье —
Пускай умру, но пусть умру любя!

Поздняя редакция

ЖЕЛАНИЕ

Я слезы лью; мне слезы утешенье;
И я молчу; не слышен ропот мой,
Моя душа, объятая тоской,
В ней горькое находит наслажденье.
О жизни сон! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру любя!

ДРУЗЬЯМ

К чему, веселые друзья,
Мое тревожить вам молчанье?
Запев последнее прощанье,
Уж Муза смолкнула моя:
Напрасно лиру брал я в руки
Бряцать веселье на пирах
И на ослабленных струнах
Искал потерянные звуки...
Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И на любовь устремлены
Огнем исполненные очи;
Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

Поздняя редакция

ДРУЗЬЯМ

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

ЭЛЕГИЯ

Я думал, что любовь погасла навсегда,
Что в сердце злых страстей умолкнул глас мятежный,
Что дружбы наконец отрадная звезда
Страдальца довела до пристани надежной.
Я мнил покоиться близ верных берегов,
Уж издали смотреть, указывать рукою
На парус бедственный пловцов,
Носимых яростной грозою.
И я сказал: «Стократ блажен,
Чей век, свободный и прекрасный,
Как век весны промчался ясной
И страстью не был омрачен,
Кто не страдал в любви напрасной,
Кому неведом грустный плен.
Блажен! но я блаженней боле.
Я цепь мученья разорвал,
Опять я дружбе... я на воле —
И жизни сумрачное поле
Веселый блеск очаровал!»
Но что я говорил... несчастный!
Минуту я заснул в неверной тишине,
Но мрачная любовь таилася во мне,
Не угасал мой пламень страстный.
Весельем позванный в толпу друзей моих,
Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!.. я молчал; усталая рука
Лежала, томная, на лире непослушной,
Я все еще горел — и в грусти равнодушной
На игры младости взирал издалека.
Любовь, отрава наших дней,
Беги с толпой обманчивых мечтаний.
Не сожигай души моей,
Огонь мучительных желаний.
Летите, призраки... Амур, уж я не твой,
Отдай мне радости, отдай мне мой покой...
Брось одного меня в бесчувственной природе
Иль дай еще летать Надежды на крылах,
Позволь еще заснуть и в тягостных цепях
Мечтать о сладостной свободе.

Поздняя редакция

ЭЛЕГИЯ

Я думал, что любовь погасла навсегда,
Что в сердце злых страстей умолкнул глас мятежный,
Что дружбы наконец отрадная звезда
Страдальца довела до пристани надежной.
С беспечной думою покоясь у брегов,
Уж издали смотрел, указывал рукою
На парус бедственных пловцов,
Носимых гибельной грозою.
Я говорил: «Стократ блажен,
Чей век, свободою прекрасный,
Как век весны промчался ясной
И страстью не был омрачен,
Кто не страдал в любви напрасной,
Кому неведом грустный плен.
Блажен! но я блаженней боле.
Я цепь мученья разорвал,
Опять я дружбе... я на воле —
И жизни сумрачное поле
Веселый блеск очаровал!»
О, что я говорил... несчастный!
Минуту я заснул в неверной тишине,
Но мрачная любовь таилася во мне,
Не угасал мой пламень страстный.
Весельем позванный в толпу друзей моих,
Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!.. я молчал; усталая рука
Лежала, томная, на лире непослушной,
Я все еще горел — и в грусти равнодушной
На игры младости взирал издалека.
Любовь, отрава наших дней,
Беги с толпой обманчивых мечтаний.
Не сожигай души моей,
Огонь мучительных желаний.
Летите, призраки... Амур, уж я не твой,
Отдай мне радости, отдай мне мой покой...
Брось одного меня в бесчувственной природе
Иль дай еще летать Надежды на крылах,
Позволь еще заснуть и в тягостных цепях
Мечтать о сладостной свободе.

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК

Кубок янтарный
Полон давно —
Пеною парной
Блещет вино;
Света дороже
Сердцу оно;
Ну! за кого же
Выпью вино?

Пейте за славу,
Славы друзья!
Браней забаву
Любит не я.
Это веселье
Не веселит,
Дружбы похмелье
Грома бежит.

Вы, Геликона
Давни жрецы!
За Аполлона
Пейте, певцы!
Резвой камены
Ласки — беда;
Ток Иппокрены,
Други, вода.

Пейте за радость
Юной любви —
Скроется младость,
Дети мои...
Кубок янтарный
Полон давно,
Я — благодарный —
Пью за вино.

Поздняя редакция

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК

Кубок янтарный
Полон давно —
Пеною парной
Блещет вино.
Света дороже
Сердцу оно;
Ну! за кого же
Выпью вино?

Здравие славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья!
Это веселье
Не веселит,
Дружбы похмелье
Грома бежит.

Жители неба,
Феба жрецы!
Здравие Феба
Пейте, певцы!
Резвой камены
Ласки — беда;
Ток Иппокрены
Просто вода.

Пейте за радость
Юной любви —
Скроется младость,
Дети мои...
Кубок янтарный
Полон давно.
Я — благодарный —
Пью за вино.

ПОСЛАНИЕ ЛИДЕ

Тебе, наперсница Венеры,
Тебе, которой Купидон
И дети резвые Цитеры
Украсили цветами трон,
Которой нежные примеры,
Улыбка, взоры, нежный тон
Красноречивей, чем Вольтеры,
Нам проповедуют закон
И Аристипов, и Глицеры, —
Тебе приветливый поклон,
Любви венок и лиры звон.
Презрев Платоновы химеры,
Твоей я святостью спасен
И стал апостол мудрой веры
Анакреонов и Нинон:
Всего... но лишь известной меры.
Я вижу: хмурится Зенон
И вся его седая свита:
И мудрый друг вина Катон,
И скучный раб Эпафродита,
Сенека, даже Цицерон
Кричат: «Ты лжешь, профан! мученье —
Прямое смертных наслажденье!»
Друзья, согласен: плач и стон
Стократ, конечно, лучше смеха;
Терпеть — великая утеха;
Совет ваш вовсе не смешон,
Но мне он, слышите ль, не нужен,
Затем, что слишком он мудрен;
Дороже мне хороший ужин
Философов трех целых дюжин;
Я вами, право, не прельщен.
Собор угрюмый рассержен.
Но пусть кричат на супостата,
Их спор — лишь времени утрата;
Кто их примером обольщен?
Люблю я доброго Сократа!
Он в мире жил, он был умен;
С своею важностью притворной
Любил пиры, театры, жен;

Он, между прочим, был влюблен
И у Аспазии в уборной
(Тому свидетель сам Платон),
Невольник робкий и покорный,
Вздыхал частехонько в хитон
И ей с улыбкою придворной
Шептал: «Все призрак, ложь и сон:
И мудрость, и народ, и слава;
Что ж истинно? одна забава,
Поверь: одна любовь не сон!»
Так ладан жег прекрасной он,
И ею... бедная Ксантипа!
Твой муж, совместник Аристипа,
Бывал до неба вознесен.
Меж тем, на милых грозно лая,
Злой Циник, негу презирая,
Один, всех радостей лишен,
Дышал, от мира отлучен.
Но, с бочкой странствуя пустою
Вослед за Мудростью слепою,
Пустой чудак был ослеплен;
И, воду черпая рукою,
Не мог зачерпнуть счастья он.

АМУР И ГИМЕНЕЙ

(СКАЗКА)

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вас новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слепого мальчика с повязкой?
Слепого?.. вот! помилуй Феб!
Амур совсем, друзья, не слеп,
Но шалости — его забавы:
Ему хотелось — о лукавый! —
Чтоб, людям на смех и назло,
Его дурачество вело.
Дурачество ведет Амура;
Но скоро богу моему
Наскучила богиня дура,
Не знаю верно почему.
Задумал новую затею:
Повязку с милых сняв очей,
Идет проказник к Гименею...
А что такое Гименей?
Он из Кипридиных детей,
Бедняжка дряхлый и ленивый,
Холодный, грустный, молчаливый,
Ворчит и дремлет целый век,
И впрочем — добрый человек,
Да нрав имеет он ревнивый.
От ревности печальный бог
Спокойно и заснуть не мог;
Все трусил маленького брата,
За ним подсматривал тайком
И караулил сопостата,
Шатаясь вечно с фонарем.
Вот мальчик мой к нему подходит
И речь коварную заводит:
«Помилуй, братец Гименей!
Что это? Я стыжусь, любезный,
И нашей ссоры бесполезной,
И вечной трусости твоей;
Ну помиримся, будь умней;
Забудем наш раздор постылый,
Но только навсегда — смотри!

Возьми ж повязку в память, милый,
А мне фонарь свой подари».
И что ж? Поверил бог унылый;
Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он силы
Обнову брату затянул.
С тех пор таинственные взоры
Не страшны больше красотам,
Не страшны грустные дозоры,
Ни пробужденья по ночам.
Спокоен он, но брат коварный,
Шутя над честью и над ним,
Войну ведет, неблагодарный,
С своим союзником слепым.
Лишь сон на смертных налетает,
Амур в молчании ночном
Фонарь любовнику вручает
И сам счастливца провождает
К уснувшему супругу в дом;
Сам от беспечного Гимена
Он охраняет тайну дверь...
Пожалуйста, мой друг Елена,
Премудрой повести поверь!

Поздняя редакция

АМУР И ГИМЕНЕЙ

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вас новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слепого мальчика с повязкой?
Слепого?.. вот! помилуй Феб!
Амур совсем, друзья, не слеп,
Но шалуну пришла ж охота,
Чтоб, людям на смех и назло,
Его безумие вело.
Безумие ведет Эрота —
Но вдруг, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затею:
Повязку с милых сняв очей,
Идет проказник к Гименею...
А что такое Гименей?
Он сын Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и ленивый,

Ворчит и дремлет целый век,
А впрочем, добрый человек,
Да нрав имеет он ревнивый.
От ревности печальный бог
Спокойно подремать не мог;
Все трусил маленького брата,
За ним подсматривал тайком
И караулил сопостата
С своим докучным фонарем.
Вот мальчик мой к нему подходит
И речь коварную заводит:
«Развеселися, Гименей!
Ну помиримся, будь умней;
Забудь, товарищ мой любезный,
Раздор смешной и бесполезный,
Да только навсегда — смотри!
Возьми ж повязку в память, милый,
А мне фонарь свой подари».
И что ж? поверил бог унылый;
Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он силы
Обнову брату затянул.
Гимена скучные дозоры
С тех пор пресеклись по ночам,
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотам,
Спокоен он — но брат коварный,
Шутя над честью и над ним,
Войну ведет, неблагодарный,
С своим союзником слепым.
Лишь сон на смертных налетает,
Амур в молчании ночном
Фонарь любовнику вручает
И сам счастливца провожает
К уснувшему супругу в дом;
Сам от беспечного Гимена
Он охраняет тайну дверь...
Пойми меня, мой друг Елена,
И мудрой повести поверь!

ФИАЛ АНАКРЕОНА

Когда на поклоненье
Ходил я в древний Пафос,
Поверьте мне, я видел
В уборной у Венеры
Фиал Анакреона.
Он Вакхом был наполнен
Светлеющею влагой —
Кругом висели розы,
Зеленый плющ и мирты,
Сплетенные рукою
Царицы наслаждений.
На краюшке я видел
Коварного Амура —
Смотрел он пригорюнясь
На пенистую влагу.
«Что смотришь ты, проказник,
На пенистую влагу? —
Спросил я Купидона. —
Скажи, что так утихнул?
Иль хочется зачерпнуть
Тебе вина златого,
Да ручка не достанет?»
«Нет, — отвечал малютка, —
Резвясь, я в это море
Колчан, и лук, и стрелы
Все бросил ненарочно,
А плавать не умею:
Вон, вон на дне блистают;
Ох, жалко мне — послушай,
Достань мне их оттуда!»
«О нет, — сказал я богу, —
Спасибо, что упали;
Пускай там остаются».

Поздняя редакция

ФИАЛ АНАКРЕОНА

Когда на поклоненье
Ходил я в древний Пафос,
Поверьте мне, я видел
В уборной у Венеры
Фиал Анакреона.
Вином он был наполнен.
Кругом висели розы,
Зеленый плющ и мирты,
Сплетенные рукою
Царицы наслаждений.
На краюшке я видел
Печального Амура —
Смотрел он пригорюнясь
На пенистую влагу.
«Что смотришь ты, проказник,
На пенистую влагу? —
Спросил я Купидона. —
Скажи, что так утихнул?
Не хочешь ли зачерпнуть,
Да ручкой не достанешь?»
«Нет, — отвечал малютка, —
Играя, в это море
Колчан, и лук, и стрелы
Я уронил, и факел
Погас в волнах багряных,
Вон, вон на дне блистают;
Я плавать не умею,
Ох, жалко мне — послушай,
Достань мне их оттуда!»
«О нет, — сказал я богу, —
Спасибо, что упали;
Пускай там остаются».

К Ш⟨ИШК⟩ОВУ

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь в владения свои,
В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой,
Где нежился Шолье с Мелецким и Парни?
Тебе, балованный питомец Аполлона,
С их пеньем соглашать игривую свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
И ныне, в юности прекрасной,
С тобою верные сопутницы твои.
Бряцай, о трубадур, на арфе сладострастной
Мечтанье раннее любви,
Пой сердца юного кипящее желанье,
Красавицы твоей упорство, трепетанье,
Со груди сорванный завистливый покров,
Стыдливости последнее роптанье
И страсти торжество на ложе из цветов, —
Пой, в неге устремив на деву томны очи,
Ее волшебные красы,
В объятиях любви утраченные ночи —
Блаженства быстрые часы...
Мой друг, *она* твоя, *она* твоя награда,
Таинственной любви бесценная отрада!
Дерзну ль тебя я воспевать,
Когда гнетет меня страданье,
Когда на каждое мечтанье
Унынье черную кладет свою печать.
Нет, нет! Друзей любить открытою душою,
В молчаньи чувствовать, пленяться красотою —
Вот жребий мой: ему я следовать готов,
Покорствую судьбам, но сжалься надо мною,
Не требуй от меня стихов.
Не вечно нежиться в прелестном ослепленьи,
Уж хладной истины докучный вижу свет.
По доброте души я верил в упоенье
Волшебнице Мечте, шепнувшей: ты поэт, —
И, презря мудрости угрозы и советы,
С небрежной легкостью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, с веселыми друзьями,

Бывало, пел вино водяными стихами,
В дурных стихах дурных писателей бранил
Иль Дружбе плел венок — и дружество зевало
И сонные стихи впросонках величало,
И даже — каюсь я — пустынник согрешил, —
Я первой пел любви невинное начало,
Но так таинственно, с таким разбором слов,
С такою скромностью стыдливой,
Что, не краснея боязливо,
Меня бы выслушал и девственный К⟨озлов⟩.
Но скрылись от меня парнасские забавы!..
Недолго был я усыплен,
Недолго снились мне мечтанья Муз и Славы:
Я строгим *опытом* невольно пробужден.
Уснув меж розами, на тернах я проснулся,
Увидел, что еще не гения печать —
Охота смертная на рифмах лепетать,
Сравнив стихи твои с моими, улыбнулся —
И полно мне писать.

Поздняя редакция

Ш⟨ИШКО⟩ВУ

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь в владения свои,
В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой,
Где нежился Тибулл, Мелецкий и Парни?
Тебе, балованный питомец Аполлона,
С их лирой соглашать игривую свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
Друзей любить открытою душою,
В молчаньи чувствовать, пленяться красотою:
Вот жребий мой; ему я следовать готов,
Но, милый, сжалься надо мною,
Не требуй от меня стихов!
Не вечно нежиться в приятном ослепленьи:
Докучной истины я поздний вижу свет,
По доброте души я верил в упоенье
Мечте, шепнувшей: ты поэт,
И, презря мудрые угрозы и советы,
С небрежной леностью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, я трезвый меж друзьями,
Бывало, пел вино водяными стихами;

Мечтательных Дорид и славил и бранил
Иль дружбе плел венок: и дружество зевало
И сонные стихи впросонках величало.
Но долго ли меня лелеял Аполлон?
Душе наскучили парнасские забавы;
Недолго снились мне мечтанья муз и славы;
И, строгим опытом невольно пробужден,
Уснув меж розами, на тернах я проснулся,
Увидел, что еще не гения печать —
Охота смертная на рифмах лепетать,
Сравнив стихи твои с моими, улыбнулся —
И полно мне писать.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокий
Во тьме глубокой
Я пробужден!..
Кругом постели
Немая ночь;
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья;
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь!
Пусть, упоенный,
Усну я вновь,
Обвороженный,
И поутру,
Вновь утомленный,
Пускай умру
Непробужденный!..

Поздняя редакция

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мечты, мечты!
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокий

Во тьме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья...
Любовь, любовь!
Внемли моленья:
Пошли мне вновь
Свои виденья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

КАРТИНЫ

I. Пастушка

С пятнадцатой весною,
Как лилия зарею,
Красавица цветет;
Все в ней очарованье:
И томное дыханье,
И взоров милый свет,
И груди трепетанье,
И розы нежный цвет —
Все юность изменяет.
Уж Лилу не пленяет
Веселый хоровод:
У брега сонных вод,
В лесах она таится,
Вздыхает и томится,
И с нею там Эрот.
Когда же в скромной хате
Пастушку на кровате
Застанет тихий сон,
В полуночном молчаньи,
При месячном сияньи,
Слетает Купидон
С волшебною мечтою,
И тайною тоскою
Исполнит сердце он.

II. Пещера

Кто там, в пещере темной,
Вечернею порой,
Окован ленью томной,
Покоится с тобой?
Итак, уж ты вкусила
Все радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волнение в крови,
И с трепетным смятеньем,
С пылающим лицом,
Ты дышешь упоеньем
Амура под крылом.

О жертва страсти нежной,
В безмолвии гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари.
Для вас поток игривый
Угрюмой тьмой одет
И месяц молчаливый
Туманный свет лиет;
Здесь розы наклонились
Над вами в темный кров;
И ветры притаились,
Где царствует любовь...

III. Фавн

Но кто там, близ пещеры,
В густой траве лежит?
На жертвенник Венеры
С досадой он глядит;
Нагнулась меж цветами
Косматая нога;
Над грустными очами
Нависли два рога.
То Фавн, угрюмый житель
Лесов и гор крутых,
Докучливый гонитель
Пастушек молодых.
Любимца Купидона —
Прекрасного Филона
Давно соперник он...
В приюте сладострастья
Он слышит вздохи счастья
И неги томный стон.
В безмолвии несчастный
Страданья чашу пьет
И в ревности напрасной
Горючи слезы льет.
Но вот ночей царица
Скатилась за леса,
И тихая денница
Румянит небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавн в дремучий бор
Бежит сокрыть печали
В ущельях диких гор.

IV. Река

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
«О, скоро ль, мрак ночной,
С прекрасною луной
Ты небом овладеешь?
О, скоро ль, дальний лес,
В туманах поседеешь
На западе небес?»
Так девица мечтала,
Подчас и воздыхала.
Вдруг слышится глухой
Ей шорох за кустами,
И вот блеснул очами
Пред нею бог лесной!
Как вешний ветерочек,
Бежит она в лесочек, —
Он гонится за ней —
Бегут, летят, и Лила
Все тайны обнажила
Младой красы своей;
И снежна грудь открылась
Дыханьем ветерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая над травой,
Пастушка робко дышет;
К реке летя стрелой,
Бег Фавна за собой
Все ближе, ближе слышит...
Отчаянья полна,
Уж чувствует она
Огонь его дыханья.
Напрасны все старанья!
Ты Фавну суждена.
Но что? тебя волна,
Красавица, сокрыла.
Река — ее могила.
Нет! — Лила спасена.

V. Чудо

Амуры златокрылы
И нежный Купидон
На помощь бедной Лилы

Летят со всех сторон;
Оставили Цитеру
И мать свою Венеру,
По скачущим волнам
Везут ее в пещеру —
Любви укромный храм.
Счастливец был уж там.
И вот уже с Филоном
Забвенье пьет она,
И страсти тихим стоном
Прервалась тишина...
Спокойно дремлет Лила
На розах нег и сна,
И луч свой погасила
За облаком луна.

VI. Фиал

Поникнув головою,
Несчастный бог лесов
Один вечерней тьмою
Бродил у берегов.
«Прости, любовь и радость! —
Со вздохом молвил он, —
Губить в печали младость
Я роком осужден!»
Вдруг из леса румяный
С кувшином непустым
Сатир немного пьяный
Явился перед ним:
Он мутными глазами
Пути домой искал
И козьими ногами
Едва переступал;
Шел, шел и натолкнулся
На Фавна моего, —
В сторонку пошатнулся,
Склонился на него...
«Ты ль это, брат любезный? —
Вскричал Сатир седой, —
В какой стране безвестной
Я встретился с тобой?»
«Ах! — молвил Фавн уныло, —
Завяли дни мои!
Все, все мне изменило,
Несчастен я в любви».
«Что слышу? от Амура

Ты страждешь и грустишь,
Малютку-бедокура
И ты боготворишь!
Возможно ль? Так забвенье
В кувшине почерпай
И чашу наслажденья
Наполни через край!»
И пена засверкала,
И вот вино кипит,
И с первого фиала —
Амур уже забыт.

VII. Очередь

Что, Лила? что с тобою?
В пещерной глубине,
Покрытая тоскою,
Ты плачешь в тишине;
Грустишь уединенно,
И свет тебе постыл!
Где ж сердца друг бесценный?
Увы, он изменил!
О Лила! вянут розы
Минутныя любви:
Познай печали слезы
И терны ныне рви.

VIII. Философ

В губительном стремленьи
За годом год летит,
И старость в отдаленьи
Красавице грозит.
Амур уже с поклоном
Расстался с красотой,
И вслед за Купидоном
Влюбленных скрылся рой.
Ах! грустно сердцу Лилы,
Печальной и одной,
Без милого к могиле
Тащиться над клюкой.
В лесу пастушка бродит
Безмолвна и грустна.
Кого же там находит?
Вдруг Фавна зрит она.
Хоть Фавн и не находка
Для Лилы прежних лет,
Но вздумала красотка

Любви раскинуть сеть.
Философ козлоногий
Под липою лежал
И пенистый фиал,
Венком украсив роги,
Лениво осушал.
Подкралась, устремила
Коварный, томный взор
И, слышал я, клонила
К любви весь разговор.
Но Фавн с улыбкой злою,
Напеня свой фиал,
Качая головою,
Насмешливо сказал:
«Нет, Лила! я в покое —
Других, мой друг, лови;
Есть время для любви,
Для мудрости другое.
Бывало, я тобой
В безумии пленялся,
Бывало, восхищался
Коварной красотой,
И сердце, тлея страстью,
К тебе меня влекло.
Бывало... но, по счастью, —
Что было, то прошло».

Поздняя редакция

ФАВН И ПАСТУШКА

КАРТИНЫ

I. Пастушка

С пятнадцатой весною,
Как лилия с зарею,
Красавица цветет;
Все в ней очарованье:
И томное дыханье,
И взоров томный свет,
И груди трепетанье,
И розы нежный цвет.
Все юность изменяет.
Уж Лилу не пленяет
Веселый хоровод;
Одна, у сонных вод,

В лесах она таится,
Вздыхает и томится,
И с нею там Эрот.
Когда же, ночью темной,
Ее в постеле скромной
Застанет тихий сон,
В полуночном молчаньи,
При месячном сияньи,
Слетает Купидон
С волшебною мечтою,
И тихою тоскою
Исполнит сердце он —
И Лила в сновиденьи
Вкушает наслажденье
И шепчет: «О Филон!»

II. Пещера

Кто там, в пещере темной,
Вечернею порой,
Окован ленью томной,
Покоится с тобой?
Итак, уж ты вкусила
Все радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волнение в крови,
И с трепетным смятеньем,
С пылающим лицом,
Ты дышешь упоеньем
Амура под крылом.
О жертва страсти нежной,
В безмолвии гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари.
Для вас поток игривый
Угрюмой тьмой одет
И месяц молчаливый
Туманный свет лиет;
Здесь розы наклонились
Над вами в темный кров,
И ветры притаились,
Где царствует любовь...

III. Фавн

Но кто там, близ пещеры,
В густой траве лежит?
На жертвенник Венеры

С досадой он глядит;
Нагнулась меж цветами
Косматая нога,
Над грустными очами
Нависли два рога.
То Фавн, угрюмый житель
Лесов и гор крутых,
Докучливый гонитель
Пастушек молодых.
Любимца Купидона —
Прекрасного Филона
Давно соперник он...
В приюте сладострастья
Он слышит вздохи счастья
И неги томный стон.
В безмолвии несчастный
Страданья чашу пьет
И в ревности напрасной
Горючи слезы льет.
Но вот ночей царица
Скатилась за леса,
И тихая денница
Румянит небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавн в дремучий бор
Бежит сокрыть печали
В ущельях диких гор.

IV. Река

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
«О, скоро ль, мрак ночной,
С прекрасною луной
Ты небом овладеешь?
О, скоро ль, темный лес,
В туманах засинеешь
На западе небес?»
Но шорох за кустами
Ей слышится глухой,
И вдруг — сверкнул очами
Пред нею бог лесной!
Как вешний ветерочек,
Летит она в лесочек,
Он гонится за ней —

И трепетная Лила
Все тайны обнажила
Младой красы своей;
И нежна грудь открылась
Лобзаньям ветерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая над травой,
Пастушка робко дышет,
К реке летя стрелой,
Бег Фавна за собой
Все ближе, ближе слышит.
Отчаянья полна,
Уж чувствует она
Огонь его дыханья...
Напрасны все старанья:
Ты Фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла;
Река — ее могила...
Нет! — Лила спасена.

V. Чудо

Эроты златокрылы
И нежный Купидон
На помощь юной Лилы
Летят со всех сторон;
Все бросили Цитеру,
И мирных сел Венеру
По трепетным волнам
Несут они в пещеру —
Любви пустынный храм.
Счастливец был уж там...
И вот уже с Филоном
Веселье пьет она,
И страсти тихим стоном
Прервалась тишина.
Спокойно дремлет Лила
На розах нег и сна,
И луч свой угасила
За облаком луна.

VI. Фиал

Поникнув головою,
Несчастный бог лесов
Один с вечерней тьмою

Бродил у берегов.
«Прости, любовь и радость! —
Со вздохом молвил он, —
В печали тратить младость
Я роком осужден!»
Вдруг из лесу румяный,
Шатаясь, перед ним
Сатир явился пьяный
С кувшином круговым;
Он мутными глазами
Пути домой искал
И козьими ногами
Едва переступал;
Шел, шел и натолкнулся
На Фавна моего, —
Со смехом отшатнулся,
Склонился на него...
«Ты ль это, брат любезный? —
Вскричал Сатир седой, —
В какой стране безвестной
Я встретился с тобой?»
«Ах! — молвил Фавн уныло, —
Завяли дни мои!
Все, все мне изменило,
Несчастен я в любви».
«Что слышу? от Амура
Ты страждешь и грустишь,
Малютку-бедокура
И ты боготворишь?
Возможно ль? Так забвенье
В кувшине почерпай
И чашу в утешенье
Наполни через край!»
И пена засверкала
И на краях шипит,
И с первого фиала —
Амур уже забыт.

VII. Измена

Кто ж, дерзостный, владеет
Твоею красотой?
Неверная, кто смеет
Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать
И с Лилою прекрасной

В восторгах умирать?
Итак, ты изменила?
Красавица, пленяй,
Спеши любить, о Лила!
И снова изменяй.

VIII. Очередь

Что, Лила, что с тобою?
В пещерной глубине,
Сокрытая тоскою,
Ты плачешь в тишине;
Грустишь уединенно,
И свет тебе постыл!
Где ж сердца друг бесценный?
Увы, он изменил!
Прошли восторги, счастье,
Как с утром легкий сон;
Где тайны сладострастья?
Где нежный Палемон?
О Лила! вянут розы
Минутныя любви:
Познай же грусть и слезы —
И ныне терны рви!

IX. Философ

В губительном стремленьи
За годом год летит,
И старость в отдаленьи
Красавице грозит.
Амур уже с поклоном
Расстался с красотой,
И вслед за Купидоном
Веселья скрылся рой.
В лесу пастушка бродит
Печальна и одна.
Кого же там находит?
Вдруг Фавна зрит она.
Философ козлоногий
Под липою лежал
И пенистый фиал,
Венком украсив роги,
Лениво осушал.
Хоть Фавн и не находка
Для Лилы прежних лет,
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сеть:

Подкралась, устремила
На Фавна томный взор
И, слышал я, клонила
К развязке разговор.
Но Фавн с улыбкой злою,
Напеня свой фиал,
Качая головою,
Красавице сказал:
«Нет, Лила! я в покое —
Других, мой друг, лови;
Есть время для любви,
Для мудрости другое.
Бывало, я тобой
В безумии пленялся,
Бывало, восхищался
Коварной красотой,
И сердце, тлея страстью,
К тебе меня влекло.
Бывало... но, по счастью, —
Что было, то прошло».

Любовь одна — веселье жизни хладной,
Любовь одна — мучение сердец.
Она дарит один лишь миг отрадный,
А горестям не виден и конец.
Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на лету;
Кто к радостям и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту!

Но кто любви не жертвовал собою?
Вы, чувствами свободные певцы!
Пред милыми смирялись вы душою,
Вы пели страсть — и гордою рукою
Красавицам несли свои венцы.
Слепой Амур, жестокий и пристрастный,
Вам терния и мирты раздавал;
С пермесскими царицами согласный,
Иным из вас на радость указал;
Других навек печалями связал
И в дар послал огонь любви несчастной.

Наследники Тибулла и Парни!
Вы знаете бесценной жизни сладость;
Как утра луч, сияют ваши дни.
Певцы любви! младую пойте радость;
Склонив уста к пылающим устам,
В объятиях любовниц умирайте;
Стихи любви тихонько воздыхайте!..
Завидовать уже не смею вам.

Певцы любви! вы ведали печали,
И ваши дни по терниям текли;
Вы свой конец с волненьем призывали;
Пришел конец, и в жизненной дали
Не зрели вы минутную забаву;
Но, не нашед блаженства ваших дней,
Вы встретили по крайней мере славу,
И мукою бессмертны вы своей!

Не тот удел судьбою мне назначен:
Под сумрачным навесом облаков,
В глуши долин, в печальной тьме лесов,
Один, один брожу уныл и мрачен.
В вечерний час над озером седым
В тоске, слезах нередко я стенаю;
Но ропот волн стенаниям моим
И шум дубрав в ответ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сон,
Поэзии зажжется ль упоенье, —
Родится жар, и тихо стынет он:
Бесплодное проходит вдохновенье.
Пускай она прославится другим,
Один люблю, — он любит и любим!..
Люблю, люблю!.. но к ней уж не коснется
Страдальца глас; она не улыбнется
Его стихам небрежным и простым.
К чему мне петь? под кленом полевым
Оставил я пустынному зефиру
Уж навсегда покинутую лиру,
И слабый дар как легкий скрылся дым.

НАСЛАЖДЕНЬЕ

В неволе скучной увядает
Едва развитый жизни цвет,
Украдкой младость отлетает,
И след ее — печали след.
С минут бесчувственных рожденья
До нежных юношества лет
Я все не знаю наслажденья
И счастья в томном сердце нет.

С порога жизни в отдаленье
Нетерпеливо я смотрел:
«Там, там, — мечтал я, — наслажденье!»
Но я за призраком летел.
Златые крылья развивая,
Волшебной нежной красотой
Любовь явилась молодая
И полетела предо мной.

Я вслед... но цели отдаленной,
Но цели милой не достиг!..
Когда ж весельем окриленный
Настанет счастья быстрый миг?
Когда в сияньи возгорится
Светильник тусклый юных дней
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

ПОГРЕБ

О, сжальтесь надо мною,
Товарищи-друзья!
Красоткой удалою
Вконец измучен я.

Всечасно я тоскую,
Горька моя судьба,
Несите ж круговую,
Откройте погреба.

Там, там во льду хранится
Бутылок гордый строй
И портера таится
Бочонок выписной.

Нам Либер, заикаясь,
К нему покажет путь, —
Пойдемте все, шатаясь,
Под бочками заснуть!

В них сердца утешенье,
Награда для певцов,
И мук любви забвенье,
И жар моих стихов.

СРАВНЕНИЕ

Не хочешь ли узнать, моя драгая,
Какая разница меж Буало и мной?
У Депрео была лишь ,
А у меня : с ,

1817

ПОРТРЕТ

Вот карапузик наш, монах,
Поэт, писец и воин.
Всегда, за все, во всех местах
Крапивы он достоин:
С Мартыном поп он записной,
С Фроловым математик;
Вступает Энгельгардт-герой —
И вмиг он дипломатик.

COUPLETS

Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traîne sa phrase,
Quand on écoute un perroquet,
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
«*Jusqu'au plaisir de nous revoir*».

Mais tête-à-tête avec sa belle,
Ou bien avec des gens d'esprit,
Le vrai bonheur se renouvelle,
On est content, l'on chante, on rit.
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir
A vos amis, à vos bouteilles:
«*Jusqu'au plaisir de nous revoir*».

Amis, la vie est un passage
Et tout s'écoule avec le temps,
L'amour aussi n'est qu'un volage,
Un oiseau de notre printemps;
Trop tôt il fuit, riant sous cape —
C'est pour toujours, adieu l'Espoir!
On ne dit pas dès qu'il s'échappe:
«*Jusqu'au plaisir de nous revoir*».

Le temps s'enfuit triste et barbare,
Et tôt ou tard on va *là-haut*.
Souvent — le cas n'est pas si rare —
Hasard nous sauve du tombeau.
Des maux s'éloignent les cohortes
Et le squelette horrible et noir
S'en va frappant à d'autres portes:
«*Jusqu'au plaisir de nous revoir*».

Mais quoi? je sens que je me lasse
En lassant mes chers auditeurs,
Allons, je descends du Parnasse —
Il n'est pas fait pour les chanteurs,

Pour des couplets mon feu s'allume,
Sur un refrain j'ai du pouvoir,
C'est bien assez — adieu, ma plume!
«*Jusqu'au plaisir de nous revoir*».

Перевод с французского:

КУПЛЕТЫ

Когда поэт в восторге
Читает вам свою оду или поздравительные стихи,
Когда рассказчик тянет фразу,
Когда слушаешь попугая,
Не находя ни слова смешного, —
Засыпаешь, зеваешь в платок,
Ждешь минуты, когда пора сказать:
«*До приятного свидания*».

Но наедине со своей красавицей
Или с умными людьми
Снова испытываешь истинное счастье,
Бываешь довольным, смеешься, поешь.
Наслаждайтесь дольше вашими мирными бдениями
И пойте на исходе вечера
Вашим друзьям, вашим бутылкам:
«*До приятного свидания*».

Друзья, жизнь мгновенна,
И все уходит вместе со временем,
Любовь тоже мимолетна,
Это наша весенняя пташка.
Слишком рано она исчезает, смеясь украдкой,
И навсегда — прощай Надежда!
Когда она упорхнет, не скажешь более:
«*До приятного свидания*».

Время бежит, печальное и жестокое, —
И рано или поздно отправимся *на тот свет*.
Иногда — это бывает не так уж редко —
Случай спасает нас от могилы.
Удаляются полчища страданий,
И черный ужасный скелет
Уходит стучаться в другие двери:
«*До приятного свидания*».

Но что? я чувствую, что утомился,
Утомляя моих дорогих слушателей.
Ну что ж, я спускаюсь с Парнаса —
Он создан не для певцов.
Меня вдохновляют куплеты,
У меня власть над припевом.
Этого довольно — прощай, перо!
«*До приятного свидания*».

К ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

НА БАБОЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ

Прекрасная! пускай восторгом насладится
В объятиях твоих российский полубог.
Что с участью твоей сравнится?
Весь мир у ног его — здесь у твоих он ног.

И останешься с вопросом
На брегу замерзлых вод:
«Мамзель Шредер с красным носом
Милых Вельо не ведет?»

К КАВЕРИНУ

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои гусарские грехи.
Прослыть апостолом Зенонова ученья,
Быть может, хорошо — но ни тебе, ни мне.
Я знаю, что страстей волненья,
И шалости, и заблужденья
Пристали наших дней блистательной весне.
Пускай умно, хотя неосторожно,
Дурачиться мы станем иногда —
Пока без лишнего стыда
Дурачиться нам будет можно.
Всему пора, всему свой миг,
Все чередой идет определенной:
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Насытясь жизнию у юных дней в гостях,
Простимся навсегда с Веселием шумливым,
С Венерой пылкою и с Вакхом прихотливым,
Вздохнем об них, как о друзьях,
И Старость удивим поклоном молчаливым.
Теперь в беспечности живи,
Люби друзей, храни об них воспоминанье,
Молись и Кому и Любви,
Минуту юности лови
И черни презирай ревнивое роптанье.
Она не ведает, что можно дружно жить
С стихами, с картами, с Платоном и с бокалом,
Что резвых шалостей под легким покрывалом
И ум возвышенный и сердце можно скрыть.

Поздняя редакция

К К⟨АВЕРИНУ⟩

Забудь, любезный мой К⟨авер⟩ин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.

Все чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Молись и Вакху, и любви
И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

БЕЗВЕРИЕ

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленье:
Имеет он права на ваше снисхожденье,
На слезы жалости; внемлите брата стон,
Несчастный не злодей, собою страждет он.
Кто в мире усладит души его мученья?
Увы! он первого лишился утешенья!
Взгляните на него — не там, где каждый день
Тщеславие на всех наводит ложну тень,
Но в тишине семьи, под кровлею родною,
В беседе с дружеством иль темною мечтою.
Найдите там его, где илистый ручей
Проходит медленно среди нагих полей;
Где сосен вековых таинственные сени,
Шумя, на влажный мох склонили вечны тени.
Взгляните — бродит он с увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой,
То грусти слезы льет, то слезы сожаленья.
Напрасно ищет он унынью развлеченья;
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вкруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет Божества, а сердце не находит.

Настигнет ли его глухих судеб удар,
Отъемлется ли вдруг минутный счастья дар,
В любви ли, в дружестве обнимет он измену
И их почувствует обманчивую цену:
Лишенный всех опор отпадший веры сын
Уж видит с ужасом, что в свете он один
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира...

Несчастия, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб, родясь, осуждены.
Всечасно бренных уз готово разрушенье;
Наш век — неверный день, всечасное волненье.

Когда, холодной тьмой объемля грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час,
Ужасно чувствовать слезы последней муку —
И с миром начинать безвестную разлуку!
Тогда, беседуя с отвязанной душой,
О Вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь
И ободренную с Надеждой отпускаешь...
Но, други! пережить ужаснее друзей!
Лишь Вера в тишине отрадою своей
Живит унывший дух и сердца ожиданье.
«Настанет, — говорит, — назначенно свиданье!»

А он (слепой мудрец!), при гробе стонет он,
С усладой бытия несчастный разлучен,
Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает... нет ответа!

Видали ль вы его в безмолвных тех местах,
Где кровных и друзей священный тлеет прах?
Видали ль вы его над хладною могилой,
Где нежной Делии таится пепел милый?
К почившим позванный вечерней тишиной,
К кресту приникнул он бесчувственной главой,
Стенанья изредка глухие раздаются,
Он плачет — но не те потоки слез лиются,
Которы сладостны для страждущих очей
И сердцу дороги свободою своей;
Но слез отчаянья, но слез ожесточенья.
В молчаньи ужаса, в безумстве исступленья,
Дрожит, и между тем под сенью темных ив,
У гроба матери колена преклонив,
Там дева юная в печали безмятежной
Возводит к небу взор болезненный и нежный,
Одна, туманною луной озарена,
Как ангел горести является она;
Вздыхает медленно, могилу обнимает —
Все тихо вкруг его, а, кажется, внимает.
Несчастный на нее в безмолвии глядит,
Качает головой, трепещет и бежит,
Спешит он далее, но вслед унынье бродит.

Во храм ли Вышнего с толпой он молча входит,
Там умножает лишь тоску души своей.
При пышном торжестве старинных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье
Тревожится его безверия мученье.

Он Бога тайного нигде, нигде не зрит.
С померкшею душой святыне предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.
«Счастливцы! — мыслит он, — почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном и строгом,
С одной лишь верою повергнуться пред Богом!»

Напрасный сердца крик! нет, нет! не суждено
Ему блаженство знать! Безверие одно,
По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
Влечет несчастного до хладных врат могилы.
И что зовет его в пустыне гробовой —
Кто ведает? но там лишь видит он покой.

Поздняя редакция

БЕЗВЕРИЕ

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленье:
Имеет право он на ваше снисхожденье.
С душою тронутой внемлите брата стон,
Несчастный не злодей, собою страждет он.
Кто в мире усладит души его мученья?
Увы, он первого лишился утешенья!
Настигнет ли его глухих судеб удар,
Отъемлется ли вдруг минутный счастья дар,
В любви ли, в дружестве обнимет он измену
И их почувствует обманчивую цену:
Лишенный всех опор отпадший веры сын
Уж видит с ужасом, что в свете он один
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира...
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вкруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет Божества, а сердце не находит.

Несчастия, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб, родясь, осуждены.

Всечасно бренных уз готово разрушенье,
Наш век — неверный день, минутное волненье.
Когда, холодной тьмой объемля грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час,
Ужасно чувствовать слезы последней муку —
И с миром начинать безвестную разлуку!

Тогда, беседуя с раскованной душой,
О Вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь
И ободренную с Надеждой отпускаешь...
Но, други! пережить ужаснее друзей!
Лишь Вера в тишине отрадою своей
Живит унывший дух и сердца ожиданье.
«Настанет, — говорит, — назначенно свиданье!»
А он, слепой мудрец! при гробе стонет он,
С отрадой бытия несчастный разлучен,
Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает... нет ответа.

Видали ль вы его в безмолвных тех местах,
Где кровных и друзей священный тлеет прах?
Видали ль вы его над хладною могилой,
Где нежной Делии таится пепел милый?
К почившим позванный вечерней тишиной,
К кресту приникнул он бесчувственной главой,
В слезах отчаянья, в слезах ожесточенья,
В молчаньи ужаса, в безумстве исступленья,
Рыдает — и меж тем под сенью темных ив,
У гроба матери колена преклонив,
Там дева юная в печали безмятежной
Возводит к небу взор болезненный и нежный,
Одна, туманною луной озарена,
Как ангел горести является она;
Вздыхает медленно, могилу обнимает —
Все тихо вкруг нее, а, кажется, внимает.
Несчастный на нее в безмолвии глядит,
Качает головой, трепещет и бежит,
Но тайно вслед за ним немая скука бродит.
Во храм ли Вышнего с толпой народа входит,
Там умножает он тоску души своей.
При пышном торжестве священных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье
Тревожится его безверия мученье;
Он Бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит,

Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.
«Счастливцы! — мыслит он, — почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном и строгом,
С единой верою повергнуться пред Богом!»
Напрасный сердца крик! нет, нет! не суждено
Ему блаженство знать! Безверие одно,
По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
Несчастного влечет до хладных врат могилы,
И что зовет его в пустыне гробовой —
Кто ведает? но там лишь видит он покой.

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ

Лида, друг мой неизменный,
Почему сквозь легкий сон
Часто, негой утомленный,
Слышу я твой тихий стон?
Почему, в любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взор недвижный, боязливый
Устремляешь в темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморок любви,
Иногда я замечаю
Слезы тайные твои?
Ты рассеянно внимаешь
Речи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладен взор твоих очей...
О бесценная подруга!
Вечно ль слезы проливать,
Вечно ль мертвого супруга
Из могилы вызывать?
Верь мне: узников могилы
Там объемлет вечный сон;
Им не мил уж голос милый,
Не прискорбен скорби стон;
Не для них — весенни розы,
Сладость утра, шум пиров,
Откровенной дружбы слезы
И любовниц робкий зов...
Рано друг твой незабвенный
Вздохом смерти воздохнул
И, блаженством упоенный,
На груди твоей уснул.
Спит увенчанный счастливец;
Верь любви — невинны мы.
Нет, разгневанный ревнивец
Не придет из вечной тьмы;
Тихой ночью гром не грянет,
И завистливая тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

Поздняя редакция

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ

Лида, друг мой неизменный,
Почему сквозь тонкий сон,
Наслажденьем утомленный,
Слышу я твой тихий стон?
Почему, когда сгораю
В неге пламенной любви,
Иногда я примечаю
Слезы тайные твои?
Ты рассеянно внимаешь
Речи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладен взор твоих очей.
О бесценная подруга!
Все ли слезы проливать,
Все ли мертвого супруга
Из могилы вызывать?
Верь мне: узников могилы
Беспробуден хладный сон;
Им не мил уж голос милый,
Не прискорбен скорби стон;
Не для них — надгробны розы,
Сладость утра, шум пиров,
Дружбы искренние слезы
И любовниц робкий зов!
Рано друг твой незабвенный
Вздохом смерти воздохнул
И, блаженством упоенный,
На груди твоей уснул.
Спит увенчанный счастливец,
Верь любви — невинны мы.
Нет, разгневанный ревнивец
Не придет из вечной тьмы;
Тихой ночью гром не грянет,
И завистливая тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

ЭЛЕГИЯ

Опять я ваш, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки;
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.
Все те же вы, но сердце уж не то же:
Уже не вы ему всего дороже,
Уж я не тот... невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
Ушла навек, и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.
Веселие рассталося с душой.
Отверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смех, и резвость, и покой —
Я все забыл; печали молчаливой
Покров лежит над юною главой...
Напрасно вы беседою шутливой
И нежностью души красноречивой
Мой тяжкий сон хотите перервать,
Все кончилось, — и резвости счастливой
В душе моей изгладилась печать.
Чтоб удалить угрюмые страданья,
Напрасно вы несете лиру мне;
Минувших дней погаснули мечтанья,
И умер глас в бесчувственной струне.
Перед собой одну печаль я вижу!
Мне страшен мир, мне скучен дневный свет;
Пойду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак, — я радость ненавижу;
Во мне застыл ее минутный след.
Опали вы, листы вчерашней розы!
Не доцвели до месячных лучей.
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольно льются слезы,
И вяну я на темном утре дней.

О Дружество! предай меня забвенью;
В безмолвии покорствую судьбам,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустыням и слезам.

Поздняя редакция

ЭЛЕГИЯ

Опять я ваш, о юные друзья!
Печальные сокрылись дни разлуки;
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.
Все те же вы, но время уж не то же:
Уже не вы душе всего дороже,
Уж я не тот... невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
Навек ушла — и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.
Отверженный судьбой несправедливой,
И ласки муз, и радость, и покой —
Я все забыл; печали молчаливой
Рука лежит над юною главой...
Перед собой одну печаль я вижу!
Мне скучен мир, мне страшен дневный свет,
Иду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак, — я радость ненавижу,
Во мне застыл ее минутный след.
Чтоб отогнать угрюмые страданья,
Напрасно вы несете лиру мне:
[Минувших дней] погаснули мечтанья,
И умер глас в бесчувственной струне.
Опали вы, листы вчерашней розы!
Не доцвели до завтрашних лучей.
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольно льются слезы,
И вяну я на темном утре дней.

О Дружество! предай меня забвенью;
В безмолвии покорствую судьбам,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустыням и слезам.

К ДЕЛЬВИГУ

Блажен, кто с юных лет увидел пред собою
Извивы темные двухолмной высоты,
Кто жизни в тайный путь с невинною душою
Пустился пленником мечты!
Наперснику богов безвестны бури злые,
Над ним их промысел, безмолвною порой
Его баюкают камены молодые
И с перстом на устах хранят певца покой.
Стыдливой грации внимает он советы
И, чувствуя в груди огонь еще младой,
Восторженный, поет на лире золотой.
О Дельвиг! счастливы поэты!

Мой друг, и я певец! и мой смиренный путь
В цветах украсила богиня песнопенья,
И мне в младую боги грудь
Влияли пламень вдохновенья.
В младенчестве моем я чувствовать умел,
Все жизнью вкруг меня дышало,
Все резвый ум обворожало.
И первую черту я быстро пролетел.
С какою тихою красою
Минуты детства протекли;
Хвала, о боги! вам, вы мощною рукою
От ярых гроз мирских невинность отвели.
И были дни мои посвящены покою.
Но все прошло — и скрылись в темну даль
Свобода, радость, восхищенье;
Другим и юность наслажденье;
Она мне мрачная печаль!
Так рано зависти увидеть зрак кровавый
И низкой клеветы во мгле сокрытый яд.
Нет, нет! ни счастием, ни славой
Не буду ослеплен. Пускай они манят
На край погибели любимцев обольщенных.
Исчез священный жар!
Забвенью сладких песней дар
И голос струн одушевленных!
Во прах и лиру и венец!
Пускай не будут знать, что некогда певец,

Враждою, завистью на жертву обреченный,
Погиб на утре лет,
Как ранний на поляне цвет,
Косой безвременно сраженный.
И тихо проживу в безвестной тишине;
Потомство грозное не вспомнит обо мне,
И гроб несчастного, в пустыне мрачной, дикой,
Забвенья порастет ползущей повиликой!

Поздняя редакция

ДЕЛЬВИГУ

Любовью, дружеством и ленью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их надежной сенью;
В уединении ты счастлив: ты поэт.
Наперснику богов не страшны бури злые,
Над ним их промысел высокий и святой,
Его баюкают камены молодые
И с перстом на устах хранят его покой.
О милый друг, и мне богини песнопенья
Еще в младенческую грудь
Влияли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я лирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел,
И лира стала мой удел.
Но где же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевленный труд и слезы вдохновенья!
Как дым исчез мой легкий дар.
Как рано зависти привлек я взор кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжал!
Нет, нет, ни счастием, ни славой,
Ни гордой жаждою похвал —
Не буду увлечен, — в бездействии счастливом
Забуду милых муз, мучительниц моих;
Но, может быть, вздохну в восторге молчаливом,
Внимая звуку струн твоих.

СТАНСЫ

(ИЗ ВОЛЬТЕРА)

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне протекши дни,
С моей вечернею зарею
Мое ты утро съедини!

Мой век невидимо проходит,
Из круга смехов и харит
Уж Время скрыться мне велит
И за руку меня выводит.

Не даст оно пощады нам.
Кто применяться не умеет
Своим изменчивым годам,
Тот их несчастья лишь имеет.

Счастливцам резвым, молодым
Оставим страсти заблужденья;
Живем мы в мире два мгновенья —
Одно рассудку отдадим.

Вы, услаждавшие печали
Минутной младости моей,
Любовь, мечтанья первых дней —
Ужель навек вы убежали?

Нам должно дважды умирать:
Проститься с сладостным мечтаньем —
Вот смерть ужасная страданьем!
Что значит после не дышать?

На пасмурном моем закате,
Среди пустынной темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманов милыя мечты.

Тогда на голос мой унылый
Мне дружба руку подала,
Она любви подобна милой
В одной лишь нежности была.

Я ей принес увядши розы
Отрадных юношества дней
И вслед пошел, но лил я слезы,
Что мог идти вослед лишь ей!

Поздняя редакция

СТАНСЫ

ИЗ ВОЛЬТЕРА

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни
И мой рассвет соедини
С моей вечернею зарею!

Мой век невидимо проходит,
Из круга смехов и харит
Уж Время скрыться мне велит
И за руку меня выводит.

Пред ним смириться должно нам.
Кто применяться не умеет
Своим пременчивым годам,
Тот горесть их одну имеет.

Счастливцам резвым, молодым
Оставим страсти заблужденья;
Живем мы в мире два мгновенья —
Одно рассудку отдадим.

Ужель навек вы убежали,
Любовь, мечтанья первых дней —
Вы, услаждавшие печали
Минутной младости моей?

Нам должно дважды умирать:
Проститься с сладостным мечтаньем —
Вот смерть ужасная страданьем!
Что значит после не дышать?

На сумрачном моем закате,
Среди вечерней темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманов сладостной мечты.

Тогда на голос мой унылый
Мне дружба руку подала,
Она любви подобна милой
В одной лишь нежности была.

Я ей принес увядши розы
Веселых юношества дней
И вслед пошел, но лил я слезы,
Что мог идти вослед лишь ей!

ПИСЬМО К ЛИДЕ

Лишь благосклонный мрак раскинет
Над нами тихий свой покров
И время к полночи придвинет
Стрелу медлительных часов,
Когда не спит в тиши природы
Одна счастливая любовь,
Тогда моей темницы вновь
Покину я немые своды...
Летучих остальных минут
Мне слишком тягостна потеря —
Но скоро аргусы заснут,
Замкам предательным поверя,
И я в обители твоей...
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смелым, трепетным рукам,
По воспаленному дыханью
И жарким, ласковым устам
Узнай любовника — настали
Восторги, радости мои!..
О Лида, если б умирали
С блаженства, неги и любви!

Поздняя редакция

ПИСЬМО К ЛИДЕ

Лишь благосклонный мрак раскинет
Над нами тихий свой покров,
Лишь только время передвинет
Стрелу медлительных часов,
В счастливой тишине природы
Когда не спит одна любовь, —
Тогда моей темницы вновь
Покину я глухие своды,
И я в обители твоей...
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,

По смелым, трепетным рукам,
По воспаленному дыханью
И жарким, ласковым устам
Узнай любовника — настали
Восторги, радости мои!
О Лида, если б умирали
С восторгов пламенной любви!

К ПИСЬМУ

В нем радости мои; когда померкну я,
Пускай оно груди бесчувственной коснется:
Быть может, милые друзья,
Быть может, сердце вновь забьется.

СНОВИДЕНИЕ

Недавно, обольщен прелестным сновиденьем,
В венце сияющем, царем я зрел себя;
Мечталось, я любил тебя —
И сердце билось наслажденьем.
Я страсть у ног твоих в восторгах изъяснял.
Мечты! ах! отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только — царство потерял.

ОНА

«Печален ты; признайся, что с тобой».
«Люблю, мой друг!» — «Но кто ж тебя пленила?»
«Она». — «Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лила?»
«О нет!» — «Кому ж ты жертвуешь душой?»
«Ах! *ей*!» — «Ты скромен, друг сердечный!
Но почему ж ты столько огорчен?
И кто виной? Супруг, отец, конечно...»
«Не то, мой друг!» — «Но что ж?» — «Я *ей* не *он*».

ПОСЛАНИЕ В. Л. ПУШКИНУ

Скажи, парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник
Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?
Ужели тот, кто иногда
Жжет ладан Аполлону даром,
За честь не смеет без стыда
Жечь порох на войне с гусаром
И, если можно, города?
Беллона, Муза и Венера —
Вот, кажется, святая вера
Дней наших всякого певца.
Я шлюсь на русского Буфлера
И на Дениса-храбреца,
Но не на Глинку-офицера,
Довольно плоского певца;
Не нужно мне его примера...
Ты скажешь: «Перестань, болтун!
Будь человек, а не драгун;
Парады, караул, ученья —
Все это оды не внушит,
А только душу иссушит,
И к Марину для награжденья,
Быть может, прямо за Коцит
Пошлют читать его творенья.
Послушай дяди, милый мой:
Ступай себе к слепой Фемиде
Иль к дипломатике косой!
Кропай, мой друг, посланья к Лиде,
Оставь военные грехи
И в сладостях успокоенья
Пиши сенатские решенья
И пятистопные стихи;
И не с гусарского корнета, —
Возьми пример с того поэта,
С того, которого рука
Нарисовала Ермака
В снегах незнаемого света,
И плен могучего Мегмета,
И мужа модного рога,

Который, милостию Бога,
Министр и сладостный певец,
Был строгой чести образец,
Как образец он будет слога».
Все так, почтенный дядя мой,
Почтен, кто глупости людской
Решит запутанные споры;
Умен, кто хитрости рукой
Переплетает меж собой
Дипломатические вздоры
И правит нашею судьбой.
Смешон, конечно, мирный воин,
И эпиграммы самой злой
В известных «Святках» он достоин.
Но что прелестней и живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней бранных дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав, и нег, и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В Тибурских сумрачных лесах;
Не знают света принужденья,
Не ведают, что скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла.
Но вы, враги трудов и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вам на ухо: вы правы,
И с вами соглашаюсь я!
Бог создал для себя природу,
Свой рай и счастие глупцам,
Злословие, мужчин и моду,
Конечно, для забавы дам,
Заботы знатному народу,
Дурачество для всех, — а нам
Уединенье и свободу!

Поздняя редакция

П⟨УШКИ⟩НУ

Что восхитительней, живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней кратких дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав, и нег, и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В Тибурских сумрачных лесах;
Не знают света принужденья,
Не ведают, что скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла!

В АЛЬБОМ ИЛЛИЧЕВСКОМУ

Мой друг! неславный я поэт,
Хоть христианин православный.
Душа бессмертна, слова нет,
Моим стихам удел неравный —
И песни музы своенравной,
Забавы резвых, юных лет,
Погибнут смертию забавной,
И нас не тронет здешний свет!

Ах! ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души моей
Бессмертие своих творений.

Не властны мы в судьбе своей,
По крайней мере, нет сомненья,
Сей плод небрежный вдохновенья,
Без подписи, в твоих руках
На скромных дружества листках
Уйдет от общего забвенья...
Но пусть напрасен будет труд,
Твоею дружбой оживленный, —
Мои стихи пускай умрут —
Глас сердца, чувства неизменны
Наверно их переживут!

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

Встречаюсь я с осьмнадцатой весной.
В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимая шум дубравный,
Над озером иду рука с рукой.
Где вы, лета беспечности недавной?
С надеждами во цвете юных лет,
Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый и славный, —
Моя стезя печальна и темна;
И нежная краса тебе дана,
И нравиться блестящий дар природы,
И быстрый ум, и верный, милый нрав;
Ты сотворен для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забав.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора.
Спеши любить и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастлив осторожно;
Амур велит: и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу венчай...
О, скольких слез, предвижу, ты виновник!
Измены друг и ветреный любовник,
Будь верен всем — пленяйся и пленяй.

А мой удел... но пасмурным туманом
Зачем же мне грядущее скрывать?
Увы! нельзя мне вечным жить обманом
И счастья тень, забывшись, обнимать.
Вся жизнь моя — печальный мрак ненастья.
Две-три весны, младенцем, может быть,
Я счастлив был, не понимая счастья;
Они прошли, но можно ль их забыть?
Они прошли, и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный навек, —
На краткий путь, усыпанный цветами,
Которым я так весело протек,

Я слезы лью, я трачу век напрасно,
Мучительным желанием горя.

Твоя заря — заря весны прекрасной;
Моя ж, мой друг, — осенняя заря.
Я знал любовь, но не знавал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.
Безумный сон покинул томны вежды,
Но мрачные я грезы не забыл.
Душа полна невольной, грустной думой;
Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на час — и одинок умру.
И не придет друг сердца незабвенный
В последний миг мой томный взор сомкнуть,
И не придет на холм уединенный
В последний раз с любовию вздохнуть!
Ужель моя пройдет пустынно младость?
Иль мне чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не ведая, что радость?
Зачем же жизнь дана мне от богов?
Чего мне ждать? В рядах забытый воин,
Среди толпы затерянный певец,
Каких наград я в будущем достоин
И счастия какой возьму венец?

Но что?.. Стыжусь!.. Нет, ропот — униженье.
Нет, праведно богов определенье!
Ужель лишь мне не ведать ясных дней?
Нет! и в слезах сокрыто наслажденье,
И в жизни сей мне будет утешенье:
Мой скромный дар и счастие друзей.

ТОВАРИЩАМ

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И Царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...
Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока *ленивому* возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

Поздняя редакция

ТОВАРИЩАМ

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И Царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И всяк избрал свою дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Всегда беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...
Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте мирный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока *ленивому* возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

⟨ОТРЫВОК⟩

Когда погаснут дни мечтанья
И позовет нас шумный свет,
Кто вспомнит братские свиданья
И дружество минувших лет?
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им минутный след.

Поздняя редакция

В АЛЬБОМ

Пройдет любовь, умрут желанья;
Разлучит нас холодный свет;
Забудешь тайные свиданья,
Мечты, восторги прежних лет...
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им свой легкий след.

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейский уголок
Волшебной, сладкою мечтою,
Воспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Живые впечатленья
Младой души твоей,
Печали, радости, надежды, наслажденья,
Размолвки дружества, отрады примиренья...
Что было — и не будет вновь,
И с тихими тоски слезами
Воспомни первую любовь!..
Мой друг! она прошла! но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О милый, вечен, вечен он.

Поздняя редакция

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ

Взглянув когда-нибудь на верный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейский уголок,
Где подружились мы душою.
Воспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Живые впечатленья
Младой души твоей,
Печали, радости, размолвки, примиренья,
И дружбу первую, и первую любовь...
Что было — что не будет вновь.

КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

В последний раз, в тиши уединенья,
Моим стихам внимает наш Пенат!
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья!
Итак, они прошли — лета соединенья;
Итак, разорван он — наш братский верный круг!
Прости!.. хранимый тайным небом,
Не разлучайся, милый друг,
С фортуной, дружеством и Фебом, —
Узнай любовь — неведомую мне, —
Любовь надежд, восторгов, упоенья;
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости... где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я!
И пусть... (услышит ли судьба мои молитвы?)
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

Поздняя редакция

РАЗЛУКА

В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимает наш Пенат.
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья.
Прошли лета соединенья!
Разорван он, наш верный круг!
Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом.
Узнай любовь — неведомую мне, —
Любовь надежд, восторгов, упоенья;
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я,
И пусть... (услышит ли судьба мои молитвы?)
Пусть будут счастливы все, все твои друзья.

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ БОЛЬНИЦЫ

Вот здесь лежит больной студент;
Его судьба неумолима.
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима!

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

СТАРИК

(ИЗ МАРОТА)

Уж я не тот философ страстный,
Что прежде так любить умел,
Моя весна и лето красно
Ушли — за тридевять земель!
Амур, свет возраста златого!
Богов тебя всех боле чтил;
Ах! если б я родился снова,
Уж так ли бы тебе служил!

Поздняя редакция

СТАРИК

Уж я не тот любовник страстный,
Кому дивился прежде свет;
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста младого!
Я твой служитель верный был;
Ах! если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!

РОЗА

Где наша роза?
Друзья мои!
Увяла роза,
Дитя зари!..
Не говори:
Вот жизни младость,
Не повтори:
Так вянет радость,
В душе скажи:
Прости! жалею...
И на лилею
Нам укажи.

Поздняя редакция

РОЗА

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость.
Не говори:
Вот жизни радость.
Цветку скажи:
Прости! жалею!
И на лилею
Нам укажи.

ДЕЛИЯ

Ты ль передо мною,
Делия моя!
Разлучен с тобою —
Сколько плакал я!
Ты ль передо мною,
Или сон мечтою
Обольстил меня?

Ты узнала ль друга?
Он не то, что был;
Но тебя, подруга!
Все ж не позабыл —
И твердит унылый:
«Я любим ли милой,
Как, бывало, был?»

Что теперь сравнится
С долею моей!
Вот слеза катится
По щеке твоей —
Делия стыдится?..
Что теперь сравнится
С долею моей!

ЭПИГРАММА

«Скажи, что нового». — «Ни слова».
«Не знаешь ли, где, как и кто?»
«О братец, отвяжись — я знаю только то,
Что ты дурак... но это уж не ново».

Поздняя редакция

ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Что ж нового?» — «Ей-богу, ничего».
«Эй, не хитри: ты, верно, что-то знаешь.
Не стыдно ли, от друга своего,
Как от врага, ты вечно все скрываешь.
Иль ты сердит: помилуй, брат, за что?
Не будь упрям: скажи ты мне хоть слово...»
«Ох! отвяжись, я знаю только то,
Что ты дурак, да это уж не ново».

«Больны вы, дядюшка? Нет мочи,
Как беспокоюсь я! три ночи,
Поверьте, глаз я не смыкал».
«Да, слышал, слышал: в банк играл».

НАДПИСЬ В БЕСЕДКЕ

С благоговейною душой
Приближься, путник молодой,
Любви к пустынному приюту.
Здесь ею счастлив был я раз —
В восторге пламенном погас,
И время самое для нас
Остановилось на минуту.

Поздняя редакция

НАДПИСЬ К БЕСЕДКЕ

С благоговейною душой
Приближься, путник молодой,
Любви к пустынному приюту,
Здесь ею счастлив был я раз —
В восторге сладостном погас,
И время самое для нас
Остановилось на минуту.

Вот Виля — он любовью дышет,
Он песни пишет зло,
Как Геркулес, сатиры пишет,
Влюблен, как Буало.

⟨НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКОГО⟩

«Ах! Боже мой, какую
Я слышал весть смешную:
Разумник получил ведь ленту голубую».
«Бог с ним! я недруг никому:
Дай Бог и царствие небесное ему».

ТВОЙ И МОЙ

Бог весть за что философы, пииты
На *твой* и *мой* давным-давно сердиты.
Не спорю я с ученой их толпой,
Но и бранить причины не имею
То, что дарит мне радость и покой.
Что, ежели б ты не была моею?
Что, ежели б я не был, Ниса, твой?

Поздняя редакция

ТВОЙ И МОЙ

Бог весть за что философы, пииты
На *твой* и *мой* давным-давно сердиты.
Не спорю я с ученою толпой,
Но, милый друг, и верить им не смею.
Что, ежели б ты не была *моею*?
Что, ежели б я не был, Ниса, *твой*?

К ДЕЛИИ

О Делия драгая!
Спеши, моя краса;
Звезда любви златая
Взошла на небеса;
Безмолвно месяц покатился;
Спеши, твой Аргус удалился,
И сон сомкнул его глаза.

Под сенью потаенной
Дубравной тишины,
Где ток уединенный
Сребристыя волны
Журчит с унылой Филомелой,
Готов приют любви веселый
И блеском освещен луны.

Накинут тени ночи
Покровы нам свои,
И дремлют сени рощи,
И быстро миг любви
Летит, — я весь горю желаньем,
Спеши, о Делия! свиданьем,
Спеши в объятия мои.

Тошней идиллии и холодней, чем ода,
От злости мизантроп, от глупости поэт —
Как страшно над тобой забавилась природа,
Когда готовила на свет.
Боишься ты людей, как черного недуга,
О жалкий образец уродливой мечты!
Утешься, злой глупец! иметь не будешь ты
Ввек ни любовницы, ни друга.

ЭПИГРАММА НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА

Покойник Клит в раю не будет:
Творил он тяжкие грехи.
Пусть Бог дела его забудет,
Как свет забыл его стихи!

От всенощной вечор идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранилась;
Антипьевна отменно горячилась.
«Постой, — кричит, — управлюсь я с тобой;
Ты думаешь, что я уж позабыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшкою шалила?
Постой, о всем узнает муженек!»
«Тебе ль грозить! — Марфушка отвечает, —
Ванюша — что? Ведь он еще дитя;
А сват Трофим, который у тебя
И день и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна,
А всякого словами разобидишь;
В чужой ⟨.....⟩ соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна».

Пожарский, Минин, Гермоген,
или Спасенная Россия.
Слог дурен, темен, напыщен —
И тяжки словеса пустые.

ОТРЫВКИ

Мы недавно от печали,
Пущин, Пушкин, я, барон,
По бокалу осушали
И Фому прогнали вон.

⟨НОЭЛЬ НА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГУСАРСКИЙ ПОЛК⟩

В конюшнях Левашова
Рождается Христос.
Звезда сияет снова,
Все с шумом понеслось.
⟨. . . . . .⟩
Иосиф отпер ворота:
«Потише, господа,
Ведь вы здесь не в харчевне».

Христос спросил косого:
«Ты из какой семьи?»
«Из Голубцовых я!»
Его обнять готов,
Вскричал Спаситель удивленный:
«Он мне сказал: „Я из глупцов",
Вот прямо малый откровенный!»

Вдруг сабля застучала,
Сияет аксельбант,
Лихого генерала
Вбегает адъютант:
«Мой генерал доволен,
А сам он не придет,
От дев немного болен».

«Конечно, Иисус
К нам вступит в полк, —
Изрек, хлыстом махая,
Полковник-филантроп. —
Я славной Пукаловой друг
И рад вам оказать
Хоть тысячи услуг».

⟨ОТРЫВКИ «ПРО СЕБЯ»⟩

⟨1⟩

Я сам в себе уверен,
Я умник из глупцов,
Я маленький Каверин,
Лицейский Молоствов.

⟨2⟩

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю —
Исполню ли? Бог весть!

КОЛЛЕКТИВНОЕ

КУПЛЕТЫ

на слова «Никак нельзя — ну так и быть»

«Я прав, он виноват; решите,
Петра вот Первого указ,
Экстракт и опись и приказ,
В мою вы пользу рассудите,
Почтенный господин судья?»
«Никак нельзя!»

«Прикажете ль лошадок вятских
Четверку вам в конюшню свесть?»
«Постойте... кажется мне... есть
Статья... да нет, ведь то в Сенатских;
Но, чтобы вас не погубить,
Ну так и быть».

«Клит малый добрый, не деритесь,
Он вас обидеть не хотел,
И сделать этого б не смел.
За что вам драться? помиритесь», —
Дамону говорят друзья.
«Никак нельзя!»

Но Клит идет, идет не струся,
Дугой согнулся страшный ус.
Он с саблей — тут притих мой трус.
«По вашей просьбе помирюся,
И впрямь за что его убить?
Ну так и быть».

КУПЛЕТЫ

на слова «С позволения сказать»

С позволения сказать,
Я сердит на вас ужасно,
Нет! — вы просите напрасно;
Не хочу пера марать;
Можно ль честному поэту
Ставить к каждому куплету:
«С позволения сказать»?

С позволения сказать,
Престарелые красотки,
Пересчитывая четки,
Станут взапуски кричать:
«Это что? Да это скверно!
Сочинитель песни, верно,
С позволения сказать...»

С позволения сказать,
Есть над чем и посмеяться;
Надо всем, друзья, признаться,
Глупых можно тьму сыскать
Между дам и между нами,
Даже, даже... меж царями,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Доктор мой кнута достоин,
Хоть он трус, хоть он не воин,
Но уж мастер воевать,
Лечит делом и словами,
Да потом и в гроб пинками,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Моськина, по мне, прекрасна.
Знаю, что она опасна:
Мужу хочется бодать;
Но гусары ведь невинны,
Что у мужа роги длинны,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Много в свете рифмодеев,
Все ученых грамотеев,
Чтобы всякий вздор писать;
Но, в пример и страх Европы,
Многим можно б высечь жопы,
С позволения сказать.

Боже! царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли.
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Все ниспошли.

Там — громкой славою,
Сильной державою
Мир он покрыл —
Здесь безмятежною
Сенью надежною,
Благостью нежною
Нас осенил.

Брани в ужасный час
Мощно хранила нас
Верная длань —
Глас умиления,
Благодарения,
Сердца стремления —
Вот наша дань.

Гауншильд и Энгельгард,
Карцов и Кошанский,
И танцмейстер Эбергард,
И Эбергард Кавказский,
Все, как отставной солдат,
Тянут песнь унылу:
«Господа попердоват,
Господи, помилуй!»

Боже мой, ох, Боже мой,
Господи мой Боже,
Вот приходит год шестой,
И экзамен тоже;
Что ж? какой нам аттестат
Выдали насилу?
«Господа попердоват,
Господи, помилуй!»

ДВУМ А⟨ЛЕКСАНДРАМ⟩ П⟨АВЛОВИЧАМ⟩

⟨Роман⟩ов и Зернов лихой,
Вы сходны меж собою:
Зернов! хромаешь ты ногой,
⟨Роман⟩ов головою.
Но что, найду ль довольно сил
Сравненье кончить шпицем?
Тот в кухне нос переломил,
А тот ⟨под Австерлицем⟩.

ГАРАЛЬ И ГАЛЬВИНА

Взошла луна над дремлющим заливом,
В глухой туман окрестности легли;
Полночный ветр качает корабли
И в парусе шумит нетерпеливом.
Взойдет заря — далек их будет строй.
Остри свой меч, воитель молодой!

Где ты, Гараль? Печальная Гальвина
Ждет милого в пещерной темноте.
Спеши, Гараль, к унылой красоте!
Заря блеснет — и гордая дружина
Умчится вдаль, грозящая войной.
Где ты, где ты, воитель молодой?

Гальвина с ним. О, сколько слез печали
И сколько слез восторгов и любви!
Но край небес бледнеет, и вдали
Редеет тень. Уж латы зазвучали;
Близка заря; несется шум глухой...
Что медлишь ты, воитель молодой?

Призывному Гальвина клику внемлет,
Тоски, надежд и робости полна,
Едва дыша, разлуки ждет она;
Но юноша на персях девы дремлет.
Призывы битв умолкли за горой, —
Не слышал их воитель молодой.

Уже суда покинуть брег готовы,
К ним юноши с веселием бегут;
Прощальну длань подругам подают;
Златой зари раскинулись покровы;
Но, утомлен любовью и тоской,
Покоится воитель молодой.

Пылает день. Он открывает очи.
Гальвина мнит ласкающей рукой
Сокрыть от глаз досадный свет дневной.
«Прости, пора! сокрылись тени ночи:

Спешу к мечам!» — воскликнул — и стрелой
Летит на брег воитель молодой.

Но тихо все, лишь у пустого брега
Подъемлется шумящая волна;
Лишь дева там, печальна и бледна,
И вдалеке плывут ладьи набега.
О, для чего печальной красотой
Пленялся ты, воитель молодой?

Она в слезах; в немой воитель думе.
«О милый друг! о жизнь души моей!
Что слава нам? что делать средь мечей?
Пускай другой несется в бранном шуме;
Но я твоя, ты вечно, вечно мой!..
Забудь войну, воитель молодой!»

Гараль молчал. Надменное ветрило
Его звало к брегам чужой земли;
Но с бурею так быстро корабли
Летели вдаль, и дева так уныло
Его влекла трепещущей рукой...
Все, все забыл воитель молодой!

И он у ног своей подруги нежной
Сказал: «Пускай гремят набег и брань:
Забыла меч ослабленная длань!»
Их дни слились в отраде безмятежной;
Лишь у брегов, терзаемых волной,
Дрожа, краснел воитель молодой.

Но быстро дни восторгов пролетели.
Бойцы плывут к брегам родной земли;
Сыны побед с добычей притекли,
И скальды им хваленья песнь воспели.
Тогда поник бесславною главой
На пиршествах воитель молодой.

Могучие наперсники судьбины
К ногам невест повергли меч и щит;
Кровавый меч героев не лежит
У ног одной оставленной Гальвины.
Красавица вздохнула, — и другой
Ее пленил воитель молодой.

С тех пор один бродил Гараль унылый;
Умолк его веселый прежде глас,

Лишь иногда в безмолвный ночи час,
Уединен, шептал он имя милой.
Война зажглась, — и встречи роковой
Пошел искать воитель молодой.

ИСПОВЕДЬ БЕДНОГО СТИХОТВОРЦА

Священник

Кто ты, мой сын?

Стихотворец

Отец, я бедный однодворец,
Сперва подьячий был, а ныне стихотворец.
Довольно в целый год бумаги исчертил;
Пришел покаяться — я много нагрешил.

Священник

Поближе; наперед скажи мне откровенно,
Намерен ли себя исправить непременно?

Стихотворец

Отец, я духом слаб, не смею слова дать.

Священник

Старался ль ты закон Господний соблюдать
И, кроме Вышнего, не чтить другого Бога?

Стихотворец

Ах, с этой стороны я грешен очень много;
Мне богом было — *я*, любви предметом — *я*,
В *я* заключалися и братья и друзья,
Лишь *я* был мой и царь, и демон-обладатель;
А что всего тошней, лишь *я* был мой читатель.

Священник

Вторую заповедь исполнил ли, мой сын?

Стихотворец

Кумиров у меня бывало не один:
Любил я золото и знатным поклонялся,
Во всякой песенке Глафирами пленялся,
Которых отроду хотя и не видал,
Но тем не менее безбожно обожал.

Священник

А имя Божие?

Стихотворец

Когда недоставало
Иль рифмы, иль стопы, то, признаюсь, бывало,
И имя Божие вклею в упрямый стих.

Священник

А часто ль?

Стихотворец

Да во всех элегиях моих;
Там можешь, батюшка, прочесть на каждой строчке
«Увы!», и «се», и «ах», «мой Бог!», тире да точки.

Священник

Нехорошо, мой сын! А чтишь ли ты родных?

Стихотворец

Не много; да к тому ж не знаю вовсе их,
Зато своих я чад люблю и чту душою.

Священник

Как время проводил?

Стихотворец

Я летом и зимою
Пять дней пишу, пишу, печатаю в шестой,
Чтоб с горем пополам насытиться в седьмой.
А в церковь некогда: в передней Глазунова
Я по три жду часа с лакеями Графова.

Священник

Убийцей не был ли?

Стихотворец

Ах, этому греху,
Отец, причастен я, покаюсь на духу.

Приятель мой Дамон лежал при смерти болен.
Я навестил его; он очень был доволен;
Желая бедному страдальцу угодить,
Я оду стал ему торжественно твердить.
И что же? Бедный друг! Он со строфы начальной
Поморщился, кряхтел... и умер.

Священник

Не похвально!
Но вот уж грех прямой: да ты ж прелюбодей!
Твои стихи...

Стихотворец

Всё лгут, а на душе моей,
Ей-богу, я греха такого не имею;
По моде лишний грех взвалил себе на шею.
А правду вымолвить — я сущий Эпиктет,
Водой не замутишь, предобренький поэт.

Священник

Да, лгать нехорошо. Скажи мне, Бога ради:
Соблюл ли заповедь хоть эту: *не укради*?

Стихотворец

Ах, батюшка, грешон! Я краду иногда!
(К тому приучены все наши господа),
Словцо из Коцебу, стих целый из Вольтера,
И даже у своих; не надобно примера.
Да как же без того бедняжкам нам писать?
Как мало своего — придется занимать.

Священник

Нехорошо, мой сын, на счет чужой лениться,
Советую тебе скорее отучиться
От этого греха. На друга своего
Не доносил ли ты и ложного чего?

Стихотворец

Лукавый соблазнил. Я малый не богатый —
За деньги написал посланье длинновато,
В котором Мевия усердно утешал, —
Он, батюшка, жену недавно потерял.

Я публике донес, что бедный горько тужит,
А он от радости молебны Богу служит.

Священник

Вперед не затевай, мой сын, таких проказ.
Завидовал ли ты?

Стихотворец

Завидовал не раз,
Греха не утаю, — богатому соседу.
Хоть не ослу его, но жирному обеду,
И бронзе, деревням, и рыжей четверне,
Которых не иметь мне даже и во сне.
Завидовал купцу, беспечному монаху,
Глупцу, заснувшему без мыслей и без страху,
И, словом, всякому, кто только не поэт.

Священник

Худого за собой не знаешь больше?

Стихотворец

Нет.
Во всем покаялся; греха не вспомню боле,
Я вечно трезво жил, постился поневоле,
И ближним выгоду не раз я доставлял:
Частенько одами несчастных усыплял.

Священник

Послушай же теперь полезного совета:
Будь добрый человек из грешного поэта.

ВИШНЯ

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.

Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.

Туманы седые
Плывут к облакам,
Пастушки младые
Спешат к пастухам.

С журчаньем стремится
Источник меж гор,
Вдали золотится
Во тьме синий бор.

Пастушка младая
На рынок спешит
И вдаль, припевая,
Прилежно глядит.

Румянец играет
На полных щеках,
Невинность блистает
На робких глазах.

Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.

Корсетом прикрыта
Вся прелесть грудей,
Под фартуком скрыта
Приманка людей.

Пастушка приходит
В вишенник густой

И много находит
Плодов пред собой.

Хоть вид их прекрасен
Красотку манит,
Но путь к ним опасен —
Бедняжку страшит.

Подумав, решилась
Сих вишен поесть,
За ветвь ухватилась
На дерево взлезть.

Уже достигает
Награды своей
И робко ступает
Ногой меж ветвей.

Бери плод рукою —
И вишня твоя,
Но, ах! что с тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмотрела —
Спешит пастушок;
Нога ослабела,
Скользит башмачок.

И ветвь затрещала —
Беда, смерть грозит!
Пастушка упала,
Но, ах, какой вид.

Сучок преломленный
За платье задел;
Пастух удивленный
Всю прелесть узрел.

Среди двух прелестных
Белей снегу ног,
На сгибах чудесных
Пастух то зреть мог,

Что скрыто до время
У всех милых дам,
За что из эдема
Был изгнан Адам.

Пастушку несчастну
С сучка тихо снял
И грудь свою страстну
К красотке прижал.

Вся кровь закипела
В двух юных сердцах,
Любовь прилетела
На быстрых крылах.

Утеха страданий
Двух юных сердец,
В любви ожиданий
Супругам венец.

Прельщенный красою
Младой пастушок
Горячей рукою
Коснулся до ног.

И вмиг зарезвился
Амур в их ногах;
Пастух очутился
На полных грудях.

И вишню румяну
В соку раздавил,
И соком багряным
Траву окропил.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В ЛИЦЕЙ

Dis-moi, pourquoi «L'Escamoteur»
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

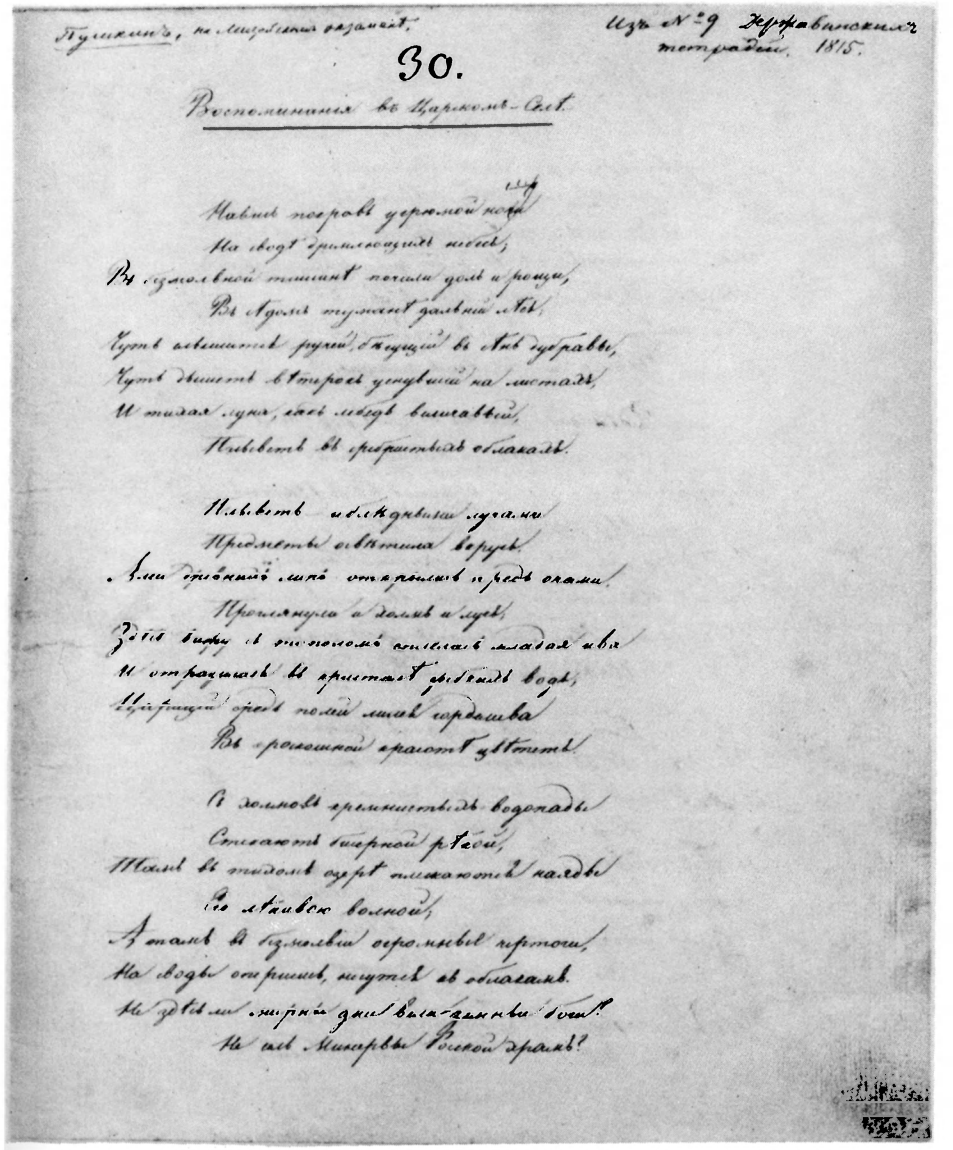
Перевод с французского:

Скажи мне, почему «Похититель»
Освистан партером?
Увы, потому, что бедный автор
Похитил его у Мольера.

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche.

Перевод с французского:

Пою сей бой, в котором Толи одержал победу,
Где погиб не один воин, где Поль отличился,
Никола Матюрена и прекрасную Нитуш,
Рука которой была трофеем ужасной стычки.



Пушкинъ, не смѣшивать сказокъ.

Изъ № 9 Журнальной тетради. 1815.

30.

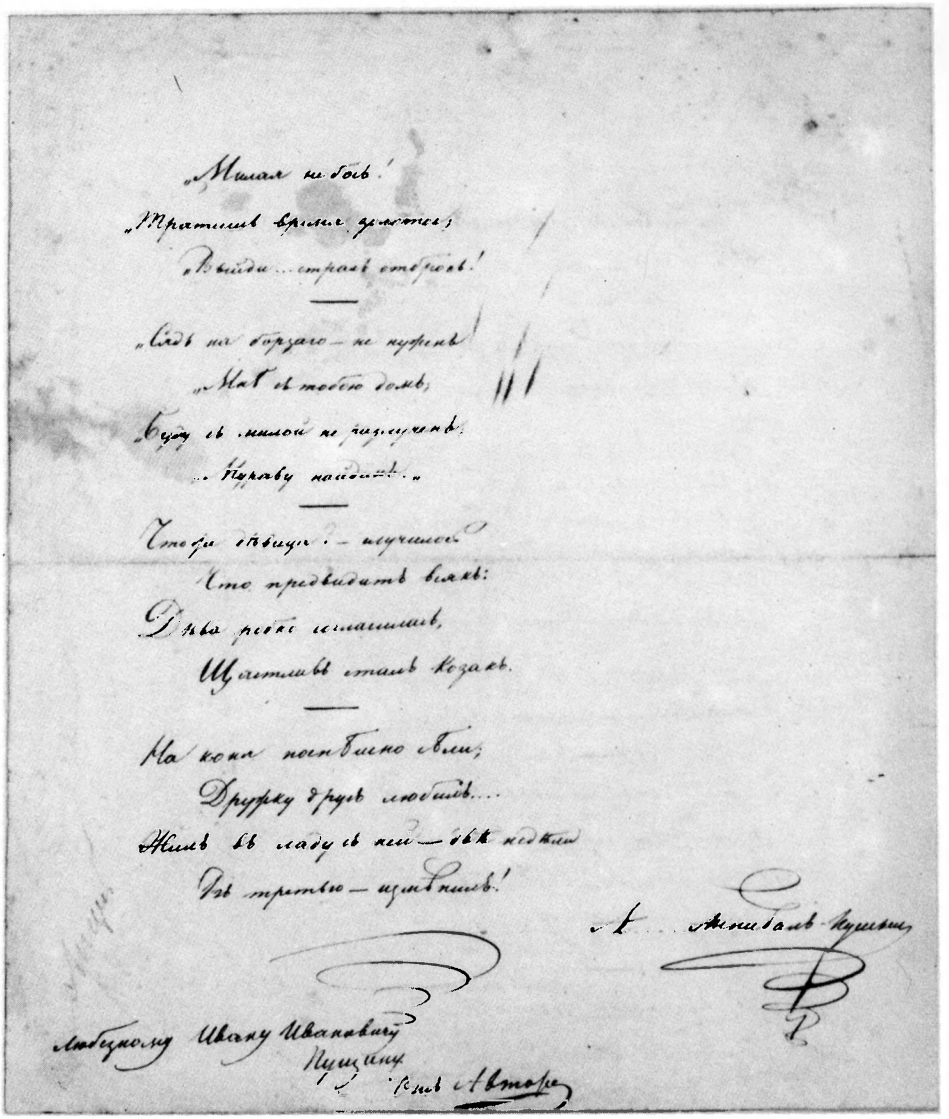
Воспоминанія въ Царскомъ-Селѣ.

Навикъ погравъ дорожной клади
На сводъ пріимчивый небесъ,
Въ сумолвной тишинѣ почили доль и рощи,
Въ дубровѣ тужитъ дальній левъ,
Гдѣ плещетъ рулей, бѣлящій въ лонѣ муравы,
Гдѣ вьется вѣтрецъ игривый на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ прозрачныхъ облакахъ.

Плыветъ и вдохновляетъ думы
Предметъ священныхъ вѣковъ,
Для души плѣнной мигъ открывъ и грудь окаменѣлу,
Пробудитъ и долгъ и чувствъ,
Здѣсь вѣрный и спокойный сынъ славы и Музъ
И отражаетъ въ кристаллѣ бѣгущей воды,
Въ прозрачныхъ струяхъ полей лишь гордаго
Въ пріятной праздности зритъ.

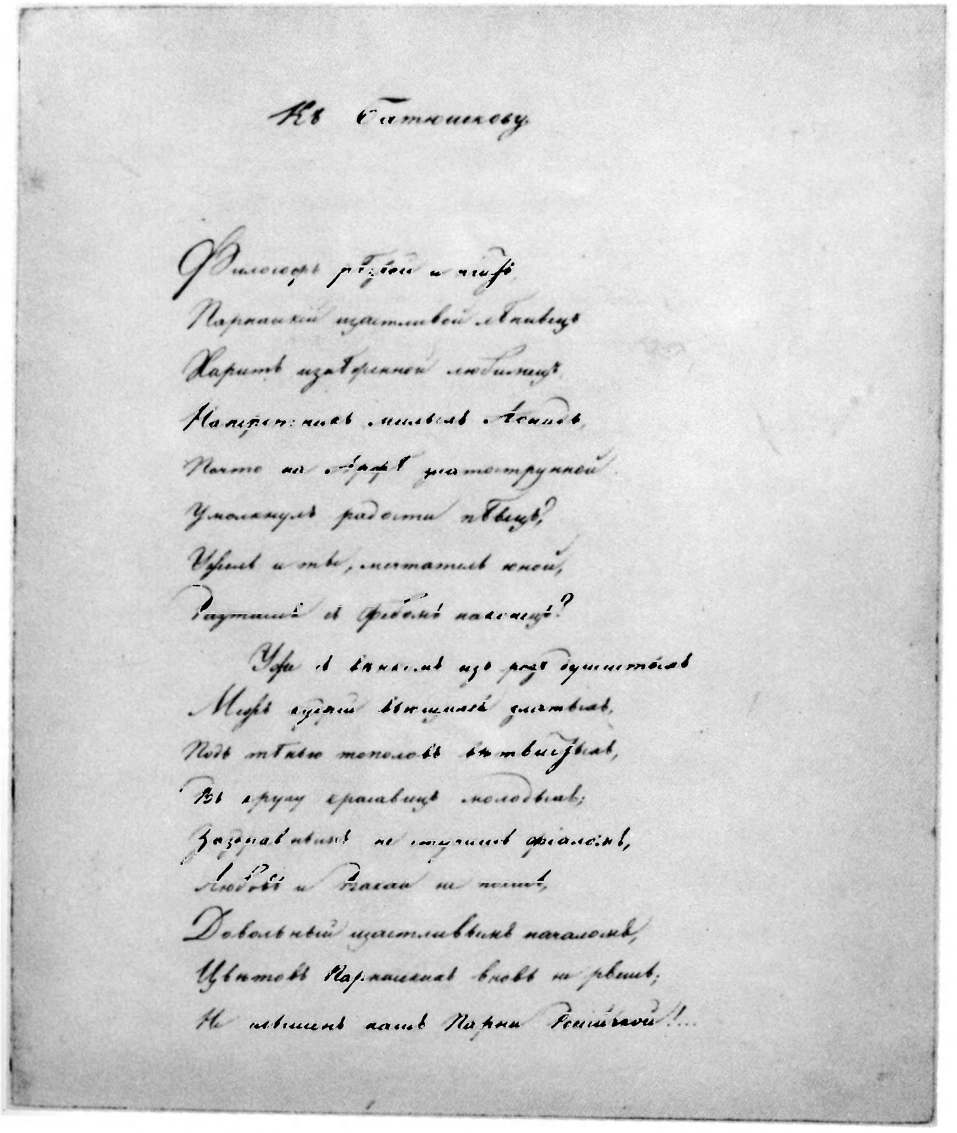
И зыбкой кристалловидъ водопадъ
Стекаетъ бѣлою рѣкой,
Тамъ въ тѣнистомъ саду мелькаетъ каждый
Сквозь листвою волной,
И тамъ въ безмолвіи огромныя чертоги,
На воды отразивъ, мнятся въ облакахъ.
Не здѣсь ли мирныя дни выслужилъ Державинъ?
Не тутъ ли Жуковскій Русской Арфой?

«Воспоминания в Царском Селе».
Беловой автограф. 1814 г.
(ПД 5, л. 1).

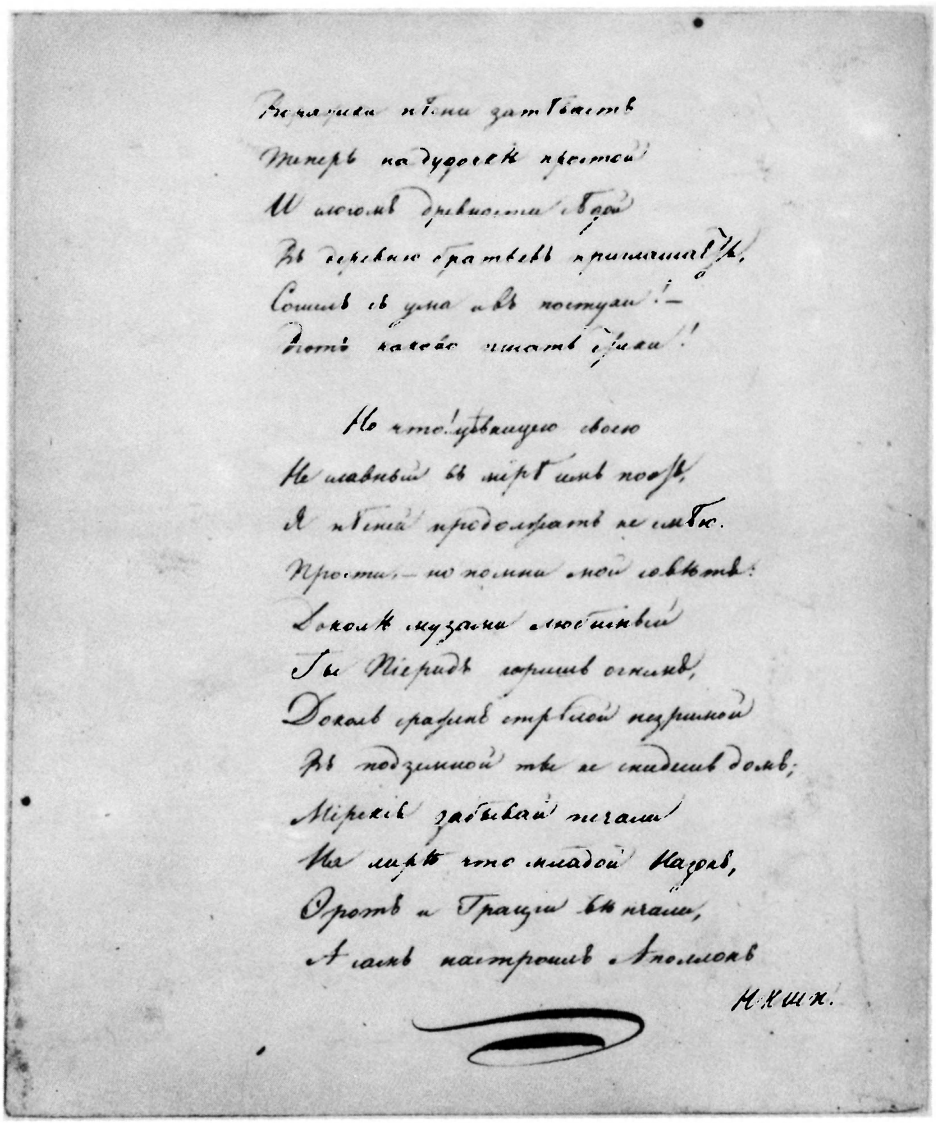


«Козак».

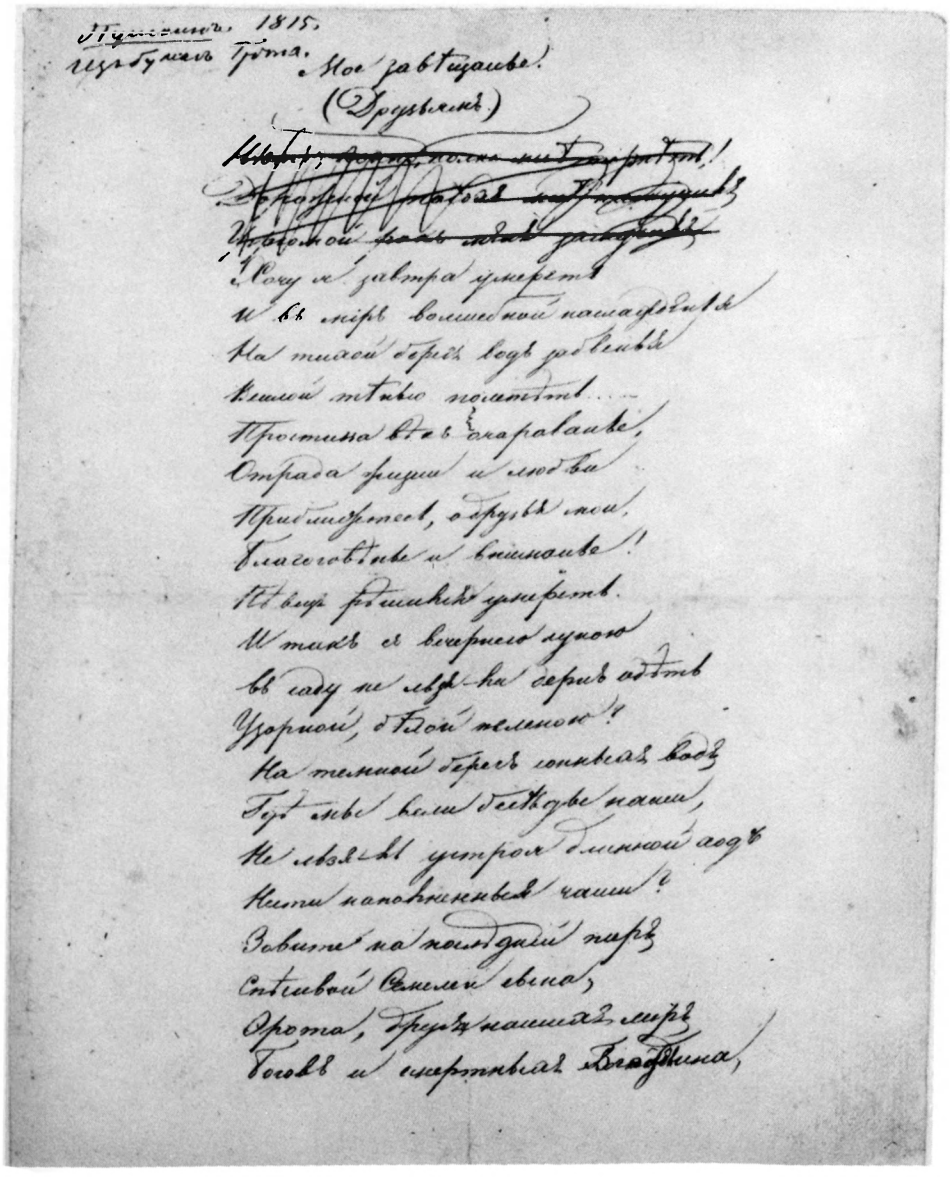
Беловой автограф с дарительной надписью И. И. Пущину. 1814 г.
(ПД 2, л. 2 об.).



«К Б⟨атюшк⟩ову».
Беловой автограф первой редакции. 1814 г.
(ПД 865, л. 2).

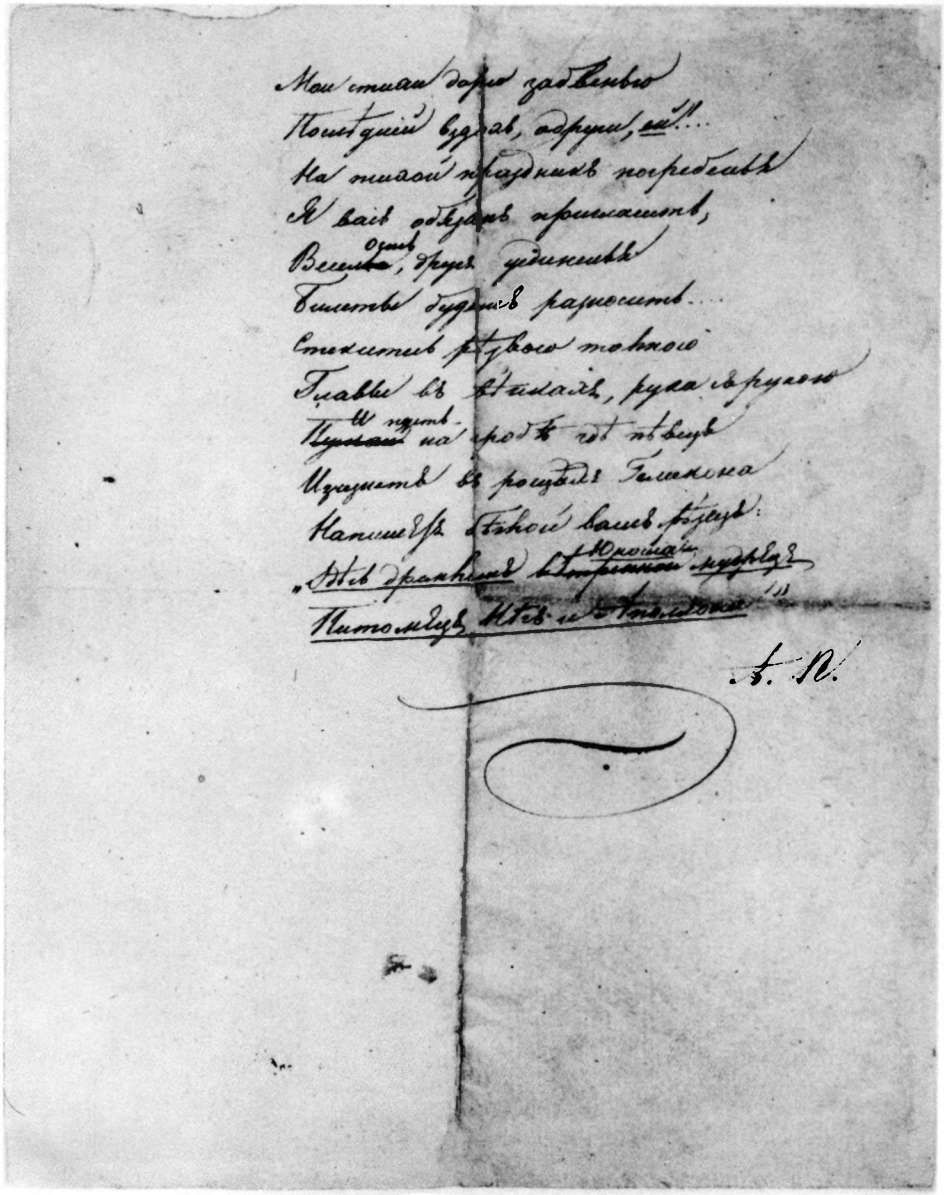


«К Б⟨атюшк⟩ову».
Беловой автограф первой редакции. 1814 г.
(ПД 865, л. 4 об.).

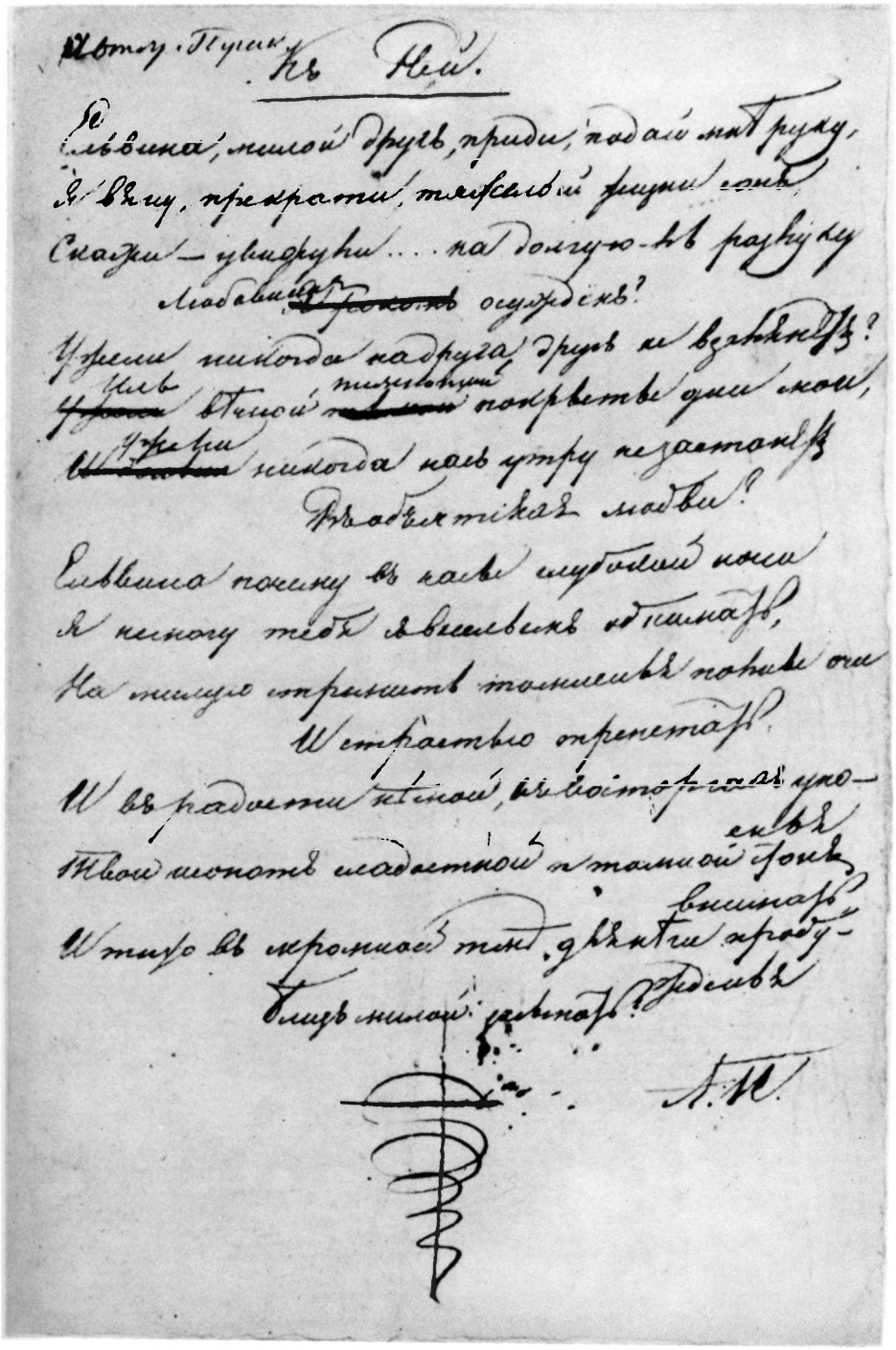


«Мое завещание. Друзьям».

Беловой автограф первой редакции с поправками. 1815 г.
(ПД 7, л. 1).

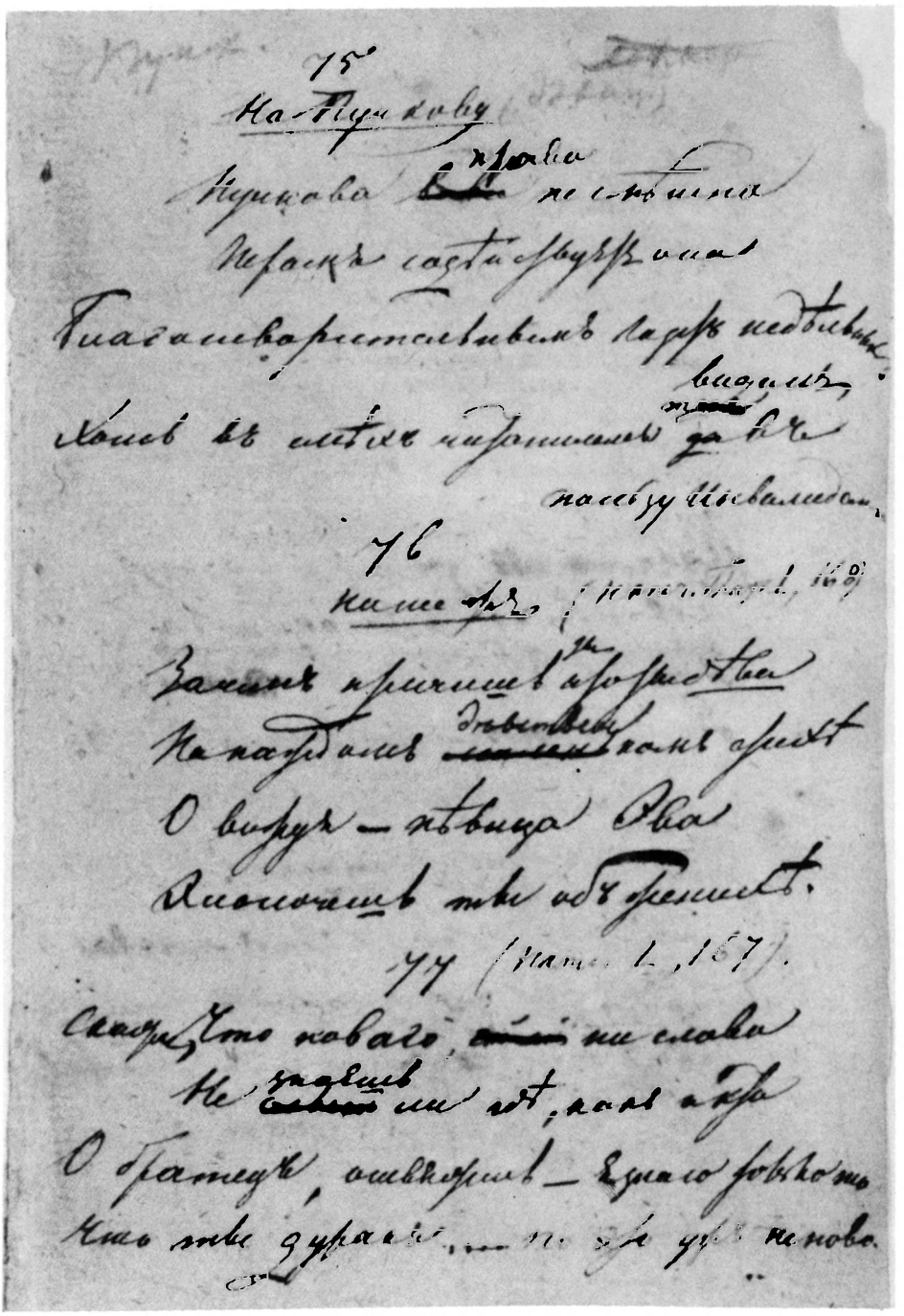


«Мое завещание. Друзьям».
Беловой автограф первой редакции с поправками. 1815 г.
(ПД 7, л. 2 об.).



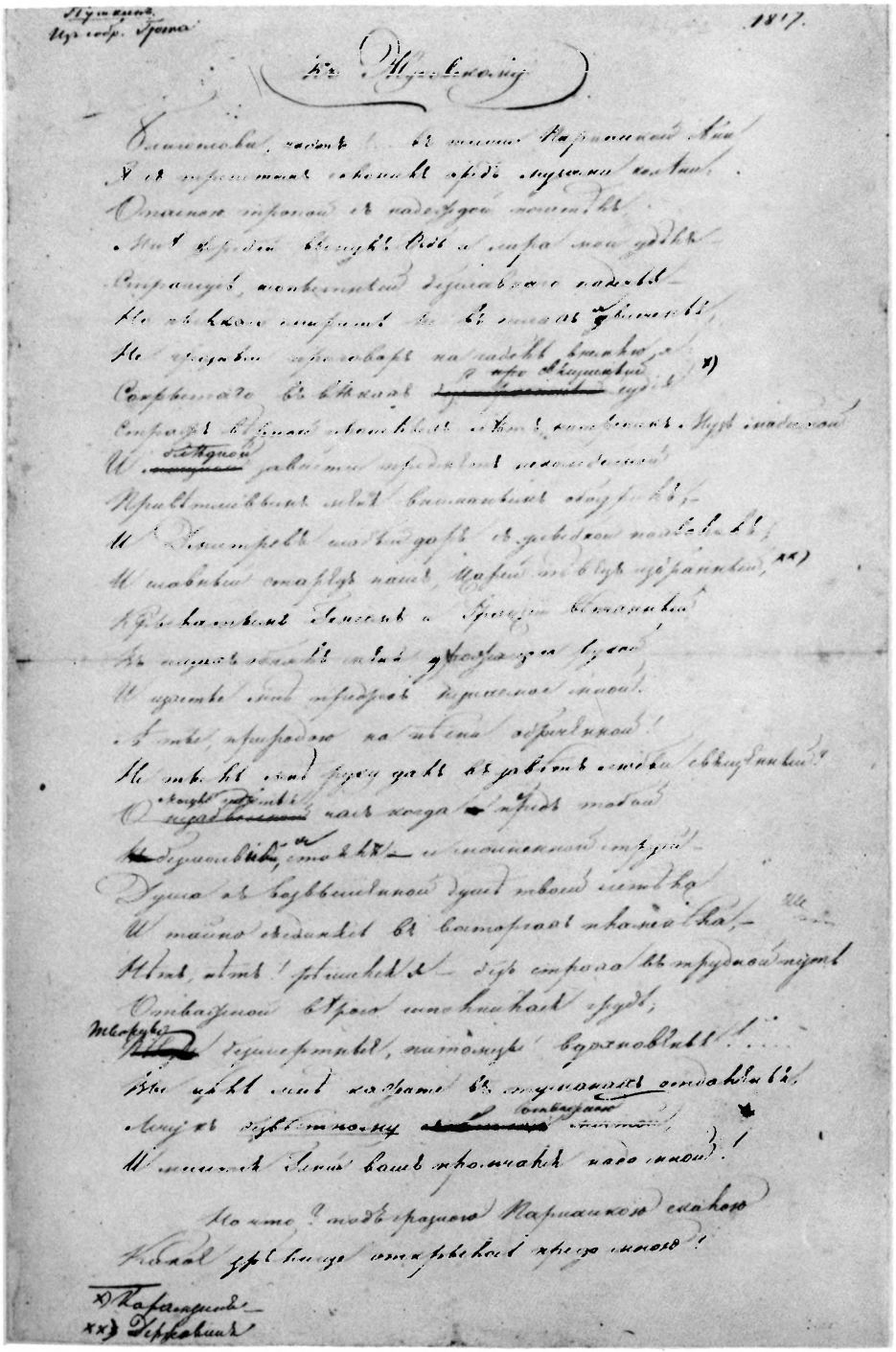
«К ней».

Беловой автограф с поправками. 1815 г.
(ПД 12, л. 1).



Стихотворения из «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого -и й ш и й».

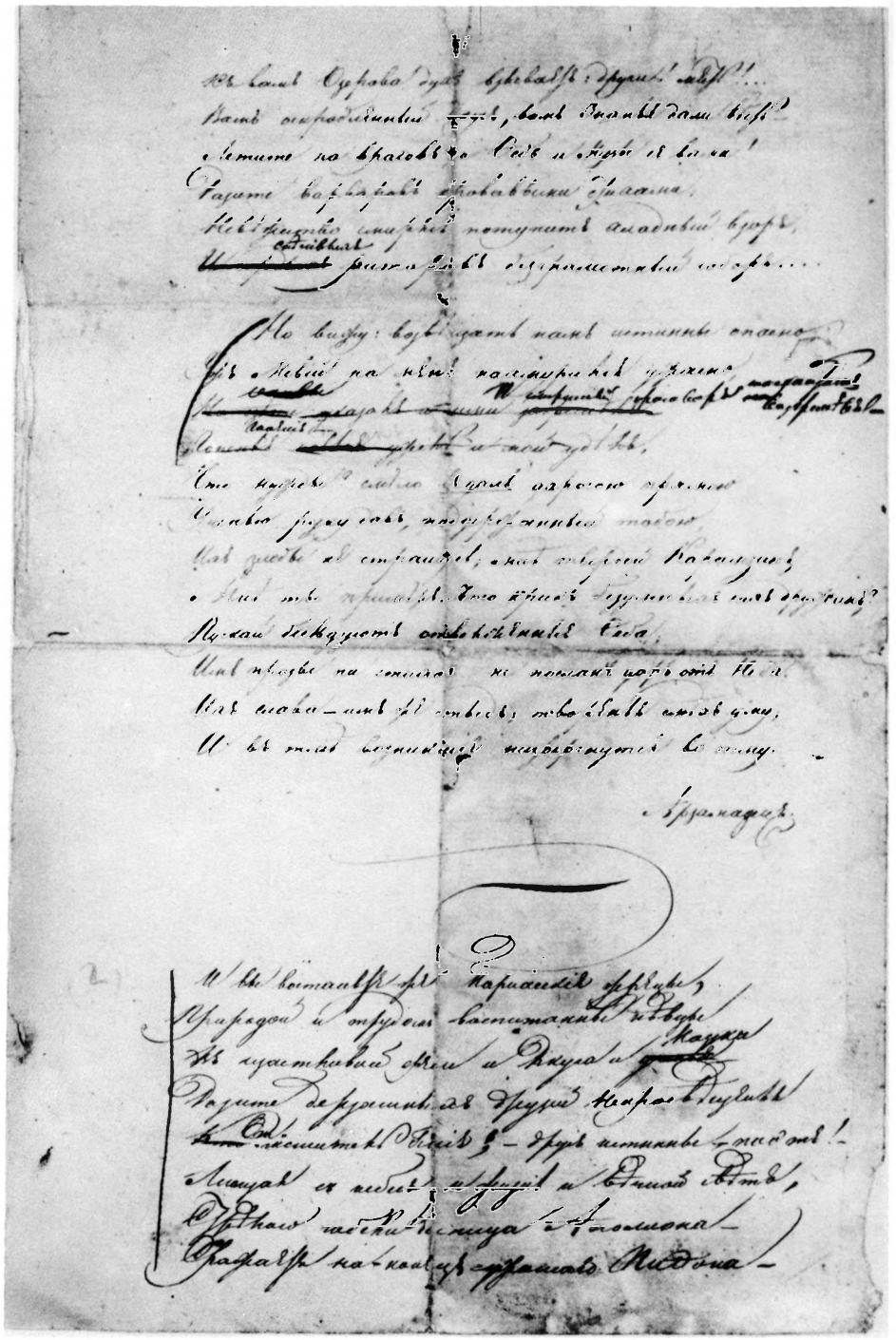
Беловые автографы с правкой. 1816 г.
(ПД 419, л. 2).



«К Жуковскому».

Беловой автограф с правкой. 1816 г.

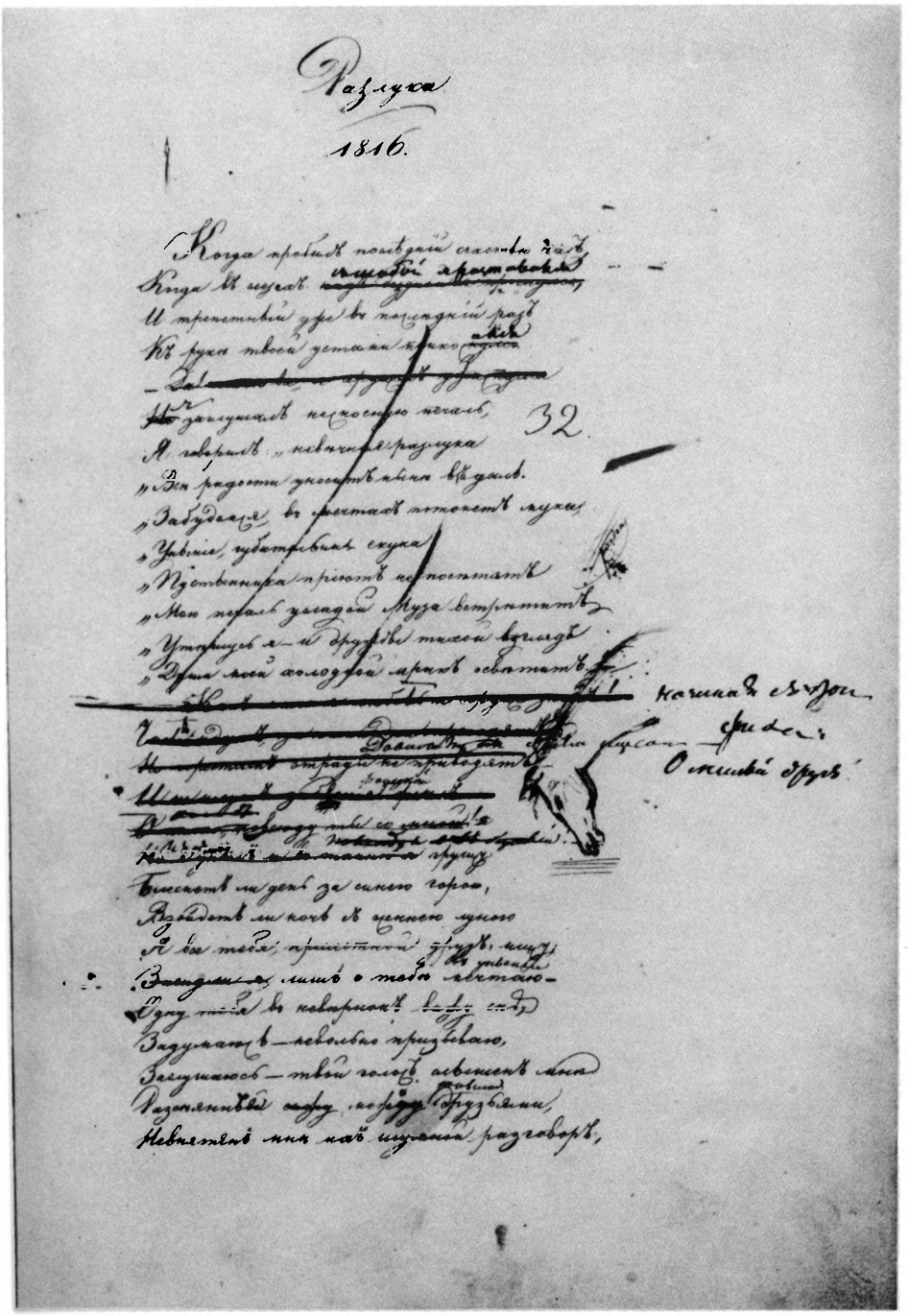
(ПД 14, л. 1).



«К Жуковскому».

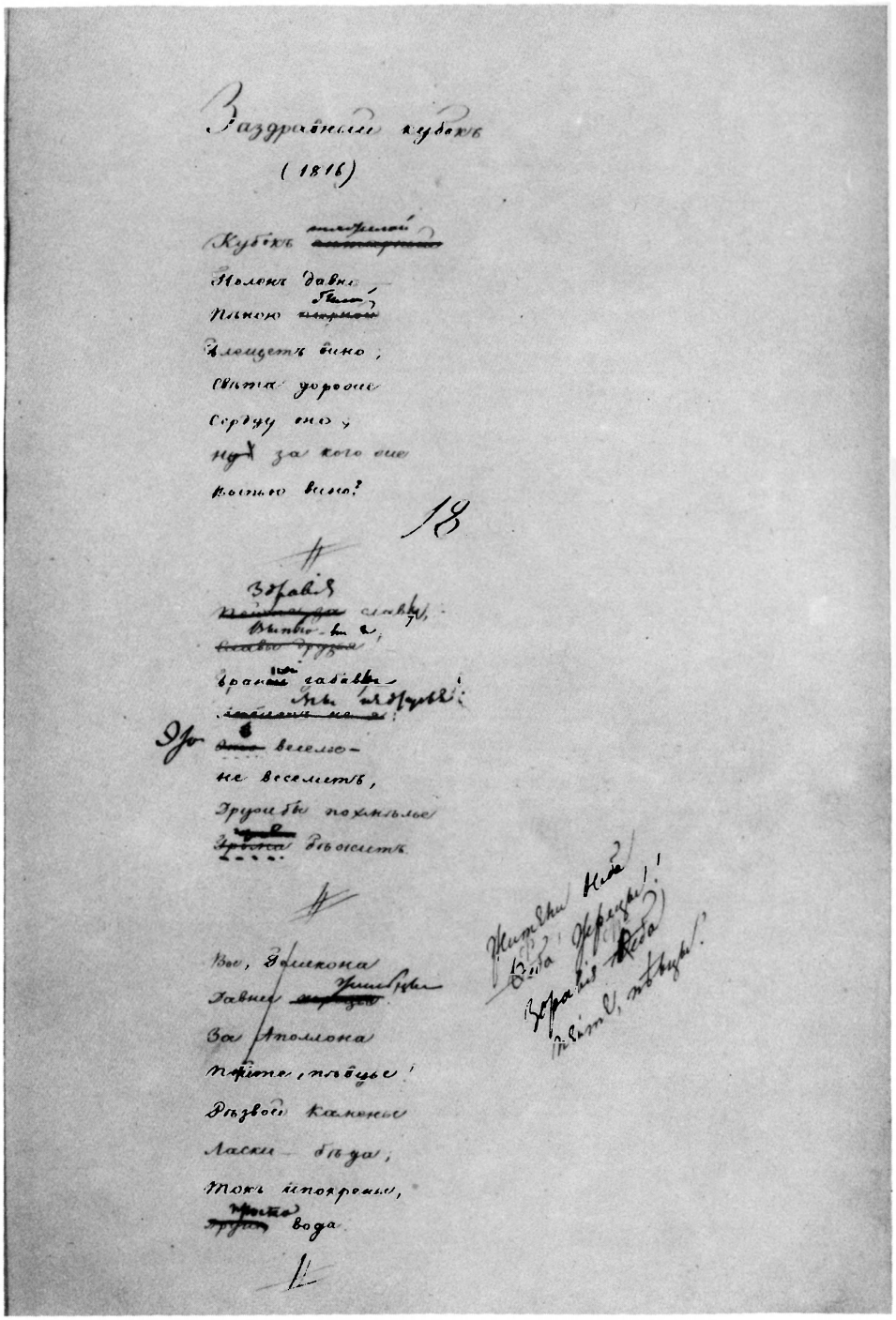
Беловой автограф с правкой. 1816 г.

(ПД 14, л. 2 об.).

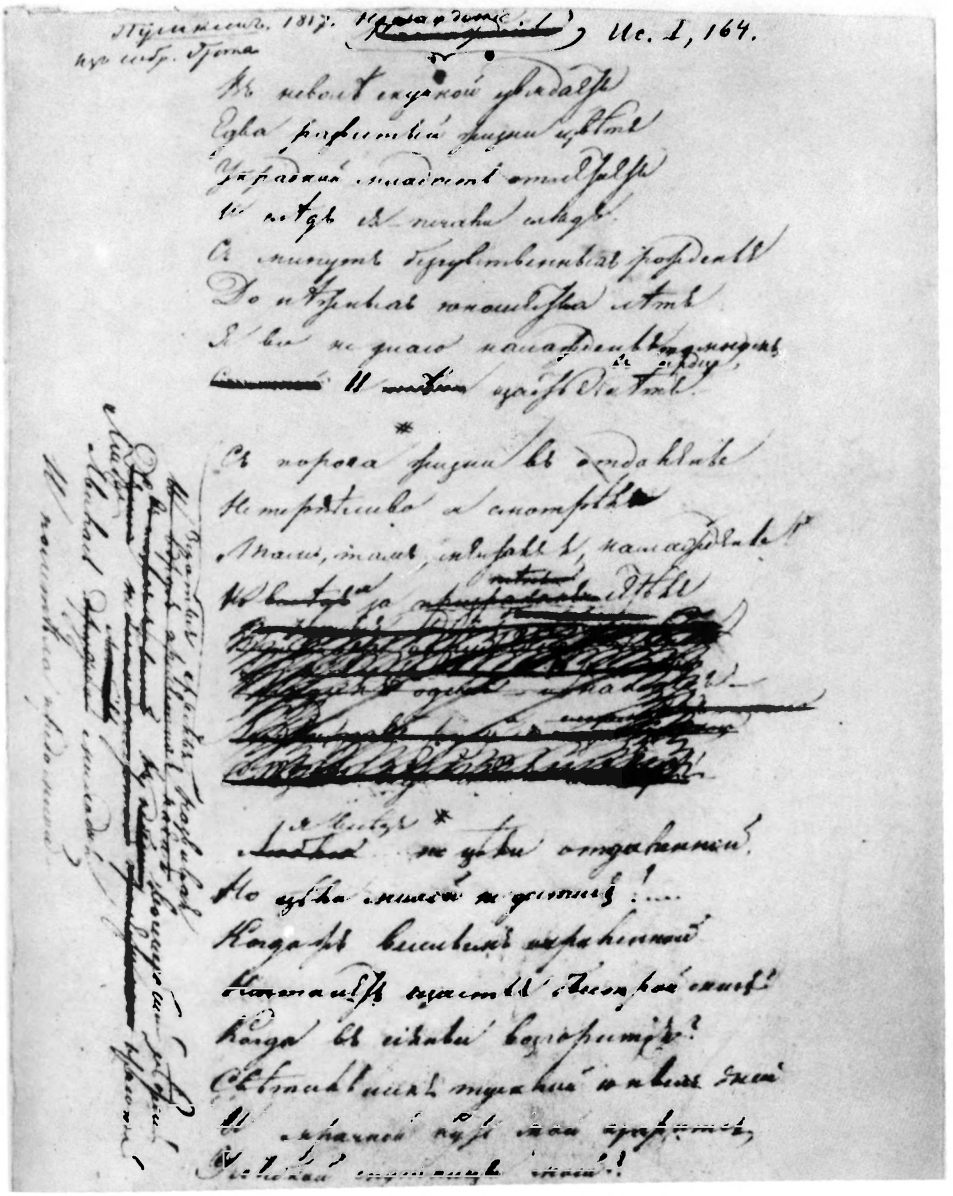


«Разлука».

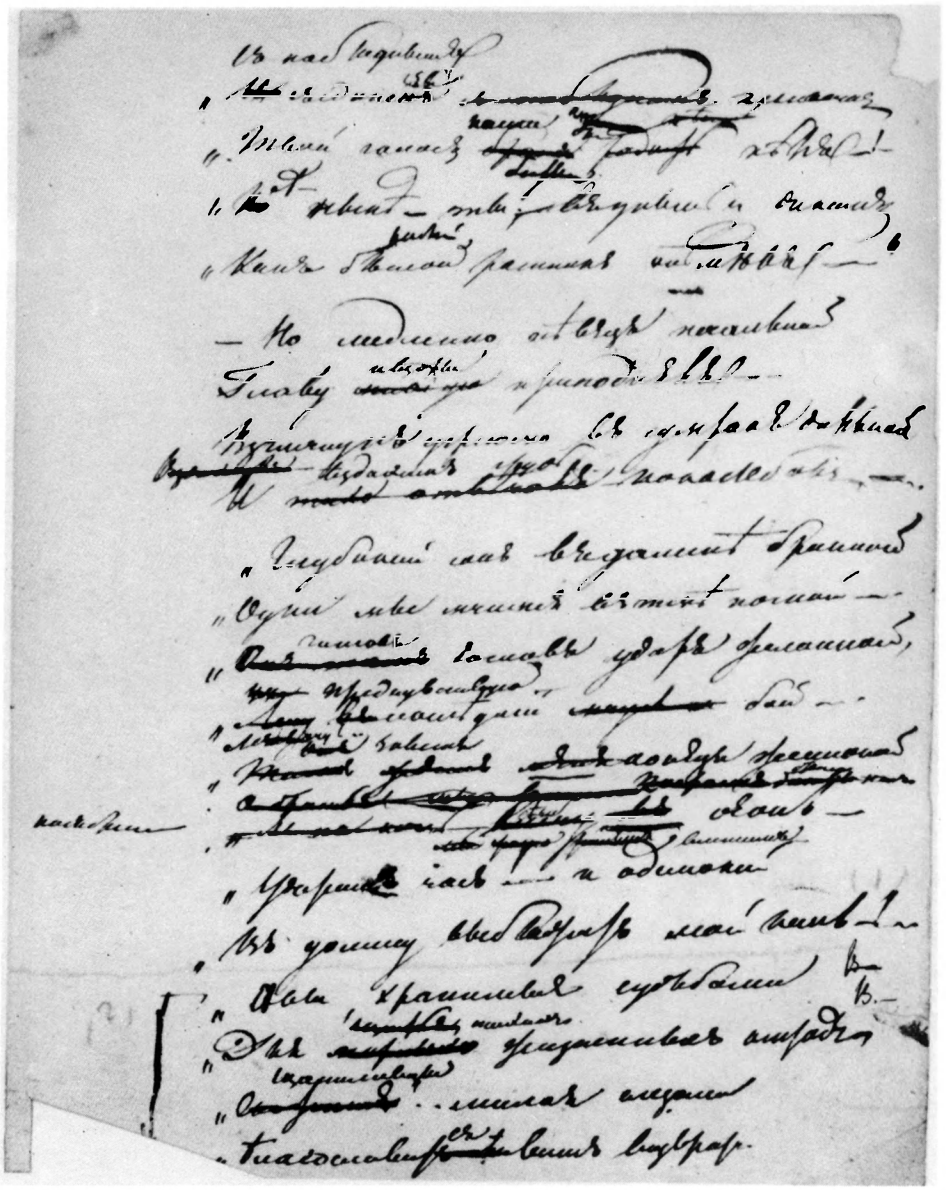
Копия в Лицейской тетради рукой А. Д. Илличевского с правкой Пушкина. 1816 г. (ПД 829, л. 33).



«Заздравный кубок».
Копия в Лицейской тетради рукой А. М. Горчакова с правкой Пушкина. 1816 г.
(ПД 829, л. 19).

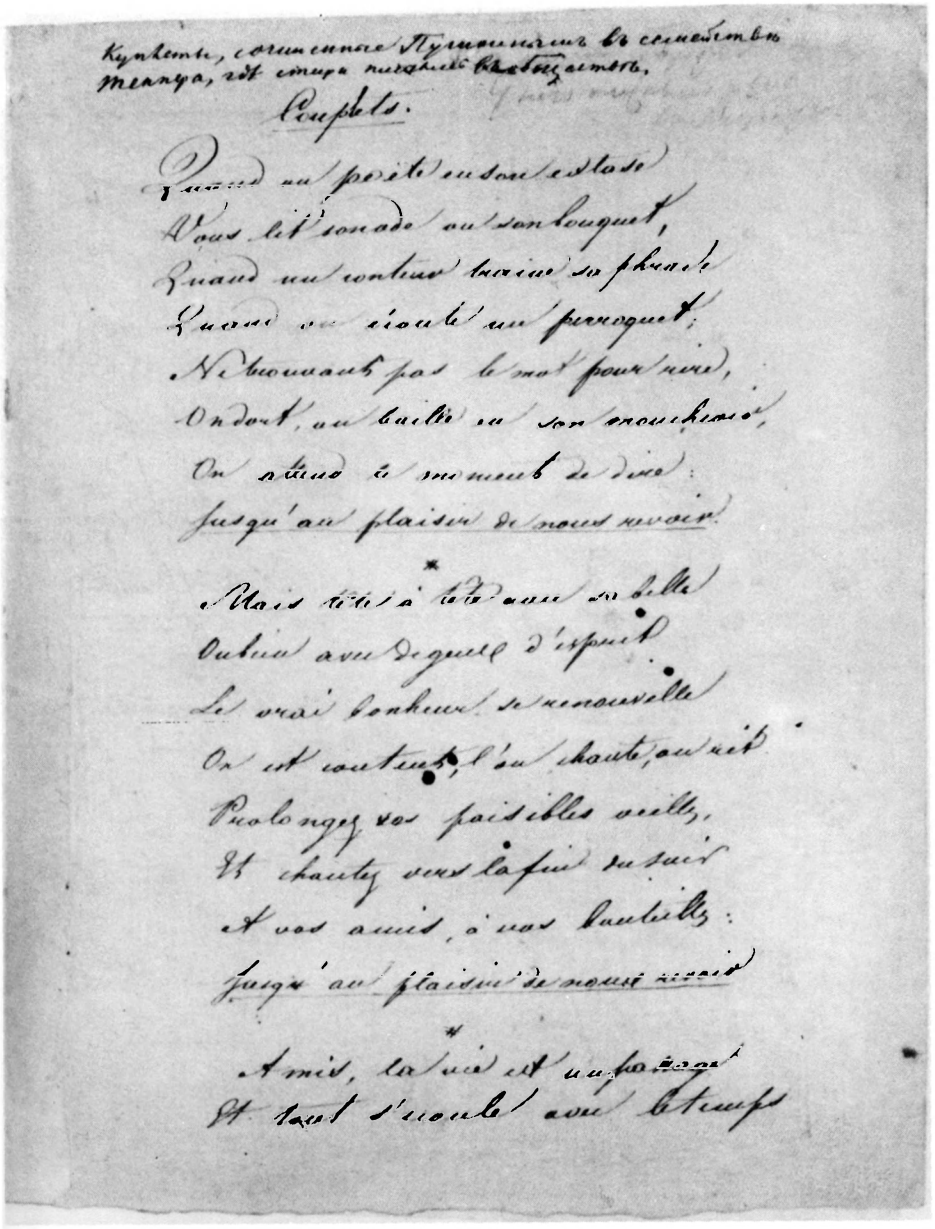


«Наслажденье».
Беловой автограф с правкой. 1816 г.
(ПД 15, л. 1).

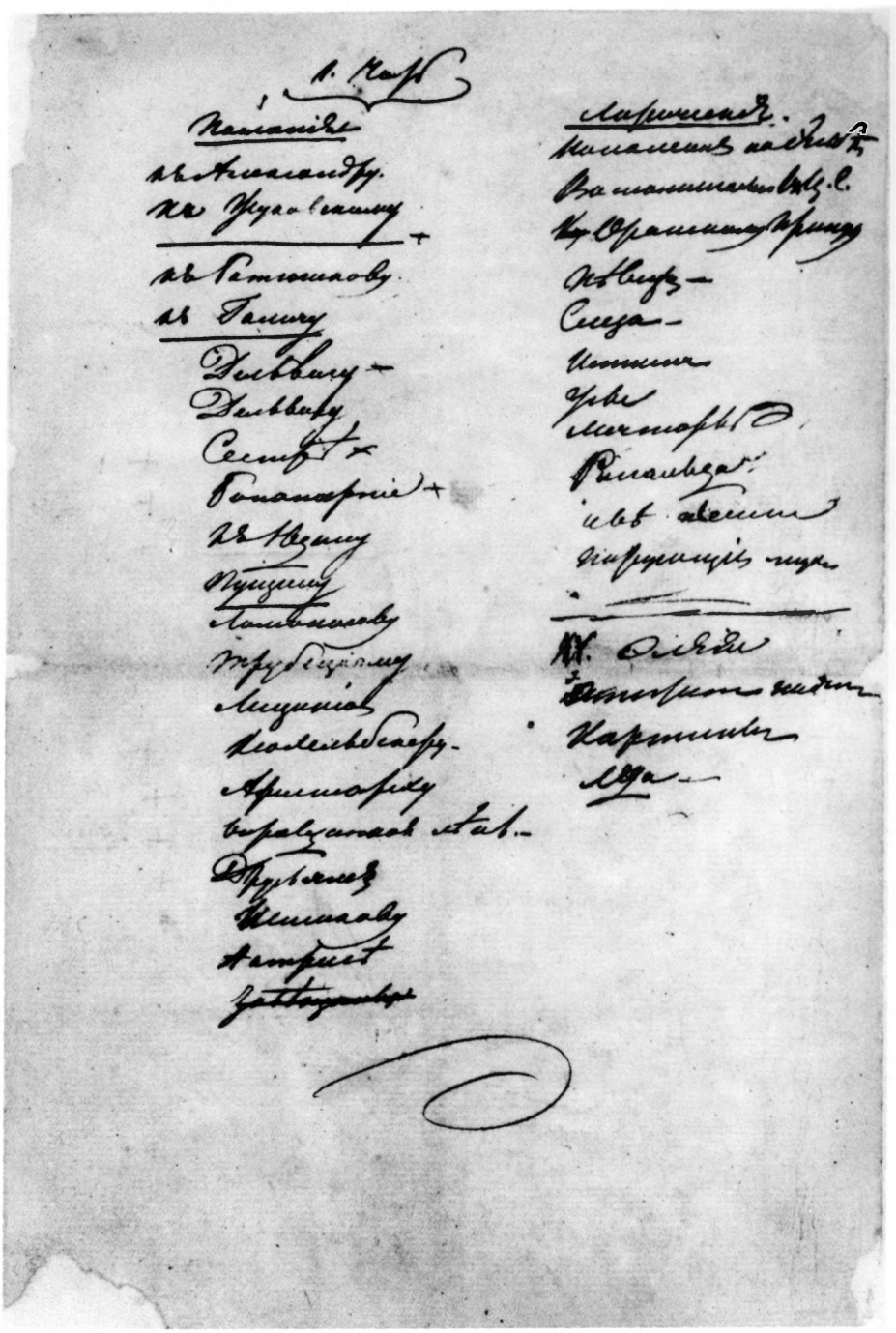


«Наездники».

Беловой автограф первой редакции с правкой. 1816 г.
(ПД 870, л. 2).



«Couplets».
Беловой автограф. 1817 г.
(ПД 20, л. 1).



Список стихотворений на обороте автографа «Пирующих студентов».
Конец 1816—начало 1817 г.
(ПД 17, л. 4 об.).

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

1813

К НАТАЛЬЕ

(«Так и мне узнать случилось...»)

(С. 11)

Варианты автографа

Заглавие		Послание к Натальи
Эпиграф		Pourquoi craindrais-je le dire?
		C'est Margot qui fixe mon goût.[1]
3		Сердце страстное забилось;
8	*а.*	Как в театры и на балы,
	б.	*Как в тексте.*
9		На гулянья иль в воксалах
19		И теперь я — Целадон!
48		А любовью утомясь,
74		Я желал... да ведь ногою
80		Кто твой нежный Целадон,
100		«Да кто ж ты, болтун влюбленный?»

Разночтения копий $Дол_1$ и $Дол_2$

Заглавие	К Наташе	$Дол_2$
9	На гуляньях и в воксалах	$Дол_1$
9	На гуляньях и в вокзалах	$Дол_2$
104	На лампады там возжженны	$Дол_1$, $Дол_2$

МОНАХ

(«Хочу воспеть, как дух нечистый ада...»)

(С. 14)

Варианты автографа[2]

Песнь первая

9	*Начато*: Скажи
52	Ел плотно, спал и целый час молился.

---

[1] К чему скрывать мне это?
Марго мне приглянулась. (*фр.*)

[2] *В число вариантов не включены первоначальная запись ст. 72* (Иной в Париж к плешивым картезиянам), *82* (И вдруг дьячок на крылосе вздремал), *143* (*Начато*: Обня⟨ть⟩) *песни первой (см.: Акад. Т. 1. С. 339) и ст. 57 песни третьей* (Как серый волк, щетиной весь покрытым). *Эти чтения — ошибки автокопирования, исправленные сразу же, в ходе переписывания.*

Песнь третия

8 С бумагою не сел бы я никак.
68 Сейчас тебя в колодез брошу я.
114 *После*: «Ну, если так — *начато*: освобожду

1814

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

(«Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!..»)

(С. 25)

Первоначальная редакция (по автографу)

Заглавие *Отсутствует.*

Арист, и ты в толпе служителей Парнаса;
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса,
За лаврами спешишь опасною стезей
И с строгой критикой вступаешь смело в бой.

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы;
В холодных песенках любовью не гори;
Покаместь не слетел, скорей сойди с горы;
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
10 Их напечатают, и целый свет забудет.
Быть может, и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою родством соединясь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды*
Сокрыт другой отец второй «Телемахиды».
Страшись бесславия. Что, если Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит спасительной лозою?

Но что, ты хмуришься и отвечать готов.
20 «Пожалуй, — говоришь,[1] — не трать излишних слов.
Когда на что решусь, уж я не отступаю.
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне как хочет целый свет,
Сердись, кричи, бранись, а я таки поэт?»

Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет,
Хорошие стихи не так легко писать,

* Т. е. в школе.
[1] *Было*: скажешь мне

Как Витгенштеину французов побеждать,
Потомство поздное поэтам справедливо;
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов.
Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь, и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь,
Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова.
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать!

Положим, что, на Пинд взобравшися счастливо,
Поэтом можешь ты назваться справедливо;
Все с удовольствием тогда тебя прочтут,
Но мнишь ли, что к тебе рекою потекут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, спокойно ешь и спишь;
Не так, любезный друг, писатели богаты,
Судьба им не дала ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки;
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов хвалят все, питают лишь журналы;
Катится мимо их фортуны колесо;
Родился наг и наг вступает в гроб Руссо,
Камоэнс* с нищими постелю разделяет,
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он.
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

«Постойте, — скажешь ты,[1] — ведь я не однодворец,
Могу я быть богат, хотя и стихотворец».
Согласен — будь богат и ты, как тот поэт,**
Который, именем наполнив целый свет, —
Развратной прозою, опасными стихами
Успешно торговал с голландскими купцами.
Но разве бедность лишь заставит слезы лить?
Иль зависть богача не смеет уязвить?
Что, если, воружась шипящей клеветою,
Всечасно ползая повсюду за тобою,

* Автор «Лузиады» умер в гофшпитале, питаясь милостынею.
** Волтер.
[1] *Было*: мне

Наполнит горечью всю чашу бытия,
Покроет мраком жизнь и ввергнет в гроб тебя?

Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да что же, — скажешь мне, — судя о всех так строго,
Перебирая все, как будто Ювенал,
Ты о поэзии так долго толковал;
А сам, поссорившись с парнасскими сестрами,
Мне проповед⟨ов⟩ать пришел сюда стихами.
Что сделалось с тобой? в уме ли ты иль нет?»
Арист! без дальних слов вот мой тебе ответ.

В деревне, помнится, с мирянами простыми
Священник пожилой и с кудрями седыми
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы под вечер он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, — сказали простяки, —
Настави грешных нас, ты пить нам запрещаешь,
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
(И верим мы тебе), а что ж теперь ты сам?..»
«Запомните ж, — сказал священник мужикам, —
Как в церкве вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне не подражайте».

И мне пришлося то ж сегодня отвечать.
Я не хочу себя нимало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихий век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит
И над экспромтами недели не сидит.
Не любит он гулять по рощицам Парнаса.
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса;
Его с пером в руках Макаров* не страшит,
Спокоен, весел он, — Арист, он — не пиит.

Но полно рассуждать — боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Пора мне замолчать — я дал тебе совет.
Оставишь ли свирель, замолкнешь или нет,
Подумай обо всем и выбери любое,
Быть славным — хорошо, спокойным — лучше вдвое.

* Славный журналист.

КОЛЬНА

(Подражание Оссиану)

(«Источник быстрый Каломоны...»)

(С. 28)

Разночтения копий Дол$_1$, Дол$_2$ и Як—Корф (по Анн)

2	Бегущий к дальным берегам!	*Як—Корф*
13	В чертогах Сельмы царь могучих	*Дол$_1$, Дол$_2$, Як—Корф*
48	В тумане ляжет по лесам,	*Дол$_1$, Дол$_2$, Як—Корф*
50	Возлегши под дорожный кров,	*Дол$_1$*
55—56	*Отсутствуют.*	*Дол$_1$, Дол$_2$*
99	Лучами солнца зажжена;	*Дол$_1$, Дол$_2$*
121	Вокруг жилища нежной Кольны	*Дол$_2$*

ЭВЛЕГА

(«Вдали ты зришь утес уединенный...»)

(С. 32)

Разночтения копий Ник и Дол$_1$

16	Твой грозен вид, и страшны разговоры,	*Дол$_1$*
24	Но чу!.. идет — так! это друг мой нежный!	*Ник*
24 *а.*	Но чу!.. идет — так! это друг мой нежный!	
б.	Но чу!.. идут — так! это друг надежный![1]	*Дол$_1$*
48	Метелицей отторженный от скал!	*Дол$_1$*

РАССУДОК И ЛЮБОВЬ

(«Младой Дафнис, гоняясь за Доридой...»)

(С. 37)

Разночтения копий Г, Пом$_1$(1), Пом$_1$(2), Пом$_2$, Полт и альманаха «Весенние цветы» (ВЦ)

3	Дай руки мне и бегать за тобой	*Пом$_1$(2)*
6	А тут Эрот — «Скажи: ты сердцу мил».	*Пом$_1$(2)*
9	*Отсутствует.*	*Пом$_1$(2)*
12	А тут Эрот — «Останься», — говорил.	*Пом$_1$(2)*
14	Сжал руку ей счастливый пастушок.	*Пом$_1$(2)*
14	Жал руку ей счастливый пастушок.	*ВЦ*
15	«Взгляни, — сказал, — с голубкой голубок	*Пом$_1$(2)*
16	Там обнялись под тенью древ густою».	*ВЦ*
18	«От них учись!» — Эрот ей говорил.	*Г, Пом$_1$(1), Пом$_1$(2), Пом$_2$, Полт*
18	«У них учись!» — Эрот ей говорил.	*ВЦ*
21	И вот она с томленьем на глазах	*Пом$_1$(1), Пом$_2$*
22	К любовнику в объятия упала...	*Г*

[1] *Карандашное исправление.*

К СЕСТРЕ

(«Ты хочешь, друг бесценный...»)

(С. 38)

Разночтения копий Пав, Даш, Дол$_2$, Долг, Тих, Бар и публикаций Анн и БЗ

14	На брег Невы примчуся,	*Бар*
30	Жанлис ли пред тобой?	*Даш, Дол$_2$, Тих, Бар, Анн*
37	Иль шепчет лес кудрявый,	*Пав*
47	Над светлою Невой?	*Даш*
52	Пичини иль Рамо?	*Даш, Тих, Анн*
65	Задвижка на дверях,	*Дол$_2$*
66	Молчанье, враг веселья,	*Даш, Дол$_2$, Долг, Тих, Бар, Анн*
83	Влечен я в даль судьбою,[1]	*Дол$_2$, Долг*
83	Увлекшись в даль судьбою,	*БЗ*
84	И вдруг, в глухих стенах,	*Даш, Дол$_2$, Долг*
86—87	Тобою похищенный, Явился заключенный,	*Пав*
86—87	Навеки погребенным, Явился заключенным,	*Дол$_2$, Долг*
95	Светило дня взойдет,	*Даш, Тих, Анн*
96	Луч кинет позлащенный	*Даш, Тих, БЗ*
98	Но сердце омраченно	*Даш, Тих, Анн*
100—104	Иль позднею зарею, Как ночь на небесах, Покрытых темнотою, Чернеет в облаках, — Близ келии встречаю	*Даш, Дол$_2$, Долг, Тих, Анн*
106	И вздохом провожаю	*Даш, Дол$_2$, Долг, Тих, Анн*
112	Падут, падут запоры,	*Даш, Дол$_2$, Долг, Тих, Анн*

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК

(«Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных...»)

(С. 41)

Разночтения копии Ник

6	На мраморной груди своей, —
24	*Отсутствует.*
31	Ах! если б, превращенный в прах
40	Открыть вместилища божественных красот.

[1] *В Долг — позднейшее исправление карандашом первоначальной ошибки:* Увлечен я в даль судьбою

Поздняя редакция

Варианты ЛТ

28 *а.* *Начато*: Но ты, прелестная!..
б. *Как в тексте.*
33 *а.* *Начато*: Тогда б я в счастливом[1]
б. *Как в тексте.*

КОЗАК

(«Раз полунощной порою...»)

(С. 43)

Первоначальная редакция (по автографу)

КОЗАК

(Подражание малороссийскому)

Раз полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой козак.

Черна шапка на бекрене;
Весь жупан в пыли;
Пистолеты при колене;
Сабля до земли;

Меткого копья луною
Светится конец;
В грудь упершись бородою,
Задремал донец...

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избушки;
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

Добрый конь остановился,
Мордой траву рвет;

[1] *По мнению М. А. Цявловского, эта поправка (с последующим восстановлением первоначального текста) сделана позднее остальных, предположительно в 1818 г. (см.: наст. т., с. 589—590; Акад. Т. 1. С. 345).*

Храбрый воин пробудился,
Вмиг узду берет,

Сильно сжал коня ногою,
Шпорою кольнул;
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис, —
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались!..»

Глядь — ан видит красну деву,
Черна бровь дугой...
Конь тихонько к леву, к леву,
Прямо к милой... «Стой!..

Выдь, коханочка, из дому!
Коню[1] дай воды!»
«Нет! К мужчине молодому
Страшно подойти».

«Ах! небось, девица красна,
С другом подружись!
Чем любовь для нас опасна?
Радость, не страшись!»

«Нет! мне матерь говорила:
Бойся, дочь, мужчин!
Мать не раз мне то твердила,
Нет!.. не без причин!»

«Верь, коханочка, пустое!
Милая, небось!
Тратишь время золотое;
Выйди... страх отбрось!

Сядь на борзого — не нужен
Мне с тобою дом;
Буду с милой неразлучен;
Мураву найдем».

Что же девица? — случилось,
Что предвидит всяк:
Дева робко согласилась,
Счастлив стал козак.

[1] *Было начато*: Д⟨ай коню воды⟩

На коня поспешно сели;
Дружку друг любил...
Жил в ладу с ней — две недели,
В третью — изменил!

Разночтения копий, близких первой редакции (Г, Шер, Усп$_1$ и Плт (по Анн)), с текстом первоначальной редакции (автограф)

Подзаголовок	(Ехал козаче и пр.)	*Г*
1	Раз полуночной порою,	*Шер*
11	В грудь опершись бородою,	*Шер, Плт*
19	Здесь — дорога в деревушки,	*Г*
20	Там дремучий бор.	*Шер*
21	Верный конь остановился,	*Шер*
22	И нейдет вперед...	*Г, Шер*
25	Сильно сжав коня ногою,	*Шер*
29	«Не найду я здесь девицы, —	*Шер*
33	Глядь — он видит красну деву,	*Г, Шер, Усп$_1$*
35	Конь все ближе к леву, к леву	*Усп$_1$*
38	Дай коню воды!»	*Шер*
39	«Нет, мне к парню молодому	*Шер*
Вм. 41—52	«Выдь, коханочка, пустое! Милая, небось! Не трать время золотое, Выйди... страх отбрось». «Нет! мне матерь говорила: Бойся, дочь, мужчин! Мать не раз мне то твердила, Нет!.. не без причин!» «Ах! небось, девица красна, С другом подружись! Чем любовь для нас опасна? Радость, не страшись!	*Шер*
57	Что же с девою случилось,	*Шер*
58	То предвидит всяк:	*Шер*
59	Робка дева согласилась;	*Шер*
62	Друга друг любил...	*Г*

Разночтения копий ДЛТ, Пом$_1$ и Пом$_2$ (вторая редакция)

1	Раз полуночной порою,	*Пом$_2$*
15	Здесь — дорога в деревушки,	*ДЛТ*
23	И пустился конь стрелою,	*Пом$_1$, Пом$_2$*

ЛАИСА ВЕНЕРЕ, ПОСВЯЩАЯ ЕЙ СВОЕ ЗЕРКАЛО

(«Вот зеркало мое — прими его, Киприда!..»)

(С. 45)

Разночтения копий Дол$_1$, Дол$_2$ и публикации ВЕ

Заглавие	*Отсутствует.*	*ВЕ*
Заглавие	Венере от Лаисы при посвящении ей зеркала	*Дол$_1$, Дол$_2$*

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

(«Пускай, не знаясь с Аполлоном...»)

(С. 46)

Вариант автографа

27 *а.* Ты был увлечен в путь кровавый,
б. *Как в тексте.*

ОПЫТНОСТЬ

(«Кто с минуту переможет...»)

(С. 48)

Разночтения копий Г, ДЛТ, Пом$_1$, Пом$_2$ и Як—Корф (по Ефр 1880—Ефр 1903—05)

5	Тот не смейся, не резвись,	*Як—Корф*
7	Но с рассудком вновь поспоришь,	*Г*
7	Но с рассудком вмиг заспоришь —	*Пом$_1$, Пом$_2$*
8 *а.*	Хоть не рад, да дверь отворишь,	
б.	Хоть не рад, а дверь отворишь,	*Г*
8	Хоть не рад, а дверь отворишь,	*ДЛТ*
8	Хоть не рад, да дверь отворишь,	*Пом$_1$, Пом$_2$*
8	Рад не рад, а дверь отворишь,	*Як—Корф*
17	Мнил я в радости безумной.	*Пом$_1$, Пом$_2$*
30	У могильных у ворот.	*ДЛТ*

БЛАЖЕНСТВО

(«В роще сумрачной, тенистой...»)

(С. 49)

Разночтения копии Дол$_2$

21	Дни протекшие веселья!
45	Древ оставя тень густую,
62	Мрак душевный вдруг исчез!
71	*Отсутствует.*

К Б(АТЮШК)ОВУ

(«Философ резвый и пиит...»)

(С. 54)

Варианты автографа (первая редакция)

Заглавие К Батюшкову
23 Прими же лиру. По струнам
29 И бледных звезд при тихом свете,
34 Счастливец милый, окропляй;
67 В столь часто рушенном покое.
Вм. 72—83 Скажи, по милости, Графону,
Ползком ползущу к Геликону,
Чтоб перестал писать, писать
И бедных нас морить со скуки.
Скажи ему, что наши внуки
Не станут вздор его читать.
Все, все позволено поэту:
Скажи всему, коль хочешь, свету,
80 Что... невпопад
Уродов выставя на сцену,
Визжать заставил Мельпомену;
Что Клит был добрый человек,
Тихонько проводил свой век,
Своим домком спокойно правил
И жил без горя, без забот,
Покамест не печатал од,
Где здравый смысл вверх дном поставил,
Где вы навидитесь всего,
90 Где все чудовища Геенны,
На жертву агнцы обреченны...
Где нет лишь смысла одного;
Что с горя ныне иссыхает;
Что неуклюжий славянин,
Изменник ревностных дружин,
Варяжски песни затевает
Теперь на дудочке простой
И слогом древности седой
В деревню братьев приглашает,
100 Сошел с ума — и в пастухи!
Вот каково писать стихи!

Но что!.. цевницею своею,
Не славный в мире сем поэт,
Я песней продолжать не смею.
Прости — но помни мой совет:
Доколе музами любимый,
Ты пиэрид горишь огнем,

Доколь, сражен стрелой незримой,
В подземный ты не снидешь дом,
Мирские забывай печали
На лире, что младой Назон,
Эрот и грации венчали,
А сам настроил Аполлон.

Разночтения копий Дол$_2$, Долг и Анн с текстом первой редакции (автограф)

8	Простился с Фебом наконец?..	*Долг*
39	Когда ж к тебе в свободный час	*Долг*
65	Пером, коль можешь, нас исправь.	*Долг*
72—73	Скажи, по милости, Грифону,[1]	
	Ползком ползущу к Геликону,	*Анн*
80	Что В.... невпопад	*Дол$_2$, Долг*
80—81	Что Висковатов невпопад	
	Уродов выставил на сцену,	*Анн*
85	Своим домком тихонько правил	*Долг, Анн*
89	Где мы навиделись всего,	*Долг, Анн*
104	Я песни продолжать не смею.	*Долг*

БОВА

(Отрывок из поэмы)

(«Часто, часто я беседовал...»)

(С 56)

Варианты автографа

213		Трепетно, смятенья полная,
Вм. 217—219	*а.*	Прочитала тихим шепотом,
		Отче наш и *Богородица*,
	б.	Прочитала [тихим] [нежным] скорым шепотом
		То, что ввек не мог я выучить:
		Отче наш и Богородице,
236		Милого Бова-царевича,
239	*а.*	Больно стало доброй Зоиньке.
	б.	*Как в тексте.*

Разночтения копии Мат

16	Опасался я без крыл парить;
44	Царь Додон венца со скипетром
92	С милой женкой Бендокировой,
Между 112 и 113	Долго все вельможи думали:
121	Табатеркою поскрипывал,
125	Стража трона, славны рыцари,

[1] *Ошибка в копии.*

145 Громобуря, крепко спящего,
169 Оплошал Додон с отсрочкою.
170 Не твердил он, видно, в азбуке:
172 *Что сегодня можно выполнить.*
186 Юбку, чепчик, ленту, кружево,
187 Все под ключ в шкатулку спрятала
213 Трепетно, смятенья полная,
236 Милого Бова-царевича,

⟨ЭПИГРАММА⟩

(«Арист нам обещал трагедию такую...»)

(С. 63)

Вариант РМ

8 Прежалостну пиесу.

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ

(«Друзья! досужный час настал...»)

(С. 64)

Разночтения копии N (первая редакция)

7 Сенека, Плиний на столе,
22 Наш добрый Г⟨алич⟩ь, vale![1]
23 Ты Эпикура младший брат,
Между 28 и 29 Виват наш дружеский союз!
Виват, виват студенты!
Не надобны питомцу муз
Ни золото, ни ленты;
Пускай с профессором седым
Я в сутки час зеваю;
Зато с бокалом круговым
Весь век не унываю.
Виват веселья бог младой,
Семелы сын румяный!
Виват и пестун твой седой!
Виват... и всякий пьяный!
57 И ты, который с детских лет
63 Наполним кружку до краев, —
Между 72 и 73 Друзья! приятен звон струны
Средь радостной пирушки,
Где, влагой пенистой полны,
Стучат веселья кружки.

[1] будь здоров! (*лат.*)

76 Гитары тихим стоном.
93—94 Но где товарищи? где я?..
Скажите, Бога ради...
99—100 Прочти ж, Вильгельм, свои стихи,
Чтоб нам заснуть скорее.

Варианты автографа

20 Воды в бокале чистой!
29 Проснися, Дельвиг, что ты спишь?
60 Хоть плохо жизни пишешь;
100 Чтоб нам уснуть скорее.

Разночтения копий Мат, Ник, Гор, Полт и Герб (вторая редакция)

18	Арак и пунш душистый,	*Полт*
31	Ты не под кафедрой лежишь,	*Мат*
34	Вином бутыль налита,	*Гор*
40	На друга и не друга.	*Полт*
45	Хотя студент, хотя и пьян,	*Гор*
57	О ты, который с детских лет	*Ник*
68	Приятель неизменный,	*Герб*
71	В козацку шапку пунш нальем —	*Полт*
98	Ты видом всех трезвее;	*Мат*
99	Прочти ж, Вильгельм, свои стихи,	*Мат*
100	Чтоб мне уснуть скорее.	*Ник*

Варианты ЛТ (поправки 1818 г.)

7 ⟨ ⟩ с Платоном на столе,
11 Без них, ученых дураков,
16 О други, президента.
41 И ты, красавец молодой,
48 На все благословляю!
81—88 *Зачеркнуты.*

Поздняя редакция

Разночтения копий Грч, Даш, Ос и Тих

38	Полней бокал досуга,	*Даш*
40	На друга и не друга!	*Даш*
62	Не впервые бранимся;	*Грч, Ос*
64	И снова примиримся.	*Даш, Ос, Тих*

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

(«Навис покров угрюмой нощи...»)

(С. 69)

Варианты автографа АвТЖ (по фотокопии ст. 1—19 и Акад.)[1]

1 Навис покров угрюмой ночи
10 *а.* Окрестность осветила вдруг.
б. *Как в тексте.*
39 *а.* Протекшие века мелькают пред очами,
б. *Как в тексте.*
46 *а.* Вкруг бранного столба трикрата обвились;
б. Вкруг грозного столба трикрата обвились;
48 *а.* В блестящей пене поднялись.
б. *Как в тексте.*
60 Потомки доблестных Славян,
61 *а.* Перуном на полях победных возблистали;
б. Перуном в поле битв победу похищали;
71 *а.* Восстал Наполеон, и вскоре новой брани
б. Восстал Наполеон, и вскоре лютой брани
77 *а.* И селы мирные, и грады в тьме пылают,
б. *Как в тексте.*
80 И праздный в поле тлеет плуг.
81 *а.* Идут — их силе нет преграды,
б. *Как в тексте.*
84 В воздушных съединясь толпах,
123 *а.* Увы! где прежде град являлся величавый,
б. *Как в тексте.*
128 Палаты пали богачей.
134 Туда веселие на крыльях не летит,
139 Отяготилася на их надменны выи
144 И с тыла гонит Россов меч.
147 О Галлы хищные, вы все в могилу пали.
161—176 *Отсутствуют.*

Варианты копии Мт[2]

1 *а.* Навис покров угрюмой ночи
б. *Как в тексте.*
10 *а.* Окрестность осветила вдруг,
б. *Как в тексте.*
25 Не се ль Элизиум полночный,
27 *а.* На лаврах где почил орел России мощный
б. *Как в тексте.*
34 Воспоминанье прежних лет;
39 Протекшие века мелькают пред очами,

[1] *Под литерой «б» — правка по тексту белового автографа.*
[2] *Под литерой «б» — правка Пушкина.*

46 Вкруг грозного столба трикраты обвились;
48 *а.* В блестящей пене поднялись.
б. *Как в тексте.*
60 Потомки доблестных Славян,
71 *а.* Восстал Наполеон, и вскоре лютой брани
б. *Как в тексте.*
81 *а.* Идут — их силе нет преграды,
б. *Как в тексте.*
84 В воздушных съединясь толпах,
123 Увы! где прежде град являлся величавый,
128 *а.* И где палаты богачей.
б. Палаты пали богачей.
134 Веселье шумное туда уж не летит,
139 *а.* Отяготилася на их надменны выи
б. *Как в тексте.*
143 Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть встречают,
144 *а.* И с тыла гонит Россов меч.
б. *Как в тексте.*
147 *а.* О Галлы хищные, вы все в могилу пали.
б. О Галлы хищные!.. и вы в могилу пали.
153 В Париже Росс — где ж факел мщенья?
158 Москва в унынии, как степь в полночной мгле.
163 Как наших лет певец, славянской Бард дружины,
167 На лире б возгремел гармонией чудесной
171 *а.* В кругу друзей своих, с душою воспаленной,
б. В кругу друзей своих, с душой воспламененной,

Варианты автографа АвД

1 *а.* Навис покров угрюмой ночи
б. *Как в тексте.*
16 *а.* В п⟨релестной⟩ красоте цветет.
б. *Как в тексте.*
34 Воспоминанья древних лет;
39 Протекшие века мелькают пред очами,
46 Вкруг грозного столба трикраты обвились;
52 *а.* *Как в тексте.*
б. Но славен родине драгой!
60 Потомки доблестных Славян,
84 В воздушных съединясь толпах,
120 Вотще лишь бранью дух пылал!..
128 Палаты пали богачей.
134 Веселье шумное туда уж не летит.
135 Не блещут уж в полях брега и светлы рощи:
144 И с тыла гонит Россов меч.
147 О Галлы хищные! и вы в могилу пали.
163 Как древних лет певец, как лебедь стран Еллины,
171 В кругу друзей своих, с душой воспламененной,

Разночтения копии N

Заглавие *Отсутствует.*
1 Навис покров угрюмой ночи
11 Аллеи древних лип мелькают пред очами,
25 Не се ль Элизиум полночный,
39 Прошедшие века мелькают пред очами,
46 Вкруг грозного столба трикраты обвились;
56 Прейдет молва из рода в род.
60 Потомки доблестных Славян,
71 Восстал Наполеон, и вскоре лютой брани
77 И селы мирные, и грады в тьме пылают,
84 В воздушных съединясь толпах,
90 России двигнулись сыны;
125 Москва, сколь русскому твой вид унылый страшен!
128 Палаты пали богачей.
134 Туда веселие на крыльях не летит,
139 Отяготилася на их надменны выи,
143 Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть встречают,
144 И с тыла гонит Россов меч.
147 О Галлы хищные! и вы в могилу пали.
158 Москва в унынии, как степь в полночной мгле,

Разночтения копий Полт и Нейш$_1$

Заглавие	Воспоминание в Царском Селе	*Полт, Нейш$_1$*
3—4	В безмолвной тишине почили луг и рощи, В седом тумане дол и лес;	*Полт, Нейш$_1$*
12	И проглянули холм и луг;	*Полт*
46	Вкруг грозного столба трикраты обвились;	*Полт*
85	В могилу мрачную нисходят беспрестанно	*Полт*
90	России двигнулись сыны;	*Полт*
111	Не вы и дерзости и гордости пределы:	*Нейш$_1$*
120	Лишь гневом дух пылал.	*Полт, Нейш$_1$*
133	В часы безмолвные прекрасной летней нощи	*Полт, Нейш$_1$*
143	Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть встречают,	*Полт, Нейш$_1$*
147	О Галлы хищные! и вы в могилу пали!	*Нейш$_1$*
157—160	*Отсутствуют.*	*Полт*
176	При звуках славного певца.	*Нейш$_1$*

Разночтение копии Шер

25 Не се ль Элизиум полночный,

РОМАНС

(«Под вечер, осенью ненастной...»)

(С. 79)

Варианты копии Вс (поправки 1825 г.)

18 Стыд вечный вина моя[1]
19 Навеки ты меня забудешь;
33—40 *Зачеркнуты.*
41 Она простила... но, быть может,

Поздняя редакция

Разночтения копий Шер, Лиц и Долг

1	Под вечер осени ненастной	*Долг*
2	В далеких дева шла местах	*Шер, Долг*
9	И над невинным сим твореньем	*Лиц*
11	Ты спишь, дитя — моим мученьем...	*Лиц*
14	Уж к груди не прильнешь моей,	*Шер, Лиц*
14	К груди уж не прильнешь моей,	*Долг*
18	Мне вечно стыд вина моя!	*Лиц*
23	Ты спросишь: «Где ж мои родные?» —	*Шер, Долг*

ЛЕДА

(Кантата)

(«Средь темной рощицы, под тенью лип душистых...»)

(С. 82)

Разночтения копий Як—Корф и Дол$_1$

21	Но что-то меж кустов прибрежных зашумело,	*Як—Корф, Дол$_1$*
48	И пала таинства прелестная завеса.	*Як—Корф*

MON PORTRAIT

(«Vous me demandez mon portrait...»)

(С. 86)

Разночтения копий Марк, Грев и Ил (две посл. — по публ. Гаевского)

9	Oui! il ne fut de babillard,[2]	*Грев, Ил*
10	Ni docteur de Sorbonne —[3]	*Марк, Грев, Ил*
14	Là — n'est peut-être égalée;[4]	*Марк*
14	Las n'est point égalée;[5]	*Грев, Ил*
24	Si je n'était au Lycée.[6]	*Марк, Грев, Ил*

[1] *Ошибка в копии, исправленная Пушкиным.*
[2] Да! не было болтуна, (*фр.*)
[3] Ни доктора Сорбонны — (*фр.*)
[4] Может быть, и не равняюсь; (*фр.*)
[5] Увы, не равняюсь; (*фр.*)
[6] Если бы я не был в Лицее. (*фр.*)

1815

ГОРОДОК
(К***)

(«Прости мне, милый друг...»)

(С. 88)

Разночтения копий Мтш, Дол$_1$, Дол$_2$ и Як—Корф (по публ. Гаевского)

Подзаголовок		(Послание)	*Мтш*
2		Двулетнее молчанье:	*Дол$_1$, Дол$_2$*
11		Зевал и веселился	*Мтш, Як—Корф*
32		Три комнаты простые —	*Дол$_1$, Дол$_2$*
41		Прохладну тень дают;	*Дол$_2$*
46		Невидимо для взора,	*Мтш, Дол$_1$, Дол$_2$*
62		С ним втайне Феб дружится	*Мтш*
85		В восторге забываю.	*Мтш*
117		Являются вдвоем.	*Мтш, Дол$_1$, Дол$_2$*
176		*Хвала вам, чады славы,*	*Дол$_1$*
195		В картинах столь богатый,	*Дол$_2$, Як—Корф*
227		Хвалы сплести венок:	*Дол$_2$*
245	*а.*	*Как в тексте.*	
	б.	Смеркающейся нощи	*Дол$_1$*
274		Полуночной порой	*Мтш*
283		С бумагой и пером,	*Мтш, Дол$_2$*
286		Я ныне вдохновлен	*Дол$_2$*
291		Иль в юности златой	*Мтш*
303		И в час безмолвный ночи,	*Дол$_2$*
428		(И клятву уж сдержу),	*Мтш*

ВОДА И ВИНО

(«Люблю я в полдень воспаленный...»)

(С. 98)

Разночтения копий Даш, Дол$_2$, Долг и Тих

Заглавие	Вино и вода	*Даш, Дол$_2$, Долг, Тих*
1	Люблю я в полдень распаленный	*Даш*
3	Иль в роще тихой, отдаленной	*Даш*
6	Польется в чаше круговой;	*Даш*
6	Несется в чаше круговой;	*Дол$_2$, Долг*
12	О страх! смешал вино с водой!	*Даш, Дол$_2$, Долг, Тих*

ИЗМЕНЫ

(«Все миновалось!..»)

(С. 99)

Редакция копии Иконникова

ПОСЛАНИЕ К С....ю Г.....у Ч.....

Тщетно вздыхает бедный певец...
...Нет, не встречает мукам конец.
— Так — до могилы...
...Вечно унылый...
...Цепи влачи;
Терном увитый,
[Всеми] Счастьем забытый —
— Крова ищи.

Разночтения копий Даш, Долг, Тих и Гаев

4	*а.*	Страсти мученьи!	*Долг, Гаев*
	б.	*Как в тексте.*[1]	*Долг*
5		В тихом забвеньи	*Даш, Долг, Тих, Гаев*
36		Близ пепелища,	*Даш, Долг, Тих, Гаев*
46—47		Горести, муки Тем услаждал;	*Даш, Долг, Тих, Гаев*
57		Вслед за волной[1]	*Долг*
65—67		*Отсутствуют.*	*Даш, Долг, Тих, Гаев*
73		Тихо тронися	*Долг*
75—78		Тщетно взываешь, Бедный слепец, Нет! не встречаешь Мукам конец!	*Даш, Долг, Тих, Гаев*
80		Грустный, унылый,	*Даш, Долг, Тих, Гаев*
83		Терном увитый,	*Даш, Долг, Тих, Гаев*

К ЛИЦИНИЮ

(С латинского)

(«Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице...»)

(С. 101)

Варианты автографа

Подзаголовок		*Отсутствует.*
8		С почтением ему умильный мещут взгляд,
9		Ждут в тайном трепете улыбки, глаз движенья,
21	*а.*	Любимец деспота, как царь, Сенатом правит,
	б.	*Как в тексте.*

[1] *Позднейшее исправление карандашом.*

26 В изорванном плаще и с нищенской сумою,
38 Не лучше ль навсегда со градом распроститься,
58 Под старость отдохнем в сени уединенья;

Поздняя редакция

Варианты копии Вс[1]

Заглавие *а.* К Лициниусу
б. К Лицинию
Подзаголовок *а.* (Из латинского)
б. (С латинского)
6 *а.* Как розги ликторов народ несчастный гонят!
б. *Как в тексте.*
8 Умильно вслед за ним стремят усердный взгляд,
22 На Рим простер ярем, отечества[2] бесславит.
41 *а.* Оставим юности тщеславной шум веселий:
б. *Как в тексте.*
42 *а.* Пускай бесстыдный Клит, вельможей раб Корнелий
б. *Как в тексте.*
43 *а.* Торгуют подлостью и дерзостным челом[3]
б. *Как в тексте.*
50 В деревню принесем[3] отеческие лары!

Разночтения Ст 1826 и Ст 1829

Заглавие в оглавлении	Лицинию. *С латинского.* 1815	*Ст 1826*
Заглавие в оглавлении	К Лицинию. *С латинского*	*Ст 1829*
18	*Отсутствует.*	*Ст 1826*
19	(Скажу ль?) Ветулия![4] Отчизны стыд моей,	*Ст 1826*
19	(Скажу ль?) Ветулию! Отчизны стыд моей,	*Ст 1829*

БАТЮШКОВУ

(«В пещерах Геликона...»)

(С. 105)

Разночтения копий Даш, Пом$_2$, Долг и Тих

Заглавие	К Батюшкову	*Даш, Долг*
Подзаголовок	(Стансы)	*Пом$_2$*
6	Из детства напоенный,	*Даш, Пом$_2$, Долг, Тих*
30	Страшась лететь недаром,	*Пом$_2$*

[1] *Под литерой «б» — правка Пушкина 1825 г.*
[2] *Ошибка при копировании с текста РМ.*
[3] *Ошибка при копировании.*
[4] *Ошибочное исправление (см. об этом: наст. т., с. 632—633).*

К Г⟨АЛИЧ⟩У

(«Пускай угрюмый рифмотвор...»)

(С. 109)

Разночтения копии Грч (первая редакция)

39—40 Тогда посланьи и куплеты,
Баллады, басни и сонеты
48 О Галич! время скоротечно,
51—52 Покину кельи кров беспечный,
Татарский брошу свой халат.

Варианты ЛТ (переработка 1819 г.)

1—4 *а.* Пускай ⟨угрюмый рифмотвор,⟩
Венчанный ⟨маком и крапивой,
Холодных од творец ретивый,⟩
Подправя ри⟨фмой⟩ ⟨ ⟩ вздор,
б. Пускай угрюмый стихотвор,
Писец холодный, но рет⟨ивый,⟩
Венчанный ⟨маком и крапивой,⟩
Украсив рифмой вялый вздор,
19—25 Лети в счастливый городок,
Зайди в мой мирный уголок,
Вино там хлынет золотое,
а. Явится стр⟨асбургский⟩ пирог,
б. Явится на столе пирог,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое...
48—59 *а.* О Г⟨алич⟩, Г⟨алич⟩, близ⟨ок⟩ час,
б. О Г⟨алич⟩, близок, близ⟨ок⟩ час,
Когда, послыша сл⟨авы⟩ гл⟨ас,⟩
а. *Начато*: Забыв
б. Оставя кельи кров пустынн⟨ый,⟩
в. Пок⟨ину⟩ кельи кров пустынн⟨ый,⟩
а. Забыв пустынный сей Парнас,
б. Забыв волшебный мой Парн⟨ас,⟩ [1]
а. Забыв досуг и мир невинный,
б. Златой досуг и мир невинный,
Татар⟨ский сброшу свой халат,⟩
Прости⟨те, девственные⟩ музы,
Прости, прию⟨т младых отрад.⟩
На⟨дену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных муз —⟩
а. *Начато*: В числе вою⟨ющих⟩

[1] *Стих вписан позднее.*

б. В числе пирующих корнетов!
в. В кругу пирующих корнетов!
60—63 О Г⟨алич, Галич, поспешай!
Тебя зовут и сон ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок, полный через край!⟩

МЕЧТАТЕЛЬ

(«По небу крадется луна...»)

(С. 112)

Разночтения копии Пом$_2$

17 Главою на руки склонен,
41 Пускай, ударя в звонкий щит
63 И чуть дышала, наклонясь
67 Летай в мечтаньях предо мной,

К П⟨УЩИН⟩У

(4 мая)

(«Любезный именинник...»)

(С. 114)

Варианты автографа

Заглавие Пущину (4 мая)
43 Ты любишь дно стаканов
47—50 Скажи, чего же боле
Мне другу пожелать?
Счастлив ты в этой доле,
Придется мне молчать...

К МОЛОДОЙ АКТРИСЕ

(«Ты не наследница Клероны...»)

(С. 116)

Варианты автографа

Заглавие Посланье молодой актрисе
20—21 *а.* Тогда усердными руками
Все громко хлопают; кричат:
б. [И] А мы усердными руками
Все громко хлопаем; кричат:

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Друзьям

(«Хочу я завтра умереть...»)

(С. 118)

Варианты автографа (первая редакция)[1]

Заглавие Мое завещанье. (Друзьям)
Вм. 1 Нет, полно, полно мне терпеть!
Дорожный посох мне наскучил,
Угрюмый рок меня замучил,
Хочу я завтра умереть.
4 Веселой тенью пролететь...
20 *а.* Богов и смертных господина;
б. *Как в тексте.*
Вм. 33—35 *А.* И брякнут кольцы золотые
В завет любви в последний раз;
А вы, подруги молодые,
Спешите: дорог, дорог час;
Б. В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди.
а. И брякнут кольцы золотые
б. И брякнут перстни золотые
В завет любви в последний раз;
а. А вы, подруги молодые,
б. А вы, товарищ⟨и⟩ ⟨младые,⟩
Спешите: дорог, дорог час;
В. *Как в тексте.*
Вм. 48—52 *а.* Простите, милые друзья,
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
б. *Как в тексте.*
55 Тебе дарю и лень и лиру;
57—60 *а.* Ты не забудешь дружбу нашу,
О П⟨ущ⟩ин, юноша-мудрец!
Прими мою в подарок чашу
И с ней мой миртовый венец!
б. *Как в тексте.*
61—66 *а.* Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Моим подругам завещаю
Воспоминание ночей,
Утраченных у ног Венеры,
В лесах веселыя Цитеры,

[1] *Под литерами «б», «Б», «В» — правка по тексту белового автографа.*

На ложе маков и лилей,
И скованных любовной ленью;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей!..

б. *Как в тексте.*

69 *а.* Веселье, друг уединенья,

б. *Как в тексте.*

73—74 *а.* Пускай на гробе, где певец
Исчезнет в роще Геликона,

б. *Как в тексте.*

76—77 *а.* *«Здесь дремлет ветреный мудрец,*

б. *Питомец нег и Аполлона».*

Разночтение копии Ник (вторая редакция)

55 Тебе дарю и лень и лиру;

Разночтения копий ОА и $ОА_1$

Заглавие	Завещание	*ОА*
6	Отрадной жизни и любви!	*ОА*
18	Надменной Семелеи сына,	*ОА*
Между 35 и 36	*Начато*: [И брякну⟨т⟩]	*$ОА_1$*
36—39	*Отсутствуют.*	*ОА*
41	*Начато*: [В тени]	*ОА*
41	[В тени] В дали денницы золотой	*$ОА_1$*
51	Когда навек сокроюсь я,	*ОА*
55	Тебе дарю и лень и лиру;	*ОА*

Поздняя редакция

Вариант ЛТ (поздняя переработка)

32 *а.* И брякнут кольцы золотые

б. *Как в тексте.*

ПОСЛАНИЕ К Г⟨АЛИЧ⟩У

(«Где ты, ленивец мой?..»)

(С. 123)

Разночтения копий $Дол_1$ и $Дол_2$

Заглавие	К Галичу	*$Дол_1$, $Дол_2$*
28	*Отсутствует.*	*$Дол_1$, $Дол_2$*
46	К предателю пишу	*$Дол_2$*
107	Пьют могель разогретый,	*$Дол_1$*

К Д⟨ЕЛЬВИГУ⟩

(«Послушай, муз невинных...»)

(С. 127)

Первая редакция (по автографу)

Д...

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник:
Жилец полей пустынных,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою,
И я главой поник
Пред милою мечтою;
Мой дядюшка-поэт
На то мне дал совет
И с музами сосватал.
Сначала я шалил,
Шутя стихи кроил,
А там их напечатал —
И вот теперь я брат
Тому, сему, другому,
Рифматову, Пустову —
Да я ж и виноват —
Да ты же мне в досаду
(Что скажет белый свет?)
Любви моей в награду
Мне свищешь оду вслед:
Смотрите: вот поэт!
Спасибо за посланье!
Но что мне пользы в нем?
На грешника потом
Ведь станут в посмеянье
Указывать перстом.
Когда б подобны были
Моим твои стихи,
То скоро б [их] все забыли,
Что *Пушкин* за грехи
В поэзию влюбился
И лезет на Парнас,
И в рифмы весь зарылся,
И пишет в добрый час.
Изменник! с Аполлоном
Ты видно заодно;
И мне прослыть Графоном
Судьбою суждено.
О горе метроману!
Куда ни сунусь я,

Везде врагов застану —
Изменники-друзья
Невинное посланье
Украдкой в город шлют
И там за наказанье
Тисненью предают.
На бедного напали
С улыбкой остряки.
«Ах, сударь! мне сказали —
Вы пишете стишки?
Увидеть их нельзя ли?
Вы в них изображали,
Конечно, ручейки,
Конечно, василечик,
Иль тихий ветерочик,
Барашков и цветки...»
⟨. . . . . .⟩[1]
С журналами сражаться,
С газетой торговаться,
С Графовым восхищаться...
Помилуй, Аполлон!..

Варианты автографа (правка по тексту первой редакции)[2]

Заглавие К Д....
16 Бестолкову, Пустову —
20 Стихами до надсаду
21 *а.* Кричишь Икару вслед:
б. Жужжишь Икару вслед:
32—33 И ходит на Парнас,
Покою поклонился[3]
38—39 *Как в тексте.*
Вм. 40—47 Увы мне, метроману![3]
Куда сокроюсь я?
Везде беды застану, —
Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой в город шлют
И плод уединенья[4]
Тисненью предают —
Бумагу убивают.
48 *а.* Ленивца окружают
б. *Как в тексте.*

[1] *Часть текста вырезана.*
[2] *Нумерация стихов — по тексту первой редакции.*
[3] *Против этих стихов пометы «1)» и «2)», означающие, видимо, нереализованную перестановку фрагментов.*
[4] *Более поздняя карандашная поправка на полях.*

57 *а.* И рощи, и цветки...
б. Фиялочку, цветки...
61 С*** восхищаться...

Разночтения копии Ник

Вм 14—17 И вот теперь я брат
Тому, сему, другому,
Бестолкову, Пустому,
Да я ж и виноват,
Да ты же мне в досаду
(Что скажет белый свет?)
Стихами до надсаду
Жужжишь Икару вслед:
Смотрите: вот поэт!..
19 Но что мне пользы в нем?
25 И мне прослыть Прадоном
27—29 Увы мне, метроману!
Куда сокроюсь я?
Везде беды застану:
59 Я буду принужден

Поздняя редакция

Варианты ЛТ (поправки 1818—1819(?) гг.)

10 *Зачеркнут.*
13 *а.* Шутя стихи кропал,
б. *Как в тексте.*
16 *а.* ⟨ ⟩ [хоть] ⟨ ⟩ рад не рад,
б. *Как в тексте.*
17 *а.* *Начато*: Теперь я стан⟨у брат⟩
б. *Как в тексте.*
42 *а.* Лужочик и цветки...
б. *Как в тексте.*

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗ ПАРИЖА В 1815 ГОДУ

(«Утихла брань племен; в пределах отдаленных...»)

(С. 130)

Разночтения копий Грев, Марк и Долг

Заглавие	К императору Александру	*Грев*
Заглавие	Послание к императору[1]	*Долг*
3	С небесной высоты, при звуках стройных лир,	*Грев, Марк*
4	На землю мрачную снисходит светлый Мир.	*Марк*

[1] *С подстрочным примечанием*: На случай возвращения его имп⟨ераторского⟩ велич⟨ества⟩ в 1815 году из Парижа

17	Тебе, наш юный царь, хвала, благодаренье!	*Грев, Марк*
17	Тебе, великий царь, хвала, благодаренье!	*Долг*
21	Ты брани меч извлек и клятву дал святую	*Грев, Марк, Долг*
23	Мы вняли клятве сей, и юные сердца	*Грев, Марк*
25	И местью роковой горели и дрожали;	*Грев, Марк, Долг*
26	И россы пред врагом твердыней гордой стали.	*Долг*
27	«К мечам!» — раздался крик, и вихрем понеслись;	*Грев*
28	Знамены, восшумев, по ветру обвились;	*Грев*
33	А я вдали забот, в сени твоей надежной...	*Грев*
36	Сражаться за тебя под громом вражьих стрел!..	*Марк*
51	Ужель свободны мы, ужели гордый пал?	*Марк*
64	И ты среди сынов, России божество!	*Грев*
65	Встречать твои полки летят твои дружины.	*Грев*
65	Встречать твои полки спешат твои дружины.	*Марк*
66	Старик счастливый век забыл Екатерины,	*Марк*
67	Взирает на тебя с открытою душой.	*Грев, Марк*
76	И мирный селянин, не зная бурных бед,	*Грев, Марк*

СЛЕЗА

(«Вчера за чашей пуншевою...»)

(С. 142)

Варианты автографа

10		Я скоро просвистал:
15		«Дитя! ты плачешь об девице,
18	*а.*	Я в грусти отвечал.
	б.	*Как в тексте.*

Вариант ЛТ

10	*а.*	Я скоро просвистал:
	б.	*Как в тексте.*

Разночтения копий Гор, Грч, Ил, ДЛТ, Ник, Пом$_1$, Пом$_2$, Долг, Полт, Нейш$_1$, Заб$_2$, Алм и Мк

1	Вчера за чашей круговою	*Долг*
3	И тихо с мрачною тоскою	*Грч*
3	И молча с мрачною тоскою	*Пом$_1$, Пом$_2$*
4—8	Я в дальный путь глядел. «Что смотришь на дорогу? — Мой храбрый вопрошал. — По ней ты, слава Богу! Друзей не провожал».	*Грч*
6	Мой храбрый вопрошал.	*Долг*
6	Храбрец меня спросил.	*Нейш$_1$*
8	Друзей не провожал.	*Долг*
9	На грудь склонившись головою,	*Грч, Заб$_2$*
9	К груди приникнув головою,	*Полт, Алм*

10	Я скоро просвистал:	*Гор, Грч, Ил, ДЛТ, Ник, Пом$_1$, Пом$_2$*
10	*Как в тексте.*[1]	*Ник*
10	Я скорбно прошептал:	*Полт, Алм*
10	Я с скорбью прошептал:	*Заб$_2$*
10	Я с вздохом отвечал:	*Мк*
12	Сказал и замолчал.	*Мк*
13	Слеза нависла на реснице	*Долг*
14	И капнула в бокал.	*Грч, Полт, Нейш$_1$*
15	«Дитя! ты плачешь об девице,	*Гор, Мк*
15	«Ты плачешь о девице?	*Грч*
15	«Глупец! ты ль плачешь о девице!	*Нейш$_1$*
16	«Стыдись», — он мне сказал.	*Нейш$_1$, Мк*
16	Мой храбрый закричал.	*Алм*
17	«Оставь, гусар!.. ах! сердцу больно.	*Полт, Нейш$_1$, Заб$_2$, Алм, Долг, Мк*
18	Я в грусти отвечал.	*Гор, Ил, Пом$_1$, Пом$_2$, Долг, Полт, Нейш$_1$*
18	Я в горести сказал.	*Грч*
18	Я с грустью отвечал.	*Долг*
18	Я в грусти прошептал.	*Мк*

Варианты ЛТ (незаконченная поздняя переработка)

3—4	И молча, с дикою тоскою [На] дальний путь глядел.
6 *а.*	Мой воин вопросил.
б.	*Зачеркнут.*
7—8	Еще ты с нами, слава Богу, Еще друзья с тобой».
9—12	*Зачеркнуты.*
15—16	«Стыдись!.. ты ль плачешь о девице», — С упреком он закричал ⟨*так!*⟩.
17—18	«Оставь, [гусар — ох!] сердцу больно — [Ты, знать, не] горевал.

«УГРЮМЫХ ТРОЙКА ЕСТЬ ПЕВЦОВ...»

(С. 144)

Разночтения копий СЛС, Дол$_2$ и Долг

Заглавие	Эпиграмма	*Дол$_2$*
1	Есть тройка пакостных писцов —	*Дол$_2$*
1	Есть тройка пасквильных писцов —	*Долг*
4	Князь Шаховской, Шишков, Шихматов,	*СЛС, Дол$_2$, Долг*
5	Но кто ж глупей из тройки злой?	*Дол$_2$, Долг*

[1] *Исправление в копии.*

К БАР⟨ОНЕССЕ⟩ М. А. ДЕЛЬВИГ

(«Вам восемь лет, а мне семнадцать било...»)

(С. 145)

Разночтения копий Даш, Долг, Лон—Полт, Тих и Гаев

3	Они прошли — в судьбе моей унылой,	*Даш, Долг, Лон—Полт, Тих*
21	Когда весь свет глядит на вас,	*Даш, Долг, Лон—Полт, Тих, Гаев*

ГРОБ АНАКРЕОНА

(«Все в таинственном молчаньи...»)

(С. 146)

Разночтения печатного текста (Тр. МОЛРС)

Заглавие	Гробница Анакреона
7	В их сени, у края леса, —
10	На покрытом камне мхом;
18	Вижу... горлинка на лире;
20	Други! други! в сладком мире
47	Пригорюнившись сидят,
49	Кажется, в слезах твердят:
51	Как невинный вздох любви!..
56—57	Страстью тайной утомляйся И за чашей отдыхай!

Варианты ЛТ (поздняя переработка)

3 *а.*	Дремлет в облачном сияньи
б.	*Как в тексте.*
5—12	*Зачеркнуты (вариант ст. 10*: Камня древнего кругом*).*
21	Здесь Киферы скрыт мудрец.
23	Счастья сын изображен.
24	Здесь на сладостной цевнице
39	Долг после⟨дний⟩ заплатить;
40	Старец пляшет в хороводе,

Варианты копии Вс (до переработки)

5—12	*Отсутствуют.*
21	Здесь Цитеры спит мудрец.
23	Счастья сын изображен;
24	Здесь на сладостной цевнице
28—29	Там он, гроздами венчанный, Полной чашей негу пьет.
34	Здесь, подняв на лиру длани
39	Долг последний заплатить;

40 Старец пляшет в хороводе,
43 Девы скачут и поют;
48 Плющем, розами увиты,
51 Как веселый сон любви!
52 Смертный! век твой — привиденье;
56 Страстью тайной утомляйся,

Разночтения копий Дол$_2$ и Долг

Заглавие	Гроб Анакреона. Элегия	*Долг*
7	В их сени, на краю леса,	*Дол$_2$*
7	В их сени, на крае леса,	*Долг*
10	На покрытом камне мхом,	*Дол$_2$, Долг*
Между 10 и 11	Лавры цвет любви лелеют,	*Дол$_2$, Долг*
28—29	Там он, гроздями венчанный, Полной чашей негу пьет.	*Дол$_2$, Долг*
34	Здесь, подняв на лиру длани	*Дол$_2$, Долг*
38—40	Здесь, готовясь природе Долг последний заплатить, Старец пляшет в хороводе,	*Дол$_2$, Долг*
42	Вкруг любовника седого	*Дол$_2$*
43	Девы скачут и поют;	*Дол$_2$, Долг*
48	Плющем, розами увиты,	*Дол$_2$, Долг*
49	Игры, смехи вслед пошли...	*Дол$_2$*
56	Страстью тайной утомляйся,	*Долг*

Поздняя редакция

Варианты автографа (ст. 12, 14—15)

Заглавие		Гроб⟨ница?⟩ Ан⟨акреона⟩
12	*а.*	Здесь почил в бессмертно⟨м⟩ мире
	б.	Други! Здесь почи⟨ет⟩ в мире
14—15	*а.*	Но ⟨ ⟩ на сапфире Ожи⟨ви⟩л его резец...
	б.	Посмотри⟨те⟩: на порфире Ожи⟨ви⟩л его резец...

Варианты копии Вс (переработка 1825 г.)

11	*а.*	Вижу: кубок и венец.
	б.	*Как в тексте.*
12	*а.*	Здесь почил он в вечном мире
	б.	*Как в тексте.*
35		Игры вслед за ним ушли...
43		А за чашей отдыхай!

Разночтения Ст 1826

Заглавие в оглавлении	Гроб Анакреона. 1815
43	А за чашей отдыхай!

ВОСПОМИНАНИЕ
(К Пущину)

(«Помнишь ли, мой брат по чаше...»)
(С. 149)

Разночтение копий Гор и ЛТ

6 В нашем тесном уголке,

МОЕМУ АРИСТАРХУ

(«Помилуй, трезвый Аристарх...»)
(С. 150)

Варианты ЛТ (до переработки)[1]

6—8 Не для бессмертия они
На свет небрежно рождены,
Но, право, для меня, для друга
11—12 Я знаю сам свои пороки.
Не нужны мне твои уроки.
21 И сряду плоских три стиха;
35 И засветив потом лампаду,
52 Я мигом труд окончу свой.
81 И в простоте, без принужденья,
88 Веселья в резвом упоеньи
Вм. 92—97 Возможно ли в свое творенье
Тогда вперять холодный ум,
Уняв веселых мыслей шум,
Отделкой портить небылицы
И сокращать свои страницы?
104 *а.* И мне готовятся венцы
б. Для вас готовились венцы
110 И милых граций перст игривый
113 *а.* Веселий, смехов рой шутливый.
б. Детей Цит⟨еры⟩ рой шутливый.
118 Смири жестокий вкуса гнев.

Поздняя редакция

Варианты ЛТ (незаконченная переработка)

21—22 *а.* Для рифм и меры восклицанья,
Для ⟨ ⟩ лишних три стиха.
б. Для рифм пустые восклицанья,
Для смысла лишних три стиха.
в. *Как в тексте.*

[1] *Под литерой «б» — правка Пушкина.*

28—30 Что, ленью жертвуя стихам,
Объятый стихотворной думой,
〈 〉 беснуюсь по ночам
57 [Расположусь перед] камином,
60 *Начато*: Поймав
61 И не для имени поэта
64 *а.* И знаешь ли, о мой гонитель,
б. *Как в тексте.*

ПОСЛАНИЕ К Ю〈ДИНУ〉

(«Ты хочешь, милый друг, узнать...»)

(С. 156)

Варианты ЛТ

5 Но можно ль резвости поэту,
47 *Начато*: Вблизи
54 Туда с зарею поспешаю
55 С смиренным заступом в руке,
58 *Начато*: И счастлив в утреннем 〈труде〉
95 Вот здесь... но долго ль привиденья,
135 Из чаши мира вои пьют.
154 *Начато*: Но быстро старый 〈день умчался〉
158 Что в радости кружит и вьется[1]

К ЖИВОПИСЦУ

(«Дитя харит и воображенья...»)

(С. 162)

Разночтения копий Гор, Кор, Даш, ДЛТ, Пом$_2$, Долг, Полт и альманаха ПОМ 1827

Заглавие	Живописцу	*Гор*
1	Дитя харит, воображенья,	*Даш, Полт, ПОМ 1827*
2	В порыве пламенном души,	*Гор*
2	В порывах пламенной души,	*Даш, Пом$_2$*
3	Небрежно кистью наслажденья	*Даш*
6	Надежды милые черты,	*Гор, Кор, Пом$_2$, Даш, Полт*
8	И взоры юной красоты.	*ПОМ 1827*
10	Венерин пояс обвяжи,	*Кор, ДЛТ*
10	Венерин пояс подвяжи,	*Даш*
13—16	*Отсутствуют.*	*Кор*
15	Чтобы под ним она дышала,	*Гор, Даш, Пом$_2$*
16	Хотела тайно бы вздохнуть!	*ПОМ 1827*
20	Внизу я имя напишу.	*Долг, ПОМ 1827*

[1] *Возможно, описка при копировании.*

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ

(«Последним сияньем за лесом горя...»)

(С. 164)

Варианты автографа (по факсимиле)

21 Согнулся над ветхой клюкою.
22 На холм он восходит, и в тусклую даль
31 Далече уж путник в тьме бродит ночной,

Разночтения копий ЛТ и Ник

6 И с ими луна золотая. *ЛТ*
6 Меж [ними] ими луна золотая. *Ник*

Поздняя редакция

Варианты ЛТ (поправки Пушкина)

4 *а* В тумане пустынном [клубится] [че⟨рнеет⟩] река,
б. *Как в тексте.*
8 *а*. В стальной рукавице истлевший булат,
б. В стальной рукавице железный булат,
в. *Как в тексте.*
12 *а*. Покрыл их блистаньем кровавым.
б. *Как в тексте.*
22 *а*. *Начато*: С надеждою
б. Внимательно смотрит он в тусклую даль,
в. *Как в тексте.*

К НЕЙ

(«Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»)

(С. 166)

Варианты автографа

4 *а*. *Как в тексте.*
б. Любовник осужден?[1]
6 *а*. Ужели вечной тьмой покрыты дни мои?
б. *Как в тексте.*[1]
7 *а*. И больше никогда нас утро не застанет
б. *Как в тексте.*[1]
13—14 И в радости немой, в восторгах упоенья
Твой шепот сладостный и томный стон внимать

Разночтения копий ЛТ (до поправок) и Ник

4 Любовник осужден?
13—14 И в радости немой, в восторгах упоенья
Твой шепот сладостный и томный стон внимать

[1] *Более поздняя поправка.*

Разночтения копии Пом$_1$

6—7 Ужели вечной тьмой покрыты дни мои?
И больше никогда нас утро не застанет
13—14 И в радости немой, в восторгах упоенья
Твой шепот сладостный и томный стон внимать

1816

УСЫ

Философическая ода

(«Глаза скосив на ус кудрявый...»)

(С. 170)

Разночтение копии N

28 *а.* Стремя к бокалу мысли пылки
б. *Как в тексте.*[1]

Варианты ЛТ (поправки Пушкина)

7—8 Гусар! нет вечного в природе:
Как ода вслед похвальной оде,
23 В глубоком сне его лелеешь,
39 Ты нежишься — одной рукой,
41 Летаешь по груди прекрасной,
48 И старость выбелит усы.

Варианты копии Вс (до переработки)

3 Вкруг пальца завитки мотал;
7—8 Гусар! нет вечного в природе:
Как ода вслед похвальной оде,
10—11 Упали стены Вавилона,
Упали драмы Доримона,
20 Ты к ночи одою Свистова
23 В глубоком сне его лелеешь,
31 Сраженья ль грозный час настанет,
33 А ты, недвижный над седлом,
35 Сперва свой верный ус ухватишь,
37—42 *Отсутствуют.*
48 И старость выбелит усы.

[1] *Поправка Пушкина.*

⟨ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ПУШКИНУ⟩

(«Христос воскрес, питомец Феба!..»)

(С. 173)

Редакция копии Лон—Полт

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай Бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай Бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтоб в наши грешны времена
Воскресла предков добродетель;
Чтобы Шихматовым назло
Воскреснул новый Буало —
Расколов, глупости свидетель;
А с ним побольше серебра
И золота et caetera.[1]

Но да не будет воскресенья
Усопшей прозы и стихов.
Да не воскреснут от забвенья
Покойный господин Бобров,
Хвалы газетчика достойный,
И Николев, поэт покойный,
И беспокойный граф Хвостов,
И все, которые на свете
Писали слишком мудрено,
То есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грешно!

Разночтения копий Даш, Долг, Тих и публикаций ПЭ 1856 и Анн с редакцией копии Лон—Полт

13 Расколов, глупостей свидетель; — *Анн*
16 Но да не придет воскресенья — *Долг*
17 У сонной прозы и стихов. — *Даш, Анн*
18 Да не воскреснет от забвенья — *ПЭ 1856*
22 И непокойный граф Хвостов, — *Даш, Долг, Тих, ПЭ 1856, Анн*

[1] и т. д. (*лат.*)

ЭПИГРАММА

⟨На Карамзина⟩

(«Послушайте, я сказку вам начну...»)

(С. 174)

Разночтения копий Даш, Дол$_2$, Долг, Нейш$_2$, Кр—Бел, Рост$_2$, Бар, Лон—Полт, Якуш, Ал, Е и публикаций Анн, Пог, РС

1	Послушайте, скажу вам старину	*Дол$_2$*
1	Послушайте, я расскажу вам старину	*Рост$_2$, Бар, Ал, РС*
1	Послушайте, я вам скажу про старину	*Лон—Полт*
2	Про Игоря да про его жену	*Даш*
3	Про Новгород, про время золотое	*Даш, Дол$_2$, Долг, Кр—Бел, Рост$_2$, Бар, Лон—Полт, Якуш, Ал, Е, Анн, РС*
4	И, наконец, про Грозного царя...	*Даш, Дол$_2$, Долг, Кр—Бел, Рост$_2$, Бар, Лон—Полт, Ал, Е, Анн, Пог, РС*
5	Эх, бабушка, затеяла пустое!	*Дол$_2$, Долг, Рост$_2$, Бар, Лон—Полт, Ал, Анн, РС*
6	Окончи лучше нам «Илью-богатыря».	*Дол$_2$, Долг, Рост$_2$, Бар, Лон—Полт, Ал, Анн, РС*
6	Окончи нам «Илью-богатыря».	*Нейш$_2$*
6	Окончи-ка ты нам «Илью-богатыря»!..	*Якуш*

К НАТАШЕ

(«Вянет, вянет лето красно...»)

(С. 178)

Первоначальная редакция (по копии Пом$_2$)

НАТАШЕ

Вянет, вянет лето красно,
Улетают ясны дни,
Стелется туман ненастный
Ночи в дремлющей тени.
Опустели злачны нивы,
Хладен ручеек игривый,
Лес кудрявый поседел,
Свет небесный побледнел.

Скоро, скоро холод зимний
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит.
Не увижу я прелестной,
И, как чижик в клетке тесной,

Дома стану горевать
И Наташу вспоминать.

Свет-Наташа, где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца поделить?
Ни над[1] озером волнистым,
Ни под кровом лип душистых
Ранней, дремлющей порой
Не встречаюсь я с тобой.

Ах, Наташа! Помни вечно
Нежности, любви закон:
Если радостью сердечной
Юности горит огонь,
То — не трать ни полминуты!
Скоро... старостью согнуты,
Будем тихо мы бродить!
И тогда ли нам любить?

Варианты копии Г

4 Бора в дремлющей тени;
10 Как мне горьких слез не лить?
12 С другом сердца поделить?
15 Ранней, утренней порой
23 Стану дома горевать

ОСЕННЕЕ УТРО

(«Поднялся шум; свирелью полевой...»)

(С. 180)

Разночтение копий ЛТ и Ник

30 Свидетели беспечныя забавы!

Поздняя редакция

Варианты ЛТ (переработка 1818(?) г.)

После 9 *а.* На зелени поблекнувших лугов
б. [Н] Но в зелени поблекнувших лугов
в. *Зачеркнут.*
10—11 *А.* *а.* Уж не нашел оставленных следов,
б. Уже нигде я не нашел следов
Не встретил я ⟨ ⟩ прекрасной.

[1] *В копии описка:* под

Б. а. Уже нигде не встретил я прекрасной,
б. *Как в тексте.*
Как в тексте.
23 Она шумит в дубравах [по⟨желтелых⟩],
29 *а.* Свидетели младенческой забавы!
б. *Как в тексте.*

К ЖУКОВСКОМУ

(«Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...»)

(С. 182)

Варианты автографа (первоначальная редакция)

6 Но пылкого смирить не в силах увлеченья,
8 Сокрытого в веках бесстрастный судия,[1]
10 И мощной зависти предмет неколебимый
17 А ты, природою на песни обреченный!
19—20 О незабвенный час, когда я пред тобой
В безмолвии стоял — и молненной струей
25 Певцы бессмертные, питомцы вдохновенья!..
27 Лечу к *безвестному* с веселою мечтой,
31 В глубокой темноте пещерной глубины
37—38 Смех общий им ответ; и челами седыми
Во мгле два призрака склонилися над ними.
40—42 Тяжелые плоды бессонниц и трудов,
Усопших од, поэм холодные могилы!
С улыбкой внемлет визг стопосложитель хилый,
44 Железное перо скрыпит в его рука⟨х⟩
47—48 Другой на крикунов умильный взор вперил
И вялою рукой толпу их осенил.
49—52 *Отсутствуют.*
54 Завистник гения, спесивый С⟨умароков⟩,
56 Предрассуждению обязанный венком
71 Оно сокрыло их в огромный свой приют;
79 Свой стыд на гениев отбросить тайно мнит.
83 При свистах Зависти к собратьям он бежит...
87 Волнуясь, восстают шумящею толпой.
89 Беда, кто мог пленить красавиц нежной лирой,
91—92 Кто, выражаяся правдивым языком,
Славянской Глупости не хочет бить челом!..
Вм. 95—102 И вы восстаньте же, счастливые певцы,
Прелестных аонид священные жрецы;
Смотрите: поражен враждебными стрелами,
С потухшим факелом, с недвижными крылами,
108 И гордых риторов безграмотный собор...

---

[1] *Примечание «Карамзин» под строкой отсутствует, как и примечания «Державин» к ст. 13 и «Ломоносов» к ст. 61.*

111—112 На цепи указал и ими загремел —
Гонения навек ужель и мой удел?

Варианты автографа (правка по тексту первоначальной редакции)

8 *а.* *Начато*: Сокрытого в веках про⟨...⟩
б. *Как в тексте.*
48 *а.* Гордись — ты Бардуса надутый образец!
б. *Как в тексте.*
50 *а.* Стоит среди толпы детей непросвещенья?
б. *Как в тексте.*
52 *а.* У ног его лежат попранны Вкус и Ум;
б. ⟨ ⟩ стонет Ум;
в. А он — он рифмою попрал и Вкус и Ум;
г. *Как в тексте.*
54 *а.* Столь малый в зависти и гордый С⟨умароков⟩,
б. Завистник и гордец, холодный С⟨умароков⟩,
в. *Как в тексте.*
79 *а.* *Начато*: В бессилии своем
б. Бессмертных гениев сорвать с престолов мнит.
в. *Как в тексте.*
97 *а.* *Как в тексте.*
б. В счастливой ереси и Вкуса и Науки[1]
99 *а.* Кто мститель Гения, друг истины — поэт!
б. *Как в тексте.*
111 *а.* Оковы указал и ими загремел.
б. *Как в тексте.*
112 *а.* *Зачеркнут.*
б. *Начато*: Гонения —

Разночтения копий Ник и Дол$_1$

24 Отважной верою воспламенилась грудь *Дол$_1$*
52 А он — он рифмою попрал и Вкус и Ум; *Ник, Дол$_1$*
Между 102 и 103 Смотрите: поражен враждебными стрелами,
С потухшим факелом, с недвижными крылами, *Дол$_1$*

НА ПУЧКОВУ

(«Зачем кричишь ты, что ты *дева*...»)

(С. 185)

Варианты автографа

2 На каждом маленьком[2] стихе?
4 Хлопочешь ты об женихе.

[1] *Неиспользованный вариант.*
[2] *Исправлено Ильичевским на*: девственном — *поправка, принятая Пушкиным.*

НА ПУЧКОВУ

(«Пучкова, право, не смешна...»)

(С. 186)

Варианты автографа

1 Пучкова вовсе не смешна:
4 Хоть в смех читателям, так в пользу инвалидам.

Разночтение СЛС

4 Хоть в смех читателям, так в пользу инвалидам.

СОН

(Отрывок)

(«Пускай поэт с кадильницей наемной...»)

(С. 187)

Разночтения копий Мат, Ник и Дол$_1$

10		Мне не дает покоя Цитерея,	*Ник, Дол$_1$*
26—27		Учи меня, води моей рукой —	
		Все, все твое: вот краски, кисть и лира.	*Ник, Дол$_1$*
31		Конечно, сон спокойный предпочли,	*Ник, Дол$_1$*
140		При шуме волн на дикий брег летит,	*Мат*
160		И голова с плеча на грудь катится,	*Ник*
200		Подайте мне Альбана кисти нежны,	*Ник, Дол$_1$*
210	*а.*	*Как в тексте.*	
	б.	Ни старого двора старушек муз.	*Ник*

ИСТИНА

(«Издавна мудрые искали...»)

(С. 193)

Разночтения копий Ник, Як—Корф, Шер и Пом$_2$

1	Недавно мудрые искали	*Ник, Як—Корф*
3—4	И долго, долго повторяли	
	Пустые толки стариков.	*Шер, Пом$_2$*

Незавершенный вариант ЛТ

5 *Начато*: Твердили: «Истина свя⟨тая⟩

⟨ПОСЛАНИЕ К В. Л. ПУШКИНУ⟩

(«Тебе, о Нестор Арзамаса...»)

(С. 194)

Разночтения копий Квл, Даш, Вяз$_1$, Дол$_2$, Долг, Нейш$_1$, Нейш$_2$ и публикации СО

Заглавие	К В. Л. Пушкину. (Дяде, соч⟨инителю⟩ Буянова)	*Даш*
Заглавие	К Василью Львовичу Пушкину	*Дол$_2$*
Заглавие	Письмо к В. Л. Пушкину	*Квл, Нейш$_1$, СО*
10	называли / назвали	*Даш*
10	называли / называете	*Дол$_2$, Нейш$_1$*
13	От рифм вакхических шатаясь на Пегасе.	*Квл, Даш, Дол$_2$, Нейш$_1$, Нейш$_2$*
14	Я знаю сам себя, хоть рад или не рад,	*Вяз$_1$*
16	Вы дядя мне и на Парнасе	*Нейш$_1$*
20	Да, каюсь я, конечно, перед вами:	*СО*
24	Но *старое* забудьте в *новый* год.	*СО*
25	судьбою определены мне / судьбою определено мне	*Квл, Нейш$_1$*
25—26	судьбою определены мне только два рода писем / судьбою определены мне два рода писем	*Вяз$_1$*
26	обещательные и извинительные / обещательные и извиняющиеся	*Даш*
26	обещательные и извинительные /*обещательные и извинительные*	*СО*
27	при последнем ее издыхании / при последнем его издыхании	*Даш, Дол$_2$, Долг*
27—28	что и вся она состоит / что и все они состоят	*Квл, Нейш$_1$, СО*
27—28	что и вся она состоит / что вся годовая переписка состоит	*Вяз$_1$*
28	это мне неизвинительно / это мне кажется непростительно	*Квл, Нейш$_1$*
28	это мне неизвинительно / это кажется мне непростительно	*Дол$_2$, Нейш$_2$*
28	это мне неизвинительно / это мне кажется непростительно	*СО*
35	И мучить бедного Ослова	*Квл, Нейш$_1$, Нейш$_2$*
35	И мучить бедного Шишкова	*Даш*
37	И лоб угрюмый Шутовского	*Квл, Нейш$_1$, СО*
43	Напоминаю себя / Напоминаю о себе	*Квл, Дол$_2$, СО*
43—44	Не имею более времени писать; но — надобно ли еще обещать? / Не имею больше времени; но... надобно ли еще обещать?	*Квл*
43—44	Не имею более времени писать; но — надобно ли еще обещать? / Не имею более времени; но... надобно ли еще обещать?	*Долг, СО*
43—45	*Слова*: Напоминаю себя ~ любите еще меня. — *отсутствуют.*	*Вяз$_1$*

46	Шолье Андреевич, конечно,	*Квл, Нейш$_1$, СО*
48	Но я его люблю сердечно	*Квл, СО*
50	И пить, и петь свое вино,	*Квл, Нейш$_1$, СО*
53	Смеется, право, пресмешно.	*Дол$_2$, Долг, СО*

ОКНО

(«Недавно темною порою...»)

(С. 197)

Первая редакция (по автографу)

Где мир, одной мечте послушный?
Мне настоящий опустел!
На все взираю равнодушно,
Дышать уныньем мой удел;
Напрасно летнею порою
Любовник рощиц и лугов
Колышет розой[1] полевою,
Летя с тенистых берегов.

Напрасно поздняя зарница[2]
Мерцает в темноте ночной,
Иль в зыбких облаках денница
Разлита пламенной рекой,
Иль день багряный вечереет,
И тихо тускнет[3] неба свод,
И клен на месяце белеет,
Склонясь на берег синих вод.

Вчера вечерней темнотою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видел: дева у окна,
Склонившись на руку, сидела,[4]
Дышала в тайном страхе грудь,
С волненьем девица глядела
На темный под холмами путь.[5]

«Я здесь!» — шепнули торопливо,
И дева трепетной рукой
Окно открыла боязливо...
Оделся месяц темнотой.
«Счастливец, — молвил я с тоскою, —
Тебя веселье ждет одно!

---

[1] *Было начато*: Колышет резвою
[2] *Было*: денница
[3] *Было*: тмится
[4] *Более поздняя правка*: Одна задумчиво сидела,
[5] *Было*: луг

Когда ж вечернею порою
И мне откроется окно?»

Разночтения копий Гор, ДЛТ, Ник, Як—Корф, Пом$_1$, Пом$_2$ с текстом первой редакции (автограф)

17	Недавно темною порою,	*ДЛТ, Ник, Як—Корф*
21	Одна задумчиво сидела,	*Гор, Пом$_1$, Пом$_2$*
23	Она с волнением глядела	*ДЛТ, Ник, Як—Корф*
28	Луна покрылась темнотой.	*ДЛТ, Ник*
28	Луну покрыло темнотой.	*Як—Корф*

РАЗЛУКА

(«Когда пробил последний счастью час...»)

(С. 198)

Варианты ЛТ (поздняя переработка)

1—18 *А. а.* Когда пробил последний счастью час,
Когда в слезах с тобой я расставался
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикасался,
Я заглушал несносную печаль;
Я говорил: «Не вечная разлука
Все радости уносит ныне вдаль.
Забудемся, в мечтах потонет мука,
Уныние, губительная скука
Пустынника приют не посетят;
Мою печаль усладой муза встретит;
Утешусь я — и дружбы тихий взгляд
Души моей холодный мрак осветит».

Как мало я любовь и сердце знал!
Часы идут, за ними дни проходят,
Но горестям отрады не приводят
И не несут забвения фиал.

б. *Зачеркнуты (сначала ст. 15—18, затем ст. 1—14).*

Б. Давно ли ты была еще со мн⟨ою⟩

Заглавие *В.* Разлука

19 [О ми⟨лый⟩ др⟨уг⟩] [повсюду ты со мною][1]

20 *а.* Повсюду я в безмолвии грущу.

б. И я один [в безмолвии] грущу.

24 Лишь о тебе в унынии мечтаю, —

28 Рассеян я меж юными друзьями,

31 Не знает их уже мой хладный взор!

35 И лишь тоски ты голос не забыла!..

[1] *Против этого стиха на полях помета рукою Пушкина*: Начиная с этого стиха: О милый друг

38—39 Изобразят уныние любви,
И, слушая бряцания твои,

Поздняя редакция

Варианты копии Вс

1 *а.* О милый друг! расстался я с тобою.
б. *Как в тексте.*[1]
Между 9 и 10 *А.* Рассеянный сижу между друзьями,
Невнятен мне их шумный разговор,
Гляжу на них недвижными глазами,
а. Не знает их уже мой хладный взор!
б. Не видит их уже мой хладный взор!
Б. *Зачеркнуто.*[1]

Разночтения копий Кав, Квл, Даш, Долг и Гаев

Заглавие в оглавлении	К любовнице	*Кав*
Заглавие	Уныние	*Квл, Даш, Долг, Гаев*
1—2	О милый друг, повсюду ты со мною, Но я уныл и втайне я грущу.	*Кав*
1—2	О милый друг, расстался я с тобою, Уснув душой, безмолвно я грущу.	*Квл, Даш, Долг, Гаев*
4	Взойдет ли ночь с весеннею луною,	*Долг*
Между 9 и 10	Рассеянный сижу между друзьями,[2] Невнятен мне их шумный разговор, Гляжу на них недвижными глазами, Не знает их уже мой хладный взор!	*Кав, Квл, Даш, Долг, Гаев*
16	Изобразят мучения любви,	*Кав*
17	И, слушая брянчания твои,	*Даш, Гаев*

НАЕЗДНИКИ

(«Глубокой ночи на полях...»)

(С. 200)

Первая редакция (по автографу)

НАЕЗДНИК

Глубокой ночи на полях
Давно лежали покрывала,
И слабо в бледных облаках
Звезда пустынная сияла.

[1] *Поправка Пушкина 1825 г.*
[2] *В Кав стих читается:* Сижу рассеянный между друзьями

При умирающих огнях,
В неверной темноте тумана,
Безмолвно два почили стана
На помраченных высотах.
Все спит; лишь бора дальный шепот
Разносится в тиши ночной —
Да слышен издали глухой
Булата звон и конский топот.
Толпа наездников младых
В дубраве едет молчаливо,
Дрожат и пышут кони их;
Главы трясут нетерпеливо.
Во мраке всадники летят,
Сокрыты ветвей сенью гибкой,
Молчат... и с гордою улыбкой[1]
Усами грозно шевелят...
И бранью лица их горят...
Огнем пылают гневны очи,
Лишь ты, о юноша-поэт,
Уныл, как сумрак полуночи,
И бледен, как осенний цвет.
С главою, мрачно преклоненной
К теснимой горестью груди,
Мечтой угрюмо увлеченный,
Ты скачешь молча впереди.

«Певец победы, что с тобою?
Один меж нами ты уныл,
Поник бесстрашною главою,
Бразды и саблю опустил, —
Ужель, невольник праздной неги,
Отрадней сон твоих полей,[2]
Чем наши бурные набеги
И ночью бранный стук мечей?..
Пускай стезя войны опасна!
Завиден гордый наш удел,
Ужель герою смерть ужасна?
Но ты средь боев не бледнел;
Тебя мы зрели под мечами
С спокойным, дерзостным челом,
Всегда меж первыми рядами,
Все там, где первый падал гром.
И, съединен с победным кликом,
Твой голос брани радость пел!
Но ныне ты... в унынье диком,
Как беглый ратник, онемел».

---

[1] *Было начато*: Молчат... лишь
[2] *Было начато*: Отрадней мир

Но медленно певец печальный
Главу младую приподнял,
Взглянул угрюмо в сумрак дальный
И тихо отвечал:
«Глубокий сон в долине бранной,
Одни мы мчимся в тьме ночной —
Он там, готов удар желанный,
Уже в последний мчусь я бой...[1]
Там ждет меня конец жестокий,
Я на коне влечу в огонь —
Ударит час... и одинокий
В долину выбежит мой конь...
О вы, хранимые судьбами
Для мирных жизненных отрад,
Скажите, милая слезами
Благословит ли ваш возврат?

А вы, которые костями
Сей ночью ляжете со мной, —[2]
Скажите — милая слезами
Ваш усладит ли сон немой?
Но я... напрасно сердце дышет,
Настанет сердцу тишина...
Он пал! Эльвина вдруг услышит,
И тайно не вздохнет она...
За чашей сладкого спасенья,
О братья, вспомните певца,
Его любовь, его мученья
И грозный час его конца...»

Умолк — и мчится в бой кровавый.
Уже не возвратился он...[3]
[С его конем] на поле славы[4]
Его покрыл безвестный сон —
И утром мрачного поэта
Наездники в веселый час
За чашей дружнего привета
В последний вспомянули раз.

Варианты автографа (правка по тексту первой редакции)[5]

7 *Как в тексте.*
9 *Как в тексте.*

---

[1] *Было начато*: Лечу в последний
[2] *Было начато*: Нав⟨еки⟩
[3] *Было начато*: Не возвратится он
[4] *Было начато*: На поле ⟨ ⟩ славы
[5] *Нумерация стихов — по тексту первой редакции; формула «Как в тексте» означает совпадение с текстом второй редакции (см.: наст. т., с. 200—201).*

14 *а*. В дубраве скачет молчаливой,
б. *Как в тексте.*
16 *а*. Бразды трясут нетерпеливо.
б. *Как в тексте.*
17 *а*. Уж полем всадники летят,
б. Уж полем воины летят,
18 *а*. Дерев покрыты сенью зыбкой,
б. *Как в тексте.*
19—20 *а*. Сверкает быстро гневный взгляд,
И с гордой шепчутся улыбкой;
б. Усами грозно шевелят
И с гордой шепчутся улыбкой;
21 *а*. Бесстрашны лица их горят...
б. *Как в тексте.*
23 *а*. Лишь ты, о воин и поэт,
б. *Как в тексте.*
25 *Как в тексте.*
26 С главою, мрачно наклоненной,
27 Теснимый горестью в груди,
28 *Как в тексте.*
29 *а*. Он скачет молча впереди.
б. Он [едет] молча впереди.
в. Он ⟨ ⟩ и едет впереди.
г. *Как в тексте.*
30 *а*. «Певец бивака, что с тобою?
б. *Как в тексте.*
31 Один пред битвой ты уныл,
38 *Как в тексте.*
40 *а*. Герой! тебе ли смерть ужасна...
б. Тебе ли в поле смерть ужасна...
45 *а*. *Как в тексте.*
б. Все там, где первый падал гром,
46 *Как в тексте.*
47 *а*. Твой голос наши [песни] песни пел —
б. Твой голос наши битвы пел,
в. Твой голос наши бр⟨ани⟩ пел,
48 *Как в тексте.*
49 Как робкий ратник, онемел».
51 *Как в тексте.*
53 *а*. Вздохнул — и тихо отвечал:
б. *Как в тексте.*
56 Готов, готов удар желанный,
57 *а*. Лечу, лечу в последний бой...
б. Предчувствую последний бой...
58 *а*. Он ждет меня, конец жестокий,
б. Зовет меня конец жестокий,
59 *а*. О братья — мы влетим в огонь,
б. Покроет битвы нас огонь,

в. Покроет брани нас огонь,
г Мы грозно ринемся в огонь,
д. Мы сечи ринемся в огонь,
е. Мы на конях влетим в огонь,
ж. Нас брани ⟨ ⟩ огонь,
Вм. 62—77 О вы, которые костями
Сей ночью ляжете со мной —
Скажите — милая слезами
Ваш усладит ли сон немой —
а. Увы... напрасно сердце дышет,
б. Ах, я!.. напрасно сердце дышет,
в. Но я... напрасно сердце дышет,
а. Наступит хлад и тишина...
б. Его ⟨ ⟩ хлад и тишина,
Эльвина скоро весть услышит,
Он пал... и не вздохнет она —

А вы, хранимые судьбами
а. Для счастья жизненных отрад,
б. Для тихих жизненных отрад,
Счастливцы, мил⟨ыя⟩[1] слезами
Благословится ваш возврат!
За чашей сладкого спасенья,
О братья! вспомните ж певца,
Его любовь, его мученья
И славу грозного конца...»

80 *а.* И на поле ⟨ ⟩ славы
б. С его конем на поле славы
в. [С товарищем] на поле славы
82 И утром юного поэта

Вторая редакция (см.: наст. т., с. 200—201)

Варианты ЛТ (до поздней переработки)

6 *а.* В неверной синеве тумана,
б. В волнах неверного тумана,
Вм. 19 Усами грозно шевелят
56 Готов, готов удар желанный!

Разночтения копии ОА

3 И слабо в дальних облаках
4 Звезда пустынная блистала.
6 В волнах неверного тумана,
14 В дубраве едет молчаливо,
16 Главой трясут нетерпеливо,

[1] *В автографе осталась неисправленная форма*: милая

20 И с грозной шепчутся улыбкой.
30 «Певец печальный, что с тобою?
41 Ты ввек средь бою не бледнел.
64—65 Скажите: милые слезою
Ваш усладят ли вечный сон?

Разночтения копии Ник

17 Уж полем воины летят,
Вм. 19 Усами грозно шевелят
26—27 С главою, мрачно наклоненной
К теснимой горестью груди,
29 Он молча едет впереди.
35 Отрадней сон твоих полей,
40—41 Тебе ли в поле смерть ужасна?
Но ты средь боев не бледнел:
45 Все там, где падал первый гром.
47 Твой голос наши битвы пел,
49 Как робкий ратник, онемел».
56—60 Готов, готов удар желанный;
Предчувствую последний бой;
Зовет меня конец ⟨жестокий⟩;[1]
Мы грозно ринемся в огонь;
Ударит час — и одинокий
62—69 «О вы, которые костями
Сей ночью ляжете со мной!
Скажите: милая слезами
Ваш усладит ли сон немой?
Но я... напрасно сердце дышет,
Настанет хлад и тишина,
Эльвира скоро весть услышит;
„Он пал!" — и не вздохнет она».
71—72 Для тихих жизненных отрад!
Счастливцы!.. милыя слезами
После 77 Умолк, и мчится в бой кровавый;
Уже не возвратится он:
На поле славы[2]
Его покрыл безвестный сон.
И утром юного поэта
Наездники, в веселый час,
За чашей дружнего привета
В последний помянули раз.

Варианты ЛТ (поздняя переработка)

6 Среди неверного тумана,
18 Дубравы кров оставя зыбкий,

[1] *Описка при копировании:* желанный
[2] *Копия отражает незавершенную правку (см.: наст. т., с. 372).*

30 «Певец печальный, что с тобою?
35 Отрадней мир твоих полей,
38—41 *А.* Одна стезя войны прекрасна,
Завиден гордый наш удел.
а. *Начато*: Тебе ли смертный миг
б. Тебе ли в битвах смерть ужасна?
в. Тебе ли браней смерть ужасна?
Ты ввек средь боев не бледнел.
Б. *Зачеркнуты.*
60 *а.* Готов удар — и одинокий
б. Удар падет — и одинокий
62—65 *А.* О вы, которым здесь со мною
Предел могилы положен,
[Скажите]: милая тоскою
Ваш усладит ли долгий сон?
Б. О вы, хранимые судьбами
а. Для мирных сладостных отрад,
б. Для сладостных любви наград,
а. Для ⟨ ⟩ любви слезами
б. Пусть ваша милая слезами
в. Да ваша милая слезами
г. Пускай любовницы слезами
Благослов⟨л⟩яют ваш возврат!
66—69 Но для певца никто не дышет,
Его настигнет тишина...
Эльвина смерти весть услышит,
И не вздохнет об нем она.
70—73 *Перенесены выше, на место ст. 62—65.*
74 [За чашей сладкого] спасенья,

Варианты копии Вс (до переработки)

6 Среди неверного тумана,
30 «Певец печальный, что с тобою?
35 Отрадней мир твоих полей,
38—41 *Отсутствуют.*
46 Соединясь с победным кликом,[1]
52 Взглянув угрюмо в сумрак дальный,
60 Удар падет... и одинокий
62—69 *Отсутствуют.*
Вм. 70—75 О вы, хранимые судьбами
Для сладостных любви наград,
Любви бесценными слезами
Благословится ль ваш возврат?
Но для певца никто не дышет.
Его настигнет тишина;
Эльвина смерти весть услышит,

[1] *Поправка Пушкина 1825 г., предшествовавшая исключению ст. 46—49.*

И не вздохнет об нем она...
В минуты сладкого спасенья
О други, вспомните певца,

Разночтения копии Долг

4—6 Звезда полуночи сияла.
При погасающих огнях,
Среди неверного тумана,
8 При помраченных небесах.
10 Разносится в глуши ночной,
12 Булата звон да конский топот.
14—18 В дубраве едет молчаливо;
Дрожат и пышут кони их,
Главой трясут нетерпеливо.
Вот полем всадники спешат,
Дубровы кров оставя зыбкий,
21 Их лица дерзостью горят,
25 И бледен, как осенний цвет.
26—29 *Отсутствуют.*
30 «Певец печальный, что с тобою?
32 Поник бесстрашной головою,
34—35 Ужель, наперсник праздной неги,
Отрадней мир[1] твоих полей,
38—41 *Отсутствуют.*
46 С победным съединяся кликом,
49 Как робкий ратник, онемел?[2]
50 И медленно певец печальный
56—57 *а.* *Как в тексте.*
б. Готов, готов удар желанный,
Предчувствую последний бой![3]
60 Удар падет — и одинокий
60—69 *Отсутствуют.*
70—77 О вы! хранимые судьбами
Для мирных жизненных отрад,
Любви бесценными дарами
Вознаградится ль ваш возврат?
Но для певца никто не дышет,
Его постигнет тишина;
Алина смерти весть услышит,
И не вздохнет о нем она.

[1] *Позднейшая поправка карандашом*: сон
[2] *Вписано позднее над строкой карандашом.*
[3] *Позднейшая правка карандашом.*

ЭЛЕГИЯ

(«Счастлив, кто в страсти сам себе...»)

(С. 204)

Варианты ЛТ (до переработки), разночтения копий ДЛТ и Ник

5—6	Кому луны туманный луч В полночи светит сладострастной,	*ЛТ, ДЛТ, Ник*
8	Во тьме отворит дверь прекрасной.	*Ник*
10	Отрады милых наслаждений;	*ДЛТ*
13	В печали младость пролетит,	*ДЛТ*

Варианты ЛТ (поправки 1818 г.)

3—4	*А.*	Кто верит ⟨ ⟩ судьбе, Кого
	Б.	*Как в тексте.*
	а.	Надежда веч⟨ная⟩ лелеет;
	б.	Надежда сл⟨адкая⟩ лелеет;
	в.	Надежда тихая лелеет;
	г.	*Как в тексте.*

МЕСЯЦ

(«Зачем из облака выходишь...»)

(С. 205)

Варианты ЛТ (поздняя переработка)

3	*а.*	Зачем на ложе, сквозь окна,
	б.	*Как в тексте.*
15		Сквозь темный завес проницало
18—21	*а.*	Примчатся ль радости назад? Что вы, восторги сладострастья, Пред тайной прелестью отрад Прямой любви, прямого счастья?
	б.	Примчатся ль радости назад? Прямой любви, прямого счастья? Что вы, восторги сладострастья, Пред тайной прелестью отрад?
	в.	*Зачеркнуты.*[1]

Поздняя редакция

Варианты копий Вс и ЦР (по Анн)

8	*а.*	И гордым разумом моим	
	б.	*Как в тексте.*	*Вс*
17	*а.*	Красу возлюбленной моей.	
	б.	*Как в тексте.*	*ЦР*

[1] *Перестановка строк обозначена латинскими буквами (A, B, C, D). Прежде чем зачеркнуть четверостишие, Пушкин сделал пометы на полях: AD + DB = CD + DB, обозначающую, что возможен еще один вариант перестановки, художественно эквивалентный первоначальной редакции (см.: наст. т., с. 713).*

ПЕВЕЦ

(«Слыхали ль вы за рощей глас ночной...»)

(С. 207)

Варианты ЛТ (до поправок), разночтения копий Гор, Мат, ДЛТ и Пом₂

4	Свирели звук унывный и простой —	*ЛТ, Мат, ДЛТ*
8	Прискорбную ль улыбку примечали,	*Гор*
8	Прискорбия ль улыбку замечали,	*Мат*
9	Иль тихий взор, исполненный тоской, —	*ЛТ*
10	Встречали ль вы?	*ЛТ, Гор, ДЛТ*
13	Когда в полях вы юношу видали;	*Гор, Пом₂*

Варианты ЛТ (поздняя переработка)

8	*а.*	Улыбку ль ⟨*нрзб*⟩ замечали,
	б.	[Следы сл⟨?⟩] Следы ли слез, улыбку ль замечали,
9	*а.*	И ясный ⟨?⟩ взор, исполненный тоской, —
	б.	*Как в тексте.*

Поздняя редакция

Варианты копии Вс

4	Свирели звук унывный и простой —

Разночтения Ст 1826

Заглавие в оглавлении	Певец. 1816
10	Встречали ль вы?

К СНУ

(«Знакомец милый и старинный...»)

(С. 208)

Варианты ЛТ (поздняя переработка)

1—5	*А.*	Где ты, знакомец мой старинный? Где ты, хранитель верный мой? Где ты? Под кровлею пустынной Мне ложе стелет уж покой В безмолвной тишине ночной.
	Б.	Знакомец милый и старинный, О сон, любимец верный мой!
	а.	Где ты? введи под кров пустынный
	б.	*Начато*: Приди, Морфей[1] Давно потерянный покой

[1] *Более поздний незавершенный вариант.*

В. [Приди, знакомец мой старинный,
О сон, хранитель верный мой,
[И приведи] под кров пустынный
Давно потерянный покой.][1]
11 Разлуки страшной приговор,

Поздняя редакция

Варианты копии ВС (до поправок)

Заглавие Морфей
6 Разлуки страшной приговор,

Варианты ПЭ 1824

Заглавие К Морфею
6 Разлуки страшной приговор,

Варианты автографа Кап (по АН 1900—29)

Заглавие Элегия III. Морфею[2]
6 Разлуки страшной приговор
10 И сон мои покинет очи,

СЛОВО МИЛОЙ

(«Я Лилу слушал у клавира...»)
(С. 209)

Разночтение копии Ник

9 Волшебней песен, петых Лилой.

Поздняя редакция

Варианты ЛТ

4 *а.* Чем дальная ⟨ ⟩ лира.
б. *Как в тексте.*
7 *а.* Приятен голос твой унылый,
б. *Как в тексте.*

ЭЛЕГИЯ

(«Я видел смерть, она в молчаньи села...»)
(С. 210)

Варианты ЛТ (правка по тексту автографа)

Подзаголовок Подражание
1 Я видел смерть; она безмолвно села

[1] *Выписано на полях с пометой:* 4 стиха оставить
[2] *Заглавие дается по описанию Л. Н. Майкова (см.: наст. т., с. 715).*

Вм. 4—11 *А.* К нему душа [моя] с надеждой полетела.
а. Минутной младости моей
б. Протекшей младости моей
Никто, никто следов уж не приметит;
Последний взор моих очей
Луча бессмертия не встретит,
И потухающий светильник юных дней
Ничтожества спокойный мрак осветит.
Б. К нему душа с надеждой полетела.
Протекшей младости моей
Никто, никто следов пустынных не заметит,
И взора милого не встретит
Последний взор моих очей.[1]
15 Где жизнь меня не утешала,
17 Прости, родных небес завеса,
18 *а.* Немая ночи тень, зари веселый час,
б. Немая ночи тень, веселый утра час,
в. Ночная тень, денницы [сладкий] час,
19 *а.* Любимые холмы, ручья знакомый глас,
б. Знакомые холмы, ручья любимый глас,
20 *а.* Извивы мрачные таинственного леса
б. Вы, сени тихие таинственного леса
23 Предметом вечных слез и горестей залогом,
Вм. 24—27 *А.* *а.* Прости! все кончилось... уж гаснет пламень мой
б. Прости! все кончилось... безумный пламень мой
И гаснет и теряет силу —
Схожу я в хладную могилу,
И [смерти] сумрак роковой
[С мученьями] любви покроет жизнь унылу.
Б. Прости! все кончилось... безумный пламень мой
Теряет наконец мучительную силу.
а. Схожу в отрадную могилу.
б. Я гасну, я схожу в отрадную могилу.
в. Я быстро нисхожу в отрадную могилу
С последней радостью, с последнею слез⟨ой⟩ ⟨?⟩
29 Едва дыша, томясь еще желаньем,
31 *а.* Когда вздохну в немом изнеможеньи, —
б. Когда вздохну с последним содроганьем, —
33 Скажите ей: погас наш друг печальный...
35 Она вздохнет над [урной] [погребальной].

Редакция 1819 г. (по копии Вс)

ПОДРАЖАНИЕ

Я видел смерть: она безмолвно села
У мирного порога моего.

[1] *На полях не сложившиеся в стих наброски поэтических формул*: [вяну в] [гасну] вяну пламенной вяну но любовь моя

Я видел гроб: открылась дверь его;
К нему душа с надеждой полетела.
Протекшей младости моей
Никто, никто следов пустынных не приметит,
И взора милого не встретит
Последний взор моих очей.
. . . . . .
. . . . . .
Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала,
Где жизнь меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя.
Прости, родных небес спокойная завеса,
Прости, ночная тень и сладкий утра час,
Любимые холмы, ручья знакомый глас,
Вы, сени мирные таинственного леса
И все... прости в последний раз!
А ты, которая была мне в мире богом,
Предметом вечных слез и горестей залогом,
Прости... все кончилось! безумный пламень мой
Теряет наконец мучительную силу —
Я быстро нисхожу в готовую могилу
С последней радостью, с последнею тоской.

Разночтения копий Тург и Шер с текстом редакции 1819 г. (копия Вс)

Заглавие	*а.*	*Как в тексте.*	*Шер*
	б.	Прощание	*Тург, Шер*
5—6		Протекшей радости моей Никто следов пустынных не приметит,	*Тург*
13		Где вера тихая меня не утешала!	*Шер*
24		Я быстро нисхожу в отверстую могилу	*Шер*
24		И быстро нисхожу в готовую могилу	*Тург*

Варианты копии Вс (переработка 1825 г.)

15—19		Небес лазурная завеса, Ты, утро — вдохновенья час,[1] *а.* Знакомые[2] холмы, ручья знакомый глас, *б.* Любимые холмы, ручья знакомый глас, Вы, тени мирные таинственного леса И все — прости в последний раз!
20—25		*Зачеркнуты.*

[1] *Было начато*: Ночи ⟨ ⟩ мирный час
[2] *При последующей правке слово*: Знакомые — *осталось незачеркнутым.*

ЖЕЛАНИЕ

(«Медлительно влекутся дни мои...»)

(С. 212)

Варианты ЛТ (поправки 1818 г.) и Вс (до переработки)

Заглавие	Унынье	*ЛТ*
2	И каждый миг в увядшем сердце множит	*ЛТ, Вс*
4	И тяжкое безумие тревожит.	*ЛТ, Вс*
7	Моя душа, объятая тоской,	*ЛТ, Вс*
8	В [не⟨й⟩] горькое находит наслажденье.	*ЛТ*
9	О жизни сон! лети, не жаль тебя,	*ЛТ, Вс*

Варианты копии Вс (поправки 1825 г.)

1—4	*Зачеркнуты* (*вариант ст. 4*: И мрачное безумие тревожит).
5—12	*Как в тексте (ст. 1—8 поздней редакции).*

ДРУЗЬЯМ

(«К чему, веселые друзья...»)

(С. 213)

Разночтение копии Ник

5	Напрасно лиру взял я в руки

Варианты ЛТ (поздняя переработка)

8		Будил[1] потерянные звуки...
10		Веселы дни, веселы ночи,
11—12	*а.*	И дев на вас устремлены
		Огнем исполненные очи;
	б.	И томных дев устремлены
		На вас внимательные очи;

Варианты копии Вс (до поправок) и автографа Кап (до поправок)

Заглавие	Элегия II. Друзьям	*Кап*
3	Пропев последнее прощанье,	*Вс, Кап*
8	Будил умолкнувшие звуки...	*Вс, Кап*
11—12	И томных дев устремлены	
	На вас внимательные очи;	*Вс, Кап*

Варианты копии Вс (поправка 1825 г.)

7	И на отвыкнувших струнах

[1] *Вариант Жуковского, принятый Пушкиным в редакции Вс.*

Разночтение Ст 1826

Заглавие в оглавлении — Друзьям. 1816

ЭЛЕГИЯ

(«Я думал, что любовь погасла навсегда...»)

(С. 214)

Варианты ЛТ (незаконченная поздняя переработка)

8 Носимых по волнам грозою,
13 *Начато*: Кто пламенем любви напрасной
14 ⟨ ⟩ страшный плен.
15 *а*. О боги, сколь блаженней боле
б. ⟨ ⟩ счастливей боле
16—17 ⟨ ⟩ цепь мучений разорвал,
Опять я дружбы... я на воле —
27 [Веселье], Вакха и Дельфиру.

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК

(«Кубок янтарный...»)

(С. 216)

Разночтение ДЛТ

18 Давни жильцы!

Варианты ЛТ (поправки 1819 г.)

1 Кубок тяжелый
3 Пеною белой
7 Но за кого же
9—12 Здравие славы
Выпью ли я?
а. Браней забавы
б. Бранной забавы
Мы не друзья!
16 *а*. Крови бежит.
б. *Как в тексте.*
17—20 Жители неба,
Феба жрецы!
Здравие Феба
Пейте, певцы!
24 Просто вода.

Поздняя редакция

Варианты копии Вс[1]

1 *а.* Кубок веселый
б. *Как в тексте.*
3 *а.* Пеною белой
б. *Как в тексте.*

ПОСЛАНИЕ ЛИДЕ

(«Тебе, наперсница Венеры...»)
(С. 218)

Варианты ЛТ и копии Мат

6	Улыбка, взоры, милый тон	*ЛТ, Мат*
11	Венок любви и лиры звон.	*ЛТ*
38	Он в жизни жил, он был умен;	*ЛТ, Мат*

АМУР И ГИМЕНЕЙ

(Сказка)

(«Сегодня, добрые мужья...»)
(С. 220)

Вариант ЛТ (до поправок)

47 Его не страшны красотам,

Варианты ЛТ (поздняя переработка)

8 *а.* И вздумал ветреник лукавый,
б. Задумал ветреник лукавый,
11—14 Дурачество ведет Эрота,
Но вдруг, не знаю почему,
К дурачеству прошла охота;
Оно наскучило ему —
15 Взялся за новую затею,
26 Спокойно подремать не мог;
46—49 Гимена грустные дозоры
С тех пор пресеклись по ночам,
Его таинственные взоры
Теперь не страшны красотам.

[1] *Под литерой «б» — правка Пушкина 1825 г.*

Поздняя редакция

Разночтения копий Квл и Долг

Вм. 7—12	Но шалости — его забавы: Задумал ветреник лукавый, Чтоб, людям на смех и назло, Его дурачество вело. Дурачество ведет Эрота; Но вдруг, не знаю почему, К дурачеству прошла охота — Оно наскучило ему.	*Квл, Долг*
Вм. 17—21	Он из Кипридиных детей, Бедняжка дряхлый и ленивый, Холодный, грустный, молчаливый. Ворчит да дремлет целый век, А впрочем, добрый человек, Но нрав имеет лишь ревнивый	*Квл, Долг*
Вм. 30—33	Забудь, товарищ мой любезный[1]	*Квл*
38	Амур от радости вспрыгнул,	*Квл, Долг*
39	И на глаза со всею силой	*Квл, Долг*
41	Гимена грустные дозоры	*Квл, Долг*
43	Его таинственные взоры	*Квл, Долг*
49	Лишь сон на мертвых[2] налетает	*Квл*

Варианты копии Вс (до переработки)

Подзаголовок	Сказка
Вм. 6—12	Амур совсем, друзья, не слеп, Но шалости — его забавы: Задумал ветреник лукавый, Чтоб, людям на смех и назло, Его дурачество вело. Дурачество ведет Эрота — Но вдруг, не знаю почему, К дурачеству прошла охота — Оно наскучило ему.
Вм. 17—20	Он из Кипридиных детей, Бедняжка дряхлый и ленивый, Холодный, грустный, молчаливый, Ворчит и дремлет целый век, И впрочем, добрый человек.
30	*Отсутствует.*[3]
41	Гимена грустные дозоры
43	Его таинственные взоры
52	И сам счастливца провождает

[1] *Остальные строки, видимо, пропущены по ошибке.*

[2] *Возможно, ошибка при копировании.*

[3] *Пропуск при копировании, не замеченный Пушкиным; в лицейской редакции было:* Помилуй, братец Гименей

Варианты копии Вс (поправки 1825 г.)

Подзаголовок Сказка
11 *а.* И вдруг, не знаю почему,
б. *Как в тексте.*
17 *а.* *Начато*: Он сын Ки⟨приды⟩
б. Он из Кипридиных детей,
в. *Как в тексте.*
20 И впрочем, добрый человек,

Разночтение Ст 1826

Заглавие в оглавлении Амур и Гименей. *Сказка.* 1816

ФИАЛ АНАКРЕОНА

(«Когда на поклоненье...»)

(С. 223)

Разночтения копий Ник и Як—Корф

2 Ходил я в давний Пафос,
6 Он был тогда наполнен
9 Холодный плющ и мирты,
21 Тебе златого соку,
29 Ах, жалко мне — послушай,
Вм. 33 Пускай там остаются.
Тем лучше для меня!»

Поздняя редакция

Варианты ЛТ (поздняя переработка)

22 *а.* Резвяся, в это море
б. *Как в тексте.*
23 *а.* Мой лук, колчан и стрелы
б. *Как в тексте.*
24 *а.* Все бросил [ненарочно.]
б. *Как в тексте.*
25 *а.* Погас в шипящ⟨ей влаге?⟩,
б. Погас в волнах шипящих,
в. *Как в тексте.*

К Ш⟨ИШК⟩ОВУ

(«Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...»)

(С. 225)

Варианты ЛТ (до переработки)

1 Певец, увенчанный Эратой и Венерой,
55 Уснул меж розами, на тернах я проснулся,

Варианты ЛТ (поздняя переработка)

6 С их лирой соглашать игривую свирель:
12 *а.* Ты гимны сладкие любви,
б. Ты гимны счастливой любви,
14 Красавицы младой упорство, трепетанье,
18—21 Пой, в неге устремив на друга томны очи,
Тебе подвластные красы,
а. В ее объятиях исчезнувшие ночи,
б. В объятиях Лаис утраченные ночи,[1]
а. Блаженства ⟨*нрзб*⟩ часы...
б. Любви бесценные часы...
22—27 *А.* Мой друг, *она* твоя, *она* твоя награда,
Таинственной любви бесценная отрада!
Но мне ли радость воспевать,
Когда гнетет меня страданье,
а. Когда на каждое душевное мечтанье
б. Когда на каждый стих, на каждое мечтанье
Унынье черную кладет свою печать.
Б. *Зачеркнуты.*
28 *а.* А я... Друзей любить открытою душою,
б. Но я... Друзей любить открытою душою,
33 Не вечно нежиться в приятном ослепленьи,
36 Обманчивой Мечте, шепнувшей: ты поэт, —
38 С небрежной леностью нанизывал куплеты,
40 Угодник Бахуса, я с трезвыми друзьями
Вм. 45—54 *А.* И даже — каюсь я — пустынник согрешил, —
Простите мне мой страшный грех, поэты,
Я написал придворные куплеты,
а. Своей кадильницей я счастию кадил.
б. Кадилом дерзостным я счастию кадил.
Но скрылись от меня парнасские забавы!..
Недолго был я усыплен,
Недолго снились мне мечтанья Муз и Славы:
Я строгим *опытом* невольно пробужден.
Б. Но долго ль юношу лелеял Аполлон?
Душе наскучили парнасские забавы!..
Недолго снились мне мечтанья Муз и Славы,
И, строгим *опытом* невольно пробужден,
58 Сравнил свои стихи с твоими, улыбнулся —

Разночтения копий Квл, Дол₂, Долг и Щег₁

Заглавие	К Шишкову	*Квл, Дол₂, Долг, Щег₁*
4	Где нежные — Шолье с Мелецким и Парни?	*Квл, Долг, Щег₁*

[1] *Более поздняя поправка.*

6	С их лирой соглашать игривую свирель;	*Квл, Дол₂, Долг, Щег₁*
12	Ты гимны счастливой любви!	*Квл, Дол₂, Долг, Щег₁*
18—21	Пой, в неге устремив на друга томны очи, Тебе подвластные красы; В ее объятиях исчезнувшие ночи, Любви бесценные часы.	*Квл, Дол₂, Щег₁*
21	Любви беспечные часы,	*Долг*
22—27	*Отсутствуют.*	*Квл, Дол₂, Долг, Щег₁*
28	Но я — друзей любить открытою душою,	*Квл, Долг, Щег₁*
28	Друзей любить открытою душою,[1]	*Дол₂*
31	Но, милый, сжалься надо мною,	*Дол₂*
31	Покорствуя судьбам — но сжалься надо мною,	*Долг, Щег₁*
33	Не вечно нежиться в приятном ослепленьи:	*Квл, Дол₂, Долг, Щег₁*
34	Докучной истины я поздний вижу свет.	*Дол₂*
36	Обманчивой мечте, шепнувшей: ты поэт, —	*Квл, Долг, Щег₁*
36	Мечте, шепнувшей: ты поэт, —	*Дол₂*
37	И презря мудрые угрозы и советы	*Дол₂*
38	С небрежной леностью нанизывал куплеты	*Дол₂, Долг, Щег₁*
40	Поклонник Бахуса, я с трезвыми друзьями	*Квл, Долг, Щег₁*
40	Угодник Бахуса, я трезвый меж друзьями[2]	*Дол₂*
40	Угодник Бахуса, я с трезвыми друзьями[3]	*Долг*
45—50	*Отсутствуют.*	*Квл, Дол₂, Долг, Щег₁*
51—52	Недолго юношу лелеял Аполлон,[4] Душе наскучили парнасские забавы,	*Квл, Долг, Щег₁*
51—52	Не долго ли меня лелеял Аполлон? Душе наскучили парнасские забавы,	*Дол₂*
55	Уснув меж розанов, на тернах я проснулся	*Долг*
58	Сравнив стихи свои с твоими, улыбнулся —	*Квл, Щег₁*
58	Сравнив стихи твои с своими, улыбнулся —	*Долг*

ПРОБУЖДЕНИЕ

(«Мечты, мечты!..»)

(С. 228)

Варианты копии Вс (до переработки)

21	Пусть утомленный
25	Вновь упоенный,

[1] *Такое же чтение дает более поздняя поправка карандашом в Долг.*

[2] *Вероятно, описка.*

[3] *Позднейшая поправка карандашом.*

[4] *В Долг, вероятно, описка:* И долго юношу лелеял Аполлон; *в Щег₁ ст. 52* (Душе наскучили парнасские забавы), *видимо, пропущен по ошибке.*

Поздняя редакция

Варианты копии Вс (поправки 1825 г.)

Вм. 20—25 *а.* Внемли, любовь!
Мои моленья —
б. Услышь, любовь!
Мои моленья —
в. Любовь, любовь!
Услышь моленья —
а. Пришли мне в⟨новь⟩
б. Пошли мне в⟨новь⟩
Свои виденья,
И поутру
Вн⟨овь⟩ ⟨ ⟩

Варианты автографа Кап

Заглавие Элегия I (1816). Пробуждение
21—23 *А. а.* Пусть упоенный,
б. Пусть утомленный,
Усну я вновь,
Обвороженный,
Б. *Как в тексте.*
25 Вновь упоенный,

Разночтения копии Квл

13 Вмиг полетели
19 Очарованья.

КАРТИНЫ

(«С пятнадцатой весною...»)

(С. 230)

Разночтения копий Мтш и Дол$_1$

12 *а.* *Как в тексте.*
б. Одна у сонных вод; *Дол$_1$*
14 *Отсутствует.* *Дол$_1$*
44 Туманам свет лиет; *Мтш*
123 Оставивши Цитеру *Дол$_1$*

Поздняя редакция

Разночтения копии Долг

Заглавие Пастушка[1]
2 Как лилия зарею
22 С волшебницей мечтою,

[1] *Картина 1 («Пастушка») в копии никак не озаглавлена.*

94 И вдруг — сверкнув очами,
Вм. 108—109 И фавна за собой
120 Амуры златокрылы
124 *а.* *Как в тексте.*
б. И мать свою Венеру[1]
125 *а.* *Как в тексте.*
б. По скачущим волнам[1]
132 И страсти легким стоном
198 Прошли восторги счастья,

Разночтения альманаха ПОМ 1827

22 С волшебницей мечтою,
Вм. 108—109 И Фавна за собой
150 Он смутными очами

НАСЛАЖДЕНЬЕ

(«В неволе скучной увядает...»)

(С. 244)

Варианты автографа

8 *а.* Со мной и тени счастья нет.
б. И тени счастья в сердце нет.
12 *а.* И вслед за призраком летел.
б. Но я за тенью полетел.
13—16 *А.* Туманов окруженный тьмою,
Бродил один — и наконец,
Любви дав руку, со слезою
Сказал: веди меня, слепец!
Б. *а.* Стремился быстро за мечтою,
б. Стремился резво за мечтами,
в. Стремился резво за мечтою,
⟨*1 ст. нрзб*⟩
а. Любви дав руку, я с тоскою
б. Любви дав руку, я с слезами
Сказал: веди меня, слепец!
В. И вдруг прелестная, нагая
а. *Начато*: [С мла⟨дой⟩]
б. ⟨ ⟩ небесной чистотой
в. В глазах с волшеб⟨ной⟩ чистотой
г. ⟨ ⟩ прелестной красотой
д. ⟨ ⟩ небесной красотой
Явилась дружба молодая
И полетела предо мной.
17 Люблю... но цели отдаленной,

[1] *Позднейшая поправка карандашом.*

ПОГРЕБ

(«О, сжальтесь надо мною...»)

(С. 245)

Разночтения копии Грч

3 Красоткой молодою
5 Невольно я тоскую,
13 Нам Бахус, заикаясь,[1]

Разночтения копий Гор, Пом$_1$, Пом$_2$ и Долг

3		Красоткой записною	*Гор, Пом$_1$, Пом$_2$*
5		Невольно я тоскую,	*Гор, Пом$_1$, Пом$_2$*
5	*а.*	Невольно я тоскую,	
	б.	*Как в тексте.*	*Долг*
7		Несите круговую,	*Гор, Пом$_1$, Пом$_2$, Долг*
13	*а.*	Нам Бахус, заикаясь,	
	б.	*Как в тексте.*	*Долг*
16		Под бочками уснуть!	*Пом$_2$*
17		В них сердцу утешенье,	*Гор, Пом$_1$, Пом$_2$, Долг*

СРАВНЕНИЕ

(«Не хочешь ли узнать, моя драгая...»)

(С. 246)

Ранняя редакция (по автографу)

Заглавие *Отсутствует.*
Ты хочешь ли узнать, моя драгая,
Всю разницу меж Буало и мной?
У Буало была одна лишь — ,
А у меня — : ,

1817

COUPLETS

(«Quand un poète en son extase...»)

(С. 248)

Варианты автографа (до переработки)

13 Prolongez ces paisibles veilles[2]
23 On ne dit plus quand il s'échappe:[3]
32 *Начато*: À nos[4]

---

[1] *Стих вписан Пушкиным.*
[2] Длите эти мирные бдения (*фр.*)
[3] Когда она упорхнет, не скажешь более: (*фр.*)
[4] Нашим (*фр.*)

37—38 Pour un moment mon feu s'allume,
Sur deux couplets j'ai du pouvoir,[1]

К ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА

(«В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...»)
(С. 250)

Первая редакция (по копии Кав)

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был рубака,
Друзьям он верный друг, в бордели он ⟨.....⟩,
И всюду[2] он гусар.

К КАВЕРИНУ

(«Забудь, любезный мой Каверин...»)
(С. 253)

Разночтения текста «Северной звезды на 1829 год»

Заглавие К...ну
1 Забудь, любезный мой К...н,
5 Прослыть защитником[3] Зенонова ученья,
7—8 Я знаю, что страстей волненье,
И шалости, и заблужденье
11 Дурачиться мы будем иногда,
19 Простимся навсегда с веселием шутливым,[4]
21 Вздохнем о них, как о друзьях,
24—25 Люби друзей, храни о них воспоминанье,
Служи и Вакху и любви,
27 И черни презирай ревнивое болтанье.
29 С стихами, с картами, с Платоном и бокалом,

Разночтения копий Чер, Арс, Даш, Дол$_2$, Долг, Гв, Щерб, Нейш$_1$, Алм и Усп$_2$

Заглавие	Каверину	*Щерб*
1	Прости, любезный мой Каверин,	*Гв*
2	Минутной резвости стихи,[5]	*Алм*
2	Минуты резвости, нескромные стихи,	*Усп$_2$*

[1] На мгновенье я вдохновляюсь,
У меня власть лишь над двумя куплетами, (*фр.*)
[2] *Поправка, возможно сделанная рукой Каверина*: вечно
[3] *По-видимому, цензурное изменение.*
[4] *По-видимому, ошибка при копировании.*
[5] *В Щерб ст. 2 читается как в тексте; к нему сделано примечание*: Автор перед сим написал нам... истинно нескромные стихи...

7	Я знаю, что страстей волненье,	*Арс, Даш, Усп$_2$*
8	И шалости, и заблужденье	*Арс, Даш*
11	Дурачиться мы будем иногда —	*Чер, Арс, Даш, Дол$_2$, Долг, Гв, Нейш$_1$, Алм, Усп$_2$*
12	Пока без дальнего стыда	*Чер, Алм*
15	Все чередой идет обыкновенной:	*Нейш$_1$*
18	Насытясь жизнью, юных дней в гостях,	*Алм*
19	Простимся навсегда с веселием счастливым,	*Арс*
19	Простимся навсегда с веселием шутливым,	*Даш, Долг, Алм*
20	С Венерой пылкою и Вакхом прихотливым,	*Даш, Долг, Щерб, Усп$_2$*
21	Вздохнем о них, как о друзьях,	*Чер, Арс, Даш, Долг, Нейш$_1$, Алм*
24	Люби друзей, храни о них воспоминанье,	*Чер, Арс, Дол$_2$, Долг, Нейш$_1$, Алм*
24	Люби друзей, храни о них воспоминанья,	*Даш*
25	Молись и Вакху и любви,	*Арс, Даш, Дол$_2$, Долг, Гв, Алм, Усп$_2$*
25	Усердствуй Вакху и любви,	*Чер*
26	*Отсутствует.*	*Даш, Дол$_2$, Усп$_2$*
27	И черни презирай ревнивое болтанье.[1]	*Арс, Даш, Дол$_2$, Долг, Алм*
28	Они не ведают, что можно дружно жить	*Арс, Алм*
28	Она не ведает, что дружно можно жить	*Гв*
29	С стихами, картами, с Платоном и бокалом	*Арс, Нейш$_1$*
29	С стихами, картами, с Платоном и бокалом	*Чер, Даш, Дол$_2$, Долг, Гв, Алм*
29	С стихами, с картами, с Платоном и бокалом	*Щерб*
30	Что резвой шалости под легким покрывалом	*Дол$_2$*

Варианты чернового автографа ЛТ

18—22 У резвой Младости не вечно мы в гостях,
а. Недолго знаться нам с Весельем прихотливым,
б. Недолго знаться нам с беспечностью игрив⟨ой⟩,
а. С Венерой пылкою и с Бахусом шумливым,
б. С Венерой пламен⟨ной⟩ и с негой прихо⟨тливой⟩,
Вздохнем об них, как о друзьях,
а. И старость удивим покло⟨ном⟩ молч⟨аливым⟩.
б. И старост⟨и⟩ дождемся молч⟨аливо⟩.

[1] *В Щерб к слову*: черни — *сделана сноска*: la canaille

Вторая редакция (по беловому автографу Мч)

К КАВЕРИНУ

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.
Прослыть апостолом Зенонова ученья
Похвально, может быть; но ни тебе, ни мне:
Я знаю, что страстей волненья,
И шалости, и заблужденья
Пристали наших дней блистательной весне.
Все чередой идет определенной,

Всему пора, всему свой миг,
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Насытясь жизнию у младости в гостях,
Простимся навсегда с Веселостью шумливой,[1]
С Венерой пламенной и Негой прихотливой,
Вздохнем об них, как о друзьях,
И хладной старости дождемся терпеливо.
Теперь с беспечностью живи,
Люби друзей, храни об них воспоминанье,
Молись и Кому и Любви,
Минуту юности лови
И черни презирай ревнивое роптанье.
Она не ведает, что можно дружно жить
С стихами, картами, Невтоном и бок⟨алом⟩,[2]
Что резвых шалостей под легким покрывалом
И ум возвышенный и сердце можем скрыть.[3]

Разночтения копий Шер и Квл с текстом второй редакции (беловой автограф)

15	Простимся навсегда с беспечностью игривой;	*Шер, Квл*
19	Теперь с веселостью живи,	*Шер, Квл*
20	Люби друзей, храни о них воспоминанье,	*Шер*
27	И ум возвышенный и сердце можно скрыть.	*Шер, Квл*

Поздняя редакция

Разночтения МВ

Заглавие	К К. 1817
11	Усердствуй Вакху и любви

[1] *Было*: Простимся, как друзья, с Веселостью шумливой
[2] *Край листа обрезан.*
[3] *Было*: И ум возвышенный и сердце можно скрыть

Разночтения копии Л. С. Пушкина[1]

2 *а.* *Как в тексте.*
б. Неосторожные ⟨стихи.⟩
11 *а.* *Как в тексте.*
б. Усердствуй Вакху и любви
13 *а.* *Как в тексте.*
б. Она не ведает, что дружну можно быть
16 *а.* *Как в тексте.*
б. Безумных шалост⟨ей⟩ под легким по⟨кры⟩валом.

БЕЗВЕРИЕ

(«О вы, которые с язвительным упреком...»)

(С. 255)

Разночтения текста первой публикации (Тр. МОЛРС) и копий Дол₂, Долг и Пуш

3	Бежите с ужасом того, кто с первых лет	*Тр, Дол₂, Долг, Пуш*
5—6	Которого вся жизнь есть мрак и исступленье: Восплачьте вы о нем, имейте сожаленье!	*Тр*
7—10	*Отсутствуют.*	*Тр*
14	В беседе с дружеством иль с темною мечтою.	*Тр*
15—18	*Отсутствуют.*	*Тр, Дол₂, Долг*
21	То горьки слезы льет: то — раб страстей, волненья —	*Тр*
28	Отымется ли вдруг минутный счастья дар:	*Тр*
29	В любви ли, дружестве ль обнимет он измену	*Тр*
30	И невозвратную он им узнает цену:	*Тр, Дол₂, Долг*
30	И их узнает он всю истинную цену?	*Пуш*
32	Уж видит с трепетом, что в мире он один;	*Тр, Дол₂, Долг, Пуш*
35	Несчастные страстей и немощей сыны,	*Тр*
38	Наш век — неверный день: смерть — быстрое затменье.	*Тр, Дол₂, Долг, Пуш*
39	Когда холодна тьма объемлет грозно нас,	*Тр*
43	Тогда, беседуя с оставленной душой,	*Тр, Дол₂*
43 *а.*	*Как в тексте.*	
б.	*Как в Тр.*[2]	*Долг*
47	Но другу пережить ужаснее друзей!	*Пуш*
49	Живит унылый дух и сердца ожиданье;	*Тр*
51	А он, слепый мудрец! у гроба стонет он.	*Тр*
53	Надежды тихого не внемлет он привета:	*Тр, Дол₂*
53 *а.*	*Как в тексте.*	
б.	*Как в Тр.*[2]	*Долг*

[1] *Под литерой «б» — правка Пушкина 1828 г.*
[2] *Позднейшая поправка карандашом.*

58	Где Делии его таится пепел милый?	*Тр*
58	Где друга верного таится пепел милый?	*Дол₂, Долг, Пуш*
60	К кресту приникнув он бесчувственной главой,	*Дол₂, Долг*
61—64	*Отсутствуют.*	*Тр, Дол₂, Долг, Пуш*
65	Один, с отчаяньем, в слезах ожесточенья,	*Тр, Дол₂, Долг, Пуш*
74	Все тихо; но она — как кажется — внимает.	*Тр*
74	Все тихо вкруг нее и, кажется, внимает	*Дол₂*
74	Все тихо вкруг нее — а, кажется, внимает...	*Долг, Пуш*
75	Несчастный на нее в безмолвствии глядит,	*Тр*
76	Поникнул головой, трепещет и бежит;	*Тр, Пуш*
76	Поникнув головой, трепещет и бежит;	*Дол₂, Долг*
77	Спешит он далее, но вслед унынья бродит.	*Тр*
78	Во храм Всевышнего с толпой он молча входит;	*Тр*
80	При древнем торжестве священных олтарей,	*Тр, Дол₂, Долг, Пуш*
82	Тревожится его безверное мученье.	*Тр, Пуш*
85	Холодный ко всему и чуждый умиленью,	*Тр, Дол₂, Долг, Пуш*
87	«Счастливец! — мыслит он, — почто не можно мне	*Тр*
89	Забыв об разуме и немощном и строгом,	*Дол₂, Долг, Пуш*
91	Напрасен сердца крик! нет, нет! не суждено	*Дол₂*
92	Ему сей тайны знать: безверие одно,	*Тр, Дол₂, Долг, Пуш*
94	Несчастного влечет до вечных врат могилы.	*Тр, Дол₂, Долг, Пуш*
95	И что же ждет его в пустыне гробовой —	*Дол₂*
95	И что влечет его к пустыне гробовой —	*Долг*
95—96	*Отсутствуют.*	*Тр*
96	Кто ведает? но там он видит лишь покой.	*Дол₂, Долг, Пуш*

Варианты ЛТ (правка по тексту первой редакции)

7	*а.*	С душою кр⟨откою⟩ внемлите брата стон,
	б.	С душою любящей внемлите брата стон,
	в.	*Начато*: С душой пр⟨?⟩
	г.	С душою тронутой внемлите брата стон,
11—22		*Зачеркнуты.*
23—26		*Перенесены между ст. 34 и 35.*
41	*а.*	Ужасно чувствовать последних мыслей муку —
	б.	Ужасно чувствовать надежд последних муку —
	в.	*Как в тексте.*
43		Тогда, беседуя с раскованной душой,
52		С отрадой бытия несчастный разлучен,
61—64		*Зачеркнуты.*
65		В слезах отчаянья, в слезах ожесточенья.

67 *а.* Он стонет и меж тем под сенью темных ив,
б. Рыдает и меж тем под сенью темных ив,
79 Там умножает он ⟨?⟩ тоску души своей.

Поздняя редакция

Разночтения копий Шер, Квл, Пом$_1$ и Гол

3	Бежите в ужасе того, кто с давных лет	*Пом$_1$*
9	Кто в мире усладит души его мученье?	*Пом$_1$*
11	Постигнет ли его глухих судеб удар,	*Пом$_1$*
13	В любви ли, в дружестве ль обнимет он измену	*Квл, Пом$_1$, Гол*
16	Со страхом узнает, что в свете он *один*	*Шер, Квл, Гол*
16	Со страхом узнает, что в мире он один	*Пом$_1$*
21	Напрасно вкруг себя он взор печально водит:	*Пом$_1$*
31	Всегда, беседуя с раскованной душой,	*Пом$_1$*
37	Живит унылый дух и сердца ожиданье.	*Пом$_1$*
48	К кресту приникнув он бесчувственной главой,	*Шер*
58	Все тихо вкруг ее, а, кажется, внимает.	*Шер, Квл, Гол*
58	Все тихо вкруг ее, и, кажется, внимает.	*Пом$_1$*
61	Но тайно вслед ему немая скука бродит.	*Пом$_1$*
64	При пышном торжестве старинных алтарей,	*Шер, Квл, Пом$_1$, Гол*
66	Тревожит все его безверия мученье;	*Шер, Квл, Пом$_1$, Гол*
69	Холодный ко всему и чуждый умиленью,	*Шер, Квл, Пом$_1$, Гол*
74	С одной лишь верою повергнуться пред Богом!»	*Шер, Квл, Пом$_1$, Гол*
78	Влечет несчастного до хладных врат могилы,	*Шер, Квл, Пом$_1$, Гол*
79	И что зовет его к пустыне гробовой?	*Шер, Квл, Пом$_1$*

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ

(«Лида, друг мой неизменный...»)

(С. 260)

Первая редакция (по беловому автографу АвГр)

Лила, друг мой неизменный,
Почему сквозь легкий сон
Часто, негой утомленный,
Слышу я твой тихий стон?
Почему, в любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взор недвижный, боязливый
Устремляешь в темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморок любви,
Иногда я примечаю
Слезы тайные твои?
Ты рассеянно внимаешь
Речи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладен взор твоих очей...

О бесценная подруга!
Вечно ль слезы проливать,
Вечно ль мертвого супруга
Из могилы вызывать?
Верь: для узников могилы
Лишь забвенья мертвый сон —
Им не мил уж голос милый,
Им не слышен скорби стон.
Рано твой супруг мгновенный
Вздохом смерти воздохнул
И, любовью упоенный,
На груди твоей уснул.
Спит увенчанный счастливец,
Скоро взор сомкнем и мы.
Но разгневанный ревнивец
Из пустынной гроба тьмы
Не воскреснет уж с упреком.
Не увидишь в ночь и день
В доме тихом, одиноком
Ты завистливую тень.

Варианты автографа АвГр (правка по тексту первой редакции)[1]

1 *Как в тексте.*
21 Верь мне: [узника] узников могилы
22 [Уж] Там объемлет вещий сон —
24 *а.* И не слышен скорби стон.
б. *Как в тексте.*
Между 24 и 25 *а.* Не для них — весенни розы,
б. Все забыто! — вешни розы,
в. [Им напрасны] вешни розы,
Сладость утра, шум пиров,
Откровенной дружбы слезы
И любовниц робкий зов.
25 *Как в тексте.*
27 *Как в тексте.*
28 На груди твоей заснул.
30 *а.* Насладился, — живы мы!
б. Милый друг, — невинны мы!
в. Вечный ⟨?⟩ друг!.. невинны мы!
г. *Как в тексте.*
31 *а.* И разгневанный ревнивец
б. *Как в тексте.*
32 *Как в тексте.*
33—36 *А.* *а.* *Начато*: Ночи в миг
б. И в безмолвии глубоком,
В ночь покинув гроба сень,
а. Не застанет уж с упреком

[1] *Нумерация строк — по тексту первой редакции.*

б. Не увидим у постели
в. Устрашать во мгле не [будет] станет
а. Нас завистливая тень.
б. Мы завистливую тень.
в. Нас завистливая тень.

Б. Огнь не вспыхнет, гром не грянет,
И завистливая тень,
а. В головах во мгле не станет,
б. *Начато*: У возглав⟨ия⟩ не станет
Начато: [Ожидая] Вызывая ранний день.

В. *Как в тексте.*

Поздняя редакция

Варианты ЛТ (поздняя переработка)

2 *а.* Почему сквозь тих⟨ий⟩ ⟨?⟩ сон,
б. Почему вчера сквозь сон,
в. *Как в тексте.*
3 *а.* Страстью пылкой утомленный,
б. *Как в тексте.*
4 *а.* Слышал я твой тихий стон?
б. *Как в тексте.*
5 *Начато*: Почему, как у⟨мираю⟩
Вм. 5—12 *Как в тексте.*[1]
21 *а.* *Как в тексте.*
б. Не для них веселья розы,
в. *Как в тексте.*
26 Встретил ⟨ ⟩ смертный час
28 На груди твоей погас.
34 И разгневанная тень

Черновые наброски ЛТ (поздняя переработка)

[В час восторгов, упоень⟨я⟩]
[Лида, друг мой]
[Ты не внемлешь]
[Ты мне]
[В час восторгов и забвенья]

ЭЛЕГИЯ

(«Опять я ваш, о юные друзья!..»)

(С. 262)

Разночтения копий Ник и Дол$_1$

23 Минувших дней угаснули мечтанья — *Дол$_1$*
25 Все кончилось, одну печаль я вижу: — *Ник, Дол$_1$*

[1] *Первоначально ст. 9—10 были Пушкиным исправлены карандашом:*

Почему, как умираю
В неге пламенной любви

29 Во тьме застыл ее минутный след.[1] *Ник, Дол$_1$*
36 В безмолвии, покорствуя судьбам,[1] *Ник*

Поздняя редакция

Варианты ЛТ (поправки Пушкина)

12 *а.* *Как в тексте.*
б. И ласки муз, и резвость, и покой —
в. *Как в тексте.*
20 *а.* Чтоб усыпить угрюмые страданья,
б. Чтоб разогнать угрюмые страданья,
в. *Как в тексте.*

К ДЕЛЬВИГУ

(«Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»)

(С. 264)

Первая редакция (по копии Дол$_2$)

Блажен, кто с юных лет увидел пред собою
Изгибы темные двухолмной высоты,
Кто жизни в тайный путь с невинною душою
Пустился пленником мечты!
Наперснику богов безвестны бури злые,
Над ним их промысел, безмолвною порой
Его баюкают камены молодые
И с перстом на устах хранят певца покой.
Стыдливой грации внимает он советы
И, чувствуя в груди огонь еще младой,
Восторженный, поет на лире золотой.
О Дельвиг! счастливы поэты!
Певец! в безвестности глухой
Живи под дружественной сенью;
Страшись увидеть свет; неопытной душой
Не жертвуй ослепленью!
Воспитанный в тиши, не зная грозных бед,
С любовью, дружеством и ленью
В уединении ты счастлив — ты поэт!
Но для меня прошли, увяли наслажденья!

Мой друг, и я певец! и мой смиренный путь
В цветах украсили богини песнопенья,
И мне в младую боги грудь
Влияли пламень вдохновенья.
Ребенком лирный звук я чувствовать умел,
Все жизнию вокруг меня дышало,
Все резвый ум обворожало.

[1] *Возможно, ошибка при копировании.*

И первую черту я быстро пролетел.
Сияя тихою красою,
Минуты детства протекли;
Хвала, о боги, вам! вы мощною рукою
От ярых гроз мирских невинность отвели.
И были дни мои посвящены покою.
Но все прошло навек — сокрылись в темну даль
Свобода, радость, восхищенье;
Другим и юность наслажденье —
Она мне мрачная печаль!
Так рано зависти увидеть взор кровавый
И низкой клеветы во мгле сокрытый яд.
Нет, нет! ни счастием, ни славой
Не буду ослеплен. Пускай они манят
На край погибели любимцев обольщенных.
Исчез души священный жар!
Забвенью сладких песен дар
И голос струн одушевленных!
Умолкни лира! в прах венец!
Пускай не будут знать, что некогда певец,
Враждою, завистью на жертву обреченный,
Погиб на утре лет,
Как ранний на поляне цвет,
Косой безвременно сраженный.
Что нужды? проживу в безвестной тишине,
Потомство грозное не вспомнит обо мне —
И памятник певца в пустыне мрачной, дикой
Забвенья порастет ползущей повиликой!

Разночтения копии Долг с текстом первой редакции

Заглавие К Д***
12 О Д***! счастливы поэты!
32 От грозных бурь мирских невинность отвели.
34 Но все прошло: навек укрылись в темну даль
44 Забвенью сладких песней дар
48 Угрюмой зависти на жертву обреченный,
49 Погиб на утре вешних лет,
55 Забытый порастет ползущей повиликой.

Разночтения копии Я с текстом первой редакции

25 Ребенок, лирный звук я чувствовать умел,
34 Но все прошло навек — и скрылись в темну даль
38 Так рано зависти увидеть зрак кровавый
43—44 Исчез священный жар!
Забвенью сладких песней дар
46 Во прах и лиру и венец!
49 Погиб на утре вешних лет,
55 Забытый — порастет ползущей повиликой!

Поздняя редакция

Варианты копии Вс (третья редакция)

Заглавие К Дельвигу
1—3 С любовью, дружеством и ленью,
Вдали забот и мрачных бед,
Живи в безвестности под дружественной сенью;
7 Певца баюкают камены молодые
12—16 Украсив розами поэта первый путь.
Священной лиры наслажденья
Я рано чувствовать умел,
И лира стала мой удел.
Но все прошло навек... минуты упоенья,
21 И тайной клеветы невидимый кинжал.

Варианты копии Вс (переработка 1825 г.)

1 *а.* *Как в тексте.*[1]
б. Любовью ⟨ ⟩ и ленью
в. *Как в тексте.*
2—3 *Как в тексте.*
7 *Как в тексте.*
12—15 *Как в тексте.*
16 *а.* Но где же все ⟨?⟩... минуты упоенья,
б. *Как в тексте.*[2]
21 *Как в тексте.*

СТАНСЫ

(Из Вольтера)

(«Ты мне велишь пылать душою...»)

(С. 266)

Вариант ЛТ (до поправки 1817 г.)

34 Отрадных юношеских дней

Разночтения копий N, Мат, Ник, Пом₂, Як—Корф

11 К своим изменчивым годам, — *Пом₂*
17 Вы, усладившие печали — *Як—Корф*
31 Она любви подобно милой — *Пом₂*
36 Что мог вослед идти лишь ей! — *N, Мат, Ник, Пом₂*

Поздняя редакция

Разночтения копий Квл и Долг

24 Что значит после жить? — дышать.
32 Одной лишь нежностью была.

[1] *Поправка, возможно, уже существовала к 1820 г.*
[2] *Поправка, возможно, сделана рукой Плетнева.*

ПИСЬМО К ЛИДЕ

(«Лишь благосклонный мрак раскинет...»)

(С. 269)

Поздняя редакция

Варианты ЛТ (незаконченная переработка)

3 *а.* Лишь только полночь передвинет
б. *Как в тексте.*
в. И дважды время передвинет
г. [И время дважды] передвинет
4 И круг медлительных часов,
После 6 [В счастливый миг ⟨ ⟩ свободы]
После 8 *Фрагмент, соответствующий ст. 9—12 ранней редакции, зачеркнут (вариант ст. 12:* Замку предательному веря).
18 *а.* С восторгов рад⟨остной⟩ любви!
б. *Как в тексте.*

ПОСЛАНИЕ В. Л. ПУШКИНУ

(«Скажи, парнасский мой отец...»)

(С. 274)

Поздняя редакция

Варианты первопечатного текста (ПЗ 1824)

Заглавие Отрывок из послания В. Л. П—ну
17 Об ком за песни, за дела

Разночтения Ст 1826 и Ст 1829

Заглавие	П***ну	*Ст 1826, Ст 1829*
Заглавие в оглавлении	П***ну. *Отрывок.* 1817	*Ст 1826*
Заглавие в оглавлении	П***ну. *Отрывок*	*Ст 1829*

В АЛЬБОМ ИЛЛИЧЕВСКОМУ

(«Мой друг! неславный я поэт...»)

(С. 277)

Разночтения копий Мат и Як—Корф

1—2	Мой друг, неславный я поэт, Хоть христианин, право, славный.	*Як—Корф*
9—12	Ах! ведает мой добрый гений, Что предпочел бы я скорей: Бессмертие ль души моей? Бессмертие ль своих творений?	*Мат*

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

(«Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»)

(С. 278)

Разночтения копий Даш, Лон—Полт, Тих и публикации Анн

9	И розно наш оставим в мире след.	*Даш*
43	Я знал любовь, но я не знал надежды,	*Даш, Тих, Анн*
54	В последний раз любовию вздохнуть?	*Даш, Лон—Полт, Тих, Анн*
56	Иль чужда мне счастливая любовь?	*Даш, Тих*
67	И в жизни сей мне будет в утешенье:	*Даш, Тих, Анн*

Разночтения копий ОА, $ОА_1$, Квл, Долг, $ЛМ_1$ и Пут

1	Встречаяся с осьмнадцатой весной,	*Квл, Пут*
6	С надеждами во цвете первых лет,	*ОА, Квл, Пут*
7	Мой юный друг, мы входим в новый свет,	*ОА, $ОА_1$*
9	И розно наш оставим в мире след.	*ОА, Квл, Долг, Пут*
13	И юная краса тебе дана,	*Квл, $ЛМ_1$, Пут*
14	И нравиться бесценный дар природы,	*ОА, Квл, $ЛМ_1$, Пут*
16	Ты сотворен для сладостей свободы,	*$ЛМ_1$, Пут*
17	Для радостей, для счастья и забав.	*ОА, $ОА_1$*
17	Для радостей, для славы, для забав.	*$ЛМ_1$, Пут*
18—26	*Отсутствуют.*	*Квл, $ЛМ_1$, Пут*
Между 19 и 20	Тебя зовут и тайные беседы, И мирные условные победы.	*ОА*
25	Веселья сын и ветреный любовник,	*ОА*
28	Почто же мне грядущее скрывать?	*ОА, Квл, $ЛМ_1$, Пут*
29	Почто нельзя мне вечным жить обманом	*ОА, $ОА_1$*
29	Или нельзя мне вечным жить обманом[1]	*Квл, Долг, $ЛМ_1$, Пут*
31	Вся жизнь моя — печальный мрак несчастья.	*Квл*
33	Я счастлив был, еще не зная счастья;	*ОА, $ОА_1$*
36	Смотрю на путь, оставленный навек, —	*ОА, $ОА_1$*
37	На крестный путь, усыпанный цветами,	*Квл, $ЛМ_1$, Пут*
39	Я слезы лью, я трачу век напрасный,	*ОА, Квл, Долг*
39	*Отсутствует.*	*$ЛМ_1$*
43	Я знал любовь, но я не знал надежды;	*Квл, Долг*
43	*Отсутствует.*	*$ЛМ_1$, Пут*
43—46	*Отсутствуют.*	*ОА, $ОА_1$*
47	Душа полна невольно грустной думой;	*ОА, $ОА_1$, $ЛМ_1$, Пут*
47	*Отсутствует.*	*Квл*
49	Один с тоской явлюся, гость угрюмый,	*ОА*

[1] *В $ЛМ_1$ с опиской*: Иль нельзя мне вечным жить обманом

50	Явлюсь на день, [но] и одинок умру.	*ОА, ОА$_1$*
52	В последний раз мне томный взор сомкнуть	*ЛМ$_1$*
54	В последний раз любовью воздохнуть?[1]	*ОА, ОА$_1$, Долг, ЛМ$_1$*
54	Последний раз любовию вздохнуть!	*Квл*
54	В последний раз любовию вздохнуть!	*Пут*
56	И чужда мне счастливая любовь?	*ОА, ОА$_1$*
56	Иль чужда мне счастливая любовь?	*Квл, Долг, ЛМ$_1$, Пут*
58	Зачем же дни даны мне от богов?	*ОА, ОА$_1$*
59	Чего мне ждать; в боях забытый воин,	*ОА$_1$*
59	*Отсутствует.*	*ЛМ$_1$*
62	От счастия какой возьму венец?	*ОА, ОА$_1$*
62	У счастия какой возьму венец?	*Квл, Пут*
63	Но что — стыжусь, уж ропот, униженье.	*ОА, ОА$_1$*
68	Мой тихий дар и счастие друзей.	*ОА, ОА$_1$*

ТОВАРИЩАМ

(«Промчались годы заточенья...»)

(С. 280)

Разночтения копии Ник

Заглавие	К товарищам перед выпуском	
2	Недолго, милые друзья,	
6	Зовет нас света дальний шум,	
8	В волненьи юных, пылких дум.	
19	Лишь я, судьбе своей послушный,	
20	Счастливой неги верный сын,	
22	В постели задремал один...	
24	Равны мне каски, кивера,	

Вариант ЛТ (до поправки)

24	Равны наказ и кивера,	

Разночтения копий Пущ, Грч и Краев

6	Зовет нас света дальний шум,	*Пущ, Грч, Краев*
8	В волненьи гордых, юных дум.	*Пущ, Грч, Краев*
14	И едет греться в караул;	*Пущ, Грч, Краев*
16	Не честь, но почести любя,	*Пущ, Грч, Краев*
18	Покорным шутом зрит себя;	*Грч*
21	С душой беспечной, равнодушной,	*Пущ*
24	Равны Наказы, кивера,	*Пущ*
24	Равны наказ и кивера,	*Грч, Краев*
33	Еще рукой неосторожно	*Пущ*
34	И в зале распахнуть жилет.[2]	*Грч, Краев*

[1] *В Долг позднее исправлено как в тексте.*

[2] *В Грч исправлено как в тексте.*

Разночтения копии Щер

7 И всяк избрал свою дорогу
14 И греться едет в караул;
21 Всегда беспечный, равнодушный,
24 Равны Наказ и кивера,

Разночтения копий Квл и Даш

Заглавие	Прощанье	*Даш*
2	Недолго, милые друзья,	*Квл, Даш*
6	Зовет нас света дальний шум,	*Квл, Даш*
7	И всякий смотрит на дорогу	*Квл, Даш*
14	И греться ходит в караул;	*Даш*
15	Иной, рожденный быть вельможей,	*Квл, Даш*
18	Покорным шутом зрит себя;	*Даш*
19	Лишь я, во всем судьбе послушный,	*Квл, Даш*
20	Счастливой неги верный сын,	*Квл*
20—21	К честям ничтожным равнодушный, Беспечной лени верный сын,	*Даш*
23	Равны мне писарь и уланы,	*Квл*
24	Равны Наказ и кивера,	*Квл, Даш*
28	Ах, дайте красный мне колпак	*Даш*
33	Еще рукой неосторожно	*Квл*

Разночтения копий Долг, Заб$_2$, Алм и Усп$_1$

Заглавие		Прощание	*Долг*
Заглавие		Прощание с Лицеем	*Заб$_2$, Алм*
2		Недолго, милые друзья,	*Заб$_2$, Алм*
6		Зовет нас света дальний шум,	*Долг, Заб$_2$, Усп$_1$*
7		И всякий смотрит на дорогу	*Долг, Заб$_2$, Алм*
8		С волненьем гордым своевольных дум.[1]	*Долг*
8		С волненьем гордым юных дум.	*Алм*
15		Иной, рожденный быть вельможей,	*Долг*
15		Иной, родяся быть вельможей,	*Заб$_2$, Алм*
18		Презренным плутом зрит себя;	*Заб$_2$*
18		Покорным шутом зрит себя;	*Алм*
19		Лишь я, во всем судьбе послушный,	*Долг, Заб$_2$, Алм*
20—21	*а.*	К честям ничтожным равнодушный, Беспечной лени верный сын,	
	б.	Счастливой неги верный сын,	*Долг, Заб$_2$, Алм*
		Душой беспечный, равнодушный,[2]	*Долг*
23		Равны мне писаря, уланы,	*Долг*
24	*а.*	Равны Наказ и кивера,	*Долг, Заб$_2$, Алм, Усп$_1$*
	б.	Равны мне каски, кивера,[2]	*Долг*
28	*а.*	Ах, дайте красный мне колпак,	*Долг, Заб$_2$, Алм*
	б.	*Как в тексте.*[2]	*Долг*

[1] *Стих испорчен. В некоторых копиях (например, Усп$_1$) он читается:* С волненьем вольных, гордых дум

[2] *Позднейшая поправка.*

32	*а.*	Не опасаясь разных бед,	*Долг, Заб$_2$, Алм*
	б.	*Как в тексте.*[1]	*Долг*
33		Еще рукой неосторожно	*Алм*
34	*а.*	В июле расстегнуть жилет.	*Долг*
	б.	*Как в тексте.*[1]	*Долг*

⟨ОТРЫВОК⟩

(«Когда погаснут дни мечтанья...»)

(С. 282)

Черновой набросок ПД 830, л. 37 об. (поздняя переработка)

Нашед ⟨?⟩ меня в листах воспоминанья

Черновой набросок ПД 830, л. 39 (поздняя переработка)

Когда в мечтах воспоминанья
Увидишь ты мои черты
Воспомни

Поздняя редакция

Варианты автографа ПД 833

3—4	Кто вспомнит[2] тайные свиданья,
	Мечты, восторги прежних лет?..
6	Оставить вам минутный след.

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ

(«Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок...»)

(С. 283)

Разночтения копии Ер (по Совр)

4—5	Всесильной, сладостной мечтою.
	Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Вм. 7—10	Печали, радости, мечты души твоей,
	Размолвки дружества и сладость примиренья...
13	Ты вспомни первую любовь.
17	О милый, вечен он!

Разночтения копии Я (БЗ)[3]

4—5	Всесильной, сладостной мечтою.*
	Ты вспомни быстрые минуты первых дней,*
Вм. 7—10	Мечты младой души твоей,
	Печали, радости, надежды, наслажденья,
	Размолвки дружества и сладость примиренья...*
13	Ты вспомни первую любовь.*

[1] *Позднейшая поправка.*

[2] *Исправлено на:* Забудешь ты *(по-видимому, незавершенная правка).*

[3] *По копии Я в БЗ были напечатаны (как варианты к Анн, т. е. к копии Ер) только стихи, не отмеченные здесь звездочкой. Разночтения, отмеченные звездочкой, реконструируются условно, исходя из предположения, что за вычетом приведенных вариантов тексты копий Ер и Я идентичны.*

Разночтения копии Долг

Заглавие Пущину в альбом
4 Волшебной, сладостной мечтою,
Вм. 7—8 Мечты младой души твоей,
12 С унынья тихими слезами

Поздняя редакция

Варианты копии Вс (поправка 1825 г.)

4 *а.* Где подружился ты со мною.
б. Где подружился я ⟨с тобою.⟩ ⟨?⟩
в. *Как в тексте.*

КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

(«В последний раз, в тиши уединенья...»)

(С. 284)

Варианты копий Вс (до поправок) и Долг[1]

Заглавие	Разлука	*Вс*
Заглавие	Разлука (к Кюхельбекеру)	*Долг*
5—6	Они прошли, лета соединенья!	
	Разорван он — наш братский, верный круг!	*Долг, Вс*

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ БОЛЬНИЦЫ

(«Вот здесь лежит больной студент...»)

(С. 285)

Разночтение копии Пущ

2 Судьба его неумолима!

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

СТАРИК

(Из Марота)

(«Уж я не тот философ страстный...»)

(С. 286)

Поздняя редакция

Наброски ЛТ (поздняя переработка)

1—5 Уж я не тот лю⟨бовник страстный,⟩
Кому дивился пре⟨жде свет,⟩
Моя весна и лето к⟨расно⟩

[1] *В Долг ст. 7 и 9 исправлены в соответствии с чтением поздней редакции.*

Навек ушли — проп⟨ал⟩ и след.
Амур! бог возра⟨ста⟩ млад⟨ого!⟩
6 *а.* *Начато*: Ты з⟨?⟩
б. *Начато*: Тебе
в. *Начато*: Служить ⟨ ⟩ тебе
г. *Начато*: Ты
д. *Начато*: Тебе
е. *Начато*: Тебе служить ⟨?⟩
ж. *Начато*: Я твой служ⟨итель⟩
з. *Начато*: Слу⟨жить⟩
и. *Начато*: Т⟨ебе?⟩
к. Я твой служит⟨ель⟩ верный ⟨был⟩.
7 *а.* *Начато*: Ах, если бы
б. *Начато*: Ах, если б я роди⟨лся снова,⟩
в. Ах, если б мог роди⟨ться⟩ сн⟨ова,⟩
Уж так ли б ⟨я⟩ тебе ⟨служил!⟩

Варианты копии Вс

Подзаголовок (Из Марота)
4 Навек ушли — пропал и след.

Разночтения Ст 1826 и Ст 1829

Заглавие в оглавлении Старик. *Из Марота* *Ст 1826*
Заглавие в оглавлении Старик. *Из Маро* *Ст 1829*

РОЗА

(«Где наша роза?..»)
(С. 287)

Варианты ЛТ (поздняя переработка)

6—9 *Вот жизни радость,*
Не говори:
Так вянет младость,
Цветку скажи:

ЭПИГРАММА

(«„Скажи, что нового". — „Ни слова"...»)
(С. 289)

Варианты автографа (до переработки)

1 Что нового? Ей-ей, ни слова.
2 *Начато*: «Не слыш⟨ал ли, где, как и кто?»⟩

НАДПИСЬ В БЕСЕДКЕ

(«С благоговейною душой...»)

(С. 291)

Вариант автографа

Заглавие Надпись к беседке

Варианты ЛТ (правка по тексту первой редакции)

4 *а.* Где ею счастлив был я раз,
б. *Как в тексте.*
5 В восторге сладостном погас,

«ВОТ ВИЛЯ — ОН ЛЮБОВЬЮ ДЫШЕТ»

(С. 292)

Варианты автографа

2 Он пишет песни зло,
3 Как Геркулес, посланья пишет,

⟨НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКОГО⟩

(«Ах! Боже мой, какую...»)

(С. 293)

Разночтения Ст. Гаев и публикации Ефр 1880

Вм. 1—2 Ты слышал весть смешную?
5 Дай Бог и царствия небесного ему.

ТВОЙ И МОЙ

(«Бог весть за что философы, пииты...»)

(С. 294)

Вариант автографа и копии ЛТ (первая редакция)

6 Что, ежели б ты не была б моею?

Варианты ЛТ (правка по тексту первой редакции)

Вм. 4—5 *а.* ⟨ ⟩ но верить им не смею.
б. Но потакать и верить им не смею.

Поздняя редакция

Варианты Вс (правка 1825 г.)

4 *а.* Но ⟨ ⟩ верить им не смею.
б. Но, признаюсь, и верить им не смею.

в. Но потакать и верить им не смею.
г. *Как в тексте.*
6 *а.* Что, ежели б я не был, Лида, *твой?*
б. *Как в тексте.*

Редакция копии Квл

Бог весть за что философы, пииты
На твой и мой давно сердиты?
Не спорю я с ученой их толпой,
Но потакать и верить им не смею:
Что, ежели б я не был, Лила, твой?
Что, ежели б ты не была моею?

К ДЕЛИИ

(«О Делия драгая!..»)

(С. 295)

Варианты автографа

1—4 *Как в тексте.*
5 *а.* В тумане месяц покатился,
б. *Как в тексте.*
6 *а.* Спеши — твой Аргус усыпился,
б. *Начато*: Спеши — твой страж
в. *Как в тексте.*
7 И тронул сон его глаза.
8—11 *А.* *а.* *Как в тексте.*
б. В сей тени отдаленной
в. ⟨ ⟩ [уединенной]
а. Веселого леска,
б. *Как в тексте.*
в. Дубравной темноты,
г. *Как в тексте.*
а. *Начато*: Где дремлет
б. Где ток уедин⟨енный⟩
в. *Начато*: Где ток искрится ⟨?⟩
г. Искрится ⟨?⟩ потаенный
д. *Начато*: Где прячется
а. ⟨ ⟩ ручейка
б. ⟨ ⟩ [вторил] [ток] волны
Б. *Начато*: Оставь
⟨ ⟩ замка
⟨ ⟩
⟨ ⟩ любви рука
Начато: Приди
[На берег]
12 *Как в тексте.*
13 [Приди] [Готов] [мой] любви приют веселый,

14 *а.* Сияньем освещен луны.
б. *Как в тексте.*
15—18 *А.* *а.* *Начато*: Туманы
б. Накинут ⟨ ⟩ туманы
в. Накинут ночи тени
г. Покровы полуночи
д. *Как в тексте.*
⟨ ⟩ очи
[Но] И быстро час любви
Б. ⟨ ⟩
[Настал полночи] час
⟨ ⟩
[Покровы скроют нас]
19 Летит — и [быстро] исчезает,
Вм. 20 *а.* [Но] [и] прелесть быстро улетает,
б. С ним радость быстро улетает,
в. С ним и веселье улетает,
21 Лети ж в объятия [мои].

Разночтения копии N

Заглавие Песня
7 И тронул сон его глаза.
13 *а.* *Как в тексте.*
б. Готов любви приют веселый
14 *а.* И блеском озарен луны.
б. *Как в тексте.*
15 *а.* *Как в тексте.*
б. Накинут ночи тени
17 И дремлют рощей сени,
18 И быстро час любви
21 Пади в объятия мои.

Разночтение копии Дол₁

15 Накинут тени нощи

ЭПИГРАММА НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА

(«Покойник Клит в раю не будет...»)

(С. 297)

Разночтение копии Ник

Заглавие Эпитафия

«ОТ ВСЕНОЩНОЙ ВЕЧОР ИДЯ ДОМОЙ...»

(С. 298)

Разночтения копий Дол$_2$ и Долг

2 С Марфуткою Антипьевна бранилась;
4 Молчи, кричит, управлюсь я с тобой;
5 Ты думаешь, что я уж и забыла
6 Ту ночь, когда, прижавшись в уголок,
8 Постой, про все узнает муженек!
10 Ванюшка что? ведь он еще дитя!
13 Молчи, кума, ты, как и я, грешна,

КОЛЛЕКТИВНОЕ

«БОЖЕ! ЦАРЯ ХРАНИ!..»

(С. 306)

Ранняя редакция третьей строфы (по черновому автографу)

15—21 *А.* Бросив неволи тьму,
Пусть мир несет ему
Славы венец —
Дань упоения,
а. Благодарения
б. *Начато*: Здесь
Наших сердец.
Б. Рабства покинув тьму,
Пусть мир несет ему
Славы венец —
Благодарения,
Дань упоения
Наших сердец.

Варианты белового автографа

8—9 Кроткою славою,
Светлой державою
18 Глас удивления,
21 Славному дань.

«ГАУНШИЛЬД И ЭНГЕЛЬГАРД...»

(С. 307)

Варианты автографа

1 Гауншильд и Эбергард,
4 И Эбергард Астраханский,

DUBIA

ГАРАЛЬ И ГАЛЬВИНА

(«Взошла луна над дремлющим заливом...»)

(С. 309)

Разночтения копии Даш

12 Где ты?.. воитель молодой?
39 Лишь дева там, печальна и одна,
41 Ах! отчего печальной красотой
45 Что слава нам, что делать средь морей?
50 Его звало к боям чужой земли;
56 Сказал: «Пускай гремит набег и брань:
58 И дни слились в отраде безмятежной;
68 К ногам невест повергли шлем и щит;
75 Лишь иногда в безмолвный утра час,

ИСПОВЕДЬ БЕДНОГО СТИХОТВОРЦА

(«Кто ты, мой сын?»)

(С. 312)

Разночтения ПЗ 1859 и копий Соб$_1$, Даш, Долг, Лон—Полт, Тих, Бар и Вяз

4	Пришел покаяться — я много согрешил	*ПЗ 1859*
13	Лишь я был и мой царь, и демон-обладатель;	*Лон—Полт, Тих, Бар*
13	Лишь я был мой и царь, закон и обладатель;	*Соб$_1$*
14	А что тошней всего: лишь я был мой читатель.	*Лон—Полт*
34	Я по три жду часа с лакеями Хвостова.	*ПЗ 1859, Лон—Полт*
35	Убийца не был ли? — Ах, этому греху,	*Даш, Долг, Лон—Полт, Тих, Бар, Вяз*
37	Приятель мой Дамон лежал опасно болен.	*Лон—Полт*
42	Наморщился, кряхтел... и умер. — Не похвально.	*ПЗ 1859, Даш, Долг, Лон—Полт, Тих, Бар, Вяз*

43	Но вот уж грех прямой: ведь ты прелюбодей!	*Соб*$_1$, *Бар*
43	Но вот уж грех прямой; да ты ж прелюбодей:	*Тих*
48	Водой не замутим, предобренький поэт	*ПЗ 1859*
48	Водой не замучу, предобренький поэт.	*Лон—Полт*, *Вяз*
51	Ах, грешен, батюшка! Я краду иногда.	*Лон—Полт*
53	Словцо у Коцебу, стих целый из Волтера,	*Лон—Полт*
56	Как мало своего — приходится занять.	*ПЗ 1859*
67	Вперед не затевай, мой свет, таких проказ.	*Даш*, *Долг*, *Бар*
69—71	Греха не потаю, — богатому соседу; Хоть не ослу его, а жирному обеду, И бронзе, деревням, и жирной четверне,	*Лон—Полт*

КОММЕНТАРИИ

В. Э. Вацуро

ЛИЦЕЙСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ПУШКИНА

Том, предлагаемый ныне вниманию читателя, посвящен лицейскому творчеству Пушкина.

Роль Лицея как школы поэтического воспитания будущего гениального поэта была очевидна уже первым его биографам. Сам Пушкин положил начало этой устойчивой традиции восприятия, отведя Лицею совершенно особое место в своем поэтическом творчестве; тема Лицея для него — символическое обозначение юности, дружбы и поэзии — далеко выходит за границы того, что обычно считается автобиографическим мотивом. Лицейская лирика была основой этого поэтического представления: в ней вырабатывалось литературное мастерство; она стала обширным резервуаром тем, идей и поэтических средств, развитых затем в зрелом творчестве Пушкина. Именно поэтому лицейский период считается в пушкиноведении относительно замкнутым этапом пушкинского творчества.

1

Общую историко-литературную характеристику лицейского творчества Пушкина мы находим уже в «Материалах...» П. В. Анненкова. Именно от Анненкова идет убеждение, разделявшееся и позднее, что тематика и общая тональность лицейской лирики Пушкина продиктованы более всего традицией французской «легкой поэзии», — убеждение отчасти справедливое, но нуждавшееся в определенной коррекции, которую оно и получило в литературоведении послереволюционных лет. Вслед за Белинским Анненков указал на Батюшкова как на основного литературного учителя Пушкина, воздействие которого было, по его мнению, сильнее воздействия Жуковского, — и он же увидел приметы перелома в элегическом творчестве Пушкина 1816 г., которое знаменовало собой начало перехода к «более самостоятельным» произведениям конца 1810-х гг. (Анненков. Материалы 1855. С. 38). Последовавшие за работой Анненкова труды В. П. Гаевского расширили сферу этих наблюдений: Гаевского специально интересовали французские источники лицейских стихов и их биографическая основа, что было характерно для складывавшейся культурно-исторической школы. Как Анненков, так и Гаевский широко пользовались сведениями, полученными от родных Пушкина (Л. С. Пушкин, О. С. Павлищева) и лицеистов (М. Л. Яковлев, М. А. Корф и др.), и их выводы во многом определили ту фактическую базу, на которую опиралось затем изучение «лицейского» Пушкина. Она была расширена и систематизирована фунда-

ментальными трудами Я. К. и К. Я. Гротов и Л. Н. Майкова, редактора первого тома первого академического собрания сочинений Пушкина.

Издание Л. Н. Майкова было явлением выдающимся; оно до сих пор сохраняет свое историко-литературное значение, которое не смогли отменить ни появившееся несколькими годами позже издание под редакцией С. А. Венгерова, ни жесткая критика В. Я. Брюсова (см. подробнее ниже, в исследовании М. А. Цявловского — наст. т., с. 553—554). В нем не только с возможной полнотой были учтены автографический фонд лицейского периода и ряд авторитетных копий (в распоряжении Майкова были и утраченные затем источники), но и дан комментарий, на который затем опирались все последующие издатели. Комментарий Майкова отражал достижения и слабости культурно-исторической школы в пушкиноведении: тенденцию к преимущественно биографической интерпретации художественного текста и механистический подход к проблеме литературных источников и «влияний». Последующее пушкиноведение более всего подвергало критике именно эту особенность издания Майкова, указывая, в частности, что в нем чрезвычайно преувеличено воздействие на Пушкина французской «легкой поэзии» XVIII в. в лице ее мелких представителей, в то время как связь его с магистральными фигурами европейской литературы (Н. Буало, Лафонтен, Мольер, Вольтер) остается на периферии изучения. Уже с середины 1910-х гг. именно эту последнюю проблему начинает разрабатывать Б. В. Томашевский.[1]

От издания Майкова в значительной мере отправлялось издание под редакций С. А. Венгерова (в серии «Библиотека великих писателей»), где лицейскому периоду посвящен т. 1 (1812—1819) (СПб., 1907). Оно было задумано как энциклопедия сведений о Пушкине и наряду с комментарием включило многочисленные монографические статьи, посвященные детству и семье Пушкина («Род Пушкина» Б. Модзалевского, «Детство Пушкина» В. Сиповского, «Сестра Пушкина» Н. Лернера); Лицею, лицейским учителям и товарищам («Пушкин в Лицее», «Литературные замыслы Пушкина 1813—1815 гг.», «А. Д. Илличевский» Н. Лернера, «Кн. А. М. Горчаков и Пушкин» П. Щеголева, «А. И. Галич» Э. Радлова, «Н. Ф. Кошанский» Н. Пиксанова, «Первая любовь Пушкина» В. Брюсова); литературным воздействиям на лицейское творчество («Антоний Гамильтон» З. Венгеровой, «Пушкин и Оссиан» Е. Балобановой и Н. Пиксанова, «Пушкин и Батюшков» и «Пушкин и Парни» П. Морозова, «Кн. Д. П. Горчаков» Н. Пиксанова). Вместе с изданием Майкова оно явилось итогом дореволюционного изучения «лицейского» Пушкина.

Дальнейшее углубление исследований было на первых порах связано с вовлечением в научный оборот новых источников текста, в первую очередь лицейских сборников. Книга К. Я. Грота «Пушкинский лицей (1813—1817). Бумаги I-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом» (СПб., 1911), где были описаны и опубликованы такие важнейшие своды, как Тетрадь Матюшкина, Лицейская антология и др., а также публикация

[1] См.: *Томашевский Б. В.*: 1) Пушкин и Буало // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 13—63; 2) Пушкин и Лафонтен // Томашевский. П. и Франция. С. 219—261.

М. О. Гершензоном Тетради А. В. Никитенко (Русские пропилеи. М., 1919) и Н. В. Измайловым «Собрания лицейских стихотворений» (Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922) подготовили базу для нового этапа изучения лицейского творчества, который совпал с началом работ над современным критическим, а затем и академическим изданием Пушкина. К этому времени уже сложились основные принципы современного текстологического изучения классиков, в котором творческая рукопись рассматривалась как подлежащая анализу и расслоению во времени с последующим синтезом изученного текста;[2] с соответствующими модификациями этот принцип распространялся и на совокупность копий, в которых дошло до нас подавляющее большинство лицейских текстов (к ним в середине 1930-х гг. добавился один из самых важных источников — так называемая Тетрадь Всеволожского, опубликованная Б. В. Томашевским и М. А. Цявловским в 1936 г. (Лет. ГЛМ)).

Полный пересмотр корпуса текстов, их систематизация, изучение и датировка сохранившихся источников (специально была выработана методика датировок с учетом почерка ранних автографов, эволюции анаграмм-псевдонимов и т. д.), установление редакций и выбор основного текста — все это по отношению к лицейским произведениям Пушкина было связано с именем М. А. Цявловского, — без сомнения, самого значительного в послереволюционное время исследователя пушкинского лицейского творчества. Результаты текстологической работы Цявловского и Т. Г. Зенгер (Цявловской) были закреплены в академическом издании, однако огромная фактографическая база и предпринятые ими специальные исследования остались за его пределами; последние были опубликованы лишь в незначительной своей части (см.: Цявловский. Статьи). Значение этих трудов далеко выходит за пределы непосредственно эдиционной сферы; читатель настоящего издания, где они составили основу комментария и где публикуется исследование Цявловского об источниках текстов лицейской лирики, сможет теперь оценить богатство заключенной в них историко-литературной информации. Областью специальных интересов Цявловского были и лицейская биография Пушкина, и общественно-политическая проблематика его раннего творчества. Эта последняя тема выделилась как особая уже в первые послереволюционные годы;[3] М. А. Цявловский предпринял широкое изучение общественного фона лицейского творчества; в рукописи осталась его монография «Отечественная война 1812—1815 гг. в жизни и творчестве Пушкина».

В ближайшие же десятилетия тема попадает в фокус исследовательского внимания; уже в 1937 г. Б. С. Мейлах начинает публикацию лицейских лекций А. П. Куницына по государственному праву и курсов П. Е. Георгиевского по эстетике, теории литературы и красноречию (КА. 1937. № 1 (80)). Появление этих материалов позволило дать дифференцирован-

---

[2] См.: *Измайлов Н. В.* Текстология // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 582.

[3] См., например, статью: *Измайлов Н. В.* Политическая эпиграмма лицейской эпохи // Пушкинист, IV. С. 13—23.

ную картину литературных и общественных ориентаций лицеистов; весьма значительную роль сыграли здесь работы Ю. Н. Тынянова о Кюхельбекере, показавшие принципиальный смысл внутрилицейских литературных полемик: «...единого Лицея не было; ложное единство лицейской истории первого выпуска создано традицией».[4] Ю. Н. Тыняновым был введен в оборот (в выдержках) лицейский «Словарь» Кюхельбекера; более полная публикация фрагментов была осуществлена Б. С. Мейлахом в 1975 г.[5] Публикация лицейских материалов не закончена; она продолжается и в настоящее время.[6] Своего рода обобщением накопленных данных (в том числе и собственных ранних разысканий о социальной среде Пушкина в Лицее) были главы «Царскосельский Лицей» и «Гроза двенадцатого года» в книге Б. С. Мейлаха «Пушкин и его эпоха» (М., 1958).

В историографии лицейского творчества Пушкина оказались, таким образом, разработанными детальнее других проблемы биографические и социально-исторические. Это сказалось и на комментарии М. А. Цявловского к тому лицейской лирики. Историко-литературному изучению принадлежало более скромное место; менее всего разработаны были вопросы поэтики. Исключение составляли отдельные главы монографии В. В. Виноградова «Стиль Пушкина» (Л., 1941), где анализировались на лингвостилистическом уровне проблемы соотношения поэзии Жуковского, Батюшкова и лицеиста Пушкина, и книга Г. А. Гуковского «Пушкин и русские романтики» (1-е изд. Саратов, 1946; 2-е изд. М., 1965), где помимо поэзии Жуковского и Батюшкова для сравнительного анализа был привлечен стиль «гражданского романтизма» 1810—1820-х гг. и прослежены истоки его формирования в лицейском творчестве Пушкина. В 1941 г. в сборнике «Пушкин — родоначальник новой русской литературы» несколькими статьями была заявлена и проблема связи Пушкина с наследием XVIII в. — как в общеэстетической области, так и в сфере поэтики («Пушкин и русская литература XVIII века» Д. Благого, «Наследие XVIII века в стихотворном языке Пушкина» Г. Винокура). Во всех этих работах лицейская поэзия Пушкина, однако, не рассматривается специально; самостоятельным объектом изучения она становится в 1950—1960-е гг. в общих монографиях, посвященных пушкинской лирике,[7] и в особенности в двух больших трудах о творческом пути Пушкина — Д. Д. Благого (Благой, I) и Б. В. Томашевского (Томашевский. Пушкин, I). Обе названные работы по сие время остаются наиболее полным историко-литературным исследованием творчества Пушкина-лицеиста; они суммируют (а работа Томашевского и критически анализирует) существующий материал и в значительной мере предопределяют проблематику его современного исследования.[8]

---

[4] *Тынянов Ю.* Пушкин и Кюхельбекер // ЛН. Т. 16—18. С. 329.

[5] Декабристы и русская культура. Л., 1975. С. 184—204.

[6] См., например: *Петрунина Н. Н.* Из материалов пушкинского Лицея // ПИМ. Т. 13. С. 306—345.

[7] *Степанов Н. Л.* Лирика Пушкина. М., 1959; *Городецкий Б. П.* Лирика Пушкина. М.; Л., 1962.

[8] См. также: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. С. 158—163, 354—356, 407—416 и др.

2

Первая проблема, которая возникает в связи с изучением лицейского творчества Пушкина, — это проблема его предыстории, т. е. первоначального литературного воспитания будущего поэта. Ею интересовался уже Анненков; к воспоминаниям брата и сестры Пушкина восходит его рассказ о преимущественно французском образовании Пушкина, об увлечении его Мольером и французской «легкой поэзией» XVIII в., собранной в библиотеке отца, наконец, о первых его стихотворных опытах на французском языке. Опираясь на эти данные, Анненков наметил общий контур концепции постепенного освобождения мальчика от последствий иноязычного воспитания: уже в первых своих лицейских опытах Пушкин предстает как русский поэт, и в лицейском его наследии нам известны лишь единичные французские стихи. В семье Пушкиных были люди, общение с которыми могло стать для мальчика источником интереса к русской литературной речи и — в какой-то степени — к фольклорной традиции: бабушка М. А. Ганнибал и опоэтизированная впоследствии Пушкиным няня Арина Родионовна. В лицейских стихах отражаются и непосредственные бытовые впечатления раннего детства Пушкина (см., например, описание Захарова в «Послании к Ю⟨дину⟩», 1815).

Такое представление, ставшее в 1940—1950-е гг. основой упрощенной идеологической схемы, лишь отчасти соответствует действительности. Как показал Б. В. Томашевский, свидетельства брата и сестры поэта требуют критического отношения; он обратил внимание на значительно более широкий круг литературных интересов семьи. Здесь естественно выдвинулась на первый план фигура В. Л. Пушкина, одного из наиболее активных участников литературных полемик 1800—1810-х гг., автора «Опасного соседа» (1811), полемических стихотворных посланий, направленных против А. С. Шишкова и «Беседы любителей русского слова». «Дядюшку-поэта» Пушкин позднее (слегка иронически) объявлял своим первым учителем в поэзии (см. послание «К Д⟨ельвигу⟩», 1815).

Сколько-нибудь полное воссоздание общей картины в настоящее время затруднительно — как из-за скудости материалов о московских связях Пушкиных, так и из-за слабой разработанности более широкой проблемы «литературная Москва 1800—1810-х гг.». Однако даже разрозненные данные говорят с полной определенностью, что круг литературных воздействий на мальчика Пушкина и сфера его литературных ассоциаций отнюдь не ограничивались «атмосферой галломании» в семье, к тому же сильно преувеличенной. В программу автобиографии (1830) Пушкин внес пункт: «Отец и дядя в гвардии. Их литературные знакомства. Бабушка и ее мать» (Акад. Т. 12. С. 307) (согласно правдоподобной конъектуре А. М. Гордина, «Бабушка и ⟨моя⟩ мать»[9]). Среди литературных знакомых В. Л. Пушкина 1790—1800-х гг. были И. И. Дмитриев, возможно, А. И. Клушин и Крылов (в чьем журнале «Санкт-Петербургский Меркурий» он дебютировал в

[9] См.: *Гордин А. М.* Из текстологических заметок: 1. Первая программа записок (к истолкованию плана) // Врем. ПК 22. С. 108—110.

1793 г. сатирой «К камину»), М. М. Херасков; по мемуарной заметке самого А. С. Пушкина мы знаем, что С. Л. Пушкин встречался с Фонвизиным и что М. А. Ганнибал («бабушка») была в числе первых зрителей «Недоросля», о чем рассказывала внуку.[10] Эти сведения, скудные и сохранившиеся во многом случайно, указывают, однако, на живую связь семейства с традицией русской литературы XVIII в., последняя оказывалась для него естественной литературной средой. Добавим к этому семейное предание: Пушкины и Ганнибалы были в родстве или свойстве с Бутурлиными, Ржевскими (в том числе с одним из значительных лириков XVIII в. А. А. Ржевским); напомним о не поддающихся в настоящее время сколько-нибудь полной расшифровке записях в плане автобиографии, также указывающих на культурные связи семьи,[11] — и перед нами возникнет историко-культурная перспектива, в которой «французское воспитание» будет лишь одним, и далеко не определяющим, элементом. Более того, само понятие «галломания» в русском обществе конца XVIII — начала XIX в. требует более внимательного исследования: ориентация на французскую культуру в литературно образованной среде нередко парадоксально сочеталась со своего рода культом национальных начал в языке, бытовых привычках и т. д. (С. Н. Глинка, Ф. В. Ростопчин); В. Л. Пушкин (чья репутация «галломана» специально создавалась литературными противниками) в своем поэтическом творчестве обнаруживает сильную зависимость от русской литературной традиции XVIII в.; характерно, что письма он писал почти исключительно по-русски.

Томашевский дал подробный комментарий к записям автобиографии под 1811 г.: «Дядя В⟨асилий⟩ Л⟨ьвович⟩. — Дм⟨итриев⟩. — Дашк⟨ов⟩⟨?⟩. Блуд⟨ов⟩» (Акад. Т. 12. С. 308). Это круг будущих «арзамасцев», в который попадает мальчик Пушкин, привезенный дядей в Петербург. К 1810—1811 гг. относится начало их полемических столкновений с «Беседой...», получившей организационное оформление в 1811 г.; без сомнения, Пушкину, жившему вместе с дядей, уже известны его послания «К В. А. Жуковскому» (1810) и «К Д. В. Дашкову» (1811), а также, вероятно, и памфлетная статья последнего «О легчайшем способе отвечать на критики» (1811) — основной круг ранних «антибеседистских» сочинений, определивших вскоре позицию «Арзамаса». По-видимому, он знает и «Опасного соседа» — сочинение «не для печати» (П. И. Бартенев передавал со слов Блудова, что двенадцатилетний Пушкин, присутствуя вместе с дядей на одном из вечеров у И. И. Дмитриева, просил не удалять его во время чтения рискованных стихов, заметив, что он «все уже слышал», — *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 68; ср.: Летопись 1991. С. 39, где этот эпизод датирован июлем—октябрем 1811 г.). Об осведомленности Пушкина в русской литературе еще в долицейские годы мы имеем несколько свидетельств: об этом говорили С. Л. Пушкин, А. Д. Илличевский и М. С. Пилецкий-Урбанович, уже в 1812 г. отмечав-

[10] См.: Новонайденный автограф Пушкина. М.; Л., 1968. С. 120—121.

[11] См. о них: *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 62—64; ср.: *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981.

ший, что наряду с французской Пушкин «довольно начитан и в русской словесности» (Грот. Пушк. лицей. С. 361). Есть все основания считать, что значительная часть авторов, названных в «Городке» (1815), была ему известна еще до поступления в Лицей.

3

Корпус лицейских произведений Пушкина дошел до нас не полностью. О некоторых утраченных текстах (начатый роман «Фатам...», комедия для домашнего театра «Так водится в свете», сочиненная вместе с М. Л. Яковлевым) сообщил со слов лицеистов еще В. П. Гаевский; в лицейском дневнике 1815 г. сам Пушкин упомянул о какой-то начатой комедии и замыслах «Картины Сарского Села» и поэмы об Игоре и Ольге; наконец, в списке произведений 1816—1817 гг. для будущего печатного сборника значатся послание к Жуковскому (о нем упоминает и сам Жуковский), «Ринальдо», «Бонапарте» — стихи, нам неизвестные, и несколько других, идентификация которых затруднительна («Трубецкому», «Кюхельбекеру»; их некогда отождествляли с «Городком» и посланием «К другу стихотворцу»). Критический анализ существующих свидетельств был дан Б. В. Томашевским;[12] он же обратил внимание и на своего рода отбор, которому подверглись стихи Пушкина, попавшие в лицейские сборники: в них нет крупных произведений; «Монах» и «Тень Фон-Визина» были обнаружены очень поздно и внесли серьезные уточнения в общее представление о лицейском творчестве Пушкина. Другое обстоятельство, затрудняющее его изучение, — отсутствие автографического фонда; как мы упоминали, почти все стихи лицейского периода дошли до нас в копиях, единичные — в беловых рукописях и автокопиях и лишь одно («К Делии») имеет черновой автограф. Редакции стихов устанавливаются, таким образом, в результате анализа разночтений копий с известной степенью вероятности; в подавляющем большинстве случаев творческая история лицейских произведений нам неизвестна, и часто неизвестны первоначальные редакции. Все это иногда приводит к выводу, что «мы и до настоящего времени не имеем более или менее отчетливого представления о характере и содержании лицейской лирики Пушкина во всем ее объеме».[13] Историография лицейского творчества показывает, однако, что корпус лицейских стихов в основе своей был собран еще Анненковым и за сто пятьдесят лет не изменился кардинально, несмотря на важные находки 1930-х гг.; возможные еще открытия лицейских текстов вряд ли изменят сложившиеся общие представления, в том числе и о жанровом составе лицейского стихотворного наследия как преимущественно лирического.

Известно, что большая поэтическая форма (поэма) была доминирующим жанром в эпоху становления романтизма. Это представление верно

---

[12] См.: Томашевский. Пушкин, I. С. 32—40, 115—116; ср.: *Петрунина Н. Н.* Из истории первого собрания стихотворений Пушкина // РЛ. 1990. № 3. С. 137—146, а также: наст. т., с. 625—626, 579—580.

[13] *Городецкий Б. П.* Лирика // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. С. 408; ср.: Городецкий. С. 91.

для пушкинского творчества в целом (оно отразилось и в историографическом труде «Пушкин: Итоги и проблемы изучения», где рассмотрение поэтического творчества Пушкина начинается именно с поэм). С крупных произведений начинал анализ лицейского творчества и Б. В. Томашевский, однако гипотеза о доминировании их уже в этот ранний период вряд ли может быть убедительно подтверждена. Вероятно, не случайно дошедшие до нас единичные опыты лицейской поэмы («Монах», 1813; «Бова», 1814), а также «Сон» (1816), где подзаголовок «Отрывок» как будто указывает на наличие более крупного замысла, остаются неоконченными; у юного поэта нет ни терпения, ни опыта организации эпического сюжета. Поэма «Руслан и Людмила» — итог лицейского творчества, плод высокой концентрации творческой энергии уже достаточно зрелого мастера. Только со времени «Руслана и Людмилы» мы можем говорить о доминирующей роли поэмы в жанровой иерархии формирующегося романтического движения.

Опыты лицейских поэм — своего рода «пробы пера» для «Руслана и Людмилы», предвосхищения этой поэмы, дающие первоначальный абрис ее эстетической концепции. Это иронические, принципиально анахроничные повествования с условно-национальным колоритом. Их литературный ориентир — «Орлеанская девственница» Вольтера. В «Монахе» следование Вольтеру совершенно демонстративно; оно сказывается в подчеркнутом религиозном либертинаже сюжета и ситуации, с ироническим, травестийным столкновением сакрального и эротического, в прямых вариациях вольтеровских формул и элементов композиции. В «Бове» вольтеровское начало уже пропущено через призму русской литературной традиции («Бова» Радищева); поэма начинает вбирать в себя опыт русских литературных имитаций фольклора («Илья Муромец» Карамзина) и сатирических жанров типа «шутотрагедии» И. А. Крылова «Трумф» («Подщипа»). Все эти, еще ученические, опыты Пушкина оказываются связанными с общим литературным движением: в это время и Жуковский, и Батюшков замышляют эпическую поэму на национальном материале, и если замысел «Владимира» Жуковского вряд ли был известен Пушкину, то о «Бове» Батюшкова, по-видимому, шла речь во время встречи старшего и младшего поэтов, о чем мы знаем из письма Пушкина к Вяземскому 1816 г. («Обнимите Батюшкова за того больного, у которого год тому назад завоевал он Бову Королевича», — Акад. Т. 13. С. 3; иную трактовку этих слов см.: Благой, I. С. 94—96).

Ни Жуковский, ни Батюшков не предполагали, однако, создать травестийно-ироническую поэму; поиски юного Пушкина, напротив, идут именно в этом направлении. Поэма «Руслан и Людмила» (где, кстати, пародируется сюжет и повести-баллады Жуковского, и северной рыцарской героической баллады Батюшкова) была своего рода сублимацией этих попыток, которые можно с некоторыми оговорками рассматривать как ее предысторию. Незавершенность опытов лицейской поэмы, не выделившихся в автономный жанр, оправдывает и эдиционную условность: они печатаются в общем ряду лицейских стихотворений, а не в томе «поэм», что, впрочем, несколько затемняет общую картину эволюции больших поэтических форм и закрепляет в читательском сознании не совсем точное представление о лицейском поэтическом творчестве как исключительно лирическом.

Вопрос о жанровом составе лицейской лирики Пушкина — один из существеннейших для ее осмысления. Литературное мышление XVIII—начала XIX в. — жанровое мышление, и эта его особенность сказывается в построении поэтических сборников еще в 1820-е гг. (ср. «Опыты в стихах» К. Н. Батюшкова (1817), где выделены разделы «Элегии», «Послания» и «Смесь», и даже «Стихотворения Александра Пушкина» (1826) с разделами «Элегии», «Разные стихотворения», «Эпиграммы и надписи», «Подражания древним», «Послания»). Абсолютное большинство пушкинских стихов 1813—1815 гг. — послания и анакреонтическая лирика, в XVIII в. включавшаяся в «антологии» и в стихотворных сборниках входившая в раздел «Разные стихотворения»; как и другие лицеисты, он охотно пишет эпиграммы. Единичны произведения таких жанров, как ода («Воспоминания в Царском Селе» (1814), «Безверие» (1817), примыкающее к традиции философских од), кантата («Леда», 1814), романс («Романс», 1814), баллада («Сраженный рыцарь», 1815); к балладному жанру тяготеют оссианические миниатюрные поэмы «Кольна», «Эвлега», «Осгар» (все — 1814) и фольклорный «Козак» (1814); особое место принадлежит сатире «Тень Фон-Визина» (1815). Начиная с 1815 г. доминирующим становится элегический жанр, утверждающий свое господство в 1816—1817 гг. Смена стилистических и жанровых ориентаций позволяет условно разделить все лицейское творчество на ранний (1813—1815) и поздний (1815—1817) периоды. Такое деление утвердилось в исследовательской литературе и учитывается не только при строго хронологическом (Благой, Городецкий), но и при преимущественно жанровом (Томашевский) изучении лицейской лирики.

4

Ранний период творчества Пушкина проходит под знаком анакреонтики и гедонистической лирики. В его стихах 1815 г. упоминаются Шапель, «Анакреон, Шолье, Парни», «певец прелестный», воспевший «Вер-Вера», — Грессе («Моему Аристарху»), Гораций, Вержье, Грекур, Вольтер как автор эротических стихов («Эраты первый друг») («Городок»). Это обстоятельство побуждало искать параллели к его стихам прежде всего во французской «легкой поэзии» XVII—XVIII вв. и ставить вопрос о влиянии — в духе компаративного литературоведения XIX—начала XX в. Однако уже Анненков, как указывалось, особо акцентировал момент высвобождения Пушкина из-под французского «влияния»; начиная с Бартенева, этому влиянию противопоставлялись бытовые сцены в ранних пушкинских стихах как ростки «реалистического» творчества, продиктованные непосредственными жизненными впечатлениями. Это противопоставление достигло апогея в 1940—1950-е гг. — в период идеологических «антикосмополитических» кампаний, и следы идеологического схематизма ощущаются даже в серьезных исследовательских работах того времени (Н. Л. Степанова, Д. Д. Благого и др.). О характерном для Л. Н. Майкова преувеличении роли французской «легкой лирики» для раннего Пушкина писал и Б. В. Томашевский.

Между тем проблема заключается вовсе не во «влиянии» на Пушкина Шолье или Грекура, а в формировании у юного поэта некоей системы эстетических ориентаций, которую Д. Д. Благой определял как эстетику «легкого и веселого». Несомненна связь ее с прециозной поэзией, эстетикой рококо и, с другой стороны, с деятельностью Карамзина и его круга. Французская лирика XVII—XVIII вв. входила в эту эстетику как одна из образующих; резервуаром анакреонтических и гедонистических тем оказывалась и русская поэзия XVIII в. — И. Ф. Богданович (ср. высокую оценку его Карамзиным и Пушкиным — в том же «Городке»), Державин, Дмитриев; в современной поэзии — прежде всего Батюшков, но наряду с ним Вяземский, Д. Давыдов и даже Жуковский. Так, именно к Жуковскому восходит подхваченная Пушкиным устойчивая формула, в 1810—1820-х гг. прошедшая как лейтмотив в лирике его поэтического кружка («союза поэтов») и ставшая предметом пародирования в антиромантических кругах: «Стучим стаканами в стаканы» («К Делию», 1809) — с вариацией: «И стукнем в чашу чашей, И выпьем все до дна: Будь верной Музе нашей Дань первого вина» («К Батюшкову», 1812). Весь этот комплекс мотивов культивируется уже в Лицее. Так, А. Д. Илличевский широко черпает материал для своих переводов и подражаний из двухтомной «Французской антологии» 1816 г., бывшей и в библиотеке Пушкина (Библиотека П. № 546), а в более позднем теоретическом обосновании «легкой поэзии» (предисловие к «Опытам в антологическом роде», 1827) отправляется от батюшковской «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (1816); Дельвиг и Кюхельбекер, составлявшие ядро будущего «союза поэтов», обращаются к античным источникам (Гораций, Вакхилид, дифирамбическая поэзия), к Шиллеру и немецкой анакреонтике (Э. фон Клейст и др.), к Державину. Поиски идут в одном направлении, причем происходят отбор и фильтрация поэтических тем, мотивов и средств. Создающаяся поэтическая система обнаруживает свои генетические связи, но, взятая в целом, не повторяет ни одну из предшествующих. В лицейский период закладываются лишь ее основы, однако молодой Пушкин уже готов защищать избранный им поэтический путь не только от «трезвых Аристархов» своих «бахических посланий» («Моему Аристарху»), но даже и от почитаемого им Батюшкова. В этом отношении два его послания к Батюшкову («К Б⟨атюшк⟩ову», 1814; «Батюшкову», 1815) имеют принципиальный смысл литературной декларации: в первом из них дан стилизованный портрет Батюшкова-«гедониста», полностью приемлемого для молодого Пушкина; второе содержит прямую полемику. Содержание этого спора было убедительно проанализировано Л. Н. Майковым[14] и Д. Д. Благим (Благой, I. С. 95—97): Батюшков, после 1812 г. переживший резкий перелом в мировоззрении и осудивший гедонистические стихи своей молодости, пытался, по-видимому, убедить своего молодого почитателя обратиться к «высоким», вероятно, эпико-героическим темам; эти рекомендации Пушкин решительно отверг. Концовка второго послания содержит полемическую пуанту, на которую в литературе не было обращено достаточ-

[14] См.: *Майков Л. Н.* Пушкин о Батюшкове // Майков Л. Н. Историко-литературные очерки. СПб., 1895. С. 192—194.

ного внимания: «Будь всякий при своем» — не просто отсылка к посланию Жуковского к Батюшкову, но намек на содержащуюся в нем полемику как раз с гедонистической основой «Моих пенатов»; Пушкин дает понять своему поэтическому учителю, что тот ныне обращает к нему те же упреки, которым подвергался сам. Поэтическая переписка, таким образом, проецируется на литературную жизнь «Арзамаса».

Эстетика «легкого и веселого» осознанно противопоставляется Пушкиным поэтическому нормативизму — и в этом отношении она также сродни эстетике «Арзамаса». Подлинный поэт — это артистическая натура, творящая по вдохновению, наитию, отмеченная духовной свободой и способностью эстетического переживания действительности. Поэт ложный — ремесленник, «корпящий» над стихом и подчиняющий свою поэзию утилитарным и даже корыстным целям («Князю А. М. Горчакову», 1814; «К Г⟨алич⟩у», 1815; «Сон», 1816). Отсюда упоение подлинного «поэта» жизненными радостями, предстающее как демонстративное самоутверждение личности, свободной от мертвящих оков условного этикета и погони за социальными благами — чинами, богатством, на место которых ставятся дружба, поэзия, вино и любовь. Чувственные наслаждения полемически утверждаются как духовно и интеллектуально значимые; так, «сон», «лень» (мотивы, характерные не только для Пушкина, но и, например, для Дельвига) включаются в представление о «поэтической праздности» как потенциальном условии творчества.

Гедонистические, анакреонтические мотивы в творчестве Пушкина и поэтов его ближайшего лицейского окружения (Дельвиг, отчасти Кюхельбекер) достигают большой степени концентрированности и напряжения, порождая ряд лирических тем и ситуаций, прежде всего тему дружеского «пира», иногда с античными атрибутами свободной любви, с подчеркнутой чувственно-эротической окраской. Их образная символика («чаши», «венки», «гетеры», «Лаисы») в первые послелицейские годы станет восприниматься как отличительная особенность «вакхической», «сладострастной» поэзии, несовместимой с религиозно-этическими нормами; отсюда постоянное ассоциирование их с «либеральными» идеями. В лицейское время эта тенденция еще не получила развития, но уже определилась; в ближайшие несколько лет она оформится в литературную программу «союза поэтов».

5

Анакреонтика раннего Пушкина была, таким образом, чем-то бóльшим, нежели просто жанр; она порождала и специфические для нее жанровые образования («сказка» «Амур и Гименей» или «анакреонтическая ода» типа «Гроба Анакреона»). Она наложила свой отпечаток и на дружеское послание — жанр, безусловно доминирующий в первый период пушкинского творчества.

К посланиям принадлежит самое раннее из известных нам лицейских стихотворений Пушкина — «К Наталье» (1813); посланием же «К другу стихотворцу» (1814) он дебютирует в печати. Это последнее является посланием-сатирой, образец которого дал Буало и которое широко рас-

пространилось в русской литературе уже с конца XVIII в.[15] Ориентация на Буало обычно считалась признаком «классических» симпатий, однако уже Б. В. Томашевский («Пушкин и Буало») очень точно заметил, что к авторитету этого арбитра «вкуса» постоянно апеллировали «арзамасцы»; он рассматривается ими как предшественник их программы очищения языка и литературы от плодов вненормативной, «раскольничьей» деятельности «Беседы...». Сами заимствованные у Буало имена осмеиваемых литературных противников (Прадон, Шаплен) функционируют как знаки, нарицательные обозначения «дурных поэтов»; по аналогии в том же качестве появляются имена предшественников и членов «Беседы...»: Тредиаковского, Николева, Боброва, Хвостова, Шихматова и т. д.; эта система фиксированных имен-понятий сохранится у Пушкина и позднее (ср., например, «⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩» («Христос воскрес, питомец Феба!..»), 1816), хотя в целом его полемическая позиция в поздних лицейских стихах предстает в более детализированном и осложненном виде.

Послание-сатира уже на ранних этапах лицейского творчества сменяется дружеским посланием — в том его жанровом варианте, который был предопределен «Моими пенатами» (1811—1812) К. Н. Батюшкова и целой серией последующих посланий «арзамасцев», ориентированных на этот образец (Батюшкова, Жуковского, В. Л. Пушкина, Д. В. Давыдова, П. А. Вяземского; см. ниже примеч. к «Посланию к Г⟨алич⟩у» (1815), с. 644). Генетически они восходили к «Обители» («La Chartreuse», 1735) Ж.-Б.-Л. Грессе и сохраняли некоторые существенные элементы художественной концепции и построения своего первоисточника, прежде всего сочетание «руссоистской» темы бегства от общества с «вольтерьянским» либертинажем лирического субъекта, подчеркнуто интеллектуального, ироничного и даже чувственного; удерживались и некоторые частные лирические темы (ироническая трактовка «монастыря», перечисление любимых авторов и книг, скептицизм в отношении «света» с его общественными и религиозными условностями и т. д.).

«Арзамасцы» называли Грессе в числе своих предшественников (ср. его шуточное обозначение «покойный арзамасец» — «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 267, 540). «Обитель» Батюшков варьировал еще в послании «К Филисе» (1804—1805). В лицейских стихах Пушкина есть мотивы, восходящие непосредственно к Грессе: так, метафора «лицей-монастырь» развивается в ряде посланий («К Наталье», 1813; «К сестре», 1814) с учетом концепции «монастыря» в «Обители», однако в абсолютном большинстве случаев эта традиция воспринимается Пушкиным уже в преломлении «Моих пенатов». Как и послания Батюшкова, Жуковского и др., лицейские послания Пушкина пишутся трехстопным ямбом и сохраняют элементы образной системы своих первоисточников, вплоть до заимствования отдельных поэтических формул. Именно эти послания в наибольшей мере отмечены духом гедонизма, анакреонтическим и горацианским началом и нередко стилизуют облик адресата в духе античного эпикуреизма; так

[15] См. об этом: *Песков А. М.* Буало в русской литературе XVIII—первой трети XIX века. М., 1989.

происходит, например, с фигурой А. И. Галича. Почти непременно в них присутствуют литературные темы, иногда (как у Грессе и Батюшкова) — перечисление любимых поэтов. Характерен в этом отношении «Городок» (1815), одно из наиболее значительных стихотворений лицейского времени, где это перечисление есть по существу литературная программа. Здесь выстраивается иерархия литературных ценностей, из которой почти демонстративно исключается «классическая», канонизированная литература (имя Лагарпа как теоретика «вкуса», на которого не раз ссылались и «арзамасцы», имеет то же функциональное значение, что и имя Буало в раннем послании). XVIII век представлен прежде всего Вольтером, Лафонтеном (как автором эротических «сказок»), Мольером и — соответственно в русской традиции — Богдановичем и Дмитриевым. Особое место отведено Крылову как создателю «Трумфа». Все это классики «легкого и веселого», литература деканонизирующая, полемически соотнесенная с классической традицией. В современной же поэзии Пушкину в 1815 г. оказывается близкой «презревшая печать» арзамасская сатира, представленная именами Вяземского, Батюшкова («Видение на берегах Леты», 1809), В. Л. Пушкина («Опасный сосед», 1811). В том же 1815 г. Пушкин предпринимает и собственный опыт литературной сатиры — «Тень Фон-Визина».

Как и наброски ранних поэм, лицейские послания Пушкина включали бытовые и сатирические сцены, что было традиционно свойственно посланию, свободному в выборе тем и допускающему формального адресата. Есть они и в «Городке». Однако проблема бытового и сатирического начал в лицейском творчестве Пушкина требует выхода за пределы одного жанра. В литературе она иногда рассматривается как мировоззренческая; так, Д. Д. Благой видел в «сатирическом направлении», «предреализме» русской литературы XVIII в. («от Радищева до Крылова») одно из начал, определявших ранний этап эволюции Пушкина (Благой, I. С. 75—97; Пушкин: Итоги и проблемы изучения. С. 317). Как уже говорилось, мнение это следует считать преувеличенным; оно связано с распространенной в 1940—1950-е гг. нормативно-оценочной концепцией «реализма», который нередко связывался именно с сатирико-бытописательной струей в литературе, якобы отражающей непосредственные жизненные впечатления и потому эстетически более плодотворной, нежели «условность», продиктованная литературой. Между тем именно эта «условность» оказывалась залогом пушкинского новаторства; с нею был связан и язык описания, и концепция характера. Бытописание не отвергается Пушкиным, и его «классики» (Крылов, Фонвизин) выдвинуты на первые места среди литературных предшественников, — но само по себе оно в лицейские годы не осознается Пушкиным как особая эстетическая проблема, и сфера его локальна. В «Тени Фон-Визина» автор «Недоросля» не носитель литературно-эстетической программы, но арбитр, судья современных поэтов.

«Тень Фон-Визина» показывает, что уже в 1815 г. осведомленность Пушкина в современной литературной жизни чрезвычайно велика. В поле его зрения — не только центральные журналы, но и такие периферийные издания, как «Кабинет Аспазии» Б. М. Федорова или «Демокрит» А. Ф. Кропотова. Ему известны басни А. Е. Измайлова, осмеивающие

Шишкова и Хвостова, и, по-видимому, довольно широкий круг рукописной полемической литературы; наконец, — что очень важно — он знает и литературную продукцию «Беседы...» (ср. пародийное изложение «Сельского жителя» С. А. Ширинского-Шихматова в послании «К Б⟨атюшк⟩ову», 1814). Но едва ли не наиболее разительным актом литературного самоопределения является пародия в «Тени Фон-Визина» на «Гимн лироэпический...» Державина; вместе с эпиграммой на «Антигону» В. В. Капниста она предвосхищает будущие переоценки молодым Пушкиным признанных литературных авторитетов. «Подлинным поэтом» в современной литературе пушкинский Фон-Визин, как известно, признает Батюшкова, но Батюшков «спит», оставив свою лиру. Это тема первого послания к Батюшкову; глубоко сочувственное, даже «благоговейное» изображение любимого поэта в «Тени Фон-Визина» не лишено доли критицизма.[16]

В этом общем контексте приобретает особое значение послание «К Жуковскому» (1816).

В Лицее существовала традиция посланий к «наставнику», реальному или фиктивному, избираемому из числа сотоварищей поэтов, за которым признавалось право первенства. В 1813 или 1814 г. с таким посланием обращается Дельвиг к Илличевскому, в это время имевшему репутацию первого лицейского поэта; позднее, в 1817 г., тот же мотив «наставничества» звучит в послании Дельвига («К Кюхельбекеру») и Кюхельбекера («В альбом Илличевскому»). Иначе рисуются взаимоотношения лирического субъекта и адресата в поэтической переписке Дельвига и Пушкина: в оде-послании «На смерть Державина» (1816) и «К А. С. Пушкину» (1816 или 1817) Дельвиг объявляет Пушкина наследником Державина и по существу главой нового поколения поэтов. В посланиях Пушкина к Дельвигу тема «наставничества» возникает в примечательном варианте «вызова к творчеству» (очень характерен здесь мотив публикации стихов друзьями без ведома автора, — мотив не биографический, а чисто литературный (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 31); через несколько лет Дельвиг, однако, осуществит нечто подобное на практике с первыми стихами Баратынского). «Наставника» Пушкин выбирает себе не из лицейских поэтов, а из литераторов старшего поколения. Роль эту выполняет вначале В. Л. Пушкин, затем — и уже окончательно — Жуковский.

Начиная с Анненкова, исследователи обычно подчеркивают, что доминирующее воздействие на Пушкина в лицейские годы оказывал не Жуковский, а Батюшков. Нет сомнения, что творчество Батюшкова в ранние годы было Пушкину ближе, чем аллегорическая и символическая («мистическая») поэзия Жуковского. Представляется, однако, что проблема сложнее. Прежде всего, несмотря на различие эстетических ориентаций, приводившее иной раз к прямой полемике (о чем упоминалось выше), в основах своей поэтики Жуковский и Батюшков были связаны глубинным внутренним родством. Оно осознавалось обоими поэтами, оно определяло их принадлежность к единой литературной группе с общими противниками

[16] См.: *Модзалевский Л. Б.* «Тень Фон-Визина» // П. Врем. [Т.] 1. С. 23.

и было закреплено последующей (в том числе и враждебной им) критикой, выделявшей обоих как родоначальников «новой школы поэтов», которая впоследствии самим Пушкиным была названа «школой гармонической точности» («элегическая школа»).[17] Разница индивидуальных поэтических стилей и даже черт поэтического мировоззрения отнюдь не вела к литературному антагонизму; такое представление возникло под влиянием поздних упрощенно-социологических трактовок поэзии Жуковского как «мистической» в противоположность «земной» поэзии Батюшкова, — представление во многом неверное и требующее значительных коррективов. Пушкин в своем индивидуальном творчестве мог ориентироваться преимущественно на поэтику Батюшкова (прямое подражание аллегорической поэзии Жуковского мы находим у него лишь в единичных случаях, например в послании «К Н. Г. Л⟨омонос⟩ову», 1814), но не это определяло для него иерархию литературных ценностей: и Батюшков, и Вяземский, и В. Л. Пушкин, и Д. Давыдов — «арзамасцы» самых различных индивидуальных поэтических ориентаций — единодушно признавали в Жуковском поэтического главу «арзамасского» круга. Воспоминание об этом отношении в искаженном виде попало в недоброжелательные поздние мемуары Н. И. Греча, замечавшего, что Карамзин и Жуковский были «собенками» кружка.[18] Именно Жуковскому отдавали «арзамасцы» (в том числе Батюшков и Д. Давыдов) свои стихи для критики и исправлений; так же поступит и Пушкин, готовя свой поэтический сборник.[19] Все это, вместе с более случайными причинами биографического порядка (Жуковский находился в Петербурге, был уже знаком с Пушкиным и другими лицеистами), в достаточной степени объясняет выбор Жуковского в качестве «наставника».

Послание «К Жуковскому» — декларация осознанного выбора поэзии как жизненного пути (симптоматичны переклички его с посланием 1814 г. «К другу стихотворцу») и столь же сознательной ориентации на только что сформировавшееся «Арзамасское общество безвестных людей»; в нем есть прямые следы знакомства с конкретными полемическими сочинениями против «Беседы...», равно как и следы кружкового языка. Подпись «Арзамасец» предвосхищает будущее членство. Прямо «арзамасским» является и послание 1816 г. к В. Л. Пушкину «Христос воскрес, питомец Феба!..». Б. В. Томашевский, довольно подробно осветивший вопрос о связи лицейского Пушкина с «Арзамасом», находил, что она «несколько преувеличивается» в литературе (Томашевский. Пушкин, I. С. 109). Представляется, однако, что связь эта скорее недооценена. Пушкин стал формальным членом общества поздно, накануне его самоликвидации, и успел принять участие в лучшем случае в двух или трех заседаниях, однако практически вся сфера его литературных ориентаций — «арзамасская», если не ограничивать этого понятия деятельностью формально организован-

---

[17] См. о ней: *Гинзбург Л. Я.* О лирике. Л., 1974. С. 19—50.

[18] *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 193.

[19] См.: наст. т., с. 514, а также: *Коровин В. И., Макаров А. А.* Этапы развития русской поэзии: Жуковский и Пушкин // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века. М., 1988. С. 206—237.

ного кружка. «Арзамасское братство» сложилось задолго до собственно «Арзамаса», о чем неоднократно писали сами его участники и напоминал Томашевский («Пушкин и Буало»); кружок был лишь одним из эпизодов его литературной истории. В ближайшие же годы «арзамасцы» составят литературную среду юного Пушкина, а в дальнейшем — ядро объединения, именуемого обычно «пушкинским кругом».[20]

Послание «К Жуковскому» обозначило новый этап литературного самосознания Пушкина. Именно в это время появляется замысел первого поэтического сборника, и именно Жуковский принимает на себя просмотр лицейской тетради, осуществляя на практике функцию литературного «учителя».

6

Декларируя свою приверженность эстетике гедонизма, поэтической праздности и свободного вдохновения, Пушкин отчетливо сознавал условность этой программы, существовавшей как идеальная концепция, а не формула жизненного поведения и отнюдь не исключавшей обращения к иным, в том числе и социальным, темам. Социальная жизнь, прежде всего Отечественная война 1812 г., была важнейшим фактором, определившим мировоззрение Пушкина и его поколения.

Это мировоззрение и связанное с ним мироощущение многообразно и иной раз даже парадоксально сказалось на лицейском творчестве Пушкина. Один из таких парадоксов заключался в упоминавшемся уже демонстративном отказе от предложения Батюшкова «петь» «войны кровавый пир». Для Батюшкова война означала кризис мировосприятия, углубленно пессимистический взгляд на человеческую историю, переоценку ценностей просветительской философии и — отсюда — отказ от гедонистических тем в пользу спиритуализма, «философии и религии». Нечто подобное русское общество переживало в 1790-е гг. под влиянием событий Французской революции. Поколению Пушкина война принесла ощущение национального подъема, концентрации духовных сил и оптимистический взгляд на жизнь; именно так это настроение будет описано им в поэтических мемуарах «Была пора: наш праздник молодой...»:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

(Акад. Т. 3. С. 432).

Необыкновенная популярность «Певца во стане русских воинов» Жуковского была связана с тем, что в нем выразилось это личное и в существе своем оптимистическое переживание драматического и даже трагического момента национальной истории, поэтическим адекватом кото-

[20] См.: *Гиллельсон М. И.*: 1) Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974; 2) От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977.

рого стала не торжественная ода, а лирический гимн, включивший мотивы анакреонтики. Художественная неудача «Гимна лироэпического...» стареющего Державина была в известном смысле явлением символическим: она определялась не только (и, может быть, даже не столько) индивидуальными его несовершенствами, но в первую очередь несоответствием общественному умонастроению.

Победа в войне, вступление русских войск в Париж, а затем торжественное возвращение Александра I усилило все эти настроения до степени энтузиазма:

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда [пред ним] раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
(Акад. Т. 3. С. 432).

Картина восприятия событий здесь почти не стилизована. Ф. Ф. Вигель писал о празднествах в разоренной Москве, получившей известие о взятии Парижа.[21] Воспоминание о них осталось в послании П. А. Вяземского к Д. Давыдову («К старому гусару», 1832), которое воскрешало дух Москвы «пятнадцатого года», «запивавшей» «свой пожар и блеск похода» «в шумных плесках торжества».[22] В этих дружеских пирушках участвовали сам Вяземский, Д. Давыдов, Жуковский, Батюшков.

Было бы неверно поэтому рассматривать раннюю пушкинскую анакреонтику как нечто внеположное общественным событиям 1810-х гг. и возникшее под воздействием чисто литературных впечатлений; дело обстоит прямо противоположным образом. Совершенно закономерно серия посланий 1814—1815 гг., вышедших из-под пера Вяземского, Батюшкова, Д. Давыдова и объединенных ощущением духовного родства, поэтического братства (эта идея и символизировалась художественным мотивом «пира»), проецировалась в послание Пушкина 1815 г. И столь же закономерно, как прямое следствие восприятия событий 1812 г., в его художественное сознание входят личность и лирический субъект поэзии Д. Давыдова. Воздействие Давыдова на раннюю лирику Пушкина шире и глубже, чем кажется на первый взгляд, и не может быть сведено к установлению внешних соприкосновений с его «гусарскими» стихами (более детально проанализировано в литературе усвоение Пушкиным его экспрессивного поэтического языка, пронизанного элементами просторечия[23]). Самый тип представленного Давыдовым лирического героя — «поэтической натуры», «певца-гусара» (Пушкин), «Анакреона под доломаном» (Вяземский) (под которого стилизовался облик поэта, как это было и с Батюшковым), косвенно отразился в элегическом творчестве Пушкина и наложил известный отпечаток на осмысление им гусарской среды, в 1816—1817 гг.

---

[21] *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892. Т. 4. С. 114—123.
[22] *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 244.
[23] См.: Виноградов. Стиль П. С. 158—161; Городецкий. С. 81—84.

сыгравшей значительную роль в становлении его социального самосознания.

Непосредственные отзвуки «военной темы» мы находим уже в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814) — официальной оде «державинской» традиции, читанной перед самим Державиным. Однако ориентирована она не на поэзию Державина, а на историческую элегию Батюшкова; «бардом» же, «бранным певцом», пробуждающим дух ратников, объявлен Жуковский (Державин выступает в этом качестве лишь в официальной редакции). «Недержавинской» оказывается и концепция войны и Наполеона, которая в ближайшие же годы будет развернута в нескольких стихотворениях с политической темой («Наполеон на Эльбе», 1815; «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году», 1815).

Отражению войны 1812 г. в русской литературе посвящено значительное число работ, но социально-философская и историософская основа военной темы исследована пока что лишь в самых общих чертах. Несомненно, что «военная поэзия» была теснейшим образом связана с агитационной и публицистической литературой, заимствуя у нее идеи, темы и даже фразеологию; это касалось в первую очередь «младших жанров» типа популярной «солдатской песни», имевшей непосредственно агитационное назначение. С другой стороны, война вызвала небывалое оживление одической поэзии в ее разнообразных модификациях («песнь», «гимн», «дифирамб» и т. д.).[24] С XVIII в. ода — традиционный плацдарм формирования социальных и философско-исторических построений, и в ее пределах определяются, условно говоря, две художественные концепции войны и Наполеона — преимущественно провиденциальная, с уклоном в религиозно-мистическое истолкование, — и преимущественно просветительская, опирающаяся на социологические и политические теории XVIII в. (проблемы естественного права, легитимности власти, отношений власти и общества и т. п.). Державинская концепция, во многом соприкасавшаяся с патриотически-религиозным провиденциализмом манифестов А. С. Шишкова, предопределила и систему поэтических понятий «Гимна лироэпического...» с их библейской формой и мистической символикой (Наполеон — «Люцифер», «зверь из бездны», порождение «геенны»; его жертвы — «агнцы»). Просветительская концепция, в основе своей историческая, составляла субстрат социально-философских од и посланий Карамзина («Освобождение Европы и слава Александра I», 1814) и Жуковского («Императору Александру», 1814), которые — в особенности последнее — имели особое значение для юноши Пушкина. Представление о войне 1812 г. как борьбе против тирании и деспотического своеволия узурпатора за «свободу» в национальном и политическом смысле предопределило пушкинское освещение событий; очень существенным было и постоянно подчеркивавшееся в поэзии 1812 г. (в том числе и у Карамзина и Жуковского) представление об Александре как носителе мира и гуманистических идеалов. Разумеется, ни в концепции Наполеона, ни в концепции Александра лицеист Пушкин

[24] См.: *Охотин Н. Г.* 1812 год в поэзии и поэзия в 1812 году // Русская слава: Русские поэты об Отечественной войне 1812 года. М., 1987. С. 13 и след.

еще не самостоятелен и во многом зависит от традиции,[25] однако именно в этот период закладываются основы тех социально-философских доктрин, которые вскоре будут развернуты в «Вольности» и в которых сублимируется конкретная проблематика «военных стихов». Поэзия, порожденная войной, оставит свой след и в поэтической лексике Пушкина; как показал Г. А. Гуковский, именно в ней определилась поэтическая терминология «гражданского романтизма» с его «словами-сигналами» и фиксированной системой политических понятий, включившихся в его «высокий» лексический пласт. Уже в послании «К Лицинию» (1815) определяется тип «гражданского стихотворения» 1820-х гг. — инвективный пафос, римская тема с аллюзионным звучанием, понятия «свобода» и «рабство» в значении «слов-сигналов». К началу 1820-х гг. достигает апогея процесс формирования пушкинской политической поэзии и одновременно радикализации его общественной позиции. Истоки этой последней также уходят в лицейские годы: к лекциям Куницына по «нравственным и политическим наукам», к атмосфере общественного брожения и распространения освободительных идей — побочному, но существеннейшему историческому результату заграничных походов, наконец, к непосредственному общению юноши Пушкина с носителями этих идей — офицерами гусарского полка, стоявшего в Царском Селе, — П. П. Кавериным, П. Я. Чаадаевым, связь с которыми у него укрепляется в ближайшие годы. Лицейская лирика дает нам первые, но несомненные свидетельства радикализации общественных настроений Пушкина: упомянутые уже стихи «К Лицинию»; возможно, политическая эпиграмма на Александра I (принадлежность ее Пушкину, впрочем, окончательно не доказана); демонстративное осуждение собственных «придворных куплетов» в послании «К Ш(ишк)ову» (1816). Этот процесс достаточно полно освещен как в уже упоминавшихся общих монографиях о Пушкине, так и в работе Б. С. Мейлаха о Пушкине и его эпохе.

7

Быстрый рост оппозиционных настроений относится к тому периоду лицейского творчества Пушкина, который мы с известной долей условности датируем 1815—1817 гг. и обозначаем как «элегический». Обращение юноши Пушкина к интимной исповедальной любовной лирике имело, конечно, в первую очередь биографические причины: к 1815 г. относится его первое, по-видимому, серьезное увлечение двадцатилетней Е. П. Бакуниной, отразившееся в дневнике и вызвавшее к жизни целый ряд стихотворений (см. ниже примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650); в литературе их иногда объединяют в «бакунинский цикл». Совокупность этих стихов, конечно, не цикл в собственном смысле слова; он не создавался автором сознательно, связующим началом в нем остается лишь единство адресата и эмоционального (элегического) тона. Первое, однако, тоже проблематично. Установлению

[25] См.: *Муравьева О. С.* Пушкин и Наполеон: (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // ПИМ. Т. 4. С. 5—8.

адресата придавала большое значение биографическая школа, предполагавшая линейную зависимость между художественным изображением и его жизненным прототипом; поиски таких (подлинных или мнимых) соответствий очень характерны и для свидетельств современников. Между тем связь элегий 1815—1816 гг. с именем Бакуниной лишь в единичных случаях может быть обоснована с большой степенью вероятности. Характерно, что разные исследователи по-разному очерчивают границы «цикла», опираясь при этом более всего на субъективные ощущения. Проблема изучения заключается не в установлении реального прототипа (это частность, принадлежащая скорее сфере биографической, нежели литературной), а в анализе лирического субъекта и лирического же адресата. Здесь возникает вопрос о литературной традиции.

Первые пушкинские элегии создаются тогда, когда в русской литературе только установился тип «унылой элегии», модель которой была задана «Мечтами» Жуковского (1812; переработка «Идеалов» Ф. Шиллера) и отчасти «Падением листьев» Ш. Мильвуа в переводе М. В. Милонова (1812); обе элегии получат потом отражение в творчестве Пушкина. В «унылой элегии» выработался определенный тип лирического субъекта — «мечтателя», созерцателя. Это юноша, часто юноша-поэт, оплакивающий любовные страдания. Типовая элегическая ситуация, лежащая в основе, в частности, «Падения листьев», — предсмертный монолог, содержащий элегическую ламентацию. Любовное чувство «унылой элегии» почти лишено чувственного начала; оно спиритуалистично и в более поздних образцах сливается с религиозным чувством (Мильвуа, Ламартин). Возникновение такой элегии во Франции было связано с реакцией на чувственно-гедонистическую элегию предреволюционных лет, представленную Э. Парни и А. Бертеном. В ней кристаллизовались и основные психологические понятия, закрепленные клишированным элегическим языком («увядание» в цвете лет), и типовые формы элегического пейзажа. Все это так или иначе попадает в ранние элегии Пушкина, относящиеся к 1815—1816 гг. Жанровая форма их еще не сложилась; на пути к ней Пушкин пробует форму романса, образец которой также дал Жуковский («Певец», 1816), экспериментирует с сентиментальным романсом, сочетая его с «гусарской» атрибутикой давыдовских стихов («Слеза», 1815); делает прямые попытки усвоить себе элегический язык Жуковского («Мечтатель», 1815). Господствующий тон этих стихов — любовное томление и уныние, что, по-видимому, и соответствовало характеру подлинного переживания первой любви; пытаясь найти эквивалентные формы описания душевного состояния, юноша Пушкин охотно прибегает и к элегическим клише. Особый интерес представляют «Наездники» (1816) с попыткой объективировать элегический субъект, дав ему драматическую внешнюю биографию (воин-певец, гибнущий в сражении) и введя диалог, описательные и фабульные элементы. В «Наездниках» вновь ощутимы следы поэзии Д. Давыдова.

Построение элегического сюжета в собственном смысле слова Пушкину дается не сразу. Среди элегий 1815—1816 гг. значительное место принадлежит простейшим композициям с сожалениями о разлуке; описание

любовных страданий опирается на сложившиеся формулы элегического языка («Я вяну...», «Цвет жизни сохнет от мучений!»; ср. «К ней», 1815; «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...», 1816)). Монотония лирической ламентации ничем не нарушена; она приводит к своего рода композиционной аморфности. Однако уже в 1816 г. у Пушкина появляются стихи иного типа, ориентированные на элегию Парни.

Вопрос о воздействии на Пушкина элегического творчества Парни решался обычно на уровне индивидуального «влияния», и это вызывало критические замечания уже ранних исследователей. Б. В. Томашевский указал, что в большинстве случаев параллели между Пушкиным и Парни, отысканные Гаевским, Майковым, Морозовым, касаются «общих мест», «loci communes» элегии, которые легко найти и у других авторов (например, у А. Бертена) (Томашевский. П. и Франция. С. 32—34). По-видимому, самый вопрос должен быть поставлен иначе. По своему существу элегия формульна; «общие места» — органическая особенность ее поэтики — представляют собою резервуар ее поэтических средств, частью восходящих еще к античным образцам (ими широко пользовался, в частности, Бертен, друг и последователь Парни). Заимствование формул не означает, конечно, влияния; таковым является ориентация на определенный индивидуальный вариант общеевропейского жанра, — с его композиционной структурой, типом элегического субъекта, характерными ситуациями и т. п. В этом смысле для Пушкина опыт Парни оказывается существенным как раз в поздних (и лучших) лицейских элегиях, таких как «Опять я ваш, о юные друзья!..» (1817) (ср. элегию 4 («La rechute») кн. II «Любовных стихотворений» Парни), где к образцу восходят не только ключевые формулы, но и общая психологическая ситуация ложного освобождения от любовных страданий. Указанная элегия Парни — вообще одна из наиболее популярных в России его элегий — отразилась и в других элегических текстах лицейского Пушкина («Я думал, что любовь погасла навсегда...», 1816; «Князю А. М. Горчакову», 1817 — см.: Франц. элегия. С. 613). От «унылой элегии» их отличает усложненный эмоциональный рисунок; единством элегического тона спаяны разнородные и иной раз контрастирующие друг с другом фрагменты лирического текста (иногда выделенные разностопностью строк). Изменен и самый тип лирического субъекта. Если до сих пор его душевный мир характеризовался по принципу «ведущей страсти» (уныние, страдания разлуки, воспоминания об утраченной возлюбленной), то теперь он оказывается чреват внутренними противоречиями, включая в себя те свойства и эмоциональные движения, которые были решительно противопоказаны спиритуалистическому герою «унылой элегии».

Дело в том, что структура лирического «я» поздних лицейских элегий Пушкина подготавливалась за пределами жанра — в анакреонтике, в «Обители» Грессе, в «Моих пенатах» и порожденных ими дружеских посланиях, в числе которых были и послания Пушкина. Там обрисовался тип «отшельника-интеллектуалиста», бегущего от общества (но не от цивилизации) в «естественный» мир любви, наслаждений и поэзии. В варианте Грессе (и Пушкина) это еще и иронизирующий либертин с

чертами скептического «вольтерьянства». Все это решительно исключалось эстетикой «унылой элегии», выработавшей последовательную систему запретов на наследие «легкой поэзии»; отсюда и неприятие ею героя элегии Парни, как слишком чувственного и отражающего общественные нравы предреволюционной эпохи.

Между тем именно этот культурно-психологический тип элегического героя начинает привлекать Пушкина в 1816—1817 гг. Органические противоречия в его характере, доминанта чувственной страсти как выражение полноты жизненных сил соответствовали самосознанию зреющей личности, с одной стороны, и эстетическим требованиям формирующегося романтизма — с другой. В послание «К Ш⟨ишко⟩ву» (1816), переоценивая свою юношескую поэзию, Пушкин вставляет декларацию этого нового самосознания: «Я первой пел любви невинное начало, Но так таинственно, с таким разбором слов, С такою скромностью стыдливой, Что, не краснея боязливо, Меня бы выслушал и девственный К⟨озлов⟩». С этим этапом эволюции связан и растущий интерес Пушкина к элегическому творчеству Д. Давыдова, в наибольшей степени приближающемуся к только что описанным образцам; его элегический субъект был материализован в «элегического героя» с чертами стилизованной автобиографии — воина-поэта и пылкого любовника. По-видимому, в 1815 г. Пушкин переписывает еще не изданную первую элегию Давыдова («Возьмите меч — я недостоин брани...», 1814; см.: Рукою П. 1997. С. 448—450) и пользуется его ключевой формулой, декларативно противопоставляя концепции «любви-мечтательства» концепцию «любви-страсти», «безумия любви», «бешенства бесплодного желанья» («Мечтателю», 1818; ср. «⟨Элегию VIII⟩» Д. Давыдова, 1818). Все это прямо подготавливает выступления «союза поэтов» в первые послелицейские годы. Наконец, к Парни и его русским последователям восходит и циклизация элегий, произведенная самим Пушкиным. В Тетради Никитенко, содержащей последние лицейские редакции стихов Пушкина, мы находим раздел «Элегии», включающий девять стихотворений (I. «Опять я ваш, о юные друзья!..»; II. «Осеннее утро»; III. «Сну»; IV. «Любовь одна — веселье жизни хладной...»; V. «Месяц»; VI. «Счастлив, кто в страсти сам себе...»; VII. «Когда пробил последний счастью час...»; VIII. «Друзьям»; IX. «Я Лилу слушал у клавира...»); в списке стихотворений для подготовлявшегося сборника значится заглавие: «XV элегий». В обоих случаях это «книга элегий» внутри сборника по образцу, данному Парни и Бертеном; подобным же образом составлялись и русские сборники (раздел в «Опытах в стихах» Батюшкова, неосуществленный сборник «Элегии и мелкие стихотворения Дениса Давыдова»).[26]

Эти уже авторские циклы выстраивают единую лирическую биографию, обозначая разные формы любовного чувства; очень часто (как было и у Д. Давыдова) разные реальные прототипы сливаются в единый облик лирической героини. По-видимому, так произошло и у Пушкина.

---

[26] См.: *Давыдов Д.* Стихотворения. Л., 1984. С. 185—186 (Б-ка поэта; Большая сер.).

Элегические настроения в 1815—1816 гг. окрашивают собою и иные жанры, например послание (ср. «Князю А. М. Горчакову»). Элегическим посланием заканчивается лицейский период творчества Пушкина. Прощальные послания друзьям, написанные накануне выпуска, по самому своему характеру содержат элегические интонации, вместе с тем опираясь на уже сложившийся в пушкинском творчестве жанр дружеского послания. В них впервые возникает упомянутая нами поэтическая тема Лицея и мотив «святого братства» («Кюхельбекеру», 1817), подхваченный затем в лирике «союза поэтов». Лицейская поэзия органически вливается в «петербургский период» творчества Пушкина.

В. Е. Холшевников

СТИХОСЛОЖЕНИЕ ПУШКИНА-ЛИЦЕИСТА

Стихосложение Пушкина-лицеиста отмечено двумя отчетливыми тенденциями: усвоение традиций XVIII—начала XIX в. (прежде всего Г. Р. Державин, К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский) и новаторство, положившее начало новой традиции. Черты новаторства обнаруживаются уже в стихах 1815—1817 гг. Они проявляются в метрическом репертуаре, в области ритмики, рифмы, строфики — и достаточно ясно связаны с жанровыми и стилистическими особенностями.

Нужно отметить, что даже в самых ранних стихотворениях, начиная с 1813 г., юный поэт в совершенстве владеет техникой стиха, свободно пользуется сложными формами стихотворной композиции, например прихотливой вольной рифмовкой. Только раз он нарушил размер, и то в экзотических для тех времен трехсложниках («Измены», 1815).

Метрика и ритмика

На протяжении всего творчества Пушкин — стихотворец по преимуществу ямбический: ямбами написано 77.8 % его произведений, 83.3 % стихотворных строк. На втором месте — хорей: 13.3 % произведений, 11.2 % строк.[1] В лицейских стихах отличие незначительно: ямбы — 86.6 % произведений, 84.5 % строк; хореи — 9.4 % произведений, 11.4 % строк. На остальные метры, включая силлабические стихи, написанные по-французски, падает только около 5 % произведений и строк.

По данным К. Д. Вишневского, обследовавшего более 6000 стихотворных текстов, в XVIII в. ямбами написано 82.0 % произведений, 83.2 % строк; хореями — 12.7 % произведений, 10.2 % строк. В первой четверти XIX в. соответственно ямбами — 77.8 % произведений, 76.3 % строк; хореями — 10.4 % произведений, 7.5 % строк.[2] То, что ямбами написано большее количество строк, чем произведений, имеет свое объяснение: ямб употреблялся как в небольших, так и в крупных произведениях (оды, поэмы, пьесы, послания), а хорей — преимущественно в небольших.

---

[1] См.: *Лотман М. Ю., Шахвердов С. А.* Метрика и строфика А. С. Пушкина // Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979. С. 173.

[2] См.: *Вишневский К. Д.* Русская метрика XVIII века // Вопросы литературы XVIII века. Пенза, 1972. С. 131, 254, 255.

Сопоставим эти общие данные с особенностями метрики старших современников — учителей Пушкина. У Батюшкова ямбом написано 89.5 % произведений, столько же строк, хореем — 6.4 % произведений, 7.8 % строк; у Жуковского с 1797 по 1824 г. ямбом — 84.3 % произведений, 86.0 % строк, хореем — 8.8 % произведений, 5.2 % строк.[3] Таким образом, Пушкин-лицеист явно следует традициям XVIII в. и близок к Батюшкову и Жуковскому.

Однако лицейское творчество неоднородно, в нем достаточно ясно выделяются два периода: 1813—1815 гг. (последний год — переходный) и 1816—1817 гг. (что совпадает с периодизацией жанрово-тематической, — ср.: Томашевский. Пушкин, I. С. 116—117). Первый период — ученичество. Юноша обращается к разным жанрам, испытывает различные формы стиха — и XVIII в., и современные. Некоторые отойдут затем на периферию его творчества или совсем исчезнут, некоторые он впоследствии будет развивать и совершенствовать.

Одинаково характерно и то, что поэт предпочитает одни размеры, и то, что он избегает других. Так, за все лицейские годы только шесть стихотворений написано шестистопным ямбом, из них пять александрийским стихом и одно с перекрестной рифмовкой. (В XVIII в. шестистопным ямбом было написано 25.0 % произведений, вольным — 26.8 %, на третьем месте был четырехстопный — 20.4 %, на четвертом — трехстопный — всего 4.6 %).[4] Объясняется это, по-видимому, тем, что хотя к началу XIX в. шестистопный ямб стал почти универсальным размером, все же его окружал некоторый ореол торжественности, что в особенности относилось к александрийскому стиху: это был размер «высоких» поэм и трагедий. У Пушкина же преобладают в лицейское время легкие жанры и соответствующие им размеры: любимый поэтом четырехстопный ямб, ставший стилистически и в жанровом отношении нейтральным и универсальным (45 стихотворений), вольный (21 стихотворение), пятистопный (15 стихотворений), трехстопный (10 стихотворений), строфический разностопный (9 стихотворений).

Связь стихотворного размера с жанром иногда довольно ясна, иногда неуловима, особенно в стилистически нейтральном четырехстопном ямбе. Б. В. Томашевский пишет о характерном случае: «Под именем посланий объединялись все стихотворения, имеющие форму письма или обращенные к собеседнику ⟨...⟩ послания дробились на более мелкие подразделения. „Большие" послания, отличавшиеся некоторой дидактичностью и приподнятостью тона, обычно писались александрийским стихом. К ним примыкали сатирические послания, мало отличавшиеся от сатиры в собственном смысле этого слова. ⟨...⟩ Другой род посланий — шутливые дружеские послания, получившие большое распространение в узком кругу поэтов карамзинской школы: ими обменивались Батюшков, Жуковский, Вяземский, В. Л. Пушкин» (Томашевский. Пушкин, I. С. 48).

---

[3] См.: *Матяш С. А.*: 1) Метрика и строфика В. А. Жуковского; 2) Метрика и строфика К. Н. Батюшкова // Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. С. 64, 98.

[4] См.: *Вишневский К. Д.* Русская метрика XVIII века. С. 236.

К первому роду у Пушкина-лицеиста относятся, например, стихотворения «К другу стихотворцу» (1814), «К Лицинию. (С латинского)» (1815), написанные александрийским стихом. Дружеские послания писались обычно «легкими» размерами, часто под влиянием стихотворения Батюшкова «Мои пенаты. Послание к Жуковскому и Вяземскому» (1812) трехстопным ямбом, например у Пушкина «К сестре» (1814), «Городок» (1815).

Длинными двусложными размерами называют превышающие средние четырехстопные, короткими — трех- и двустопные. Стих четырехстопного хорея содержит 7—8 слогов, четырехстопного ямба — 8—9 слогов; в русской прозе средняя длина синтагмы («ко́лона») — 8 слогов; наиболее часто встречаются синтагмы в 7—9 слогов.[5] Поэтому средними четырехстопные ямб и хорей можно назвать и с точки зрения метрики, и с точки зрения синтаксиса: фраза легко в них укладывается.

До 1830 г. Пушкин писал пятистопным ямбом, в котором, как во французском десятисложнике, «всюду строго соблюдена цезура после четвертого слога. Сам Пушкин указывал на французский décasyllabe («пентаметр») как на образец русского пятистопного ямба. Во Франции за этим стихом ⟨...⟩ установилась традиция комического».[6] Однако для Пушкина-лицеиста пятистопный ямб — стих уже не только комический. В первом периоде он обращался к нему преимущественно в пространных сюжетных стихотворениях, как шутливых («Монах», 1813), так и оссианических («Кольна» (1814) и др.); во втором периоде — в элегиях и элегических посланиях, хотя встречается он и в коротких эпиграммах. Б. В. Томашевский отмечает, что пятистопный ямб был «в эти годы приметой оссианической и элегической лирики».[7]

Примеры русского пятистопного ямба, очень редкого в XVIII в., Пушкину давал прежде всего Жуковский, пользовавшийся им в чистом виде и в разностопных строфах в элегиях и посланиях, редко в балладах. К 1816 г. относятся первые опыты Жуковского и с бесцезурным пятистопным ямбом. Пушкин тогда не принял этой новации и даже пародировал ее («Послушай, дедушка, мне каждый раз...»); сам же он обратился к этому размеру только в 1830 г.

Вольным ямбом в 1810-х гг. в России было написано около трети всех лирических стихотворений, прежде всего дружеских посланий и элегий.[8] У Пушкина-лицеиста это второй по употребительности размер; но его ранний вольный ямб заметно отличается от более позднего. В первом периоде он близок к XVIII—началу XIX в.: «В структуре вольного ямба XVIII в. преобладает шестистопный ямб, составляющий свыше половины строк вольных стихов (около 55 %) у большинства поэтов. ⟨...⟩ Метрическая основа выражается формулой 6-3 (60—70-е годы) и 6-4-3 (80—90-е). (Ямбом «6-4-3» был и ямб Батюшкова. — *В. Х.*). В XIX в. удельный вес

---

[5] См.: *Томашевский Б. В.* О стихе. Л., 1929. С. 266.

[6] *Пушкин А. С.* Гавриилиада. Поэма // Ред., примеч. и коммент. Б. Томашевского. Пб., 1922. С. 86.

[7] *Томашевский Б. В.* Стих и язык: Филологические очерки. М.; Л., 1959. С. 227.

[8] См.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 108.

шестистопного ямба в структуре вольного стиха заметно падает ⟨...⟩ снижается доля трехстопного ямба (с 18 до 7%), зато увеличивается показатель четырехстопного, а со времени М. Ю. Лермонтова — пятистопного ямба. Для русского вольного ямба первой четверти XIX в. типична формула 6-4-5».[9]

Следующая таблица наглядно характеризует эволюцию вольного ямба Пушкина-лицеиста. При анализе ее следует иметь в виду, что пятистопный ямб в XVIII в. почти не употребляется ни в чистом виде, ни в составе вольного (цифры в столбцах указывают процент стихов определенной стопности от общей суммы строк).

Состав пушкинского вольного ямба по периодам

Периоды	Шести-стопный	Четырех-стопный	Трех-стопный	Пяти-стопный	Итого
1813—1815	49	44	6	~1	100
1816—1817	40	43	~2	15	100

Во втором периоде устанавливается типичный для зрелого Пушкина вольный ямб с возросшей долей пятистопного, с произвольным чередованием стихов от шести до четырех стоп, ставший вскоре нормой лирического вольного ямба русской поэзии. Более резкие контрасты стопностей, столь эффективные в баснях и комедиях, противоречат элегическому тону стихотворений, написанных этим размером. Трехстопники становятся единичными — в дружеских посланиях и в заключительных строках стихотворений (ритмическое подчеркивание важной по смыслу концовки).

Трехстопный ямб у Пушкина однороден в обоих периодах. По жанровому применению и по свойствам ритма он восходит к Батюшкову (хотя традицию его употребления в анакреонтике установил еще М. В. Ломоносов). Это размер легкой поэзии, прежде всего дружеских посланий, порой пространных («К сестре», «Городок» — явное подражание «Моим пенатам»). Легкость этого стиха создается не только краткостью строк, но и симметричностью ритма: пиррихии (пропуски метрических ударений) стоят почти исключительно на средних стопах, первые почти все ударны; создается ритмическая инерция симметричного расположения иктов (сильных мест стиха): сильный — слабый — сильный. Созданию монотонии препятствует свободное чередование полноударных стихов («Ты хо́чешь, дру́г бесце́нный...» — ЯЯЯ) и — преобладающих — с пиррихием посередине («Бесе́довал с тобо́й...» — ЯПЯ).[10] Тяжеловесные асимметричные стихи с пиррихиями на первой стопе («Ты пренесла́сь мечто́й...» — ПЯЯ) единичны. Например, в стихотворении «Городок» из 430 стихов таких только 6 (1.4%), ЯЯЯ — 177 (41.2%), ЯПЯ — 247 (57.4%). У

[9] *Матяш С. А.* Русский и немецкий вольный ямб XVIII—начала XIX века и вольные ямбы Жуковского // Исследования по теории стиха. Л., 1978. С. 92.

[10] Для краткости, вместо обычных длинных схем $\cup\acute{-}\cup\acute{-}\cup\acute{-}$, символом Я (ямб) обозначается ударный икт, символом П (пиррихий) — безударный.

Батюшкова в «Моих пенатах» из 316 стихов ПЯЯ — 4 (1.3 %), ЯЯЯ — 112 (35.4 %), ЯПЯ — 200 (63.3 %). Совпадение разительное. В сумме всех трехстопных ямбов Пушкина лицейского периода форма ПЯЯ составляет еще меньшее число — 1.1 %.[11]

Такая легкость — свойство не всех русских трехстопных ямбов, а именно ямбов Батюшкова и Пушкина. Например, у Н. А. Некрасова в 228 стихах с мужским окончанием (дактилические не учитывались, так как их нет у Батюшкова и Пушкина) пролога и главы I «Кому на Руси жить хорошо» тоже преобладает форма ЯПЯ — 124 (51.4 %) (ЯЯЯ — 80, т. е. 35.1 %), но тяжеловесных ПЯЯ — 24 (10.5 %), почти в 10 раз больше, чем у Пушкина.

Надо отметить, что в стихотворной речи — и в ритмике, и в строфике, и в интонационно-ритмической структуре — симметрия форм проясняет и тем самым облегчает восприятие ритмичности (симметричное чередование сильных и слабых иктов в строке; симметричное расположение рифм и окончаний в строфе, например в самом популярном четверостишии АбАб; симметричное расположение анафор в определенных местах строфы; рефрены и т. п.). Напротив, асимметричные структуры создают ощущение ритмической неуравновешенности, воспринимаются как тяжеловесные.[12]

Заметна разница, хотя и не очень резкая, между первым и вторым периодом в употреблении и характере четырехстопного ямба, как уже сказано, любимого размера Пушкина. Впрочем, он не сразу стал любимым: в первом периоде им написано около трети всех произведений, во втором — более двух третей. Однако разница есть не только количественная, но, как увидим ниже, также и качественная.

Ритм четырехстопного ямба определяется прежде всего распределением количества ударений на первых трех иктах, так называемым профилем ударности. Последний икт всегда ударен; это в русском стихе акцентная константа. Вследствие этого у всех поэтов предпоследний, третий икт самый слабый: любое концевое слово в 3—4 слога автоматически вызывает пиррихий на третьей стопе. Если конечное слово двусложное (в стихах с мужским окончанием) или трехсложное (женское окончание), пиррихий не возникает только при ударении на последнем слоге предыдущего слова. Ограничения значительные.

Средняя ударность первого и второго иктов у поэтов разных эпох и школ заметно различается. У поэтов XVIII в. средняя ударность первого икта — 93.2 %, второго — 79.7 %, третьего — 53.2 %, четвертого, по определению, — 100.0 %. Это стих одночленный, асимметричный, тяжеловесный, что соответствует высокому одическому стилю (оды большей частью писали этим размером). Таков четырехстопный ямб и у Державина. У Батюшкова и Жуковского с начала XIX в. ритм заметно облегчается:

---

[11] Это явление было отмечено Б. В. Томашевским: «...в лицейских стихах Пушкина можно насчитать не больше 2 % стихов с неударяемым вторым слогом типа: „Перебирая четки..."» (*Томашевский Б. В.* О стихе. С. 174).

[12] Подробнее об этом см.: *Холшевников В. Е.* Стиховедение и поэзия. Л., 1991. Гл. 11 и 8.

ударность второго икта повышается, первого постепенно снижается, наконец, они к концу 1810-х гг. выравниваются, колеблясь оба около 88 %.[13] Сходную эволюцию претерпевает и стих Пушкина.

В первом периоде его четырехстопного ямба еще чувствуется влияние державинского ритма, первый икт сильнее второго, но контраст между ними меньше, чем у Державина и других поэтов XVIII в.: 94.5 и 90.4 %. Во втором периоде первый и второй икты выравниваются, как у Батюшкова и Жуковского: 91.1 и 91.8 %. От Державина сохраняется повышенная ударность двух первых иктов: Державин любил полноударный ямб. Только в конце 1810-х—1820-е гг. у Пушкина окончательно устанавливается его знаменитый легкий ямб, симметричный, двучленный, с чередованием иктов: слабый — сильный — самый слабый — самый сильный (84.4 % — 92.2 % — 46.0 % — 100 %). Вслед за Пушкиным такой тип ямба усваивает большинство поэтов 1820-х гг.[14]

На втором месте по употребительности после ямба у Пушкина-лицеиста стоит хорей, в основном четырехстопный (9 стихотворений, в том числе строфы в полиметрической кантате «Леда», 1814); по одному стихотворению трехстопного, разностопного, строфического и особого четырехстопного в «Бове» (1814): белого, с дактилическими окончаниями — подражание «богатырской сказке» Н. М. Карамзина «Илья Муромец» (1794). Четырехстопный хорей — традиционный размер «легкой» поэзии: анакреонтики, песен, романсов, фольклорных стилизаций. Из хореических размеров он был самым популярным в поэзии XVIII—XIX вв. Его ритм заметно отличается от четырехстопного ямба. Во-первых, такой хорей гораздо симметричнее: второй икт по силе приближается к четвертому (у поэтов XVIII в. в среднем около 90 % ударны, в XIX — почти 100 %, у ряда поэтов все вторые икты ударны); слух улавливает две волны подъема. Во-вторых, если в ямбе предпоследний икт всегда самый слабый, то в хорее, напротив, на первый икт, как правило, падает большее количество ударений, чем на третий. Но при этом первый икт заметно слабее, чем в четырехстопном ямбе, его ударность редко превышает 60 % (у поэтов XVIII в., молодого Пушкина), в XIX в. — в среднем около 55 %. Исключения редки: одно из них находим в «Бове» Пушкина, необычном и по другим признакам. Здесь первый икт — 50.6 % от общего количества ударных слогов, третий — 57.5 %. Отношение ударности третьего икта к первому равно 1.14 (все приведенные в этом абзаце данные взяты из названного выше исследования К. Ф. Тарановского).[15]

---

[13] См.: *Тарановски К.* Руски дводелни ритмови. Београд, 1953. С. 75—77.

[14] См.: Там же. С. 75—81; *Холшевников В. Е.* Стиховедение и поэзия. Гл. 8.

[15] Достижимая точность в нахождении средней ударности икта упирается в «проклятый вопрос» статистического метода в стиховедении: считать ли слоги со слабыми ударениями (в двусложных предлогах, личных местоимениях при глаголах и т. п.) на сильных местах ударными или атонированными? Ясно, что вводить третью графу «слабоударных» значит запутать статистику и дать простор субъективным оценкам, так как слабоударность тоже может иметь бóльшую или меньшую выраженность. Существует две методики: по минимуму (считать слабоударные атонированными) и по максимуму (считать ударными). Чтобы последующие расчеты были сопоставимы с данными К. Ф. Тарановского, «Бова» был мною просчитан по обеим методикам. По минимуму расхождение с К. Ф. Тарановским в

Можно было бы предположить, что отличие «Бовы» от остальных четырехстопных хореев Пушкина вызвано необычными дактилическими окончаниями. Однако в «Илье Муромце» Карамзина, послужившем образцом размера для «Бовы», третий икт слабее первого; отношение третьего икта к первому равно 0.9 (в остальных четырехстопных хореях Пушкина-лицеиста еще меньше — 0.7). Обнаружилось неожиданное сходство с четырехстопными зарифмованными хореями с дактилическими клаузулами Некрасова: отношение третьего икта к первому в «Орине, матери солдатской» равно 1.3, в «Коробейниках» — 1.1. Объяснение этим фактам пока найти не удалось.

Трехсложные размеры у Пушкина-лицеиста единичны: два стихотворения написаны двустопным дактилем, одно — разностопным амфибрахием, анапест отсутствует. Только одно короткое (всего четыре стиха) стихотворение 1813 г. («Несчастие Клита») написано гекзаметром, и то пародийным, вдобавок рифмованным.

Особняком стоят четыре стихотворения, написанные по-французски. Пушкин с детства усвоил правила французской версификации и безукоризненно их соблюдал. Именно поэтому может вызвать сомнение точность передачи стихотворения 1816 г. «К⟨ня⟩ж⟨не⟩ В. М. Волконской», в котором эти правила нарушены.

Рифма

В XVIII—начале XIX в. господствовали рифмованный стих и точная рифма — полное созвучие клаузул (ритмических окончаний), начиная от последнего ударного гласного звука в стихе. Обычай допускал лишь некоторые незначительные отклонения от точности: 1) женская рифма с усечением конечного *й* в одном из рифмующихся слов (*светлее — лилеей*); 2) рифма с ударными *и—ы* после твердого и мягкого согласного (ср.: *молился — скрылся*); 3) рифмовка йотированного гласного с нейотированным в открытых мужских рифмах, если ему предшествовал мягкий согласный (*я — меня*) (в русской поэзии рифма считалась достаточной, если одинаковы были минимум два последних звука, поэтому в открытых мужских рифмах должны были совпадать опорные согласные: *моему — возьму*). Такие узуально точные типы рифм встречаются у Пушкина на протяжении всего его творчества.

Наряду с точными Державин первым стал свободно применять неточные рифмы, в которых гласные совпадают, но более или менее сильно различаются заударные согласные (*царе́вна — несравне́нна, разгу́лье — правосу́дье* и т. п.). Несомненно под его влиянием в первом периоде лицейского творчества Пушкин свободно пользуется неточными рифмами (*Назорой — взором, вспомнил — молвил* и т. п.). Поэтому нельзя согласиться с утверждением В. Я. Брюсова в его содержательной статье «Сти-

---

отношении третьего икта к первому было равно 0.11, по максимуму — 0.05. Оба расхождения статистически не существенны, но второе вдвое меньше, поэтому остальные расчеты проводились по максимуму.

хотворная техника Пушкина», что в области рифмы Пушкин в ранних стихотворениях избрал образцами Батюшкова и Жуковского, «не последовав ⟨...⟩ за Державиным, считавшим достаточным рифмовать гласные, не обращая внимания на согласные. ⟨...⟩ Но неопытность молодого стихотворца заставляла Пушкина часто делать прямые ошибки в рифмовке слов. Так, в лицейских стихах встречаем рифмы: „богатства — государства" ⟨...⟩ „китайца — американца" ⟨...⟩ и т. д.».[16]

Неточные рифмы Пушкина созданы именно по образцу державинских: совпадение заударных гласных звуков и различие в согласных. Отличие от Державина в том, что Пушкин в первом периоде пользуется также приблизительными рифмами, в которых тождественны заударные согласные, но не совпадают гласные (*иконой — поклоны* и т. п.). Приблизительные рифмы у Державина действительно исключительно редки.

У Пушкина встречаются неточные рифмы следующих типов (все примеры из «Монаха», кроме № 4 — из «Кольны»):

1) с различными заударными согласными, одной или более (*вспомнил — молвил*);

2) с усечением заударного согласного, конечного (*он — сонм*) или предшествующего (*волосах — Вакх*), а также с заменой *й* согласным (*покрытый — копытом*);

3) с рифмовкой звонкого и глухого предударного согласного в открытой мужской рифме (*кота — беда*);

4) с рифмовкой одиночного и сдвоенного согласного (*Кроны — сонны*);

5) с рифмовкой твердого и мягкого заударного согласного (*Панкратий — проклятый, бутыль — забыл*).

Впрочем, в некоторых случаях может возникнуть сомнение, идет ли речь о неточной рифме или об особенности произношения Пушкина (например, *кров — любовь*)? В. Я. Брюсов указывает, что Пушкин в рифме *вкрив — вручив* пишет на конце обоих слов твердый знак.[17] Б. В. Томашевский приводит ряд примеров твердого произношения конечного *в* в слове «любовь», отразившегося в рифмах предшественников и современников Пушкина и даже у Некрасова и Фета.[18]

Рифмы типа *нас — рядясь* едва ли можно считать неточными: в глагольных формах с возвратным «сь», как отмечает Томашевский, наряду с господствовавшим в поэзии мягким произношением встречалось еще в XVIII в. разговорное твердое.[19]

Большую, хотя и неполную, подборку неточных рифм Пушкина приводит Ф. Е. Корш.[20]

Употребление неточных и приблизительных рифм в лицейские годы характеризуется следующими цифрами: неточных — в 1813 г. — 15, в 1814 г. — 25, в 1815 г. — 23, итого (включая сомнительные типа *кров* —

---

[16] *Брюсов В.* Мой Пушкин. М.; Л., 1929. С. 156.

[17] См.: Там же. С. 212.

[18] См.: *Томашевский Б. В.* Стих и язык: Филологические очерки. С. 95.

[19] Там же.

[20] См.: *Корш Ф. Е.* Разбор вопроса о подлинности окончания «Русалки» Пушкина по записи Д. П. Зуева. СПб., 1898. С. 18.

любовь) — около 60; приблизительных — в 1813 г. — 4, в 1814 г. — 6, в 1815 г. — 18, в 1816 г. — 1, в 1817 г. — нет, итого — около 30, т. е. вдвое меньше, чем неточных.

С 1816 г. происходит резкий перелом: неточные рифмы исчезают у Пушкина почти полностью, приблизительные становятся редкими.

Существенными представляются проблемы произношения заударных *а* и *о* в женских рифмах и возможности перехода ударных *е* в *ё* (*о*) перед твердыми согласными. По первому вопросу возникла полемика между В. М. Жирмунским и Б. В. Томашевским.

Как известно, поэты XVIII—первой четверти XIX в. избегали рифм с заурядными *а* и *о* типа *послушна* — *равнодушно*. В XVIII в. такие рифмы — редчайшее исключение. Избегают их и некоторые поэты первой трети XIX в.: у К. Н. Батюшкова, А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского их нет совсем. Приблизительно с 20-х гг. XIX в. происходит медленное проникновение этих рифм в поэзию. Так, у зрелого Пушкина их всего 21. По мнению В. М. Жирмунского, отметившего этот факт,[21] причина заключается во влиянии орфографии, создающей в сознании поэта образ слова, и постепенном переходе в XIX в. от орфографической рифмы к акустической. Возможность окающего произношения он категорически отрицает.[22]

Томашевский в статье «К истории русской рифмы» решительно возражает Жирмунскому и доказывает, что и в XVIII в. рифма была акустической, отсутствие в рифмах заударных *а* — *о* объясняется оканьем, восходящим к «высокому» церковно-славянскому произношению.[23] В статье «О русской рифме XVIII в.» Жирмунский не согласился с доводами своего оппонента и продолжал настаивать на орфографическом принципе рифмовки в XVIII—первой четверти XIX в.[24]

Думается, что прав в этом споре Томашевский. В самом деле, если у всех поэтов рассматриваемого времени свободно рифмуются слова с разными буквами, но одинаковыми звуками: конечные оглушаемые согласные с глухими (*лоб* — *поп* и т. п.), гласные *ѣ* — *е* (*хлѣба* — *неба*), гласные *а* — *я* и *у* — *ю* после твердого и мягкого согласного (*дать* — *пядь*, *дунуть* — *плюнуть*), то почему лишь для заударных *а* — *о* поэты XVIII—начала XIX в. делали исключение? Но если традиционным в стихах было оканье, то нередкие у Пушкина-лицеиста рифмы на *а* — *о* (*ада* — *стадо* и др.) следует считать не точными, отражающими разговорное произношение, а приблизительными. Иное дело, точные акустические заударные *о* — *а* зрелого Пушкина.

Графическое *е* в XVIII в. звучало всегда по нормам «высокого» церковно-славянского произношения как *é*, не переходило в *ё* (*о*) перед твердыми согласными; типичными во всех жанрах и стилях, включая низкий стиль басен и даже бурлеск «ироикомических» поэм, таких как «Елисей»

---

[21] См.: *Жирмунский В.* Теория стиха. Л., 1975. С. 337—338.

[22] См.: Там же. С. 621—622.

[23] См.: *Томашевский Б. В.* Стих и язык: Филологические очерки. С. 75—89.

[24] См.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 423—427 (XVIII век; Сб. 7).

В. Майкова, были рифмы типа *свéт — идéт — течéт, тéм — моéм* и т. п. Исключения были единичны, почти все — после шипящих, причем большей частью вместо *е* писали *о*: счот (щот), чотки и т. п. Начиная с Державина, эта ясная система все чаще замутняется: сначала *ё* проникает в падежные окончания, потом в глагольные, причастия и корни слов.[25] Зрелый Пушкин выработал четкую систему: полные страдательные причастия прошедшего времени на *-енный* рифмуются всегда с *é*: *раскалéнной — вселéнной* (причастия не были исконно присущи русскому языку, поэтому воспринимались в то время как славянизмы; краткие «обрусели» раньше полных). В остальных случаях рифма отражает живое разговорное произношение его времени, исключения единичны.

У Пушкина-лицеиста, как и у его учителя Батюшкова, царит разнобой: *лéт — полéт, глядéл — повéл* и т. п. — и *гол — нашёл, моём — дом* и т. п.; *Силéн* (имя собственное) — *утомлéн* — и *он — награждён*. И даже один (единственный у Пушкина) раз: *сонный — усыплённый* («Пирующие студенты», 1814). Только во втором периоде постепенно начинает складываться система, характерная для зрелого Пушкина.

Как и в употреблении неточных рифм, эволюция видна отчетливо, хотя переход несколько более плавен. Так, рифм с *é* в 1813 г. — 4, в 1814 г. — 9, в 1815 г. — 15, в 1816 г. — 4, в 1817 г. — 1; с *ё* в 1813 г. — 5, в 1814 г. — 10, в 1815 г. — 25, в 1816 г. — 22, в 1817 г. — 7. Таким образом, в 1813—1814 гг. тех и других приблизительно поровну. 1815 г. — переходный: преобладание *ё* более чем в полтора раза. В 1816—1817 гг. Пушкин решительно порывает с традицией XVIII в., даже решительнее, чем его учителя Батюшков и Жуковский: *ё* превышает *é* приблизительно в шесть-семь раз, разговорное произношение в стихах побеждает. У Жуковского даже в 1851 г. в стихотворении для детей встречается рифма *поéт — нет*.

Как и другие поэты XVIII—первой четверти XIX в., Пушкин употребляет лишь мужские и женские окончания, дактилические встречаются только в фольклорных стилизациях, именно как примета народной поэзии (единственный случай в лицейское время — «Бова»).

Особого внимания заслуживает вопрос о фонетическом богатстве и оригинальности (или банальности) рифм. С юных лет Пушкин заботился о звучности рифм. Богатых рифм (т. е. таких, в которых совпадает предшествующий ударному гласному опорный согласный звук) у него немало (*стариком — клобуком, старичок — смычок, обращаюсь — восхищаюсь, ввек — человек*; эти восемь зарифмованных слов взяты из первых десяти стихов «Монаха»).

В. Я. Брюсов в статье 1921 г. «Левизна Пушкина в рифмах» приводит множество примеров созвучий влево от ударного гласного, считая поэта предшественником Маяковского и Пастернака. Исследователь классифицирует типы «левых» рифм: простое совпадение опорных согласных; глубокие рифмы, захватывающие два и более доударных звука (*холóдной —*

---

[25] См.: *Томашевский Б.* Стих и язык: Филологические очерки. С. 81—89; *Холшевников В. Е.* Стиховедение и поэзия. Гл. 9.

голо́дной и т. п.); любимые Пушкиным поглощающие рифмы, в которых одно из рифмующихся слов целиком входит в другое (*кумир — мир, странен — ранен* и т. п.), и различные их варианты.[26] Брюсов считает такие рифмы особенностью Пушкина, между тем у него были предшественники. М. Л. Гаспаров справедливо говорит, приводя убедительные статистические данные, о «культе богатой рифмы» у Сумарокова и поэтов его школы.[27]

Были у Пушкина и более близкие предшественники. Хотя Державин сдержаннее относился к богатым рифмам, все же в одной «Фелице» — 21 пара богатых рифм, из них 4 поглощающих (*мира — Кашемира* и др.); у Батюшкова в «Послании к Н. И. Гнедичу» — 11 пар, из них 5 поглощающих (*природы — роды* и др.); у Жуковского в балладе «Людмила» — 22 пары, из них 7 поглощающих (*лики — повилики* и др.). Здесь умышленно приведены примеры из наиболее известных стихотворений, которые Пушкин хорошо знал.

При всем том в лицейских произведениях Пушкина незаметен «культ богатой рифмы» (начало «Монаха» — скорее исключение), но внимание к звучности рифмы, как уже сказано, характеризует все лицейское творчество.

Пушкин не чурался рифм, ставших банальными. Это можно показать на примере одной богатой рифмы, многократно встречающейся почти у всех поэтов XVIII—начала XIX в.: *человек — век* (*человека — века* и т. д.), *человек — ввек, человек — навек*. Всего у Пушкина их насчитывается 32, на лицейское время падает 5. Нередки у него и грамматические рифмы (рифмовка одинаковых частей речи с одинаковыми флексиями), в том числе презираемые поэтами, но неистребимые глагольные.

Устойчивой на протяжении всего творчества является, например, банальная грамматическая рифма *младость — радость*: в лицейские годы она встречается 4 раза, впоследствии еще 18 раз; после Лицея к «радости» присоединяется также «сладость» — 5 пар, и дважды все три слова соединяются в тройном созвучии. Интересно отметить, что эти слова, часто по смыслу ключевые, тяготеют именно к рифме — ритмически и семантически выделенному месту в стихотворной строке. Так, «младость» встречается в рифме 29 раз (и, кроме того, один раз в клаузуле белого стиха), а в середине стиха — всего 5 раз. «Радость» зарифмована с «младостью» и «сладостью» 30 раз и 2 раза, по контрасту, с «гадостью», а в середине строки встречается 18 раз. «Сладость» в рифме встречается 13 раз, в середине строки — 3 раза. Заметим, что, за исключением двух пар *радость — гадость*, все три слова устойчиво рифмуются только друг с другом.[28]

Однако уже в лицейское время Пушкин находит интересные оригинальные рифмы, рифмы-уникумы. К ним относятся прежде всего рифмы с

---

[26] См.: *Брюсов В.* Мой Пушкин. С. 248—263.

[27] См.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. С. 88.

[28] См.: *Shaw J. Th.* 1) Pushkin's Rhymes: A Dictionary. Wisconsin, 1974. P. 169, 362—363, 443; 2) Pushkin: A Concordance to the Poetry. Columbus (Ohio), 1985. P. 534, 897, 993.

именами собственными. Очевидно, что рифмы *Феокрита — Адама Смита, дама — Бентама* если и встретятся у кого-нибудь, то будут явной цитатой из «Евгения Онегина». Но не все рифмы с именами собственными были в пушкинское время оригинальными. Напротив, имена мифологические и условно-поэтические (Хлоя, Дамон и пр.) повторялись разными поэтами несчетно, иногда складываясь в устойчивые пары, такие как *Парнас — Пегас, Иппокрена — Камена* и т. п. Античных имен-стереотипов, как и привычных метонимий и аллегорий, ставших почти терминами (муза, лира, цевница, свирель и т. п.), множество и в середине стихов, и в рифмах Пушкина. Иное дело, реальные имена друзей, почитаемых писателей или объектов эпиграмм. Вряд ли повторится у кого-либо единственная у Пушкина рифма из «Тени Фон-Визина» (1815) *Хвостову — Простакову* (хотя *Хвостов* рифмовался многократно).

К оригинальным рифмам с именами собственными примыкают рифмы с варваризмами: *vale — в бокале* и т. п.

Особенно выразительны каламбурные рифмы, например в «Монахе»: «...из муз наделать *дам*» — не *дам*.

В книге «Рифма. Ее история и теория» В. М. Жирмунский писал о том, что в напевном стихе рифма играет роль по преимуществу звуковую и маркирующую конец стиха. В стихе говорном рифма приобретает еще и заметное смысловое значение.[29] В лицейском творчестве Пушкина преобладает говорной стих с его свободной астрофической композицией и вольной рифмовкой, отсюда и интерес юного поэта к оригинальной рифме.

Важно также, какие по стилю и смысловым ассоциациям слова сочетаются в рифме. Если они однотипны, то формируют общий колорит, усиливая друг друга: рифмы *ручеёк — свирели — пастушок — трели* создают условный колорит идиллии («Блаженство», 1814); рифмы *кабаков — Барков, скрыпицу — пол-девицу* — противоположный, «кабацкий» («Монах», песнь первая). Но не меньший смысловой эффект, часто комический, может создать сочетание в рифме слов, противоположных по стилю и значению, например *чётки — водки* (там же). В последнем случае зарифмованные слова тоже усиливают друг друга, но уже по контрасту стиля и значения (принцип антитезы). Еще один аспект смыслового значения рифмы отметил В. Я. Брюсов: «Пушкин внимательно заботился о двух вещах: 1) чтобы рифмующееся слово естественно приходилось на конец стиха и 2) чтобы под рифму попадали те слова, на которые почему-либо надо обратить особое внимание читателя, на которых лежит смысловое ударение. Благодаря этому, рифма Пушкина — не случайное украшение, но необходимый элемент стиха, нечто связанное с ним органически, его существенная часть. Рифма Пушкина не только отмечает концы стихов ⟨...⟩ но могущественно способствует общему художественному впечатлению, выдвигает образы, подчеркивает мысли, оттеняет музыку ритма».[30]

---

[29] См.: *Жирмунский В.* Теория стиха. С. 300—301.

[30] *Брюсов В.* Мой Пушкин. С. 158—159.

В стихотворении 1821 г. «К моей чернильнице» Пушкин писал:

Перо по книжке бродит,
Без вялого труда
Оно в тебе находит
Концы моих стихов
И верность выраженья;
То звуков или слов
Нежданное стеченье,
То едкой шутки соль,
То правды слог суровый,
То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоль.

Сказанное выше свидетельствует о том, что эти строки можно в значительной мере отнести и к лицейскому периоду. Поражает не только необыкновенный талант юного поэта, но также владение техникой своего, по крылатому выражению К. Павловой, «святого ремесла», знание законов стиха, гармония вдохновения и ясного понимания путей достижения поэтической цели.

Объединение стихов рифмами. Строфика

1. Астрофический стих

В лицейском творчестве преобладает астрофический стих: из 127 написанных по-русски произведений разделенных на строфы — приблизительно треть. Это число увеличивается, если включить в него короткие стихотворения (типа четверостиший АбАб) и немногочисленные стихи с неясной структурой, которые могут быть интерпретированы как строфы; однако и в этом случае астрофические стихи составляют более половины всех стихотворных текстов.

Астрофический стих с вольной рифмовкой характеризуется прежде всего неурегулированностью и непредсказуемостью порядка, в котором следуют зарифмованные строки, и их количества (от двух и более стихов на одну рифму). Чаще всего встречаются четверостишия, но они могут быть то перекрестными, то охватными, то между ними возникают двойки, тройки рифм, то какая-нибудь рифма внутри привычного четверостишия удваивается, утраивается, превращая четверостишие в пяти-, шестистишие, то вытягивается длинная цепь рифм. Таким образом, фрагменты, объединенные общностью рифм (рифменные объединения), могут быть разной протяженности, от двух до шести-восьми (наиболее частый случай), а при длинных цепях рифм — до десятков стихов.

В XVIII в. вольная рифмовка была типичной для басни, так же как сопутствующий ей вольный ямб с амплитудой стопностей от шести до одной. Как уже говорилось, такого вольного ямба у Пушкина не было: в первом периоде — амплитуда от шести до трех, во втором — от шести до четырех. В начале XIX в. вольная рифмовка распространяется на трех-, четырех- и пятистопные ямбы. Вольная рифмовка Пушкина восходит не к басне, а к

дружеским посланиям начала века Батюшкова, Жуковского и отчасти П. А. Вяземского и В. Л. Пушкина. У Пушкина-лицеиста она не связана ни с каким определенным размером, встречается в хорее, дактиле, ямбах — трехстопном, пятистопном, вольном, но чаще всего, конечно, в любимом четырехстопном. В такой свободе применения вольной рифмовки юный поэт тоже следует примеру своих учителей-современников.

Вольная рифмовка как нельзя более подходит к композиционно свободным жанрам дружеского послания и элегии. И тематические тирады, и рифменные объединения могут быть в них разной длины. При этом тематические тирады (внешний признак их завершенности — точка или аналогичный ей знак в конце) большей частью совпадают с рифменными объединениями, но нередко их границы расходятся, точка попадает внутрь рифменного объединения. Такое явление наблюдается в большинстве стихотворений с вольной рифмовкой. Это высшая степень композиционной стихотворной свободы, хорошо обдуманной, изящной «небрежности» младшего арзамасца, который противопоставлял свои стихотворения и по тематике, и по стилю, и по строю стихам эпигонов классицизма, «беседчиков». Такой тип метрико-тематической композиции встречается уже в первом из известных нам лицейских стихотворений — «К Наталье» (1813):

Смехи, вольность — все под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я — Селадон!
Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон.

Так, Наталья! признаюся,
Я тобою полонён,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблён.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я...

Переход к новой теме подчеркнут авторским пробелом, но рифменная цепь продолжается: *полонён* рифмуется с *Селадон* и *Купидон*. Следующий стих на ту же рифму *влюблён* завершает четверную цепь рифм, замыкается точкой, но конец рифменной цепи и тирады опять не совпадают, потому что закончившаяся цепь рифм попадает в середину новой: *признаюся — стыжуся — верчуся*; заключительный стих приведенного отрывка рождает ожидание новой рифмы и т. д. Подобное сплетение — то совпадение, то расхождение — можно встретить во многих стихотворениях всего лицейского периода. В такой подчеркнуто свободной композиции Пушкин идет за своими учителями (см., например, стихотворение Батюшкова «Н. И. Гнедичу» («Прерву теперь молчанья узы...»)).

Обычно рифмы идут парами, связывая два стиха и при смежной рифмовке аа, и при перекрестной АбАб, и при охватной АббА. Это норма. Именно на таком привычном фоне тройки (например, аБББа), а тем более четверки ощущаются как некое нарушение нормы, неожиданность и тем

самым привлекают внимание к завершаемым ими стихам, выделяя их; разумеется, подчеркнутыми будут не первые два зарифмованных стиха, воспринимаемые как норма, а только последующие.

Тройки рифм встречаются постоянно; более чем по десятку насчитывают цепи по четыре и пять рифм, но шесть уже редки; впрочем, в коротком стихотворении и короткая цепь выделяется заметнее, чем в длинном, например в «Розе» (1814—1816) — четыре стиха из двенадцати. Скопления и сплетения ряда цепей встречаются, естественно, только в длинных стихотворениях, например «Моему Аристарху» (1815) — шесть цепей длиной от четырех до шести рифм. Только один раз, в «Послании Лиде» (1816), встречается сверхдлинная (на целое стихотворение) сквозная цепь из тридцати мужских рифм, причем в первых шестнадцати стихах они перемежаются восемью одинаковыми женскими рифмами: *Венеры — Купидон — Цитеры — трон — примеры — тон* и т. д. (всего в стихотворении 63 стиха). Но это уже скорее упражнение в версификации, проба сил юного виртуоза, чем решение поэтической задачи.

В таких экспериментах у Пушкина были предшественники. Так, Сумароков в стихотворении с характерным названием «Двадцать две рифмы» перекрестно чередует сквозные женские рифмы с различными мужскими, а В. Л. Пушкин, предшественник более близкий, в монориме «Рассуждение о жизни, смерти и любви. Стихи на заданные рифмы» нанизывает 39 строк с одинаковыми мужскими рифмами.

Важно определить, на каком расстоянии наш слух воспринимает стихи, оканчивающиеся на одинаковую рифму, как входящие в одну рифменную цепь, т. е. рифмующиеся друг с другом. Дж. Томас Шоу во вступительной статье к уже упоминавшемуся словарю рифм Пушкина пишет: «Одно концевое слово находится в рифменной близости к другому, если они расположены в смежных строках, или отделены вторгшейся между ними строкой, или, наконец, отделены не одной, а несколькими строками, при условии, что все вторгшиеся между ними слова рифмуются друг с другом. ⟨...⟩ Количество вторгшихся ⟨...⟩ строк ⟨...⟩ теоретически не ограничено, но практически наибольшее число такого рода строк в пушкинском стихе ⟨...⟩ три».[31] К сказанному он делает оговорку: незначительные звуковые различия не препятствуют рифмам быть узуально точными в одной паре, например: *живо — красноречивый*. Но если такие различия находятся в разных парах рифм, то их, несмотря на рифменную близость, нельзя считать членами одной цепи; в качестве примера Шоу ссылается, между прочим, на две пары рифм из кантаты «Леда»: *стыдливой — игривой* и *торопливый — говорливы*.[32] Для ясности приведем эти стихи:

Покров красавицы *стыдливой*,
Небрежно кинутый, у берега лежал,
И прелести ее поток волной *игривой*
С весельем орошал.

---

[31] *Shaw J. Th.* Pushkin's Rhymes: A Dictionary. P. XXII—XXIII.
[32] Ibid. P. XXIII—XXIV.

Житель рощи *торопливый*,
Будь же скромен, о ручей!
Тише, струйки *говорливы*!
Изменить страшитесь ей!

Орфография Пушкина не совпадала с нынешней, в именительном падеже единственного числа прилагательных мужского рода он писал то *-ой*, то *-ый*; к тому же в первом лицейском периоде он свободно пользовался приблизительными рифмами, поэтому приведенный пример (как и ряд других) трудно оценить однозначно: что это, одна цепь из четырех рифм или две независимые пары? По той же причине затруднителен точный подсчет рифменных цепей.

Как и другие его предшественники и современники, Пушкин строго следует правилу альтернанса (чередования) рифм, пришедшему к нам из французской поэзии и заключающемуся в том, что однородные клаузулы, мужские или женские, могут стоять рядом только в том случае, если они рифмуются. Так, в александрийском стихе чередуются мужские и женские пары: АА, бб, ВВ, гг и т. д. В строфах допускались АбАбВВ и т. п. и запрещались АБАБ, абба и т. п.

Пушкин обычно соблюдал чередование рифм также между строфами. Исключения: «Певец» (1816) с его прихотливой строфой и «Стансы. (Из Вольтера)» (1817), в которых строфы отчетливо обособлены тематически.

Молодой поэт почти всегда писал рифмованные стихи, даже единственный гекзаметр у него (уже упомянутая эпиграмма на Кюхельбекера) зарифмован. Белым стихом написаны только «Бова» (сплошные дактилические клаузулы) — подражание Карамзину, и «Фиал Анакреона» (1816), жанр и размер которого (трехстопный ямб) восходят через Батюшкова еще к Ломоносову («Ночною темнотою...»), а сплошные женские клаузулы — к анакреонтическим одам XVIII в. и к «Бове» Радищева. Любопытно, что оба белых стиха написаны с однородными окончаниями.

Своеобразной формой астрофического стиха является александрийский стих — шестистопный ямб со смежной рифмовкой и строгим чередованием мужских и женских пар рифм, восходящий к французскому двенадцатисложнику с такой же композицией и тем же местом непременной симметричной цезуры на шестом слоге. В России это стих прежде всего высоких поэм и трагедий XVIII—начала XIX в., хотя им свободно пользовались и в комедиях, и в лирических жанрах.

Е. Г. Эткинд заметил, что в этом принципиально астрофическом стихе (неопределенно длящаяся последовательность чередующихся по каталектике пар) постоянно наблюдаются скрытые двустишия (пары одной каталектики) и четверостишия (две пары разных каталектик), что выражается в смысловой и синтаксической завершенности таких пар и четверок.[33] Наблюдение верное, но нуждающееся в уточнении. Еще В. К. Тредиаковский в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735),[34] а в XIX в.

[33] См.: *Эткинд Е. Г.* Материя стиха. Париж, 1978. С. 136—137.
[34] *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. М.; Л., 1963. С. 369, 372—374.

Н. Ф. Остолопов в «Словаре древней и новой поэзии» (1821) называли перенос пороком; интонационно-синтаксическая завершенность стиха, тем более связанной пары, представлялась сторонникам классицизма само собой разумеющейся. Однако и в XVIII в. это правило не могло не нарушаться в трагедиях и комедиях, когда стих дробился короткими репликами. В XIX в. романтики нарушали все запреты, в том числе и запрет переноса даже в самом консервативном размере — александрийском стихе, а порой вытягивали пары в длинные цепи и ставили точку внутри пары. Каков же александрийский стих Пушкина-лицеиста?

В первом же стихотворении, написанном этим размером, «К другу стихотворцу», наряду с безусловно преобладающими замкнутыми парами и четверками есть и разомкнутые с точками внутри рифменных пар, и незавершающиеся с замыкающей рифмой:

Положим, что, на Пинд взобравшися счастливо,
Поэтом можешь ты назваться справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства...

Но все же замкнутые пары (и четверки) в этом стихотворении преобладают. Однако хотя к этому размеру Пушкин-лицеист обращается редко, некоторая эволюция в сторону большей свободы у него заметна. Достаточно сравнить «К другу стихотворцу» с «Безверием» (1817). В последнем рифменные пары чаще объединяются в длинные тирады — шестерки, восьмерки, а точка чаще стоит между рифмующимися стихами. Тем не менее полной свободы Пушкин достигнет позже, и подлинно астрофическим александрийский стих станет у него в 1820-е гг.

2. Строфический стих

Строфическим стихом написано около четырех десятков стихотворений лицейской поры; более точную цифру назвать трудно, потому что есть случаи сомнительные, спорные, — это переходные формы от стихотворений с четкой строфической структурой к стиху астрофическому с вольной рифмовкой, одноразмерному или вольному. Целесообразно сначала рассмотреть более строгие формы.

Б. В. Томашевский пишет: «На ранние лицейские годы, особенно на 1814—1815 гг., падает значительное количество строфических форм, как по отношению к общему количеству строфических форм, так в особенности по отношению к написанному (около 40 % всей лирики). Доминируют преимущественно подражательные строфы романсного происхождения. Это строфы французско-русского обихода того времени».[35]

Бросается в глаза строфическая простота, изысканные строфы редки. В большинстве перед нами — четверостишия и восьмистишия, состоящие

[35] *Томашевский Б. В.* Стих и язык: Филологические очерки. С. 291.

из двух четверостиший, преимущественно одинакового строения, с перекрестной рифмовкой. Это общее явление. По частоте встречаемости на первом месте после четверостишия в XIX в. стоит восьмистишие.[36] Правило альтернанса строго выдержано: в четверостишиях, и самостоятельных, и входящих в восьмистишия, преобладает начало с женского стиха — АбАб (и АбАбВгВг), реже аБаБ. Так как в подобных строфах начало и конец по каталектике разнородны (начало женское — конец мужской, или наоборот), то соблюдается и альтернанс между строфами. Строфы в большинстве замкнуты тематически, кончаются, как правило, точкой или аналогичным знаком препинания. В восьмистишиях входящие в них четверостишия тоже большей частью обособлены по смыслу, но не так отчетливо, как восьмистишия, что создает иерархию членения и позволяет объединить четверостишия в единицы высшего порядка — восьмистишия. Таким образом, юный Пушкин прошел мимо увлечения строфическими экспериментами и XVIII в., прежде всего Державина («Осень во время осады Очакова», «Фонарь» и др.), и Жуковского, у которого он так много учился (изысканные разностопные строфы «Светланы», «Эоловой арфы»).

Два опыта с большими сложными строфами относятся к первому периоду, к 1814 г. Первый — десятистишие АббАввГГдд (показательно, что оно не похоже на одическое и написано четырехстопным хореем) в стихотворении «Опытность». Второй — нетождественные по длине строфоиды разностопного ямба с чередованием 4-3-4-3 (аБаБ) в «Пирующих студентах», подражание «Певцу во стане русских воинов» Жуковского, точнее, стилизация. Различие в том, что у Жуковского все строфы одинаковы — двенадцатистишия, у Пушкина — неурегулированная последовательность строфоидов от восьми- до шестнадцатистиший с тем же, что и у Жуковского, чередованием размеров и каталектик.

В статье «Строфика Пушкина» Б. В. Томашевский писал: «Пушкин крайне редко обращался к строфическому изобретательству и отлично владел художественным наследием прошлого».[37] Но в лицейском периоде встречаются и оригинальные строфы. Прежде всего надо назвать «Воспоминания в Царском Селе» (1814). По количеству стихов и последовательности рифм это самое простое восьмистишие из двух перекрестных четверостиший АбАбВгВг. Но оно состоит из прихотливо чередующихся четырех- и шестистопных ямбов; тех и других поровну, но следуют они в сложной комбинации: 4-4-6-4-6-6-6-4; при этом последний стих три раза сокращается до трех стоп.

В 1814—1816 гг. находим три шестистишные строфы: ааБввБ в «Сраженном рыцаре», АббАвв (последние два стиха — рефрен) в стихотворении «Рассудок и любовь» и ААбВВб в стихотворении «Усы». Есть два семистишия: «К Делии» и «Делия» (не считая одиночных строф, о которых — ниже). Пятистиший тоже два: одно в составе полиструктуры («Наполеон на Эльбе»), другое — «Певец».

---

[36] См.: *Вишневский К. Д.* Введение в строфику // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 46.

[37] *Томашевский Б. В.* Стих и язык: Филологические очерки. С. 222.

В этом последнем стихотворении Пушкин создает единственную в его наследии по изощренности и в то же время простоте музыкальной композиции пятистишную строфу. Стихотворение не случайно пленило П. И. Чайковского, включившего его в оперу «Евгений Онегин». Здесь Пушкин выступает еще как ученик и уже как соперник Жуковского.[38]

«Певец» строится на системе повторов, проходящих сквозь все три строфы стихотворения (подробно о них см. в комментарии к стихотворению).

По единству образов и настроения, сложной системе повторов и созвучий, нисколько не препятствующей естественному течению речи, это стихотворение единственное в своем роде, потому что оно все-таки в какой-то мере стилизация: в дальнейшем Пушкину, даже в романтическом периоде его творчества, была чужда чисто мелодическая стихия, характерная для Жуковского. Даже в таких стихотворениях, в которых повторы разных типов, в том числе рефрены, имеют большое композиционно-эстетическое значение («Погасло дневное светило...», «Я помню чудное мгновенье...»), это значение не является доминирующим и не подчиняет себе столь определенно развития мысли.

Первый и второй периоды лицейского творчества отличаются также по тяготению к равностопным или разностопным строфам. В сумме равностопных строф несколько больше, чем разностопных. Последние встречаются в первом периоде и восходят к образцам Батюшкова и Жуковского. За исключением «Воспоминаний в Царском Селе», конфигурация неравностопных стихов в строфах очень простая: поочередное расположение в восьмистишиях (элегия «Мечтатель», 1815), четверостишиях («Козак» (1814), «Слеза» (1815) — стихотворения романсного и элегически-напевного склада) — 4-3-4-3; близкое по типу симметричное расположение в шестистишиях — 4-4-3-4-4-3 («Сраженный рыцарь», 1815); наконец, несимметричные четверостишия с укороченным концом — 6-6-6-3 («К ней» и фрагмент «Наполеона на Эльбе», оба — 1815). Довольно отчетливо выражено в стихотворениях с такими разностопными строфами тяготение к элегически-романсной или балладной форме, напевности стиха.

Б. М. Эйхенбаум, исследовавший в книге «Мелодика русского лирического стиха» (1922) различные формы напевного стиха, выделяет три основные: наиболее простую куплетную, в которой каждая строфа (куплет) интонационно завершена, каждая следующая начинает интонационное движение сначала; песенную, несколько усложненную, с репризой, кодой; наконец, наиболее сложную, в которой интонационное напряжение, нарастая, проходит через все строфы, объединяя их в сложное целое и разрешаясь в концовке. Последнюю форму исследователь назвал романсной.[39]

Однако романсы Пушкина-лицеиста («Козак», «Романс», «Слеза»), как и элегически-балладный «Сраженный рыцарь», по стихотворной ком-

---

[38] О Жуковском — создателе мелодического стиха и о приемах его создания см.: *Эйхенбаум Б. М.* Мелодика русского лирического стиха. Пб., 1922 (перепечатано: *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. Л., 1969. С. 348—390).

[39] См.: *Эйхенбаум Б.* О поэзии. С. 346—347.

позиции относятся, если пользоваться терминологией Б. М. Эйхенбаума, к самому простому куплетному типу — исключением является только изощренный по композиции «Певец».

Напевный стих за редкими исключениями строфичен. Основное свойство напевного стиха Пушкина-лицеиста — композиционная симметричность строфы. Каждая строфа тематически и интонационно-синтаксически замкнута и симметрично делится пополам, например восьмистишие «Романса» (1814) — на два четверостишия одинакового строения и тоже интонационно-синтаксически завершенных, хотя и не столь обособленных, как строфы. Эти четверостишия-половинки, как и самостоятельные четверостишные строфы в стихотворениях «Козак» и «Слеза», делятся в свою очередь на подобные пары из двух стихов, а каждый отдельный стих в такой паре — синтагма, переносов нет. Внешним признаком такой структуры могут служить знаки препинания. В конце всех строф стоят точки или эквивалентные им знаки; в половинках, наряду с точками, — точки с запятой; затем запятые. Так создается симметричная, несколько однообразная иерархия членения пушкинского куплетного напевного стиха.

В целом же в лицейской лирике преобладает не напевный, а говорной стих с довольно широким диапазоном — от ораторской патетики (например, «Воспоминания в Царском Селе») до фамильярно-разговорной интонации, с явным преобладанием последней.

Во втором периоде разностопные строфы исчезают, зато появляется несколько неразделенных нетождественных четверостиший. Это форма не всегда ясная. Совершенно ясны разделенные пробелами четверостишия одного размера, но с различным расположением рифм: «Стансы. (Из Вольтера)» — неурегулированное чередование охватных и перекрестных. Достаточно ясны и преобладающие в вольной рифмовке неразделенные нетождественные по рифмовке равностопные четверостишия («К сну» (1816) — перекрестные и охватные). Сомнения могут вызвать нетождественные неразделенные четверостишия вольного ямба. Это промежуточная форма между неразделенными нетождественными строфами и вольным ямбом с вольной рифмовкой («К Каверину», 1817).

Не всегда поддаются однозначному определению так называемые одиночные строфы — короткие стихотворения от четырех до восьми стихов (эпиграммы, надписи и т. п.). Если перед нами одноразмерное стихотворение из четырех стихов с традиционным чередованием рифм, например «Надпись на стене больницы» 1817 г. (аБаБ, четырехстопный ямб), или привычно разностопное, то именно в силу привычности такой структуры мы узнаем в нем популярную строфу, например «Моя эпитафия» 1815 г. (6-6-6-4) или «Вот Виля, он любовью дышет...» 1814—1816 гг. (4-3-4-3). Но уже стихотворение из восьми стихов может быть интерпретировано двояко: или как одно восьмистишие, или как два неразделенных четверостишия («Тошней идиллии и холодней, чем ода...», 1814—1816). Одиночное семистишие («Твой и мой», 1814—1816) может быть понято и как ямб вольной рифмовки. Подобные сомнительные случаи не позволяют дать точный подсчет строфических форм Пушкина-лицеиста.

В XVIII в. (в частности, у Державина) встречались так называемые полиметрические композиции и родственные им полиструктуры. Первые представляют собой обычно крупные произведения (кантаты, хоры, оперные либретто), отдельные звенья («куски») которых написаны разными метрами и размерами; вторые написаны одним метром, но размерами различной стопности. Изменение размера обычно мотивировалось переломом темы, переходом речи от одного персонажа к другому и т. п. У Пушкина одна полиметрическая композиция (кантата «Леда») и две ямбические полиструктуры 1815 г. («Наполеон на Эльбе» и «К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг») встречаются только в первом периоде, при этом изменение размера тоже обозначает композиционные границы частей. В дальнейшем Пушкин к таким формам не обращался (не следует смешивать их со «вставными номерами» в крупных монометрических произведениях, как например песня девушек в «Евгении Онегине»).

* * *

Стихосложение Пушкина-лицеиста менялось в связи с общей эволюцией его раннего творчества — от поэтического языка и стиховой культуры XVIII в. (в особенности Державина) к освоению, а затем и преодолению наследия Батюшкова и Жуковского. Менее отчетливо этот процесс выражен в метрике и ритмике, яснее — в употреблении рифмы, строфике и стихотворной композиции. К моменту окончания Лицея завершается формирование оригинального поэта.

М. А. Цявловский

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ ЛИЦЕЙСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

I. Состав лицейских стихотворений

Содержание настоящего тома составляют стихотворения Пушкина, написанные поэтом в Лицее, начиная с 1813 г. и кончая 11 июня 1817 г., когда Пушкин выехал из Царского Села.

Впервые стихотворения, написанные Пушкиным в Лицее, были напечатаны в виде особого отдела в посмертном издании его сочинений (Посм.). Здесь, в девятом томе, в качестве «Прибавления», под заглавием «Лицейские стихотворения», В. А. Жуковским и П. А. Плетневым были напечатаны в 1840 г. следующие семьдесят пять стихотворений: «К моей чернильнице»; *«Бова. (Отрывок из поэмы)»; *«Красавице, которая нюхала табак»; *«К Наталье»; *«К молодой актрисе»; *«Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...»); *«Леда. (Кантата)»; *«Осгар»; *«Эвлега»; *«Окно»; *«Рассудок и любовь»; *«К Наташе»; *«Наслаждение»; *«К Маше»; *«Погреб»; *«Истина»; *«Застольная песня» («Други, пусть года несутся...») ⟨А. А. Дельвиг⟩; *«Стансы. (Из Вольтера)»; *«Делия» («Ты ль передо мною...»); *«К Делии» («О Делия драгая!..»); *«Воспоминание. (К Пущину)»; *«Сон. (Отрывок)»; *«К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»); *«Слеза»; Элегии: *I. «Опять я ваш, о юные друзья!..», *II. «Осеннее утро», *III. «Сну» («Знакомец милый и старинный...»), *IV. «Любовь одна — веселье жизни хладной...», *V. «Месяц», *VI. «Счастлив, кто в страсти сам себе...», *VII. «Когда пробил последний счастью час...», *VIII. «Друзьям» («К чему, веселые друзья...»), *IX. «Я Лилу слушал у клавира...»; *«К Жуковскому»; «Гораций» ⟨«Кто из богов мне возвратил...»⟩; *«Пирующие друзья» ⟨«Пирующие студенты»⟩; *«К принцу Оранскому» ⟨«Принцу Оранскому»⟩; *«Усы. Философическая ода»; *«К молодой вдове»; *«К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»); *«К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...»); *«Мое завещание друзьям» ⟨«Мое завещание. Друзьям» («Хочу я завтра умереть...»)⟩; *«Наездник» ⟨«Наездники»⟩; *«Фиал Анакреона»; *«Сраженный рыцарь»; *«Эпиграмма» («„Скажи, что нового". — „Ни слова"...»); *«Твой и мой»; *«Эпитафия» ⟨«Эпиграмма на смерть стихотворца» («Покойник Клит в раю не будет...»)⟩; *«Экспромт на А⟨гареву⟩»; *«К портрету К⟨аверина⟩» («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...»); *«К письму» («В нем радости мои; когда померкну я...»); *«Дяде, назвавшему

сочинителя братом»; «Желание» («Медлительно влекутся дни мои...»); «Заздравный кубок»; «Отрывки из стихотворения „Фавн и пастушка"»; «К живописцу»; «Сон. (Отрывок из новгородской повести «Вадим»)»; «Путешественнику» ⟨«К Н. Г. Л⟨омонос⟩ову»⟩; «К Морфею» ⟨«Морфею» («Морфей! до утра дай отраду...»)⟩; «Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок...» ⟨«В альбом Пущину»⟩; «Мой первый друг, мой друг бесценный!..»; *«В альбом Илличевскому»; *«Сновидение»; *«Она»; *«К товарищам перед выпуском» ⟨«Товарищам» («Промчались годы заточенья...»)⟩; *«Боже! царя храни!..»; «К Г⟨алич⟩у» («Пускай угрюмый рифмотвор...»); «Мечтатель»; «К П⟨ущин⟩у (4 мая)» («Любезный именинник...»); «Городок. (К***)»; «Безверие»; «К Б⟨атюшко⟩ву» («Философ резвый и пиит...»); «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...»); «Воспоминания в Царском Селе»; «Наполеон на Эльбе. 1815».

Из этих семидесяти пяти стихотворений пятьдесят пять, отмеченных звездочкой, напечатаны по рукописному сборнику стихотворений лицейских поэтов, составленному в июне—начале июля 1817 г. и известному под названием Тетради А. В. Никитенко.[1] Остальные двадцать стихотворений взяты Жуковским и Плетневым из печатных (журнальных) и рукописных текстов.

Из двадцати стихотворений, отсутствующих в Тетради Никитенко, три включены ошибочно, так как они не лицейские. Это «К моей чернильнице» 1821 г., «Гораций» («Кто из богов мне возвратил...») 1835 г. и «Сон. (Отрывок из новгородской повести «Вадим»)» 1822 г. К этим стихотворениям нужно присоединить четвертое — «Мой первый друг, мой друг бесценный!..» 1826 г., включенное в том лишь потому, как объяснено в примечании, что оно «писано к тому же лицу», что и «предыдущее» («Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок...»). Наконец, стихотворение «К Морфею» является позднейшей редакцией стихотворения «Сну», помещенного среди элегий, и потому не может считаться отдельным стихотворением.

Таким образом, этот первый лицейский свод дал шестьдесят девять стихотворений.

Вне свода в посмертном издании были напечатаны еще двенадцать лицейских стихотворений. В третьем томе: «Певец», «Лицинию», «Ш⟨ишко⟩ву» и «П⟨ушки⟩ну» («Что восхитительней, живей...»);[2] в четвертом томе: «Роза», «Старик», «Пробужденье», «Гроб Анакреона», «Амур и Гименей. (Сказка)» и «Разлука» («В последний раз, в сени уеди-

[1] Об этом сборнике см.: наст. т., с. 497—503. Из Тетради Никитенко взяты все стихотворения Пушкина, кроме одного: «К Баболовскому дворцу». Не вошло оно в том, конечно, из-за цензурных соображений. В число пятидесяти пяти стихотворений, взятых из Тетради Никитенко, попало одно не Пушкина, а Дельвига («Застольная песня»). (Непосредственным источником публикаций в посмертном издании была не сама Тетрадь Никитенко, а сделанные с нее копии, вошедшие в так называемую Тетрадь Жуковского (ТЖ); см. ниже, с. 502. — *Ред.*).

[2] Напечатанное в третьем томе стихотворение «Дельвигу» («Любовью, дружеством и ленью...») является позднейшей редакцией стихотворения «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»), напечатанного в лицейском своде.

ненья...»)[3] — и в девятом томе, в отделе «Стихотворения, пропущенные в последнем полном издании»: «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...») и «Mon portrait». Всего посмертное издание, следовательно, напечатало восемьдесят одно лицейское стихотворение.

В следующем издании собрания сочинений Пушкина, под редакцией П. В. Анненкова, число это значительно было увеличено.

Приняв в своем издании хронологическую систему расположения стихотворений, Анненков в предисловии ко второму тому писал: «*Первый отдел* — стихотворений лирических — заключает в себе все так называемые мелкие произведения Пушкина начиная с 1814 года по 1836-й. „Лицейские стихотворения" образуют в этом отделе одно подразделение, которое обнимает время с 1814 по 1817 г., хотя уже в последнюю половину этого года автор не принадлежал более Лицею, но сохранить историческую верность тут не было крайней необходимости. Известно, что даже бо́льшая часть произведений следующего, 1818 г. носит еще заметным образом характер, отличающий лицейские стихотворения» (Анн. Т. 2. С. II). Включив, таким образом, в свод лицейских стихотворений все пьесы 1817 г., Анненков в последнем примечании к стихотворениям 1817 г. тем не менее указал, что из двадцати стихотворений этого года последние семь написаны по выходе Пушкина из Лицея (см.: Там же. С. 188).

К лицейским стихотворениям, напечатанным посмертным изданием, Анненков во втором томе прибавил еще двадцать девять стихотворений: «К сестре»; «К другу стихотворцу»; «Кольна»; «Блаженство»; «Опытность»; «Венере от Лаисы при посвящении ей зеркала» ⟨«Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало»⟩; «К Батюшкову» ⟨«Батюшкову» («В пещерах Геликона...»)⟩; «Послание к Г⟨али⟩чу» («Где ты, ленивец мой?..»); «Измены»; «Козак»; «Вода и вино»; эпиграммы: «Арист нам обещал трагедию такую...», «Супругою твоей я так пленился...», «Бывало, прежних лет герой...» ⟨«На Рыбушкина»⟩; «Моя эпитафия»; «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»; «Моему Аристарху»; «Послание Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...»); «Подражание» («Я видел смерть; она сидела...»); «Письмо к Лиде» («Лишь благосклонный мрак раскинет...»); «В альбом А. Н. Зубову» ⟨«В альбом» («Пройдет любовь, умрут желанья...»)⟩; «Именины»; «Лиле»; «К. А. Б***» («Что можем наскоро стихами молвить ей?..»); «История стихотворца»; «Добрый человек»; «Как брань тебе не надоела?..»; «Охотник до журнальной драки...»; «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...».

Кроме этих двадцати девяти стихотворений, напечатанных в корпусе тома, Анненков в примечаниях к лицейским стихотворениям напечатал (в отрывках) «Послание к Ю⟨дину⟩». В седьмом (дополнительном) томе издания напечатаны еще семь лицейских стихотворений: «Вишня», «К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг», «Послание к кн. А. М. Г⟨орчакову⟩» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»), «Желание» ⟨«⟨Из письма к В. Л. Пуш-

[3] Напечатанное в четвертом томе стихотворение «Друзьям» («Богами вам еще даны...») является позднейшей редакцией стихотворения «Друзьям» («К чему, веселые друзья...»), напечатанного в лицейском своде.

кину⟩» («Христос воскрес, питомец Феба!..»)⟩, «Надпись к беседке», «С мольбой, с зажженною свечою...» ⟨«Заутра с свечкой грошевою...»⟩, эпиграмма на Карамзина «Послушайте, я вам скажу про старину...».[4] Наконец, в первом томе, в «Материалах для биографии Пушкина», Анненков напечатал «Couplets» («Quand un poète en son extase...») и «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...».

Таким образом, всего Анненковым в его издании лицейских было напечатано сто двадцать стихотворений, из которых подлинно лицейских было, однако, всего сто двенадцать.[5]

После выхода в свет в 1857 г. седьмого тома издания Анненкова, с 1859 по 1951 г., были напечатаны тридцать три лицейских стихотворения.

В 1859 г. в «Записках о Пушкине» И. И. Пущина, появившихся с купюрами в «Атенее» (№ 8), были напечатаны два стихотворения: «Надпись на стене больницы», «От всенощной вечор идя домой...» — и начало третьего, полностью неизвестного стихотворения: «Мы недавно от печали...». В этом же году в «Полярной звезде на 1859 г.» Герцен опубликовал «Исповедь бедного стихотворца».

В 1861 г. Н. В. Гербель в книжке «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений» (Берлин) напечатал «Ты хочешь знать, о дева молодая...» ⟨«Сравнение» («Не хочешь ли узнать, моя драгая...»)⟩. В этом же году в «Полярной звезде на 1861 г.» Герценом были напечатаны выпущенные в «Атенее» места из «Записок...» Пущина, куда вошли стихи «И останешься с вопросом...».

В 1863 г. в статье В. П. Гаевского «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения» в «Современнике» (№ 7 и 8) были напечатаны восемь лицейских стихотворений: «Несчастие Клита», «Stances» («Avez-vous vu la tendre rose...»), «На Пучкову» («Зачем кричишь ты, что ты дева...»), «Больны вы, дядюшка? Нет мочи...», «Вот Виля — он любовью дышет...», «Пожарский, Минин, Гермоген...», «С позволения сказать...», «Гауншильд и Энгельгард...» — и отрывки из поэмы «Тень Баркова».

В 1871 г. М. И. Жихаревым в статье «Петр Яковлевич Чаадаев. (Из воспоминаний современника)» в «Вестнике Европы» (№ 7) была напечатана эпиграмма на княжну В. М. Волконскую («On peut très bien, mademoiselle...»).

В 1874 г. П. А. Вяземским в «Русском архиве» (№ 1) были опубликованы письма к нему Пушкина, в одном из которых имеются стихи «Блажен, кто в шуме городском...».

---

[4] Кроме этих семи стихотворений в седьмом томе напечатаны еще два стихотворения: «Пуншевая песня» и «Старица-пророчица». Первое стихотворение — А. С. Пушкина, второе — А. И. Одоевского.

[5] Три стихотворения: «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»), «П⟨ушки⟩ну» («Что восхитительней, живей...») и «К молодой вдове» — Анненков ошибочно не считал лицейскими (см.: Анн. Т. 2. С. 188). Восемь же стихотворений, напечатанных Анненковым в разделе лицейских стихотворений «неизвестных годов», — «Именины», «Лиле», «К. А. Б***» («Что можем наскоро стихами молвить ей?..»), «История стихотворца», «Добрый человек», «Как брань тебе не надоела?..», «Охотник до журнальной драки...», «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...» — нельзя считать лицейскими.

В 1876 г. Н. В. Гербель в «Русском архиве» (№ 10) в статье «Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина» напечатал стихотворение «Гараль и Гальвина».

В 1880 г. П. А. Ефремов в издании собрания сочинений Пушкина (Ефр. 1880. Т. 1) напечатал эпиграмму на графа А. К. Разумовского («Ты слышал весть смешную?..»).

В 1884 г. В. Е. Якушкиным в его описании «Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве», печатавшемся в «Русской старине», были опубликованы два лицейских стихотворения: в февральской книжке — «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...») и в декабрьской — «К Баболовскому дворцу». В этом же году Я. К. Грот в мартовской книжке «Русской старины» опубликовал эпиграмму на Пучкову («Пучкова, право, не смешна...»).

В 1887 г. Я. К. Грот в своей книге «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники» напечатал эпиграмму «Портрет» («Вот карапузик наш, монах...»).

В 1899 г. Д. И. Сапожниковым в «Русском архиве» (№ 2) опубликована эпиграмма «Угрюмых тройка есть певцов...».

В 1913 г. Ю. Н. Щербачевым в его книге «Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин» напечатаны стихи «Я сам в себе уверен...».

В 1922 г. Н. В. Измайлов напечатал в «Пушкинском сборнике памяти профессора С. А. Венгерова» эпиграмму «Двум А⟨лександрам⟩ П⟨авловичам⟩», а в «Сборнике Пушкинского дома на 1923 год» — эпиграмму «Тошней идиллии и холодней, чем ода...».

В 1929 г. в «Красном архиве» (т. 31 и 32) появились три песни поэмы «Монах». В этом же году в «Известиях ЦИК» (29 нояб. № 279) М. А. Цявловским напечатаны отрывки «⟨Ноэля на лейб-гвардии Гусарский полк⟩».

В 1930 г. М. А. Цявловским в первом томе Полного собрания сочинений Пушкина (приложение к журналу «Красная нива») напечатаны «Куплеты на слова „Никак нельзя — ну так и быть..."».

В 1934 г. в т. 16—18 «Литературного наследства» Л. Б. Модзалевский опубликовал отрывки из поэмы «Тень Фон-Визина», а затем в 1936 г. напечатал ее полностью в первом выпуске «Временника Пушкинской комиссии АН СССР».

Наконец, в 1951 г. Б. В. Томашевский напечатал в «Литературном архиве» (т. 3) «⟨Надпись к дивану⟩» («Известно буди всем...»).

Эти стихотворения по мере появления в печати входили в собрания сочинений Пушкина, но в ряде изданий свод лицейских стихотворений заключал в себе стихотворения, такому включению не подлежавшие. К последним относятся, во-первых, ряд стихотворений не Пушкина, а во-вторых, стихотворения, написанные Пушкиным по выходе из Лицея. К первой группе кроме уже названных стихотворений «Пуншевая песня» и «Старица-пророчица» принадлежат две эпиграммы — «На профессора Черняка» («Могу тебя измерить разом...»), впервые напечатанная в «Русском инвалиде» (1857. 11 дек. № 267), и «Ах, тошно, тошно! помогите!..»,

вошедшие в Генн. 1869—71, Ефр. 1880, Ефр. 1882, Ефр. 1887 и Ефр. 1903—05 (в последнее издание вошло «по грубому недосмотру», о чем см. в восьмом его томе — с. 33—34),[6] а также «Молитва лейб-гусарских офицеров», впервые напечатанная в Герб. и вошедшая в Генн. 1869—71, Ефр. 1880, Ефр. 1882 (примечания), Ефр. 1903—05 (примечания), Мор. 1887, Мор. 1903—06 (примечания), Венг. и Брюс., и эпиграмма на Пучкову («Зачем об инвалидной доле...»), впервые напечатанная Я. К. Гротом в мартовской книжке «Русской старины» 1884 г. и вошедшая в Ефр. 1882, Ефр. 1903—05, Мор. 1887, Мор. 1903—06 и АН 1899.

Группу стихотворений Пушкина, неправильно включавшихся в число лицейских, кроме названных восьми («Именины», «Лиле», «К. А. Б***», «История стихотворца», «Добрый человек», «Как брань тебе не надоела?..», «Охотник до журнальной драки...», «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...»), составляют стихотворения «Добрый совет», «Торжество Вакха», «К портрету П. Я. Чаадаева», «К портрету П. Х. Молоствова», мадригал Е. П. Бакуниной «Напрасно воспевать мне ваши именины...» и «Tien et mien, — dit Lafontaine...».

II. Автографы и авторизованные копии

Произведения, написанные Пушкиным в Лицее, имели судьбу, отличную во многих отношениях от судьбы произведений позднейших лет. В то время как для последних мы кроме печатного текста имеем сравнительно большой фонд рукописей, дающих тексты в разных стадиях творческого процесса, начиная от первоначальных черновых набросков и кончая перебеленными текстами, весьма близкими к печатному тексту, из черновых рукописей лицейского периода сохранилась всего одна («К Делии»).[7] На основании пометы в автографе стихотворения «Любовь одна — веселье жизни хладной...» можно предполагать, что в Лицее у Пушкина было по крайней мере семь рабочих тетрадей, вероятно уничтоженных самим поэтом.

Автографов Пушкина лицейских годов в виде отдельных рукописей сохранилось сравнительно немного.[8]

У самого поэта сохранились лишь отрывок из «Бовы» и листки из лицейского дневника.

Пятьдесят три стиха из «Бовы» написаны на полулисте писчей бумаги. Лист этот, хранившийся среди рукописей поэта, после его смерти, пройдя просмотр Дубельта и получив жандармскую помету («24»), поступил в

---

[6] Вторая из эпиграмм вошла и в Брюс. (отдел «Dubia»).

[7] Испещренные поправками рукописи стихотворений «Мое завещание. Друзьям», «К молодой вдове», «Наслаждение», «Боже! царя храни!..» являются тем не менее не черновиками, а перебеленными текстами, подвергшимися переработке.

[8] За единичными исключениями, все автографы находятся ныне в Пушкинском Доме. Описание автографов дается далее в самом кратком виде. Подробное описание лицейских автографов, поступивших в Пушкинский Дом до 1937 г., см. в работе Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского: Рукоп. П. 1937 (автографы, поступившие после 1937 г., имеют лишь краткое описание (см.: Рукоп. П. 1964). — *Ред.*). Нами здесь описываются лишь автографы лицейских годов; позднейшие автографы произведений лицейского периода в описание не входят.

распоряжение опеки над малолетними детьми Пушкина, а затем к его вдове. П. В. Анненков, в 1850 г. получивший от Н. Н. Пушкиной рукописи поэта для приготовления к печати собрания его сочинений, лист с «Бовой» в числе многих рукописей Пушкина (на отдельных листках) оставил у себя. После смерти Анненкова (8 марта 1887 г.) рукописями владела его вдова, Глафира Александровна (1831—1899), передавшая бóльшую их часть Л. Н. Майкову.[9] После смерти Л. Н. Майкова (7 апреля 1900 г.) вдова его в 1904 г. передала рукописи Пушкина, и в их числе лист с «Бовой», в Библиотеку Академии наук, откуда они в 1931 г. поступили в Пушкинский Дом.

На одном из семи листков (в 4-ю д. л. синей бумаги) лицейского дневника имеются стихи «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...» и «Угрюмых тройка есть певцов...». Листки эти перешли к Анненкову тем же путем, что и лист с отрывком из «Бовы». В 1898 г. листки эти поступили в Румянцевский музей.

Первыми собирателями автографов Пушкина явились его товарищи по Лицею. Самые ранние из известных до сих пор лицейских автографов поэта оказались в архиве А. М. Горчакова (1798—1883).

В это собрание входят автографы следующих стихотворений: 1. «К Наталье» (тетрадка в 4-ю д. л. писчей бумаги, 4 л., 8 с.); 2. «Монах» (три тетрадки в 4-ю д. л. писчей бумаги, 6 л., 12 с. каждая; содержат по одной «песни»); 3. «К другу стихотворцу» (тетрадка в 8-ю д. л. писчей бумаги, 6 л., 12 с.); 4. «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...») (лист почтовой бумаги большого формата, 4 с.); 5. «Послание к Батюшкову» ⟨«К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...»)⟩ (тетрадка в 4-ю д. л. писчей бумаги, 4 л., 8 с.); 6. «Stances» («Avez-vous vu la tendre rose...») (лист пожелтевшей почтовой бумаги малого формата с желтой каймой; на такой же точно бумаге переписано Пушкиным стихотворение Дельвига «Триолет. Князю Горчакову» 30 августа 1814 г.); 7. «К Лицинию» (полулист писчей бумаги, согнутый пополам, 4 с.); 8. «К молодой вдове» (полулист писчей бумаги, согнутый пополам, 4 с.).

Все эти автографы после смерти А. М. Горчакова принадлежали его сыновьям, а затем и внуку и оставались недоступными для пушкинистов.[10] В первые годы революции часть архива Горчаковых с автографами Пушкина числилась за Архивным кабинетом Ленинградского университета, откуда в 1926 г. поступила в Ленинградский Центральный исторический архив, а затем в 1928 г. — в Древлехранилище Центрархива РСФСР.[11]

У другого товарища Пушкина, М. Л. Яковлева (1798—1868), были автографы следующих стихотворений: 1. «К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...») (полулист синей писчей бумаги, сложенный вдвое; от второго

---

[9] См.: АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 118; Т. 2. С. X.

[10] См.: *Щеголев П. Е.* Поэма А. С. Пушкина «Монах» // КА. 1928. Т. 6. (31). С. 163 (перепечатано: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 22); *Лернер Н. О.*: 1) Примечания // Венг. Т. 2. С. 538; 2) «Монах» А. С. Пушкина // Красная газ. Веч. вып. 1928. 22 нояб. № 322.

[11] См.: Цявловский. Новые пушкинские рукописи. С. 155. (В настоящее время архив Горчакова находится в ГАРФ (ф. 828), автографы Пушкина переданы в Пушкинский Дом. — *Ред.*).

листа отрезан кусок, вероятно, с текстом какого-то небольшого стихотворения); 2. «Мое завещание. Друзьям» (полулист синей писчей бумаги, сложенный вдвое); 3. «Посланье молодой актрисе» ⟨«К молодой актрисе»⟩ (полулист писчей бумаги, сложенный вдвое); 4. «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»); 5. «Слеза» (оба стихотворения написаны на четвертке синей писчей бумаги, сложенной вдвое); 6. «К Жуковскому» (лист синей писчей бумаги размером в лист, 4 с.); 7. «Наслаждение»; 8. «Окно» (оба стихотворения написаны на двух четвертках синей писчей бумаги); 9. «Боже! царя храни!..» (четвертка синей писчей бумаги); 10. «К молодой вдове» (четвертка синей писчей бумаги); 11. «Couplets» («Quand un poète en son extase...») (лист синей писчей бумаги размером в лист, 4 с.); 12. «Песня» ⟨«К Делии» («О Делия драгая!..»)⟩.[12]

Эти автографы после смерти М. Л. Яковлева перешли к Ф. Ф. Матюшкину (1799—1872). Последний подарил автограф стихотворения «Посланье молодой актрисе» племяннику лицеиста II курса кн. Д. А. Эристова кн. П. А. Путятину (1837—1919),[13] передавшему автограф Л. Н. Майкову, все собрание которого ныне находится в Пушкинском Доме.

Автографы остальных одиннадцати стихотворений Матюшкин незадолго до смерти подарил Я. К. Гроту (см.: Грот. Пушкин 1899. С. 299).

Автограф «Песни» Я. К. Грот 18 (30) апреля 1876 г. подарил Чешскому музею в Праге,[14] а автограф стихотворения «К Д⟨ельвигу⟩» 9 марта 1880 г. — Пушкинскому музею Александровского лицея,[15] откуда в 1917 г. в составе всего музея автограф перешел в Пушкинский Дом, где находятся и остальные девять стихотворений собрания Я. К. Грота.[16]

М. Л. Яковлеву принадлежала еще копия руки А. Д. Илличевского стихотворения «Усы. Философическая ода» с поправкой Пушкина (полулист серой писчей бумаги, сложенный вдвое). После смерти Яковлева этот список перешел к Матюшкину, который подарил его П. А. Путятину (ошибочно считавшему, что весь текст — автограф Пушкина).[17] От Путятина список перешел 10 ноября 1887 г. к редактору-издателю журнала «Русская старина» М. И. Семевскому (1837—1892). От вдовы последнего список вернулся в 1899 г. к Путятину, который в этом же году

---

[12] Автограф 1 описан: Аснаш, Яхонтов. С. 1—2. Автографы 2, 4—11 описаны Л. Н. Майковым (см.: Грот. Пушкин 1899. С. 300) и К. Я. Гротом (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 321—346); последним напечатаны полностью и тексты этих автографов. Автографы 1—11 описаны: Рукоп. П. 1937. № 1, 6, 7, 12а, 12б, 14, 15а, 15б, 16, 19 и 20. Об автографе 12 см. ниже.

[13] Как принадлежащий кн. П. А. Путятину автограф был экспонирован на Пушкинской выставке Академии наук 1899 г. (см.: Кат. выст. АН 1899. № 74).

[14] См.: Известия книжного магазина М. О. Вольф. 1899. № 6; Венг. Т. 1. С. 65.

[15] См.: Аснаш, Яхонтов. С. 1—2; Рукоп. П. 1937. С. 6. Л. Н. Майков (см.: АН 1899. Примеч. С. 157; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 102) неверно указал, что автограф поступил от В. В. Никольского.

[16] См.: Отчет ОРЯС за 1918 г. С. 23. Кроме перечисленных автографов М. Л. Яковлеву принадлежали сборник «Жертва Мому...», написанный Пушкиным, и листки «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого -и й ш и й» с автографами восьми стихотворений Пушкина. Описание их см.: наст. т., с. 473—474, 478—481.

[17] Как принадлежащий кн. П. А. Путятину список был экспонирован на Пушкинской выставке Академии наук 1899 г. (см.: Кат. выст. АН 1899. № 75).

передал его Л. Н. Майкову.[18] Ныне находится в Пушкинском Доме (см.: Рукоп. П. 1937. № 13).

И. И. Пущину (1798—1859) принадлежали автографы двух стихотворений: 1. «Козак» (лист белой тонкой бумаги размером в лист, 4 с.); 2. «Пущину» ⟨«К П⟨ущин⟩у (4 мая)» («Любезный именинник...»)⟩ (полулист синей писчей бумаги, сложенный вдвое).

Оба автографа в 1856 г. были подарены Пущиным сыну декабриста Е. И. Якушкину (1826—1905), после смерти которого они принадлежали его сыну, пушкинисту В. Е. Якушкину (1856—1912) (см.: АН 1899. Примеч. С. 82 и 148; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 83—84 и 185; Рукоп. П. 1937. № 2 и 9). После смерти последнего автографы в 1913 г. в составе архива В. Е. Якушкина поступили в Библиотеку Академии наук, откуда перешли в 1931 г. в Пушкинский Дом.

Вероятно, товарищу Пушкина по Лицею А. И. Мартынову (1801—1850) принадлежал автограф стихотворения «Ты хочешь ли узнать, моя драгая...» ⟨«Сравнение»⟩ (клочок белой писчей бумаги), перешедший к литератору Е. Я. Колбасину (1831—1885), а от него в 1867 г. — к редактору-издателю «Русской старины» М. И. Семевскому. После смерти дочери последнего А. М. Семевской (27 ноября 1921 г.) автограф поступил в 1923 г. в Пушкинский Дом (см.: Отчет АН за 1923 г. С. 111; Рукоп. П. 1937. № 18).

С. С. Фролову (1765—не ранее 1843), бывшему в 1814—1816 гг. надзирателем по учебной и нравственной части, а в 1816—1817 гг. инспектором Лицея, принадлежали авторизованные копии: 1. Поэма «Тень Фон-Визина» (три сшитых листа синей писчей бумаги, 12 с.; копия сделана неизвестным лицеистом[19] и выправлена Пушкиным — см.: Рукоп. П. 1937. № 10); 2. «Воспоминания в Царском Селе» (тетрадь, сшитая из четырех полулистов синей писчей бумаги, сложенных вдвое, 16 с.; копия сделана Матюшкиным и выправлена Пушкиным — см.: Рукоп. П. 1937. № 4); 3. «Пирующие студенты» (лист синей писчей бумаги размером в лист, 4 с.; копия сделана неизвестным лицеистом и подписана Пушкиным — см.: Рукоп. П. 1937. № 3).

Эти авторизованные копии затем вошли в состав рукописей, принадлежавших кн. Олегу Константиновичу Романову (1892—1914) и поступивших в 1915 г. в Пушкинский музей Александровского лицея, откуда они перешли в составе всего музея в 1917 г. в Пушкинский Дом.[20] От кого и когда получил рукописи О. К. Романов, неизвестно, но о том, что они принадлежали С. С. Фролову, свидетельствует тот факт, что среди них имеется коллективное письмо лицеистов 1817 г. к Фролову.

Автограф письма к кн. П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 г. с посланием «Блажен, кто в шуме городском...» (лист почтовой бумаги большого

---

[18] Майков также принимал список за автограф (см.: АН 1899. Примеч. С. 224; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 233).

[19] Возможно, им же переписаны «Гроб Анакреона» и «Безверие» в ЛТ (см.: наст. изд., с. 508, 510).

[20] В этом собрании имеется еще копия стихотворения «Воспоминания в Царском Селе», сделанная неизвестной рукой (с поправками другого неизвестного).

формата) после смерти П. А. Вяземского (10 нояб. 1878 г.) принадлежал сыну его Павлу Петровичу (1820—1888), а затем зятю последнего гр. С. Д. Шереметеву (1844—1918), архив которого в первые годы революции поступил в Древлехранилище Центрархива РСФСР (ныне находится в РГАЛИ. — *Ред.*).

Автограф стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» был, вероятно, преподнесен Г. Р. Державину Пушкиным после экзамена 8 января 1815 г. Автограф этот представляет собою тетрадь в 4-ю д. л. писчей бумаги, 4 л., 8 с.; он был обнаружен Я. К. Гротом в бумагах Державина (тетр. № 9) во время работы над собранием сочинений поэта. Автограф Я. К. Грот взял себе.[21] После его смерти рукопись принадлежала К. Я. Гроту, который передал ее 19 октября 1911 г. в Пушкинский музей Александровского лицея, откуда в составе всего музея она в 1917 г. перешла в Пушкинский Дом.[22]

Н. А. Маркевичу (Марковичу, 1804—1860), товарищу брата поэта по Благородному пансиону, принадлежал автограф стихотворения «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...») (полулист белой писчей бумаги).[23] После смерти Маркевича автографом владел его сын, сенатор Андрей Николаевич (1830—1907), подаривший (не ранее 1899 г.)[24] альбом с вклеенными в него автографами Пушкинскому музею Александровского лицея, откуда альбом в составе всего музея перешел в 1917 г. в Пушкинский Дом (см.: Рукоп. П. 1937. № 23).

Неизвестно, кому первоначально принадлежали два автографа: 1. «Воспоминания в Царском Селе» (два полулиста бледно-голубой бумаги верже с водяным знаком: «1813», сложенных вдвое, 8 с.). Автограф был вплетен в том писарских копий стихотворений Пушкина, сделанных по поручению Жуковского для посмертного издания. Том этот вошел в состав тех рукописей Пушкина, которые в 1880 г. были пожертвованы сыном поэта А. А. Пушкиным в Румянцевский музей, где и хранился под № 2395 (л. 729—732);[25] 2. «Пирующие студенты» и список стихотворений, намечавшихся Пушкиным для печатного сборника (два листа синей писчей бумаги размером в лист, 8 с.; с. 1—5 заняты стихотворением, с. 6 и 7 — чистые, на с. 8 — список). Вероятно, от кого-нибудь из потомков лицеистов

---

[21] В своей статье «Первенцы Лицея и его предания» Я. К. Грот писал: «В тетрадях знаменитого Екатерининского лирика между разными переплетенными вместе брошюрами сохранилось и это стихотворение, писанное рукою Пушкина и с полною его подписью. Вероятно, это тот самый список, по которому Пушкин читал вслух свое произведение» (Складчина. СПб., 1874. С. 364—365). Как принадлежащий Я. К. Гроту автограф был экспонирован на Пушкинской выставке 1880 г., устроенной Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (см.: Кат. выст. 1880. С. 52).

[22] См.: Новое время. Иллюстр. прил. 1912. 1 янв. № 12874. С. 9—10; Отчет ОРЯС за 1918 г. С. 23. Автограф описан Л. Н. Майковым (Грот. Пушкин 1899. С. 300), К. Я. Гротом (Грот. Пушк. лицей. С. 321), а также в издании: Рукоп. П. 1937. № 5.

[23] Возможно, что этот автограф — послелицейского периода.

[24] Как принадлежащий А. Н. Маркевичу автограф был экспонирован на Пушкинской выставке Академии наук 1899 г. (см.: Кат. выст. АН 1899. № 86 а).

[25] См.: Якушкин. № 12. С. 576. (В настоящее время местонахождение автографа неизвестно (см.: Рукоп. П. 1964. С. 86). — *Ред.*).

первого выпуска автограф перешел к инспектору Александровского лицея (1877—1882), автору ряда работ о Пушкине В. В. Никольскому (1836—1883). Последний в 1879—1880 гг. подарил автограф Пушкинскому музею Александровского лицея. В составе всего музея автограф поступил в 1917 г. в Пушкинский Дом.[26]

Кроме того, имеются сведения об автографах, теперь неизвестно где находящихся или утраченных.

М. Л. Яковлеву принадлежали автографы стихотворений «Сраженный рыцарь», «Stances» («Avez-vous vu la tendre rose...») и «Mon portrait». После смерти Яковлева этими автографами владел Матюшкин, подаривший их Е. Д. Куломзиной, рожд. Замятниной.[27]

Автограф стихотворения «Наездники» (полулист синей писчей бумаги, сложенный вдвое)[28] неизвестно от кого и когда поступил к владельцу книжного магазина и издателю журнала «Русский библиофил» Н. В. Соловьеву (1877—1915), в магазине которого автограф продавался в 1913 г.[29]

Автографы послания «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...») (лист почтовой бумаги) и «Надписи к портрету Каверина» ⟨«К портрету Каверина» («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...»)⟩ Пушкин подарил самому П. П. Каверину (1794—1855).[30] После смерти Каверина автографы хранились до 1918 г. в семейном архиве Кавериных.

В альбом Илличевского (1798—1837) Пушкин вписал стихотворение «Мой друг! неславный я поэт...» ⟨«В альбом Илличевскому»⟩. В. П. Гаевский у кого-то видел этот альбом (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 398). Он же видел альбом Е. А. Энгельгардта (1775—1862) с автографом стихотворения Пушкина «Товарищам» (см.: Совр. 1853. № 5. С. 3; Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 398).

Альбом М. А. Родзевич, рожд. бар. Дельвиг, сестры друга Пушкина, со стихотворением «Вам восемь лет, а мне семнадцать било...» ⟨«К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг»⟩ видел П. В. Анненков, который знал также и черновик этого стихотворения (см.: Анн. Т. 7. С. 12).

Автограф стихотворения «Заздравный кубок», имевшийся у Гаевского, упоминает П. П. Ефремов (см.: БЗ. 1861. Т. 3. № 9. Стб. 275).

---

[26] Об этом автографе см.: Ефр. 1880. Т. 2. С. 442. Как принадлежащий Музею автограф был экспонирован на Пушкинской выставке 1880 г., устроенной Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (см.: Кат. выст. 1880. С. 53. № 3; Аснаш, Яхонтов. С. 1 и 439—444, а также: Рукоп. П. 1937. № 17).

[27] См.: АН 1899. Примеч. С. 411, 412 и 415; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 54, 74 и 225. Как принадлежащие Е. Д. Куломзиной автографы стихотворений «Mon portrait» и «Сраженный рыцарь» были экспонированы на Пушкинской выставке Академии наук 1899 г. (см.: Кат. выст. АН 1899. № 72 и 73).

[28] См. описание автографа: *Лернер Н. О.* Новооткрытые рукописи Пушкина // РБ. 1913. Кн. 2. С. 9—10.

[29] См.: Антикварная книжная торговля Н. В. Соловьева. СПб., [1913]. Каталог № 122. Автографы и рукописи. С. 7. (В настоящее время находится в Пушкинском Доме — ПД 870; см.: Рукоп. П. 1964. С. 16. — *Ред.*).

[30] См.: Щербачев. С. 80, 153. Автографа «Надписи к портрету Каверина» уже не было в архиве, когда над ним работал Ю. Н. Щербачев (см.: Там же. С. 89).

Автограф стихотворения «Любовь одна — веселье жизни хладной...» видел у кого-то Л. Н. Майков.[31]

III. Ранние копии

Особенностью лицейских произведений является небольшой процент печатных текстов. В годы пребывания в Лицее Пушкин напечатал в трех журналах («Вестник Европы», «Российский музеум» и «Сын отечества») лишь двадцать четыре стихотворения. Такое соотношение между написанным и напечатанным не наблюдается ни за один из последующих периодов его творчества.

Но, оставаясь в своем большинстве ненапечатанными, произведения лицейского периода распространялись в рукописном виде — сначала в отдельных копиях, а затем в сборниках. Так, в лицейском архиве А. М. Горчакова имеются отдельные копии следующих одиннадцати стихотворений Пушкина: 1. «Красавице, которая нюхала табак» (без подписи; полулист голубоватой писчей бумаги верже с водяным знаком: «ГЕЯБ и ГФ⟨ОУ⟩ 18⟨..⟩», сложенный вдвое, 2 л.); 2. «Кольна» (подпись: «Александр Нкшп»; три сшитых тетрадью полулиста той же бумаги с водяными знаками: «1812» и всадник на льве, сложенных вдвое, 6 л.); 3. «Опытность»; 4. «К Наташе» (под каждым стихотворением подпись: «1—14—16»; оба стихотворения на полулисте той же бумаги, сложенном вдвое, 2 л.); 5. «Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало» (подпись: «—П—»; полулист той же бумаги, сложенный вдвое, 2 л.);[32] 6. «Блаженство» (подпись: «1... 14—16»; согнутый пополам полулист серовато-голубоватой бумаги верже (более толстой) с водяным знаком: всадник в медальоне под короной, 1 л.); 7. «Рассудок и любовь» (подпись: «Н. К. Ш. П.»; клочок (120 × 80 мм) белой тонкой бумаги верже, 1 л.); 8. «Козак» (подпись: «1—14—16»; полулист синей бумаги верже с водяными знаками: «ЗЕБ» и лошадь в медальоне, сложенный вдвое, 2 л.); 9. «Воспоминания в Царском Селе» (подпись: «А. Пушкин»; четыре сшитых тетрадью полулиста белой плотной бумаги верже с водяным знаком: «АО Pro patria», 8 л.); 10. «Фиал Анакреона» и 11. «Певец» (под каждым стихотворением подпись: «П»; оба стихотворения на сложенном вдвое полулисте белой плотной бумаги верже с водяным знаком «FAO», 2 л.).

Копия «Воспоминаний в Царском Селе» руки неизвестного лицеиста, все остальное — Горчакова, причем почерк копий «Фиал Анакреона» и «Певец» более установившийся, чем во всех остальных копиях (см.: Цявловский. Новые пушкинские рукописи. С. 155—156).

---

[31] См. примеч. к этому стих., с. 732—733.

[32] На этом полулисте списаны стихотворения: «Посуда. Баснь» (подпись: «Ц. С.» ⟨М. Л. Яковлев⟩); «К Ниобейной статуе» (подпись: «—И—» ⟨Илличевский⟩); «Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало» (подпись: «—П—» ⟨Пушкин⟩); эпиграмма «Я обокраден! я лишился...» (подпись: «—И—»); эпиграммы: 1. «Титир, убогий наш поэт...», 2. «Что телу без души существовать нельзя...», 3. «Чему дивиться тут, что летом и зимою...», 4. «Систему новую Ликандр изобретает...», 5. «Клит смеет утверждать в народе...», 6. «Скажите, отчего так Клит переменился...» (подпись: «ий-ий» ⟨Илличевский⟩). Все эти стихотворения были напечатаны в «Вестнике Европы» за 1814 г.

Остальные отдельные копии лицейских стихотворений Пушкина здесь не описываются, так как в подавляющем своем большинстве они неизвестного и притом позднейшего происхождения; они описаны в примечаниях.

IV. Рукописные лицейские сборники

Первоначально круг распространения в списках стихотворений Пушкина был невелик, ограничиваясь средой товарищей поэта по Лицею. Но скоро произведения молодого поэта стараниями его друзей вышли за пределы Лицея, распространившись сначала среди их родных и знакомых, а затем и дальше. Об этом свидетельствуют хотя бы письма А. Д. Илличевского к П. Н. Фуссу за 1812—1816 гг. (см.: Грот. Пушкин 1899. С. 55—69; Грот. Пушк. лицей. С. 33—65) и письма А. М. Горчакова к родным за 1815—1817 гг.[33]

Характерной особенностью распространения рукописных текстов лицейского периода является соединение этих произведений в сборники, в которые входили стихотворения не только Пушкина, но и других лицейских поэтов: А. А. Дельвига, В. К. Кюхельбекера, А. Д. Илличевского, М. Л. Яковлева. Составлению этих сборников предшествовала журнальная деятельность лицеистов. Лицейские журналы, эта типичная литература школьников, особенно в «закрытых» учебных заведениях, процветали в 1811—1815 гг. От этих «изданий» до нас дошли вообще жалкие остатки, а от лучших из них — «Неопытное перо» и «Юные пловцы», — одним из издателей которых был Пушкин, не сохранилось ни одного номера, и об их содержании мы можем судить лишь по скудным показаниям немногих лиц. Так, по свидетельству В. П. Гаевского (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 134), в «Неопытном пере» было помещено не дошедшее до нас стихотворение Пушкина «Роза». Весьма вероятно, что в номерах журналов имелись и другие стихотворения Пушкина.

Самым ранним из известных до сих пор сборников лицейской поэзии является сборник «Жертва Мому...», переписанный Пушкиным.

1. «Жертва Мому, или Лицейская антология»
(ЖМ; ПД 418)

Тетрадь в 8-ю д. л. писчей бумаги без водяных знаков, 8 л.; л. 1 об. и 8 — чистые. Содержит двадцать одно стихотворение.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. 1. Заглавие: «Жертва Мому, или Лицейская антология. 1814».

Л. 2. «Несчастие Клита»; «Надпись. На конную статую пушкаря В. фон Рекеблихера».

Л. 2 об. «Предназначение»; «Игра слов».

Л. 2 об.—3. «Певец».

[33] (См.: Из записной книжки архивиста: Лицейские письма Горчакова А. М. 1814—1818 гг. // КА. 1936. № 6 (79). С. 175—206. — *Ред.*).

Л. 3. «Опровержение».

Л. 3—3 об. «Жалкий человек».

Л. 3 об. «Вопрос».

Л. 4. «О Дон-Кишоте»; «Новый Аполлон»; «Англизирование».

Л. 4 об.—5. «На случай, когда Виля на бале растерял свои башмаки».

Л. 5 об. «Неправосудие»; «На перевод поэмы „La religion"».

Л. 6. «Виля Геркулесу, посвящая ему старые свои штаны»; «Марфорий своему Зоилу».

Л. 6—6 об. «На сочинение „Теласко"».

Л. 6 об. «Новость».

Л. 6 об.—7. «Хата поэта».

Л. 7. «На нового Лагарпа».

Л. 7—7 об. «Испытанье».

Весь сборник вошел как четвертый отдел в «Собрание лицейских стихотворений. Часть III» (см. ниже, с. 483). Здесь стихотворения озаглавлены: «Жертва Мому, или Лицейская антология. П.». Буква, конечно, инициал фамилии Пушкина, который, таким образом, является составителем «Жертвы Мому...». Почерк этого автографа очень близок почерку автографа «К другу стихотворцу». Смонтирована рукопись сборника так же, как автограф «К другу стихотворцу», — в виде тетради в 8-ю д. л. Другие рукописи Пушкина такого вида неизвестны. Все это позволяет датировать составление сборника первыми четырьмя месяцами 1814 г. Весьма вероятно, что если не все, то большинство входящих в сборник эпиграмм сочинено в 1813 г. Из них «Несчастие Клита» принадлежит Пушкину, а «Опровержение» — Илличевскому.[34]

Сборник «Жертва Мому...» принадлежал, вероятно, М. Л. Яковлеву, предоставившему его Гаевскому во время работы последнего над статьей «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения». Гаевский считал, что сборник «переписан» Пущиным (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 147). После Гаевского никто из редакторов Пушкина «Жертву Мому...» не видел, и сборник считался утраченным (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 141). Но в 1927 г. он от вдовы собирателя автографов В. И. Яковлева (1847—1916) поступил в Библиотеку Академии наук, где был обнаружен в 1931 г. Л. Б. Модзалевским, правильно признавшим, что «Жертва Мому...» написана рукой Пушкина.

Весь сборник напечатан Л. Б. Модзалевским (см.: Рукою П. С. 466—476).

2. Часть сборника стихотворений лицейских поэтов из архива А. М. Горчакова

(Гор; ПД, ф. 244, оп. 4, № 207)

Четырнадцать листов в 4-ю д. л. белой плотной бумаги верже с водяными знаками: «АО», «1812». Все листы вырваны из переплета.

---

[34] (Подробнее см.: Рукою П. С. 473—476 (то же: Рукою П. 1997. С. 445—447). — *Ред.*).

СОДЕРЖАНИЕ

Л. 1. 1. «Живописцу» ⟨«К живописцу»⟩ ⟨1815⟩ (подпись: «П»).
Л. 1 об.—3 об. 2. «Поляк. (Баллада)» (подпись: «Д»).
Л. 3 об.—4 об. 3. «Домовой» (подпись: «Илличевский»).
Л. 4 об.—5 об. 4. «Воспоминания. (К Пущину)» ⟨«Воспоминание. (К Пущину)»⟩ ⟨1815⟩ (подпись: «П»).
Л. 5 об.—6. 5. «Тихая жизнь» (подпись: «Д»).
Л. 6. 6. «Того уж — нет» (подпись: «—Д—»).
Л. 6 об.—7. 7. «Окно» ⟨1816⟩ (подпись: «—П—»).
Л. 7—7 об. 8. «Слеза» ⟨1815⟩ (подпись: «—П—»).
Л. 8—10. 9. «Пирующие студенты» ⟨1814⟩ (подпись: «—П—»).
Л. 10 об. 10. «Погреб» ⟨1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 11—11 об. 11. «Гостеприимство» (подпись: «И»).
Л. 12—12 об. 12. «Заздравный кубок» ⟨1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 13. 13. «Роза» ⟨1814—1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 13 об. 14. «Певец» ⟨1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 14. 15. «Застольная песня» («Други, пусть года несутся...») (подпись: «—Д—»).
Л. 14 об. 16. «Фиал Анакреона» ⟨1816⟩.[35] Сохранились лишь первые восемнадцать стихов.

Тексты всех листков написаны рукой Горчакова. Все стихотворения вошли и во второй сборник из архива И. В. Помяловского (см. ниже, с. 476—478). Подписи под стихотворениями в обоих сборниках также одинаковы, тексты очень близки, но порядок стихотворений совершенно разный. О времени составления сборника из архива Горчакова можно сказать лишь, что составлен он не ранее 1816 г., так как содержит стихотворения этого года.

3. Первый сборник из архива И. В. Помяловского

(Пом$_1$; ПД, ф. 244, оп. 8, № 98; хранился в РНБ)

Тетрадь без переплета, размером в лист, разных сортов бумаги с водяными знаками: «1789», «1812», «1817», «1821», «1822»; 110 л. Заглавия нет.

СОДЕРЖАНИЕ л. 6—27 (водяной знак: «1812»)

Л. 6—8. «Поляк. (Баллада)» (подпись: «Д»).
Л. 8—9 об. «Козак. (Баллада)» ⟨1814⟩ (подпись: «П.....»).
Л. 10. «Старик» (подпись: «Д.....»).
Л. 10 об. «Слеза» ⟨1815⟩ (подпись: «П.....»).
Л. 11—11 об. «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...») ⟨1815⟩ (подпись: «П.....»).
Л. 11 об.—12. «Рассудок и Любовь» ⟨1814⟩ (подпись: «П.....»).

[35] См.: Цявловский. Новые пушкинские рукописи. С. 155—156.

Л. 12—12 об. «Того уж нет» (подпись: «Д.....»).
Л. 12 об.—13. «Окно» ⟨1816⟩ (подпись: «П.....»).
Л. 13—14. «Домовой» (подпись: «И.....»).
Л. 14—15. «Усы. (Философическая ода)» ⟨1816⟩ (подпись: «П.....»).
Л. 15—15 об. «Роза» (подпись: «И.....»).
Л. 16. «К больному Г***» (подпись: «Д.....»).
Л. 16—16 об. «Наслаждение» ⟨1816⟩ (подпись: «П.....»).
Л. 16 об.—17 об. «Дафна» (подпись: «Д...»).
Л. 17 об.—18. «Тленность» (подпись: «Д...»).
Л. 18—18 об. «Стансы. (Послание к Т.....ву)» (подпись: «Д...»).
Л. 19—19 об. «Опытность» ⟨1814⟩ (подпись: «П...»).
Л. 19 об. «Тихая жизнь» (подпись: «Д...»).
Л. 20—20 об. «Гостеприимство» (подпись: «И....»).
Л. 20 об.—21. «К Диону» (подпись: «Д....»).
Л. 21—21 об. «Погреб» ⟨1816⟩ (подпись: «П...»).
Л. 21 об.—22. «Корона и посошок» (подпись: «И...»).
Л. 22—22 об. «На выступление гвардии 1821 года» (подпись: «И.....й»).
Л. 22 об. «Эпиграмма» («Пусть остряков союзных тупость...») ⟨П. А. Вяземский⟩.
Л. 22 об.—24. «Бедняку» («Парфен! напрасно ты вздыхаешь...») (подпись: «⟨И. М.⟩ Долгорукий»).
Л. 24 об.—27 об. «Дом сумасшедших» ⟨А. Ф. Воейков⟩.

Таким образом, в этом сборнике мы имеем девять стихотворений Пушкина, столько же — Дельвига и четыре — Илличевского.

Судя по тому, что л. 22—27 исписаны тем же неизвестным почерком и теми же чернилами, что и предыдущие шестнадцать листов, можно думать, что сборник возник не ранее 1821 г. Но несомненно, что первые шестнадцать листов представляют собою копию сборника, составленного не позднее 1816 г., так как в нем нет стихотворений, написанных позднее этого года.

4. Второй сборник из архива И. В. Помяловского

(Пом$_2$; ПД, ф. 244, оп. 8, № 99; хранился в РНБ)

Записная книжка в красном сафьяновом переплете в 8-ю д. л. белой бумаги верже с водяным знаком: «1818», 57 л. Заглавный лист (с более поздней надписью): «Стихи воспитанников I-го лицейского курса: бар. Дельвига, Илличевского и Пушкина в 20-х гг.».

СОДЕРЖАНИЕ

Л. 2—4 об. «Поляк. (Баллада)» (подпись: «Д...ъ»).
Л. 5—6 об. «Козак. (Баллада)» ⟨1814⟩ (подпись: «П»).
Л. 6 об.—7. «Старик» (подпись: «Д»).
Л. 7 об. «Слеза» ⟨1815⟩ (подпись: «П»).
Л. 8. «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку!..») ⟨1815⟩ (подпись: «П»).

Л. 8—8 об. «Рассудок и Любовь» ⟨1814⟩ (подпись: «П»).
Л. 9. «Того уж нет» (подпись: «Д»).
Л. 9—10. «Окно» ⟨1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 10—10 об. «Наташе» ⟨«К Наташе»⟩ ⟨1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 11—12. «Домовой» (подпись: «И»).
Л. 12—13. «Усы. (Философическая ода)» ⟨1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 13—14. «Роза» (подпись: «И»).
Л. 14—14 об. «К больному Г.» (подпись: «Д»).
Л. 14 об.—15. «Наслаждение» ⟨1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 15—16. «Дафна» (подпись: «Д»).
Л. 16—16 об. «Тленность» (подпись: «Д»).
Л. 17—17 об. «Стансы. (Послание к Т....ву)» (подпись: «Д»).
Л. 17 об.—18. «Опытность» ⟨1814⟩ (подпись: «П»).
Л. 18—18 об. «Тихая жизнь» (подпись: «Д»).
Л. 18 об.—19. «Гостеприимство» (подпись: «И»).
Л. 19—20. «К Диону» (подпись: «Д»).
Л. 20. «Погреб» ⟨1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 20 об. «Корона и посошок» (подпись: «И»).
Л. 21. «К Лилете» (подпись: «Д»).
Л. 21—21 об. «К живописцу» ⟨1815⟩ (подпись: «П»).
Л. 21 об.—22. «К Темире» (подпись: «Д»).
Л. 22 об. «К Маше» ⟨1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 22 об.—23. «Хата» (подпись: «Д»).
Л. 23—23 об. «Вода и вино» ⟨1814—1815⟩ (подпись: «П»).
Л. 23 об.—24. «К А. С. Пушкину» (подпись: «Д»).
Л. 24 об.—25. «Воспоминание. К И. И. Пущину» ⟨1815⟩ (подпись: «П»).
Л. 25—25 об. «Лилея» (подпись: «Д»).
Л. 25 об.—26. «Батюшкову. (Стансы)» («В пещерах Геликона...») ⟨1815⟩.
Л. 26—28. «Мечтатель» ⟨1815⟩ (подпись: «П»).
Л. 28—28 об. «Застольная песнь» («Други, пусть года несутся...») (подпись: «Д»).
Л. 28 об. «Роза» ⟨1814—1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 29. «Заздравный кубок» ⟨1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 29 об. «Певец» ⟨1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 29 об.—30. «Истина» ⟨1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 30—30 об. «Фиал Анакреона» ⟨1816⟩ (подпись: «П»).
Л. 30 об.—31. «Близость любовников» (подпись: «Д»).
Л. 31—31 об. «Каприз» (подпись: «И»).
Л. 31 об.—32. «Веселость и Рассудок» (подпись: «И»).
Л. 32—33. «Стансы» («Ты мне велишь пылать душою...») ⟨1817⟩ (подпись: «П»).
Л. 33—35. «Пирующие студенты» ⟨1814⟩ (подпись: «П»).
Л. 35 об.—38. «К Ч...ву» ⟨«Ч⟨аадае⟩ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»)⟩ (подпись и дата: «Ал. Пушкин. Кишенев. 20 апр. 1821»).

Л. 38—41 об. «Хлоя и мотылек. (Подраж⟨ание⟩ Борду)» (подпись и дата: «Томск. А. Илличевский. 1821»).

Л. 41 об.—42. «Надгробие К. И. Веселовой» (подпись и дата: «Томск. Ноя⟨б⟩. 1821. А. Илличевский»).[36]

Л. 42—43. «Песня старого гусара» (подпись: «Д. В. Давыдов»).

Л. 43. «Послание Бурцову» ⟨Д. В. Давыдов⟩.

Все лицейские стихотворения написаны одной неизвестной рукой.

В сборнике двадцать три стихотворения Пушкина, шестнадцать — Дельвига и шесть — Илличевского. Год бумаги (1818) свидетельствует, что книжка — послелицейских годов. То обстоятельство, что в нее А. Д. Илличевским вписаны два его стихотворения, позволяет высказать предположение, не принадлежал ли этот сборник кому-нибудь из приятелей Илличевского, который снял копию сборника, бывшего у Илличевского. Владельцем книжки мог быть П. Н. Фусс, которому Илличевский еще в 1812—1816 гг. посылал стихотворения лицейских поэтов.

Состав и порядок лицейских стихотворений на первых двадцати листах $Пом_2$ тот же, что и на л. 6—27 $Пом_1$ (исключение — стихотворение «Наташе», которого нет в $Пом_1$). Тексты стихотворений обоих сборников также близки друг к другу. Если допустить, что «Наташе» в $Пом_1$ пропущено случайно, то можно предполагать, что оба сборника восходят к одному оригиналу, причем в $Пом_1$ списана одна часть этого оригинала (возможно, одна тетрадь), а в $Пом_2$ списана и эта часть, и вторая. На, так сказать, исконное лицейское происхождение $Пом_1$ и $Пом_2$ указывает уже отмеченная близость $Пом_2$ со сборником Гор (см. выше, с. 474—475). Наличие в $Пом_2$ «Стансов» («Ты мне велишь пылать душою...») заставляет датировать сборник, послуживший оригиналом для $Пом_2$, 1817 г.

5. «Лицейская антология, собранная трудами пресловутого -и й ш и й»

(ЛА; ПД 419, ПД 1758, ПД, ф. 244, оп. 25, № 379)

Как уже сказано, листки этого сборника первоначально принадлежали М. Л. Яковлеву. После его смерти они поступили к Ф. Ф. Матюшкину, а от него к Я. К. Гроту. Последний 3 февраля 1884 г. подарил один листок П. Н. Тиханову (1839—1905) (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 341). В настоящее время в Пушкинском Доме имеется всего только три (ныне — четыре. — *Ред.*) листка в 8-ю д. л. синей выцветшей бумаги. Первый листок — заглавный. На нем рукой Илличевского написано: «Лицейская антология, собранная трудами пресловутого -и й ш и й» (эпиграф: «Genus irritabile vatum»).[37]

Первый листок с текстом ⟨ПД 419⟩ заключает в себе шесть перенумерованных стихотворений без подписи, из которых четыре первых принадлежат Пушкину, а два последних — Илличевскому:

---

[36] Это и предыдущее стихотворение написаны рукой А. Д. Илличевского.

[37] «Раздражительно племя поэтов» (*лат.*) — вторая половина стиха Горация (Послания, II, 2, 102). Факсимильное воспроизведение этой страницы см.: Грот. Пушк. лицей. С. 142.

№ 75. «На Пучкову» («Пучкова, право, не смешна...»); № 76. «На нее же» («Зачем кричишь ты, что ты дева...»); № 77. «„Скажи, что нового". — „Ни слова"...»; № 78. «Больны вы, дядюшка? Нет мочи...»; № 79. «Куда спесив учтивый Брут...»; № 80. «На музыканта» («Ай мастер! ты еще лихого...»).

О втором листке в Пушкинском Доме среди бумаг Я. К. Грота имеется такая его запись: «Листок из бумаг I-го выпуска лицеистов, переданных мне Матюшкиным. Это листок синей бумаги, принадлежавший, очевидно, к Лицейской антологии, которую составлял Илличевский. Подлинный подарен мною П. Н. Тиханову. 3-го февр. 1884.

Рукою Пушкина на нем написаны:

86. „Твой и мой" (Соч⟨инения⟩ Пушк⟨ина⟩, изд⟨анные⟩ Глаз⟨уновым⟩, I, 167) (совершенно сходно с печатным текстом).

87. „Экспромпт на А." (на Огареву, по свид⟨етельству⟩ Матюшкина) (напечат⟨ано⟩ там же и также сходно с оригиналом).

88. „Еще на Пучкову"»[38] («Зачем об инвалидной доле...»). Списан весь текст.

Далее списан текст «Надписи на мой портрет» («Не бойся, Глазунов, ты моего портрета...») А. А. Дельвига (№ 89), к которой сделано примечание: «Не напечатано. В подлиннике писано рукой одного из лицеистов (Матюшкина)».

Можно сильно сомневаться в правильности указания Я. К. Грота, что эпиграмма Илличевского «Зачем об инвалидной доле...» написана рукой Пушкина. Я. К. Грот не отличал почерка Пушкина от почерка Илличевского, считая, например, что эпиграмма № 108 (на л. 3) «Вот Виля — он любовью дышет...» написана рукою Илличевского, тогда как на самом деле она написана рукою Пушкина.[39]

---

[38] Не напечатано, но на с. 168 того же тома есть другое четверостишие: «На Пучкову (девицу-писательницу)». (*Примеч. Я. К. Грота*).

[39] (В настоящее время этот «второй листок» из «Лицейской антологии...» известен (ПД 1758). Он был обнаружен Р. Е. Теребениной в архиве П. Н. Тиханова в РНБ и опубликован с воспроизведением автографов Пушкина (см.: *Теребенина Р. Е.* Автографы двух лицейских стихотворений Пушкина // Врем. ПК 1974. С. 5—19). Как и предполагал М. А. Цявловский, Пушкиным записано здесь только два стихотворения: «Твой и мой» (№ 86) и «Экспромт на А⟨гареву⟩» (№ 87). На обороте листка — № 88 и 89: эпиграмма Илличевского «Еще ⟨на⟩ Пучкову» («Зачем об инвалидной доле...») (автограф) и «Надпись на мой портрет» А. А. Дельвига (автограф; указание на почерк Ф. Ф. Матюшкина неверно). Еще один листок из «Лицейской антологии...» (ПД, ф. 244, оп. 25, № 379) с четверостишием Дельвига «Вакх» и эпиграммой Илличевского «На двух бранящихся» без заглавия и последней строки (по-видимому, № 6 и 8; в рукописи обрезаны) поступил в Пушкинский Дом в 1963 г. из архива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в составе коллекции кн. П. А. Путятина (см.: *Теребенина Р. Е.* Поступления в Лицейское собрание Пушкинского фонда: (Листок из «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого -и й ш и й», новые автографы А. А. Дельвига) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Т. 31. № 2. С. 176—181). Эти находки позволили обосновать предположение, что стихи в антологию вписывали по своему выбору сами авторы. Исходя из этого следует признать непушкинской включавшуюся (безусловно или предположительно) в собрания сочинений Пушкина эпиграмму «Завещание ⟨Кюхельбекера⟩» («Друзья, простите! Завещаю...»), записанную под № 110 рукою Илличевского (Врем. ПК 1974. С. 15). — *Ред.*).

Третий листок с текстом ⟨ПД 419⟩ содержит пять неподписанных стихотворений:

№ 107. «Надпись к[40] беседке» ⟨Пушкин⟩.

№ 108. «Вот Виля — он любовью дышет...» ⟨Пушкин⟩.

№ 109. «Ты знаешь этого урода...» ⟨Илличевский⟩.

№ 110. «Завещание» («Друзья, простите! Завещаю...») ⟨Илличевский⟩.

№ 111. «Другое завещание» («Эссенцью чувств моих пусть примет Ушакова...») ⟨Илличевский⟩.

№ 75—78 и 107—108 — автографы Пушкина.

Когда листки антологии принадлежали еще М. Л. Яковлеву, ими пользовался Гаевский, работая над статьей «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения». Из чернового текста статьи (ПД, ф. 244, оп. 17, № 54) видно, что Гаевский имел в своем распоряжении большее количество листков, чем то, которое поступило от Матюшкина к Я. К. Гроту. Так, Гаевский, говоря неопределенно о «нескольких» листках, считал, что на них имеется четырнадцать стихотворений Пушкина, из которых он привел, не указав их порядковых номеров, следующие: «Пучкова, право, не смешна...» ⟨№ 75⟩, «Зачем кричишь ты, что ты дева...» ⟨№ 76⟩, «Зачем об инвалидной доле...» ⟨№ 88⟩, «Тучкову за восемь томов его стихов», «Больны вы, дядюшка? Нет мочи...» ⟨№ 78⟩, «Куда спесив учтивый Брут...» ⟨№ 79⟩, «На музыканта» («Ай мастер! ты еще лихого...») ⟨№ 80⟩ и «Завещание» («Друзья, простите! Завещаю...») ⟨№ 110⟩. Кроме этого, на полях у того места, где говорится об эпиграммах на Пучкову, записано: «О коих знал лишь Бог да г. Фролов». Это последний стих «Эпитафии автору „Модной жены"» («Под камнем сим лежит Тучков...»),[41] которую Гаевский, очевидно, считал тоже принадлежащей Пушкину.

Кроме этих эпиграмм Гаевский называет еще четыре: «„Скажи, что нового". — „Ни слова"...» ⟨№ 77⟩, «Твой и мой» ⟨№ 86⟩, «Экспромт на А⟨гареву⟩» ⟨№ 87⟩ и «Надпись к беседке» ⟨№ 107⟩ (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 143), — ко времени написания его статьи уже напечатанные.

В другом месте статьи Гаевский писал, что «в лицейских бумагах» им найдена эпиграмма Пушкина «Вот Виля — он любовью дышет...» ⟨№ 108⟩ (Там же. С. 148). «Лицейскими бумагами» здесь Гаевский назвал, очевидно, все те же листки антологии. Таким образом, нам известны теперь все четырнадцать эпиграмм, которые Гаевский считал пушкинскими.

Перечислив пушкинские эпиграммы, Гаевский писал: «В том же сборнике находятся два стихотворения Дельвига, им же переписанные: четверостишие „Вакх", напечатанное в обоих изданиях его стихотворений, и неизданная подпись к своему портрету» (Там же. С. 144). Имелась в виду эпиграмма «Надпись на мой портрет» («Не бойся, Глазунов, ты моего портрета...») ⟨№ 89⟩.

Наконец, еще в одном месте статьи Гаевский привел эпиграмму Илличевского «Ты выбрал к басенкам заглавие простое...», не указав

---

[40] «к» переделано из «в».

[41] Текст эпиграммы см.: Измайлов. С. 73.

источника (см.: Там же. С. 142). Эта эпиграмма имеется в «Собрании лицейских стихотворений» (СЛС; см. ниже, с. 484) (⟨№ 43⟩) и, вероятно, имелась и в листках антологии, теперь утраченных. Кроме нее на этих листках имелись названные выше эпиграммы: «Тучкову за восемь томов его стихов», «Эпитафия автору „Модной жены"» — и стихотворение Дельвига «Вакх». Все эти стихотворения входят в СЛС под № 54, 53 и 6. Под какими номерами они стояли на листках антологии, остается неизвестным (о стихотворении «Вакх» см. выше. — *Ред.*), но более чем вероятно, что всего листков у Гаевского было шесть или семь.

Сравнение содержания листков антологии с СЛС подтверждает предположение Гаевского, что антология содержала сто одиннадцать стихотворений; о составителе ее Гаевский писал: «Под псевдонимом *ийший* скрывался тот же Илличевский, напечатавший в „Вестнике Европы" 1814 г. эпиграмму с этою подписью» (Там же. С. 143).[42]

В составлении антологии принимали участие Пушкин и Дельвиг, записавшие на ее листках свои произведения. Составлена антология в середине декабря 1816 г. Время это определяется, с одной стороны, эпиграммой Пушкина на Пучкову «Зачем кричишь ты, что ты дева...», вошедшей в антологию и написанной в последних числах ноября—начале декабря 1816 г., с другой — сравнением содержания листков антологии с СЛС.

6. «Собрание лицейских стихотворений»

(СЛС; ПД, ф. 244, оп. 8, № 37)

Тетрадь в зеленом переплете с золотым тиснением в 8-ю д. л. (140 × 210 мм) плотной белой александрийской бумаги, 78 л., 156 с. Из 156 с. перенумерованы 136 с. с текстом стихотворений. Тетрадь несомненно лицейского происхождения. В 1918 г. она поступила в Пушкинский Дом от студента Петроградского университета Гингера, который «приобрел ее случайно; прошлая история сборника остается нам совершенно неизвестной» (см.: Измайлов. С. 35). Текст сборника писан тем же писарским почерком, что и Тетрадь Никитенко.

Судя по тому, что в сборник вошла «Надпись на стенах больницы» ⟨«Надпись на стене больницы» («Вот здесь лежит больной студент...»)⟩ Пушкина, сочиненная, несомненно, в первых числах июня 1817 г. (см.: наст. т., с. 765), сборник составлен не ранее этого времени, и более чем вероятно — в первые месяцы по окончании Лицея воспитанниками первого выпуска. Переплетена тетрадь, судя по орнаменту переплета, надо полагать, в 1830-х гг. Когда тетрадь переплеталась, был сделан заглавный лист, по почерку и бумаге явно более поздний, чем вся тетрадь.[43] На этом листе написано: «Собрание лицейских стихотворений. Часть III. Нацио-

[42] В № 22 «Вестника Европы» за 1814 г. напечатано шесть эпиграмм Илличевского с подписью: «-и й ш и й-».

[43] Переплет и заглавный лист и ввели в заблуждение Н. В. Измайлова, ошибочно утверждавшего, что тетрадь относится «к концу 1820-х, даже к началу 1830-х годов» (Измайлов. С. 37).

нальные пиесы». На л. 3—6 об. имеется оглавление всей тетради, содержание которой разделено на пять отделов: «I. Национальные песни. II. Лицейский мудрец. III. Стихотворение К. и пародия Д. IV. Жертва Мому. П. V. Лицейская антология».

В первом отделе пятнадцать «песен». Об этом специфически лицейском поэтическом жанре и об участии Пушкина в сочинении «песен» см. в примечании к стихотворению «Гауншильд и Энгельгард...» (наст. т., с. 785).

Второй отдел представляет собой собрание стихотворений, помещенных в номерах журнала «Лицейский мудрец» за 1814—1815 гг. Отдел этот разделен на две части.

В первой (не имеющей заглавия) помещено двадцать четыре стихотворения сатирического содержания: четырнадцать стихотворений из «Лицейского мудреца» за 1814 г.[44] и десять — из «Лицейского мудреца» за 1815 г. (из № 1 — два, из № 2 — четыре, из № 3 — три и из № 4 — одно).[45]

Вторая часть отдела имеет заглавие «Эпиграммы» и заключает в себе двадцать восемь стихотворений. Первые пятнадцать взяты из «Лицейского мудреца» за 1814 г.,[46] остальные тринадцать — из четырех номеров «Лицейского мудреца» за 1815 г. (из № 1 — четыре, из № 2 — четыре, из № 3 — одно, из № 4 — четыре).[47]

«Лицейский мудрец», издававшийся Данзасом, Корсаковым, Мартыновым и Ржевским, был юмористическим журналом и, по словам Корфа, «самым площадным» из всех лицейских журналов. Действительно, произведения, помещенные в этом журнале, очень примитивны и грубы. Они дают богатый материал для характеристики лицейского быта, но в поэтическом отношении, за небольшими исключениями, очень невысокого качества. Среди двадцати четырех указанных стихотворений, вероятно, нет ни одного принадлежащего Пушкину.

---

[44] Номера «Лицейского мудреца» за этот год не сохранились. Но сохранился сборник стихотворений, помещенных в журнале, под заглавием: «Мудрец-поэт, или Лицейская антология». Сборник состоит из двух тетрадей; первая из них включала, по-видимому, как раз стихи из не дошедших до нас номеров за 1814 г. Описана и опубликована К. Я. Гротом (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 307—319). В СЛС эти стихотворения помещены в таком порядке: «Вопросы и ответы» (семь стихотворений), «Паясы», «Молитва ослов», «Арист и Глупон», «На рождение носа носов», «На именины С. Г. Чирикова», «Бедный Дельвиг» и «Рондо».

[45] Сохранились первые четыре номера (больше, очевидно, и не выходило) «Лицейского мудреца» за 1815 г., описанные и полностью опубликованные К. Я. Гротом (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 257—307). Стихотворная часть номеров составила содержание второй тетради «Мудреца-поэта...». В СЛС стихотворения из «Лицейского мудреца» за 1815 г. помещены в таком порядке: «К заключенному другу-поэту», «Эпитафия. Акростих», «К друзьям», «Зима», «Мудрец», «Ослы. Басня», «На смерть Ситникова», «Протекторы и мудрец», «День Мудреца» и «Созоновиада».

[46] По сборнику «Мудрец-поэт...» они напечатаны К. Я. Гротом (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 308—310). В СЛС они помещены в том же порядке, что и в «Мудреце-поэте...».

[47] Эти эпиграммы по номерам «Лицейского мудреца» за 1815 г. напечатаны К. Я. Гротом (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 261—262, 274—275, 284, 298—299). Имеются эти эпиграммы и во второй части сборника «Мудрец-поэт...».

В третьем отделе сборника помещено стихотворение профессора Лицея Н. Ф. Кошанского «На смерть графини Ожаровской» и пародия Дельвига на это стихотворение «На смерть кучера Агафона».[48]

Четвертый отдел заключает в себе полностью сборник Пушкина «Жертва Мому, или Лицейская антология» (см. о нем выше, с. 473—474).

В пятый отдел входит «Лицейская антология, собранная -и й ш и й», т. е. сборник, составленный Илличевским (см. о нем выше, с. 478—481). Здесь эта антология заключает в себе сто тринадцать перенумерованных стихотворений.

Даем список этих стихотворений, указывая в скобках страницы «Сборника Пушкинского дома на 1923 г.», где некоторые стихотворения напечатаны Н. В. Измайловым:

Л. 60. 1. «Арист нам обещал трагедию такую...» ⟨«⟨Эпиграмма⟩»⟩ ⟨Пушкин⟩; 2. «Супругою твоей я так пленился...» ⟨«Эпиграмма. (Подражание французскому)»⟩ ⟨Пушкин⟩; 3. «На Рыбушкина» («Бывало, прежних лет герой...») ⟨Пушкин⟩.

Л. 60 об. 4. «Поссорившемуся» («Поэт надутый Клит...» (с. 62); 5. «Эпитафия» ⟨«Моя эпитафия» («Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою...»)⟩ ⟨Пушкин⟩; 6. «Вакх» («Прощай, Венера! Бог с тобою...») ⟨Дельвиг⟩.

Л. 61. 7. «Скажи мне, болен ты иль в мысли углубился?..» (с. 62); 8. «На двух бранящихся» («Какие ж, брат, ты уши-то имеешь...») ⟨Илличевский⟩.

Л. 61—61 об. 9. «Браво! брависсимо! ну, братцы, исполать!..» (с. 65).

Л. 61 об. 10. «Ах, драму видеть я несчастие имел...»; 11. «...без ума, без правил...»; 12. «Рекрутский видел я набор...»; 13. «Что Дионис-тиран играл ужасно...».

Л. 62. 14. «Как черный человек на сцене умирал...»; 15. «Кто черный человек? Ты видишь: Абаза...»; 16. «Убиться Абаза хотел...»; 17. «Угрюмых тройка есть певцов...» ⟨Пушкин⟩.

Л. 62 об. 18. «Поверь, тебя измерить разом...» ⟨Илличевский⟩; 19. «На разбор „Россиады"» (с. 71); 20. «На комедию без начала и конца» (с. 68); 21. «На случай вторичного вступления К.» (с. 64).

Л. 63. 22. «Эпитафия» («Вдруг, развязав глаза, пустила...») ⟨Илличевский⟩ (с. 67);[49] 23. «Как? орден получил Фадей?..»; 24. «Двум А⟨лександрам⟩ П⟨авловичам⟩» («-ов и Зернов лихой...») ⟨Пушкин?⟩ (с. 75).

Л. 63 об. 25. ⟨На гр. А. К. Разумовского⟩ («Ах! Боже мой, какую...») ⟨Пушкин⟩; 26. «Марушкин, борзый стихотвор...»; 27. «Кантемир князьям Ш.» («Я взял весь ум князей и авторам князьям...») (с. 72).

Л. 63 об.—64. 28. «На Баб⟨оловский⟩ дворец» ⟨Пушкин⟩.

---

[48] См.: наст. т., с. 666.

[49] Стихотворение это под заглавием «Моя эпитафия» и с подписью «Илличевский» вошло в Тетрадь Никитенко и напечатано М. О. Гершензоном (см.: РП. С. 87).

Л. 64—64 об. «Надписи на стенах больницы»:
Л. 64. 29. «Сих мрачных стен угрюмый житель...» (с. 66);
Л. 64. 30. «Вот здесь лежит больной студент...» ⟨Пушкин⟩.
«Эпитафии усам гусара Свечина»:
Л. 64. 31. «Прохожий! прочного на свете нет добра...» (с. 66);
Л. 64—64 об. 32. «Прохожий! стой, внимай...» (с. 66).

Л. 64 об. 33. «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия...» ⟨Пушкин⟩; 34. «Ах! Боже мой, каких чудес...» (с. 68); 35. («Покойник Клит в раю не будет...»)⟨«Эпиграмма на смерть стихотворца»⟩ ⟨Пушкин⟩.

Л. 64 об.—65. 36. «Что значит — капля в целом море...» (с. 65).

Л. 65. 37. «Стихи ты Дюсерсо назло врагов своих...» (с. 64); 38. «Заутра с свечкой грошевою...» ⟨Пушкин⟩.

Л. 65 об. 39. «Скажу без всякой я причуды...»; 40. «Так, братцы, так...» (с. 64); 41. «С каким искусством наш пиит...» (с. 68); 42. «Один билет — и лотерею...».

Л. 66. 43. «Ты выбрал к басенкам заглавие простое...» ⟨Илличевский⟩; 44. «Куда ты неудал, мой граф...» (с. 71); 45. «Мишук не устает смешить...» (с. 64); 46. «Мишук твердит, что я толкую о пустом...».

Л. 66—66 об. 47. «Беда моя, беда! я точно, как Ефрем...» ⟨Илличевский⟩.

Л. 66 об. 48. «Как правильны у вас фигуры...» ⟨Илличевский⟩; 49. «Вы лица славно написали...» ⟨Илличевский⟩; 50. «Калина! я тебя нарисовал калиной...» ⟨Илличевский⟩;[50] 51. «Как молод Костя наш...».

Л. 67. 52. «Когда Григорий наш за все труды безмерны...»; 53. «Эпитафия автору „Модной жены"» («Под камнем сим лежит Тучков...») (с. 73); 54. «Тучкову за восемь частей его стихов...» (с. 73); 55. «Ох! тошно, тошно — помогите...» ⟨Илличевский⟩.

Л. 67 об. 56. «Портрет» («Вот карапузик наш, монах...») ⟨Пушкин⟩; 57. «Эпитафия Скубилину» («Славенороссс, латинский филин...»); 58. «В альбом княжне Волконской» («Сестрица, можно ли прелестную забыть?..») ⟨Дельвиг⟩.

Л. 68. 59. «На эпитафии N. N.» («Как эпитафии сии...»); 60. «Продолжение 53-й» («Вопрос решен — Тучков-писатель...») (с. 73); 61. «На представление „Недоросля"» («Скотинин, торжествуй...») (с. 69).

Л. 68 об. 62. «Тучкову» («В сужденьях наших...») (с. 74); 63. «Портрет» («Хвала! квадратный исполин...») (с. 59); 64. «Пегас, навьюченный лапландскими стихами...».

Л. 69. 65. «Сравнение» («Не хочешь ли узнать, моя драгая...») ⟨Пушкин⟩; 66. «Эпитафия» («О слава тщетная! о тленья грозный вид...»); 67. «На Пучкову» («Пучкова, право, не смешна...») ⟨Пушкин⟩.

---

[50] Об этих четырех эпиграммах (47—50) Корф писал, что они, «кажется, Илличевского» (см.: Грот. Пушкин 1887. С. 266; Грот. Пушкин 1899. С. 236).

Л. 69 об. 68. «На нее ж» («Зачем кричишь ты, что ты дева...») ⟨Пушкин⟩; 69. «„Скажи, что нового". — „Ни слова"...» ⟨Пушкин⟩; 70. «Куда спесив учтивый Брут...» ⟨Илличевский⟩; 71. «На музыканта» («Ай мастер! ты еще лихого...») ⟨Илличевский⟩.

Л. 70. 72. «Ну! как М—в рассержен...»; 73. «Переводчику „К Диону"» («Благодарю за переводы...») ⟨Дельвиг⟩.

Л. 70—70 об. «Издателю „Др⟨уга⟩ юношества"»:

Л. 70. 74. («Трудился ты, мой друг, трудился...») (с. 74)

или

Л. 70 об. 75. («О Вздоров! на твоем журнале...»).

Л. 70 об. 76. «На него же» («Какая разница меж публикой и им...») ⟨Илличевский⟩ (с. 75); 77. «На музыканта» («Меж Орфеем и тобою...»); 78. «Твой и мой» («Бог весть, за что философы, пииты...») ⟨Пушкин⟩.

Л. 71. 79. «Экспромт на А⟨гареву⟩» («В молчаньи пред тобой сижу...») ⟨Пушкин⟩; 80. «Еще на Пучкову» («Зачем об инвалидной доле...») ⟨Илличевский⟩.

Л. 71—71 об. 81. «Надпись на мой портрет» («Не бойся, Глазунов, ты моего портрета...») ⟨Дельвиг⟩.

Л. 71 об. 82. «Элегия на смерть друга» ⟨«Тошней идиллии и холодней, чем ода...»⟩ ⟨Пушкин⟩ (с. 67—68); 83. «Сказали вы, приятель мой...» (с. 62).

Л. 72. 84. «И о тебе, как об Омире...» (с. 70); 85. «Куда мудреное старанье...» (с. 62); 86. «За что ты на меня так гневен...».

Л. 72 об. 87. «К портрету Греко-Латина» («Какой латинский огнь в глазах...»); 88. «Правильное определение» («Общий список общих числ...»); 89. «На издателя мелочей» («Наш Дылдин в мелочи пустился...») (с. 63).

Л. 72 об.—73. 90. «Француз Пикар сказал: кому...».

Л. 73. 91. «Ты из комедии „Посредственный и низкий"...»; 92. «Ты ищешь эпиграф — и это без сомненья...».

Л. 73 об. 93. «На автора гимнов» («Немчин наш гимнами лишь дышит...») (с. 63); 94. «В сих гимнах Грек ты по всему...»; 95. «Так плотно гимны полюбя...»; 96. «Как мелочь Вильмушки издастся...» (с. 63).

Л. 74. 97. «На *** Карловича ***, писателя» («Природы странен нам закон...»); 98. «Насчет ***» («Прав, кто бранит его, по мненью моему...»); 99. «К портрету эпиграмматиста» («Читатель! Вот он как прекрасен...»).

Л. 74 об. 100. «На Мизантропа» («Не глупы люди, без сомненья...»); 101. «Что люди без ума — ты этому, Клит, веришь...»; 102. «Дивитесь вы, мои друзья!..» (с. 65); 103. «Дяде, назвавшему сочинителя братом» («Я не совсем еще рассудок потерял...») ⟨Пушкин⟩.

Л. 75. 104. «К портрету Каверина» («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...») ⟨Пушкин⟩; 105. «К письму» («В нем радости мои — когда померкну я...») ⟨Пушкин⟩; 106. «На потопление К⟨юхельбекера⟩» («Клит бросился в реку...») (с. 63).

Л. 75 об. 107. «Триолет к⟨нязю⟩ Г⟨орчакову⟩» («Тебе желаю, милый князь!..») ⟨Дельвиг⟩; 108. «Сновидение» («Недавно обольщен прелестным сновиденьем...») ⟨Пушкин⟩.

Л. 76. 109. «Она» («Печален ты, признайся, что с тобой...») ⟨Пушкин⟩.

Л. 76—76 об. 110. «Надпись в беседке» («С благоговейною душой...») ⟨Пушкин⟩.

Л. 76 об. 111. «Ты разбранил портрет Герода...» ⟨Илличевский⟩; 112. «Завещание К⟨юхельбекера⟩» («Друзья, простите: завещаю...») ⟨Илличевский⟩.

Л. 76 об.—77. 113. «Мадригал» («Могу ль забыть то сладкое мгновенье...») ⟨Дельвиг⟩.

Из известных нам девятнадцати стихотворений подлинника антологии здесь имеется шестнадцать.[51]

Двенадцать из них, номера которых в подлиннике антологии нам известны,[52] идут в СЛС в том же порядке, как и в подлиннике антологии, но занимают другие места, а именно:

Подлинник	СЛС	Подлинник	СЛС
75	67	88	80
76	68	89	81
77	69	107	110
78	нет	108	нет
79	70	109	111
80	71	110	112
86	78	111	нет
87	79	нет	113

Из этой таблицы видно, что составлявший СЛС из первых семидесяти четырех стихотворений подлинника антологии исключил по крайней мере восемь стихотворений,[53] затем исключил № 78, после № 80 и до № 86 прибавил одно стихотворение, после № 89 и до № 107 прибавил одиннадцать стихотворений и исключил № 108 и 111.

Если обратить внимание на то, что среди стихотворений № 82—109 описываемого сборника одно, № 103 («Дяде, назвавшему сочинителя братом»), написано Пушкиным в конце декабря 1816 г., а другое, № 106 («На потопление К⟨юхельбекера⟩»), в мае 1817 г.,[54] то естественно предположить, что и стихотворения № 104 («К портрету Каверина»), № 105 («К письму»), № 108 («Сновидение»), № 109 («Она»), время написания которых в точности неизвестно, написаны тоже в декабре 1816—мае 1817 г. (или в январе—мае 1817 г. — см. примеч. к этим стих. — *Ред.*).

---

[51] Нет в СЛС № 78 («Больны вы, дядюшка? Нет мочи...»), № 108 («Вот Виля — он любовью дышет...») и № 111 («Другое завещание» — «Эссенцью чувств моих пусть примет Ушакова...») подлинника антологии.

[52] Неизвестно, под какими номерами были помещены в подлиннике антологии «Тучкову за восемь частей его стихов...», «Эпитафия автору „Модной жены"» неизвестного и «Ты выбрал к басенкам заглавие простое...» Илличевского, о которых см. выше, с. 480. О стихотворении «Вакх» Дельвига см. выше, с. 479.

[53] Исключено могло быть и больше, но на места исключенных поставлено какое-то количество стихотворений на восемь меньшее, чем их было в подлиннике антологии.

[54] Покушение на самоубийство, по словам самого В. К. Кюхельбекера, произошло «в мае 1817 года» (см.: Кюхельбекер. Дневник. С. 284).

Это предположение, нам кажется, не может быть опровергнуто тем обстоятельством, что среди перечисленных стихотворений имеется под № 107 «Триолет к⟨нязю⟩ Г⟨орчакову⟩» Дельвига, написанный несомненно в 1814 г. Составитель СЛС в порядке расположения стихотворений меньше всего руководствовался соображениями о времени их сочинения, перемешивая ранние эпиграммы с более поздними.

О том, кому принадлежал сборник первоначально, точных данных нет. Но более чем вероятно, что он был в числе рукописей, находившихся у Пушкина в день его смерти и разбиравшихся Дубельтом и Жуковским.

7. Тетрадь Ф. Ф. Матюшкина

(Мат; ПД, ф. 244, оп. 8, № 1)

О происхождении этой тетради так рассказывал Я. К. Грот со слов Ф. Ф. Матюшкина: «Перед выпуском из Лицея он ⟨Матюшкин⟩ составил два сборника: в одну тетрадь переписал все ненапечатанные стихи лицейских товарищей, в другую — помещенные в разных журналах. Эти две тетради, вместе с другими лицейскими бумагами (архивом первого курса), хранились у Яковлева. За несколько дней до 14-го декабря Пущин выпросил у него и взял к себе на дом сколько мог забрать. Дней через десять, при обыске квартиры Пущина, все эти бумаги были отобраны и остались, как думал Матюшкин, в архиве судной комиссии».[55]

Изложенную судьбу, надо думать, имела одна из тетрадей Матюшкина. Другая, вопреки его предположениям, не попала в архив судной комиссии и неведомыми путями перешла к археологу и библиографу Д. В. Поленову (1806—1878). После смерти последнего тетрадь принадлежала его зятю, историку литературы И. П. Хрущеву (1841—1904), передавшему ее в конце 1880-х гг. (после 1887 г.) Я. К. Гроту (см.: Грот. К лиц. стих. С. 229—230; Грот. Пушк. лицей. С. 144—146). Находившаяся после смерти последнего (24 мая 1893 г.) в его неразобранных бумагах, тетрадь осталась неизвестной Л. Н. Майкову во время его работы над академическим изданием.[56]

Лишь в 1905 г. К. Я. Грот, обнаруживший тетрадь в бумагах отца, дал ее описание и опубликовал варианты текстов Пушкина в статье «К лицейским стихотворениям А. С. Пушкина» (ЖМНП. 1905. № 10).[57]

---

[55] Грот. Пушкин 1887. С. 308; Грот. Пушкин 1899. С. 282. К. Я. Грот, приводя это свидетельство своего отца, обрывает его на словах: «у Яковлева» — и утверждает, что тетради, о которых здесь говорит Я. К. Грот со слов Матюшкина, — те самые две тетради в зеленом сафьяновом переплете, которые в 1833 г. М. А. Корф давал Я. К. Гроту (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 140). Это утверждение явно ошибочно. О тетрадях Корфа см. ниже, с. 490—494.

[56] Майков в АН 1900—29 пользовался лишь каким-то «описанием» тетради, составленным И. П. Хрущевым. Из этого описания Майков, по его словам, извлек несколько данных, сообщаемых в примечаниях (см.: АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 11).

[57] Описание тетради и публикацию текстов Дельвига, Кюхельбекера и Илличевского см.: Грот. Пушк. лицей. С. 144—154. Заглавный лист факсимильно воспроизведен там же (с. 145).

Тетрадь без переплета в 8-ю д. л. синей бумаги, 38 л. На заглавном листе написано: «Стихотворения воспитанников императорского Лицея. Часть II. В Царском Селе». Тут же позднейшие приписки рукой Д. В. Поленова или И. П. Хрущева: «I выпуска. 1811—1817» и «Эта тетрадка принадлежала Матюшкину, а потом мне досталась».

На л. 2—2 об. имеется оглавление тетради, написанное рукой Илличевского. Им же написано и стихотворение Пушкина «В альбом Илличевскому» (л. 37—37 об.). Все остальное написано рукою Матюшкина. Стихотворения перенумерованы римскими цифрами, и под каждым полностью приведена фамилия автора.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. 4—4 об. CXVII. «Осень» (подпись: «Кюхельбекер»).

Л. 4 об. CXVIII. «К Амуру» (подпись: «Дельвиг»).

Л. 4 об.—5. CXIX. «Певец» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 5—9 об. CXX. «Сон. (Отрывок)» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 9 об.—10. CXXI. «Сновидение» ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 10—10 об. CXXII. «Дифирамб» (подпись: «Кюхельбекер»).

Л. 10 об.—12 об. CXXIII. «Богиня Там и бог Теперь. (К Савичу)» (подпись: «Дельвиг»).

Л. 12 об.—13 об. CXXIV. «Цефиз» (подпись: «Дельвиг»).

Л. 13 об.—16. CXXV. «Пирующие студенты» ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 16—17. CXXVI. «Couplets» («Quand un poète en son extase...») ⟨1816—1817⟩ (подпись: «Pouchkine»).

Л. 17. CXXVII. «Роза» ⟨1814—1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 17—17 об. CXXVIII. «Близость любовников» (подпись: «Дельвиг»).

Л. 17 об.—18 об. CXXIX. «Заздравный кубок» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 18 об.—19 об. CXXX. «Эвлега» ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 20. CXXXI. «Истина» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 20—26 об. CXXXII. «Бова» ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 26 об. CXXXIII. «К переводчику Диона» («Благодарю за переводы...») (подпись: «Дельвиг»).

Л. 26 об.—27 об. CXXXIV. «Стансы» («Ты мне велишь пылать душою...») ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 27 об. CXXXV. «Портрет» («Вот карапузик наш, монах...») ⟨1816—1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 28. CXXXVI. «На музыканта» («Ай мастер! ты еще лихого...») (подпись: «Илличевский»); CXXXVII. «Надпись в беседке» ⟨1814—1816⟩ (подпись: «Пушкин»); CXXXVIII. «На Пучкову» («Зачем об инвалидной доле...» (подпись: «Илличевский»).

Л. 28 об. CXXXIX. «Надпись на мой портрет» («Не бойся, Глазунов, ты моего портрета...») (подпись: «Дельвиг»); CXL. «Экспромт на Агареву» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 28 об.—29 об. CXLI. «Триолет к⟨нязю⟩ Горчакову» (подпись: «Дельвиг»).

Л. 29—30. CXLII. «Красавице, которая нюхала табак» ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 30—32. CXLIII. «Послание к Наталье» ⟨«К Наталье»⟩ ⟨1813⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 32—32 об. CXLIV. «Stances» («Avez-vous vu la tendre rose...») ⟨1814⟩ (подпись: «Pouchkine»).

Л. 32 об.—34. CXLV. «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...») ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 34—35. CXLVI. «Послание Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...») ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 35 об.—36. CXLVII. «Пробуждение» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 36—36 об. CXLVIII. «К молодой вдове» ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 36 об.—37. CXLIX. «Друзьям» («К чему, веселые друзья...») ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 37—37 об. CL. «В альбом Илличевскому» ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

В тетради двадцать три стихотворения Пушкина, семь — Дельвига, два — Кюхельбекера и два — Илличевского.

По приведенным словам Матюшкина (в передаче Я. К. Грота), в одну из двух тетрадей он переписал напечатанные в журналах стихотворения своих товарищей, в другую — ненапечатанные. Сохранившаяся тетрадь исправляет неточность этого показания. Одна из тетрадей («часть 1-я») несомненно заключала в себе кроме напечатанных стихотворений и какое-то количество стихотворений ненапечатанных, так как сохранившаяся «часть 2-я» заключает в себе стихотворения с № 117, а число напечатанных стихотворений Пушкина, Дельвига и Илличевского не достигает ста шестнадцати. Указание Матюшкина, что сборник составлен им «перед выпуском из Лицея»,[58] подтверждается составом сохранившейся части. Судя по тому, что в сборник из стихотворений 1817 г. вошли лишь написанные Пушкиным в Лицее и что на последней странице вписано (рукой Илличевского) стихотворение, датируемое 31 мая 1817 г., можно утверждать, что сборник составлен в последние месяцы пребывания Пушкина в Лицее. Подтверждает эту датировку и то обстоятельство, что среди стихотворений сохранившейся тетради имеется и стихотворение «Певец», впервые напечатанное в июле 1817 г.; считаться «ненапечатанным» оно могло только до этого времени.

История Тетради Матюшкина изложена в вышеуказанной статье К. Я. Грота, где даны и разночтения текстов тетради с печатными текстами.

[58] Ф. Ф. Матюшкин жил в Лицее до 25 июня 1817 г.

8. Тетрадь М. Л. Яковлева—М. А. Корфа

(Як—Корф)

Об этом сборнике Я. К. Грот, возвращая в 1880 г. Д. Н. Замятнину Тетрадь Матюшкина, писал: «Это „тетрадь Матюшкина" — часть сборника лицейских стихотворений разных авторов, подобного тому, какой сообщал мне и покойный граф Корф, откуда я еще в 1833 году сделал значительные выписки. Впоследствии им пользовался и Анненков при издании сочинений Пушкина» (Грот. Пушк. лицей. С. 115—116). Подробнее Я. К. Грот рассказывал об этом в своей статье 1887 г. «В Царскосельском лицее» (см.: Грот. Пушкин 1887. С. 4—5; Грот. Пушкин 1899. С. 3—4).

Сделанные Я. К. Гротом в 1833 г. выписки из Тетради Яковлева—Корфа сохранились в архиве и теперь находятся в Пушкинском Доме. Это три тетради, на заглавных листках которых написано: «Извлечение из Собрания лицейских стихотворений I-го курса». Затем на каждом заглавном листе добавлено: «Тетрадь I-я», «Тетрадь II-я» и «Тетрадь III-я».

Все тетради написаны рукой Я. К. Грота. Под всеми стихотворениями стоят фамилии авторов. Стихотворения не нумерованы. Пагинация во всех тетрадях, содержащих 52 л., одна (постраничная). На л. 2 (первой странице первой тетради) написано: «Из ненапечатанных стихотворений I-го курса».

СОДЕРЖАНИЕ ТЕТРАДЕЙ Я. К. ГРОТА

(ПД, ф. 244, оп. 8, № 2)

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

Л. 2—3. «К молодой актрисе» ⟨1815⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 3—4. «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...») ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 4 об.—5. «Тихая жизнь» (подпись: «Дельвиг»).

Л. 5—6 об. «Леда. (Кантата)» ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 7—7 об. «Стансы. (Из Вольтера)» ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 8—8 об. «Подражание I-му псалму» (подпись: «Дельвиг»).

Л. 8 об.—9 об. «Воспоминание. (К Пущину)» ⟨1815⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 9 об.—10. «К Наташе» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 10 об.—11. «Окно» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 11 об.—12. «Наслажденье» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 12—12 об. «К Маше» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 12 об.—13. «Застольная песня» («Други, пусть года несутся...») (подпись: «Дельвиг»).

Л. 13—13 об. «Истина» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 13 об.—14. «Делия» («Ты ль передо мною...») ⟨1814—1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 14 об.—15. «К Делии» («О Делия драгая!..») ⟨1815—1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 15—15 об. «Наташа» (подпись: «Корсаков»).

Л. 15 об.—16. «Того уж нет» (подпись: «Дельвиг»).

Л. 16—16 об. «Вино» (подпись: «Кюхельбекер»).

Л. 17—17 об. «К радости» (подпись: «Кюхельбекер»).

Л. 18—18 об. «Дифирамб. (Из Шиллера)» (подпись: «Кюхельбекер»).

Л. 19. «Близость милой. Из Гете» (подпись: «Дельвиг»).

Л. 19 об.—20. «Надежда» (подпись: «Илличевский»).

Л. 20—20 об. «Перерожденье» (подпись: «Илличевский»).

Л. 20 об.—21 об. «К Надежде» (подпись: «Илличевский»).

Л. 22—22 об. «От живописца» (подпись: «Илличевский»).

Л. 22 об.—23 об. После стихотворения «От живописца» запись Грота: «За сим следует род дидактического стихотворения Пушкина „Сон", в котором поэт не только отдает похвалу сну, но и советует различные средства сделать его приятным. Как стихотворение это довольно длинно, то здесь выписывается из оного только несколько отрывков». Далее списаны ст. 45—61 и первая половина ст. 62 (от «...но прочь от городов» до «И где мой сон?..»); затем поставлены две строки многоточий и выписаны ст. 75—82, после чего вновь следуют две строки многоточий и выписаны ст. 112—115.

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

Л. 26—27 об. Отрывки из «Сна»: ст. 116—130, строка многоточий, ст. 137—146, строка многоточий и ст. 163—206 ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 28—30 об. Вырезано и потом снова вложено стихотворение «На смерть Державина» (подпись: «Б⟨арон⟩ Дельвиг»).

Л. 31—32. «Принцу Оранскому» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 32—33 об. «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...») ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 33 об.—35 об. «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных...») ⟨1815⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 36—37. «Фиал Анакреона» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 37. «Дяде, назвавшему сочинителя братом» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 37 об. «Сновидение. (Из Вольтера)» ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 38—38 об. «В альбом Малиновскому» (подпись: «Илличевский»).

Л. 38 об.—40 об «В альбом Илличевскому»:

Л. 38 об.—39. 1. «Мой друг! неславный я поэт...» ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 39 об.—40. 2. «Прощай, товарищ в классе...» (подпись: «Кюхельбекер»).

Л. 40—40 об. 3. «Пока поэт еще с тобой...» (подпись: «Дельвиг»).

Л. 40 об.—41. «Боже! царя храни!..» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»). К строфе 1 сделана сноска: «Сей первый куплет принадлежит Жуковскому; остальные два прибавлены Пушкиным».

Л. 41 об. «Из напечатанных стихотворений». К этому заглавию сделана сноска: «Стихотворений I-го курса, напечатанных еще во время пребывания

оного в Лицее, — до 60-ти. Их можно найти в разных современных журналах. Некоторые пьесы написаны были в Лицее, но напечатаны гораздо позже».

Л. 41 об.—43. «Мертвый живому» (подпись: «Кюхельбекер») («Амфион», 1815).[59]

Л. 43—43 об. «Песнь лапландца» (подпись: «Кюхельбекер») (там же).

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ

Л. 46—46 об. «К больному Горчакову» (подпись: «Дельвиг») («Росс⟨ийский⟩ музеум», 1815).

Л. 46 об.—48 об. «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...») ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин») («Росс⟨ийский⟩ музеум», 1815).

Л. 49—49 об. «Роза» (подпись: «Илличевский») («Кабинет Аспазии», 1815).

Л. 50—50 об. «Зима» (подпись: «Кюхельбекер») («Нев⟨ский⟩ зритель» (пис⟨ано⟩ в 1816), 1820).

Л. 50 об.—51. «Кофе» (Idem, ibidem).

Л. 51—51 об. «Кюхельбекеру» (подпись: «Пушкин») («Нев⟨ский⟩ зритель», 1820. Писано в 1817).

Таким образом, Гротом из сборника списано сорок шесть стихотворений, из которых Пушкина двадцать три (двадцать одно из «ненапечатанных» и два из «напечатанных»), Дельвига — восемь, Кюхельбекера — восемь, Илличевского — шесть и Корсакова — одно.

Содержание тетрадей Грота свидетельствует о том, что в своей статье 1887 г. он ошибочно утверждал, что при списывании стихотворений из Тетради Яковлева—Корфа он не пропустил «ни одной из пьес Пушкина» (Грот. Пушкин 1887. С. 5). Слова эти могут относиться лишь к ненапечатанным стихотворениям, из напечатанных же тридцати девяти стихотворений Гротом было списано лишь два.

После Я. К. Грота Тетрадью Яковлева—Корфа пользовался Гаевский во время своей работы над статьями о Дельвиге, печатавшимися в «Современнике» в 1853 и 1854 гг.

В первой статье Гаевский, указав, что «Послание к Г⟨алич⟩у» («Где ты, ленивец мой?..») было напечатано в «Российском музеуме» 1815 г. за подписью: «1.16—14», что означает: «А. П—н», писал: «Предположение, что это стихотворение принадлежит Пушкину, вполне подтверждается еще тем, что в рукописной тетради напечатанных лицейских стихотворений, принадлежащей одному из его товарищей, в числе стихотворений Пушкина показано и это, с указанием, что оно напечатано в „Российском музеуме"» (Совр. 1853. № 2. Отд. III. С. 57). В другом месте этой статьи, перечислив семь стихотворений Дельвига,[60] пять Пушкина («К другу стихотворцу»,

[59] Это и все аналогичные библиографические указания в скобках сделаны Я. К. Гротом.

[60] «На взятие Парижа», «К поэту-математику», «К Диону», «К Лилете», «Старик», «Дафна» и «Поэт надутый Клит...».

«Кольна», «Венере от Лаисы при посвящении ей зеркала» ⟨«Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало»⟩, «Опытность» и «Блаженство»), девять Илличевского[61] и одно Яковлева,[62] напечатанных в «Вестнике Европы» за 1814 г., Гаевский пояснял: «Все эти стихотворения собраны в рукописной тетради напечатанных лицейских стихотворений, принадлежащих одному из товарищей Пушкина и Дельвига, барону М. А. Корфу, благосклонности которого автор обязан этими важными библиографическими указаниями» (Там же. С. 76). Наконец, в третьем месте своей статьи Гаевский, не называя источника, но несомненно на основании Тетради Яковлева—Корфа, перечисляет девятнадцать стихотворений Пушкина, напечатанных в «Российском музеуме» за 1815 г.: «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...»), «Арист нам обещал трагедию такую...», «Супругою твоей я так пленился...», «К Н. Г. Л⟨омонос⟩ову», «Козак», «Воспоминания в Царском Селе», «К Лицинию», «Старик», «Батюшкову» («В пещерах Геликона...»), «Вода и вино», «Бывало, прежних лет герой...», «Городок. (К***)», «К П⟨ущин⟩у (4 мая)», «К Г⟨алич⟩у» («Пускай угрюмый рифмотвор...»), «Мечтатель», «Послание к Г⟨алич⟩у» («Где ты, ленивец мой?..»), «Моя эпитафия», «Измены» и «Роза» (Там же. С. 78).[63]

П. В. Анненкову во время его работы над изданием собрания сочинений Пушкина Корф также давал свой сборник.[64]

В одном из примечаний к стихотворениям Пушкина 1815 г. Анненков указал, что в сборнике Корфа имеется девять стихотворений Пушкина, напечатанных в «Российском музеуме» 1815 г.: «К Батюшкову» («В пещерах Геликона...»), «Послание к Г⟨алич⟩у» («Где ты, ленивец мой?..»), «Измены», «Козак», «Вода и вино», «Арист нам обещал трагедию такую...», «Супругою твоей я так пленился...», «Бывало, прежних лет герой...» и «Моя эпитафия».[65] Кроме того, в примечаниях к стихотворению «Фавн и пастушка» Анненков указал, что оно также находится в сборнике Корфа (Анн. Т. 2. С. 150).

В статье «Поправки и дополнения к некоторым стихотворениям Пушкина» Ефремов писал: «Недавно мы имели случай просматривать верный список с тетради, в которой собраны лицейские стихотворения Пушкина и его товарищей по Лицею: бар. Дельвига, Илличевского, Кюхельбекера и Яковлева. В тетради этой, о которой упоминается в материалах для биографии А. С. Пушкина (изд. г. Анненкова, т. 1, стр. 28), помещено 39 его стихотворений» (БЗ. 1861. Т. 3. № 9. Стб. 272).

---

[61] «К Ниобейной статуе», «Цефиз», «Ирин» и шесть эпиграмм. В действительности, Илличевским напечатано в «Вестнике Европы» за 1814 г. не девять, а десять стихотворений (кроме перечисленных еще эпиграмма «Я обокраден, я лишился...»).

[62] Басня «Посуда».

[63] Стихотворение «Роза» как напечатанное в «Российском музеуме» названо ошибочно.

[64] Перечислив пять стихотворений Пушкина, напечатанных в «Вестнике Европы» и уже названных Гаевским, Анненков писал: «За указание этих стихотворений мы обязаны глубокою благодарностию вместе с читателями нашими барону М. А. Корфу, сообщившему нам тетрадь стихотворений, где собраны лицейские произведения его бывших товарищей» (см.: Анненков. Материалы 1855. С. 28, а также: Анн. Т. 2. С. 91—92 и 150).

[65] См.: Анн. Т. 2. С. 91—92. Все это известно было и из статьи Гаевского о Дельвиге.

Все три исследователя — Гаевский, Анненков и Ефремов — говорят не о двух тетрадях, которыми пользовался Я. К. Грот, а об одной, содержащей напечатанные лицейские стихотворения. Ефремов подлинной тетради не видел, а «просматривал верный список» с нее. «Список» этот, несомненно, Первая тетрадь Долгорукова (о ней см. ниже, с. 532—543). В «хронологическом оглавлении» «напечатанных» лицейских стихотворений Тетради Яковлева—Корфа, имеющемся в Первой тетради Долгорукова, перечислено как раз тридцать девять стихотворений, о которых писал Ефремов.[66] Среди этих стихотворений — «Роза», значащаяся в этом оглавлении как напечатанная в «Российском музеуме». Наконец, приведенные Ефремовым (БЗ. 1861. Т. 3. № 9) варианты текстов стихотворений «К другу стихотворцу», «Городок» и «Фавн и пастушка» совпадают с текстами Первой тетради Долгорукова.[67] Таким образом, «хронологическое оглавление» у Долгорукова дает перечень всех «напечатанных» стихотворений в сборнике, а Первая тетрадь Долгорукова — тексты восемнадцати (из тридцати девяти) этих стихотворений. Что касается до тетради с «ненапечатанными» стихотворениями сборника, то, по-видимому, никто из исследователей, кроме Я. К. Грота, этой тетрадью не пользовался, и поэтому знаем мы о ней лишь по «извлечениям» последнего.

Какой была судьба сборника, принадлежавшего Корфу (1800—1876), неизвестно. Кем был составлен и написан сборник, тоже неизвестно. На основании слов Я. К. Грота в его статье 1887 г., что «тетради принадлежали собственно» Яковлеву (Грот. Пушкин 1887. С. 5), можно предполагать, что сборник последним и был составлен.

Время составления тетради с «ненапечатанными» стихотворениями неизвестно, тетрадь же с «напечатанными» стихотворениями, судя по тому, что в нее вошли стихотворения, опубликованные в «Памятнике отечественных муз на 1827 год», не могла появиться ранее этого года. С другой стороны, по свидетельству Я. К. Грота, Корф давал ему сборник в 1833 г. Таким образом, время составления этой тетради — 1827—1833 гг.

Тексты стихотворений Пушкина, имеющиеся в извлечениях Я. К. Грота, опубликованы (в виде вариантов) К. Я. Гротом (Грот. К лиц. стих.).[68]

---

[66] В оглавлении сорок стихотворений, но отрывок «Сон» из поэмы «Вадим» Ефремов правильно считал не лицейским стихотворением.

[67] (Вывод М. А. Цявловского об идентичности «списка», которым пользовался Ефремов, с Первой тетрадью Долгорукова не представляется безусловным. Ефремов привел по списку с Тетради Яковлева—Корфа вариант к тексту «Заздравного кубка» (БЗ. 1861. Т. 3. № 9. Стб. 275), тогда как в Первой тетради Долгорукова этого стихотворения нет. Отдельные же ссылки на Тетрадь Яковлева—Корфа в изданиях Ефремова (см.: Ефр. 1880. Т. 1. С. 519; Ефр. 1882. Т. 1. С. 477; Ефр. 1903—05. Т. 1. С. III; Т. 8. С. 48) позволяют допустить, что Ефремов видел (если не в 1861 г., то позднее) и подлинную тетрадь. — *Ред.*).

[68] Тексты стихотворений Дельвига, Илличевского, Кюхельбекера и Корсакова опубликованы: Грот. Пушк. лицей. С. 156—177.

9. «Дух лицейских трубадуров»
(ДЛТ; ПД 197)

Этот сборник принадлежал первоначально М. Л. Яковлеву (1798—1868), затем его товарищу по Лицею К. К. Данзасу (1801—1870), позднее брату последнего Б. К. Данзасу (1799—1868) и его дочери Т. Б. Семечкиной (1844—1919), пожертвовавшей сборник в 1911 г. Пушкинскому музею Александровского лицея, откуда он в 1917 г. поступил в Пушкинский Дом (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 397; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 10—11; Рукоп. П. 1937. С. 80. № 197).

Тетрадь в зеленом переплете (147 × 208 мм) белой (пожелтевшей) бумаги без водяных знаков, с золоченым обрезом, 81 л. Вся тетрадь написана одним писарским почерком. На заглавном листе другим почерком написано: «Дух лицейских трубадуров. 20 сентября 1833 г.».[69] На л. 3—4 об. имеется оглавление, причем стихотворения перечислены не последовательно (в порядке страниц), а сгруппированы по авторам.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. 5—7 об. «Пирующие студенты» ⟨1814⟩ ⟨Пушкин⟩.
Л. 8—8 об. «Воспоминанье. (К Пущину)» ⟨1815⟩ ⟨Пушкин⟩.
Л. 9—9 об. «Погреб» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩.
Л. 10—10 об. «Вино» ⟨Кюхельбекер⟩.
Л. 11—11 об. «Заздравный кубок» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩.
Л. 12—12 об. «Застольная песня» («Други, пусть года несутся...») ⟨Дельвиг⟩.
Л. 13—13 об. «К Радости» ⟨Кюхельбекер⟩.
Л. 14—14 об. «Вода и вино» ⟨1814—1815⟩ ⟨Пушкин⟩.
Л. 15—15 об. «Истина» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩.
Л. 16—16 об. «Слеза» ⟨1815⟩ ⟨Пушкин⟩.
Л. 17—17 об. «Старик» ⟨Дельвиг⟩.
Л. 18—18 об. «Окно» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩.
Л. 19—19 об. «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...») ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩.
Л. 20—20 об. «Надежда» ⟨Илличевский⟩.
Л. 21—21 об. «К Наташе» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩.
Л. 22—22 об. «К Надежде» ⟨Илличевский⟩.
Л. 23—23 об. «К Делии» («О Делия драгая!..») ⟨1815—1816⟩ ⟨Пушкин⟩.
Л. 24—24 об. «К милому призраку» ⟨Илличевский⟩.

---

[69] Эта дата, очевидно, означает время, когда рукопись была переплетена. В такой же переплет (и тоже зеленого цвета) переплетено СЛС. По словам Я. К. Грота, тетради Яковлева—Корфа были тоже переплетены «в зеленый сафьян» (Грот. Пушкин 1887. С. 5). Все это позволяет предполагать, что и СЛС принадлежало первоначально Яковлеву, в 1833 г. отдавшему в переплет все бывшие у него лицейские сборники. Возможно, что и Тетрадь Никитенко принадлежала первоначально Яковлеву, отдавшему ее до 1833 г. Пушкину, почему она и осталась непереплетенной.

Л. 25—25 об. «Делия» («Ты ль передо мною...») ⟨1814—1816⟩ ⟨Пушкин⟩.

Л. 26—26 об. «Наслажденье» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩.

Л. 27—27 об. «Перерождение» ⟨Илличевский⟩.

Л. 28—28 об. «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...») ⟨1815⟩ ⟨Пушкин⟩.

Л. 29—29 об. «К прелестной» ⟨Илличевский⟩.

Л. 30—30 об. «К живописцу» ⟨1815⟩ ⟨Пушкин⟩.

Л. 31—31 об. «От живописца» ⟨Илличевский⟩.

Л. 32—32 об. «Лилея» ⟨Дельвиг⟩.

Л. 33—33 об. «Близость милой. (Из Гете)» ⟨Дельвиг⟩.

Л. 34—34 об. «Тихая жизнь» ⟨Дельвиг⟩.

Л. 35—35 об. «Подражание 1-му псалму» ⟨Дельвиг⟩.

Л. 36—37 об. «Усы. Философическая ода» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩.

Л. 38—39 об. «Козак» ⟨1814⟩ ⟨Пушкин⟩.

Л. 40—40 об. «Поляк. (Баллада)» ⟨Дельвиг⟩.

Л. 43—43 об. «К Б—ву» ⟨«Батюшкову» («В пещерах Геликона...»)⟩ ⟨1815⟩ ⟨Пушкин⟩.

Л. 44—44 об. «К Т—ву» («Еще в младые годы...») ⟨Дельвиг⟩.

Л. 45—45 об. «Принцу Оранскому» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩.

Л. 46—46 об. «К Темире» ⟨Дельвиг⟩.

Л. 47—47 об. «К Маше» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩.

Л. 48—48 об. «Наташа» ⟨Корсаков⟩.

Л. 49—49 об. «Опытность» ⟨1814⟩ ⟨Пушкин⟩.

Л. 50—50 об. «Рассудок и любовь» ⟨1814⟩ ⟨Пушкин⟩.

Л. 51—51 об. «Певец» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩.

Л. 52—52 об. «К пастушке» ⟨Дельвиг⟩.

Л. 53—53 об. «Каприз» ⟨Илличевский⟩.

Л. 54—54 об. «Того уж нет» ⟨Дельвиг⟩.

Л. 55—55 об. «Нет! нет!» ⟨Корсаков⟩.

Л. 56—56 об. «Как не так!» ⟨Корсаков⟩.

Л. 57—57 об. «Ich schwitze» («Я обливаюсь потом» (*нем.*). — *Ред.*) ⟨Корсаков⟩.

Л. 58—58 об. «Что за радость» ⟨Корсаков⟩.

Л. 59—59 об. «Боже! царя храни!..» ⟨1816⟩ ⟨Жуковский, Пушкин⟩.

Л. 60—61 об. «Прощальная песнь» ⟨Дельвиг⟩.

Л. 62—81 заняты текстом пятнадцати «национальных песен»; на л. 81 — записанная Пушкиным шестнадцатая «национальная» песня (см. об этом ниже, с. 785).

Составлен сборник в последние дни пребывания воспитанников в Лицее, после того как Дельвигом была сочинена «Прощальная песнь», разучивавшаяся для исполнения хором на акте 9 июня и вошедшая в сборник, и до того как была сочинена «национальная» песня «Гауншильд и Энгельгард...», вписанная лишь в 1836 г. Из всех известных нам лицейских сборников «Дух лицейских трубадуров» можно считать самым изысканным. Он не так солиден, как Тетрадь Никитенко, включавшая и эпические вещи («Бова»), и цикл элегий; с другой стороны, от сборников

Горчакова, Помяловского, Матюшкина и Яковлева—Корфа его отличают и состав, и композиция. Составленный преимущественно из произведений эпикурейского содержания, сборник начинается циклом стихотворений, воспевающих вино, и заканчивается стихотворениями, исполнявшимися хором на лицейских праздниках.

Сборником «Дух лицейских трубадуров» пользовался Гаевский. По этому сборнику им напечатана песня «Гауншильд и Энгельгард...» и, по его словам, «некоторые из приведенных в статье стихотворений и отрывков» (Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 397). Какие стихотворения разумел Гаевский, в точности неизвестно. Кроме стихотворения Илличевского «От живописца» и отрывков из «национальных песен»: «Ты был директором Лицея...» и «Ах, тошно мне...», напечатанных им, надо думать, по «Духу лицейских трубадуров» (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 149, 150—151 и № 8. С. 381—382), нельзя указать, что использовал из сборника в своей статье Гаевский. Кроме него из всех редакторов Пушкина только Майков пользовался сборником, который он кратко и описал (см.: АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 10—11).

10. Тетрадь А. В. Никитенко

(Ник; РГБ, ф. 178 (Музейное собр.), М. 5261)

Тетрадь без переплета и заглавного листа, размером в лист почтовой бумаги большого формата (285 × 218 мм), 163 с. Страницы пронумерованы. Вся тетрадь написана одним писарским почерком, тем же самым, что и «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС). С. 1—4 заняты оглавлением, где стихотворения сгруппированы по авторам: Дельвиг, Илличевский, Корсаков, Кюхельбекер и Пушкин. Каждое стихотворение начинается с новой страницы. Стихотворения не нумерованы. Подлинниками для текстов стихотворений Пушкина при составлении Тетради Никитенко служили, надо полагать, отдельные рукописи стихотворений.

Среди этих рукописей несомненно были автографы Пушкина. Устанавливается это на основании слов (иногда и отдельных букв), вписанных по подчищенному более черными чернилами, но тем же самым писарским почерком, каким написана вся тетрадь. Одни из этих исправлений объясняются тем, что писарь не понимал трудно читаемых мест, как это было, например, с текстом стихотворений «Наездники» и «К молодой актрисе». Этого рода исправления делались писарем, конечно, по указаниям лица, лучше писаря читавшего почерк Пушкина, но все же делавшего ошибки; поэтому несомненно, что им не был сам Пушкин. Другие исправления делались потому, что тексты автографов Пушкина, с которых списывались стихотворения в Тетрадь Никитенко, переделывались уже после того, как они были списаны в эту тетрадь. Эти позднейшие варианты и переносились писарем в тексты тетради. Такого происхождения исправления по подчищенному имеются, например, в текстах стихотворений «Мое завещание. Друзьям», «Слеза», «Сраженный рыцарь», «К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...»). Несомненно с автографов с поправками,

оставшихся нам неизвестными, сделаны копии стихотворений «Леда. (Кантата)», «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...») и «Фиал Анакреона».[70]

На с. 152, после стихотворения «К портрету Каверина» («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...»), написано рукой неизвестного только заглавие: «Надпись к беседке».[71]

Все стихотворения подписаны фамилиями авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

С. 5—14. «Бова. Отрывок из поэмы» ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 15—16. «Красавице, которая нюхала табак» ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 17—20. «К Наталье» ⟨1813⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 21—22. «К молодой актрисе» ⟨1815⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 23—24. «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...») ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 25—28. «Поляк. Баллада» (подпись: «Дельвиг»).
С. 29—31. «Леда. Кантата» ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 32—35. «Осгар» ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 36—38. «Эвлега» ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 39—40. «Стансы. Из Вольтера» ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 41—42. «Подражанье 1-му псалму» (подпись: «Дельвиг»).
С. 43. «Тихая жизнь» (подпись: «Дельвиг»).
С. 44—45. «Воспоминание. К Пущину» ⟨1815⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 46—47. «Рассудок и любовь» ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 48—49. «К Наташе» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 50—51. «Окно» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 52. «Наслаждение» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 53. «К Маше» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 54. «Застольная песня» («Други, пусть года несутся...») (подпись: «Пушкин»[72]).
С. 55. «Погреб» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 56. «Истина» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).
С. 57. «Делия» («Ты ль передо мною...») ⟨1814—1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

---

[70] В предисловии к публикации текстов Тетради Никитенко М. О. Гершензон ограничился такими замечаниями о местах, написанных по подчищенному: «...местами текст выскоблен и снова написан более черными чернилами, но тем же почерком, очевидно, на ходу письма» (РП. С. 1). Последняя догадка явно неверна, уже по одному тому, что, как правильно заметил сам Гершензон, текст по выскобленному написан «более черными чернилами», что не могло быть, если бы исправления делались «на ходу письма».

[71] М. О. Гершензон ошибочно считал, что заглавие написано рукой Пушкина (см.: РП. С. 1).

[72] Ошибочно, вместо: Дельвиг.

С. 58. «К Делии» («О Делия драгая!..») ⟨1815—1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 59. «О радость, восхищенье...» (подпись: «Корсаков»).

С. 60. «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...») ⟨1815⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 61. «Слеза» ⟨1815⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 62. «К пастушке» (подпись: «Дельвиг»).

С. 63. «Того уж нет» (подпись: «Дельвиг»).

С. 64—65. «Вино» (подпись: «Кюхельбекер»).

С. 66—67. «К радости» (подпись: «Кюхельбекер»).

С. 68—69. «Дифирамб» (подпись: «Кюхельбекер»).

С. 70. «Близость милой» (подпись: «Дельвиг»).

С. 71. «Каприз любви» (подпись: «Илличевский»).

С. 72. «Надежда» (подпись: «Илличевский»).

С. 73—74. «Перерождение» (подпись: «Илличевский»).

С. 75—76. «К Надежде» (подпись: «Илличевский»).

С. 77—78. «К ней же» (подпись: «Илличевский»).

С. 79—80. «От живописца» (подпись: «Илличевский»).

С. 81. «К милому призраку» (подпись: «Илличевский»).

С. 82—90. «Сон. Отрывок» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 91—101. Элегии:

С. 91—92. I. «Опять я ваш, о юные друзья!..» ⟨1817⟩ ⟨Пушкин⟩;

С. 92—93. II. «Осеннее утро» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩;

С. 93—94. III. «Сну» ⟨«К сну» («Знакомец милый и старинный...»)⟩ ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩;

С. 94—96. IV. «Любовь одна — веселье жизни хладной...» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩;

С. 96—97. V. «Месяц» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩;

С. 98. VI. «Счастлив, кто в страсти сам себе...» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩;

С. 98—100. VII. «Когда пробил последний счастью час...» ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩;

С. 100—101. VIII. «Друзьям» («К чему, веселые друзья...») ⟨1816⟩ ⟨Пушкин⟩;

С. 101. IX. «Я Лилу слушал у клавира...» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 102—105. «На смерть Державина» (подпись: «Дельвиг»).

С. 106—110. «Пирующие студенты» ⟨1814⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 111—116. «К Жуковскому» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 117—118. «Принцу Оранскому» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 119—121. «Усы. Философическая ода» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 122—123. «К молодой вдове» ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 124—125. «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...») ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 126—129. «К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...») ⟨1815⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 129. «Любовь» («Что есть любовь...») (подпись: «Дельвиг»).

С. 130—133. «Мое завещанье. Друзьям» ⟨1815⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 134—137. «Наездник» ⟨«Наездники»⟩ ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 138—139. «Фиал Анакреона» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 140—141. «Сраженный рыцарь» ⟨1815⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 142. «Переменчивость» (подпись: «Дельвиг»).

С. 143. «Моя эпитафия» (подпись: «Илличевский»).

С. 144. «К Баболовскому дворцу» ⟨1816—1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 145. «Эпитафия» ⟨«Эпиграмма на смерть стихотворца» («Покойник Клит в раю не будет...»)⟩ ⟨1814—1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 146. «Эпитафия А. А. Дельвига» (подпись: «Дельвиг»).

С. 147. «В альбом княжне Волконской» (подпись: «Дельвиг»).

С. 148. «Эпиграмма» («„Скажи, что нового". — „Ни слова"...») ⟨1814—1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 149. «Твой и мой» ⟨1814—1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 150. «Экспромт на А⟨гареву⟩» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 151. «Дяде, назвавшему сочинителя братом» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 152. «К портрету Каверина» («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...») ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 153. «К письму» («В нем радости мои; когда померкну я...») ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 154. «Триолет к⟨нязю⟩ Горчакову» (подпись: «Дельвиг»).

С. 155. «Сновидение» ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 156. «Она» ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 157. «В альбом Малиновскому» (подпись: «Илличевский»).

С. 158—160. «В альбом Илличевскому»:

С. 158. 1. «Мой друг! неславный я поэт...». 1817-го 31-го мая (подпись: «Пушкин»);

С. 159. 2. «Прощай, товарищ в классе...» (подпись: «Кюхельбекер»);

С. 160. 3. «Пока поэт еще с тобой...» (подпись: «Дельвиг»).

С. 161—162. «К товарищам перед выпуском» ⟨«Товарищам» («Промчались годы заточенья...»)⟩ ⟨1817⟩ (подпись: «Пушкин»).

С. 163. «Боже! царя храни!..» ⟨1816⟩ (подпись: «Пушкин»).

В тетради пятьдесят пять стихотворений Пушкина, четырнадцать — Дельвига, девять — Илличевского, четыре — Кюхельбекера и одно — Корсакова. Все эти стихотворения не были напечатаны во время пребывания авторов в Лицее. Судя по тому, что в сборнике имеется стихотворение Пушкина «В альбом Илличевскому», датированное 31 мая 1817 г., сборник не мог быть написан ранее этого дня. С другой стороны, стихотворение «Покойник Клит в раю не будет...» напечатано было во второй книжке «Северного наблюдателя» 1817 г., вышедшей в свет 12 июля этого года. Таким образом, сборник составлен в июне—начале июля 1817 г.

Так как Тетрадь Никитенко и «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС) написаны одним писарем, то весьма вероятно, что это было сделано в одно время. Можно высказать и еще одно предположение. «Собрание лицейских стихотворений», представляющее собой сборник стихотворений малых жанров, преимущественно эпиграмм, является, как значится на заглавном листе, «третьей» частью сборника, первые две части которого должны были заключать в себе произведения более значительные и по размерам, и по содержанию. Одной из этих частей — тетрадей — и может быть Тетрадь Никитенко, в которую входят ненапечатанные стихотворения лицейских поэтов.[73] Другая часть — тетрадь несохранившаяся — содержала, надо думать, стихотворения напечатанные.

Все стихотворения из отдела «ненапечатанных» в Тетради Яковлева—Корфа имеются и в Тетради Никитенко, и притом расположены в том же порядке (кроме стихотворений «Тихая жизнь» и «Подражание 1-му псалму»). Это совпадение можно объяснить тем, что Тетрадь Яковлева—Корфа, надо полагать, является копией какого-то сборника, служившего оригиналом и для составителя Тетради Никитенко. Составитель последней, взяв стихотворения из неизвестного нам сборника и сохранив их порядок, прибавил к ним еще немалое количество стихотворений.[74]

При разборе Дубельтом и Жуковским рукописей Пушкина после его смерти были обнаружены две рукописи, о которых в протоколе от 8 февраля 1837 г. записано: «⟨№⟩ 35. Стихотворения Пушкина и других лиц. 2».[75] Из дальнейших протоколов не видно, как поступили с этими рукописями, но, вероятнее всего, они вошли в число тех рукописей, о которых в протоколе

---

[73] Тринадцать стихотворений Тетради Никитенко имеются в СЛС: «Эпитафия» («Вдруг, развязав глаза, пустила...») Илличевского (№ 22), «На Баболовский дворец» (№ 28) и «Покойник Клит в раю не будет...» (№ 35) Пушкина, «В альбом княжне Волконской» Дельвига (№ 58), «„Скажи, что нового". — „Ни слова"...» (№ 69), «Твой и мой» (№ 78), «Экспромт на А⟨гареву⟩» (№ 79), «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (№ 103), «К портрету Каверина» (№ 104) и «К письму» (№ 105) Пушкина, «Триолет к⟨нязю⟩ Горчакову» Дельвига (№ 107), «Сновидение» (№ 108) и «Она» (№ 109) Пушкина. Наличие этих стихотворений в обеих частях сборника можно объяснить тем, что тетрадь по первоначальному замыслу должна была содержать лучшие из ненапечатанных стихотворений всех жанров, а затем было решено собрать в отдельную (третью) часть стихотворения сатирического и юмористического содержания и всякого рода «мелочи». Составитель этой части ради ее полноты и включил в нее стихотворения, вошедшие и в Тетрадь Никитенко.

[74] Сколько было всего стихотворений в отделе «ненапечатанных» Тетради Яковлева—Корфа, неизвестно. Известно только, что стихотворений Пушкина в этом отделе было двадцать два, а из стихотворений других авторов Я. К. Гротом было списано семнадцать. В Тетради Никитенко восемьдесят три стихотворения. М. Л. Гофман в рецензии на публикацию М. О. Гершензона (РП) на основании сходства Тетради Никитенко с Тетрадью Яковлева—Корфа утверждал, что первая и есть тот самый сборник, который Гофман, повторяя ошибку Я. К. Грота, считал сборником Матюшкина (см.: Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 181—189). Очевидно, только необыкновенный апломб, с каким рецензент заявлял об этом, заставил Н. В. Измайлова совершенно напрасно согласиться с Гофманом (см.: Измайлов. С. 43). Доказывать, что Тетрадь Никитенко и неизвестно где находящаяся Тетрадь Яковлева—Корфа — разные сборники, конечно, нет нужды.

[75] См.: Дела III Отделения о П. С. 189.

от 15, 16 и 17 февраля сказано: «Собраны и вручены действительному статскому советнику Жуковскому разные рукописи уже напечатанных сочинений».[76]

В описи рукописей, полученных В. А. Жуковским для работы над посмертным изданием собрания сочинений Пушкина в апреле 1838 г.,[77] значатся под № 16: «Чистые манускрипты: 1. Мелкие стихотворения, 2. Лицейские стихотворения». Сличение описи и протокола от 8 февраля 1837 г. с описью Жуковского приводит к выводу, что «Стихотворения Пушкина и других лиц. 2» и «Мелкие стихотворения» и «Лицейские стихотворения» — одни и те же рукописи. Почти с полной уверенностью можно утверждать, что одна из этих рукописей — вышеописанное «Собрание лицейских стихотворений» (см. выше, с. 481—487), а другая — Тетрадь Никитенко. Вторая рукопись названа в описи Жуковского «Лицейские стихотворения», а «Собрание лицейских стихотворений» — «Мелкие стихотворения». По второй рукописи Жуковский и решил печатать лицейские стихотворения Пушкина в посмертном издании собрания сочинений поэта. Прежде чем дать писарю Тетрадь Никитенко для снятия с нее копии, Жуковский на десяти страницах в шести стихотворениях («Красавице, которая нюхала табак», «Эвлега», «Стансы. Из Вольтера», «Истина», «Сон» и «Осеннее утро») сделал карандашом поправки.[78]

(Заказанная Жуковским копия с Тетради Никитенко вошла в состав так называемой Тетради Жуковского (ТЖ) — тома писарских копий, сделанных по распоряжению Жуковского для посмертного издания и впоследствии переплетенных (ПД, ф. 244, оп. 8, № 93; ранее: РГБ, № 2395). — *Ред.*).[79]

А. В. Никитенко (1804—1877) в качестве цензора посмертного издания собрания сочинений Пушкина имел ближайшее отношение к этому изданию, поэтому сборник лицейских стихотворений, бывший оригиналом для части девятого тома, и мог у него оказаться. После смерти Никитенко тетрадь принадлежала его дочери С. А. Никитенко, от душеприказчика которой А. И. Старицкого поступила к М. О. Гершензону, напечатавшему полностью содержание тетради в т. 6 «Русских пропилеев» (РП). В октябре

---

[76] Там же. С. 191, где неверно напечатано: «конченных» вместо «напечатанных».

[77] Эта опись упоминается в заявлении Жуковского опеке от 24 апреля 1838 г., напечатанном П. И. Бартеневым (см.: РА. 1881. Кн. 3. № 2. С. 465). Имеется три экземпляра этой описи. Два из них хранятся в Онегинском собрании (ПД, ф. 244, оп. 16, № 158; см.: ПиС. Вып. 12. С. 29. № 3), а третий — в ТЖ. (Опубликовано: Цявловский. Статьи. С. 317—319. — *Ред.*).

[78] Об этих поправках см. в примечаниях к указанным стихотворениям.

[79] К этому выводу привело сличение текстов Тетради Никитенко с рукописью ТЖ и текстов последней с текстами лицейских стихотворений в девятом томе посмертного издания, не говоря уже о том, что состав и порядок стихотворений в Тетради Никитенко и в девятом томе этого издания почти один и тот же. Для Майкова в его работе над академическим изданием (АН 1899, АН 1900—29. Т. 1) рукопись ТЖ была одним из основных источников текстов лицейских стихотворений Пушкина. Теперь, при наличии Тетради Никитенко, она потеряла это значение, и тексты ее, за немногими исключениями, нами не принимаются во внимание.

1923 г. тетрадь поступила в Румянцевский музей (ныне хранится в РГБ в составе Музейного собрания. — *Ред.*).

V. Лицейская тетрадь Пушкина
(ЛТ; ПД 829)

Совершенно особое место среди лицейских сборников занимает собрание лицейских стихотворений Пушкина, составленное им самим. Это тетрадь в переплете размером в лист. В тетради первоначально было 146 л. писчей бумаги (15 тетрадок по 10 л., из которых четыре листа приклеены к крышкам переплета), впоследствии из тетради был вырван 51 л. (Из них сохранилось в бумагах Пушкина три — ПД 880; ПД 255, л. 1 и ПД 25. По современной архивной нумерации в тетради 92 л., считая оборванные и чистые. — *Ред.*). На заглавном листе рукой Пушкина написано: «Стихотворения Александра Пушкина. 1817».[80] На л. 2—41 тетради имеются тексты сорока одного стихотворения Пушкина, не появившиеся в печати во время пребывания его в Лицее.

Происхождение тетради связано с замыслом Пушкина издать отдельной книгой собрание своих стихотворений.

В сентябре—октябре 1816 г. он пишет послание «К Жуковскому», которое должно было открывать собою сборник стихотворений. Рождественские каникулы, с 24 декабря 1816 г. по 1 января 1817 г., Пушкин пробыл в Петербурге, куда на праздники приехал и Жуковский.[81] Во время, надо полагать, частых свиданий с Жуковским, с которым Пушкин не виделся с марта 1816 г., он рассказывал ему о плане издать сборник своих стихотворений и обещал доставить их Жуковскому. Последний в большом письме из Дерпта к Д. В. Дашкову, излагая свой план периодического издания «Аониды» и перечисляя намечаемых сотрудников, называет среди них и Пушкина, о котором пишет: «Он обещал доставить мне свои рукописи. Твое дело послать к нему за ними и их ко мне переслать. Не замедли». В другом месте письма Жуковский замечает: «На Вяземского, Батюшкова, Северина и Ал. Пушкина понадеяться можно: у последнего много готового, а те приготовят верно» (РА. 1868. № 4—5. Стб. 838—843). Письмо Жуковского не датировано; судя по содержанию, написано оно в 1817 г., и, вероятно, в феврале.[82]

Собранием стихотворений, которое Пушкин обещал доставить Жуковскому, и является ЛТ. План же сборника стихотворений набросан Пушкиным на рукописи стихотворения «Пирующие студенты» (ПД 17; см.: Рукою П. С. 225—228; (Рукою П. 1997. С. 165—167. — *Ред.*)).

---

[80] Подробное описание внешнего вида тетради (со снимками) сделано Н. Н. Фатовым (см.: Фатов. С. 17—28). (Факсимильное воспроизведение ЛТ см.: Раб. тетр. Т. 2. — *Ред.*).

[81] Жуковский присутствовал на заседаниях «Арзамаса» 24 декабря 1816 г. и 6 января 1817 г.; в день последнего заседания он уехал в Дерпт (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 379—386).

[82] В письме есть фраза: «Свою же часть постараюсь кончить к концу марта».

1 Часть

I

Послания

к Александру
к Жуковскому
— » — +
к Батюшкову
к Галичу
— » —
Дельвигу [+]
Дельвигу
Сестре +
Бонапарте +
к Юдину
Пущину
— » —[83]
Ломоносову
Трубецкому
Лицинию
Кюхельбекеру
Аристарху
Оправданная лень —
Друзьям
Шишкову
Актрисе
[Завещанье].

Лирические

Наполеон на Эльбе
Воспоминания в Ц⟨арском⟩ С⟨еле⟩
Оранскому Принцу
Певец —
Слеза —
Истина
Усы
Мечтатель
Ринальдо
и все пьески
Пирующие студенты

XV Элегии
Эпиграммы надписи[84]
Картины
Леда —

Как видно из списка, сборник предполагалось разбить на четыре отдела, пока «начерно» названные: «Послания», «Лирические», «Пьески», «Элегии», «Эпиграммы ⟨и⟩ надписи».[85]

Список составлен в начале января 1817 г., так как только к этому времени могли быть написаны пятнадцать элегий, в число которых входит элегия «Опять я ваш, о юные друзья!..», созданная Пушкиным, вероятно, вскоре по приезде из Петербурга (1 января 1817 г.). Кроме этой элегии, ни одно из стихотворений 1817 г. в список не вошло.[86]

Список знал Гаевский, сообщивший, что «Пушкин написал послание „Оправданная лень", которое не сохранилось» (Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 147). Впервые сведения о списке даны Ефремовым (см.: Ефр. 1880. Т. 2. С. 442). Напечатан список (с ошибками) впервые И. А. Шляпкиным

---

[83] (В рукописи под названиями «к Жуковскому», «к Галичу», «Пущину» стоит линия, означающая второе послание тому же адресату. Передаем ее здесь знаком тождества. — *Ред.*).

[84] Было начато: М⟨елочи?⟩.

[85] Отделы эти соответствуют отделам Ст 1826, где имеются: «Элегии», «Разные стихотворения» (т. е. то, что в списке названо «Лирические» и «Пьески»), «Эпиграммы и надписи» и «Послания».

[86] Факсимильное воспроизведение списка см.: В память пятидесятилетия кончины А. С. Пушкина. СПб., 1887. Прил.; Рукоп. П. Изд. О. К. (О датировке элегии см.: наст. т., с. 747. — *Ред.*).

(см.: Аснаш, Яхонтов. С. 440—441). Шляпкин относил к 1817 г. стихотворения «К Жуковскому», «К Дельвигу» (второе) и «Друзьям», идентифицируя последнее со стихотворением «Товарищам», и датировал список 1816—1817 гг. Лучше, чем у Шляпкина, но тоже с ошибками, список напечатан Майковым (см.: АН 1899. Примеч. С. 7; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 7), датировавшим его без каких-либо обоснований 1815 г. Ю. Г. Оксманом (см.: КН. Т. 5. С. 510; ГИХЛ 1931. Т. 5, кн. 2. С. 734) список датирован «осенью 1816 г.». Наконец, Б. В. Томашевский считал, что список «относится, вероятно, к лету 1816 г.», не приводя оснований этой датировки.[87]

Три стихотворения списка неизвестны. Это «Бонапарте», «Ринальдо» и одно из двух посланий к Жуковскому.[88]

«К Александру» — «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году», 1815 г.

«К Жуковскому» — «К Жуковскому» («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...»), 1816 г.

«К Батюшкову» — или «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...»), 1814 г., или «Батюшкову» («В пещерах Геликона...»), 1815 г.

«К Галичу» — «К Г⟨алич⟩у» («Пускай угрюмый рифмотвор...»), 1815 г.

«Дельвигу» — «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»), 1817 г.

Первая редакция стихотворения написана, вероятно, в конце 1816 г. Крестик, поставленный у заглавия, означал, что стихотворение нужно переделать, что и было выполнено, почему крестик и зачеркнут.

«Дельвигу» — «К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...»), 1815 г.

«Сестре» — «К сестре», 1814 г.

«К Юдину» — «Послание к Ю⟨дину⟩», 1815 г.

«Пущину» — «К П⟨ущин⟩у (4 мая)» («Любезный именинник...»), 1815 г.

«Пущину» — «Воспоминание. (К Пущину)» («Помнишь ли, мой брат по чаше...»), 1815 г.

«Ломоносову» — «К Н. Г. Л⟨омонос⟩ову», 1814 г.

«Трубецкому» — «Городок. (К ***)», 1815 г.

«Лицинию» — «К Лицинию. (С латинского)», 1815 г.

«Кюхельбекеру» — «К другу стихотворцу», 1814 г.[89]

---

[87] См.: *Томашевский Б. В.* Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826 г.) // ЛН. Т. 16—18. С. 825. (Позднее Б. В. Томашевский датировал список январем 1817 г. (аргументацию см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 115). — *Ред.*).

[88] См. ниже примеч. к стих. «К Жуковскому», с. 694.

[89] Что под посланиями к Трубецкому и Кюхельбекеру Пушкин разумел стихотворения «Городок» и «К другу стихотворцу», доказано Ю. Г. Оксманом в докладе, прочитанном в заседании литературной секции Государственной академии художественных наук 28 ноября 1927 г. См. также: КН. Т. 5. С. 510; ГИХЛ 1931. Т. 5, кн. 2. С. 734—735. (Более вероятно, однако, что в обоих случаях речь идет о несохранившихся стихотворениях; иначе может быть интерпретирована и первая запись «Дельвигу»; см.: наст. т., с. 625—626, 579—580. — *Ред.*).

«Аристарху» — «Моему Аристарху», 1815 г.

«Оправданная лень» — «Сон. (Отрывок)», 1816 г.

«Друзьям» — «Мое завещание. Друзьям» («Хочу я завтра умереть...»), 1815 г.

«Шишкову» — «К Ш⟨ишк⟩ову», 1816 г.

«Актрисе» — «К молодой актрисе», 1815 г.

«Завещание» — «Мое завещание. Друзьям», уже включенное (выше) в список, почему и зачеркнуто.

«Наполеон на Эльбе» — «Наполеон на Эльбе (1815)», 1815 г.

«Воспоминания в Ц⟨арском⟩ С⟨еле⟩» — «Воспоминания в Царском Селе», 1814 г.

«Оранскому Принцу» — «Принцу Оранскому», 1816 г.

«Певец» — «Певец», 1816 г.

«Слеза» — «Слеза», 1815 г.

«Истина» — «Истина», 1816 г.

«Усы» — «Усы. Философическая ода», 1816 г.

«Мечтатель» — «Мечтатель», 1815 г.

«Пирующие студенты» — «Пирующие студенты», 1814 г.

«Картины» — «Картины», 1816 г.

«Леда» — «Леда. (Кантата)», 1814 г.

Под «всеми пьесками» Пушкин мог разуметь двадцать шесть стихотворений 1814—1816 гг.: «Рассудок и любовь», «Красавице, которая нюхала табак», «Козак», «Опытность», «Блаженство», «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...»), «Вода и вино», «Измены», «Моя эпитафия», «Гроб Анакреона», «К живописцу», «Сраженный рыцарь», «К Маше», «К Наташе», «Экспромт на А⟨гареву⟩», «Дяде, назвавшему сочинителя братом», «Заздравный кубок», «Послание Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...»), «Амур и Гименей. (Сказка)», «Фиал Анакреона», «Погреб», «Старик. (Из Марота)», «Роза», «Делия» («Ты ль передо мною...»), «Твой и мой» и «К Делии» («О Делия драгая!..»).

В число пятнадцати элегий входит цикл из девяти стихотворений, имеющийся в Тетради Никитенко: «Опять я ваш, о юные друзья!..», «Осеннее утро», «Сну» (т. е. «К сну»), «Любовь одна — веселье жизни хладной...», «Месяц», «Счастлив, кто в страсти сам себе...», «Когда пробил последний счастью час...» (т. е. «Разлука»), «Друзьям» («К чему, веселые друзья...») и «Я Лилу слушал у клавира...» (т. е. «Слово милой»). К этим элегиям нужно присоединить два стихотворения, названные элегиями в ЛТ: «Я думал, что любовь погасла навсегда...» и «Я видел смерть; она в молчаньи села...», а также помещенное в Ст 1826 среди «элегий» «Пробуждение» и, вероятно, «Желание» («Медлительно влекутся дни мои...»), «Окно» и «Наслаждение».[90]

[90] (По предположению Б. В. Томашевского, последним в этом списке должно было быть стихотворение «Наездники», введенное Пушкиным в цикл элегий в Тетради Всеволожского (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 118). Иную точку зрения на реконструкцию цикла см.: *Петрунина Н. Н.* Из истории первого собрания стихотворений Пушкина // РЛ. 1990. № 3. С. 141—142. — *Ред.*).

В отдел «Эпиграмм и надписей» Пушкин мог поместить одиннадцать эпиграмм 1813—1816 гг.: «Несчастие Клита», «Супругою твоей я так пленился...», «Арист нам обещал трагедию такую...», «Бывало, прежних лет герой...», «Угрюмых тройка есть певцов...», две эпиграммы на Пучкову, «„Скажи, что нового". — „Ни слова"...», «Больны вы, дядюшка? Нет мочи...», «Эпиграмма на смерть стихотворца» и «Пожарский, Минин, Гермоген...», а также три надписи: «Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало», «На Баболовский дворец» и «Надпись в беседке».

Таким образом, предположительно можно считать, что из общего числа стихотворений, написанных ко времени составления плана сборника, Пушкин намечал включить в него восемьдесят шесть произведений, не считая достойными включения следующие: 1813 г. — «К Наталье» и «Монах»; 1814 г. — «Кольна. (Подражание Оссиану)», «Эвлега», «Осгар» и «Бова»; 1815 г. — «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...» и «Тень Фон-Визина»; 1816 г. — «Блажен, кто в шуме городском...» и «Христос воскрес, питомец Феба!..», а также «Заутра с свечкой грошевою...», «Сравнение» («Не хочешь ли узнать, моя драгая...»), «Портрет» («Вот карапузик наш, монах...»), «И останешься с вопросом...», «Вот Виля — он любовью дышет...», «Ах, Боже мой, какую...», «Тошней идиллии и холодней, чем ода...», «От всенощной вечор идя домой...», «Я сам в себе уверен...». Не могли войти в сборник и четыре стихотворения на французском языке: «Stances» («Avez-vous vu la tendre rose...»), «Mon portrait», «К⟨ня⟩ж⟨не⟩ Волконской» и «Couplets» («Quand un poète en son extase...»). Кроме этих не включенных в сборник стихотворений остаются еще: одно из посланий к Батюшкову, послание «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...») 1814 г.; «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...») и «К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг» 1815 г. Возможно, что эти четыре стихотворения Пушкиным пропущены в списке случайно.

По сравнению со всеми последующими планами первого сборника стихотворений этот план включал самое большое число стихотворений. В дальнейшем Пушкин все строже производил отбор стихов, предназначаемых для сборника. Об этом свидетельствует прежде всего состав ЛТ.

Неизвестно, исполнил ли Дашков поручение Жуковского съездить к Пушкину в Лицей, чтобы взять у него обещанную рукопись. Возможно, что и сам Жуковский писал об этом Пушкину. В письме А. М. Горчакова к родным от 7 марта 1817 г. имеется сообщение о том, что Жуковский прислал Пушкину изданное брошюрой свое стихотворение «Певец в Кремле» с надписью «*Поэту товарищу* Ал. Серг. Пушкину от сочинителя» (КА. 1936. № 6 (79). С. 198).

Но как бы там ни было, во исполнение обещания, данного Жуковскому, Пушкин принялся за переписку своих не напечатанных к этому времени стихотворений, для чего и завел вышеописанную тетрадь (ЛТ).[91] В переписке стихотворений приняли участие товарищи Пушкина.

---

[91] (Предложенная М. А. Цявловским и принятая в основе своей последующими исследователями (см., например: Томашевский. Пушкин, I. С. 114—118) реконструкция замысла первого сборника стихотворений Пушкина вызвала сомнения в новейшей литературе (см.:

Переписаны были в тетрадь следующие стихотворения:

Л. 2—3. «Послание Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...») ⟨1816⟩ (автограф Пушкина).[92]

Л. 3. «Роза» ⟨1814—1816⟩ (автограф Пушкина).[93]

Л. 3 об. «Пробужденье» ⟨1816⟩ (рукой Илличевского).[94]

Л. 4—4 об. «Гроб Анакреона» ⟨1815⟩ (рукой неизвестного (а)).[95]

Л. 5. «Слеза» ⟨1815⟩ (рукой Пущина).[96]

Л. 5 об. «Истина» ⟨1816⟩ (рукой Вольховского).[97]

Л. 6—6 об. «К молодой вдове» ⟨1817⟩ (рукой неизвестного (б)).[98]

Л. 7. «Друзьям» («К чему, веселые друзья...») ⟨1816⟩ (автограф Пушкина).[99]

Петрунина Н. Н. Из истории первого собрания стихотворений Пушкина. С. 137—146). Н. Н. Петрунина предложила альтернативные варианты интерпретации заглавий в программе сборника (предполагая даже возможность появления в ней стихов 1818 г.) и не согласилась с гипотезой, что послание «К Жуковскому» мыслилось Пушкиным как своего рода программное стихотворение сборника. «При отсутствии достаточных оснований для датирования программы издания, — пишет исследовательница, — сведения, которыми мы ныне располагаем, позволяют лишь уверенно отвести утверждение, будто готовиться к выпуску книжки своих стихов Пушкин начал осенью 1816 года, а состав ее и построение были ясны молодому поэту в начале января 1817 года» (Там же. С. 143). ЛТ рассматривается ею не как «рукопись будущей книги», а как «свод ненапечатанных стихов», возникший вне связи с замыслом сборника (Там же. С. 144). Соображения Н. Н. Петруниной должны быть приняты во внимание; существующая ныне картина ранних стадий замысла печатного сборника (с посланием «К Жуковскому» как декларативно заявленной литературной программой) в свете ее возражений обнаруживает яснее свои слабые места и гипотетический характер; однако попытка построить альтернативное объяснение появления ЛТ и хронологию замысла сборника при современном состоянии материала оказывается столь же (если не более) гипотетичной и вынуждена опираться на допущения и аналогии, справедливость которых не может быть убедительно подтверждена. В этой связи возникают и новые вопросы: требует нового осмысления самая интенсивность работы над ЛТ после просмотра ее Жуковским и в особенности появление цензурных вариантов строк. Принципы отбора стихотворений, устанавливаемые М. А. Цявловским (см. ниже, с. 512—513), также говорят скорее о целенаправленно формируемом сборнике, нежели просто о своде ненапечатанных стихов. Все эти проблемы нуждаются, впрочем, в дальнейшем исследовании. — *Ред.*).

[92] Ни Майков (АН 1899. Примеч. С. 368; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 359), ни Брюсов (Брюсов. Лиц. стихи. С. 55) не указали, кем списано стихотворение. Фатов почерк определил правильно (Фатов. С. 30).

[93] Указано Майковым (АН 1899. Примеч. С. 109; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 186).

[94] Указано Майковым (АН 1899. Примеч. С. 285; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 295).

[95] Майков считал, что это рука Илличевского (АН 1899. Примеч. С. 114; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 134). (Здесь и далее неизвестные почерки обозначены литерами; идентичность литеры означает, что почерк принадлежит одному лицу. — *Ред.*).

[96] Майков считал, что это рука Илличевского (АН 1899. Примеч. С. 131; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 168), а Фатов предполагал, что почерк принадлежит Пушкину (Фатов. С. 8).

[97] Майков считал, что это рука Илличевского (АН 1899. Примеч. С. 250; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 260).

[98] Майков считал, что это рука Горчакова (АН 1899. Примеч. С. 327; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 337).

[99] Указано Майковым (АН 1899. Примеч. С. 314; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 324).

Л. 7 об. «Певец» (1816) (рукой Пущина).[100]

Л. 8—8 об. «Амур и Гименей. (Сказка)» ⟨1816⟩ (рукой Илличевского).[101]

Л. 9—9 об. «Фиал Анакреона» ⟨1816⟩ (рукой Горчакова).[102]

Л. 10. «Слово милой» ⟨1816⟩ (рукой Горчакова).[103]

Л. 10 об. «Месяц» ⟨1816⟩ (рукой Корсакова).[104]

Л. 11. «Окно» ⟨1816⟩ (рукой Пущина).[105]

Л. 11 об. «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...») ⟨1816⟩ (рукой неизвестного (в)).[106]

Л. 12—13. «Наездники» ⟨1816⟩ (рукой Есакова).[107]

Л. 13 об. «К живописцу» ⟨1815⟩ (рукой Яковлева).[108]

Л. 14. «К сну» ⟨1816⟩ (рукой неизвестного (г)).[109]

Л. 14 об. «Надпись в беседке» ⟨1814—1816⟩ (рукой Ломоносова).[110]

Л. 14 об. «Твой и мой» ⟨1814—1816⟩ (рукой Ломоносова).[111]

Л. 15. «Унынье» ⟨«Желание» («Медлительно влекутся дни мои...»)⟩ ⟨1816⟩ (рукой Стевена).[112]

Л. 15 об. «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...») ⟨1815⟩ (рукой Маслова).[113]

Л. 16—16 об. «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...») ⟨1816⟩ (рукой Ломоносова).[114]

---

[100] Майков считал, что это рука Илличевского (АН 1899. Примеч. С. 297; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 307).

[101] Указано Майковым (АН 1899. Примеч. С. 235; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 245—246).

[102] Майков считал, что это рука Илличевского (АН 1899. Примеч. С. 240; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 250).

[103] Указано Майковым (АН 1899. Примеч. С. 326; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 336).

[104] Майков не установил принадлежность почерка (АН 1899. Примеч. С. 292; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 302).

[105] Майков принял руку Пущина за автограф Пушкина (АН 1899. Примеч. С. 277; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 287), против чего возражал Фатов (Фатов. С. 9).

[106] Майков также не мог установить принадлежность почерка (АН 1899. Примеч. С. 303; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 314).

[107] Майков не установил принадлежность почерка (АН 1899. Примеч. С. 251; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 261).

[108] Майков не установил принадлежность почерка (АН 1899. Примеч. С. 137; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 179).

[109] Майков определял эту запись как сделанную Пушкиным (АН 1899. Примеч. С. 283; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 293), Фатов — «несомненно Илличевским» (Фатов. С. 9).

[110] Майков принял запись за автограф Пушкина (АН 1899. Примеч. С. 280; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 290), с чем согласился Фатов (Фатов. С. 9).

[111] Майков принял запись за автограф Пушкина (АН 1899. Примеч. С. 281; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 290), с чем согласился Фатов (Фатов. С. 9).

[112] Майков не установил принадлежность почерка (АН 1899. Примеч. С. 294; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 297).

[113] Майков не установил принадлежность почерка (АН 1899. Примеч. С. 290; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 300).

[114] Майков считал, что стихотворение записано неизвестным почерком (АН 1899. Примеч. С. 325; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 335), а Фатов утверждал, что это

Л. 17—17 об. «Сраженный рыцарь» ⟨1815⟩ (рукой Юдина).[115]

Л. 18—18 об. «Осеннее утро» ⟨1816⟩ (рукой Дельвига).[116]

Л. 19—19 об. «Заздравный кубок» ⟨1816⟩ (рукой Горчакова).[117]

Л. 20—21. «Мое завещание. Друзьям» ⟨1815⟩ (рукой Пущина).[118]

Л. 21 об. Чистый.

Л. 22—25 об. «Послание к Ю⟨дину⟩» ⟨1815⟩ (автограф Пушкина).[119]

Л. 26—26 об. «Усы. Философическая ода» ⟨1816⟩ (рукой Мясоедова).[120]

Л. 27—28. «Безверие» ⟨1817⟩ (рукой неизвестного (а)).[121]

Л. 28 об. Чистый.

Л. 29—29 об. «Элегия» («Опять я ваш, о юные друзья!..») ⟨1817⟩ (рукой Пущина).[122]

Л. 30—32. «Моему Аристарху» ⟨1815⟩ (рукой неизвестного (д)).[123]

Л. 32 об. «Письмо к Лиде» («Лишь благосклонный мрак раскинет...») ⟨1817⟩ (автограф Пушкина).[124]

Л. 33—33 об. «Разлука» («Когда пробил последний счастью час...») ⟨1816⟩ (рукой неизвестного (г)).[125]

Л. 34. «Красавице, которая нюхала табак» ⟨1814⟩ (рукой Матюшкина).[126]

Л. 34 об.—35. «К Ш⟨ишк⟩ову» ⟨1816⟩ (рукой Саврасова (?)).

«несомненно почерк Пушкина, притом абсолютно тождественный с почерком стихотворений „Надпись в беседке" и „Твой и мой"» (Фатов. С. 2). Последнее утверждение правильно.

[115] Майков считал, что стихотворение записано неизвестной рукой (АН 1899. Примеч. С. 209; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 225).

[116] Майков считал, что стихотворение записано неизвестным почерком (АН 1899. Примеч. С. 304; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 315). (М. А. Цявловский первоначально принял это заключение; уточнение см.: Акад. Т. 1. С. 464—465. — *Ред.*).

[117] Майков считал, что это рука Илличевского (АН 1899. Примеч. С. 247; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 257).

[118] Майков считал, что это рука Илличевского (АН 1899. Примеч. С. 166; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 140).

[119] Указано Майковым (АН 1899. Примеч. С. 149; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 157).

[120] Майков не определил принадлежность почерка (АН 1899. Примеч. С. 224; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 233).

[121] Майков считал, что это автограф Пушкина (АН 1899. Примеч. С. 390; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 391), против чего возражал Брюсов (Брюсов. Лиц. стихи. С. 75).

[122] Майков считал, что это автограф Пушкина (АН 1899. Примеч. С. 310; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 320).

[123] Рукой этого же лица сделана запись в 1817 г. в альбоме Е. А. Энгельгардта (подписано: «Ш. ъ. а. к. в.»). Майков не высказал никаких соображений о принадлежности почерка (АН 1899. Примеч. С. 179; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 195).

[124] Майков не указал, кем записано стихотворение (АН 1899. Примеч. С. 368; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 359). Брюсов правильно определил почерк Пушкина (Брюсов. Лиц. стихи. С. 18).

[125] Майков также считал, что стихотворение записано неизвестным почерком (АН 1899. Примеч. С. 294; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 304).

[126] Майков считал, что запись сделана неизвестной рукой (АН 1899. Примеч. С. 50; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 52).

Л. 36—36 об. «Стансы. Из Вольтера». ⟨1817⟩ (рукой Кюхельбекера).

Л. 37—38. «К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...») ⟨1815⟩ (рукой Дельвига).[127]

Л. 38 об. «Товарищам» ⟨1817⟩ (рукой Пущина).[128]

Л. 39—41. «Пирующие студенты» ⟨1814⟩ (рукой Пущина).[129]

Л. 41 об.—42. «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...») ⟨1816⟩ (автограф Пушкина).[130]

Таким образом, самим Пушкиным переписано шесть стихотворений, Пущиным тоже шесть,[131] Горчаковым[132] и Ломоносовым[133] по три, Илличевским[134] и двумя неизвестными лицами (а, г) по два[135] и Вольховским, Дельвигом, Есаковым,[136] Корсаковым,[137] Кюхельбекером,[138] Масловым,[139] Матюшкиным,[140] Мясоедовым,[141] Саврасовым,[142] Стевеном,[143] Юди-

---

[127] Во всех этих случаях (л. 34 об.—38) Майков не определил принадлежность почерка (АН 1899. Примеч. С. 317, 363, 157; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 327, 356, 102).

[128] Майков принял рукопись за автограф Пушкина (АН 1899. Примеч. С. 386; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 387). (Первоначально М. А. Цявловский счел, что она написана почерком Илличевского; уточнение см.: Акад. Т. 1. С. 481. — *Ред.*).

[129] Майков принял почерк Пущина за пушкинский (АН 1899. Примеч. С. 56; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 58), Брюсов предполагал, что это почерк Илличевского (Брюсов. Лиц. стихи. С. 31), Морозов и Венгеров уже уверенно утверждали, что копия сделана рукой Илличевского (Венг. Т. 1. С. 136 и 142).

[130] Указано Майковым (АН 1899. Примеч. С. 299; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 309).

[131] Почерк Пущина весны 1817 г. определен по коллективному письму лицеистов к С. С. Фролову (ПД 424).

[132] Почерк Горчакова определен по многочисленным автографам в его лицейском архиве.

[133] Почерк Ломоносова определен по его подписи на «присяжном листе» 15 июня 1817 г. (факсимильное воспроизведение см.: Рукою П. Между с. 828 и 829).

[134] Почерк Илличевского весны 1817 г. определен по коллективному письму лицеистов к С. С. Фролову.

[135] Возможно, рукой одного из них (а) переписана «Тень Фон-Визина».

[136] Почерки Вольховского, Дельвига, Есакова весны 1817 г. определены по коллективному письму лицеистов к С. С. Фролову.

[137] Почерк Корсакова определен по его подписи на «присяжном листе» 15 июня 1817 г. (факсимильное воспроизведение см.: Рукою П. Между с. 828 и 829) и письмам (неопубликованным) к А. Н. Верстовскому (хранятся в Театральном музее им. А. А. Бахрушина в Москве).

[138] Почерк Кюхельбекера определен по рукописям его стихотворений, хранящимся в Пушкинском Доме (см.: *Данилов В. В.* Документальные материалы об А. С. Пушкине: (Краткое описание) // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1956. Вып. 6. С. 54—57. — *Ред.*).

[139] Почерк Маслова определен по его записи 1817 г. в альбоме Е. А. Энгельгардта (ПД 1689).

[140] Почерк Матюшкина определен по его тетради (о ней см. выше, с. 487—489).

[141] Почерк Мясоедова определен по официальным документам, написанным его рукой (ПД, ф. 244, оп. 25, № 244, 245).

[142] Почерк Саврасова предположительно определен по его записи в альбоме Е. А. Энгельгардта и по письму к Комовскому 1818 г. (ПД, ф. 244, оп. 25, № 187).

[143] Почерк Стевена определен по его письму 1830 г. к Вольховскому (ПД, ф. 244, оп. 25, № 87).

ным,[144] Яковлевым[145] и тремя неизвестными лицами (б, в, д)[146] по одному стихотворению.

Страницы тетради заполнялись подряд. Когда были заполнены первые двадцать четыре листа, в точности неизвестно, но, как уже сказано, тетрадь была заведена во всяком случае не ранее возвращения Пушкина из Петербурга в Лицей 1 января 1817 г. Этот год выставлен и на заглавном листе тетради. Судя по тому, что на л. 26 об. под стихотворением «Усы. Философическая ода» помечено: «Писано 8-го марта 1817 года», первые двадцать шесть листов заполнены в январе—8 марта 1817 г. На л. 32 под стихотворением «Моему Аристарху» помечено: «10 марта 1817 (переписано)». Таким образом, л. 27—29 об., занятые стихотворениями «Безверие» и «Элегия» («Опять я ваш, о юные друзья!..»), заполнялись 8—10 марта. Л. 38 об. занят стихотворением «Товарищам», написанным едва ли ранее мая. Следовательно, тетрадь заполнялась до последних дней пребывания Пушкина в Лицее.

За пределами тетради остались перечисленные выше девятнадцать стихотворений, которые Пушкин не мог намечать для помещения в сборник; к ним нужно прибавить «Надпись на стене больницы» («Вот здесь лежит больной студент...»). Можно с уверенностью сказать, что Пушкин не предполагал включать в сборник стихотворения 1814 г.: «Эвлега», «Осгар», «Рассудок и любовь», «К сестре», «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...»), «Бова. (Отрывок из поэмы)» и «Леда. (Кантата)»; 1815 г.: «К молодой актрисе», «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году», «К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг», «Воспоминание. (К Пущину)»; 1816 г.: «К Маше», «Принцу Оранскому», «К Наташе», «Сон. (Отрывок)», «Картины», «Любовь одна — веселье жизни хладной...», «Наслажденье», «Погреб»; 1817 г.: «Сновидение» и «В альбом Илличевскому»; 1814—1816 гг.: «Делия» («Ты ль передо мною...»); 1815—1816 гг.: «К Делии» («О Делия драгая!..»). Ни одного из этих стихотворений Пушкин действительно не напечатал.[147] Не вписана в тетрадь и ни одна из четырнадцати эпиграмм и надписей: «Несчастие Клита», «Угрюмых тройка есть певцов...», «Экспромт на А⟨гареву⟩», две эпиграммы на Пучкову, «Дяде, назвавшему сочинителя братом», «К портрету Каверина» («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...»), «На Баболовский дворец», «К письму» («В нем радости мои; когда померкну я...»), «Она», «„Скажи, что нового". — „Ни слова"...», «Больны вы, дядюшка? Нет мочи...», «Эпиграмма на смерть стихотворца», «Пожарский, Минин, Гермоген...».

---

[144] Почерк Юдина определен по рукописи его лицейского сочинения «Марий на развалинах Карфагена» и письмам 1817—1818 гг. к Горчакову, хранящимся в архиве последнего (см.: Цявловский. Новые пушкинские рукописи. С. 158).

[145] Почерк Яковлева определен по его письмам 1817—1818 гг. к Горчакову (см. там же).

[146] Среди них не могут быть ни Корф, ни Малиновский. Почерк первого 1817 г. известен по его записи в альбоме Е. А. Энгельгардта, почерк второго — по записи 1817 г. в этом же альбоме, по коллективному письму 1817 г. к С. С. Фролову и письмам к Горчакову в архиве последнего (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 127).

[147] Стихотворение «На возвращение государя императора...» напечатано, вероятно, В. Л. Пушкиным.

Все эти стихотворения не попали в тетрадь, надо полагать, потому, что над ними Пушкин не собирался работать, и во всяком случае представлять их Жуковскому не было нужды.[148]

Наконец, последнюю группу не вписанных в тетрадь стихотворений составляют «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...»), «К Жуковскому», «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»), «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»), «Послание В. Л. Пушкину» («Скажи, парнасский мой отец...»), «Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»), «⟨Отрывок⟩» («Когда погаснут дни мечтанья...»), «В альбом Пущину» и «Кюхельбекеру» («В последний раз, в тиши уединенья...»).

Первые семь из этих стихотворений были включены Пушкиным в сборник; все они вошли в Тетрадь Всеволожского.[149] В ЛТ же они не были вписаны, надо полагать, потому, что Пушкин намеревался над ними еще поработать до представления их Жуковскому. За это говорит и то обстоятельство, что все эти стихотворения действительно подвергались переделкам.[150]

Что касается послания к Жуковскому, то, очевидно, Пушкин уже ко времени составления ЛТ отказался от мысли печатать это стихотворение, считая, может быть, что оно в центральной своей части — борьба с «Беседой любителей русского слова» — уже устарело. Весьма вероятно, что и сам Жуковский был против печатания этого послания.

Прежде чем передать рукописное собрание своих стихотворений Жуковскому, Пушкин решил пересмотреть все тексты. Было это или уже в Петербурге, куда Пушкин уехал 11 июня (см.: Летопись. С. 122) и где пробыл до 8—10 июля, до отъезда в Михайловское (см.: Там же. С. 130), или, может быть, еще в Лицее, но после того, как прощальное стихотворение «Товарищам» было переписано в тетрадь.

При этом первом пересмотре переписанных стихотворений Пушкин сделал поправки в одиннадцати пьесах: «Амур и Гименей. (Сказка)», «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...»), «Наездники» (ст. 6, 11, 19 и 56), «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...»), «Осеннее утро», «Мое завещание. Друзьям», «Моему Аристарху», «Красавице, которая нюхала табак», «К Ш⟨ишк⟩ову», «Стансы. Из Вольтера» и «Товарищам». Вероятно, в это же время, но в другой день были сделаны Пушкиным исправления и в «Слезе».[151]

---

[148] Ни одно из этих стихотворений не вошло в Тетрадь Всеволожского (о ней см. ниже, с. 521—523), и лишь две эпиграммы были напечатаны Пушкиным: «Эпиграмма на смерть стихотворца» в 1817 г., вскоре по выходе из Лицея, и «„Скажи, что нового". — „Ни слова"...» в «Северных цветах на 1829 год» в переделанной редакции.

[149] (В сохранившихся листах Тетради Всеволожского нет стихотворения «⟨Отрывок⟩» («Когда погаснут дни мечтанья...»), и нельзя сказать с уверенностью, было оно в ней или нет. — *Ред.*).

[150] Относительно стихотворений «Послание В. Л. Пушкину», «Князю А. М. Горчакову», «⟨Отрывок⟩» («Когда погаснут дни мечтанья...»), «В альбом Пущину» и «Кюхельбекеру» возможно предположить и другое, а именно, что они могли быть написаны после составления тетради.

[151] Исправления эти сделаны черными чернилами, может быть петербургскими, а в одиннадцати названных стихотворениях поправки внесены сероватыми чернилами, которыми был переписан в Царском Селе почти весь основной текст стихотворений.

Эти поправки выделяются из всех остальных старательным почерком, каким они сделаны. Возможно, что Пушкин вносил их, имея в виду писаря, который должен был снять копию для цензурной рукописи сборника.

В огромном большинстве исправления этого слоя касаются отдельных слов (таковы, например, поправки в «Осеннем утре», послании к Шишкову, «Стансах. Из Вольтера»).

Три стихотворения — «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...»), «Моему Аристарху» и «Красавице, которая нюхала табак» — подверглись исправлениям более радикального характера: в них переделывались и вставлялись целые стихи.

Получившиеся в результате этой правки тексты, если рассматривать их формально, не являются «лицейскими», отличаясь от текстов, распространявшихся в лицейские годы и «кодифицированных» в ЛТ. С другой стороны, исправления, сделанные Пушкиным вскоре после составления лицейского свода в ЛТ и до представления его Жуковскому, дают, по существу, окончательную лицейскую редакцию. На этом основании указанный слой поправок вводится нами в основной текст корпуса стихотворений.[152]

Жуковский, получив от Пушкина тетрадь, внимательно прочитал все стихотворения, расставил на полях карандашом обычные свои пометы «№», чернилами пометил ряд стихов крестиками, подчеркнул отдельные слова, написал два предлагаемых им варианта,[153] а у заглавия стихотворения «К живописцу» написал резолюцию: «Переделать все, оставя одну последнюю строфу».[154] В общем замечания Жуковского вызвали следующие четырнадцать стихотворений: «Послание Лиде», «Роза», «К молодой вдове», «Друзьям», «Фиал Анакреона», «Слово милой», «К живописцу», «К ней», «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...»), «Сраженный рыцарь», «Послание к Ю⟨дину⟩», «Моему Аристарху», «Письмо к Лиде», «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»).[155]

Первое, что было сделано Пушкиным в тетради после просмотра ее Жуковским, — вписано несколько вариантов карандашом[156] в тексте сти-

---

[152] (Отдельные отступления от текстологических решений М. А. Цявловского оговариваются в примечаниях к текстам стихотворений. — *Ред.*).

[153] Один из этих вариантов (в стихотворении «Фиал Анакреона») указал Майков (см.: АН 1899. Примеч. С. 240; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 250), только его и увидевший из всего, что написано Жуковским в ЛТ, и никак не осмыслив этого. Указание Майкова повторил Венгеров (см.: Венг. Т. 1. С. 316). Фатовым было высказано предположение, что помета «№» у «Послания Лиде» сделана Жуковским (см.: Фатов. С. 30).

[154] Первоначально было написано даже: «...оставя один последний стих».

[155] Подробнее о пометах Жуковского см. в примечаниях к указанным стихотворениям (новейший анализ этих помет в ЛТ и реакции на них Пушкина см.: *Коровин В. И., Макаров А. А.* Этапы развития русской поэзии: Жуковский и Пушкин // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века. М., 1988. С. 212—224. — *Ред.*). Просмотр Жуковским стихотворений Пушкина мог осуществиться и по возвращении последнего из Михайловского в Петербург, т. е. в период с конца августа (см.: Летопись. С. 133) до 4 октября 1817 г., когда Жуковский уехал в Москву (см.: ОА. Т. 1. С. 89). Возможно, что Жуковский просматривал тексты и вторично (см. ниже примеч. к стих. «Фиал Анакреона», с. 725).

[156] Карандашом Пушкин делал в тетради поправки в разное время, и особого слоя карандашные исправления не дают.

хотворения «К молодой вдове». Эти поправки едва ли не были сделаны во время беседы с Жуковским при возвращении им тетради Пушкину. Затем идет уже слой поправок, вызванных отчасти замечаниями Жуковского.

Из четырнадцати указанных Жуковским стихотворений, требующих исправлений, Пушкин на этот раз занялся лишь тремя: «К молодой вдове», «Фиал Анакреона» и «Слово милой».

Тогда же Пушкин занимался еще стихотворениями «Певец», «Месяц», «К сну» и «Товарищам». В последнем стихотворении он дал и цензурный вариант; этот факт показывает, что он продолжал думать о публикации сборника.

Эти поправки второго слоя отличаются тем, что они сделаны главным образом на полях текстов, без отмены путем вычеркивания основных чтений, — словно поэт колебался, не оставить ли старые варианты. Поправки сделаны тонким пером, жидкими серыми чернилами, ровным мелким почерком, вероятно, еще в 1817 г.

Для упорной работы по переделке стихотворений у Пушкина в это время не было ни большой охоты, ни выдержки. Образ жизни, который вел поэт в первые годы по выходе из Лицея, меньше всего способствовал какой-либо усидчивой работе. Творческие силы шли почти исключительно на создание «Руслана и Людмилы». Черновая рукопись поэмы, частью сохранившаяся в той же тетради, о которой идет речь, внешне являет картину необыкновенную по сравнению с другими рукописями Пушкина.

Страницы черновика «Руслана и Людмилы» не похожи одна на другую. Разные почерки, мелкий и крупный, более спокойный и нервный, и разного типа раздерганные наброски стихов поэмы красноречиво свидетельствуют об исключительно неровной и прерывистой работе Пушкина в 1817—1820 гг.

Аналогичную картину с черновой рукописью «Руслана и Людмилы» дают поправки в текстах лицейских стихотворений. Они также сделаны в несколько приемов разными почерками. С большей или меньшей уверенностью можно различить кроме двух описанных слоев еще пять. С большой вероятностью устанавливается и последовательность слоев, а два из них можно даже датировать.

Третий слой поправок сделан в следующих четырех стихотворениях: «Послание Лиде», «Мое завещание. Друзьям», «Моему Аристарху», «Пирующие студенты» и, может быть, «Письмо к Лиде». На этот раз в текстах названных стихотворений были сделаны довольно значительные изменения. Так, в стихотворении «Мое завещание. Друзьям» было вычеркнуто четыре стиха и ниже приписано новое четверостишие. В послании «Моему Аристарху» был сделан ряд композиционных замен. Работа, однако, не была доведена до конца.

Исправления этого слоя сделаны хорошим пером, коричневыми чернилами, довольно небрежным почерком. Может быть, в это время над стихотворением «Пробужденье» (л. 3 об.) поставлена помета: «18 марта». Это, возможно, март 1818 г., когда Пушкин выздоравливал после довольно тяжелой болезни. Очевидно, прикованный к постели, он и занялся очередной правкой лицейских стихотворений. Вероятно, в это же время сделаны

пометы «Не надо» у заглавий трех стихотворений: «Роза», «Пробужденье» и «Гроб Анакреона».

Четвертое обращение к тетради дало немного поправок, и притом главным образом чисто словесных. Они имеются в следующих стихотворениях: «Роза» (намечена поправка в ст. 7), «Истина», «Друзьям», «Наездники», «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...») (две недоконченные поправки), «Сраженный рыцарь», «Мое завещание. Друзьям», «Усы. Философическая ода» и, может быть, «Гроб Анакреона».

Этот слой сделан, вероятно, вскоре после третьего, так как в стихотворении «Мое завещание. Друзьям» Пушкин заканчивает работу, начатую при третьем обращении к тетради.

Четвертый слой поправок отличается аккуратным, не очень разборчивым почерком (черные чернила).

Возможно, что тогда же сделаны и цифровые пометы у заглавий пятнадцати стихотворений, — знак, что они отобраны для сборника: 1) «Пробужденье», 2) «Гроб Анакреона», 3) «Слеза», 4) «Истина», 5) «К молодой вдове», 6) «Друзьям», 7) «Амур и Гименей. (Сказка)», 8) «Фиал Анакреона», 9) «Месяц», 10) «Окно», 11) «Наездники», 12) «К сну», 13) «Надпись в беседке», 14) «Твой и мой», 15) «Осеннее утро».

Стихи, отмеченные цифрами, не совпадают с теми, которые Пушкин отделывал в этот четвертый приступ к работе. Из этого следует, что цифровые пометы могли быть сделаны и до четвертого слоя поправок, и после него, но ранее пятого слоя.

При новом (пятом) приступе к переделке лицейских стихотворений правке подверглось наибольшее количество пьес. Она коснулась шестнадцати стихотворений: «Гроб Анакреона», «Слеза», «К молодой вдове», «Амур и Гименей. (Сказка)», «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...»), «Наездники», «К сну», «Надпись в беседке», «Твой и мой», «Унынье» («Медлительно влекутся дни мои...»), «Осеннее утро», «Элегия» («Опять я ваш, о юные друзья!..»), «Письмо к Лиде», «Красавице, которая нюхала табак», «К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...»), «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...») и, может быть, «Мое завещание. Друзьям». Особенностью работы, давшей этот слой поправок, является сокращение стихотворений — вычеркивались группы от четырех до восьми стихов. Во время этого приступа зачеркнута цифра у стихотворения «Слеза», что, очевидно, означало, что Пушкин отказывается от включения его в сборник, и отчеркнуты цифры у стихотворений «Истина» и «Окно». Что означало это отчеркивание, мы сказать не можем.

Пятый слой поправок сделан пером с большим расщепом, довольно жидкими коричневыми чернилами. Такими же пером и чернилами написаны черновые тексты стихотворений «На лире скромной, благородной...» и «Мечтателю» в этой же тетради (л. 43 об.—44). Черновики эти писались в ноябре 1818 г. Этим временем и датируется пятый слой поправок.

Усиленная работа над правкой стихотворений объясняется приготовлением их к печати в виде отдельного сборника, о чем писал 24 декабря 1818 г. А. И. Тургенев П. А. Вяземскому из Петербурга: «Пушкин печатает свои стихотворения» (ОА. Т. 1. С. 179).

Более подробные сведения об этом имеются в декабрьском письме 1818 г. С. А. Соболевского из Петербурга в Москву к отцу: «Пожалуйста, скажите Свечину, что сочинения молодого Пушкина выходят в свет, и, если он может, желает, я сумею достать ему билет на них, так как мне, совместно с его братом, поручено распределить билеты в нашем пансионе. Стоимость по подписке — 10 р. за 2 тома в 12°. Один только Жуковский взял их 100».[157]

О подготовке сборника свидетельствуют и рисунки на л. 45, представляющие собою наброски виньеток, которые должны были украшать книгу.[158]

Шестой слой поправок имеется в следующих восьми стихотворениях: «Слово милой», «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...»), «Сраженный рыцарь», «Заздравный кубок», «Разлука» («Когда пробил последний счастью час...»), «К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...»), «Товарищам», «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...») и, может быть, «Моему Аристарху» и «Письмо к Лиде».

Этот слой поправок сделан крупным почерком сероватыми чернилами, уже после пятого слоя (см. «Письмо к Лиде» и «К Д⟨ельвигу⟩»), т. е. после ноября 1818 г. и до июля 1819 г. Последняя дата определяется тем, что на новой строфе «Заздравного кубка», написанной в этот шестой приступ, имеются два буквенных исправления,[159] сделанных лиловато-розоватыми чернилами, которыми Пушкин пользовался в начале июля 1819 г.[160]

Седьмой, и последний, приступ к работе над лицейскими стихотворениями характеризуется радикальной их переделкой. В этот раз поэт вычеркивал целые пассажи, переделывал начала («К сну»), выправлял архаизмы («К живописцу»), вводил новые образы там, где ранее были «общие места» («Элегия» («Опять я ваш, о юные друзья!..»)). Этой последней переделке подверглись следующие семнадцать стихотворений: «Роза», «К молодой вдове», «Певец», «Амур и Гименей. (Сказка)», «Фиал Анакреона», «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...»), «К живописцу», «К сну», «Надпись в беседке», «К ней», «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...»), «Заздравный кубок», «Безверие», «Разлука» («Когда пробил последний счастью час...»), «К Ш⟨ишк⟩ову», «Стансы. Из Вольтера», «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...») и, может быть, «Усы. Философическая ода» и «Элегия» («Опять я ваш, о юные друзья!..»).

Все поправки сделаны энергичным крупным небрежным почерком, темными чернилами, надо думать, во второй половине 1819 г. Возможно, что в это же время сделаны пометы: «Надо», «Не надо», «Переписать» — у заглавий стихотворений. Кроме этих помет имеются пометы у заглавий

---

[157] *Саитов В. И.* Соболевский — друг Пушкина. СПб., 1922. С. 6.

[158] Рисунки эти можно датировать декабрем 1818 г.: на соседнем л. 46, тоже при карандашных рисунках, дата: «1818, 15 Déc.» (воспроизведение рисунков см.: Эфрос. С. 17 (также: Раб. тетр. Т. 2. — *Ред.*)).

[159] Дважды «Ф» вместо «θ» в слове «Феб».

[160] Этими чернилами переписан текст послания «К г⟨енералу⟩ О⟨рлову⟩» (автограф — ПД 880). Кроме указанных буквенных исправлений, лиловато-розовых чернил в первой (лицейской) части ЛТ нет.

стихотворений в виде креста и одна в виде горизонтальной черточки. Время этих помет не поддается определению; даем здесь перечень всех стихотворений с указанием, у заглавий каких из них имеются пометы:

«Послание Лиде» — «Не надо»;
«Роза» — «[Пер⟨еписать⟩]. Не надо»;
«Пробужденье» — «Не надо»;[161]
«Гроб Анакреона» — «Не н⟨адо⟩»;
«Слеза» — «Не надо»;
«Истина» — «Не надо»;
«К молодой вдове» — «Переп⟨исать⟩»;
«Друзьям» — +;
«Певец» — «Переп⟨исать⟩»;
«Амур и Гименей. (Сказка)» — «Переп⟨исать⟩»;
«Фиал Анакреона» — «Не надо»;
«Слово милой» — «Не надо»;
«Месяц» — «Надо»;
«Окно» — «Не ⟨надо?⟩»;
«Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...») — «Не надо»;
«Наездники»;
«К живописцу»;
«К сну»;
«Надпись в беседке» — «Надо»;
«Твой и мой» — «Переп⟨исать⟩»;
«Унынье» («Медлительно влекутся дни мои...») — «Пере⟨писать?⟩»;
«К ней» — [+];
«Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...») — +;
«Сраженный рыцарь» — +;
«Осеннее утро» — +;
«Заздравный кубок»;
«Мое завещанье. Друзьям» — +;
«Послание к Ю⟨дину⟩» — +;
«Усы. Философическая ода»;
«Безверие» — «Надо»;
«Элегия» («Опять я ваш, о юные друзья!..») — +;
«Моему Аристарху» — +;
«Письмо к Лиде» — +;
«Разлука» («Когда пробил последний счастью час...»);
«Красавице, которая нюхала табак» — +;
«К Ш⟨ишк⟩ову» — «Надо»;
«Стансы. Из Вольтера»;
«К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...») — +;
«Товарищам» — «[Не печ⟨атать⟩]. Переп⟨исать⟩»;
«Пирующие студенты» — +;
«Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...») — +.

[161] Эта и предыдущая пометы сделаны, возможно, при третьем слое поправок (см. выше, с. 515—516).

На этом прекратилась работа Пушкина над лицейскими стихотворениями в ЛТ. Дальнейшая работа проводилась уже на других рукописях. О характере исправлений Пушкина в ЛТ, их телеологии правильно писал Ю. Н. Тынянов: «Факт длительного и неоднократного перерабатывания Пушкиным лицейских стихотворений (например, «Элегия» («Я видел смерть...»)) указывает на то, что Пушкин считал лицейские стихи не подготовительной, черновой работой отроческих лет, а вполне определенным этапом своей поэзии. Самые приемы и результаты переработки указывают, что Пушкин не относился к ним как к сырым материалам, которые можно использовать для новых задач и в новых жанрах, а, напротив, применил новые средства, чтобы наиболее ясно проявились старые задачи. Жанр лицейских стихов оставлялся им в неприкосновенности».[162]

* * *

В. А. Жуковский, напечатавший пятьдесят пять лицейских стихотворений по Тетради Никитенко, совершенно пренебрег ЛТ. Первым, кто использовал эту тетрадь, был Анненков, упомянувший о ней (см.: Анненков. Материалы 1855. С. 31), приведший в примечаниях к стихотворениям 1814—1817 гг. некоторые варианты из текстов тетради и напечатавший по ней впервые стихотворения «Моему Аристарху» (не полностью), «Письмо к Лиде» («Лишь благосклонный мрак раскинет...») и отрывки из «Послания к Ю⟨дину⟩» (см.: Анн. Т. 2. С. 148—150). Затем в течение тридцати лет тетрадь оставалась неизвестной редакторам изданий Пушкина, и лишь в 1884 г. В. Е. Якушкин дал ее полистное описание (см.: Якушкин. № 2 и 3). В этом описании не указано, что подавляющее большинство текстов лицейских стихотворений написано не Пушкиным. Из поправок Якушкиным приведена небольшая часть (полная транскрипция текстов не входила в его задачи), причем не указано, что сделаны они в разное время. Более или менее значительные отрывки текстов тетради даны Якушкиным из следующих стихотворений: «Слово милой», «Заздравный кубок», «Безверие», «Моему Аристарху», «Красавице, которая нюхала табак», «К Ш⟨ишк⟩ову»; полностью напечатано «Послание к Ю⟨дину⟩». П. О. Морозов в издании 1887 г. (Мор. 1887) ограничился тем, что напечатал по ЛТ текст пятнадцати стихотворений,[163] воспроизводя в общем последнее чтение, т. е. вводя в основной текст поправки, но делая это довольно произвольно.

Л. Н. Майков в изданиях 1899 и 1900 гг. в корпусе также напечатал текст с поправками. Все эти поправки он считал сделанными в 1825 г. (см.: АН 1899. Примеч. С. 8, 9; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 8, 9), а в

---

[162] *Тынянов Ю.* Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 231 (то же: *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968. С. 124. — *Ред.*).

[163] «Красавице, которая нюхала табак», «Мое завещание. Друзьям», «К живописцу», «Послание к Ю⟨дину⟩», «Моему Аристарху», «Заздравный кубок», «Усы. Философическая ода», «Слово милой», «Фиал Анакреона», «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...»), «Месяц», «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»), «К молодой вдове», «Безверие» и «Товарищам».

примечаниях в виде вариантов привел неполно и с ошибками первоначальные чтения. Как уже указано, из разного рода помет Жуковского Майков увидел лишь одну, не осмыслив ее значения (см. с. 514). В почерках Пушкина и его товарищей редактор разбирался очень плохо, считая, что «бóльшая часть стихотворений переписана самим автором» (АН 1899. Примеч. С. 8; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 8).

Работа Майкова над лицейскими стихотворениями вызвала специальное исследование В. Я. Брюсова «Лицейские стихи Пушкина» (1907), в котором указаны многочисленные методологические и фактические ошибки и промахи Майкова. Но общих вопросов, связанных с ЛТ, не рассмотрел и Брюсов. Он ошибочно считал, что тетрадь заполнялась с 1815 г. (см.: Брюсов. Лиц. стихи. С. 18), и, так же как Майков, утверждал, что переделка стихотворений в тетради производилась в 1825 г., не различая, таким образом, слоев поправок и ограничившись лишь указанием, какие из них сделаны карандашом. Не заметил Брюсов и помет Жуковского, а вопросом о том, кто из товарищей Пушкина списывал в тетрадь стихотворения, и не занимался.[164]

Сомнение в том, что переделка стихотворений в ЛТ относится к 1825 г., высказывал П. Е. Щеголев, в статье «„Утаенная любовь" А. С. Пушкина» писавший: «Обычно утверждают, что Пушкин исправлял стихи этой тетради, готовя издание в 1825 году, но не были ли сделаны эти исправления перед тем, как по этой тетради Пушкин приготовил список своих стихотворений в 1820 году, очутившийся в руках Всеволожского? Ответ на этот вопрос важен для истории текста и требует для своего разрешения дальнейших наблюдений» (ПиС. Вып. 14. С. 88; Щеголев. Пушкин 1912. С. 75; Щеголев. Пушкин 1913. С. 176).

Эти наблюдения сделал М. К. Клеман, изложивший их в статье «Текст лицейских стихов Пушкина» (Пушкинист, IV. С. 1—12). Клеман правильно указал, что пометы при заглавиях стихотворений в ЛТ не могут относиться к Ст 1826 и что исправления в текстах тетради «далеко оставлены позади какими-то новыми изменениями, новыми исправлениями», в результате которых появился текст Ст 1826. В исправлениях, имеющихся в ЛТ, Клеман различает два слоя: первый — «небольшая часть исправлений», сделанных «еще в 1817 г., вскоре после переписки»,[165] и второй — все остальные исправления, датируемые Клеманом 1820 г.[166]

---

[164] В защиту Майкова против Брюсова по решению Комиссии по изданию сочинений Пушкина выступил П. О. Морозов со статьей «Строгая критика» (ЖМНП. 1907. № 10). Значение статьи — в указании ряда промахов Брюсова, общие выводы которого о работе Майкова остались неопровергнутыми. Никаких соображений о ЛТ Морозов не высказал. Брюсов ответил Морозову статьей «Защитнику авторитета. (К критике текста Пушкина)» (Весы. 1907. № 11).

[165] Из этих исправлений Клеман привел лишь одно (в «Слезе»).

[166] М. Л. Гофман утверждал, что в «1820 году Пушкин, приготовляя к печати сборник своих стихотворений, взял свою лицейскую тетрадь 1817 года ⟨...⟩ и начал исправления» (Гофман (1). С. 82—83; Гофман (2). С. 84—85). Но в транскрипции текста послания «К Ш⟨ишк⟩ову», напечатанной во втором издании книги Гофмана, указано, что ряд исправлений сделан в 1817 г. (см.: Гофман (2). С. 183—188). Таким образом, и по Гофману выходит, что исправления образуют лишь два слоя.

Участия Жуковского в переделке стихотворений Клеман не заметил.[167]

В 1924 г. Пушкинская комиссия Общества любителей российской словесности предприняла «Описание пушкинских рукописей (бывшего Румянцевского музея) с полной транскрипцией текста». Были напечатаны сделанные Н. Н. Фатовым описание внешнего вида и транскрипция первых двух страниц ЛТ (см.: Фатов).[168]

VI. Работа Пушкина над лицейскими стихотворениями в 1819—1820 и 1825 гг. и публикация их при жизни поэта

Лицейские стихотворения, отобранные для помещения в сборник, были списаны в не дошедшую до нас тетрадь, в которую, надо думать, вошли и намечавшиеся в сборник стихотворения, написанные Пушкиным по выходе из Лицея. Весьма вероятно, что именно эта тетрадь была первоисточником для многочисленных копий, циркулировавших среди любителей поэзии. В частности, копии стихотворений Пушкина в Альбоме А. М. Горчакова и в Тетради А. В. Шереметева, надо полагать, восходят к этой не дошедшей до нас тетради Пушкина (см. ниже, с. 525—528). Какие стихотворения входили в эту тетрадь, сказать трудно, но что такая промежуточная тетрадь между ЛТ и Тетрадью Всеволожского была, убеждает изучение последней.

Тетрадь Всеволожского представляет собою приготовленную для представления в цензуру рукопись первого сборника стихотворений Пушкина. Все тексты этой тетради написаны рукой писаря. Изготовлялась эта рукопись, вероятно, в ноябре 1819 г., когда (12-го) А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому: «...беснующийся Пушкин печатает уже свои мелочи, как уверяют меня книгопродавцы» (ОА. Т. 1. С. 350).

Из Тетради Всеволожского, состоявшей, надо полагать, из 36 л. in f°, сохранились 24 л. и узкая полоса от л. 25. На этих листах имеется сорок четыре стихотворения, из которых пять сохранились не полностью. На не дошедших до нас листах, по весьма правдоподобному предположению Б. В. Томашевского (см.: Лет. ГЛМ. С. 38), было еще четырнадцать стихотворений. Среди этих пятидесяти восьми стихотворений лицейских тридцать одно. Из них в ЛТ имеется двадцать одно: «Роза», «Пробужденье», «Гроб Анакреона», «К молодой вдове», «Друзьям», «Певец», «Амур и Гименей. (Сказка)», «Месяц», «Наездники», «К сну»,[169] «Надпись в беседке», «Твой и мой», «Унынье» («Медлительно влекутся дни мои...»),[170] «Заздравный кубок», «Усы. Философическая ода», «Безверие», «Разлука» («Когда пробил последний счастью час...»),[171] «К Ш⟨ишк⟩ову»,

---

[167] Слово «будил» на полях стихотворения «Друзьям» Клеман считал написанным Пушкиным (см.: Пушкинист, IV. С. 9).

[168] Выполненная Фатовым транскрипция следующих сорока листов тетради в свет не вышла.

[169] В Тетради Всеволожского названо «Морфей».

[170] В Тетради Всеволожского названо «Желание».

[171] В Тетрадь Всеволожского вошло в переделанной редакции и названо «Уныние».

«Стансы. Из Вольтера», «Товарищам»,[172] «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»).[173]

Из этих стихотворений, как уже отмечалось, в ЛТ пять («К молодой вдове», «Певец», «Амур и Гименей. (Сказка)», «Твой и мой» и «Товарищам») сопровождаются пометой «Переп⟨исать⟩», одно («Унынье») — «Пере⟨писать?⟩», четыре («Месяц», «Надпись в беседке», «Безверие» и «К Ш⟨ишк⟩ову») — «Надо», два («Друзьям» и «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»)) — знаком креста, шесть («Наездники», «К сну», «Заздравный кубок», «Усы. Философическая ода», «Разлука» и «Стансы. Из Вольтера») помет не имеют и три («Роза», «Пробужденье» и «Гроб Анакреона») имеют помету «Не надо».

Первые десять помет ведут к Тетради Всеволожского. Судя по тому, что из семи стихотворений, не имеющих в ЛТ никаких помет, шесть вошло в Тетрадь Всеволожского, нужно думать, что все эти стихотворения намечались Пушкиным в сборник во время работы над ЛТ, и из них лишь одно («К живописцу») не было введено в Тетрадь Всеволожского. Из тринадцати стихотворений, в свое время в ЛТ отмеченных крестом как требующие переделки, лишь два введены в Тетрадь Всеволожского. Из десяти стихотворений, отмеченных в ЛТ пометой «Не надо», лишь три вошли в Тетрадь Всеволожского. Таким образом, состав лицейских стихотворений в Тетради Всеволожского очень близок к тому, что первоначально намечалось в сборник.

Сличение текстов ЛТ с текстами Тетради Всеволожского обнаружило, во-первых, что ЛТ не служила оригиналом, с которого тексты списывались в Тетрадь Всеволожского, и, во-вторых, что, как этого и нужно было ожидать, поправки в текстах ЛТ в общем вошли в тексты Тетради Всеволожского. Одинаковый текст в обеих тетрадях дают стихотворения «Месяц», «Медлительно влекутся дни мои...», «Стансы. Из Вольтера», «Надпись в беседке»[174] и «Твой и мой». Тексты остальных шестнадцати стихотворений ЛТ лишь более или менее близки к текстам Тетради Всеволожского.

Кроме того, в Тетрадь Всеволожского вошли еще десять лицейских стихотворений, отсутствующих в ЛТ: «Воспоминания в Царском Селе», «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...»), «К Лицинию. (С латинского)», «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»), «Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»), «В альбом Пущину», «К Дельвигу» («Любовью, дружеством и ленью...»), «П⟨ушки⟩ну» («Что восхитительней, живей...»),[175] «Разлука» ⟨«Кюхельбекеру» («В последний раз, в тиши уединенья...»)⟩, «Старик. (Из Марота)». Как уже сказано (см. с. 513), первые семь стихотворений не вошли в ЛТ,

---

[172] Находилось, по предположению Б. В. Томашевского, так же как названные выше стихотворения «К Ш⟨ишко⟩ву» и «К молодой вдове», на утраченных листах Тетради Всеволожского (см.: Лет. ГЛМ. С. 38, 40).

[173] В Тетради Всеволожского названо «Подражание».

[174] В Тетради Всеволожского названо «Надпись к беседке».

[175] «П⟨ушки⟩ну», как и «К Каверину», по предположению Б. В. Томашевского, имелись на не дошедших до нас листах тетради.

вероятно, потому, что во время ее составления Пушкин предполагал их переделать, прежде чем представлять Жуковскому. Последние три стихотворения не были внесены в ЛТ как уже напечатанные. Таким образом, из двадцати четырех стихотворений, напечатанных Пушкиным во время своего пребывания в Лицее, в Тетрадь Всеволожского было включено всего три. Сборник стихотворений Пушкина не вышел в свет и в 1820 г. Приготовленная для сдачи в цензуру рукопись была, вероятно, в марте—апреле этого года «полупродана-полупроиграна» Пушкиным в карты приятелю Н. В. Всеволожскому. Обратно Пушкин получил ее лишь в марте 1825 г., когда снова занялся приготовлением к печати сборника своих стихотворений.

На этой стадии работы Пушкин в Тетради Всеволожского сделал исправления в большинстве лицейских стихотворений. Большей или меньшей правке подверглись следующие из них: «Романс», «К Лицинию. (С латинского)», «Гроб Анакреона», «Усы. Философическая ода», «Уныние» (прежде называвшееся «Разлука» («Когда пробил последний счастью час...»)), «Наездники», «Месяц», «Морфей» (прежде называвшееся «К сну»), «Подражание» (прежде называвшееся «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»)), «Желание» (прежде называвшееся «Унынье» («Медлительно влекутся дни мои...»)), «Друзьям», «Заздравный кубок», «Амур и Гименей. (Сказка)», «Пробуждение», «В альбом Пущину», «К Дельвигу», «Разлука» (<«Кюхельбекеру» («В последний раз, в тиши уединенья...»)>), «Твой и мой». Нетронутыми остались лишь «Воспоминания в Царском Селе», «Певец», «Безверие», «Стансы. Из Вольтера», «Старик. (Из Марота)», «Роза», «Надпись к беседке».[176]

Несмотря на это, в так называемую Тетрадь Капниста 1825 г., являющуюся частью планом подготовлявшегося к изданию сборника, частью дополняющим Тетрадь Всеволожского материалом для него, лицейских стихотворений вошло гораздо меньше. Сколько именно, сказать нельзя, так как Тетрадь Капниста сохранилась не вся. На сохранившихся листах имеется лишь восемь лицейских стихотворений: «Гроб Анакреона», «Певец», «Морфею» (прежде называвшееся «К сну», а затем «Морфей»), «Подражание» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»), «Друзьям», «Пробуждение», «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»), «Роза». Стихотворения «Гроб Анакреона», «Певец», «Роза» в Тетради Капниста входят лишь в перечень стихотворений, подлежащих включению в сборник, тексты остальных пяти стихотворений имеются в ней полностью.[177]

---

[176] Истории Тетради Всеволожского в 1819—1825 гг. и анализу ее состава посвящены работы: 1) Томашевский. Новые материалы. С. 825—842; 2) *Томашевский Б. В.* История Тетради Всеволожского // Лет. ГЛМ. С. 30—79. В первой кратко излагаются результаты исследования; во второй содержится публикация всех текстов тетради. Судьбе тетради после того, как она сделалась в 1825 г. собственностью Пушкина, посвящена заметка М. А. Цявловского (Лет. ГЛМ. С. 76—79). (Работы Томашевского и Цявловского по тексту Лет. ГЛМ перепечатаны: наст. изд., т. 2; там же см. полистное описание Тетради Всеволожского. — *Ред.*).

[177] Тетрадь Капниста изучена Б. В. Томашевским. Первоначально он кратко изложил свои наблюдения в кн.: Пушкин. Л., 1925. С. 108—109; в развернутом виде история и анализ тетради даны им в работе: Томашевский. Новые материалы. С. 843—867. См.

На основании тетрадей Всеволожского и Капниста была составлена новая рукопись сборника. Оглавление этой рукописи было послано Плетневым Пушкину при письме от 26 сентября 1825 г. В этом оглавлении значатся девятнадцать лицейских стихотворений.

В отделе «Элегии» — четыре: I. «Пробуждение»; V. «Друзьям»; XIII. «Я видел смерть; она в молчаньи села...»; XV. «Уныние» («Когда пробил последний счастью час...»).

В отделе «Разные стихотворения» — восемь: I. «Воспоминания в Царском Селе»; IV. «Гроб Анакреона»; IX. «Певец»; X. «Амур и Гименей»; XI. «Романс»; XII. «Наездники»; XIII. «Месяц»; XIV. «Разлука» («В последний раз, в тиши уединенья...»).

В отделе «Эпиграммы и надписи» — три: VIII. «Роза»; XIII. «Старик»; XX. «Усы».

В отделе «Послания» — четыре: I. «К Лицинию»; III. «Отрывок» («Что восхитительней, живей...»); V. «К Ш⟨ишк⟩ову»; VI. «К Дельвигу».

Получив это оглавление, Пушкин вычеркнул в нем в отделе «Элегии» два стихотворения: «Я видел смерть; она в молчаньи села...» и «Уныние».

Самая рукопись сборника, прошедшая просмотр цензора Бирукова, до нас не дошла, но ею пользовался Анненков. По сообщению последнего, рукопись, после того как была подписана к набору 7 октября 1825 г. Бируковым, посылалась Пушкину, который зачеркнул в ней кроме уже вычеркнутых им в оглавлении еще пять лицейских стихотворений: 1) «Воспоминания в Царском Селе», 2) «Романс», 3) «Наездники», 4) «Месяц» и 5) «Усы» (см.: Анн. Т. 2. С. 32).

Таким образом, в вышедшем 30 декабря 1825 г. сборнике «Стихотворения Александра Пушкина» оказалось всего двенадцать лицейских стихотворений.

В отделе «Элегии» — два: I. «Пробуждение»; V. «Друзьям».

В отделе «Разные стихотворения» — четыре: III. «Гроб Анакреона»; VIII. «Певец»; IX. «Амур и Гименей»; X. «Разлука».

В отделе «Эпиграммы и надписи» — два: IX. «Роза»; XIV. «Старик».

В отделе «Послания» — четыре: I. «Лицинию»; III. «П⟨ушки⟩ну»; IV. «Ш⟨ишк⟩ову»; V. «Дельвигу».

Все эти стихотворения вошли и в собрание «Стихотворения Александра Пушкина» 1829 г. в двух частях. Кроме них в это собрание была включена в переделанном виде и лицейская эпиграмма «Любопытный», впервые напечатанная в альманахе «Северные цветы на 1829 год».

Вообще Пушкиным кроме двадцати четырех стихотворений, напечатанных во время пребывания его в Лицее, по выходе из Лицея и до появления в свет сборника «Стихотворения Александра Пушкина», было напечатано в журналах и альманахах девять лицейских стихотворений: в 1817 г. в «Северном наблюдателе» — пять («Певец», «Эпиграмма на

также: Рукою П. С. 228—232. Местонахождение Тетради Капниста в настоящее время неизвестно. (Дополнительные сведения и публикацию листа тетради, сохранившегося в коллекции Г. К. Андерсена, см.: *Брауде Л. Ю.* Автограф Пушкина в архиве Г. К. Андерсена // ПИМ. Т. 1. С. 357—362. — *Ред.*).

смерть стихотворца», «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»), «Послание Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...») и «Пробуждение»); в 1820 г. в «Невском зрителе» — одно («Кюхельбекеру» («В последний раз, в тиши уединенья...»)); в 1823 г. в «Полярной звезде на 1824 год» — два («К Морфею» и «Отрывок из послания В. Л. П⟨ушки⟩ну» («Что восхитительней, живей...»)) и в 1825 г. в «Мнемозине» (ч. 4) — одно («Слеза»).[178]

Стихотворения «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году», «Безверие» и «Гробница Анакреона» были напечатаны в 1818 г. в «Трудах Общества любителей российской словесности», вероятно, не Пушкиным, а его дядей; полупрозаическое-полустихотворное послание к В. Л. Пушкину («Тебе, о Нестор Арзамаса...») появилось в 1821 г. в «Сыне отечества» без ведома поэта.

После выхода в свет «Стихотворений Александра Пушкина» до конца жизни поэта им самим были напечатаны всего два лицейских стихотворения: в 1828 г. в «Московском вестнике» послание «К К⟨аверину⟩» («Забудь, любезный мой Каверин...») и уже указанная эпиграмма «Любопытный» в «Северных цветах на 1829 год».

Таким образом, самим Пушкиным всего было напечатано сорок одно лицейское стихотворение.[179]

VII. Рукописные сборники с лицейскими стихотворениями Пушкина

1. Альбом А. М. Горчакова

(Грч; ПД 422)

Альбом в кожаном зеленом переплете с золотым тиснением (266 × 204 мм) белой бумаги с водяным знаком: «1818», перемежающейся иногда цветной, 61 л. Листы цветной бумаги первоначально не заполнялись. Тексты на л. 1—2 об., 4—6, 7—16 об. и 18—20 написаны рукой А. М. Горчакова. С л. 21 писано рукой неизвестного. На л. 17 сделана запись С. Д. Горчаковой с датой: «Moscou, le 21 mars 1821».

СОДЕРЖАНИЕ

Л. 1. «К И⟨мператрице⟩ Е⟨лизавете⟩ А⟨лексеевне⟩» ⟨«К Н. Я. П⟨люсковой⟩» («На лире скромной, благородной...»)⟩ (с поправками Пушкина).

Л. 1 об.—2. «Послание к Орлову» ⟨«Орлову» («О ты, который сочетал...»)⟩ (с поправками Пушкина).

Л. 2 об. «Пробуждение».

---

[178] Стихотворение «Слеза» напечатано в качестве текста романса.

[179] Без ведома поэта были напечатаны стихотворения «Усы. Философическая ода» в альманахе «Эвтерпа» за 1831 г. и «Рассудок и любовь» в альманахе «Весенние цветы» за 1835 г. Публикацию в альманахе Б. М. Федорова «Памятник отечественных муз на 1827 год» стихотворений «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...»), «Желание» («Медлительно влекутся дни мои...»), «Фавн и пастушка», «Заздравный кубок» и «К живописцу» тоже нельзя считать авторской.

Л. 4. «Вчера за чашей пуншевою...» ⟨«Слеза»⟩.

Л. 4 об.—6. «Послание к к⟨н⟩. Горчакову» («Питомец мод, большого света друг...») (с поправками Пушкина).

Л. 7. «Послание к Щербинину» ⟨«К Щербинину» («Житье тому, любезный друг...»)⟩.

Л. 7 об.—8 об. «К студентам» ⟨«Пирующие студенты» («Друзья! досужный час настал...»)⟩.

Л. 9—9 об. ⟨цветной⟩. «Моя родословная, или Пушкин-мещанин».

Л. 10—11 об. «Деревня» (с поправками Пушкина).

Л. 12 ⟨цветной⟩. «О чем шумите вы, народные витии?..» ⟨«Клеветникам России»⟩.

Л. 13. «Прощание» ⟨«Товарищам» («Промчались годы заточенья...»)⟩.

Л. 13 об.—14 об. «Элегия» ⟨«Погасло дневное светило...»⟩.

Л. 15—15 об. ⟨цветной⟩. «Платонизм».

Л. 16—16 об. «Так мира житель равнодушный...» ⟨«Эпилог» к «Руслану и Людмиле»⟩.

Л. 18—18 об. ⟨цветной⟩. «К прелестницам» ⟨«Прелестнице» («К чему нескромным сим убором...»)⟩.

Л. 19—20. «Молдаванская песнь» ⟨«Черная шаль»⟩.

Л. 21—21 об. ⟨цветной⟩. «К Энгельгардту» ⟨«N. N. ⟨В. В. Энгельгардту⟩» («Я ускользнул от Эскулапа...»), ст. 1—23⟩ (с поправками Пушкина).

Л. 22. «Беседа» ⟨«Веселый пир» («Я люблю вечерний пир...»)⟩.

Л. 22 об. «Отрывок (про себя)» («Великим быть желаю...»); «Отрывок» («О! я повеса вечно праздный...») ⟨«Юрьеву», ст. 22—27⟩.

Л. 23—23 об. «Погреб» (с правкой Пушкина).

Л. 23 об. «Всегда так будет, как бывало...» ⟨Б. М. Федоров⟩ (с поправкой Пушкина, затем зачеркнувшего все стихотворение).

Л. 24—24 об. «Заздравный кубок».

Л. 25. «Отрывок» («Когда погаснут дни мечтанья...»); «К портрету Жуковского».

Л. 25 об.—28. «Пускай угрюмый рифмотвор...» («К Г⟨алич⟩у»).

Л. 28 об. Отрывок из поэмы «Цыгане» («Старый муж, грозный муж...»).

Л. 38—44. «Евгений Онегин». Глава вторая.

На л. 23 об., 29—37 об. и 44 об.—60 об. — произведения не Пушкина.

Альбом начал заполняться не ранее 1818 г. (водяной знак). Поправки Пушкиным сделаны, вероятно, во время свидания его с Горчаковым в августе (или сентябре. — *Ред.*) 1825 г. в Псковской губернии, в имении А. Н. Пещурова Лямонове (см.: Летопись. С. 632; Летопись 1991. С. 563). Поправки не могли быть сделаны раньше, так как до этих поправок в альбом уже были внесены элегия «Погасло дневное светило...» и «Эпилог» к «Руслану и Людмиле», написанные Пушкиным в 1820 г. на Кавказе и в Крыму (см.: Отчет АН за 1923 г. С. III).

Альбом принадлежал известному актеру и рассказчику И. Ф. Горбунову (1831—1895), подарившему его 3 сентября 1881 г. жене редактора-

издателя «Русской старины» Елизавете Михайловне Семевской (надпись на обороте форзаца). В составе архива «Русской старины» альбом в 1923 г. поступил в Пушкинский Дом. По Альбому Горчакова напечатано «Послание к кн. Горчакову» («Питомец мод, большого света друг...») в изд.: КН. Т. 1. С. 202—203; ГИХЛ 1931. Т. 1. С. 282—283.

2. Листы из Тетради Ф. Ф. Матюшкина

(Мтш; ПД, ф. 244, оп. 8, № 15)

Листы тетради с лицейскими стихотворениями, принадлежавшей Ф. Ф. Матюшкину. Четырнадцать листов размером в лист плотной бумаги верже с водяным знаком: «1818», с золоченым обрезом. Л. 12 об.—14 об. — чистые.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. 1. «Бова» (ст. 265—279) ⟨Пушкин⟩.
Л. 1 об.—7. «Городок» ⟨Пушкин⟩.
Л. 7 об.—10 об. «Картины» ⟨Пушкин⟩.
Л. 11—11 об. «На смерть Державина» ⟨Дельвиг⟩.
Л. 11 об.—12. «Цефиз. (Идиллия)» ⟨Дельвиг⟩.
Л. 12. «Переменчивость» ⟨Дельвиг⟩.

На л. 11 имеется помета Я. К. Грота: «Из бумаг, переданных мне Матюшкиным». Все листы написаны рукой не Матюшкина. После смерти Я. К. Грота листы принадлежали его сыну Константину Яковлевичу, передавшему их в 1918 г. в Пушкинский Дом. Тексты «Городка» и «Картин» в виде вариантов напечатаны К. Я. Гротом (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 240, 243—244).

3. Тетрадь А. В. Шереметева

(Шер; ПД, ф. 244, оп. 8, № 38)

Сохранилась не полностью. Из тетради уцелело двадцать три вырванных из переплета листа: девятнадцать полных (тринадцать полных нумерованных по страницам и шесть ненумерованных) и четыре обрывка листов; бумага верже с водяным знаком: «1816». Судя по содержанию, тетрадь заполнялась в 1820-х гг. На семи нумерованных страницах (5, 6, 11—14 и 25) пронумерованы и стихотворения. Из этой нумерации видно, что из двадцати одного стихотворения на с. 1—25 лишь пять стихотворений сохранились полностью, а три — в отрывках. Всего на дошедших до нас листах имеется сорок одно стихотворение (в сорока двух копиях) полностью и тринадцать в отрывках; стихотворений же Пушкина и ему приписывавшихся — двадцать семь (в двадцати восьми копиях) полностью и шесть в отрывках. Из них лицейских — десять.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. 2—2 об. (с. 11—12). «Истина» (подпись: «Пушкин»; у заглавия — крест карандашом и помета: «Стр. 114»; все стихотворение зачеркнуто карандашом).

Л. 5 об. ⟨обрывок⟩—6 об. (с. 42 ⟨обрывок⟩—44). «Козак» (подпись: «А. Пушкин»; у заглавия — крест карандашом).

Л. 9 об.—10 (с. 54—55). «Усы» (подпись: «А. Пушкин»; у заглавия — крест карандашом и помета: «Стр. 164»; все стихотворение зачеркнуто карандашом).

Л. 17—18. «Безверие» (подпись: «А. П.»; у заглавия — помета карандашом: «Надобно поверить стр. 172»).

Л. 18—18 об. «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...») (без подписи; все стихотворение зачеркнуто карандашом).

Л. 18 об.—19. [«Подражание»] «Прощание» ⟨«Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»)⟩ (подпись: «Пушкин»).

Л. 19. «Желание» («Медлительно влекутся дни мои...») (списаны первые шесть стихов).

Л. 20 об. «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...») (подпись: «А. П.»; у заглавия — помета карандашом: «Надобно поверить стр. 174»); «К Г....у» («Когда печальный стихотвор...») ⟨«К Г⟨алич⟩у» («Пускай угрюмый рифмотвор...»)⟩ (подпись: «А. П.»; у заглавия — помета карандашом: «Стр. 49»).

Л. 22 об. ⟨обрывок⟩. Ст. 17—30 из стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» (все стихотворение зачеркнуто — чертами по каждому стиху).

Об этой тетради упоминал Е. И. Якушкин, говоря о стихотворении «Я видел смерть; она в молчаньи села...»: «В сборнике стихотворений, принадлежавшем А. В. Шереметеву и составленном в начале двадцатых годов, есть то же стихотворение другой редакции. Там элегия эта называется „Прощание"» (БЗ. 1858. Т. 1. № 10. Стб. 317—318). Затем Якушкин приводит стихи, совпадающие с текстом, имеющимся в тетради.

Владелец тетради, Алексей Васильевич Шереметев (1800—1857), двоюродный брат Ф. И. Тютчева, приходился дядей Е. И. Якушкину (1826—1905). Последний вместе с А. Н. Афанасьевым пользовался Тетрадью Шереметева при работе их над статьей «По поводу последнего издания сочинений Пушкина» (БЗ. 1858. Т. 1. № 10 и 11). Пометы карандашом в тетради сделаны кем-то из них. Страницы в пометах указаны по изданию Анненкова, с текстами которого они и сличали тексты тетради. Кроме стихотворения «Я видел смерть; она в молчаньи села...» Якушкин в «Библиографических записках» напечатал по Тетради Шереметева варианты отдельных стихов к опубликованным Анненковым текстам стихотворений «Истина» и, вероятно, «Безверие».[180] После смерти Е. И. Якушкина Тетрадь Шереметева принадлежала его сыну Вячеславу Евгеньевичу, после смерти которого в 1913 г. поступила в Библиотеку Академии наук, откуда перешла в 1931 г. в Пушкинский Дом.[181]

---

[180] Источник опубликованных Якушкиным вариантов им не указан и устанавливается сличением их с текстами тетради.

[181] В 1923 г. по Тетради Шереметева опубликована Б. В. Томашевским эпиграмма Ф. И. Толстого на Пушкина (см.: Лит. мысль. Пг., 1923. Кн. 2. С. 237—238). По этой же тетради Б. В. Томашевским и Ю. Н. Тыняновым напечатано «Послание к А. В. Шереметеву» Тютчева (см.: Тютчевский сборник (1873—1923). Пг., 1923. С. 41—42).

4. Тетрадь П. П. Каверина

(Кав)

По словам Ю. Н. Щербачева, «тетрадь в четвертую долю листа, переплетена в красный переплет, корешок и углушки коего обтянуты зеленою юфтью. На листах имеются кое-где водяные знаки с указанием 1823 года» (Щербачев. С. 64). В тетради — 117 с. Записи (стихи и проза) относятся к 1824—1830 гг.

Тетрадь, описанная Щербачевым, который опубликовал и ее содержание (см.: Щербачев. С. 64—133), хранилась в семейном архиве Кавериных, погибшем в первые годы революции. В тетради тридцать два стихотворения и два отрывка Пушкина. Из них лицейских — семь:

С. 33. «Прощание с Лицеем» ⟨«Товарищам» («Промчались годы заточенья...»)⟩ (первые двадцать шесть стихов; ст. 27—34 были записаны отдельно под заглавием (в оглавлении): «Красный колпак» на какой-то не указанной Щербачевым странице).

С. 35. «О милый друг, повсюду ты со мною...» ⟨«Разлука» («Когда пробил последний счастью час...»)⟩ (с заглавием в оглавлении: «Любовнице»).

С. 60. «Вчера за чашей пуншевою...» ⟨«Слеза»⟩ (с заглавием в оглавлении: «Слеза в бокале»).

С. 82. «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»).

С. 94. «Усы» («Глаза склонив на ус кудрявый...»).

С. 115. «Я сам в себе уверен...» ⟨Отрывки «Про себя»⟩ (с заглавием в оглавлении: «Пушкин про себя в Лицеи»).

С. 117. «Надпись Пушкина к моему портрету» ⟨«К портрету Каверина» («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...»)⟩ (в оглавлении: «Надпись к портрету Каверина»).

5. Копии В. Г. Коноплева

(Кон)

Девять листов с копиями стихотворений, обнаруженных при обыске у чиновника В. Г. Коноплева в сентябре 1827 г. На листах находилось всего четырнадцать стихотворений и отрывков, из которых двенадцать либо принадлежали Пушкину, либо ему приписывались. Лицейских стихотворений имелось три: «Пробуждение», «Слезы» (т. е. «Слеза») и «К Морфею». Листы не сохранились.[182]

6. Тетрадь из архива К. Д. Кавелина

(Квл; ПД, ф. 244, оп. 4, № 137 (первые 2 листа);
РГАЛИ, ф. 248, оп. 1, № 101 (остальные листы); хранилась в ГЛМ)[183]

Вырванная из переплета тетрадь (237 × 277 мм). Сохранилась не полностью; отсутствует 6 листов между л. 3 и 4, 2 листа между л. 25 и

[182] Тексты напечатаны в кн.: Дела III Отделения о П. С. 280—281.

[183] (Под № 6 в работе М. А. Цявловского дано описание листов разрозненной тетради из собрания П. А. Вяземского, ныне не существующей как отдельная единица; тексты в этой так называемой тетради не дают новых вариантов лицейских стихов и почти полностью

26 и несколько листов в конце тетради. Бумага с водяным знаком «1820», 34 л. Тетрадь заполнялась во второй половине 1820-х гг.

СОДЕРЖАНИЕ

[ПД, ф. 244, оп. 4, № 137]

Л. 1. «Певец».

Л. 1 об. «Заздравный кубок».

Л. 2. «Мадригал М—ой» («О вы, которые любовью не горели...»); «Твой и мой».

Л. 2—2 об. «Безверие» (поздняя редакция, ст. 1—20).

[РГАЛИ, ф. 248, оп. 1, № 101]

Л. 1—2 об. «Безверие» (поздняя редакция, ст. 21—80).

Л. 2 об. «Уединение. (Из Арно)».

Л. 3. «Экспромт М—ой» ⟨«К. А. Б***» («Что можем наскоро стихами молвить ей?..»)⟩; «Куплет» ⟨«Именины» («Умножайте шум и радость!..»)⟩.

Л. 3 об. «К ней! Посылая ей оду „Вольность"» ⟨«Кн. Г⟨олицын⟩ой. Посылая ей оду „Вольность"»⟩; «Эпиграмма» ⟨«Добрый человек» («Ты прав — несносен Фирс ученый...»)⟩.

Л. 4. «И бранной обувью украшенные ноги...» ⟨«Выздоровление», ст. 25—30⟩.

Л. 4—5. «Гроб Анакреона. Элегия».

Л. 5 об.—6. «Уныние» («О милый друг, расстался я с тобою...») ⟨«Разлука» («Когда пробил последний счастью час...»)⟩.

Л. 6—7. «Стансы. (Из Вольтера)».

Л. 7—9 об. «Торжество Вакха».

Л. 9 об.—11 об. «Амур и Гименей. Сказка».

Л. 11 об. «К портрету Жуковского».

Л. 11 об.—12. «К друзьям» ⟨«Друзьям» («К чему, веселые друзья...»)⟩.

Л. 12—12 об. «К Энгельгарту» ⟨«N. N. ⟨В. В. Энгельгардту⟩» («Я ускользнул от Эскулапа...»)⟩.

Л. 12 об.—13 об. «К Жуковскому» ⟨«Жуковскому» («Когда, к мечтательному миру...»)⟩.

Л. 13 об.—14. «Разлука. (К Кюхельбекеру)» ⟨«Кюхельбекеру» («В последний раз, в тиши уединенья...»)⟩.

Л. 14—16 об. «К Всеволожскому» ⟨«Всеволожскому» («Прости, счастливый сын пиров...»)⟩.

Л. 16 об.—17. «Отрывок. Из послания к В. Л. Пушкину» ⟨«П⟨ушки⟩ну» («Что восхитительней, живей...»)⟩.

совпадают с Ос (см. № 7). В настоящем издании это собрание копий выводится из числа источников текста; вместо него помещается описание Тетради из архива К. Д. Кавелина, составленное М. А. Цявловским для т. 2 Акад. (сверено И. С. Чистовой). В СЛЛ была описана как Тетрадь из архива Карамзиных (Кар). — *Ред.*).

Л. 17—18. «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»).

Л. 18—19. «К Г...» («Когда печальный стихотворец...») ⟨«К Г⟨алич⟩у» («Когда печальный стихотвор...»)⟩.

Л. 19—19 об. «К Кривцову» ⟨«Кривцову» («Не пугай нас, милый друг...»)⟩.

Л. 20—20 об. «К Дельвигу» («С любовью, дружеством и ленью...») ⟨«Дельвигу» («Любовью, дружеством и ленью...»)⟩.

Л. 20 об.—22. «К Шишкову» ⟨«Ш⟨ишк⟩ову»⟩.

Л. 22—23. «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал...»).

Л. 23—25. «К...» («Встречаяся с осьмнадцатой весной...») ⟨«Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»)⟩.

Л. 25—25 об. «В альбом Пущину».

Л. 25 об. «К Лицинию. (С латинского)» (ст. 1—10).

Л. 26—27 об. «Письмо к В. Л. Пушкину» ⟨«⟨Послание к В. Л. Пушкину⟩» («Тебе, о Нестор Арзамаса...»)⟩.

Л. 27 об.—29. «Русалка. Баллада».

Л. 29 об.—30. «Пробуждение».

Л. 30—32. Отрывок из «Онегина».

Л. 32—33. «К Лидиньке» ⟨«Платонизм»⟩.

Л. 33 об.—34. «Прощание» ⟨«Товарищам» («Промчались годы заточенья...»)⟩.

Л. 34 об. «Послание к Щербинину» ⟨«К Щербинину» («Житье тому, любезный друг...») — ст. 1—15⟩.

7. Сборник Остафьевского архива № 8

(Ос; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5573)

Тетрадь (с датой: «1823») в переплете в 4-ю д. л., 105 л. В тетради имеются следующие стихотворения Пушкина:

Л. 3—4. «К И⟨мператрице⟩ Е⟨лизавете⟩ А⟨лексеевне⟩» ⟨«К Н. Я. П⟨люсковой⟩» («На лире скромной, благородной...»)⟩.

Л. 4 об.—7. «Послание к Орлову» ⟨«Орлову» («О ты, который сочетал...»)⟩.

Л. 7 об.—8. «Песня» («Вчера за чашей пуншевою...») ⟨«Слеза»⟩.

Л. 9—11 об. «Послание к князю Горчакову» («Питомец мод, большого света друг...»).

Л. 12—14. «Кинжал».

Л. 14 об.—16 об. «Послание к Щербинину» ⟨«К Щербинину» («Житье тому, любезный друг...»)⟩.

Л. 17—20 об. «Деревня».

Л. 21—25 об. «К студентам» ⟨«Пирующие студенты» («Друзья! досужный час настал...»)⟩.

Л. 26—28. «Прощанье» ⟨«Товарищам» («Промчались годы заточенья...»)⟩.

Л. 28 об.—33. «К Всеволожскому» ⟨«Всеволожскому» («Прости, счастливый сын пиров...»)⟩.

Сборник этот, надо думать, принадлежал П. А. Вяземскому. Тетрадь кратко описана Н. Ф. Бельчиковым.[184]

8. Тетрадь В. Ф. Щербакова

(Щер; ПД, ф. 244, оп. 8, № 47)

Тетрадь в 4-ю д. л. бумаги с водяным знаком: «1818», 78 л. Содержит тридцать два стихотворения (из них лицейских — пять) и отрывки из «Братьев разбойников» и «Евгения Онегина». Лицейские стихотворения:

Л. 4—4 об. «Товарищам лицейским 1819 года» ⟨«Товарищам» («Промчались годы заточенья...»)⟩.

Л. 11 об.—12. «Пробужденье» (четвертая среди восьми нумерованных «элегий»).

Л. 13—13 об. «Певец».

Л. 13 об. «Эпиграмма на смерть стихотворца».

Л. 26 об. «К Морфею» ⟨«Морфею» («Морфей, до утра дай отраду...»)⟩.

Стихотворения списывались не позднее 1820-х гг. Тетрадь кратко описана П. А. Ефремовым (см.: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 109—113), сообщившим биографические сведения о Василии Федоровиче Щербакове (1810—1878)[185] и приведшим варианты текстов к ряду стихотворений.

9. Тетрадь из архива Голохвастовых

(Гол; РГАДА, ф. 1264, оп. 1, № 454)

Сохранилась не полностью. Из тетради уцелело 12 л.; бумага пожелтевшая почтовая большого формата без водяных знаков. Листы исписаны не писарским почерком. Л. 11 об.—12 об. — чистые. (В настоящее время сохранилось лишь 7 последних листов. — *Ред.*).

СОДЕРЖАНИЕ

Л. 1—2 об. «Деревня».

Л. 3—4. «Платонизм. К Лидиньке» ⟨«Платонизм»⟩.

Л. 4—5. «К прелестницам» ⟨«Прелестнице» («К чему нескромным сим убором...»)⟩.

Л. 5—6. «Элегия на Черное море» («Погасло дневное светило...»).

Л. 6 об.—8. «Усы».

Л. 8. «Заздравный кубок».

Л. 8 об.—11. «Безверие».

Тексты сборников 7 и 9 не изучались, кроме стихотворения «Деревня», тексты которого напечатаны Н. Ф. Бельчиковым в виде вариантов.

10. Первая тетрадь Н. А. Долгорукова

(Дол$_1$ и Дол$_2$; ПД, ф. 244, оп. 8, № 100)

Тетрадь in f° в бумажном переплете с кожаным корешком и углами. На корешке вытиснуто: «Архив князя Долгорукова» и внизу под графской

[184] См.: *Бельчиков Н. Ф.* Новое о Пушкине: («Деревня») // Пушкин / Ред. Н. К. Пиксанова М.; Л., 1930. Сб. 2. С. 196—197.

[185] (Дополнительные сведения и библиографию см.: Черейский. С. 507. — *Ред.*).

короной: «А. Ш.». Инициалы означают: «Александр Шереметев», т. е. граф Александр Дмитриевич Шереметев (1869—1930-е гг.), который и переплел поступившие к нему рукописи Долгорукова.

Князь Николай Александрович Долгоруков (1811—1873) учился в Царскосельском лицейском пансионе, который окончил в 1829 г. Товарищем его по пансиону, а потом сослуживцем по канцелярии Комитета министров был Я. К. Грот, писавший в своей автобиографии про Долгорукова, что он «был большой любитель иностранных литератур, имел прекрасную библиотеку и беспрестанно приносил с собой книжные новинки на французском, английском и итальянском языке».[186]

На вечере у Погодина 7 октября 1851 г., устроенном для П. В. Анненкова, разыскивавшего тогда материалы для собрания сочинений Пушкина, Погодин говорил, что «о первых годах литературной деятельности Пушкина многое можно узнать от Долгорукова» (Рассказы о П. С. 32 и 88). Погодин был совершенно прав. Библиофил и любитель литературы, воспитанник лицейского пансиона, Долгоруков, можно думать, еще в 1830-х гг., и во всяком случае до выхода в свет посмертного издания собрания сочинений Пушкина, начал собирать ходившие в списках его стихотворения. Во время службы Долгорукова в 1829—1844 гг. в канцелярии Комитета министров его непосредственным начальником был М. А. Корф, от которого Долгоруков, возможно, и получил собрание лицейских стихотворений Яковлева—Корфа. Вероятно, был знаком Долгоруков и с самим М. Л. Яковлевым. Близкое знакомство с первым по времени пушкинистом Я. К. Гротом, конечно, сильнейшим образом способствовало занятиям Долгорукова Пушкиным.

Описываемая тетрадь — лишь часть собранных Долгоруковым текстов Пушкина. В ней всего 182 л. Пушкинские тексты занимают л. 8—107 об.

В начале тетради имеются четыре листа нижеследующего содержания.

Хронологическое оглавление

⟨Даты⟩	Сочинения господина Пушкина Лицейские	Напечатанные	Нет	С.
1814	«Другу стихотворцу»[187]	В «Вестнике Европы» на 1814 год	—	
	«Кольна»		—	
	«Венере от Лаисы»		—	
	68. «Опытность»		—	28
	«Блаженство»		—	

[186] Я. Грот: Несколько данных к его биографии и характеристике. СПб., 1895. С. 18; см. также: Татьяна Васильевна Шлыкова (1773—1863): Воспоминание гр. С. Д. Шереметева // РА. 1889. Т. 1. № 3. С. 520. Кроме того, сведения о кн. Н. А. Долгорукове содержатся в предисловии Н. О. Лернера к опубликованному им по копии Н. А. Долгорукова очерку М. Ю. Лермонтова «Кавказец» (Минувшие дни: Иллюстр. ист. альм. [Л.,] 1928. № 4. С. 17—18).

[187] В оглавлении у каждого заглавия стихотворения выписаны первые стихи. Мы оставляем их лишь у некоторых заглавий.

Продолжение

⟨Даты⟩	Сочинения господина Пушкина Лицейские	Напечатанные	Нет	С.
1815	80. «Наполеон на Эльбе»	«Сын отечества» на 1815 год	—	36
	82. «На возвращение и⟨мператора⟩ Александра из Парижа»	«Труды Общ⟨ества⟩ люб⟨ителей⟩ росс⟨ийской⟩ слов⟨есности⟩», ч. IX	—	43
	«К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...»)		—	
	«Эпиграммы»:			
	1. «Арист нам обещал...»		—	
	2. «Супругою твоей я так пленился...»			
	«К Н. Г. Ломоносову»		—	
	60. «Козак. Баллада»		—	24
	81. «Воспоминанья ⟨в⟩ Ц⟨арском⟩ С⟨еле⟩»			38
	«К Лицинию»	В «Российском музеуме» на 1815 год	«Стихотв⟨орения⟩ Пушкина», 1	
	«Старик» («Уж я не тот филозоф страстный...»)		2	
	71. «Батюшкову. Стансы» («В пещерах Геликона...»)		—	29
	26. «Вода и вино»		—	10
	«Эпиграмма» («Бывало, прежних лет герой...»)		—	
	«Городок»		—	
	«К Пущину» («Любезный именинник...»)			
	20. «К Галичу» («Пускай угрюмый рифмотвор...»)	«Российский музеум» 1815 года	—	7
	74. «Мечтатель»		—	31
	«К Галичу» («Где ты, ленивец мой?..»)		—	
	43. «Моя эпитафия»		—	18
	2. «Измены»	«Российс⟨кий⟩ муз⟨еум⟩» 1815 года		
	«Роза»		2	
1816	«Безверие»	«Труд⟨ы⟩ Общ⟨ества⟩⟨любителей⟩ рос⟨сийской⟩ слов⟨есности⟩», ч. X		2
	«Гробница Анакрео⟨на⟩»		1	
	13. «Романс»			4
	15. «Желание» («Медлительно влекутся дни мои...»)	«Памятник отечест⟨венных⟩ муз» 1827 ⟨года⟩	5	
	8. «Заздрав⟨ный⟩ кубок»		—	3

Продолжение

⟨Даты⟩	Сочинения господина Пушкина Лицейские	Напечатанные	Нет	С.
	«Картины. VIII» («С пятнадцатой весною и проч.»)	«Памятник отечест⟨венных⟩ муз» 1827 ⟨года⟩	—	11
	4. «К живописцу»		—	
	«Сон. (Отрывок)» («Приходит ночь, огонь погас...»)		—	
	«Пробуждение»	«Север⟨ный⟩ набл⟨юдатель⟩» 1817 года	1	
	«Друзьям» («Богами вам еще даны...»)	«Стихотворения Александ⟨ра⟩ Пушкина»	1	
	«Певец»		1	
	«Амур и Гимен⟨ей⟩»		1	
1817	«Посл⟨ание⟩ Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...»)	«Север⟨ный⟩ набл⟨юдатель⟩» 1817 года	—	
	«Кюхельбекеру» («В последний раз, в тиши уединенья...»)	«Невский зритель» 1820 года	—	

Далее под заголовком «Ненапечатанные: лицейские» идет перечень стихотворений Пушкина из Тетради Никитенко. Затем следует раздел «Находящиеся в маленьком формате»; из этой части оглавления приводим заглавия лишь лицейских стихотворений с указанием в скобках страниц этого неизвестного нам источника:

5. «В альбом Пущину» (1).
14. «Я видел смерть, она безмолвно села...» («Подражание») (5).
16. «Надпись к беседке» (6).
17. «Уныние» («О милый друг! расстался я с тобою...») ⟨«Разлука» («Когда пробил последний счастью час...»)⟩ (6).
22. «К...» («Встречаяся с осьмнадцатой весной...») ⟨«Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»)⟩ (8).

[26. «Вода и вино»] («Люблю я в полдень воспаленный...») (10).

40. «Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...») (17).

[43. «Будущая эпитафия» («Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою...») (18)].

73. «К Морфею» («Морфей, до утра дай отраду...») (30).

Как это оглавление, так и все тексты с пометами на последующих описываемых листах написаны рукой Н. А. Долгорукова.[188]

[188] Почерк установлен на основании рукописного сборника под заглавием: «Стихотворения князя Петра Андреевича Вяземского. 1808—1871 гг.», написанного рукой Н. А. Долгорукова и хранящегося в РГБ, ф. 178 (Музейное собр.), № 7612.

Цифры, поставленные слева у заглавий стихотворений, обозначают порядковые номера стихотворений в каком-то другом из имевшихся у Долгорукова и теперь неизвестно где хранящихся сборников. После того как эти сборники были составлены, Долгоруков получил во временное пользование Тетрадь Яковлева—Корфа, заключавшую в себе напечатанные стихотворения Пушкина. «Хронологическое оглавление», в котором перечислены тридцать девять лицейских стихотворений Пушкина, и является оглавлением Тетради Яковлева—Корфа.

«Хронологическое оглавление» интересно как первый опыт датировки лицейских стихотворений. В ряде случаев датировка эта неверна. К 1814 г. пять стихотворений отнесены на основании времени публикации их в «Вестнике Европы». На этом же основании к 1815 г. отнесено двадцать одно стихотворение. Стихотворение «На возвращение императора Александра из Парижа...» отнесено к 1815 г., очевидно, на основании содержания. Непонятно, на каком основании «Безверие», «Гробница Анакреона», «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...»), «Картины» и «К живописцу» датированы 1816 г. «Пробуждение», «Друзьям», «Певец» и «Амур и Гименей. (Сказка)» датированы 1816 г., конечно, потому, что так датированы эти стихотворения в Ст 1826. «Послание Лиде» неверно датировано 1817 г. на основании времени появления в печати, а «Кюхельбекеру» правильно отнесено к 1817 г. на основании содержания.

«Хронологическое оглавление» имелось уже в Тетради Яковлева—Корфа, которой пользовался Анненков, сообщавший, что стихотворение «Фавн и пастушка» «в тетради М. А. К.» (т. е. М. А. Корфа) «обозначено 1816 г.». Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что датировка Анненковым стихотворений «Арист нам обещал трагедию такую...», «Супругою твоей я так пленился...», «Козак», «Воспоминания в Царском Селе», «Старик» и «Бывало, прежних лет герой...» 1815 г. основана на «Хронологическом оглавлении» Тетради Яковлева—Корфа.[189]

Второй раздел оглавления, названный «Ненапечатанные: лицейские», дает перечень стихотворений Пушкина, имеющихся в Тетради Никитенко, и притом в том же порядке, как и в этой тетради.[190]

За оглавлением идут четыре листа синеватой бумаги.

---

[189] В семи случаях Анненков исправил датировку тетради. Отнесенные в оглавлении к 1815 г. послания «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...») и «К Н. Г. Ломоносову» у Анненкова помещены среди стихотворений 1814 г.; из стихотворений, датированных в оглавлении 1816 г., — «Безверие», «Гробница Анакреона», «Романс» и «К живописцу», — первое у Анненкова помещено под 1817 г., второе — под 1815 г. (на основании пометы в Ст 1826), третье — под 1814 г. (на основании пометы в оглавлении Цензурной рукописи Ст 1826), четвертое — под 1815 г. (на основании пометы в «Памятнике отечественных муз»). Наконец, «Послание Лиде», датированное в оглавлении 1817 г., у Анненкова отнесено к 1816 г. (на основании пометы в ЛТ).

[190] При списывании оглавления из Тетради Никитенко было пропущено заглавие стихотворения «Фиал Анакреона», вписанное потом в конце оглавления.

[ЧАСТЬ ПЕРВАЯ]

Л. 8—9. «К другу стихотворцу».

Л. 9—11 об. «Кольна (подражание Оссиану)».

Л. 11 об. «Венере от Лаисы при посвящении ей зеркала» ⟨«Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало»⟩.

Все стихи без подписи.

Затем идут двадцать два листа in f°. Бумага первых шести листов такая же, как и предшествующих четырех листов, остальные шестнадцать листов — белой пожелтевшей бумаги. На этих листах переписаны следующие стихи:

Л. 12—16. «Бова. Отрывок из поэмы» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напечат⟨ано⟩ с измен⟨ениями⟩», подпись: «Пушкин»).

Л. 16—17. «Леда. (Кантата)» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 18—21. «Картины» («С пятнадцатой весною...») (под стихотворением подпись: «Пушкин» и помета: «1827 года напечатаны в Памят⟨нике⟩ отечеств⟨енных⟩ муз»).

Л. 21 об.—27. «Городок» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩ с измен⟨ениями⟩»).

Л. 27—28. «Блаженство» (под стихотворением подпись: «Пушкин» и помета: «Напеч⟨атано⟩ в Вестнике Европы 1814 года»).

Л. 28—29. «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...») (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 29 об. «Эпиграммы»: I. «Арист нам обещал трагедию такую...», II. «Супругою твоей я так пленился...» (под стихотворениями одна общая подпись: «Пушкин» и помета: «Обе напечатаны в Российском музеуме 1815 года»).

Л. 29 об.—30. «К Ломоносову Н. Г.» («И ты, любезный друг, оставил...») (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩ с измен⟨ениями⟩»).

Л. 30. «Эпиграмма на Рыбушкина».[191]

Л. 30—31. «К Пущину» («Любезный именинник...») (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 31—31 об. «Послание к Лиде» ⟨«Послание Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...»)⟩ (под стихотворением подпись: «Пушкин» и помета: «Напечатано в Северн⟨ом⟩ набл⟨юдателе⟩ 1817 года»).

Л. 32—33 об. «К Галичу» («Где ты, ленивец мой?..») (под стихотворениями «Городок», «К Батюшкову», «К Ломоносову Н. Г.», «Эпиграмма на Рыбушкина» и «К Галичу» подпись: «Пушкин» и помета: «Напечатано в Российском музеуме 1815 года»).

Далее следуют двадцать шесть листов in f° синеватой бумаги со следующими стихами:

Л. 34—35 об. «К Наталье».

Л. 35 об.—36 об. «К молодой актрисе».

---

[191] Слова «на Рыбушкина» приписаны позднее.

Л. 36 об.—37. «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...»).

Л. 37 об.—39. «Осгар».

Л. 39—40. «Эвлега».

Л. 40. «Воспоминание. (К Пущину)» (списаны ст. 1—24; текст перечеркнут чернилами).[192]

Л. 40 об. «Делия» («Ты ль передо мною...»); «К Делии» («О Делия драгая!..»).

Л. 40 об.—44. «Сон. (Отрывок)».

Л. 44 об.—45. «Элегия I» («Опять я ваш, о юные друзья!..»).

Л. 45—45 об. ⟨«Элегия II»⟩ «Осеннее утро».

Л. 45 об. ⟨«Элегия III»⟩ «Сну» ⟨«К сну»⟩.

Л. 46—46 об. «Элегия IV» («Любовь одна — веселье жизни хладной...»).

Л. 47. «Элегия VI» («Счастлив, кто в страсти сам себе...»).

Л. 47—47 об. «Элегия VII» («Когда пробил последний счастью час...»).

Л. 47 об.—48. «Элегия VIII. Друзьям» («К чему, веселые друзья...»).

Л. 48. «Элегия IX» («Я Лилу слушал у клавира...») ⟨«Слово милой»⟩.

Л. 48—49. «На смерть Державина» ⟨Дельвиг⟩.

Л. 49—51. «К Жуковскому» (подпись: «А. Пушкин»).

Л. 51—51 об. «Принцу Оранскому» (подпись: «А. Пушкин»).

Л. 51 об.—52. «К молодой вдове» (подпись: «А. Пушкин»).

Л. 52 об.—53. «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»).

Л. 53—54. «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных...»).

Л. 54—55. «Мое завещание друзьям» ⟨«Мое завещание. Друзьям»⟩.

Л. 55 об.—56. «Сраженный рыцарь».

Л. 56. «К Баболовскому дворцу»; «Эпитафия» ⟨«Эпиграмма на смерть стихотворца» («Покойник Клит в раю не будет...»)⟩; «Экспромт на А⟨гареву⟩», «К письму» («В нем радости мои; когда померкну я...»).

Л. 56 об. «К портрету Каверина» («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...»); «Сновидение. (Из Вольтера)».

Л. 56 об.—57. «Она».

Л. 57. «В альбом Илличевскому».

Л. 57 об. «Боже! царя храни!..».

Л. 57 об.—58. «Застольная песня» («Други, пусть года несутся...») ⟨Дельвиг⟩.

У заглавий стихотворений «На смерть Державина», «К Баболовскому дворцу» нет никаких помет карандашом.[193] У заглавия стихотворения «К Наталье» — помета карандашом: «С измен⟨ениями⟩ напечат⟨ано⟩»; у

---

[192] Списано было по ошибке, так как текст стихотворения имелся у Долгорукова.

[193] У заглавия зачеркнутого текста стихотворения «Воспоминание. (К Пущину)» тоже нет никакой пометы.

стихотворения «Князю А. М. Горчакову» — «Напечатано ⟨с⟩ изм⟨енениями⟩»; у заглавий всех остальных стихотворений — «Напеч⟨атано⟩».

Составив по Тетради Яковлева—Корфа и Тетради Никитенко перечень стихотворений, Долгоруков решил выявить, текстов каких стихотворений у него нет. Для этого он у заглавий перечня поставил цифры номеров стихотворений в имевшихся у него сборниках. Тексты стихотворений, которых у Долгорукова не было, он и списал на отдельные листы.

Всего листов с этими текстами вошло в переплетенную тетрадь пятьдесят два. Из этих листов первые двадцать шесть, переплетенные не совсем в том порядке, как нужно было бы, заключают в себе тексты пятнадцати стихотворений, списанные из Тетради Яковлева—Корфа.[194] В эту группу листов неправильно попали шесть листов с текстами стихотворений «Бова. (Отрывок из поэмы)» и «Леда. (Кантата)».[195] Эти листы нужно присоединить к следующей группе — тоже в двадцать шесть листов — с текстами стихотворений, списанными из Тетради Никитенко. На этих листах имеются тексты тридцати четырех стихотворений из Тетради Никитенко, которых не было у Долгорукова.[196] Тексты списывались Долгоруковым ранее того времени, как тетрадью пользовался в 1837—1839 гг. Жуковский в ходе работы над посмертным изданием.[197]

Тексты стихотворений Пушкина этой части Первой тетради Долгорукова далее везде обозначены: Дол$_1$.

После описанных листов в Первой тетради Долгорукова имеются еще сорок восемь листов.

[ЧАСТЬ ВТОРАЯ]

Л. 60. Заглавие: «Стихотворения А. С. Пушкина, вовсе не напечатанные, или измененные в печати, или ему приписываемые».

Л. 60 об. Заглавие: «Вовсе не напечатанные или такие стихотворения, которые хотя и были раз напечатаны в журналах, но в новых изданиях не появятся».

Л. 61—62. 1814-го года. «К другу стихотворцу».

Л. 63—64. «Кольна. (Подражание Оссиану)».

Л. 64—65. «Блаженство».

---

[194] Не списаны стихотворения «Безверие» и «К Кюхельбекеру» («В последний раз, в тиши уединенья...»). Первое уже имелось у Долгорукова: в «Хронологическом оглавлении» у «Безверия» оставлена цифра «2» страницы сборника Долгорукова и не проставлена лишь цифра нумерации стихотворений.

[195] На последнем из этих листов имеется еще текст нелицейского стихотворения «Сон».

[196] В это число вошли и два стихотворения Дельвига: «Застольная песня» и «На смерть Державина», помещенные как пушкинские в Тетради Никитенко. Очевидно, случайно Долгоруков не списал из Тетради Никитенко эпиграмму «„Скажи, что нового". — „Ни слова"...».

[197] К этому выводу приводит сличение текстов у Долгорукова с текстами Тетради Никитенко. Поправок Жуковского, сделанных в последней, у Долгорукова нет, они вписаны позднее карандашом по посмертному изданию.

Л. 65 об. «Венере от Лаисы при посвящении ей зеркала» ⟨«Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало» — заглавие и ст. 1; далее оставлено место⟩.

Л. 65 об.—67. «К сестре».

Л. 67—68. 1815. «Измены» ⟨заглавие и ст. 1—3; далее оставлено место⟩.

Л. 68. «Эпиграммы»:

⟨1⟩. «Арист нам обещал трагедию такую...» ⟨1⟩;[198]

2. «Супругою твоей я так пленился...» ⟨2⟩;

3. «На Рыбушкина» («Бывало, прежних лет герой...») ⟨3⟩.

Л. 68—70. «К Галичу» («Где ты, ленивец мой?..»).

Л. 70—71. «К Императору Александру I-му» ⟨«На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» — заглавие и ст. 1; далее оставлено место⟩.

Л. 71. «Моя эпитафия».

Л. 71—72. «Козак» ⟨после ст. 1 («Раз полунощной порою...») оставлено пустое место в три строки и затем еще для семи строф, вместо которых поставлено по точке, после чего написан текст строфы «Нет! к мужчине молодому...», затем оставлено пустое место для четырех строф, после чего написан текст строфы «Поскакали, полетели...»⟩.

Л. 72—72 об. 1816. «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...») ⟨заглавие и ст. 1; далее оставлено место⟩.

Л. 72 об.—73. 1817. «Послание к Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...»).

Л. 73 об.—74. Неизвестных годов. ⟨...⟩ «Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...») ⟨заглавие и ст. 1; далее оставлено место⟩.

Л. 76. «К Баболовскому дворцу» ⟨28. «На Баболовский дворец»⟩; «Четырехстишие» («За ужином объелся я...»); «Эпиграмма» («Есть тройка пакостных певцов...») ⟨17. «Угрюмых тройка есть певцов...»⟩.

Л. 78. «Эпиграмма» («Поэт надутый Клит...») ⟨4. «Поссорившемуся»⟩; «Вакх» ⟨«Прощай, Венера! Бог с тобою...»⟩ ⟨Дельвиг⟩ ⟨6⟩.

Л. 78 об. «Эпиграммы»:

1. «Скажи мне, болен ты иль в мысли углубился?..» ⟨7⟩;
2. «На двух бранящихся» («Какие ж, брат, ты уши-то имеешь...») ⟨Илличевский⟩ ⟨8⟩;
3. «Браво! брависсимо! ну, братцы, исполать!..» ⟨9⟩;
4. «Ах, драму видеть я несчастие имел!..» ⟨10⟩;
5. «Поверь, тебя измерить разом...» ⟨Илличевский⟩ ⟨18⟩;
6. «На разбор „Россияды"» ⟨19⟩;
7. «В. Кюхельбекеру» («Пердишь ты мастерски, а говоришь без складу...»).

---

[198] Здесь и далее нами поставлены номера, под которыми стоят соответствующие стихотворения в отделе «Лицейская антология, собранная -и й ш и й» (СЛС; см. выше, с. 478—487). Анонимные стихотворения на Л. 78 об., 79 и 79 об., 80, кроме «От всенощной вечор идя домой...», «Вот здесь лежит больной студент...», «Заутра с свечкой грошевою...», «Больны вы, дядюшка? Нет мочи...», Пушкину не принадлежат (см. ниже, примеч. 205).

Л. 79. «Эпитафия Илличевскому» («Вдруг, развязав глаза, пустила...») ⟨Илличевский⟩ ⟨22. «Эпитафия»⟩;

«Эпиграммы»:

1. «Дивитесь вы, мои друзья...» ⟨102⟩;
2. «От всенощной вечор идя домой...»;

«Мадригал» («Могу ль забыть то сладкое мгновенье...») ⟨Дельвиг⟩ ⟨113⟩.

Л. 79 об.—80. «Надписи на стенах больницы»:

1. «Сих мирных стен угрюмый житель...» ⟨29⟩;
2. «Вот здесь лежит больной студент...» ⟨30⟩;

«Эпитафии усам гусара Свечина»:

1. «Прохожий, прочного на свете нет добра...» ⟨31⟩;
2. «Прохожий! стой, внимай!..» ⟨32⟩;

«Заутра с свечкой грошевою...» ⟨38⟩;

«Эпиграммы»:

1. «Скажу без всякой я причуды...» ⟨39⟩;

Л. 80.

2. «Беда моя, беда!..» ⟨Илличевский?⟩ ⟨47⟩;
3. «Как правильны у вас фигуры...» ⟨Илличевский?⟩ ⟨43⟩;
4. «Вы лица славно написали...» ⟨Илличевский?⟩ ⟨49⟩;
5. «Калиныч! я тебя нарисовал калиной...» ⟨Илличевский?⟩ ⟨50⟩;
6. «Портрет» («Хвала! квадратный исполин...») ⟨63⟩;
7. «Больны вы, дядюшка? Нет мочи...».

Л. 80 об. «Сравнение» («Не хочешь ли узнать, моя драгая...») ⟨65⟩; «О⟨на?⟩»; «К ⟨письму?⟩» ⟨105?⟩;[199] «Надпись к беседке» ⟨110⟩; «Вино и вода» ⟨«Вода и вино»⟩.

Л. 81 ⟨внизу⟩. «Эпиграммы». «На Карамзина»:

⟨1⟩. «На плаху древность волоча...»;
2. «Послушайте, скажу вам старину...».

Л. 85—86. Заглавие: «II. Стихотворения, [измененные в печати,] не вполне напечатанные». 1814. «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...»).

Л. 86—90 об. «Городок» (1815).

Л. 90 об.—91. «К Ломоносову» ⟨заглавие и ст. 1—4; далее оставлено место⟩.

Л. 91—92. «К Галичу» («Когда печальный рифмотвор...»).

Л. 92—92 об. 1816. «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»).

Л. 92 об.—93 об. «К Василью Львовичу Пушкину» ⟨«⟨Послание к В. Л. Пушкину⟩» («Тебе, о Нестор Арзамаса...»)⟩.

Л. 93 об.—96 об. 1827. «Картины».

---

[199] Буквы «О» и «К» — очевидно, начальные буквы заглавий стихотворений, текст которых не списан.

Л. 96 об. Неизвестных годов. ⟨...⟩

Л. 97—98. «Безверие».

Л. 98—101 об. «Бова. (Отрывок из поэмы)».

Л. 101 об.—102 об. «К Наташе» («Так и мне узнать случалось...») ⟨«К Наталье»⟩.

Л. 102 об.—103 об. «Гроб Анакреона» (1815).

Л. 104—104 об. «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»).

Л. 106 об.—107. «К Шишкову» ⟨«К Ш⟨ишк⟩ову»⟩ (1816).

Из текстов стихотворений «Венере от Лаисы при посвящении ей зеркала», «К Императору Александру I-му», «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»), «К князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»), эпиграммы на Карамзина («На плаху древность волоча...») списан лишь первый стих; из текста стихотворения «К Ломоносову» списаны первые четыре стиха, из текста «Измен» — первые три стиха. Везде оставлено пустое место для остального текста.[200]

Эти сорок восемь листов написаны более поздним почерком Долгорукова, чем листы с текстами Дол$_1$, но до выхода в свет второго тома собрания сочинений Пушкина под редакцией Анненкова, так как в противном случае Долгоруков не начал бы пополнение посмертного издания стихотворением «К другу стихотворцу», напечатанным в издании Анненкова.

Находящиеся на л. 68, 76 и 78—80 об. тетради тридцать две эпиграммы несомненно лицейского происхождения. Двадцать девять из них имеются в отделе «Лицейская антология, собранная -и й ш и й» вышеописанного «Собрания лицейских стихотворений» (СЛС). Порядок эпиграмм в Первой тетради Долгорукова за небольшим исключением соответствует порядку, в котором расположены эти эпиграммы в «Лицейской антологии», что видно из проставленных нами у эпиграмм тетради номеров, под которыми эти эпиграммы стоят в «Лицейской антологии». Но списаны эпиграммы в Первую тетрадь Долгорукова не из СЛС. За это говорит, во-первых, то, что в тетради имеются три эпиграммы («В. Кюхельбекеру», «От всенощной вечор идя домой...» и «Больны вы, дядюшка? Нет мочи...»), которых нет в СЛС, и, во-вторых, различие в заглавиях («К Баболовскому дворцу» — в Первой тетради Долгорукова и «На Баболовский дворец» — в СЛС; эпиграмма «Поэт надутый Клит...» в Первой тетради Долгорукова без заглавия, а в СЛС с заглавием «Поссорившемуся») и в текстах некоторых эпиграмм. Можно было бы предположить, что эпиграммы в Первой тетради Долгорукова списаны с подлинной «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого -и й ш и й», но против такого предположения говорит то, что в Первой тетради Долгорукова отсутствуют обе эпиграммы на Пучкову и «„Скажи, что нового". — „Ни слова"...», имеющиеся на том самом листке «Антологии», на котором имеется и эпиграмма «Больны вы, дядюшка? Нет мочи...», списанная в Первую тетрадь Долгорукова. Таким образом, оста-

[200] Кроме описанных листов с текстами стихотворений Пушкина в тетрадь вплетено семь листов с текстами четырнадцати стихотворений лицейских поэтов: Корсакова, Яковлева, Илличевского, Кюхельбекера и Дельвига. Все эти стихотворения списаны, весьма вероятно, из Тетради Яковлева—Корфа.

ется предполагать, что эпиграммы списаны с не дошедшей до нас рукописи (или рукописей?). Лицейское происхождение этой рукописи не подлежит сомнению: из двух эпиграмм, отсутствующих в дошедших до нас листках подлинной «Лицейской антологии» и в СЛС, одну — «От всенощной вечор идя домой...» — приводит в своих «Записках...» Пущин. Другой вопрос — насколько авторитетна атрибуция Пушкину имеющихся в Первой тетради Долгорукова стихотворений. Сам Долгоруков озаглавил отдел, в котором имеются эпиграммы: «Стихотворения А. С. Пушкина, вовсе не напечатанные, или измененные, или ему приписываемые». Последнее относится прежде всего, конечно, к эпиграммам. Из тридцати двух четыре («Вакх», «Поверь, тебя измерить разом...», «Эпитафия Илличевскому» и «Мадригал») несомненно не Пушкина: первая и четвертая Дельвига, а вторая и третья Илличевского. Об эпиграммах «Беда моя, беда!..», «Как правильны у вас фигуры...», «Вы лица славно написали...» и «Калиныч! я тебя нарисовал калиной...» Корф сообщал, что они, «кажется, Илличевского» (см.: Грот. Пушкин 1899. С. 236). Из остальных двадцати четырех эпиграмм лишь одиннадцать («Арист нам обещал трагедию такую...», «Супругою твоей я так пленился...», «На Рыбушкина», «К Баболовскому дворцу», «Есть тройка пакостных певцов...», «От всенощной вечор идя домой...», «Вот здесь лежит больной студент...», «Заутра с свечкой грошевою...», «Больны вы, дядюшка? Нет мочи...», «Сравнение» и «Надпись к беседке») — несомненно Пушкина.

Тексты этих листов везде далее обозначены Дол$_2$.

Как уже сказано (см. с. 493—494), по Дол$_1$ Ефремов в «Библиографических записках» 1861 г. напечатал отдельные стихи четырех стихотворений. Вообще же Первой тетрадью Долгорукова никто из исследователей не занимался.

11. Тетрадь П. И. Бартенева

(Бар; РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 4)

Тетрадь (с заглавием: «Записи П. И. Бартенева о Пушкине. 1851 г.») представляет собою пачку переплетенных листов разного формата (большинство листов в 4-ю д. л.). Относится к первым годам собирания Бартеневым пушкинских текстов, т. е. к 1849—1854 гг. (до выхода в свет в январе 1855 г. первого тома собрания сочинений Пушкина под редакцией Анненкова). Всего в Тетради Бартенева имеется семьдесят семь копий стихотворений Пушкина и ему приписывавшихся. Среди них двадцать два лицейских стихотворения. Копии семнадцати стихотворений, списанные с печатных текстов, не представляют текстологического интереса. Из остальных пяти — эпиграмма на Я. И. Карцова и стихи, приписанные к началу стихотворения П. Н. Мясоедова, — не Пушкина. Таким образом, в тетради всего четыре лицейских стихотворения Пушкина, тексты которых списаны с рукописей:

Л. 95—95 об. «К сестре», ст. 1—80.

Л. 97. «На Пешеля» («С молитвой теплою, с зажженною свечою...») ⟨«Заутра с свечкой грошевою...»⟩.

Л. 126—126 об. «Исповедь бедного стихотворца».

Л. 129. «На Карамзина» («Послушайте, я расскажу вам старину...») ⟨«Эпиграмма. ⟨На Карамзина⟩» («Послушайте, я сказку вам начну...»)⟩.

Тетрадь Бартенева опубликована М. А. Цявловским (см.: Лет. ГЛМ. С. 491—547).

12. Тетрадь Н. С. Тихонравова

(Тих; РГБ, ф. 299 (Тихонравова), 1.318)

Тетрадь (с заглавием: «Избранные стихотворения А. С. Пушкина, переписанные собственноручно Н. С. Тихонравовым в половине XIX в.») в переплете в 8-ю д. л. бумаги без водяных знаков, 145 л. Исписаны л. 2—49 и 108—126 об.

Всего в тетради шестьдесят девять стихотворений и отрывков Пушкина.

Из них лицейских — двенадцать:

Л. 2—4 об. «В. Л. Пушкину» («Скажи, парнасский мой отец...») ⟨«Послание В. Л. Пушкину»⟩.

Л. 9 об.—12. «К студентам» ⟨«Пирующие студенты» («Друзья! досужный час настал...»)⟩.

Л. 13—13 об. «Про себя» ⟨Отрывки. «Про себя» («Великим быть желаю...»)⟩.

Л. 14 об. «Всегда так будет, как бывало...» (приписывалось Пушкину; см.: наст. т., с. 564. — *Ред.*).

Л. 16—17 об. «Христос воскрес» ⟨«⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩» («Христос воскрес, питомец Феба!..»)⟩.

Л. 29—32 об. «Исповедь бедного стихотворца».

Л. 33—33 об. «Вино и вода» ⟨«Вода и вино»⟩.

Л. 34—37 об. «К сестре».

Л. 37 об.—38 об. «К Батюшкову» («В пещерах Геликона...»).

Л. 38 об.—41. «К Горчакову» ⟨«Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»)⟩.

Л. 41—42. «К баронессе Д...» ⟨«К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг»⟩.

Л. 42—44 об. «Измены».

Л. 44 об.—46. «Цель нашей жизни» (приписывалось Пушкину; см.: наст. т., с. 564. — *Ред.*).

Л. 46 об.—49. «Гараль и Гальвина».

Л. 121 об.—122. Пропущенные стихи в стихотворении «К студентам».

Тетрадь заполнялась Н. С. Тихонравовым (1832—1893) не позднее выхода в свет собрания сочинений Пушкина под редакцией Анненкова. После смерти Тихонравова поступила в 1912 г. в составе его собрания рукописей в Румянцевский музей[201] (ныне хранится в РГБ. — *Ред.*). Тетрадь не изучалась.

13. Тетрадь В. П. Гаевского

(Гв; ПД, ф. 244, оп. 8, № 8)

Тетрадь без переплета голубоватой бумаги большого почтового формата без водяных знаков, 32 л. Заполнена красивым каллиграфическим почерком,

[201] См.: Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1912 год. М., 1913. Отделение рукописей и славянских старопечатных книг. С. 56. № 318.

имеются пометы рукой В. П. Гаевского. По почерку и бумаге — не ранее середины XIX в. В тетради четыре лицейских стихотворения Пушкина:

Л. 6—8. «Вишня».

Л. 8 об. Эпиграммы и надписи: «К „Истории" Карамзина» («В его „Истории" изящность, простота...»); «То же» («Ну, дети, слушайте! я сказку вам начну...») ⟨«Эпиграмма. ⟨На Карамзина⟩» («Послушайте, я сказку вам начну...»)⟩.

Л. 22 об. «Великим быть желаю...» ⟨Отрывки. «Про себя»⟩.

Л. 25—25 об. «К Каверину».

Тетрадь не изучалась.

14. Листы из тетради В. П. Гаевского

(Гаев; ПД, ф. 244, оп. 8, № 12)

Двенадцать отдельных листов в 4-ю д. л., вырванных из тетради; бумага без водяных знаков. Тетрадь принадлежала В. П. Гаевскому, а затем входила в собрание В. Е. Якушкина, которое поступило в 1913 г. в Библиотеку Академии наук, откуда в 1931 г. перешло в Пушкинский Дом. Листы содержат двенадцать стихотворений Пушкина. Из них лицейских — шесть.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. 1—2. «Усам». ⟨«Усы. Философическая ода»⟩.

Л. 6—7. «Элегия» («Я видел смерть; она в безмолвии сидела...»).

Л. 8—8 об. «Уныние» («О милый друг, повсюду ты со мною...») ⟨«Разлука» («Когда пробил последний счастью час...»)⟩.

Л. 9. «И столько же красноречив...» ⟨«К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг», начиная со ст. 13⟩.

Л. 9 об.—11 об. «Измены».

Л. 11 об.—12 об. «Цель нашей жизни» (приписывалось Пушкину; см.: наст. т., с. 564. — *Ред.*).

Все стихотворения, имеющиеся на сохранившихся листах, входят и в сборник, принадлежавший П. Я. Дашкову (см. ниже, с. 546—547). Тексты стихотворений на листах плохого качества и едва ли могли быть оригиналом для Тетради Дашкова. Вероятнее предположить, что они и Тетрадь Дашкова восходят к одному оригиналу. Тетрадь не изучалась.

15. Тетрадь М. Н. Лонгинова—С. Д. Полторацкого

(Лон—Полт; РГБ, Полт. 162. 1 (кн. 1); 162.2 (кн. 2))

Составлена в Москве между 24 декабря 1855 г. и 10 февраля 1856 г. Подлинник Тетради Лонгинова—Полторацкого неизвестен, но в августе 1857 г. с него по заказу С. Д. Полторацкого была сделана писцом копия, выверенная по подлиннику самим Полторацким. Копия эта представляет собою два переплетенных тома в 4-ю д. л.; на заглавном листе первого тома надпись: «Собрание разных стихотворений и прозаических статей А. С. Пушкина» с пометой: «(Списано с рукописи М. Н. Лонгинова. Москва. Август 1857)». Оба тома имеют сквозную постраничную нумерацию.

В первом томе — 190 л. (с. 1—379), во втором — 83 л. (с. 380—550).[202] Поступили из библиотеки Полторацкого в 1882 г. в Румянцевский музей (ныне хранятся в РГБ. — *Ред.*).

В тетради имеются следующие лицейские стихотворения Пушкина и ему приписывавшиеся:

Л. 20 об.—22. «Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»).

Л. 25 об. Пропущенные стихи в послании «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...») ⟨ст. 5—11, 18—22 первой редакции⟩.

Л. 26 об.—28. Пропущенные стихи в послании «К В. Л. Пушкину» («Скажи, парнасский мой отец...») ⟨ст. 1—54, 76—87 первой редакции⟩.

Л. 30 об. Пропущенные стихи в послании «К сестре» ⟨ст. 117—121⟩; Пропущенные стихи в пьесе «Пирующие друзья» ⟨«Пирующие студенты» («Друзья, досужный час настал...»), ст. 27—28⟩.

Л. 31. Пропущенные стихи из стихотворения «Подражание» ⟨«Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»), ст. 10—11, 22—35 первой редакции⟩.

Л. 33—33 об. «Баронессе Д.» ⟨«К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг»⟩.

Л. 55 об.—58. «Гараль и Гальвина».

Л. 58 об.—59 об. «Цель нашей жизни» (приписывалось Пушкину; см.: наст. т., с. 564. — *Ред.*).

Л. 60—61. «Христос воскрес!» ⟨«⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩» («Христос воскрес, питомец Феба!..»)⟩.

Л. 64—64 об. Выпущенные стихи в послании «К Лиде» ⟨«Послание Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...»), ст. 12—15⟩.

Л. 65 об.—68. «Исповедь бедного стихотворца».

Л. 89. «На Карамзина» («Послушайте, я вам скажу про старину...») ⟨«Эпиграмма. ⟨На Карамзина⟩» («Послушайте, я сказку вам начну...»)⟩.

Л. 99. «Благодарность» («С мольбой, с зажженною свечою...») ⟨«Заутра с свечкой грошевою...»⟩; «Экспромт» («Грядет с заката царь природы...»).

Л. 116—117. Пропущенные стихи в стихотворении «Городок» ⟨ст. 15, 17, 186—189, 206—211, 263, 411—416, 419—422, 427—430⟩.

По Тетради Лонгинова—Полторацкого напечатаны «Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...») и «Христос воскрес, питомец Феба!..» ⟨«⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩»⟩ в изданиях КН (Т. 1. С. 124—125 и 169—171) и ГИХЛ 1931 (Т. 1. С. 243—245 и 508—509).

16. Тетрадь П. Я. Дашкова

(Даш; ПД, ф. 244, оп. 8, № 34)

Тетрадь в переплете (270 × 170 мм), 100 л. Озаглавлена «Стихотворения Пушкина». Содержит 83 стихотворения, а также список «Гавриили-

[202] Собственно Тетрадью Лонгинова—Полторацкого заняты с. 1—530, а на с. 531—550 Полторацкий поместил «Мои заметки и добавления. 1857—1858». Сведения о Тетради Лонгинова—Полторацкого см.: *Симони П. К.* Неизданный труд М. Н. Лонгинова о Пушкине (1855—6 гг.) // Лонгинов М. Н. Соч. М., 1915. Т. 1. С. 573—576.

ады» и отрывок из «Каменного гостя». Заполнена очень старательно несколькими почерками, вероятно, середины XIX в. Тетрадь входила в ту часть собрания Павла Яковлевича Дашкова (1849—1910), которая после смерти последнего поступила в Пушкинский музей Александровского лицея, откуда перешла в 1917 г. в Пушкинский Дом. В тетради имеются следующие лицейские стихотворения:

Л. 15—15 об. «Уныние» («О милый друг, расстался я с тобою...») ⟨«Разлука» («Когда пробил последний счастью час...»)⟩.

Л. 17. «На Карамзина» («Послушайте, я сказку вам начну...») ⟨«Эпиграмма. ⟨На Карамзина⟩»⟩.

Л. 20—21. «Заздравный кубок».

Л. 37—38. «Прощание» ⟨«Товарищам» («Промчались годы заточенья...»)⟩.

Л. 45—46. «К живописцу».

Л. 51—53. «В. Л. Пушкину. (Дяде, сочинителю Буянова)» ⟨«Послание В. Л. Пушкину» («Скажи, парнасский мой отец...»)⟩.

Л. 53—55. «К студентам» ⟨«Пирующие студенты» («Друзья, досужный час настал...»)⟩.

Л. 57 об. «Про себя» («Великим быть желаю...») ⟨Отрывки «Про себя»⟩.

Л. 59 об.—60 об. «Усы».

Л. 61—62. «Христос воскрес» ⟨«⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩» («Христос воскрес! питомец Феба!..»)⟩.

Л. 72—75. «Исповедь бедного стихотворца».

Л. 75—76. «К В. Л. Пушкину. (Дяде, соч⟨инителю⟩ Буянова)» ⟨«⟨Послание к В. Л. Пушкину⟩» («Тебе, о Нестор Арзамаса...»)⟩.

Л. 76—77. «Вино и вода» ⟨«Вода и вино»⟩.

Л. 77—78. «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»).

Л. 78 об.—81. «К сестре».

Л. 81 об.—82. «К Батюшкову» ⟨«Батюшкову» («В пещерах Геликона...»)⟩.

Л. 82 об.—84. «К Горчакову» ⟨«Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»)⟩.

Л. 84—84 об. «К баронессе Д...» ⟨«К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг»⟩.

Л. 85—86. «Измены».

Л. 87—88. «Цель нашей жизни» (приписывалось Пушкину; см.: наст. т., с. 564. — *Ред.*).

Л. 88—89. «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»).

Л. 89 об.—91. «Гараль и Гальвина».

Кому первоначально принадлежал сборник, неизвестно, но в нем есть записи, сделанные, по мнению Л. Б. Модзалевского, рукой В. И. Даля. Никем из редакторов Пушкина сборник не был использован.[203]

---

[203] (Следующее далее в статье М. А. Цявловского описание сборника, принадлежавшего П. А. Александрову (ПД, ф. 244, оп. 8, № 92), опускается, так как этот сборник, составленный в подавляющей своей части из печатных материалов и не дающий авторитетных вариантов, в настоящем издании исключен из числа источников текста. — *Ред.*).

17. Вторая тетрадь Н. А. Долгорукова

(Долг; РГАЛИ, ф. 384, оп. 1, № 61; ранее хранилась в ГЛМ)[204]

Тетрадь in f° в переплете под заглавием: «Стихотворения Александра Пушкина». Бумага с водяным знаком: «1822», 109 л. Вся тетрадь написана рукой Н. А. Долгорукова; заполнялась последовательно, по мере появления у Долгорукова новых текстов Пушкина, на протяжении 1830—1860-х гг.; последние записи (после л. 76 об.) написаны более поздним почерком, чем вторая часть описанной выше Первой тетради Долгорукова (см.: наст. т., с. 542).

Тетрадь содержит следующие лицейские стихотворения:

Л. 11 об. «Стансы. Из Вольтера» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 12—12 об. «Амур и Гименей. Сказка» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 12 об.—13. «Романс» («Под вечер осени ненастной...») (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 14 об.—15 об. «Гроб Анакреона. Элегия» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩ с изменением»).

Л. 16—16 об. «Слеза» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 18—19 об. «Наездники» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 19 об.—20 об. «Усы».

Л. 22—22 об. «Прощание» ⟨«Товарищам» («Промчались годы заточенья...»)⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 22 об.—23. «Желание» («Медлительно влекутся дни мои...») (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 24. «Пробуждение» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 24 об. «Надпись к беседке».

Л. 25—25 об. «Заздравный кубок» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 26. «Уныние» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 26 об. «Элегия» ⟨«Морфею» («Морфей! до утра дай отраду...»)⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»); «Вино и вода» ⟨«Вода и вино»⟩.

Л. 27. «Погреб» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»); «Из Марота» (у заглавия позднейшая помета карандашом:

---

[204] (Под № 17 в работе М. А. Цявловского дано описание Сборника П. А. Ефремова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 4). Этот сборник представляет собой копию со Второй тетради Долгорукова, которая в момент работы над статьей и первым томом Акад. еще не была известна Цявловскому и учтена только во втором томе Акад. В настоящем издании Сборник Ефремова выводится из числа источников текста; вместо него помещается описание Второй тетради Долгорукова, составленное Е. О. Ларионовой. — *Ред.*).

«Напеч⟨атано⟩»; тогда же заглавие, написанное с ошибкой, зачеркнуто карандашом и заменено на «Старик»; еще позднее чернилами к заглавию приписано: «Из Маро»).

Л. 30. «Певец» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 30 об.—31. «К Каверину» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩ с изменением»).

Л. 32 об. «Разлука (к Кюхельбекеру)» ⟨«Кюхельбекеру» («В последний раз, в тиши уединенья...»)⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 33—33 об. «Отрывок к В. Л. Пушкину» ⟨«П⟨ушки⟩ну» («Что восхитительней, живей...»)⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 37 об.—38 об. «К Галичу» («Когда печальный рифмотвор...») ⟨«К Г⟨алич⟩у» («Пускай угрюмый рифмотвор...»)⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩ с изменением»).

Л. 39—39 об. «К Дельвигу» ⟨«Дельвигу» («С любовью, дружеством и ленью...»)⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 39 об. «К друзьям» ⟨«Друзьям» («К чему, веселые друзья...»)⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 42—42 об. «К Шишкову» ⟨«К Ш⟨ишк⟩ову»⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩ с изменением»).

Л. 43—44 об. «К сестре» (с пометой под текстом: «814-го года»).

Л. 45—46 об. «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...») (с пометой под текстом: «814-го года»; у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩ с пропуском»).

Л. 46 об.—47. «К Батюшкову» ⟨«Батюшкову» («В пещерах Геликона...»)⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Должно быть напечатано»).

Л. 47—48. «К Горчакову» ⟨«Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»)⟩ (у заглавия позднейшая помета: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 48 об.—49 об. «К В... Л..... П.....» ⟨«⟨Послание к В. Л. Пушкину⟩» («Тебе, о Нестор Арзамаса...»)⟩ (второй стихотворный отрывок («Я не совсем еще рассудок потерял...») ⟨«Дяде, назвавшему сочинителя братом»⟩ отчеркнут карандашом и сбоку сделана карандашная помета: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 49 об.—51. «Послание к императору» ⟨«На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»⟩ (с примечанием к заглавию: «На случай возвращения его импе⟨раторского⟩ величе⟨ства⟩ в 1815-м году из Парижа»).

Л. 51. «К Пущину в альбом» ⟨«В альбом Пущину» («Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок...»)⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 51—52. «К Д****» ⟨«К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»)⟩ (с пометой под текстом: «816-го года»; у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩ с изменен⟨ием⟩»).

Л. 52—52 об. «К баронессе Д***» ⟨«К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг»⟩ (с пометой под текстом: «816 года. Ноябрь»).

Л. 52 об.—53. «К живописцу» (с пометой под текстом: «815-го года»; у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 53—57 об. «Пастушка» ⟨«Фавн и пастушка»; ранняя редакция — «Картины»⟩ (поздняя редакция; у текста картин 1, 3—6, 8, 9 позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»; при картине 2 — «Пропущено»; текст картин 2, 7, 8 (кроме последних четырех стихов каждой) отчеркнут карандашом).

Л. 57—60 об. «Воспоминание в Царском Селе» ⟨«Воспоминания в Царском Селе»⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 60 об.—62. «Наполеон на Эльбе» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 62—64. «Исповедь бедного стихотворца» (начало стихотворения позднее перечеркнуто карандашом).

Л. 64—65. «Измены» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 65 об. «Эпиграмма на Карамзина» («Послушайте, скажу вам старину...») ⟨«Эпиграмма. ⟨На Карамзина⟩» («Послушайте, я сказку вам начну...»)⟩.

Л. 65 об.—66. «Цель нашей жизни» (с пометой под текстом: «814-го года») (приписывалось Пушкину; см.: наст. т., с. 564. — *Ред.*).

Л. 66. «Роза» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 66—66 об. «Элегия. Месяц» ⟨«Месяц»⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 66 об.—67. «Стихи в Светлое Воскресенье» ⟨«⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩» («Христос воскрес, питомец Феба...»)⟩ (с позднейшей пометой под текстом: «А. Пушкин. 1816 году»).

Л. 67. «К Лиле» ⟨«Слово милой» («Я Лилу слушал у клавира...»)⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 67—67 об. «Сон» ⟨«К сну» («Знакомец милый и старинный...»)⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 67 об.—68. «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...») (с пометой под текстом: «816 года»).

Л. 68—69. «Безверие» (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 69—70. «Баллада. Гарал и Гальвина» ⟨«Гараль и Гальвина»⟩.

Л. 75. «К Морфею» ⟨«Морфею»⟩ (у заглавия позднейшая помета карандашом: «Напеч⟨атано⟩»).

Л. 76 об. «Поэт надутый Клит...» ⟨4⟩;[205] «Эпитафия» ⟨«Моя эпитафия» («Здесь Пушкин погребен, он с музой молодою...»)⟩ ⟨5⟩ (с пометой у заглавия: «Напеч⟨атано⟩»).

[205] (Здесь и далее в ломаных скобках проставлены номера стихотворений в пятом отделе СЛС (см. с. 483—487). Это стихотворение, как и следующие из указанных далее: «Скажи мне, болен ты иль в мысли углубился?..», «Браво! брависсимо! ну, братцы,

Л. 77—77 об. «Вакх» («Прощай, Венера! Бог с тобою...») ⟨Дельвиг⟩ ⟨6⟩; «Скажи мне, болен ты иль в мысли углубился?..» ⟨7⟩; «На двух бранящихся» («Какие ж, брат, ты уши-то имеешь...») ⟨Илличевский⟩ ⟨8⟩; «Браво! брависсимо! ну, братцы, исполать!..» ⟨9⟩; «Ах, драму видеть я несчастие имел!..» ⟨10⟩; «Поверь, тебя измерить разом...» ⟨Илличевский⟩ ⟨18⟩; «На разбор „Россияды"» ⟨19⟩; «Эпитафия Илл⟨ичевскому⟩» («Вдруг, развязав глаза, пустила...») ⟨Илличевский⟩ ⟨22⟩; «Пердишь ты мастерски, а говоришь без складу...»; «Дивитесь вы, мои друзья...» ⟨102⟩.

Л. 78. «Эпиграмма» ⟨«От всенощной вечор идя домой...»⟩; «Мадригал» («Могу ль забыть то сладкое мгновенье...») ⟨Дельвиг⟩ ⟨113⟩.

Л. 80 об. «Надписи на стенах больницы»:

1. «Сих мирных стен угрюмый житель...» ⟨29⟩;
2. «Вот здесь лежит больной студент...» ⟨30⟩.

Л. 81. «Эпитафии усам гусара Свечина»:

1. «Прохожий! прочного на свете нет добра...» ⟨31⟩;
2. «Прохожий! стой, внимай...» ⟨32⟩;

«Заутра с свечкой грошевою...» ⟨38⟩; «Скажу без всякой я причуды...» ⟨39⟩.

Л. 81 об. «Беда моя, беда!..» ⟨Илличевский?⟩ ⟨47⟩; «Как правильны у вас фигуры...» ⟨Илличевский?⟩ ⟨48⟩; «Вы лица славно написали...» ⟨Илличевский?⟩ ⟨49⟩; «Калиныч! я тебя нарисовал калиной...» ⟨Илличевский?⟩ ⟨50⟩.

Л. 82. «Сравнение» («Не хочешь ли узнать, моя драгая...») ⟨65⟩; «Больны вы, дядюшка? Нет мочи...».

Л. 83—83 об. «Козак. (Баллада)» (с пометой у заглавия: «Напечатано»).

Л. 83 об. «Есть тройка пасквильных писцов...» ⟨«Угрюмых тройка есть певцов...»⟩.

Л. 85. Добавление к напечатанным в полном собрании Исакова стихотворениям «Фавн и пастушка» и «Делия» ⟨«Фавн и пастушка», ст. 1—6, 107—113 поздней редакции; «К Делии», ст. 1—5, 15—18⟩ (запись на правом поле листа).

Л. 101 об. «Друзьям» («Среди беседы вашей шумной...») ⟨«Друзьям» («К чему, веселые друзья...»)⟩ (с подписью: «А. Пушкин» и пометой под текстом: «1816 г.»). (О псевдопушкинской интерполяции см.: наст. т., с. 719. — *Ред.*).

Л. 104. «Stances» (с подписью: «A. Pouchkine» и пометой под текстом: «(1814)»).

Л. 104 об. «С позволения сказать...» ⟨«Куплеты на слова „С позволения сказать"»⟩ (с пометой под текстом: «1817 г.»); «Гауеншильд и Энгельгардт...».

исполать!..», «Ах, драму видеть я несчастие имел!..», «На разбор „Россияды"», «Пердишь ты мастерски, а говоришь без складу...», «Дивитесь вы, мои друзья...», «Сих мирных стен угрюмый житель...», «Эпитафии усам гусара Свечина», «Скажу без всякой я причуды...», — Пушкину не принадлежат. — *Ред.*).

Л. 104 об.—105. «Лицейские эпиграммы на В. Кюхельбекера (до 1814 г.)»:

Л. 104 об. 1. «Несчастье Клита»;

Л. 105. 2. «Вот Виля, он любовью дышет...».

Л. 105. «На Плюскову» («Зачем кричишь ты, что ты дева...») ⟨«На Пучкову»⟩ (с пометой под текстом: «1816 г.»).

Видимо, в 1860-е гг. со Второй тетради Долгорукова была снята копия, находившаяся потом в собрании П. А. Ефремова, — так называемый Сборник П. А. Ефремова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 4). Скопированы были лишь те тексты, около которых не стояло пометы Долгорукова: «Напечатано». Копия была сделана малограмотным человеком, плохо разбиравшим подлинник, с которого он списывал, и многого не понимавшим. Текст пестрит грубыми орфографическими ошибками и местами невразумителен.

Тетрадь не изучалась.

18. «Записки И. И. Пущина о Пушкине»

(Пущ; ПД, ф. 244, оп. 17, № 36)

Рукопись этих «Записок...», автограф Пущина, принадлежала Е. И. Якушкину, а после его смерти его сыну Вячеславу Евгеньевичу, в составе архива которого поступила в 1913 г. в Библиотеку Академии наук, откуда в 1931 г. перешла в Пушкинский Дом. В «Записках» имеются следующие лицейские стихотворения Пушкина:

Л. 13 об. «Мы недавно от печали...».

Л. 14—14 об. «От всенощной вечор идя домой...».

Л. 18. «И останешься с вопросом...».

Л. 18 об. «Вот здесь лежит больной студент...» ⟨«Надпись на стене больницы»⟩.[206]

VIII. Тексты лицейских стихотворений

Вопрос о том, как печатать лицейские стихотворения, вплоть до первого академического издания считался спорным в пушкинской текстологии.

Как показано выше, Пушкин в 1817—1820 и в 1825 гг., приготовляя к печати сборник своих стихотворений, многократно в лицейской своей тетради, в не дошедшей до нас тетради и в тетрадях Всеволожского и Капниста обращался к не менее чем пятидесяти одному лицейскому стихотворению, более или менее существенно изменяя их текст. Работу над двенадцатью из этих стихотворений: «Красавице, которая нюхала табак», «Пирующие студенты», «Мое завещание. Друзьям», «К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...»), «Слеза», «Моему Аристарху», «Послание к Ю⟨дину⟩», «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...»), «Желание» («Медлительно влекутся дни мои...»), «Элегия» («Опять я ваш, о юные

[206] Два стиха из эпиграммы «Заутра с свечкой грошевою...», стихи из «Пирующих студентов», из стихотворений «К Маше» и «К живописцу», а также стихотворения «В альбом Пущину», «Воспоминание. (К Пущину)» приводятся Пущиным по собранию сочинений Пушкина под редакцией Анненкова.

друзья!..»), «Письмо к Лиде» («Лишь благосклонный мрак раскинет...») и «В альбом Пущину» — поэт не довел до конца и от печатания их отказался. Отказался он печатать и стихотворения (их двадцать одно), относительно которых с большой вероятностью можно утверждать, что работа по переделке их была закончена. Это следующие стихотворения: «Воспоминания в Царском Селе», «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...»), «К живописцу», «Сраженный рыцарь», «Усы. Философическая ода», «Осеннее утро», «Истина», «Разлука» («Когда пробил последний счастью час...»), «Наездники», «Месяц», «Слово милой», «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»), «Заздравный кубок», «Фиал Анакреона», «Безверие», «К молодой вдове», «Стансы. (Из Вольтера)», «Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»), «Товарищам», «Надпись в беседке» и «Твой и мой».[207]

Как указано выше (см. с. 524), в первый сборник своих стихотворений Пушкин включил в переделанном виде лишь двенадцать стихотворений,[208] которые и перепечатывались в последующих собраниях сочинений. Но кроме этих стихотворений П. В. Анненков, первый из пользовавшихся ЛТ, а затем В. Е. Якушкин (Якушкин) и П. О. Морозов (Мор. 1887) напечатали по ЛТ несколько стихотворений в послелицейских, переработанных редакциях.

Л. Н. Майков, ошибочно полагавший, что лицейские стихотворения в посмертном издании были напечатаны по ЛТ, так писал об этом: «...оно ⟨посмертное издание⟩ всегда воспроизводило из вышеозначенной тетради ⟨ЛТ⟩ первоначальный текст стихотворений и решительно отвергало сделанные в нем в 1825 году исправления. Впоследствии П. В. Анненков и редактор издания Литературного фонда П. О. Морозов имели случай сличить текст лицейских стихотворений, данный в IX томе посмертного издания, с тетрадью 1817 года, но приняли во внимание далеко не все позднейшие поправки, встречающиеся в этой рукописи. Напротив того, в настоящем издании все эти исправления введены в текст, а первоначальная редакция соответствующих стихов отнесена в примечания» (АН 1899. Примеч. С. 10; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 10).

Помещение в корпусе тома, посвященного лицейским стихотворениям, текстов послелицейских, и притом с введением в лицейский текст не доведенных до конца позднейших переработок, вызвало сильнейшие возражения со стороны В. Я. Брюсова, который в заметке «Что дает академическое издание сочинений Пушкина» писал: «Чем дороги нам лицейские стихотворения Пушкина? Не художественными своими достоинствами, или, по меньшей мере, не одной художественностью. Если бы поэт, создавший

---

[207] К этой же группе стихотворений нужно отнести «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»), «Послание Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...»), «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»), переработкой которых Пушкин занимался, которые он в сборник не ввел, но по выходе из Лицея напечатал в переделанном виде. Переделывал Пушкин и стихотворение «⟨Отрывок⟩» («Когда погаснут дни мечтанья...»), но не напечатал его (см. выше, с. 513).

[208] В журналах, альманахах и во втором издании сборника стихотворений Пушкиным по выходе из Лицея было напечатано всего одиннадцать стихотворений.

их, умер в юности, его знали бы и изучали очень немногие. В лицейских стихах Пушкина дорог первый лепет гения, первые шаги величайшего из наших поэтов. Вот почему гораздо важнее, что именно писал Пушкин 15—16 лет от роду, чем то, как он исправил эти во всяком случае не лучшие свои произведения в пору расцвета своего дарования. Пушкин мог иметь свои причины не издавать иных стихов, а иные давать лишь в поздних переделках, мы же хотим знать всего Пушкина и следить за ним на всех ступенях его развития» (РА. 1899. Кн. 3. № 12. С. 619).

В своей книге «Лицейские стихи Пушкина» Брюсов повторил эти соображения, прибавив: «Не следовало ли Академическому изданию под 1814, 1815, 1816, 1817 годами печатать то самое, что Пушкин писал именно в эти годы, а поправки 1825 г. собрать в примечаниях?» (Брюсов. Лиц. стихи. С. 11).

Аргументацию Брюсова повторил С. А. Венгеров, писавший в предисловии к собранию сочинений Пушкина в издании Брокгауза—Ефрона: «Все согласны, что значение „лицейских стихотворений" вполне второстепенное. Образно выражаясь, это не более как первые взмахи крыльев молодого орла. Конечно, молодой орел решительно и мощно поднимается к небесам, но большой высоты он еще не достиг. При этом относительно не крупном художественном значении „лицейских стихотворений", казалось бы, их надо воспроизводить именно в той самой форме, в какой они первоначально вылились у гениального лицеиста. Но дело осложняется тем, что в изданные им самим в 1826 г. и позднее сборники стихотворений Пушкин не просто кое-что внес из произведений лицейской поры, а внес с существенными поправками. И вот возникает конфликт между историческим и эстетическим принципами. С исторической точки зрения кажется совершенно неправильным давать юношеское произведение в исправленном рукою созревшего гения виде. В такой переделке оно не характеризует ни юношеский период, ни зрелый. Из этого конфликта выходим, руководствуясь эстетическими соображениями. Мы рассуждаем так: раз очень строгий к себе Пушкин в 1826 году счел возможным перепечатать кое-что из произведений ранней поры, значит, он признал за ними эстетическую цену. И тогда, конечно, уж надо брать их именно в той форме, к которой приложены наибольшие старания достичь художественного совершенства» (Венг. Т. 1. С. V).[209]

Высказался по этому поводу и М. О. Гершензон, который, имея в виду в первую очередь Венгерова, писал в 1919 г. в предисловии к своей публикации текстов Тетради Никитенко: «Неправы были даже те редакторы, которые считали нужным воспроизводить текст лицейских стихотворений, как он был переработан Пушкиным для издания 1826 года: одним этим текстом нельзя ограничиваться» (РП. С. 2). В защиту противоположного мнения никто в печати тогда не выступал, и М. Л. Гофман имел все

[209] Казалось бы, на основании этих рассуждений С. А. Венгеров в редактируемом им издании печатает в послелицейских редакциях лишь стихотворения, напечатанные самим Пушкиным по выходе из Лицея. В действительности же в собрании сочинений Пушкина под редакцией Венгерова и тексты стихотворений, не включенных Пушкиным в сборник, напечатаны с введением в лицейский текст позднейших исправлений.

основания в 1922 г. утверждать: «Та мысль, что для нас в лицейском Пушкине интереснее и дороже всего именно „лицейский" Пушкин, а не лицейский Пушкин в позднейшей переработке, может считаться теперь принятой и не вызывающей серьезных возражений». Поэтому Гофман и утверждал, что «каноническим текстом лицейских стихотворений Пушкина является тот окончательный, завершенный вид, какой приобрели его стихотворения к моменту выпуска поэта из Лицея в 1817 году» (Гофман (1). С. 141—143 и Гофман (2). С. 145—146). Против этого положения решительно выступал Г. О. Винокур в 1927 г. в своей книге «Критика поэтического текста». Утверждая, что «никакое произведение или какая-либо часть его, забракованные автором из *художественных* соображений, ни в каком случае подлинностью уже не обладают», Винокур считал, что исправленные Пушкиным стихотворения в таком виде и должны печататься в качестве основных текстов, потому что лицейские редакции этих стихотворений дают уже «искаженный текст». Историко-биографический принцип Винокуром отвергается, так как «никак еще не доказано, что лицейские тексты по содержанию своему адресованы к нам только как к историкам. Самые же стихи рассчитаны на того, кто ищет в них не истории, а поэзии».[210]

Если принять все эти положения, то единственным решением вопроса о том, как печатать в корпусе произведений Пушкина лицейские стихотворения, было бы помещение в нем лишь тех стихотворений, которые напечатал в исправленном виде сам Пушкин по выходе из Лицея, так как к «забракованным автором из *художественных* соображений» и поэтому «ни в коем случае подлинностью уже не обладающим» принадлежат лицейские тексты, конечно, не только стихотворений, переделанных впоследствии Пушкиным, но и все стихотворения, которыми он впоследствии не занимался, совершенно отвергнув их для печати. Так именно и была разрешена проблема лицейских стихотворений Б. В. Томашевским в однотомном собрании сочинений Пушкина издания ГИХЛ (шесть изданий 1924—1930 гг.), где из лицейских стихотворений напечатаны лишь введенные Пушкиным в сборник его стихотворений и «Городок» (в приложении).

Вопрос о лицейских произведениях Пушкина явился одним из основных вопросов при обсуждении плана академического издания полного собрания

---

[210] См.: *Винокур Г. О.* Критика поэтического текста. М., 1927. С. 87, 89. Настаивая на печатании лицейских стихотворений в исправленном виде, Винокур вместе с тем замечает: «Все это, конечно, никак еще не означает, что с позднейшими поправками должны печататься вообще все лицейские стихи. Есть среди этих поправок и такие, которые явились результатом явного желания автора приспособить несовершенные и отвергнутые им впоследствии ученические стихи к собранию своих стихотворений 1826 года. Большинство таких поправок, как известно, даже не закончены: приспособление оказалось делом трудным и неприятным, и кончалось оно обыкновенно тем, что Пушкин сверху на рукописи надписывал: „Не надо". Вводить такие поправки в основной текст — значит совершать обратную механизацию критической работы. Все возражения и нападки, которые были вызваны первым томом академического издания (1899, 1900), остаются в этом отношении справедливыми. В строгом смысле такие стихи вообще не могут быть признаны художественно подлинными» (Там же. С. 89).

сочинений Пушкина на конференции пушкинистов в Ленинграде в мае 1933 г. На основании принятых конференцией решений Редакторским комитетом академического издания полного собрания сочинений Пушкина было постановлено предоставить первый том издания лицейскому творчеству поэта. Поэтому, в целях сохранения цельности и стройности картины творчества ученических годов Пушкина, этот том должен, во-первых, заключать в себе все произведения, написанные поэтом в Лицее, безотносительно к их жанру, т. е. кроме стихотворений поэмы «Монах» и «Тень Фон-Визина», а также балладу «Тень Баркова» (в особом приложении); во-вторых, в качестве основных текстов стихотворений в томе печатаются тексты последних лицейских редакций; в-третьих, тексты послелицейских редакций, не напечатанные Пушкиным, печатаются во втором разделе первого тома «Другие редакции и варианты»; в-четвертых, тексты послелицейских редакций, напечатанные Пушкиным, печатаются во втором томе особым отделом: «Лицейские стихотворения, переделанные в 1817—1829 гг. и напечатанные Пушкиным».[211]

Решение печатать в качестве основного текста при наличии нескольких редакций последнюю лицейскую редакцию не требует обоснований. Отдавать предпочтение более ранним текстам перед позднейшими только потому, что первые более ранние, конечно, невозможно.

Для подавляющего большинства стихотворений, написанных в Лицее, определение последней лицейской редакции не представляет затруднений. Таковой является или текст, напечатанный Пушкиным в лицейские годы, или текст лицейского автографа, или, наконец, текст рукописных лицейских сборников и отдельных лицейских копий. Что касается до текстов, имеющихся в ЛТ, то, как уже указано, из исправлений Пушкина, сделанных им в этой тетради в 1817—1819 гг., вводятся лишь те, относительно которых есть основания утверждать, что сделаны они до представления тетради на просмотр Жуковскому. Таким образом, эти стихотворения даются в том виде, в каком Пушкин при выходе из Лицея хотел их печатать.[212]

К лицейским редакциям нужно отнести и тексты шести стихотворений: «Певец», «Эпиграмма на смерть стихотворца», «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»), «Воспоминания в Царском Селе», «Послание Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...») и «Пробуждение», напечатанных в № 1, 2, 11, 23 и 24 «Северного наблюдателя» за 1817 г. Первый номер журнала вышел в свет 5 июля (см.: П. в печати. С. 5). Позднее 20 июня редактор едва ли мог получить от Пушкина напечатанное в этом номере стихотворение («Певец»). 8—10 июля Пушкин уехал в Михайловское, а 12 июля вышел в свет второй номер журнала со

---

[211] (В соответствии с этими принципами и было осуществлено первое академическое издание. Настоящее издание, наряду с последней лицейской редакцией, вводит в основной корпус и последнюю авторскую редакцию (см. об этом ниже, с. 564—565), сохраняя при этом обоснованные М. А. Цявловским методы установления дефинитивного текста лицейских редакций. — *Ред.*).

[212] Лишь стихотворение «Красавице, которая нюхала табак» создает редактору почти неодолимые трудности для получения искомого текста.

стихотворением Пушкина «Эпиграмма на смерть стихотворца». Таким образом, эти два стихотворения в том виде, в каком они появились в журнале, были написаны Пушкиным не позднее 20 июня, т. е. через девять дней по отъезде поэта из Царского Села. С большой долей вероятности можно предположить, что вообще все шесть стихотворений были даны редактору «Северного наблюдателя» до отъезда Пушкина в Михайловское.

Таковы основания, по которым тексты этих стихотворений в корпусе печатаются по «Северному наблюдателю».

IX. Хронология лицейских стихотворений[213]

Хронологизация произведений Пушкина, вообще труднейший вопрос пушкинской текстологии, ставит в особенно затруднительное положение редактора стихотворений лицейского периода. В основном корпусе первого тома первого академического издания — сто тридцать одно стихотворение.[214] Из этого числа только пятьдесят два стихотворения датированы, причем сорок три стихотворения датированы годом, одно — годом и месяцем, три — месяцем и числом (без года) и лишь пять имеют полную дату — день, месяц и год.

Таким образом, за неимением прямых данных для хронологизации, приходится, чтобы их получить, изыскивать побочные средства. Первым из таких средств явилось изучение лицейского почерка Пушкина. Если установившийся в 1816 г. почерк Пушкина на протяжении всех последующих двадцати лет в общем не менялся, варьируясь лишь в зависимости от большей или меньшей старательности Пушкина при писании (черновика и беловика), то совсем иную картину мы видим в раннелицейские годы, когда почерк формировался, «выписывался», — эволюция почерка здесь налицо. Изучение автографов Пушкина 1811—1815 гг. с этой стороны позволяет с полной несомненностью установить такую их последовательность:

1. Запись в альбом А. М. Горчакова (ПД 1688). Воспроизведена в размере подлинника: ГИХЛ 1931. Т. 1. С. 496—497.

2. Подпись под рисунком собаки с птичкой (ПД 792).

3. Подпись и дата: «26 июня 1813 г.» под рисунком продавца кваса (ПД 793). Оба рисунка с подписями воспроизведены в уменьшенном виде: Аснаш, Яхонтов. С. 20—21 и 40—41.

4. «К Наталье» (ПД 860). Первый лист воспроизведен: Акад. Т. 1. Между с. 8 и 9.

---

[213] (Эта глава исследования была опубликована посмертно, с уточнениями и дополнениями в примечаниях, сделанными Т. Г. Цявловской (Цявловский. Статьи. С. 82—89). Заключительные страницы главы нами опущены. Они содержат погодный подсчет стихов, датируемых на основании разных признаков, и отражают состояние материала на 1935—1936 гг., уже не соответствующее современному. — *Ред.*).

[214] Сюда не входят отрывки двух стихотворений, четыре коллективных стихотворения, в сочинении которых принимал участие Пушкин, и пять стихотворений, в принадлежности которых Пушкину нет полной уверенности.

5. «Монах» (ПД 861—863). Первая песнь воспроизведена полностью: КА. 1928. Т. 6 (31). С. 177—196.

6. «К другу стихотворцу» (ПД 864).

7. «Жертва Мому...». Дата: «1814» (ПД 418). Одно стихотворение из сборника («Несчастие Клита») воспроизведено факсимильно: Вестн. АН СССР. 1931. № 7. Между с. 49 и 50.

8. «Козак» (ПД 2). Первая страница воспроизведена: Акад. Т. 1. Между с. 49 и 50.

9. «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...») (ПД 866).

10. «Триолет. Князю Горчакову». Дата: «30 августа 1814 г.». Стихотворение А. А. Дельвига (ПД 1600).

11. «Бова. (Отрывок из поэмы)» (ПД 8).

12. «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...») (ПД 865).

13. «Воспоминания в Царском Селе». Первая редакция (1814 г.) (автограф, находившийся в ТЖ, утрачен; фотокопия ст. 1—19: ПД, ф. 244, оп. 1, Прил., № 1).

14. «К Лицинию. (С латинского)» (ПД 868). Первая страница воспроизведена: Акад. Т. 1. Между с. 112 и 113.

15. «К П⟨ущин⟩у (4 мая)» (ПД 9).

16. «Мое завещание. Друзьям» (ПД 7).

17. «К молодой актрисе» (ПД 1).

18. «К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...») (ПД 6).

19. Письмо к И. И. Мартынову от 28 ноября 1815 г. (ПД 423). Воспроизведено: Акад. Т. 13. Между с. 8 и 9.

Изучение Т. Г. Зенгер (Цявловской) отдельных букв и общей их «системы» во всех названных автографах дало возможность проследить, как «выписывался» почерк Пушкина из беспомощно детского (автограф № 1) в созревающий почерк произведений конца 1815 г. О каких-либо «колебаниях» почерка в 1813—1814 гг. говорить не приходится: хронологическая последовательность названных автографов несомненна. Труднее установить последовательность автографов 1815 г. Так, автографы стихотворений «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»),[215] «Сраженный рыцарь»[216] и строка в копии стихотворения «Тень Фон-Визина», написанные явно во второй половине 1815 г., более узко датируются лишь предположительно.

Наблюдаемая по вышеперечисленным автографам эволюция почерка приводит к еще одному выводу. «К Наталье» и «Монах», очень близкие между собой по почерку, не только написаны раньше, чем «К другу стихотворцу», но и отделены от последнего каким-то промежутком времени, в течение которого Пушкин много писал. На писании этих не дошедших до нас произведений и «выписался» почерк Пушкина. Свидетельство

[215] Автограф стихотворения 1815 г. «Слеза», находящийся на одном листе со стихотворением «К ней», написан несомненно позднее, в 1816 г.

[216] (Автограф утрачен; известен по воспроизведению (см. примеч. к этому стих., с. 671). — *Ред.*).

М. Л. Яковлева о том, что поэт в первые два года пребывания его в Лицее писал прозаический роман «Цыган» и комедию (в прозе) «Так водится в свете» (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 155), объясняет выводы, к которым приводит изучение почерка. Совершенно очевидно, что после «Монаха» и до стихотворения «К другу стихотворцу» и писались роман и комедия.

«К другу стихотворцу» было получено редактором «Вестника Европы» не позднее начала апреля 1814 г. Автограф стихотворения дает его первую редакцию, сочинение которой, надо думать, было отделено от времени сочинения второй редакции, посланной в «Вестник Европы», каким-то промежутком времени. Но когда бы ни была написана первая редакция «К другу стихотворцу» — в первые ли месяцы 1814 г. или в последние 1813 г., — время между этим стихотворением и «Монахом» нельзя исчислять неделями: разделяют эти произведения, несомненно, месяцы.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного приходим к выводу, что «К Наталье» и «Монах» не могли быть написаны ни в начале 1814 г., ни в конце 1813 г. и что время их сочинения, вероятно, середина 1813 г. — июнь, июль.

О времени написания следующего за автографом «К другу стихотворцу» автографа «Жертва Мому...» сказано выше.

«Козак», занимающий в цепи автографов место между «Жертвой Мому...», датируемой январем—апрелем 1814 г., и поздравительным посланием к Горчакову, датирующимся двадцатыми числами августа 1814 г., написан, следовательно, не ранее апреля и не позднее, надо думать, июля.

Год написания поздравительного послания к Горчакову устанавливается почерком в автографе Пушкина стихотворения Дельвига «Триолет. Князю Горчакову», датированном: «30 августа 1814 г.». Почерк «Триолета» и послания совершенно одинаковый.[217]

«Бова» и «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...») по почерку очень близки друг к другу и написаны после послания к Горчакову и до первой редакции «Воспоминаний в Царском Селе». Последняя писалась, надо полагать, в октябре—ноябре 1814 г., поэтому время написания «Бовы» и первого послания к Батюшкову — сентябрь—октябрь этого года.

Такова хронологизация автографов 1813—1814 гг., устанавливаемая изучением их почерка.

Эволюцию, аналогичную с эволюцией почерка Пушкина, дают копии Горчакова лицейских стихотворений поэта. Так, например, если бы мы не знали года написания стихотворения «Красавице, которая нюхала табак» (дата рукой Пушкина в ЛТ), то на основании почерка копии Горчакова можно было бы утверждать, что она сделана по времени близко к копии стихотворения «Кольна. (Подражание Оссиану)». Для датировки стихотворений Пушкина имеет значение копия Горчакова стихотворения «Рас-

[217] Написанный тем же мелким изящным почерком на точно такой же почтовой бумаге малого формата с желтой каймой, как и «Триолет», автограф стихотворения «Stances» («Avez-vous vu la tendre rose...»), относящийся, бесспорно, к тому же 1814 г., не принимается во внимание, потому что почерк французского текста трудно сопоставим с почерком русского текста. *Примеч. Т. Г. Цявловской.*

судок и любовь», подписанная: «Н. К. Ш. П.» На основании почерка копия датируется определенно 1814 г.

Вторым основанием, на котором можно строить выводы о времени сочинения некоторых произведений 1814—1815 гг., является периодизация цифровых псевдонимов, под которыми Пушкин печатал эти стихотворения в журналах. Даем список стихотворений Пушкина, появившихся в трех журналах в 1814—1815 гг., с указанием времени выхода в свет журналов[218] и псевдонимов.

В первом из цифровых псевдонимов — «1... 14—16» — цифры обозначают буквы (в порядке алфавита): первую букву имени и последнюю и первую согласные фамилии: «А... Н—П». Во втором — «1... 17—14» — первую букву и последнюю согласную имени и последнюю согласную фамилии: «А... Р—Н». В третьем — «1... 16—14» — первую букву имени и первую и последнюю согласные фамилии: «А... П—Н».[219]

Приведенная ниже таблица позволяет сделать предположение, что эти четыре варианта цифровых псевдонимов последовательно сменяли друг друга.

⟨№⟩	⟨Даты журнальных публикаций⟩	Псевдонимы
	«Вестник Европы» за 1814 г.	
1	3 июля (№ 13) — «К другу стихотворцу»	Александр Н.к.ш.п.
2	18 июля (№ 14) — «Кольна. (Подражание Оссиану)»	Александр Нкшп
3	23 сентября (№ 18) — «Вот зеркало мое — прими его, Киприда!..»	—П—
4	30 сентября (№ 19) — «Опытность»	1... 14—16
5	21 октября (№ 20) — «Блаженство»	1... 14—16
	«Российский музеум» за 1815 г.	
6	20 января (№ 1) — «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...»)	1... 14—16
7	20 января (№ 1) — «Арист нам обещал трагедию такую...»	1... 14—16
8	«Супругою твоей я так пленился...»	
9	24 марта (№ 3) — «К Н. Г. Л⟨омонос⟩ову»	1... 14—16
10	«Козак»[220]	1... 14—16
11	22 мая (№ 5) — «К Лицинию. (С латинского)»	1... 17—14
12	«Старик. (Из Марота)»	Александр Н.—П.

[218] Время выхода в свет книжек журналов с произведениями Пушкина указывается по кн.: П. в печати, на которую отсылок не дается. (Дата выхода в свет № 13 «Вестника Европы» уточнена по более поздним разысканиям; см.: наст. т., с. 578. — *Ред.*).

[219] Значение некоторых из этих псевдонимов раскрыто В. П. Гаевским (см.: *Гаевский В. П.* Дельвиг: Статья 1-я // Совр. 1853. Т. 37. № 2. Отд. III. С. 75).

[220] Следующее стихотворение, напечатанное Пушкиным (17 апреля 1815 г. в № 4 «Российского музеума»), — «Воспоминания в Царском Селе» — сопровождалось полной подписью поэта («Александр Пушкин»), почему в таблицу псевдонимов не вносится.

Продолжение

⟨№⟩	⟨Даты журнальных публикаций⟩	Псевдонимы
13	16 июня (№ 6) — «Батюшкову» («В пещерах Геликона...»)	1... 17—14
14	«Вода и вино»	1... 17—14
15	«На Рыбушкина» («Бывало, прежних лет герой...»	1... 17—14
	«Сын отечества» за 1815 г.	
16	25 июня (№ 25—26) — «Наполеон на Эльбе (1815)»	1... 14—17
	«Российский музеум» за 1815 г.	
17	31 июля (№ 7) — «Городок. (К***)»	1... 17—14
18	11 сентября (№ 8) — «К П⟨ущин⟩у (4 мая)»	1... 14—17
19	«К Г⟨алич⟩у» («Пускай угрюмый рифмотвор...»)	
20	27 октября (№ 9) — «Мечтатель»	1... 14—17
21	25 декабря (№ 10—11) — «Послание к Г⟨алич⟩у» («Где ты, ленивец мой?..»)	1... 16—14
22	«Моя эпитафия»	1... 16—14
23	12 февраля 1816 г. (№ 12) — «Измены»	1... 17—14

Для подтверждения высказанного предположения возьмем из девятнадцати стихотворений, появившихся в журналах с цифровыми псевдонимами, двенадцать, время написания которых устанавливается разными данными. Располагая эти двенадцать стихотворений в порядке их написания, получаем таблицу.[221]

⟨№⟩	⟨Даты⟩	⟨Заглавия стихотворений⟩	Псевдонимы
1 (10)[222]	Апрель—июль 1814 г.	«Козак»	1... 14—16
2 (4)	⟨Не позднее начала сентября⟩ 1814 г.	«Опытность»	
3 (5)	⟨Не позднее сентября⟩ 1814 г.	«Блаженство»	
4 (6)	⟨Июль⟩—октябрь 1814 г.	«К Б⟨атюшк⟩ову»	
5 (7)	⟨Конец сентября—октябрь⟩ 1814 г.	«Арист нам обещал трагедию такую...»	

[221] Обоснования начальной даты стихотворений: «На Рыбушкина», «Городок», «Наполеон на Эльбе (1815)», «К Г⟨алич⟩у» и «Послание к Г⟨алич⟩у» даны в примечаниях к этим стихотворениям. Конечные даты времени написания стихотворений: «Опытность», «Блаженство», «Арист нам обещал трагедию такую...», «Городок», «К Лицинию. (С латинского)», «Наполеон на Эльбе (1815)», «К Г⟨алич⟩у» и «Послание к Г⟨алич⟩у» определены предположительно на основании времени выхода в свет книжек журналов с этими стихотворениями. Время написания стихотворений «Козак» и «К Б⟨атюшк⟩ову» определяется, как сказано выше, почерком автографов. Почерком же определяется и год послания «К П⟨ущин⟩у (4 мая)».

[222] Цифры в скобках обозначают номер предыдущего списка.

Продолжение

⟨№⟩	⟨Даты⟩	⟨Заглавия стихотворений⟩	Псевдонимы
6 (15)	Ноябрь 1814 г.	«На Рыбушкина» («Бывало, прежних лет герой...»)	1... 17—14
7 (11)	Январь—апрель 1815 г.	«К Лицинию. (С латинского)»	
8 (17)	⟨Октябрь⟩ 1814 г.—июнь 1815 г.	«Городок»	
9 (16)	Апрель—май 1815 г.	«Наполеон на Эльбе (1815)»	1... 14—17
10 (18)	4 мая 1815 г.	«К П⟨ущин⟩у (4 мая)»	
11 (19)	Июнь 1814 г.—первая половина ⟨июня⟩ 1815 г.	«К Г⟨алич⟩у»	
12 (21)	Июнь(?)—⟨октябрь⟩ 1815 г.	«Послание к Г⟨алич⟩у»	1... 16—14[223]

На основании этой таблицы можно с полной уверенностью утверждать, что псевдоним «1... 16—14» Пушкин употреблял в июне—⟨октябре⟩ 1815 г., псевдоним «1... 14—17» — в апреле—⟨июне⟩ 1815 г., псевдоним «1... 17—14» — в ⟨октябре⟩ 1814 г.—июне 1815 г., псевдоним «1... 14—16» — в апреле—⟨октябре⟩ 1814 г.[224]

Таким образом, на основании этой периодизации необходимо, во-первых, сузить датировку «Городка», «К Лицинию» и «К Г⟨алич⟩у»: первые два стихотворения написаны не позднее марта 1815 г., а третье — в апреле—мае 1815 г.;[225] во-вторых, датировать остальные семь стихотво-

[223] (Таблица М. А. Цявловского, содержащая обоснование принятых в настоящее время косвенных признаков датирования, опиралась на хронологические данные, которыми он располагал в 1935—1936 гг. После этого датировки уточнялись, в числе других исследователей, и самим Цявловским, что нашло отражение, в частности, в двух изданиях «Летописи». В настоящем издании таблица скорректирована с учетом совокупности всех датирующих факторов, собранных в комментариях, и приведена в соответствие с последними; редакторские изменения в таблице обозначены ломаными скобками. Без изменений текст таблицы опубликован: Цявловский. Статьи. С. 87. Уточнения не колеблют расчетов и основных выводов Цявловского, а, напротив, подтверждают их. Важно, однако, иметь в виду, что в этой части исследования Цявловского предлагаются не окончательные даты, а лишь временны́е промежутки создания стихотворений, устанавливаемые только на основании хронологизации подписей-анаграмм. Дальнейшее сужение датировок, основанное на дополнительных данных, дается в комментариях к соответствующим стихотворениям. Необходимо оговорить также и известную условность предлагаемых датирующих признаков и возможность индивидуальных исключений (ср., например, стихотворение «К Наташе», подписанное в копии Горчакова «1—14—16», но относящееся, вероятнее всего, не к 1814, а к 1816 г., — см. ниже примеч. к этому стих., с. 689—690). — *Ред.*).

[224] В противоположность цифровым псевдонимам, псевдонимы «Александр Нкшп», «—П—» и «Александр Н.—П.», под которыми были напечатаны в журналах четыре стихотворения Пушкина, не дают основания для датировки: Пушкин употреблял эти псевдонимы спорадически и в 1814, и в 1815 гг.

[225] Такая датировка подтверждается и тем соображением, что оба послания к Галичу не могли быть написаны после прекращения последним занятий с лицеистами (1 июня

рений (из девятнадцати), напечатанные в журналах с цифровыми псевдонимами: «Супругою твоей я так пленился...» и «К Н. Г. Л⟨омонос⟩ову» — апрелем—⟨октябрем⟩ 1814 г., «К Б⟨атюшк⟩ову», «Вода и вино» и «Измены» — ноябрем 1814 г.—июнем 1815 г., «Мечтатель» — апрелем—маем 1815 г. и «Моя эпитафия» — июнем—⟨октябрем⟩ 1815 г.[226]

1815 г.). Естественнее предположить, что первое написано, когда Галич еще преподавал в Лицее, а второе — после его ухода.

[226] Некоторые произведения, подписанные цифровыми псевдонимами и появлявшиеся в печати позднее, когда Пушкин употреблял уже другие псевдонимы, очевидно, были отосланы им в журналы задолго до печатания и задерживались в редакциях журналов. Это «Арист нам обещал трагедию такую...», «Супругою твоей я так пленился...», «К Н. Г. Л⟨омонос⟩ову», «К Б⟨атюшк⟩ову», «Вода и вино», «Городок», «К Г⟨алич⟩у», «Мечтатель», «Измены». *Примеч. Т. Г. Цявловской.*

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ СТИХОТВОРЕНИЙ

Настоящий том содержит все лицейские поэтические тексты Пушкина, исключая обсценную поэму-балладу «Тень Баркова», которая, учитывая сложность вопроса о ее тексте и самом авторстве, будет включена в один из последующих томов, — вероятнее всего, наряду с другими дубиальными текстами. Корпус лицейских стихов в настоящее время установился и со времени Акад. не пополнялся новыми текстами, хотя обнаружение их возможно (см. указания на ряд не дошедших до нас произведений в первой вступительной статье к разделу «Комментарии»). Уже в Справочном томе Акад. Т. Г. Цявловская исключила из него четверостишие «Всегда так будет, как бывало...», принадлежащее Б. М. Федорову, и ввела атрибутированный Б. В. Томашевским текст «⟨Надпись к дивану⟩» («Известно буди всем...»), относящийся к роману «Фатам, или Разум человеческий»; уточнение даты «Эпиграммы. ⟨На Карамзина⟩» («Послушайте, я сказку вам начну...») (1816) также вводит ее в число лицейских произведений. В настоящем издании в основной корпус включено и четверостишие «Великим быть желаю...» (см. «⟨Отрывки „Про себя"⟩») из раздела «Dubia» т. 2 (с. 491; обоснование см. в примечаниях к этому стихотворению). Из раздела «Dubia» в т. 1 выведена эпиграмма «Завещание К⟨юхельбекера⟩» («Друзья, простите! Завещаю...»), принадлежащая А. Д. Илличевскому.[1] Не включено в этот раздел и стихотворение «Цель нашей жизни», напечатанное в качестве приписываемого Пушкину Б. В. Томашевским в Акад. в 10 т. (2) (Т. 1. С. 432—433) на основании анализа, произведенного В. В. Даниловым:[2] стихотворение это, вышедшее из лицейской среды и в ряде копий подписанное именем Пушкина, обнаруживает наибольшую тематическую и фразеологическую близость к лицейским сочинениям Илличевского и, вероятнее всего, также принадлежит ему.[3] Наконец, в разделе «Другие редакции и варианты» признана не принадлежащей Пушкину так называемая первая редакция стихотворения «Друзьям».[4]

Состав корпуса лицейских стихотворений непосредственно зависит и от решения проблемы основного текста, долгое время считавшейся в пушкиноведении спорной. При обсуждении плана Акад. на конференции пушкинистов в мае 1933 г. было принято решение печатать в т. 1 «все произведения, написанные поэтом в Лицее, безотносительно к их жанру, т. е. кроме стихотворений поэмы „Монах" и „Тень Фон-Визина"», а «в качестве основных текстов стихотворений» избрать «тексты последних лицейских редакций» (Акад. Т. 1. С. 433—434). В соответствии с этим принципом тексты послелицейских редакций печатались в виде вариантов в разделе «Другие редакции и варианты» т. 1; стихи, включенные Пушкиным в Ст 1826 и Ст 1829 (в поздних редакциях), были выделены в особый раздел т. 2 — «Лицейские

---

[1] См.: *Теребенина Р. Е.* Автографы двух лицейских стихотворений Пушкина // Врем. ПК 1974. С. 15.

[2] См.: *Данилов В. В.* Стихотворение «Цель нашей жизни», приписываемое Пушкину // Труды III Всесоюзной Пушкинской конференции. М.; Л., 1953. С. 298—313.

[3] См.: *Вацуро В. Э.* Приписываемое Пушкину // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 251—256.

[4] См.: наст. т., с. 719—720, а также: *Вацуро В. Э.* К изучению лицейской лирики Пушкина // РЛ. 1992. № 4. С. 60—63.

стихотворения, переделанные в 1817—1829 гг. и напечатанные Пушкиным». Сюда вошли следующие стихотворения: «Лицинию», «Старик», «Роза», «Гроб Анакреона», «Певец», «К Морфею» («Морфей, до утра дай отраду...»), «Друзьям», «Амур и Гименей», «Шишкову» («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...»), «Пробуждение», «Любопытный», «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»), «Дельвигу» («Любовью, дружеством и ленью...»), «В. Л. Пушкину» («Что восхитительней, живей...»), «Разлука» («В последний раз, в сени уединенья...»). Такое решение, абсолютно оправданное для лицейского периода творчества, оказывалось уязвимым с точки зрения общих эдиционных принципов, предписывающих вводить в основной корпус последнюю законченную авторскую редакцию текста. Абсолютное большинство лицейских стихов имеет такие редакции, возникшие при переработке их в 1817—1819 гг., но отвергнутые зрелым Пушкиным при подготовке Ст 1826 и Ст 1829; как уже сказано, в Акад. они отнесены в раздел «Другие редакции и варианты». Недостаточная обоснованность такого принципа подачи текстов ощущалась последующими текстологами, и он корректировался эдиционной практикой; уже в Акад. в 10 т. (2) Б. В. Томашевский в ряде случаев принял в качестве основного текст послелицейских редакций, а в Госл. в 10 т. Т. Г. Цявловская (Зенгер), готовившая вместе с М. А. Цявловским тексты Акад., сделала это последовательно в отношении всех лицейских стихотворений. В результате в научном и читательском обиходе тексты лицейской лирики Пушкина существуют в разных редакциях на паритетной основе. В настоящем издании впервые сделана попытка решить эту текстологическую и эдиционную проблему, представив в основном тексте обе редакции: лицейскую и послелицейскую, вне зависимости от того, была ли последняя включена Пушкиным в печатные сборники.

Тексты располагаются в хронологическом порядке. В пределах года вначале печатаются стихи, имеющие точные даты, далее — датируемые первой половиной года, годом в целом и второй половиной или концом года.

Источники текста лицейских стихотворений подробно описаны и обследованы в публикуемой в томе работе М. А. Цявловского. За шесть последующих десятилетий они пополнились лишь незначительно. Основные сборники были описаны Цявловским; единичные копии и автографы охарактеризованы в примечаниях к отдельным стихотворениям. Собирание и изучение источников текста ученый продолжал и позднее; некоторые из них уже не могли быть учтены в т. 1 Акад. и вошли в обширный перечень, предпосланный комментарию в т. 2 (с. 1001—1014). Современная паспортизация их представляет определенную трудность: после юбилея 1937 г. пушкинские материалы были в значительной своей части изъяты из прежних хранилищ для сосредоточения в пушкиноведческих центрах (прежде всего в Пушкинском Доме); связанное с этим изменение первоначальных шифров (далеко не всегда точно указанных в Акад.) затруднило их идентификацию. Первая попытка ее была сделана в «пробном томе» (*Пушкин А. С.* Стихотворения лицейских лет. 1813—1817. СПб., 1994) настоящего издания; уже после его выхода удалось разыскать и идентифицировать почти все сборники, зарегистрированные Цявловским. Это стало возможным благодаря любезному содействию директора РГАЛИ Н. Б. Волковой и научного сотрудника того же архива Г. М. Гавриловой, занявшейся непосредственным выявлением и определением материалов. Н. Б. Волковой и Г. М. Гавриловой редколлегия приносит сердечную благодарность. Аналогичная работа по архивохранилищу Пушкинского Дома была проделана Т. И. Краснобородько; ею же осуществлена новая редактура статьи М. А. Цявловского, проверка описанных в ней источников и замена устаревших шифров и пагинации на ныне существующие.

Предпринятый для настоящего издания анализ выявленных рукописных источников заставил расширить раздел «Другие редакции и варианты», введя в него разночтения копий в большем числе, чем это было сделано в Акад. Важно отметить, однако, что ни этот свод, ни самый список источников в настоящем издании не являются исчерпывающими: число последних постоянно увеличивается за счет новых поступлений в архивохранилища. Этот огромный и разнокачественный материал изучен

лишь в небольшой своей части. Из него выделены наиболее важные сборники, отражающие движение авторского текста; основная же масса копий не дает авторских вариантов и важна только как показатель распространенности пушкинских произведений.

Особую проблему составляет орфографический и пунктуационный режим издания. При подготовке Акад. он был предметом специального обсуждения; общие принципы передачи пушкинского правописания были сформулированы в предисловии «От редакции» и преамбуле к комментарию в т. 1 (с. XI—XIII; 434—435). Еще до окончания издания они вызвали полемику между В. И. Чернышевым и Г. О. Винокуром.[5] Принципиальное расхождение оппонентов заключалось в разном понимании орфографических ориентиров: в качестве таковых В. И. Чернышев предлагал прижизненные печатные издания (как известно, Пушкин предоставлял своим доверенным издателям, в первую очередь П. А. Плетневу, исправлять его орфографию и пунктуацию, ср. в его письме к Л. С. Пушкину и Плетневу от 15 марта 1825 г.: «Ошибки правописания, зн⟨аки⟩ препинания, описки, бессмыслицы — прошу самим исправить — у меня на то глаз недостанет» (Акад. Т. 13. С. 153)). Г. О. Винокур обосновывал принцип ориентации на рукопись, показывая, что Плетнев подверг тексты Пушкина педантической и во многом произвольной орфографической и пунктуационной правке, в то время как задачей академического издания является восстановление подлинной орфографической и пунктуационной системы Пушкина. Задача, сформулированная Г. О. Винокуром, справедливая как общий принцип, оказалась практически неосуществимой даже в пределах академического издания; обсуждение же вопросов, поставленных в этой полемике, продолжается и сейчас.[6] Самый характер источников текста (наличие текстов, сохранившихся только в черновых, недоработанных автографах, лишенных почти полностью знаков препинания, или, напротив, только в печатных публикациях и в копиях разной степени достоверности, отражающих различные грамматические нормы, в том числе явно не пушкинские), неустойчивость многих собственных пушкинских написаний даже в пределах одного произведения, иной раз отягощенная и прямыми орфографическими ошибками; наконец, отсутствие строгих орфографических норм даже в печатных изданиях 1810—1830-х гг. — все это делает маловероятной возможность сколько-нибудь убедительной реконструкции индивидуальной пушкинской орфографической и пунктуационной системы, если таковая и была. Эдиционная практика последних десятилетий показала неизбежность унификации орфографии и пунктуации писателей XVIII—XIX вв.;[7] при этом необходимо учитывать и историческое изменение семантики ряда знаков препинания (восклицательный знак,

---

[5] См.: *Чернышев В. И.* Замечания о языке и правописании Пушкина: (По поводу академического издания); *Винокур Г. О.* Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений: (Ответ В. И. Чернышеву) // П. Врем. [Т.]6. С. 433—494.

[6] См., например: *Лотман Ю. М.* К проблеме нового академического издания Пушкина // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 369—373; *Сидяков Л. С.* К проблемам пушкинской текстологии: Из наблюдений над стихотворениями Пушкина 1830—1836 годов // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 11—20; *Лефельдт В.* Модернизация текстов Пушкина и ее последствия: Критические замечания по пробному тому запланированного нового академического издания произведений А. С. Пушкина // Новое литературное обозрение. 1998. № 33. С. 161—181. Резкая критика орфографического и пунктуационного режима, проведенного как в «пробном томе», так и в настоящем издании, которая содержится в последней статье, не может быть нами принята, так как базируется на принципиально отличных от наших представлениях о существе, назначении и пределах возможностей академического издания.

[7] См., например, материалы, собранные в кн.: Издание классической литературы: Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963.

двоеточие), точное воспроизведение которых создало бы на фоне современной нормы совершенно искаженное представление о синтаксическом членении фразы. Настоящее издание видит свою задачу в филологической критике источника также и с орфографической и пунктуационной стороны с целью отыскать ему наиболее адекватную систему эквивалентов в пределах современных норм при возможно более тщательном сохранении индивидуальных (прежде всего морфологических) особенностей пушкинского языка. Основой для принятой в издании орфографии остается инструкция, приложенная к т. 1 Акад. (с. 434—435), в которую вносится ряд изменений (как известно, она не была выдержана строго, и издание, продолжавшееся двенадцать лет, отступало от нее в разной мере в разных томах). Сохраняются написания, отражающие особенности словообразования и форм склонения существительных («сопостата», «чернилы», «в мечтаньи», «в юдоле»), прилагательных и местоимений («под скипетром великия жены», «дальных»), спряжения глаголов («дышет», «дышут», наряду с «дышит», «дышат»), корневые чередования («оспоривать»), написания без приставного «н» в косвенных падежах личного местоимения 3-го лица («меж ими»). Раздельные написания в словосочетаниях наречного типа сохраняются, если есть основания считать, что Пушкин ощущал грамматическую автономность образующих их частей (например, «на бекрень», ср. в «Козаке»: «на бекрене», со склоняемым существительным); слитное написание принято в тех случаях, когда такая автономность маловероятна или исключается и раздельное написание — лишь дань орфографической традиции («итак» вместо «и так», «вполглаза» вместо «в полглаза» — «Моему Аристарху»; «наяву», «назло» вместо «на яву», «на зло» — «⟨Из письма к кн. П. А. Вяземскому⟩» («Блажен, кто в шуме городском...»); «вослед» вместо «во след» — «Принцу Оранскому»); в спорных случаях оставляется пушкинская орфография («с издетства» — «Батюшкову» («В пещерах Геликона...»)). Сохраняются прописные буквы в существительных, обозначающих аллегорические понятия («Лень», «Страх»; в некоторых текстах — «Росс»).

Заменяются современными написания, принадлежащие общей орфографической норме 1810-х гг., в дальнейшем изменившейся («щастье», «Евлега», «Камоенс»; окончание «ой» в прилагательных, в том числе и после заднеязычных «г, к, х»: «шаткой стол» — «Моему Аристарху»; «дикой брег» — «Сон», «Руской» — «Воспоминания в Царском Селе»; прописные буквы в существительных, обозначающих национальную, профессиональную, социальную принадлежность («Китаец», «Бард», «Царь») — или с сакральным значением («Вера»); индивидуальные или общераспространенные фонетические написания, отражающие общие нормы или региональные варианты произношения: «верьх» — «Моему Аристарху»; «скатерьти» — «Послание к Ю⟨дину⟩»; «ветьви» — «Осгар»; «истинна» — «Истина»; «алеи», «кристал» — «Воспоминания в Царском Селе». Не сохраняются ненормативные написания в падежных окончаниях, где наиболее вероятна орфографическая ошибка Пушкина или переписчиков или след фонетического письма («твоево» — «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...»); «с подкованном копытом» — «Монах»; «с зловещем Гипократом» — «К П⟨ущин⟩у (4 мая)»; «последнем сияньем» — «Сраженный рыцарь»).

В издании сохранена современная пунктуационная система, средствами которой передаются особенности авторского интонирования и синтактического членения фразы (так, двоеточие, обозначающее паузу, передается точкой с запятой; не сохраняется спорадически употребляемое Пушкиным тройное тире (ср. «Монах», песнь III, ст. 44), заменяемое многоточием). Пунктуация приближена к рукописным источникам (при наличии автографа — к автографу).

Раздел «Другие редакции и варианты», следующий за основным корпусом, строится на основе тех общих теоретических принципов, которые были впервые реализованы в Акад. и заключаются в прослеживании процесса движения текста от ранней редакции к поздней. Внешние отличия в системе подачи вариантов от Акад. обусловлены иным построением основного корпуса, о чем говорилось выше. В зависимости от объема и характера переработки первоначальной редакции варианты даются либо только к ранней редакции, либо к обеим. Свод вариантов является

исчерпывающим. Разночтения копий не приводятся, когда они имеют явно не авторское происхождение. Если история текста дает основание говорить о наличии промежуточных редакций, последние приводятся в виде связного текста. В систему подачи вариантов внесены некоторые усовершенствования, принятые в последующих академических (М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова) и полуакадемических («Библиотека поэта») изданиях.

Научный аппарат издания состоит из вводных статей и примечаний к отдельным стихотворениям. Раздел статей включает работы, вводящие в проблематику лицейского творчества Пушкина (В. Э. Вацуро) и освещающие его со стиховедческой стороны (В. Е. Холшевников; ему же принадлежит ряд частных наблюдений, использованных с указанием авторства в примечаниях к отдельным стихотворениям); здесь же публикуется обширное исследование М. А. Цявловского об источниках текста лицейских стихотворений. Работа Цявловского открывала комментарий к т. 1 Акад., не вышедший в свет (см. об этом во вступительной статье «От редакции»); корректурные листы статьи и примечаний к отдельным стихотворениям, составленных при участии Т. Г. Зенгер-Цявловской, общим объемом около 50 печатных листов, хранились в личном архиве Цявловской и после смерти исследовательницы (1978), согласно ее завещанию, были переданы в Пушкинский Дом в распоряжение редакции нового академического издания; эти труды легли в основу настоящего тома.

Исследование М. А. Цявловского шире своего заглавия; оно содержит не только описание и отчасти анализ собственно источников текста (в первую очередь сборников, в большинстве своем не подвергавшихся детальному исследованию), но и заключает в себе разработанную методику датирования, историю последующей работы Пушкина над текстами лицейских стихов, историографические сведения и т. п. Фрагменты этого труда, явившегося источниковедческим обоснованием т. 1 Акад., были опубликованы посмертно (1962) (Цявловский. Статьи) под редакцией и с примечаниями Т. Г. Цявловской; в настоящем издании он печатается в максимально полном виде, за вычетом небольших фрагментов, устаревших по материалу или содержащих опровергнутые впоследствии фактические сведения. Спорность или гипотетичность отдельных заключений Цявловского оговаривается в редакционных примечаниях. Редакция стремилась максимально сохранить и индивидуальную авторскую манеру исследователя; лишь в самых необходимых случаях текст статьи подвергся незначительной стилистической правке.

Если работа М. А. Цявловского, устаревшая лишь в небольшой своей части, могла быть сохранена с минимальными изменениями в пределах современного издания Пушкина, то в отношении комментария это оказалось невозможным. Корректурный текст его, с 1978 г. хранящийся в Пушкинском Доме (ф. 244, оп. 27, № 54), был переработан и значительно дополнен с учетом новых материалов и интерпретаций. В тех случаях, когда новый комментарий вступал в противоречие с исходным, точка зрения Цявловского излагалась в форме цитаты по корректуре с соответствующей ссылкой, как факт пушкинской историографии. Историографической стороне дела комментарий настоящего издания вообще придает особое значение, так как при современном состоянии материала и его изучения далеко не все проблемы, связанные с комментированием лицейской лирики Пушкина, могут быть решены однозначно. В примечаниях составители стремились обозначить эти нерешенные проблемы и представить с возможной полнотой многообразие существующих точек зрения (исключая те, которые находятся за пределами научного подхода). Примечания начинаются со сведений об источниках текста (автографах и копиях, печатных публикациях), обоснования основного текста и датировки первой редакции. Хронология последующей работы Пушкина над текстом в большинстве случаев может быть установлена лишь приблизительно: от первых послелицейских месяцев (лето 1817 г.) до 1818—начала 1820 г. (время составления Тетради Всеволожского, куда, как правило, входит последняя редакция). Даты поздних редакций поэтому указываются лишь в отдельных случаях, при наличии уточняющих данных. Далее сообщаются сведения по истории текста (в отношении лицейских стихов, почти не имеющих автографов, проследить ее

даже гипотетически можно лишь в единичных случаях) и даются построчные примечания. Общеизвестные реалии (мифологические, бытовые и т. п.) не поясняются.

Проверка (в отдельных случаях и новая подготовка) текстов и переработка, дополнение (иногда составление заново) примечаний осуществлены коллективом сотрудников Отдела пушкиноведения Института русской литературы РАН в составе В. Э. Вацуро, М. Н. Виролайнен, Е. О. Ларионовой, О. С. Муравьевой, С. Б. Федотовой, под общей редакцией В. Э. Вацуро. Отдельные тексты и примечания подготовлены Ю. Д. Левиным («Кольна», «Эвлега», «Осгар»); Н. Н. Петруниной («⟨Надпись к дивану⟩» («Известно буди всем...»)), И. С. Чистовой («⟨Ноэль на лейб-гвардии Гусарский полк⟩», «⟨Отрывки. «Про себя»⟩»). Настоящий том, вышедший в 1994 г. как «пробный», был для издания заново пересмотрен с учетом полученных замечаний, дополнен новыми источниками (см. выше) и появившейся за это время литературой, среди которой следует особо выделить факсимильное издание рабочих тетрадей Пушкина (см. полное описание в Списке сокращений). В текст тома были внесены необходимые исправления и уточнения. Составители с благодарностью воспользовались указаниями рецензента тома Н. Н. Петруниной и редактора издательства Т. А. Лапицкой. Техническая подготовка тома принадлежит А. М. Березкину; им же составлен список условных сокращений.

1813

К НАТАЛЬЕ

(«Так и мне узнать случилось...»)

(С. 11 и 323)

Автограф (ПД 860) — беловой, без подписи. Напечатано: КН. Т. 1. С. 54—56 (публ. М. А. Цявловского). Воспроизведение: КА. 1937. Т. 1 (80). С. 22—33.

Копии:

1) А. М. Горчакова (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 65) (Г).

2) Тетр. Матюшкина (Мат). Текст совпадает с автографом. Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 236—238.

3) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 261—263 (по ТЖ); РП. С. 14—16 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

5) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 261—263, с пропуском (по-видимому, цензурным) ст. 51—78, 99, 101—105. Выпущенные стихи впервые: Грот. К лиц. стих. С. 236—238.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник. В Акад. в основной текст введен присутствовавший в автографе и Мат эпиграф; в наст. т. он печатается в разделе «Другие редакции и варианты» (с. 323).

Датируется по почерку предположительно июнем—июлем 1813 г. (Летопись 1991. С. 62: «Май(?)—июнь(?)»); по наблюдениям М. А. Цявловского, почерк автографа тот же, что и в «Монахе», и отличен от почерка стихотворения «К другу стихотворцу», более позднего (см.: наст. т., с. 558, а также: Цявловский. Статьи. С. 84; Летопись. С. 47). Реалии стихотворения косвенно указывают на летние месяцы как на наиболее вероятное время его написания (см. ниже).

В Тетради Лонгинова—Полторацкого (отд. «„Анонимы и псевдонимы" в произведениях Пушкина», кн. 2, л. 55) стихотворения «К Наташе», «К Наталье» и «К молодой актрисе» связываются с именем Натальи, крепостной актрисы графа Варфоломея Васильевича Толстого на царскосельском его театре. Источник этих сведений неизвестен. О домашнем крепостном театре графа В. В. Толстого (ум. 1838), существовавшем «до 1815 г.», упоминает и В. П. Гаевский; по его рассказу, лицеисты посещали спектакли и «засматривались на первую любовницу доморощенной труппы, Наталью, которая, однако ж, была плохою актрисою» (Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 139). 2 сентября 1815 г. А. Д. Илличевский писал П. Н. Фуссу: «...у нас есть вечерние гулянья, в саду музыка и песни, иногда театры. Всем этим обязаны мы графу Толстому, богатому и любящему удовольствия человеку. По знакомству с хозяином и мы имеем вход в его спектакли — ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствие» (Грот. Пушк. лицей. С. 50). По воспоминаниям С. Д. Комовского, лицеист Пушкин волочился «за хорошенькими актрисами графа В. Толстого» (П. в восп. Т. 1. С. 68—69). На основании письма Илличевского, а также письма А. М. Горчакова родным от 20 сентября 1816 г. можно заключить, что спектакли в театре Толстого давались летом и осенью (не позднее сентября).

Указание, что это стихотворение вместе со стихотворением «К друзьям» («Друзьям» — см.: наст. т., с. 213) и «Надписью к портрету В. А. Жуковского» было прочитано на заседании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» 27 июня 1818 г. (см.: *Вацуро В.* Поэты // Аврора. 1979. № 6. С. 99; Летопись 1991. С. 162), ошибочно. Пушкинским было лишь последнее стихотворение, два других имели совпадающие заглавия (см.: Благонамеренный. 1818. № 7).

Стихи эпиграфа взяты из сатиры Пьера Амбруаза Франсуа Шодерло де Лакло (Laclos; 1741—1803) «Послание к Марго» («Épître à Margot», 1774), где под именем

Марго выведена фаворитка Людовика XV мадам Дюбарри, в прошлом публичная женщина.

Ст. 9. *Воксал* (воксгал, ваксал) — «место, куда собираются забавляться гуляньем, пляскою, музыкою, пением, играним в карты и проч.» (Новый словотолкователь Николая Яновского. СПб., 1805. Т. 1. С. 448). Ср. в «Вечере» (1798) В. Л. Пушкина: «Нахалов часто с ней в театре и воксале...» (Поэты 1790—1810-х гг. С. 661).

Ст. 10. *Легким зефиром летал...* — Форма «зе́фир» (вместо «зефи́р») употреблялась как поэтическая вольность; ср. возражения против нее Н. М. Карамзина в письме к И. И. Дмитриеву 6 сентября 1794 г.: «*Зе́фиром* вместо *зефи́ром*, я терпеть не могу...» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 50). Ср. употребление у Пушкина формы «зе́фир» в послании «К Б(атюшк)ову» («Философ резвый и пиит...») и «Изменах» (см.: наст. т., с. 54, 99).

Ст. 18. *Катон* Марк Порций (Старший) (234—149 до н. э.) — римский государственный деятель, известный своей строгостью, честностью и упорной борьбой за чистоту нравов.

Ст. 19. *Селадон* (Céladon) — нарицательно: платонический сентиментальный вздыхатель (по имени героя романа О. д'Юрфе (d'Urfé, 1568—1625) «Астрея» («Astrée», 1607—1618)); в вариантах — форма «Целадон», встречающаяся, например, в «Бахариане» М. М. Хераскова (1803).

Ст. 31. *Вижу, в легком одеяньи...* и след. — Следы чтения эротических стихотворений К. Н. Батюшкова: «Привидение. *Из Парни*», «Ложный страх. *Подражание Парни*» (ВЕ. 1810. № 6, 11).

Ст. 58—64. *Филимон и Анюта* — персонажи комической оперы А. О. Аблесимова (1742—1783) «Мельник — колдун, обманщик и сват» (муз. М. М. Соколовского, 1779).

Ст. 65—67. *Назора* — персонаж оперы А. М. К. Саккини (Sacchini, 1730—1786) «Обманутый скупец» («L'Avaro deluso», 1778; в Петербурге на русском языке поставлена в 1789 г.). См. ниже примеч. к стих. «К молодой актрисе», с. 642.

Ст. 68—71. *Опекун* (доктор Бартоло) и *Розина* — персонажи комедии П.-О.-К. де Бомарше «Севильский цирюльник» (1775) и одноименной оперы Дж. Паэзиэлло (1741—1816), впервые поставленной в Петербурге в 1782 г. и пользовавшейся большой популярностью. По-видимому, в стихотворении речь идет именно об опере (см.: Гозенпуд. С. 32).

Ст. 85—88. *Не владетель я сераля ~ Грубого американца...* — Пушкин называет здесь ряд театральных масок, допускающих лишь условную конкретизацию. «Владетель сераля» — одна из наиболее популярных фигур в музыкальном и драматическом театре (ср. «Заира» (1732, 1738) Вольтера, «Похищение из сераля» В.-А. Моцарта (1782; в России — с 1810 г.) и мн. др.). «Арап» — у Пушкина «негр». «Турок» — персонаж, функционально близкий «владетелю сераля»; ср., например, в широко известной опере Ш. Фавара «Солиман II» («Три султанши») на музыку П. Жибера (1761). «Учтивый китаец» — традиционный образ, распространившийся в период общеевропейского увлечения условно-литературным «Китаем»; к нему нередко обращался Вольтер («Китайский сирота», 1755); на либретто П. Метастазио «Китайский герой» (1752) были написаны оперы Глюка, Саккини, Чимарозы и др. Мода на «китайщину» сказалась в архитектуре и дворцовом убранстве Царского Села и, по-видимому, отразилась в художественном сознании лицеистов (см.: *Алексеев М. П.* Пушкин и Китай // Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979. С. 59—63; Гозенпуд. С. 34—35). «Грубый американец» — здесь: индеец; особенной сценической популярностью пользовались в России комическая опера И. А. Крылова «Американцы» (муз. Е. И. Фомина; 1788, напеч. в 1800 в обработке А. И. Клушина) и трагедия Вольтера «Альзира, или Американцы» (1736), переведенная Д. И. Фонвизиным (1763) и позднее П. М. Карабановым (1786). «Американец» в драматургии XVIII в. нередко интерпретировался как «естественный человек». В концепции Вольтера

«учтивость», т. е. цивилизованность, «китайца» противопоставлялась «естественной» дикости как позитивное начало; у Пушкина «учтивый китаец» и «грубый американец» также соотнесены друг с другом.

Ст. 105. *Монах* — образ, восходящий к «Обители» («La Chartreuse») Ж.-Б.-Л. Грессе (см. ниже примеч. к стих. «К сестре», с. 587—588).

МОНАХ

(«Хочу воспеть, как дух нечистый ада...»)

(С. 14 и 323)

Автограф (ПД 861—863) — беловой, в трех тетрадях (воспроизведение тетради ПД 861: КА. 1928. Т. 6 (31). С. 177—196), без подписи. Единственный источник текста.

Впервые: КА. 1928. Т. 6 (31). С. 197—201; 1929. Т. 1 (32). С. 183—190 (публ. П. Е. Щеголева).

В собрание сочинений впервые включено: КН. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется июнем—июлем 1813 г. Бумага рукописи «Монаха» с водяным знаком «1813» свидетельствует, что все три песни написаны не ранее этого года. Рядом исследователей датировалось 1813—1814 гг. (см.: КА. 1928. Т. 6 (31). С. 163—167; Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 22—26; Путеводитель. С. 246). Уточнение даты (июнь—июль 1813 г.) может быть произведено на основании изучения почерка Пушкина в 1813—1815 гг. (см.: наст. т., с. 559, а также: Цявловский. Статьи. С. 82—84).

Первое прямое упоминание о «Монахе» принадлежит В. П. Гаевскому, указавшему, что «в первые два года лицейской жизни» Пушкин «сочинил, в подражание Баркову, поэму „Монах", которую ⟨...⟩ уничтожил по совету одного из своих товарищей» (Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 155). Гаевский опирался на свидетельство А. М. Горчакова, в 1870—1880-е гг. трижды рассказывавшего, что уговорил Пушкина уничтожить лицейское стихотворение «довольно скабрезного свойства» (РС. 1883. Т. 40. № 10. С. 164, а также: Оглавление. С. II); в другом месте он называл его «дурной поэмой» (Грот. Пушкин 1899. С. 268) и «Монахом» (П. в восп. Т. 1. С. 380—381). Автограф «Монаха», однако, сохранился, причем в бумагах самого же Горчакова, где он и был обнаружен в 1928 г. Тетради с текстом поэмы потрепаны; по-видимому, они ходили между лицеистами.

О «каком-то ⟨...⟩ „Монахе"» Пушкина, которого он хотел бы прочесть, упоминал П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу из Варшавы от 3 октября 1819 г.; по предположению В. И. Саитова, он имел в виду «Русалку» или «Монаха» (см.: ОА. Т. 1. С. 323, 646); это мнение было поддержано и Н. О. Лернером (см.: Былое. 1906. Кн. 6. С. 305; ср.: РА. 1906. Т. 2. № 8. С. 603). Невозможно, однако, допустить, чтобы Вяземский в 1819 г. получил сведения о ранней лицейской поэме, преданной Пушкиным забвению; несомненно, что Вяземский называл «Монахом» именно «Русалку», написанную в 1819 г. (иную точку зрения см.: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 21). То же обозначение «Русалки» — в письме Дельвига к Баратынскому от марта 1826 г. (см.: Дельвиг. Соч. С. 314).

Отдельные стилистические элементы «Монаха» восходят к традиции русской комической поэмы М. М. Хераскова, И. Ф. Богдановича, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина (см. об этом: *Hielscher K.* Die Lyzeumsfragmente «Monach» und «Bova» // Hielscher K. A. S. Puškins Versepik: Autoren-Ich und Erzählstruktur. München, 1966. S. 39—40).

Поездка монаха на черте в Иерусалим и ряд сюжетных деталей (заклятие беса, сцены искушения) восходят к житию св. Иоанна, епископа Новгородского, распространявшемуся в рукописях и вошедшему в «Пролог» и «Четьи Минеи» Димитрия Ростовского (7 сентября). Житие Иоанна было очень популярно; мотив служения

человеку заклятого им беса был распространен еще в древнерусском сказочном фольклоре (см.: *Дурново Н. Н.* Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // Древности: Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4, вып. 1. С. 54—152; *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 152—160; *Фомичев С. А.* Поэма Пушкина «Монах» и повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16—19 мая 1995 г.). Новгород, 1995. С. 141—149). Одна из народных легенд с этим сюжетом вошла в сборник А. Н. Афанасьева «Русские народные легенды» (Лондон, 1859. С. 75).

На разработку сюжета сильное воздействие оказала антиклерикальная французская традиция, прежде всего «Орлеанская девственница» Вольтера («La Pucelle d'Orléans», 1735), а также другие источники (см. ниже). К Вольтеру восходят стиль и тон «Монаха» — шутливый рассказ, перебиваемый лирическими отступлениями, обращения к читателю, выпады против литературных врагов, эротизм, местами грубый. Как и поэма Вольтера, «Монах» разделяется на песни, в начале которых дается краткое их содержание (чего позднее Пушкин не делал). Стиль поэмы отразил также воздействие эротических поэм периода рококо (К.-Ж. Дора, П.-Ж. Бернар и др.; ср.: Томашевский. П. и Франция. С. 94). Стих «Монаха», пятистопный ямб, является исторически определившимся русским эквивалентом десятисложного силлабического стиха французской поэмы (ср. пушкинский перевод вступления к «Орлеанской девственнице» 1825 г., а также замечание в наброске предисловия к «Борису Годунову», свидетельствующее, что поэт считал русский пятистопный ямб равнозначным десятисложнику). О стихе «Монаха» см. также: *Викери В.* К вопросу о ритме цезурного пятистопного ямба Пушкина // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Mouton — The Hague, 1971. Vol. 14. P. 151—155.

Песнь первая

Ст. 6. *К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.* — Обращения к Вольтеру как автору «Орлеанской девственницы» обычны в русской иронической сказочной поэме (ср. «Бова» А. Н. Радищева (ок. 1798—1799), «Бахариана» М. М. Хераскова (1803) и др.).

Ст. 17—26. *А ты, поэт, проклятый Аполлоном ~ Пусть как-нибудь стих за стихом польется.* — Парафраза строк из вступления к «Орлеанской девственнице», где Вольтер обращался к Ж. Шаплену (Chapelain, 1595—1674), автору эпической поэмы «Девственница, или Освобожденная Франция», обладателю «скрипки» и «смычка, проклятого Аполлоном» («maudit par Apollon»). Эти строки были позднее (1825) переведены Пушкиным: «Хотел бы ты, о стихотворец хилый, Почтить меня скрыпицею своей. Да не хочу...» («Начало песни I „Девственницы"»).

Ст. 18. *Испачкавший простенки кабаков...* — Близкий перевод формулы Н. Буало («Поэтическое искусство», песнь I), характеризующей поэта-либертена М.-А.-Ж. Сент-Амана (Saint-Amant, 1594—1661) (см.: *Лотман Ю. М.* Три заметки к проблеме: «Пушкин и французская культура» // Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983. С. 78).

Ст. 19. *Под Геликон упавший в грязь с Вильоном...* — Имеется в виду Михонское болото, находящееся под горой Геликон, обиталищем муз (ср. полемическое использование этого образа Сенковским, направленное против самого Пушкина: БдЧ. 1836. Т. 15. Лит. летопись. С. 69—70). «Вильон» — Франсуа де Монкорбье, по прозвищу Вийон (Вильон) (Villon, 1431—после 1463), — знаменитый французский поэт, бродячий школяр и уголовный преступник, автор «Завещаний» и «Баллады о повешенных». В 1813 г. Пушкин вряд ли был знаком с творчеством Вийона (см.: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 28) и судил о нем на основании упоминаний у Буало, Лагарпа и, возможно, других источников (см.: Томашевский. П. и Франция. С. 99), где оно получило негативную оценку; отзвуки ее ощущаются и в статье

Пушкина «О ничтожестве литературы русской» (1834) («У французов Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу и почитался первым народным поэтом!»).

Ст. 20. *Не можешь ли ты мне помочь, Барков?* — Иван Семенович Барков (1732—1768) — поэт и переводчик, известный как автор порнографических стихов (в большинстве случаев ему приписанных). В 1814 г. в поэме «Тень Баркова» (в духе «барковщины») Пушкин вложил в уста Баркова парафразу формул, употребленных в «Монахе»: «Возьми задорный мой гудок, Играй как ни попало! Вот звонки струны, вот смычок...» (см.: *Пушкин А.* С. Тень Баркова: Баллада. [СПб., 1991]. С. ненум.).

Ст. 28. *Иван Великий* — колокольня в Московском кремле, известная своей высотой.

Ст. 48. *Меж двух простынь на мягких тюфяках.* — Это выражение («entre deux draps») считалось принадлежащим разговорному стилю; тем не менее оно было очень популярно в произведениях разных жанров: неоднократно встречается в «Орлеанской девственнице» Вольтера («меж двух простынь» отдыхает Агнеса Сорель, возлюбленная Карла VII, — см., например, песнь I, абз. 6; песнь VI, абз. 16), у Ж. Лафонтена, П.-Д. Экушар-Лебрена, в рондо г-жи Дезульер, о котором упоминает Ж.-Ф. Лагарп в «Лицее...» (см.: *Laharpe J.-F.* Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, 1799. T. 6. P. 414—415), в нескольких элегиях Бертена (см.: *Bertin A.* Œuvres complètes. Paris, 1824. P. 12) и др.

Ст. 56. *...богатый кармелит...* — Кармелиты — члены католического монашеского нищенствующего ордена.

Ст. 72. *...в Париж к плешивым картезьянцам...* — Картезианцы — члены католического монашеского ордена; как и все католическое духовенство, выстригали на макушке тонзуру.

Ст. 93. *Пришел Молок (так дьявола зовут)...* — Имена «Молок» (фр. огласовка «Молох») и «Мамон» (см. ниже, песнь III, ст. 69) восходят к поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай» (1667), где являются именами бесов; в свою очередь Мильтон заимствовал их из средневековой демонологической традиции. Пушкин мог знать поэму Мильтона по французскому переводу Ж. Делиля (см.: Путеводитель. С. 240). Имя Молока как персонажа «Потерянного рая» упоминается и в «Опыте об эпической поэзии» (1726) Вольтера (см.: *Voltaire.* Œuvres complètes. Paris, 1902. T. 8. P. 46—47).

Ст. 106. *Чтоб усыпить, Боброва стал читать.* — Эпизод внушен первыми стихами «Видения на берегах Леты» К. Н. Батюшкова: «Вчера, Бобровым утомленный, Я спал и видел странный сон!». Семен Сергеевич Бобров (1763 или 1765—1810) — поэт-мистик, высоко ценившийся в «Беседе любителей русского слова», имел репутацию «темного», «непонятного» поэта. Постоянный объект эпиграмм и сатир карамзинистов.

Ст. 121. *Монах идет — что ж? — юбку видит он.* — Ср. в житии Иоанна Новгородского: «...показоваше диавол в келлии его различная привидения, овогда обувь женскую, овогда мониста, овогда же иныя утвари и одежды, ими же жены украшаются» («Четьи Минеи» Димитрия Ростовского); «Диавол же многажды показуя людем в келлии святого овогда сапоги женские, овогда же мониста и ина многа...» («Пролог»). В житии, в отличие от поэмы, дьявол смущает предметами женской одежды не самого святого, а приходящих к нему людей.

Ст. 135. *Наталья, сняв парчовый сарафан...* — Возможно, здесь (как и в ст. 13—18 песни III) упоминается реальное лицо — адресат стихотворений «К Наталье» и послания «К молодой актрисе» (см. выше примеч. к стих. «К Наталье», с. 570).

Ст. 142. *Иль как Филон, за Хлоей побежав...* и след. — Как и сон Панкратия (песнь II, ст. 40—82), фрагмент воспроизводит типовые ситуации «легкой поэзии» и французских эротических поэм XVIII в.

Ст. 160—161. *И в тот же час смекнул и догадался, Что в когти он нечистого попался.* — Ср. в житии Иоанна Новгородского: «Святый же, уразумев бесовское мечтание, приступи к сосуду...» («Четьи Минеи» Димитрия Ростовского).

Песнь вторая

Ст. 10—11. *...когда и собачонки В монастыре и духа нет моем...* — Уставами некоторых мужских монастырей (например, Афонского) запрещалось держать животных женского пола.

Ст. 46. *И легкий фирз...* — Т.е. тирс (thyrsus) — жезл Вакха, обвитый плющом.

Ст. 67—68. *В зеленый лес, как белоусый паж, Как легкий конь, за девкою погнался.* — Ср. описание погони за Агнесой английского пажа в «Орлеанской девственнице»: «La belle Agnès, qui se croit poursuivie, Court dans le bois au péril de sa vie; Le page y vole, et plus elle s'enfuit, Plus notre anglais avec ardeur la suit» (<«Прекрасная Агнеса, думая, что ее преследуют, несется по лесу с опасностью для жизни. Паж летит туда же, и чем скорее она мчится, с тем большим жаром наш англичанин за ней гонится» — *фр.*>) (песнь VI, абз. 11).

Ст. 72. *Без отдыха за новой Дафной гнался.* — Травестирование мифологического мотива о преследовании Дафны Аполлоном.

Ст. 73. *«Не дам, — ворчал, — я промаха в кольцо».* — Метафора, возможно, восходит к фривольной сказке Вуазенона (Voisenon; наст. имя — К.-А. де Фюзе (de Fusée), 1708—1775) «Le sultan Misapouf» (1746), где она обыгрывается как один из центральных мотивов.

Ст. 78. *...вспорхнул и Купидон...* — Реминисценция из сказки И. И. Дмитриева «Картина» (1790).

Ст. 79. *И нет следа красоточки прелестной.* — Ср. в житии Иоанна Новгородского: «...преобразися бес в девицу и потече пред народом <...> людие же <...> хотяще яти девицу тую: бес же убеже за келлию святаго и не видим бысть» («Четьи Минеи» Димитрия Ростовского; та же сцена — в «Прологе»).

Ст. 80. *Монах один в степи глухой, безвестной...* и след. — В сцене обнаруживаются следы чтения сказки И. И. Дмитриева «Причудница» (1794). Прямая парафраза в ст. 83: «Панкратий: „Ах!", и вдруг проснулся он»; у Дмитриева: «Ветрана: ах!.. — и пробудилась».

Ст. 102. *...в Невтоны претворился.* — Исаак Ньютон (1643—1727) — английский физик и математик; здесь — образец глубокомыслия.

Ст. 105—108. *И, как мудрец, кем Сиракуз спасался ~ «Нашел! нашел!»* — Хрестоматийно известная история об Архимеде (ок. 287—212 до н. э.) — древнегреческом ученом, математике и механике; приводится, в частности, в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, которые Пушкин уже с девяти лет читал во французском переводе (см.: П. в восп. Т. 1. С. 45, 444).

Песнь третия

Ст. 1—2. *Ах, отчего мне дивная природа Корреджио искусства не дала?* — Парафраза стихов из «Ильи Муромца» Н. М. Карамзина: «Для чего природа дивная Не дала мне дара чудного Нежной кистию прельщать глаза И писать живыми красками С Тицианом иль Корреджием...» и т. д. (см.: Эфрос. С. 90—91). Корреджо (Correggio, наст. имя — Антонио Аллегри, ок. 1489—1534) — итальянский живописец. Его имя, как и имена большинства упомянутых Пушкиным художников, введено не как обозначение индивидуального живописного стиля, а для конкретизации очень распространенной темы сопоставления искусства художника и поэта. Вместе с тем Пушкин учитывает и установившиеся репутации художников. Ср. характеристику Корреджо в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина: «Кисть его ставится в пример нежности и приятности» (письмо из Дрездена от 12 июля 1789 г.: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 52). О «корреджиевом тьмосвете» упоминал (уже после 1813 г.) в лицейских лекциях П. Е. Георгиевский; формула попала в лицейские «национальные песни» (см. их в журнале «Лицейский мудрец» (Грот. Пушк. лицей. С. 230, 269) и в лицейском дневнике Пушкина 1815 г.). В 1820 г.

А. А. Перовский отмечал как вопиющую ошибку слова «мрачные краски Корреджия» в критике А. Ф. Воейкова на «Руслана и Людмилу»: «Корреджия, которого одушевленная кисть оставила нам памятники, дышащие негою, легкостию и приятством, того Корреджия, прозванного живописцем граций!» (см.: Врем. ПК 1963. С. 54). «Живописцем граций» называл художника Руссо. В письме к Гнедичу от 4 декабря 1820 г., откликаясь на эту полемику, Пушкин также характеризует Корреджо как «нежного, чувствительного» художника.

Ст. 12. *Как Цициан иль пламенный Албан.* — Соединение имен Тициано Вечеллио (Tiziano Vecellio, 1476/1477 или 1489/1490—1576) и Франческо Альбани (Albani, 1577—1621), произвольное и неосновательное с точки зрения историка искусства, отражает популярность Альбани в XVIII—XIX вв.; Пушкин мог видеть гравюры с его картин, очень распространенные в XVIII в. (см.: Эфрос. С. 71—72). Имя Альбани упоминают Вольтер в «Опыте об эпической поэзии» и Руссо в «Эмиле», где Альбани ставится рядом с Рафаэлем (см.: *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды // Звенья. Т. 5. С. 75—76). В лицейские годы Пушкин упоминает Альбани в стихотворениях «К живописцу» и «Сон» (см.: наст. т., с. 162 и 191).

Ст. 19. *Иль краски б взял Вернета иль Пуссина...* — Клод Жозеф Верне (Vernet, 1714—1789), Никола Пуссен (Poussin, 1594—1665) — французские художники. Следующее за этой строкой описание точно передает пейзажную манеру «лунных марин» Верне, хотя вряд ли относится к определенной картине. В России XVIII—начала XIX в. Верне был в моде, во дворцах и пригородных резиденциях Петербурга его картины имелись в изобилии. Пушкин мог видеть и гравюры с Верне. Имя Пуссена к описанию отношения не имеет (см.: Эфрос. С. 72—76).

Ст. 29. *Нарисовал бы в нем я Кантемиру...* — Имя это встречается также в известной только по названию балладе «Галеб и Кантемира» в не дошедшем до нас лицейском журнале «Юные пловцы» (1813) (Грот. Пушк. лицей. С. 253).

Ст. 32. *Но Рубенсом на свет я не родился...* — Петер Пауль Рубенс (Rubens, 1577—1640) — великий фламандский художник.

Ст. 34. *М⟨артынов⟩ пусть пленяет кистью нас...* — Аркадий Иванович Мартынов (1801—1850) считался лучшим рисовальщиком среди лицеистов первого выпуска (см.: ПИМ. Т. 3. С. 353).

Ст. 52. *Модинка* — модница; предположение, что здесь каламбурный намек на имя Модеста Корфа, однокашника Пушкина по Лицею (см.: Акад. Т. 1. С. 509; СЯП. Т. 2. С. 606), не может быть строго обосновано.

Ст. 67. *Иди в бутыль, закупорю тебя...* — Ср. в житии Иоанна Новгородского: «Святый ⟨...⟩ приступи к сосуду, и огради его крестом, и запрещением связа во умывалнице беса, яко не изыти ему...» («Четьи Минеи» Димитрия Ростовского). О мотиве заключения беса в сосуде см.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера... С. 153—154. Мольбы беса также находят аналогии в житии.

Ст. 82. *Как Банкова, я в знать тебя пущу...* — Под Банковым иногда понимали придворного банкира Иосифа Велио (1755—1802), чей дом посещали лицеисты (см.: Акад. Т. 1. С. 504); знакомство это отразилось в стихах Пушкина «И останешься с вопросом...» и «На Баболовский дворец»; контекст стихотворения не дает, однако, оснований для конкретизации адресата. Маска нувориша — одно из «общих мест» сатирической литературы.

Ст. 91. *Поедешь ты потеть у Шиловского...* — Шиловский — возможно, кн. А. А. Шаховской.

Ст. 92. *За ужином дремать у Горчакова...* — Имеется в виду сатирик князь Дмитрий Петрович Горчаков. См. о нем: наст. т., с. 628.

Ст. 93. *К Нарышкиной подправливать жилет.* — Мария Антоновна Нарышкина (1779—1854) — фаворитка Александра I в 1801—1814 гг. Быть принятым в ее салоне было лучшим средством сделать карьеру.

Ст. 110. «*...А я тебя свезу в Иерусалим*». — Центральный мотив в житии Иоанна Новгородского.

НЕСЧАСТИЕ КЛИТА

(«Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет...»)

(С. 24)

Автограф (ПД 418) — беловой, в сб. «Жертва Мому, или Лицейская антология» (ЖМ). Напечатано: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 148. Воспроизведение: *Модзалевский Л. Б.* Новые автографы Пушкина // Вестн. АН СССР. 1931. № 7. С. 49.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС).

2) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — вместе со стихотворением «Вот Виля — он любовью дышет...», под общим заглавием: «Лицейские эпиграммы на В. Кюхельбекера (до 1814)»; по-видимому, с публикации В. П. Гаевского.

Впервые: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 148.

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1869—71. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1813 г. в соответствии с указанием в Долг (хотя сборник ЖМ датирован Пушкиным 1814 г. и составлен им в январе—апреле этого года).

Эпиграмма отражает раннее литературное размежевание среди лицейских поэтов. Образцы раннего творчества Кюхельбекера (до 1813 г.) — «гекзаметром песенки» — не сохранились; известно, однако, что вдохновителями его были Ф.-Г. Клопшток, Ф. Шиллер, Л.-Х.-Г. Гельти (этих поэтов он толковал Дельвигу, о чем упоминал Пушкин в заметке «Дельвиг» (1834); см. также: Кюхельбекер. Путешествие. С. 50—51), а также И.-Г. Гердер, Г.-А. Бюргер и др.; у них (более всего у Клопштока) Кюхельбекер почерпнул пристрастие к античным метрическим формам, в частности к гекзаметру. К 1813 г. относится и дискуссия о гекзаметре: в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» появляются статья Я. А. Галинковского «Письмо к издателям Академического журнала „Статьи и переводы", писанное 26 декабря 1804 г.» с упоминанием о гекзаметрах В. К. Тредиаковского в «Телемахиде» (1813. Кн. 11), знаменитое «Письмо к Н. И. Гнедичу о греческом экзаметре» С. С. Уварова и «Ответ» Гнедича, где гекзаметру отдается решительное предпочтение перед александрийским стихом (Там же. Кн. 13); вслед за тем выходят из печати первые образцы нового, гекзаметрического перевода «Илиады», предпринятого Гнедичем (см.: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964. С. 174 и след.). В пародированных Пушкиным словах «Клита»-Кюхельбекера об «охлаждающем» действии ямба и хорея ощущаются отзвуки позиции Клопштока и русских критиков; ср. его более поздние замечания в статье «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» (1817), где он объявлял выдающимся явлением перевод Гнедича и относил за счет «тиранства» школы Лагарпа то, что «никто почти не решался писать стихи иным размером, кроме ямбического» (Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 170; ср.: Кюхельбекер. Путешествие. С. 435). Эти замечания ретроспективно бросают свет на литературные пристрастия Кюхельбекера-лицеиста, высмеянные Пушкиным вместе с крайне несовершенными практическими его опытами.

Эпиграмма является самым ранним гекзаметрическим стихотворением самого Пушкина и также содержит технические погрешности. Особенность ее — наличие рифмы. Рифмованные гекзаметры предлагал Тредиаковский в «Способе к сложению российских стихов» (СПб., 1752. Гл. III, § 8); не исключено, что в выборе формы «по рецепту Тредиаковского» сказалось дополнительное пародийное задание (см.: *Бонди С. М.* О Пушкине: Ст. и исслед. 2-е изд. М., 1983. С. 333—334).

1814

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

(«Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!..»)

(С. 25 и 324)

Автограф (ПД 864) — беловой (первоначальная редакция), без заглавия и с подписью: «Александр НКШП». Напечатано: ст. 61—72 — КН. Т. 1. С. 387; ГИХЛ 1931. Т. 1. С. 524; полностью с воспроизведением — КА. 1937. Т. 1 (80). С. 34—47 (публ. М. А. Цявловского).

Копии:

1) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст журнальной редакции.

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$). Текст журнальной редакции.

Копия в Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф), которой пользовались П. В. Анненков (см.: Анн. Т. 2. С. 29) и П. А. Ефремов (см.: БЗ. 1861. Т. 3. № 9. Стб. 272), утрачена.

Впервые: ВЕ. 1814. Ч. 76, № 13. С. 9—12, с подписью: «Александр Н. к. ш. п.», с опечатками в ст. 17 («Потомков поздних поэта справедлива дань»), 54 («Поэтов хвалят все, читают лишь журналы») и 91 («Его с пером в руках Рамаков не страшит»); исправления ст. 17 и 91: ВЕ. 1814. № 14. С. 170. Стихотворение было получено в редакции «Вестника Европы» не позднее начала апреля 1814 г., как явствует из заметки в № 8, вышедшем 18 апреля (МВед. 1814. № 30, 31): «От издателя. Просим сочинителя присланной в „Вестник" пиесы под названием „К другу стихотворцу", как всех других сочинителей, объявить нам свое имя, ибо мы поставили себе законом не печатать тех сочинений, которых авторы не сообщили нам своего имени и адреса. Но смеем уверить, что мы не употребим во зло прав издателя и не откроем тайны имени, когда автору угодно скрыть его от публики» (с. 324).

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по ВЕ с исправлением по автографу опечатки в ст. 54.

Датируется январем—мартом 1814 г. на основании истории публикации (см. выше) и по почерку.

«К другу стихотворцу» — первое напечатанное стихотворение Пушкина, посланное в журнал, который пользовался прочной литературной репутацией. В 1814 г. за болезнью редактора М. Т. Каченовского журнал редактировал В. В. Измайлов, литератор школы Карамзина, дальний родственник Пушкина (см.: От издателя // ВЕ. 1813. № 23—24. С. 316), которого в 1826 г. Пушкин назвал «первым почтенным покровителем» своей музы (письмо ему от 9 октября 1826 г.). Объявление Измайлова свидетельствует, что стихотворение было послано не через В. Л. Пушкина, так как в противном случае Измайлов не мог бы не знать, кто автор стихотворения. В. П. Гаевский, пользовавшийся консультациями М. Л. Яковлева, М. А. Корфа и др., сообщил (без указания на источник), что Измайлову одновременно со стихотворением Пушкина была послана ода Дельвига «На взятие Парижа», которая, как имевшая злободневный интерес, была напечатана в июньской книжке «Вестника Европы» (№ 12) раньше пушкинского послания, вышедшего в свет 3 июля (см.: *Гурьянов В. П.* Поправка на один день: Ист.-лит. заметки о Пушкине // Вестн. МГУ. Журналистика. 1966. № 1. С. 83—84). Гаевский же предполагал, опираясь на ст. 30—34 послания «К Д(ельвигу)» («Послушай, муз невинных...») (см. ниже примеч. к этому стих., с. 647), что «К другу стихотворцу» было послано в журнал без ведома Пушкина (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 153, 162); против этой версии возражал Д. Д. Благой, выдвинувший предположение, что появление анаграммы-подписи под стихотворением было откликом Пушкина на обращение издателя в № 8 «Вестника Европы» (см.: Благой, I. С. 547—548). Обе версии остаются гипотетическими из-за недостаточности фактических данных по истории публикации стихотворения.

Жанровым образцом стихотворения были послания и сатиры Н. Буало, в особенности сатира IX «К уму своему» («A son esprit», 1667), популярная в России еще в XVIII в. (см.: *Песков А. М.* Буало в русской литературе XVIII—первой трети XIX в. М., 1989. С. 46, 76, 136—139). К Буало восходят структурные особенности стихотворения, в частности нападки на литературных противников. Пушкин опирается как непосредственно на тексты Буало, так и на многочисленные русские интерпретации, в первую очередь принадлежавшие будущим «арзамасцам» (послания В. Л. Пушкина, Батюшкова, Вяземского и др.). См. об этом: *Томашевский Б. В.* Пушкин и Буало // П. в мировой лит. С. 22—31; Томашевский. П. и Франция. С. 106—107.

Проблему адресата стихотворения нельзя считать решенной. Под «Аристом» П. И. Бартенев понимал Дельвига (см.: МВед. 1854. 2 окт. № 118. С. 1475; перепечатано: *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 80), Н. О. Лернер — условное лицо, «всякого начинающего стихотворца» (см.: Венг. Т. 1. С. 70). Л. Н. Майков высказал предположение, что в Аристе можно видеть В. К. Кюхельбекера (см.: АН 1899. Примеч. С. 29; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 31). Эта гипотеза была поддержана Ю. Г. Оксманом, который указал на послание «Кюхельбекеру» в списке произведений, составленном Пушкиным в конце 1816—начале 1817 г., и идентифицировал его с посланием «К другу стихотворцу» (см.: ГИХЛ 1931. Т. 5, кн. 2. С. 734—735); отождествление это было принято М. А. и Т. Г. Цявловскими (см.: Рукою П. С. 227; Летопись. С. 53). «Трудно допустить, чтобы под этим заглавием разумелось какое-то не дошедшее до нас стихотворение. С другой стороны, так же трудно допустить, чтобы Пушкин не включил „К другу стихотворцу" в список намечавшихся в сборник посланий. По этим основаниям и можно предполагать, что „Кюхельбекеру" списка и „К другу стихотворцу" — одно и то же стихотворение. В качестве возражения на эту гипотезу выдвигается то соображение, что ст. 11—14 заключают эпиграмматический выпад против Кюхельбекера («отец второй „Телемахиды"»), но, во-первых, Пушкин мог разуметь здесь кого-нибудь из своих товарищей и помимо Кюхельбекера, во-вторых, такую неувязку легко допустить в стихотворении начинающего поэта» (Цявловский. Коммент.). По предположению М. А. Цявловского, посланию предшествовали беседы с Кюхельбекером о выборе профессии (ср. близкие аргументы в пользу адресации стихотворения Кюхельбекеру: *Тынянов Ю. Н.* Заметки о лицейских стихах Пушкина. 1. «К другу стихотворцу» // П. Врем. [Т.] 1. С. 201—202). Противоположной точки зрения придерживался Б. В. Томашевский, как раз видевший в ст. 11—14 намек на Кюхельбекера; «Кюхельбекеру» в списке 1816 г. он считал не дошедшим до нас стихотворением, а адресата — условным, а не реальным лицом (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 48—49, 72). В последнее время вновь было высказано предположение, что адресат послания — Дельвиг, автор «Послания к А. Д. Илличевскому» (1813 или 1814), как и пушкинское послание, варьировавшего поэтические темы сатир Буало (сатиры II, IX и др.). Послания обнаруживают точки соприкосновения: так, ст. 8 («Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай») производит впечатление прямого ответа на строки Дельвига «О лира злобная! — с досадой я кричу И с Пинда лбом на низ без памяти лечу» (Дельвиг. Соч. С. 95); не исключено, что парафразой ст. 7 («В холодных песенках любовью не пылай») является ироническая автохарактеристика Дельвига в стихотворении «К Т—ву» (1815): «И в песнях дышит холод» (Дельвиг. Соч. С. 98). В послании к А. Д. Илличевскому выстраивалась сатирическая панорама лицейских поэтов, в числе которых был и Кюхельбекер; именно к 1814 г. относится «Эпиграмма» Дельвига на Кюхельбекера («Поэт надутый Клит...»), попавшая в печать (ВЕ. 1814. № 22); таким образом, становился естественным сатирический выпад против Кюхельбекера в послании, обращенном к Дельвигу. Что касается общей направленности послания, то оно является не памфлетной характеристикой творчества адресата (как иногда считалось), но рассуждением на традиционную тему о трудностях и опасностях поэтического поприща и скорее обращено к единомышленнику, нежели к противнику. Возможно, что именно это стихотворение, а не послание «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...», 1817), как предполагал Б. В. Томашевский (см.: Томашевский. Пушкин, I.

С. 115), фигурирует как одно из посланий к Дельвигу в списке стихотворений на обороте листа «Пирующих студентов» (М. А. Цявловский считал, что это не дошедшее до нас стихотворение; см.: Рукою П. С. 227). См.: *Вацуро В. Э.* К изучению лицейской лирики Пушкина // РЛ. 1992. № 4. С. 63—71. Окончательное решение вопроса в настоящее время затруднительно.

Ст. 14. *Сокрыт другой отец второй «Телемахиды»*. — «Телемахида» («Тилемахида», 1766) — поэма В. К. Тредиаковского, нарицательное обозначение громоздкого и бездарного труда. См. выше примеч. к стих. «Несчастие Клита», с. 577).

Ст. 22. *Твой гений наградит — спасительной лозою?* — Отсылка к эпиграмме В. Л. Пушкина «Какой-то стихотвор (довольно их у нас!)...» (1798; вольный перевод эпиграммы Р. Понса де Вердена «Un rimailleur, dont le nom rime à Claude»), пользовавшейся большой популярностью (см.: РЭ. С. 688, примеч. В. Е. Васильева к № 536); позднее она была использована в эпиграмме Пушкина «Мальчишка Фебу гимн поднес...» (1829).

Ст. 32. *Как Витгенштейну французов побеждать.* — Граф П. Х. Витгенштейн (1768—1842) командовал в 1812 г. армией, прикрывавшей пути к Петербургу и одержавшей в нескольких сражениях победы над французами. Эти победы доставили Витгенштейну, прозванному «щитом Петербурга», большую популярность (ср. надписи к его портрету Державина, Дмитриева, М. В. Милонова, Н. И. Иванчина-Писарева; оду Милонова «На истребление Наполеоновских армий в России», а также «Певца во стане русских воинов» Жуковского).

Ст. 33—34. *Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов, Певцы бессмертные, и честь, и слава россов...* — Пушкин называет традиционные имена литературных авторитетов, заимствуя поэтическую формулу, употребленную, в частности, Батюшковым в «Видении на берегах Леты» (1809): «Херасков, честь и слава россов»; исключение имени М. М. Хераскова — свидетельство ориентации на будущую «арзамасскую» среду (ср.: Благой, I. С. 68). В этих стихах есть фразеологические переклички и с посланием В. Л. Пушкина «К В. А. Ж(уковскому)» (Цветник. 1810. № 12; см. также: Поэты-сатирики. С. 267—269). См.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 162—163.

Ст. 37—38. *Творенья громкие Рифматова, Графова С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова...* — Речь идет о С. А. Ширинском-Шихматове (1783—1837) («Рифматов»), графе Д. И. Хвостове (1757—1835) («Графов»), С. С. Боброве (1763 или 1765—1810) («Бибрус») — поэтах, предшественниках (как Бобров) или членах «Беседы любителей русского слова». Принятые Пушкиным прозвища были закреплены за этими адресатами в сатирах и эпиграммах 1810-х гг.: «Бибрис» у Вяземского и Батюшкова, «Графов» у Крылова, А. Е. Измайлова, Вяземского (см.: РЭ. С. 232, 258, 263, 264 — № 690, 793, 812, 814). Прозвище «Рифматов» по отношению к Шихматову было неупотребительно; возможно, оно принадлежит самому Пушкину. Иван Петрович Глазунов (1762—1831) — брат основателя книгопродавческой и издательской фирмы, открывший книжную лавку в Петербурге в 1788 г. и занимавшийся изданием книг с 1790 г. У Глазунова постоянно печатались и продавались сочинения шишковистов; «лавка Глазунова» в полемической литературе прочно ассоциировалась именно с этой группой писателей.

Ст. 40. *И Фебова на них проклятия печать.* — См. выше ст. 17—26 песни первой поэмы «Монах» и соотв. примеч. к ней, с. 573. Ср. в «Тени Баркова»: «Шихматов, Палицын, Хвостов Прокляты Аполлоном» (*Пушкин А. С.* Тень Баркова: Баллада. [СПб., 1991]. С. ненум.).

Ст. 54. *Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы...* — Речь идет не об авторском гонораре за стихотворения, которого не существовало, а об издательской или редакторской деятельности «поэтов»; так, издание «Московского журнала» давало средства к существованию Н. М. Карамзину, «Вестника Европы» — Карамзину, М. Т. Каченовскому, В. А. Жуковскому и В. В. Измайлову.

Ст. 56—57. *Родился наг и наг ступает в гроб Руссо; Камоэнс с нищими постелю разделяет...* — Тема «нищеты поэтов» была одной из популярнейших в русской литературе и журналистике начала XIX в. Примеры Пушкина восходят, по-видимому, к получившей широкое распространение компиляции Ж.-М.-Б. Бен де Сен-Виктора «Великие поэты-несчастливцы» (*B⟨ins⟩ de S⟨ain⟩t-V⟨ictor⟩ J.-M.-B.*). Les grands poètes malheureux. Paris, 1802; анонимное переизд.: Les illustres infortunés, ou Vies d'hommes célèbres. Paris, 1804), почти полностью переведенной в журнале «Минерва» (Жалкая судьба стихотворцев // Минерва. 1807. Ч. 5, 6; см.: *Горохова Р. М.* Образ Тассо в русской романтической литературе // От романтизма к реализму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1978. С. 122). Книга содержала, в частности, очерки о французском поэте Жане Батисте Руссо (Rousseau, 1670—1741), умершем в бедности, в изгнании, а также о португальском поэте Луише Камоэнсе (Camões, 1524 (1525?)—1580); в очерке о Камоэнсе приводилась эпитафия: «Ci-gît Louis Camoëns, prince des poètes de son temps: il vécut pauvre et malheureux et mourut de même» (⟨«Здесь покоится Луис Камоэнс, царь поэтов своего времени: он прожил жизнь нищим и несчастливым и таким же умер» — *фр.*⟩ (Les illustres infortunés... P. 140; ср. в вольном русском переложении: «...он жил в бедности и несчастии, умер нищим и оставленным всеми, не столько был благополучен во время жизни, сколько славен по смерти» — Минерва. 1807. Ч. 6. С. 98). Формула эта, существовавшая еще в древнегреческой литературе (ср. эпиграмму Паллада Александрийского «Суета жизни», переведенную Д. В. Дашковым (Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 74)) и имеющаяся в Библии («Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь» — Иов, 1, 21), была известна и в русской поэзии (ср. автоэпитафию И. И. Хемницера «Надгробная моя» — *Хемницер И. И.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1963. С. 231, 350 (Б-ка поэта; Большая сер.)). Строки о Камоэнсе и примечание в автографе (см.: Другие редакции и варианты, с. 325) опираются также на «Опыт об эпической поэзии» Вольтера, где сказано: «Он ⟨Камоэнс⟩ стал получать небольшую пенсию приблизительно в восемьсот франков на нынешние деньги, но вскоре прекратили ему ее выплачивать. У него не оставалось другого убежища и другой помощи, кроме госпиталя. Там провел он конец своей жизни и умер, всеми оставленный» (см.: *Voltaire.* Œuvres complètes. Paris, 1902. T. 8. P. 25).

Ст. 58. *Костров на чердаке безвестно умирает...* — Ермил Иванович Костров (1755—1796) — поэт, переводчик Оссиана и «Илиады» Гомера; как литератор высоко ценился современниками. Строки, по-видимому, опираются на многочисленные устные рассказы о Кострове (один из таких рассказов был записан Пушкиным в 1830-е гг.; см. «Table-talk»). Костров в последние годы жизни страдал от алкоголизма и нищеты (см. печатные упоминания об этом: МВ. 1809. Ч. 1. № 11. С. 164—166); он умер в доме Ф. Г. Карина, где служил в качестве чтеца и библиотекаря. Источником сведений о биографии Кострова в окружении Пушкина могли быть, например, знавшие его И. И. Дмитриев, М. Н. Макаров (ср.: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 25—28; Вяземский. Т. 8. С. 10; *Макаров М. Н.* Карин и Костров: Записка прежних лет // Маяк. 1840. Ч. 4. С. 135—139), а также Н. Ф. Кошанский, по сведениям Гаевского, восхищавшийся его стихами и передавший свой восторг лицеистам. Кошанский был воспитанником Московского университета, где предания о Кострове сохранялись долгое время (см.: Гаевский. П в Лицее. № 7. С. 164).

Ст. 63. *...как новый Ювенал...* — Децим Юний Ювенал (ок. 60—ок. 127) — римский поэт-сатирик; здесь: нарицательное обозначение резкого обличителя общественных пороков.

Ст. 69. *В деревне, помнится, с мирянами простыми...* и след. — Непосредственный источник этого анекдота не разыскан. Аналогичный фольклорный сюжет («Пьяный» («Живите не так, как я живу, а как я проповедую...»)) зарегистрирован, в частности, в финской сказке. См.: *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFS № 3), translated and enlarged. Second revision (FFS 184). Helsinki, 1961. № 1836 A.

Ст. 91. *Его с пером в руке Рамаков не страшит...* — Предположение, что под Рамаковым понимается П. И. Макаров (1765—1804), издатель «Московского Меркурия» (1803), убежденный сторонник Карамзина, было высказано Л. Н. Майковым (см.: АН 1899. Примеч. С. 30—31; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 32—33) и подтвердилось после обнаружения автографа (см.: Другие редакции и варианты, с. 326). Макарову принадлежало первое серьезное выступление против «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова (см.: Московский Меркурий. 1803. № 12. С. 155—198); журнал его занимал принципиально критическую и полемическую позицию по отношению к шишковистам. Полемика их с Макаровым продолжалась и после его смерти.

Ст. 98. *Быть славным — хорошо, спокойным — лучше вдвое.* — Эту строку сопоставляли со стихами из «Послания к кн. П. А. Вяземскому» В. Л. Пушкина: «Пусть льются там стихи нелепые рекой, Нет нужды — мне всего любезнее покой» (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 163); послание В. Л. Пушкина появилось, однако, позднее (впервые: РМ. 1815. № 2; см. также: Поэты-сатирики. С. 272—274).

Другие редакции и варианты

Ст. 63—66. *Согласен — будь богат и ты, как тот поэт ~ Успешно торговал с голландскими купцами.* — К слову «поэт» Пушкин дает примечание: «Волтер». По разъяснению М. А. Цявловского, имеется в виду издание в Голландии произведений Вольтера. Цявловский замечал, что эти стихи «находятся в резком противоречии» с отзывами о Вольтере в «Монахе», «Бове» и «Городке»: «Выпад против Вольтера, очевидно, нужно объяснить как тактический прием начинающего поэта, демонстрирующего свою „благонамеренность" в глазах „старших". Но от этого приема Пушкин отказался и в печать стихи о Вольтере не дал» (Цявловский. Коммент.). Происхождение этой купюры, однако, остается неясным; нельзя полностью исключить предположение, что она была сделана в редакции «Вестника Европы», при Измайлове, занимавшем умеренную позицию в начавшейся антивольтеровской кампании. Стихи Пушкина отражают общее отношение к Вольтеру в журналистике 1810-х гг., в особенности нападавшей на его прозаические сочинения; с другой стороны, они касаются не столько творчества, сколько социального поведения Вольтера, который нередко противопоставлялся поэтам-беднякам как образец «богатого поэта» (ср.: *Коцебу А.* О бедности поэтов // ВЕ. 1806. № 14. С. 183; см.: Заборов. С. 124—136).

КОЛЬНА

(ПОДРАЖАНИЕ ОССИАНУ)

(«Источник быстрый Каломоны...»)

(С. 28 и 327)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) А. М. Горчакова (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 58) (Г) — с подписью: «Александр НКШП». Текст совпадает с ВЕ.

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).

Копии 2 и 3 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 343 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копия в Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф), которой пользовался П. В. Анненков (см.: Анн. Т. 2. С. 29), утрачена.

Впервые: ВЕ. 1814. Ч. 76. № 14. С. 102—106, с подписью: «Александр Нкшп».

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по ВЕ с исправлением по копиям написания имен «Тоскар» и «Карул» (вместо «Тоскарь» и «Каруль»), а также пунктуации в ст. 16—17 (в журнальном тексте алогизм: «Где Крона катит черный вал, Шумящей прохлажден осиной. Там ряд является могил...»).

Принадлежит к числу «оссианических» произведений. Датируется первыми месяцами (не позднее апреля) 1814 г. на основании указания Гаевского со слов товарищей Пушкина, что с Оссианом познакомил их Н. Ф. Кошанский (см. ниже), с мая этого года из-за болезни не преподававший.

Начало европейского оссианизма относится к 1760 г., когда шотландский поэт Дж. Макферсон (Macpherson, 1736—1796) издал в Эдинбурге анонимно «Отрывки древней поэзии, собранные в Горной Шотландии и переведенные с гэльского, или эрского, языка» («Fragments of ancient poetry, collected in the Highlands of Scotland, and translated from the Galic or Erse language»). Успех «Отрывков...» побудил Макферсона издать два сборника, каждый из которых содержал по одной эпической поэме: «Фингал» и «Темора», сопровождавшейся «малыми поэмами» (Fingal, an ancient epic poem, in six books: together with several other poems, composed by Ossian, the son of Fingal / Translated from the Galic language, by James Macpherson. London, 1762; Temora, an ancient epic poem, in eight books: together with several other poems, composed by Ossian, the son of Fingal / Translated from the Galic language, by James Macpherson. London, 1763). В сборнике «Темора» (1763) последней из малых поэм была напечатана «Кольна-Дона» («Colna-Dona»). Представленные как английский прозаический перевод древних гэльских (кельтских) песнопений легендарного шотландского воина и барда III в. Оссиана, сына героического короля Фингала, произведения эти, как выяснилось впоследствии, в меньшей своей части являлись вольными обработками собранных Макферсоном в Северной Шотландии гэльских народных песен и преданий, бóльшая же их часть была создана им самостоятельно в духе древней поэзии, как он ее понимал. Однако первоначально поэмы были восприняты как подлинный древний эпос, имели сенсационный успех, переводились на все европейские языки и вызвали большое число подражаний. В России переводить поэмы Оссиана начали с 1788 г. До Пушкина их переводили, перелагали стихами, создавали подражания им более тридцати литераторов, в том числе Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, В. Л. Пушкин, В. В. Капнист, М. Н. Муравьев, Н. И. Гнедич, В. А. Озеров. Влиянием оссиановских поэм отмечен ряд произведений Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, Гнедича и В. А. Жуковского (см.: *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе. Конец XVIII—первая треть XIX века. Л., 1980; там же библиографическое приложение «Оссиан в России. 1768—1833» (с. 144—197)).

В 1792 г. вышел в свет русский прозаический перевод двадцати четырех поэм Оссиана: «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века: Гальские стихотворения, переведены с французского Е. Костровым» (М., 1792. Ч. 1—2), сделанный с французского перевода П. Летурнера (Ossian, fils de Fingal, barde du troisième siècle / Poésies galliques, traduites sur l'anglais de M. Macpherson, par M. Le Tourneur. Paris, 1777. Т. 1—2). Эти переводы, вызвавшие много стихотворных переложений, по сообщению Гаевского, «читались в классах Кошанского»; «Оссиан был настольною книгою в Лицее и составлял некоторое время любимое чтение Пушкина» (Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 164—165). «Кольна» является переложением в стихи перевода Е. И. Кострова («Кольна-Дона»). Прозаическое изложение содержания поэмы воспроизводит текст «Содержания», предваряющего перевод Кострова, с незначительными изменениями и сокращениями.

Для переложения Пушкин избрал не только поэму с благополучным концом, редким в поэмах Оссиана, но единственную, содержащую предвидение счастливого будущего. Перелагая прозу Кострова в стихи, поэт придерживался своего оригинала, часто даже текстуально. Однако его сокращения (в частности, изъятие Оссиана из действующих лиц поэмы и сосредоточение действия на одном Тоскаре) и добавления преобразовывали поэму в духе поэзии Парни, ослабляли героико-военную тему и

усиливали тему любовную. Так, опущены воззвания к героическим предкам, подробности воздвижения памятника победы, воспоминания Карула о боевом прошлом, описание утренней охоты. Привнесены упоминание любовного свидания (ст. 11—12), переживания влюбленного Тоскара (ст. 132—135). Видимо, стремясь сделать начало более энергичным, Пушкин опустил описание внешности Кольны и эпическое изложение действия вложил в уста Фингала — «царя могущих» (ст. 15—24). Независимо от оригинала он создавал пейзажные картины, в которых осваивал опыт Жуковского и Батюшкова (ст. 3—8, 62—67, 98—100; см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 89—90).

Строки многоточий разделяют у Пушкина разные сцены. Вторая пара таких строк (ст. 96—97) совпадает со строкой многоточий у Кострова, восходящей к изданию Макферсона, где она обозначала пропуск в сохранившемся тексте поэмы. У Пушкина многоточие обозначает смену картины ночи описанием утра.

Имена собственные, перенесенные Пушкиным из Оссиана, имеют у Кострова следующие «Изъяснения», переведенные из Летурнера и восходящие к примечаниям Макферсона; в них разъясняются значения гэльских наименований: «Кольнадона — любовь Героев. Коламон — узкая река. Сельма — имя, произведенное от имени Селама; дворец Фингала, государя Морвенского (Селама — хороший вид, имя домов, на горах построенных). Крона — шепчущий; древнее имя одной небольшой речки, впадающей в Каррон около Стерлинга. Каруль — имеющий черные глаза. Лора — шумный; малая речка, текущая вокруг Сельмы, дворца Фингалова» (см.: Оссиан ⟨...⟩ Гальские стихотворения... Ч. 1. С. XIX—XXII; ср.: *Макферсон Дж.* Поэмы Оссиана. Л., 1983. С. 272).

Ст. 29—30. *Денница красная выводит Златое утро в небеса...* — Возможно, реминисценция стихов М. В. Ломоносова: «Заря багряною рукою От утренних спокойных вод Выводит с солнцем за собою Твоей державы новый год» («Ода на день восшествия на престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года»); стихи эти, пародированные А. П. Сумароковым в 3-й «Оде вздорной», были варьированы в «Сраженном рыцаре», «Кавказском пленнике» и «Евгении Онегине» (гл. V, строфа XXV и примеч. автора).

Ст. 80. *...пришелец Лоры...* — Наименование реки употреблено в распространенном значении слова: местность, расположенная на берегах реки.

ЭВЛЕГА

(«Вдали ты зришь утес уединенный...»)

(С. 32 и 327)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Матюшкина (Мат).

2) Тетр. Никитенко (Ник). В ст. 24 — исправление рукой В. А. Жуковского: «надежный» вместо «мой нежный». Напечатано (с этим исправлением): Посм. Т. 9. С. 277—279 (по ТЖ); РП. С. 26—28 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). В ст. 24 — исправление карандашом: «надежный» вместо «мой нежный». Напечатано: Акад. Т. 1. С. 343 (ст. 48; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 277—279.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник без учета поправки Жуковского. В ст. 32 (чтение всех копий: «шум угрюмой ночи» — не соответствует французскому оригиналу и является несомненным искажением текста) принимается конъектура В. П. Гаевского: «сын угрюмой ночи» (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 171).

Датируется, как и другие стихи «оссиановского цикла», первыми месяцами 1814 г. (не позднее апреля); см. выше примеч. к стих. «Кольна», с. 583.

Стихотворение является вольным переводом ст. 30—80 четвертой песни поэмы французского поэта Э.-Д. Парни (Parny, 1753—1814) «Иснель и Аслега, подражание скандинавскому». Напечатанная в 1802 г. в одной песни, поэма во втором издании (1808) была увеличена и разделена на четыре песни («Isnel et Asléga, poème en quatre chants, imité du scandinave»). Литературные источники «Иснеля и Аслеги» — макферсоновские поэмы Оссиана и поэмы скандинавских скальдов. В частности, эпизод, переведенный Пушкиным, введен в поэме Парни аналогично эпизоду Морны у Оссиана: рассказ о двух воинах, не вышедших на битву, так как они погибли в результате любовного соперничества («Фингал», кн. 1), хотя сами эпизоды у Макферсона и Парни сюжетно различны.

Перевод отрывка из третьей песни поэмы Парни был сделан К. Н. Батюшковым и напечатан под заглавием «Сон ратников» (ВЕ. 1811. № 3; позднее назван «Сон воинов»). Возможно, этот перевод вызвал интерес Пушкина к «Иснелю и Аслеге».

ОСГАР

(«По камням гробовым, в туманах полуночи...»)

(С. 34)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 272—276 (по ТЖ); РП. С. 24—26 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 272—276.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник с исправлением по $Дол_1$ явных описок в ст. 4 («Ночлега мирного искали в тьме густой» вместо «Ночлега мерного искал во тьме густой»), ст. 45 («с свистом веют» вместо «с свистом воют») согласно конъектуре В. П. Гаевского (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 173) и ст. 86 («над камнем гробовым» вместо «под камнем гробовым»).

Датируется первыми месяцами 1814 г. (не позднее апреля); см. выше примеч. к стих. «Кольна», с. 583.

По сравнению с «Кольной» и «Эвлегой» «Осгар» является более самостоятельным произведением. Воздействие макферсоновского Оссиана осложняется здесь влиянием поэмы Э.-Д. Парни «Иснель и Аслега»; образность и поэтическая фразеология стихотворения отражают и следы чтения русской оссианической поэзии («Водопад» Г. Р. Державина (ср.: Виноградов. Стиль П. С. 130), К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский). Строфы 1—2 (ст. 1—16) содержат характерный для Оссиана ночной пейзаж — северное море, туман, дикие скалы, обросшие мхом, гробовые камни. В духе поэм Оссиана дана характеристика барда, «певца веков минувших», рассказывающего о герое, погребенном в могиле (ср. рассказ барда Уллина на могиле Ламдарга — «Фингал», кн. V). Один из главных героев поэм Оссиана — Оскар (Oskar; у Пушкина — Осгар, как и в «Эвлеге»), сын Оссиана, возлюбленный Мальвины, дочери Тоскара. Одержав многие победы, воспетые Оссианом, Оскар трагически гибнет, а оплакивающая его Мальвина становится спутницей престарелого его отца. Пушкин, однако, оставил этот сюжет без внимания и сочинил эпизод измены в духе эротической поэзии Парни (строфы 6, 7), невозможный в поэзии Оссиана. Влияние Оссиана проявляется в последних строфах (9—11). В кн. II «Фингала» страдающий любовник, убивший по роковому недоразумению свою возлюбленную, «скитался ⟨...⟩ печален и безмолвен», и, когда разразилась война, «он сражается;

иноплеменники обратились в бегство; он среди враждебных полков ищет повсюду погибели» и наконец гибнет (см.: Оссиан ⟨...⟩ Гальские стихотворения, переведены с французского Е. Костровым. М., 1792. Ч. 1. С. 123).

Из поэм Оссиана кроме имен Оскара и Мальвины (значение: «тихий взор», «приятное лицо») взяты имена Одена, «бога скандинавов», и Фингала, шотландского короля, которого Пушкин, вопреки Макферсону, назвал «Оденов сын» (ст. 74). Имени Звигнел нет ни у Оссиана, ни у Парни. О значении названия Лора см. выше, с. 584.

Строфа 6 является вольным и сжатым переводом ст. 173—196 из первой песни поэмы Парни «Иснель и Аслега», хотя дальнейший ход событий не соответствует развитию данного эпизода поэмы Парни, у которого Ольбровн и Русла — образец взаимной верности.

РАССУДОК И ЛЮБОВЬ

(«Младой Дафнис, гоняясь за Доридой...»)

(С. 37 и 327)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) А. М. Горчакова (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 59) (Г) — с подписью: «Н. К. Ш. П.».

2) Неизвестного лица из собрания Я. К. Грота (ПД, ф. 244, оп. 4, № 46) (N). На том же листе тем же почерком переписаны «Стансы» («Ты мне велишь пылать душою...»); следовательно, копия сделана не ранее 1817 г. Под обоими стихотворениями подпись: «Пушкин».

3) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ). Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 108; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 133 (публ. Л. Н. Майкова).

4) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 282—283 (по ТЖ); РП. С. 32 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

5) Первый сб. из архива Помяловского ($Пом_1$) — две копии: л. 11 об.—12 — $Пом_1$ (1); л. 70—70 об. — $Пом_1$ (2).

6) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

7) Тетр. Полторацкого (Полт).

Копии 1, 5 (1) и 6 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 343 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: Весенние цветы. М., 1835. С. 97—98, с подписью: «А. П.» (без ведома Пушкина) (ВЦ).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по Ник.

Датируется 1814 г. на основании почерка копии А. М. Горчакова (ранний, детский почерк). Подпись в этой копии позволяет предположительно отнести стихотворение к январю—апрелю 1814 г., так как с мая этого года Пушкин подписывался уже цифровым псевдонимом: «1... 14—16».

Стихотворение написано по образцам французской мадригальной лирики XVIII в.; имеет точки соприкосновения, в частности, с одой П.-Д. Экушар-Лебрена (Ecouchard-Lebrun, 1729—1807) «Спор любви и рассудка» («Débat de l'Amour et de la Raison»): «Amour me dit: „Aime Lucile". Raison me dit: „Ne l'aime pas"» ⟨«Любовь сказала мне: „Люби Люсиль". Рассудок сказал мне: „Не люби ее"» — *фр.*⟩ (Œuvres de Ponce Denis (Ecouchard) Le Brun. Paris, 1811. T. 1. P. 297). См. об этом: Томашевский. П. и Франция. С. 326. О строфике стихотворения см.: Томашевский. Строфика П. С. 81, 110.

Ст. 6. ...«*Скажи: „Ты сердцу мил!"*» — Дословное повторение части стиха из «Мадригала» («Мужчины счастливы, а женщины несчастны...») В. Л. Пушкина (Аониды. М., 1797. Кн. 2. С. 276).

К СЕСТРЕ

(«Ты хочешь, друг бесценный...»)

(С. 38 и 328)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Запись О. С. Павлищевой, сделанная по памяти, по-видимому, в 1840-х гг. (ПД, ф. 244, оп. 4, № 3) (Пав) — с датой рукой Л. С. Пушкина: «1814 апреля». Напечатано: КН. Т. 1. С. 66—68 (по копии П. Е. Щеголева с Пав; публ. М. А. Цявловского).

2) Тетр. Дашкова (Даш) — с пропуском ст. 108—109, с датой под текстом: «1814 г.».

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — с пропуском ст. 90—91 и 108—109.

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — с пропуском ст. 90—91 и 108—109, с датой под текстом: «814-го года».

5) Тетр. Тихонравова (Тих).

6) Тетр. Бартенева (Бар) — только ст. 1—79. Напечатано П. И. Бартеневым (см. ниже) с неточностью в ст. 23 («Тайком вошед в диванну» вместо «Тайком взошед в диванну»).

7) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — только ст. 116—120.

Копии 2, 3, 4, 5, 6 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 343—344 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копии, которыми пользовались П. В. Анненков и Е. И. Якушкин (см. ниже), утрачены.

Все копии и печатные тексты восходят, вероятно, к записям О. С. Павлищевой.

Впервые: МВед. 1854. 2 окт. № 118 (ст. 1—4, 22—38, 52—79; публ. П. И. Бартенева). Дополнения: Анн. Т. 2. С. 1—4; БЗ. 1858. Т. 1. № 10. Стб. 309 (ст. 115—120 и варианты к ст. 83 и 96; публ. Е. И. Якушкина); АН 1899. С. 16 (ст. 107—108; публ. Л. Н. Майкова).

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по Пав с исправлением тех стихов, где можно предполагать ошибки в тексте: ст. 37 («И шепчет лес кудрявый» вместо «Иль шепчет лес кудрявый»), 48 («Иль звучным фортепьяно» вместо «Иль звучно фортепьяно») и 89 («Сомкнувшися за мною» вместо «Сомкнувшись надо мною») — по $Дол_2$, ст. 86—87 — по Анн (см.: Другие редакции и варианты, с. 328). Несколько стихов после ст. 12 не сохранилось.

Датируется апрелем 1814 г. на основании пометы Л. С. Пушкина в Пав и исходя из содержания послания. Строка «На невский брег примчуся» свидетельствует о том, что послание адресовано в Петербург, куда в начале апреля 1814 г. переехали мать, сестра и брат поэта, впервые посетившие его в Лицее 12 апреля (см.: Летопись 1991. С. 73).

Обращено к Ольге Сергеевне Пушкиной (в замужестве Павлищевой, 1797—1868), сестре поэта, с которой он был очень дружен в детстве и юности. Записанные с ее слов «Воспоминания о детстве А. С. Пушкина» — важнейший источник сведений о ранних годах поэта (см.: П. в восп. Т. 1. С. 43—53).

Стихотворение открывает ряд лицейских дружеских посланий Пушкина в стиле французской «легкой поэзии» XVIII в., написанных трехстопным ямбом.

Образцом стихотворения явилось послание «Обитель» («La Chartreuse», 1735) Ж.-Б.-Л. Грессе (Gresset, 1709—1777), пользовавшееся большой известностью: обширные цитаты из него приводятся, в частности, в «Лицее...» Ж.-Ф. Лагарпа (см.: *Laharpe J.-F. Lycée...* Paris, 1799. Т. 8. P. 259—268). Пушкин хорошо знал «La Chartreuse»; реминисценции из этого стихотворения встречаются в его произведениях и позднее.

В данном случае, однако, Пушкин отправляется не непосредственно от французского подлинника, а от русских переработок и вариаций (частью, несомненно,

известных ему еще до печати), прежде всего от стихотворения «Мои пенаты. *Послание к Ж⟨уковскому⟩ и В⟨яземскому⟩*» К. Н. Батюшкова (1811—1812; ПРП. 1814. Ч. 1, кн. 1) и от серии дружеских посланий, связанных с «Моими пенатами» и, так же как и они, написанных трехстопным ямбом: «К Ж⟨уковско⟩му» (1812; ПРП. 1814. Ч. 2, кн. 4) и «Ответ Т⟨ургене⟩ву» (1812; опубл. 1817) Батюшкова, «К Батюшкову» В. А. Жуковского (1812; ВЕ. 1813. № 9—10), «К Д. В. Дашкову» («Мой милый друг, в стране...») В. Л. Пушкина (ВЕ. 1814. № 7) и др.; ср., кроме того, более ранний опыт послания в трехстопных ямбах: «К Б⟨лудов⟩у» Жуковского (ВЕ. 1810. № 5). См. также ниже примеч. к стих. «Городок. (К***)», с. 625.

В указанной традиции стихотворного послания закреплены структурные элементы, наметившиеся у Грессе и имеющиеся также у Пушкина: описание «хижины» («кельи»), чтения (с перечислением авторов), обращение к фантазии, услаждающей уединение, и пр. Тема «монастыря» в послании Пушкина восходит прямо к Грессе; метафора «лицей — монастырь» постоянна в ранних стихах Пушкина («К Наталье» и др.).

Ст. 17. *...как певец Людмилы...* — Т. е. как Жуковский, автор баллады «Людмила» (1808).

Ст. 22. *В подарок пук стихов.* — Цитата из послания Жуковского «К Батюшкову» (ст. 7).

Ст. 29. *Жан-Жака ли читаешь...* и след. — Пушкин называет популярных писателей сентиментальной и преромантической ориентации, входивших в обиходный круг чтения. Вероятно, имеется в виду роман Жан-Жака Руссо (Rousseau, 1712—1778) «Юлия, или Новая Элоиза» (1761).

Ст. 30. *Жанлиса ль пред тобой?* — Стефани Фелисите де Жанлис (Genlis, 1746—1830) — французская писательница, автор многочисленных романов и сочинений для детей.

Ст. 31. *...с резвым Гамильтоном...* — Антуан (Энтони) Гамильтон (Hamilton, 1646—1720) — французский писатель, автор ориентальных сказок («Contes», 1730), о которых и идет речь, а также «Записок Граммона» («Mémoires du chevalier de Grammont», 1713; переизд. 1812). Высказывалось мнение (недостаточно обоснованное) о воздействии сказок Гамильтона на «Руслана и Людмилу» (ср.: Пол. Т. 2. С. 5; *Венгерова З.* Антоний Гамильтон // Венг. Т. 1. С. 76—80; *Розанов М. Н.* Пушкин и Ариосто // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1937. № 2—3. С. 405). О «прелести» «Записок Граммона» Пушкин упоминал в «Записках бригадира Моро де Бразе...»; возможно, сцена из них отразилась в «Капитанской дочке» (см.: *Lannes F.* Les «Mémoires» d'A. Hamilton et la «Fille du capitaine» de Pouchkine // Revue de littérature comparée. 1924. Oct.—déc. P. 670—673; *Белецкий А.* К истории создания «Капитанской дочки» // ПиС. Вып. 38—39. С. 194—197). Эпитет «резвый», может быть, восходит к Вольтеру, называвшему Гамильтона «le vif Hamilton» (см.: Путеводитель. С. 91).

Ст. 33. *...с Греем и Томсоном...* — Томас Грей (Gray, 1716—1771), автор «Элегии, написанной на сельском кладбище» («Elegy Written in a Country Church-Yard», 1751; пер. Жуковского — 1802), и Джеймс Томсон (Thomson, 1700—1748), автор описательно-дидактической поэмы «Времена года» («The Seasons», 1726—1730), были наиболее известными в России представителями английского сентиментализма; важнейшая тема их творчества — изображение природы, умиротворяющей и возвышающей человека.

Ст. 35—39. *В поля, где от дубравы ~ С вершины гор поток?* — Ср. пейзажное описание в послании Жуковского «К Батюшкову»: «Заря ли угасает, Летит ли ветерок От дремлющия рощи, Или покровом нощи Одеянный поток В водах являет тени Недвижных берегов...».

Ст. 45—46. *Иль смотришь в темну даль Задумчивой Светланой...* — Светлана — героиня одноименной баллады Жуковского (1808—1812; ВЕ. 1813. № 1—2). Ст. 45 — реминисценция из «Светланы»: «Кони торопливы Чутко смотрят

в темну даль...» (ст. 132—133); стихи эти Пушкин позднее взял в качестве эпиграфа к «Метели».

Ст. 51—52. *Иль тоны повторяешь Пиччини и Рамо?* — Николо Пиччини (Piccini, 1728—1800) — итальянский композитор. Жан-Филипп Рамо (Rameau, 1683—1764) — французский композитор; его клавесинные произведения удерживались и в фортепианном репертуаре.

Ст. 68—71. *Стул ветхий, необитый ~ Соломенна свирель...* — Парафраза строк из «Моих пенатов» Батюшкова, восходящих к Грессе (см. выше): «В сей хижине убогой Стоит перед окном Стол ветхой и треногой С изорванным сукном» (ст. 25—28) и т. д. Ср. далее упоминание о «жесткой постели» (ст. 34).

Ст. 74—75. *Фантазия, тобою Одной я награжден...* и след. — Ср. фрагмент, посвященный «Фантазии-богине», в послании Жуковского «К Батюшкову».

Ст. 93. *Как узник из темницы...* — Возможно, что в этом и в последующих стихах есть следы чтения романса Жуковского (перевод из К. де Местра) «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» (ВЕ. 1813. № 3—4); ср., например, ст. 112 (у Жуковского: «Падут железные затворы»). См.: АН 1900—29. Т. 1. С. 26.

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК

(«Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных...»)

(С. 41 и 328)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) А. М. Горчакова (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 60) (Г) — без подписи; на бумаге с водяным знаком: «1812»; почерк ранний. Текст ранней редакции.

2) Тетр. Матюшкина (Мат).

3) Ф. Ф. Матюшкина в Лицейской тетради Пушкина (ЛТ) — с пропуском ст. 24, вероятно, по ошибке переписчика; с поправками Пушкина, дающими вторую редакцию стихотворения, и авторской датой: «(1814)». Переработка стихотворения Пушкиным не была закончена. Отдельные стихи напечатаны: Анн. Т. 2. С. 30; Якушкин. № 2. С. 436; АН 1899. С. 38—39; Примеч. С. 50—51; АН 1900—29. Т. 1. С. 33—34; Примеч. С. 53 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 29—30. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

4) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 259 (по ТЖ); РП. С. 12—13 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 259.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по копии Матюшкина в ЛТ; ст. 24 («У граций в отпуску и у любви в отставке»), рифмующийся со ст. 25 и, вероятно, случайно пропущенный при переписке, восстанавливается по поздней редакции; поздняя редакция печатается по ЛТ с учетом незавершенной правки 1817—1818 гг. М. А. Цявловский отнес правку по тексту копии Матюшкина в ЛТ к весне 1817 г. и, соответственно, поместил в основном корпусе (Акад. Т. 1. С. 44—45) текст ЛТ с учетом этой правки (кроме поправки в ст. 33, сделанной, по мнению Цявловского, позднее (предположительно, в 1818 г.) другим пером и чернилами). Предложенная Цявловским датировка пушкинской правки лицейским временем в данном случае не очевидна. Говоря о принципах выделения последних лицейских редакций, Цявловский и сам указывал, что стихотворение «Красавице, которая нюхала табак» «создает редактору почти неодолимые трудности для получения искомого текста» (см.: наст. т., с. 556). Положение стихотворения в ЛТ указывает на то, что копия была сделана в последние лицейские месяцы, после 10 марта 1817 г. (дата переписки стихотворения «Моему Аристарху» на л. 32 — см.: наст. т., с. 665). Вероятнее всего, правка в копии (судя по ее характеру (значительная переработка) и цвету чернил) относится к послелицейскому времени. Как показывают копии (все они восходят к тексту ЛТ до поправок), в лицейской среде была известна только первая редакция стихотворения.

Пушкинская правка не вошла также и в Ник, составлявшуюся в июне—начале июля 1817 г. (см. выше, с. 500) и в подавляющем большинстве случаев дающую последнюю лицейскую редакцию пушкинских текстов. Это позволяет с некоторой долей вероятности предположить, что поправки Пушкина на копии стихотворения в ЛТ были сделаны после составления Ник, т. е. не ранее середины июля 1817 г. Учитывая все сказанное выше, в настоящем издании последней лицейской редакцией стихотворения признается текст стихотворения до поправок.

Датируется 1814 г. на основании пометы Пушкина в ЛТ; написано, по-видимому, во второй половине апреля (см. ниже).

По свидетельству И. И. Пущина, адресат стихотворения — сестра А. М. Горчакова Елена Михайловна, в замужестве Кантакузина (1794—1854); согласно «Ведомостям о состоянии Лицея», она посетила Лицей 12 апреля 1814 г., что дает предположительную дату мадригала Пушкина (см.: Летопись 1991. С. 73; Пущин. С. 61).

Стихотворение читалось и за пределами Лицея: так, Н. А. Маркевич, однокашник Л. С. Пушкина по Благородному пансиону, критиковал его в разговоре с Л. С. Пушкиным (см.: П. в восп. 1985. Т. 1. С. 159).

Ст. 4 — 5. *Которых ты всегда любила И прежде всякий день носила...* — Возможно, неосознанная реминисценция из «Душеньки» (1778, 1783) И. Ф. Богдановича: «...гуляньe по лесам Особо Душенька любила И после каждый день ходила...» (*Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 80 (Б-ка поэта; Большая сер.)).

Ст. 13. *Пускай уже седой профессор Гетингена...* — В Геттингенском университете учились несколько профессоров и преподавателей Лицея (А. П. Куницын, И. К. Кайданов, Я. И. Карцов, М. С. Пилецкий-Урбанович), а также знакомых семьи Пушкиных (например, А. И. Тургенев). В 1826 г. Пушкин писал об истинном просвещении и положительных познаниях, которые вынес из Геттингена Н. И. Тургенев («О народном воспитании»); «душою прямо геттингенской» наделен Ленский в «Евгении Онегине». В настоящем стихотворении «профессор Гетингена» — условно-гротескное обозначение «немецкой», филистерской учености.

Ст. 36—39. *До тайных прелестей, которых сам Эрот ~ Открыть вместилище божественных красот.* — В этих стихах имеются лексические соприкосновения со стихотворением К. Н. Батюшкова «Привидение. *Из Парни*» (ВЕ. 1810. № 6): «Я увижу совершенство... Тайны прелести красот, Где сам пламенный Эрот Оттенил рукой своею Розой девственну лилею».

КОЗАК

(«Раз полунощной порою...»)

(С. 43 и 329)

Автограф (ПД 2; на отдельном листе из бумаг И. И. Пущина) — первая редакция, под заглавием: «Козак (подражание малороссийскому)» и надписью в конце: «Любезному Ивану Ивановичу Пущину от Автора». Напечатано: БЭ. 1858. Т. 1. № 10. Стб. 311—313 (публ. Е. И. Якушкина).

Копии:

1) А. М. Горчакова (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 61) (Г) — с подзаголовком: «Ехал козаче и пр.» и подписью: «1—14—16».
2) Тетр. Шереметева (Шер) — с подписью: «Пушкин».
3) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ).
4) Первый сб. из архива Помяловского ($Пом_1$) — с подзаголовком: «Баллада».
5) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$) — с подзаголовком: «Баллада».
6) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — только ст. 1, 37—40, 57—60.
7) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — с подзаголовком: «Баллада».
8) Первая тетр. из собрания Успенского ($Усп_1$) — с подзаголовком: «Баллада».

Копии 1, 2, 8 дают первую редакцию стихотворения; копии 3—7 — вторую (журнальную), с некоторыми разночтениями.

Копии 1, 2, 3—5 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 347—348 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Утраченные копии:

1) С. Д. Полторацкого (Плт). Напечатано: Анн. Т. 2. С. 92 (публ. П. В. Анненкова, которому сообщил строфу 3 первой редакции С. Д. Полторацкий).

2) Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф). Копия, которой пользовался П. В. Анненков (см.: Анн. Т. 2. С. 92), очевидно, давала вторую редакцию.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 1. № 3. С. 264—266, с подписью: «1... 14—16».

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по РМ.

Первая редакция на основании почерка автографа относится к апрелю—июлю 1814 г. Характер автографа (подносной экземпляр, с посвящением) позволяет думать, что он был изготовлен ко дню рождения Пущина — 4 мая (менее вероятно, к именинам — 9 мая); таким образом, датировка первой редакции может быть сужена до апреля 1814 г. Вторая редакция на основании подписи «1... 14—16» датируется маем—октябрем 1814 г. (см.: наст. т., с. 559—562, а также: Цявловский. Статьи. С. 84, 85).

Подзаголовок в копии Горчакова («Ехал козаче и пр.») связывает стихотворение с песней «Їхав козак за Дунай»; песню эту использовал А. А. Шаховской в «анекдотической опере-водевиле» «Козак-стихотворец», поставленной с музыкой К. А. Кавоса 15 мая 1812 г. (Петербург, придворный спектакль) и пользовавшейся необыкновенным успехом: с 28 мая 1814 г. шла ежемесячно (иногда по два раза); в 1815 г. вышло и отдельное издание текста (см.: ИРДТ. Т. 2. С. 483—484). Песня, исполняемая в водевиле героиней его Марусей, была широко известна и как самостоятельный текст: она вошла в «Собрание народных русских песен с их голосами» Н. Львова и И. Прача (СПб., 1790); в «Пантеоне российских авторов» (1802) Н. М. Карамзин упоминал о ней как о сочинении С. Климовского, популярном в обиходе образованного общества (см.: *Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 107); в 1812—1815 гг. эта песня была перепечатана в песенниках пятнадцать раз (см.: *Сперанский М. Н.* Малорусская песня в старинных русских печатных песенниках // Этногр. обозр. 1909. № 2—3. С. 143). К ней обращались и русские поэты (А. Ф. Мерзляков и др.). См. об этом: *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век—первая половина XIX века) // ЛН. Т. 91. С. 185. Пушкин видел «Козака-стихотворца» на сцене крепостного театра гр. В. В. Толстого в Царском Селе (возможно, с Натальей в роли Маруси; см. выше примеч. к стих. «К Наталье», с. 570). В заметке 1815 г. «Мои мысли о Шаховском» он дал весьма сдержанный отзыв о водевиле, отметив, однако, «замысловатые песни» и занимательность фигуры Маруси (Акад. Т. 12. С. 302). Песня «Їхав козак за Дунай» привлекала внимание и лицеистов; Кюхельбекер перевел ее на немецкий язык (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 209; ср.: *Прийма Ф.* Об одном немецком переводе украинской народной песни «Їхав козак за Дунай» // РЛ. 1960. № 3. С. 170—173). В сюжетном отношении она имеет отличия от «Козака»; близость текстов не выходит за пределы самого общего тематического сходства. Среди украинских песен, однако, зарегистрированы песни об уводе девицы казаком, с некоторыми частными мотивами, имеющимися и в первой редакции «Козака» (запрет матери знаться с мужчинами, просьба напоить коня («Вийди, вийди, кохананько, Дай коню води») и т. д.). См. об этом: *Сумцов Н. Ф.* А. С. Пушкин: Исследования. Харьков, 1900. С. 266—268; *Прийма Ф. Я.* Пушкин и украинское народно-поэтическое творчество // «И назовет меня всяк сущий в ней язык...»: Наследие Пушкина и литературы народов СССР. Ереван, 1976. С. 189. Указывались и другие песенные параллели: «В славнім городі Переяславі» (песня вошла в упоминавшееся выше «Собрание народных русских песен...» — см.: *Охрименко П. П.* А. С. Пушкин и украинское народно-песенное творчество // Филол. науки. Науч. докл. высш. школы. 1976. № 12 (92). С. 31—33); песня про «Казака и Кулину», написанная еще в начале

XVIII в. (см.: *Белецкий А. И.* Пушкин и Украина // Наук. зап. / Київ. держ. ун-т ім. Т. Г. Шевченка. 1954. Т. 13, вип. 2. Збірник філол. фак-ту. № 6. С. 67). Ср.: Песни и романсы русских поэтов // Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Е. Гусева. М.; Л., 1965 (№ 162, 665); *Смирнов Ю. И.* Восточно-славянские баллады и близкие им формы: Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988. № 70, 93.

Источник сведений Пушкина об украинском песенном творчестве не вполне ясен. Предположение Л. Н. Майкова, что поэт мог почерпнуть их от А. Д. Илличевского, отец которого был полтавским уроженцем (см.: АН 1899. Примеч. С. 86; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 89), — неподтвержденная гипотеза; более вероятно предположение С. А. Венгерова, указавшего на И. В. Малиновского, прозванного в Лицее «казаком»; у родителей его было имение в Харьковской губернии (см.: Венг. Т. 1. С. 166). Из лицеистов с Украиной был связан также А. И. Мартынов (см.: *Заславский И. Я.* Пушкин и Украина. Киев, 1982. С. 11).

Жанровое обозначение «баллада» в копиях, вероятно, возникло по аналогии с «Поляком» Дельвига, входившим, как и «Козак», в рукописные лицейские сборники и имеющим отчетливый балладный сюжет. В стихотворениях есть некоторые общие мотивы (всадник подъезжает к избушке и разговаривает с девицей, просит впустить его в дом, девушка отказывается, всадник настаивает и т. д.); оба текста могли ассоциативно связываться в читательском сознании как «баллады». 28 февраля 1816 г. А. Д. Илличевский сообщал П. Н. Фуссу, что посылает ему желаемую им балладу Дельвига «Поляк», которую Фусс ошибочно назвал «Козак»; в примечании он добавлял: «У нас есть и баллада „Козак", сочинение А. Пушкина. Mais: *on ne peut désirer ce qu'on ne connaît pas.* Voltaire, „Zaire"» ⟨Но: *нельзя желать того, чего не знаешь.* Вольтер, «Заира» — *фр.*⟩ (Грот. Пушкин 1899. С. 68). О балладе Дельвига Пушкин упоминал в 1815 г. в «Послании к Г⟨алич⟩у» («Где ты, ленивец мой?..») (см. ниже примеч. к ст. 125—126 этого стих., с. 645). Возможно, «Поляк» написан под воздействием Пушкина; со своей стороны, Пушкин позднее воспользовался некоторыми чертами его поэтики в «Воеводе» (1833) (см.: *Вацуро В. Э.* Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг.: (Разыскания) // Литературные связи славянских народов. Л., 1988. С. 37—42). В более позднее время «Козак» подвергся фольклоризации (см.: *Новикова А. М.* Русская поэзия XVIII—первой половины XIX века и народная песня. М., 1982. С. 145—147). Один из вариантов песни был записан М. А. Цявловским в 1934 г. от Е. И. Астаховой (урожд. Ржановой), 69 лет, жительницы Серпуховского уезда Московской губернии; песню она пела девочкой:

В чистом поле расстилает
Прегустой туман,
В темном лесе разъезжает
Молодой гусар.
Его шапка на бекрене,
Мундир весь в пыли,
И винтовка заряжена,
Шашка до земли.
Он уперся бородою,
Он сидел, дремал,
Черной шелковой уздою
Коня понукал.
Своротил конь в деревушку
Прямо к избушке.
— Уж ты милая любуша,
Дай коню воды.
— Я коня твоего не знаю,
Боюсь подойти.
— Ты коня мово забыла,
Так забудь меня.

Ст. 18. *Думал хват Денис...* — Имя казака, возможно, возникло по ассоциации с именем Дениса Давыдова; самый тип «хвата», удальца «донца» сделался в это время литературным.

ЛАИСА ВЕНЕРЕ, ПОСВЯЩАЯ ЕЙ СВОЕ ЗЕРКАЛО

(«Вот зеркало мое — прими его, Киприда!..»)

(С. 45 и 332)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) А. М. Горчакова (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 71) (Г) — с подписью: «—П—».

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — только заглавие: «Венере от Лаисы при посвящении ей зеркала» и ст. 1; для остальных стихов оставлено место.

Копия в Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф), которой пользовался П. В. Анненков (см.: Анн. Т. 2. С. 17), утрачена.

Впервые: ВЕ. 1814. Ч. 77. № 18. С. 117, без заглавия, с подписью: «—П—» (в составе статьи «Об эпиграмме и надписи древних», переведенной И. И. Пущиным). Авторство Пушкина раскрыто Пущиным (см. ниже).

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по ВЕ с восстановлением заглавия по копии Горчакова (в ВЕ контекст исключал возможность заглавия; извлеченное из статьи, стихотворение было сразу же озаглавлено, как свидетельствует копия Горчакова).

Датируется по времени выхода журнала (объявление о выходе — 23 сентября 1814 г.); учитывая сроки пересылки и печатания, стихотворение следует датировать временем не позднее августа 1814 г. (подпись: «—П—», в отличие от цифровых псевдонимов, не является датирующим признаком; см.: наст. т., с. 562, а также: Цявловский. Статьи. С. 87). Цензурное разрешение ч. 77 (№ 17—20) «Вестника Европы» — 14 августа 1814 г.; на этом основании Летопись 1991 все входящие в эту часть стихи Пушкина (наст. стих. — в № 18; «Опытность» — в № 19; «Блаженство» — в № 20) датирует апрелем—10 августа (наст. стих. — июнем (?)—10 августа) 1814 г. (с. 74, 76 и примеч. 28—30). Однако в издательской практике на сброшюрованной части обычно ставилась дата цензурного разрешения первой из входивших в нее книжек (в данном случае, по-видимому, № 17); материалы могли поступать в журнал и после получения общего разрешения и цензуровались дополнительно. Поэтому дата цензурного разрешения лишь условно может быть принята в качестве верхней хронологической границы и должна корректироваться датой выхода журнальной книжки.

Об истории стихотворения рассказывает И. И. Пущин: «Статью эту ⟨«Об эпиграмме и надписи древних»⟩ я перевел из Ла-Гарпа и просил Пушкина перевести для меня стихи, которые в ней приведены. Все это за подписью „П." отправил к Вл. Измайлову, тогдашнему издателю „Вестника Европы". ⟨...⟩ Измайлов ⟨...⟩ благодаря меня за переводы, просил сообщить ему для его журнала известия о петербургском театре: он был уверен, что я живу в Петербурге и непременно театрал, между тем как я сидел еще на лицейской скамье» (Пущин. С. 55—56). Перевод Пущина из «Лицея...» Лагарпа (см.: *Laharpe J.-F.* Lycée... Paris, 1799. T. 2. P. 185), напечатанный за подписью: «—ъъ—» («—П—» — подписан только перевод Пушкина), включил также опубликованные ранее переводы И. И. Дмитриева, К. Н. Батюшкова и два перевода А. Д. Илличевского (под инициалом: «И.»).

Стихотворение — перевод четверостишия Вольтера «Sur Laïs qui remit son miroir dans le temple de Vénus», входившего (как и другие образцы, также взятые Лагарпом из Вольтера) в цикл «Epigrammes imitées de l'anthologie grecque». Источник ее — эпиграмма Платона (427—347 до н. э.), входящая в Палатинскую антологию (VI, 1), где есть еще несколько близких по теме эпиграмм (VI, 18—20); известна также

латинская вариация этого сюжета, принадлежащая римскому поэту Авзонию (Ausonius, 309—394). Эпиграмма пользовалась популярностью во французской поэзии; ср. переводы ее С. Буффлера (Boufflers, 1737—1815), П.-О. Гюиса (Guys, 1720—1799) и других, а также русские переводы в «Лицее» 1806 г. (Т. 2, кн. 3, подпись: «Б—ий» ⟨Н. И. Бутырский⟩) и «Московском зрителе» 1806 г. (Ч. 2. № 6; подпись: «Б.» ⟨Б. К. Бланк⟩). См.: Античная поэзия в русских переводах XVIII—XIX вв.: Библиогр. указ. / Сост. Е. В. Свиясов. СПб., 1998. С. 154. Ср. также развитие ее мотивов в «Красоте» В. В. Капниста (1806; свободная вариация оды 10 из кн. IV «Carmina» Горация). Последнее стихотворение В. П. Гаевский безосновательно считал источником заключительных строк пушкинского стихотворения (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 166). См. также: АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 45—52; Венг. Т. 1. С. 120—122. Л. Н. Майков находил «весьма вероятным», что Пушкин «воспользовался именно переводом Гюи» (АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 50), однако сопоставление текстов не оставляет сомнения, что оригиналом для него было стихотворение Вольтера (см.: Томашевский. П. и Франция. С. 84). Пушкин распространил текст Вольтера, отойдя от антологической формы (см.: Заборов. С. 176—177).

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

(«Пускай, не знаясь с Аполлоном...»)

(С. 46 и 332)

Автограф (ПД 866) — с подписью: «Пушкин». Находился в архиве А. М. Горчакова. Напечатано: Акад. Т. 1. С. 348 (первоначальный вариант ст. 27; публ. М. А. Цявловского). Факсимильное воспроизведение: КА. 1936. Т. 6(79). С. 207—209.

Копии:

1) Тетр. Матюшкина (Мат).

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 267—268 (по утраченной ныне копии ТЖ); РП. С. 18—19 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф).

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 (Дол$_1$).

Копии 1 и 3 напечатаны: Грот. К лиц. стих. С. 242 (в виде вариантов).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 267—268.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник.

Датируется по содержанию (день, месяц). Год устанавливается по почерку, одинаковому с почерком Пушкина в переписанном им поздравительном триолете Дельвига («Триолет. Князю Горчакову») с датой: «30 августа. 1814 год» (ПД 1600). Написано ко дню именин Горчакова, 30 августа.

Адресовано лицейскому товарищу Пушкина князю Александру Михайловичу Горчакову (1798—1883). Впоследствии дипломат, канцлер, светлейший князь, в Лицее Горчаков считался исключительным по способностям и трудолюбию учеником. Оставил воспоминания о Пушкине, где склонен был (не всегда основательно) приписывать себе влияние на его творчество (П. в восп. Т. 1. С. 380—381). Принимал эпизодическое участие в лицейских литературных журналах («Юные пловцы», 1818; см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 141—142), однако проявлял себя главным образом как ценитель и собиратель литературного творчества своих товарищей; в его бумагах сохранились копии и автографы стихов Пушкина, Дельвига, Кюхельбекера. Горчаков искренно восхищался стихами Пушкина (см. его письма к родным: КА. 1936. Т. 6 (79). С. 175—206); в свою очередь Пушкин выделял Горчакова как самого «блестящего» лицеиста за пределами своего дружеского кружка (к числу близких друзей Пушкина Горчаков не принадлежал). Ему адресованы три послания Пушкина (настоящее;

«Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...» (1817); «Питомец мод, большого света друг...» (1819), а также строфы в «Пирующих студентах» (1814) и «19 октября» (1825)).

С т. 1—4. *Пускай, не знаясь с Аполлоном ~ Подносит оду в двести строф...* — Тема этих стихов была позднее варьирована в начальных строках послания «К Г⟨алич⟩у» («Пускай угрюмый рифмотвор...», 1815).

С т. 31. *Как древле Невскому герою...* — Т. е. как князю (с 1252 г. вел. кн.) Александру Ярославичу (ок. 1220—1263), прозванному Невским за победу над шведами на Неве (1240).

С т. 45. *...Ершовой...* — Имеется в виду Евдокия Семеновна Ершова (ок. 1782—после 1845), урожд. Жегулина, жена генерал-майора И. З. Ершова. В «Ведомостях о состоянии Лицея» отмечены посещения генерал-майорши 7, 14, 28 июня и 19 июля 1814 г. Должно быть, именно эта Ершова значится в списке лиц, которых изображал «паяс» М. Л. Яковлев (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 81).

ОПЫТНОСТЬ

(«Кто с минуту переможет...»)

(С. 48 и 332)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) А. М. Горчакова (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 64) (Г) — с подписью: «1—14—16».
2) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ).
3) Первый сб. из архива Помяловского ($Пом_1$).
4) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

Копии 1—4 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 348 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копия в Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф), которой пользовался П. А. Ефремов (см.: Ефр. 1903—05. Т. 1. С. III; Т. 8. С. 13), утрачена.

Впервые: ВЕ. 1814. Ч. 77. № 19. С. 179—180, с подписью: «1... 14—16».

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по ВЕ.

Датируется апрелем—началом сентября 1814 г. на основании подписи в ВЕ и Г (см.: наст. т., с. 560—562; Цявловский. Статьи. С. 85—87), а также по времени выхода в свет № 19 журнала (30 сентября 1814 г.).

С т. 8—10. *...дверь отворишь, Как проказливый Эрот Постучится у ворот.* — Образ Эрота, стучащегося в дверь, восходит к оде III Анакреона, известной по переводам М. В. Ломоносова («Ночною темнотою...», 1747; ср.: «Внезапно постучался У двери Купидон...»), Н. А. Львова («Любовь», 1794; ср.: «У дверей моих внезапно Постучал Ерот кольцом») — см.: Поэты XVIII века. Т. 2. С. 213 и др.

С т. 14. *За богинею слепою...* — Т. е. за Фортуной, богиней судьбы.

БЛАЖЕНСТВО

(«В роще сумрачной, тенистой...»)

(С. 49 и 332)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) А. М. Горчакова (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 63) (Г) — с подписью: «1... 14—16».
2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).

Впервые: ВЕ. 1814. Ч. 77. № 20. С. 275—277, с подписью: «1... 14—16».

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по ВЕ.

Написано не ранее апреля, когда Пушкин начал употреблять подпись «1... 14—16» (см.: наст. т., с. 560—562; Цявловский. Статьи. С. 85—87), и не позднее сентября 1814 г. (учитывая время пересылки, цензурования и подготовки к печати книжки журнала, вышедшей в свет 21 октября).

Ст. 11. *Эрмиев сын* — Пан. В книге И.-И. Эшенбурга—Н. Кошанского, служившей лицеистам в качестве учебного пособия по мифологии, Пан определяется как одно из наиболее почитаемых «нижних божеств», «бог стад, лесов, полей и пастушеской жизни», сын Меркурия (Гермеса, «Эрмия») и нимфы Дриопы, изобретатель «пастушеской свирели с шестью дудочками», чье «любимое место ⟨...⟩ пребывания» — Аркадия (отсюда его появление в идиллической сцене игры «влюбленного пастушка» на свирели). Внешний облик Пана («сатир») у Пушкина также соответствует описанию Кошанского («редко сие божество представляемо было в образе человеческом; обыкновенно имело вид *Сатира*: прямые, острые уши, малые рога, козьи ноги и все покрыто было шерстью»). Однако у Пушкина Пан отождествлен с «Сатиром»; по определению же Кошанского, «*Сатиры* у греков и *Фауны* у римлян» — лесные божества, «коих образ представляли в пол-человека и в пол-животного», они принадлежали «к свите *Вакха*» (отсюда атрибуты Вакха и вакхантов: «плющ на черных волосах») и не были тождественны Пану, олицетворявшему «*всю (το παν) Природу*», а близки «другим лесным божествам, называемым *Панами*, с козьими ногами; кои больше уподоблялись животным» (Ручная книга древней классической словесности ⟨...⟩ собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1817. Ч. 2. С. 70—72, 97—98).

Ст. 51—52. *Посмотри ж, как сок прозрачен Блещет, осветясь луной!* — Образ, по-видимому, восходит к «Веселому часу» Н. М. Карамзина (1791): «Да светлеет сердце наше, Да сияет в нем покой, Как вино сияет в чаше, Осребряемо луной!».

ЭПИГРАММА

(ПОДРАЖАНИЕ ФРАНЦУЗСКОМУ)

(«Супругою твоей я так пленился...»)

(С. 52)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА) — без заглавия и подзаголовка.

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$) — вместе со стихотворением «Арист нам обещал трагедию такую...», под общим заглавием: «Эпиграммы».

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — вместе со стихотворением «Арист нам обещал трагедию такую...» и «На Рыбушкина», под общим заглавием: «Эпиграммы».

Копия в Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф), которой пользовался П. В. Анненков (см.: Анн. Т. 2. С. 91), утрачена.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 1. № 1. С. 13, с подписью: «1... 14—16». Стихотворение помещено вторым из двух, объединенных под заглавием: «Эпиграммы» (первое — «Арист нам обещал трагедию такую...»).

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по РМ. Тексты копий идентичны тексту первой публикации.

Датируется апрелем—октябрем 1814 г. на основании подписи в РМ (см.: наст. т., с. 560—563, а также: Цявловский. Статьи. С. 85—87). Номер журнала вышел в свет 20 января 1815 г. (ценз. разр. — 22 декабря 1814 г.).

Стихотворение является свободным переводом эпиграммы Ж.-Б. Руссо (Rousseau, 1670—1741) «J'ai depuis peu vu ta femme nouvelle...». На ту же тему написаны эпиграммы французских поэтов Г. Кольте (Colletet, 1598—1659) и П. Крассуса (Crassous, 1768—1830). Источником этих эпиграмм является эпиграмма Иоанна Секунда (Johannes Secundus; наст. имя — Jan Everaerts, 1511—1536) на латинском языке. Знакомство Пушкина с эпиграммами Кольте и Крассуса мало вероятно, так как в 1810-е гг. эти поэты в России были почти неизвестны. См.: *Попов А.* Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII века // Пушкинист, II. С. 230—233; *Томашевский Б.* Заметки о Пушкине // Поэтика. Л., 1929. Вып. 5. С. 70—71.

К Н. Г. Л⟨ОМОНОС⟩ОВУ

(«И ты, любезный друг, оставил...»)

(С. 53)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст совпадает с первопечатным.

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — только ст. 1—4.

3) Тетр. Жуковского (ТЖ) — только ст. 5—12 и 23—26, под заглавием: «Путешественнику». Напечатано: Совр. 1839. Т. 13. С. 176 (публ. П. А. Плетнева); Посм. Т. 9. С. 389.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 1. № 3. С. 263, под заглавием: «К Н. Г. Л—ову» и с подписью: «1... 14—16».

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9 (в извлечениях: ст. 5—12, 23—26); Анн. Т. 2 (полностью).

Печатается по РМ.

Датируется апрелем—октябрем 1814 г. на основании подписи в РМ (см.: наст. т., с. 560—563, а также: Цявловский. Статьи. С. 85—87).

Стихотворение адресовано Николаю Григорьевичу Ломоносову (1798—1853), брату лицеиста С. Г. Ломоносова (см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и Н. Г. Ломоносов // Врем. ПК 20. С. 189—191; Черейский. С. 240). Имя адресата раскрыто впервые в Тетр. Лонгинова—Полторацкого (отд. «Анонимы и псевдонимы», кн. 2, л. 54); в печати — Генн. 1859. Т. 2. С. 10. Повод к написанию послания неизвестен. Стихотворение представляет собою аллегорию («жизнь — плавание»), созданную под непосредственным воздействием В. А. Жуковского (ср. его стихотворения «Путешественник» (1809, опубл. 1810), «Желание» (1811, опубл. 1813), «Пловец» (1812, опубл. 1813)). Стихи эти варьировали поэтическую фразеологию Шиллера; «Пловец» был одним из популярнейших стихотворений 1810-х гг., вызвавших подражания (ср., например, «Пловец» М. В. Милонова — СО. 1814. № 51. С. 226). Символика «плавания», «челнока», «бурного моря», обычная еще в поэзии XVIII в., в 1810-е гг. широко использовалась Жуковским в его философско-этических рассуждениях (см. примеч. Ц. С. Вольпе в кн.: *Жуковский В. А.* Стихотворения. Л., 1939. Т. 2. С. 372—373). К Жуковскому восходят и аллегорические понятия «судьба», «счастье» и др., выделенные курсивом.

Ст. 26. *Он в жизни хоть любить умел*». — Формула Э.-Д. Парни в «Разговоре поэта с музой» («Dialogue entre un poète et sa muse»): «Au moins il sait d'aimer».

К Б(АТЮШК)ОВУ

(«Философ резвый и пиит...»)

(С. 54 и 333)

Автограф (ПД 865) — беловой, в виде отдельной тетради, с надписью на л. 1: «Послание к Батюшкову. К⟨нязю⟩ Александру Горчакову от автора», с заглавием на л. 2: «К Батюшкову» и подписью: «НКШП»; текст первой редакции. Напечатано: КН. Т. 1. С. 387; ГИХЛ 1931. Т. 2. С. 524 (фрагмент, не вошедший во вторую, печатную редакцию — между ст. 71 и 72; публ. М. А. Цявловского). Воспроизведение: КА. 1937. Т. 1 (80). С. 48—59.

Копии:

1) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф). Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 239 (в виде вариантов).

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — текст первой редакции с пропуском ст. 93—101.

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — текст первой редакции с пропуском ст. 93—101, с датой под текстом: «814-го года».

Копия, которой пользовался П. В. Анненков (см. ниже), утрачена.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 1. № 1. С. 8—10, под заглавием: «К Б—ову» и с подписью: «1... 14—16». Фрагмент первой редакции, не вошедший во вторую, печатную редакцию (ст. 1—21): Анн. Т. 7. С. 53—54 1-й паг.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по РМ с исправлением по автографу опечатки в ст. 69 («Найдем бессмысленных поэтов» вместо «Найдем бесчисленных поэтов»).

Датируется (начиная с Анненкова) 1814 г., по времени первой публикации. Подписью «1... 14—16» Пушкин пользовался в апреле—октябре 1814 г. (см.: наст. т., с. 560—563, а также: Цявловский. Статьи. С. 85—87). В стихотворении есть след знакомства с «Моими пенатами» Батюшкова, вышедшими в начале июля 1814 г. в ч. 1, кн. 1 «Пантеона русской поэзии» (сообщение о выходе — СПбВед. 1814. 7 июля. № 54); таким образом, стихотворение может быть датировано июлем—октябрем 1814 г.

К. Н. Батюшков знал Пушкина в детстве; по свидетельству О. С. Павлищевой (Пушкиной), во время пребывания в Москве (январь—июнь 1810 и февраль—июль 1811 г.) он «принадлежал к числу нередких гостей» родителей поэта (П. в восп. Т. 1. С. 46). Поэзия Батюшкова оказала исключительное влияние на лицейскую лирику Пушкина (см.: *Майков Л.* Пушкин. СПб., 1899. С. 284—317; *Морозов П.* Пушкин и Батюшков // Венг. Т. 1. С. 144—154; *Элиаш Н. М.* К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина // ПиС. Вып. 19—20. С. 1—39; *Гершензон М. О.*: 1) Пушкин и Батюшков // Атеней. Л.; М., 1924. Кн. 1—2. С. 26—35; 2) Статьи о Пушкине. М., 1926. С. 115; Виноградов. Стиль П. С. 146—161; *Фридман Н. В.* Поэзия Батюшкова. М., 1971. С. 315—358; Томашевский. Пушкин, I — по указ.). Либо настоящее, либо второе послание к Батюшкову («В пещерах Геликона...», 1815) включено Пушкиным в перечень стихотворений конца 1816—начала 1817 г. для лицейского сборника (см.: Рукою П. 1997. С. 166; наст. т., с. 504—505).

Творческая история послания неизвестна. Возможно, поводом к нему было возвращение Батюшкова в Петербург из заграничного похода в июле 1814 г. (см.: Батюшков. Т. 3. С. 282). Начало послания — поэтический «вызов писать стихи» — традиционно; однако имеет и реальную основу. В 1810 г. Батюшков опубликовал более двадцати стихотворений; в 1811 г. — три; в 1812 г. — два, в том числе послание к Дашкову, где демонстративно отказывался от прежних, гедонистических тем. К моменту написания своего послания Пушкин уже был знаком с ч. 1 (кн. 1—2) «Пантеона русской поэзии», куда вошли «Воспоминания 1807 года», «Мои пенаты» (созданные ранее, в 1807—1812 гг., о чем Пушкину, по-видимому, было известно) и

несколько незначительных эпиграмм Батюшкова. В кн. 3 (ч. 2) этого издания (вышла в сентябре 1814 г.; см.: МВед. 1814. 22 авг. № 67. С. 1642; 30 сент. № 78. С. 1887) за подписью Батюшкова появились перепечатанное из «С.-Петербургского вестника» (1812. № 10) «Послание к Д. В. Д⟨ашкову⟩» и без подписи — «Разлука». Кн. 4 (ч. 2), где были напечатаны «Элегия. На развалинах замка в Швеции», «К Ж⟨уковско⟩му» (стихи 1812 г., связанные с «Моими пенатами») и «Пленный», вышла в ноябре или декабре 1814 г. (см.: МВед. 1814. 4 нояб. № 88; 19 дек. № 101), когда послание Пушкина было уже написано. Таким образом, в поле зрения Пушкина находились три книжки «Пантеона», где практически осуществлялся принцип, провозглашенный в послании к Дашкову. Если послание Пушкина писалось не ранее октября, возможно, что выход кн. 3 «Пантеона» был для него одним из стимулов.

Предполагается, что послание Пушкина стало известно Батюшкову и побудило его посетить Пушкина в Лицее и установить личное знакомство; предположение это основано на фразе Пушкина в письме к П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 г.: «Обнимите Батюшкова за того больного, у которого, год тому назад, завоевал он Бову-королевича». Дата этого визита определялась как 3—5 февраля (см.: Летопись. С. 73; Госл. в 10 т. Т. 1. С. 591 — коммент. Т. Г. Цявловской); в настоящее время обоснована более вероятная дата — 31 марта—2 апреля (см.: *Зорин А. Л.* К. Н. Батюшков в 1814—1815 гг. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 4. С. 376—377). Приблизительно в это же время Вяземский пишет Батюшкову о Пушкине как о знакомом ему лице (см.: *Измайлов Н. В.* Пушкин в переписке и дневниках современников // Врем. ПК 1962. С. 29—30; хронологические коррективы, предложенные В. А. Кошелевым (см.: *Кошелев В. А.* Константин Батюшков: Странствия и страсти. М., 1987. С. 201—203), не представляются достаточно обоснованными). См. также ниже примеч. к стих. «Батюшкову» («В пещерах Геликона...», 1815), с. 636.

Ст. 1—4. *Философ резвый и пиит ~ Наперсник милых аонид...* — Строки построены на фразеологии «Моих пенатов» Батюшкова. Ср. характеристику И. И. Дмитриева: «Философ и пиит» (ст. 210) — и далее: «Но вы, любимцы славы, Наперсники забавы, Любви и важных муз, Беспечные счастливцы, Философы-ленивцы...» (ст. 243—247). Ср. также ст. 20—34 и 69—148 «Моих пенатов».

Ст. 9. *Уже с венком из роз душистых...* и след. — Парафразы «Веселого часа» Батюшкова (ВЕ. 1810. № 4; СРС. 1811. Ч. 5. С. 261).

Ст. 11. *Под тенью тополов ветвистых...* — Ср. повторяющуюся в «Веселом часе» строку: «Под тенью тополей густою» (ст. 2, 18, 30, 76).

Ст. 18. *Певец Тиисский* — Анакреон (ок. 570—478 до н. э.), уроженец ионийского города Теоса. Формула восходит к Г. Р. Державину (ср., например, «Русские девушки», 1799).

Ст. 39. *Когда ж к тебе в досужный час...* и след. — Отзвук рассказов о пирушках у Ф. Ф. Иванова и П. А. Вяземского, где с конца 1809 до июля 1810 г. и с февраля до июля 1811 г. бывал Батюшков. Здесь собирались Жуковский, В. Л. и А. М. Пушкины, брат поэта Л. В. Давыдов, С. Н. Марин, Д. П. Северин и гр. М. Ю. Виельгорский; воспоминания о них отразились в «Веселом часе» и «Моих пенатах» (см.: Майков. Батюшков. С. 84 и след.; Батюшков. Т. 3. С. 86, 155, 674—675). Пушкин мог слышать о них от дяди. Этот фрагмент стихотворения Пушкина перекликается с посланием Вяземского «К партизану-поэту», адресованным Д. В. Давыдову и напечатанным только в апреле 1815 г. (Амфион. 1815. № 4. С. 71), но написанным, по-видимому, во второй половине 1814 г.; ср. у Вяземского: «Где чаши светлого стекла? ⟨...⟩ Сокрытый в них рукой целебной, Дар благодатный, дар волшебный Благословенного *Аи* Кипит, бьет искрами и пеной! ⟨...⟩ Ударим радостно и смело Мы чашу с чашей в звонкий лад!..» (*Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 75—76, 450—451 (Б-ка поэта; Большая сер.)). Сами формулы, однако, — общие места гедонистических посланий 1810-х гг. Ср. их, например, в хорошо известном Пушкину послании В. А. Жуковского «К Батюшкову» (1812; опубл.: ВЕ. 1813.

№ 9—10): «Вооружись фиалом, Шампанского напень, И стукнем в чашу чашей, И выпьем все до дна...» (ст. 12—15); ср. также «К Делию» Жуковского (ВЕ. 1810. № 3): «Стучим стаканами в стаканы И пьем из чистого стекла, В вине печалей всех забвенье!» (ст. 27—29).

Ст. 42. *От плена с треском свободясь...* — Строка, возможно, внушена стихотворением Д. О. Баранова «Любитель нынешнего света» (перевод «Le mondain» Вольтера; Аониды. М., 1797. Кн. 2): «Нектар, которого стесненный дух и пена, Со треском свободясь, обрызгивая всех, Звездами, искрами шипя, летит из плена» (СРС. 1811. Ч. 4. С. 91).

Ст. 53—54. *С Ж⟨уковским⟩ пой кроваву брань И грозну смерть на ратном поле.* — Имеется в виду «Певец во стане русских воинов» (1812) Жуковского.

Ст. 55—59. *И ты в строях ее встречал ~ Едва скошенный не увял!..* — Речь идет об участии Батюшкова в сражении под Гейльсбергом 29 мая (10 июня) 1807 г., где он был тяжело ранен; этот эпизод отразился в его стихотворении «Воспоминание» (в ранних публикациях и в «Пантеоне русской поэзии» — под названием «Воспоминания 1807 года»; между 1807 и 1809). Обращаясь к Батюшкову, Пушкин воспроизводит характерный для его элегий мотив «смерть — увядание», присутствующий, в частности, и в «Воспоминании»; ср.: «Едва ли на заре сей жизни не увяну» (ст. 22), «Усердный эскулап божественной наукой Исторг из-под косы...» (ст. 48—49).

Ст. 66—67. *Но Тредьяковского оставь В столь часто рушимом покое.* — Имеются в виду «Видение на берегах Леты» (1809) и «Певец ⟨...⟩ в Беседе Славено-Россов» (1813) Батюшкова, где неоднократно упомянут Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1769). По предположению Д. Д. Благого, совет «прекратить традиционные нападки на Тредиаковского» высказан Пушкиным под воздействием прочитанного им в посмертном собрании сочинений А. Н. Радищева (М., 1811. Ч. 4) рассуждения «Памятник дактилохореическому витязю» (1801), где Радищев выступил в защиту Тредиаковского (см.: Благой, I. С. 89). Возможно, впрочем, что Пушкин имел в виду самую тривиальность и неактуальность насмешек над Тредиаковским; в первой редакции послания (см. ниже) он предлагал Батюшкову более близкие объекты для сатиры.

Другие редакции и варианты

Ст. 72. *Скажи, по милости, Графону...* — Графон — граф Д. И. Хвостов (см.: АН 1899. Примеч. С. 69; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 71).

Ст. 73. *Ползком ползущу к Геликону...* — В Анн. Т. 7 «ползком ползущу» подчеркнуто, что у Пушкина нередко означает цитацию. В сочинениях Хвостова это выражение не отыскано; возможно, что Пушкин варьировал строки из его стихотворения «О красоте российского языка» (отд. изд. — СПб., 1814; ценз. разр. — 13 августа): «От стихотворного отстань ты ремесла, Ползущих на Парнас не умножай числа».

Ст. 80—82. *Что ⟨...⟩ невпопад Уродов выставя на сцену, Визжать заставил Мельпомену...* — В Анн. Т. 7 вместо точек — «Висковатов», что и было принято всеми редакторами. Степан Иванович Висковатов (1786—1831) — драматург и переводчик, член «Беседы любителей русского слова». К моменту написания стихотворения Пушкину могли быть известны постановки «Ипермнестры» (перевод трагедии А.-М. Лемьера, 1811), «Ксении и Темира» (1810), «Радамиста и Зенобии» (перевод трагедии П. Кребийона; изд. 1810, пост. 1812), «Спартака, героя Германии» (совместно с П. А. Корсаковым, подражание Б.-Ж. Сорену, 1814), драмы «Всеобщее ополчение» (1812) и особенно перевода-переделки «Гамлета» Шекспира—Дюсиса (изд. 1811, пост. 1811—1813) (см.: ИРДТ. Т. 2, по указ.). Вероятнее всего, однако, что в оценке Висковатова Пушкин опирался не на театральные впечатления, а на разбор Жуковским трагедии «Радамист и Зенобия» в переводе Висковатова, которому давалась безусловно отрицательная оценка; ср. также фразеологические совпадения:

«...имею ли разборчивое ухо, легко оскорбляемое скрыпом и визгом проклятых от Аполлона слов? враг ли я бомбаста? противна ли мне галиматья...» (ВЕ. 1810. № 22; подпись: «Ж.»; ср.: *Жуковский В. А.* Эстетика и критика. М., 1985. С. 256). Висковатов (наряду с А. Н. Грузинцевым) осмеивался и в куплетах, сочиненных А. Е. Измайловым в дополнение к «Певцу ⟨...⟩ в Беседе Славено-Россов» (1813) Батюшкова: «Театра нашего хвала, Грузинцев, Висковатов! Их Мельпомена родила На гибель сопостатов»; ср. также в принадлежащем А. Е. Измайлову «Разговоре в царстве мертвых» (приписывавшемся иногда Батюшкову) сатирическое упоминание о «Грузинцеве, Висковатове» (см.: Батюшков. Соч. 1934. С. 586—589). Пренебрежительная характеристика «визгливость» иногда обозначала экзальтированную чувствительность и могла относиться к элементам «мещанской драмы» в трагедиях Висковатова; однако Пушкина интересовал, по-видимому, более всего каламбурный эффект (ср. Висковатов — «Визгов» в «Городке», сатирическое прозвище «беседиста»).

Ст. 83—92. *Что Клит был добрый человек ~ Где нет лишь смысла одного...* — По предположению М. А. Цявловского, под Клитом подразумевается Державин. «Ключом» к такой расшифровке являются ст. 222—240 «Тени Фон-Визина». Под одами, «где здравый смысл вверх дном поставлен», «где вы навидитесь всего», «где все чудовища геенны, на жертву агнцы обреченны», разумеются «Гимн лироэпический на прогнание французов из отечества» (ЧБЛРС. 1813. Кн. 10; отд. изд.: СПб., 1813), «На смерть фельдмаршала князя Смоленского» (Там же. 1813. Кн. 13), «На победу при Лейпциге» (СО. 1813. № 46) и «На покорение Парижа» (СО. 1814. № 22; отд. изд.: СПб., 1814) (Цявловский. Коммент.). В «Гимне лироэпическом...» постоянны аллегорические изображения чудовищ преисподней; Наполеону, отождествленному с Люцифером, противопоставлен Александр, «агнец белорунный, Смиренный, кроткий, но челоперунный». Подобного рода картины и образы имеются и в других названных одах Державина. В частности, в оде «На покорение Парижа» Александр снова назван «агнцем» (Там же). М. А. Цявловский приводил также примеры из од других авторов, где общим местом было изображение Наполеона как исчадия ада и порождения «геенны», однако ни в одной из них не обнаружено упоминания об «агнце». По толкованию М. А. Цявловского, строки «тихонько проводил свой век...» (ст. 84—87) «намекают, очевидно, на такие горацианские стихотворения Державина, как „Жизнь Званская"» (Там же). Эта же расшифровка предложена и в Акад. (Т. 1. С. 506; Спр. том. С. 241 — «Клит», с. 185 — «Державин»); она, однако, не является до конца убедительной, ибо трудно согласуется с традиционно создававшимся обликом Державина как одического поэта, «Пиндара» (ср. в той же «Тени Фон-Визина» и др.). Адресат этих строк остается неясным.

Ст. 94—101. *Что неуклюжий славянин ~ Вот каково писать стихи!* — Речь идет о стихотворении одного из виднейших членов «Беседы любителей русского слова» кн. С. А. Ширинского-Шихматова (1783—1837), изданном отдельной брошюрой под заглавием «Сельский житель (1814 г. Месяц Цветень)». Стихотворение (37 строф) является апологией сельской жизни и хозяйственной деятельности помещика. «Изменником ревностных дружин» Шихматов назван потому, что считался в «Беседе...» «высоким», лирическим поэтом.

Ст. 99. *В деревню братьев приглашает...* — «Сельский житель...» посвящен брату автора П. А. Ширинскому-Шихматову (в 1850—1853 гг. — министр народного просвещения), к которому обращены последние строки стихотворения.

Ст. 100. *Сошел с ума — и в пастухи!* — Имеются в виду стихи «Сельского жителя...»: «Покоит тварей бессловесных И души милует скотов, Служащих для потреб телесных, Товарищей его трудов; Блюдет, чтоб здравые жилища Хранили оных бытие, Чтоб им не оскудела пища И не иссякло питие».

БОВА

(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)

(«Часто, часто я беседовал...»)

(С. 56 и 334)

Автограф ст. 202—254 (ПД 8) — беловой, с поправками; на бумаге 1813 г. (№ 8). Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 412 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 119—120 (в виде вариантов ранней редакции; публ. Л. Н. Майкова).

Копии:

1) Тетр. Матюшкина (Мат). Текст ст. 202—254 очень близок к автографу, с которого, вероятно, и сделана копия. Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 241—242 (в виде вариантов).

2) Тетр. Никитенко (Ник) — с подзаголовком: «Отрывок из поэмы». Текст более поздний, чем в Мат (устранена альтернативная строка к ст. 112, в ст. 187 — смысловое уточнение; см.: Другие редакции и варианты, с. 334—335). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 249—259 (по ТЖ); РП. С. 5—13 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Листы из Тетр. Матюшкина (Мтш) — только ст. 265—279. Текст идентичен Ник. Напечатано: Акад. Т. 1. С. 353 (ст. 269; публ. М. А. Цявловского).

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст близок к Ник; вероятно, к нему и восходит.

5) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$). Текст близок к $Дол_1$.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 249—258 (с редактурой В. А. Жуковского, цензурными изменениями в ст. 13, 56, 77—78, 106, 202—203, 206, 210, 227 и исключением по цензурным мотивам ст. 17—22, 26—27, 30—39, 48—52, 108, 178—180, 218 и 250).

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник с исправлением по Мат ошибок переписчика в ст. 120 («обритый шваб» вместо «обритый весь»), 166 («потянувшися» вместо «протянувшися»), 219 («Богородице» вместо «Богородицу»), 269 («покойна» вместо «спокойна»).

Датируется по почерку автографа сентябрем—октябрем 1814 г. Упоминание Наполеона как «Эльбы императора» (ст. 70) также укладывается в эту датировку, как и сообщение В. П. Гаевского, что Пушкин читал «Бову» на уроке А. И. Галича (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 350), преподававшего в Лицее с конца мая 1814 по 1 июня 1815 г. (см. ниже примеч. к стих. «К Г⟨алич⟩у» («Пускай угрюмый рифмотвор...»), с. 639).

По-видимому, еще в 1815 г. Пушкин намеревался продолжать поэму, но при свидании с К. Н. Батюшковым 31 марта—2 апреля 1815 г. (см. выше примеч. к стих. «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...»), с. 599) «уступил» ему этот замысел (ср. в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 г.: «Обнимите Батюшкова за того больного, у которого, год тому назад, завоевал он Бову-королевича»). В 1822 г. Пушкин вновь обратился к сюжету о Бове, сделав экстракт из «Истории итальянской литературы» П.-Л. Женгене (*Ginguené P.-L.* Histoire littéraire de l'Italie. Paris, 1812. Т. 4. P. 167—183) с изложением содержания романа («романтической поэмы») «Буово из Антоны» (XIV в.), сопроводив его отсылкой: «Остальное как в русской сказке» ⟨пер. с фр.⟩. Сохранились наброски начала новой поэмы и два плана, оставшиеся нереализованными. «Buovo d'Antona» как романтическое произведение, предшествующее поэмам Ариосто, Пушкин упомянул в письме к Вяземскому от 25 мая 1825 г. Об источниках сюжета Пушкин позднее беседовал с А. С. Хомяковым (см.: *Хомяков А. С.* Соч. М., 1904. Т. 8. Прил. С. 40). В 1834 г. Пушкин в третий раз возвращается к этому сюжету, набрасывает план и записывает два стиха (см.: Рукою П. С. 486—490; Рукою П. 1997. С. 458—462). Упоминания о Бове есть в целом ряде произведений Пушкина (см.: Акад. Спр. том. С. 115). См. также: *Фомичев С. А.* Пушкин и древнерусская литература // РЛ. 1987. № 1. С. 24—28.

Сказания о Буово из Антоны, впервые появившиеся во Франции, стали народной книгой во многих странах Запада (Италия, Англия и др.). Популярность в России они получили в конце XVI в.; в XVIII в. сказания о Бове русифицируются и фольклоризуются; в городском бытовании сближаются с авантюрной галантной повестью. В поэзии и критике XVIII в. «Бова» — обычное обозначение низкопробной литературы для простонародья; в демократической среде повесть получила широчайшее распространение как в устном обиходе, так и в рукописных сборниках и — позднее — в лубочных изданиях (см.: *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых ключей. М., 1964). В «Сне» (1816) Пушкин упоминает о рассказах «мамушки» «о мертвецах, о подвигах Бовы»; автобиографический характер отрывка позволяет думать, что в детстве он слышал сюжет в устной передаче (см. ниже примеч. к ст. 179 стих. «Сон. (Отрывок)», с. 704). На сюжетных мотивах повести основана завязка поэмы: убийство царя Гвидона (у Пушкина — Бендокир) Дадоном; женитьба последнего на вдове Гвидона Милитрисе и захват им престола, заключение сына Гвидона — Бовы, подготовка побега с помощью девушки Чернавки (у Пушкина — Зоя). Из повести взято также имя Полкана. Имя Дубыня (оно есть в русской сказке «Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня богатыри» (см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1984. Т. 1. № 141—142), отразившейся и в народных картинках (см.: *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 4. С. 133)) заимствовано, по-видимому, из послания Жуковского «К Воейкову» (ВЕ. 1814. № 6), где упоминается «косматый людоед Дубыня»; в свою очередь Жуковский взял его из «Русских сказок» В. А. Левшина (см.: *Жуковский В. А.* Стихотворения. Л., 1940. Т. 2. С. 494 (коммент. Ц. С. Вольпе)). «Ивашка» — герой народной сказки, известной в лубке и в литературных обработках XVIII—XIX вв. Ряд имен (Вихромах, Громобурь), видимо, придуман самим Пушкиным по моделям аналогичных имен в литературной волшебно-богатырской сказке.

Воздействие «Орлеанской девственницы» Вольтера, о котором идет речь в ст. 23—29, сказалось в шутливо-ироническом тоне повествования, с авторскими отступлениями, с экскурсами в современность (ст. 57—70), во введении сатирических сцен и в сходстве отдельных мотивов, сцен и действующих лиц (так, сцена появления призрака Бендокира находит аналогию в сцене появления перед Жанной св. Дениса; ст. 255—259, вероятно, подразумевают галантные похождения Агнесы; фигура пажа Светозара сопоставима с образом пажа Дюнуа и т. д.). Об авторе-повествователе в «Бове» см.: *Hielscher K.* A. S. Puškins Versepik: Autoren-Ich und Erzählstruktur. München, 1966. S. 30—40.

Непосредственно ориентирован «Бова» и на традицию русской богатырско-сказочной поэмы «в народном духе», прежде всего на «Илью Муромца» (1794) Н. М. Карамзина. «Русский стих» «Ильи Муромца» (четырехстопный хорей с дактилическими клаузулами) воспринимался как метрическое открытие и вызвал множество подражаний (ср. свидетельство А. Х. Востокова: СПб. вестн. 1812. № 6. С. 285). Другим образцом, на который ссылается Пушкин, была неоконченная поэма А. Н. Радищева «Бова. (Повесть богатырская стихами)» (1799), от которой сохранился прозаический план и первая песнь (Собрание оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева. М., 1806. Ч. 1. С. 5). «Бова» Радищева написан безрифменным четырехстопным хореем («Вслед ⟨...⟩ творцу „Тавриды"», т. е. С. С. Боброву) и по-своему отражает воздействие Вольтера. В «повести» Радищева Пушкин находил «достоинства» и позднее, отмечая оригинальность обрисовки характера, черты живости в рассказе, но упрекая автора за отсутствие «народности» («Александр Радищев», 1836). Прямых сюжетных соответствий с «повестью» Радищева в «Бове», однако, нет.

Сцена дремлющего совета отражает следы чтения «Трумфа» («Подщипы», 1798 или 1800) И. А. Крылова (см. ниже примеч. к ст. 72—139).

В «Бове» прослеживается целый ряд прямых и косвенных политических ассоциаций, прежде всего связанных с темой деспотизма и узурпации престола; есть сведения, что в XVIII в. сюжет о Бове иногда рассматривался как аллюзионный (см.: *Павлова Н. Г.* Сказка «Бова» у Радищева и Пушкина как вид политической сатиры // Звенья.

Т. 1. С. 532—538), однако аллегорическое толкование «Бовы» не имеет достаточных оснований (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 45—46), а попытка установить конкретные прототипы (см.: *Павлова Н. Г.* Указ. соч. С. 533—536) совершенно неубедительна (см.: Цявловский. Статьи. С. 93).

Ст. 1. *Часто, часто я беседовал...* и след. — Вступление к поэме ориентировано на вступление к «Орлеанской девственнице» Вольтера и близко перефразирует начало «Ильи Муромца» Карамзина («Не хочу с поэтом Греции Звучным гласом Каллиопиным Петь вражды Агамемноновой С храбрым правнуком Юпитера; Или, следуя Вергилию, Плыть от Трои разоренныя...»).

Ст. 2. *С болтуном страны Эллинския...* — Ироническая характеристика Гомера восходит к «Орлеанской девственнице» («ce bavard d'Homère» ⟨«этот болтун Гомер» — *фр.*⟩ — гл. X, абз. 11).

Ст. 4—5. *С Шапеленом и с Рифматовым воспевать героев Севера.* — Жан Шаплен (Chapelain, 1595—1674) — французский поэт, автор эпопеи «Девственница, или Освобожденная Франция», осмеянной Н. Буало и Вольтером; «Орлеанская девственница» написана как пародия на поэму Шаплена. Рифматов — сатирическое обозначение С. А. Ширинского-Шихматова (см. выше примеч. к ст. 37—38 стих. «К другу стихотворцу», с. 580), автора лирических поэм «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807) и «Петр Великий» (1810); не исключается, однако, и намек на вторую часть поэмы «Рассвет полночи...» С. С. Боброва, носящую название «Бранноносные и миролюбивые гении России, или Герои севера в лаврах и пальмах» (1804); название это пародировалось и в «Видении на берегах Леты» Батюшкова («виноносный гений») (см.: *Семенников В. П.* Радищев: Очерки и исслед. М.; Пг., 1923. С. 244). Одновременно стихи отсылают и к лицейскому быту: по рассказу М. А. Корфа, «Герой Севера» — название одной из «длинных трагедий в стихах» лицейского гувернера и учителя рисования С. Г. Чирикова, которые «ходили и читались ⟨...⟩ в рукописи»; заглавие это стало прозвищем автора, «и этот собрикет очень льстил его самолюбию» (Грот. Пушкин 1899. С. 233; см. также: *Тынянов Ю.* Заметки о лицейских стихах Пушкина. ⟨...⟩ 2. «Герой Севера» // П. Врем. [Т.] 1. С. 202).

Ст. 6. *Несравненного Виргилия...* — С этим эпитетом Вергилий упомянут в «Епистоле II» («О стихотворстве») (1747) А. П. Сумарокова.

Ст. 10—12. *Разбирал я немца Клопштока ~ Не хотел я воспевать, как он...* — Речь идет о «Мессиаде» («Der Messias», 1751—1773, рус. пер. — 1785—1787), религиозной поэме Фридриха Готлиба Клопштока (Klopstock, 1724—1803). Увлечение Клопштоком в Лицее испытал В. К. Кюхельбекер (в 1814 г. ему было прислано из дома издание «Мессиады» — см.: ЛН. Т. 16—18. С. 332) и, под его воздействием, А. А. Дельвиг; в воспоминаниях о Дельвиге Пушкин упоминает о его совместных с Кюхельбекером чтениях Клопштока («Дельвиг», 1834; см. также выше примеч. к стих. «Несчастие Клита», с. 577). Ср. в лицейских «национальных песнях» обращение к Дельвигу: «С Вилей Клопштока читай» — и обозначение Кюхельбекера «наш Клопшток» (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 222, 225; ср. также с. 93). Иронизирование над Клопштоком носит полемический характер.

Ст. 15. *За Мильтоном и Камоэнсом...* — Характеристика эпических поэм Джона Мильтона (Milton, 1608—1674) «Потерянный рай» (1667) и Луиша Камоэнса (Camões, 1524(1525?)—1580) «Лузиады» (1572) опирается на «Орлеанскую девственницу».

Ст. 18. *Херувимов жарить пушками...* — Ироническое изложение эпизода борьбы ангелов с бесами в «Потерянном рае» см. у Вольтера в песни XI «Орлеанской девственницы»; в примечании Вольтер писал: «Мильтон в пятой ⟨правильно: шестой⟩ песни „Потерянного рая" уверяет, что часть ангелов, взбунтовавшись, сделала порох и пушки и повергла в небесах наземь легионы своих собратьев; а те взяли в небесах сотни гор, взвалили их себе на спины вместе с лесами, росшими на этих горах, и реками, с них стекавшими, и бросили реки, горы и леса на вражескую артиллерию.

Это один из наиболее правдоподобных отрывков во всей поэме» (*Вольтер.* Орлеанская девственница; Магомет: Философские повести. М., 1971. С. 257—258).

Ст. 19—21. *С сатаною обитать в раю, Иль святую богородицу Вместе славить с Афродитою.* — В примечании 4 к песни III Вольтер замечает, что у Мильтона «дьявол проходит через рай глупцов» (*Вольтер.* Указ. соч. С. 246); о том же он писал и в «Опыте об эпической поэзии» (гл. IX). Там же (гл. VI) о Камоэнсе говорится: «Я узнаю, что один переводчик Камоэнса утверждает, что в этой поэме Венера обозначает св. Деву и что Марс, по-видимому, Иисус Христос. ⟨...⟩ Эта новая аллегория все объяснит; не будет уже так удивительно, если Гама во время бури обратит свои молитвы к Иисусу Христу, а Венера явится ему на помощь. Вакх и Дева Мария естественно окажутся вместе» (*Voltaire.* Œuvres complètes. Paris, 1902. T. 8. P. 27; ср.: Цявловский. Статьи. С. 94—96; см. также: *Покровский М. М.* Пушкин и античность // П. Врем. [Т.] 4—5. С. 32—35). М. П. Алексеев как на один из возможных источников сведений раннего Пушкина о Мильтоне и Камоэнсе указывал на поэму Э.-Д. Парни «Потерянный рай» («Le paradis perdu», 1805) (см.: Алексеев. Пушкин. С. 309). Уже после создания «Бовы» Пушкин слушал лекции по эстетике П. Е. Георгиевского, где Мильтон и Клопшток приводились в пример «высокого» в «изображениях неба и ада» (см.: КА. 1937. Т. 1 (80). С. 192—194).

Ст. 30. *О Вольтер! о муж единственный!..* — Парафраза обращения к Вольтеру в «Бове» Радищева: «О Вольтер, о муж преславный!».

Ст. 33. *В Риме дьяволом, антихристом...* — Имеется в виду неприязнь высших кругов католического духовенства к Вольтеру, выступавшему против клерикализма.

Ст. 34. *Обезьяною в Саксонии!* — Реальный источник этой строки не выяснен. Речь идет, по-видимому, о резком конфликте Вольтера с Фридрихом II (впрочем, не в Саксонии, а в Пруссии), результатом которого был ряд антивольтеровских памфлетов. Эпитет «обезьяна» (а также «обезьяна-тигр») в конечном счете восходил к формулам самого Вольтера, определявшего так национальные характерологические особенности французов; позднее эпитет приобрел резко негативный и даже бранный оттенок. В лицейские годы эпитет для Пушкина должен был ассоциироваться с его собственным прозвищем — «француз», «обезьяна», «смесь обезьяны с тигром» (что также означало «француз»). См.: Томашевский. Пушкин, II. С. 111; *Лотман Ю. М.* «Смесь обезьяны с тигром» // Врем. ПК 1976. С. 110—112; Заборов. С. 83, 132.

Ст. 36—38. *Ты, который на Радищева ~ Будь теперь моею музою!* — Ср. в «Илье Муромце» Карамзина: «Ты, которая, как бы Протей, Всякий образ на себя берешь ⟨...⟩ Будь теперь моей богинею...».

Ст. 38—39. *Петь я тоже вознамерился, Но сравняюсь ли с Радищевым?* — Ср. в «Бове» Радищева: «Без складов она ⟨повесть⟩, без рифмы Вслед пойдет творцу „Тавриды", Но с ним может ли сравниться!!».

Ст. 48—52. (*Так, бывало, верноподданны ~ Почивали с камергерами*). Ср. в «Орлеанской девственнице» упоминание о нравах Генриха III и его фаворитов: «...смеясь, покидает свою Кларису для пажа» (песнь XIII, абз. 18).

Ст. 59—70. *Вы слыхали, люди добрые ~ Ныне Эльбы императором...* — Речь идет о Наполеоне; «Эльбы императором» («le souverain de l'île d'Elbe») он был объявлен 11 апреля 1814 г. (по европейскому стилю) и находился на острове с мая 1814 по 15(27) февраля 1815 г.; известие о его бегстве с Эльбы было получено в Петербурге 13 марта 1815 г. (см.: Летопись 1991. С. 90).

Ст. 72—139. *Раз, собрав бородачей совет ~ Захрапели многомысляще!* — Ср. «Трумф» Крылова (д. 1, явл. 7—8). См. ниже примеч. к ст. 207 «Городка. (К***)», где упоминаются те же сцены «Трумфа» (с. 629). Мотив созыва бесполезного совета восходит к сказочному фольклору (см., например: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. № 140). Об этом в связи с традицией комментирования «Бовы» см.: *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность: Избр. статьи. М., 1976. С. 159—160.

Ст. 140. *Долго спать было советникам...* — Ср. в «Илье Муромце» Карамзина: «Долго б спать мне непрерывным сном, Юный рыцарь! (говорит она)...».

Ст. 152. *И чихнул герой с досадою...* — Другая сюжетная реминисценция из «Трумфа» (д. II, явл. 9 — эпизод с «чиханием»).

Ст. 252—254. *Но, имея чувства нежные, Зоя втайне согласилася На такое предложение.* — По-видимому, ироническая парафраза Карамзина («Витязь Геснера не читывал, Но, имея сердце нежное, Любовался красотою дня...») и Радищева («Бова нежно имел сердце...»).

⟨ЭПИГРАММА⟩

(«Арист нам обещал трагедию такую...»)

(С. 63 и 335)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА) — без заглавия. Напечатано: Акад. Т. 1. С. 46 (публ. М. А. Цявловского).

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — первая в числе трех «Эпиграмм» (вместе с эпиграммами «Супругою твоей я так пленился...» и «На Рыбушкина»).

Копия в Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф), которой пользовался П. В. Анненков (см.: Анн. Т. 2. С. 91), утрачена.

Тексты копий идентичны.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 1. № 1. С. 13, с подписью: «1... 14—16», под общим заглавием: «Эпиграммы» со стихотворением «Супругою твоей я так пленился» (см.: наст. т., с. 52).

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по СЛС.

Датируется сентябрем (не ранее 21)—октябрем (до 8) 1814 г. на основании подписи в РМ (см.: наст. т., с. 560—563; Цявловский. Статьи. С. 85—87) и по содержанию (см. ниже).

По осторожному предположению М. А. Цявловского, адресатом эпиграммы мог быть Петр Александрович Корсаков (1790—1844), брат лицеиста Н. А. Корсакова, служивший в театральной дирекции помощником члена репертуарной части, драматург и переводчик, поддерживавший связи с лицеистами (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 54, а также ниже примеч. к ст. 21 стих. «Mon portrait», с. 623). О дальнейших контактах Пушкина и Корсакова см.: Черейский. С. 207. 24 апреля 1814 г. состоялась премьера трагедии Корсакова «Амбоар и Оренгцеб, или Нашествие моголов», в пяти действиях, «в стихах с хорами», по утверждению П. Арапова, не имевшей большого успеха (см.: *Арапов П.* Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 220) и после нескольких постановок (22 мая, 17 июля, 17 сентября) не возобновлявшейся (см.: ИРДТ. Т. 2. С. 453). См. об этом: Цявловский. Коммент.; Акад. Т. 1. С. 508; Спр. том. С. 248 (имя П. А. Корсакова здесь отмечено знаком вопроса как раскрываемое предположительно). Обстоятельства театральной жизни 1814 г. и содержание эпиграммы позволяют, однако, с большой степенью вероятности указать на иного адресата эпиграммы, именно на В. В. Капниста с его трагедией «Антигона», поставленной 21 сентября и повторенной 8 октября 1814 г. (см.: ИРДТ. Т. 2. С. 453). О трагедии Капниста (бывшей его дебютом на трагической сцене) в литературных кругах знали задолго до премьеры: еще в 1809 г. Капнист сообщал Н. И. Гнедичу, что «сделался из комедиеписателей плачевным трагиком» (*Капнист В. В.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 455), а в 1812 г. посылал ее текст В. А. Озерову. О своей прямой ориентации на «Эдипа в Афинах» Озерова Капнист писал в предисловии к трагедии; ранее, в 1804 г., он печатно приветствовал «Эдипа в Афинах» (в его послании «Владиславу Александровичу Озерову» есть традиционные формулы, варьированные в тексте эпиграммы: «Ты дал почувствовать отрадным слез потоком, Который из очей всех зрителей извлек, Что к сердцу близок нам несчастный человек» — Там же. Т. 1. С. 182). Озеров дал

критический отзыв о трагедии (см.: Там же. Т. 2. С. 469—475). Капнист посылал текст также Г. Р. Державину и А. С. Шишкову (их отзывы неизвестны). Весной 1814 г. трагедия готовилась к постановке; ролью Антигоны заинтересовалась Е. С. Семенова, которая даже «выпросила «Антигону» в свой бенефис (см. письма Капниста к Гнедичу от апреля—мая 1814 г. и к жене от 8 мая — Там же. Т. 2. С. 486—487). Все это должно было обострить интерес к трагедии в театральных кругах, о чем и говорят ст. 1—4 эпиграммы. Спектакль, однако, был встречен холодно; в «Сыне отечества» появилась критическая рецензия (1814. № 39. С. 43), а вслед за нею — три автоэпиграммы Капниста на неудачу «Антигоны» (1814. № 40. С. 69—70). Ответом на них была эпиграмма за подписью «Н. Н.»:

Арист, прежалкую скомпоновавши драму,
С досады на нее в свет выдал эпиграмму.
Друзья! поплачьте вы об нем:
Сам на себя, бедняжка, поднял руки.
Пустое! это штуки!
Он режется тупым ножом!
(СО. 1814. № 41. С. 113).

Осенью 1814 г. Капнист полностью переработал трагедию, создав вторую редакцию (о творческой истории «Антигоны» см. коммент. Г. В. Ермаковой-Битнер в кн.: *Капнист В. В.* Избранные произведения. Л., 1973. С. 595—598 (Б-ка поэта; Большая сер.); текст первой редакции, поставленной в 1814 г., и коммент. к ней см.: *Капнист В. В.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 447—491, 755—757).

Эпиграмма Пушкина текстуально связана с эпиграммой «Н. Н.», начиная с условного имени адресата (созвучие «Арист» — «Капнист», по-видимому, было одним из ключей к расшифровке) и вплоть до совпадения формулы «прежалкая ⟨...⟩ драма».

Предположение, что эпиграмма «Н. Н.» могла быть источником пушкинской, порождает, однако, ряд трудностей в интерпретации: становится неясным назначение пушкинской парафразы и ее запоздалое появление (оценка «драмы» Капниста уже после того, как отрицательное отношение к ней было признано самим автором). Более вероятно, что пушкинская эпиграмма была написана по свежим следам постановки, но публикация ее задержалась. Есть основания думать, что эпиграмма «Н. Н.» была написана после пушкинской и автор ее знал пушкинский текст, который перефразировал в первых строках своего отклика; сам «Н. Н.», вероятно, принадлежал к лицейской среде, где подобного рода эпиграмматические «циклы» широко практиковались (ср. аналогичный случай — эпиграммы «На Пучкову» в наст. т.). Косвенным аргументом в пользу лицейского происхождения эпиграммы «Н. Н.» является фразеологическое совпадение в ней с анонимной лицейской эпиграммой «На потопление К⟨юхельбекера⟩»: «Клит бросился в реку. Поплачьте о поэте...» (РЭ. С. 346), возможно представляющее собой автореминисценцию. Ни в одном лицейском сборнике эпиграмма «Н. Н.», впрочем, не зарегистрирована.

Пушкинская эпиграмма написана, таким образом, либо до, либо сразу после 8 октября 1814 г. — даты выхода № 41 «Сына отечества»; последняя дата представляется менее вероятной. См.: *Ваццуро В. Э.* Загадочная эпиграмма Пушкина // Рус. речь. 1992. № 3. С. 12—17.

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ

(«Друзья! досужный час настал...»)

(С. 64 и 335)

Автограф (ПД 17) — беловой, с поправками в пяти стихах, сделанными, видимо, в процессе переписывания; на бумаге 1815 г. (№ 98). Датируется концом 1816 г. по почерку и по соседству с перечнем стихотворений Пушкина, относящимся к концу 1816—началу 1817 г. (тем же почерком). Напечатано: Аснаш, Яхонтов. С. 439—444; АН 1899. Примеч. С. 57 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 59 (в виде вариантов по

отношению к ЛТ; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 82—83. Факсимильное воспроизведение: В память пятидесятилетия кончины А. С. Пушкина. СПб., 1887. Прил.; Рукоп. П. Изд. О. К.

Копии:

1) Лицейская тетрадь (ЛТ). Текст рукой И. И. Пущина с датой: «1814» и незавершенной правкой Пушкина, относящейся к 1818 г.; у заглавия Пушкиным поставлен крест — знак, что стихотворение требует доработки. Напечатано: АН 1899. С. 52—55; Примеч. С. 57 и АН 1900—29. Т. 1. С. 46—49; Примеч. С. 59 (публ. Л. Н. Майкова; копия ошибочно принята за автограф); Брюсов. Лиц. стихи. С. 31. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Неизвестного лицеиста (ПД 3) (N). Авторизованная копия (подпись-автограф: «Пушкин»); на бумаге 1814 г. (№ 101).

3) Сб. стихотворений лицейских поэтов из архива Горчакова (Гор).

4) Альбом Горчакова (Грч) — под заглавием: «К студентам».

5) Тетр. Матюшкина (Мат). Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 239 (в виде вариантов по отношению к Ефр. 1903—05).

6) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ).

7) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 337—341 (по ТЖ); РП. С. 66—69 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

8) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «К студентам».

9) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

10) Сб. Остафьевского архива, № 8 (Ос) — под заглавием: «К студентам».

11) Тетр. Полторацкого (Полт).

12) Тетр. Тихонравова (Тих) — под заглавием: «К студентам». Текст тот же, что и в Грч (при тексте имеются замечания, указывающие, к кому из лицеистов относится та или иная строфа, — см. ниже). В конце тетради: «Пропуски из стихотворения „К студентам"» (дополнения из так называемой второй редакции; см. ниже).

13) Сб. Алмазова (Алм) — под заглавием: «Отрывок из послания к студентам».

Копии 2—5, 8, 10, 12 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 350—352 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копия, принадлежавшая Н. В. Гербелю, по которой он опубликовал несколько стихов, в том числе ст. 68 с разночтением, не встречающимся в других текстах (см.: Герб. С. 135), утрачена.

Наиболее ранняя из известных редакций (обозначим ее как «первую») зафиксирована в авторизованной копии N; вторая — в автографе и копиях 3, 5—7, 9, 11. Третью редакцию («К студентам») дают копии 4, 8, 10—13. Тексты копий третьей редакции идентичны, с незначительными разночтениями, в абсолютном большинстве представляющими собой ошибки переписчиков.

Переработку второй (последней лицейской) редакции Пушкин начал в 1818 г. в копии ЛТ, вычеркнув ст. 81—88. Последующий ход работы над текстом не документирован автографами и восстанавливается лишь гипотетически. В Грч «К студентам» входит в число стихотворений преимущественно 1818—1819 гг., переписанных одной рукой и, по-видимому, единовременно (среди них есть также несколько лицейских стихотворений и единичные — 1820 г.). Эта группа стихотворений была просмотрена Пушкиным, как можно думать, во время его встречи с А. М. Горчаковым в сентябре 1825 г. у Пещуровых (см.: Летопись 1991. С. 563). В нескольких копиях Пушкин сделал поправки; стихотворение «К студентам» было оставлено без изменений (см.: Рукоп. П. 1937. С. 176—177).

Третья редакция не содержит нового авторского текста; в ней произведены лишь сокращения и композиционные изменения, имеющие, однако, целенаправленный характер. Здесь была продолжена правка, начатая в ЛТ: вслед за ст. 81—88 исключены и ст. 73—80 строфы 8, относящиеся к Н. А. Корсакову, а также фрагмент, посвященный М. Л. Яковлеву (ст. 57—60); заключительные его строки, говорящие об особенно тесных дружеских отношениях, оказались переадресованными И. И. Пущину. Таким образом, третья редакция содержала обращение лишь к четырем лицеистам:

А. А. Дельвигу, А. М. Горчакову, И. И. Пущину и И. В. Малиновскому (и в заключении — к В. К. Кюхельбекеру), составлявшим накануне выхода из Лицея ближайшее окружение Пушкина. Именно этот круг имен будет повторен в первой редакции стихотворения «19 октября» (1825) (в окончательной редакции исключена строфа о Малиновском; см.: *Городецкий Б. П.* «19 октября» (1825) // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 57—70). В новой редакции было строго выдержано и число строк (80), что соответствует десяти восьмистишиям; во второй редакции — двенадцать восьмистиший и дополнительно четыре стиха.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 337—341, под заглавием: «Пирующие друзья», с цензурными пропусками и изменениями.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по автографу с исправлением пунктуации по N; поздняя редакция («К студентам») — по Грч с исправлением по автографу описок в ст. 8 («Фольянт над фолиантом» вместо «Фолиант над фольянтом»), 10 («Мы полем овладеем» вместо «Мы полем овладели»), 39 («И вылей сотню эпиграмм» вместо «И вылей солью эпиграмм»), 47 («Придвиньте ж пенистый стакан» вместо «Придвинь же пенистый бокал», с нарушением рифмы), 78, 80 («Ты с виду всех трезвее» вместо «Ты с виду всех трезвей», «Чтоб мне заснуть скорее» вместо «Чтоб мне заснуть скорей», с нарушением правила альтернанса). Разночтения копий, которые могут восходить к авторским вариантам, см.: Другие редакции и варианты, с. 335—336.

Датируется первой половиной октября 1814 г. Год устанавливается на основании пометы в ЛТ. Так как «президентом» пирушки изображен А. И. Галич, преподававший в Лицее с конца мая 1814 г. (см.: Летопись 1991. С. 75), стихотворение не могло быть написано ранее этого времени. Из воспоминаний Пущина (см. ниже) известно, что только что написанных «Пирующих студентов» Пушкин читал своим товарищам в лазарете, где он в 1814 г. находился со 2 по 7 января, с 4 по 7 февраля и с 12 по 14 октября (см.: Летопись 1991. С. 70, 71, 82). Поздняя редакция относится к 1818—1819 гг.

«Пирующие студенты» пародийно воспроизводят форму «Певца во стане русских воинов» (1812) В. А. Жуковского. Возможно, одним из образцов для Пушкина был «Певец ⟨...⟩ в Беседе Славено-Россов» (1813) К. Н. Батюшкова, также пародийный «перепев» очень популярного стихотворения Жуковского. Известна, кроме того, «лицейская песня» «В лицейском зале тишина...», описывающая школьный быт в метрических формах «Певца во стане русских воинов» (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 217—218).

О первом чтении стихотворения рассказывал И. И. Пущин: «Нельзя не вспомнить сцены, когда Пушкин читал нам своих „Пирующих студентов". Он был в лазарете и пригласил нас прослушать эту пиэсу. После вечернего чая мы пошли к нему гурьбой с гувернером Чириковым.

Началось чтение:

Друзья! досужный час настал,
Все тихо, все в покое — и пр.

Внимание общее, тишина глубокая по временам только прерывается восклицаниями. Кюхельбекер просил не мешать, он был весь тут, в полном упоении... Доходит дело до последней строфы. Мы слышим:

Писатель! за твои грехи
Ты с виду всех трезвее:
Вильгельм! прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

При этом возгласе публика забывает поэта, стихи его, бросается на бедного метромана, который, растаявши под влиянием поэзии Пушкина, приходит в совершенное одурение от неожиданной эпиграммы и нашего дикого натиска. Добрая душа был этот Кюхель! Опомнившись, просит он Пушкина еще раз прочесть, потому что и тогда уже плохо слышал одним ухом, испорченным золотухой» (Пущин. С. 61).

Ст. 6—7. *...почто же с Кантом Сенека, Тацит на столе...* — В вариантах также Платон, Плиний. Имена греческих и римских философов и историков, а также Иммануила Канта — более или менее случайные обозначения ученых, «холодных мудрецов», не свидетельствующие о специальном знакомстве с их творчеством. Имя Луция Аннея Сенеки младшего (ум. 65 н. э.) иногда употреблялось для характеристики античного стоицизма (ср. в «Стансах к Н. М. Карамзину» (1793) И. И. Дмитриева: «Прочь от нас Катон, Сенека! Прочь угрюмый Эпиктет!..»). Кант упоминается также в лицейских «национальных песнях» («...развернут Кант И модный франт Душит его собою»; ср. также ироническую ссылку на «Кантово определение любви» в письме А. Д. Илличевского к П. Н. Фуссу от 16 января 1816 г. — Грот. Пушк. лицей. С. 60, 225).

Ст. 19. *А вам, спартанцы...* — К «спартанцам» Пушкин относил, в частности, В. Д. Вольховского (ср. в «19 октября» (1825): «...спартанскою душой пленяя нас...»).

Ст. 21—28. *Апостол неги и прохлад ~ Завидовать студентам.* — Стихи посвящены А. И. Галичу, преподававшему русскую и латинскую словесность; в его комнате происходила пирушка (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 350). О Галиче см. ниже примеч. к стих. «К Г⟨алич⟩у» («Пускай угрюмый рифмотвор...»), с. 639. Словосочетание «нега и прохлада» традиционно для русской гедонистической лирики (ср. у Батюшкова в «Моих пенатах» (1811—1812) при описании дружеских ужинов у Вяземского: «...в час неги и прохлады...»; ср. также в стихотворении Вяземского «К подруге» (1815): «для неги и прохлад»).

Ст. 29—36. *Дай руку, Дельвиг! что ты спишь? ~ Парнасский волокита.* — О взаимоотношениях Пушкина с Дельвигом см. ниже примеч. к стих. «К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...», 1815) и «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...», 1817), с. 646 и 749—750.

Ст. 37—40. *Остряк любезный! по рукам! ~ На недруга и друга.* — Об адресате этих строк существуют различные предположения. В Тих против этих строк помета: «Илличевский». В. П. Гаевский (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 351) и последующие комментаторы (ср., например: Акад. Спр. том. С. 216; Худ. лит. в 10 т. Т. 1. С. 688) также называли А. Д. Илличевского (см. ниже примеч. к стих. «В альбом Илличевскому», с. 757), имевшего репутацию остроумца, автора многочисленных эпиграмм (ср. в лицейском «Хоре по случаю рождения почтенного поэта нашего Алексея Дамиановича Илличевского»: «Ты родился — эпиграммы Полились на весь народ...» — Грот. Пушк. лицей. С. 193; образцы эпиграмм Илличевского см. там же, по указ.; ср. также РЭ, по указ.). По-видимому, к нему же относится и характеристика «милый остряк» в ст. 131 «Послания к Г⟨алич⟩у» («Где ты, ленивец мой?..») (1815). С другой стороны, близкая репутация была и у Дельвига, о котором Илличевский писал П. Н. Фуссу 28 февраля 1816 г.: «Странно, что человек такого веселого, шутливого нрава (ибо он у нас один из лучших остряков) не хочет блеснуть на поприще эпиграмм» (Грот. Пушк. лицей. С. 63); на этом основании Б. В. Томашевский предполагал в Дельвиге адресата всей строфы (см. коммент. в изд.: *Пушкин А. С.* Соч. Л., 1936. С. 852; также: Томашевский. Пушкин, I. С. 697, 701). Окончательное разрешение вопроса в настоящее время затруднительно.

Ст. 41—48. *А ты, красавец молодой ~ На брань благословляю.* — В определении адресата также существуют расхождения. Наиболее вероятно, что речь идет об А. М. Горчакове (ср. помету в Тих: «Горчаков»; см. также: *Якушкин Е. И.* По поводу последнего издания сочинений Пушкина // БЗ. 1858. Т. 1. № 10. Стб. 310; Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 351; Грот. Пушк. лицей. С. 20). Некоторые исследователи — П. О. Морозов (см.: Мор. 1887. Т. 1. С. 32), Л. Н. Майков (см.: АН 1899. Примеч. С. 63; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 63), П. А. Ефремов (см.: Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 49), В. Я. Брюсов (см.: Брюс. С. 15) — относили эти строки к С. Ф. Броглио, — однако, как известно из лицейских воспоминаний и песен, Броглио не был красив (см.: *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды // Звенья. Т. 5. С. 131). В пользу Горчакова свидетельствует и дальнейшая творческая история стихотворения.

Ст. 49—56. *Товарищ милый, друг прямой ~ И тотчас помиримся.* — Имеется в виду И. И. Пущин (см.: Пущин. С. 54).

Ст. 57—60. *А ты, который с детских лет Одним весельем дышешь ~Хоть плохо басни пишешь...* — Строки адресованы Михаилу Лукьяновичу Яковлеву, славившемуся в Лицее своей веселостью и талантом имитатора (ср. его лицейское прозвище «Паяс»). Писал басни, которые помещались в «Вестнике Европы» (1814) и в «Российском музеуме» (1815), а также в лицейских журналах (см.: *Гаевский В. П.* Дельвиг: Статья 1-я // Совр. 1853. Т. 37. № 2. Отд. III. С. 75—76). Несмотря на ироническое отношение к басням Яковлева, Пушкин, по воспоминаниям С. Д. Комовского, поощрял его в этом роде творчества (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 93).

Ст. 61. *С тобой тасуюсь без чинов...* — По-видимому, галлицизм (от фр. se tasser — находиться в тесной близости); о разных толкованиях слова «тасуюсь» см.: АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 65—66. В поздней редакции переадресовано Пущину.

Ст. 65—72. *А ты, повеса из повес ~ И пить давайте снова!..* — Строки адресованы И. В. Малиновскому (в Тих помета: «Малиновский»), за свой вспыльчивый нрав получившему в Лицее кличку «Казак» (ср., например, «национальные песни» — Грот. Пушк. лицей. С. 225). Этим и объясняется предложенный тост «за здравие Платова» — Матвея Ивановича Платова (1751—1818), генерала, атамана донских казаков, прославившегося в войне 1812 г.

Ст. 73—80. *Приближься, милый наш певец ~ Нет, пьяный лишь смеется!* — Речь идет о Николае Александровиче Корсакове (1800—1820), талантливом музыканте, игравшем на гитаре и сочинившем еще в Лицее три романса на стихи Пушкина («Песня», «К живописцу» и «К Маше»). Близкая характеристика Корсакова — в стихотворении «19 октября» (1825): «...кудрявый наш певец, С огнем в очах, с гитарой сладкогласной...».

Ст. 81—84. *Не лучше ль, Роде записной ~ Расстроенной скрыпицы?* — Пьер Роде (1774—1830) — известный в свое время скрипач и композитор, живший в 1803—1807 гг. в России и бывший здесь первым придворным скрипачом. Кто имеется в виду в этой строфе — не вполне ясно. Н. Гастфрейнд (см.: *Гастфрейнд Н.* Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицею: Материалы для словаря лицеистов 1-го курса. 1811—1817 гг. СПб., 1912. С. 427—428), а затем М. А. Цявловский (см.: Акад. Спр. том. С. 468) считали адресатом Яковлева, игравшего на скрипке (Л. Н. Майков (см.: АН 1899. Примеч. С. 65 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 67) относил эти строки к Корсакову).

Ст. 90. *Арак* — водка. Возможно, в этом словоупотреблении сказалось знакомство Пушкина с широко известными «бурцовскими» посланиями Д. Давыдова (ср.: «Ради Бога и... арака Посети домишко мой» — «Бурцову. Призывание на пунш», 1804; «В благодетельном араке зрю спасителя людей» — «Бурцову», 1804); оба послания в 1815 г. А. М. Горчаков переписал для А. Н. Пещурова (см.: КА. 1936. № 6(79). С. 179—181).

Ст. 97—100. *Писатель за свои грехи! ~ Чтоб мне заснуть скорее.* — Имеется в виду В. К. Кюхельбекер. Пунктуация в ст. 97 различается в разных копиях; соответственно меняется смысл строки. В Посм. и ряде последующих изданий печаталось: «Писатель! за свои грехи» (попытку обоснования этого чтения см.: Венг. Т. 1. С. VI); принятое здесь чтение (см. его обоснование: Ефр. 1903—05. Т. 1. С. IV) поддерживается авторизованными копиями.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

(«Навис покров угрюмой нощи...»)

(С. 69 и 337)

Автографы:

1) ПД 5 — беловой, из бумаг Г. Р. Державина (помета Я. К. Грота: «Из № 9 Державинских тетрадей. 1815»); был поднесен поэту Пушкиным (АвД). Последняя

известная допечатная редакция. В ст. 1 исправлено (рукой Державина?) «ночи» на «ноши». Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 89 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 91—92 (разночтения с РМ; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 34; Грот. Пушк. лицей. С. 321—327. Факсимильное воспроизведение: Рукоп. П. Изд. О. К.

2) В Тетр. Жуковского, между л. 773 и 774 (по писарской нумерации л. 729—732) — беловой, с поправками; до 1938 г. хранился в Гос. музее А. С. Пушкина в Москве, ныне утрачен; фотокопия ст. 1—19: ПД, ф. 244, оп. 1, Прил., № 1 (см.: Рукоп. П. 1964. С. 86) (АвТЖ). Первоначальный текст (до поправок) — первая редакция; с поправками — текст, близкий к АвД. Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 88 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 90—91 (разночтения с РМ; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 33—34.

Копии:

1) Ф. Ф. Матюшкина (?) (ПД 4) (Мт). Текст авторизован Пушкиным, вписавшим и ряд новых вариантов.

2) Неизвестного лицеиста из архива А. М. Горчакова (ПД, ф. 244, оп. 4, № 206) (N) — без заглавия, с подписью: «А. Пушкин».

3) Тетр. Всеволожского (Вс) — без ст. 9—16, 161—168. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 25—26 (публ. Б. В. Томашевского).

4) Тетр. Шереметева (Шер) — только ст. 17—30 (на обрывке листа).

5) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Воспоминание в Царском Селе», позднее выправлена карандашом по печатному тексту, с примечанием Долгорукова: «Сочинитель читал сие творение на экзамене 1815-го году на 16-м году своего возраста в присутствии незабвенного Г. Р. Державина, к которому относятся последние две строфы. Державин встал с своего места, обнял молодого поэта и пророчил ему счастие и славу».

6) Тетр. Полторацкого (Полт) — с описками и пропуском ст. 157—160.

7) Первая тетр. из собрания Нейштадта (Нейш$_1$) — под заглавием: «Воспоминание в Царском Селе» и с подписью: «А. П.», с описками.

8) Тетр. Жуковского (ТЖ) — копия с утраченного автографа АвТЖ. В тексте учтена произведенная в автографе правка; ошибки переписчика выправлены карандашом неизвестной рукой.

Копии 1, 2, 4 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 355—356 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копия в Цензурной рукописи Ст 1826 (ЦР), которой пользовался П. В. Анненков (см.: Анн. Т. 2. С. 97), утрачена.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 2. № 4. С. 3—9, с подписью: «Александр Пушкин» (первое стихотворение, напечатанное за полной подписью Пушкина). Примечание редактора: «За доставление сего подарка благодарим искренно родственников молодого поэта, которого талант так много обещает». К ст. 41—43 сноска: «В честь графу А. Г. Орлову-Чесменскому», — вероятно, редакторская, так как в автографах ее нет. Ст. 48 напечатан с ошибкой («улились» вместо «улеглись»), перешедшей отсюда и в копию Вс. Номер вышел в свет 17 апреля 1815 г.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по РМ; поздняя редакция — по Вс, с исправлением в обоих случаях ст. 48 по АвД и Мт.

Датируется октябрем—ноябрем 1814 г. (первая редакция), декабрем 1814 г. (последняя лицейская редакция). Обоснование датировок см. ниже.

По воспоминаниям самого Пушкина (запись в дневнике от 17 марта 1834 г. — Акад. Т. 12. С. 322), написать «Воспоминания в Царском Селе» его «заставил» А. И. Галич «для экзамена 1814 года», т. е. испытания для перевода лицеистов с «младшего» трехлетнего курса на «старший». Экзамен должен был состояться в октябре 1814 г., но был отложен; 10 декабря А. Д. Илличевский писал П. Н. Фуссу: «...мы ожидаем экзамена, которому бы давно уже следовало быть» (Грот. Пушк.

лицей. С. 43). В октябре—ноябре было закончено стихотворение, еще не имевшее последних двух строф (ст. 161—176). По предположению Б. В. Томашевского, они были дописаны, когда выяснилось, что на экзамене будет присутствовать Державин (см.: Акад. в 10 т. (2). Т. 1. С. 475); М. А. Цявловский связывал их происхождение с появлением (в рукописи) послания В. А. Жуковского к Александру I («Императору Александру»), посланного из Долбина А. И. Тургеневу 1 декабря 1814 г. (см.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 139); по его допущению, послание могло стать известным Пушкину через Тургенева (см.: Цявловский. Коммент.). Оба предположения остаются гипотетическими: в ожидании Державина естественно было бы адресовать стихи ему, а не Жуковскому (ср. ниже об изменении ст. 163); с другой стороны, знакомство Пушкина с неизданными стихами Жуковского в декабре 1814 г. проблематично, более того, есть основания предполагать, что позднее знакомство с ними было одной из причин переработки стихотворения (см. ниже). Как бы то ни было, последние строфы были написаны именно в декабре. По сообщению В. П. Гаевского, стихи Пушкина предварительно рассматривались начальством, были представлены графу А. К. Разумовскому и прочтены при нем на репетиции публичного экзамена (2—6 января) (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 368). Публично стихи были прочитаны на экзамене по «российскому» языку 8 января в присутствии С. С. Уварова, А. И. Тургенева, С. Л. Пушкина и др., а также Державина. И. И. Пущин вспоминал, что «читал Пушкин с необыкновенным одушевлением»: «Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегает у меня. Когда же патриарх наших певцов в восторге, со слезами на глазах бросился целовать его и осенил кудрявую его голову, мы все под каким-то неведомым влиянием благоговейно молчали. Хотели сами обнять нашего певца, его уже не было: он убежал!..» (Пущин. С. 60). Об этом эпизоде сохранилось несколько свидетельств. Сам Пушкин упомянул о нем в «Table-Talk»: «Я прочел мои *Воспоминания в Ц⟨арском⟩ С⟨еле⟩*, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...» (Акад. Т. 12. С. 158). Ср. также в послании «К Жуковскому» (наст. т., с. 182) и в гл. VIII «Евгения Онегина» (строфа II). Согласно некоторым мемуаристам, Державин объявил Пушкина своим прямым наследником, «вторым Державиным» (*Аксаков С. Т.* Знакомство с Державиным // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 318); ср.: «Державин, прочтя первые стихи Пушкина, понял будущего поэта и сказал (С. Т. А⟨ксако⟩ву): „Вот кто заменит Державина"» (*Глинка Ф. Н.* Воспоминания о пиитической жизни Пушкина (1837) // Избр. произведения. Л., 1957. С. 425); см. также воспоминания Н. А. Маркевича: «Я слышал, что будто бы Державин сказал: „Вот кто займет мое место"» (П. в восп. 1985. Т. 1. С. 157). Эта идея легла в основу обращенного к Пушкину лицейского стихотворения А. А. Дельвига «На смерть Державина» (1816). См. также рассказ В. П. Гаевского, основанный, видимо, на сообщении М. Л. Яковлева (Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 370). В своих «Замечаниях...» на биографию Пушкина в «Портретной и биографической галерее» С. Л. Пушкин передавал свой разговор с Державиным после экзамена: «...бессмертный певец бессмертной Екатерины благодарил тогда моего сына и благословил его поэтом... Я не забуду, что за обедом, на который я был приглашен графом А. К. Разумовским, бывшим тогда министром просвещения, граф, отдавая справедливость молодому таланту, сказал мне: „Я бы желал, однако же, образовать сына вашего к прозе". „Оставьте его поэтом", — отвечал ему за меня Державин с жаром, вдохновенный духом пророчества» (ОЗ. 1841. Т. 15. № 4. Особ. прил. С. II; П. в восп. Т. 1. С. 455—456). Вероятно, вскоре после экзамена Пушкин преподнес Державину переписанное им стихотворение (Грот. Пушкин 1899. С. 299; см. выше описание автографа ПД 5); в этом тексте ст. 163 переделан таким образом, что вся строфа оказалась обращенной не к Жуковскому, а к Державину («Как древних лет певец, как лебедь стран Еллины»). «Лебедь» здесь — метафора поэтического дарования; «лебедем Авзонии» называли

Горация; сам Гораций уподоблял лебедю Пиндара. Образ был распространен как раз в обращениях к М. В. Ломоносову и Державину (ср. в «Певце во стане русских воинов» Жуковского) и прямо ассоциировался с «Лебедем» (1804) Державина — свободной переработкой оды 20 кн. II Горация. В послании Дельвига «К А. С. Пушкину», написанном, как считал С. М. Бонди, в связи с чтением на экзамене «Воспоминаний в Царском Селе» (см.: *Бонди С. М.* Три заметки о Пушкине // Пушкинист, IV. С. 42—46), образ «лебедь цветущей Авзонии» ассоциировался с самим Пушкиным (см.: Алексеев. П. и мировая лит. С. 174—193).

Другой экземпляр стихотворения был отправлен Пушкиным дяде в Москву, где в это время (с середины января до 7 марта) находился и Жуковский (см.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 135, 142). П. И. Бартенев со слов И. В. Киреевского передавал, что «в один день Жуковский пришел к друзьям своим и с радостным видом объявил, что из Петербурга присланы прекрасные стихи. Это были „Воспоминания в Царском Селе". Он принес их с собою, читал вслух, останавливался на лучших местах и говорил: „Вот у нас настоящий поэт!"» (*Бартенев П. И.* Александр Сергеевич Пушкин: Материалы для его биографии // МВед. 1854. 2 окт. № 118; перепечатано: *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 84). Во второй половине января—начале февраля 1815 г. Вяземский писал Батюшкову: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо, и все тут. Его „Воспоминания" вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картине. Дай Бог ему здоровия и учения, и в нем будет прок, и горе нам. Задавит, каналья! Василий Львович, однако же, не поддается и после стихов своего племянника, которого он всегда прочтет со слезами, не забывает никогда прочесть и свои, не чувствуя, что по стихам он племянник перед тем» (*Лотман Ю. М.* Историко-литературные заметки: Неизвестный отзыв о лицейском творчестве Пушкина // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1960. Вып. 98. Тр. по рус. и слав. филологии. III. С. 311—312; *Измайлов Н. В.* Пушкин в переписке и дневниках современников // Врем. ПК 1962. С. 29—30 — уточнение датировки). Высказывалось предположение (основанное на стилистическом анализе вариантов), что Жуковский принял непосредственное участие в редактировании стихотворения для публикации (см.: *Коровин В. И., Макаров А. А.* Этапы развития русской поэзии: Жуковский и Пушкин // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века. М., 1988. С. 210—211); фактических данных, однако, для этой гипотезы недостаточно. «Воспоминания в Царском Селе» положили начало юношеской известности Пушкина (ср. также свидетельство Маркевича — П. в восп. 1985. Т. 1. С. 157); вскоре после публикации они были помещены в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (СПб., 1817. Ч. 6. С. 213—221; 2-е изд. СПб., 1822. Ч. 6. С. 191—198; в обоих изданиях с ошибкой в ст. 48); третья перепечатка (с ошибками в ст. 48 и 116) — в кн.: Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах / Сост. И. Пенинский. СПб., 1834. Ч. 2. С. 473—479.

В конце 1816—начале 1817 г. Пушкин включил «Воспоминания в Царском Селе» в список стихов для намечавшегося сборника (ч. 1, раздел «Лирические стихотворения»; см.: Рукою П. 1997. С. 165; наст. т., с. 504), а в конце 1819—начале 1820 г. — во Вс. Редактура текста во Вс во многом диктовалась политическими причинами: оппозиционные настроения Пушкина в 1819 г. заставили его убрать строфу об Александре I (ст. 161—168) и похвалы ему в остальном тексте стихотворения (см.: *Томашевский Б. В.* Тетрадь Всеволожского // Лет. ГЛМ. С. 70—71; ср.: Томашевский. Пушкин, I. С. 63; Благой, I. С. 109). Этот текст, который затем Пушкиным не правился, должен был войти в Ст 1826. Однако, готовя сборник, Пушкин колебался, включать ли в него стихотворение, и 27 марта 1825 г. писал брату: «Не напечатать ли в конце *Воспоминания в Ц⟨арском⟩ С⟨еле⟩* и с Notoй, что они писаны мною 14-⟨ти⟩ лет — и с выпискою из моих Записок (об Державине), ась?» (Акад. Т. 13. С. 159). Эта фраза в письме зачеркнута, и сверху надписано: «Нет». В первой половине мая, однако, Пушкин вновь пишет брату: «Тиснуть *Сарское Село* и с нотой» (Акад. Т. 13. С. 175). Согласно этому распоряжению, стихотворение было включено

в Цензурную рукопись Ст 1826 (ЦР) и не было вычеркнуто Пушкиным при окончательном просмотре оглавления Ст 1826, присланного ему Плетневым в письме от 26 сентября 1825 г. В Ст 1826 «Воспоминания в Царском Селе» должны были (с датой: «1814») открывать раздел «Разные стихотворения» (соответственно во Вс рукою Л. С. Пушкина против заглавия помечено: «1-ая»). В том же письме Плетнев писал Пушкину: «Лев мне сказывал, что у тебя есть прелюбопытные примечания к *Воспом⟨инаниям⟩в Цар⟨ском⟩ Селе. Пришли их...*» (Акад. Т. 13. С. 232, 234—235). Пушкин, однако, изменил свое намерение, и в Ст 1826 «Воспоминания...» не вошли, как и во все последующие сборники (по свидетельству П. В. Анненкова, в ЦР стихотворение было вычеркнуто — см.: Анн. Т. 2. С. 32). По предположению Б. В. Томашевского, одной из причин этого исключения был почти демонстративный характер изменений известного текста, относящегося к Александру I; гипотеза о цензурном вмешательстве (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 63) не имеет пока документальных подтверждений. К теме стихотворения Пушкин вернулся в 1829 г. в «Воспоминаниях в Царском Селе» («Воспоминаньями смущенный...»).

Стихотворение обычно соотносили с одической поэзией Державина (ср. утверждения С. П. Шевырева: Москвитянин. 1841. Ч. 5. № 9. С. 255). Однако Пушкин ориентировался прежде всего на историческую элегию Батюшкова; воздействие Батюшкова обнаруживается в жанровой природе стихотворения (вплоть до характерного названия; ср. «Воспоминания 1807 года», 1809; «Воспоминание», 1814), в строфике (ср. «На развалинах замка в Швеции», 1814), а также в поэтической фразеологии (см.: Виноградов. Стиль П. С. 123—124; Благой, I. С. 104—106; Томашевский. Пушкин, I. С. 56—63; Томашевский. Строфика П. С. 91—93; *Vickery W.* «Воспоминания в Царском Селе» (1814) и «Памятник»: К вопросу о строфике // Slavic poetics: Essays in honor of Kiril Taranovski. Mouton — The Hague; Paris, 1973. P. 485—497). Ср. также: *Стенник Ю. В.* Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995. С. 43 и след.

Ст. 7—8. *И тихая луна, как лебедь величавый, Плывет в сребристых облаках.* — По-видимому, отголоски поэтической фразеологии Батюшкова; ср. в «Моих пенатах»: «Наш лебедь величавый, Плывешь по небесам» (ст. 179—180).

Ст. 11. *Аллеи древних лип открылись пред очами...* — Липовые аллеи Екатерининского парка, примыкающего к дворцу, упомянуты Пушкиным в стихотворениях «Царское Село», 1819 («Веди, веди меня под липовые сени...») и «Недвижный страж дремал на царственном пороге...», 1824 («сарскосельские липы»).

Ст. 13. *Здесь, вижу, с тополом сплелась младая ива...* — Реалия царскосельского ландшафта. Дряхлую иву на берегу пруда А. А. Ахматова видела еще в 1890-х гг. (см.: *Герштейн Э. Г., Вацуро В. Э.* Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Врем. ПК 1970. С. 38).

Ст. 17—20. *С холмов кремнистых водопады ~ Там в тихом озере плескаются наяды Его ленивою волной...* — Описание ориентировано на Державина (ср. «холм кремнистый» в «Водопаде» и «Персее и Андромеде»); аллегорическое упоминание плескающихся наяд в так называемом Большом пруде Царского Села («озеро»), возможно, восходит к «Душеньке» И. Ф. Богдановича: «В водах плескаючись, наяды Нетерпеливо ждали там...» (кн. II) (см.: *Никольский Б. В.* Академический Пушкин // ИВ. 1899. № 7. С. 212). Ср. также в «Послании к г⟨рафу⟩ В⟨елеурско⟩му» Батюшкова: «Наяды робкие, всплывая над водой, Восплещут белыми руками...» (1809; опубл. 1815, уже после стихотворения Пушкина).

Ст. 21. *А там в безмолвии огромные чертоги...* и след. — Речь идет о Камероновой галерее — части архитектурного ансамбля, созданного Ч. Камероном (1740—1812) в 1780—1795 гг. (см.: *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина // П. Врем. [Т.] 6. С. 118).

Ст. 24. *Минерва Росская* — Екатерина II. Эта и последующие перифрастические и метафорические формулы традиционны для одического стиля XVIII в. (Ломоносов, Державин и др.; см.: *Уварова И. В.* Влияние эстетики классицизма на лицейскую лирику А. С. Пушкина // Статьи о литературе. Краснодар, 1966. С. 8—9, 10, 13).

Ст. 27. *Где, льва сразив, почил орел России мощный...* — Лев — геральдическая метонимия Швеции, имевшей в гербе изображение льва. Речь идет о русско-шведской войне, в результате которой к России были присоединены территории, включавшие Царское Село (1702—1704).

Ст. 33—34. *Здесь каждый шаг в душе рождает Воспоминанья прежних лет...* — Ср. в элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (ПРП. 1814. Ч. 2, кн. 4): «Все тихо: мертвый сон в обители глухой. Но здесь живет воспоминанье...» (ст. 17—18).

Ст. 41. *Он видит: окружен волнами...* и след. — Описывается Чесменская колонна, воздвигнутая в 1771—1778 гг. посреди Большого пруда по проекту А. Ринальди в честь знаменитой победы в Чесменской бухте (25—26 июня 1770 г.), где был разгромлен турецкий флот. Русскими войсками командовали А. Г. Орлов, Г. С. Спиридов и С. К. Грейг.

Ст. 42. *Над твердой, мшистою скалой...* — Также лексическое соприкосновение с элегией Батюшкова «На развалинах замка в Швеции»; ср.: «твердыни мшистые» (ст. 15).

Ст. 43. *Ширяяся крылами...* — Лексическая реминисценция из «Слова о полку Игореве» («яко сокол на ветрех ширяяся»), введенная в книжную поэзию Державиным («Над ними в высоте ширяется орел» — «Утро», 1802), у которого, возможно, и заимствована Пушкиным (см.: *Новиков И.* Пушкин и «Слово о полку Игореве». [М.,] 1951. С. 10—26; *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980. С. 136—137, 158—159).

Ст. 50. *Воздвигся памятник простой.* — Имеется в виду Кагульский обелиск, сооруженный А. Ринальди в честь победы русских войск под командованием П. А. Румянцева над 150-тысячной турецкой армией при реке Кагуле 21 июля 1770 г. В начале XIX в. обелиск находился в центре зеленого луга, окруженный группой сосен. О Кагульском обелиске Пушкин упоминает также в «Элегии» («Воспоминаньем упоенный...») 1819 г., в связи с какими-то интимными воспоминаниями, и в «Капитанской дочке» (гл. XIV).

Ст. 63. *Державин и Петров героям песнь бряцали...* — Василий Петрович Петров (1736—1799) — поэт, автор од, обращенных, в частности, к А. Г. Орлову и П. А. Румянцеву; пользовался официальным признанием и претендовал на роль второго Ломоносова. Творчество Петрова вызывало критическое отношение у многих современников (ср. скептический отзыв о нем в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова, 1772), однако попытки реабилитации его как поэта продолжались вплоть до 1820-х гг. (И. И. Дмитриев, П. А. Плетнев); в 1811 г. в Москве вышло 2-е издание его «Сочинений» (Ч. 1—3); оды его ценил и Державин (см. его «Рассуждение о лирической поэзии...» — ЧБЛРС. 1811. Кн. 2). Упоминая Петрова в «Воспоминаниях в Царском Селе», Пушкин следует за «Певцом во стане русских воинов» Жуковского, где Петров назван как автор од в честь Румянцева; вслед за тем Жуковский говорит о Державине, воспевшем А. В. Суворова, и далее — о самом себе; этот круг имен повторяется и у Пушкина (см.: Городецкий. С. 107—108). Пушкину, несомненно, было известно, что Державин посвятил стихи не только Суворову («На взятие Варшавы», 1794; «Снигирь», 1800 и др.), но также и А. Г. Орлову («Афинейскому витязю», 1796) и П. А. Румянцеву, значение которого особенно подчеркивал в связи с его конфликтом с Г. А. Потемкиным и отрешением от дел («Водопад», 1791—1794; «Вельможа», 1794). Самая фигура «Росса», размышляющего перед Чесменской колонной (ст. 35 и след.), сходна с изображением «седого мужа» (Румянцева) в «Водопаде».

Ст. 70. *Коварством, дерзостью венчанного царя...* — Речь идет о Наполеоне. О лексико-стилистической связи «Воспоминаний...» с патриотичеокой поэзией военных лет см.: *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 186 и след.; см. также: *Михайлова Н. И.* Творчество Пушкина и ораторская проза 1812 г. // ПИМ. Т. 12. С. 280—285.

Ст. 83. *И тени бледные погибших чад Беллоны...* — Беллона — богиня войны в римской мифологии. Фрагмент принадлежит оссианической традиции, воспринятой через Батюшкова («На развалинах замка в Швеции», «Тень друга») и Жуковского (ср. аналогичные сцены в «Песни барда над гробом славян-победителей», 1806).

Ст. 109. *Воитель поседелый* — М. И. Голенищев-Кутузов.

Ст. 129—132. *И там, где роскошь обитала ~ Там ныне угли, пепел, прах.* — Парафраза стихов из послания Батюшкова к Дашкову: «И там, где роскоши рукою, Дней мира и трудов плоды, Пред златоглавою Москвою Воздвиглись храмы и сады, — Лишь угли, прах и камней горы...» (СПб. вестн. 1812. № 10). См.: *Элиаш Н.* К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина // ПиС. Вып. 19—20. С. 2.

Ст. 152. *Исчез, как утром страшный сон!* — Вариации этой формулы в применении к Наполеону есть в целом ряде произведений Пушкина (ср.: «Недвижный страж дремал на царственном пороге...», 1824; «Герой», 1830; гл. X «Евгения Онегина» и др.). Существует предположение, что отдаленным источником ее является «Фонарь» (1803 или 1804) Державина, где также появляется фигура Наполеона (см.: *Ходасевич В.*: 1) Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 23—27; 2) О Пушкине. [Берлин]: Петрополис, [1937]. С. 92—95). Более близкий источник, по-видимому, стихотворение Н. М. Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра I» (СПб., 1814), получившее известность в Петербурге еще до печати, в июне 1814 г. (см.: ОА. Т. 1. С. 24); о Наполеоне здесь сказано: «Исчез, как безобразный сон!» (ст. 16).

Ст. 153—156. *В Париже Росс! — где факел мщенья? ~ Грядет с оливою златой.* — Мотив миротворческой миссии русских войск (и Александра I) традиционен для одической лирики конца войны и первых послевоенных лет; он нашел отражение и в стихах лицеистов (ср., например, «Оду на взятие Парижа» А. Д. Илличевского (1814), предшествовавшую по времени «Воспоминаниям в Царском Селе»: «В Париже Росс! — Но не как мститель Иль бич небесный — лютый, злой, Но так, как Ангел-покровитель, Как гений милости благой» (Грот. Пушк. лицей. С. 134); в ст. 153 пушкинского стихотворения возможно предположить прямую реминисценцию из этой оды Илличевского — см.: *Чубукова Е. В.* Лицейская лирика Пушкина в литературном процессе 1810-х гг. // На путях к романтизму. Л., 1984. С. 208).

Ст. 158. *Москва в унынии, как степь в полнощной мгле...* — По-видимому, вариация широко известного сравнения из «Освобождения Москвы» (1795) И. И. Дмитриева: «Москва в плену, Москва уныла, Как мрачная осення ночь...» (ст. 41—42).

Ст. 161. *Достойный внук Екатерины!* — Имеется в виду Александр I.

Ст. 162—164. *Почто небесных аонид, Как наших дней певец, славянской Бард дружины, Мой дух восторгом не горит?* — Имеется в виду Жуковский, автор «Песни барда над гробом славян-победителей» и «Певца во стане русских воинов» (о переделке ст. 163 в обращение к Державину см. выше, с. 613—614). Есть предположение, что этот пассаж представляет собой дипломатический отказ от воспевания Александра I по аналогии с басней И. А. Крылова «Чиж и еж», к этому времени написанной, но не напечатанной (опубл.: ЧБЛРС. 1815. Кн. 17; ценз. разр. — 18 декабря 1814 г.) (см.: Благой, I. С. 107—109), однако для обоснования этой гипотезы недостаточно фактических данных. Аналогичные формулы авторской скромности были довольно широко распространены; ср. близкую к Пушкину формулу в посвящении Жуковского императрице Марии Федоровне при посылке списка «Певца во стане русских воинов» (1813): «Но ах, почто мне жребий ниспослал Столь бедный дар?.. Внимаемый царицей, Отважно б я на лире возгремел...» (ВЕ. 1814. № 4. С. 283—286; *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. /Под ред. и с примеч. А. С. Архангельского. СПб., 1902. Т. 2. С. 24).

Ст. 169. *О Скальд России вдохновенный...* и след. — Заключительное обращение к Жуковскому.

Ст. 172. *Взгреми на арфе золотой!* — Ср. в элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции»: «Где прежде скальд гремел на арфе золотой...» (ст. 91).

НА РЫБУШКИНА

(«Бывало, прежних лет герой...»)

(С. 78)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА).

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$) — под заглавием: «Эпиграмма на Рыбушкина».

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — в качестве третьей в разделе «Эпиграммы».

Копия в Тетради Яковлева—Корфа (Як—Корф), которой пользовался П. В. Анненков (см.: Анн. Т. 2. С. 91), утрачена.

Тексты копий идентичны (исключая заглавия).

Впервые: РМ. 1815. Ч. 2. № 6. С. 270, под заглавием: «Эпиграмма» и с подписью: «1—17... 14» (возможно, опечатка вместо «1... 17—14»).

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по СЛС.

Датируется ноябрем 1814 г. по содержанию.

Написано как отклик на полемику по поводу трагедии в пяти действиях в прозе М. С. Рыбушкина «Иоанн, или Взятие Казани» (Казань, 1814). Михаил Самсонович Рыбушкин (1792—1849) — казанский литератор, впоследствии историк и журналист, один из редакторов «Казанского вестника» (1823), издатель (вместе с М. В. Полиновским) журнала «Заволжский муравей» (1832—1833). В 1833 г. Пушкин, по-видимому, встречался с ним в Казани; в 1834 г. Рыбушкин отправил ему свою «Краткую историю города Казани» (Казань, 1834. Ч. 1—2), в ответ Пушкин послал ему «Историю Пугачевского бунта». В 1814 г. Рыбушкин был учителем Казанской гимназии, где преподавал историю и географию. Выход его трагедии был встречен саркастическим откликом в «Сыне отечества» — цитатой из послания В. Л. Пушкина «К В. А. Ж⟨уковскому⟩» (1810): «Кто русской грамоте как должно не учился, Напрасно тот писать трагедии пустился» (1814. № 12. С. 240). В «Вестнике Европы» (1814. № 10. С. 131—132) Рыбушкин протестовал против «турецкой расправы» над его сочинением, обращая к рецензенту усеченную цитату из басни И. А. Крылова «Волк и ягненок»: «Досуг мне разбирать вины твои, ⟨щенок⟩!»; в свою очередь это оскорбление вызвало со стороны «Сына отечества» возмущенную реплику (1814. № 23. С. 157); в последовавшем затем резком критическом разборе Рыбушкин был обвинен в нарушении законов классической трагедии: выбор прозаической формы, отсутствие единства действия и места; указывалось также на слабость обрисовки характеров и «слог», «самый площадной, нестерпимый даже в низких комедиях» (1814. № 24. С. 203—206; подпись: «С. С. Р. Б.», т. е. «сочинитель Современной русской библиографии»). В своем «Ответе на критику» (ВЕ. 1814. № 19. С. 199—203) Рыбушкин пытался опровергнуть эти обвинения, возвращая рецензенту упрек в «безграмотности»; заключением полемики была краткая заметка в «Сыне отечества», где Рыбушкину рекомендовалось ознакомиться с «Книгой о должностях человека и гражданина», излагающей «правила учтивости и благопристойности» (1814. 29 окт. № 44. С. 250). Эпиграмма Пушкина имеет в виду этот «чернильный бой». О Рыбушкине и Пушкине см. также: Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Собрал и редактировал Л. Б. Модзалевский. М.; Л., 1948. С. 789—790; Пушкин: Письма последних лет (1834—1837). Л., 1969. С. 461 (коммент. Н. Н. Петруниной); Черейский. С. 380—381; об эпиграмме Пушкина — коммент. Б. В. Томашевского в кн.: *Пушкин А. С.* Соч. Л.: ГИХЛ, 1936. С. 284, 853 (раскрытие адресата); *Усачев П.* К эпиграмме Пушкина на Рыбушкина // Сталинградская правда. 1937. 5 янв. № 4.

Ст. 1—3. *Бывало, прежних лет герой ~ Повесит меч войны средь отческия кущи...* — Имеется в виду общеизвестный обычай древних приносить в жертву богам орудия труда и войны (см.: *Никольский Б. В.* Академический Пушкин // ИВ. 1899. № 7. С. 209).

Ст. 4. *А трагик наш Бурун...* — Бурун (Буррун) — условное имя, постоянно употреблявшееся в сатирах и эпиграммах (ср., например, «Эпиграмму» («Он врал — теперь не врет...», 1791) И. И. Дмитриева, «Послание к Хлое», «Перевод 1-й сатиры Боало», «К Филисе» (все — 1804 или 1805) К. Н. Батюшкова, «К моему рассудку. Сатира третия» (1812) М. В. Милонова и др.).

РОМАНС

(«Под вечер, осенью ненастной...»)

(С. 79 и 340)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Всеволожского (Вс). Текст правлен Пушкиным весной 1825 г.; лист с последними четырьмя стихами утрачен. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 18—20, 48—49 (публ. Б. В. Томашевского).

2) Тетр. Шереметева (Шер). Напечатано: Акад. Т. 1. С. 357 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

3) Тетр. из собрания Лицейского музея (Лиц).

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

Копия в Цензурной рукописи Ст 1826 (ЦР), которой пользовался П. В. Анненков, указавший на наличие в ней даты: «1814» и сообщивший, что все стихотворение было Пушкиным зачеркнуто (см.: Анн. Т. 2. С. 23—24, 31—32), утрачена.

Копиями Шер, Лиц, Долг, как и первой публикацией ПОМ 1827, представлен текст поздней редакции «Романса» (1825—1826). Она возникла в результате переработки, начатой во Вс в 1825 г. Тексты копий и ПОМ 1827 очень близки. Копии позволяют уверенно говорить о цензурном вмешательстве в ст. 35, который читается в них так же, как во Вс, а в ПОМ 1827 предстает в смягченном и не вполне корректном по смыслу виде («Проступок мой, твой рок ужасный»).

Впервые: ПОМ 1827. Стихотворения. С. 35—37 (публ. Б. М. Федорова).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по ВС (до поправок), с исправлением описки переписчика в ст. 18 («Стыд вечный мне вина моя» вместо «Стыд вечный вина моя») (см.: Другие редакции и варианты, с. 340), последние четыре стиха — по тексту первой публикации; поздняя редакция — по ПОМ 1827 с исправлением по копиям ст. 35.

Датируется 1814 г. на основании свидетельства Анненкова и даты в оглавлении ЦР (см. письмо П. А. Плетнева к Пушкину от 26 сентября 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 233).

«Романс» был опубликован Б. М. Федоровым в ПОМ 1827 вместе с пятью другими стихотворениями Пушкина («Желание», «Заздравный кубок», «Фавн и пастушка», «К живописцу», «Сон. (Отрывок из Новогородской повести «Вадим»)»). В предисловии «От издателя» Федоров писал: «Уважающим скромность, украшающую блистательный гений, приятно будет узнать, что Александр Сергеевич Пушкин, позволив издателю поместить в сем альманахе некоторые из первых произведений своей музы, не доверяя достоинству их, желал, чтоб издатель означил время сочинения их. Но в сих произведениях юного поэта виден зрелый дар гения — и тем они драгоценнее для „Памятника отечественных муз"» (с. 3). Дата у «Романса» не проставлена, но к нему относится примечание издателя: «Помещенные здесь стихи Александра Сергеевича Пушкина были из первых опытов его очаровательной музы» (с. 37). Публикация Федорова была поставлена под сомнение Пушкиным в «Опро-

вержении на критики»: «По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче, за чужие проказы. В альм⟨анахе⟩, изданном г-ном Федоровым, между найденными бог знает где стихами моими, напечатана Идиллия, писанная слогом переписчика стихов г-на П⟨анае⟩ва» (1830; Акад. Т. 11. С. 157). «Идиллия» — это «Фавн и пастушка»; М. Л. Гофман, ошибочно отождествив ее с «Романсом», пытался доказать, что «Романс» не принадлежит Пушкину (см.: Гофман (1). С. 115—117 и Гофман (2). С. 118—120). На основании заметки Пушкина установилось мнение, что стихи его были напечатаны Федоровым помимо желания автора (см.: Цявловский. Коммент.; Томашевский. Пушкин, I. С. 101). Однако заметка Пушкина, написанная в 1830 г., после дела о «Гавриилиаде», преследовала цели самозащиты. «Памятник отечественных муз» составлялся Федоровым при активной помощи А. И. Тургенева, покровительствовавшего издателю и передавшего ему письма Н. М. Карамзина, К. Н. Батюшкова и ряд других материалов; уступая просьбам Тургенева, П. А. Вяземский также дал ему стихи (см.: АбТ. Вып. 6. С. 52; ср. письмо А. И. Тургенева к К. С. Сербиновичу от 26 декабря 1826 г. — РС. 1881. № 6. С. 188). По-видимому, при посредничестве Тургенева были получены им и стихи Пушкина; вероятно, на них сделан намек Вяземским в разборе альманаха: Федоров собрал «забытые колосья и цветы, оставшиеся по следам многих писателей наших, умерших и живых, и заслуживает благодарность соотечественников» (МТ. 1827. Ч. 13. № 3. Отд. I. С. 251—254); 29 ноября 1826 г. Пушкин писал А. Х. Бенкендорфу, что «роздал несколько мелких ⟨...⟩ сочинений в разные журналы и альманахи по просьбе издателей» (Акад. Т. 13. С. 308). 13 декабря 1826 г. К. С. Сербинович записывает в дневнике: «Читаю стихи Пушкина, оставленные у меня Б⟨орисом⟩ М⟨ихайловичем⟩» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5585, л. 75 об.); 18 мая 1827 г. у Карамзиных за чаем Федоров благодарит Пушкина за стихи (см.: ЛН. Т. 58. С. 256, а также: *Лотман Ю. М.* П. А. Вяземский и движение декабристов // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1960. Вып. 98. Тр. по рус. и слав. филологии. III. С. 136—139). Наконец, упоминание о разрешении Пушкина печатать его стихи в альманахе и о письме Пушкина к Федорову содержится в недатированном письме Федорова к Сербиновичу (РГИА, ф. 1661, оп. 1, № 1599, л. 199). В свете всех этих данных публикацию Федорова следует признать санкционированной Пушкиным. При жизни Пушкина «Романс» перепечатывался в альманахах и песенниках одиннадцать раз (1828—1836; см.: П. в печати, по указ.); приобрел чрезвычайную популярность. С 1830-х гг. вплоть до революции на сюжет «Романса» были изданы многочисленные лубочные картинки (см.: *Клепиков С. А.* О собирании лубочных картин. М., 1941. С. 11, 17—20).

«Под вечер осенью ненастной...» — единственный «романс» в творчестве Пушкина. Об этом жанровом обозначении см., например, в «Науке стихотворства» И. Рижского (СПб., 1811): «...жалостное повествование о каком-нибудь любовном несчастно окончившемся приключении» (с. 260—261). Формула (со ссылкой на Руссо и Мармонтеля) была буквально повторена в лицейских лекциях П. Е. Георгиевского (см.: КА. 1937. Т. 1. (80). С. 157).

В «Романсе» обнаруживали сюжетные и тематические переклички с чрезвычайно популярным стихотворением А. Беркена (Berquin, 1749—1791) «Plaintes d'une femme abandonnée par son amant» (1777), переведенным Жуковским («Песня матери над колыбелью сына» — ВЕ. 1813. № 11—12); отмечались и черты фразеологической близости с этим переводом (см.: *Владимиров П. В.* А. С. Пушкин и его предшественники в русской литературе // Сб. университета св. Владимира: Памяти Пушкина. Киев, 1899. С. 62—63), а также с балладой Шиллера «Die Kindesmörderin» (1782), переведенной М. В. Милоновым («Мать-убийца» — ВЕ. 1813. № 13; ср.: Венг. Т. 1. С. 158) и некоторыми другими произведениями. Эти сопоставления носят, однако, общий характер и недостаточны, чтобы говорить о прямой зависимости «Романса» от определенного источника. Высказывалось предположение о воздействии на «Романс» трактата И. П. Пнина «Вопль невинности, отвергаемой законами» (1802), где поставлена проблема «незаконных детей» (см.: *Поляков А.* Пушкин и Пнин // ПиС. Вып. 17—18. С. 249—264); предположение это было основательно отвергнуто (см.:

Бем А. К уяснению понятия историко-литературного влияния // ПиС. Вып. 23—24. С. 23—44); несомненно, однако, воздействие на «Романс» социально-филантропических идей левого крыла просветительства, выразителем которых был и Пнин (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 101—104).

На слова «Романса» написана музыка Н. Де Витте, Н. С. Титовым и неизвестными авторами.

ЛЕДА

(КАНТАТА)

(«Средь темной рощицы, под тенью лип душистых...»)

(С. 82 и 340)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 269—271 (по ТЖ (ст. 1—26 ныне утрачены)); РП. С. 22—24 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

2) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф). Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 235 (в виде вариантов).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 (Дол$_1$).

Копии 2 и 3 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 357 (ст. 21; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 269—271.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник.

Датируется 1814 г. условно, по указанию В. П. Гаевского (без аргументации; см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 175).

«Леда» — единственное произведение Пушкина в форме кантаты (небольшой поэмы, обычно мифологического содержания, рассчитанной на музыкальное исполнение). Кантата включает повествовательную (эпическую) часть — речитатив, «занимающийся изображением источника чувствований» (в вольных ямбах), и лирическую — арию, «выражающую самые чувствования» (в краткостопных стихах, иногда строфически организованных). «Сии две части так бывают расположены, что по предложении некоторой части речитатива следует также некоторая часть арии; потом опять часть речитатива и часть арии, и так далее. Речитатив, как повествование или описание, вообще бывает тише и простее арии; но, когда требует содержание, жив и даже несколько страстен; напротив сего, ария всегда должна иметь более пылкости и жара. Между тем, однако, каждая оной часть в рассуждении степени своей силы соответствует предыдущей части речитатива; и поелику разные приводимые в нем обстоятельства производят разные и различной степени впечатления в душе, то страстный слог арии от сего бывает то большей, то меньшей степени: причем одного токмо должно остерегаться, то есть чтоб ария не превратилась в равнодушное размышление» (*Рижский И.* Наука стихотворства. СПб., 1811. С. 256).

Образцом для Пушкина были французские кантаты, в частности кантаты Ж.-Б. Руссо (Rousseau, 1670—1741), основоположника этого жанра во Франции, признанные классическими (ср.: Laharpe J.-F. Lycée... Paris, 1799. T. 11. P. 154—155). Существовали русские переводы наиболее известной кантаты Руссо «Цирцея» (Г. Р. Державина, 1805; А. Х. Востокова — ПРП. Ч. 1, кн. 2; вышла в свет в августе). Композиционно «Леда» близка к кантатам Руссо (см.: *Попов А.* Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII века // Пушкинист, II. С. 228—229).

Античный миф о Леде, жене лакедемонского царя Тиндарея, соблазненной Зевсом в образе лебедя, был распространен во французской литературе XVIII в. (ср. «Леда» П.-Ж. Бернара). Предполагалось, что сюжетным источником для Пушкина могло явиться стихотворение Э.-Д. Парни «Леда» (1787) (см.: АН 1900—29. Т. 1.

Примеч. С. 43—45), однако текст пушкинской кантаты не обнаруживает никаких следов воздействия этого стихотворения (см.: Венг. Т. 1. С. 116—118).

STANCES

(«Avez-vous vu la tendre rose...»)

(С. 84)

Автограф (ПД 867) — беловой, с подписью: «A. Pouchkine»; на листке почтовой бумаги малого формата с желтой каймой; на такой же бумаге 30 августа 1814 г. Пушкиным был переписан «Триолет к⟨нязю⟩ Горчакову» Дельвига (ПД 1600).

Копии:

1) Тетр. Матюшкина (Мат).

2) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — с датой под текстом: «1814» и подписью: «A. Pouchkine».

Автограф, принадлежавший Ф. Ф. Матюшкину, а затем Е. Д. Куломзиной (по нему текст опубликован Л. Н. Майковым в изд.: АН 1899. С. 40; Примеч. С. 411 и АН 1900—29. Т. 1. С. 35; Примеч. С. 54), и копия А. Д. Илличевского (по ней осуществлена идентичная публикация В. П. Гаевского) утрачены.

Впервые: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 176.

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1869—71. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется 1814 г. по указанию Гаевского (опиравшегося на сведения, полученные от бывших лицеистов) и по палеографической близости к копии «Триолета» Дельвига 1814 г. (см. наст. т., с. 559, примеч. Т. Г. Цявловской, а также: Цявловский. Статьи. С. 84).

Под стансами во французской литературе со времени Ф. Малерба понимали небольшое лирическое стихотворение, написанное четверостишиями (см.: Томашевский. Строфика П. С. 59). К этой форме обращались Ж.-Б. Руссо, Вольтер (см. ниже примеч. к стих. «Стансы. (Из Вольтера)» («Ты мне велишь пылать душою...»), с. 751) и многочисленные поэты парижского «Альманаха муз» («Almanach des muses»). В русской поэзии стансы известны уже в XVIII в. В неизданной третьей части «Рассуждения о лирической поэзии или об оде» (1811—1815) Г. Р. Державин писал: «Стансами у нас называются просто стихи восьми- или десятистрочными куплетами, писанные легким и приятным слогом, который не показывает ни сильного пламенного восторга, ни парения превосходного или лирического дара, чего станс и не требует» (Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 272 (XVIII век; Сб. 15)); в качестве примера русского «станса» Державин приводил «Стансы Н. М. Карамзину» И. И. Дмитриева (1793). Пушкинские стансы (с 1814 по 1830 г. это обозначение носят семь стихотворений) — обычно стихи медитативного характера, написанные четверостишиями в четырехстопных ямбах.

В стихотворении усматривалось воздействие оды П. де Ронсара (Ronsard, 1524—1585) «A sa maîtresse» («К возлюбленной», 1553; в 1560 г. вошла в «Первую книгу од» под № 17); см.: *Дашкевич Н. П.* Пушкин в ряду великих поэтов // Памяти Пушкина. Киев, 1899. С. 146. Тема этой оды (кратковременность молодости, возраста наслаждений, уподобление возлюбленной розе), однако, широко распространена и представляет собой общее место французской поэзии XVI—XVIII вв.; многочисленные примеры подобных стихотворений есть и в «Альманахе муз» в 1812—1813 гг. (см.: *Викери У.* К вопросу о замысле «Розы» Пушкина // РЛ. 1968. № 3. С. 82—90; Алексеев. Пушкин. С. 346—348). Адресатом стихотворения («Eudoxie») Гаевский считал Елену Михайловну Кантакузину (см. выше примеч. к стих. «Красавице, которая нюхала табак», с. 590), — по-видимому, на основании пометы карандашом неизвестного нам лица на полях его рукописи: «Кто это? не сестра ли кн. Горчакова А. ⟨так!⟩ М. К—на? к которой написано послание Красавице, нюхающей табак» (ПД, ф. 244,

оп. 17, № 54, л. 3). М. А. Цявловский указал на несовпадение такого определения с лирическим адресатом: разность имен, замужество Кантакузиной (см.: Цявловский. Коммент.); в новейших изданиях «Eudoxie» раскрывается как Евдокия Ивановна Пущина (ум. 1860), в замужестве Бароцци, сестра И. И. Пущина (см.: Акад. Спр. том. С. 370, 475; Худ. лит. в 10 т. Т. 1. С. 689), однако без твердых фактических оснований. Возможно, что «Eudoxie» — условно-литературное имя.

MON PORTRAIT

(«Vous me demandez mon portrait...»)

(С. 86 и 340)

Автограф, принадлежавший Ф. Ф. Матюшкину и затем Е. Д. Куломзиной (см. о нем: АН 1899. Примеч. С. 412 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 74), ныне неизвестен.

Копия: Тетр. С. В. Марковой (ПД, ф. 244, оп. 8, № 13) (Марк). Относится к 1820-м гг. (водяной знак: «1821»). Напечатано: Акад. Т. 1. С. 358 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копии П. Ф. Гревеница (Грев) и А. Д. Илличевского (Ил), идентичные по тексту, по которым В. П. Гаевский напечатал ст. 9—16 и 21—24 (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 176—177), утрачены.

Впервые: Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Ч. 3. С. 134—135 2-й паг., под заглавием: «Французские стихи, написанные А. С. Пушкиным (в его молодости) к одному товарищу и совоспитаннику своему по Царскосельскому лицею» и с примечанием издателя (П. А. Корсакова): «Стихи эти сообщены нам почтенным товарищем и соучеником незабвенного Пушкина, барон⟨ом⟩ П. Ф. Гревенсом. Помещаем их здесь (с построчным прозаическим переводом) как драгоценность, еще не обнародованную, как верную характеристику Пушкина, им самим написанную, как достояние истории нашей литературы».

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по тексту «Маяка...», наиболее совершенному в языковом отношении и восходящему к лицейской копии.

Датируется предположительно 1814 г. на основании указания Гаевского, пользовавшегося консультацией Ф. Ф. Матюшкина и М. Л. Яковлева и, возможно, опиравшегося на их сведения (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 176).

Замысел стихотворения не совсем ясен. Может быть, со слов Гревеница, Корсаков указал, что оно обращено к «товарищу и совоспитаннику» по Лицею. Г. Н. Геннади прямо прибавил в заглавии (в скобках) имя Гревеница (см.: Генн. 1859. Т. 1. С. 574—575); в дальнейшем это свидетельство было принято. Возможно, однако, что стихотворение написано на учебную тему «Mon portrait» или «Mon portrait physique et moral» («Мой портрет физический и нравственный»), бывшую чрезвычайно популярной.

Ст. 5. *Je suis un jeune polisson...* — О шалостях Пушкина свидетельствуют записи в «Журнале о поведении воспитанников имп. Лицея...» (ср., например, записи М. С. Пилецкого-Урбановича 16, 18 ноября 1812 г.: *Шляпкин И. А.* К биографии А. С. Пушкина. СПб., 1899. С. 328) и воспоминания современников (ср.: Пущин. С. 56—60, 62—64); они дали основания и полуанекдотическому школьному фольклору (ср. воспоминания Н. А. Маркевича: П. в восп. 1985. Т. 1. С. 161—164).

Ст. 9—12. *Onc il ne fut de babillard ~ Que moi-même en personne.* — Эта самооценка Пушкина-лицеиста подтверждается отзывом М. С. Пилецкого-Урбановича: «словоохотен, остроумен» (Памятная книжка имп. Александровского лицея на 1856—1857 гг. СПб., 1856. Примеч. С. XIV). С другой стороны, С. Д. Комовский утверждал, что Пушкин в детстве «вообще был не очень словоохотлив и на вопросы товарищей своих отвечал обыкновенно лаконически». М. А. Корф писал об отсутствии

у Пушкина «ровной, систематической беседы», что для более позднего времени подтверждал и П. А. Вяземский (см.: П. в восп. Т. 1. С. 67, 119, 401).

Ст. 13—14. *Ma taille à celles des plus longs Ne peut être égalée...* — Сохранилось измерение роста Пушкина, сделанное в 1832 г.: 2 аршина 5 вершков с половиной (1.66 м) (см.: Венг. Т. 6. С. 568—569).

Ст. 15. *J'ai le teint frais, les cheveux blonds...* — К этому стиху имеется примечание П. А. Корсакова: «В молодости Пушкина волоса его были почти светло-русы». Русый цвет волос — на портретах зрелого Пушкина (Тропинина, Кипренского). Существует, однако, свидетельство О. С. Павлищевой, что «у Пушкина никогда не было светло-русых волос, и когда брат его, Лев Сергеевич, заметил ему эту несообразность в ⟨...⟩ „Портрете", то поэт отвечал ему, что употребил выражение *cheveux blonds* — для рифмы» (*Р.* Заметка о портретах А. С. Пушкина // Рус. худож. листок. 1861. № 32. С. 135). М. А. Корф также сообщал, что «Пушкин в детстве никогда не был белокурым, а еще при поступлении в Лицей имел темно-русые волосы» (Грот. Пушкин 1899. С. 246). Ср. также свидетельство Ф. В. Булгарина, возражавшего В. С. Межевичу, видевшему Пушкина в 1832 г.: «...автор ⟨...⟩ говорит, что Пушкин имел черные курчавые волосы! Откуда это взялось? У Пушкина волосы были каштанового цвета, а не черные, и кто знал Пушкина, тот помнит, что он говаривал иногда в шутку, что намерен выкрасить волоса черною краскою, чтоб быть более похожим на араба!» (Сев. пчела. 1842. 3 окт. № 221; *Богаевская К. П.* Из забытых книг // Прометей. М., 1975. Т. 10. С. 401).

Ст. 19. *J'abhorre et noises, et débats...* — Примечание П. А. Корсакова: «Прекрасное свойство автора — родное не всем литераторам нашего века».

Ст. 21. *Spectacles, bals me plaisent fort...* — П. А. Корсаков замечает: «Пушкин был душой общества, а веселость его неистощимая — как истинный гений. Таков именно был юноша Пушкин, когда присылал мне первые стихи свои для печати. И теперь еще храню я, как клейнод, собственноручное письмо его, в котором он напоминал мне о том за два месяца до своей смерти». В журнале Корсакова «Северный наблюдатель» Пушкин печатался с 1817 г.; письмо, о котором идет речь, — от конца сентября 1836 г. Некоторые сведения о лицеисте Пушкине Корсаков мог получить от своего брата Н. А. Корсакова, лицеиста пушкинского выпуска.

Ст. 30. *Vrai singe par sa mine...* — Ср. в воспоминаниях С. Д. Комовского: «...товарищи его, по страсти Пушкина к французскому языку ⟨...⟩ называли его в насмешку французом, а по физиономии и некоторым привычкам обезьяною и даже смесью обезьяны с тигром» (П. в восп. Т. 1. С. 69). Прозвище «француз (смесь обезияны с тигром)» занесено рукой самого Пушкина в протокол лицейской годовщины 1828 г. (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 353). О происхождении этого прозвища, восходящего к Вольтеру, который определял так национальный характер французов, см. выше примеч. к ст. 34 поэмы «Бова», с. 605.

1815

ГОРОДОК

(К*)**

(«Прости мне, милый друг...»)

(С. 88 и 341)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Листы из Тетр. Матюшкина (Мтш). Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 240 (в виде вариантов).

2) Первая тетр. Долгорукова Ч. 1 ($Дол_1$).

3) Первая тетр. Долгорукова Ч. 2 ($Дол_2$).

4) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — стихи, пропущенные в РМ.

Копии 1—3 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 359 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копия в Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф), которой пользовались П. А. Ефремов и В. П. Гаевский (см. ниже), утрачена.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 3. № 7. С. 3—15, с подписью: «1... 17—14», без ст. 15—17, 186—189, 411—416, 419—422, 427—430 (купюры цензурного происхождения).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по РМ с восстановлением пропущенных стихов по публикациям П. А. Ефремова (см.: БЗ. 1861. Т. 3. № 9. Стб. 272—273) и В. П. Гаевского (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 353) и исправлением смысловой опечатки в ст. 382 («удалого» вместо «Удалова»), в соответствии с конъектурой Л. Н. Майкова (см.: АН 1899. С. 77; АН 1900—29. Т. 1. С. 71), принятой и последующими изданиями. В Акад. (Т. 1. С. 100) в ст. 176 «чада славы» (чтение РМ) исправлено на «чады славы» в соответствии с Дол$_1$; конъектура эта, не подкрепленная данными других копий и аналогиями в пушкинских текстах (слово «чадо» в им. пад. мн. ч. больше у Пушкина не встречается — см.: СЯП. Т. 4. С. 875), отвергнута в изд.: Акад. в 10 т. (2). Т. 1. С. 104 (то же и в последующих изданиях) — и в настоящем издании.

Датируется условно декабрем 1814—мартом 1815 г. Анненковым датировалось 1815 г. по времени первой публикации (см.: Анн. Т. 2. С. 33, 90). Гаевский предложил без аргументации дату: «1814» (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 353), принятую последующими редакторами. Указание в тексте, что стихи написаны после «двухлетнего молчанья», вызванного отъездом из Москвы, т. е. в 1813 г., — поэтическая вольность. В «Городке» есть следы знакомства с «Моими пенатами» К. Н. Батюшкова, вышедшими из печати в начале июля 1814 г. (см. выше примеч. к стих. «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...»), с. 598—599), и с посланием Батюшкова «К Ж⟨уковско⟩му», появившимся в ноябре или декабре 1814 г. в кн. 4 «Пантеона русской поэзии» (объявление о выдаче ее — МВед. 1814. 19 дек. № 101), что дает верхнюю хронологическую границу (ноябрь—декабрь 1814 г.); нижней границей М. А. Цявловский считал июнь 1815 г., когда Пушкин перестал употреблять псевдоним «1... 17—14» (журнал с печатным текстом вышел 31 июля; ценз. разр. № 7—9 — 22 июня — см.: П. в печати. С. 11), или даже март 1815 г. — на основании периодизации псевдонимов (см.: наст. т., с. 561—562, а также: Цявловский. Статьи. С. 85—87).

Литературным образцом «Городка» является послание Ж.-Б.-Л. Грессе «Обитель» («La Chartreuse»; см. выше примеч. к стих. «К сестре», с. 587—588), ближайшим источником — ориентированные на него «Мои пенаты» Батюшкова и ряд варьировавших их дружеских посланий будущих «арзамасцев» (см. примеч. к стих. «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...»), «К Г⟨алич⟩у» («Пускай угрюмый рифмотвор...»), с. 598—599, 639—640, а также ниже, построчные примеч.). На прямую связь «Городка» с «Моими пенатами» указывал В. Г. Белинский в «Сочинениях Александра Пушкина» (статья 4, 1843; Белинский. Т. 7. С. 283—287); подробное сопоставление текстов сделано Гаевским (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 353—360). Как и «Мои пенаты», «Городок» в жанровом отношении представляет собою послание (в Мтш имеется подзаголовок: «(Послание)»; см.: Другие редакции и варианты, с. 341). По предположению Ю. Г. Оксмана, адресат «Городка» (см. подзаголовок: «К***») — реальное лицо. Оксман отождествлял «Городок» с посланием «Трубецкому», которое значится в списке лицейских стихотворений для намечавшегося издания (ср.: наст. т., с. 505; см.: КН. Т. 5. С. 510; ГИХЛ 1931. Т. 5, кн. 2. С. 734—735). Эта гипотеза была принята М. А. Цявловским (см.: Рукою П. С. 226—227; Летопись. С. 67), который указал как на возможного адресата на князя Николая Ивановича Трубецкого (1797—1874), сына дмитровского уездного предводителя дворянства, в 1811—1815 гг. чиновника московского архива Коллегии иност-

ранных дел (см.: Черейский. С. 445—446). Против идентификации «Городка» с посланием «Трубецкому» возражал Б. В. Томашевский, ссылаясь на то, что список включил и неизвестные нам стихи; в то же время в нем отсутствуют стихи, уже написанные и даже напечатанные. Подобно автору-повествователю, адресат послания — литературная условность (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 72—73). Эта точка зрения представляется наиболее вероятной.

Ст. 16. *Великий четверток* — четверг на страстной великой неделе (третий день перед Пасхой), когда совершается особенно много богослужений.

Ст. 30. *Я нанял светлый дом...* и след. — Ср. описание скромного жилища поэта в «Моих пенатах» (ст. 1—39); сходство в описаниях носит, однако, самый общий характер. Ст. 31 («С диваном, с камельком») фразеологически близок к ст. 13—14 послания Д. В. Давыдова «Болтун красноречивый...» («И к камельку подвинем Диваны со столом»), однако знакомство Пушкина с этим посланием, относящимся, по-видимому, к началу 1815 г. и опубликованным только в 1832 г. (см.: *Давыдов Д.* Стихотворения. Л., 1984. С. 77, 204 (Б-ка поэта; Большая сер.)), не имеет документальных подтверждений.

Ст. 56—59. *Иль путник, в домик мой ~ Дорожною клюкой В калитку постучится...* — Ср. в «Моих пенатах»: «Но ты, о мой убогий Калека и слепой, Идя путем-дорогой С смиренною клюкой, Ты смело постучися, О воин, у меня...» (ст. 49—54).

Ст. 76. *Рифмов* — по предположению Л. Н. Майкова (см.: АН 1899. Примеч. С. 79; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 81—82), С. А. Ширинский-Шихматов (ср. «Рифматов» в послании «К другу стихотворцу»); возможно, впрочем, что имеется в виду не конкретное лицо, а обобщенный образ «бездарного поэта» (Цявловский. Коммент.).

Ст. 86. *Друзья мне — мертвецы...* и след. — Аналогичное перечисление любимых поэтов с заключительным обращением к ним см. в «Моих пенатах»; оно восходит к «Обители» Грессе. Этот фрагмент, говорящий об «арзамасских» симпатиях юного Пушкина, привлекал особое внимание последующей критики; так, его полностью процитировал Белинский в статье 4 о Пушкине (см.: Белинский. Т. 7. С. 284—287); ср. также статью С. П. Шевырева «Сочинения Пушкина» (Москвитянин. 1841. Ч. 5. № 9. С. 254—255).

Ст. 94. *Мом* — в греческой мифологии божество злоязычия; *Минерва* — в римской мифологии богиня мудрости.

Ст. 95. *Фернейский злой крикун...* — Имеется в виду Вольтер, живший в 1758—1778 гг. в своем имении Ферней на границе Франции и Швейцарии.

Ст. 99. *Издетства стал пиит...* — Поэтические способности Вольтера проявились уже во время обучения в иезуитской коллегии Людовика Великого, куда он поступил десяти лет (в 1704 г.); шестнадцати лет он заявил отцу о своем намерении сделаться поэтом.

Ст. 102—104. *Соперник Эврипида, Эраты нежной друг, Арьоста, Тасса внук...* — Вольтер характеризуется как автор трагедий (Еврипид (ок. 480—407 или 406 до н. э.) — знаменитый греческий трагик), любовных стихотворений (Эрато — муза танцев и пения, расширительно — лирической поэзии), поэмы «Орлеанская девственница» (Л. Ариосто (1474—1533) и Т. Тассо (1544—1595) воспринимались прежде всего как образцовые авторы волшебно-рыцарских поэм).

Ст. 105. *Скажу ль?.. отец Кандида...* — Упоминание романа «Кандид, или Оптимизм» (1759) было одиозным, так как роман считался безнравственным; возможно, что оно связано с литературной полемикой. В 1811 г. А. С. Шишков, намекая на В. Л. Пушкина, писал о литераторах, научившихся «благочестию в „Кандиде" и благонравию и знаниям в парижских переулках» (*Шишков А. С.* Рассуждение о красноречии Священного писания... СПб., 1811. С. 106). Ответом на этот выпад были строки В. Л. Пушкина в послании к Д. В. Дашкову: «...с восхищением читал я Фукидида, Тацита, Плиния и, признаюсь, „Кандида"» (*Пушкин В. Л.* Два послания.

СПб., 1811. С. 7). Это упоминание «Кандида» в 1822 г. послужило причиной изъятия послания из сборника стихотворений В. Л. Пушкина (см.: Заборов. С. 148, 175).

Ст. 107. *Единственный старик!* — Ср. в «Бове»: «О Вольтер! о муж единственный!» (ст. 30).

Ст. 114—117. *Питомцы юных граций — С Державиным потом Чувствительный Гораций Является вдвоем.* — Ср. упоминание Г. Р. Державина и Горация в «Моих пенатах»: «В толпе и муз и граций То с лирой, то с трубой Наш Пиндар, наш Гораций Сливает голос свой» (ст. 181—184). В «Городке» Державин выступает как анакреонтический поэт и автор горацианских сельских идиллий («Жизнь Званская» и др.).

Ст. 118—123. *И ты, певец любезный ~ Ванюша Лафонтен!* — С баснями Жана де Лафонтена (La Fontaine, 1621—1695) Пушкин был знаком с раннего детства и, по-видимому, в подражание ему, ребенком сочинял басни (см.: Анненков. Материалы 1855. С. 14). Сохранилась книга басен Лафонтена (Fables choisies mises en vers par M. De la Fontaine... Paris, 1785), подаренная О. С. Пушкиной брату перед отъездом в Лицей в 1811 г. и забытая им в Москве (см.: Библиотека П. № 1060). Басни Лафонтена входили в учебные программы, в том числе и лицейские. Характеристика Лафонтена как «простосердечного мудреца» традиционна; ср., например, у В. А. Жуковского сравнение его со «скромным, милым, совершенно добродушным мудрецом» («О басне и баснях Крылова» — ВЕ. 1809. № 9; *Жуковский В. А.* Эстетика и критика. М., 1985. С. 187). См.: Томашевский. П. и Франция. С. 219—221.

Ст. 128—133. *Но вот наперсник милый ~ Дивись: ты побежден!* — Речь идет об Ипполите Федоровиче Богдановиче (1744—1803), авторе поэмы «Душенька» (1778, полн. изд. — 1783) на сюжет романа Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (1669). Мнение, что Богданович превзошел свой французский образец, высказал еще Н. М. Карамзин в статье «О Богдановиче и его сочинениях» (1803). Ср. также высокую оценку Богдановича в «Моих пенатах» и «Видении на берегах Леты» Батюшкова.

Ст. 135. *Вержье, Парни с Грекуром Укрылись в уголок.* — Жак Вержье (Vergier, 1665—1720), Жозеф Виллар Грекур (Grécourt, 1684—1743) — авторы эротических сказок; упомянуты здесь как подражатели Лафонтена.

Ст. 140—143. *Здесь Озеров с Расином ~ С Мольером-исполином Фон-Визин и Княжнин.* — Выбор литераторов в этом перечне отражает традиционные репутации, установившиеся, в частности, в карамзинистских кругах. Позднее Пушкин весьма критически оценивал драматургию В. А. Озерова (1769—1816) и Я. Б. Княжнина (1740—1791). Об отношении Пушкина в детстве и юности к Мольеру см.: Томашевский. П. и Франция. С. 262—263.

Ст. 144—151. *За ними, хмурясь важно ~ Над ним я время трачу.* — Имеется в виду шестнадцатитомный «Лицей, или Курс древней и новой литературы» («Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne», 1799—1805) Жана Франсуа Лагарпа (Laharpe, 1739—1803), который служил в Лицее основным пособием по истории французской литературы (см.: *Селезнев И.* Исторический очерк имп. бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея. СПб., 1861. С. 113).

Ст. 156—157. *Визгова сочиненья, Глупона псалмопенья...* — Пародийные прозвища литераторов-«беседистов»; образы эти носят собирательный характер; конкретизация поэтому предположительна. Визгов — возможно, С. И. Висковатов, выведенный в послании «К Б(атюшк)ову» («Философ резвый и пиит...») 1814 г. (см. выше примеч. к этому стих., с. 600—601). Под Глупоном обычно понимают Н. М. Шатрова (1767—1841), который «славился ⟨...⟩ подражаниями или переложениями псалмов Давида» (*Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 10); поэтические достоинства их ценились в архаистических кругах. Таланту Шатрова «отдавал справедливость» и Жуковский, говоривший, впрочем, что «его искусство заключалось только в том, чтобы сказать известное и обыкновенное необыкновенным образом» (*Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 226). Популярностью пользовались псалмы Шатрова с аллюзиями на современные события, прежде всего на войну 1812 г. Шатров принадлежал к кружку Н. П. Николева и еще

в 1790-е гг. выступал против Карамзина; иронические упоминания о нем см. в письме Батюшкова к Жуковскому от августа 1815 г. (Батюшков. Т. 3. С. 346) и в сатирических стихах П. А. Вяземского «Сравнение Петербурга с Москвой» (до 1811 г.): «У вас Хвостов, у нас Шатров» (*Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1958. С. 52 (Б-ка поэта; Большая сер.)). См. также: Acad. в 6 т. Т. 1. С. 402; Акад. Т. 1. С. 505 («Глупон»). Прозвище «Глупон», «Глупонов» есть в ранних сатирах Батюшкова («Послание к стихам моим», «Послание к Хлое», «Перевод 1-й сатиры Боало», 1804 или 1805), где обозначает разные сатирические маски.

Ст. 176. *Хвала вам, чада славы...* — Цитата из «Певца во стане русских воинов» Жуковского; ср. также в «Моих пенатах» Батюшкова обращение к Жуковскому и Вяземскому: «Но вы, любимцы славы, Наперсники забавы, Любви и важных муз, Беспечные счастливцы, Философы-ленивцы, Враги придворных уз» (ст. 243—248).

Ст. 178—185. *О князь, наперсник муз ~ Игриву остроту.* — По определению Л. Н. Майкова (см.: АН 1899. Примеч. С. 80—81; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 82—83), имеется в виду князь Дмитрий Петрович Горчаков (1758—1824), сатирик и драматург, автор многочисленных сочинений (в том числе «ноэлей»), расходившихся в списках. Горчаков пользовался репутацией острого и вольнодумного сатирика, «вольтерьянца» (ему, в частности, приписывалась «Гавриилиада», на что Пушкин ссылался в черновике своих показаний, — см.: Рукою П. 1997. С. 621). Предполагается, что один из «ноэлей» («Святки») Горчакова Пушкин имеет в виду в «Послании В. Л. Пушкину» («Скажи, парнасский мой отец...») (ст. 54), а также в настоящем стихотворении («сатиры», «куплеты»; см.: Акад. Т. 1. С. 506, «Горчаков»). Горчаков присутствовал на лицейском экзамене 8 января 1815 г., где Пушкин читал «Воспоминания в Царском Селе» (см.: Поэты-сатирики. С. 88); дальним родственником его был лицеист А. М. Горчаков. Несмотря на ярко выраженную антикарамзинистскую и архаистическую литературную ориентацию (Горчаков был близок с Н. П. Николевым, гр. Д. И. Хвостовым, был членом «Беседы...» и задевал в сатирах и посланиях Карамзина и его сторонников), творчество Горчакова ценилось и в кругу «Арзамаса»; так, в «Парнасском адрес-календаре» А. Ф. Воейкова он определен как «действительный поэт, экзекутор при наказании сатирическим бичом разврата, ябеды и грабительства, имеет в петличке лавровый лист с надписью „За сатиры"» (Там же. С. 597). Все это делает определение Л. Н. Майкова вполне возможным; оно принято и всеми последующими комментаторами и исследователями Пушкина. Между тем самое положение фрагмента о «князе, наперснике муз» в тексте «Городка» рядом со строками о Батюшкове и В. Л. Пушкине и ориентированность его на фрагмент в «Моих пенатах» с обращением к Вяземскому и Жуковскому с большей вероятностью указывают как на адресата на князя Вяземского. Литературные характеристики «наперсника муз» будут впоследствии повторены Пушкиным именно в обращениях к Вяземскому. Ср.: «Язвительный поэт, остряк замысловатый, И блеском колких слов, и шутками богатый ⟨...⟩ Ты право получил, благодаря судьбе ⟨...⟩ Невежество разить анафемой игривой» («⟨Послание к П. А. Вяземскому⟩», 1821); ср. также упоминание о его «резвых стихах» (письмо к В. Л. Пушкину от 22 декабря 1816 г.) и «резвости небрежной» («⟨Кн. П. А. Вяземскому⟩», 1818). Характерна и формула «знанье света» (ст. 182), означающая умение избегать грубости и нападок на личность в сатире — одно из основных требований карамзинистской критики; это качество Пушкин особо отмечал в сатирах и критиках Вяземского («острота и светская вежливость» — «Письмо к издателю „Сына отечества"», 1824; «ум светский и тонкое знание общежития» — «О статьях кн. Вяземского», 1830). См. об этом: *Ваццуро В. Э.* «Князь, наперсник муз» в «Городке» // Рус. речь. 1990. № 3. С. 8—12. «Святки», упоминаемые в «Послании В. Л. Пушкину», также принадлежат не Горчакову, а Вяземскому (см. ниже примеч. к ст. 52—54 этого стих., с. 756).

Ст. 186—192. *И ты, насмешник смелый ~ В волнах туманной Леты Их гуртом потопил...* — Речь идет о Батюшкове и его сатире «Видение на берегах Леты» (1809).

Ст. 193—196. *И ты, замысловатый Буянова певец, В картинах толь богатый И вкуса образец...* — Имеется в виду В. Л. Пушкин и его поэма «Опасный сосед» (1811). Пушкин знал «Опасного соседа», по-видимому, уже в 1811 г., когда вместе с дядей приехал в Петербург для поступления в Лицей. Существует рассказ (Д. Н. Блудова) о чтении В. Л. Пушкиным своих бесцензурных стихов в доме И. И. Дмитриева (лето—осень 1811 г.), когда, получив приказание дяди выйти из комнаты, Пушкин ответил: «Зачем вы меня прогоняете, я все знаю, я все уже слышал» (Летопись 1991. С. 39). В эти месяцы В. Л. Пушкин читал в Петербурге как раз «Опасного соседа» (в частности, Д. В. Давыдову; см. его письмо к Вяземскому от 25 августа 1811 г. — СиН. 1917. Кн. 22. С. 18). Эпитет «замысловатый», возможно, восходит к посланию В. Л. Пушкина «К Д. В. Дашкову» («Мой милый друг, в стране...» — ВЕ. 1814. № 7), где так назван Батюшков; ср.: «...милых лар своих Певец замысловатый» (см.: Поэты 1790—1810-х гг. С. 677); см. также у Батюшкова в «Видении на берегах Леты»: «Насмешник, грозный бич пороков, Замысловатый Сумароков» (ст. 30—31). «Вкуса образец», возможно, отсылка к апологии «вкуса» в послании В. Л. Пушкина «К В. А. Ж⟨уковскому⟩» (Цветник. 1810. № 12).

Ст. 197—200. *...шутник бесценный, Который Мельпомены Котурны и кинжал Игривой Тальи дал!* — Речь идет об И. А. Крылове с его «шутотрагедией» «Трумф» («Подщипа», 1798 или 1800), жанровая принадлежность которой (пародия на трагедию) подчеркнута передачей атрибутов музы трагедии Мельпомены музе комедии Талии.

Ст. 204—205. *...с Чернавкой Подщипа слезы льет...* — Ср. д. I, явл. 1 «Трумфа».

Ст. 206. *Здесь Князь дрожит под лавкой...* — Имеется в виду трусость князя Слюняя в «Трумфе» (ср. д. I, явл. 4; д. II, явл. 7, 11).

Ст. 207. *Там дремлет весь совет...* — Ср. д. I, явл. 8 «Трумфа». См. выше примеч. к поэме «Бова», с. 605.

Ст. 208—209. *В трагическом смятеньи Плененные цари...* — Ср. д. I, явл. 7 «Трумфа».

Ст. 210—211. *Забыв войну, сраженьи, Играют в кубари...* — Любимая забава царя Вакулы в «Трумфе» (ср. д. I, явл. 7, 8; д. II, явл. 1).

Ст. 212—232. *Но назову ль детину ~ Не стану я писать.* — «Детина» — И. С. Барков (см. поэму «Монах», ст. 17 и след., с фразеологическими аналогами). Имя Баркова как адресата этих строк было названо П. О. Морозовым (см.: ВЕ. 1899. № 8. С. 865—866) и Б. В. Никольским (ИВ. 1899. № 7. С. 204), который предположил, что в ст. 221 и 231 Пушкин дал эвфемистический вариант выражений, неудобных для печати. Последняя гипотеза не может считаться обоснованной; самая адресация ст. 212—232 Баркову в настоящее время общепризнанна (см. также: АН 1899. Примеч. С. 81; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 83—84; Венг. Т. 1. С. 176).

Ст. 245. *Смеркающейся ночи...* — Высказывалось предположение (не строго обязательное), что формула восходит к «Слову о полку Игореве» («длъго ночь мркнетъ»). См.: *Новиков И.* Пушкин и «Слово о полку Игореве». [М.,] 1951. С. 70—71.

Ст. 272. *Не весь я предан тленью...* — Парафраза формулы «Памятника» (1795) Державина: «Так! весь я не умру, но часть меня большая, От тлена убежав, по смерти станет жить», — восходящая к оде Горация «К Мельпомене».

Ст. 327—328. *Почто стрелой незримой Уже летишь ты вдаль?* — Ср. в «Моих пенатах»: «Небесно вдохновенье, Зачем летишь стрелой?» (ст. 158—159).

Ст. 345. *Люблю с моим Мароном...* — Имеется в виду Публий Вергилий Марон (Vergilius, 70—19 до н. э.), римский поэт. Сохранился экземпляр книги: *Publius Vergilius Maro.* Bucolica, Georgica et Aeneis / Ed. Stereotypa. Parisiis ⟨...⟩ 1814, с владельческой надписью Пушкина; книгой этой Пушкин пользовался в Лицее (см.: Рукоп. П. 1937. № 694), хотя в основном читал Вергилия во французских переводах. Оценка Вергилия у Пушкина-лицеиста во многом зависит от мнения Вольтера, Лагарпа и др., считавших его одним из величайших эпиков древности (см.: *Покровский М. М.* Пушкин и античность // П. Врем. [Т.] 4—5. С. 33—39); по более позднему

автобиографическому признанию (в черновиках строфы I гл. VIII «Евгения Онегина»), Пушкин в лицейские годы «над Вергилием зевал».

Ст. 348. *Где лебедь белоснежный...* — О лебедях в царскосельском парке Пушкин упоминает неоднократно (см., например, «Евгений Онегин», гл. VIII, строфа I: «В те дни, в таинственных долинах, Весной, при кликах лебединых, Близ вод, сиявших в тишине, Являться Муза стала мне»); о них писал ранее и Державин («Прогулка в Царском Селе», 1791). Существовали предания, объяснявшие культ лебедей в Царском Селе (об одном из них, связанном с именем Пушкина, см.: *Сабуров Я.* Царскосельский сад // МВ. 1830. № 17—20. С. 149—150). См.: Алексеев. П. и мировая лит. С. 183—186.

Ст. 364. *Газеты* — здесь в значении: вести, новости.

Ст. 368—369. *Кого жена по моде Рогами убрала...* — Намек на сказку И. И. Дмитриева «Модная жена» (1791).

Ст. 382—384. *На рифмы удалого Так некогда Свистова В столице я внимал...* — Свистов — граф Д. И. Хвостов (см. ниже примеч. к стих. «Тень Фон-Визина», с. 652—654). Мотив не основан на реалиях и носит чисто литературный и полемический характер. В РМ и Посм. — «Удалова»; исправлено Л. Н. Майковым как явная опечатка (см. выше, с. 625). С. А. Венгеров, возражая против конъектуры Майкова, указывал, что «на рифмы удалой» — «характеристика очень лестная», неприменимая к «Свистову-Хвостову» (Венг. Т. 1. С. 178). Цитированное выражение, однако, является парафразой строк Батюшкова из послания «К Ж⟨уковско⟩му» (1812; знакомство с этой публикацией может считаться датирующим признаком — см. выше, с. 625): «Нет, новые мученья, Достойные бесов! Свои стихотворенья Читает мне Свистов; И с ним певец досужий, его покорный бес, Как он, на рифмы дюжий, Как он, головорез!» (ст. 73—80).

Ст. 389—406. *...добрый мой сосед, Семидесяти лет ~ И пал на дол кровавый С булатным палашом.* — Описание воспроизводит модели нескольких стихотворений, прежде всего ст. 49—69 «Моих пенатов», где изображен отставной воин, «трикраты уязвленный На приступе штыком», и его подвиги («...в жупел и в огни Летал перед полками...» и т. д.). В нем есть некоторые фразеологические совпадения со стихотворением Державина «Философы, пьяный и трезвый» (1792): «Гонялся я за звучной славой, Встречал я смело ядры лбом...» (ст. 25—26; ср.: Городецкий. С. 44) — и, возможно, со стихотворением Д. В. Давыдова «Договоры» (1807), где упоминается степенный «знакомый сосед Семидесяти лет» (ст. 54—55). Все эти стихи были перепечатаны в ч. 1—2 «Пантеона русской поэзии».

Ст. 423—426. *Но, друг мой, если вскоре Увижусь я с тобой, То мы уходим горе За чашей круговой...* — Ср. в «Моих пенатах» ст. 277—280, обращенные к Вяземскому: «О! дай же ты мне руку, Товарищ в лени мой, И мы... потопим скуку В сей чаше золотой!». Ср. также послание В. Л. Пушкина «К Д. В. Дашкову»: «За чашей круговой, Рукой ударив в руку, Печаль забудем, скуку» (ст. 134—136).

ВОДА И ВИНО

(«Люблю я в полдень воспаленный...»)

(С. 98 и 341)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ).
2) Тетр. Дашкова (Даш).
3) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).
4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).
5) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).
6) Тетр. Тихонравова (Тих).

Копии 2, 4 и 6 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 359 (заглавие и ст. 12; публ. М. А. Цявловского).

Копия в Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф), которой пользовался П. В. Анненков (см.: Анн. Т. 2. С. 91), утрачена.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 2. № 6. С. 268—269, с подписью: «1... 17—14».

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по РМ.

Датируется ноябрем 1814—мартом 1815 г. на основании подписи (см.: наст. т., с. 561—563, а также: Цявловский. Статьи. С. 85—87) и по времени выхода РМ (ценз. разр. ч. 2 (№ 4—6) — 29 марта).

Ст. 9—12. *Да будет проклят дерзновенный ~ смесил вино с водой!* — В античной Греции употребление неразбавленного вина считалось признаком варварства; оно было возможно лишь как отступление от застольного ритуала (ср. перевод Пушкина из Катулла «Мальчику» (1832), а также двустишие: «Юноша! скромно пируй и шумную Вакхову влагу С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай» (1833), — переведенное им из Фокилида (VI в. до н. э.) и взятое из книги Афинея «Пир знатоков» во французском переводе Лефевра; у Афинея — подбор сведений об обычае смешивать вино с водой — см.: *Ошеров С. А.* Об источнике эпиграммы Пушкина «Юноша! скромно пируй...» // Врем. ПК 1980. С. 141—142). Лицеистам этот обычай был известен хотя бы по «Ручной книге древней классической словесности...» Н. Ф. Кошанского, где пояснено, что основным питьем греков как в архаические, так и в более новые времена была вода, хотя пользовались и вином, «которое часто смешивали с водою» (СПб., 1817. Ч. 2. С. 161; ср. также с. 254). В «Воде и вине» характерное для гедонистической лирики утверждение приоритета вина над водой строится на травестировании античного мотива.

Ст. 16. *Лафит с цимлянским различить!* — Лафит — красное французское вино, типа бордо; цимлянское — красное вино, производившееся в станице Цимлянской на Дону. Популярное вино из аристократического обихода противопоставлено более дешевому, «демократическому» вину. См.: Путеводитель. С. 79; *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. 2-е изд. Л., 1983. С. 282.

ИЗМЕНЫ

(«Все миновалось!..»)

(С. 99 и 342)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) А. Н. Иконникова (ПД, ф. 244, оп. 4, № 119) — только ст. 75—84, как отдельное стихотворение, под заглавием: «Послание к С....ю Г.....у Ч.....» (т. е. Сергею Гавриловичу Чирикову (1776—1853), лицейскому гувернеру и учителю рисования, поощрявшему литературные опыты лицеистов и устраивавшему у себя литературные собрания (см. ниже примеч. к стих. «⟨Надпись к дивану⟩» («Известно буди всем...»), с. 673—674)), с подписью: «Ал. Пушкин» и карандашной пометой неизвестной рукой: «7-го месяц⟨а⟩ в 3-й день 1815». Почерк лицейского гувернера Иконникова установлен В. П. Гаевским (см.: ОЗ. 1855. Т. 100. № 6. Отд. III. С. 46—47; Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 159). Напечатано: ОЗ. 1855. Т. 100. № 6. Отд. III. С. 47 (публ. В. П. Гаевского).

2) Тетр. Дашкова (Даш).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — только ст. 1—3, совпадающие с РМ.

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

5) Тетр. Тихонравова (Тих).

6) Листы из Тетр. Гаевского (Гаев).

Копии 2, 5, 6 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 359—360 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копия в Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф), которой пользовался П. В. Анненков (см.: Анн. Т. 2. С. 91), утрачена.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 4. № 12. С. 228—230, с подписью: «1... 17—14».

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по РМ с исправлением по копиям (кроме Даш) ст. 73 («Хладна, тронися» вместо «Хладно тронися»). В Акад. Т. 1 (М. А. Цявловским), Акад. в 10 т. (2). Т. 1 (Б. В. Томашевским), Худ. лит. в 10 т. Т. 1 (Т. Г. Цявловской) на основании копий исправлен также ст. 83 («Терном увитый» вместо «Терном увиты»); это исправление представляется недостаточно обоснованным.

Датируется ноябрем 1814—мартом 1815 г. на основании подписи в РМ (см.: наст. т., с. 561—563, а также: Цявловский. Статьи. С. 85—87). Дата в копии Иконникова означает, по-видимому, время записи; ср. ту же дату на автографе стихотворения А. Д. Илличевского «Блажен, кто, уклонясь от суетных мечтаний...» — также в бумагах Иконникова.

Тема стихотворения традиционна для французской легкой поэзии; в литературе проводились аналогии с «Досадой» («Le dépit») Э.-Д. Парни, «Элегией к Ластени» («Elégie à Lasthenie») Ж.-П.-Ж.-О. де Лабуис-Рошфора (de Labouisse-Rochefort, 1778—1852) («Almanach des muses», 1803); все эти тексты не являются, однако, источниками, а лишь типовыми моделями стихотворения (см.: *Томашевский Б.* Заметки о Пушкине. 1. К пушкинским сюжетам // ПиС. Вып. 36. С. 80—81).

По сведениям В. П. Гаевского (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 159), подтвержденным М. А. Корфом, стихотворение относится к Наталье Викторовне Кочубей (1800—1854), которую Корф называл «первым предметом любви Пушкина» (ПиС. Вып. 8. С. 25, 27—28). Ср. в вариантах «Программы автобиографии»: «Приезд Карамз⟨ина⟩. Первая любовь» (Акад. Т. 12. С. 429); по-видимому, Н. В. Кочубей обозначена и в так называемом «Дон-Жуанском списке» Пушкина как «Наталья 1» (Рукою П. 1997. С. 265, 267). См.: *Шестериков С. П.* Одна из воспетых Пушкиным // Пушкин: Ст. и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Одесса, 1925. Вып. 1. С. 32—46.

К ЛИЦИНИЮ

(С ЛАТИНСКОГО)

(«Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице...»)

(С. 101 и 342)

Автограф (ПД 868) — беловой, с подписью: «Пушкин». Напечатано (с воспроизведением): КА. 1937. № 1 (80). С. 60—67 (публ. М. А. Цявловского).

Копии:

1) Тетр. Всеволожского (Вс) — под заглавием: «К Лициниусу. (Из латинского)», с правкой Пушкина (весна 1825 г.), с датой у заглавия: «(1815)». Текст обрывается на ст. 65; последние стихи находились на наружном, утраченном листе тетради. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 28—29, 71—72 (публ. Б. В. Томашевского).

2) Тетр. из архива Кавелина (Квл) — только ст. 1—10. Текст совпадает с Вс (до поправок).

3) Собр. стих. 1836 (отдел «Послания»).

Автограф дает первую (лицейскую), копии Вс и Квл — позднюю редакции. Незначительность правки во Вс показывает, что поздняя редакция сложилась уже к 1820 г.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 2. № 5. С. 129—132, с подписью: «1... 17—14». В печатном тексте допущена опечатка в ст. 19 («Скажу ль — Лицинию! — Отчизне

стыд моей» вместо «Скажу ль — Ветулию! — Отчизне стыд моей»), не соблюдено строфическое деление, имеющееся в автографе, исправлены орфография и пунктуация. Ранняя редакция перепечатывалась: Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1816. Ч. 4. С. 184—187 (2-е изд. СПб., 1822. Ч. 4. С. 145—148). Поздняя редакция впервые: Ст 1826. С. 137—140 (отдел «Послания»). В тексте Ст 1826 пропущен ст. 18 (по-видимому, при наборе) и изменен ст. 19 (вероятно, в корректуре, для согласования с предшествующим ст. 17: «(Скажу ль?) Ветулия! Отчизны стыд моей»). Как и в других посланиях в Ст 1826, из заглавия убран предлог «к» («Лицинию»); степень участия Пушкина в этом изменении неясна (предположение Б. В. Томашевского, что это мог сделать Плетнев (см.: Лет. ГЛМ. С. 71), мало вероятно, так как в заглавиях собственных посланий Плетнев предлог сохранял). Подзаголовок «С латинского» сохранен только в оглавлении. Указание Пушкина напечатать ст. 25 и 61 с абзаца осталось невыполненным, — очевидно, потому, что переписчик не понял поставленной в Вс против этих стихов пушкинской пометы «A la ligne» (т. е. «С красной строки, с абзаца»). В ст. 8 корректор (или Плетнев) исправил «стремят» на «стремит» во избежание силлепса («ряд стремят»). В ст. 19 вместо «Отчизне» ошибочно или сознательно поставлено «Отчизны». Пунктуация и орфография сильно изменены по сравнению с Вс. Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 7—10 (отдел стихотворений 1815 г.), под заглавием: «Лицинию» (в оглавлении: «К Лицинию», с подзаголовком: «С латинского»). В издании восстановлен ст. 18 и в ст. 19 форма «Ветулию»; в остальном текст совпадает со Ст 1826.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по РМ с исправлением по автографу ст. 19, исправлением опечатки в ст. 22 («На Рим простер ярем, отечество бесславит» вместо «На Рим простер ярем, отечества бесславит»), восстановлением абзацев и приближением пунктуации и орфографии к автографу; поздняя редакция — по Ст 1829 с восстановлением в ст. 19 чтения «Отчизне» по Вс, РМ и автографу, со строфическим делением в соответствии с указанием Пушкина во Вс и приближением пунктуации к Вс.

Датируется январем—мартом 1815 г., согласно указанию в Ст 1829, по времени составления № 5 РМ (выход в свет — 22 мая 1815 г.) и по подписи (см.: наст. т., с. 560—562, а также: Цявловский. Статьи. С. 85—87).

«К Лицинию» — одно из наиболее значительных стихотворений лицейского периода, первый опыт гражданской сатиры у Пушкина, стилизованной под римскую сатиру-обличение. П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту в 1845 г., что подзаголовок «С латинского» был сделан «для шутки» (*Плетнев П. А.* Переписка с Я. К. Гротом. СПб., 1896. Т. 2. С. 444); по каким-то причинам он не упомянул о хорошо известной ему традиции псевдоримских сатир (иногда с ложным указанием на автора), характерной для гражданской поэзии 1810—1820-х гг. (ср., например, оригинальную сатиру М. В. Милонова под заглавием «К Рубеллию. Сатира Персиева» (Цветник. 1810. № 10; перепечатано: ПРП. 1814. Ч. 3, кн. 5), послужившую образцом для известной сатиры К. Ф. Рылеева против Аракчеева «К временщику. (Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»)» (1820)). Пушкин воспользовался этим приемом и позднее, в направленном против С. С. Уварова памфлете «На выздоровление Лукулла. (Подражание латинскому)» (1835). Некоторые исследователи усматривали в «римском» колорите сатиры аллюзионное задание (Л. Н. Майков — АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 113; М. А. Цявловский — Цявловский. Коммент.) и даже считали стихотворение прямой сатирой на современную русскую политическую жизнь (см.: *Слонимский А.* Мастерство Пушкина. М., 1963. С. 27); более убедительна, однако, трактовка Б. В. Томашевского, видевшего в нем поэтическое выражение гражданского пафоса при отсутствии конкретных адресатов сатиры (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 50).

Прямого источника сатира «К Лицинию» не имеет; ближайший ориентир ее — сатиры Децима Юния Ювенала (ок. 60—ок. 127), прежде всего знаменитая «Сатира III», получившая особую популярность в мировой литературе (см.: Венг. Т. 1.

С. 212; коммент. А. И. Малеина). Ювенала Пушкин читал, несомненно, во французском переводе. Прямых соответствий с «Сатирой III» в стихотворении «К Лицинию» нет; сходство касается лишь отдельных общих мотивов (инвективы в связи с падением нравов в Риме, мотив удаления в деревню из развратного города). Некоторые точки соприкосновения стихотворение обнаруживает и с «Сатирой VIII» Ювенала, переведенной И. И. Дмитриевым («Сокращенный перевод Ювеналовой сатиры о благородстве», 1803) (см.: Городецкий. С. 70). Высказывалось предположение, что сатира Пушкина включила и ряд других ассоциаций, идущих из римской литературы (ср., например, «Фарсалию» Лукана (кн. 1), где есть противопоставление благородной бедности римлян периода республики и развращающего богатства современников: *Чубукова Е. В.* Жанр послания в творчестве Пушкина-лицеиста // РЛ. 1984. № 1. С. 206). Источники концепции сатиры, однако, не ограничиваются античной литературой; очень близкие идеи и даже формулировки («причины величия римлян в любви к свободе», причина упадка — унижение и рабство народа) содержатся, например, в сочинении Ш. Монтескье «Размышления о причинах возвышения римлян и их упадка» («Considerations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence», гл. III и IX) и в особенности в предисловии Ж.-Л. Д'Аламбера (из т. 5 «Энциклопедии») к изданию этой книги 1814 г. (см.: *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина // П. Врем. [Т.] 6. С. 123). Эти идеи могли быть восприняты Пушкиным и опосредованно, через лекции лицейских учителей (например, Н. Ф. Кошанского, П. Е. Георгиевского — см.: *Мейлах Б. С.* Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л., 1962. С. 69—70), а также через русскую литературно-общественную традицию (сочинение Монтескье отразилось, например, в «Песни исторической» А. Н. Радищева (опубл. 1807), с которой сравнивали стихотворение Пушкина (см.: *Степанов Н. Н.* Исторические воззрения А. С. Пушкина. Л., 1949. С. 7—8; Благой, I. С. 91; *Орлов В. Н.* Радищев и русская литература. Л., 1952. С. 167—168; *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М., 1956. С. 669—670)).

Предпринимались попытки конкретизировать адресата послания. М. А. Цявловский указывал в этой связи на трибуна II в. до н. э. Гая Лициния Красса (см.: Цявловский. Коммент.). Называлось также имя Гая Лициния Кальва, оратора и поэта, противника Цезаря и друга Катулла; обращенное к нему стихотворение Катулла (Carmina, 50) могло подсказать Пушкину аналогичную форму (см.: *Чубукова Е. В.* Жанр послания в творчестве Пушкина-лицеиста. С. 206). Нескольких представителей древнего и знаменитого рода Лициниев упоминает Тацит. Наиболее вероятно, однако, что Лициний — условный адресат, в котором Пушкину была важна подлинность латинской ономастики (указано Н. В. Вулих).

Стихотворение Пушкина было замечено критикой уже в начале 1820-х гг.; так, в «Курсе литературы древней и новой» П. Эннекена наряду с «Русланом и Людмилой» и «Воспоминаниями в Царском Селе» была отмечена сатира «К Лицинию», а сам Пушкин назван в числе десяти русских сатирических поэтов (см.: *Hennequin P.* Cours de littérature ancienne et moderne... Moscou, 1822. T. 4. P. 80, 130; ср.: Летопись 1991. С. 330).

С т. 1—4. *Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице ~ В толпу народную летит по мостовой.* — Парафраза начальной строфы стихотворения К. Н. Батюшкова «Счастливец. (Подражание Касти: Odi le rapide ruote sonanti)» (ВЕ. 1810. № 17; перепечатано: СРС. Ч. 5) с описанием «временщика», «любимца вельмож»: «Слышишь! мчится колесница Там по звонкой мостовой!» (см.: Брюсов. Лиц. стихи. С. 38). Ср. также «Сокращенный перевод Ювеналовой сатиры о благородстве» И. И. Дмитриева: «А там в торжественной Эмилий колеснице, С лавровой ветвию и копием в деснице» — и далее: «Смотри, как Дамазин и гнусен и бесчинен: Вдоль места, где его почиет предков прах, Летит на шестерне, имея бич в руках! Смотри, как званием возницы он гордится!».

С т. 6. *Ликторы* — в Древнем Риме служители, сопровождавшие знатных лиц и расчищавшие путь в толпе.

Ст. 17. *Квириты* — свободные граждане в Древнем Риме.

Ст. 33. *Япетовых детей пороки, злобу вижу...* — Япетовы дети — человеческий род (в греческой мифологии Япет — отец Прометея, родоначальника человечества).

Ст. 37. *Седого стоика примером научиться?* — В поздней редакции «циника», т. е. представителя кинической (а не стоической) философии, что в большей мере соответствует облику и поведению Дамета.

Ст. 41—42. *Пускай Глицерия, красавица младая, Равно всем общая, как чаша круговая...* — По сообщению П. В. Анненкова, Пушкин «сам рассказывал», что ему приснилось это «двоестишие», «к которому он и приделал потом целое стихотворение» (Анненков. Материалы 1855. С. 39). Источником сведений Анненкова были рассказы П. А. Плетнева, использованные и П. И. Бартеневым (см.: *Бартенев П. И.* Александр Сергеевич Пушкин: Материалы для его биографии // МВед. 1854. 30 сент. № 117; перепечатано: *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 82; ср.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л., 1929. С. 343; Комментарий к Материалам для биографии А. С. Пушкина. М., 1985. С. 47 (примеч. Н. Г. Охотина)).

Ст. 53. *...парнасских Геростратов...* — Герострат (сжегший в 356 г. храм Артемиды Эфесской) в нарицательном смысле — честолюбец, любой ценой добивающийся славы.

Ст. 54. *В деревню пренесем отеческих пенатов...* — Этот и последующие стихи, содержащие горацианский мотив бегства в деревню из города, иногда трактовались как выражение поэтического эпикуреизма (см.: *Любомудров С.* Античный мир в поэзии Пушкина. М., 1899. С. 14—15), чему противоречит контекст стихотворения.

Ст. 62. *Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом...* — Петрон (французская огласовка имени) — Петроний Арбитр (Petronius, ум. 66 г.), римский писатель, вероятный автор романа «Сатирикон», иронически изображающего падение нравов в Риме. В 1833—1835 гг. Пушкин сделал его одним из героев своей «Повести из римской жизни».

Ст. 65—76. *О Рим! о гордый край разврата, злодеянья ~ «Свободой Рим возрос — а рабством погублен».* — В этих стихах усматриваются точки соприкосновения с монологом Камиллы в «Горации» («Horace», 1640) П. Корнеля, где героиня проклинает Рим и призывает на него нашествие варваров (см.: *Никольский Б. В.* Академический Пушкин // ИВ. 1899. № 7. С. 205).

БАТЮШКОВУ

(«В пещерах Геликона...»)

(С. 105 и 343)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ) — под заглавием: «К Б—ву».
2) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «К Батюшкову».
3) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$) — с подзаголовком: «(Стансы)».
4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «К Батюшкову».
5) Тетр. Тихонравова (Тих) — без деления на строфы.

Копии 2, 3, 5 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 360 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: РМ. 1815. Ч. 2. № 6. С. 266—267, с подписью: «Александр Нкшп», с опечатками в ст. 11 и подписи («Икшп»).

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по РМ с исправлением в ст. 11 («златые» вместо «златыя»).

Датируется началом апреля—маем 1815 г. по времени выхода номера РМ (16 июня 1815 г.) и реалиям в ст. 17—24 (см. ниже).

Строфа 3 стихотворения (ст. 17—24) свидетельствует, что оно было написано в ответ на советы К. Н. Батюшкова, которые могли быть даны лишь при личном свидании поэтов. Свидание это состоялось 31 марта—2 апреля 1815 г.; поводом к нему, видимо, было появление в печати первого послания Пушкина к Батюшкову, вышедшего в свет 20 января 1815 г. (см.: МВед. 1815. 20 янв. № 6; о свидании Пушкина с Батюшковым см. примеч. к стих. «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...») и поэме «Бова», с. 599, 602). Посещения Батюшковым Лицея в 1814—1815 гг. подтверждаются свидетельством А. Д. Илличевского: перечисляя в письме к П. Н. Фуссу от 20 марта 1816 г. писателей, посещавших Лицей, он называет и Батюшкова, уехавшего из Петербурга в середине апреля 1815 г. и вернувшегося туда лишь в августе 1817 г. (см.: Батюшков. Т. 3. С. 464). Несомненно, речь заходила и о послании Пушкина, которое для Батюшкова 1814—1815 гг., уже декларировавшего в послании к Дашкову свой разрыв с темами раннего творчества, было анахронизмом; к этому времени ему были уже известны и «Воспоминания в Царском Селе» Пушкина (см. выше примеч. к этому стих., с. 614). Отзвуком этого спора, в котором, видимо, Батюшков советовал Пушкину продолжать героико-одическую тему его творчества, являются ст. 17—24. Пушкин отклонил этот совет в послании, написанном тем же трехстопным ямбом, который был применен в «Моих пенатах» Батюшкова и послании В. А. Жуковского «К Батюшкову» (1812; опубл.: ВЕ. 1813. № 9—10), послужившем ему одним из образцов (см. ниже). В стихотворении обнаруживается образная и лексическая близость к ст. 254—256 и 266—271 «Городка. (К***)» и ст. 46—47 послания «К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...»), а также ст. 21 его ранней редакции («Жужжишь Икару вслед»). См.: *Зорин А. Л.* К. Н. Батюшков в 1814—1815 гг. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 4. С. 376—377.

Ст. 4. *Тибуллом окрещен...* — Имя римского элегика Альбия Тибулла (ок. 50—19 до н. э.) традиционно считалось символом любовной поэзии. Ср. характеристику его в лицейских лекциях П. Е. Георгиевского: «А. Тибулл из всех древних поэтов есть единственный, коего образ чувствования так сопряжен с романическим, что мог бы легко почесться поэтом новейших времен. ⟨...⟩ Его мечтательное чувство любви поразительно, все предметы отделаны им с мечтательною тонкостию. ⟨...⟩ Его наречие дышит удивительною нежностию и приятностию. Словом, у Тибулла только научиться елегии любви» (КА. 1937. № 1 (80). С. 160). «Тибуллом» постоянно называли самого Батюшкова.

Ст. 9. *Веселый сын Эрмия...* — Имеется в виду Пан, сын Гермеса и нимфы Дриопы, изобретатель пастушеской свирели (см. выше, примеч. к ст. 11 стих. «Блаженство», с. 596). Ср. те же мотивы в стихотворении «Муза» (1821), которое сам Пушкин ассоциировал со стихами Батюшкова.

Ст. 32. *Будь всякий при своем.* — Цитата из послания Жуковского «К Батюшкову» (ср.: «Будь каждый при своем (Рек царь земли и ада)...» — ст. 90—91). Отсылка к этому посланию имеет скрытый полемический подтекст: Жуковский возражал в нем против эротических мотивов лирики Батюшкова (см. коммент. Ц. Вольпе в изд.: *Жуковский В. А.* Стихотворения. Л., 1940. Т. 2. С. 489—491). Пушкин дает понять, что Батюшков адресует ему те же упреки, каким подвергался сам.

НАПОЛЕОН НА ЭЛЬБЕ (1815)

(«Вечерняя заря в пучине догорала...»)

(С. 106)

Автограф неизвестен.

Копия: Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

Впервые: СО. 1815. Ч. 22. № 25—26. С. 242—244, с подписью: «1... 14—17». При жизни Пушкина перепечатывалось: Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1816. Ч. 5. С. 264—267 (2-е изд. СПб., 1822. Ч. 5. С. 240—243).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по СО.

Датируется апрелем—маем 1815 г. по времени первой публикации (ценз. разр. — 22 июня; выход в свет — 25 июня 1815 г.) и на основании содержания стихотворения (см. ниже, примеч. к ст. 86—87).

В жанровом отношении «Наполеон на Эльбе» близок к исторической элегии. В построении ощущаются элементы кантатной формы, т. е. соединения строфически организованных фрагментов с астрофическими в вольных ямбах, причем смена ритмов совпадает со сменой лирических тем (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 63—65). Образно-стилистическая система ориентирована на преромантическую традицию (см.: Виноградов. Стиль П. С. 144—146); ряд деталей имеет аллегорический смысл (месяц, изливающий свет на запад, «восточная звезда» и т. д.). О пушкинской концепции Наполеона см.: *Муравьева О. С.* Пушкин и Наполеон: (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // ПИМ. Т. 14. С. 5—32.

Перепечатка стихотворения в «Собрании образцовых русских сочинений...» вызвала резкую критику В. Ф. Раевского («Вечер в Кишиневе», 1822). Раевский отмечал неточности словоупотребления и психологические и географические несообразности в стихах, признанных «образцовыми»; в поэтике их он усматривал влияние Шиллера. Возможно, под воздействием этой критики Пушкин не включал «Наполеона на Эльбе» в собрания своих стихотворений (см.: *Оксман Ю.* Пушкин в ссылке. 1. «Вечер в Кишиневе»: (Из бумаг «первого декабриста» В. Ф. Раевского) // ЛН. Т. 16—18. С. 657—666). Позднее В. Г. Белинский относил это «забавно-детское» стихотворение к числу написанных под впечатлением элегической поэзии В. А. Жуковского («стих очень близок к стиху Жуковского, в самом взгляде на предмет видна зависимость ученика от учителя» — Белинский. Т. 7. С. 279).

Ст. 3—4. *Сквозь тучи бледные тихонько пробегала Туманная луна...* — Согласно рационалистической критике Раевского, этот «новый оборот» логически некорректен: «Не бледная ли луна сквозь тучи и туман?» (Раевский. ПССт. С. 210). Замечание отражает неприятие метафорической поэзии, появление которой в России связывалось с переводами Жуковского из Шиллера и Гете.

Ст. 7—8. *Один во тьме ночной над дикою скалою Сидел Наполеон.* — Раевский критиковал оборот «над дикою скалою»: «На скале сидеть можно, но над скалою... Слишком странная фигура!» (Раевский. ПССт. С. 211). Употребление предлога «над» восходит здесь к французскому языку (ср., например, у А. Ламартина: «assis sur ces rochers déserts» — Виноградов. Стиль П. С. 145).

Ст. 11—21. *И, к дальним берегам возведши взор угрюмый, Свирепо прошептал: «Вокруг меня все мертвым сном почило, Легла в туман пучина бурных волн ~ Волнуйся, ночь, над Эльбскими скалами!* — Это место стихотворения вызвало особенно много замечаний Раевского: «Ночью смотреть на другой берег! Шептать свирепо! *Ложится в туман* пучина волн. Это хаос букв! А грамматики вовсе нет! В настоящем времени и настоящее действие не говорится в прошедшем. *„Почило"* тут весьма неудачно!». Далее критикуются строки «О, скоро ли, напенясь под рулями...» («Видно, господин певец никогда не ездил по морю — волна не пенится под рулем, — под носом») и «Волнуйся, ночь, над Эльбскими скалами!» («На Эльбе ни одной скалы нет!») — Раевский. ПССт. С. 211. Лексические и грамматические замечания отражают начавшуюся борьбу против «новой школы» с позиций устаревающих нормативных поэтик.

Ст. 74—79. *...взором гибели сверкая ~ и все падет во прах, Все сгибнет, и тогда, в всеобщем разрушеньи, Царем воссяду на гробах!»* — В этих стихах ощущается парафраза из послания Жуковского «Императору Александру» (1814); ср.: «...взорами на мир ужасно засверкал» (ст. 67); «Он мыслил: „Мой престол престолом будь вселенны! ⟨...⟩ Все, все в развалины! на них воссяду с властью"» (ст. 78—82); «...мрачная, с кровавым взором, Сила На груде падших царств воссела...» (ст. 117—118) и т. д.

Ст. 86—87. *И Галлия тебя, о хищник, осенила; Побегли с трепетом законные цари.* — Речь идет о бескровном завоевании Наполеоном Франции в начале «Ста дней» (см. ниже примеч. к ст. 7—8 стих. «Принцу Оранскому», с. 687). 20 марта 1815 г. из Парижа в Бельгию бежали король Людовик XVIII, его брат Карл Филипп Артуа, его сыновья Людовик Антуан Ангулемский и герцог Карл Фердинанд Берийский. Пушкин мог узнать об этом не ранее апреля 1815 г., когда появилось сообщение, полученное из немецких и французских газет (СО. 1815. № 13. 1-е прибавл.; вышло 2 апреля).

К Г(АЛИЧ)У

(«Пускай угрюмый рифмотвор...»)

(С. 109 и 344)

Автограф (в Лицейской тетр. (ЛТ); среди произведений 1819 г. (л. 89 об.)) — только стихи, отличающиеся от журнальной редакции; они дают вторую — промежуточную — редакцию послания, переделывавшегося для неосуществленного сборника стихотворений. Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 173 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 165 (в виде вариантов; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 44—46. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Копии:

1) Тетр. Шереметева (Шер) — под заглавием: «К Г....у» и с подписью: «АП». Текст поздней редакции. Напечатано: Акад. Т. 1. С. 362—363 (публ. М. А. Цявловского).

2) Альбом Горчакова (Грч). Текст первой редакции. Копия содержит грубые ошибки; Пушкиным не правлена, в отличие от некоторых других копий в этом альбоме. Напечатано: Акад. Т. 1. С. 361 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

3) Тетр. из архива Кавелина (Квл) — под заглавием: «К Г...». Текст поздней редакции.

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$). Текст контаминирован из разных редакций.

5) Вторая тетр. Долгорукова (Долг). Текст близок к $Дол_2$.

6) Первая тетр. из собрания Нейштадта ($Нейш_1$) — с подписью: «А. П.». Текст первой редакции.

Копия, опубликованная Е. И. Якушкиным (см.: БЗ. 1858. Т. 1. № 10. Стб. 311) в виде вариантов к тексту Анн, утрачена. Ее текст близок к $Дол_2$ и тоже является позднейшей контаминацией.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 3. № 8. С. 131—132, под заглавием: «К Г....у» и с подписью: «1... 14—17». В печатном тексте — ошибки в ст. 17 и 56, ст. 26 пропущен; собственные имена зашифрованы (см. ниже).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по РМ с исправлением двух явных ошибок в ст. 17 («Садись» вместо «Садясь») и 56 («Завью» вместо «Завив») и раскрытием имен Галича и Золотарева в соответствии с чтением копий, с введением в основной текст ст. 26 («И хлынет пиво золотое») также по копиям (в Акад. (Т. 1. С. 121—122) он был опущен; в Акад. в 10 т. (2) (Т. 1. С. 129) введен в текст); поздняя редакция — по Шер.

Датируется апрелем—маем 1815 г. по времени первой публикации (ценз. разр. № 8 РМ — 22 июня, выход в свет — 14 сентября 1815 г.) и по употреблению псевдонима «1... 14—17» (см.: наст. т., с. 561—563, а также: Цявловский. Статьи. С. 85—87).

Фамилия адресата раскрыта самим Пушкиным в списке посланий, составленном в конце 1816—начале 1817 г., где указаны два послания к Галичу (см.: наст. т., с. 504—505, а также: Рукою П. 1997. С. 165—166); фамилия Золотарева полностью написана в Грч.

Александр Иванович Галич (1783—1848) — автор «Истории философских систем» (1819) и «Опыта науки изящного» (1825), последователь философии Шеллинга, способствовавший распространению его идей в России. Сын дьячка; по окончании Севской духовной семинарии учился в Петербургской учительской гимназии, вскоре переименованной в Педагогический институт. В 1808 г. был командирован за границу и слушал в Гельмштедте, Геттингене, Лондоне, Вене и Гейдельберге лекции профессоров, преимущественно по философии. По возвращении в Петербург в 1813 г. был назначен адъюнкт-профессором, а затем экстраординарным профессором в Педагогическом институте. В Лицее Галич заменял заболевшего Н. Ф. Кошанского и преподавал с конца мая 1814 по 1 июня 1815 г. латинскую и русскую словесность (см.: Летопись 1991. С. 75). Уроками в Лицее он тяготился и в прошении министру писал: «Истощившись в самом запасе такого рода учености, к которому я не зван и из которого могли оставаться у меня разве одни воспоминания, всепокорнейше прошу ваше сиятельство, в уважение истинно страдальческого моего состояния, уволить меня от обременительных занятий по Лицею и пансиону» (*Малеин А. И.* Н. Ф. Кошанский // Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902. С. 201). По словам В. П. Гаевского, Галич «занимался с воспитанниками всем, исключая своих предметов; читал с ними театр Коцебу, выслушивал их стихи и только в ожидании посещения начальства, заглядывавшего изредка на лекции, принимался за печатавшегося Кошанским в 1815 г. Корнелия Непота, приговаривая: „Потреплем старика!"» (Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 349). Эта характеристика уроков Галича подтверждается письмом А. Д. Илличевского к П. Н. Фуссу от 2 ноября 1814 г.: «...наш профессор Н. Ф. Кошанский, довольно известный в ученом свете, вдруг сделался болен и с полгода уже не ходит в классы, а мы хоть и ходим, однако ничему не учимся» (Грот. Пушк. лицей. С. 60). О том, какая свобода царила на уроках Галича, свидетельствует чтение Пушкиным в классе своего «Бовы» (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 350). Галич дал Пушкину тему для экзаменационного стихотворения (см. выше примеч. к стих. «Воспоминания в Царском Селе», с. 612).

Лицеисты любили посещать Галича, останавливавшегося в отведенной для профессоров маленькой комнате нижнего этажа, где и происходили описанные в «Пирующих студентах» и посланиях к Галичу пирушки.

Ст. 1. *Пускай угрюмый рифмотвор...* и след. — Ср. аналогичные зачины в стихотворениях «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...») (1814) и «Сон. (Отрывок)» (1816).

Ст. 2. *Повитый маком...* — Мак — здесь: символ сна.

Ст. 20. *Зайди к жиду З⟨олотар⟩еву...* — Матвей Алексеевич Золотарев (род. 1772) — помощник надзирателя по хозяйственной части в Лицее (1811—1817). О Золотареве, наживавшемся за счет лицеистов, существует отрицательный отзыв М. А. Корфа; как казнокрад, он попал в «национальные песни» лицеистов и в журнал «Лицейский мудрец» (см.: Грот. Пушкин 1899. С. 224; Грот. Пушк. лицей. С. 237, 271 и 285).

Ст. 24. *И с громом двери на замок...* — Возможно, реминисценция из послания В. А. Жуковского «К Батюшкову» («Сын неги и веселья...» — ВЕ. 1813. № 9—10); ср.: «Когда к дверям смиренным Обители твоей Придет ⟨...⟩ *Фортуна* — враг счастливых: Ты двери на замок...» (ст. 367—372).

Ст. 27. *И гордый на столе пирог...* — Эта строка, как и несколько последующих, а также ст. 15 («Острот и хохота гостей») — парафразы нескольких «арзамасских» посланий 1814—1815 гг., частью известных Пушкину до печати: П. А. Вяземского к Д. В. Давыдову («К партизану-поэту», 1814 или 1815), Давыдова к Ф. И. Толстому («Болтун красноречивый...», 1815; в ранних редакциях — «Другу, на мои именины», «Другу»; опубл. 1832, под заглавием: «Другу-повесе»). Ср. у Вяземского: «Так за столом непринужденно Родятся искры острых слов, Друг друга гонят, упреждают И, загоревшись, угасают При шумном смехе остряков!» (ст. 53—57). У Давыдова: «...к камельку подвинем Диваны со столом, Плодами и вином Роскошно покровенным И гордо отягченным Страсбургским пирогом» (ст. 13—18); далее —

упоминание о «владельцах острых слов» (ст. 22). Эпитет «жирный» (ср. «жирных утренних пиров» — ст. 7) есть в послании К. Н. Батюшкова «К Ж(уковско)му» (1812; ПРП. Ч. 2, кн. 4): «На жирный твой обед» (ст. 32). Послание Вяземского (ср. его отражение также в стихотворении Пушкина «К Б(атюшк)ову» («Философ резвый и пиит...») — см.: наст. т., с. 599) и послание Давыдова в 1815 г. опубликованы не были.

МЕЧТАТЕЛЬ

(«По небу крадется луна...»)

(С. 112 и 345)

Автограф неизвестен.

Копия: Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$). Напечатано: Акад. Т. 1. С. 363 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: РМ. 1815. Ч. 3. № 9. С. 256—258, с подписью: «1... 14—17».

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по РМ с исправлением в ст. 61 («горним» вместо «горным» в РМ и $Пом_2$) по Анн. (Т. 2. С. 95).

Датируется апрелем—маем 1815 г. на основании подписи в РМ (см.: наст. т., с. 561—563, а также: Цявловский. Статьи. С. 85—87).

Метрически и строфически «Мечтатель» соотносится с «Певцом во стане русских воинов» В. А. Жуковского. Б. В. Томашевский рассматривал стихотворение как полемически ориентированное на «Певца...» (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 84—86). В стихотворении находят отражение черты поэтического стиля Жуковского (см.: Виноградов. Стиль П. С. 151); один из аналогов его — «Громобой» (с той же строфой, что и «Певец...», и с лунным пейзажем). Ряд лирических тем (ср., например, концовку) восходит к К. Н. Батюшкову («Мои пенаты» и др.).

С т. 13. *Стоит богов домашних лик...* — Ср. в «Моих пенатах»: «Иль бросьте на гробницы Богов домашних лик» (ст. 309—310).

С т. 41. *Пускай, ударя в звучный щит...* — Реминисценция из оды Г. Р. Державина «На победы в Италии» (1799): «Ударь во сребряный, священный, Далекозвонкий, Валка! щит...». Ср. также парафразу этой строки в «Песни барда над гробом славян победителей» (1806) Жуковского: «Ударь во звонкий щит! стекитесь, ополченны!..».

К П(УЩИН)У

(4 МАЯ)

(«Любезный именинник...»)

(С. 114 и 345)

Автограф (ПД 9) — беловой, под заглавием: «Пущину (4 мая)» и с подписью: «А. П—ин»; принадлежал И. И. Пущину. Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 148 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 156 (в виде вариантов по отношению к тексту РМ; публ. Л. Н. Майкова).

Копии:

1) Тетр. Великопольского (Вел) — под заглавием: «Пущину (4 маия)»; совпадает с текстом автографа.

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

3) Первая тетр. из собрания Нейштадта ($Нейш_1$) — под заглавием: «К Пущину», с подписью: «А. Пушкин».

Впервые: РМ. 1815. Ч. 3. № 8. С. 129—131, под заглавием: «К П...у (4 мая)» и с подписью: «1... 14—17».

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по РМ с восстановлением фамилии в заглавии и ст. 2, исправлением в ст. 37 («Гипократом» вместо «Иппократом» в РМ, Нейш$_1$ и Дол$_1$) и снятием цензурной правки в ст. 38 («попом» вместо «жрецом») на основании автографа, в целом дающего более раннюю редакцию.

Датируется 4 мая 1815 г. по почерку, времени первой публикации (1815) и датирующей помете Пушкина.

Стихи написаны ко дню рождения (4 мая) Ивана Ивановича Пущина (1798—1859), одного из ближайших друзей Пушкина в Лицее и соседа по комнатам. В своих мемуарах Пущин упоминает об этом стихотворении: «Оно выражает то же чувство, которое отрадно проявляется во многих других стихах Пушкина. Мы с ним постоянно были в дружбе, хотя в иных случаях розно смотрели на людей и вещи; откровенно сообщая друг другу противоречащие наши воззрения, мы все-таки умели их сгармонировать и оставались в постоянном согласии» (Пущин. С. 62). Дружеские послания ко дню рождения или именинам обычны в поэтической лицейской среде; так, в бумагах Пущина сохранилось послание к нему А. А. Дельвига, также датированное 4 мая (вероятно, 1817 г.); ср.: Пущин. С. 390—391; *Дельвиг А. А.* Соч. Л., 1986. С. 130—131.

В стихотворении отразилось прямое воздействие «Моих пенатов», послания «К Ж⟨уковско⟩му» К. Н. Батюшкова и, может быть, серии связанных с ними дружеских посланий «арзамасцев» (см. ниже примеч. к стих. «Послание к Г⟨алич⟩у» («Где ты, ленивец мой?..»), с. 644). К «Моим пенатам» восходят поэтический облик адресата, тема, размер и отчасти образность и лексика. Не исключено, что элементы эмблематики «гусарского быта» («кубок пуншевой», трубка) подсказаны посланиями Д. Давыдова («Бурцову. Призывание на пунш», «Бурцову»; оба — 1804), копии которых были у лицеистов (см.: КА. 1936. № 6 (79). С. 179—181).

Ст. 16. *На столик вощаной...* — Вощаная (натертая, пропитанная воском) мебель — обиходное изделие русских мастеров, в отличие от дорогостоящей лакированной, преимущественно западного производства (ср.: «Евгений Онегин», гл. III, строфа III; см.: *Степанов В. П.* Из комментария к «Евгению Онегину» // Врем. ПК 1981. С. 165—166).

Ст. 23. *Пускай старик крылатый...* — Ср. в «Моих пенатах»: «Пока бежит за нами Бог времени седой...» (ст. 281—282).

Ст. 37—38. *С зловещим Гипократом, С нахмуренным попом...* — Ср. в послании «К Ж⟨уковско⟩му» Батюшкова: «Смотри! неумолимый Домашний Гипократ, Наперсник Парки бледной, Попов слуга усердный, Чуме и Смерти брат...» (ст. 34—38).

Ст. 55. *Вот кубок; наливай!* — Цитата из «Моих пенатов» (ст. 264).

К МОЛОДОЙ АКТРИСЕ

(«Ты не наследница Клероны...»)

(С. 116 и 345)

Автограф (ПД 1) — беловой, под заглавием: «Посланье молодой актрисе» и подписью: «А». Напечатано: КН. Т. 1. С. 57—58 (публ. М. А. Цявловского).

Копии:

1) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 264—266 (по утраченной копии ТЖ); РП. С. 16—18 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

2) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф). Текст идентичен автографу, но не учитывает последнего исправления в ст. 20 («А мы усердными руками»). Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 238—239 (в виде вариантов).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 (Дол$_1$). Текст идентичен Як—Корф.

Впервые: Пбсм. Т. 9. С. 264—266.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник.

Датируется маем—сентябрем 1815 г. В. П. Гаевским датировалось 1814 г. без аргументации (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 139). По почерку можно заключить, что автограф ПД 1 возник после послания к И. И. Пущину (4 мая 1815 г.) и до послания к А. А. Дельвигу (ноябрь 1815 г.). Судя по письмам А. Д. Илличевского к П. Н. Фуссу от 2 сентября 1815 г. (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 50) и А. М. Горчакова к родным от 20 сентября 1816 г., спектакли в театре графа В. В. Толстого давались летом и осенью, не позднее сентября. Эти данные определяют хронологические границы стихотворения.

В качестве адресата стихотворения предположительно называют Наталью, актрису крепостного театра графа В. В. Толстого, которой посвящено стихотворение «К Наталье» (см. выше примеч. к нему, с. 570); ср.: Летопись 1991. С. 92; Худ. лит. в 10 т. Т. 1. С. 691 (примеч. Т. Г. Цявловской). Косвенно на тождество адресата указывают реалии в тексте (см. ниже).

С т. 1. *Ты не наследница Клероны...* — Клара Легри де Латюд (Legri de Latude, 1723—1802), прозванная Клерон (Clairon), — знаменитая французская актриса, игрой которой восхищался Вольтер.

С т. 3. *Владелец Пинда* — по предположению Б. В. Томашевского, Вольтер (см.: Акад. в 10 т. (2). Т. 1. С. 482); возможно, однако, что речь идет об Аполлоне.

С т. 29—34. *Когда Милона молодого ~ Спокойно в креслы упадаешь...* — Предполагается (см.: Акад. Т. 1. С. 513), что имеется в виду персонаж пастушеской оперы Е. И. Фомина (на сюжет В. В. Капниста) «Клорида и Милон» (1800). Более вероятно, что здесь, как и в стихотворении «К Наталье» (см. выше примеч. к ст. 65—67 этого стих., с. 571), идет речь о комической опере А. М. К. Саккини «Обманутый скупец» (1778); в либретто, переведенном И. А. Дмитревским, герой оперы Гервасио получил имя Милон. В финале действия I Назора, увлеченная Милоном, падает на стул, притворяясь, что теряет сознание (см.: Гозенпуд. С. 32—33). Это место в тексте поддерживает предположение, что оба стихотворения обращены к одному лицу.

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ
ДРУЗЬЯМ
(«Хочу я завтра умереть...»)
(С. 118 и 346)

Автограф (ПД 7) — беловой, под заглавием: «Мое завещанье. (Друзьям)»; текст первой редакции с поправками, дающими вторую (последнюю лицейскую) редакцию. Напечатано: Ефр. 1882. Т. 1. С. 474 (в виде вариантов); АН 1899. Примеч. С. 167—168 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 141—143 (в виде вариантов; публ. Л. Н. Майкова); Грот. Пушк. лицей. С. 328—330.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст второй редакции рукою И. И. Пущина, с правкой Пушкина и датой: «1815». Напечатано: Анн. Т. 2. С. 93 (основные поправки); Мор. 1887. Т. 1. С. 92—99; АН 1899. С. 141—142; Примеч. С. 167—168 и АН 1900—29. Т. 1. С. 111—113; Примеч. С. 141 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 41—43. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Никитенко (Ник). Текст второй редакции. Напечатано: Посм. Т. 9. С. 355—358 (по ТЖ); РП. С. 80—82 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст первой редакции, с разночтением в ст. 37.

4) Неизвестного лица в Остафьевском архиве Вяземских (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5612, л. 248—248 об.) (ОА) — часть стихотворения (ст. 1—56), под заглавием: «Завещание», текст первой редакции без ст. 36—39, с ошибками переписчика и разночтениями (близкая по тексту копия: РГАЛИ, ф. 195, оп. 3, № 76, л. 4 ($ОА_1$)). Напечатано: Акад. Спр. том. С. 11 (в качестве разночтений с основным текстом).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 355—358.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ (до поправок), с учетом орфографии и пунктуации автографа; поздняя редакция — по ЛТ с учетом правки.

Датируется согласно помете Пушкина в ЛТ 1815 г. По особенностям почерка автографа может быть отнесено к маю—октябрю (см.: Летопись 1991. С. 92).

Тема стихотворения встречается у французских элегиков XVIII—начала XIX в. (ср., например, «Мое прощание с жизнью» («Mes adieux à la vie») Ж.-Н.-П. Доранжа (Dorange, 1786—1811) в «Almanach des muses», 1812). Ряд мотивов (гедонистическая трактовка смерти, мотив дружеского пиршества и т. д.) восходит к К. Н. Батюшкову («Мои пенаты»).

С т. 18. *Спесивой Семелеи сына...* — Т. е. Вакха, которого «признавали сыном *Юпитера* и *Семелы*, дочери *Кадьма*, к которой Юпитер, желая убедить, явился однажды во всем блеске божества и тем лишил ее жизни» (Ручная книга древней классической словесности ⟨...⟩ собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1817. Ч. 2. С. 54).

С т. 53—54. *Приди, певец мой дорогой, Воспевший Вакха и Темиру...* — Речь идет о А. А. Дельвиге, авторе стихотворений «Вакх» (РМ. 1815. Ч. 2. № 6) и «К Темире» (РМ. 1815. Ч. 1. № 3).

С т. 66. *Последний вздох, о други, ей!..* — Вслед за В. П. Гаевским (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 382) комментаторы относят этот стих к Е. П. Бакуниной (см. ниже примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...» и «К живописцу», с. 649—650, 670). См.: Акад. Т. 1. С. 504; Летопись. С. 76—77; Летопись 1991. С. 92.

МОЯ ЭПИТАФИЯ

(«Здесь П⟨ушкин⟩ погребен; он с музой молодою...»)

(С. 122)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА) — под заглавием: «Эпитафия».

2) Первый сб. из архива Помяловского ($Пом_1$).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

Тексты идентичны.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 4. № 10—11. С. 7, с подписью: «1... 16—14». Перепечатано без разрешения Пушкина в альманахе М. А. Бестужева-Рюмина «Северная звезда на 1829 год» (СПб., 1829. С. 174), под заглавием: «Будущая эпитафия» и с подписью: «Ап».

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по РМ с восстановлением по копиям фамилии автора в ст. 1 (в РМ: «П—ъ»).

Датируется временем не ранее июня 1815 г., когда Пушкин стал употреблять подпись «1... 16—14» (см.: наст. т., с. 561—563, а также: Цявловский. Статьи. С. 85—87), и не позднее первой половины октября (ценз. разр. № 10—11 РМ — 1 ноября 1815 г.).

Стихотворение относится к весьма распространенному жанру шутливых эпитафий, процветавшему в Лицее. В связи с этим стихотворением М. А. Цявловский обращал внимание на «пространное определение жанра эпитафий» в лицейских лекциях по эстетике П. Е. Георгиевского (у Цявловского ошибочно: «Кошанского») (см.: КА. 1937. №1 (80). С. 143—144): «Весьма возможно, „Моя эпитафия" и написана Пушкиным как иллюстрация лекций профессора. В стихотворении выполнены все требования, которым, по словам ⟨Георгиевского⟩, должна удовлетворять эпитафия: „надпись, начертанная на гробнице в похвалу умершему человеку", „в эпитафии надлежит помещать и имя умершего", „не надобно хвалить человека за добродетели, которых он никогда не имел", „наилучшим украшением надгробной надписи должны быть ⟨...⟩ добродетели, для которых могут найтись многие подражатели". Но, выполнив все эти условия, Пушкин написал стихотворение в жанре шутливых эпитафий, спародировав, таким образом, все, что проповедовал ⟨Георгиевский⟩» (Цявловский. Коммент.).

ПОСЛАНИЕ К Г⟨АЛИЧ⟩У
(«Где ты, ленивец мой?..»)
(С. 123 и 347)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$) — под заглавием: «К Галичу». Напечатано: Акад. Т. 1. С. 365 (ст. 107; публ. М. А. Цявловского).

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — под заглавием: «К Галичу».

Впервые: РМ. 1815. Ч. 4. № 10—11. С. 3—7, под заглавием: «Послание к Г...у» и с подписью: «1... 16—14».

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по РМ с расшифровкой фамилий А. И. Галича и А. А. Дельвига, обозначенных первой буквой. Адресат раскрыт Пушкиным в списке стихотворений, составленном в конце 1816—начале 1817 г., где названы два послания к Галичу (см.: наст. т., с. 504—505, а также: Рукою П. 1997. С. 165, 166).

Датируется по содержанию и по времени цензурного разрешения № 10—11 РМ (1 ноября 1815 г.; выход в свет — 25 декабря 1815 г.). Галич оставил преподавание 1 июня 1815 г. (см.: *Селезнев И.* Исторический очерк имп. бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея. СПб., 1861. С. 100). Таким образом, время создания стихотворения — июнь—октябрь 1815 г.

По содержанию и формальным особенностям (астрофический трехстопный ямб) «Послание к Г⟨алич⟩у» примыкает к серии дружеских посланий, вызванных «Моими пенатами» К. Н. Батюшкова: ср. его же «К Ж⟨уковско⟩му» (ПРП. Ч. 2, кн. 4); «К Батюшкову» В. А. Жуковского (ВЕ. 1813. № 9—10); «К Д. В. Дашкову» («Мой милый друг, в стране...») В. Л. Пушкина (ВЕ. 1814. № 7); «К подруге» П. А. Вяземского (1815; опубл. 1880); «Болтун красноречивый...» Д. В. Давыдова (1815; опубл. 1832, под заглавием: «Другу-повесе»). Ср. также послания самого Пушкина: «Городок. (К***)», «К П⟨ущин⟩у (4 мая)», «К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...»).

Ст. 18. *Ком* — бог пиршеств в древнегреческой мифологии.

Ст. 68. *С вертушкою слепой...* — Т. е. с Фортуной, римской богиней счастья, случая и удачи (изображалась иногда на шаре или колесе (символ изменчивости счастья), с повязкой на глазах).

Ст. 70. *Крез* — царь Лидии (VI в. до н. э.), славившийся своим богатством; в нарицательном употреблении — богач.

Ст. 84. *Мидас* — мифический фригийский царь, наделенный по воле Аполлона ослиными ушами; в нарицательном употреблении — важный глупец. Так, в «Харак-

терах. Подражание Вовенаргу» В. И. (вероятно, В. В. Измайлова) имеется характеристика «Мидаса, или тщеславного глупца» (ВЕ. 1813. № 16. С. 245).

Ст. 107. *Мозель* (Moselwein) — сорт белого вина, изготовляемого в районе реки Мозель в Германии.

Ст. 111. *Безрифминым лихим!..* — Сатирический криптоним восходит к сатире Батюшкова «Послание к стихам моим» (Новости рус. лит. 1805. № 1) и его же эпиграмме «Безрифмина совет...» (ВЕ. 1810. № 4). Под «Безрифминым» в стихах Батюшкова обычно понимается С. С. Бобров (см. выше примеч. к ст. 37—38 стих. «К другу стихотворцу», с. 580). Л. Н. Майков указывал, однако, на другого адресата — автора «Утех меланхолии» (1802), чьи инициалы «А. О.» расшифровывал как «А. Обрезков» (см.: Батюшков. Т. 1. С. 306); подлинным автором этой книги является А. Орлов (см. посвященную ему статью в изд.: Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2). У Пушкина «Безрифмин», скорее всего, именно Бобров, специально обосновывавший преимущества безрифменного стиха в предисловии к поэме «Таврида...» (1798; 2-е изд. (под названием «Херсонида...»), 1804). Согласно Боброву, рифма «почти всегда убивает душу сочинения».

Ст. 121. *С Тибурским мудрецом...* — Имеется в виду Гораций (традиционное обозначение), чья вилла находилась вблизи Тибура (Тиволи) в Лациуме.

Ст. 125—126. *Наш Д⟨ельвиг⟩, наш поэт, Несет свою балладу...* — Речь идет о балладе Дельвига «Поляк» (1815), пользовавшейся в Лицее популярностью; о ней упоминал, наряду с «Козаком» Пушкина, А. Д. Илличевский в письме к П. Н. Фуссу от 28 февраля 1816 г. (см. выше примеч. к стих. «Козак», с. 592); она вошла и в лицейские рукописные сборники.

Ст. 127. *И стансы винограду...* — По-видимому, Пушкин обозначает так «Элизиум поэтов». Основания для такой идентификации дают ст. 33—37 стихотворения Дельвига: «И Бассарей с кистями винограда К тебе пришел, шатаясь на ногах. С улыбкой рек: „Вот бедствиям отрада, Люби и пей на дружеских пирах. Ты в руки ковш — он выжал сок шипящий..."» (Дельвиг. ПССт. С. 269). Ст. 89—95 пушкинского стихотворения представляют собой парафразу этих строк. «Элизиум поэтов» Пушкин позднее (видимо, в 1820 г.) подверг правке, оставив без изменения приведенную строфу (см.: Рукоп. П. 1937. С. 272—274). См.: *Вацуро В. Э.* «Стансы винограду» // Рус. речь. 1989. № 3. С. 24—27.

Ст. 128. *И к лилии куплет.* — Имеется в виду первая строфа стихотворения Дельвига «Лилея» (РМ. 1815. Ч. 1. № 3; в поздней редакции — «К Дориде»).

Ст. 131. *Вот с милым остряком...* — Эту строку, как и ст. 37—40 «Пирующих студентов», относили то к А. Д. Илличевскому (см.: Цявловский. Коммент.; Акад. Т. 1. С. 507), то к Дельвигу. См. выше примеч. к стих. «Пирующие студенты», с. 610.

Ст. 132. *Наш песельник тащится...* — М. Л. Яковлев, игравший на скрипке и сочинявший романсы. Ср. ст. 81—84 «Пирующих студентов» и соотв. примеч. к этому стих., с. 611.

К Д⟨ЕЛЬВИГУ⟩

(«Послушай, муз невинных...»)

(С. 127 и 348)

Автограф (ПД 6) — беловой, с поправками, под заглавием: «К Д....» и с подписью: «А. П.»; текст первой редакции (часть текста между ст. «Барашков и цветки» и «С журналами сражаться» вырезана). Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 158—160 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 103—105 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 83; *Бонди С. М.* Три заметки о Пушкине // Пушкинист, IV. С. 44—45. Факсимильное воспроизведение: Рукоп. П. Изд. О. К.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ) — под заглавием: «К Д***» (Пушкиным добавлено: «Ответ» и проставлена дата: «(1815)»). Текст рукою А. А. Дельвига, с поправками Пушкина (1818—1819?), датой у заглавия: «(1815)» и пометой ⟨крестом⟩ у заглавия,

означающей, что стихотворение требует доработки. Напечатано: АН 1899. С. 136—138 и АН 1900—29. Т. 1. С. 89—91 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 35—38. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 352—354 (по ТЖ); РП. С. 78—80 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

Копия в извлечениях Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа утрачена. Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 240 (ст. 18—22).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 352—354.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ (до поправок; последняя лицейская редакция; в ст. 62 слово «Графовым», замененное в ЛТ астерисками, восстанавливается по автографу и Ник); поздняя редакция — по ЛТ с учетом правки (с несколько отличным от Акад. чтением ст. 16).

Датируется ноябрем 1815 г. на основании пометы в автографе и времени выхода в свет стихотворения Дельвига, на которое послание служит ответом (см. ниже).

Поводом к написанию стихотворения (ср. его название в последней редакции — «Ответ») было послание Дельвига «Пушкину» («Кто, как лебедь цветущей Авзонии...», 1815), созданное под впечатлением поэтических успехов Пушкина, в том числе выступления на лицейском экзамене 8 января 1815 г. с чтением «Воспоминаний в Царском Селе» (см. выше примеч. к этому стих., с. 613—614). В стихах Дельвига речь шла о вдохновенном поэте, избранном с младенчества для поэтического служения; оканчивались они обращением к Пушкину: «Пушкин! Он ⟨т. е. поэт⟩ и в лесах не укроется; Лира выдаст его громким пением, И от смертных восхитит бессмертного Аполлон на Олимп торжествующий» (Дельвиг. ПССт. С. 191). Послание (под заглавием: «К А. С. Пушкину») появилось в «Российском музеуме» (1815. Ч. 3. № 9. С. 260—261; выход в свет — 27 октября 1815 г.). К этому моменту Пушкин опубликовал с полной подписью одно стихотворение («Воспоминания в Царском Селе») и девятнадцать — под псевдонимами; таким образом, стихи Дельвига были адресованы поэту, неизвестному публике. Концовка послания была двусмысленна (быть может, намеренно): она могла быть понята как предсказание поэтического бессмертия Пушкину; отсюда возражение Пушкина и описание воображаемых последствий нескромных похвал Дельвига в ст. 18 и след. Шутливый тон «ответа» намеренно снижает патетику послания Дельвига.

Литературный образец стихотворения — серия дружеских посланий, ориентированных на «Мои пенаты» К. Н. Батюшкова (см. выше примеч. к стих. «Послание к Г⟨алич⟩у» («Где ты, ленивец мой?..»), с. 644). В стихотворении использованы мотивы «Послания к иезуиту Бужану» («Épître V. Au père Bougeant, jésuite») Ж.-Б.-Л. Грессе (см. ниже).

Ст. 4. *Лик* — совокупность, сонм.

Ст. 8—10. *Мой дядюшка-поэт ~ И с музами сосватал.* — По сведениям П. В. Анненкова, «поэтическое сватовство произошло, кажется, после пьесы „К Лицинию", до этого В. Л. Пушкин настороженно относился к поэтическим занятиям племянника» (Анн. Т. 2. С. 91). В поздней редакции в качестве своего поэтического учителя Пушкин называет Жуковского.

Ст. 13. *А там их напечатал...* — Речь идет о стихотворении «К другу стихотворцу» (ВЕ. 1814. № 13).

Ст. 15. *Бестолкову пустому...* — В ранней редакции — «Рифматову, Пустову», с более конкретизированным намеком на С. А. Ширинского-Шихматова и Д. И. Хвостова.

Ст. 25. *А мне прослыть Прадоном...* — Никола Прадон (Pradon, 1630 или 1632—1698) — французский драматург, вступивший в соперничество с Ж. Расином, поставив одновременно с его «Федрой» (1677) свою трагедию на тот же сюжет; эта

постановка стала началом одной из крупнейших интриг в истории французского театра, спровоцировавшей провал первых постановок трагедии Расина. В защите Расина и дезавуировании Прадона ближайшее участие принял Н. Буало, презрительно упомянувший о «бессильных криках» ненавистников Расина, об их невежестве и дурном вкусе в «Послании VII. К Расину» (1677). Имя Прадона было известно Пушкину прежде всего по выступлениям его противников, в частности Буало, и употреблено как нарицательное; так же оно употреблялось и в арзамасских кругах (ср., например, эпиграмму П. А. Вяземского «Как „Андромахи" перевод...» (1810-е гг.) с характеристикой Хвостова (переводчика Расина) как «наших дней Прадона» (*Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 136 (Б-ка поэта; Большая сер.); ср.: *Вяземский П. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 57, 135).

Ст. 30—34. *Предатели-друзья ~ Тисненью предают...* — Эти строки были буквально истолкованы В. П. Гаевским, связавшим появление послания с якобы имевшей место отправкой пушкинских стихов в печать без ведома автора (*Гаевский В. П.* Дельвиг: Статья 1-я // Совр. 1853. Т. 37. № 2. Отд. III. С. 83—84). Версия эта не имеет фактических оснований (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 31).

Ст. 36—45. *Поэта окружают ~ И рощи, и цветки...».* — В этом месте послания Пушкин близко следует фрагменту из «Послания к иезуиту Бужану» Ж.-Б.-Л. Грессе, где описаны модные любители поэзии («остряки» у Пушкина; ср. у Грессе: «quelque suivant de beaux esprits») , расспрашивающие поэта о его занятиях; сходны и предполагаемые ими прециозные, преимущественно пасторальные, темы («Sans doute, élève de Virgile, sur des pipeaux harmonieux, De Lycidas et d'Amartyle Vous aurez soupiré les feux? Vous aurez chanté les beaux yeux, Les premiers soupirs de Sylvie, Et des bouquets de la prairie Vous aurez orné ses cheveaux?») (<«Без сомнения, ученик Вергилия, вы в гармонических звуках свирели станете вздыхать о пламени, зажегшемся в Лицидасе и Амартиле? Вы воспоете прекрасные глаза, первые вздохи Сильвии и украсите ее волосы венками из полевых цветов?» — *фр.*>) (см.: *Gresset.* Œuvres choisies. Paris. S. a. P. 121—122; ср.: АН 1900—29. Т. 1. С. 109—110).

Ст. 62. *С <Графовым> восхищаться...* — Графов — граф Д. И. Хвостов; пародийное обозначение, употребленное в нарицательном смысле.

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗ ПАРИЖА В 1815 ГОДУ

(«Утихла брань племен; в пределах отдаленных...»)

(С. 130 и 350)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) П. Ф. Гревеница (ПД, ф. 244, оп. 4, № 185) (Грев) — под заглавием: «К императору Александру».

2) Тетр. С. В. Марковой (ПД, ф. 244, оп. 8, № 3) (Марк). Относится к 1820-м гг. (водяной знак: «1821»).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — только ст. 1.

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Послание к императору», с подстрочным примечанием: «На случай возвращения его импе<раторского> величе<ства> в 1815 году из Парижа».

Копии 1 и 2 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 370—371 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: Тр. МОЛРС. 1817. Ч. 9, кн. 14. С. 25—28 (публ., вероятно, В. Л. Пушкина).

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по Тр. МОЛРС (строфическое деление — по Грев).

Датируется ноябрем 1815 г. (см. ниже).

В Акад. в 10 т. (2) (Т. 1. С. 153) Б. В. Томашевский изменил название стихотворения на «Александру», в соответствии с обозначением его в плане лицейского собрания стихотворений («к Александру» открывает здесь раздел «Послания»; см.: наст. т., с. 504, а также: Рукою П. 1997. С. 165); печатное заглавие, по мнению Томашевского, принадлежит В. Л. Пушкину (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 52). Однако в списке посланий заглавия сокращены и не вполне идентичны автографам и авторитетным копиям; заглавие настоящего стихотворения в копиях варьируется. История печатного текста неясна; отсутствие автографа не позволяет судить о степени редакторского вмешательства В. Л. Пушкина. Это заставляет нас вернуться к текстологическому решению Акад.

Стихотворение было заказано Пушкину И. И. Мартыновым, в 1803—1817 гг. директором Департамента народного просвещения. Мартынов часто бывал в Лицее, принимал участие в периодических проверках знаний лицеистов и по собственной инициативе занимался с ними российской и латинской словесностью (см.: Письма. Т. 1. С. 177—178). Предложение Пушкину написать приветственное стихотворение на ожидавшееся возвращение Александра I из-за границы после вторичного свержения Наполеона, по-видимому, было связано с чтением на лицейском экзамене 8 января 1815 г. «Воспоминаний в Царском Селе», обративших на себя всеобщее внимание. Стихотворение было послано Мартынову при письме от 28 ноября 1815 г., где Пушкин, в частности, писал: «Вашему превосходительству угодно было, чтобы я написал пиэсу на приезд государя императора; исполняю ваше повеленье ⟨...⟩ сколь счастлив буду я, ежели его сиятельство граф Алексей Кириллович ⟨Разумовский⟩ благоволит поднести его величеству слабое произведенье неопытного стихотворца!». Письмо это было прочитано и поправлено Н. Ф. Кошанским. Отсутствие какой-либо официальной реакции на стихотворение заставляет думать, что оно не было поднесено императору; Александр I приехал в ночь на 2 декабря, и торжественная встреча его в Царском Селе не состоялась (см.: Худ. лит. в 10 т. Т. 1. С. 693 (примеч. Т. Г. Цявловской)). 28 апреля 1817 г. В. Л. Пушкин читал его в заседании Московского общества любителей российской словесности (см.: Летопись 1991. С. 128).

Представление о Наполеоне как узурпаторе законной власти и Александре I как освободителе и миротворце обозначается у Пушкина уже в «Воспоминаниях в Царском Селе» (см. выше примеч. к этому стих., с. 616—617); близкие идеи и образы — в послании В. А. Жуковского «Императору Александру». Вместе с тем в стихотворении отсутствует ряд важных политических тем, затронутых Жуковским (осуждение Французской революции, восторженное описание возвращения на престол Бурбонов и т. д.), что выглядело почти демонстративным на фоне устанавливающегося канона (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 53). К антинаполеоновским стихам военного времени восходит и ряд поэтических формул, характеризующих Наполеона: «счастья сын», «венчанный исполин», «власть мятежная». Формулы типа «звезда губителя потухла в вечной мгле», «пламенный венец» и т. д. генетически связаны с эсхатологическими ассоциациями, прикреплявшимися к образу Наполеона.

Ст. 16. *И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!* — Речь идет об отречении Наполеона от престола, периоде «ста дней», вторичном отречении после битвы при Ватерлоо (см. ниже примеч. к ст. 7—8 стих. «Принцу Оранскому», с. 687).

Ст. 37. *Кульмские герои* — 1-я гвардейская пехотная дивизия, отличившаяся в сражении при Кульме 17—18 августа 1813 г.

Ст. 70. *Излей пред Янусом священну мира чашу...* — Янус в римской мифологии — бог входов и выходов и всякого начала (к нему обращались, приступая к важному предприятию), ведавший договорами и союзами и решавший вопросы мира и войны (храм его в Риме открывался во время войны и закрывался в дни мира).

Ст. 73—77. *И придут времена спокойствия златые ~ По нивам повлечет плуг, миром изощренный...* — Эти строки перекликаются с прославлением мира в «Тибулловой элегии XI» К. Н. Батюшкова (ВЕ. 1810. № 8). Ср., например: «В дни

мира острый плуг и заступ нам священны; А меч, кровавый меч, и шлемы оперенны Снедает ржавчина безмолвно на стенах. Оратай из лесу там едет на волах С женою и с детьми, вином развеселенный!» (ст. 73—77).

«ИТАК, Я СЧАСТЛИВ БЫЛ, ИТАК, Я НАСЛАЖДАЛСЯ...»

(С. 133)

Автограф (ПД 869) — единственный источник текста.
Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 25.
В собрание сочинений как отдельное стихотворение впервые включено: Акад. Т. 1.
Печатается по автографу.
Датируется согласно помете Пушкина 29 ноября 1815 г.

Стихотворение дошло до нас в составе фрагмента лицейского дневника Пушкина (запись от 29 ноября) и осмысляется в его контексте:

«Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волненьем стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было! — наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, сладкая минута!..

Он пел любовь — но был печален глас.
Увы! он знал любви одну лишь муку! —
Жуковский

Как она мила была! как черное платье пристало к милой Б(акуниной)!
Но я не видел ее 18 часов — ах! какое положенье, какая мука. - - -
Но я был счастлив 5 минут - -».

Запись, как и стихотворение, отражает юношеское чувство Пушкина к Екатерине Павловне Бакуниной (1795—1869), в замужестве Полторацкой, сестре лицеиста А. П. Бакунина. В Бакунину были влюблены также И. И. Пущин и И. В. Малиновский, о чем Пушкин упомянул в стихотворении «19 октября» (1825). В 1811—1817 гг. Бакунина постоянно посещает Лицей (см.: Летопись 1991. С. 92); с 24 октября 1817 г., став фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны, живет при дворе.

Стихотворение «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...» — первое по времени, адресованное Бакуниной; его строфика и рифмовка не имеют полных аналогов в творчестве Пушкина (см.: Томашевский. Строфика П. С. 143. № 69). В нем варьируется поэтический мотив стихотворения И. И. Дмитриева «Стансы» («Я счастлив был во дни невинности беспечной...», 1803), на который ориентирована дневниковая запись (см.: *Петрунина Н. Н.* Проза Пушкина. Л., 1987. С. 16—18).

С именем Бакуниной, кроме этого, несомненно связано стихотворение «К живописцу» (1815) и мадригал 1817—1819 гг. «Напрасно воспевать мне ваши именины...». Более гипотетически устанавливаются пределы так называемого бакунинского элегического цикла, отразившего это увлечение Пушкина. П. В. Анненков впервые указал на десять стихотворений Пушкина, «порожденных чувством юношеской привязанности»: «Желание», «Осеннее утро», «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...»), «Окно», «Месяц», «Элегия» («Опять я ваш, о юные друзья!..»), «Любовь одна — веселье жизни хладной...», «Разлука», «Уныние» (поздняя редакция «Разлуки»), «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...») (см.: Анн. Т. 2. С. 152—153). В. П. Гаевский называл в связи с Бакуниной также «Мое завещание. Друзьям», «Наслаждение», «В альбом Пущину», «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»), где содержатся воспоминания об уже прошедшей любви (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 383—384). В. Я. Брюсов, анализируя развитие чувства поэта, добавлял к этому списку стихотворения «Слеза», «Наездники», «Послание к князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»), «Надпись к беседке», «Певец», «К сну» («Знакомец милый и старинный...»; «К

Морфею»), «Пробуждение», «Друзьям» («К чему, веселые друзья...»), «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...») (см.: Брюсов. Мой Пушкин. С. 26—28). Н. О. Лернер, упрекнув Гаевского и Брюсова за чрезмерное расширение цикла, связывал с увлечением Бакуниной стихотворения 1816 г., объединенные общностью «грустных раздумий и непрерывающегося элегического настроения»: «Осеннее утро», «Разлука», «Любовь одна — веселье жизни хладной...» (см.: Лернер. Рассказы о П. С. 60—63). Суммируя предшествующие (в том числе и свои собственные) наблюдения, М. А. Цявловский относил к «бакунинскому циклу» 22 лицейских стихотворения: все названные Анненковым и Гаевским, а также Брюсовым (за исключением «Надписи к беседке» и «Пробуждения») и добавлял к списку «Слово милой» (см.: Летопись. С. 76—77). Несколько изменен этот перечень в примечаниях Д. Д. Благого и Т. Г. Цявловской в Госл. в 10 т. (Т. 1. С. 605) — в него включен цикл элегий 1816 г.: «Осеннее утро», «Уныние» («Разлука»), «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...»), «Месяц», «Певец», «К Морфею» («К сну»), «Слово милой», «Любовь одна — веселье жизни хладной...», «Подражание» («Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»)), «Желание», «Друзьям» («К чему, веселые друзья...»), «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...»), «Наслажденье», «Пробуждение» (в списке Цявловского нет), «К письму» (в списке Цявловского нет). Предположительно к Бакуниной здесь отнесены также стихотворения «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...», 1815), «Окно», «Надпись к беседке» (оба — 1816).

Колебания исследователей в определении границ «цикла» показывают, что биографическая интерпретация многих из названных стихотворений субъективна и что их элегическая ситуация связана с реальными переживаниями поэта опосредованно или не связана вовсе. В ряде случаев мы имеем дело с литературными мотивами, принадлежащими элегической традиции. Адресат перечисленных стихотворений может быть установлен поэтому лишь предположительно.

В лицейских сборниках, в частности в Ник, элегии, адресуемые Бакуниной, вошли в цикл, имеющий, по-видимому, авторское происхождение и озаглавленный «Элегии»: I. «Опять я ваш, о юные друзья!..»; II. «Осеннее утро»; III. «Сну» («Знакомец милый и старинный...»; «К Морфею»); IV. «Любовь одна — веселье жизни хладной...»; V. «Месяц»; VI. «Счастлив, кто в страсти сам себе...»; VII. «Когда пробил последний счастью час...» («Разлука»); VIII. «Друзьям» («К чему, веселые друзья...»); IX. «Я Лилу слушал у клавира...» (РП. С. 57—65). Цикл составлен по образцу книги элегий Э.-Д. Парни («Poésies érotiques», livre IV). См.: Цявловский. Коммент.; *Фомичев С. А.* Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 31—33.

Несколько ироническую характеристику элегических настроений «бакунинского цикла» Пушкин дает уже в 1816 г. в стихотворении «К Ш⟨ишк⟩ову» (см.: наст. т., с. 225—226), однако они отразились в «Евгении Онегине», где можно обнаружить реминисценции из «Осеннего утра» и других стихотворений цикла (см.: Городецкий. С. 185—186).

ТЕНЬ ФОН-ВИЗИНА

(«В раю, за грустным Ахероном...»)

(С. 134)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестного лицеиста (ПД 10) (N). Написана тем же почерком, что и копии «Гроба Анакреона» и «Безверия» (ЛТ; см.: наст. т., с. 508, 510). Авторизована Пушкиным; имя и фамилия автора выскоблены, за исключением инициалов «А» и «П». Единственный источник текста.

Впервые: Веч. Москва. 1934. 28 июля (отрывки); ЛН. Т. 16—18. С. 816—820 (отрывки; публ. Л. Б. Модзалевского); П. Врем. [Т.] 1. С. 3—11 (полностью; публ. Л. Б. Модзалевского). Факсимильное воспроизведение: П. Врем. [Т.] 1. Между с. 8 и 9, 16 и 17, 24 и 25 (загл. лист; ст. 1—34, 290—320).

В собрание сочинений впервые включено: ГИХЛ 1935. Т. 1.

Печатается по копии.

Датируется 1815 г. по содержанию. Основанием датировки являются ст. 71—87, посвященные А. Ф. Кропотову как издателю журнала «Демокрит», и ст. 186—189 о журнале «Кабинет Аспазии» (см. ниже). Оба журнала издавались только в 1815 г., причем первого вышло шесть книжек (последняя процензурована 20 июля), второго — семь (кн. 7 процензурована 7 августа). В шестой (июньской) книжке «Кабинета Аспазии» имеется объявление от издателей, что ввиду успеха журнала они намерены выпускать его и в течение второго полугодия. Таким образом, и после выхода седьмой книжки можно было думать, что журнал продолжает издаваться. С другой стороны, едва ли «Тень Фон-Визина» могла быть написана позднее декабря 1815 г.: говорить о «Демокрите» и о «Кабинете Аспазии» как об издающихся журналах в 1816 г. было бы анахронизмом.

Более точная датировка стихотворения (в пределах 1815 г.) затруднительна. Л. Б. Модзалевский полагал, что оно написано не позднее сентября (в августе—сентябре), так как в нем не получило отражения основное литературное событие года — постановка «Липецких вод» А. А. Шаховского (23 сентября 1815 г.), вызвавшая бурную полемику; он указывал также на целый ряд новых замыслов, которыми Пушкин был отвлечен в ноябре и декабре (см.: П. Врем. [Т.] 1. С. 13—14). Эти соображения были отвергнуты М. А. Цявловским (Цявловский. Коммент.; ср.: Летопись. С. 85; Акад. Т. 1. С. 458), выдвинувшим в качестве датирующего признака появление в № 9 «Российского музеума» (вышел в свет 27 октября) статьи П. И. Шаликова об А. П. Буниной, возможно давшей импульс ст. 182—185, и датировал стихотворение предположительно ноябрем—декабрем 1815 г. Хотя отклик на эту статью в ст. 182—185 отнюдь не очевиден, целый ряд других косвенных признаков (см. ниже) поддерживает последнюю дату, которая продолжает оставаться наиболее вероятной.

«Тень Фон-Визина» — центральное из лицейских литературно-полемических выступлений Пушкина. Как и сатиры К. Н. Батюшкова «Видение на берегах Леты» и «Певец, или Певцы в Беседе Славено-Россов», хорошо известные лицеистам в списках (сохранившихся, в частности, в архиве А. М. Горчакова), оно дает свод сатирических характеристик ряда писателей, бывших предметом осмеяния в «Арзамасе». Д. И. Фонвизин как судья современной литературы появляется и в «Видении на берегах Леты». Ср. также статью «Московский бродяга» (В. В. Измайлова) в «Российском музеуме» (1815. Ч. 2. № 6; вышел в свет 16 июня) с обращением к Фонвизину: «Где комическое перо твое, начертавшее портрет Недоросля и Простаковых? Какое обширное поле для наблюдений и описаний открылось бы для тебя в наше время!» (с. 366). Стихотворение Пушкина возникает в кругу этих ассоциаций. Образцы сатир аналогичного построения (комический писатель возвращается из загробного мира, чтобы утвердить дух истинной поэзии) есть во французской литературе; ср. «Тень Мольера» («L'Ombre de Molière»), пролог к «диалогу в стихах» «Школа света» («L'École du Monde», 1739) К.-А. де Вуазенона (Voisenon, 1708—1775). Ряд мотивов «Тени Фон-Визина» был разработан в предшествующей поэме-балладе Пушкина «Тень Баркова» (1814—1815).

Ст. 23. *Но свет ни в чем не переменился...* и след. — Последующие стихи ориентированы на «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Фонвизина (нач. 1760-х гг.; опубл. 1769). «Послание...» было чрезвычайно популярно (ср. свидетельство М. А. Дмитриева, что его «знали наизусть»: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 50); оно вошло в «Собрание русских стихотворений...» (СРС. Ч. 4) и в «Пантеон русской поэзии» (ПРП. Ч. 4, кн. 7; вышла не позднее 17 сентября 1815 г. — см.: СПбВед. 1815. 17 сент. № 75). Вслед за Фонвизиным Пушкин выстраивает сатирическую галерею типов (ср. также в ст. 39, 41 заимствованную из «Послания...» рифму *нахалов—генералов*), делая прямую отсылку к стихотворению Фонвизина в ст. 46, 47.

Ст. 46—47. *Ты прав, оратор мой Петрушка: Весь свет бездельная игрушка...* — Ср. в «Послании...» Фонвизина: «Я мысль мою скажу, — вещает мне Петрушка, — Весь свет, мне кажется, ребятская игрушка».

Ст. 54—56. *С крылатой шапкой на бекрене, Богов посланник молодой Слетает вдруг к нему стрелой.* — Гермес (Эрмий), в греческой мифологии посланник олимпийских богов, изображался в крылатом шлеме. Возможно, реминисценция из «Фелицы» (1782) Г. Р. Державина: «Имея шапку на бекрене, Лечу на резвом бегуне» (ст. 79—80).

Ст. 73. *Там Кропов в тишине глубокой...* и след. — Кропов — пародийный вариант (от «кропать») фамилии Андрея Фроловича Кропотова (1780—1817), издателя журнала «Демокрит» (1815). Кропотов был известен в литературных кругах «цинической фамильярностью» устных рассказов и неудобными для печати стихами. Как образец «площадного слога» получил известность его «Разговор с чердака 1813 года декабря 31 дня в 12 часов пополудни с новым 1814-м годом» (Демокрит. 1815. Кн. 2. С. 91—98) и в особенности строчки: «О Фортуна! — но ни слова, — с чердака маво сквознова Тебе фигу я кажу» (Там же. С. 97; ср.: *Булгарин Ф.* Воспоминания. СПб., 1849. Ч. 6. С. 132). Булгарин упоминал и о пьянстве Кропотова (Там же. С. 131). Ср. «Рондо» Кропотова (Демокрит. 1815. Кн. 3. С. 183—187) из 23 куплетов, каждый из которых оканчивается словом «пьян» (ср., например: «Гей! Доротька! поскорее Подавай еще стакан; Пятый хлопну — веселее, А с пяти не буду пьян»). Сатирическая характеристика «Демокрита» есть в «Современном наблюдателе российской словесности» (1815. № 2. С. 63) и «Вестнике Европы» («На „Демокрита" не нужно тратить слов. Публика произвела уже суждение свое над сим произведением *зрелого* невежества. Нетрудно угадать, какой... ⟨так в тексте⟩ воспламенял воображение сочинителя стихов „Здравствуй, брат елеха-воха!" Особенно в строфе: „О Фортуна! но ни слова! С чердака маво сквознова Тебе фигу я кажу"» (ВЕ. 1815. № 18. С. 140); ср. также в последнем из указанных журналов (№ 22) эпиграмму на него). Есть основания думать, что Кропотов служил и обычной мишенью лицейских эпиграмматистов и что цитаты из его стихов легко узнавались лицейскими литераторами; так, в № 2 «Лицейского мудреца» без всякой ссылки цитировались приведенные выше строчки Кропотова (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 270; этот номер вышел как раз в конце ноября 1815 г., т. е. в то время, к которому предположительно относится и «Тень Фон-Визина», — см.: Летопись 1991. С. 99); возможно, Кропотов же имеется в виду и под «чердакожителем Алциндором», со «свайкою», «тупым концом» которой он пишет эпиграммы («Лицейская антология», 1816 — Грот. Пушк. лицей. С. 310).

Ст. 76. *На стуле ветхом и треногом...* — Реминисценция из «Моих пенатов» Батюшкова (ср.: «Стол ветхий и треногий С изорванным сукном» — ст. 27—28).

Ст. 94. *Хвостову прямо в кабинет.* — Граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757—1835), постоянный объект насмешек «арзамасцев», стяжавший репутацию графомана, был задет Пушкиным в посланиях «К другу стихотворцу», «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...»), в «Городке. (К***)» и др.

Ст. 96—99. *Унизывал на случай оду ~ Чертил, вычеркивал, потел, Чтоб стать посмешищем народу.* — Мотив ночных мучений над одой, отнесенный к Хвостову, впервые разработан в «Тени Баркова»: «Как иногда поэт Хвостов, Обиженный природой, Во тьме полуночных часов Корпит над хладной одой. Пред ним несчастное дитя: И вкривь, и вкось, и прямо Он слово звучное, кряхтя, Ломает в стих упрямо» (ср.: Лернер. Рассказы о П. С. 51). Вариант того же мотива — в стихотворении «Моему Аристарху». В «Тени Фон-Визина» — третий случай его использования. Экспозиция сцены и следующий далее монолог Хвостова во многом опираются и на памфлетную басню А. Е. Измайлова (см. ниже). Ср. также «Послание к русскому Бавию об истинном поэте» Н. Ф. Остолопова (ВЕ. 1815. № 16; Поэты-радищевцы. [Л.], 1935. С. 397—400 (Б-ка поэта. Большая сер.)) с близкими памфлетными формулами.

Ст. 101. *На ленте анненской табак...* — Неопрятность Хвостова была постоянным мотивом «арзамасских» сатир и пародий.

Ст. 113. *Хвостов! старинный мой дружище!* — О личном знакомстве Хвостова и Фонвизина, бывшего постоянным посетителем родителей Хвостова (см.: *Пигарев К. В.* Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 151; Поэты-сатирики. С. 616 (примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер)), Пушкин знал, по-видимому, из устного предания, в том числе и семейного. Известно, что С. Л. Пушкин встречался с Фонвизиным незадолго до смерти драматурга (см.: Новонайденный автограф Пушкина. М.; Л., 1968. С. 54); В. Л. Пушкин был близок к И. И. Дмитриеву, хорошо знакомому с Хвостовым (с 1783 г.) и также познакомившемуся с Фонвизиным за день до его смерти (см.: *Дмитриев И. И.* Соч. СПб., 1895. Т. 2. С. 39—40; *Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 5. С. 293). Троюродным племянником Хвостову приходился лицеист А. М. Горчаков. До Пушкина могли дойти сведения и о послании Хвостова к Фонвизину, напечатанном в разгар его полемики с Дмитриевым и П. И. Шаликовым; ближайшим свидетелем и даже участником этой полемики был и В. Л. Пушкин. В послании (*Хвостов Дм., гр.* К Денису Ивановичу Фон-Визину // Друг просвещения. 1806. № 4. С. 12) также содержится призыв к сатирику покинуть «предел гробницы мрачной» и «освистать» новых поэтов, преисполненных «слезливости», «грусти» и пустой «красивости», т. е. сентименталистов, адептов Н. М. Карамзина (полемический смысл стихотворения был завуалирован при позднейшей его перепечатке; см.: *Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. 2-е изд. Т. 5. С. 271, примеч. Хвостова). Тематически все это очень близко «Тени Фон-Визина» (см. также совпадающий частный мотив в ст. 196—199); Пушкин как бы травестирует послание Хвостова, направляя его рекомендации против него самого. Прямых данных о знакомстве Пушкина с посланием нет, тем не менее гипотеза о таком знакомстве, подкрепленная сопоставительным анализом текстов, представляется вероятной (см.: *Сидяков Л. С.* «Тень Фонвизина» // Врем. ПК 23. С. 90—98). В «Друге просвещения» (1804. № 1) была напечатана также надпись Хвостова «К портрету Д. И. Фон-Визина, Российской Академии члена, скончавшегося 1792 года», с биографическими деталями, говорящими о личном знакомстве поэтов (перепечатка: *Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. 2-е изд. Т. 5. С. 277).

Ст. 116—118. *Увы! несчастному поэту ~ Давно ни в чем удачи нету.* — Эти и следующие (см. ниже) стихи перефразируют монолог Дамона (Хвостова) в басне (сказке) А. Е. Измайлова «Стихотворец и черт» (ПРП. Ч. 3, кн. 3; также: *Измайлов А.* Басни и сказки. СПб., 1814, где имеется открывающая книгу заставка как раз на этот сюжет). Басня пользовалась широкой известностью, причем адресат был хорошо известен (в том числе и самому Хвостову — ср.: Стихотворная сказка. С. 663 (примеч. В. П. Степанова)). Ср. у Измайлова: «„Ну есть ли кто на свете Несчастнее меня? И не было и нет!" — Так говорил Дамон-поэт, Сидя один в полночь со свечкой в кабинете, Вздыхая тяжело и нюхая табак, Которым вымарал лицо, халат, колпак И, с позволения сказать, свои творенья» (ср. ст. 100—101 «Тени Фон-Визина»).

Ст. 120—121. *По мне с парнасского задору Хоть удавись...* — Ср. у Измайлова: «Пришло с Парнаса в петлю лезть!».

Ст. 122—123. *Что я хорош, в том клясться рад, Пишу, пою на всякий лад...* — Ср. у Измайлова: «Уж сорок лет пишу, хвалю себя, хвалю...».

Ст. 124—125. *Хвалили гений мой в газетах, В «Аспазии» боготворят.* — У Измайлова: «Платил газетчикам, издателям журналов...». «Аспазия» — «Кабинет Аспазии», издававшийся Б. М. Федоровым (см. ниже примеч. к ст. 186—189), А. Рихтером, В. Бахиревым и И. Исаковым (1815). Здесь было напечатано вторично уже появившееся в «Посланиях» Хвостова (СПб., 1814) стихотворение «К г. Т⟨ончи⟩. Славному живописцу и сочинителю системы о призраках» с апологетическим примечанием о «лестной чести украсить ⟨...⟩ журнал произведением славного поэта» (Кабинет Аспазии. 1815. № 3. С. 31); в следующем номере появился хвалебный разбор «Посланий в стихах», подписанный «А. Р.» (по-видимому, «А. Рихтер»), где Хвостов рассматривался как «первый дидактический писатель»: «Здесь язык чист, стихи плавны, обработаны; везде встречаешь новые мысли, верность в суждениях, приятную разнообразность; а иногда превосходные места» (Кабинет Аспазии. 1815. № 4. С. 73).

Ст. 127—128. *Меня бранит и стар и млад, Читать стихов моих не хочут...* — Ср. у Измайлова: «Начну читать стихи — смеются; Печатаю — не продаются ⟨...⟩ Все раздарил — а их никто и не читал!».

Ст. 131. *Мальчишки надо мной хохочут.* — Может быть, эта фраза имеет и конкретный смысл: в лицейских бумагах А. М. Горчакова сохранилось помеченное 3 сентября 1815 г. его сочинение «Разбор оды графа Хвостова на вторичное вступление союзников в Париж» (ода напечатана: СО. 1815. № 24; отд. изд. (под заглавием: «На вторичное вступление сынов Европы в Париж, после победы при местечке, Прекрасный Союз называемом»): СПб., 1815; ценз. разр. — 12 августа 1815 г.). Как видно из разбора, Хвостов сам просил Горчакова написать критику на вновь сочиненную оду (см.: КА. 1928. Т. 6 (31). С. 158—159).

Ст. 132—133. *Анастасевич лишь один, Мой верный крестник, чтец и сын...* — Василий Григорьевич Анастасевич (1775—1845) — переводчик и библиограф, редактор журнала «Улей» (1811—1812), издававшегося при материальной поддержке Хвостова. В «Улье» помещались стихи Хвостова и хвалебные разборы его сочинений (ср. перевод из «Allgemeine Literatur Zeitung» — 1811. № 1; биобиблиографическая заметка о произведениях Хвостова — № 2; «Письмо к приятелю о переводе „Андромахи" гр. Хвостовым», с подписью: «...н» (Я. М. Лыкошин), — № 4; экспромт А. Боровкова к портрету Хвостова — «друга нежного Аполлона, муз», — № 9). Ср. также пространное стихотворное посвящение Хвостову оратории «Саул» в переводе Анастасевича (СПб., 1811) (см.: *Замков Н. К.* «Улей»: Журнал В. Г. Анастасевича / Библиогр. опис. // Sertum bibliologicum. Пб., 1922. С. 39—70). Связь журнала с Хвостовым была известна; Ф. Ф. Вигель писал позднее, что «Улей» издавался «под руководством графа Хвостова» (см.: *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892. Ч. 3. С. 154). Анастасевич упомянут в «Певце ⟨...⟩ в Беседе Славено-Россов» Батюшкова и Измайлова с прозвищем «холуй» («И с польской музыкой своей Холуй Анастасевич» — ст. 147—148; намек на полонизмы Анастасевича и на его зависимое положение от Хвостова; членом «Беседы» Анастасевич не был); упоминается он и в «арзамасских» протоколах. См.: *Брискман М. А.* В. Г. Анастасевич (1775—1845). М., 1958. С. 65—68.

Ст. 135—136. *Что истукан мой увенчает Потомство лавровым венцом.* — Ср. у Измайлова: «По смерти памятник мне, верно, сорудят».

Ст. 145—146. *И буду в аде век писать И притчи дьяволам читать».* — Прямая отсылка к сказке Измайлова. Ср. в тексте ее: «Рад душу черту я отдать, С тем только, чтоб он стал стихи мои читать!».

Ст. 162—171. *В своем боскете князь Шальной ~ О страх! он в обморок упал.* — Речь идет о князе Петре Ивановиче Шаликове (1768 или 1769—1852), эпигоне Карамзина; характеристика его традиционна, в духе «арзамасских» сатир — «Видения на берегах Леты» Батюшкова, «Отъезд Вздыхалова» П. А. Вяземского (1811?) и пр. «Боскет» упоминается в послании Шаликова «К соседу»: «За круглым столиком в *боскете* В твоем ученом кабинете, Откуда изгнан *этикет*, Усевшись, мысли обращаем К тому, что лучшим для людей Блаженством в жизни почитаем» (Аглая. 1808. Ч. 1. С. 65; перепечатано: СРС. Ч. 4; ср.: Поэты 1790—1810-х гг. С. 636).

Ст. 172. *И ты, Славяно-Росс надутый...* и след. — Имеется в виду С. А. Ширинский-Шихматов (см. о нем стих. «К другу стихотворцу», «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...»), «Бова», «Пожарский, Минин, Гермоген...» и примеч. к ним). «Шихматов безглагольный» упоминается в «Певце ⟨...⟩ в Беседе Славено-Россов» Батюшкова и Измайлова как «сын, наперсник и клеврет» А. С. Шишкова (ср. в пародийном «арзамасском» «Символе веры в Беседе при вступлении сотрудников» характеристику его как «сына его ⟨Шишкова⟩ единородного, иже от Шишкова рожденного прежде всех», — «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 164). Шихматов был наиболее значительным поэтом «Беседы...», пользовавшимся неизменной поддержкой Шишкова, и сам считал себя его учеником (ср. посвящение им Шишкову «Опыта о критике» (1806), именование его «наставником и другом» в песни «Российскому слову» по случаю принятия автора в члены Академии (1809) и др.). «Надутым» Пушкин называл его и в письме Кюхельбекеру от 1—6 декабря 1825 г.

С т. 173. *Безглагольник* — избегающий глагольных рифм (характерная особенность поэтики Шихматова).

С т. 176. *Петриада* — «Петр Великий. Лирическое песнопение в осьми песнях» (СПб., 1810) — одно из центральных произведений Шихматова, восторженно принятое Шишковым и вызвавшее резко отрицательную реакцию в кругу противников «Беседы...»; известны многочисленные эпиграммы на него (в том числе Батюшкова). См.: Поэты 1790—1810-х гг. С. 842.

С т. 178—179. *И ты, попами воскормленный, Дьячком псалтире обученный...* — Речь идет об А. С. Шишкове. Изображение Шишкова и его сторонников как приверженцев исключительно церковно-славянской литературы — общее место в «арзамасских» и примыкающих к ним сатирах (ср. появление Шишкова с Прологом в «Видении на берегах Леты»; упоминание Пролога в «Певце ⟨...⟩ в Беседе Славено-Россов»; Синопсиса, Степенной книги — в послании «К Ж⟨уковскому⟩» В. Л. Пушкина; Миней Четьих, Псалтыри — в «Венчании Шутовского» Д. В. Дашкова и в его же письме к Вяземскому от 19 декабря 1813 г. (РА. 1866. Вып. 3. Стб. 493); Библии — у Измайлова («Дядя и племянник славянофилы») и т. д.; см. также: «Арзамас» 1994 — по указ. («Шишков»)).

С т. 180. *Ужасный критикам старик!* — Ср. в «Певце ⟨...⟩ в Беседе Славено-Россов»: «И сколь он хладен пред столом И критикам ужасен!» (ст. 99—100).

С т. 182—184. *Твоя невинная другиня ~ Вралих Петрополя богиня...* — Речь идет о почетном члене «Беседы...» (с 1811 г.), поэтессе Анне Петровне Буниной (1774—1829), пользовавшейся неизменной поддержкой и покровительством Шишкова, с которым она была близко знакома. Упоминание Буниной (также выведенной (без имени) в «Видении на берегах Леты» Батюшкова), вероятно, результат повышенного интереса к ее личности как раз в 1815 г., когда она выехала в Англию для лечения (29 июля). Отъезд Буниной сопровождался ее чествованием и превратился в событие, освещавшееся и журналами; ср. посвященные ей стихи в «Сыне отечества» (1815. № 23) и статью Шаликова «Об отъезде в Англию девицы Буниной и о сочинениях сей стихотворицы» (РМ. 1815. Ч. 3. № 9); в чествовании активная роль принадлежала Е. Н. Пучковой, адресату нескольких лицейских эпиграмм (см. ниже примеч. к эпиграмме «На Пучкову» («Зачем кричишь ты, что ты *дева*...»), с. 701—702); возможно, она понимается под одной из «вралих Петрополя». Еще существеннее, однако, что этому отъезду было посвящено пятое ординарное заседание «Арзамаса» 25 ноября 1815 г. с речами С. С. Уварова и В. А. Жуковского о Буниной; сквозной темой были литературные взаимоотношения Шишкова с Буниной («невинной, пламенной Певицей») и с Ширинским-Шихматовым; ср. то же сочетание имен в «Тени Фон-Визина» (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 307—313). Это сопоставление также поддерживает датировку «Тени Фон-Визина» ноябрем—декабрем 1815 г.

С т. 186—189. *И ежемесячный вздыхатель ~ Безграмотный школяр-писатель...* — Имеется в виду Борис Михайлович Федоров (1798—1875), ближайший участник и создатель «Кабинета Аспазии», впоследствии литературный противник дельвиговского кружка; в 1815 г. чиновник департамента Министерства юстиции (РГИА, ф. 1349, оп. 4, № 27, л. 38). Федоров печатался с 1812 г., будучи 14 или 15 лет от роду; его первые выступления — официальные оды и патриотические драмы (Песнь ополчения на победы гр. Витгенштейна. СПб., 1812; Донской казак. СПб., 1813; Крестьянин-офицер... Драма в 2-х действиях. СПб., 1813; Эпистола к ⟨...⟩ К. И. Голенищевой-Кутузовой Смоленской. СПб., 1813; Русские витязи при князе Владимире. Героическое представление в 3-х действиях. СПб., 1814; День рождения императрицы Марии и воспоминания о Павловске. Поэма. СПб., 1815); в 1814 г. вышел и его сборник «Минуты смеха, или Собрание некоторых забавных стихотворений Бориса Федорова». Стихи его появлялись также в «Русском вестнике» (1814), «Русском инвалиде» (1814—1815) и др. Необычная литературная молодость и плодовитость Федорова были замечены рано и постоянно вызывали ироническое отношение, отразившееся и в строках Пушкина о «ребенке» и «школяре-писателе»; по-видимому, оно сказалось и в закрепившемся за Федоровым прозвище «Борька».

Ср. в поздних апологетических воспоминаниях В. И. Панаева, давнего приятеля Федорова: «...имея не более 17 лет, он ⟨Федоров⟩ уже заявил себя своими стихотворениями и изданием небольшого журнала ⟨«Кабинет Аспазии»⟩. Наделенный от природы поэтическим талантом, страстный к занятиям литературою, исписавший бездну бумаги, бездну перечитавший, одушевленный любовью к отечеству, стремлением к добру, человек безукоризненной нравственности, нежного сердца, он пользовался покровительством Державина, Дмитриева, Карамзина, Тургенева, Шишкова и постоянно был преследуем журналистами. Не оттого ли, что всякая излишняя страсть к чему бы то ни было становится наконец оригинальною и может привлечь на себя жало сатиры?» (РВ. 1867. Т. 71. № 9. С. 262).

Ст. 191. *Не спас ребенка Купидон...* — Возможно, намек на стихотворение Федорова «Жестокая Ниса» (Кабинет Аспазии. 1815. № 2), где Венера просит Купидона смягчить «участь ⟨...⟩ люту» страдающего от любви поэта; «купидоны» приносят ему сердце возлюбленной. Ср. также в «Видении на берегах Леты» сцену с А. Ф. Мерзляковым: «„Спаси... спаси меня, любовь! Авось..." — „Нет, нет, болтун несчастный, Довольно я с тобою выл!" — Сказал ему Эрот прекрасный, Который тут с Психеей был. „Ступай!" — Пошел, — и нет педанта» (ст. 105—110).

Ст. 198—199. *...от зевоты Я снова умереть готов...* — Ср. аналогичный пассаж в послании Хвостова «Денису Ивановичу Фон-Визину»: «Но ах! хотя из гроба встанешь, — Опять зачахнешь и увянешь, Умрешь, наверное, с тоски».

Ст. 227. *То был из гимнов гимн прямой...* и след. — Далее пародируется «Гимн лироэпический на прогнание французов из отечества» Г. Р. Державина (ЧБЛРС. 1813. Кн. 10; отд. изд.: СПб., 1813). Строки «Гимна» соединены намеренно хаотически и либо слегка варьированы, либо взяты без изменений. Ср. ст. 231—240 «Тени Фон-Визина» с соответствующими державинскими (в скобках даны номера стихов):

Пушкин	Державин
Открылась тайн священных дверь!..	Открылась тайн священных дверь (21)
Из бездн исходит Луцифер,	Исшел из бездн огромный зверь (22)
	В плоти седмыглавый Люцифер (326)
Смиренный, но челоперунный.	Смиренный, кроткий, но челоперунный (36)
Наполеон! Наполеон!	Наполеон! Наполеон! (246)
Париж, и новый Вавилон,	О новый Вавилон, Париж! (363)
И кроткий агнец белорунный,	А только агнец белорунный, (35)
Превосходясь, как дивий Гог,	Превознесясь, как некий дивий Гог, (71)
Упал, как дух Сатанаила,	Упал в душе своей, как дух Сатанаила, (407)
Исчезла демонская сила!..	Упала демонская сила! (339)
Благословен господь наш Бог!	Благословен господь наш Бог! (1)

Пародия Пушкина, написанная сразу же после «Воспоминаний в Царском Селе», и последующая характеристика Державина как пережившего свою славу поэта была литературной дерзостью; по-видимому, именно это побудило Пушкина скрыть свое авторство, выскоблив в рукописи имя и фамилию.

Ст. 244. *Покойный господин Бобров...* — Ср. ст. 18—19 стих. «⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩» («Христос воскрес, питомец Феба!..») и соотв. примеч. к нему, с. 680.

Ст. 246. *И ты судьбой Невтону равен...* — Исаак Ньютон (1643—1727) в последние годы жизни страдал ослаблением умственных способностей.

Ст. 247. *Ты бог — ты червь, ты свет — ты ночь...* — Парафраза стихов Державина из оды «Бог» (1784): «Я царь — я раб — я червь — я бог!».

Ст. 257—258. *...звучной лирой в сонме россов Татарин бритый возгремел...* — Державин возводил свой род к татарскому мурзе Багриму; этот мотив закреплен в «Видении мурзы» (1783—1784?) и ряде других од. В 1825 г. Пушкин в разговоре с А. А. Дельвигом, по-видимому, затрагивал те же темы, которые поднял впервые в «Тени Фон-Визина»; в начале июня он писал ему: «По твоем отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни

русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он и ниже Ломоносова). ⟨...⟩ читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей-богу, его гений думал по-татарски, — а русской грамоты не знал за недосугом».

Ст. 259. *...Пиндар Холмогора...* — М. В. Ломоносов родился и провел детство близ села Холмогоры Архангельской губернии (в деревне Мишанинской).

Ст. 264. *Апокалипсис преложить...* — «Гимн» Державина изобиловал образами Библии, и в частности Апокалипсиса (на что он сам указывает в примечаниях к тексту).

Ст. 277. *Фальконетов Купидон* — скульптура сидящего Амура работы Этьена Мориса Фальконе (Falconet, 1716—1791). Стихи на эту статую были написаны Вольтером («Qui que tu sois, voici ton maître...») и переведены в России И. И. Дмитриевым («К Амуру», 1803) и А. Бенитцким («Надпись к портрету Амура»: Журнал российской словесности. 1805. Ч. 2. С. 90); Карамзину принадлежат девять «Надписей на статую Купидона» (1798). Пушкинское упоминание, по-видимому, навеяно стихотворением Державина «Фалконетов Купидон» (1804).

Ст. 278. *Грозит с усмешкой у порога.* — Ср. в «Фалконетовом Купидоне» Державина: «Не шути, имев грудь целу, — Улыбаясь, он грозит» (ст. 37—38).

Ст. 282—288. *В приятной неге, на постеле ~ В забвеньи сладостном шептал.* — Описание Батюшкова, спящего в «шалаше» «с прелестной Лилой», — отсылка к аналогичным сценам в «Моих пенатах». Мотив беспечного сна присутствует также в «Похвальном слове сну», «Мечте», «Сне могольца» Батюшкова и в собственных стихах Пушкина.

Ст. 292. *Иль Клейст?* — Эвальд Христиан фон Клейст (Kleist, 1715—1759) — немецкий поэт, известный более всего как идиллик (его идиллия «Цефиз» переведена А. А. Дельвигом и А. Д. Илличевским; последний перевел также идиллию «Ирин»).

СЛЕЗА

(«Вчера за чашей пуншевою...»)

(С. 142 и 351)

Автограф (ПД 12; на одном листе со стихотворением «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»)) — беловой, с поправками; текст первой редакции; почерк автографа близок к почерку письма И. И. Мартынову от 28 ноября 1815 г. Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 132 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 168—169 (публ. Л. Н. Майкова); Грот. Пушк. лицей. С. 343—344.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою И. И. Пущина, с тремя слоями правки Пушкина: а) только поправка в ст. 10 («прошептал» вместо «просвистал»), относящаяся, вероятно, к июню 1817 г.; каллиграфический характер исправления позволяет думать, что оно сделано для чтения рукописи Жуковским; самая же поправка уже учтена в Ник, составлявшейся в июне—июле 1817 г. (см.: *Кленман М. К.* Текст лицейских стихов Пушкина // Пушкинист, IV. С. 1—12; ранний вариант строки позднейшими критиками и исследователями иногда рассматривался как ошибочное чтение (см.: МВ. 1828. № 3. С. 321—322 — замечание С. П. Шевырева; *Винокур Г.* Критика поэтического текста. М., 1927. С. 90—91)); б) устранение строфы 3 и поправка в ст. 6; может быть, в этот раз поставлен и номер «3» у заглавия (порядковый номер среди стихотворений ЛТ, предназначенных для включения в печатный сборник); в) попытка переделки стихотворения: правка не доведена до конца; вероятно, в этот раз Пушкин вычеркнул и порядковый номер, отказавшись печатать стихотворение; позднее у заглавия поставлена помета: «Не надо». Напечатано: АН 1899. С. 119 и АН 1900—29. Т. 1. С. 134 (контаминированный текст; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 46—48. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Сб. стихотворений лицейских поэтов из архива Горчакова (Гор).

3) Альбом Горчакова (Грч). Текст с многочисленными ошибками.

4) А. Д. Илличевского (ПД, ф. 244, оп. 4, № 41) (Ил) — при письме к П. Н. Фуссу от 20 марта 1816 г.

5) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ). Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 133 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 169 (в виде вариантов; публ. Л. Н. Майкова).

6) Тетр. Никитенко (Ник). Идентична ЛТ с первым слоем правки, причем ст. 10 исправлен по выскобленному. Напечатано: Посм. Т. 9. С. 312—313 (по ТЖ); РП. С. 40—41 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

7) Первый сб. из архива Помяловского ($Пом_1$).

8) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

9) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

10) Сб. Остафьевского архива № 8 (Ос) — под заглавием: «Песня», с большим числом ошибок (см.: *Бельчиков Н. Ф.* Новое о Пушкине: Стихотворение Пушкина «Деревня» // Пушкин. М.; Л., 1930. Сб. 2. С. 197).

11) Тетр. Полторацкого (Полт).

12) Первая тетр. из собрания Нейштадта ($Нейш_1$) — с подписью под текстом: «А. Пушкин».

13) Третья тетр. из собрания Нейштадта ($Нейш_3$).

14) Вторая тетр. из собрания Забелина ($Заб_2$) — без заглавия.

15) Сб. Алмазова (Алм).

16) Чебоксарский сб. (Чеб).

17) Сб. «От безделья и от скуки» (Отб).

18) Первый сб. БАН ($БАН_1$).

19) Н. В. Путяты (Пут).

20) Неизвестного лица из собрания Л. Н. Майкова (Мк) — на одном листе со стихотворением «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»); с датой: «1816» и рядом ошибок.

Перечень не является исчерпывающим; стихотворение широко распространялось в копиях.

Копии 2, 4, 7, 8 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 371 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Утраченные копии:

1) Коноплева (Кон) — под заглавием: «Слезы» и с многочисленными ошибками. Напечатано: Дела III Отделения о П. С. 280—281.

2) Тетр. Каверина (Кав) — под заглавием: «Слеза в бокале» и с датой: «9 февраля 1825. Калуга» (время копирования). Напечатано: Щербачев. С. 102—103.

Существует типографский оттиск нотного приложения к ч. 4 «Мнемозины» (см. ниже), бывший в бумагах А. А. Краевского (ПД 896), с поправкой Пушкина в ст. 6 (сделана не ранее приезда в Москву в сентябре 1826 г.). Был отпечатан ранее ч. 4 альманаха, вышедшей в свет только в октябре 1825 г. (ценз. разр. — 13 октября 1824 г.; см.: Летопись 1991. С. 681); имеет дарительную надпись М. Л. Яковлева В. М. Тютчеву с датой: «1824. Москва. Сентября 5 дня» (см.: Рукоп. П. 1964. № 896).

Впервые: Мнемозина: Собр. соч. в стихах и прозе, издаваемое кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером. М., 1825. Ч. 4. [Нотное прил.]. С. 2—3 отд. паг., при нотах: Слеза: Романс / Слова А. С. Пушкина; Муз. М. Яковлева.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по ЛТ с учетом ранней поправки в ст. 10; поздняя редакция — по «Мнемозине» с учетом поправки в ст. 6. Редакция «Мнемозины» в сущности не является «поздней», так как не учитывает не только третьего (незаконченного), но и второго слоя правки и отличается от лицейской редакции лишь ст. 6. Отказавшись от переделки и публикации стихотворения в собственном сборнике, Пушкин тем не менее санкционировал текст как слова романса Яковлева, имевшего в своем распоряжении копию лицейской редакции.

Датируется предположительно началом декабря 1815 г. Год устанавливается по помете в ЛТ; месяц — на основании тематической и фразеологической связи с дневниковой записью от 29 ноября 1815 г. (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649) и по почерку автографа.

Литературными образцами стихотворения были «гусарская лирика» Д. Давыдова, «Разлука» («Гусар, на саблю опираясь...», 1812—1813) К. Н. Батюшкова и т. д., однако конкретного источника «Слеза» не имеет. Реальные впечатления, отразившиеся в стихотворении, — общение с офицерами лейб-гвардии Гусарского полка, возобновившееся после 22 октября 1815 г., когда полк вернулся в Царское Село из похода (см.: Летопись 1991. С. 97). С «некоторыми отчаянными гусарами, жившими в то время в Царском Селе (Каверин, Молоствов, Сабуров и др.)» Пушкин, по утверждению С. Д. Комовского, «любил ⟨...⟩ приносить некоторые жертвы Бахусу и Венере» (П. в восп. Т. 1. С. 68); впрочем, все эти лица вступили в полк только в 1816 г. Попытка отождествить героя-гусара с конкретным лицом — А. Н. Зубовым, которому Пушкин в 1817 г. написал стихотворение в альбом (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 379), — неосновательна уже потому, что Зубов служил в полку лишь с февраля 1817 г. (см.: Летопись 1991. С. 99). В стихотворении отразилось юношеское увлечение Пушкина Е. П. Бакуниной (см. примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...» и «К живописцу», с. 649—650, 670).

Стихотворение пользовалось популярностью; при жизни Пушкина перепечатывалось в песенниках семь раз (1828—1836; см.: П. в печати, по указ.). А. Д. Илличевский пишет о нем П. Н. Фуссу как о «прекрасном» (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 64); по сообщению Н. А. Маркевича, его пели «в народе» (см.: П. в восп. 1985. Т. 1. С. 159).

С т. 3—4. *И молча с мрачною душою На дальний путь глядел.* — Ср. запись в лицейском дневнике от 29 ноября 1815 г.: «...поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волненьем стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было!». См.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 379.

«УГРЮМЫХ ТРОЙКА ЕСТЬ ПЕВЦОВ...»

(С. 144 и 352)

Автограф (ПД 869) — в составе фрагмента лицейского дневника.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА). Напечатано: Акад. Т. 1. С. 372 (ст. 4; публ. М. А. Цявловского).

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — под заглавием: «Эпиграмма».

3) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — с подписью под текстом: «А. П.».

4) Отдельный лист в архиве И. А. Шляпкина (ПД, ф. 244, оп. 4, № 104).

Впервые: РА. 1899. Кн. 1. № 2. С. 345 (публ. Д. И. Сапожникова).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1903—06. Т. 6 (в составе «Отрывков из лицейских записок»).

Печатается по автографу.

Датируется 8 декабря 1815 г. на основании записи в дневнике от 10 декабря: «Третьего дни хотел я начать Ироическую поэму: Игорь и Ольга, а написал эпиграмму на Шах⟨овского⟩, Шихм⟨атова⟩ и Шишк⟨ова⟩, — вот она...» (следует текст). Эпиграмма принадлежит к типу «contre-petterie», или, иначе, антистроф, получивших распространение во французской поэзии (см.: *Томашевская Р. Р.* К вопросу о французской традиции в русской эпиграмме // Поэтика: Сб. статей. Л., 1926. Вып. 1. С. 105; *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968. С. 56—57). Непосредственным источником ее была эпиграмма, приписывавшаяся П.-О.-К. де Бомарше (1732—1799) и направленная против членов Законодательной ассамблеи К. Базира, А.-М. де Тионвилля и Ф. Шабо. В библиографии и собраниях сочинений Бомарше этой эпиграммы

нет; свидетельство о ее авторстве принадлежит одному из ранних биографов драматурга Кузену д'Аваллону. Эпиграмма была известна лицеистам: как принадлежащую Бомарше ее цитировал А. М. Горчаков в письме к А. Н. Пещурову от 23 октября 1815 г. (см.: КА. 1936. Т. 6 (79). С. 181). См.: *Коровин Г.* Заметки о Пушкине; *Томашевский Б.* Заметки о Пушкине // Поэтика: Сб. статей. Л., 1929. Вып. 5. С. 66—71; *Глассе А.* Об источнике одной лицейской эпиграммы Пушкина // Врем. ПК 1970. С. 77—79.

Эпиграмма написана под свежим впечатлением полемики, начавшейся после постановки комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (23 сентября 1815 г.; повторена 27 сентября, 15 октября, 2, 9 и 22 ноября и 7 декабря 1815 г. — см.: ИРДТ. Т. 2. С. 532). Комедия, содержавшая памфлетное изображение В. А. Жуковского (балладник Фиалкин), вызвала реакцию в среде карамзинистов, приведшую к образованию «Арзамаса» (14 октября 1815 г.); 29 октября Д. Н. Блудов произнес пародийную речь о Шаховском. К моменту написания эпиграммы состоялось пять заседаний общества (см.: «Арзамас». С. 38—41). 28 ноября Пушкин записал в дневнике о чествовании Шаховского и привел сатирическую кантату Д. В. Дашкова «Венчанье Шутовского» (см. ниже примеч. к ст. 83 стих. «К Жуковскому», с. 698—699).

В эпиграмме задеты три наиболее значительных литератора «Беседы любителей русского слова», постоянно объединяемые в стихотворных памфлетах и речах «арзамасцев»: сам А. С. Шишков (1754—1841) — глава «беседистов», драматург и сатирик А. А. Шаховской (1777—1846) и С. А. Ширинский-Шихматов (1783—1837), лирический поэт, пользовавшийся особым вниманием и покровительством Шишкова (ср. в «Певце ⟨...⟩ в Беседе Славено-Россов» К. Н. Батюшкова и А. Е. Измайлова: «Твой сын, наперсник и клеврет — Шихматов безглагольный» — ст. 113—114; ср. также речь С. С. Уварова в заседании «Арзамаса» 25 ноября; см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 229—265, 307—310).

С т. 1. *Угрюмых тройка есть певцов...* — Формула восходит к «Опасному соседу» (1811) В. Л. Пушкина, где Шихматов определен как «угрюмый наш певец» (ст. 27; см.: Поэты-сатирики. С. 263 и 658); ср. упоминание «певца угрюмого» в речи П. А. Вяземского при приеме В. Л. Пушкина в «Арзамас» (1816; см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 339). Тот же эпитет, но в применении к Шаховскому — в «⟨Послании к В. Л. Пушкину⟩» (см.: наст. т., с. 195).

К БАР⟨ОНЕССЕ⟩ М. А. ДЕЛЬВИГ

(«Вам восемь лет, а мне семнадцать било...»)

(С. 145 и 353)

Автографы:

1) В альбоме М. А. Дельвиг, который видел П. В. Анненков.

2) Черновой, напечатанный П. В. Анненковым (см. ниже).

Оба автографа в настоящее время неизвестны.

Копии:

1) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «К баронессе Д...».

2) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «К баронессе Д***» и с датой: «816-го года. Ноябрь».

3) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «К баронессе Д...».

4) Тетр. Тихонравова (Тих) — под заглавием: «К баронессе Д...».

5) Листы из Тетр. Гаевского (Гаев) — под заглавием: «К бар⟨онессе⟩ Дельвиг» и с датой: «1816».

Все копии поздние, вероятно 1850-х гг., с многочисленными ошибками переписчиков.

Копии 1, 3—5 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 372 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: Анн. Т. 7. С. 11—12 1-й паг.

В собрание сочинений впервые включено: Анн.

Печатается по Анн.

Датируется 22 декабря 1815 г. на основании даты в утраченном автографе.

Обращено к сестре А. А. Дельвига, Марии Антоновне (род. 1808). Семья Дельвигов, жившая в Москве, приезжала на рождественские каникулы в Царское Село и посещала Лицей 5, 26 и 29 декабря 1815 г. (см.: Летопись 1991. С. 100).

Ст. 15. *В латинском вкусе мадригал...* и след. — Эти строки находят соответствие в курсе поэтики П. Е. Георгиевского, читавшего с июня 1815 г. лицеистам русскую и латинскую словесность вместо заболевшего Н. Ф. Кошанского (см.: Летопись 1991. С. 93). Георгиевский ссылался на некоторые эпиграммы Марциала и Катулла как на «очень хорошие образцы мадригала», отличительные качества которого составляют «нежность и тихие чувствования», «естественная простота и добродушие»; он приводил и русские образцы мадригалов, в том числе и содержащие сравнение девушки с Амуром (ср. ст. 8—9) (см.: Лицейские лекции: (По записям А. М. Горчакова) / Ввод. ст. Б. С. Мейлаха // КА. 1937. Т. 1 (80). С. 145—146).

ГРОБ АНАКРЕОНА

(«Все в таинственном молчаньи...»)

(С. 146 и 353)

Автограф (ПД 835, л. 29) — только ст. 12, 14—15 поздней редакции, под заглавием: «Гроб⟨ница?⟩ Ан⟨акреона⟩»; запись относится к октябрю 1824 г. (см.: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Т. 11. С. 46—47). Напечатано: Акад. Т. 2. С. 511 (публ. М. А. Цявловского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукой неизвестного, с датой: «1815», заглавием и позднейшими поправками рукой Пушкина, дающими вторую редакцию стихотворения; у заглавия поставлен номер «2» (порядковый номер среди стихотворений ЛТ, предназначенных для включения в печатный сборник); позднее у заглавия Пушкин пометил: «Не н⟨адо⟩», тем не менее стихотворение вошло во Вс и в Ст 1826. Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 115—117 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 135—136 (в виде вариантов; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 40—41; КН. Т. 1. С. 108—109 (полностью; публ. М. А. Цявловского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Всеволожского (Вс) — под заглавием: «Гроб Анакреона» и с пометой у заглавия: «(1815)» (исправлена из: «(1816)»); с поправками Пушкина 1825 г. Стихотворение помещено первым в разделе «Элегии», открывающем сборник. Первоначальный текст представляет собою текст ЛТ (после поправок) с некоторыми изменениями, которые указывают, что до нас не дошел какой-то промежуточный автограф. Поправки Пушкина 1825 г. дают позднюю редакцию стихотворения. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 3—4, 41—42 (публ. Б. В. Томашевского).

3) Тетр. из архива Кавелина (Квл). Контаминированный текст разных редакций.

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).

5) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Гроб Анакреона. Элегия». Текст близок к $Дол_2$.

6) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Гроб Анакреона. Элегия». Контаминированный текст разных редакций.

7) Вторая тетр. из собрания Забелина ($Заб_2$) — под заглавием: «Гробница Анакреона». Текст печатной редакции, исключая ст. 10, совпадающий с $Дол_2$ и Долг.

Входило в Кап под заглавием: «Гроб Анакреона (1815)» (перечень стихотворений отдела «Смесь»). Фотокопия: ПД, ф. 244, оп. 1, Прил., № 7. Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 865.

Впервые: Тр. МОЛРС. 1818. Ч. 10, кн. 16. С. 78—80 2-й паг., под заглавием: «Гробница Анакреона» и с подписью: «Александр Пушкин» (опубликовано при посредничестве В. Л. Пушкина; книга вышла около 8 мая 1818 г.). Поздняя редакция впервые: Ст 1826. С. 48—49 (отдел «Разные стихотворения»), с заглавием в оглавлении: «Гроб Анакреона. 1815». Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 11—13 (отдел стихотворений 1815 г.); перепечатано: Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч. 3. С. 27—29.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция — по Ст 1829, с приближением пунктуации к Вс.

Датируется 1815 г. согласно пометам в ЛТ, Вс (здесь дата «1816» переделана на «1815») и в печатных изданиях. М. А. Цявловским отнесено к концу года (предположительно декабрь), так как было послано в журнал не ранее февраля 1816 г. (см.: Цявловский. Коммент.).

Сведения по истории первой публикации стихотворения содержатся в письме А. М. Горчакова к А. Н. Пещурову от 10 июля 1816 г.: «Пушкина пиесы с три *должны быть* на этих днях напечатаны в „Вестнике Европы"; он уже давно их отправил. В числе трех „Гроб Анакреона", который, я думаю, вам понравится» (КА. 1936. Т. 6 (79). С. 191). Отправка стихов в «Вестник Европы», редактировавшийся М. Т. Каченовским, была связана с прекращением «Российского музеума» (в феврале 1816 г., когда вышел в свет запоздавший декабрьский номер за 1815 г.; здесь же (с. 323) — объявление о прекращении издания). В «Вестнике Европы» стихи Пушкина не появились; по-видимому, Каченовский отказался их печатать, на что Пушкин сделал намек в посланиях «К Жуковскому» и «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...», 1817); см. ниже примеч. к этим стих., с. 701, 749. 24 февраля 1817 г. в заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете В. Л. Пушкин читал стихотворение «А. Пушкина, воспитанника Царскосельского лицея», «Анакреонова гробница» (см.: Тр. МОЛРС. 1817. Ч. 8. С. 169; ср.: МОЛРС. Ист. зап. Прил. С. 69), после чего оно было опубликовано в «Трудах» Общества с разночтениями, по-видимому возникшими в результате редактуры В. Л. Пушкина (ср. указания Л. Н. Майкова: АН 1899. Примеч. С. 115 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 135; см.: Другие редакции и варианты, с. 353). Мало вероятно предположение, что этот текст — первая авторская редакция (см.: *Клеман М.* Текст лицейских стихов Пушкина // Пушкинист, IV. С. 12); против него говорят как поздняя дата публикации, так и самый характер разночтений, стилистически приближающих стихотворение к лирике самого В. Л. Пушкина.

По указанию В. П. Гаевского (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 172), «Гроб Анакреона» — вольный перевод из Э.-Д. Парни; в качестве аналога он указывал на стихотворение А. Милославского «Гроб Анакреона. (Подражание Парни)» (СО и СА. 1830. Ч. 16. № 50. С. 242—244). У Парни источник этого стихотворения не отыскан. Не исключено, что Милославский подражал Пушкину. Ряд мотивов и общая тема сближают «Гроб Анакреона» с одноименным стихотворением И.-В. Гете («Anakreons Grab», 1785), с которым Пушкина в Лицее могли познакомить В. К. Кюхельбекер или А. А. Дельвиг (см.: Худ. лит. в 10 т. Т. 1. С. 645—646 (примеч. Т. Г. Цявловской)). Стихотворение Гете получило популярность в начале 1820-х гг. (ср. переводы И. Покровского (1819), М. Дмитриева (1824), В. Тилло (1824) как в антологической, так и в сентиментально-элегической интерпретации (см.: *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 93)). Несколько греческих эпиграмм на гробницу Анакреона были включены в Палатинскую антологию; три из них — под тем же названием «Гроб Анакреона» («Anakreons Grab») — перевел И.-Г. Гердер в своих «Цветах из греческой антологии» (1791).

Некоторые мотивы и поэтические образы стихотворения Пушкина (упоминание миртов, розы, горлицы на лире) восходят непосредственно к одам Анакреона, точнее к позднеантичному сборнику подражаний «Anacreontea» (14, ода IX и пр.), считавшемуся подлинным сочинением Анакреона и легшему в основу европейской анакреонтики XVIII—начала XIX в. В русской литературе существовали полные переводы Анакреона и анакреонтических стихотворений, принадлежащие Н. А. Львову (1794) и И. И. Мартынову (издание: Анакреоновы стихотворения, с присовокуплением краткого описания его жизни / Пер. с греч. Ивана Мартынова. СПб., 1801; 2-е изд. СПб., 1829 — было в библиотеке Пушкина: Библиотека П. № 5); широко известны были переводы и вариации М. В. Ломоносова, В. В. Капниста и др., и в особенности «Анакреонтические песни» Г. Р. Державина (СПб., 1804); в «Гробе Анакреона» получили отражение общие мотивы этой поэзии.

Ст. 21. *Здесь Теосский спит мудрец.* — См. выше примеч к ст. 18 стих. «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...»), с. 599.

Ст. 25. *Резвый наш Анакреон...* — Эпитет, возможно, восходит к «Ручной книге древней классической словесности ⟨...⟩ собранной Эшенбургом, умноженной Крамером и дополненной Н. Кошанским» (СПб., 1816. Ч. 1; перевод ее Н. Ф. Кошанский готовил в Лицее; см. выше примеч. к стих. «Блаженство», с. 596), где упоминается о «резвой веселости» Анакреона (ср.: *Якубович Д. П.* Пушкин и античность // П. Врем. [Т.] 6. С. 101—102).

Ст. 30—33. *Здесь он в зеркало глядится ~ Жизнь, увы! не вечный дар!..».* — Ср.: Anacreontea, 6, ода IX, «На самого себя», переведенная М. В. Ломоносовым («Разговор с Анакреоном», между 1756 и 1761): «Мне девушки сказали: „Ты дожил старых лет" И зеркало мне дали: „Смотри, ты лыс и сед"...». Как отмечает В. Е. Холшевников, Ломоносовым, может быть, подсказано и обращение Пушкина к хорею: в полиметрической композиции «Разговора с Анакреоном» заключительный программный монолог Анакреона, опирающийся на оду XXVIII (на ту же тему, что и в стихотворении Пушкина «К живописцу», — см. ниже примеч. к этому стих., с. 670), написан четырехстопным хореем, считавшимся «легким» размером.

Ст. 36—37. *Хочет петь он бога брани, Но поет одну любовь.* — Ср.: Anacreontea, 23, ода I, «На свою кифару», одна из наиболее популярных анакреонтических од; полемика с ней составляет основное содержание «Разговора с Анакреоном» Ломоносова. Варьирована Г. Р. Державиным (ср. «К лире», 1797): «Петь откажемся героев, А начнем мы петь любовь».

Ст. 38—41. *Здесь готовится природе Тяжкий долг он заплатить; Старый пляшет в хороводе, Жажду просит утолить...* — Один из сквозных мотивов анакреонтической лирики. Ср.: Anacreontea, 38, ода XXIV, «На себя» («Смерть доколе не застала, Поиграю, посмеюсь, Попляшу с прекрасным Вакхом...» — перевод Мартынова); 51, ода LIV, «На себя» («И хоть стар, но, как на крыльях, К ним лечу я в хоровод...» — перевод Мартынова); 42, ода V, «На розу» и др. Трансформирован в гедонистической лирике К. Н. Батюшкова.

ВОСПОМИНАНИЕ

(К ПУЩИНУ)

(«Помнишь ли, мой брат по чаше...»)

(С. 149 и 355)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Сб. стихотворений лицейских поэтов из архива Горчакова (Гор).

2) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ). Текст идентичен Гор.

3) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 299—300 (по ТЖ); РП. С. 31 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

4) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф).
5) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).
6) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).
7) Первая тетр. из собрания Нейштадта ($Нейш_1$).

Копии 1, 4 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 366 (ст. 6; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 299—300.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник.

Датируется предположительно 1815 г. Ни рукописные тексты, ни «Записки о Пушкине» Пущина, где говорится об этом стихотворении, не дают указаний на время сочинения. Стихотворение едва ли написано позднее 1815 г., так как является откликом на историю, произошедшую 5 сентября 1814 г.; с другой стороны, мало вероятно появление «Воспоминания» до окончания последовавших за ней санкций в отношении ее участников, продолжавшихся до ноября или даже декабря 1814 г. (см.: Летопись 1991. С. 80—83).

События, упоминающиеся в стихотворении, рассказаны И. И. Пущиным: «Мы, то есть я, Малиновский и Пушкин, затеяли выпить гоголь-моголю. Я достал бутылку рому, добыли яиц, натолкли сахару, и началась работа у кипящего самовара. Разумеется, кроме нас были и другие участники в этой вечерней пирушке, но они остались за кулисами по делу, а в сущности один из них, а именно Тырков, в котором чересчур подействовал ром, был причиной, по которой дежурный гувернер заметил какое-то необыкновенное оживление, шумливость, беготню. Сказал инспектору. Тот после ужина всмотрелся в молодую свою команду и увидел что-то взвинченное. Тут же начались спросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это наше дело и что мы одни виноваты.

Исправлявший тогда должность директора профессор Гауеншильд донес министру. Разумовский приехал из Петербурга, вызвал нас из класса и сделал нам формальный, строгий выговор. Этим не кончилось, — дело поступило на решение конференции. Конференция постановила следующее: 1) две недели стоять на коленях во время утренней и вечерней молитвы; 2) сместить нас на последние места за столом, где мы сидели по поведению, и 3) занести фамилии наши, с прописанием виновности и приговора, в черную книгу, которая должна иметь влияние при выпуске.

Первый пункт приговора был выполнен буквально.

Второй смягчался по усмотрению начальства: нас, по истечении некоторого времени, постепенно подвигали опять вверх.

При этом случае Пушкин сказал:

Блажен муж, иже
Сидит к каше ближе.

На этом конце стола раздавалось кушанье дежурным гувернером.

Третий пункт, самый важный, остался без всяких последствий» (Пущин. С. 56—57).

Эта история отразилась в журнале «Лицейский мудрец» (1815. № 3) в «Письме к издателю», близком к цитированному фрагменту и, возможно, принадлежавшем Пущину (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 291). Официальная версия «истории с гоголем-моголем» изложена в донесении лицейского надзирателя С. С. Фролова министру народного просвещения А. К. Разумовскому (см.: *Шляпкин И. А.* К биографии А. С. Пушкина. СПб., 1899. С. 23—24).

Ст. 1—4. *Помнишь ли, мой брат по чаше ~ В чистом, пенистом вине?* — В этой и отчасти в последующих строфах обнаруживаются следы чтения стихотворений К. Н. Батюшкова «Ложный страх. (Подражание Парни)» (ВЕ. 1810. № 11; см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 361) и «Веселый час» (ВЕ. 1810. № 4). Ср.: «Мы потопим горесть нашу, Други! в эту полну чашу; Выпьем разом и до дна Море светлого вина!» («Веселый час», ст. 41—44).

Ст. 9—12. *Помнишь ли друзей шептанье Вкруг бокалов пуншевых ~ Пламя трубок грошевых?* — Вероятны реминисценции из «гусарских песен» Д. Давыдова, в частности из послания «Бурцову. Призывание на пунш» (1804): «А наместо ваз прекрасных, Беломраморных, больших На столе стоят ужасных Пять стаканов пуншевых» (ст. 21—24); ср. также в «Гусарском пире» (1804): «Ради Бога, трубку дай! Ставь бутылки перед нами!» (ст. 1—2). О знакомстве лицеистов с «бурцовскими» стихами Давыдова см. выше примеч. к стих. «К П⟨ущин⟩у (4 мая)», с. 641.

Ст. 15. *Вдруг педанта глас ужасный...* — Имеется в виду Ф. М. Гауеншильд, профессор немецкого языка, исправлявший с 18 сентября 1814 г. по 11 января 1816 г. должность директора Лицея (см. ниже примеч. к стих. «Гауншильд и Энгельгард...», с. 785—786).

Ст. 27. *Изменяли час похмелья...* — «Изменять» — здесь в значении: «выдавать» (галлицизм — фр. trahir).

МОЕМУ АРИСТАРХУ

(«Помилуй, трезвый Аристарх...»)

(С. 150 и 355)

Автограф неизвестен.

Копия: Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукой неизвестного, с двумя (менее вероятно — тремя) слоями правки Пушкина (не доведенной до конца) и датой у заглавия: «(1815)»; в конце копии помета: «10-го марта 1817 г.», с пояснением Пушкина: «(Переписано)»; у заглавия Пушкиным поставлен крест — знак, что стихотворение требует доработки. Единственный источник текста. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: Анн. Т. 2. С. 101—104 (без ст. 46—68, пропущенных из-за трудности прочтения); Якушкин. № 2. С. 435—436 (ст. 46—68); Мор. 1887. Т. 1. С. 106—109 (полностью).

В собрание сочинений впервые включено: Анн.

Печатается по ЛТ (с первым слоем поправок); поздняя редакция — по ЛТ с учетом последующих слоев правки. Не доведенные до конца исправления см.: Другие редакции и варианты, с. 355—356.

Датируется 1815 г. на основании пометы в ЛТ.

По указанию В. П. Гаевского (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 394), адресат стихотворения — лицейский профессор Николай Федорович Кошанский (1785—1831), с 1811 г. (с перерывом от 2 мая 1814 г. до января (?) 1815 г. — см.: Летопись. С. 58, 91) преподававший латинскую и русскую словесность. О взглядах Кошанского на эстетику и теорию литературы (в основном сложившихся в соответствии с нормативными поэтиками XVIII в., но отразивших также и ряд прогрессивных социальных и эстетических идей) см.: *Малеин А. И.* Н. Ф. Кошанский // Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902. С. 214—216; *Пиксанов Н. К.* Н. Ф. Кошанский // Венг. Т. 1. С. 250—259; Томашевский. Пушкин, I. С. 678—681; *Мейлах Б.* Пушкин и его эпоха. М., 1958 (по указ.); *Любавин М. А.* Лицейские учителя Пушкина и их книги. СПб., 1997. С. 72—108.

Кошанский руководил поэтическими занятиями лицеистов и, по-видимому, придавал особое значение прохождению теоретического курса, так как в начале обучения не рекомендовал им писать стихи и разрешил это только весной 1812 г., причем сам предложил темы (см. письма А. Д. Илличевского к П. Н. Фуссу от 25 и 26 марта 1812 г. — Грот. Пушк. лицей. С. 35, 37). За это время (с 23 октября 1811 по 15 марта 1812 г.), согласно отчету Кошанского, была «повторена этимология и весь синтаксис, причем каждое правило объясняемо было приличными и сообразными с их ⟨т. е. лицеистов⟩ понятием примерами». С 15 марта по 15 октября 1812 г. «из российской грамматики пройдено: сочинение (syntaxis) и ударение (prosodia). По части словесности

читаны избранные места из од Ломоносова и Державина и лучшие из басен Хемницера, Дмитриева и Крылова. Сие чтение сопровождаемо было приличным разбором и объяснением, сообразным с летами и понятием воспитанников. Лучшие из стихотворений выучиваемы были наизусть. Из риторики показаны основания периодов и различные роды их сопряжений, с лучшими примерами». К этому времени изучения «периодов» и относится разрешение Кошанского «сочинять». Последний из сохранившихся (а может быть, и написанных) отчетов Кошанского — за 1 августа—15 декабря 1813 г.: «В российском классе пройдено: 1-е. О слоге и родах его. 2-е. О достоинствах и недостатках слога. 3-е. Славянская грамматика; сверх того, гг. воспитанники делали опыты в сочинении небольших рассуждений» (Летопись 1991. С. 47, 55, 67—68). Сохранились поправки и замечания Кошанского к стихам А. Д. Илличевского (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 133—134; Грот. Пушк. лицей. С. 127—135). Собственное поэтическое творчество Кошанского, печатавшего стихи в журналах, видимо, не встречало сочувствия у лицейских поэтов; известна пародия А. А. Дельвига «На смерть кучера Агафона» на элегию Кошанского «На смерть графини Ожаровской» (ВЕ. 1813. № 24) и ответ его на поэтическое обращение П. А. Плетнева: «Дельвиг, где ты учился языку богов?» — «У Кошанского», — не лишенный доли иронии (см.: Дельвиг. ПССт. С. 441—442).

Отзывы Кошанского о Пушкине (в отчетах от 23 октября 1811—15 марта 1812 г. и от 19 ноября 1812 г. — см.: Летопись 1991. С. 47, 55) относятся к тому времени, когда Кошанский не был еще знаком с его творчеством, исключая, может быть, такие единичные образцы, как учебное описание «розы стихами», которое Кошанский, по свидетельству И. И. Пущина, оставил у себя (см.: Пущин. С. 55; ср. ниже примеч. к стих. «Роза», с. 767). Известия об их более поздних взаимоотношениях противоречивы. М. А. Корф вспоминал, что Кошанский вначале неодобрительно относился к стихам Пушкина, опасаясь соперничества (с мнением этим согласился и С. Д. Комовский); однако, по свидетельству Комовского, затем «употребил все средства, чтобы, ознакомив его как можно лучше с теориею языка отечественного и с классическою словесностью древних, разделить со временем литературную славу своего ученика»; напротив, М. Л. Яковлев отрицал всякое влияние Кошанского как на Пушкина, так и на Дельвига (см.: П. в восп. Т. 1. С. 67—78). Наиболее резкую характеристику Кошанского дал Корф, вспоминавший (с явным преувеличением), что «Пушкина и других он жестоко преследовал за охоту писать стихи» (Грот. Пушкин 1899. С. 225—226). Отзывы Корфа перефразированы Гаевским; может быть, адресация стихотворения Кошанскому возникла под их влиянием. М. А. Цявловский принял указание Гаевского и безоговорочно отнес стихотворение к Кошанскому (см.: Цявловский. Коммент.); в настоящее время адресация эта общепринята, однако не безусловна, ввиду отсутствия прямых современных свидетельств. Если «Аристарх» действительно Кошанский (что соответствует репутации схоласта, критика-педанта и посредственного поэта, какую, по-видимому, имел Кошанский у лицеистов), тогда нужно предположить, что Пушкин отвечал на какие-то его отзывы, высказанные в частном порядке. Кошанский вернулся в Лицей после болезни, по-видимому, уже в начале 1815 г., но не был фактически определен к должности и вступил в нее вновь уже в 1816 г. (см.: *Руденская М.*, *Руденская С.* «Наставникам... за благо воздадим». Л., 1986. С. 70). Сужение датировки стихотворения до июня—декабря 1815 г. (см.: Акад. Т. 1. С. 458; Летопись. С. 78) недостаточно обосновано.

Тема стихотворения — противопоставление беспечного поэта суровому критику, требующему прилежания, и трудолюбивым, но бездарным поэтам — традиционна для французской «легкой поэзии» XVII—XVIII вв.; довольно близкие аналоги — стихотворение Ж.-Б.-Л. Грессе «Послание к иезуиту Бужану» («Épître V. Au père Bougeant, jésuite») и стихотворение Э.-Д. Парни «Разговор поэта с музой» («Dialogue entre un poète et sa muse»). Мотивы эти обычны для пушкинской лицейской лирики (ср.: «К Г(алич)у» («Пускай угрюмый рифмотвор...»), «Тень Фон-Визина» и др.).

Ст. 1. *Помилуй, трезвый Аристарх...* — По предположению М. А. Цявловского, в стихе содержится ядовитый намек на белую горячку, которой, по словам Корфа

(см.: Грот. Пушкин 1899. С. 225—226), несколько раз подвергался Кошанский (см.: Цявловский. Коммент.). Аристарх — педантичный критик (по имени александрийского филолога и комментатора Аристарха Самофракийского (ок. 215—145 гг. до н. э.), ставшему нарицательным).

С т. 11—12. *Не нужны мне твои уроки. Я знаю сам свои пороки.* — По-видимому, реминисценция из «Орлеанской девственницы» Вольтера; ср.: «Censeurs malins, je vous méprise tous, Car je connais mes défauts mieux que vous» ⟨«Насмешливые критики, я презираю вас всех, Ибо лучше вас знаю свои недостатки» — *фр.*⟩ (песнь XV, абз. 1).

С т. 14—15. *За рифмой часто холостой, Назло законам сочетанья...* — Ср. в «Душеньке» И. Ф. Богдановича: «И рифмы часто холостые Без сочетания законного в стихах Свободно ставлю на концах» (указано Б. В. Никольским — ИВ. 1899. № 7. С. 212).

С т. 16—17. *Бегут трестопные толпой На аю, ает и на ой.* — Речь идет о дружеских посланиях в трехстопных ямбах, созданных по модели «Моих пенатов» К. Н. Батюшкова (о распространенности их см. выше в примеч. к стих. «Послание к Г⟨алич⟩у» («Где ты, ленивец мой?..»), с. 644), не связанных ни объемом, ни последовательностью рифм. К моменту написания стихотворения Пушкин создал несколько посланий такого рода («К сестре», 1814; «Городок. (К***)», «Батюшкову» («В пещерах Геликона...»), «К П⟨ущин⟩у (4 мая)», «Послание к Г⟨алич⟩у»; все — 1815). Здесь он осуждает как небрежность морфологическую рифму, которой довольно широко пользовался сам, хотя глагольная рифма (на *-аю, -ает*) у него встречается в единичных случаях и только в ранних посланиях («К сестре», «Городок»); рифмы на *-ой* (окончания прилагательных и притяжательных местоимений), достигающие в первых опытах высокой концентрации, практикуются еще в «Послании к Г⟨алич⟩у» и в наст. стихотворении. См.: *Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение. Л., 1959. С. 418—419.

С т. 27—38. *Что я, бесчуясь по ночам ~ И высижу — трестопный вздор...* — Традиционное изображение бездарного поэта. Ср. ст. 94—101 стих. «Тень Фон-Визина» и соотв. примеч. к нему, с. 652.

С т. 41. *Свистов, Хлыстов или Графов...* — Общеупотребительные эпиграмматические обозначения графа Д. И. Хвостова, в данном случае, возможно, имеющие расширительное значение.

С т. 45. *И сказочек довольно скучных.* — Под «сказочками» здесь могут пониматься и басни: граница между «басней» (fable) и «сказкой» (conte) в XVIII в. была размыта. См.: *Соколов А. Н.* Стихотворная сказка (новелла) в русской литературе // Стихотворная сказка. С. 5 и след.; там же см. ряд «сказочек» Хвостова (с. 384—393, 651—653).

С т. 77. *Шапеля в песнях призывая...* — Клод Эмманюэль Люиллье Шапель (Chapelle, 1626—1686) — один из заметных представителей «легкой поэзии» во Франции XVII в. В «Лицее...» Лагарпа упоминается, что Шапель посмеивался над трудолюбием Н. Буало-Депрео, признаваясь, что не работает над своими стихами (см.: *Laharpe J.-F.* Lycée... Paris, 1799. T. 6. P. 194—195; ср. его «Эпиграмму, написанную экспромтом в ответ Депрео, упрекавшему автора в излишнем пренебрежении стихосложением»: Oeuvres de Chapelle et de Bachaumont / Nouv. éd. Paris, 1854. P. 105).

С т. 85—89. *Так нежился певец прелестный, Когда Вер-Вера воспевал Или с улыбкой рисовал ~ Уединенный свой чердак.* — Имеется в виду Жан Батист Луи Грессе (Gresset, 1709—1777) как автор шутливой поэмы «Вер-Вер» («Vert-Vert», 1734) и послания «Обитель» («La Chartreuse», 1735), послужившего образцом для «Моих пенатов» Батюшкова (см. выше примеч. к стих. «К сестре», с. 587—588). В письме к К. Ф. Рылееву от 25 января 1825 г. Пушкин приводил «Вер-Вера» в числе лучших образцов «легкого и веселого» в европейской поэзии.

С т. 98. *Анакреон, Шолье, Парни...* — Гийом Амфри де Шолье (Chaulieu, 1639—1720), аббат — известный поэт, автор анакреонтических и эпикурейских стихов; хвалебная его характеристика содержится, в частности, в «Лицее...» Лагарпа

(см.: *Laharpe J.-F.* Lycée... T. 6. P. 428—429). В поздней редакции имя Анакреона заменено именем маркиза Шарля Огюста Лафара (La Fare, 1644—1712), последователя и приятеля Шолье.

Ст. 108. *Фессальская гора* — Парнас.

Ст. 113. *Детей Пафосских рой шутливый.* — Пафос — древнегреческий город на Кипре, любимое местопребывание богини Афродиты (Киприды) и средоточие ее культа.

ПОСЛАНИЕ К Ю⟨ДИНУ⟩

(«Ты хочешь, милый друг, узнать...»)

(С. 156 и 356)

Автограф (в Лицейской тетр. (ЛТ)) — под заглавием: «Послание к Ю...» и с датой: «1815»; перебелено с предшествующей, утраченной рукописи, с поправками по ходу переписывания и вписанным, по-видимому, позднее ст. 31; у заглавия Пушкиным поставлен крест — знак, что стихотворение требует доработки. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2. Единственный источник текста.

Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 6 (ст. 42—53); Анн. Т. 2. С. 148—150 (ст. 54—75, 87—99, 104—115); Якушкин. № 11. С. 429—434 (полностью).

В собрание сочинений впервые включено (полностью): Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу. Ст. 31 («Какая нужда в зеркалах?») в отличие от Акад., вводится в основной текст, так как является, вероятнее всего, не позднейшей поправкой (см.: Акад. Т. 1. С. 374), а восстановлением стиха, пропущенного при автокопировании (без него ст. 29 не имеет рифмующегося).

Датируется 1815 г. на основании пометы Пушкина в автографе.

Имя адресата раскрыто в списке произведений для замышлявшегося сборника, составленном Пушкиным в начале 1817 г., где среди посланий значится «К Юдину» (см.: наст. т., с. 504—505, а также: Рукою П. 1997. С. 165). В. П. Гаевский без оснований называл адресатом лейб-гусарского офицера И. И. Юшкова (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 388), что было принято Г. Н. Геннади (Генн. 1859; Генн. 1869—71) и П. А. Ефремовым (Ефр. 1880; Ефр. 1882). В рукописи статьи Гаевского (ПД, ф. 244, оп. 17, № 54) неизвестной рукой на полях помечено: «Не Юдину ли?»; в печати правильную адресацию дал в 1884 г. В. Е. Якушкин (см. выше).

Павел Михайлович Юдин (1798—1852), сын чиновника Министерства иностранных дел, в Лицее принадлежал к кружку, в который входили А. М. Горчаков, С. Г. Ломоносов, Н. А. Корсаков, П. Ф. Гревениц. Кроме комментируемого послания у Пушкина нет ни одного упоминания Юдина; никаких свидетельств об отношениях, существовавших между ним и Пушкиным, не сохранилось. Видимо, Юдин здесь является условным и случайным адресатом.

Ст. 42—43. *Мне видится мое селенье, Мое Захарово...* — Сельцо Захарово (в 44 км от Москвы, в 4 км от станции Голицыно) было куплено бабкой поэта М. А. Ганнибал в 1804 г. В 1805—1810 гг. Пушкины проводили в Захарове летние месяцы (см.: Летопись 1991. С. 26, 28, 30—32, 34, 36); летом 1830 г. Пушкин «совершил ⟨...⟩ сентиментальное путешествие в Захарово, совсем один, только для того, чтобы увидеть то место, где он провел несколько лет своего детства» (письмо Н. О. Пушкиной к О. С. Павлищевой от 22 июля 1830 г. — ЛН. Т. 16—18. С. 776). Пейзаж в стихотворении условно-литературный, не вполне соответствующий реальному ландшафту; так, реки в Захарове нет, хотя есть пруд, упомянутый в ст. 143. Н. В. Берг, оставивший описание Захарова (1851), не упоминает ни кленов, ни тополей, рассказывая лишь о старинной липе на берегу пруда и березовой роще; он же приводит предание, согласно которому Пушкин писал стихи на коре берез (см.: П. в восп. 1985. Т. 1. С. 40—41; Т. 2. С. 48—49). См. также: *Аринштейн Л. М.* Сельцо Захарово в биографии и творчестве Пушкина // ПИМ. Т. 14. С. 179—191.

Ст. 60. *С Горацием и Лафонтеном...* — Имя Горация обозначает здесь целый комплекс поэтических мотивов, связанных с темой удаления на лоно природы и мирного сельского труда. По-видимому, Пушкин ближайшим образом ориентируется на сатиру VI из второй книги «Сатир» Горация (откуда впоследствии взял эпиграф для гл. II «Евгения Онегина»: «O rus!..»). Эта сатира в русской традиции ассоциировалась с баснями Ж. Лафонтена; из сочинений же Лафонтена Пушкин имеет в виду, вероятно, басню «Le Songe d'un habitant du Mogol», переведенную В. А. Жуковским («Сон могольца», 1806) и К. Н. Батюшковым («Сон могольца», 1808). См.: Томашевский. П. и Франция. С. 221—224.

Ст. 69—70. *Дымятся щи, вино в бокале, И щука в скатерти лежит.* — Описание деревенского обеда включает ассоциации с посланием Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807); ср. строфы 24—27 с упоминанием о «щах» и «щуке».

Ст. 91. *Вольтера, Виланда читать...* — Кристоф Мартин Виланд (Wieland, 1733—1813) — немецкий поэт и прозаик, популярный у русских сентименталистов. Имя Виланда названо здесь, может быть, по ассоциации с Вольтером, сильное воздействие которого испытал Виланд. Пушкин мог читать его во французских переводах, однако ни в 1810-е гг., ни позже он не обнаруживает специального интереса к Виланду. См.: *Данилевский Р. Ю.* Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970. С. 362 и след.

Ст. 95—96. *...быстро привиденья, Родясь в волшебном фонаре...* — Образ, по-видимому, подсказан стихотворением Державина «Фонарь» (1804). См.: *Ходасевич В.* Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. Кн. 1. С. 23—27.

Ст. 126—127. *О вы, отеческие лары, Спасите юношу в боях!* — Парафраза строк «Тибулловой элегии XI» Батюшкова: «О боги! сей удар вы мимо пронесите, Вы, лары отчески, от гибели спасите!» (ст. 17—18).

Ст. 138—139. *Нашед на поле битв и чести Одни болезни, костыли...* — Здесь и далее — свободные вариации батюшковских мотивов (см., например, «Воспоминания 1807 года»).

Ст. 169. *Друг сердца, милая ⟨Сушкова⟩?* — Фамилия адресата ст. 165—214 в автографе обозначена тремя звездочками и убедительно раскрыта Н. О. Лернером (см.: Лернер. Рассказы о П. С. 29—37). Софья Николаевна Сушкова (1800—1848), впоследствии жена пензенского губернатора А. А. Панчулидзева, виделась с Пушкиным на уроках танцев в семье своего отца, Н. М. Сушкова, куда, по воспоминаниям О. С. Павлищевой, возили детей Пушкиных (см.: П. в восп. Т. 1. С. 47). По-видимому, ее же имеет в виду Пушкин в записи о «ранней любви» в плане автобиографии (см.: Акад. Т. 12. С. 429).

Ст. 208. *Помчались кони, вдаль пустились...* и след. — Сцена побега — традиционный элегический мотив (у Э.-Д. Парни, А. Бертена и др.); в описании — ряд точек соприкосновения с балладами Жуковского «Светлана» и «Людмила».

Ст. 224—225. *Минуты счастья золотые Пускай мне Клофо не совьет...* — Клото — в греческой мифологии одна из трех мойр, богинь судьбы (в римской мифологии — парки), прядущая нить человеческой жизни. Ср. в «Сне могольца» Батюшкова: «Пусть парка не прядет из злата жизнь мою...» (ст. 38).

К ЖИВОПИСЦУ

(«Дитя харит и воображенья...»)

(С. 162 и 356)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукой М. Л. Яковлева, с позднейшими поправками Пушкина; на полях — запись В. А. Жуковского: «Переделать все, оставя од⟨ну⟩ последнюю строфу». Напечатано: АН 1899. С. 122; Примеч. С. 138 и АН 1900—29.

Т. 1. С. 138; Примеч. С. 180 (публ. Л. Н. Майкова); Мор. 1903—06. Т. 1. С. 94—95 (окончательный текст); Акад. Т. 1. С. 174 (первоначальный текст; публ. М. А. Цявловского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Сб. стихотворений лицейских поэтов из архива Горчакова (Гор).

3) Н. А. Корсакова (ПД, ф. 244, оп. 4, № 105) — при автографе поднесенных Е. П. Бакуниной нот его романса на слова стихотворения (Кор). Самый ранний из известных текстов. Напечатано: РС. 1913. Т. 156. № 11. С. 258—259 (публ. Н. О. Лернера).

4) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ).

5) Тетр. Дашкова (Даш).

6) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

7) Тетр. Полторацкого (Полт).

8) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — с датой под текстом: «815-го года», с карандашными поправками в ст. 1 и 8, соответственно тексту ПОМ 1827.

Копии 2, 4, 5, 6 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 375 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: ПОМ 1827. Стихотворения. С. 231—232 (публ. Б. М. Федорова).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция — по ЛТ с учетом правки.

Датируется 1815 г., согласно дате в ЛТ.

Тематически восходит к оде XXVIII Анакреона (Anacreontea, 15), где поэт советует художнику, как нужно написать портрет его возлюбленной; на эту и следующую (XXIX) оды с описанием Бафилла ссылался Лессинг в «Лаокооне» (1766) как на образец живописно-пластического изображения (см.: *Лессинг Г.-Э.* Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М., 1957. С. 240). Ода XXVIII неоднократно переводилась на русский язык в XVIII—XIX вв. (М. В. Ломоносовым, Н. А. Львовым, И. И. Мартыновым — см.: АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 181—185); ее мотивы варьируются в стихотворении Г. Р. Державина «К Анжелике Кауфман» (1795), а также в ряде произведений французской анакреонтики. Одно из них — «Портрет монахини» («Portrait d'une religieuse») Э.-Д. Парни — непосредственно отразилось в стихотворении «К живописцу» (см.: Анненков. Материалы 1855. С. 38 и Анн. Т. 2. С. 94; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 181—182, 184—185).

Стихотворение посвящено Е. П. Бакуниной (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650). О происхождении стихотворения вспоминал С. Д. Комовский: «Первую платоническую, истинно поэтическую любовь возбудила в Пушкине сестра одного из лицейских товарищей его (фрейлина Е. П. Бакунина). Она часто навещала брата и всегда приезжала на лицейские балы. Прелестное лицо ее, дивный стан и очаровательное обращение произвели всеобщий восторг во всей лицейской молодежи. Пушкин с пламенным чувством молодого поэта, живыми красками изобразил ее волшебную красоту в стихотворении своем под названием „К живописцу". Стихи сии очень удачно положены были на ноты лицейским товарищем его Яковлевым и постоянно петы не только в Лицее, но и долго по выходе из оного» (П. в восп. Т. 1. С. 69). И. И. Пущин также вспоминал, что в стихотворении «Пушкин просит живописца написать портрет К⟨атерины⟩ П⟨авловны⟩ Бакуниной, сестры нашего товарища. Эти стихи — выражение не одного только его страдавшего тогда сердечка!..» (Пущин. С. 61). Автором музыки был не М. Л. Яковлев, а Н. А. Корсаков; сохранились его ноты с текстом, поднесенные Бакуниной («Romance avec accompagnement du piano, dédiée à mademoiselle de Bacounine»), с пометой: «Трудами императорской Царско-Сельской Лицеи» (см.: РС. 1913. № 11. С. 258—259).

Непосредственным адресатом стихотворения В. П. Гаевский называл «лицейского живописца Илличевского, хотя он рисовал преимущественно карикатуры» (Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 381); А. Д. Илличевскому принадлежит ответ на стихи Пушкина «От живописца» — чрезвычайно популярное в Лицее стихотворение, вошедшее в ряд лицейских сборников (Тетрадь Яковлева—Корфа, Тетрадь Никитенко, «Дух лицей-

ских трубадуров»; см.: Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 489, 759). Видеть в «живописце» Илличевского, однако, нет оснований; это условный адресат, предопределенный традицией, от имени которого написан и ответ Илличевского.

Ст. 6. *Надежды робкие черты...* — В ЛТ и ПОМ 1827: «Надежды робкия черты» (в поздней редакции в ЛТ: «Надежды милыя черты»). Грамматически возможна интерпретация: «робкой надежды» («милой надежды»).

Ст. 9. *Гебея* (Геба) — в греческой мифологии богиня юности.

Ст. 11. *Сокрытой прелестью Альбана...* — Альбан — Франческо Альбани (Albani, 1577—1621) (см. о нем выше примеч. к ст. 12 песни III поэмы «Монах», с. 576).

Ст. 19—20. *Рукой любовника счастливой Внизу я имя подпишу.* — Заключительные строки восходят непосредственно к «Портрету монахини» Парни («Внизу этого прелестного портрета я подпишу имя» — и далее точками обозначено не названное поэтом лицо).

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ

(«Последним сияньем за лесом горя...»)

(С. 164 и 357)

Автограф (беловой, с поправками), принадлежавший Ф. Ф. Матюшкину, а затем Е. Д. Куломзиной, ныне неизвестен (см. его описание: Рукоп. П. 1964. С. 86. № 2; факсимильное воспроизведение: Альбом Пушкинской выставки в имп. Академии наук. М., 1899. Л. 71 2-й паг.).

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою П. М. Юдина, с датой: «1815» и двумя слоями правки Пушкина. Напечатано: Мор. 1887. Т. 1. С. 91—92 (текст с поправками); АН 1899. С. 161—162; Примеч. С. 210 и АН 1900—29. Т. 1. С. 155—156; Примеч. С. 226 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 51—52. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 365—366 (по ТЖ); РП. С. 86—87 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 365—366.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается (вслед за Акад. (Т. 1. С. 140—141) и Акад. в 10 т. (2) (Т. 1. С. 147—148)) по автографу, последний слой правки в котором дает текст, совпадающий с Ник и ЛТ до поправок (с небольшим разночтением в ст. 6); поздняя редакция — по ЛТ с поправками, которые Пушкин внес в текст ЛТ в послелицейское время.

Датируется 1815 г. на основании пометы в ЛТ. По почерку автограф может быть отнесен ко второй половине 1815 г. (см.: наст. т., с. 558, а также: Цявловский. Статьи. С. 83—84).

«Сраженный рыцарь» — редкий в лицейском творчестве Пушкина случай обращения к балладному жанру. Строфика стихотворения восходит к немецкой балладной строфе (см.: Томашевский. Строфика П. С. 105, 109). В нем ощутимы следы воздействия оссианической традиции (см. примеч. Л. Н. Майкова в изд.: АН 1899. Примеч. С. 211—214 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 227—229) и балладной поэтики В. А. Жуковского (см.: Белинский. Т. 7. С. 279; *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 120), которая сказывается, однако, не в прямых заимствованиях, а в общей атмосфере с чертами суггестивности (см.: *Душина Л. Н.* Жанр баллады в творчестве Пушкина // Жанровое новаторство русской литературы конца XVIII—XIX вв.: Сб. науч. работ. Л., 1974. С. 31—41 (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена)). Балладный мотив одушевления останков и доспехов

погибшего воина был использован Пушкиным в «Осгаре» (см.: наст. т., с. 36); ср. также песнь третью «Руслана и Людмилы» (1818). Верный конь — друг витязя (спасающий его, предчувствующий его смерть, сохраняющий к нему посмертную привязанность) — традиционный фольклорно-литературный образ, присутствующий также в «Ахилле» (1814) Жуковского, позднее в «Руслане и Людмиле» (пятая и шестая песни), «Песни о вещем Олеге» (1822), «Коне» (1834) (см.: *Копылова Н. И.* Об одном фольклорном образе в романтической литературе // Методы и приемы научного анализа в филологических исследованиях. Воронеж, 1978. С. 112—117).

К НЕЙ

(«Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»)

(С. 166 и 357)

Автограф (ПД 12; на одном листе со стихотворением «Слеза») — беловой, с поправками, относящимися, вероятно, к началу 1817 г., когда стихотворение переписывалось в ЛТ. Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 290—291 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 300—301 (в виде вариантов по отношению к ДЛТ; публ. Л. Н. Майкова); Грот. Пушк. лицей. С. 342—343.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою Д. Н. Маслова, с позднейшими поправками Пушкина; совпадает с последним чтением автографа; поправки сделаны после журнальной публикации и независимо от нее (вероятно, весной 1819 г.). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Неизвестного лица (по определению К. Я. Грота — А. Д. Илличевского (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 343)) из архива Я. К. Грота (ПД, ф. 244, оп. 4, № 42) (N).

3) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ). Напечатано: АН 1899. С. 221 и АН 1900—29. Т. 1. С. 207 (публ. Л. Н. Майкова).

4) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 310—311 (по ТЖ); РП. С. 39—40 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

5) Первый сб. из архива Помяловского ($Пом_1$).

6) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

Копии 5 и 6 восходят к тексту автографа до правки; копии 2—4 — к тексту автографа с поправками.

Впервые: СН. 1817. Ч. 1. № 11. С. 351, с подписью: «А. Пушкин».

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по СН; поздняя редакция — по ЛТ с поправками.

В выборе источника текста (лицейской редакции) существуют расхождения. Л. Н. Майков в АН 1899 и АН 1900—29 печатал стихотворение по тексту ДЛТ. В Акад. (Т. 1. С. 129) в качестве основного избран текст СН. М. А. Цявловский отмечал, что «в СН Пушкин дал новый текст, не совпадающий со второй редакцией стихотворения, недавно переписанной в ЛТ и потом в Ник. В печатном тексте оказалось два новых варианта, и в ст. 4 Пушкин вернулся к давно отмененному варианту первой редакции. Эта работа не отразилась в ЛТ, вероятно, потому, что в то время, когда Пушкину надо было отделывать текст для СН, тетрадь его была у Жуковского» (Цявловский. Коммент.). Текст СН принят в качестве основного Б. В. Томашевским в Акад. в 10 т. (2) (Т. 1. С. 184), который, однако, ввел в соответствии с ЛТ взаимосвязанные лексические поправки в ст. 10 («Я не могу тебя с восторгом обнимать») и 13 («И в радости немой, в блаженстве наслажденья»). В предложенном виде текст Пушкина не зафиксирован; правка осуществлялась им в несколько отличном от СН тексте ЛТ и принадлежит более позднему времени; кроме того, она учтена не полностью. Это и заставляет вернуться к решению Акад.

Датируется временем не позднее 1816 г., так как вошло в $Пом_1$, где последними по времени являются стихи 1816 г. По почерку может быть предположительно отнесено ко второй половине 1815 г. (см.: наст. т., с. 558, а также: Цявловский. Статьи. С. 83).

Текст журнальной редакции подготовлен в июне 1817 г. (до отъезда Пушкина в Михайловское в начале июля; ценз. разр. ч. 1 СН — 3 июля).

Стихотворение иногда предположительно относят к «бакунинскому циклу» (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650); против этого возражал М. А. Цявловский, ссылавшийся на послание Пушкина «К Ш⟨ишк⟩ову» (1816), где самый цикл был определен как воспевание «любви невинного начала», «таинственно», с «разбором слов» и со «скромностью стыдливой», что противоречит тональности стихотворения (см.: Цявловский. Коммент.).

Строфика стихотворения восходит к французской одической традиции; перенеся одическую строфу в элегию, Пушкин изменил ее эмоциональное содержание (см.: Томашевский. Строфика П. С. 75). Стихотворение пользовалось популярностью; при жизни Пушкина перепечатывалось в альманахах и песенниках одиннадцать раз (1828—1836; см.: П. в печати, по указ.).

1816

⟨НАДПИСЬ К ДИВАНУ⟩
(«Известно буди всем...»)
(С. 168)

Автограф неизвестен.

Копия (ПД, ф. 244, оп. 25, № 285) — рукою С. Г. Чирикова, в виде пятистишия, на втором полулисте сложенного вдвое бумажного листа, первую половину которого занимает автограф послания А. Д. Илличевского к Чирикову. Единственный источник текста. Воспроизведение: Врем. ПК 22. С. 92.

Впервые: Литературный архив. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 11 (с неточностью: «не топтать» вместо «не марать»; публ. Б. В. Томашевского). Напечатано в виде четверостишия (по мнению Томашевского, в копии «первый стих ошибочно разбит на два»; также в виде четверостишия в изд.: Акад. Спр. том. С. 15; Госл. в 10 т. Т. 1. С. 348).

В собрание сочинений впервые включено: Акад. Спр. том.

Печатается по копии Чирикова, в виде пятистишия (обоснование см. ниже); заглавие редакторское (формула «Надпись к дивану», употребленная Томашевским, образована по типу заголовков, принятых для эпиграмм в литературной практике 1810-х гг., и отражает обстоятельства возникновения надписи, — см. ниже).

Датируется концом 1815—началом 1816 г. по содержанию. Имя «Фатам» было привычно для Пушкина в пору сочинения «романа» в прозе «Фатам, или Разум человеческий». Из лицейского дневника поэта известно, что третья глава «Фатама...» написана 9 декабря 1815 г.

Копия, как уже указывалось, находится на одном листе с шуточным стихотворным посланием Илличевского к Чирикову. Старательный почерк Илличевского говорит о том, что свое стихотворение он переписал для поднесения адресату. Сопоставление же почерка копии с образцами почерка Чирикова показывает, что копия «Известно буди всем...» — его руки (см.: *Петрунина Н. Н.* Из комментария к пушкинским текстам. I. Лицейская надпись Пушкина // Врем. ПК 22. С. 90—92).

Публикуя стихотворение, Томашевский счел его «цитатой из какого-то более крупного произведения, так как само по себе оно не имеет законченного смысла»; имя же «Фатам» было принято им за прямое указание на то, что таким крупным произведением был не дошедший до нас «роман» «Фатам» (см.: Литературный архив. Т. 3. С. 11). «Единственный уцелевший фрагмент» из «Фатама» видела в стихотворении и Т. Г. Цявловская (см.: Госл. в 10 т. Т. 1. С. 600). Но и тот факт, что копия стихотворения сделана рукой Чирикова, и сообщения ранних исследователей Лицея подсказывают другой вывод. К. Я. Гротом сообщалось (без указания источника

сведений): «Сергей Гаврилович Чириков, учитель рисования и гувернер ⟨...⟩ за свой добрый нрав и обходительность пользовался любовью и доверием воспитанников. Он, как и его друг Иконников, сочувствовал литературным занятиям лицеистов и сам пописывал стихи (хотя и плохие). В первое время лицеисты проводили свободное время у Чирикова: там составлялся их литературный кружок. На квартире его, как известно, долго сохранялись на стене строки, набросанные рукою Пушкина» (Грот. Пушк. лицей. С. 76). П. И. Бартенев приводит дополнительные подробности: «Лицеисты любили ⟨Чирикова⟩. У него бывали литературные собрания. В его гостиной, над диваном, долго сохранялось несколько шуточных стихов, написанных на стене Пушкиным». И в примечании: «В этих стихах говорилось о литературных собраниях, бывших у Чирикова. Сообщено одним из позднейших лицеистов г-ном Унковским» (*Бартенев П. И.* Александр Сергеевич Пушкин: Материалы для его биографии // МВед. 1854. 30 сент. № 117; перепечатано: *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 75).

Вероятно, что «Известно буди всем...» и есть те самые шуточные стихи, которые Пушкин набросал над диваном на стене гостиной Чирикова. Становится понятным и то, что сохранилось стихотворение в копии Чирикова, и то, что переписано оно на листок, где уже было шуточное послание Илличевского — другое напоминание о литературных собраниях первого выпуска.

«⟨Надпись к дивану⟩» отличает дух легкой импровизированной шутки, равно принадлежащей и быту, и литературному творчеству лицеистов-первокурсников. Шутливая экспрессия выразилась и в том, что открывающий надпись стих шестистопного ямба распался на два трехстопных, из которых первый интонационно обособлен отсутствием рифмы. Первые два стиха — призыв к вниманию, за ними — после ритмического сдвига — следует провозглашаемое повеление. Уловленный Томашевским оттенок стилизации в «восточном вкусе» налицо, но восходит он не к традициям «восточного» повествования, а к обстоятельствам, связанным с личностью Чирикова. В «Записке о Лицее» М. А. Корф привел куплеты о Чирикове, «сочиненные общим трудом» первокурсников. Куплеты, как и пушкинская надпись, писаны от лица Чирикова, и в первом же из них поется: «Перс я родом...». Стих этот сопровожден примечанием Корфа: «Чириков уверял, что род его происходит из Персии, и, точно, в физиономии своей имел он что-то восточное» (Грот. Пушкин 1899. С. 233; ср. ст. 5: «В дар от персидского султана»).

К МАШЕ

(«Вчера мне Маша приказала...»)

(С. 169)

Автограф, бывший в распоряжении В. П. Гаевского (см. ниже), ныне неизвестен.

Копии:

1) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ).

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 288 (по ТЖ); РП. С. 35 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф).

4) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

Тексты всех копий идентичны.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 288.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник.

Датируется январем 1816 г. на основании свидетельства В. П. Гаевского, что автограф имел помету: «1816 года. Лицей» (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 378), а также лицейских ведомостей, согласно которым семья Дельвигов жила в Царском Селе на рождественских праздниках 1815—1816 гг. (см.: Летопись 1991. С. 106, 644).

По свидетельству И. И. Пущина, стихотворение посвящено младшей сестре А. А. Дельвига, М. А. Дельвиг, «премилой, живой девочке, которой тогда было семь или

восемь лет. ⟨...⟩ Корсаков положил их ⟨стихи⟩ на музыку, и эти стансы пелись тогда юными девицами почти во всех домах, где Лицей имел права гражданства» (Пущин. С. 60). О М. А. Дельвиг см. выше примеч. к стих. «К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг», с. 661.

УСЫ

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА

(«Глаза скосив на ус кудрявый...»)

(С. 170 и 358)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукой П. Н. Мясоедова, с пометой: «Писано 8-го марта 1817 года» (дата копирования) и позднейшими поправками Пушкина. Напечатано (текст с поправками): Мор. 1887. Т. 1. С. 120—121; АН 1899. С. 172—173 и АН 1900—29. Т. 1. С. 162—163 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 53. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Неизвестного лицеиста (С. Д. Комовского?) (ПД 13) (N) — с поправкой Пушкина в ст. 28, учтенной в ЛТ. Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 225 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 234 (в виде вариантов по отношению к ЛТ; публ. Л. Н. Майкова; копия ошибочно принята за автограф).

3) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ). Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 225 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 234 (в виде вариантов по отношению к ЛТ; публ. Л. Н. Майкова).

4) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 344—346 (по ТЖ (ст. 1—42 ныне утрачены)); РП. С. 74—75 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

5) Тетр. Всеволожского (Вс) — с правкой Пушкина 1825 г.: оставлено только три строфы (1, 3 и 8); у заглавия помета: «М», т. е. отдел «Мелочи». Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 16, 47—48 (публ. Б. В. Томашевского).

6) А. Д. Илличевского (ПД, ф. 244, оп. 4, № 41) (Ил) — при письме к П. Н. Фуссу от 20 марта 1816 г.

7) Тетр. Дашкова (Даш).

8) Тетр. Шереметева (Шер).

9) Первый сб. из архива Помяловского ($Пом_1$) — две копии: л. 14—15 — $Пом_1$ (1); л. 52 об. — $Пом_1$ (2).

10) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

11) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

12) Тетр. из архива Голохвастовых (Гол).

13) Тетр. Полторацкого (Полт).

14) Листы из Тетр. Гаевского (Гаев). Неисправная копия.

15) Альбом П. В. Голенищева-Кутузова (ГК).

16) Писарская копия с поправками неизвестного лица (ПД, ф. 244, оп. 4, № 40). Копия неисправна; текст первой редакции; поправки дают вторую редакцию.

17) Первая тетр. из собрания Нейштадта ($Нейш_1$) — с подписью: «А. Пушкин».

18) Вторая тетр. из собрания Забелина ($Заб_2$).

19) Сб. Алмазова (Алм).

20) Вторая тетр. из собрания Успенского ($Усп_2$).

Утраченные копии:

1) Тетр. Каверина (Кав) — с пометой под текстом: «7. Нояб. 824. Калуга». Напечатано: Щербачев. С. 75—76 (в виде вариантов к АН 1900—29. Т. 1).

2) Бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина. Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 11. Стб. 333 (в виде вариантов к Анн).

3) Цензурная рукопись Ст 1826 (ЦР). Текст неизвестен. В оглавлении издания (в письме Пушкина к П. А. Плетневу от 26 сентября 1825 г.) стихотворение помещено

в разделе «Эпиграммы и надписи»; по свидетельству П. В. Анненкова, было Пушкиным вычеркнуто (см.: Анн. Т. 2. С. 32).

Копии 7—20 не содержат авторских вариантов к источникам текста.

Впервые: Эвтерпа. М., 1831. С. 39—42 (без ведома Пушкина, с искажениями, без заглавия и с подписью: «Д. Давыдов»).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция — по Вс (с поправками).

Датируется временем между 12 февраля 1815 г. (время выхода в свет № 12 РМ, откуда Пушкиным заимствовано имя Клеона, — см. ниже примеч. к ст. 11) и 20 марта 1816 г., когда А. Д. Илличевский послал копию «Усов» П. Н. Фуссу (см. ниже).

Наряду со стихотворением «Слеза», «Усы» пользовались популярностью (о чем свидетельствует, между прочим, большое число копий); 20 марта 1816 г. А. Д. Илличевский писал П. Н. Фуссу: «...посылаю тебе ⟨...⟩ две *гусарские* пьесы нашего Пушкина — гусарские потому, что в них дело идет о гусарах и о их принадлежностях. Обе прекрасны!» (приложены копии «Слезы» и «Усов»; Грот. Пушк. лицей. С. 64). Н. А. Маркевич вспоминал: «Где — у военных, в кондитерских, в ресторациях, а иногда и на раздушенном туалете дамском — не находили мы списка пьесы „Усы"» (П. в восп. 1985. Т. 1. С. 160).

Тема и некоторые элементы образности стихотворения восходят к «гусарской лирике» Д. Давыдова. Внешним стимулом к появлению стихотворения, по-видимому, было общение лицеистов с офицерами лейб-гвардии Гусарского полка, расквартированного в Царском Селе; сближение с ними Пушкина относится к ноябрю 1814—маю 1815 г. (см.: Летопись 1991. С. 84, а также ниже примеч. к стих. «⟨Ноэль на лейб-гвардии Гусарский полк⟩», с. 777—780).

В 1815 г. в лицейской среде распространяются в списках неопубликованные «гусарские» стихи Давыдова. В бумагах А. М. Горчакова было два послания к Бурцову — «Бурцов, ёра, забияка...» и «В дымном поле, на биваке...» (оба — 1804), которые он как новинку посылал А. Н. Пещурову 14 августа и 23 октября 1815 г. (см.: КА. 1936. Т. 6 (79). С. 179—181), а также ранняя сатира Давыдова «Сон» (1802; см.: *Давыдов Д.* Стихотворения. Л., 1984. С. 193 (Б-ка поэта; Большая сер.)); к 1815 г. относится и сделанный Пушкиным список элегии Давыдова «Возьмите меч — я недостоин брани!..» (см.: Рукою П. 1997. С. 448—450).

Усы гусара — литературно маркированная черта внешнего облика, обязательный атрибут, о котором упоминается едва ли не во всех стихах, посвященных Давыдову, и в литературных портретах гусара вообще. Ср. у Давыдова: «Пусть мой ус, краса природы, Черно-бурый, в завитках. Иссечется в юны годы И исчезнет, яко прах» («Бурцову»; в копии Горчакова под заглавием: «Клятва гусаров»); «Всех наездников сзывай С закрученными усами» («Гусарский пир», 1804; опубл. 1832); те же эпитеты — в «Усах» («на палец завитки мотал», «за уши ус твой закрученный» — ст. 3, 13). Ср. в послании П. А. Вяземского «К партизану-поэту», адресованном Давыдову: «...мне твой ус красноречивый, Взращенный, завитый в полях И дымом брани окуренный, — Повествователь неизменный Твоих набегов удалых И ухарских врагам приветов, Колеблющих дружины их!» (Амфион. 1815. № 4; ср.: *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 75 (Б-ка поэта; Большая сер.)). Это послание Пушкин цитировал в конце марта 1816 г. (см. ниже примеч. к стих. «⟨Из письма к кн. П. А. Вяземскому⟩» («Блажен, кто в шуме городском...»), с. 677—678). К лирике Давыдова восходит также эпитет «ухарский», употребленный у Вяземского и у Пушкина (см.: Виноградов. Стиль П. С. 160—161). Близость «Усов» Пушкина к традиции «гусарской лирики» обусловила и симптоматическую ошибку первой публикации, где они были приписаны Давыдову, по-видимому, на основании распространявшихся списков.

Стихотворение носит пародийный характер. В лицейских лекциях П. Е. Георгиевского (близко пересказывающих «Науку стихотворства» И. С. Рижского) «философская ода» определяется как имеющая своим содержанием «какую-либо нравственную

мысль или истину или порок в отвратительном виде; так, чтобы в первом случае изящество воспеваемой лириком добродетели наполнило сердце наше живейшим восторгом, а во втором, чтобы гнусность порока произвела в высшей степени чувствование негодования»; предупреждается, что она отличается от дидактических сочинений «гласом пламенной страсти, разительными примерами, картинами, поражающими своею живостию» (Лицейские лекции: По записям А. М. Горчакова / Ввод. ст. Б. С. Мейлаха // КА. 1937. Т. 1 (80). С. 152). Обычная для «философской оды» идея бренности земного существования в «Усах» иллюстрируется отчетливо пародийными примерами.

С т. 11. *Где драмы тощие Клеона?* — Возможно, намек на А. А. Шаховского, выведенного под именем Клеона в «Мыслях и характерах» в «Российском музеуме» (1815. № 12. С. 306; подпись: «N»). Эпитет «тощие» в применении к водевилям Шаховского есть в кантате Д. В. Дашкова «Венчание Шутовского», переписанной Пушкиным в дневник 28 ноября 1815 г. В позднейшей редакции условно-литературное имя Клеон заменено другим: «Упали драмы Доримона». Луи Доримон (Dorimon, 1628—1693) — актер и драматург, автор трагикомедии «Le Festin de Pierre» (1658), с обработкой легенды о Дон-Жуане, предшествовавшей «Дон-Жуану» Мольера (1665). Имя Доримона как малоталантливого драматурга Пушкин мог слышать в лицейских лекциях. См.: Томашевский. П. и Франция. С. 288—289.

С т. 20—21. *...одою Хвостова Его тихонько обвернешь...* — Ср. ст. 94—146 стих. «Тень Фон-Визина» и соотв. примеч. к нему, с. 652—654.

⟨ИЗ ПИСЬМА К КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ⟩

(«Блажен, кто в шуме городском...»)

(С. 172)

Автограф (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5083, л. 102—104) — в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 г. Единственный источник текста. Факсимильное воспроизведение: Семь автографов А. С. Пушкина. 1816—1837: Из собрания кн. П. П. Вяземского. 26 мая 1880. [СПб.], 1880.

Впервые: РА. 1874. № 1. Стб. 112 (публ. П. И. Бартенева).

В собрание сочинений как отдельное стихотворение впервые включено: КН. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется 27 марта 1816 г., согласно помете в автографе.

Письмо-послание со стихотворной вставкой написано на второй день после посещения Лицея Вяземским, Н. М. Карамзиным и В. Л. Пушкиным, отправлявшимися в Москву; этим днем (25 марта) датируется обычно и личное знакомство Пушкина с Вяземским (см.: Летопись 1991. С. 108). Б. Л. Модзалевский полагал, что тон письма (и послания) указывает на более раннее начало личных отношений (см.: Письма. Т. 1. С. 179). Прямых документальных свидетельств такого общения нет; однако Вяземский к концу марта находился в Петербурге уже около двух месяцев: он приехал вместе с Карамзиным 2 февраля (см.: *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 141) и близко общался в столице с В. А. Жуковским и В. Л. Пушкиным; он был коротко знаком и с лицейским товарищем Пушкина С. Г. Ломоносовым (см.: П. в восп. Т. 1. С. 152). И Вяземский, и Жуковский к началу 1816 г. знали и высоко ценили «Воспоминания в Царском Селе» (см. выше примеч. к этому стих., с. 614). 20 марта А. Д. Илличевский сообщал П. Н. Фуссу, что Пушкина знает также Карамзин «и им весьма много интересуется» (Грот. Пушк. лицей. С. 65). Все это создавало реальные предпосылки для личных контактов Пушкина и Вяземского. В письме от 27 марта 1816 г. Пушкин цитирует или упоминает и стихи Вяземского, в том числе неизданные; так, «русские стихи Буало», о которых идет речь, — вероятно, послание «К перу моему» (см.: *Вяземский П. А.* Стихотворения.

Л., 1986. С. 456 (примеч. К. А. Кумпан) (Б-ка поэта; Большая сер.)), читанное Вяземским в присутствии В. Л. Пушкина и др. у А. И. Тургенева «в субботу», т. е. 4 марта, вместе со стихами «К Жуковскому» (видимо, «Послание к Жуковскому из Москвы, в конце 1812 года» — Тр. МОЛРС. 1816. Ч. 6; см. письмо А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу от 7 марта 1816 г. — ИРЛИ, ф. 309, № 382, л. 139). Тональность письма и послания, однако, определяется не столько степенью личной близости, сколько традицией дружески фамильярной «арзамасской» переписки, в которой они выдержаны.

Ст. 1. *Блажен, кто в шуме городском...* и след. — Шуточная парафраза начала широко известного эпода II Горация: «Beatus ille, qui procul negotiis...» («Блажен тот, кто вдали от сует...»). Контекст посланию дают строки письма: «Что сказать вам о нашем уединении? Никогда Лицей ⟨...⟩ не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединенье в самом деле вещь очень глупая, назло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы живали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину». Проблематика стихотворной части послания соотносится со стихами Вяземского, как печатными, так и неопубликованными (см. выше); так, тема сельского уединения разрабатывалась Вяземским в стихотворении «Послание к ⟨Жуковскому⟩ в деревню» (ВЕ. 1808. № 19), с окончанием: «Поверь! И в городе возможно с счастьем жить: Оно везде — умей его лишь находить!» (указано Б. Л. Модзалевским — Письма. Т. 1. С. 180), и в ряде других стихотворений: «Весеннее утро» (Амфион. 1815. № 10—11), «К подруге» (1815; к 1816 г. опубликовано не было; здесь упоминание о «саде» и сельском доме).

Ст. 8—9. *Блажен, кто с добрыми друзьями Сидит до ночи за столом...* — Отсылка к поэтическому портрету Вяземского в «Моих пенатах» и серии связанных с этим произведением посланий (см. выше примеч. к стих. «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...»), с. 598—599), а также к стихотворению Вяземского «К партизану-поэту», адресованному Д. Давыдову (Амфион. 1815. № 4), с той же темой дружеского пира; ст. 24—25 этого послания Пушкин цитирует в прозаической части письма (см. также выше примеч. к ст. 27 стих. «К Г⟨алич⟩у» («Пускай угрюмый рифмотвор...»), с. 639—640).

Ст. 10—11. *И над славенскими глупцами Смеется русскими стихами...* — Речь идет об эпиграммах и сатирических намеках Вяземского на членов «Беседы любителей русского слова» и примыкавших к ним поэтов — С. С. Боброва, Д. И. Хвостова, А. С. Шишкова, П. И. Кутузова, А. А. Шаховского и др.

⟨ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ПУШКИНУ⟩
(«Христос воскрес, питомец Феба!..»)

(С. 173 и 359)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) В. Ф. Вяземской в «Первой записной книжке» П. А. Вяземского (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1104, л. 18 об.—19) (Вяз$_1$). Определение почерка сделано В. С. Нечаевой (см.: *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 380). Напечатано: Акад. Спр. том. С. 12—13 (в виде вариантов к основному тексту).

2) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «Христос воскрес»; объединено со стихотворением «О муза пламенной сатиры...».

3) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Стихи в Светлое Воскресенье» и с более поздней пометой под текстом: «А. Пушкин. 816 году».

4) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «Христос воскрес!»; объединено со стихотворением «О муза пламенной сатиры...». Напечатано: КН. Т. 1. С. 124—125; ГИХЛ 1931. Т. 1. С. 508—509 (публ. М. А. Цявловского).

5) Тетр. Тихонравова (Тих) — под заглавием: «Христос воскрес».

Копии 2 и 5 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 377 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: ПЗ 1856. Кн. 2. С. 24—25, под заглавием: «Христос воскрес» (публ. А. И. Герцена); в России: Анн. Т. 7. С. 16—17 1-й паг., под заглавием: «Желание» и с цензурным пропуском шести стихов: 1—4, 14—15; БЗ. 1858. Т. 1. № 11. Стб. 346—347 (ст. 1—4, 14—15; публ. А. Н. Афанасьева, с подп.: «И. М—н»). Редакция Лон—Полт.

В собрание сочинений впервые включено: Анн.

Печатается по $Вяз_1$ с исправлением явной описки в ст. 10 («Шихматовым» вместо «Шахматовым») на основании чтения других копий.

В Акад. напечатано по списку Лон—Полт. Выбор в качестве источника текста списка В. Ф. Вяземской обусловлен тем, что это единственный современный список, который, без сомнения, восходит к подлинному письму, полученному В. Л. Пушкиным (связи В. Л. Пушкина и Вяземского в это время очень тесны; в той же записной книжке Вяземского сохранилась копия и другого письма Пушкина к дяде, от 28 (?) декабря 1816 г., также сделанная рукой Вяземской). В Акад. (Спр. том. С. 12) список Вяземской рассматривается как ранняя редакция стихотворения, для чего нет достаточных оснований; самый характер разночтений с Лон—Полт и другими копиями: сокращения текста, уточнение поэтических формулировок, — соответствующий общим принципам пушкинской правки в лицейских рукописях, позволяет думать, что именно здесь мы имеем дело с законченной редакцией, в то время как копии Лон—Полт, Даш, Тих, Долг и печатные тексты ПЗ и Анн восходят к более раннему тексту (может быть, не дошедшему до нас черновику, сохранявшемуся в бумагах Пушкина). Косвенным подтверждением авторитетности текста $Вяз_1$ является и совпадение эпитета «непокойные поэты» в парафразе ст. 21 в ответном письме В. Л. Пушкина (см. ниже); в тексте Лон—Полт — «беспокойный» (нередкая подстановка облегченного эпитета при копировании; ср. сохранение эпитета «непокойный» во всех остальных копиях). Большинство разночтений поздних копий, а также ст. 10 в $Вяз_1$ — явные описки при копировании.

Редакцию Лон—Полт и разночтения с нею поздних копий см.: Другие редакции и варианты, с. 359.

Стихотворение представляет собой либо часть несохранившегося письма Пушкина к В. Л. Пушкину, либо целое письмо в форме послания, что подтверждается ответным письмом В. Л. Пушкина от 17 апреля 1816 г., где перефразирован ст. 21: «...желаю, чтоб *непокойные* стихотворцы оставили нас в покое» (Акад. Т. 13. С. 4). На этом основании печатается под редакторским заглавием: «⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩».

Датируется началом апреля (до 12) 1816 г. Такая широкая датировка представляется более корректной, чем датировка М. А. Цявловского, который относил стихотворение к 6—11 апреля — по содержанию и по связи с ответным письмом В. Л. Пушкина от 17 апреля (см.: Акад. Т. 1. С. 462; Летопись. С. 95). Почта из Петербурга в Москву шла в среднем 4—5 дней; таким образом, послание было отправлено не позднее 12—13 апреля. Первый день Пасхи, с которой Пушкин поздравлял дядю («Христос воскрес, питомец Феба!..»), приходился в 1816 г. на 9 апреля; если предполагать, что Пушкин приурочивал послание к этому дню, он должен был отправить письмо несколькими днями ранее. Все эти соображения остаются, однако, гипотетическими.

Ст. 7. *Чтоб в Академии почтенной...* — Российская Академия, основанная в 1783 г. по образцу Парижской для очищения и обогащения русского языка и возглавляемая с 1813 г. президентом А. С. Шишковым, была учреждением, враждебным карамзинистам, и вместе с «Беседой любителей русского слова» подвергалась осмеянию на заседаниях «Арзамаса».

Ст. 12. *Расколов, глупости свидетель...* — «Раскол», «раскольники» — обычное «арзамасское» обозначение «шишковистов» и их литературной позиции в посланиях В. Л. Пушкина к В. А. Жуковскому (1810) и Д. В. Дашкову (1811).

С т. 18—19. *Покойный господин Бобров, Хвалы газетчиков достойный...* — Здесь, возможно, имеются в виду апологетические отзывы о С. С. Боброве в журналах начала века (И. И. Мартынова — Сев. вестн. 1804. Ч. 2. № 4; Н. Т. Александровского — Там же. 1805. Ч. 5. № 3; Журн. российской словесности. 1805. Ч. 1. № 2). О них упоминает А. А. Палицын в «Послании к Привете» (1807): «Я очень знаю то, с какими похвалами „Таврида" славилась недельными листами» (Поэты 1790—1810-х гг. С. 769). О полемике по поводу стихов Боброва см.: *Альтшуллер М. Г.* С. С. Бобров и русская поэзия конца XVIII—начала XIX в. // Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 240—241 (XVIII век; Сб. 6); *Лотман Ю., Успенский Б.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры: («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1975. Вып. 358. Тр. по рус. и слав. филологии. XXIV. С. 184—185. В 1810 г. появились также некрологи Боброва (см.: Друг юношества. 1810. № 5; ВЕ. 1810. № 11). Ср. также: *Зайонц Л. О.* «Маска» Бибруса // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1986. Вып. 683. С. 32—37.

С т. 20. *И Николев, пиит покойный...* — Николай Петрович Николев (1758—1815), давний литературный противник Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, был наряду с «шишковистами» осмеян в «Певце ⟨...⟩ в Беседе Славено-Россов» К. Н. Батюшкова («Там царство тленья и мышей, Там Николев почтенный...» — ст. 68—69) и рассматривался «арзамасцами» как своего рода предшественник «Беседы...» (см.: *Гнеушева Р. Д.* Н. П. Николев в литературном процессе 90-х годов XVIII века: (К постановке проблемы) // Структура литературного произведения: Межвуз. сб. Владивосток, 1983. С. 61—64). Возможно, что упоминание возникло и под впечатлением биографического очерка только что скончавшегося Николева (СО. 1816. № 12). См.: АН 1899. Примеч. С. 229 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 239.

ЭПИГРАММА

⟨НА КАРАМЗИНА⟩

(«Послушайте, я сказку вам начну...»)

(С. 174 и 360)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Щербакова (Щер) — под заглавием: «Эпиграмма», без подписи. Напечатано: Акад. Т. 2. С. 39 (публ. М. А. Цявловского).

2) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «На Карамзина» (под общим заглавием: «Эпиграммы» с эпиграммой «На кн. Голицына» («Вот Хвостовой покровитель...»)). Напечатано: ГИХЛ 1931. Т. 1. С. 517.

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — под общим заглавием: «Эпиграммы. На Карамзина» с эпиграммой «На плаху древность волоча...» (записан только первый стих; вариант эпиграммы «В его „Истории" изящность, простота...» (1818)).

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Эпиграмма на К.....» (позднее фамилия в заглавии полностью вписана карандашом).

5) Вторая тетр. из собрания Нейштадта ($Нейш_2$) — без заглавия.

6) Тетр. Краевского—Белинского (Кр—Бел) — рукой Белинского, под общим заглавием: «Эпиграммы» с эпиграммой на Булгарина «Не то беда, что ты поляк...».

7) Вторая тетр. Ростопчиной ($Рост_2$) — под общим заглавием: «Эпиграммы на Карамзина» с эпиграммой «Поклявшись хамом быть пред самовластья урной...» (контаминированный текст с эпиграммой «На плаху старину влача...» — вариантом эпиграммы «В его „Истории" изящность, простота...»); копия рукой неустановленного лица, с подписью: «Грибоедов», затем рукой Е. П. Ростопчиной исправленной на «Пушкин».

8) Тетр. Бартенева (Бар) — под заглавием: «На Карамзина». Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 514 (в виде вариантов к Даш; публ. М. А. Цявловского).

9) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «На Карамзина».

10) Тетр. Якушкина (Якуш) — под заглавием: «К „Истории" Карамзина».

11) Тетр. Гаевского (Гв) — под заглавием: «Эпиграмма. (На Карамзина)». Сильно искаженный текст.

12) Сб. Александрова (Ал) — под заглавием: «Эпиграмма».

13) П. А. Ефремова (Е).

Приведенный перечень копий не является полным.

Копии 3, 6, 7, 9, 10, 12, 13 напечатаны: Акад. Т. 2. С. 520 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Утраченные копии:

1) Бывшая в распоряжении П. В. Анненкова (источник публикации в Анн — см. ниже).

2) М. П. Погодина (Пог). Напечатано: *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. 2. С. 204.

3) Неизвестного лица — с подписью: «Грибоедов» (N). Напечатано: РС. 1872. № 5. С. 766; исправление: РС. 1872. № 6. С. 296.

Впервые: Новогодник. СПб., 1839. С. 222 (ст. 3—4; публ. Н. И. Греча); Анн. Т. 7. С. 99—100 1-й паг. (полностью).

В собрание сочинений впервые включено: Анн.

Печатается по Щер, поскольку этот текст дает наиболее вероятное чтение (см. ниже, примеч. к ст. 3—4).

Дефинитивный текст эпиграммы со всей определенностью установлен быть не может, так как ни одного современного источника текста не сохранилось. В Акад. в 10 т. (2) (Т. 1. С. 243) напечатано по Даш, с исправлением ст. 2 по большинству копий («Про Игоря и про его жену»); по тексту Даш печаталось начиная с КН (Т. 1. С. 382). В Акад. (Т. 2. С. 39, 1026) и Госл. в 10 т. (Т. 1. С. 414) печаталось по Щер.

Датируется по содержанию концом марта (после 24)—апрелем 1816 г. Обоснование датировки см. ниже.

О существовании эпиграмм Пушкина на Н. М. Карамзина в ближайшем к Пушкину литературном кругу стало известно в 1825 г. 28 апреля 1825 г. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому о своем «омерзении» к Пушкину, поднявшему руку на «отца Карамзина» (ОА. Т. 3. С. 117); раздражение это прошло, когда Тургенев узнал, что стихи «написаны за пять или шесть лет пред сим, если не прежде» (письмо от 4 мая 1825 г. — ОА. Т. 3. С. 121). В письме от 12 июня 1826 г. Вяземский упрекал Пушкина, что тот «грешил» эпиграммами против Карамзина, чтобы «сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов» (Акад. Т. 13. С. 284). Отвечая на упрек, Пушкин сознавался лишь в одной эпиграмме, которая «остра и ничуть не обидна», в отличие от других, «глупых и бешеных», и которая была написана тогда, когда Карамзин «отстранил» Пушкина от себя, «глубоко оскорбив» его «честолюбие и сердечную к нему приверженность» (письмо от 10 июля 1826 г. — Акад. Т. 13. С. 285—286). Помимо настоящей известны еще две эпиграммы на Карамзина, приписывавшиеся Пушкину: «В его „Истории" изящность, простота...» (вариант: «На плаху истину влача...») и «Решившись хамом стать пред самовластья урной...». Последняя эпиграмма Пушкину не принадлежит (см. о ней: *Лузянина Л. Н.* Эпиграмма на Карамзина // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 260—265). Широкая распространенность остальных текстов удостоверяется как числом списков (в полной мере не выявленных и не поддающихся учету), так и прямыми свидетельствами современников; М. И. Муравьев-Апостол, например, еще в 1860-е гг. помнил эпиграмму «На плаху истину влача...», а в письме к М. И. Бибикову от 14 марта 1867 г. упоминал и эпиграмму «Послушайте, я сказку вам начну...»: «Карамзин написал сказку „Илья-Богатырь", которую не кончил, когда вышли первые книжки „Истории государства Российского". Ему заметили, что не лучше ли досказать начатую сказку, чем пускаться

в разбирательство времен давно истекших?» (*Азадовский М. К.* Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960. С. 450; ср.: *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 381). И из этических, и из конспиративных соображений Пушкин вынужден был затушевывать свое авторство; отсюда намеренная неопределенность формулировки в автобиографических записках: «Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни» (Акад. Т. 12. С. 306). Тем не менее П. В. Анненков напечатал эпиграмму «Послушайте, я сказку вам начну...» как безусловно пушкинскую, сообщив, что эта «шутка написана была еще в Лицее, заключает в себе намек на сказку Карамзина „Илья Муромец" и по добродушной, незлобивой веселости, отличающей ее, может быть приведена здесь» (Анн. Т. 7. С. 100 1-й паг.); из последних слов как будто следует, что Анненкову были известны и другие эпиграммы Пушкина, не подлежащие печати. Тексты «В его „Истории" изящность, простота...» и «На плаху истину влача...» («На плаху древность волоча...») появились в 1861 г. в заграничных изданиях (Герб.; Русская потаенная литература XIX столетия. London, 1861), а в 1866 г. стихотворения «Послушайте, я сказку вам начну...» и «В его „Истории" изящность, простота...» были перепечатаны М. П. Погодиным в его биографии Карамзина, которую читали в рукописи и редактировали Вяземский, М. А. Дмитриев и К. С. Сербинович. В связи с публикацией эпиграммы «Послушайте, я сказку вам начну...» под именем А. С. Грибоедова (см.: *Родиславский В. И.* Неизданные пьесы А. С. Грибоедова) // РВ. 1873. № 9) Вяземский писал М. Н. Лонгинову: «На стр. 235 приводится известная эпиграмма на Карамзина:

Послушайте, я вам скажу про старину,
Про Игоря и про его жену и проч. —

и приписывается она Грибоедову. В заграничных изданиях печатается она под именем Пушкина — и, кажется, правильно. В ней выдается почерк Пушкина, а не Грибоедова, которого стихи, за исключением многих удачных и блестящих стихов в „Горе от ума", вообще грубоваты и тяжеловаты. При всем своем уважении и нежной преданности к Карамзину Пушкин легко мог написать эту шалость; она, вероятно, заставила бы усмехнуться самого Карамзина. В лета бурной молодости Пушкин не раз бывал увлекаем то в одну, то в другую сторону разнородными потоками обстоятельств, соблазнов и влияний литературных и других» (РА. 1874. Т. 1, кн. 2. Стб. 0545; Вяземский. Т. 7. С. 341). Существует, однако, заметка Вяземского на полях миниатюрного издания Герб. (Берлин, 1870), хранившегося в Остафьеве (в наст. время в РГБ; см.: *Бессмертных Л. В.* О некоторых изданиях эротических произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 291), против текста эпиграммы «В его „Истории" изящность, простота...» (и варианта ее: «На плаху истину влача...»): «Я убежден, что стихи не Пушкина» (СиН. Т. 8. С. 37). Все эти данные были суммированы В. Е. Якушкиным (см.: АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 147—151), который сохранил в основном корпусе оба текста, опираясь преимущественно на данные Погодина. В дальнейшем, однако, вновь возник вопрос об авторстве Пушкина; в Венг. обе эпиграммы помещены в разделе «Dubia», в комментариях (Н. О. Лернера) утверждается, что эпиграмма «В его „Истории" изящность, простота...» Пушкину не принадлежит, а «Послушайте, я сказку вам начну...» не имеет достаточных данных для атрибутирования Пушкину (см.: Венг. Т. 2. С. 535). Во всех советских изданиях (до Акад.) последняя эпиграмма рассматривалась как дубиальная; лишь М. А. Цявловский, найдя новые данные для ее датировки и интерпретации (см. ниже), сделал вывод, что «эта эпиграмма — единственная эпиграмма Пушкина на Карамзина, авторство которой не вызывает сомнений. Включавшаяся до последних изданий в отдел „Dubia" эпиграмма „В его «Истории» изящность, простота" по всем данным Пушкину не принадлежит» (Акад. Т. 2. С. 1026). Новый пересмотр этого вопроса, предпринятый Б. В. Томашевским (Эпиграммы Пушкина на Карамзина // ПИМ. Т. 1. С. 208—215), показал, что единственная эпиграмма, которую Пушкин мог иметь в виду в своей переписке с Вяземским

1826 г., — именно эпиграмма «В его „Истории" изящность, простота...»; настоящая же эпиграмма, относящаяся к лицейскому времени, исключается по соображениям хронологии. Тем не менее Томашевский считал неосторожным выводить ее из состава собрания сочинений Пушкина, поскольку авторство удостоверено авторитетным источником (Погодин), и предлагал оставить ее «хотя бы в разделе ⟨...⟩ приписываемых» Пушкину (Там же. С. 215). В издании под своей редакцией он, однако, включил ее в основной корпус (см.: Акад. в 10 т. (2). Т. 1. С. 243); в новейших критических изданиях она также печатается в основном корпусе без каких-либо оговорок (см.: Госл. в 10 т. Т. 1. С. 414). Последняя попытка атрибутирования ее Грибоедову (см.: *Фесенко Ю.* Эпиграмма на Карамзина: (Опыт атрибуции) // ПИМ. Т. 8. С. 293—296), поддержанная в некоторых работах (см.: *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. Л., 1989. С. 48—49, 69), не может быть принята, так как опирается почти исключительно на «материал субъективных текстуальных параллелей и содержит прямые ошибки в интерпретации текста» (см: критику ее: *Бекедин П. В.* Несостоявшаяся атрибуция // РЛ. 1981. № 1. С. 197—199; неубедительны также и встречающиеся в научно-популярной литературе попытки оспорить авторство Пушкина путем передатировки эпиграммы и отнесения ее к началу XIX в. — см.: *Кожевников В.* О «прелестях кнута» и «подвиге честного человека»: Пушкин и Карамзин // Русский архив. М., 1990. Вып. 1. С. 147—149).

Поводом для эпиграммы послужило объявление в «Сыне отечества» о готовящемся выходе «Истории государства Российского»: «При сем случае можем известить публику, уже давно с нетерпением ожидающую *Истории Российской*, сочиненной *г. Карамзиным*, что он кончил и совершенно изготовил к напечатанию 8 томов. В них заключается история России от древнейших времен до кончины царицы Анастасии Романовны, супруги царя *Иоанна Васильевича Грозного*, т. е. до 1560 года. Ныне занимается он девятым томом и надеется кончить его до издания в свет первых осьми. Вся История печататься будет в Санкт-Петербурге, под смотрением самого автора, и все 9 томов выйдут вдруг. Печатание продолжится года полтора» (СО. 1816. 24 марта. № 12. С. 239; ср.: Летопись 1991. С. 644—645). Эпиграмма, таким образом, была написана до знакомства Пушкина с «Историей...» и в канун его личного знакомства с самим Карамзиным. Карамзин в это время находился в Петербурге и только что получил долго откладывавшуюся аудиенцию у Александра I; о «лестном внимании» к нему «государя» сообщал А. М. Горчаков А. Н. Пещурову 19 марта 1816 г.: «Вчера он сделан был статским советником и получил Анны первой степени через плечо, что, кажется, еще никакому статскому советнику не давали. Кроме того, он получил на напечатание своей Истории 60 000 рублей. Впрочем, это может несколько заставить замолчать зоилов его, но в глазах обожателей его таланта и в собственных глазах его он тем не менее будет Карамзин, просто Карамзин, которому ни лента, ни чин ничего прибавить не могут» (КА. 1936. № 6 (79). С. 185). Те же новости передавал А. Д. Илличевский П. Н. Фуссу 20 марта: «...говорят, будто государь пожаловал ему вдруг чин статского советника, орден св. Анны I класса и 60 000 рублей для напечатания „Истории". Слава великодушному монарху! горе зоилам гения!». Далее Илличевский писал, что Карамзина ожидают в Лицее и что «он знает Пушкина и им весьма много интересуется; он знает также и Малиновского — поспешай же, о день отрад!» (Грот. Пушк. лицей. С. 65). Карамзин посетил Лицей 25 марта вместе с В. А. Жуковским, Вяземским, А. И. Тургеневым, С. Л. и В. Л. Пушкиными (см.: Летопись 1991. С. 108); об этом визите сохранилось воспоминание И. В. Малиновского: «...Карамзин, вызвав Пушкина, сказал: „Пари, как орел, но не останавливайся в полете". И он с раздутыми ноздрями — выражение его лица при сильном волнении — сел на место при общем приличном приветствовании товарищей» (*Цявловский М.* Заметки о Пушкине // ПиС. Вып. 38—39. С. 214). Очень важные дополнительные акценты для оценки этой ситуации содержит мемуарная заметка Вяземского 1874 г.: «Из Москвы в Петербург в 1816 году с Карамзиным ехал я один. Жуковский был уже в Петербурге. Василий Львович приехал в Петербург или перед нами, или вслед за нами, но положительно не с нами, а в обратный путь примкнул к нам. С ним по дороге

и заезжали мы в Лицей, вероятно, по предложению Василия Львовича. Оставались мы там с полчаса, не более. Не помню особенных тогда отношений Карамзина к Пушкину. Вероятно, управляющие Лицеем занимались Карамзиным. А меня окружила молодежь: я и сам был тогда молод. Тут нашел я Сергея Ломоносова, который за несколько лет пред тем был товарищем моим или в иезуитском пансионе, или в пансионе, учрежденном при Педагогическом институте, — в точности не помню. Пушкин был не особенно близок к Ломоносову, — может быть, напротив, Ломоносов и тут был уже консерватором, а Пушкин в оппозиции против Энгельгардта и много еще кое-кого и кое-чего» (П. в восп. Т. 1. С. 152). С этими воспоминаниями хорошо согласуются данные переписки Пушкина за март—апрель 1816 г.: дружеское письмо к Вяземскому от 27 марта и письмо к В. Л. Пушкину (несохранившееся, содержание которого отчасти восстанавливается по ответному письму В. Л. Пушкина от 17 апреля, — см.: Акад. Т. 13. С. 2—4). При явно «арзамасской» ориентированности (и фразеологии) первого письма никаких упоминаний о Карамзине в нем нет (как нет их и в стихах Пушкина, написанных до лета 1816 г., если не считать совершенно нейтрального, «перечислительного» упоминания в «Городке»). Напротив, письмо В. Л. Пушкина содержит дидактические строки, связанные именно с Карамзиным: «Николай Михайлович в начале маия отправляется в Сарское Село. Люби его, слушайся и почитай. Советы такого человека послужат к твоему добру и, может быть, к пользе нашей словесности. Мы от тебя многого ожидаем» (Там же. С. 4). Все эти эпизоды, начиная с актов официального признания Карамзина за еще неизвестный обществу труд и до демонстративного «ободрения» Пушкина при посредничестве дядюшки, должны были предстать лицеисту Пушкину (находившемуся в «оппозиции» к лицейскому начальству и властям) как факты инспирированного покровительства «старшего» «младшему», — что обычно вызывало у него негативную реакцию, — и создать психологические предпосылки для эпиграммы на не вышедшую еще «Историю...». Эпиграмма, несомненно, отражала также многочисленные и противоречивые слухи и толки о труде Карамзина, который подозревали как в консерватизме, так и в либерализме; существовали и скептики, сомневавшиеся в способности «чувствительного» писателя выполнить роль историка (ср. памфлетный выпад С. Н. Марина в сатире «М⟨илонову⟩ М⟨арин⟩ здравия желает» (ЧБЛРС. 1811. Кн. 3; Поэты-сатирики. С. 194, 643), упоминание А. С. Стурдзы о предубежденных слушателях Карамзина, не доверявших его учености и таланту (Москвитянин. 1846. № 9 и 10. С. 146) и т. д.). См.: *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». 2-е изд., доп. М., 1986. С. 40—41; *Козлов В. П.* «История государства Российского» в оценках современников. С. 11—16, 65—70; *Вацуро В. Э.* К истории эпиграмм Пушкина на Карамзина // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 112—131. Ситуация резко меняется с лета 1816 г., когда происходит личное знакомство и сближение Пушкина с Карамзиным (после переезда последнего в Петербург и Царское Село).

С т. 1. «*Послушайте, я сказку вам начну...* — Высказывалось мнение (см.: *Фесенко Ю.* Эпиграмма на Карамзина: (Опыт атрибуции). С. 294), что эта строка содержит реминисценции из «Острова Борнгольма» (1794) Карамзина («Сядем вокруг алого огня и будем рассказывать друг другу сказки, и повести, и всякие были. ⟨...⟩ Слушайте — я повествую — повествую истину, не выдумку» — *Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 519—520); предположение это возможно, хотя и не строго обязательно. «Остров Борнгольм» был в поле зрения лицеистов (см. упоминание о нем в лицейской «национальной песне», переписанной Пушкиным в дневник в 1815 г., — Грот. Пушк. лицей. С. 230; Акад. Т. 12. С. 299).

С т. 2. *Про Игоря и про его жену...* — Речь идет о правлении великого князя киевского Игоря (912—945) и его жены Ольги (945—969) (гл. VI—VII т. 1 «Истории...» Карамзина). Обе фигуры интересовали Пушкина в лицейские годы; в дневнике под 10 декабря 1815 г. он записал: «Третьего дни хотел я начать Ироическую поэму: Игорь и Ольга, а написал эпиграмму на Шах⟨овского⟩, Шихм⟨атова⟩ и Шишк⟨ова⟩...» (Акад. Т. 12. С. 298).

С т. 3. *Про Новгород и Царство Золотое...* — Вопрос о вечевом строе древнего Новгорода был одним из существеннейших в историографии, историософии и политической мысли еще в XVIII в.; в дальнейшем он особенно привлекал декабристских историков и политиков (см.: *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. С. 321—347). Повесть Карамзина «Марфа Посадница, или Покорение Новагорода» (1803) была одной из наиболее значительных историко-художественных интерпретаций этой темы. Чтение в списках: «Про Новгород, про время золотое...» — характерно для идеализации Новгородской республики в либеральных общественных кругах 1810—1820-х гг., не свойственной Карамзину. Можно думать, что это обычное для читательского восприятия «облегченное чтение» «непонятного места» в тексте эпиграммы. «Царство Золотое» — Золотая Орда.

С т. 4. *А может быть, про Грозного царя...».* — В ряде списков (см.: Другие редакции и варианты, с. 360): «И, наконец, про Грозного царя...» — еще один случай «облегченного чтения», вызванный утратой связи между текстами эпиграммы и журнального объявления. В последнем указывалось, что Карамзин лишь предполагает закончить к моменту печатания описание царствования Грозного (см.: Летопись 1991. С. 645).

С т. 5—6. *«И, бабушка, затеяла пустое! Докончи нам „Илью-богатыря"».* — Имеется в виду неоконченная «богатырская сказка» Карамзина «Илья Муромец» (1794), оказавшая прямое воздействие на «Бову» Пушкина (см. выше примеч. к этой поэме, с. 603). Ситуация, намеченная в этом месте эпиграммы, развита в стихотворении «Сон. (Отрывок)» (наст. т., с. 191). Возможно, что этот стих иронически перефразирует объявление в «Сыне отечества», где несколько раз повторен глагол «кончить» (см.: *Фесенко Ю.* Эпиграмма на Карамзина: (Опыт атрибуции). С. 294).

«ЗАУТРА С СВЕЧКОЙ ГРОШЕВОЮ...»

(С. 175)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА).

2) М. А. Корфа в рукописи «Записки о Лицее» (ПД, ф. 244, оп. 17, № 23, л. 14 об.). Относится к 1854 г. Напечатано: Грот. Пушкин 1887. С. 269; Грот. Пушкин 1899. С. 239.

3) И. И. Пущина в рукописи «Записок о Пушкине» (Пущ) — ст. 5—6.

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).

5) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

6) Вторая тетр. Ростопчиной ($Рост_2$) — рукой Е. П. Ростопчиной, под заглавием: «Эпиграмма 17-летнего Пушкина».

7) Тетр. Бартенева (Бар) — под заглавием: «На Пешеля».

8) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «Благодарность».

Впервые: Анн. Т. 7. С. 99.

В собрание сочинений впервые включено: Анн.

Печатается по СЛС. Разночтения копий не приводятся, как малоавторитетные.

Датируется мартом (не ранее 18)—маем 1816 г. по реалиям (см.: Акад. Спр. том. С. 13). Сохранился документ об аресте К. Сазонова от 18 марта 1816 г. К маю 1816 г. относится болезнь Пушкина (первая после ареста Сазонова), в связи с чем, по-видимому, и написана эпиграмма на Пешеля (см.: Летопись 1991. С. 644).

По поводу этой эпиграммы М. А. Корф в своей «Записке о Лицее» писал: «Доктор Пешель ⟨лицейский врач Франц Осипович Пешель (1784—1842)⟩ — весельчак, старавшийся острить, друг всего царскосельского бомонда (хорош он был!), между тем добрый человек, о котором могли отзываться дурно разве только его больные; он забавлял нас своими анекдотами ⟨...⟩ большею частью неудачными

бонмотами и уморительным русским языком. ⟨...⟩ При смешных сторонах нашего эскулапа, в эпиграммах на него, разумеется, не было недостатка. Самая злая из них, кажется Пушкина, родилась по следующему случаю. Один из наших дядек, следственно из участников в надзоре за нашею нравственностию, едва 20-летний Константин Сазонов, в два года своей бытности в Лицее совершил в Царском Селе в окрестностях шесть или семь убийств и был схвачен и заподозрен в прежних — только при последнем, но и то не начальством Лицея, а полициею! Разумеется, что когда дело обнаружилось, злодей был предан всей каре закона; но при этом досталось и Пешелю в следующей домашней нашей расправе...» (далее следует текст эпиграммы) (Грот. Пушкин 1899. С. 239). Согласно примечанию в копии Ростопчиной, «Пешель, лицейский доктор, объявил Пушкину, больному в лазарете, что Сазонов, его дядька, обличен в смертоубийстве»; этот рассказ маловероятен по хронологическим соображениям (см. выше).

ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ

(«Довольно битвы мчался гром...»)

(С. 176)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) С. Г. Ломоносова из архива Я. К. Грота (ПД, ф. 244, оп. 4, № 43). Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 260, 416 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 273 (в виде вариантов к тексту Посм.; публ. Л. Н. Майкова); Грот. Пушк. лицей. С. 344—345.

2) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ). Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 260 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 273 (в виде вариантов к тексту Посм.; публ. Л. Н. Майкова).

3) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 342—343 (по утраченной ныне копии ТЖ); РП. С. 73—74 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

4) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф).

5) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

Тексты копий идентичны.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 342—343.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по копии С. Г. Ломоносова.

Датируется предположительно последними числами мая 1816 г., так как написано к празднику, состоявшемуся 6 июня (см. ниже).

Написано по случаю бракосочетания принца Вильгельма Оранского (1792—1842), с конца 1815 г. находившегося в Петербурге, с великой княжной Анной Павловной (1795—1865), сестрой императора. Накануне отъезда новобрачных, 6 июня, вдовствующая императрица Мария Федоровна дала в Павловске праздник, стихи для которого было поручено написать Ю. А. Нелединскому-Мелецкому; как передает В. П. Гаевский, затруднившись в сочинении, он «поехал в Лицей, передал это поручение Пушкину, которому дал и главную мысль, а через час или два уехал из Лицея уже со стихами» (Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 372). По утверждению С. Д. Комовского, инициатором приглашения Пушкина был Н. М. Карамзин (см.: П. в восп. Т. 1. С. 68); по-видимому, Нелединский вначале обратился за помощью к нему. Карамзин приехал в Царское Село «в пятом часу вечера» 25 мая (см.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 187; отсюда датировка стихотворения «25—30 мая» — см.: Летопись. С. 97; Летопись 1991. С. 111); неизвестно, однако, принимал ли он личное участие в переговорах с Пушкиным. 7 июня 1816 г. Е. А. Энгельгардт доносил министру А. К. Разумовскому, что эти стихи, сочиненные «по препоручению тайного советника Нелединского-Мелецкого и статского советника Карамзина», пелись во время ужина и что Пушкин получил за них

от императрицы Марии Федоровны золотые часы с цепочкой (см.: *Шляпкин И. А.* К биографии А. С. Пушкина. СПб., 1899. С. 24—25; ср. также письмо А. М. Горчакова к Е. Н. Пещуровой от 1 июля 1816 г.: КА. 1936. Т. 6 (79). С. 191 — и свидетельство М. А. Корфа: Грот. К лиц. стих. С. 244—245). 9 июня 1816 г. А. И. Тургенев сообщал П. А. Вяземскому, что написанные Пушкиным «куплеты» «с переменою пошли в дело» (ОА. Т. 1. С. 47). Характер и авторство «перемен» в тексте неизвестны. Стихи, положенные на музыку неизвестным автором, были исполнены на массовом празднике; может быть, они и были теми «куплетами», которые, как вспоминал П. А. Каратыгин, исполнял знаменитый певец В. М. Самойлов (см.: *Каратыгин П.* Записки. Л., 1970. С. 57). Лицеисты также присутствовали на празднике.

Сохранилось предание, переданное М. Н. Лонгиновым, что часы, полученные в подарок, Пушкин затем разбил «нарочно, о каблук» (Летопись. С. 99). Позднее в послании «К Ш⟨ишк⟩ову» (поздняя редакция, после 1817 г.) он писал: «Простите мне мой страшный грех, поэты, Я написал придворные куплеты...» (Другие редакции и варианты, с. 386); однако возможно, что здесь имеется в виду прибавление Пушкина к гимну В. А. Жуковского «Боже! царя храни!..» (см.: наст. т., с. 306, а также: Томашевский. Пушкин, I. С. 66), поскольку стихи «Принцу Оранскому» он в конце 1816—начале 1817 г. предполагал включить в сборник своих стихотворений (см.: наст. т., с. 504, 506, а также: Рукою П. 1997. С. 165).

Одним из образцов Пушкина при сочинении, по-видимому, были «Стихи на случай первого отречения Бонапарта» («Сей день есть день суда и мщенья!..») Жуковского (СО. 1816. № 14) с аналогичной композицией.

С т. 7—8. *Оковы свергнувший злодей Могущей бранью снова скован.* — 1 марта 1815 г. Наполеон тайно возвратился с о. Эльбы во Францию и вернул себе престол, занятый Людовиком XVIII Бурбоном (ср. упоминание о «лилиях Бурбона» в ст. 24); он владел престолом с 20 марта по 22 июня 1815 г. (так называемые «Сто дней»). 25 марта была заключена седьмая антифранцузская коалиция — союзный договор России, Австрии, Англии и Пруссии; после битвы при Ватерлоо (18 июня) Наполеон был снова свергнут и отправлен в ссылку на о. Св. Елены.

С т. 21. *Хвала, о юноша герой!* и след. — Принц Оранский командовал нидерландскими войсками под начальством Артура Коллея Уэлсли, герцога Веллингтона (Wellington, 1769—1852) («с героем дивным Альбиона»); в битве при Ватерлоо он был ранен («на нем сияет язва чести»).

С т. 24. *И мстил за лилии Бурбона.* — В гербе династии Бурбонов находилось изображение лилий.

К⟨НЯ⟩Ж⟨НЕ⟩ В. М. ВОЛКОНСКОЙ
(«On peut très bien, mademoiselle...»)
(С. 177)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 103, ед. хр. 1032, № 90, л. 23) — в составе рукописи воспоминаний М. И. Жихарева «Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве». Единственный источник текста. Напечатано (с устранением ошибок в первой публикации): ПИМ. Т. 14. С. 193 (публ. Л. З. Каменской).

Впервые: ВЕ. 1871. № 7. С. 192 (в составе статьи М. И. Жихарева «Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве»).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по копии РГБ.

В первой публикации допущена ошибка — результат неточности при наборе или редактуры: «grâce» вместо «garce», что меняет смысл всего текста. Возможно, однако,

что и в рукописный вариант вкрались искажения, так как в нем нарушены привычные нормы французского стиха, хорошо известные Пушкину (см. коммент. Б. В. Томашевского в изд.: Акад. в 10 т. (2). Т. 1. С. 494).

Датируется предположительно концом июля—началом (до 10) августа 1816 г. на основании реалий в мемуарах И. И. Пущина (см. ниже), где идет речь о конце лета (упомянуто о поспевании яблок) и фигурируют Александр I и Энгельгардт. Егор Антонович Энгельгардт (1775—1862) принял должность директора Лицея в марте 1816 г.; Александр I 10 (22) августа 1816 г. уехал в путешествие по России и вернулся в Царское Село 13 (25) октября (см.: *Шильдер Н. К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 48, 67). См. также ниже примеч. к стих. «К Наташе», с. 689—690.

Об обстоятельствах, предшествовавших эпиграмме, рассказано И. И. Пущиным. Лицеисты посещали концерты полковой музыки у дворцовой гауптвахты, куда проходили иногда дворцовым коридором, мимо дверей в комнаты камер-фрейлин императрицы Елизаветы Алексеевны — Н. Я. Плюсковой, Е. П. Валуевой и княжны Варвары Михайловны Волконской (1781—1865). У Волконской была горничная Наташа, предмет ухаживания лицеистов; в темном коридоре Пушкин однажды принял за Наташу княжну Волконскую и пытался «поцеловать ее самым невинным образом». Ошибка открылась; Пушкин собрался писать княжне извинительное письмо, но она успела пожаловаться брату, генерал-адъютанту П. М. Волконскому, принесшему жалобу Александру I. На следующий день император разговаривал об инциденте с Энгельгардтом, которому удалось убедить Александра I в неумышленности поступка и раскаянии Пушкина, якобы уже прибегнувшего к его посредничеству и испрашивающего позволения письменно извиниться. Император разрешил принести извинения, взяв на себя «адвокатство за Пушкина», предупредив, однако, «чтоб это было в последний раз». Пущин передал и шутку Александра: «La vieille est peut-être enchantée de la méprise du jeune homme, entre nous soit dit» ⟨«Старая дева, между нами говоря, быть может, в восторге от ошибки молодого человека» — *фр.*⟩ (Пущин. С. 62—63). Несколько иначе об этом эпизоде рассказывал М. И. Жихарев: Пушкин в полутьме в «каком-то коридоре» «пристал с неосмотрительными речами и даже, сообщают злоязычники, с необдуманными прикосновениями» к некоей женщине, которая «подняла крик и ускользнула», однако успела узнать виновника. «Она была немолода, некрасива и настолько знатна», что слух о происшествии дошел до Александра I, который «приказал немедленно Пушкина высечь»; Энгельгардт не исполнил приказания. Слух о скандале распространился, и «поэт почтил пожилую девушку» французской эпиграммой (следует текст) (ВЕ. 1871. № 7. С. 192). Воспоминания Пущина принадлежат очевидцу; Жихарев пользовался, вероятно, рассказами Чаадаева; устная версия обогатилась недостоверными подробностями. Однако в основе оба рассказа совпадают (по-видимому, Жихарев не знал мемуаров Пущина, опубликованных в «Атенее» в 1858 г.). В совершенно искаженном виде эпизод рассказан Н. А. Маркевичем: Пушкин в аллее царскосельского парка целует Н. В. Кочубей («не зная, кто она»); девушка, спасаясь, бежит «к фрейлинским квартирам» и встречается с царем; узнав о проделке Пушкина, Александр I решает его «отправить солдатом в Финляндию»; Н. В. Кочубей, по настоянию обеих императриц, вымаливает Пушкину прощение; впоследствии Пушкин влюбляется в нее и пишет ей стихи «К Наталье» и «К Наташе» (П. в восп. 1985. Т. 1. С. 161—162, 494). При всех анекдотических подробностях позднейших версий стихи, приведенные Жихаревым, вписываются в рассказ Пущина: они (в представленном в рукописи виде) являются именно саркастическим «извинением», адресованным Волконской. Об оттенках французского словоупотребления см.: *Каменская Л. З.* Об одной эпиграмме Пушкина // ПИМ. Т. 14. С. 192—194.

К НАТАШЕ

(«Вянет, вянет лето красно...»)

(С. 178 и 360)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ).

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 284—285 (по ТЖ); РП. С. 32—33 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) А. М. Горчакова (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 65) (Г) — с подписью: «1—14—16», показывающей, что копия снята с белового автографа, который Пушкин, возможно, предназначал для печати. Напечатано: ГИХЛ 1935. Т. 1. С. 227 (публ. М. А. Цявловского).

4) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф). Текст идентичен Ник.

5) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$) — под заглавием: «Наташе»; первоначальная редакция из четырех строф. Напечатано: Acad. в 6 т. Т. 1. С. 656 (публ. М. А. Цявловского).

6) Неизвестного лица на отдельном листе из архива Я. К. Грота (ПД, ф. 244, оп. 4, № 44) (N). Относится, по-видимому, к 1840—1850-м гг.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 284—285.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник.

Датируется августом—началом сентября 1816 г. Обоснование датировки см. ниже.

В качестве адресата стихотворения называли всех трех «Наталий», к которым обращены лицейские стихотворения:

1) крепостную актрису графа В. В. Толстого — в Тетради Лонгинова—Полторацкого, с приурочением стихотворения к 1815 г. (см. выше примеч. к стих. «К Наталье», с. 570); со слов Лонгинова эти сведения повторены Г. Н. Геннади (см.: Приложение к сочинениям А. С. Пушкина, изданным Я. А. Исаковым. СПб., 1860. С. 100);

2) Н. В. Кочубей — в «извлечениях» Я. К. Грота из Тетради Яковлева—Корфа; здесь рукой Грота помечено: «Дочери князя Кочубея» (т. е. Н. В. Кочубей; см. выше примеч. к стих. «Измены», с. 632); к ней же относил эти стихи (как и стихотворение «К Наталье») Н. А. Маркевич, передававший искаженные слухи (см.: П. в восп. 1985. Т. 1. С. 162, 494); позднее Грот отказался от этой версии; на том же листке помета его рукой: «Креп⟨остная⟩ девица, актриса графа Толстого Варфоломея, у которого были театр и карусель»;

3) горничную княжны В. М. Волконской Наташу — в статье В. П. Гаевского «Пушкин в Лицее...», где на основании «Записок о Пушкине» И. И. Пущина (см. выше примеч. к стих. «К⟨ня⟩ж⟨не⟩ В. М. Волконской», с. 688) и рассказов других лицеистов сообщалось: «Некоторые даже вдохновлялись ею, как например Корсаков, и к ней же относится послание Пушкина „К Наташе" ⟨...⟩ написанное осенью 1816 года по тому поводу, что Наташа, следуя за двором, должна была переселиться в Петербург, к досаде гонявшейся за нею молодежи» (Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 387—388); эта адресация была принята Г. Н. Геннади (см.: Генн. 1869—71. Т. 1. С. XX) и другими комментаторами; наиболее вероятной она считается и в настоящее время.

Вопрос о датировке стихотворения связан с установлением адресата. Основываясь на рассказе Гаевского, комментаторы (начиная с издания Генн. 1869—71 и до издания Венг. включительно) датировали стихотворение 1816 г. (в Брюс., КН и ГИХЛ 1931 и 1935 предположительно). М. А. Цявловский оспорил эту дату, как переданную приблизительно и по памяти: «Год написания, — считал он, — определяется подписью: „1—14—16", имеющейся в копии Горчакова. Такую же подпись Пушкин употреблял в мае—октябре 1814 г. ⟨...⟩ Судя же по содержанию стихотворения

(«Вянет, вянет лето красно...»), оно написано осенью, во второй половине августа или в сентябре» (Цявловский. Коммент.). Дата «вторая половина августа—сентябрь 1814 г.» принята в Акад. (Т. 1. С. 443), Летописи (с. 61) и Худ. лит. в 10 т. (Т. 1. С. 307; помещено среди стихотворений 1814 г.); в Летописи 1991 — более узкая датировка: 15(?)—26(?) августа 1814 г. (с. 642). Иную датировку (начало 1815 г.) предложил Б. В. Томашевский (см.: Акад. в 10 т. (2). Т. 1. С. 477), указавший, что в стихотворении имеются реминисценции из баллады П. А. Катенина «Наташа», написанной в 1814 г., но опубликованной в 1815 г. (СО. 1815. 1 апр. № 13); стихи имеют и сходную строфику, необычную для Пушкина (см.: Томашевский. Строфика П. С. 103). Существуют, однако, данные, подтверждающие дату, предложенную Гаевским: двор императрицы Елизаветы Алексеевны стал выезжать на лето в Царское Село только с 1816 г. Об этом событии как о новости сообщает Е. Н. Пещуровой А. М. Горчаков: «Наш образ жизни в Царском потеряет теперь несколько свою монотонность. ⟨...⟩ Наш городок будет несколько оживлен, так как императрица Елисавета проведет здесь лето со своим двором...» (23 апреля 1816 г.); «Этим летом свобода наших прогулок будет ⟨...⟩ несколько ограничена, так как, если двор будет в Царском, — о чем не перестают говорить, — нам нельзя будет быть столь же шумными в саду, как обычно» (7 мая 1816 г.) (подлинник по-французски; КА. 1936. Т. 6 (79). С. 186, 187). В письме от 1 июля Горчаков упоминает «princesse» Волконскую как постоянную на все лето жительницу Царского Села; скорее всего, имеется в виду именно княжна В. М. Волконская (хотя это может быть и С. Г. Волконская, супруга П. М. Волконского) (Там же. С. 190). Все это делает наиболее вероятной датой стихотворения август—начало сентября 1816 г., что устраняет и хронологический разрыв между ним и эпиграммой «К⟨ня⟩ж⟨не⟩ В. М. Волконской» (см. выше примеч. к этому стих., с. 687—688).

С т. 9. *Свет-Наташа! где ты ныне?* и след. — Ср. первые строки баллады Катенина «Наташа»: «Ах! жила была Наташа, Свет-Наташа красота. Что так рано, радость наша, Ты исчезла как мечта?». Однако, по наблюдению С. М. Бонди, оба текста (и Катенина, и Пушкина) восходят в конечном счете к стихотворению А. Ф. Мерзлякова «Хор детей маленькой Наташе» («О Наташа, Радость наша, Добрый маленький дружок, К нам скорее, К нам в кружок!» — РВ. 1811. № 5. С. 34; Летопись 1991. С. 642).

С т. 22. *И, как чижик в клетке тесной...* — Ср. анонимную песню «Чижик», изданную В. А. Жуковским в 1810 г. (СРС. Ч. 2. С. 193), строфически идентичную стихотворению Пушкина и с теми же мотивами (клетки, в которой горюет птичка, потерявшая свободу). Возможно, что в стихотворении отразилось знакомство с этой песней. Все оно ориентировано на традицию сентиментального романса в народном духе (см.: Томашевский. Строфика П. С. 103; Томашевский. Пушкин, I. С. 98—100).

ЭКСПРОМТ НА А⟨ГАРЕВУ⟩

(«В молчаньи пред тобою сижу...»)

(С. 179)

Автограф (в «Лицейской антологии...» (ЛА)) — с заглавием: «Экспромт на А.». Напечатано: Врем. ПК 1974. С. 5 (публ. Р. Е. Теребениной). Воспроизведение: Там же. С. 7.

Копии:

1) Тетр. Матюшкина (Мат) — под заглавием: «Экспромт на Агареву».

2) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА).

3) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 370 (по ТЖ); РП. С. 89 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 370.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по автографу.

Датируется по содержанию. Пушкин встречался с Е. С. Огаревой у Карамзиных, проводивших лето (с 24 мая по 20 сентября) 1816 г. в Царском Селе (см.: Летопись 1991. С. 111); к 29 июня, когда у Карамзиных отмечался день именин П. А. Вяземского, они были уже знакомы (см. письмо Е. А. Карамзиной к П. А. Вяземскому от 13 июля 1816 г. — *Вяземский П. П.* А. С. Пушкин (1816—1825) по документам Остафьевского архива. СПб., [1880]. С. 17). По этим данным экспромт датируется маем (после 24)—сентябрем (до 20) 1816 г.

Елизавета Сергеевна Огарева (в архаическом написании «Агарева»), урожд. Новосильцева (1786—1870), — жена сенатора Н. И. Огарева, знакомого Н. М. Карамзина, приятельница Вяземского и А. И. Тургенева (постоянные упоминания о ней см. в переписке Вяземского с Тургеневым и В. Ф. Вяземской: ОА. Т. 1, по указ.; Звенья. Т. 9, по указ.). Огарева была, по характеристике познакомившегося с ней в 1810 г. А. В. Кочубея, «очень умная женщина и имела приятную наружность», хорошо знала французскую и русскую литературы и была предметом многочисленных поэтических посвящений; так, сам Кочубей «сочинял для нее стихи в форме мадригалов, которые были тогда в моде» (*Кочубей А. В.* Записки. СПб., 1890. С. 44). Ей адресованы, в частности, «Стихи в альбом Е. С. О⟨гаревой⟩» И. И. Дмитриева (опубл. 1810). В 1816 г. появилось посвященное ей большое стихотворение Вяземского «К***» («Ты требуешь стихов моих...») (СО. 1816. 21 апр. № 16; подпись: «В.»). По-видимому, и некоторые другие стихотворные посвящения были вызваны просьбой самого адресата или ее ближайшего окружения. Экспромт Пушкина соотнесен с этой традицией и, вероятно, отчасти пародирует ее; его мадригал, конечно, не предназначен для чтения Огаревой и содержит в концовке намеренную двусмысленность.

ОСЕННЕЕ УТРО

(«Поднялся шум; свирелью полевой...»)

(С. 180 и 361)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою неизвестного (А. А. Дельвига?), с несколькими слоями правки Пушкина (чернилами и карандашом). Стихотворение подверглось значительной переработке, по-видимому, в конце 1818 г.; тогда же Пушкиным у заглавия был поставлен номер «15» (порядковый номер среди стихотворений ЛТ, предназначенных для включения в печатный сборник). Напечатано (с учетом поправок, в том числе дающих позднюю редакцию): Мор. 1887. Т. 1. С. 140—141; АН 1899. С. 288; Примеч. С. 305 и АН 1900—29. Т. 1. С. 213—214; Примеч. С. 315 (публ. Л. Н. Майкова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Никитенко (Ник). Текст идентичен ЛТ (до поправок). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 316—317 (ТЖ); РП. С. 58—59 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Первая тетр. Долгорукова Ч. 1 ($Дол_1$). Текст идентичен Ник.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 316—317.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ с учетом ранней поправки в ст. 30; поздняя редакция — по ЛТ с учетом правки. Ст. 10 поздней редакции дается в чтении, отличном от Акад. (в Акад.: «Уже нигде не встретил я прекрасной»).

Датируется 1816 г., согласно помете в ЛТ; написано, вероятно, в последних числах сентября или октябре 1816 г. (см. ниже).

Относится к Е. П. Бакуниной (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650). 20 сентября 1816 г. А. М. Горчаков сообщал

Е. Н. Пещуровой, что «столичные гости» разъезжаются из Царского Села; Бакунины были в числе немногих оставшихся (см.: КА. 1936. Т. 6 (79). С. 195); 6 октября Дельвиг уже писал родным об отъезде «прелестных петербургских дам» (Бакуниных): «Мы ходим под шумом опустошенных деревьев и забавляем себя прошедшим и будущим. Там мы по нескольку часов слушали громкую музыку гусарского полка, теперь все молчит и отвечает своими грустными и пустынными видами нашему унылому сердцу» (Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 383).

Ст. 8 *...я был у берегов...* — Речь идет о берегах Большого пруда в Царском Селе.

Ст. 13—16. *Задумчиво бродя в глуши лесов ~ Пустых долин позвал ее вдали.* — Традиционный элегический мотив, у Пушкина восходящий, вероятно, к элегии VI Э.-Д. Парни («Poésies érotiques», livre IV): «Мои нескромные уста произнесли ее имя; я повторил его сто раз, и уединенное эхо продолжило звук моего скорбного голоса»; ср. также элегию VIII книги II П.-Д. Экушар-Лебрена (см.: *Морозов П. О.* Пушкин и Парни // Венг. Т. 1. С. 390; Щеголев. Пушкин 1912. С. 183—184).

Ст. 22—23. *Уж осени холодною рукою Главы берез и лип обнажены...* — Очень популярная в русской элегии метафора, канонизированная «Элегией» Андр. И. Тургенева («Угрюмой осени мертвящая рука...», 1802); вариации ее встречаются в русской поэзии вплоть до 1820-х гг. (см.: *Фризман Л. Г.* Устойчивые элементы стиля русской романтической элегии и их идейно-эстетическая функция // Zagadnenia Rodzajów Literackich. Lódz, 1978. T. 21, zesz. 2 (41). S. 5—20).

К ЖУКОВСКОМУ

(«Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...»)

(С. 182 и 362)

Автограф (ПД 14) — беловой, с поправками и подписью: «Арзамасец». Напечатано: АН 1899. С. 251—255; Примеч. С. 341—342 и АН 1900—29. Т. 1. С. 264—267; Примеч. С. 399—400 (публ. Л. Н. Майкова); Грот. Пушк. Лицей. С. 336—340.

Копии:

1) Тетр. Никитенко (Ник). Незначительные отклонения от окончательного текста автографа объясняются, очевидно, ошибками переписчика. Напечатано: РП. С. 69—72 (публ. М. О. Гершензона).

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст близок Ник.

3) Тетр. Жуковского (ТЖ) — ст. 1—45 утрачены.

Впервые: СО. 1840. Т. 2, кн. 2. С. 245—249 (публ. А. В. Никитенко).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по автографу с учетом правки. Ст. 112, правка которого не завершена, восстанавливается по копиям. В отличие от всех предшествующих изданий не сохраняются в основном тексте те два стиха, которые в ранней редакции следовали после ст. 96 («Смотрите: поражен враждебными стрелами, С потухшим факелом, с недвижными крылами»). Весь этот фрагмент (ст. 95—98 ранней редакции) Пушкин отметил на полях скобкой как подлежащий замене, при этом ст. 95—96 зачеркнул. На обороте листа он вписал новый фрагмент (ст. 95—102 окончательной редакции), также отметив его отчеркиванием на полях. При механическом присоединении нового текста к невычеркнутым ст. 97—98 ранней редакции резко нарушается правило альтернанса и возникают стилистические несообразности (это место послания традиционно считается недоработанным — см.: Акад. в 10 т. (2). Т. 1. С. 489 (примеч. Б. В. Томашевского)). Мы предполагаем, что ст. 97—98 ранней редакции оказались невычеркнутыми по недосмотру (они находились на лицевой стороне листа и заключали страницу, переработка же осуществлялась на обороте листа, причем текст, записанный на нем, начинался со стиха, прямо продолжающего новый фрагмент: «К вам Озерова

дух взывает: други! месть!..» — ст. 99 ранней и 103 окончательной редакции) и что знак замены при ст. 95—98 ранней редакции является достаточным основанием для исключения их из основного текста.

Датируется по содержанию. Написано после смерти В. А. Озерова 5 сентября 1816 г. (ср. ст. 103, где о нем говорится как об умершем) и до начала 1817 г., так как вошло в список лицейских стихотворений, составлявшийся в конце 1816—начале 1817 г. (см.: наст. т., с. 504, 505, а также: Рукою П. 1997. С. 165—176). В ст. 117 («Пускай беседуют отверженные Феба») — намек на «Беседу любителей русского слова» как на еще существующую; заседания ее прекратились после смерти Г. Р. Державина (8 июля), но формально закрытия не было. 10 августа на заседании «Арзамаса» о ней говорится как о функционирующем обществе; 1 ноября в речи С. С. Уварова было заявлено, что «Беседы...» больше нет (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 369, 376). Упоминание послания в списке конца 1816—начала 1817 г. заставило отвергнуть датировку стихотворения 1817 г., принятую П. В. Анненковым (см.: Анн. Т. 2. С. 157), Л. Н. Майковым (см.: АН 1899. Примеч. С. 342—343 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 400—401) и другими дореволюционными редакторами на основании подписи «Арзамасец» (Пушкин был принят в «Арзамас» в 1817 г.); несомненно, подпись означает не формальное членство, а духовное и литературное единомыслие, чему вполне соответствовала и «арзамасская» фразеология (появление же ее после приема Пушкина, получившего «арзамасское» прозвище «Сверчок», вообще мало вероятно). Предположительно стихотворение можно датировать октябрем 1816 г.

Согласно предположению М. А. Цявловского, ст. 1—28 и 113—120 говорят о том, что послание должно было открывать сборник стихотворений Пушкина; Пушкин, уже печатавший стихи в течение двух лет (1814—1815), просит у В. А. Жуковского «благословения» (не на писание стихов, а на издание их отдельной книгой, что и обозначено как «трудный путь» в ст. 23). Назначение послания определяет его «программный» характер, как и полагается стихотворению, открывающему собой первый сборник произведений вступающего в литературу поэта (см. развернутый комментарий к стихотворению: *Цявловский М. А.* Послание к Жуковскому («Благослови, поэт!..») // Цявловский. Статьи. С. 105—130). В списке конца 1816—начала 1817 г. настоящее послание (вместе с другим, несохранившимся посланием Жуковскому — см. ниже, с. 694) стоит сразу же после официального послания «К Александру» (т. е. «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»), что является одним из аргументов в пользу предположения Цявловского. Гипотеза Цявловского принята большинством исследователей (см., например: Томашевский. Пушкин, I. С. 114—115); в новейшей литературе высказан ряд возражений против нее (см.: *Петрунина Н. Н.* Из истории первого собрания стихотворений Пушкина // РЛ. 1990. № 3. С. 137—139). Предложенная альтернативная интерпретация стихотворения также гипотетична, однако обращает внимание на ряд слабых мест в аргументации Цявловского (не вполне ясна хронология замысла сборника, требует объяснения резко памфлетный характер предполагаемого поэтического предисловия, необычный для начинающего поэта, и т. п.). См.: наст. т., с. 507—508.

Об успехе стихотворения в кругу воспитанников Благородного пансиона вспоминал Н. А. Маркевич: «Помню, как мне нравилось его ⟨Пушкина⟩ послание к Жуковскому, начинающееся словами: „Благослови, поэт!"». Далее мемуарист приводил строки о Н. М. Карамзине, М. В. Ломоносове и И. И. Дмитриеве. «Здесь любовь Пушкина к нашим великим поэтам заставляла меня всем сердцем прилепиться к самому Пушкину. Правда, что после он не сказал бы: „И Дмитрев слабый дар..." — тем более что очень легко было управиться с фамилиею Ивана Ивановича: „И Дмитриев мой дар..."» (П. в восп. 1985. Т. 1. С. 160). В конце 1818 г. о стихотворении упоминал П. А. Катенин в разговоре с Пушкиным (см. ниже, с. 701).

Послание — одно из первых свидетельств установившихся дружеских отношений Пушкина с Жуковским. П. И. Бартенев, вероятно со слов П. А. Плетнева, писал, что

«Жуковский видал Пушкина еще в Москве ребенком, но настоящее знакомство их началось летом 1815 г.» (МВед. 1854. 2 окт. № 118; перепечатано: *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 84—85). Правда, в воспоминаниях О. С. Павлищевой о детстве Пушкина нет указаний на то, что Жуковский бывал в эти годы у С. Л. Пушкина. Известно, однако, что Жуковский высоко оценил Пушкина еще до их личного знакомства. Так, находясь с первых чисел января по 7 марта 1815 г. в Москве (см.: Письма Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 135, 142), Жуковский прочел «Воспоминания в Царском Селе» (экземпляр был послан Пушкиным в Москву дяде) и приветствовал в авторе «настоящего поэта»; в начале 1815 г. П. А. Вяземский сообщал К. Н. Батюшкову, что стихи молодого Пушкина ему и Жуковскому «вскружили голову» (см. выше примеч. к стих. «Воспоминания в Царском Селе», с. 614). Личная встреча Жуковского и Пушкина могла состояться после 6 мая 1815 г., когда Жуковский приехал в Петербург (см.: РС. 1883. № 3. С. 678; Уткинский сборник. М., 1904. С. 15); «Ведомости о состоянии Лицея в 1815 г.» отмечают посещение Жуковского (вместе с С. Л. Пушкиным) 11 июля (см.: Летопись 1991. С. 93). Это было прощальное свидание перед отъездом Жуковского в Дерпт (см.: Письма Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 146—147). Снова в Петербурге Жуковский был с конца августа по конец декабря 1815 г. (см.: РС. 1883. № 4. С. 101; № 7. С. 1—20; ОА. Т. 1. С. 37). В этот период (июль—сентябрь 1815 г.) Пушкин пишет первое (не дошедшее до нас) послание к Жуковскому, которое вручает ему при свидании в начале сентября 1815 г. Об этом свидании, воспоминание о котором содержится в ст. 19—22 («Могу ль забыть я час, когда перед тобой...» и далее), Жуковский сообщал Вяземскому в письме от 19 сентября 1815 г.: «Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском Селе. Милое, живое творенье! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не мешал себе созреть! Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет. ⟨...⟩ Он написал ко мне послание, которое отдал мне из рук в руки, — прекрасное! Это лучшее его произведение! Но и во всех других виден талант необыкновенный! Его душе нужна пища! Он теперь бродит около чужих идей и картин. Но когда запасется собственными, увидишь, что из него выйдет! Послание доставлю тебе после» (*Жуковский В. А.* Соч.: В 3 т. М., 1980. Т. 3. С. 479—480). Это первое, утраченное послание и значится в упомянутом выше списке сочинений конца 1816—начала 1817 г.

28 ноября 1815 г. Пушкин записывает в дневнике: «Жуковский дарит мне свои стихотворенья». Это был один из первых экземпляров только что отпечатанного первого тома «Стихотворений» Жуковского (СПб., 1815; книга вышла в свет около 7 декабря — см.: СПбВед. 1815. 7 дек. № 98). Съездив в Дерпт, Жуковский в конце января 1816 г. вернулся в Петербург, где прожил до конца марта (см.: ОА. Т. 1. С. 40—42). В течение этих, в общей сложности, восьми с половиной месяцев Жуковский, надо думать, часто посещал Пушкина. Об этих встречах писал П. И. Бартенев: «По достоверному преданию (сообщенному П. А. Плетневым), 32-летний, уже славный и опытный поэт, видаясь с Пушкиным, нарочно читал ему свои стихи, и если в следующие свидания Пушкин не вспоминал и не повторял их, он считал произведение свое слабым, уничтожал или поправлял его. Между ними рано начались самые нежные отношения. С нежным, отеческим участием Жуковский радовался блестящим успехам Пушкина, снисходил к его увлечениям, прощал его заносчивость, берег его, заботился о нем» (МВед. 1854. 2 окт. № 118; перепечатано: *Бартенев П. И.* О Пушкине. С. 85—86). Ср. рассказ П. В. Анненкова (тоже, конечно, со слов Плетнева): «В детстве его ⟨Пушкина⟩ В. А. Жуковский нарочно ездил в Царское Село осведомляться о занятиях даровитого питомца Лицея и прочитывать ему свои стихотворения. Пушкин обладал необычайной памятью: целые строфы, переданные ему В. А. Жуковским, он удерживал надолго в голове и повторял их без остановки. Жуковский имел привычку исправлять стих, забытый Пушкиным; каждый такой стих считался дурным по одному этому признаку (Анненков. Материалы 1855. С. 48). Вероятно, со слов того же

Плетнева («лица, близкого к обоим поэтам, рассказами которого уже пользовались наши биографы Жуковского, Пушкина и некоторых их современников») Л. Н. Майков сообщал похожий рассказ: «Пушкин обладал удивительною способностью запоминать стихи любимого им Жуковского; так, автор „Светланы" прочел ему свою балладу „Ахилл" немедленно после создания ее, и знаменитый слушатель тотчас же вслед за ним повторил ее всю, почти без ошибок» (БЗ. 1858. Т. 1. № 7. Стб. 203; в рассказе неточность: «Ахилл» написан в 1814 г., когда общение Пушкина и Жуковского еще не началось; напечатан: ВЕ. 1816. № 4). В. К. Кюхельбекер также свидетельствовал, что еще в Лицее Пушкин знал «Ахилла» наизусть (см.: РА. 1871. Вып. 1. Стб. 178). Послание Пушкина пишется в период этих интенсивных общений.

Послание находится в прямой связи с литературно-общественной борьбой «Арзамаса» и «Беседы любителей русского слова» (см. построчные примечания ниже). Жанровый образец его В. П. Гаевский и Л. Н. Майков усматривали в послании Жуковского «Императору Александру», что вряд ли может быть убедительно обосновано (см.: Цявловский. Статьи. С. 116). Стихотворение примыкает к литературным декларациям «арзамасцев» в форме посланий (см. ниже).

Ст. 1—2. *Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени Я с трепетом склонил пред музами колени...* — Ср. в послании «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных...») (1815) упоминание о Жуковском, который «сосватал» Пушкина «с музами» (ст. 9—11 поздней редакции — см.: наст. т., с. 128).

Ст. 3—5. *Опасною тропой с надеждой полетел, Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел. Страшусь, неопытный, бесславного паденья...* — Перефразируются строки послания «К другу стихотворцу»; ср.: «За лаврами спешишь опасною стезей» (ст. 3); «Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!» (ст. 8); «Страшись бесславия!..» (ст. 19); «И знай, мой жребий пал, я лиру избираю» (ст. 26).

Ст. 7. *Не грозный приговор на гибель внемлю я...* и след. — Обращение к учителям традиционно. Одним из ближайших образцов для Пушкина было «Послание к доктору Арбетноту» («Epistle to dr. Arbuthnot», 1735) А. Попа, широко известное в переводе И. И. Дмитриева («Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту», 1798). Ср.:

Но скажут: для чего ж в печать он отдает?
Ах, с счастием моим кто в слабость не впадет?
Вальс, тонкий сей знаток; Гренвиль, сей ум толь нежный,
Сказали мне: пиши, питомец муз надежный!
Тальбот, Соммерс меня не презрили внимать
И важный Аттербур улыбкой ободрять;
Великодушный Гарт был мой путеводитель;
Конгрев меня хвалил, Свифт не был мой хулитель,
И Болингброк, сей муж, достойный вечных хвал,
Друг старца Драйдена, с восторгом обнимал
В отважном мальчике грядущего поэта.

(*Дмитриев И. И.* Поли. собр. стих. Л., 1967. С. 105—106 (Б-ка поэта; Большая сер.)).

Позднее этот фрагмент из послания «К Жуковскому» был переработан в строфе V гл. VIII «Евгения Онегина» (варианты беловой рукописи), с прямой реминисценцией из «Послания к Арбетноту» в переводе Дмитриева: «И Дмитрев не был наш хулитель».

Ст. 8—10. *Сокрытого в веках священный судия ~ И бледной зависти предмет неколебимый...* — Речь идет о нападках на Карамзина в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803) А. С. Шишкова, «Новом Стерне» (1805) А. А. Шаховского и в особенности о доносах П. И. Голенищева-Кутузова (1810—1811), поданных министру народного просвещения графу А. К. Разумовскому, где сочинения Карамзина объявлялись исполненными «вольнодумческого и якобинского

яда», проповедующими «безбожие и безначалие», а сам Карамзин — политически неблагонадежным (см.: *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 288, 325, 336—337, 342—343, 362—363). Доносы Кутузова создали ему репутацию крайнего обскуранта. Речь Вяземского на заседании «Арзамаса» 24 февраля 1816 г. была специально посвящена Кутузову, который назван в протоколе «историографом клеветы и клеветником на историографов» («Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 325). Апология Карамзина-историка и нападки на его «завистников» содержатся также в серии посланий «арзамасцев», с которыми соотносится и послание Пушкина. Это «Послание к кн. Петру Андреевичу Вяземскому» В. Л. Пушкина (РМ. 1815. № 2) и «Ответ на послание Василью Львовичу Пушкину» (РМ. 1815. № 3) Вяземского. В последнем из указанных стихотворений характеристика Карамзина близка к настоящему посланию Пушкина: «...Карамзин, честь края своего, Сокрывшихся веков отважный собеседник, Наперсник древности и Ливия наследник, Не знает о врагах, шипящих вкруг него. ⟨...⟩ Не примечая их, наказывает он Витийственный их гнев убийственным молчаньем» (имеется в виду твердая позиция Карамзина, никогда не отвечавшего на критические нападки). Третьим посланием, входящим в этот цикл, было «Послание к Вяземскому и Пушкину» Жуковского (РМ. 1815. № 6), где повторены характеристики Карамзина и Озерова и развита далее тема «зависти». Карамзину в послании Жуковского посвящена концовка: «И тот же Карамзин, друзья, Разимый злобой, несраженный И сладким лишь трудом блаженный, Для нас пример и судия. ⟨...⟩ Он беззаботно ждет суда От современников правдивых, Не замечая и лица Завистников несправедливых» (три стиха из этого послания записаны Жуковским в ЛТ, л. 89 об.). Тема «зависти», преследующей Карамзина и Озерова, в послании Пушкина навеяна этой поэтической перепиской, из которой Пушкин заимствовал и некоторые формулы.

Ст. 11. *Приветливым меня вниманьем ободрил...* — Первые дошедшие до нас известия об интересе Карамзина к поэтическому творчеству Пушкина относятся к марту 1816 г. 25 марта Карамзин посетил Лицей вместе с Жуковским, Вяземским, А. И. Тургеневым и С. Л. и В. Л. Пушкиными и публично приветствовал Пушкина как подающего особые надежды поэта. См. выше примеч. к стих. «Эпиграмма. ⟨На Карамзина⟩» («Послушайте, я сказку вам начну...»), с. 683—684. С 24 мая по 20 сентября 1816 г. Пушкин постоянно бывал у Карамзина, проводившего лето в Царском Селе (см.: Летопись 1991. С. 111, 114, 119).

Ст. 12. *И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил...* — Этот отзыв неизвестен; может быть, он был передан В. Л. Пушкиным. О форме имени, вызвавшей критику Н. А. Маркевича, см. выше, с. 693; она повторена и в вариантах «Онегина» (см. примеч. к ст. 7).

Ст. 13—16. *И славный старец наш, царей певец избранный ~ И счастье мне предрек, незнаемое мной.* — См. выше примеч. к стих. «Воспоминания в Царском Селе», с. 613.

Ст. 26. *Вы цель мне кажете в туманах отдаленья...* — Возможно, сознательная цитация «Людмилы» (1808) Жуковского: «Пыль туманит отдаленье...» (ст. 13).

Ст. 27. *Лечу к безвестному отважною мечтой...* — Высказывалось предположение, что в этом стихе Пушкин выражает намерение предпринять опыт исторической поэмы и что выделенное слово — намек на «безвестного» автора «Слова о полку Игореве» (см.: *Новиков И.* Пушкин и «Слово о полку Игореве». [М.], 1951. С. 34—38). Текст не дает достаточных оснований для такого толкования (ср.: *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 159). В выделенном субстантивированном прилагательном — прямое отражение поэтических формул Жуковского (ср. ст. 26; см.: Городецкий. С. 73—74).

Ст. 31. *В ужасной темноте пещерной глубины...* и след. — Эта экспозиция — общее место в «арзамасских» памфлетах. Со времени «Видения на берегах Леты» (1809) Батюшкова, изобразившего «шишковистов» в виде теней подземного царства, установилась традиция изображать «Беседу...» в «некоем мире извращенном»,

«в сумраке странном» («Видение в какой-то ограде» Д. Н. Блудова — ОА. Т. 1. С. 411; «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 263), на кладбище, где выходят из гробов призраки «беседистов» (речь Д. В. Дашкова на заседании «Арзамаса» 29 октября 1815 г.); под «темными сводами пирамиды», со стенами, покрытыми сыростью, где лежат покойники (речь Жуковского 11 ноября 1815 г.); в «тесной дебри, неизвестной обыкновенным смертным», «под грязью топкого болота (речь Блудова 16 декабря 1815 г.); «в древнем, неуклюжем замке», «царстве мрака и сна» (его же, 15 марта 1816 г.) («Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 279—280, 292—293, 319, 348).

Ст. 39—42. *Один на груды сел и прозы и стихов ~ С улыбкой внемлет вой стопосложитель хилый...* — Имеется в виду Василий Кириллович Тредиаковский, имя которого служило традиционным обозначением бездарного и архаического поэта (см. выше стих. «Несчастие Клита», «К другу стихотворцу» и примеч. к ним, с. 577—580). Как «патрон» «шишковистов» Тредиаковский выведен в «Видении на берегах Леты» Батюшкова, откуда Пушкиным взят эпитет «хилый» (у Батюшкова: «...наездник хилый Строптива девственниц седла» — ст. 38—39); ср. также: «Певец любовныя езды Осклабил взор *усмешкой блудной*...» (ст. 245—246, со ссылкой на «Езду в остров любви» Тредиаковского). В «Певце ⟨...⟩ в Беседе Славено-Россов» Батюшкова тень Тредиаковского покровительствует «Беседе...». «Патриархом славянофилов» назван он в речи Дашкова в «Арзамасе» в марте 1816 г.; вообще в «арзамасских» речах уподобления членов «Беседы...» Тредиаковскому постоянны (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1 — по указ.); они имеют памфлетный и пародийный смысл, хотя отчасти и опираются на реальный интерес «архаистов» к филологической деятельности Тредиаковского (о восприятии Тредиаковского в «Беседе...» см.: *Альтшуллер М. Г.*: 1) Творческое наследие Тредиаковского в «Беседе любителей русского слова» // Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976. С. 94—99; 2) Предтечи славянофильства в русской литературе: (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor: Ardis, 1984. С. 308—327).

Ст. 43. *Пред ним растерзанный стонает Тилимах...* — Имеется в виду «Телемахида» (1766) — сделанное Тредиаковским стихотворное переложение (гекзаметром) романа Ф. Фенелона «Похождения Телемака».

Ст. 48. *Гордись — ты Мевия надутый образец!* — Мевий — римский поэт, противник Вергилия; упомянут в «Эклоге III» Вергилия (ст. 90); осмеян Горацием (см. эпод X). Имя его — нарицательное обозначение дурного поэта. Здесь, по-видимому, А. С. Шишков.

Ст. 52. *Он — он под рифмою попрал и Вкус и Ум...* — Здесь и в ст. 108 («Спесивых риторов безграмотный собор») — парафраза двух стихов «Послания к В. А. Ж⟨уковскому⟩» В. Л. Пушкина: «Я вижу весь собор безграмотных славян, Которыми здесь вкус к изящному попран» (ст. 33—34).

Ст. 53—67. *...слабое дитя чужих уроков, Завистливый гордец, холодный С⟨умароков⟩ ~ Пусть будет Мевием в речах превознесен...* — Характеристика А. П. Сумарокова (1718—1777) находится в прямой связи с полемикой вокруг классицистической трагедии. Переоценка репутации Сумарокова как образцового писателя начинается уже в XVIII в. На «слабости» трагедий Сумарокова указывали и будущие члены «Беседы...» — А. Н. Грузинцев («Экзамен „Хорева"» — Новости рус. лит. 1802. Ч. 4. С. 146—147), Я. А. Галинковский (Корифей, или Ключ литературы. 1803. Ч. 2. С. 50, 169—170); развернутую критику их дал А. Ф. Мерзляков, отметивший подражательность Сумарокова («Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии» — Тр. МОЛРС. 1812. Ч. 1. С. 86, 100, 105—106; см. также: Литературная критика 1800—1820-х годов. М., 1980. С. 120, 128—129). Этот этап переоценки Сумарокова прямо связан с утверждением драматургической системы Озерова (см.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 267—271). В полемике вокруг Сумарокова А. С. Шишков, хотя и не безусловно, становился в ряды его защитников: «Если бы Сумароков познанием языка своего обогатил себя столько же, как Ломоносов, он бы, может быть, при остроте ума своего в сатирических сочинениях не уступил Буало, трагических Расину, так как в притчах своих не уступает де Лафонтену» (*Шиш-*

ков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге. СПб., 1803. С. 147). Возможно, эти строки имел в виду Пушкин в ст. 67. Полемическое задание заставляет Пушкина заострять характеристики; вообще отношение к Сумарокову в «арзамасских» кругах не было безусловно отрицательным (ср. в «Видении на берегах Леты»: «Насмешник, грозный бич пороков, Замысловатый Сумароков...» — ст. 30—31). Для Пушкина противопоставление Сумарокова Ломоносову — исторический прецедент отношения «завистника» к «гению»; эта тема проходит как лейтмотив по всему стихотворению (ср. контрастные пары: «Шишков — Карамзин», «Шаховской — Озеров», «Шаховской — Жуковский»). Источником такой интерпретации известной литературной и личной вражды Ломоносова и Сумарокова, вероятно, явилась статья Батюшкова «О характере Ломоносова» (ВЕ. 1816. № 17—18; подпись: «Б—в»; вышла в свет в начале октября; см.: МВед. 1816. 7 окт. № 81), где сказано, что в своих письмах Ломоносов иногда «жалуется ⟨...⟩ на Тредиаковского, на Сумарокова» и что «сии строки доказывают печальную истину, что дарования во все времена, даже при самой колыбели словесности, имеют врагов и завистников» (с. 62—63).

Ст. 68. *Явится Депрео, исчезнет Шапелен.* — О борьбе Н. Буало-Депрео (Boileau-Despréaux, 1636—1711) против Ж. Шаплена (Chapelain, 1595—1674) Пушкину было известно как из сочинений Буало, так и из «Лицея...» Ж.-Ф. Лагарпа, где сказано: «Мы думаем в настоящее время, что такая поэма, как „Девственница" ⟨Шаплена⟩, не нуждалась ни в ком, чтобы провалиться. Ничуть не бывало: она выдержала шесть изданий в полтора года. Она нагоняла на всех скуку, но никто не решался сказать о том. Боязнь удерживала писателей, видевших в руках Шаплена все награды; предрассудок останавливал светских людей, не решавшихся нападать на такое большое имя. ⟨...⟩ Но когда такой поэт, как Депрео, показал „жесткие стихи" Шаплена, „без силы и грации, раздутые эпитетами, приподнятые на высокопарных словах, как на ходулях"; когда он высмеивал его музу „немецкую по-французски", все оказались его мнения» (*Laharpe J.-F.* Lycée... Paris, 1799. T. 6. P. 222—223). Полемика Буало с Шапленом рассматривалась «арзамасцами» как историческая аналогия их полемике с «Беседой...» (см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и Буало // П. в мировой лит. С. 22—31). См. также выше примеч. к ст. 17—26 поэмы «Монах», с. 573.

Ст. 74. *Те слогом Никона печатают поэмы...* — Речь идет о патриархе Никоне (1605—1681), начавшем в 1653 г. церковную реформу, которая положила основание расколу. Устойчивая ассоциация между «раскольниками» и «беседистами» обычна для «арзамасских» памфлетов; здесь она по смежности перенесена на Никона, которого раскольники считали своим основным противником. Иногда Никон в этом стихе отождествлялся с составителем первой русской летописи Никоном (ум. 1088) (см.: Акад. Спр. том. С. 304), что значительно менее вероятно.

Ст. 77—79. *Тот, верный своему мятежному союзу ~ Бессмертных гениев сорвать с Парнаса мнит.* — Имеется в виду А. А. Шаховской (1777—1846); под «бессмертными гениями» понимаются Карамзин, осмеянный, как полагали, в комедии Шаховского «Новый Стерн» (1805), и Жуковский, прототип «балладника Фиалкина» в комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815). «Липецкие воды» вызвали полемическую бурю; в послании Пушкина отразились некоторые эпизоды этой полемики, давшей непосредственный толчок организационному оформлению «Арзамаса» (см.: *Лонгинов М. Н.* Библиографические записки // Совр. 1856. Т. 58. № 7. Отд. V. С. 1—24; ЭиС. Т. 1, по указ.).

Ст. 82. *Куплетом ранен он...* — Речь, по-видимому, идет о цикле эпиграмм Вяземского «Поэтический венок Шутовского» и особенно о кантате Д. В. Дашкова «Венчание Шутовского» (см. ниже).

Ст. 82. *...низвержен в прах журналом...* — Имеются в виду «Письмо с Липецких вод» Вяземского (РМ. 1815. Ч. 4. № 12) и «Письмо к новейшему Аристофану» Дашкова (см. ниже).

Ст. 83. *При свистах критики к собратьям он бежит...* — После первого представления «Липецких вод» автора венчали лавровым венком в доме петербургского губернатора М. М. Бакунина (см.: *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892. Ч. 4. С. 172).

Это увенчание стало предметом особых насмешек (резкий намек на него см.: РМ. 1815. Ч. 4. № 12. С. 306); именно эта церемония отмечена в дневнике Пушкина под 28 ноября 1815 г. («Ш⟨ишк⟩ов и г-жа Б⟨акуни⟩на ⟨во всех изданиях ошибочная расшифровка: «Б⟨уни⟩на»; обоснование предложенного чтения см.: *Ваццуро В.* Бунина или Бакунина? // Рус. речь. 1991. № 5. С. 3—6⟩ увенчали недавно к⟨нязя⟩ Шаховского лавровым венком...»); Пушкин переписал в дневник и кантату Дашкова «Венчание Шутовского» («Потом к Макару и к Ежовой Герой бежит: „Вот орден мой — венок лавровый. Пусть буду бит, Зато увенчан красотой!.."»). В речи Жуковского в «Арзамасе» 29 октября 1815 г. этот венок был назван «маковым венком Беседной пакости» (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 286); ср. также упоминание «макового венка» в стихотворении Вяземского «К*** ⟨Е. С. Огаревой⟩» (СО. 1816. 21 апр. № 16, подпись: «В.»).

Ст. 84. *И маковый венец Феспису ими свит.* — Феспис (Феспид; VI в. до н. э.) — легендарный основоположник трагедии в Древней Греции; здесь — в нарицательно-ироническом употреблении. Мак — символ сна, покоя; здесь — скуки (ср. начало послания «К Г⟨алич⟩у»: «Пускай угрюмый рифмотвор, Повитый маком и крапивой ⟨...⟩ На скучный лад сплетая вздор...»). См. также примеч. к ст. 83.

Ст. 93. *Он враг отечества, он сеятель разврата!* — Речь идет о политических обвинениях, которые А. С. Шишков адресовал своим противникам, в первую очередь В. Л. Пушкину как автору послания «К В. А. Ж⟨уковскому⟩» и Дашкову, автору полемической статьи «О переводе двух статей из Лагарпа» (Цветник. 1810. № 11—12), где были критически разобраны лингвистические теории Шишкова. Шишков возражал: «Сии судьи и стихотворцы в посланиях своих взывают к Вергилиям, Гомерам, Софоклам, Еврипидам, Горациям, Ювеналам, Саллустиям, Фукидидам, затвердя одни только имена их и, что всего удивительнее, научась благочестию в „Кандиде" и благонравию и знаниям в парижских переулках, с поврежденным сердцем и помраченным умом, воюют против невежества и, обращаясь к теням великих людей, толкуют о науках и просвещении» (*Шишков А.* Рассуждение о красноречии Священного писания... СПб., 1811. С. 105—106). Это место статьи Шишкова было приведено в «Предуведомлении» к «Двум посланиям» В. Л. Пушкина (М., 1811); во втором из них — «К Д. В. Дашкову», «равномерно навлекшему на себя учтивою критикою гнев новейших наших Славян», — Пушкин опровергал «обвинения, относящиеся до нравственности и веры» (см.: Поэты 1790—1810-х гг. С. 865). Ст. 88—93 послания А. С. Пушкина «К Жуковскому» соотносятся со ст. 3—6 послания В. Л. Пушкина «К Д. В. Дашкову» («Кто тщится жизнь свою наукам посвящать, Раскольников-славян дерзает уличать, Кто пишет правильно и не варяжским слогом — Не любит русских тот и виноват пред Богом!»). Дашков ответил Шишкову брошюрой «О легчайшем способе отвечать на критики» (СПб., 1811), где также коснулся цитированного пассажа, резко осудив полемические приемы Шишкова, примешивающего «к суждениям о языке ⟨...⟩ нравственность и веру» и называющего своих противников «предателями отечества и веры за то, что они защищают отечественный язык свой» (с. 8, 17). Эта полемика отразилась и в басне-памфлете А. Е. Измайлова «Шут в парике» (1811), где «старый шут» (Шишков) отвечает своим противникам обвинениями в безбожии, измене и вольнодумстве (см.: Стихотворная сказка. С. 450—451, 667—668).

Ст. 94. *И речи сыплются дождем на сопостата.* — Прямой намек на речи Шишкова, прочитанные в «Беседе...» и в Российской академии: «Рассуждение о красноречии Священного писания...» (годичное собрание Академии 3 декабря 1810 г.), «Рассуждение о любви к отечеству» (заседание «Беседы...» в конце декабря 1811 г.; ср. письмо Шишкова к Я. И. Бардовскому от 27 декабря 1812 г. — Двенадцать собственноручных писем адмирала А. С. Шишкова. СПб., 1841. С. 20—23) и др.

Ст. 101—102. *...десница Аполлона Сражает наконец ужасного Пифона.* — В греческой мифологии чудовищный змей Пифон, порождение Геи (Земли), был сражен солнечным богом Аполлоном; в нарицательном употреблении — победа света над тьмой. Те же образы — в «Эпиграмме. (Из Антологии)» («Лук звенит, стрела трепещет...», 1827).

Ст. 103. *К вам Озерова дух взывает: други! месть!..* — Отражение «арзамасской» версии гибели Владислава Александровича Озерова (1769—1816), скончавшегося 5 сентября. После сценических триумфов, достигших апогея с постановкой «Димитрия Донского» (14 января 1807 г.), у Озерова началась полоса служебных и литературных неприятностей; его последняя трагедия «Поликсена» (1809) не имела успеха. Противниками драматургической системы Озерова были Державин, Шишков и их сторонники; одной из причин падения «Поликсены» стало и размежевание в кружке А. Н. Оленина, к которому принадлежали и Озеров, и Шаховской (см.: *Медведева И. Н.* Владислав Озеров // Озеров В. А. Трагедии; Стихотворения. Л., 1960. С. 44—65 (Б-ка поэта; Большая сер.); *Гиллельсон М. И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 28—34). Позиция Шаховского, в 1809 г. уже открыто примыкавшего к сторонникам Шишкова, была враждебна драматургической эстетике Озерова; однако в полемике 1810-х гг. Шаховской был несправедливо объявлен основным (и даже единственным) виновником литературной, а затем и физической гибели Озерова. Интриги, «зависть» Шаховского — одна из центральных тем целого ряда «арзамасских» памфлетов, отразившихся в послании Пушкина. В 1815 г. В. Л. Пушкин посвятил судьбе Озерова несколько строк в послании «К кн. Петру Андреевичу Вяземскому»:

Давно ли, шествуя Корнелию вослед,
Поэт чувствительный, питомец Мельпомены,
Творец Димитрия, Фингала, Поликсены,
На Севере блистал?.. и Озерова нет.
Завистников, невежд он учинился жертвой;
В уединении, стенящий, полумертвый,
Успехи он свои и лиру позабыл!

(РМ. 1815. Ч. 1. № 3; см.: Поэты 1790—1810 гг. С. 679).

В «Послании к Вяземскому и Пушкину» Жуковского (РМ. 1815. Ч. 2. № 6) стихи об Озерове заняли центральное место; в них развивалась та же тема «зависти» как первопричины гибели драматурга:

Увы! Димитрия творец
Не отличил простых сердец
От хитрых, полных вероломства.
Зачем он свой сплетать венец
Давал завистникам с друзьями?
Пусть Дружба нежными перстами
Из лавров сей венец свила —
В них Зависть терния вплела
И торжествует: растерзали
Их иглы славное чело —
Простым сердцам смертельно зло:
Певец угаснул от печали.

Последующие строки, содержащие концепцию личности Озерова, также, по-видимому, оставили след в послании Пушкина:

Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Певцу погибелью была.
Потомство грозное, отмщенья!..

Эти стихи были пародированы Шаховским в «балладе Фиалкина» в «Липецких водах»: «Но чувствительность слезами Излила глаза певца» (д. II, явл. 6). Можно думать, что ст. 88 пушкинского послания («Беда, кто в свет рожден с чувствительной

душой») есть реплика на эту полемику. Наконец, Пушкин, несомненно, учитывал и наиболее сильное памфлетное выступление против Шаховского — «Письмо к новейшему Аристофану» Дашкова (СО. 1815. 14 окт. № 42), где были (в форме иронической похвалы) повторены обвинения в зависти и интригах: «...вы ⟨...⟩ всеми силами стремились сокрушить несправедливую славу творца Поликсены и Димитрия. Приговор ваш будет, конечно, одобрен потомством, восхищенным вами; но упрямые современники не умеют ценить вас. Они вменяют вам в преступление все неудовольствия, все обиды, удалившие от нас любимца Мельпомены. Ах! вы ли виною, что небольшие огорчения (может быть, с самым лучшим намерением причиненные) раздражили глубокую чувствительность, неразлучную с гением, и погубили его» (с. 144). В отличие от Жуковского (принципиально передоверявшего «отмщенье» «потомству») Пушкин (как и В. Л. Пушкин и Дашков) занимает активную полемическую позицию.

В конце 1818 г., под влиянием личного знакомства с Шаховским, Пушкин меняет свою точку зрения; к этому времени относится его разговор с П. А. Катениным, состоявшийся после визита к Шаховскому. По рассказу Катенина, радушный прием был тем приятнее для Пушкина, «что он за собою знал против Шаховского маленький грешок»; по пути домой он сказал Катенину: «„Знаете ли вы, что он, в сущности, очень хороший человек? Никогда я не поверю, что он серьезно желал повредить Озерову или кому бы то ни было. — Катенин. Вы так думали, однако это писали и распространяли — вот что плохо. — Пушкин. К счастью, никто не прочел этого школьного бумагомарания; вы думаете, он знает что-нибудь о нем? — Катенин. Нет, потому, что он никогда не говорил мне об этом. — Пушкин. Тем лучше, поступим, как он, и никогда не будем больше говорить об этом". Ясно, что милому А⟨лександру⟩ С⟨ергеевичу⟩ совестно стало, хотя, конечно, он неволею погрешил против старика» (П. в восп. Т. 1. С. 185; слова Пушкина и Катенина — по-французски). Катенин односторонне объяснял пассаж о Шаховском (речь идет, конечно, о данном стихотворении) чужими внушениями.

Ст. 110. *Уж Мевий на меня нахмурился ужасно...* — Вероятно, намек на М. Т. Каченовского (см. ниже примеч. к посланию «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»), с. 749).

Ст. 115—116. *...мне твердый Карамзин, Мне ты пример. Что крик безумных сих дружин?* — Жуковский, как и Карамзин, по принципиальным мотивам никогда не отвечал на критику своих сочинений.

Ст. 117. *Пускай беседуют отверженные Феба...* — Намек на заседания «Беседы...» (см.: *Морозов П. О.* Библиографическая заметка по поводу академического издания «Сочинений Пушкина» // ВЕ. 1899. № 8. С. 866—867).

НА ПУЧКОВУ

(«Зачем кричишь ты, что ты *дева*...»)

(С. 185 и 363)

Автограф (в «Лицейской антологии...» (ЛА)) — без подписи; в ст. 2 исправление рукой А. Д. Илличевского, очевидно принятое Пушкиным, так как учтено в копии СЛС. Напечатано: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 143; Грот. Пушк. лицей. С. 340. Факсимильное воспроизведение: Венг. Т. 1. С. 377.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА).

2) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под ошибочным заглавием: «На Плюскову» и с датой под текстом: «1816». Текст идентичен СЛС.

Впервые: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 143.

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1869—71. Т. 1.

Печатается по автографу с учетом поправки Илличевского.

Датируется концом ноября—началом декабря 1816 г. по содержанию (см. ниже).

Адресат эпиграммы — Екатерина Наумовна Пучкова (1792—1867), прозаик и поэтесса, автор сборника нравоучительных рассказов «Первые опыты в прозе» (М., 1812); печатала стихи в «Российском музеуме», «Сыне отечества», «Дамском журнале» и др. Пучкова была близка к «Беседе любителей русского слова» (известны, в частности, ее дружеские отношения с А. П. Буниной: см. выше примеч. к ст. 182—184 стих. «Тень Фон-Визина», с. 655; ср. также адресованное ей и направленное против «арзамасцев» послание Д. И. Хвостова: *Альтшуллер М.* Предтечи славянофильства в русской литературе: (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor: Ardis, 1984. С. 201) и, с другой стороны, к кругам московских карамзинистов (П. И. Шаликов, В. И. Козлов; см. упоминания о ней в письмах Козлова Шаликову 1817—1819 гг.: Дамский журн. 1829. № 45—49, 52; 1830. № 14—16, 28; ср.: *Бессонов П.* Константин Федорович Калайдович. М., 1862. С. 91—92); как адепт «шишковистов» она фигурирует в «арзамасских» протоколах 1816 г. (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 369). Пучкова была известна и в петербургских литературных кругах: в 1858 г. к ней обращалась А. П. Керн для издания своих воспоминаний (см.: *Керн А. П.* Воспоминания; Дневники; Переписка. М., 1974. С. 287, 294, 306—307). О Пучковой см. статью Б. Л. Модзалевского в изд.: Венг. Т. 1. С. 379—380.

Поводом к эпиграмме послужило стихотворение Пучковой «Экспромт тем, которые укоряли меня, для чего я не написала стихов на кончину Г. Р. Державина» (РИ. 1816. 25 нояб. № 277), точнее первые пять стихов, служащие также и заключением: «Деве ли робкой Арфой незвучной Славному барду Песнь погребальну Деве ль брящать?». По-видимому, именно это выступление Пучковой вызвало целую серию соотносящихся друг с другом эпиграмм Пушкина и Илличевского; следующая эпиграмма — «Пучкова, право, не смешна...» — является как бы иронической отменой настоящей; с нею связана и эпиграмма Илличевского «На Пучкову»: «Зачем об инвалидной доле Моя Пучкова так тужит: Она сама в прекрасном поле Ведь заслуженный инвалид» (Тетр. Матюшкина (Мат), л. 28; ср.: Грот. Пушк. лицей. С. 154; Грот. К лиц. стих. С. 228, 231, 247); наконец, мотивы комментируемой эпиграммы варьируются в анонимной лицейской эпиграмме на С. А. Тучкова: «...надобно Тучкову Отдать в жены Пучкову» (см.: Измайлов. С. 73; РЭ. С. 419); возможно, что автором последней эпиграммы был Илличевский, которому принадлежит и другая эпиграмма на Тучкова (см.: РЭ. С. 337). Как часть единого эпиграмматического комплекса, созданного, может быть, при участии Илличевского и относящегося к одному событию, рассматривал пушкинские эпиграммы Б. В. Томашевский, датировавший их в своих изданиях 1816 г. (см.: *Пушкин А. С.* Стихотворения: В 3 т. Л., 1955. Т. 2. С. 596 (Б-ка поэта; Большая сер.); Акад. в 10 т. (2). Т. 1. С. 493—494). Такое толкование принято и в позднейшей литературе (см.: РЭ. С. 747 (коммент. М. И. Гиллельсона)).

НА ПУЧКОВУ

(«Пучкова, право, не смешна...»)

(С. 186 и 364)

Автограф (в «Лицейской антологии...» (ЛА)) — без подписи. Напечатано: Грот. Пушк. лицей. С. 340. Факсимильное воспроизведение: Венг. Т. 1. С. 377.

Копия: «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА). Напечатано: Акад. Т. 1. С. 424 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: РС. 1884. Т. 41. № 3. С. 663 (публ. Я. К. Грота).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется по связи с предшествующей эпиграммой («Зачем кричишь ты, что ты дева...») концом ноября—началом декабря 1816 г.

По предположению М. А. и Т. Г. Цявловских, эпиграмма имеет в виду претенциозные и широковещательные призывы к благотворительности инвалидам, помещав-

шиеся в «Русском инвалиде» (см., например: РИ. 1814. 21 нояб. № 93; 30 дек. № 104 и др.); «они печатались анонимно, но, по-видимому, было известно, что автором их является Пучкова» (Госл. в 10 т. Т. 1. С. 593 (примеч. Т. Г. Цявловской); также: Цявловский. Коммент.). На основании этой гипотезы и времени создания «Лицейской антологии...» исследователи предположительно датировали эпиграмму октябрем 1814—мартом 1815 г. (см.: Летопись. С. 66; в Госл. в 10 т. она помещена в конце раздела стихов 1814 г.). Гипотеза эта не имеет твердых фактических оснований; против нее говорит и текстуальная связь эпиграммы с предшествующей (см. выше). «Помощью инвалидам» здесь иронически объявляется сам факт участия Пучковой в газете, издававшейся в пользу инвалидов.

СОН

(ОТРЫВОК)

(«Пускай поэт с кадильницей наемной...»)

(С. 187 и 364)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Матюшкина (Мат). Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 245 (в виде вариантов).

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 301—309 (по ТЖ); РП. С. 51—57 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф) — выписано 110 стихов.

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст, очевидно, восходит к Ник.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 301—309.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Мат с исправлением по Ник в ст. 140 («слетит» вместо «летит»).

Датируется предположительно апрелем—декабрем 1816 г. Стихотворение написано в Лицее, так как вошло в лицейские рукописные сборники. В списке стихотворений для готовившегося издания (конец 1816—начало 1817 г.) «Сон» значится среди посланий, под заглавием: «Оправданная лень» (см.: наст. т., с. 504, 506, а также: Рукою П. 1997. С. 165—166), и, по вероятному предположению П. А. Ефремова, представляет собой часть послания под этим названием (см.: Ефр. 1880. Т. 1. С. 522; Ефр. 1882. Т. 1. С. 479; ср. также: Томашевский. Пушкин, I. С. 47). Возможно, поводом к сочинению «Сна» послужило появление в печати второй редакции «Похвального слова сну» К. Н. Батюшкова (ВЕ. 1816. № 6).

Тема стихотворения традиционна для поэтического эпикуреизма XVIII в.; в русской поэзии она широко представлена в стихах Батюшкова. Среди лицейских поэтов очень характерна для А. А. Дельвига. Ряд композиционных особенностей «Сна» обнаруживает соответствие с поэмой Жозефа Бершу (Berchoux, 1765—1839) «Гастрономия» («La Gastronomie», 1801); аналогичны зачин «отрывка» (у Бершу — противопоставление себя Делилю), обращение к Лени (у Бершу — к Кому), к друзьям и т. д.

Ст. 72. *Султаны кур...* — Ср. в «Руслане и Людмиле»: «султан курятника спесивый» (песнь II, ст. 187).

Ст. 80. *Что ж надобно? — Движенье, господа!* — Ср. у Бершу: «L'exercice, messieurs, et l'exercice encore» ⟨«Упражнение, господа, и еще раз упражнение» — *фр.*⟩.

Ст. 97—98. *Я не хочу, как общий друг Бершу, Предписывать вам тяжкие движенья...* — Ср. у Бершу: «Allez lancer la biche au milieu des forêts, Poursuivez le chevreuil s'élanant dans la plaine; Suivez vos chiens ardents que leur courage entraîne» ⟨«Гоняйтесь за ланью в глубине лесов, Преследуйте косулю, мчащуюся по равнине; Следуйте за вашими псами, которых стремит храбрость» — *фр.*⟩; «Maniez la charrue et dirigez ses ailes; Essayez de tracer des sillons parallèles; Partagez sans rougir de champêtres

travaux» ⟨«Управляйте плугом и направляйте его крылья; Старайтесь проводить борозды параллельно; Разделяйте, не стыдясь, сельские труды» — *фр.*⟩.

Ст. 119—120. *Но толстый Ком с надутыми щеками Не приходи стучаться у дверей.* — Ком — в древнегреческой мифологии бог пиршеств. Ср. у Бершу: «Approche, dieu joufflu de la mythologie» ⟨«Приближься, толстощекий мифологический бог» — *фр.*⟩. Это место стихотворения — возражения по поводу гастрономических рекомендаций Бершу: «Qu'après le crépuscule un souper copieux Vous prépare au sommeil et vous ferme les yeux» ⟨«Пусть после сумерек обильный ужин Подготовит вас ко сну и закроет вам очи» — *фр.*⟩. См.: *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды. ⟨...⟩ II. Пушкин и Бершу // Звенья. Т. 5. С. 49.

Ст. 157. *«Кандид» из ваших рук...* — Имеется в виду роман Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759). Ср. ст. 105 стих. «Городок. (К***)» и соотв. примеч. к нему, с. 626.

Ст. 173. *Ах! умолчу ль о мамушке моей...* и след. — Эти строки, по-видимому, посвящены бабушке поэта (по матери) Марии Алексеевне Ганнибал (урожд. Пушкиной; 1745—1818). «Мамушка» — воспитательница. По свидетельству сестры Пушкина О. С. Павлищевой, Мария Алексеевна была «замечательна по своему влиянию на детство и первое воспитание Александра Сергеевича» (П. в восп. Т. 1. С. 51). Менее вероятно отнесение этих строк к Арине Родионовне Яковлевой (1758—1828), которая не была в детстве Пушкина старухой, какой изображена «мамушка»; упоминание о «драгом антике» (ст. 185) также противоречит этому адресату.

Ст. 179. *...о подвигах Бовы...* — См. выше примеч. к поэме «Бова», с. 603. Сказка о Бове была широко распространена в устном обиходе; уже Радищев в поэме «Бова» указывал, что дети слышали об этом герое «во рассказах няни, мамы». См.: *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси. М., 1964. С. 108—109.

Ст. 195. *В глуши лесной, средь муромских пустыней...* — «Муромские леса» — традиционное место действия в литературных обработках фольклорных мотивов конца XVIII—начала XIX в. Ср. у Н. М. Карамзина: «Что ж делать нам? Ужель сокрыться В пустыню Муромских лесов...» («Послание к А. А. Плещееву», 1794); у И. И. Дмитриева: «Средь страшных Муромских лесов, Жилища ведьм, волков, Разбойников и злых духов!» («Причудница», 1794); у Батюшкова: «Иль в Муромских лесах задумчиво блуждаешь...» («Мечта», 1817); у В. А. Жуковского: «Вот темны Муромски леса...» («К Воейкову», 1814).

Ст. 196. *Встречал лихих Полканов и Добрыней...* — Полкан — персонаж сказки о Бове; Добрыня — герой былинного эпоса. Оба персонажа постоянно упоминаются в литературных текстах на фольклорные сюжеты.

Ст. 200. *О, дайте мне Альбана кисти нежны...* — См. выше примеч. к ст. 12 песни III поэмы «Монах», с. 576.

Ст. 201—206. *И я мечту младой любви вкусил. ~ И вкруг меня глубокой ночи тень.* — Стихи обнаруживают лексико-синтаксические соприкосновения с отрывком «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался» (см. выше примеч. к этому стих., с. 649—650). Видимо, здесь также речь идет о Е. П. Бакуниной.

Ст. 208. *В ночной тиши я с рифмою не бьюсь...* — Традиционная форма изображения бездарного поэта (ср., например, Хвостов в «Тени Фон-Визина»). Аналогичный выпад против «неусыпных, но усыпительных писателей, которые — о святотатство! — и самое божество Ночи оскорбляют кропанием стихов», — в «Похвальном слове сну» Батюшкова (там же и упоминание о «злодее», который не может «вкусить сладости сна», — ср. ст. 216—217).

Ст. 210. *Ни старый двор каких-то старых муз.* — По-видимому, парафраза эпиграммы П.-Д. Экушар-Лебрена «Новый Парнас» («Le nouveau Parnasse»; кн. I, эпигр. LXXXIV): «Parnasse est vieux; ses neuf vieilles pucelles Font radoter la lyre d'Apollon; Des lauriers secs nourri dans leur vallon, Leur vieux Pégase est décrepit comme elles» ⟨«Парнас стар; девять старых дев Заставляют лиру Аполлона бренчать одно и то же; Вскормленный сухими лаврами в их долине, Их старый Пегас одряхлел, как они сами» — *фр.*⟩. Далее в эпиграмме следует призыв: «Du vieux Phébus rajeunissons la cour» ⟨«Омолодим двор старого Феба...» — *фр.*⟩. Эта эпиграмма, по наблюдению

А. А. Ахматовой, отразилась в «Домике в Коломне»: «...Пегас Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец Иссох. Порос крапивою Парнас; В отставке Феб живет, а хороводец Старушек муз уж не прельщает нас...» (см.: *Герштейн Э. Г., Ваццуро В. Э.* Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Врем. ПК 1970. С. 33). Сочинения Экушар-Лебрена (Œuvres de Ponce Denis (Écouchard) Le Brun. Paris, 1811. Т. 1—4) были хорошо известны молодому Пушкину (см.: Томашевский. П. и Франция. С. 324—329).

ИСТИНА

(«Издавна мудрые искали...»)

(С. 193 и 364)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою В. Д. Вольховского, с датой: «1816». В ст. 5 Пушкин предполагал сделать поправку (над строкой начато: «свя⟨тая⟩»), от которой, по-видимому, отказался, решив не печатать все стихотворение (на полях помета: «Не надо»). Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 250 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 260 (в виде вариантов; публ. Л. Н. Майкова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Матюшкина (Мат).

3) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ). Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 250 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 260 (в виде вариантов; публ. Л. Н. Майкова).

4) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 250 (по ТЖ); РП. С. 37 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

5) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф).

6) Тетр. Шереметева (Шер).

7) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

Копия неизвестного лица в сборнике стихотворений Пушкина, бывшем у Е. И. Якушкина, утрачена. Текст был идентичен $Пом_2$ и Шер. Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 10. Стб. 316 (в виде вариантов к Анн.; публ. Е. И. Якушкина).

Разночтения копий незначительны.

Копии 5 и 7 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 383 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Включено Пушкиным в список стихотворений для издания, составленный в конце 1816—начале 1817 г. (см.: наст. т., с. 504, а также: Рукою П. 1997. С. 165).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 290.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ.

Датируется 1816 г., согласно помете в ЛТ, предположительно октябрем (вторая половина)—декабрем (по связи со стихотворением П. А. Вяземского «Погреб», см. ниже).

Традиционное в анакреонтике противопоставление «воды» и «вина» (и одновременно «мудрецов» и гедонистов) основывается в стихотворении на противопоставлении двух античных изречений — «Истина на дне колодца» и «Истина в вине», широко распространенных в Новое время. Первый афоризм восходит к Демокриту (род. ок. 460 до н. э.); «колодец» в оригинале — метафора трудно познаваемого (см.: *Лурье С. Я.* Демокрит: Тексты; Перевод; Исследования. Л., 1970. С. 220, 426). Второй афоризм присутствует в «Естественной истории» (XIV, 28, 22) Плиния Старшего (23 или 24—79) (см.: *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов. М., 1982. С. 381—382).

Ст. 5—6. ...*«Истина нагая В колодез убралась тайком»*... — По-видимому, реминисценция из стихотворения Вяземского «Погреб» (ВЕ. 1816. № 17—18; книжка журнала вышла в свет в начале октября; см.: МВед. 1816. 7 окт. № 81): «В колодезь

Истина засела, Веселость в погреб убралась», с той же темой противопоставления воды и вина (см.: Acad. в 6 т. Т. 1. С. 674 (примеч. М. А. Цявловского)).

⟨ПОСЛАНИЕ К В. Л. ПУШКИНУ⟩
(«Тебе, о Нестор Арзамаса...»)
(С. 194 и 365)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. из архива Кавелина (Квл) — под заглавием: «Письмо к В. Л. Пушкину», без даты.

2) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «К В. Л. Пушкину. (Дяде, соч⟨инителю⟩ Буянова)», с датой: «1816 г. 22 дек.». Напечатано: Акад. Т. 1. С. 384—385 (публ. М. А. Цявловского).

3) В. Ф. Вяземской в «Первой записной книжке» П. А. Вяземского (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1104, л. 41) ($Вяз_1$) — с надписью рукою П. А. Вяземского: «Александра Пушкина к дяде Василию Львовичу».

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — под заглавием: «К Василью Львовичу Пушкину», с датой: «28 декабря 1816 г.».

5) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «К В... Л... Пуш.....», с датой: «816-го года. 28 декабря».

6) Первая тетр. из собрания Нейштадта ($Нейш_1$) — под заглавием: «Письмо к Вас. Льв. Пушкину», с подписью: «А. Пушкин», без даты.

7) Вторая тетр. из собрания Нейштадта ($Нейш_2$) — под заглавием: «Письмо».

Копии 3 и 4 напечатаны: Акад. Т. 13. С. 4—6, 363—364 (в качестве поправок к Даш в составе основного текста и вариантов к тексту СО).

Копия неизвестного лица в сборнике стихотворений Пушкина, бывшем в распоряжении Е. И. Якушкина, утрачена. Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 10. Стб. 316 (в виде вариантов к тексту Анн.; публ. Е. И. Якушкина).

Перечень копий стихотворного отрывка «Я не совсем еще рассудок потерял ~ Вы дядя мой и на Парнасе» см. ниже в примеч. к стих. «Дяде, назвавшему сочинителя братом», с. 708.

Впервые: СО. 1821. Ч. 68. № 11. С. 178—180. Отд. «Стихотворения», под заглавием: «Письмо к В. Л. Пушкину», с подписью: «А. Пушкин» (без ведома Пушкина). Публикация вызвала у поэта резко отрицательную реакцию (см. его дневниковую запись от 9 апреля 1821 г.).

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2. Во всех изданиях публиковалось в составе эпистолярного наследия Пушкина; в Акад. — при вариантах к стихотворению «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (Т. 1. С. 384). В настоящем издании впервые вводится в корпус стихотворений, так как представляет собой не только факт эпистолографии, но и особый тип послания, с перемежающимися фрагментами стихотворного и прозаического текстов, разделить которые можно лишь искусственно. Известной автономностью в нем обладает лишь второй стихотворный отрывок, распространявшийся в Лицее в качестве отдельного стихотворения, в несколько иной редакции и с особым названием: «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (см.: наст. т., с. 196).

Печатается по Даш с поправками в строке 10 («называли» вместо «назвали») (по $Вяз_1$ и Долг); строке 13 («От рифм бахических» вместо «От рифм вакхических») (по лицейским копиям стихотворений «Дяде, назвавшему сочинителя братом» и «Моему Аристарху»; форма «вакхический» в лицейское время у Пушкина не засвидетельствована — см.: СЯП. Т. 1. С. 67, 221); строке 26 («обещательные и извинительные» вместо «обещательные и извиняющиеся») (по $Дол_2$, $Вяз_1$, СО); строке 27 («при последнем ее издыхании» вместо «при последнем его издыхании») (по СО); строке 35: «бледного Шишкова» вместо «бедного Шишкова» (по $Дол_2$, $Вяз_1$ и Долг).

Датируется 22 декабря 1816 г., согласно помете в Даш. В Акад. (Т. 13. С. 4, 363, 420) датировано 28 (?) декабря 1816 г. на основании копии $Дол_2$ и указаний в тексте на канун Нового года («при последнем ⟨...⟩ издыхании» «годовой переписки»). Эта датировка была оспорена М. А. Цявловским («Пушкин с 24 декабря был в Петербурге, и это, конечно, нашло бы отражение в письме» — Летопись. С. 736; Летопись 1991. С. 646). Вслед за Цявловским принимаем дату в Даш, так как бесспорных оснований для ее исправления нет.

Строки 1—2. *Тебе, о Нестор Арзамаса, В боях воспитанный поэт...* — Стихи отражают «арзамасскую» репутацию В. Л. Пушкина (1766—1830), старшего из «арзамасцев», избранного старостой общества в марте 1816 г. (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 345). В. Л. Пушкин был одним из первых, кто начал полемику с А. С. Шишковым (см. его послание «К В. А. Ж⟨уковскому⟩», 1810); в дальнейшем он пользовался славой усердного, но не всегда удачливого полемиста. Как прославленного бойца литературных баталий его приветствовал Вяземский в речи на девятом собрании «Арзамаса» (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 339). Сам В. Л. Пушкин подчеркивал свой приоритет в борьбе с шишковистами (см.: «К***» («Я грешен. Видно, мне кибитка не Парнас...»), 1816). В отношении «арзамасцев» (как и Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева) к В. Л. Пушкину была, однако, доля иронии, которая ощущается и в письме Пушкина.

Строка 3. *Опасный для певцов сосед...* — Намек на бесцензурную поэму В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (1811).

Строка 5. *Защитник вкуса...* — «Вкус» — одно из основных понятий в эстетике карамзинизма; на него В. Л. Пушкин постоянно ссылается в своих полемических посланиях, упрекая шишковистов в пренебрежении его законами (ср.: «...вкус я варварский гоню и ненавижу» — «К В. А. Жуковскому», 1810); «защитником вкуса» называл В. Л. Пушкина Д. В. Дашков в своей речи по случаю принятия его в общество (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 335).

Строка 5. *...грозный Вот!* — Имеется в виду «арзамасское» прозвище «Вот», данное В. Л. Пушкину при вступлении в общество; после избрания его старостой он именовался «Вот я Вас» (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 345).

Строка 10. *В письме вашем вы называли меня братом...* — Ср. в письме В. Л. Пушкина от 17 апреля 1816 г., на которое отвечает Пушкин: «Ты сын Сергея Львовича и брат мне по Аполлону» (Акад. Т. 13. С. 4).

Строка 33. *Глухого варварства начала...* — Ср. в послании В. Л. Пушкина «К Д. В. Дашкову» (1811): «В предубеждениях нет святости нимало: Они мертвят наш ум и варварства начало» (ст. 13—14).

Строка 35. *И мучить бледного Шишкова...* — Непосредственно против Шишкова («Балдуса», «Ариста») В. Л. Пушкин выступил в посланиях «К В. А. Ж⟨уковскому⟩» (1810), «К Д. В. Дашкову» (1811), задел его в «Опасном соседе», а также в своей вступительной «арзамасской» речи в марте 1816 г. (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 341). Эпитет «бедного» в копиях — это ошибка: в применении к Шишкову употреблялся именно эпитет «бледный» (ср. в речи Дашкова 17 февраля 1816 г.: «бледный, иссохший лик Славянофила» — «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 336).

Строка 37. *И лоб угрюмый Шаховского...* — Отражение «арзамасской» фразеологии (см. выше примеч. к стих. «Угрюмых тройка есть певцов...», с. 660).

Строка 38. *Клеймить единственным стихом!* — Имеется в виду ст. 51 в «Опасном соседе»: «Прямой талант везде защитников найдет», — в сцене, изображающей успех комедии Шаховского «Новый Стерн» у обитательниц публичного дома. Стих этот высоко ценился «арзамасцами»: его цитировали в своих речах Д. П. Северин, П. А. Вяземский, упоминал В. А. Жуковский в речи при приеме В. Л. Пушкина в «Арзамас» (см.: «Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 333, 335, 339); сам В. Л. Пушкин считал его одной из основных своих полемических находок; ср.: «Я злого Гашпара убил одним стихом» («К***» («Я грешен. Видно, мне кибитка не Парнас...»)). Оценил эту находку и Шаховской (см.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л., 1929. С. 344).

Строка 46. *Шапель Андреевич...* — Имеется в виду Вяземский. Клод Эммануэль Шапель (Chapelle, 1626—1686) упоминается в стихотворении «Моему Аристарху» (см.: наст. т., с. 151—152, 667). Ср. письмо к Вяземскому от 27 марта 1816 г., где Пушкин выражает надежду «получить из Москвы русские стихи Шапеля и Буало», т. е. самого Вяземского. В тексте «Сына отечества» — «Шолье Андреевич», по имени другого представителя «легкой поэзии» Гийома Амфри де Шолье (см. примеч. к тому же стих., с. 667); это прозвище было в пародийных целях использовано позднее Н. А. Полевым в полемике против Вяземского («Шолье Андреев» — см.: РСП. С. 324, 327, 332, 351, 729—730); ср. в воспоминаниях Кс. А. Полевого: «Кто подражал какому-нибудь известному французскому стихотворцу второго и третьего разряда, того за отличную и долгую выслугу начинали называть *нашим* Шолье, Бернаром и тому подобными поэтическими именами» (Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х гг. Л., 1934. С. 145).

Строка 47. *Меня забыл давным-давно...* — Знакомство Пушкина с Вяземским состоялось 25 марта 1816 г. (см.: Летопись 1991. С. 108), накануне отъезда Вяземского в Москву; 27 марта Пушкин написал ему письмо.

Строка 50. *И петь, и пить свое вино...* и след. — Парафраза строк из послания к Вяземскому в письме от 27 марта 1816 г. («Блажен, кто в шуме городском...»), где цитируется послание Вяземского «К партизану-поэту» (1815), обращенное к Д. В. Давыдову и воспевающее дружескую пирушку.

ДЯДЕ, НАЗВАВШЕМУ СОЧИНИТЕЛЯ БРАТОМ

(«Я не совсем еще рассудок потерял...»)

(С. 196)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА).

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 373 (по ТЖ); РП. С. 89 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф).

Тексты копий идентичны.

Перечень копий письма Пушкина к В. Л. Пушкину от 22 декабря 1816 г., в состав которого также входит данное стихотворение, см. выше в примеч. к «⟨Посланию к В. Л. Пушкину⟩» («Тебе, о Нестор Арзамаса...»), с. 706.

Разночтения между копиями настоящего стихотворения и копиями письма-послания указывают на целенаправленную работу (интонационное прояснение (или изменение) смысла в ст. 2, мелодическое усовершенствование ст. 3), однако небольшой объем разночтений не дает возможности говорить о последовательности редакций сколько-нибудь определенно. Предполагается, что пятистишие было выделено из письма к В. Л. Пушкину и распространялось в Лицее как отдельное стихотворение, но не исключено, что оно возникло как мгновенный ответ (может быть, экспромт) на письмо В. Л. Пушкина от 17 апреля 1816 г. и уже позднее было включено в текст новогоднего письма (указано Н. Н. Петруниной).

Впервые: СО. 1821. Ч. 68. № 11. С. 179 (без ведома Пушкина, в составе письма его к В. Л. Пушкину).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по СЛС.

Датируется 22 декабря 1816 г. (см. выше примеч. к «⟨Посланию к В. Л. Пушкину⟩», с. 706—707).

ОКНО

(«Недавно темною порою...»)

(С. 197 и 366)

Автограф (ПД 15; на одном листе со стихотворением «Наслажденье») — беловой, с поправками и подписью: «А.—П.—»; текст первой редакции. Напечатано: Ефр. 1882. Т. 1. С. 150—151 (до поправок); АН 1899. Примеч. С. 277 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 287—288 (варианты ранней редакции; публ. Л. Н. Майкова); Грот. Пушк. лицей. С. 335—336 (полностью).

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою И. И. Пущина, с датой: «(1816)» и пометами Пушкина у заглавия: «10» и «Не ⟨надо?⟩». Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Сб. стихотворений лицейских поэтов из архива Горчакова (Гор).

3) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ). Напечатано: АН 1899. С. 213—214 и АН 1900—29. Т. 1. С. 200—201 (публ. Л. Н. Майкова).

4) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 280—281 (по ТЖ); РП. С. 33—34 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

5) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф). Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 246 (в виде вариантов).

6) Первый сб. из архива Помяловского ($Пом_1$).

7) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

Копии 2—7 дают первую редакцию, копия ЛТ — вторую редакцию.

Копии 3, 5—7 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 378 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 280—281.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ.

Датируется 1816 г., согласно помете в ЛТ.

Некоторыми исследователями относится к «бакунинскому циклу» (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650).

В стихотворении есть тематические и лексические точки соприкосновения со стихотворением А. Г. Родзянки «К другу. (Подражание Горацию)», напечатанным (в ранней редакции и за ошибочной подписью: «Гр. Родзянка») в 1815 г. в «Чтениях в Беседе любителей русского слова»; вторично, в поздней редакции, за подписью: «А. Родзянка» — в «Духе журналов» (1816. Ч. 13. С. 289—292; входит в кн. 31 за первую неделю августа). С Аркадием Гавриловичем Родзянкой (1793—1846), с 1814 г. находившимся в Петербурге, Пушкин общался уже в первые послелицейские годы (см.: *Вацуро В. Э.* Один из источников «Окна» // The Puškin Journal (Пушкинский журнал). 1993. Vol. 1. N 1. P. 21—28). Ср. в стихотворении «К другу»: «Спеши украдкой, молчаливо Под скрытое меж лип окно: Любовью робкой, торопливо Тебе отворится оно» (ЧБЛРС. 1815. Кн. 18. С. 64).

РАЗЛУКА

(«Когда пробил последний счастью час...»)

(С. 198 и 367)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою А. Д. Илличевского, с датой: «1816» и незавершенной правкой Пушкина. Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 295—296 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 305—306 (в виде вариантов; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 61—62. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Никитенко (Ник). Текст идентичен ЛТ (до правки); без заглавия. Напечатано: Посм. Т. 9. С. 325—326 (по ТЖ); РП. С. 63—64 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Тетр. Всеволожского (Вс). Текст второй редакции, под заглавием: «Уныние» и с поправками Пушкина (весна 1825 г.), с датой у заглавия: «1816». Слева помета чернилами: «Э» (т. е. «Элегии») и цифра «14», переправленная карандашом на «15»; справа карандашом повторено: «Эл⟨егии⟩». Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 6—7, 43 (публ. Б. В. Томашевского).

4) Тетр. из архива Кавелина (Квл) — под заглавием: «Уныние».

5) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «Уныние». Напечатано: Акад. Т. 1. С. 382—383 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

6) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст, кроме ст. 34, идентичен Ник; без заглавия.

7) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Уныние», без деления на строфы.

8) Листы из Тетр. Гаевского (Гаев) — под заглавием: «Уныние».

Копии 4, 5, 7, 8 восходят к тексту Вс (до поправок).

Утраченные копии:

1) Тетр. Каверина (Кав) — под заглавием (в оглавлении): «Любовнице». Напечатано: Щербачев. С. 110 (в виде разночтений).

2) Копия в Цензурной рукописи Ст 1826 (ЦР), которой пользовался П. В. Анненков (см.: Анн. Т. 2. С. 138—139; воспроизводит текст Вс с поправками). По свидетельству Анненкова (Анн. Т. 2. С. 155), стихотворение было вычеркнуто Пушкиным.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 325—326.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция («Уныние») — по Анн. (текст воспроизводит ЦР). Переработка лицейской редакции начата уже в ЛТ: вначале Пушкин предполагал ограничиться стилистической правкой, но в ходе работы отбросил всю первую половину стихотворения (18 стихов); эта новая редакция подверглась дальнейшему сокращению в ЦР; в Ст 1826 Пушкин, однако, стихотворение не ввел.

Датируется 1816 г., согласно помете в ЛТ; «Уныние» — 1819—началом 1820 г.; окончательная редакция — 1825 г.

Относится к Е. П. Бакуниной (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650).

Ст. 13—14. *Утешусь я — и дружбы тихий взгляд Души моей холодный мрак осветит*». — Копия ЛТ дает возможность и иной грамматической интерпретации: «...дружбы тихой взгляд Души моей холодной мрак осветит».

НАЕЗДНИКИ

(«Глубокой ночи на полях...»)

(С. 200 и 368)

Автограф (ПД 870) — перебеленный, со многими поправками; текст первой редакции. Напечатано: РБ. 1913. № 2. С. 4—10 (публ. Н. О. Лернера). Факсимильное воспроизведение: Там же. Между с. 4 и 5.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою С. С. Есакова, с датой: «(1816)» и правкой Пушкина, дающей вторую (последнюю лицейскую) редакцию; позднее (уже в послелицейское время) Пушкин еще раз вернулся к тексту ЛТ и подверг его новой переработке; у заглавия поставлен номер «11» (порядковый номер среди стихотворений ЛТ, предназначенных для включения в печатный сборник). Напечатано: Мор. 1887.

Т. 1. С. 127—129; АН 1899. Примеч. С. 252—254 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 262—265 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 55—57. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Никитенко (Ник) — под заглавием: «Наездник». Текст, воспроизводящий автограф (с поправками). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 359—362 (по ТЖ); РП. С. 82—85 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Тетр. Всеволожского (Вс). Текст второй редакции, с правкой Пушкина (весна 1825 г.), дающей третью редакцию; у заглавия помета: «См⟨есь⟩» (стихотворение предназначалось для отдела «Смесь» Ст 1826. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 8—9, 44 (публ. Б. В. Томашевского).

4) Неизвестного лица в Остафьевском архиве Вяземских (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5612, л. 245—246) (ОА) — под заглавием: «Наездники», вписанным рукою Пушкина. Напечатано: Акад. Спр. том. С. 13 (в виде разночтений с основным текстом).

5) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

Утраченные копии:

1) Цензурная рукопись Ст 1826 (ЦР), которой пользовался П. В. Анненков (см.: Анненков. Материалы 1855. С. 31; Т. 2. С. 32, 151—152) и оглавление которой П. А. Плетнев посылал Пушкину при письме от 26 сентября 1825 г. Копия воспроизводит текст Вс с учетом поправок. Попытка реконструкции предпринята Л. Н. Майковым: АН 1899. С. 197—198; Примеч. С. 252 и АН 1900—29. Т. 1. С. 184—185; Примеч. С. 262.

2) Копия неизвестного лица в сборнике стихотворений Пушкина, бывшем у Е. И. Якушкина. Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 10. Стб. 316—317 (в виде вариантов к Анн.; публ. Е. И. Якушкина).

3) Бывшая в распоряжении Н. В. Гербеля. Напечатано: Герб. С. 140 (в виде разночтений с текстом Генн. 1859).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 359—362, под заглавием: «Наездник» (в соответствии с ТЖ).

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ с учетом поправок лицейского времени; поздняя редакция — по Анн.

Датируется 1816 г., согласно пометам в ЛТ и Вс.

В «Наездниках» усматривали воздействие поэзии К. Н. Батюшкова (см.: Белинский. Т. 7. С. 280; Анн. Т. 2. С. 151; *Элиаш Н. М.* К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина // ПиС. Вып. 19—20. С. 23—26; *Фридман Н. В.* Поэзия Батюшкова. М., 1971. С. 338); сходство касается, однако, лишь самых общих, типовых элегических мотивов. Более вероятно предположение Л. Н. Майкова, что в стихотворении отразились черты литературного облика Д. В. Давыдова (см.: АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 268—269); само слово «наездник» в пушкинском языке синонимично слову «партизан» как раз в применении к Давыдову (см.: СЯП. Т. 2. С. 687—688). Воздействие «гусарской лирики» Давыдова ощутимо в ряде стихотворений Пушкина 1815—1816 гг., в том числе и в стихах элегического характера, где герой-гусар испытывает любовные страдания (см. выше примеч. к стих. «Слеза», с. 659). В это время лицеисты уже были знакомы с элегиями Давыдова (см. письма А. М. Горчакова к А. Н. и Е. Н. Пещуровым от 25 декабря 1816 г. и 7 марта 1817 г. (КА. 1936. Т. 6 (79). С. 197, 199) и пушкинскую копию давыдовской «Элегии I» («Возьмите меч — он недостоин брани!..»), относящуюся, по-видимому, к 1815 г., — Рукою П. 1997. С. 448—449) и с устными рассказами о нем (см. запись в лицейском дневнике Пушкина 1815 г.). Есть сведения о любовной драме, которую пережил Давыдов как раз в 1812 г., отправляясь на фронт; в его стихотворении «Товарищу (1812 года, на пути в армию)» лирическая ситуация очень близка к «Наездникам» (стихи Давыдова, опубликованные только в 1832 г., Пушкину, конечно, известны не были, но о самой ситуации знали в окружении Давыдова — см.: *Давыдов Д.*

Стихотворения. Л., 1984. С. 71—72, 201 (Б-ка поэта; Большая сер.)). В описании «наездников» ощущаются традиционные атрибуты поэтического портрета «гусара» (ср. в первой редакции ст. 19—20: «Молчат... и с гордою улыбкой Усами грозно шевелят...»). В ст. 41 («Ты ввек средь боев не бледнел») можно видеть парафразу «Клятвы гусаров» (т. е. давыдовского стихотворения «Бурцову» («В дымном поле, на биваке...»), 1804), посланной в копии Горчаковым Пещурову 23 октября 1815 г. (см.: КА. 1936. Т. 6 (79). С. 180): «Пусть среди кровавых боев Буду бледен, боязлив...» (ст. 36—37).

По элегической тональности стихотворение примыкает к так называемому «бакунинскому циклу» и иногда прямо включалось в него, что не имеет достаточно твердых оснований (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650).

ЭЛЕГИЯ

(«Счастлив, кто в страсти сам себе...»)

(С. 204 и 376)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою неизвестного, с датой: «1816» и тремя слоями правки Пушкина: а) сделанной летом 1817 г., перед вручением тетради В. А. Жуковскому; б) по-видимому, конца 1818 г., с незаконченными и тут же отмененными исправлениями; в) конца 1819 г. (две поправки и помета у заглавия: «Не надо»). Напечатано: Мор. 1887. Т. 1. С. 144 (без различения слоев правки); АН 1899. С. 227; Примеч. С. 304 и АН 1900—29. Т. 1. С. 212; Примеч. С. 314 (с недостаточным различением слоев правки; публ. Л. Н. Майкова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ). Напечатано: Акад. Т. 1. С. 392 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

3) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 324 (по ТЖ); РП. С. 62—63 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст восходит к Ник.

5) Вторая тетр. Нейштадта ($Нейш_2$) — под заглавием: «Жалоба» (ранняя редакция).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 324.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ с учетом первого слоя правки; поздняя редакция — по ЛТ с учетом последнего его слоя.

Датируется 1816 г., согласно помете в ЛТ.

В элегии отразилось юношеское чувство поэта к Е. П. Бакуниной (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650).

Ст. 7—8. *Кому тихонько верный ключ Отворит дверь его прекрасной!* — Характерный элегический мотив, восходящий еще к Тибуллу («Элегии», I, 6, 11—12) и распространенный во французской элегической традиции, в частности у Э.-Д. Парни (стихотворение «Billet» («Poésies érotiques», livre I), отразившееся в «Письме к Лиде» Пушкина). Вариации этого мотива (через посредство элегии VI книги I «Les Amours» А. Бертена) есть у Д. Давыдова («Элегия II» («Пусть бога-мстителя могучая рука...») — Амфион. 1815. № 5; ср.: Франц. элегия. С. 176—181) и в лицейских стихах А. А. Дельвига (ср. в стихотворении «Хата» (РМ. 1815. Ч. 3. № 8): «Тише дверь отворись! О Лилета, твой милый с тобою!») и др.

МЕСЯЦ

(«Зачем из облака выходишь...»)

(С. 205 и 376)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою Н. А. Корсакова, с датой: «1816» и двумя слоями разновременной правки Пушкина: а) изменен ст. 3; б) изменен ст. 15 и вычеркнута правка в ст. 3 и ст. 18—21. По-видимому, в 1819 г. при отборе стихотворений для печатного сборника Пушкиным у заглавия сделана помета: «Надо» и поставлен номер «9» (порядковый номер среди стихотворений ЛТ, предназначенных для включения в печатный сборник). Напечатано (с учетом поправок): Мор. 1887. Т. 1. С. 146; АН 1899. С. 222—223; Примеч. С. 293 и АН 1900—29. Т. 1. С. 208; Примеч. С. 303 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 61. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Никитенко (Ник). Текст идентичен ЛТ (до поправок). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 322—323 (по ТЖ); РП. С. 61—62 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Тетр. Всеволожского (Вс). Текст, идентичный ЛТ (после поправок), с карандашной поправкой (весна 1825 г.) Пушкина в ст. 8; у заглавия помета: «См⟨есь⟩» (стихотворение предназначалось для отдела «Смесь» Ст 1826). Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 7, 43 (публ. Б. В. Томашевского).

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — ранняя редакция, под заглавием: «Элегия. Месяц».

Копия в Цензурной рукописи Ст 1826 (ЦР), которой пользовался П. В. Анненков и оглавление которой П. А. Плетнев посылал Пушкину при письме от 26 сентября 1825 г., утрачена. Текст ее идентичен Вс (после поправки). Разночтения с Посм. приведены в изд.: Анн. Т. 2. С. 153.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 322—323.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция — по Анн.

В выборе основного источника текста лицейской редакции существуют расхождения. В Акад. (Т. 1. С. 209, 392, 468) стихотворение печаталось по ЛТ (до поправок). В Акад. в 10 т. (2) (Т. 1. С. 215) была введена поправка в ст. 15. Аргументы для выбора источника текста дают наблюдения над логикой работы Пушкина. Уже Л. Н. Майковым замечено, что ст. 18—21 выражают «мысль о различии между чувственною страстью и мечтательною любовью» (АН 1899. Примеч. С. 208 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 303); исключение их меняет лирическую ситуацию стихотворения, перенося ночную сцену в комнату и придавая ей эротический характер; это особенно ясно при одновременной замене в ст. 15 «темного ясеня» (по-видимому, ночное свидание в саду) «темным завесом» (интерьер комнаты). Поэтому интерполяция поправки в ст. 15 возможна только одновременно с исключением ст. 18—21; это поздняя (уже послелицейская) редакция стихотворения. По этим соображениям мы возвращаемся к решению Акад.

Творческая история стихотворения отчасти восстанавливается по пометам в рукописи ЛТ. Из них становится очевидным, что Пушкин несколько раз менял последовательность строк в ст. 18—21, прежде чем отказаться от них совсем (см.: Другие редакции и варианты, с. 376). См.: *Фомичев С. А.* Буквенные пометы в списке стихотворения «Месяц» // Неизданный Пушкин. Вып. 2. С. 7—8.

Датируется 1816 г., согласно помете в ЛТ.

Связывается с «бакунинским циклом» (см.: наст. т., с. 649—650), так как входит в раздел «Элегии» в Ник. В. Я. Брюсов предполагал, что стихотворение содержит описание реального эпизода романа с Е. П. Бакуниной (см.: Брюсов. Мой Пушкин. С. 28).

ПЕВЕЦ

(«Слыхали ль вы за рощей глас ночной...»)

(С. 207 и 377)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою И. И. Пущина, с датой: «1816» и двумя слоями правки Пушкина: а) сделанной летом 1817 г., после публикации стихотворения в СН; б) вероятно, конца 1819 г., с пометой у заглавия: «Перепѣ исать)». Напечатано: АН 1899. С. 225; Примеч. С. 298 и АН 1900—29. Т. 1. С. 210; Примеч. С. 308 (с учетом поправок в основном тексте и приведением первоначальных вариантов в примечаниях; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 62. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Всеволожского (Вс) — с датой: «1816» и пометой Пушкина у заглавия: «2» (т. е. номер «2» в отделе «Смесь» Ст 1826, для которого предназначалось стихотворение). Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 15—16 (публ. Б. В. Томашевского).

3) А. М. Горчакова (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 71) (Г).

4) Сб. стихотворений лицейских поэтов из архива Горчакова (Гор). Тексты обеих копий Горчакова идентичны.

5) Тетр. Матюшкина (Мат). Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 246 (в виде вариантов).

6) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ).

7) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

8) Собр. стих. 1836 (отдел «Баллады и песни»).

Копии 3—6 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 393 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Входило в Кап под заглавием: «Певец (1816)» (перечень стихотворений отдела «Смесь») (см.: Майков. Автографы П. С. 577). Фотокопия: ПД, ф. 244, оп. 1, Прил., № 7. Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 865.

Впервые: СН. 1817. Ч. 1. № 1. С. 14. В переработанном виде вошло в Ст 1826. С. 65 (отдел «Разные стихотворения») и Ст 1829. Ч. 1. С. 20—21 (отдел стихотворений 1816 г.); перепечатывалось: Денница на 1831 год. М., 1831. С. [141—142]; Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч. 2. С. 115—116.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по СН; поздняя редакция — по Ст 1829.

Датируется 1816 г., согласно пометам в ЛТ, Ст 1826 и Ст 1829.

В. Е. Холшевников отмечает: «Стихотворение построено на сложной системе повторов разных типов. Второй стих каждой строфы — точно повторяющийся рефрен, поэтому через все стихотворение проходят три пары одинаковых рифм. Первый и третий стихи первых двух пятистиший созвучны, поэтому первые две строфы тождественны по рифмовке.

Каждая строфа своеобразно обрамлена: пятый стих повторяет начало первого; все первые стихи строф синтаксически подобны (анафора грамматических форм), пятые стихи первых двух пятистиший замыкаются словами с созвучными окончаниями; в результате все три строфы близки по синтаксическому строю. Одна пара рифм повторяется трижды, другая — дважды. Холостыми остаются только пятые стихи строф (точнее — полухолостыми, так как синтаксически они однородны и потому весьма близки по звучанию и интонации: «Слыхали ль вы? — Встречали ль вы? — Вздохнули ль вы?»). Возникает целая система параллелизмов и звуковых повторов: точный рефрен, сквозные рифмы с одним повторяющимся словом в каждой строфе, кольцо строфы, кольцо стихотворения».

Строфика стихотворения, по-видимому, оригинальна (прототип подобной строфы не найден); однако по целому ряду формальных особенностей, перечисленных выше, «Певец» воспроизводит распространенные (в особенности во французской поэзии)

структурные формы романсной лирики; аналогичные структуры есть у П. А. Вяземского, И. И. Дмитриева и др. (см.: Томашевский. Строфика П. С. 66).

По связи с «Певцом» (1811) В. А. Жуковского, цитата из которого приведена в дневниковой записи Пушкина о Е. П. Бакуниной от 29 ноября 1815 г., где она проецируется на автобиографическую ситуацию, М. А. Цявловский включал стихотворение в «бакунинский цикл» (см.: Цявловский. Коммент.).

Стихотворение уже при жизни Пушкина получило известность как романс (с музыкой А. Н. Верстовского, Н. С. Титова и др.).

К СНУ

(«Знакомец милый и старинный...»)

(С. 208 и 377)

Автограф неизвестен.

Утраченный автограф поздней редакции (с заглавием: «Элегия III. Морфею») находился в Кап. Текст зачеркнут; сбоку вдоль страницы помета: «Если оставить, так перенести в мелк⟨ие⟩ стихотв⟨орения⟩». Описание автографа см.: Майков. Автографы П. С. 579. Напечатано: АН 1899. С. 217; Примеч. С. 283—285 и АН 1900—29. Т. 1. С. 204; Примеч. С. 294 (публ. Л. Н. Майкова), под заглавием: «К Морфею» (восходящим, вероятно, к публикации ПЗ 1824). (Утверждение М. А. Цявловского, что текст Кап в АН «воспроизведен ⟨...⟩ неверно» (Акад. Т. 2. С. 1017), не аргументировано). Вторично напечатано: Томашевский. Новые материалы. С. 850 (по неуказанному источнику, по-видимому по экземпляру Анн., исправленному по Кап П. А. Ефремовым (Е)).

Копии:

1) Лицейская тетрадь (ЛТ). Текст рукою неизвестного, с датой: «1816», представляющий собой раннюю редакцию («К сну») с разновременной правкой Пушкина послелицейского периода (по наблюдениям М. А. Цявловского (см.: Цявловский. Коммент.) — три слоя правки, датируемых, по-видимому, осенью 1817, 1818 и 1819 гг., однако с полной очевидностью могут быть выделены лишь два слоя); у заглавия им поставлен номер «12» (порядковый номер среди стихотворений ЛТ, предназначенных для включения в печатный сборник). Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 284 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 294 (в виде вариантов; публ. Л. Н. Майкова; копия ошибочно принята за автограф); Брюсов. Лиц. стихи. С. 58—59. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Никитенко (Ник). Текст, идентичный ЛТ (до поправок), под заглавием: «Сну».

3) Тетр. Всеволожского (Вс). Текст поздней редакции, под заглавием: «Морфей», с правкой Пушкина (весна 1825 г.) карандашом: исправлено название и внесена поправка в ст. 6, после чего весь текст зачеркнут; у заглавия — дата чернилами: «1816». Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 10—11, 45 (публ. Б. В. Томашевского).

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст ранней редакции, под заглавием: «Сну».

5) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Сон» (текст ранней редакции) и под заглавием: «Элегия» (поздняя редакция).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 318. Поздняя редакция («Морфею») впервые: ПЗ 1824. С. 91, с подписью: «А. Пушкин» (ценз. разр. — 20 декабря 1823 г.).

Зачеркнутая в Кап поздняя редакция не была включена Л. С. Пушкиным и П. А. Плетневым в состав Ст 1826. Пушкин намеревался включить ее в Ст 1829: стихотворение вошло в подготовительные списки, составленные в конце апреля—августе 1827 г. («К Морфею») и в конце мая—июне 1828 г. («Морфею») (см.: Рукою П. 1997. С. 177, 179). Однако в Ст 1829 оно тоже не вошло.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция («Морфею») — по Вс с учетом поздней поправки в ст. 6 («Разлуки вечной приговор»). Во всех предшествующих изданиях печаталось по ПЗ 1824.

Датируется 1816 г., согласно пометам в ЛТ и Вс; поздняя редакция — 1817—1819 гг.

Рядом исследователей включается в так называемый «бакунинский цикл» (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650).

В. П. Гаевский (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 173) считал стихотворение подражанием «К ночи» («A la nuit») Э.-Д. Парни («Poésies érotiques», livre II), однако оно связано с Парни лишь общностью темы, традиционной для «легкой поэзии».

СЛОВО МИЛОЙ

(«Я Лилу слушал у клавира...»)

(С. 209 и 378)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою А. М. Горчакова, с датой: «1816», поправками Пушкина и одной пометой В. А. Жуковского; правился Пушкиным дважды, в результате чего возникла вторая редакция стихотворения; в 1819 г. при отборе стихотворений для печатного сборника Пушкиным у заглавия сделана помета: «Не надо». Напечатано: Якушкин. № 2. С. 426 (вторая редакция); Мор. 1887. Т. 1. С. 124; АН 1899. С. 241; Примеч. С. 326 и АН 1900—29. Т. 1. С. 225; Примеч. С. 336 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 69. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Никитенко (Ник) — без заглавия. Напечатано: Посм. Т. 9. С. 329 (по ТЖ); РП. С. 64—65 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст идентичен Ник.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 328.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция — по ЛТ с учетом поправок.

Датируется 1816 г., согласно помете в ЛТ.

Некоторыми исследователями связывается с «бакунинским циклом», так как входит в раздел «Элегии» в Ник (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650). В. П. Гаевский (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 378), по-видимому на основании рассказов бывших лицеистов, утверждал, что стихи были написаны к М. Смит (см. ниже примеч. к стих. «К молодой вдове», с. 746).

ЭЛЕГИЯ

(«Я видел смерть; она в молчаньи села...»)

(С. 210 и 378)

Автограф (в Лицейской тетради (ЛТ)) — с позднейшими поправками (предположительно конца 1818—1819 г.), дающими вторую редакцию, под заглавием: «Элегия (1816)» и с подзаголовком: «Подражание». Напечатано без учета поправок: Мор. 1887. Т. 1. С. 151—152; АН 1899. Примеч. С. 300—301 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 310—311 (публ. Л. Н. Майкова); поправки: Брюсов. Лиц. стихи. С. 62—64, 87—88. Факсимильное воспроизведение. Раб. тетр. Т. 2.

Копии:

1) Тетр. Всеволожского (Вс) — под заглавием: «Подражание», с относящейся к 1825 г. правкой Пушкина, который после исправлений перечеркнул стихотворение,

но затем внес его в Цензурную рукопись Ст1826 (ЦР). Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 9—10, 44 (публ. Б. В. Томашевского).

2) А. И. Тургенева (ПД, ф. 244, оп. 4, № 45; ф. 309, № 619 — копии идентичны) (Тург) — под заглавием: «Прощание»; текст второй редакции, близкий Вс. Напечатано: Акад. Т. 1. С. 396 (в виде разночтений с текстом Вс до поправок; публ. М. А. Цявловского).

3) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «Элегия» и с датой: «1816».

4) Тетр. Шереметева (Шер) — под первоначальным заглавием: «Подражание», исправленным затем на «Прощание», и с подписью: «Пушкин»; текст близок Вс (до поправок). Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 10. Стб. 318 (в виде вариантов к тексту утраченной копии, бывшей у Е. И. Якушкина (см. ниже); публ. Е. И. Якушкина).

5) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — только первый стих; далее 33 строки обозначены точками.

6) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Элегия», с датой: «816 года». Текст ранней редакции.

7) Листы из Тетр. Гаевского (Гаев) — под заглавием: «Элегия», с правкой неизвестной рукой, вписавшей, в частности, дату: «1816».

Утраченные источники текста:

1) Автограф (в Тетр. Капниста (Кап)) — под заглавием: «Подражание», с датой: «(1816)» и пометой: «В элегии». Текст, известный П. А. Ефремову, обрывался на стихе: «Ты, утро, вдохновенья час»; следующий лист уже тогда был утрачен. На основании помет Ефремова на экземпляре Анн. Т. 7 (Е) Б. В. Томашевский утверждал, что текст Кап совпадал с текстом Цензурной рукописи Ст1826 (ЦР) (см.: Томашевский. Новые материалы. С. 860).

2) Авторизованная копия в Цензурной рукописи Ст1826 (ЦР), с большим количеством разночтений. Здесь стихотворение было вновь зачеркнуто Пушкиным и в сборник не вошло. Напечатано: Анн. Т. 2. С. 138, под заглавием: «Подражание».

3) Копия неизвестного лица в сборнике стихотворений Пушкина, бывшем у Е. И. Якушкина. Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 10. Стб. 317 (публ. Е. И. Якушкина).

Впервые: Анн. Т. 2. С. 138, под заглавием: «Подражание» (поздняя редакция).

В собрание сочинений впервые включено: Анн.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция — по Анн.

Датируется 1816 г. на основании помет в автографе и копиях.

П. В. Анненков указывал на элегию Э.-Д. Парни «Oui, sans regret, du flambeau de mes jours...» («Poésies érotiques», livre II) как на возможный источник ст. 22—35 первой редакции (см.: Анн. Т. 2. С. 154). Однако стихотворение варьирует общие, типовые мотивы элегий XVIII—XIX вв. (имеющиеся у Парни), чем, вероятно, и объясняется подзаголовок «Подражание» (без дальнейшей конкретизации).

ЖЕЛАНИЕ

(«Медлительно влекутся дни мои...»)

(С. 212 и 381)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою Ф. Х. Стевена, с датой: «1816» и позднейшей (по-видимому, 1818 г.) правкой Пушкина; заглавие заменено на «Унынье»; у заглавия помета: «Переп⟨исать⟩». Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 288 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 298 (в виде вариантов к основному тексту; публ. Л. Н. Майкова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Всеволожского (Вс). Текст с поправками, сделанными Пушкиным весной 1825 г. и дающими вторую редакцию; вычеркнуты также четыре начальных

стиха и, наконец, весь текст. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 10, 44—45 (публ. Б. В. Томашевского).

3) Тетр. Шереметева (Шер) — только ст. 1—6.

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

Тексты ЛТ (с поправками), Вс (до поправок), Шер, Долг и первой публикации идентичны.

Впервые: ПОМ 1827. Стихотворения. С. 37 (публ. Б. М. Федорова).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция — по Вс с учетом правки.

Датируется 1816 г., согласно помете в ЛТ.

Относится исследователями к «бакунинскому циклу» (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650).

Начиная с В. Г. Белинского, причислявшего «Желание» к стихам, в которых «уже виден будущий Пушкин — не ученик, не подражатель, а самостоятельный поэт» (Белинский. Т. 7. С. 289), исследователи Пушкина находили в стихотворении черты оригинального лирического стиля (обзор суждений см.: АН 1899. Примеч. С. 288—289 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 298—299).

В. Е. Холшевников отмечает: «В стихотворении три неразделенных нетождественных четверостишия: два перекрестных и последнее охватное. Нарушение установившейся инерции следования рифм (ритмический перебой) выделяет концовку — последние два стиха. Это первый случай такого типа подчеркивания концовки у Пушкина».

С т. 12. *Пускай умру, но пусть умру любя!* — В этом стихе иногда усматривают реминисценцию из стихотворения «Отставка» (1796) Н. М. Карамзина: «Люблю — люблю — умру любя!» (см.: АН 1899. Примеч. С. 289—290 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 299); эта антитетическая формула, однако, была в разных вариациях широко распространена как в трагедии, так и в лирической поэзии (см.: Виноградов. Стиль П. С. 393).

ДРУЗЬЯМ

(«К чему, веселые друзья...»)

(С. 213 и 381)

Автографы:

1) Лицейская тетр. (ЛТ) — с более поздними поправками Пушкина в ст. 10 и 11—12 и поправкой В. А. Жуковского «будил», принятой Пушкиным, против ст. 8; у заглавия поставлены номер «6» (порядковый номер среди стихотворений ЛТ, предназначенных для включения в печатный сборник) и — позднее — крест — знак, что стихотворение требует доработки. Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 315 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 325 (первоначальный текст и поправки; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 66. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Капниста (Кап), л. 11 об.—12 (согласно первоначальной нумерации — л. 1 об.—2). Л. 11 об. (1 об.) со ст. 1—4 (в заглавии «Элегия II. Друзьям» слова «Элегия II» вычеркнуты, на полях поставлена помета: «В мелкие стихотв⟨орения⟩» — и, наконец, весь текст зачеркнут чернилами) хранится в Королевской библиотеке в Копенгагене (собрание Г.-К. Андерсена); фотокопия: ПД, ф. 244, оп. 1, Прил., № 6; факсимильное воспроизведение: *Брауде Л. Ю.* Автограф Пушкина в архиве Г.-К. Андерсена // ПИМ. Т. 1. Вкл. между с. 360 и 361. Л. 12 (2) со ст. 5—16 утрачен, но ст. 5—8 (также вычеркнутые) опубликованы Л. Н. Майковым (Майков. Автографы П. С. 579), по свидетельству которого текст ст. 10—16 «вполне сходен с текстом, окончательно установленным для издания 1826 г.» (АН 1899. Примеч. С. 315 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 325—326). Реконструируемый по фотокопии, публикации и описанию Майкова первоначальный текст Кап идентичен Вс;

затем Пушкин вычеркнул ст. 1—8, и таким образом создалась окончательная редакция.

Копии:

1) Тетр. Матюшкина (Мат). Текст идентичен ЛТ (до поправок).

2) Тетр. Никитенко (Ник) — с разночтением с первоначальным текстом ЛТ в ст. 5. Напечатано: Посм. Т. 9. С. 327 (по ТЖ); РП. С. 64 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Тетр. Всеволожского (Вс) — с пометой: «См⟨есь⟩» (стихотворение предназначалось для отдела «Смесь» Ст 1826) и датой: «1816» у заглавия; с правкой Пушкина, сделанной весной 1825 г. Все стихотворение перечеркнуто. Текст ЛТ с учетом поправок в ст. 10 и 11—12, а также с новыми вариантами ст. 3 и 8. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 7, 43—44 (публ. Б. В. Томашевского).

4) Тетр. из архива Кавелина (Квл) — под заглавием: «К друзьям». Текст редакции Вс (в ст. 4, по-видимому, ошибка переписчика: «Уж лира смолкнула моя»).

5) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст идентичен Ник.

6) Вторая тетр. Долгорукова. (Долг) — под заглавием: «К друзьям». Текст, близкий к Вс до правки.

Существует также текст, напечатанный по неизвестной копии Н. В. Гербелем (Герб. С. 3—4) и перепечатанный (без указания источника) П. А. Ефремовым (БЗ. 1861. Т. 3. № 19. Стб. 591); копия этого же текста — в Долг, л. 101 об. Л. Н. Майков высказал предположение, что он «принадлежит к числу самых первоначальных черновых набросков» и сокращен при переработке (АН 1899. Примеч. С. 316 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 326); предположение это было принято в Акад. (Т. 1. С. 397—398), где он приведен как начало первой редакции стихотворения:

Среди беседы вашей шумной
Один уныл и мрачен я...
На пир раздольный и безумный
Не призывайте вы меня.
Любил и я когда-то с вами
Под звон бокалов пировать
И гармонически стихами
Пиров веселье воспевать.
Но пролетел миг упоений, —
Я радость светлую забыл,
Меня печали мрачный гений
Крылами черными покрыл...
Не кличьте ж вы меня с собою
Под звон бокалов пировать:
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.
Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный —
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

Принадлежность первых шестнадцати стихов Пушкину не имеет достаточных подтверждений. Она документирована только копиями неизвестного происхождения: стихотворение в этом виде не зарегистрировано ни в одном из лицейских сборников. Традиционность элегической темы и фразеологии — при отсутствии прямой генетической текстуальной связи с ранними редакциями подлинного стихотворения —

позволяет думать, что мы имеем дело с контаминацией двух разных стихотворений, принадлежащих единой элегической традиции. Самая элегическая ситуация в так называемой «первой редакции» иная, нежели в стихотворении «Друзьям» («разочарование», а не любовный кризис); образно-лексический строй («...печали мрачный гений Крылами черными покрыл...») мало соответствует пушкинской поэтике и элегическому языку 1810-х гг.; текст включает элегические штампы более позднего времени и строится на морфологической рифме; по своей художественной слабости он не имеет аналогов даже в раннем пушкинском творчестве. Пушкинский текст (ст. 17—24) в этой так называемой ранней редакции представляет собою как раз позднюю редакцию элегии, восходящую, вероятно, к печатному тексту и механически присоединенную к ст. 1—16 с нарушением правила альтернанса и изменением чередования рифм, что поддерживает предположение о контаминированности. Все это дает основание вывести стихотворение из корпуса пушкинских текстов (см.: наст. т., с. 564).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 327. Поздняя редакция впервые: Ст 1826. С. 9 (отдел «Элегии»). Вошло без изменений в Ст 1829. Ч. 1. С. 19 (отдел стихотворений 1816 г.).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается (вслед за Акад. Т. 1. С. 219) по первоначальному тексту ЛТ; поздняя редакция — по Ст 1829 с приближением пунктуации к Вс.

Датируется 1816 г., согласно пометам во Вс, Ст 1826 и Ст 1829; поздняя редакция — мартом (до 15) 1825 г. на основании истории Кап. Л. Н. Майков ссылался на имевшееся в Кап (л. 9 об.) указание, «что рассматриваемая пиеса окончательно редактирована в 1822 году» (АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 326), не подтверждаемое, однако, данными рукописных источников.

Некоторыми исследователями относится к так называемому «бакунинскому циклу» (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650).

Указание, что это стихотворение вместе с «Надписью к портрету В. А. Жуковского» читалось в заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств 27 июня 1818 г., ошибочно (см. выше примеч. к стих. «К Наталье», с. 570).

ЭЛЕГИЯ

(«Я думал, что любовь погасла навсегда...»)

(С. 214 и 382)

Автограф неизвестен.

Копия (в Лицейской тетр. (ЛТ)) — рукою С. Г. Ломоносова, с датой: «1816» и вписанным Пушкиным ст. 39, пропущенным при копировании. В. А. Жуковский, просматривая ЛТ летом 1817 г., поставил у заглавия пометы карандашом: «№» и чернилами: «Переделать». Пушкин неоднократно возвращался к тексту стихотворения, но не довел правку до конца, поставив у заглавия крест — знак, что стихотворение требует доработки. Единственный источник текста. Напечатано: Якушкин. № 2. С. 427—428; АН 1899. С. 239—240; Примеч. С. 325 и АН 1900—29. Т. 1. С. 223—224; Примеч. С. 334 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 68—69.

Впервые: Якушкин. № 2. С. 427—428.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция — по ЛТ с поправками в ст. 5 (конъектура «брегов» вместо ошибочно не исправленной Пушкиным формы «берегов», нарушающей размер стиха), 6—10, 20. Поправки в остальных случаях, не дающие связного текста, см.: Другие редакции и варианты, с. 382.

Датируется 1816 г., согласно помете в ЛТ.

П. О. Морозов указывал на сходство стихотворения с элегией Э.-Д. Парни «La Rechute» («Poésies érotiques», livre II) (см.: Венг. Т. 1. С. 390), популярной в России и отразившейся в нескольких стихотворениях Пушкина («Элегия» («Опять я ваш, о

юные друзья!..»), «Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...») — см. примеч. к этим стихотворениям, с. 747, 758, а также: Франц. элегия. С. 613). Сходство касается общих черт элегической ситуации и отдельных совпадающих фразеологических оборотов. Стихотворение связывается с «бакунинским циклом» (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650).

Ст. 20. *Но что я говорил... несчастный!* — Ср. у Парни: «Que dis-je, malheureux?..» (ст. 15).

Ст. 30—31. *Я все еще горел — и в грусти равнодушной На игры младости взирал издалека.* — Возможно, вариация строк Парни: «Sur les plaisirs de mon aurore Vous me verrez tourner des yeux mouillés de pleurs...» (ст. 46—47).

Ст. 40—41. *...и в тягостных цепях Мечтать о сладостной свободе.* — Ср. у Парни: «Tout courbé sous les fers chanter la liberté» (ст. 29).

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК

(«Кубок янтарный...»)

(С. 216 и 382)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою А. М. Горчакова, с несколькими слоями позднейшей (1819 г.) незавершенной правки Пушкина и с датой: «(1816)». Напечатано (неточно): Мор. 1887. Т. 1. С. 119; АН 1899. С. 194; Примеч. С. 248 и АН 1900—29. Т. 1. С. 181—182; Примеч. С. 258 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 55. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Всеволожского (Вс) — с поправками Пушкина 1825 г. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 18, 48 (публ. Б. В. Томашевского).

3) Тетр. Матюшкина (Мат). Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 244 (в виде вариантов).

4) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ). Напечатано: Акад. Т. 1. С. 224—225 (публ. М. А. Цявловского).

5) Сб. стихотворений лицейских поэтов из архива Горчакова (Гор).

6) Альбом Горчакова (Грч).

7) Тетр. из архива Кавелина (Квл) — контаминация разных редакций.

8) Тетр. Дашкова (Даш).

9) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

10) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Здравный кубок». Контаминация разных редакций.

11) Тетр. из архива Голохвастовых (Гол).

12) Тетр. Полторацкого (Полт) — под заглавием: «Здравный кубок», с описками.

13) Первая тетр. из собрания Нейштадта ($Нейш_1$) — под заглавием: «К вину» и с подписью: «А. Пушкин».

Копии 5 и 9 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 400 (ст. 18; публ. М. А. Цявловского).

Утраченные источники текста:

1) Рукопись, бывшая в распоряжении В. П. Гаевского (вероятно, автограф; см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 374; БЗ. 1861. Т. 3. № 9. Стб. 275).

2) Копия, бывшая в распоряжении Б. М. Федорова (контаминация разных редакций). Напечатано: ПОМ 1827 (см. ниже).

3) Копия, бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина (Я). Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 10. Стб. 314 (частично; публ. Е. И. Якушкина).

Копии 1, 3—6, 8, 9, 11—13 дают первую редакцию стихотворения; 2 — вторую. Большинство разночтений представляет собою искажение текста и в раздел «Другие редакции и варианты» не вводится.

Впервые: ПОМ 1827. Стихотворения. С. 185—187 (публ. Б. М. Федорова). Сведения по истории публикации см. выше в примеч. к стих. «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...»), с. 619—620.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция — по Вс (с поправками 1825 г.).

Датируется 1816 г., согласно помете в ЛТ.

Строфика песни (восьмистишия двустопного дактиля; единственный образец такой строфы у Пушкина) находится в зависимости от «Пуншевой песни» («Punschlied», 1803) Ф. Шиллера, аналогичной по теме (см.: Томашевский. Строфика П. С. 108). В самом тексте точек соприкосновения нет. Пушкину приписывался и прямой перевод из Шиллера («Пуншевая песня»); атрибуция эта была отведена Н. О. Лернером (см.: Венг. Т. 1. С. 318—320).

При жизни Пушкина перепечатывалось в песенниках пять раз (1828—1836; см.: П. в печати, по указ.).

С т. 11—12. *Браней забаву Любит не я.* — В Посм. эти строки были исправлены на «Браней забаву Любить нельзя». Близкое чтение встречается в ряде списков («Бранной забавы Любить нельзя» — Даш, Квл; «Браней забаву Любить нельзя» — Нейш$_1$; ср. также: «Браней забаву Ищет не я» — Грч). Эти разночтения, несомненно, попытка читательского прояснения непривычного синтаксического оборота. Чтение Посм. было оспорено С. П. Шевыревым, указавшим на правильное чтение, сохраненное, в частности, первой публикацией в ПОМ 1827 (см.: Москвитянин. 1841. Кн. 9. С. 251); насмешливая реплика Н. Г. Чернышевского в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (см.: Совр. 1855. Т. 55. С. 104; *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 108) по поводу поправки Шевырева («Этой поправки хвалит не я») не имела под собой достаточных оснований. См.: АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 258—259.

ПОСЛАНИЕ ЛИДЕ

(«Тебе, наперсница Венеры...»)

(С. 218 и 383)

Автограф (в Лицейской тетр. (ЛТ)) — с датой: «(1816)»; текст 1817 г. дважды просматривался В. А. Жуковским, отметившим в первый раз на полях ст. 2, во второй раз — ст. 5 и 16; в 1819 г. при отборе стихотворений для печатного сборника Пушкиным у заглавия сделана помета: «Не надо». Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 242 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 252 (в виде вариантов; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 55. Описание и транскрипцию см.: Фатов. С. 29—30. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Копии:

1) Тетр. Матюшкина (Мат). Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 244 (в виде вариантов); Акад. Т. 1. С. 400 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 (Дол$_1$). Копия воспроизводит текст СН.

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 (Дол$_2$). Копия воспроизводит текст СН.

Впервые: СН. 1817. Ч. 2. № 23. С. 310—312, с подписью: «А. Пушкин».

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по СН.

Датируется 1816 г., согласно помете в ЛТ.

Стихотворение построено на одной связующей рифме (на *-он*), повторенной в 30 стихах из 63 (единственный случай в поэтической практике Пушкина). Подобного рода стихи были распространены во французской поэзии (Шапель, Шолье, Грессе, Вольтер); встречаются они и у русских поэтов («Двадцать две рифмы» А. П. Сума-

рокова), в особенности в стихах на заданные рифмы (ср. «Рассуждение о жизни, смерти и любви» В. Л. Пушкина, где имеется 37 стихов с рифмой на *-он*; вошло в СРС. Ч. 5). Н. О. Лернер указал на подражание Пушкина эпиграмме Вольтера «Les Frérons», где в 46 стихах 25 раз повторена рифма на *-оп* (см.: Венг. Т. 1. С. 318).

Тема стихотворения — противопоставление философии киников и стоиков «мудрой вере Анакреонов и Нинон» — и ряд подробностей ее разработки восходят к «Оде II господину аббату Куртэну» («Ode II. A M. L'abbé Courtin» (Odes, livre II; 1707—1710)) Ж.-Б. Руссо (Rousseau, 1670—1741). Подобно Руссо, Пушкин начинает с характеристики адресата; ст. 16—17, 19, 20, 55—56 перефразируют строки оды Руссо (ст. 55—56 соответствуют у Руссо ст. 66—67, где речь идет об Эпиктете). Имена Сенеки, Диогена, Анакреона, Эпиктета, Катона, Зенона также упоминаются у Руссо.

Лида — условно-литературное имя; реальный адресат неизвестен (предположение Т. Г. Цявловской, что это может быть Мария Смит (см.: Госл. в 10 т. Т. 1. С. 608), плохо согласуется с содержанием стихотворения).

Ст. 8—9. *...закон И Аристипов, и Глицеры...* — Аристипп (Аристип; род. ок. 435 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель киренской школы, проповедовавший этику гедонизма; нарицательное обозначение философа-гедониста. Глицера — условное имя, часто обозначающее куртизанку; имя Глицеры (как и Лиды) встречается у Горация.

Ст. 12. *Презрев Платоновы химеры...* — Имеется в виду духовная («платоническая») любовь.

Ст. 15. *Нинон* — Анна Ланкло, известная более как Нинон де Ланкло (Lanclos, 1620—1705), хозяйка знаменитого салона, прославившаяся красотой, умом и любовными связями.

Ст. 17. *Я вижу: хмурится Зенон...* — Зенон (ок. 336—264 до н. э.) — основатель школы стоиков, провозглашавший высшим благом добродетель.

Ст. 19. *И мудрый друг вина Катон...* — По-видимому, здесь имеется в виду не традиционный образец строгости нравов Марк Порций Катон Старший (234—149 до н. э.), а Катон Младший (Утический) (95—46 до н. э.), враг Цезаря, порицавшего его за приверженность к вину (упоминания об этом есть у Плиния Младшего и у Плутарха). См.: *Покровский М. М.* Пушкин и античность // П. Врем. [Т.] 4—5. С. 30.

Ст. 20. *И скучный раб Эпафродита...* — Один из наиболее выдающихся римских стоиков Эпиктет (ок. 50—138) в молодости был рабом вольноотпущенника Эпафродита.

Ст. 37—54. *Люблю я доброго Сократа! ~ Бывал до неба вознесен.* — Образ Сократа (469—399 до н. э.), разрабатывавшего учение о добродетели (в которое входит и обуздание страстей), в стихотворении подвергся травестированию. Утверждение о мнимой «влюбленности» Сократа в жену знаменитого государственного деятеля Афин Перикла Аспазию, известную своей красотой и образованностью, основывается на рассказе Платона (диалог «Менексен») о близком знакомстве Сократа с Аспазией — наставницей его в науке красноречия. Непосредственным источником сведений Пушкина, вероятно, был не сам диалог Платона, а популярное его изложение в биографиях Сократа. Упоминание «бедной» жены Сократа Ксантиппы, которую традиция изображает типичной «злой женой», сварливой и не понимающей философа-мужа, — также пример иронического переосмысления.

Ст. 55—56. *...на милых грозно лая, Злой Циник...* — Имеется в виду Диоген Синопский (ок. 462—323 до н. э.), один из основателей кинической школы, прозванный «собакой» («kyōn»).

Ст. 59—62. *Но, с бочкой странствуя пустою ~ И, воду черпая рукою...* — Наиболее популярны были рассказы о том, что Диоген жил в большой бочке и обходился без посуды.

АМУР И ГИМЕНЕЙ

(СКАЗКА)

(«Сегодня, добрые мужья...»)

(С. 220 и 383)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою А. Д. Илличевского, с подзаголовком: «(Сказка — 1816)» и тремя слоями правки Пушкина: при первом чтении рукописи (в ст. 47) и, по-видимому, при работе над нею в 1818 и 1819 гг.; у заглавия пометы Пушкина: «Переп(исать)» и «7» (порядковый номер среди стихотворений ЛТ, предназначенных для включения в печатный сборник). Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 236—237 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 246—247 (в виде вариантов ранней редакции; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 53—54. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Всеволожского (Вс) — с подзаголовком: «Сказка», пометой «№» и отчеркиванием ст. 3—4 на полях, зачеркнутой припиской Пушкина (чернилами) 1825 г.: «Напечатать? В Смесь» — и его правкой карандашом, дающей редакцию Ст 1826, после чего все стихотворение перечеркнуто; дата: «1816» и номер «3», означающий место стихотворения в отделе «Смесь», поставлены Л. С. Пушкиным, который обвел чернилами поправки поэта в ст. 7, 9—10, 17—18 окончательной редакции. Текст Вс (после поправок) совпадает со Ст 1826 во всем, кроме ст. 30, по-видимому пропущенного переписчиком Вс и восстановленного в печатном издании. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 22—23 и 49—50 (публ. Б. В. Томашевского).

3) Тетр. из архива Кавелина (Квл). Текст, представляющий собою промежуточную редакцию между ЛТ и Вс.

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг). Промежуточная редакция; текст почти идентичен Квл.

5) Собр. стих. 1836 (отдел «Разные стихотворения»).

Копия в Цензурной рукописи Ст 1826 (ЦР) (оглавление которой Плетнев послал Пушкину при письме от 26 сентября 1825 г.) утрачена. В этом оглавлении сказка «Амур и Гименей» стоит десятой в отделе «Разные стихотворения» с датой: «1816».

Впервые: Ст 1826. С. 66—68 (отдел «Разные стихотворения»; в оглавлении подзаголовок: «Сказка» и дата: «1816»). Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 22—25 (отдел стихотворений 1816 г.; подзаголовок в оглавлении отсутствует).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по ЛТ с учетом исправления в ст. 47; поздняя редакция — по Ст 1829 с приближением орфографии и пунктуации к Вс.

Датируется 1816 г., согласно пометам в ЛТ, Вс, оглавлении ЦР, Ст 1826 и Ст 1829.

Стихотворение принадлежит к широко распространенному в XVII—XIX вв. во французской и русской литературах жанру «сказки» («conte») — новеллистического повествования в стихах, иногда с мифологическим сюжетом. Является как бы продолжением и развитием басни Ж. Лафонтена «Амур и Безумие» («L'Amour et la Folie»), где Безумие лишило зрения Амура и в наказание должно было водить слепца (см.: Томашевский. П. и Франция. С. 226). Басня Лафонтена переводилась в России А. П. Сумароковым («Любовь и Дурачество», 1769), П. П. Сумароковым («Лишенный зрения Купидон», 1791), Д. И. Хвостовым («Любовь и Дурачество», 1802); повесть П. П. Сумарокова была популярна и вошла в СРС (Ч. 3; под заглавием: «Амур, лишенный зрения»). В русской традиции «Folie» Лафонтена передавалось как «Дурачество» (ср. у А. П. Сумарокова, Хвостова и Пушкина). Сопоставление (нередко противопоставление) Амура и Гименея (любви и супружества) обычно для французской поэзии XVII—XIX вв. (ср. поэму Ф. де Башомона (Bachaumont, 1642—1702) «Раздор Амура и Гименея» (XVII в.), «Замóк» Вольтера и т. д.; в указанных произведениях

безосновательно искали источник пушкинской «сказки» (см.: АН 1899. Примеч. С. 237—240 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 247—250; Венг. Т. 1. С. 316; Алексеев. П. и мировая лит. С. 529); есть эта тема и в русской традиции — у Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева и др. (см.: *Чубукова Е. В.* «Амур и Гименей»: (Творческая история лицейской сказки Пушкина) // Врем. ПК 1980. С. 89—94)). Начиная со сказки «Амур и Гименей» в творчество Пушкина 1820-х гг. входит тема непримиримости любви и брачных уз (см.: *Ходасевич В.* «Амур и Гименей» // Русский современник. Л.; М., 1924. Кн. 2. С. 216—230); самый облик Гименея травестирован; ни его сниженная обрисовка, ни пародийная генеалогия в поздней редакции («сын Вулкана молчаливый») не соответствуют мифологическому канону (Гимен — сын Диониса и Афродиты или, по другой версии, Аполлона и одной из муз — изображался стройным нагим юношей, строгого вида, с факелом и венком); в травестированном Пушкиным мифе Вулкан символизирует мужа-рогоносца, хромого и безобразного.

ФИАЛ АНАКРЕОНА

(«Когда на поклоненье...»)

(С. 223 и 385)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою А. М. Горчакова, с датой: «(1816)», с пометами В. А. Жуковского и тремя слоями правки Пушкина: а) первоначальные исправления; б) переработка отмеченных Жуковским (который читал текст летом 1817 г.) ст. 6—7 (на полях — его вариант: «Его наполнил Бахус»), 20, 22 (подчеркнуто слово «ручка»); в) новый вариант ст. 25, записанный Пушкиным на полях и представляющий собой, по-видимому, попытку учесть новое замечание Жуковского (подчеркнуто слово «шипящих»), которое могло быть сделано не ранее июля 1818 г. (с 4 октября 1817 г. по июнь 1818 г. Жуковского не было в Петербурге). По-видимому, в 1819 г. при отборе стихотворений для печатного сборника Пушкиным у заглавия сделана помета: «Не надо». Напечатано: Мор. 1887. Т. 1. С. 126—127; АН 1899. С. 187—188; Примеч. С. 240—241 и АН 1900—29. Т. 1. С. 175—176; Примеч. С. 251 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 54.

2) А. М. Горчакова (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 71) (Г) — с подписью: «П».

3) Сб. стихотворений лицейских поэтов из архива Горчакова (Гор) — ст. 1—18.

4) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 363—364 (по ТЖ); РП. С. 85—86 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

5) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф). Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 244 (в виде вариантов); Акад. Т. 1. С. 402 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского). Текст идентичен Ник.

6) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$). Текст идентичен первоначальному тексту ЛТ.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 363—364.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция — по ЛТ с учетом правки.

Датируется 1816 г., согласно помете в ЛТ.

Свободная вариация отдельных мотивов и образов анакреонтической лирики (см. выше примеч. к стих. «Гроб Анакреона», с. 662—663). О глубоком бокале Анакреона идет речь в одах XVII и XVIII («На серебряный бокал»; Anacreontea, 3 и 4). Облик «коварного Эрота», по предположению М. А. Цявловского (см.: Цявловский. Коммент.), соотносится с образом Эрота, вымоченного дождем и направившего стрелу в своего спасителя, в оде III («На Эрота»; Anacreontea, 31), перевод которой вошел в «Риторику» Ломоносова («Ночною темнотою...», 1747). Стих (безрифменный трехстопный ямб) соответствует греческому подлиннику.

К Ш(ИШК)ОВУ

(«Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...»)

(С. 225 и 385)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ) — под заглавием: «К Ш-ову». Текст рукою неизвестного, с обильной правкой Пушкина, относящейся к 1817—1819 гг.; у заглавия помета: «Надо», сделанная тогда же, при отборе стихотворений для печатного сборника. Первоначальный текст дает первую редакцию стихотворения, текст с поправками — вторую редакцию. Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 318—319 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 328—330 (в виде вариантов к тексту Ст 1826; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 66—68. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. из архива Кавелина (Квл) — под заглавием: «К Шишкову».

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — под заглавием: «К Шишкову».

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «К Шишкову».

5) Отдельный лист в архиве П. Е. Щеголева (ПД, ф. 244, оп. 4, № 178) ($Щег_1$) — под заглавием: « К Шишкову»; вместе с копией стихотворения «Дельвигу» («Любовью, дружеством и ленью...»).

6) Собр. стих. 1836 (отдел «Послания») — под заглавием: «Ш***ву».

Копии 2—5 отличаются лишь в нескольких стихах и дают одну редакцию стихотворения, близкую к окончательному тексту ЛТ. Ст. 9—22 этой редакции опубликованы Е. И. Якушкиным в статье «По поводу последнего издания сочинений Пушкина» (см.: БЗ. 1858. Т. 1. № 10. Стб. 318) по неуказанному источнику. Текст совпадает с Квл, $Дол_2$ и $Щег_1$.

Копии 2, 3, 5 напечатаны: Акад. Т. 2. С. 515 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: Ст 1826. С. 147—148 (отдел «Послания», под заглавием: «Ш***ову» (в оглавлении: «Ш***ву») и с датой: «1816»). Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 26—27 (отдел стихотворений 1816 г.), под заглавием (в тексте и оглавлении): «Ш***ву».

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по ЛТ (до поправок) с учетом лишь поправок в ст. 1 и 55, относящихся к лицейскому времени; поздняя редакция — по Ст 1829, в обоих случаях — с раскрытием адресата в заглавии. Фамилия А. А. Шишкова раскрыта Ефремовым в Ефр. 1880. Т. 1. С. 526.

Датируется 1816 г., согласно Ст 1826 и Ст 1829.

Адресат послания — Александр Ардалионович Шишков (1799—1832), племянник А. С. Шишкова, получивший воспитание в его доме, поэт романтической ориентации и переводчик немецких романтиков (Л. Тик, З. Вернер и др.), а также Гете и Шиллера; автор сборников стихов «Восточная лютня» (1824), «Опыты Александра Шишкова 2-го, 1828 года» (1828), создавших ему устойчивую репутацию подражателя Пушкина. Испытал сильное воздействие гражданской поэзии. За политическое вольнодумство Шишков был дважды арестован (в 1826 и 1827 гг.) и сослан под строгий надзор в Динабург (1827), а затем в Тверь; был убит во время случайной ссоры. 19 декабря 1832 г. С. Л. Пушкин сообщил О. С. Павлищевой о безвременной гибели «молодого Шишкова, очаровательного поэта, которому когда-то Александр посвятил послание» (ЛН. Т. 16—18. С. 781). С 10 января 1816 г. Шишков, в это время армейский поручик, был переведен в Гренадерский императора австрийского полк, расположенный в Царском Селе (с 23 марта 1817 г. — штабс-капитан; с 27 июля 1817 г. — штаб-ротмистр Литовского уланского полка — см.: Декабристы: Биогр. Справочник / Изд. подгот. С. В. Мироненко. М., 1988. С. 201). К этому времени относится знакомство его с Пушкиным и другими лицеистами, в частности с В. К. Кюхельбекером (см.: *Шадури В.* Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951. С. 352); в письме 1823 г. Пушкин называет его своим

«царскосельским товарищем»; позднее (1831), посылая Пушкину т. 1 своего «Избранного немецкого театра» (М., 1831), сам Шишков говорил о себе как о «товарище детских лет» и «отчасти бурной молодости» Пушкина (Акад. Т. 14. С. 231).

Стихотворение, как явствует из его содержания, является ответом на не дошедшее до нас послание Шишкова к Пушкину. Ранние стихи Шишкова не сохранились, и о его поэтической ориентации в 1816 г. можно судить лишь по скудным косвенным свидетельствам; так, знавший его в ранней юности С. Т. Аксаков сообщал, что Шишков стараниями тетушки, Д. А. Шишковой, получил образование у француза-гувернера и тяготел к антишишковской литературной партии; в 1814 г. он, в частности, хранил у себя список памфлета К. Н. Батюшкова и А. Е. Измайлова «Певец ⟨...⟩ в Беседе Славено-Россов» (1813) (см.: *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 255, 280—281; ср. также: *Шадури В.* Друг Пушкина А. А. Шишков... С. 51—56). Все это в известной степени объясняет адресацию ему элегического послания Пушкина со следами «арзамасской» поэтической фразеологии. Отзыв Пушкина о его стихах в послании и затем в письме к нему 1823 г. («золотой талант» — Акад. Т. 13. С. 76), по-видимому, носит преувеличенно комплиментарный характер. О Шишкове и Пушкине см. также: Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1. С. 398—399; Черейский. С. 500.

Послание «К Ш⟨ишко⟩ву» содержит декларативный отказ от тем лирики 1814—1815 гг., пересматриваемых с «элегических» позиций; в нем намечается тема «охладевшего» элегического героя (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 95).

Ст. 4. *Где нежился Шолье с Мелецким и Парни?* — В поздней редакции: «Тибулл, Мелецкий и Парни». Традиционный набор эмблематических имен, обозначающих гедонистическую и эротическую поэзию (см. примеч. к ст. 98 стих. «Моему Аристарху» и ст. 20 «Любовь одна — веселье жизни хладной...», с. 667, 733). Мелецкий — Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752—1829); считался образцовым автором любовных песен и романсов; его высоко ценили Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев, а вслед за ними и «арзамасцы»; в «Моих пенатах» К. Н. Батюшкова он помещен рядом с И. Ф. Богдановичем и Дмитриевым. В «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (1816) Батюшков упоминал «вдохновенные страстью песни Нелединского» (ср. в его же письме к Н. И. Гнедичу от 29 мая 1811 г.: Нелединский — «счастливый Шолио и Анакреон нашего времени») (см.: *Батюшков К. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 34, 212; Т. 2. С. 174; «Арзамас» 1994, по указ.). К моменту написания стихотворения Пушкин видел Нелединского, посещавшего Лицей (см. письмо А. Д. Илличевского к П. Н. Фуссу от 20 марта 1816 г. — Грот. Пушк. лицей. С. 65), а возможно, был уже знаком с ним и лично, написав по его просьбе стихотворение «Принцу Оранскому» (май 1816 г.; см. выше примеч. к этому стих., с. 686—687).

Ст. 50. *Меня бы выслушал и девственный К⟨озлов⟩.* — Фамилия впервые раскрыта: КН. Т. 1. Василий Иванович Козлов (1793—1825) — поэт, журналист и критик, в 1816 г. — один из ближайших сотрудников П. П. Пезаровиуса по изданию «Русского инвалида», где печатались его многочисленные обзоры текущей русской и западноевропейской (английская, немецкая, французская) литератур, рецензии, хроникальные заметки. До 1812 г. жил в Москве. Сын купца, получивший хорошее образование (отзыв Пушкина о нем как о «невежде» в письме к Л. С. Пушкину от 21 июля 1822 г. совершенно несправедлив), Козлов уже в 1810—1812 гг. вошел в круг московских карамзинистов (М. Н. Макаров, Б. К. Бланк, П. И. Шаликов) и систематически печатал статьи и стихи в «Друге юношества», «Журнале драматическом» М. Н. Макарова, «Аглае» Шаликова, выступая как эпигон сентиментальной поэзии; в статьях его этого времени есть выпады против писателей, «злоупотребляющих» своим дарованием, погрешая против правил строгой нравственности, и декларации типа: «Клянуся ничего такого не писать, Что надлежало бы от граций мне скрывать» (Аглая. 1812. Ч. 14. № 3. С. 25). В Москве Козлов был знаком и с семьей Пушкиных; в письме к Шаликову от 5 апреля 1824 г. он писал: «Вы увидите в Москве добрых, истинных друзей моих: С. Л. Пушкина и его семейство. Поклонитесь им от меня и

скажите, что я живо чувствую потерю приятного их общества» (Дамский журн. 1831. № 2. С. 31; ср.: *Каллаш В. В.* Мелкие заметки о Пушкине // Лит. вестн. 1901. Кн. 4. С. 408). Характерная для сентиментализма литературная ориентация на «вкус дам» сочеталась у Козлова с тяготением к светскому обществу; это было для него способом социального самоутверждения и принимало иной раз гипертрофированные формы (в письме Пушкина брату от января—начала февраля 1824 г. есть ироническое упоминание о Козлове, которому «льстят и петербургские знакомства», — Акад. Т. 13. С. 86). Пассаж о Козлове свидетельствует, что личность его известна и адресату: Козлов был знаком с Д. А. Шишковой, которая позднее представила его и А. С. Шишкову; по-видимому, с начала 1817 г. он начинает посещать дом Шишковых, вначале раз в месяц, затем раз в неделю (ср. письмо его к Шаликову от 26 июля 1817 г. — Дамский журн. 1829. № 48. С. 135—136).

С т. 59. *И полно мне писать.* — В литературе высказывалось предположение, что этот стих — парафраза концовки сказки И. И. Дмитриева «Два голубя» (1795): «Ужель прошла пора столь милых обольщений И полно мне любить?» (см.: *Никольский Б. В.* Академический Пушкин // ИВ. 1899. № 7. С. 211).

Другие редакции и варианты

С т. 46—48. *Простите мне мой страшный грех, поэты ~ Кадилом дерзостным я счастию кадил.* — Речь, по-видимому, идет о стихах «Боже! царя храни!..» или, что менее вероятно, «Принцу Оранскому» (см. примеч. к этим стих., с. 784, 686—687).

ПРОБУЖДЕНИЕ

(«Мечты, мечты...»)

(С. 228 и 387)

Автограф (в Тетр. Капниста (Кап), л. 1—1 об.) — с заглавием: «Элегия I (1816). Пробуждение». Первоначальный текст близок к тексту первой публикации; ст. 21—23 подверглись переработке, дающей окончательную редакцию. Хранится в Королевской библиотеке в Копенгагене (собрание Г.-К. Андерсена); фотокопия: ПД, ф. 244, оп. 1, Прил., № 6; факсимильное воспроизведение: *Брауде Л. Ю.* Автограф Пушкина в архиве Г.-К. Андерсена // ПИМ. Т. 1. Вкл. между с. 360 и 361.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукой неизвестного, с датой: «(1816)» и пометами Пушкина у заглавия: «1» (порядковый номер среди стихотворений ЛТ, предназначенных для включения в печатный сборник) и «Не над⟨о⟩» (при новом обращении в 1819 г. с целью отбора стихотворений для печатного сборника). Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 286 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 296 (ст. 21—23; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 59.

2) Тетр. Всеволожского (Вс) — с датой на полях: «1816» и правкой Пушкина (весна 1825 г.). Между текстами стихотворений «Гроб Анакреона» и «Пробуждение» — карандашная помета: «Цензор врет: эти стихи были уже напечатаны», — по-видимому относящаяся к «Пробуждению»; с нею связаны отчеркивание и помета «NB» против ст. 20—27; на полях стершаяся карандашная надпись: «Эти ⟨*нрзб*⟩»; чернилами приписано: «Напечатаны у Загоскина в стар⟨ом⟩ журн⟨але⟩»; справа у ст. 20—25 намечена их переработка. Поскольку тетрадь не содержит явных следов цензурного просмотра, можно предположить, что текст «Пробуждения» в какой-либо другой рукописи был в частном порядке показан Л. С. Пушкиным цензору Бирукову, и стихи, отмеченные отчеркиванием и знаком «NB», вызвали его возражения. Тогда правку этих стихов можно трактовать как попытку удовлетворить требованиям цензуры (см. об этом: *Томашевский Б. В.* Тетрадь Всеволожского // Лет. ГЛМ. С. 55—56). Позднее стихотворение было зачеркнуто чернилами и карандашом, —

вероятно, потому, что оно содержалось в уже отосланной в Петербург для работы над изданием Кап. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 4, 42 (публ. Б. В. Томашевского).

3) Тетр. Матюшкина (Мат).

4) Альбом Горчакова (Грч).

5) Тетр. из архива Кавелина (Квл).

6) Первый сб. из архива Помяловского ($Пом_1$) — под заглавием: «Сновидение», с пропусками и ошибками копирования.

7) Тетр. Щербакова (Щер).

8) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — текст, восходящий к Вс.

Тексты копий 1, 3, 4, 7 идентичны и совпадают с текстом СН.

Неточная копия, принадлежавшая В. Г. Коноплеву (см.: Дела III Отделения о П. С. 280), утрачена.

Впервые: СН. 1817. Ч. 2. № 25. С. 352—353. Поздняя редакция впервые: Ст 1826. С. 3—4 (отдел «Элегии»). Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 17—18 (отдел стихотворений 1816 г.). Текст, за исключением пунктуации, совпадает со Ст 1826.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по СН; поздняя редакция — по Ст 1829 с приближением пунктуации к Вс и Кап.

Датируется 1816 г., согласно пометам в ЛТ, Ст 1826 и Ст 1829.

Связывается с так называемым «бакунинским циклом» (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650).

По-видимому, к 1819 г. относится разговор Пушкина с П. А. Катениным об этом стихотворении. Ср. в воспоминаниях Катенина: «Помнится, с самого начала спросил он, каковы мне кажутся его стихотворения. Я, по неизлечимой болезни говорить правду, сказал, что легкое дарование приметно во всех, но хорошим почитаю только одно, и то коротенькое: „Мечты, мечты! Где ваша сладость?". По счастию, выбор мой сошелся с убеждением самого автора; он вполне согласился, прибавя, что все прочие он предаст вечному забвению» (П. в восп. Т. 1. С. 184).

При жизни Пушкина перепечатывалось семь раз (1828—1836; см.: П. в печати, по указ.).

КАРТИНЫ

(С. 230 и 388)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Листы из Тетр. Матюшкина (Мтш). Текст первой редакции. Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 243—244 (в виде вариантов к АН 1899 и АН 1900—29. Т. 1).

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст почти идентичен Мтш. Напечатано: БЭ. 1861. Т. 3. № 9. Стб. 273—275 (в виде вариантов к Генн. 1859; публ. П. А. Ефремова).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — с датой: «1827» (дата первой публикации).

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Пастушка». Текст второй редакции.

5) Копия в бумагах А. Ф. Воейкова (РГАЛИ, ф. 88, оп. 1, № 59) — только ст. 1—132; с общим заглавием: «Пастушка» и следующими заглавиями фрагментов: «Картина первая. Жар молодости; Картина вторая. Блаженство; Картина третья. Фавн; Картина четвертая. Утопленница; Картина пятая. Чудо». Текст содержит цензурные пометы П. И. Гаевского, сделанные 23 сентября 1830 г. в связи с предполагавшейся, но несостоявшейся публикацией в «Славянине» (фрагменты I—II перечеркнуты, во фрагменте III отчеркнуты на полях ст. 64—66).

Утраченные копии:

1) М. А. Корфа. Текст второй редакции. Напечатано: Ефр. 1880. Т. 1. С. 113—121.

2) Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф). Копией пользовался П. В. Анненков, указавший на наличие в ней даты: «1816» (см.: Анн. Т. 2. С. 150—151). Текст идентичен $Дол_1$ и Мат.

3) Бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина (Я) — под заглавием: «Фавн и Пастушка», в девяти «главах». Текст второй редакции. Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 10. Стб. 315—316 (ст. 28—47, 64, 130—133, 178—201, недостающие в ПОМ 1827; публ. Е. И. Якушкина).

4) Бывшая в распоряжении Н. В. Гербеля (Герб) — в девяти фрагментах («I. Пастушка; II. Пещера; III. Фавн; IV. Река; V. Чудо; VI. Фиал; VII. Без заглавия; VIII. Очередь; IX. Философ»). Напечатано: Герб. С. 138—139 (ст. 16—21, 89—94).

5) Бывшая в распоряжении В. П. Гаевского ($Г_1$). Текст первой редакции («список лицейского времени»).

6) Бывшая в распоряжении В. П. Гаевского ($Г_2$). Текст позднейшего происхождения. Напечатано (по двум копиям): Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 172—173 (ст. 1—6 и 106—112 первой редакции, совпадающие с Мат).

Впервые: ПОМ 1827. Стихотворения. С. 172—180 (публ. Б. М. Федорова), с подписью: «А. Пушкин» и датой: «1818», под заглавием: «Отрывки из стихотворения „Фавн и Пастушка"» (в оглавлении: «Отрывки из стихотворной картины „Фавн и Пастушка"») (вторая редакция). Опубликованы ст. 1—3 (ст. 4 пропущен), 5—18, 22—27, 48—63 (как особый фрагмент III; фрагмент II выпущен, последние его стихи (48—51) составляют начало фрагмента III и отделены от последующего текста пробелом), 65—129 (ст. 64 пропущен), 134—177, 202—246 (как фрагмент VIII). В ст. 135 опечатка («На ложе нет и сна»). Пропуски ст. 4, 64 — погрешности набора; остальные пропуски — цензурные купюры эротических мест. Купюры восстановлены: БЗ. 1858. Т. 1. № 10. С. 315—316 (публ. В. Е. Якушкина).

В предисловии к альманаху издатель его Б. М. Федоров ссылался на разрешение Пушкина поместить в ПОМ 1827 «некоторые из первых произведений своей Музы», означив «время сочинения их». Разрешение Пушкина, как и авторитетность целого ряда опубликованных Федоровым текстов, подтверждается и другими источниками (см. выше примеч. к стих. «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...»), с. 619—620). Публикация эта, однако, вызвала возражения Пушкина, которые в особенности коснулись «Фавна и Пастушки». Несомненно с ведома Пушкина О. М. Сомов писал в «Обзоре российской словесности за 1827 год»: «Скажем еще слово о стихотворениях, напечатанных в „Памятнике муз". Между ними есть такие, которые написаны были в молодости поэтами, впоследствии прекрасно загладившими сии грехи литературные; есть и такие, которые, может быть, с умыслом были утаены ⟨...⟩ от литературных соглядатаев. Так, еще в „Памятнике муз на 1827 год" напечатаны были отрывки из стихотворения Пушкина „Фавн и Пастушка", стихотворения, от которого поэт наш сам отказывается и поручил нам засвидетельствовать сие перед публикой. Невеликодушно выводить наружу обмолвки покойников, которых всегда должно поминать добрым словом; но выпускать в свет ранние, недозрелые попытки живых писателей против их желания — непростительно» (СЦ 1829. С. 35—36). Сам Пушкин предполагал печатно дезавуировать этот текст, вначале в статье «⟨О публикации Бестужева-Рюмина в „Северной Звезде"⟩» (1829) («г-н Федоров напечатал под моим именем однажды какую-то ⟨?⟩ идиллическую нелепость, сочиненную, вероятно, камердинером г-на П⟨ан⟩аева», — Акад. Т. 11. С. 82), а затем в «Опровержениях на критики» (1830) («В альм⟨анахе⟩, изданном г-ном Федоровым, между найденными бог знает где стихами моими, напечатана Идиллия, написанная слогом переписчика стихов г-на П⟨ан⟩аева», — Акад. Т. 11. С. 157). Эта рекламация не была, однако, Пушкиным опубликована и носила характер дипломатического демарша после истории с «Гавриилиадой» и процессов 1826—1828 гг., в которых фигурировали как политические, так и «кощунственные» и «безнравственные» сочи-

нения Пушкина (см.: наст. т., с. 619—620). Принадлежность стихотворения Пушкину засвидетельствована включением его в авторитетные лицейские сборники (см., например: Анн. Т. 2. С. 150—151); по сведениям Гаевского, несомненно идущим из лицейских кругов, «к стихотворению Пушкина приложены были нарисованные им пером картинки, сообразно с которыми главы назывались» (Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 172). Об автографе «Фавна и Пастушки» («9 картин, из которых только 8 напечатаны») упоминает и Н. А. Маркевич, в 1817—1820 гг. товарищ Л. С. Пушкина по Благородному пансиону: «Я помню, как Левик подарил мне эту тетрадку, собственноручно писанную поэтом. Где делась она? Не знаю» (П. в восп. 1985. Т. 1. С. 158). Как «Картины» стихотворение включено Пушкиным в список конца 1816—начала 1817 г. для издания (см.: Рукою П. 1997. С. 165, 167).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по Мат с исправлением ст. 44 («Туманам свет лиет») по $Дол_1$ (то же чтение и в других источниках); поздняя редакция — по Ефр. 1880. Т. 1. С. 113—121.

В выборе основного источника текста лицейской редакции существуют расхождения. М. А. Цявловский выделял две редакции стихотворения: первую, представленную копиями 1, 2 и утраченными копиями 2 и 5, и вторую, полных копий которой не сохранилось. Наиболее авторитетным текстом второй редакции он считал текст ПОМ 1827, искаженный лишь вынужденными купюрами цензурного происхождения, так или иначе обозначенными издателем Б. М. Федоровым (см. выше). Эту вторую редакцию М. А. Цявловский рассматривал как последнюю лицейскую и печатал в основном корпусе по ПОМ 1827 с восполнением недостающих стихов по публикации В. Е. Якушкина в БЗ. Остальные копии, по его мнению, контаминируют тексты первой и второй редакции ($Дол_2$, утраченные копии Я и Герб, с девятью картинами вместо восьми). Текст первой редакции М. А. Цявловский публиковал в качестве вариантов, датировав его 1814—1816 гг.

Эта интерпретация, закрепленная всеми последующими изданиями, нуждается в уточнении. Первая редакция под названием «Картины» (в списке конца 1816—начала 1817 г. стихотворение также названо «Картины») и с озаглавленными фрагментами (числом восемь), представленная копиями лицейского времени (и восходящими к ним), должна датироваться 1816 г. в соответствии с датой, стоявшей в списке Як—Корф. М. А. Цявловский же, склонный считать ее датой копирования, датировал все стихотворение 1814—1816 гг. Одним из оснований расширительной датировки были соображения В. П. Гаевского и Л. Н. Майкова о содержании и стихе «Фавна и Пастушки», якобы тяготеющих к ранней лирике; соображения эти субъективны и не могут быть аргументом при установлении даты.

Уточнения требует и представление М. А. Цявловского о так называемых контаминированных копиях второй редакции. Им не была принята во внимание копия М. А. Корфа, по которой текст «Фавна и Пастушки» печатал П. А. Ефремов, а затем и Л. Н. Майков (см. выше). Эта полная копия второй редакции стихотворения, под заглавием «Фавн и Пастушка» (в девяти картинах), представляет собой не контаминацию, а последовательную переработку первой редакции, с текстом, идентичным (или почти идентичным) копии Я. Здесь фрагмент VII первой редакции («Очередь») разделен на два («VII. Измена; VIII. Очередь») и выделена тема двойной измены: Лилы первому любовнику — Филону (в прямой связи с этой переработкой дописаны последние три стиха в фрагменте I («Пастушка»), где показано зарождение любви к Филону), и Лиле — второго ее любовника, Палемона. Очевидны и уточнения словесных формул (см., например, исправления в ст. 123—127, 155, 171, 174, 217 первой редакции), исключение слабых или вялых стихов (ст. 89—90, 197—200 первой редакции). Есть основания думать, что эта переработка относится уже к послелицейскому времени: на это как будто указывает дата в ПОМ 1827 («1818») и засвидетельствованный Маркевичем факт распространения в 1817—1820 гг. редакции под названием «Фавн и Пастушка» в девяти картинах.

Все это заставляет критически отнестись к выбору ПОМ 1827 в качестве основного источника текста. Копия, которой располагал Б. М. Федоров, неизвестна; даже не принимая отречения Пушкина от авторства, нет никаких оснований считать, что она была получена из рук Пушкина или что Пушкин санкционировал ее текст. Неизвестно также, какие именно стихи находились на месте вычеркнутого цензурой фрагмента VII. В противоречии с указаниями В. Е. Якушкина М. А. Цявловский не ввел в свою реконструкцию ст. 177—184 первой редакции («Что, Лила, что с тобою? ~ Увы, он изменил!»), считая их принадлежностью контаминированных копий; копия Корфа еще раз показывает ошибочность такого решения.

Датируется 1816 г. (см. выше).

Композиция стихотворения — «картины» эротического содержания — восходит к «Картинам» («Les Tableaux», 1787) и «Превращениям Венеры» («Les Déguisements de Vénus», 1805) Э.-Д. Парни. П. В. Анненков (см.: Анн. Т. 2. С. 150) считал стихотворение переводом или вольным подражанием Парни. Такого же мнения придерживались и некоторые современники Пушкина. Так, Маркевич, один из наиболее значительных русских переводчиков Парни, создававший свои переводы отчасти под воздействием лицейской лирики Пушкина (см.: Франц. элегия), писал: «...„Фавн и Пастушка" ⟨...⟩ это просто слепок с Парни: „C'est l'âge qui touche à l'enfance, C'est Justine, c'est la candeur"» ⟨«Это возраст на грани детства, Это Жюстина, это любовный пламень» — *фр.*⟩ и с его же „Les Déguisements de Vénus". Но как восхищало всех нас это стихотворение Александра Сергеевича. ⟨...⟩ Что за восторг был, когда я начал читать: „И томное дыханье, И взоров томный свет, И груди трепетанье, И розы нежный цвет". Мы не примечали тогда, что Пушкин взмахивал то на приемы Батюшкова, то на приемы Жуковского, например: „О, скоро ль, мрак ночной, С прекрасною луной Ты небом овладеешь? О, скоро ль, темный лес, В тумане засинеешь На западе небес?". Мы не вспоминали и не сличали тогда послания к Воейкову: „О ветер, ветер, что ты вьешься? Ты не от милого несешься? Ты не принес веселья мне". Мы не примечали и таких стихов: „Как вешний *ветерочек*, Летит она в *лесочек*" или „Малютку *бедокура* И ты боготворишь". ⟨...⟩ Публика привыкла к такому слогу, и мы также к нему привыкли, к этим сладостям, к этим словам уменьшительным и усеченным. Но к чему никто не привык, что было для всех ново — это музыкальность, округлость стиха, его благозвучность, непринужденность, легкость, точность выражений, картинность, сила» (П. в восп. 1985. Т. 1. С. 158—159). Все эти сопоставления носят самый общий характер, на что указывали В. П. Гаевский (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 172), П. О. Морозов (см.: Венг. Т. 1. С. 390) и Н. О. Лернер (см.: Там же. С. 314). Л. Н. Майков (см.: АН. 1899. Примеч. С. 232 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 243—245) находил точки соприкосновения с Парни в картине I (ср. любовные предчувствия Жюстины в картине III «Les Tableaux» Парни («Le songe»)), картинах III—IV (сцены появления Фавна и бегства Пастушки (близкая сцена — в картине VI «Les Déguisements de Vénus»)). Против этих сближений возражал Б. В. Томашевский (см.: Томашевский. П. и Франция. С. 83).

Как указал М. А. Цявловский (см.: Цявловский. Коммент.), одним из сюжетных источников «Фавна и Пастушки» является стихотворение Н. М. Карамзина «К Лиле» (1796; перепечатано: СРС. Ч. 5), с близким развитием темы, вплоть до упоминания о любви постаревшей красавицы к сатиру. Эпизод «Фиал» опирается на раннее стихотворение «Блаженство» (см.: наст. т., с. 50—51).

«ЛЮБОВЬ ОДНА — ВЕСЕЛЬЕ ЖИЗНИ ХЛАДНОЙ...»

(С. 242)

Автограф неизвестен. Описание одного из ныне утраченных автографов оставил Л. Н. Майков: «Первую строфу этого стихотворения мы видели в автографе Пушкина на особом листке, с подписью „А. Пуш." и со следующими двумя пометами под

стихами: а) „(продолжение в тетради 7)" и б) „Село Михайловское, июль 1817"; нынешний владелец этого листка нам неизвестен». Согласно Майкову, «помянутый автограф не составляет ⟨...⟩ первоначальной рукописи или чернового наброска, а является лишь списком»; «выставленная на этой рукописи дата означает только время снятия копии» (АН 1899. Примеч. С. 270 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 280, 281). «Тетрадь 7» не сохранилась.

Копии:

1) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 319—321 (по ТЖ); РП. С. 60—61 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст идентичен Ник.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 319—321.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник.

Датируется предположительно 1816 г. Стихотворение не могло быть создано в послелицейский период, так как входит в Ник, где содержатся только лицейские стихи; в цикле элегий, куда оно включено, семь из девяти стихотворений датированы 1816 г.

Стихотворение относят к так называемому «бакунинскому циклу» по содержанию и по нахождению в разделе «Элегии» в Ник (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650).

Ст. 6—8. *Сей быстрый миг поймает на лету ~ Стыдливую преклонит красоту!* — Эти строки перефразированы в ст. 113—116 «Гавриилиады» (см.: *Ходасевич В.* Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. Кн. 1. С. 61).

Ст. 20. *Наследники Тибулла и Парни!..* и след. — Имена Тибулла и Парни традиционно обозначали «певцов любви». Репутация Тибулла как одного из лучших лирических поэтов древности была закреплена в «Лицее» Ж.-Ф. Лагарпа (см.: *Laharpe J.-F.* Lycée... Paris, 1799. T. 2. P. 209—216) и в лицейских лекциях по эстетике П. Е. Георгиевского (здесь он определяется как единственный из древних поэтов, «коего образ чувствования так сопряжен с романическим, что мог бы легко почесться поэтом новейших времен», а сочинения его — как «книга любовников» — см.: *Мейлах Б. С.* Лицейские лекции: (По записям А. М. Горчакова) // КА. 1937. Т. 1 (80). С. 160).

Ст. 33—34. *Но, не нашед блаженства ваших дней, Вы встретили по крайней мере славу...* — По-видимому, реминисценция из поэмы Э.-Д. Парни «La journée champêtre» («Сельский день»); ср.: «Et leur muse, en cherchant l'amour, A du moins rencontré la gloire» (*Parny É.* Œuvres diverses. Paris, 1812. T. 1. P. 141).

Ст. 40. *...над озером седым...* — Царскосельская реалия, повторяющаяся и в других стихах (см. выше примеч. к стих. «Осеннее утро», с. 692).

НАСЛАЖДЕНЬЕ

(«В неволе скучной увядает...»)

(С. 244 и 389)

Автограф (ПД 15; на одном листе со стихотворением «Окно») — беловой, с поправками. Напечатано: АН 1899. С. 215; Примеч. С. 279 и АН 1900—29. Т. 1. С. 202; Примеч. С. 289 (публ. Л. Н. Майкова); Грот. Пушк. лицей. С. 334—335.

Копии:

1) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ).

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 286—287 (по ТЖ); РП. С. 34—35 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф).

4) Первый сб. из архива Помяловского ($Пом_1$).

5) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

Тексты всех копий восходят к окончательному тексту автографа, разночтения — результат ошибок переписчиков.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 286—287.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по автографу с учетом поправок.

Датируется предположительно 1816 г. на том основании, что этим годом датировано в ЛТ стихотворение «Окно». В пользу этой датировки говорит также нахождение стихотворения в $Пом_1$, куда вошли стихи, написанные не позднее этого года, и близость его к элегиям 1816 г. по тональности и элегической ситуации.

«Наслажденье» связывают с увлечением поэта Е. П. Бакуниной (см.: Брюсов. Мой Пушкин. С. 26—27; Acad. в 6 т. Т. 1. С. 674 (коммент. М. А. Цявловского), а также выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650).

ПОГРЕБ

(«О, сжальтесь надо мною...»)

(С. 245 и 390)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Альбом Горчакова (Грч) — с поправкой Пушкина.

2) Сб. стихотворений лицейских поэтов из архива Горчакова (Гор). Напечатано: ГИХЛ 1931. Т. 1. С. 181 (публ. М. А. Цявловского).

3) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ).

4) Тетр. Никитенко (Ник). Текст идентичен ДЛТ. Напечатано: Посм. Т. 9. С. 289 (по ТЖ); РП. С. 36—37 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

5) Первый сб. из архива Помяловского ($Пом_1$).

6) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

7) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

Копии 2, 5—7 дают раннюю редакцию, копии 1 и 4 — текст, исправленный, вероятно, весной 1817 г.

Копии 1, 2, 5, 6 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 422 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 289.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник, с исправлением в ст. 13: «Нам» вместо «Наш» (как исправлено карандашом в Ник и как читается во всех остальных копиях, кроме ДЛТ).

Датируется предположительно 1816 г., так как вошло в $Пом_1$, где нет ни одного стихотворения 1817 г. Перекличка с «Дифирамбом» А. А. Дельвига (см. ниже), написанным 15 апреля 1816 г., заставляет предположить и временну́ю близость обоих стихотворений.

Как общим развитием темы (вино, дающее «мук любви забвенье»), так и некоторыми соприкосновениями в поэтической фразеологии и ономастике «Погреб» сближается с «Дифирамбом (1816, 15 апреля)» Дельвига (см. ниже).

Ст. 11—12. *И портера таится Бочонок выписной.* — Реминисценция из послания К. Н. Батюшкова «К Ж(уковско)му» (1812): «Тебе подносит вины И портер выписной» (ст. 26—27).

Ст. 13—16. *Нам Либер, заикаясь, К нему покажет путь, — Пойдемте все, шатаясь, Под бочками заснуть!* — Ср. в «Дифирамбе» Дельвига: «Либер, Либер! я шатаюсь, Все вертится предо мной...» (ст. 1—2). «Либер» — одно из наименований Вакха, более у Пушкина не встречающееся. Стихотворение Дельвига позднее (возмож-

но, уже в 1820-е гг.) было прочитано Пушкиным с карандашом в руке; сохранился автограф Дельвига с пометами Пушкина (ПД 765 — см.: Рукоп. П. 1937. № 765). В свою очередь, «Дифирамб» Дельвига находится в зависимости от стихотворения В. К. Кюхельбекера «Дифирамб. К Дельвигу» (1815) — перевода «Dithyrambe» (1796) Ф. Шиллера (здесь Вакх также назван «Либером»; в подлиннике — «Bacchus»).

СРАВНЕНИЕ

(«Не хочешь ли узнать, моя драгая...»)

(С. 246 и 390)

Автограф (ПД 18) — запись небрежным почерком на клочке писчей бумаги (см.: Рукоп. П. 1937. № 18). Напечатано: Жизнь искусства. 1924. № 1. С. 13 (публ. Б. В. Томашевского), с воспроизведением.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА).
2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).
3) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

Копия Гербеля, по которой осуществлена первая публикация, утрачена.

Впервые: Герб. С. 128.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1882. Т. 1. С. 487 (в примечании к эпиграммам, как «неудобное в печати», без последнего стиха, со ссылкой на автограф, находящийся у М. И. Семевского). В АН 1899 и АН 1900—29. Т. 1 не включено.

Печатается по СЛС.

Датируется предположительно 1816 г. По поводу датировки нет единого мнения и твердых данных. Традиционно датировалось 1816 г. (в КН и ГИХЛ предположительно). Почерк автографа отнесен Б. В. Томашевским к послелицейскому времени (см.: Жизнь искусства. 1924. № 1. С. 13), что вызвало возражения М. А. Цявловского, указавшего на близость его к почерку «Пирующих студентов» и сославшегося на историю автографа, который хранился у лицеиста А. И. Мартынова; эти данные, а также наличие текста в СЛС заставляют отнести как эпиграмму, так и автограф ее к лицейскому времени.

Эпиграмма опирается на известный эпизод из биографии Н. Буало, рассказанный, в частности, в трактате К.-А. Гельвеция «Об уме» («De l'esprit», 1758): «В „L'Année littéraire" мы читаем, что Буало, будучи ребенком, упал, когда играл на дворе. При падении его курточка поднялась, и индюк клюнул его несколько раз в очень нежную часть тела. Буало всю жизнь страдал от этого, и, может быть, этим объясняется та строгость нравов, та скудость чувств, которые замечаются в его сочинениях, а также его насмешки над женщинами, его насмешливое отношение к Люлли, Кино и ко всей галантной поэзии» (*Гельвеций К.-А.* Соч.: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 329—330).

1817

ПОРТРЕТ

(«Вот карапузик наш, монах...»)

(С. 247)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Матюшкина (Мат). Напечатано: Грот. Пушкин 1887. С. 214.
2) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА).

Тексты идентичны.

Впервые: Грот. Пушкин 1887. С. 214.

В собрание сочинений впервые включено: АН 1899 и АН 1900—29. Т. 1.

Печатается по СЛС.

Датируется по нахождению в лицейских рукописных сборниках и по времени вступления Е. А. Энгельгардта в должность директора — 1816 (не ранее 4 марта)—1817 (не позднее мая) г.

На адресата эпиграммы глухо указал Я. К. Грот («один из лицейских гувернеров» — см.: Грот. Пушкин 1887. С. 213). Речь, несомненно, шла об учителе рисования и гувернере Сергее Гавриловиче Чирикове (1776—1853) — единственном из гувернеров, служившем и при М. С. Пилецком-Урбановиче, и при Энгельгардте; такому раскрытию не противоречат и данные биографии Чирикова. По воспоминаниям М. А. Корфа, Чириков пользовался любовью «за ровный и приятный характер, за обходительность, за некоторое достоинство»; лицеисты не позволяли себе «таких с ним шалостей», на какие они «пускались с другими»; Чириков сочувствовал и их литературным занятиям (см. выше примеч. к стих. «⟨Надпись к дивану⟩», с. 673—674, а также: Грот. Пушкин 1899. С. 233). Вместе с тем «Записка о Лицее» Корфа указывает и на скептические и иронические ноты в отношении личности и занятий Чирикова: «...он был поэт, впрочем, еще более плохой, нежели гувернер и рисовальщик. Еще прежде Лицея он писывал, но, кажется, не печатал, длинные трагедии в стихах, которые ходили и читались у нас в рукописях. Одна была под заглавием „Герой Севера", и кому-то из нас вздумалось это заглавие произведения перенести на самого автора. С тех пор, когда он был в хорошем расположении духа, мы всегда звали его „Героем Севера", и этот собрикет очень льстил его самолюбию» (Грот. Пушкин 1899. С. 233). Ироническое упоминание о «Герое Севера» есть в «Бове» Пушкина (см. примеч к ст. 4—5 этой поэмы, с. 604); эпитет «герой» в применении к Чирикову обыгрывается в лицейских стихах «На именины С. Г. Ч⟨ирико⟩ва» («Пишу не бранному Герою, Не Марсов он — Минервин сын; Не славен в поле он войною, Герой наш — мирный гражданин» — см.: Грот. Пушк. лицей. С. 317); ср. также упоминание «похода на Выборгскую» Чирикова в «национальных песнях» (Там же. С. 237). Эпитет «воин» в ст. 2 эпиграммы, значение которого не вполне ясно, по-видимому, может быть осмыслен в кругу этих ассоциаций.

С т. 2. *Поэт, писец и воин.* — «Писцом» Чириков мог быть назван из-за своей службы (после окончания Академии художеств) в чертежной всего флота в чине коллежского регистратора, а затем в качестве секретаря в Медико-филантропическом комитете, откуда он в 1811 г. перешел в Лицей (см.: *Селезнев И.* Исторический очерк имп. бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея. СПб., 1861. С. 134—135; Летопись 1991. С. 645).

С т. 5. *С Мартыном поп он записной...* — Мартын — Мартын Степанович Пилецкий-Урбанович (1780—1859), надзиратель по учебной и нравственной части («инспектор») Лицея с его основания до лета 1813 г. Характеристику Пилецкого дал Корф: «С достаточным образованием, с большим даром слова и убеждения, он был святошею, мистиком и иллюминатом, который от всех чувств обыкновенной человеческой природы, даже от врожденной любви к родителям, старался обратить нас исключительно — к Богу, и если бы мы долее остались в его руках, непременно сделал бы из нас иезуитов или то, что немцы называют Kopfhänger ⟨ханжа. — *нем.*⟩» (Грот. Пушкин 1899. С. 242). В журнале «Лицейский мудрец» была помещена стихотворная сказка-сатира «Деяния Мартына в аду» и карикатура, высмеивающая клерикализм Пилецкого (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 278, 281—282). В ноябре 1812 г. произошел резкий конфликт Пилецкого с лицеистами, причем наиболее непримиримо были настроены Пушкин, В. К. Кюхельбекер, И. В. Малиновский, Н. А. Корсаков, А. А. Дельвиг, П. М. Мясоедов и К. В. Гурьев, к которым примкнули затем В. Д. Вольховский, А. А. Корнилов и Д. Н. Маслов; через несколько месяцев возмущение по-

вторилось, и Пилецкий вынужден был уйти. Этот эпизод отразился в набросках пушкинской автобиографии («Мы прогоняем Пилецк⟨ого⟩» — Акад. Т. 12. С. 308). См. об этом: *Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 328—331; *Анненков П. В.* А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 37—38; Лет. ГЛМ. С. 467—470; *Мейлах Б.* Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 134—135.

Ст. 6. *С Фроловым математик...* — Степан Степанович Фролов (1765—не ранее 1843) — надзиратель по учебной и нравственной части (1814—1816) и инспектор (1816—1817) Лицея; с 11 января по 4 марта 1816 г. исправлял должность директора (см.: Памятная книжка лицеистов имп. Александровского лицея на 1856—1857 гг. СПб., 1856. С. 64, 67, 78, 95 2-й паг.); с назначением Энгельгардта вновь переведен на инспекторскую должность. В резко иронической «лицейской песне», посвященной Фролову, упоминается о нем как о «математике» («Медали в вечной ты надежде, Ты математиком был прежде» — Грот. Пушк. лицей. С. 236). О Фролове см. также: Черейский. С. 470.

Ст. 7. *Вступает Энгельгардт-герой...* — Егор Антонович Энгельгардт (1775—1862) — директор Лицея с 4 марта 1816 г. по 31 октября 1825 г. Пушкин был одним из немногих лицеистов, сохранивших настороженно-недоброжелательное отношение к Энгельгардту; известны и холодные отзывы Энгельгардта о Пушкине. См.: Черейский. С. 512—513; *Ziegengeist G.* Georg Engelhardt — «Schulmeister zu Zarendorf» (1816—1817) und Mittler Puškins in der deutschen Presse (1824) // Zeitschrift für Slavistik. 1987. Bd. 32. N 1. S. 86—108.

COUPLETS

(«Quand un poète en son extase...»)

(С. 248 и 390)

Автограф (ПД 20) — беловой, с поправками. Напечатано: АН 1899. С. 277—278 и АН 1900—29. Т. 1. С. 243—244 (публ. Л. Н. Майкова). Факсимильное воспроизведение (ст. 1—18): Венг. Т. 1. С. 427.

Копия: Тетр. Матюшкина (Мат). Текст совпадает с автографом после поправок.

Копия в записной книжке Полторацкого, сделанная, по свидетельству Г. Н. Геннади, с автографа Пушкина, утрачена. Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 18 (строфы 1—2); БЗ. 1858. Т. 1. № 22. Стб. 688 (полностью; публ. Г. Н. Геннади).

Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 18 (строфы 1—2); БЗ. 1858. Т. 1. № 22. Стб. 688.

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1859. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется второй половиной (после 10 июля) 1816—первой половиной (не позднее мая) 1817 г. по почерку (близкому к почерку автографов «Надписи в беседке» и «Вот Виля — он любовью дышет...» в ЛА, составлявшейся в середине 1816 г.) и по отсутствию упоминаний об этих куплетах в письме А. М. Горчакова к А. Н. Пещурову от 10 июля 1816 г. В письме Горчаков сообщил о литературном обществе лицейских поэтов, где сочинялись куплеты на заданные слова; как образец он послал Пещурову куплеты «Никак нельзя — ну так и быть...» и «С позволения сказать...». То, что он не упомянул куплеты «Quand un poète en son extase...», позволяет предположить, что к 10 июля 1816 г. они еще не были написаны.

Об обстоятельствах написания стихотворения В. П. Гаевский, со слов товарищей Пушкина по Лицею, рассказывает следующее: «У Теппера ⟨лицейского учителя музыки и пения⟩ каждый вечер собирались по нескольку человек, пили чай, болтали, занимались музыкой и пением. У него же, по воскресеньям, происходили литературные беседы, задавались темы, на которые приготовлялось к следующему воскресенью

несколько сочинений, и таким образом совершались литературные состязания, на которых Пушкин первенствовал. Темы представлялись сами собою, и на одну из таких, заданную при прощанье: jusqu'au plaisir de nous revoir, Пушкин написал в 1817 г. легкие и остроумные куплеты» (Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 385—386). Датировка Гаевского должна быть расширена; его дата («1817 г.») была связана с представлением, что в том же 1817 г. были написаны «Куплеты на слова „С позволения сказать..."» (в действительности они датируются 1816 г.; см. ниже примеч. к этому стих., с. 783). Гаевский привел и французское стихотворное послание, полученное Пушкиным в ответ на его «Couplets»:

Lorsque je vois de vous, monsieur,
Les vers faits avec tant de grâce,
Je me résigne, et de bon cœur,
A vous céder sitôt la place.
Votre talent sans grand pouvoir,
De beaucoup le mien efface.
Je n'en ai vu que la surface,
Mais c'est pour lui dire *au revoir.*

Est-ce avec vous qu'il me convient,
En rimant de rompre une lance?
Si mon courage me soutient,
Phébus me condamne au silence.
Il me dit que j'ai beau vouloir,
Je risque trop en conscience,
Et mes couplets, quoique j'en pense,
Seront *des couplets à revoir.*

Au revoir est un vieux dicton,
Qui jamais ne passe de mode.
S'il est souvent dit sans raison,
Dans bien des cas il est commode.
Un parleur au loin se fait voir
Dont le jargon peu m'accommode:
Pour prévenir sa période
Rien de meilleur qu'un *au revoir!*

(в публикациях Гаевского и К. Я. Грота в ст. 8, по-видимому, ошибочно: «à revoir»; «Когда я вижу ваши, сударь, Стихи, написанные с таким изяществом, Я безропотно и чистосердечно соглашаюсь Уступить вам тотчас же место. Ваш талант без больших усилий Намного затмевает мой. Мне известна лишь его внешность, Но это достаточно, чтобы сказать ему: „До свидания". И подобает ли мне с вами Состязаться в сочинении стихов? Если моя храбрость и поддерживает меня, То Феб присуждает меня к молчанию. Он говорит мне, что я стараюсь напрасно, Я, по совести, слишком рискую, И мои куплеты, что бы мне ни думалось о них, Будут *куплетами, нуждающимися в переделке.* „До свидания" — старая поговорка, Которая никогда не выходит из моды. Даже если часто ее произносят не задумываясь, Во многих случаях она удобна. Издалека виден говорун, Болтовня которого мне мало приятна: Чтобы предупредить его тираду, Нет ничего лучшего, чем произнести: „До свидания"!» — *фр.*).

Авторство этого послания Гаевский приписывал Тепперу. Однако, по утверждению К. Я. Грота, стихи принадлежат Марии Смит (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 346; о ней см. ниже примеч. к стих. «К молодой вдове», с. 746). Возможно, что это свидетельство идет от Ф. Ф. Матюшкина, передавшего Я. К. Гроту автограф; оно тем более правдоподобно, что Мария Смит писала стихи (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 398—399), в то время как о поэтических опытах Теппера нет никаких известий (новейший свод сведений о Теппере см.: *Ступель А. М.* Лицейский учитель музыки // ПИМ. Т. 3. С. 362—377).

К ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА

(«В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...»)

(С. 250 и 391)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА).

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 371 (по ТЖ); РП. С. 89 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

Все копии дают вторую редакцию стихотворения.

Утраченные копии:

1) Тетр. Каверина (Кав) — с пометой под текстом: «11 ноября 824. Калуга». Текст первой редакции, по свидетельству П. П. Каверина, списанный «с оригинала». Напечатано: Щербачев. С. 89.

2) Неизвестного лица на обороте портрета П. П. Каверина (N). Текст первой редакции (см.: Щербачев. С. 153—154).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 371, под заглавием: «К портрету К***».

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по СЛС.

Датируется по реалиям августом 1816—маем 1817 г.: Каверин поступил в лейб-гвардии Гусарский полк 18 августа 1816 г. (см.: *Манзей К.* История лейб-гвардии Гусарского его величества полка. СПб., 1859. Ч. 3. С. 81); СЛС составлялось в июне 1817 г. Есть основания предположить, что стихотворение написано не ранее декабря 1816 г. (см. ниже примеч к стих. «⟨Ноэль на лейб-гвардии Гусарский полк⟩», с. 778).

Адресат стихотворения, Петр Павлович Каверин (1794—1855), — поручик лейб-гвардии Гусарского полка, воспитанник Благородного пансиона при Московском университете, затем Московского и Геттингенского университетов (где учился в одно время с Н. И. и С. И. Тургеневыми); участник Отечественной войны и заграничных походов. Знакомство его с Пушкиным относится к последним годам учебы в Лицее. Человек широких интеллектуальных интересов, тесно связанный с литературными кругами (А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский и др.), Каверин был ценителем поэзии Пушкина и собирателем его неизданных стихов; с другой стороны, он был известен как отчаянный храбрец, бретер и кутила, постоянный участник гусарских попоек и проказ, выпивавший «вместо чаю ⟨...⟩ с хлебом бутылку рому и после обеда, вместо кофею, — бутылку коньяку» (рассказы Я. И. Сабурова — см.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л., 1929. С. 336). Надпись к его портрету отражает как реальные черты личности, так и черты сложившегося в литературе и устной легенде облика «гусара», с его традиционными атрибутами («пунш», воинские подвиги, верность дружбе, любовные победы). В стихотворении есть лексические точки соприкосновения с «гусарской лирикой» Д. Давыдова.

Ст. 1. *В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...* — Ср. в стихотворении Давыдова «Бурцову. Призывание на пунш» (1804): «В них ⟨«стаканах пуншевых»⟩ сокрыт небесный жар. Приезжай, я ожидаю, Докажи, что ты гусар» (ст. 26—28).

Ст. 2. *На Марсовых полях...* — Эта перифраза имеется также у Давыдова в «⟨Элегии VII⟩» («Нет! полно пробегать с улыбкою любви...», ст. 15), читанной в Обществе любителей российской словесности при Московском университете В. Л. Пушкиным 27 января 1817 г. (см.: *Давыдов Д.* Стихотворения. Л., 1984. С. 207 (Б-ка поэта; Большая сер.)).

НА БАБОЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ

(«Прекрасная! пускай восторгом насладится...»)

(С. 251)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА). Очевидно, из этого сборника («наша антология») М. А. Корф в своей «Записке о Лицее» приводит по памяти ст. 3 (изменив его) и 4, не называя автора (см.: Грот. Пушкин 1899. С. 238).

2) Тетр. Никитенко (Ник) — с заглавием: «К Баболовскому дворцу». Напечатано: Якушкин. № 12. С. 576 (по ТЖ); РП. С. 81 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$) — под заглавием: «К Баболовскому дворцу».

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).

Тексты копий идентичны.

Впервые: Якушкин. № 12. С. 576 (по ТЖ).

В собрание сочинений впервые включено: АН 1899 и АН 1900—29. Т. 1.

Печатается по СЛС.

Датируется 1816—первой половиной (не позднее 9 июня) 1817 г. (см.: Летопись. С. 110); в пределах этого периода наиболее вероятны даты: май—начало августа 1816 г. или март—начало июня 1817 г. (см. ниже). Л. Н. Майков (см.: АН 1900—29. Т. 1. С. 242) помещал четверостишие среди стихов 1817 г.; в Акад. (Т. 1. С. 489) датировано 1814—1816 гг.; Б. В. Томашевским отнесено к стихам 1813—1817 гг. (см.: Акад. в 10 т. (2). Т. 1. С. 296).

Смысл четверостишия раскрывается в «Записке о Лицее» Корфа. Оно обращено к Софье Иосифовне Велио (Вельо) (1793—1840), позднее жене генерал-майора А. М. Ребиндера, к которой «очень благоволил император Александр». По рассказу Корфа, император «очень часто бывал у г-жи Вельо, но, сверх того, назначались уединенные свидания в Баболовском дворце. Вот стихи по этому случаю в нашей антологии...» ⟨следует текст⟩ (Грот. Пушкин 1899. С. 238). П. В. Анненков слышал от кого-то «о встрече Пушкина в доме барона Велио, старшая дочь которого была общей любимицей молодежи, государя Александра Павловича, о путешествии их к Баболовскому дворцу, памятником которого осталась неизданная надпись Пушкина» (*Анненков П. В.* А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 43). Семейство Вельо лицеисты начали посещать, по-видимому, не ранее 1816 г. (см.: *Ступель А. М.* Лицейский учитель музыки // ПИМ. Т. 3. С. 368—369). Самый роман Александра I с Софьей Вельо вряд ли относится к июлю—августу 1814 г., когда император весьма редко наезжал в Царское Село (он приехал из-за границы 12 (24) июля и почти все время жил в Петербурге, а 1 (13) сентября вновь уехал за границу — см.: *Шильдер Н. К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 3. С. 248, 264). Весь 1815 г. он отсутствовал и вернулся лишь в ночь на 2 (14) декабря (см.: Там же. С. 358; а также выше примеч. к стих. «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году», с. 648). Постоянные посещения Царского Села Александром начались с мая 1816 г.; 1 июля А. М. Горчаков сообщал Е. Н. Пещуровой, что «государь и государыня приезжают сюда почти каждую неделю и остаются два, три дня и больше» (КА. 1936. Т. 6 (79). С. 187, 190; а также: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 187); с 10 (22) августа до 13 (25) октября 1816 г. Александр I был в поездке по России и в Польше (см.: *Шильдер Н. К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 48, 67). Хронологические рамки возможных встреч в Баболовском дворце суживаются, таким образом, до лета—осени 1816 г. (май—начало августа, октябрь) или весны—лета 1817 г. (март—июнь; ср.: КА. 1936. Т. 6 (79). С. 199; Письма

Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 213—215). 9 июня 1817 г. состоялся лицейский выпуск, после которого Пушкин покинул Царское Село.

Баболовский дворец был построен в 1784 г. в англоготическом стиле на самом краю огромного Баболовского парка в Царском Селе в западной, пустынной его части.

«И ОСТАНЕШЬСЯ С ВОПРОСОМ...»
(С. 252)

Автограф неизвестен.

Копия И. И. Пущина (по-видимому, запись по памяти) — в рукописи «Записок о Пушкине» (Пущ). Единственный источник текста.

Впервые: ПЗ 1861. С. 107 (публ. А. И. Герцена; в составе дополнений к тексту «Записок о Пушкине» И. И. Пущина, напечатанных в первой публикации с купюрами); в России: Ефр. 1880. Т. 1. С. 533 (полностью).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по Пущ.

Датируется зимой 1816—1817 гг. по содержанию и контексту «Записок...» И. И. Пущина, который рассказывает, что экспромт был сочинен во время директорства Е. А. Энгельгардта (вступил в должность 4 марта 1816 г.).

Согласно рассказу Пущина, Энгельгардт с педагогическими целями вводил своих воспитанников в женское общество. «Пушкин клеймил своим стихом лицейских сердечкиных, хотя и сам иногда попадал в эту категорию. Раз, на зимней нашей прогулке в саду, где расчищались кругом пруда дорожки, он говорит Есакову, с которым я часто ходил в паре...» ⟨следует текст⟩ (Пущин. С. 64).

Адресат стихотворения — Семен Семенович Есаков (1798—1831), один из лучших учеников в Лицее. Он принимал участие в литературных занятиях, в журналах лицеистов. М. А. Корф в своем дневнике характеризует Есакова как человека «с светским умом, большою ловкостью, с благородным и твердым характером, с прекрасною наружностью и со многими любезными качествами» (РС. 1904. № 6. С. 552); ср. также очень положительный отзыв Энгельгардта (ПИМ. Т. 3. С. 353).

Ст. 3 — 4. «*Мамзель Шредер с красным носом Милых Вельо не ведет?*» — Речь идет о младших дочерях придворного банкира барона Иосифа Велио (Welho, 1755—1802) и Софьи Ивановны Велио, урожденной Севериной (1770—1839), — Жозефине (ок. 1794—ок. 1820) и Целестине (см.: Черейский. С. 63). Семейство Велио было в родстве с другом Энгельгардта, лицейским преподавателем хорового пения Л.-В. Теппером де Фергюсоном (дочери Велио — его племянницы по жене); все эти дома посещались лицеистами (см.: *Ступель А. М.* Лицейский учитель музыки // ПИМ. Т. 3. С. 367—369; ср. также в письмах А. М. Горчакова упоминание о приглашении его «на вечер к госпоже Велье» 4 июня 1817 г. — КА. 1936. Т. 6 (79) С. 201). Старшая дочь Велио, София, была предметом внимания Александра I (см. выше примеч. к стих. «На Баболовский дворец», с. 740—741). О Жозефине Велио, воспитывавшейся у Теппера, восторженный отзыв оставил П. А. Плетнев, дававший ей уроки около 1810 г.: «Она была удивительное создание по красоте души, сердца и тела»; «...с тех пор я не встречал существа, подобного ей» (Грот. Пушкин 1899. С. 319; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 693). Шредер — гувернантка Велио (см.: РА. 1876. Кн. 3, вып. 10. С. 209).

К КАВЕРИНУ

(«Забудь, любезный мой Каверин...»)

(С. 253 и 391)

Автографы:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Черновой текст ст. 18—22 (л. 61), переработка первой редакции (вероятно, конца 1819 г.). Напечатано: Якушкин. № 3. С. 655 (с ошибками и пропусками); АН 1899. Примеч. С. 358 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 374 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 73. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Отдельный лист, принадлежавший Н. А. Маркевичу (ПД 23). Беловой текст второй редакции (ст. 1—27), с поправками (Мч). Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 356—367 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 372—373 (публ. Л. Н. Майкова). Факсимильное воспроизведение: Рукоп. П. Изд. О. К.

Копии первой редакции:

1) А. Н. Черткова в бумагах А. А. Краевского (ПД, ф. 244, оп. 4, № 186) (Чер) — без заглавия, с датой: «1820».

2) Тетр. Н. Арсеньева в бумагах Д. В. Поленова (Арс).

3) Тетр. Дашкова (Даш) — с датой: «1817».

4) Неизвестного лица из собрания Л. Н. Майкова (Мк).

5) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).

6) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

7) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — ст. 5—11, 18—22.

8) Тетр. Гаевского (Гв).

9) Альбом Щербинина (Щерб) — под заглавием: «Каверину», с датой: «1819».

10) Первая тетр. из собрания Нейштадта ($Нейш_1$) — с подписью под текстом: «А. П.».

11) Сб. Алмазова (Алм).

12) Вторая тетр. из собрания Успенского ($Усп_2$) — текст первой редакции, выправленный позднее по тексту МВ.

Копии второй редакции:

13) Тетр. Шереметева (Шер) — с подписью под текстом: «А. П.». Напечатано: Акад. Т. 1. С. 404 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

14) Тетр. из архива Кавелина (Квл).

Копия поздней редакции:

15) Л. С. Пушкина (ПД 72) — с датой: «(1817)» и поправками Пушкина (видимо, 1828 г.). Поправки опубликованы: Рукоп. П. 1937. С. 30 (публ. Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского). Текст до поправок совпадает с МВ (см. ниже), кроме ст. 11.

Утраченные источники текста:

1) Автограф, принадлежавший П. П. Каверину. Текст первой редакции. Факсимильное воспроизведение: Щербачев. Между с. 215 и 216.

2) Автограф в Тетр. Капниста (Кап), л. 10—11 — с датой: «(1817)» и пометой: «В посл⟨ания⟩». Текст дает третью редакцию стихотворения и совпадает с текстом МВ (см. ниже), кроме ст. 11. Напечатано: Ефр. 1880. Т. 1. С. 185—186, 532 (публ. П. А. Ефремова). Краткое описание см.: Майков. Автографы П. С. 578.

3) Копия в Тетр. Каверина (Кав). Текст, по свидетельству Ю. Н. Щербачева, идентичен автографу, принадлежавшему Каверину (см.: Щербачев. С. 65, 80).

4) Копия, бывшая в распоряжении Е. И. Якушина. Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 11. Стб. 335 (в виде вариантов к Анн.; публ. Е. И. Якушкина).

5) Копия, бывшая в распоряжении Г. Н. Геннади. Напечатано: Генн. 1859. Т. 1. Прил. С. 30—31. Текст идентичен копии из собрания Л. Н. Майкова (см. выше).

Под заглавием «Каверину» вошло в список стихотворений, которые предназначались для Ст 1829, составленный в 1828 г., и (с датой: «1817») в список стихотво-

рений для Ст 1832, составленный в 1830—1831 гг. См.: Рукою П. 1997. С. 179, 194—195.

Впервые: МВ. 1828. Ч. 11. № 17. С. 4—5, под заглавием: «К К. 1817» (в оглавлении: «Послание к К—у»), с подписью: «А. Пушкин», с зашифровкой фамилии в ст. 1 («К—ин») и измененным (см. ниже) ст. 11 (поздняя редакция). Первая редакция впервые: Северная звезда на 1829 год. СПб., 1829. С. 295—296 (без ведома Пушкина; публ. М. А. Бестужева-Рюмина).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9 (поздняя редакция); Анн. Т. 2 (первая редакция).

Печатается по факсимильному воспроизведению автографа в кн.: Щербачев; поздняя редакция вслед за Акад. и последующими изданиями — по МВ с раскрытием фамилии адресата в заглавии и ст. 1 и восстановлением ст. 11 по Кап и первоначальному тексту копии Л. С. Пушкина.

Самим Пушкиным поздняя редакция была напечатана с исправлением в ст. 11 («Усердствуй Вакху и любви» вместо первоначального «Молись и Вакху и любви»). Эта поправка, как и другие (в ст. 2, 13, 16 — см.: Другие редакции и варианты, с. 393), появляется только в копии Л. С. Пушкина и по времени близка к первой публикации. Из всех этих поправок в печатный текст вошла только поправка в ст. 11. Остается неясным, отказался ли Пушкин от остальных поправок в процессе публикации или они возникли уже после нее, например при подготовке ч. 1 Ст 1829 (куда, однако, послание не вошло). Что же касается ст. 11, то во всех современных изданиях правка в нем рассматривается как вынужденная цензурными условиями публикации (предшествующий вариант строки: «Молись и Вакху и любви», зафиксированный ближайшими источниками текста поздней редакции — Кап и копией Л. С. Пушкина (до поправок), не мог быть пропущен цензурой). Восстановление его, таким образом, прямо подсказано авторитетными рукописными источниками; внесение в текст остальных поправок Пушкина не может быть убедительно обосновано.

Датируется 1817 г., согласно пометам в двух автографах, списке стихотворений для Ст 1832 (см.: Рукою П. 1997. С. 194) и МВ. По свидетельству П. П. Каверина, Пушкин прислал ему стихотворение «через несколько дней после сочинения „Ноэля на лейб-гусарский полк"» (см. запись в Тетр. Каверина от 9 ноября 1824 г. — Щербачев. С. 80). «⟨Ноэль на лейб-гвардии Гусарский полк⟩» был написан 22—24 декабря 1816 г., следовательно, датировка может быть сужена до первых чисел января 1817 г.

Написано как объяснение после болезненной реакции Каверина на «⟨Ноэль на лейб-гвардии Гусарский полк⟩» (см. ниже примеч. к этому стих., с. 778). О Каверине см. выше примеч. к стих. «К портрету Каверина» («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...»), с. 739.

Ст. 5. ...*Зенонова ученья*... — См. ст. 17 стих. «Послание Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...») и соотв. примеч. к нему, с. 723.

БЕЗВЕРИЕ

(«О вы, которые с язвительным упреком...»)

(С. 255 и 394)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою неизвестного лица, с позднейшими поправками Пушкина; при отборе стихотворений для печатного сборника у заглавия Пушкиным сделана помета: «Над⟨о⟩». Напечатано: Якушкин. № 2. С. 434 (ст. 15—18); Мор. 1887. Т. 1. С. 170—172 (некоторые стихи введены в текст Тр. МОЛРС); АН 1899. С. 284—286; Примеч. С. 391—392 и АН 1900—29. Т. 1.

С. 259—261; Примеч. С. 392—393 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 75—76. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Всеволожского (Вс). Текст, восходящий к утраченному автографу и датирующийся концом 1819—началом 1820 г. Весной 1825 г. при подготовке Ст 1826 Пушкин перечеркнул стихотворение карандашом. Против ст. 11 на полях поставлен двойной крестик; слова «глухих судеб» подчеркнуты; ст. 19—22 отчеркнуты на полях. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 11—12, 45 (публ. Б. В. Томашевского).

3) Тетр. Шереметева (Шер) — с подписью: «А. П.».

4) Тетр. из архива Кавелина (Квл).

5) Первый сб. из архива Помяловского ($Пом_1$). Текст содержит искажения (в разночтениях не приводятся).

6) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).

7) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

8) Тетр. из архива Голохвастовых (Гол).

9) С. Л. Пушкина (ПД, ф. 244, оп. 4, № 48) (Пуш). Текст на отдельном листе с водяным знаком: «1816»; под стихотворением помета: «Соч. Александра Пушкина». Вероятно, копия сделана для Ал. И. Тургенева, так как хранилась в архиве Тургеневых.

10) Тетр. Жуковского (ТЖ).

Копии 3, 5, 8, 9 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 408—409, 411—412 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копия, бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина (Я), утрачена. Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 11. Стб. 334—335 (в виде вариантов к Анн.; публ. Е. И. Якушкина).

Впервые: Тр. МОЛРС. 1818. Ч. 10, кн. 16. С. 58—61 (публ. В. Л. Пушкина). Текст, занимающий по времени промежуточное положение между ЛТ и Вс, не образует промежуточной редакции. Это подтверждает гипотезу Л. Н. Майкова, что он подвергся правке В. Л. Пушкина (см.: АН 1899. Примеч. С. 391 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 392). При жизни Пушкина перепечатывалось: Собрание российских стихотворений: В пользу юношества, воспитываемого в Учебном округе имп. Виленского университета. Вильно, 1827. С. 344—347.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция — по Вс.

Датируется 1817 г. (до начала марта) на следующих основаниях: стихотворение переписано в ЛТ (л. 27—27 об.) не ранее 8 марта (дата на л. 26 об.) и не позднее 10 марта (дата на л. 32) 1817 г.; отсутствие его в списке стихотворений на рукописи «Пирующих студентов» (см.: наст. т., с. 503—504) позволяет предположить, что к моменту составления списка его еще не существовало.

По сообщению С. Л. Пушкина, Пушкин читал «Безверие» «при выпуске своем на последнем экзамене», проходившем 17 мая 1817 г. (П. в восп. 1950. С. 21). 30 ноября 1817 г. В. Л. Пушкин читал это стихотворение в заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете (см.: Тр. МОЛРС. 1818. Ч. 12: Летописи Общества. Год III. С. 14; ср.: МОЛРС. Ист. зап. Прил. С. 72). А. М. Горчаков писал Пещуровым 5 декабря из Москвы: «Я был на этих днях в одном московском литературном заседании. Читали разные произведения, в том числе пьесу нашего Пушкина, названную „Безверие", прекрасное стихотворение, которое его дядя Василий Львович читал очень плохо» (подлинник по-французски; ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 260; ср.: Летопись 1991. С. 151).

В. П. Гаевский считал, что «Безверие» было написано Пушкиным, «чтоб восстановить себя в мнении Энгельгардта»; он ссылался на отзыв Е. А. Энгельгардта о Пушкине от 16 марта 1816 г.: «Его сердце холодно и пусто, в нем нет ни любви, ни религии»; Гаевскому же принадлежит и осторожное предположение, что «Безверие» написано на заданную тему (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 376—377, 395).

«Безверие» соотносили с «Гимном Богу. (Подражание Томпсону)» В. А. Жуковского (ВЕ. 1808. № 14; перевод фрагмента «A Hymn» из «Времен года» («The

Seasons», 1730) Д. Томсона). Высказывалось мнение, что Пушкин прямо или косвенно полемизирует с основными идеями этого произведения (см.: Цявловский. Коммент.; Благой, I. С. 134—137), однако сходство этих текстов не выходит за пределы общих идей и формул деистической литературы и философии.

Ст. 26. *Ум ищет Божества, а сердце не находит.* — Мысль, позднее подвергшаяся обсуждению в разговоре Пушкина с П. И. Пестелем; ср. запись слов Пестеля в дневнике Пушкина под 9 апреля 1821 г.: «Mon cœur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse» (⟨«Сердцем я материалист, но мой ум этому противится» — *фр.*⟩).

Ст. 62. *Он плачет — но не те потоки слез лиются...* — Высказывалось предположение, что в этой строке — ошибка переписчика; следует: «...но не тех потоки слез лиются...» (см.: *Боровский Я. М.* Незамеченный гипербат у Пушкина: (К тексту стихотворения «Безверие») // Врем. ПК 1977. С. 115—118). При отсутствии автографа лицейской редакции окончательное решение вопроса затруднительно, однако все авторитетные копии в ст. 62 совпадают с ЛТ. Трудно также предположить, что, подвергая правке как раз этот фрагмент, Пушкин не заметил или оставил без внимания важную ошибку в первоначальном тексте. Синтаксическая конструкция копии ЛТ возможна. Все эти соображения заставляют воздержаться от конъектуры в ст. 62.

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ

(«Лида, друг мой неизменный...»)

(С. 260 и 396)

Автографы:

1) ПД 19 — беловой, из собрания Я. К. Грота (АвГр). Текст первой редакции с многочисленными поправками, дающими вторую редакцию. Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 328—329 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 338—339 (в виде вариантов по отношению к ЛТ; публ. Л. Н. Майкова); Грот. Пушк. лицей. С. 330—332.

2) ПД 871 — беловой, из архива А. М. Горчакова (АвГор). Текст второй редакции, с подписью: «Александр Пушкин»; позднее Пушкиным поставлена дата: «1817». Напечатано: Акад. Т. 1. С. 241—242 (публ. М. А. Цявловского). Факсимильное воспроизведение (ст. 1—18): Там же. Между с. 239 и 240.

3) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст черновых набросков нескольких стихов в переработанной редакции (л. 48 об.). Напечатано: Акад. Спр. том. С. 14 (в виде вариантов). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Копии первой редакции (восходят к АвГр):

1) А. Д. Илличевского (ПД, ф. 244, оп. 4, № 51) (Ил) — только ст. 21—40 в их последнем чтении.

2) Тетр. Никитенко (Ник). Текст ст. 1—20 идентичен АвГр, ст. 21—40 — Ил. Напечатано: Посм. Т. 9. С. 347—348 (по ТЖ); РП. С. 75—76 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст идентичен Ник.

Копии второй редакции (восходят к АвГор):

4) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою неизвестного, с датой у заглавия: «1817» и многочисленными поправками Пушкина (правка не доведена до конца); у заглавия поставлен номер «5» (порядковый номер среди стихотворений ЛТ, предназначенных для включения в печатный сборник) и (позднее) сделана помета: «Переп⟨исать⟩». Напечатано: Мор. 1887. Т. 1. С. 162—163; АН 1899. С. 242—243 и АН 1900—29. Т. 1. С. 226—227 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 69—70. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

5) Тетр. Матюшкина (Мат).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 347—348.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по автографу АвГор; поздняя редакция — по ЛТ с учетом правки. Не учитывается незавершенная правка в ст. 26, 28, а также (в отличие от Госл. в 10 т. Т. 1. С. 476) в ст. 34.

Датируется январем—началом марта 1817 г. В АвГор датировано 1817 г.; судя по положению в ЛТ, копия не могла быть сделана позднее 8 марта — даты, проставленной на л. 26 об.

Об адресате стихотворения писал В. П. Гаевский со слов товарищей Пушкина: «В семействе Энгельгардта, состоявшем из жены и пятерых детей, жила овдовевшая незадолго перед тем Мария Смит, урожденная Charon-Larose, вышедшая впоследствии замуж за Паскаля. Весьма миловидная, любезная и остроумная, она умела оживлять и соединять собиравшееся у Энгельгардта общество. Пушкин, который немедленно начал ухаживать за нею, написал к ней довольно нескромное послание „К молодой вдове", напоминающее заглавием и отчасти мыслью эротическое послание Вольтера „À une jeune veuve". Но вдова, не успевшая забыть мужа и готовившаяся быть матерью, обиделась, показала стихотворение своего воздыхателя Энгельгардту, и это обстоятельство было главною причиною неприязненных отношений между ними, продолжавшихся до конца курса. К г-же Смит написаны еще Пушкиным „Слово милой" и „Лиле"» (Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 378). Несколько ранее Пушкин адресовал Смит еще одно стихотворение — куплеты «Quand un poète en son extase...» (см. выше примеч. к ним, с. 737—738). Она же сочинила пьесу, в которой из лицеистов участвовали С. Г. Ломоносов, А. М. Горчаков, Н. А. Корсаков, М. Л. Яковлев и И. В. Малиновский и которая была разыграна у Е. А. Энгельгардта вечером в день выпускного акта 9 июня 1817 г. (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 398—399). О Смит упоминает Н. А. Корсаков в письме к А. М. Горчакову от 19 октября 1817 г: «À propos de jolies, j'ai vu Madame Smith; elle est fraîchement arrivée de la campagne; ah Dieux! quel changement; le teint qui était si beau avant ses couches, est bien changé; in n'y a que le doux son de sa voix qui fait remuer mon cœur et que j'ai reconnu tout de suite; pour bonne elle l'est toujours ⟨par⟩ cette expression angélique qui est répandue sur toute sa personne. Ah! d'honneur j'en suis amoureux, messieurs, je vous en prie de le croire» ⟨«Кстати о хорошеньких: я видел мадам Смит; она только что приехала из деревни; о боги! какая перемена; цвет лица, который был так прекрасен до ее родов, очень изменился; только нежный звук ее голоса тронул мое сердце, и я узнал его тотчас же; особенно милой делает ее ангельское выражение, которое разлито по всему ее существу. О! честное слово, я влюблен в него, господа, прошу мне верить» — *фр.*⟩ (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 125). Письмо Корсакова дает хронологический ориентир: ребенок Смит родился летом 1817 г., следовательно, муж ее в октябре 1816 г. был еще жив, и знакомство Пушкина с «молодой вдовой» могло начаться не ранее ноября 1816 г. (см.: Летопись 1991. С. 646).

Лицейские рассказы, переданные Гаевским, требуют, однако, осторожного отношения: они характеризуют не происхождение замысла, а восприятие уже написанного текста, соотнесенного с внешне похожей жизненной ситуацией, и, как обычно в таких случаях, дают ему упрощенно-биографическое толкование. Лирическая ситуация послания гораздо сложнее и в существенных деталях противоречит узкобиографической интерпретации, равно как и факты истории текста (переработка послания с намерением включить его в сборник). Несомненно наличие в послании ряда литературных мотивов (ср. указанное Гаевским послание Вольтера «Épitre à une jeune veuve» (1759), а также стихотворение Ж.-Б. Руссо «À une jeune veuve»). Л. Н. Майков (см.: АН 1899. Примеч. С. 417—418 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 340—341) и Н. О. Лернер (см.: Венг. Т. 1. С. 372) указывали на близкую разработку мотива возвращения мертвого возлюбленного (мужа) в «Привидении» («Le Revenant») Э.-Д. Парни («Poésies érotiques», livre I); ср. перевод К. Н. Батюшкова «Привидение» (1810). Уже в лицейские годы Пушкину был известен и сюжет о Дон-Жуане, с тем же мотивом. Ни одно из указанных произведений не является, однако, источником стихотворения Пушкина, обнаруживая с ним лишь более или менее очевидные точки соприкосновения.

ЭЛЕГИЯ

(«Опять я ваш, о юные друзья!..»)

(С. 262 и 398)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою И. И. Пущина, с поправками Пушкина, дающими вторую редакцию; у заглавия поставлен крест — знак, что стихотворение требует доработки. Напечатано: Мор. 1887. Т. 1. С. 148—149; АН 1899. С. 233—234; Примеч. С. 311 и АН 1900—29. Т. 1. С. 217—218; Примеч. С. 321 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 65—66. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 314—315 (по ТЖ); РП. С. 57—58 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст идентичен Ник.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 314—315.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция — по ЛТ с учетом правки.

Датируется предположительно началом 1817 г. П. В. Анненков без объяснений поместил стихотворение среди произведений 1816 г. (см.: Анн. Т. 2. С. 134—135); Л. И. Поливанов высказал предположение, что элегия написана в 1817 г., после возвращения Пушкина из Михайловского (см.: Пол. Т. 1. С. 62, 64); однако копия в ЛТ свидетельствует, что стихотворение относится к лицейскому времени: текст переписан в ЛТ, судя по датам на л. 26 об. и 32, между 8 и 10 марта 1817 г.

Вслед за П. И. Бартеневым (МВед. 1854. 2 окт. № 118; перепечатано: *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 79) М. А. Цявловский полагал, что начало элегии говорит о кратковременной отлучке Пушкина из Лицея: «Элегия написана в первых числах января 1817 г., после возвращения Пушкина 1 января из отпуска на рождественские праздники к родным в Петербург, куда он уехал 24 декабря (см. «Ведомости о состоянии Лицея», хранящиеся в ПД). Эта „разлука" и объясняет первые стихи элегии» (Цявловский. Коммент.; ср. также: Летопись. С. 111, где стихотворение датируется 1—5 января 1817 г.). Толкование первых строк как биографической реалии, однако, мало вероятно; скорее всего мы имеем дело с обычным элегическим мотивом возвращения к друзьям (дружбе) после любовного увлечения, нередко (например, у Э.-Д. Парни) образующим лирическую ситуацию. Первые комментаторы «Элегии» — В. П. Гаевский (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 174), Л. Н. Майков (см.: АН 1899. Примеч. С. 311—313 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 322) — находили в ней отзвуки стихотворения Парни «La Rechute» («Poésies érotiques», livre II), отразившегося и в других элегиях лицеиста Пушкина (см., например, выше примеч. к стих. «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...»), с. 262; ср. также: Франц. элегия. С. 613). М. А. Цявловский отрицал прямую связь данного стихотворения с Парни, объясняя черты сходства общностью темы (см.: Цявловский. Коммент.).

Относится к так называемому «бакунинскому циклу» (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...» с. 649—650).

К ДЕЛЬВИГУ

(«Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»)

(С. 264 и 399)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Никитенко (Ник). Вторая редакция (последняя лицейская). Ст. 30—31 дефектны; в ст. 30 недостает середины стиха («Так рано... зрак кровавый»), что,

по-видимому, отражает правку Пушкина в исходном тексте. Ст. 40—41 вписаны по подскобленному. Напечатано: Посм. Т. 9. С. 349—351 (по ТЖ) с конъектурой в ст. 30 («Так рано встретил я и зрак кровавый»; см. о ней: Москвитянин. 1841. № 9. С. 250 (С. П. Шевырев); Гаевский. № 8. С. 375); непосредственно по Ник — РП. С. 77 (публ. М. О. Гершензона).

2) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф). Текст идентичен Ник.

3) Неизвестного из собрания Я. К. Грота (ПД, ф. 244, оп. 4, № 50) (N) — под заглавием: «К Д.» Текст идентичен Ник. Напечатано: Грот. Пушк. лицей. С. 347—348.

4) Тетр. Всеволожского (Вс) — с правкой Пушкина (весна 1825 г.). Текст третьей редакции, возникшей в результате радикальной переработки и сокращения второй (последней лицейской) редакции. Текст после исправлений дает печатную редакцию. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 23—24, 50 (публ. Б. В. Томашевского).

5) Тетр. из архива Кавелина (Квл) — под заглавием: «Дельвигу». Текст соответствует Вс до поправок.

6) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$). Текст идентичен Ник; содержит ошибки переписчика.

7) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$) — с датой: «1816». Текст первой редакции. Напечатано: Акад. Т. 1. С. 412 (в виде вариантов к Ник; публ. М. А. Цявловского); полностью как реконструкция по $Дол_2$ и Я: Цявловский. Статьи. С. 360—362.

8) Вторая тетр. Долгорукова (Долг), две копии: л. 51—52 — первая редакция, под заглавием: «К Д***», с датой под текстом: «816-го года»; л. 39—39 об. — текст, соответствующий Вс до поправок.

9) Отдельный лист в архиве П. Е. Щеголева (ПД, ф. 244, оп. 4, № 178) ($Щег_1$) — вместе с копией стихотворения «К Шишкову» («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...»). Текст соответствует Вс до поправок.

Копия, бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина (Я), утрачена. Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 11. Стб. 332—333 (в виде вариантов к Анн. Т. 2. С. 161—162; публ. Е. И. Якушкина). Текст первой редакции.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 349—351. Поздняя редакция впервые: Ст 1826. С. 149—150 (отдел «Послания»), под заглавием: «Дельвигу» (в оглавлении: «Дельвигу. 1817»; об изменении заглавий в посланиях см. выше примеч. к стих. «К Лицинию. (С латинского)», с. 633). В ст. 2 поздней редакции пропущены слова «и бед»; в ст. 13 — опечатка, повторенная во всех собраниях сочинений Пушкина и исправленная в Акад. («Я мирных звуков наслажденья» вместо «Я лирных звуков наслажденья»); правильное чтение дает Вс (оно поддерживается и историей текста ст. 13). Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 40—41 (отдел стихотворений 1817 г.). Текст идентичен Ст 1826, кроме ст. 2, в который внесено исправление.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3 (поздняя редакция); Т. 9 (лицейская редакция).

Печатается по Ник, с условным восстановлением ст. 30 — по копиям ранней редакции (Я, $Дол_2$, Долг), так как к моменту составления Ник ст. 30 был изменен (см. выше), и ст. 25, видимо случайно отсутствующего в Ник и других копиях, которые восходят к этому источнику (пропуск его приводит к нарушению правила альтернанса и смысловой связи со следующим стихом), — по Я, $Дол_2$ и Долг в соответствии с конъектурой Б. В. Томашевского (см.: Акад. в 10 т. (2). Т. 1. С. 462); поздняя редакция — по Ст 1829 с приближением пунктуации к Вс и восстановлением ст. 13 по Вс. Первая редакция (см.: Другие редакции и варианты, с. 399—400) печатается по копии $Дол_2$, с исправлением по Долг явной ошибки в ст. 26 («Все жизнью вокруг меня дышало»), а также ст. 51, который в обеих копиях читается: «Косой безвременной сраженный».

Датируется 1817 г. согласно пометам в Ст 1826 и Ст 1829. Считается, что это послание («Дельвигу») вошло в список стихов конца 1816—начала 1817 г. для

печатного сборника (см.: наст. т., с. 505), где оно отмечено крестом как требующее переделки (другие интерпретации см.: наст. т., с. 579—580; Рукою П. С. 227; Рукою П. 1997. С. 166). Первая редакция, возможно, относится к концу 1816 г. (ср. помету под текстом в Долг: «816-го года»), вторая (последняя лицейская) — к началу 1817 г. (до апреля, так как не содержит «прощальных» мотивов, которые характерны для стихов, написанных перед выпуском).

В жанровом отношении стихотворение занимает промежуточное положение между посланием и элегией и включает ряд традиционных элегических мотивов, характерных и для других стихов 1816—1817 гг. («увядание» наслаждений юности, отказ от поэтического дара или утрата его, предощущение ранней смерти и посмертного забвения и т. д.; ср. ряд параллелей: Алексеев. П. и мировая лит. С. 171—172). В нем, однако, отразились и реальные литературные взаимоотношения лицеиста Пушкина. Весной 1816 г. он отправил в «Вестник Европы» (с 1815 г. редактировавшийся М. Т. Каченовским) несколько стихотворений, в том числе «Гроб Анакреона» (см. выше примеч. к этому стих., с. 662); ни одно из них напечатано не было, хотя еще в июле ждали их появления. В заметке «От редактора» в июньском номере журнала Каченовский уведомлял, что получает «от благосклонных участников в труде своем» «разного рода письма (вопросные, требовательные и даже понудительные) касательно их пиес, особливо же стихотворений» и, не имея возможности входить в переписку, обращает внимание авторов на ранее объявленное им правило, от которого не намерен отступать (ВЕ. 1816. № 12. Обл.); «правило» это, декларированное Каченовским при вступлении в должность редактора, гласило, что «доставляемые от посторонних особ сочинения будут печатаемы в „Вестнике Европы" только в таком случае, когда содержание их и слог окажутся соответствующими плану сего журнала» (ВЕ. 1815. № 1. Обл.). По предположению М. А. Цявловского, Пушкин писал Каченовскому, пытаясь узнать о судьбе своих стихотворений, и печатный ответ относился в числе других и к нему. Послание «К Дельвигу» явилось следствием этой литературной обиды (см.: Цявловский. Статьи. С. 360). Есть основания предполагать, однако, что отказ в публикации был не единственной причиной конфликта; он сопровождался, по-видимому, каким-то недоброжелательным отзывом, относившимся персонально к Пушкину: намек на это можно видеть в послании «К Жуковскому» («Уж Мевий на меня нахмурился ужасно, И смертный приговор талантам возгремел»), где есть та же тема «гонений» и «зависти», имеющая и литературную генеалогию (см. выше примеч. к этому стих., с. 701). Послание «К Дельвигу» варьирует эту тему в элегическом ключе.

«К Дельвигу» включается в цикл посланий, которыми обменивались друзья, и имеет точки соприкосновения с посланием А. А. Дельвига «Пушкину» («Кто, как лебедь цветущей Авзонии...», 1815) и его же стихотворением «На смерть Державина» (июль 1816 г.), где он предсказал Пушкину великую поэтическую будущность (см. выше примеч. к стих. «К Д⟨ельвигу⟩» («Послушай, муз невинных...»), с. 646). Облик лирического адресата строится в известной мере с опорой на стихи самого Дельвига (см. ниже). В ответном послании «К А. С. Пушкину» (1816 или 1817) Дельвиг утверждал идею поэтического избранничества и прямо отвечал на ламентации Пушкина по поводу «гонений»:

Как? житель гордых Альп, над бурями парящий,
Кто кроет солнца лик развернутым крылом,
Услыша под скалой ехидны свист шипящий,
Раздвинул когти врозь и оставляет гром?

Тебе ль, младой вещун, любимец Аполлона,
На лиру звучную потоком слезы лить,
Дрожать пред завистью и, под косою Крона
Склоняся, дар небес в безвестности укрыть?

Нет, Пушкин, рок певцов — бессмертье, не забвенье,
Пускай Арменuус, ученьем напыщен,
В архивах роется и пишет рассужденье,
Пусть в академиях почетный будет член,

Но он глупец — и с ним умрут его творенья!
Ему ли быть твоих гонителем даров?
Брось на него ты взор, взор грозного презренья,
И в малый сонм вступи божественных певцов
и т. д.
(Дельвиг. Соч. С. 124).

«Арменuус» здесь — Каченовский, с 1811 г. ординарный профессор изящных искусств и археологии Московского университета.

Ст. 2. *Извивы темные двухолмной высоты...* — Перифрастическое обозначение двухвершинного Парнаса.

Ст. 13. *Мой друг, и я певец!..* — Популярная формула, восходящая к преданию об А. Корреджо, воскликнувшем перед картиной Рафаэля: «Anch'io son'pittore» («И я живописец!»); была перефразирована в стихотворении В. Л. Пушкина «К любимцам муз»: «И я известен буду в мире! О радость, о восторг! И я... и я пиит!» (Патриот. 1804. № 4); эти стихи были пародированы М. В. Милоновым в сатире «К моему рассудку» (ПРП. 1815. Ч. 6, кн. 12) и получили особую известность.

Другие редакции и варианты

Ст. 13—19. *Певец! в безвестности глухой ~ В уединении ты счастлив — ты поэт!* — Фрагмент, посвященный Дельвигу, имеет точки соприкосновения с «горацианскими» лицейскими стихами Дельвига, прежде всего с «Тихой жизнью» (между 1814 и 1816 г.), чрезвычайно популярной в лицейской среде; уже самое начало послания отсылает к первым строкам эпода II Горация («Beatus ille, qui procul negotiis»), варьируемым и в «Тихой жизни» («Блажен, кто за рубеж наследственных полей Ногою не шагнет, мечтой не унесется...»). Ср. также в «Тихой жизни» темы «безвестности», «любви» и «дружества»: «Так жизни Дельвига безвестно пролететь. Не плачь, Эмилия! о други! веселиться!» (первая редакция); в поздней (послелицейской) редакции стихотворение еще ближе к пушкинскому посланию и, может быть, прямо на него ориентировано:

Так жизнь и Дельвигу тихонько провести.
Умру — и скоро все забудут о поэте!
Что нужды? я блажен, я мог себе найти
В безвестности покой и счастие в Лилете!
(Дельвиг. Соч. С. 102, 359, 390).

Возможна связь ст. 13—19 и с другими близкими стихами Дельвига, например с ироническим «Подражанием первому псалму» («Блажен, о юноша, кто, подражая мне, Не любит рассылать себя по всем журналам, Кто час любовников пропустит в сладком сне И круг простых друзей предпочитает балам»), стихотворением «Бедный Дельвиг» и пр. (см.: Дельвиг. Соч. С. 107 и др.); характер связи не может быть установлен с определенностью из-за отсутствия точных датировок (1814—1817). Ст. 19 («В уединении ты счастлив — ты поэт!»), возможно, реминисценция из надписи И. И. Дмитриева к портрету П. И. Шаликова: «Янтарная заря, румяный неба цвет; Тень рощи; в ночь поток, сверкающий в долине; Над печкой соловей; три грации в картине — Вот все его добро... и счастлив! он поэт» (Сочинения и переводы И⟨вана⟩ Д⟨митриева⟩. М., 1803. Ч. 2. С. 87; *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стих. Л., 1967. С. 136 (Б-ка поэта; Большая сер.)). Общая концепция поэтической личности Дельвига

будет затем варьирована в «19 октября» (1825) вплоть до строки «Ты гений свой воспитывал в тиши» (ср. ст. 17).

СТАНСЫ
(ИЗ ВОЛЬТЕРА)
(«Ты мне велишь пылать душою...»)
(С. 266 и 401)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою В. К. Кюхельбекера. До передачи тетради на рассмотрение В. А. Жуковскому Пушкин исправил ст. 34. Многочисленные поправки Пушкина, сделанные, по-видимому, в 1819 г., дают вторую редакцию. Имеются пометы рукою Пушкина (начала 1817 г.): рядом с заглавием — «(Из Вольтера)», ниже заглавия — «1817», наверху страницы — «У Илл. списано ⟨?⟩». Напечатано: Мор. 1887. Т. 1. С. 167—168; АН 1899. Примеч. С. 364 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 356—357 (в виде вариантов ранней редакции; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 71. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Неизвестного лица из собрания Я. К. Грота (ПД, ф. 244, оп. 4, № 46) (N) — без подзаголовка, с подписью: «Пушкин». Текст переписан тем же почерком, что и стихотворение «К Делии».

3) Тетр. Матюшкина (Мат) — без подзаголовка.

4) Тетр. Никитенко (Ник) — с подзаголовком: «Из Вольтера». Напечатано: Посм. Т. 9. С. 293—294 (по ТЖ, с изменением порядка слов в ст. 36); РП. С. 28—29 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

5) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф) — с подзаголовком: «(Из Вольтера)».

6) Тетр. Всеволожского (Вс). Текст второй редакции (совпадает с ЛТ после поправок) зачеркнут вместе с заглавием весной 1825 г., когда Пушкин отказался от мысли печатать «Стансы» (первая строфа не зачеркнута, по-видимому, случайно). Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 17, 48 (публ. Б. В. Томашевского).

7) Тетр. из архива Кавелина (Квл).

8) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$) — без подзаголовка.

9) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

Копии 2—5, 8 дают первую редакцию.

Копии 2, 3, 8 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 413 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копия, бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина (Я), утрачена. Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 11. Стб. 333 (в виде вариантов к Анн. (Т. 2. С. 167—168); публ. Е. И. Якушкина). Судя по ст. 3, 4, 9, 11 и 28, эта копия давала вторую редакцию; ст. 24 дает неизвестное чтение, что исключает происхождение текста Я от Вс.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 293—294.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ (до поправок) с учетом лишь поправки в ст. 34, сделанной в начале 1817 г.; поздняя редакция — по Вс.

Датируется 1817 г., согласно помете Пушкина в ЛТ. Написано в январе—мае (не позднее мая, так как вошло в лицейские рукописные сборники).

Стихотворение является переводом широко известных стансов Вольтера «К г-же дю Шатле» («À M-me du Chatelet», 1741).

Текст Вольтера варьирован. Явные следы знакомства (в рукописи) с пушкинским стихотворением обнаруживает перевод тех же вольтеровских стансов, сделанный В. И. Туманским («К Сидевилю» — НЛ. 1825. Кн. 4. С. 142; см.: *Лернер Н. О.*

Заметки о Пушкине. I. К истории «Стансов. (Из Вольтера)» // ПиС. Вып. 29—30. С. 1—4; Заборов. С. 203—204).

ПИСЬМО К ЛИДЕ

(«Лишь благосклонный мрак раскинет...»)

(С. 269 и 402)

Автограф (в Лицейской тетр. (ЛТ)) — с датой: «(1817)»; текст первой редакции с позднейшими поправками, дающими вторую (незаконченную) редакцию. Единственный источник текста. Напечатано: Анн. Т. 2. С. 163—164 (ст. 1—13); Т. 7. С. 54—55 1-й паг. (ст. 14—22); АН 1899. Примеч. С. 368 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 359 (в виде вариантов ранней редакции; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 71—72. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: Анн. Т. 2. С. 163—164; Т. 7. С. 54—55 1-й паг.

В собрание сочинений впервые включено: Анн.

Печатается по автографу.

Датируется 1817 г., согласно помете в ЛТ; написано в январе—мае (не позднее мая, так как предшествует в ЛТ стихотворению «Товарищам», написанному не ранее мая).

В «Письме к Лиде» есть следы чтения двух одноименных стихотворений Э.-Д. Парни — «Записка» («Billet») («Dès que la nuit sur nos demeures...» и «Apprenez, ma belle...» — «Poésies érotiques», livre I, IV и XV). Ср. у Парни в первом из названных стихотворений: «Dès que la nuit sur nos demeures Planera plus obscurément, Dès que sur l'airain gémissant Le marteau frappera douze heures, Sur les pas du fidèle Amour Alors les Plaisirs par centaine Voleront chez ma souveraine...» (<«Лишь только над нашими домами Сгустится мрак парящей ночи, Лишь только по стонущей меди Молоток пробьет полночь, Как следом за верной любовью Наслаждения сотнями Полетят к моей повелительнице» — *фр.*>). См.: Анн. Т. 2. С. 181; Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 173; АН 1899. Примеч. С. 359 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 359—360; Франц. элегия. С. 72—73, 86—87, 611, 613. В заключительных стихах, возможно, отразилась концовка стихотворения Парни «Стихи, вырезанные на коре апельсинового дерева» («Vers gravés sur un oranger») (см.: Французские лирики XVIII века. М., 1914. С. 292).

К ПИСЬМУ

(«В нем радости мои; когда померкну я...»)

(С. 271)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА). Напечатано: Акад. Т. 1. С. 265 (публ. М. А. Цявловского).

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 372 (по ТЖ); РП. С. 89 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

Тексты копий идентичны.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 372.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по СЛС.

Датируется предположительно временем составления СЛС — январь—май 1817 г. (см.: Летопись 1991. С. 126, 647).

СНОВИДЕНИЕ

(«Недавно, обольщен прелестным сновиденьем...»)

(С. 272)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Матюшкина (Мат).

2) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА). Напечатано: Акад. Т. 1. С. 266 (публ. М. А. Цявловского).

3) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 395 (по ТЖ); РП. С. 90 (непосредственно по Ник, публ. М. О. Гершензона).

4) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф).

5) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$) — с подзаголовком: «Из Вольтера».

Тексты всех копий идентичны.

Копии 1 и 3 напечатаны: Грот. К лиц. стих. С. 247 (в виде вариантов).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 395.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по СЛС.

Датируется предположительно временем составления СЛС — январь—май 1817 г. (ср. выше примеч. к стих. «К письму» («В нем радости мои; когда померкну я...»), с. 752). П. В. Анненков и все последующие редакторы датировали стихотворение 1817 г. без каких-либо обоснований.

Стихотворение — перевод-вариация мадригала Вольтера «Принцессе Ульрике Прусской» («À madame la princesse Ulrique de Prusse», 1743). Мадригал пользовался большой известностью и неоднократно переводился (П. П. Сумароковым — 1790, Г. А. Хованским — 1793, Ю. А. Нелединским-Мелецким — 1790-е гг.; см.: *Полторацкий С. Д.* Материалы для словаря русских писателей. М., 1858. Т. 1, тетр. 1. С. 9; *Крамер В. В.* С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина // Врем. ПК 1967—1968. С. 73—74).

ОНА

(«Печален ты; признайся, что с тобой...»)

(С. 273)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА). Напечатано: Акад. Т. 1. С. 267 (публ. М. А. Цявловского).

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 396 (по ТЖ); РП. С. 90 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

Тексты всех копий идентичны.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 396.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по СЛС.

Датируется предположительно временем составления СЛС — январь—май 1817 г. (см. выше примеч. к стих. «К письму» («В нем радости мои; когда померкну я...»), с. 752).

ПОСЛАНИЕ В. Л. ПУШКИНУ

(«Скажи, парнасский мой отец...»)

(С. 274 и 402)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. из архива Кавелина (Квл) — под заглавием: «Отрывок из послания к В. Л. Пушкину». Поздняя редакция.

2) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «В. Л. Пушкину. (Дяде, сочинителю Буянова)». Текст первой редакции.

3) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Отрывок к В. Л. Пушкину». Поздняя редакция.

4) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «Пропущенные стихи в послании „К В. Л. Пушкину"». Ст. 1—54, 76—87 первой редакции.

5) Тетр. Тихонравова (Тих) — под заглавием: «В. Л. Пушкину». Текст первой редакции.

6) Собр. стих. 1836 (отдел «Послания»).

Копия, бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина (Я), утрачена. Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 11. Стб. 335—337 (частично: ст. 1—55 и 76—87, а также варианты к ст. 55 и 59 текста ПЗ 1858; публ. Е. И. Якушкина).

Впервые: ПЗ 1824. С. 234—235, под заглавием: «Отрывок из послания В. Л. П—ну» (вторая (сокращенная) редакция, включающая ст. 55—75), с разночтениями (возможно, ошибками набора) в ст. 17 («Об ком за песни, за дела») и 19 («Кто славит Марса и Темиру»). Вошло в Ст 1826. С. 145—146 (отдел «Послания») и Ст 1829. Ч. 1. С. 38—39 (отдел стихотворений 1817 г.) (в обоих изданиях — под заглавием: «П***ну», в оглавлении: «П***ну. *Отрывок*»; в Ст 1826 в оглавлении дата: «1817»). Первая (пространная) редакция впервые: ПЗ 1858. Кн. 4. С. 265—268.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3 (поздняя редакция); Генн. 1859. Т. 1 (первая редакция).

Печатается по ПЗ 1858 с исправлением по копиям ст. 10 (в ПЗ 1858: «Беллона, Музы и Венера»), ст. 26 (в ПЗ 1858: «Послушай, дядя милый мой»; правильное чтение — в Лон—Полт), ст. 28 (в ПЗ 1858: «Мы к дипломатике косой»; в Я: «Ты (иль) к дипломатике косой»; в Лон—Полт: «Иль дипломатике косой»), ст. 40 (в ПЗ 1858: «И мужа модные рога»; правильное чтение — в Лон—Полт), ст. 54 (в ПЗ 1858: «В известных святцах он достоин»; правильное чтение — в Даш, см. примеч. к ст. 52—54); по Даш восстанавливается ранняя редакция ст. 55 и исправляются ст. 59 (в ПЗ 1858: «И что завидней кротких дней») и 77 (в ПЗ 1858: «Питомца Феба и забав»; правильное чтение — в Лон—Полт и Я). Поздняя редакция печатается по Ст 1829. Ч. 1. С. 38—39, с раскрытием фамилии в заглавии (впервые раскрыта в Анн. Т. 2. С. 187). Разночтения списков в разделе «Другие редакции и варианты» не приводятся как недостаточно авторитетные.

Датируется 1817 г., согласно пометам в Ст 1826 и Ст 1829. Написано, вероятно, в марте—мае. Судя по содержанию, стихотворение является ответом на письмо В. Л. Пушкина, отговаривавшего племянника от поступления в Гусарский полк. Такая переписка могла вестись в последние месяцы пребывания Пушкина в Лицее.

По сообщению П. В. Анненкова, Пушкин накануне выпуска просил у С. Л. Пушкина разрешения вступить в Гусарский полк, где у него было много друзей, но последний «отговаривался недостатком состояния» и соглашался только на один из пехотных гвардейских полков (см.: Анненков. Материалы 1855. С. 42); по сведениям В. П. Гаевского, В. Л. Пушкин и другие родные также не советовали ему поступать в военную службу (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 389).

Ст. 7. *За честь не смеет без стыда...* — В копиях Даш, Лон—Полт и Я: «За честь не может без стыда».

Ст. 10. *Беллона, Муза и Венера...* — Травестийное обыгрывание «святой троицы».

Ст. 13. *Я шлюсь на русского Буфлера...* — Имеется в виду К. Н. Батюшков. Маркиз Станислав де Буффлер (Boufflers, 1738—1815) — поэт, автор стихов в духе «легкой поэзии», гусарский офицер, участник военных кампаний (см. его некролог: РМ. 1815. Ч. 2. № 5. С. 211—215). О военной службе Батюшкова см. выше примеч. к ст. 55—59 стих. «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...»), с. 600.

Ст. 14. *И на Дениса-храбреца...* — Т. е. на Д. В. Давыдова (см. выше примеч. к стих. «Усы. Философическая ода», с. 676).

Ст. 15. *Но не на Глинку-офицера...* — Речь идет о Федоре Николаевиче Глинке (1786—1880), поэте, авторе «Писем русского офицера...» (М., 1815—1816. Ч. 1—8), читавшихся в Лицее; пародийное использование их имеется в № 3 «Лицейского мудреца» (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 201—202).

Ст. 23. *И к Марину для награжденья...* — Сергей Никифорович Марин (1776—1813) — офицер Преображенского полка, автор «домашних» и шуточных стихов, драматург-переводчик и сатирик; член «Беседы любителей русского слова». Упоминание Марина в негативном контексте (см. далее ст. 24—25) связано, по-видимому, с выпадами против сентименталистов в его «Сатире 2» («Любимец нежных муз, питомец Аполлона...» — ДВ. 1808. № 23) и особенно в сатире «М⟨илонову⟩ М⟨арин⟩ здравия желает» (ЧБЛРС. 1811. Кн. 3), где пародийная маска «Ахалкина» могла относиться к Н. М. Карамзину («...вздохами свою наполня томну грудь, Опишет, свойства плакс дав Игорю и Кию, И добреньких славян, и милую Россию» — см.: Поэты-сатирики. С. 194, 657; *Марин С. Н.* Полн. собр. соч. / Критико-биогр. очерк, науч. опис. рукописей; Ред. и коммент. Н. Арнольда. М., 1948. С. 13).

Ст. 24—25. *Быть может, прямо за Коцит Пошлют читать его творенья.* — Парафраза стихов из послания Батюшкова «К Ж⟨уковско⟩му» (1812): «И к вам писать посланья Отправит за Коцит» (ст. 45—46). Коцит (Кокит) — в древнегреческой мифологии одна из рек подземного царства мертвых.

Ст. 27. *...к слепой Фемиде...* — Фемида — в древнегреческой мифологии богиня правосудия, изображавшаяся с повязкой на глазах (символ беспристрастия).

Ст. 29. *Кропай, мой друг, посланья к Лиде...* — См. выше стих. «Послание Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...») и примеч. к нему, с. 218—219 и 722—723.

Ст. 35. *Возьми пример с того поэта...* и след. — Имеется в виду И. И. Дмитриев, к которому В. Л. Пушкин был близок и которому, по-видимому, рассказывал о племяннике (ср. письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу от 9 июля 1817 г. с сообщением о назначенном на 10 июля обеде у В. Л. Пушкина, где будет праздноваться и «выздоровление племянника» (РС. 1903. № 12. С. 713); в это время Дмитриев следил за литературной судьбой А. С. Пушкина — см.: Летопись 1991. С. 156—157; *Макогоненко Г. П.* Пушкин и Дмитриев // РЛ. 1966. № 4. С. 19—36).

Ст. 36—39. *...которого рука Нарисовала Ермака ~ И плен могучего Мегмета...* — Имеется в виду стихотворение «Ермак» (1794) Дмитриева с центральным эпизодом боя Ермака с Мегметом-Кулом, братом Кучума. Позднее Пушкин отзывался о «Ермаке» резко критически (см. черновик письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г. — Акад. Т. 13. С. 381).

Ст. 40. *И мужа модного рога...* — Намек на сказку Дмитриева «Модная жена» (1791).

Ст. 42—43. *Министр и сладостный певец, Был строгой чести образец...* — Дмитриев был министром юстиции в 1810—1814 гг. и отличался крайней строгостью и пунктуальностью в соблюдении законодательства. Упоминание об этом в 1817 г., по-видимому, имело и совершенно конкретный смысл: литераторы, близкие Дмитриеву, постоянно подчеркивали, что именно твердость и неподкупность его на посту министра стали причиной его служебных неприятностей и добровольной отставки. См. очерк В. В. Измайлова «Московский бродяга» (ВЕ. 1814. № 16), где изображен старик, выслуживший чины и ленты «правдою и добродетелью»; за этот очерк Дмитриев особо благодарил Измайлова (см.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.

С. 418, 446—447); о том же упоминает П. А. Вяземский в «Известии о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» (1821—1823) (см.: Вяземский. Т. 1. С. 112, 118) и подробно рассказывает сам Дмитриев во «Взгляде на мою жизнь» (см.: *Дмитриев И. И.* Соч. СПб., 1895. Т. 2. С. 103—144). В конце 1816 г. Дмитриев, бывший в это время председателем комиссии для пособия разоренным от пожара и неприятеля в Москве, вновь навлек на себя неудовольствие высокопоставленных лиц и самого императора; успокаивая его, Карамзин писал ему 25 декабря 1816 г.: «Ты всегда умел быть твердым и гордым от душевного благородства» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 202). Вся эта ситуация была хорошо известна В. Л. Пушкину; в строках послания к нему можно видеть след этих разговоров.

Ст. 52—54. *Смешон, конечно, мирный воин, И эпиграммы самой злой В известных «Святках» он достоин.* — Имеется в виду куплет в «Святках» Вяземского (1814), посвященный Петру Андреевичу Кикину (1775—1834), члену «Беседы...». Будучи в 1812 г. дежурным генералом, не принимал участия в сражениях. В «Святках» о Кикине сказано:

Словесник бессловесный,
Писатель без письма,
Герой, врагам безвестный,
И умник без ума,
Явился Кикин тут: он первый внук победе,
Он муж всех царств и всех времен,
Он в армии беседы член,
А генерал в беседе.

(Поэты-сатирики. С. 162;
ср.: Томашевский. Пушкин, I. С. 178)

«Святки» традиционно считались принадлежащими Д. П. Горчакову (1758—1824); авторство Вяземского, однако, удостоверяется списком А. И. Тургенева и целым рядом свидетельств (см.: *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 67—68, 447—449 (коммент. К. А. Кумпан) (Б-ка поэта; Большая сер.); *Степанов В. П.* Неизданные произведения Д. П. Горчакова // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 113—114 (XVIII век; Сб. 16); *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 337). Несомненно, «Святки» входили в число рукописных сатирических стихотворений Вяземского, упоминаемых в «Городке. (К***)» (см. выше примеч. к этому стих., с. 628). Куплет о Кикине был перефразирован в «арзамасской» речи Д. Н. Блудова в шестом ординарном заседании «Арзамаса» 16 декабря 1815 г.: «бессловесный Кукин» («Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 319; к этому месту есть примечание Вяземского в его копии: «Словесник бессловесный, Писатель без письма, Герой, врагам безвестный, И умник без ума» — см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1888 год. СПб., 1891. Прил. С. 5). Речь Блудова была также известна Пушкину; на нее он ссылался в своих «арзамасских» гекзаметрах («где смерть Захарову пророчила Кассандра» — Акад. Т. 2. С. 463).

Ст. 64. *Как жил бессмертный трус Гораций...* — Имеется в виду ода «К Помпею Вару» (Carmina, II, 7) Горация, где он пишет о своей «трусости» в битве при Филиппинах. В 1835 г. она была переведена Пушкиным («Кто из богов мне возвратил...»).

Ст. 70—75. *Счастлив, кто мил и страшен миру ~ И бранную повесил лиру Меж верной сабли и седла.* — Вероятно, это описание подсказано лирикой и самим литературным обликом Д. Давыдова (ср. его стихотворение «В альбом» («На вьюке, в тороках цевницу я таскаю...», 1811), опубликованное, однако, только в 1832 г.).

В АЛЬБОМ ИЛЛИЧЕВСКОМУ

(«Мой друг! неславный я поэт...»)

(С. 277 и 402)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Матюшкина (Мат). Текст рукою А. Д. Илличевского. Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 248 (в виде вариантов).

2) Тетр. Никитенко (Ник) — с датой: «1817-го 31-го мая». Напечатано: Посм. Т. 9. С. 393—394 (по ТЖ); РП. С. 91—92 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф) — с датой: «1817. Майя 31».

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

Копии 1, 3 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 415 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Автограф, который видел В. П. Гаевский в альбоме Илличевского (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 398), утрачен.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 393—394.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник.

Датируется 31 мая 1817 г., согласно свидетельству В. П. Гаевского о помете в автографе, а также пометам в Ник и Як—Корф.

Адресовано Алексею Дамиановичу Илличевскому (1798—1837), лицейскому товарищу Пушкина, одному из главных участников литературной деятельности лицеистов, начиная с первых рукописных журналов, где он был издателем, редактором, автором эпиграмм, карикатур, басен. С 1814 г. Илличевский начал печататься в «Вестнике Европы», «Российском музеуме», «Северном наблюдателе». В 1811—1813 гг. он успешно соперничал с Пушкиным в поэтическом творчестве и, по-видимому, имел репутацию первого из лицейских поэтов (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 145; Грот. Пушк. лицей. С. 33). В позднейшей заметке об А. А. Дельвиге (1834) Пушкин вспоминал, что «посредственные» стихи Илличевского, «заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки», были предпочтены ранним, но уже зрелым опытам Дельвига и «расхвалены и прославлены как чудо». Несмотря на то что между Пушкиным и Илличевским не было близких дружеских отношений, Илличевский давал лицейским стихам Пушкина неизменно высокие оценки (ср. в письме к П. Н. Фуссу от 16 января 1816 г.: «Дай Бог ему успеха — лучи славы его будут отсвечиваться в его товарищах» (Грот. Пушк. лицей. С. 60)). Об Илличевском см. также: *Гастфрейнд Н.* Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицею: Материалы для словаря лицеистов 1-го курса 1811—1817 гг. СПб., 1912. Т. 2. С. 119—215; Черейский. С. 171.

Стихи написаны накануне выпуска, когда лицейские поэты обменялись посланиями. Послания самого Илличевского до нас не дошли; об одном из них, адресованном И. И. Пущину, где все стихи «кончались рифмой на Пущин», упоминает сам их адресат (см.: Пущин. С. 67). В альбоме Илличевского помимо пушкинского послания были также стихи В. К. Кюхельбекера («В альбом Илличевскому» («Прощай, товарищ в классе...»), 1817 — см.: Кюхельбекер. Т. 1. С. 79—80) и Дельвига («К А. Д. Илличевскому (В альбом)» («Пока поэт еще с тобой...»), 1817 — см.: Дельвиг. ПССт. С. 255).

Ст. 9—12. *Ах! ведает мой добрый гений ~ Бессмертие своих творений.* — Эти стихи при первой публикации вызвали возражение цензора А. В. Никитенко, однако были пропущены цензурным комитетом (см.: *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 237).

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

(«Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»)

(С. 278 и 403)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Неизвестного лица в Остафьевском архиве Вяземских (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5612, л. 247—248) (ОА) (и почти идентичная: РГАЛИ, ф. 195, оп. 3, № 76 ($ОА_1$)). Напечатано: Акад. Спр. том. С. 14—15 (в виде разночтений с основным текстом).

2) Тетр. из архива Кавелина (Квл) — под заглавием: «К.....».

3) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «К Горчакову».

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «К Горчакову».

5) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «Князю А. М. Горчакову».

6) Тетр. Тихонравова (Тих) — под заглавием: «К Горчакову».

7) Первая тетр. из собрания Литературного музея ($ЛМ_1$) — под заглавием: «Послание к Г.—», с подписью: «А. Пушкин».

8) Н. В. Путяты (Пут) — под заглавием: «Послание к...».

Копии 2—4 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 414 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копия в Тетр. Всеволожского (Вс) утрачена (лист вырван, сохранился обрывок с частями слов). Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 20 (публ. Б. В. Томашевского).

Впервые: Совр. 1856. № 11. Отд. V. С. 40—42 (без заглавия; ст. 34 пропущен по недосмотру; публ. М. Н. Лонгинова).

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 7. С. 13—15 1-й паг., под заглавием: «Послание к кн. А. М. Г. (Лицейское стихотворение)»; датировано 1816 г.; ст. 34 восстановлен.

Печатается по Совр. с восстановлением ст. 34 по спискам; заглавие дается по Лон—Полт.

Датируется апрелем—первыми числами июня 1817 г. по содержанию: ст. 1—5 показывают, что стихотворение написано накануне окончания Лицея. Всеми издателями, начиная с Лонгинова, датировалось 1816 г. по первому стиху; уточненная датировка дана М. А. Цявловским (см.: КН. Т. 2. С. 333; ГИХЛ 1931. Т. 2. С. 414). В ст. 1 — неточность, нередкая в лицейской лирике (ср. «Городок. (К***)», ст. 2; «К бар⟨о-нессе⟩ М. А. Дельвиг», ст. 1).

Об А. М. Горчакове см. выше примеч. к стих. «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...»), с. 594—595.

Ст. 30. *И счастья тень, забывшись, обнимать.* — Парафраза элегической формулы Э.-Д. Парни из стихотворения «La Rechute» («Poésies érotiques», livre II, él. 3): «Saisir avec transport des ombres passagères». См.: Франц. элегия. С. 613.

Ст. 43. *Я знал любовь, но не знавал надежды...* и след. — Элегическая тема несчастной любви, возможно, автобиографический мотив, связанный с историей отношений с Е. П. Бакуниной (см. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650).

Ст. 48—54. *Мне кажется: на жизненном пиру ~ В последний раз с любовию вздохнуть!* — Источник этих строк (указанный впервые В. П. Гаевским — см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 177) — чрезвычайно популярные ст. 25—28 из «Оды IX в подражание нескольким псалмам» («Ode IX, imitée de plusieurs psaumes», 1780) Н. Жильбера (Gilbert, 1751—1780): «Au banquet de la vie, infortuné convive, J'apparus un jour, et je meurs: Je meurs, et sur ma tombe, où lentement j'arrive, Nul ne viendra verser des pleurs» (⟨«На жизненном пиру, несчастный гость, Я появился однажды и умираю, И на могилу, к которой я медленно приближаюсь, Никто не придет проливать слезы» — *фр.*⟩). О русских переводах и переложениях

«Оды IX» Жильбера, и в частности ст. 25—26, см.: Франц. элегия. С. 608—609 (примеч. В. Э. Вацуро).

ТОВАРИЩАМ

(«Промчались годы заточенья...»)

(С. 280 и 404)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою А. Д. Илличевского, с датой: «(1817)» и тремя слоями позднейшей правки Пушкина. Напечатано: Мор. 1887. Т. 1. С. 176—177; АН 1899. С. 270—280; Примеч. С. 387 и АН 1900—29. Т. 1. С. 254—255; Примеч. С. 388 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 75. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) И. И. Пущина (ПД, ф. 244, оп. 4, № 6) — две идентичные копии, без заглавия, с подписью: «А. П.». Напечатано (с факсимильным воспроизведением): Искусство. 1923. № 1. С. 311—312 (как автограф Пушкина; уточнение Б. В. Томашевского см.: Жизнь искусства. 1924. № 9 (183). С. 15; ср. также: Атеней. 1926. Кн. 3. С. 159).

3) Тетр. Никитенко (Ник) — под заглавием: «К товарищам перед выпуском». Напечатано: Посм. Т. 9. С. 397—398 (по ТЖ); РП. С. 93—94 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

4) Альбом Горчакова (Грч) — под заглавием: «Прощание».

5) Тетр. Корфа (Корф).

6) Тетр. Щербакова (Щер) — под заглавием: «Товарищам лицейским 1819-го года».

7) Сб. Остафьевского архива № 8 (Ос) — под заглавием: «Прощанье».

8) Тетр. из архива Кавелина (Квл) — под заглавием: «Прощание».

9) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «Прощание».

10) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Прощание», с позднейшими поправками карандашом.

11) Альбом Щербинина (Щерб) — под заглавием: «Прощание».

12) Тетр. Вощинина (Вощ) — под заглавием: «Прощание при выпуске из Лицея».

13) Первая тетр. из собрания Нейштадта ($Нейш_1$) — под заглавием: «Прощание с Лицеем», с подписью: «А. Пушкин».

14) Вторая тетр. из собрания Нейштадта ($Нейш_2$) — под заглавием: «Прощание».

15) Тетр. из собрания Лицейского музея (Лиц) — под заглавием: «Прощание».

16) Вторая тетр. из собрания Забелина ($Заб_2$) — под заглавием: «Прощание с Лицеем», с подписью: «А. П.».

17) Сб. Алмазова (Алм) — под заглавием: «Прощание с Лицеем».

18) Первая тетр. из собрания Успенского ($Усп_1$) — под заглавием: «Послание к товарищам Лицея».

19) Вторая тетр. из собрания Литературного музея ($ЛМ_2$) — под заглавием: «Прощанье с Царским Селом», с подписью: «А. Пушкин».

20) Тетр. из собрания Краевского (Краев) — под заглавием: «Прощание», с подписью: «А. Пушкин».

Копии 6, 9 напечатаны: Акад. Т. 1. С. 416 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Утраченные источники текста:

1) Автограф, подаренный Пушкиным Е. А. Энгельгардту и виденный В. П. Гаевским (см.: *Гаевский В. П.* Дельвиг ⟨...⟩ Статья 2-я // Совр. 1853. Т. 39. № 5. Отд. III. С. 3; Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 398).

2) Копия в Тетр. Каверина (Кав) — под заглавием: «Прощание с Лицеем» (ст. 1—26). Напечатано: Щербачев. С. 111—112 (в виде вариантов к тексту Ефр. 1887. Т. 1).

3) Копия в Тетр. Каверина (Кав) — ст. 27—34, выписанные как отдельное стихотворение под заглавием: «Красный колпак». Напечатано: Щербачев. С. 112—113 (в виде вариантов к тексту АН 1900—29. Т. 1).

4) Копия, бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина (Я), — под заглавием: «Прощание с Лицеем». Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 11. Стб. 333—334 (в виде вариантов к Анн.; публ. Е. И. Якушкина).

Согласно мнению М. А. Цявловского, наиболее ранний текст дает Ник, следующий по времени — текст ЛТ (до поправок). По его предположению, между текстом ЛТ с поправками и текстом, который мог находиться на утраченных листах Вс (см.: Лет. ГЛМ. С. 40) и реконструировался Цявловским по Даш, была еще какая-то редакция, получившая широкое распространение (копии Грч, Ос, обе Кав, Я, а также ряд копий меньшей авторитетности; см.: Акад. Т. 1. С. 481). В соответствии с таким представлением в Госл. в 10 т. поздняя редакция печаталась по копии Даш под заглавием: «Прощанье» (Т. 1. С. 434—435). Разночтения копий не дают, однако, достаточных оснований говорить о нескольких самостоятельных редакциях; не вполне ясна и хронология исправлений, носящих стилистический и, по-видимому, альтернативный характер (с возвращением в иных случаях к отвергнутым ранее вариантам). Установленная М. А. Цявловским последовательность движения текста, таким образом, остается проблематичной, что заставляет изменить выбор источника текста поздней редакции.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 397—398, под заглавием: «К товарищам перед выпуском».

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по ЛТ (до поправок) с учетом лишь поправки Пушкина в ст. 24, сделанной перед отправкой тетради В. А. Жуковскому; поздняя редакция — по ЛТ с учетом правки. Разночтения наиболее авторитетных копий, в том числе и Даш, см.: Другие редакции и варианты, с. 404—405.

Датируется 1817 г., согласно помете в ЛТ. Написано предположительно в мае—начале июня, так как выпускной акт происходил 9 июня (см.: Летопись 1991. С. 133).

Ст. 9—18. *Иной, под кивер спрятав ум ~ Покорным плутом зрит себя...* — При первой публикации эти стихи вызвали возражения цензора А. В. Никитенко; в 1828 г. чтение этого «непозволительного» стихотворения стало предметом разбирательства в Государственном совете (см.: *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 238, 240).

Ст. 24. *Равны законы, кивера...* — В первоначальном тексте ЛТ: «Равны Наказ и кивера». Этот стих, имеющий в виду «Наказ комиссии для сочинения проекта нового Уложения» (1766) Екатерины II, Пушкин заменил перед отправкой тетради Жуковскому, как предполагается, из соображений автоцензуры (см.: *Мейлах Б.* Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 116—117).

Ст. 28. *Оставьте красный мне колпак...* — «Якобинский» красный колпак был одним из атрибутов «арзамасского» ритуала. По-видимому, в стихотворении присутствует и это конкретное значение наряду с более широким символическим значением «свободы», «вольнолюбия» (см.: «Арзамас». С. 10—11 (предисл. Д. Благого); Благой, I. С. 146—147; Томашевский. Пушкин, I. С. 110). Замена эпитета в поздней редакции («Оставьте мирный мне колпак»), как и исправление в ст. 24, по-видимому, результат автоцензуры.

Ст. 30. *Не променял я на шишак...* — В этих строках отразились колебания Пушкина, одно время предполагавшего вступить в военную службу (см.: Пущин. С. 65; ср.: наст. т., с. 754).

Ст. 33—34. *...рукой неосторожной В июле распахнуть жилет.* — Намек на воинскую дисциплину.

⟨ОТРЫВОК⟩

(«Когда погаснут дни мечтанья...»)

(С. 282 и 406)

Автографы:

1) ПД 830, л. 37 об. Черновой набросок ст. 1 поздней редакции. Напечатано: Раб. тетр. Т. 1. С. 52 (публ. Т. И. Краснобородько). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) ПД 830, л. 39. Набросок начала поздней редакции. Напечатано: Акад. Т. 2. С. 467 (публ. С. М. Бонди). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

3) ПД 833, л. 3 об. — под заглавием: «В альбом», с датой: «1817» и поправками в ст. 3 и 6; вписано в тетрадь, по-видимому, в Каменке 22 февраля 1821 г. (см.: *Сандомирская В. Б.* Из истории пушкинского цикла «Подражания древним»: (Пушкин и Батюшков) // Врем. ПК 1975. С. 19). Напечатано: АН 1899. С. 273; Примеч. С. 379—380 и АН 1900—29. Т. 1. С. 248; Примеч. С. 378 (публ. Л. Н. Майкова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Копия (Альбом Горчакова (Грч)) — под заглавием: «Отрывок», с ошибочным чтением в ст. 5 («Позволь в мечтах воспоминанья»).

Впервые: Листки граций, или Собрание стихотворений для альбомов. М., 1829. С. 21, без заглавия, с подписью: «А. Пушкин» (без ведома Пушкина). Тот же текст: Москвитянин. 1842. Ч. 3. № 6. С. 221, под заглавием: «В альбом», с подзаголовком: «А. Н. Зубову» и пометой внизу текста: «1817 года. При выпуске из Лицея» (публ. М. П. Погодина; от кого был получен текст с пометами, неизвестно). Обе публикации, за исключением ст. 5, идентичны Грч.

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 2.

Печатается по Грч с исправлением ст. 5 по первой публикации; поздняя редакция — по автографу с учетом правки.

Датируется 1817 г., согласно помете в автографе (написано, по-видимому, в конце мая—начале июня). Поздняя редакция относится к началу (не позднее февраля) 1821 г.

История текста и соотношение редакций могут быть установлены лишь гипотетически по косвенным признакам. Л. Н. Майков предполагал, что автограф ПД 833 (1821 г.) дает окончательную редакцию стихотворения, и печатал ее в основном корпусе, сохранив название «Москвитянина» «В альбом А. Н. Зубову» (см. выше). М. А. Цявловский (см.: Акад. Т. 1. С. 257) сохранял ее в основном корпусе (под заглавием: «В альбом»), но как последнюю лицейскую редакцию (в соответствии с принципами Акад.); текст Грч и совпадающий с ним текст публикаций в «Листках граций...» и «Москвитянине», по его предположению, был результатом поздней переработки, давшей вторую редакцию (см.: Акад. Т. 1. С. 415, 480). Последующие редакторы также считали редакцию Грч более поздней (см., например: Госл. в 10 т. Т. 1. С. 486).

Заключение Майкова представляется, однако, более вероятным. Все неизданные тексты Пушкина в Грч (за исключением позднее вписанной «Моей родословной») относятся к лицейскому и петербургскому периодам (до начала мая 1820 г.); есть основания думать, что и данный текст не был исключением. В Грч он озаглавлен «Отрывок» (так же как «Отрывок (про себя)» («Великим быть желаю...») (см.: наст. т., с. 302) и «Отрывок» — фрагмент из послания «Юрьеву» («О! я повеса вечно праздный...»), 1821) и, может быть, представлял собою часть более обширного текста. Вероятно, эта редакция распространялась без заглавия (ср. публикацию в «Листках граций...»). Заглавие в «Москвитянине» (подсказанное содержанием стихотворения), как и помета под текстом и подзаголовок: «А. Н. Зубову», могли принадлежать публикатору или владельцу списка, пользовавшемуся устным (и, может быть, искаженным) преданием.

Редакция, зафиксированная автографом 1821 г. и озаглавленная «В альбом», есть не только переработка, но, по-видимому, и переадресация текста и предназначена для

женского альбома: первоначальная тема разлуки друзей сменяется в ней темой грядущего любовного охлаждения. Ей предшествуют черновые наброски отдельных стихов в записной книжке Пушкина ПД 830 среди черновиков второй части «Кавказского пленника», датируемых октябрем—декабрем 1820 г. или даже более узко — 20-ми числами ноября—началом декабря 1820 г. (см.: *Селиванова С. Д.* Над пушкинскими рукописями. М., 1980. С. 40). Первый из этих набросков не учтен в Акад. (впервые: Раб. тетр. Т. 1. С. 52); второй напечатан в Акад. (Т. 2. С. 467, 1184—1185) как особый отрывок (см.: Другие редакции и варианты, с. 406). Работа была продолжена в автографе ПД 833; новое начало (ст. 1—2) плохо согласовалось с оставшимися от ранней редакции ст. 3—4; эта несогласованность была позднее замечена и исправлена Пушкиным. Переработка оказалась настолько существенной, что Пушкин внес эту редакцию в рабочую тетрадь наряду с новыми стихотворениями.

В лицейской редакции стихотворение адресовано Алексею Николаевичу Зубову (1798—1864), бывшему в 1817 г. корнетом лейб-гвардии Гусарского полка. Пушкин встречался с ним в обществе офицеров Гусарского полка (см.: Летопись 1991. С. 99, 130—131). Об А. Н. Зубове см.: Из записок Ипполита Оже. 1814—1817 // РА. 1877. Кн. 1, вып. 2. С. 258; Черейский. С. 166. Ходили слухи о гомосексуальных наклонностях Зубова, и знакомство с ним Пушкина (а может быть, и стихотворное обращение к нему) стало предметом подшучивания со стороны их общего знакомого Я. И. Сабурова, также в 1816—1827 гг. служившего в лейб-гусарах (см. о нем: Письма. Т. 1. С. 364); в ноябре 1824 и апреле 1825 г. Пушкин просил брата «усовестить» Сабурова и убедить его «ничего не врать» о нем в Одессе (Акад. Т. 13. С. 123, 163); известно пушкинское послание к Сабурову («Сабуров, ты оклеветал...») с упоминанием о Зубове. Адресат поздней редакции послания, написанной в Каменке, неизвестен; может быть, это А. А. Давыдова, урожденная герцогиня де Граммон (1787—1842), жена знакомого Пушкина по Каменке и Киеву А. Л. Давыдова, которой Пушкин ненадолго увлекся как раз в конце 1820—начале 1821 г.; если стихотворение действительно предназначалось для ее альбома, это объясняет появление даты под текстом («1817») как способа вуалирования адресата.

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ

(«Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок...»)

(С. 283 и 406)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Всеволожского (Вс) — под заглавием: «В альбом Пущину», с рядом поправок Пушкина 1825 г., дающих вторую редакцию. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 13, 45—46 (публ. Б. В. Томашевского).

2) И. И. Пущина в рукописи «Записок о Пушкине» (Пущ). Воспроизводит текст Анн. Т. 2, восходящий к Ер (см.: Пущин. С. 54).

3) Тетр. из архива Кавелина (Квл).

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «К Пущину в альбом».

Утраченные источники текста:

1) Копия П. П. Ершова с текста, полученного от Пущина; была прислана в Петербург при письме Ершова к В. А. Треборну от 10 января 1841 г. (Ер). Напечатано: Совр. 1841. № 5. С. 72.

2) Копия (или, что мало вероятно, автограф), которую видел у Пущина Е. И. Якушкин (Я). Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 11. Стб. 334 (в виде вариантов к Анн.; публ. Е. И. Якушкина).

Впервые: Совр. 1841. № 5. С. 72 (публ. П. А. Плетнева; без заглавия, по тексту, присланному П. П. Ершовым, вместе со стихотворением «Мой первый друг, мой друг бесценный...», с примечанием: «Ершов хорошо помнит почерк Пушкина. Случайно встретив эти два небольших стихотворения, собственной рукой автора „Онегина"

вписанные в памятную книгу одного из его приятелей, он поспешил их сообщить в редакцию „Современника"»).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по Вс (до поправок); поздняя редакция — по Вс с учетом правки.

Этот источник текста избран как несомненно пушкинский текст, близкий к последней лицейской редакции или даже идентичный ей. От решения печатать стихотворение по Ер заставляет отказаться неясность вопроса об источнике текста, сообщенного Пущиным Ершову. Известно, что оба стихотворения были получены Ершовым непосредственно от Пущина, по-видимому, в 1840 г. (а не в 1839 г., как последний указывает в «Записках о Пушкине») в Тобольске, где Пущин жил у Фонвизиных. См. письмо Ершова В. А. Треборну от 10 января 1841 г., где Ершов сообщал, что стихи приобретены им «из альбомов», и письмо ему же от 25 сентября, в котором сказано, что стихи получены «от задушевного приятеля» и «лицейского товарища» Пушкина (*Ярославцев А. К.* Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок»: Биографические воспоминания университетского товарища его... СПб., 1872. С. 74, 83), а также письмо от 6 августа 1841 г. М. А. Фонвизина к Пущину, где говорится: «Поэт Ершов бывает обыкновенным моим спутником. Он мне сказывал, что получил благодарность за Пушкина стихи, вами ему сообщенные и которые напечатаны в „Современнике"» (*Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 216; ср.: Пущин. С. 396—398 (коммент. С. Я. Штрайха)). Однако, по свидетельству самого Пущина, в 1840 г. он еще не располагал автографом стихотворения «Мой первый друг, мой друг бесценный...», который получил только в 1842 или 1843 г. (см.: Пущин. С. 396; Акад. Т. 3. С. 1133). Поэтому примечание Плетнева в «Современнике» относительно этого стихотворения явно не соответствует действительности, а его ссылка на автограф носит вуалирующий характер: он вынужден был удостоверять несомненную принадлежность стихов Пушкину и одновременно скрывать источник получения их, равно как и имя адресата, политического ссыльного. Есть все основания думать, что у Пущина не было и автографа послания «В альбом Пущину». 12 сентября 1841 г., посылая Н. Д. Фонвизиной для Ершова новую порцию неизданных лицейских стихов Пушкина (каких именно — неизвестно), он писал: «Ваше письмо заставило меня припомнить эти стихи, я хотел к ним прибавить еще одно послание, но никак не могу сложить его в старой моей памяти» (Пущин. С. 181). Не исключено, что стихотворение «В альбом Пущину» также было воспроизведено Пущиным по памяти, как и другие стихи из этого альбома, находившегося в «портфеле» Пущина и утраченного к моменту его возвращения (Там же. С. 67). В пользу такого предположения говорит и характер разночтений копий Ер, Я и Вс (до поправок): Ер отличается от Вс упрощенной метро-ритмической организацией и облегченным чтением трудного для запоминания места (ст. 8—9); копия Я, приближающая текст к Вс, также облегчает его именно в ст. 8—9 (характерно здесь появление тривиальной формулы «Мечты души твоей» — третье упоминание «мечты» на протяжении 15 строк). Все это обычно при передаче текста по памяти с непроизвольным читательским искажением. По этим соображениям мы отказываемся от принятого в Акад. (Т. 1. С. 262, 482) источника текста — Ер. Разночтения Ер и Я см.: Другие редакции и варианты, с. 406.

Датируется концом мая—первыми числами июня 1817 г. на основании свидетельства Пущина.

Стихотворение вписано накануне выпуска из Лицея в альбом Пущина (см. выше); в нем были также послания А. А. Дельвига («К Пущину. (В альбом)», 1817) и А. Д. Илличевского (см.: Пущин. С. 67).

Ст. 5. *Воспомни быстрые минуты первых дней...* — О начале своего знакомства с Пушкиным (12 августа 1811 г., в день приемного экзамена в Лицей) Пущин подробно рассказал в своих записках: «Не припомню кто, — только чуть ли не В. Л. Пушкин, привезший Александра, подозвал меня и познакомил с племянником. Я узнал от него, что он живет у дяди на Мойке, недалеко от нас. Мы положили часто

видаться. Пушкин, в свою очередь, познакомил меня с Ломоносовым и Гурьевым. ⟨...⟩ когда я достоверно узнал, что и Пушкин вступает в Лицей, то на другой же день отправился к нему как к ближайшему соседу. С этой поры установилась и постепенно росла наша дружба, основанная на чувстве какой-то безотчетной симпатии. ⟨...⟩ При всякой возможности я отыскивал Пушкина, иногда с ним гулял в Летнем саду; эти свидания вошли в обычай, так что если несколько дней меня не видать, Василий Львович, бывало, мне пеняет: он тоже привык ко мне, полюбил меня» (Пущин. С. 43—44).

Ст. 10. *Размолвки дружества, отрады примиренья...* — Рассказывая в «Записках о Пушкине» о «неровностях характера» Пушкина, не мешавших, однако, их дружеским отношениям, Пущин ссылается на эти стихи (и на посвященный ему куплет в «Пирующих студентах» — см.: наст. т., с. 65) (с. 54).

Ст. 13. *Воспомни первую любовь!..* — См. выше примеч. к стих. «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...», с. 649—650.

КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

(«В последний раз, в тиши уединенья...»)

(С. 284 и 407)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф) — с пометой под текстом: «(Нев. зритель, 1820. Писано в 1817)».

2) Тетр. Всеволожского (Вс) — под заглавием: «Разлука», с датой: «1817», пометой у заглавия: «См⟨есь⟩» (стихотворение предназначалось для отдела «Смесь» Ст 1826) и правкой Пушкина (весна 1825 г.), дающей вторую редакцию. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 6, 43 (публ. Б. В. Томашевского).

3) Тетр. из архива Кавелина (Квл) — под заглавием: «Разлука. (К Кюхельбекеру)». Текст редакции Вс (до поправок).

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Разлука. (К Кюхельбекеру)».

Впервые: Невский зритель. 1820. Ч. 2. Апр. (выход в свет — 9 июня). С. 66—67, под заглавием: «Кюхельбекеру», с подписью: «А. П.» и пометой: «Лицей. 9 июня 1817». Вошло (во второй редакции) в Ст 1826. С. 69 (отдел «Разные стихотворения»; в оглавлении: «Разлука. 1817») и Ст 1829. Ч. 1. С. 36—37 (отдел стихотворений 1817 г.), оба раза под заглавием: «Разлука»; перепечатано под тем же заглавием: Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. С. 31—32. Тексты Ст 1826 и Ст 1829 совпадают, кроме ст. 8, где в Ст 1829 опечатка («Не разлучайся, друг» вместо «Не разлучайся, милый друг»).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4 (вторая редакция); Акад. Т. 1 (редакция «Невского зрителя»).

Печатается по тексту «Невского зрителя»; поздняя редакция — по Ст 1829 с восстановлением искаженного ст. 8 по Вс и Ст 1826.

Датируется первыми числами июня 1817 г. исходя из пометы в «Невском зрителе».

Ст. 14—16. *Прости... где б ни был я ~ Святому братству верен я!* — Эта формула поэтической клятвы лицейского «союза поэтов» (Пушкин, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер; позднее к нему примкнули Е. А. Баратынский и П. А. Плетнев) перефразируется в целом ряде поэтических деклараций участников кружка, в первую очередь самого Кюхельбекера. Ср. в его «Царском Селе» (опубликовано под заглавием: «К Пушкину и Дельвигу (из Царского Села)» — СО. 1818. № 35; датировано 14 июля 1818 г.): «...наш тройственный союз, Союз младых певцов и чистый, и священный, Всесильным навыком и дружбой заключенный, Был братскою каменой укреплен!..» (Кюхельбекер. Т. 1. С. 95); в «Поэтах» (1820), обращенных к

Дельвигу, Баратынскому и Пушкину: «Так! не умрет и наш союз, Свободный, радостный и гордый, И в счастьи и в несчастьи твердый, Союз любимцев вечных муз!» (Там же. С. 133). Прямая реминисценция из стихотворения Пушкина — в «Прощании» (1820): «Но верьте! и в странах чужбины, И там вам верен буду я, О вы, души моей друзья!» (Там же. С. 136). В 1820 г. строки из пушкинского послания «Кюхельбекеру» и «Поэтов» Кюхельбекера были процитированы в доносе В. Н. Каразина графу В. П. Кочубею как свидетельство существования «какого-то подозрительного союза, похожего на масонство», среди лицейских воспитанников; Каразин нападал на сомнительную, с его точки зрения, нравственность «этого святого братства и союза» (см.: РС. 1899. Т. 98. № 5. С. 277—279). В «19 октября» (1825) Пушкин воспринимает отчасти и поэтическую фразеологию посланий Кюхельбекера (см.: *Мейлах Б.* Пушкин и русский романтизм. М.; Л., 1937. С. 57—64; *Базанов В.* Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 135—147).

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ БОЛЬНИЦЫ

(«Вот здесь лежит больной студент...»)

(С. 285 и 407)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА). Напечатано: Акад. Т. 1. С. 261 (публ. М. А. Цявловского).

2) И. И. Пущина в рукописи «Записок о Пушкине» (Пущ). Напечатано: Атеней. 1859. № 8. С. 523 (в составе «Записок...»).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).

4) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

Копии 1, 3, 4 идентичны.

Впервые: Атеней. 1859. № 8. С. 523 (в составе «Записок о Пушкине» И. И. Пущина).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по СЛС.

Датируется по содержанию и реалиям 3—11 июня 1817 г.: И. И. Пущин, которому адресовано стихотворение, находился в лазарете с 3 июня; 11 июня Пушкин уехал в Петербург (см.: Летопись 1991. С. 133, 134).

Об обстоятельствах создания стихотворения рассказывает И. И. Пущин: «...когда я перед самым выпуском лежал в больнице, он ⟨Пушкин⟩ как-то успел написать мелом на дощечке у моей кровати ⟨следует текст⟩. Я нечаянно увидел эти стихи над моим изголовьем и узнал исковерканный его почерк. Пушкин не сознавался в этом экспромте» (Пущин. С. 65).

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

СТАРИК

(ИЗ МАРОТА)

(«Уж я не тот философ страстный...»)

(С. 286 и 407)

Автограф (в Лицейской тетр. (ЛТ), л. 53 об.). Текст второй редакции. Напечатано: Брюсов. Лиц. стихи. С. 39—40 (в виде вариантов). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Копии:

1) Тетр. Всеволожского (Вс). Текст второй редакции зачеркнут; слева карандашная помета неизвестной рукой: «Оставить» и карандашная же помета Пушкина: «М⟨елочи⟩»; справа карандашная помета: «Мел⟨очи⟩»; слева чернильная помета: «Напечатай?». Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 12, 45 (публ. Б. В. Томашевского).

2) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

3) Собр. стих. 1836 (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: РМ. 1815. Ч. 2. № 5. С. 142, с подписью: «Александр Н. —П.» (первая редакция); Ст 1826. С. 112 (отдел «Эпиграммы и надписи») и Ст 1829. Ч. 2. С. 153 (отдел стихотворений «разных годов») (вторая редакция); перепечатано под заглавием «Старик (из Марота)»: Опыт русской антологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым. СПб., 1828. С. 178.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4 (вторая редакция).

Печатается по РМ; поздняя редакция — по Ст 1829.

Датируется 1814—1815 гг. (не позднее апреля 1815 г.) на основании даты выхода № 5 РМ (22 мая); поздняя редакция — ноябрем 1819 г. по положению в ЛТ.

Перевод стихотворения Клемана Маро (Marot, 1496—1544) «О себе самом» («De soy mesme», 1537). В. П. Гаевский полагал, что с поэзией Маро Пушкин познакомился еще в доме родителей и указывал на интерес к Маро В. Л. Пушкина, автора «Подражания Мароту» (1820) (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 170); в дальнейшем поэт мог почерпнуть сведения о Маро в «Лицее» Лагарпа (см.: *Laharpe J.-F.* Lycée... Paris, 1799. Т. 4. Р. 90—105). «Маротическая эпиграмма» была популярна в XVIII—начале XIX в. (см.: Томашевский. П. и Франция. С. 100—101); в 1824—1825 гг. Пушкин варьировал элегию XVI Маро в «Сожженном письме» (см.: *Петрунина Н. Н.* Литературные параллели // Врем. ПК 1977. С. 108—112).

РОЗА

(«Где наша роза?..»)

(С. 287 и 408)

Автограф (в Лицейской тетр. (ЛТ)) — с позднейшей правкой и пометами Пушкина у заглавия: «Пер.» («Переписать» или «Переделать»), — вероятно, конца 1818 г., и «Не надо» (одновременно Пушкин зачеркнул прежнюю помету), — видимо, 1819 г., сделанной при отборе стихотворений для печатного сборника. Напечатано: Анн. Т. 2. С. 94 (в виде вариантов); АН 1899. Примеч. С. 109 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 187 (в виде вариантов; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 49. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Копии:

1) Тетр. Всеволожского (Вс). Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 15, 47 (публ. Б. В. Томашевского). Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 833.

2) Тетр. Матюшкина (Мат).

3) Сб. стихотворений лицейских поэтов из архива Горчакова (Гор).

4) Второй сб. из архива Помяловского ($Пом_2$).

5) Собр. стих. 1836 (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Тексты ЛТ (до поправок) и копий 2—4 идентичны и дают первую редакцию; тексты Вс и Ст 1826 одинаковы и являются второй редакцией.

Входило в Тетр. Капниста (перечень стихотворений отдела «Эпиграммы, надписи и пр.») (см.: Майков. Автографы П. С. 578).

Впервые: Ст 1826. С. 107 (отдел «Эпиграммы и надписи»). Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 152 (отдел стихотворений «разных годов»). При жизни Пушкина перепечатано: Листки граций, или Собрание стихотворений для альбомов. М., 1829. С. 10; Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч. 1. С. 72.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по ЛТ (до поправок); поздняя редакция — по Ст 1829.

Датируется предположительно 1814—1816 гг. Все редакторы, начиная с Анненкова, относили стихотворение к 1815 г., без каких-либо обоснований. М. А. Цявловский высказал гипотезу, что «Роза» возникла под влиянием стихотворения П. А. Вяземского «К друзьям» (РМ. 1815. Ч. 3. № 9; выход в свет — 27 октября 1815 г.) и написана, вероятно, в ноябре 1815 г. (см.: Acad. в 6 т. Т. 1. С. 664; Цявловский. Коммент.); позднее (см.: Летопись. С. 89) он помещал стихотворение под условной датой: «1815(?)». Послание Вяземского, несомненно, было известно Пушкину, не только читателю, но и участнику журнала, — однако предположение о том, что оно явилось творческим импульсом для Пушкина, встречает сомнения в новейшей литературе; при отсутствии текстуальных совпадений и широкой распространенности поэтических мотивов обоих стихотворений вопрос о связи между текстами остается проблематичным — отсюда и отсутствие твердых оснований для датировки. Обращалось также внимание на метрическую близость двустопного дактиля у Вяземского и двустопного ямба в «Розе» (Д. Герхардт — в указ. ниже работе), однако образцы двустопного дактиля есть также в «Леде» и «Изменах» Пушкина (см.: Томашевский. Строфика П. С. 108; Алексеев. Пушкин. С. 337—338).

«Розе» предшествовало другое стихотворение Пушкина на близкую тему, о котором рассказывал И. И. Пущин: «Как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, окончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: „Теперь, господа, будем пробовать перья! опишите мне, пожалуйста, розу стихами".

Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четырехстишия, которые всех нас восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого первого поэтического его лепета. Кошанский взял рукопись к себе. Это было чуть ли не в 811-м году, и никак не позже первых месяцев 12-го» (Пущин. С. 55). Эпизод датируется концом марта—апрелем 1812 г. (см.: Летопись. С. 33; Летопись 1991. С. 48). Это стихотворение («Роза»), до нас не дошедшее, было помещено в рукописном журнале «Неопытное перо», издававшемся Пушкиным, А. А. Дельвигом и Н. А. Корсаковым (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 141; Грот. Пушкин 1887. С. 275). Мотивы «Розы» варьируются также в стихотворении «Stances» («Avez-vous vu la tendre rose...») (1814).

Вопрос об источниках и литературных аналогах «Розы», а также об ее образной символике является в литературе предметом дискуссий. Л. Н. Майков указывал, что еще в античности роза служила символом чувственной любви, плодородия и быстротечности красоты, а лилия — символом чистоты и непорочности; однако он остерегся непосредственно отнести эту проблематику к смыслу пушкинского стихотворения (см.: АН 1899. Примеч. С. 110—112 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 187—189). Ю. Г. Оксманом было выдвинуто предположение, что символ лилии был заимствован Пушкиным из 33-го письма «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, где приводится выдержка из сочинения И.-Г. Гердера «Бог. Несколько разговоров о системе Спинозы» (1787); лилия фигурирует здесь как символ вечно возрождающейся жизни (см.: *Оксман Ю. Г.* Сюжеты Пушкина: (Отрывочные замечания) // Пушкинист, IV. С. 25—27). Гипотезу Ю. Г. Оксмана оспорил У. Викери, настаивавший на связи «Розы» Пушкина прежде всего с традицией французской «легкой поэзии» и приведший ряд аналогов из стихов Э.-Д. Парни, П.-Ж. Бернара и др. Здесь как роза, так и лилия символизировали представление о женщине, любви, красоте и юности и символическое значение обоих цветков не имело четкого разграничения (см.: *Викери У.* К вопросу о замысле «Розы» Пушкина // РЛ. 1968. № 3. С. 82—90). В специальном исследовании М. П. Алексеева «Споры о стихотворении „Роза"» была проанализирована историография «Розы» (работы Ю. Г. Оксмана, М. А. Цявловского, У. Викери, Д. Герхардта и др.). Проследив поэтическую традицию сопоставления розы и лилии (в частности, в средневековых «спорах цветков»), М. П. Алексеев выдвинул предположение о двух различных традициях, к которым восходят символические значения

«розы» и «лилии»: роза как символ быстро отцветающей красоты стала общим местом анакреонтической лирики во Франции и России еще в XVIII в. и именно в этом значении появляется у Пушкина (см. также: Городецкий. С. 152); лилия же принадлежит не столько французской, сколько немецкой литературной традиции, проводниками которой для Пушкина в Лицее были В. К. Кюхельбекер и А. А. Дельвиг. Здесь существовало представление о лилии как о символе бессмертия и всепрощения. Согласно М. П. Алексееву, это противопоставление проясняет смысл заключительных стихов (см.: Алексеев. Пушкин. С. 326—377).

Еще не будучи опубликованным в России, стихотворение «Роза» появилось в немецком журнале «Муза» (Die Muse. Monatschrift für Freunde der Poesie und der mit ihr verschwisterten Künste, hrsg. von Friedrich Kind. Leipzig, 1821. Bd. 2, Hf. 1. S. 5) в вольном переводе Х.-А. Тидге (Tiedge, 1752—1841), без указания авторства Пушкина и с подзаголовком: «Вольный перевод с русского». Список стихотворения Пушкина, скорее всего, был предоставлен Тидге Кюхельбекером, побывавшим в 1820 г. у Тидге в Дрездене (см.: *Gerchardt D.* Die erste deutsche Übersetzung eines Puškingedichtes // Die Welt der Slaven. 1966. Jhg. XI. Hf. 1—2. S. 1—16; ср.: Алексеев. Пушкин. С. 328—331).

О соотношении ритма и смысла в «Розе» см.: *Сендерович М., Сендерович С.* Формальный анализ «Розы» Пушкина // Canadian-American Slavic Studies: A quorterly Journal devoted to Russia and East Europe. Special Issue: Pushkin. Arizona: State University, 1977 (отзыв: *Кулешов В. И.* Еще один выпуск исследований о Пушкине // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1980. № 2. С. 77—78).

На текст «Розы» написан романс М. И. Глинки (1837).

ДЕЛИЯ

(«Ты ль передо мною...»)

(С. 288)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ).

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 295—296 (по ТЖ); РП. С. 37—38 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф).

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

Тексты копий идентичны.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 295—296.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник.

Датируется предположительно 1814—1816 гг.

ЭПИГРАММА

(«„Скажи, что нового". — „Ни слова..."»)

(С. 289 и 408)

Автограф (на листке из «Лицейской антологии...» (ЛА)) — беловой. Текст первой редакции, с поправками. Напечатано: АН 1899. С. 247 и АН 1900—29. Т. 1. С. 231; Грот. Пушк. лицей. С. 341. Факсимильное воспроизведение: Венг. Т. 1. С. 377.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА).

2) Тетр. Никитенко (Ник) — под заглавием: «Эпиграмма». Напечатано: Посм. Т. 9. С. 367 (по ТЖ); РП. С. 88 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Собр. стих. 1836 (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Тексты автографа (после поправок), СЛС и Ник идентичны.

Впервые: СЦ 1829. Отд. «Поэзия». С. 32, под заглавием: «Любопытный» (поздняя редакция). Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 168 (отдел стихотворений «разных годов»), без изменений.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по автографу с учетом правки; поздняя редакция — по Ст 1829.

Датируется 1814—1816 гг. по нахождению в ЛА.

Б. В. Томашевский указал на близость стихотворения к эпиграмме Д. И. Хвостова «Нельзя о новости стерпеть твоих мне врак...» (1806; см.: РЭ. С. 140. № 321), предполагая в ней источник пушкинской (см.: *Томашевский Б. В.* Заметки о Пушкине // ПиС. Вып. 28. С. 65).

«БОЛЬНЫ ВЫ, ДЯДЮШКА? НЕТ МОЧИ...»

(С. 290)

Автограф («Лицейская антология...» (ЛА)) — беловой. Напечатано: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 143.

Копии:

1) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).

2) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

Все тексты идентичны.

Впервые: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 143 (по ЛА).

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1869—71. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется 1814—1816 гг. по нахождению в ЛА.

НАДПИСЬ В БЕСЕДКЕ

(«С благоговейною душой...»)

(С. 291 и 409)

Автограф («Лицейская антология...» (ЛА)) — беловой. Напечатано: Грот. Пушк. лицей. С. 341.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою С. Г. Ломоносова, с двумя слоями позднейших поправок Пушкина и пометами у заглавия: «Надо» и «13» (порядковый номер среди стихотворений ЛТ, предназначенных для включения в сборник). Напечатано: АН 1899. С. 216; Примеч. С. 280 и АН 1900—29. Т. 1. С. 203; Примеч. С. 291 (в качестве автографа Пушкина, с учетом поправок в основном тексте; публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 58. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. Всеволожского (Вс). Текст перечеркнут Пушкиным весной 1825 г. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 13, 46 (публ. Б. В. Томашевского).

3) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА).

4) Тетр. Матюшкина (Мат).

5) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).

6) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

Копии 1, 3, 4 восходят к тексту автографа; копии 5, 6 — к тексту Вс.

Впервые: Анн. Т. 7. С. 81 1-й паг.

В собрание сочинений впервые включено: Анн.

Печатается по автографу; поздняя редакция — по Вс.

Датируется 1814—1816 гг. по нахождению в ЛА.

Предполагается, что «Беседка» — это так называемый «Большой каприз» в Царскосельском парке (см.: *Анциферов Н. П.* Пушкин в Царском Селе. Л., 1929. С. 40).

«ВОТ ВИЛЯ — ОН ЛЮБОВЬЮ ДЫШЕТ...»

(С. 292 и 409)

Автограф («Лицейская антология...» (ЛА)) — беловой, с поправками; над текстом — цифра «108» (порядковый номер в ЛА). Напечатано: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 148; АН 1899. С. 247; Примеч. С. 336 и АН 1900—29. Т. 1. С. 231; Примеч. С. 346 (публ. Л. Н. Майкова; как копия рукой А. Д. Илличевского); Грот. Пушк. лицей. С. 341—342.

Копия (Вторая тетр. Долгорукова (Долг)) — вместе со стихотворением «Несчастие Клита», с общим заглавием: «Лицейские эпиграммы на Кюхельбекера (до 1814)».

Впервые: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 148.

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1869—71. Т. 1.

Печатается по автографу с учетом правки.

Датируется временем не ранее апреля 1814 г., так как эпиграмма не вошла в сборник ЖМ, составлявшийся в январе—апреле этого года, и не позднее 1816 г. (время составления ЛА).

Адресат эпиграммы — В. К. Кюхельбекер. Стихотворение примыкает к циклу эпиграмм на Кюхельбекера, переписанных рукою Пушкина и составивших сборник «Жертва Мому, или Лицейская антология» (1814). Некоторые из эпиграмм осмеивают любовные увлечения адресата («Надпись на конную статую пушкаря В. фон Рекеблихера», «Певец»); в других есть упоминания о его лицейских сатирических стихах («Марфорий своему Зоилу» («Клит эпиграммами меня терзает, душит...»); см.: Рукою П. С. 466—476; Рукою П. 1997. С. 438—444). Эпиграмма построена на пародийном перемещении вторых членов позитивного сравнения (Геркулес, выступающий как символ мужской силы, в том числе и сексуальной (отсылка к мифу о дефлорации им в одну ночь сорока девяти дочерей царя Фесписа), не может символизировать интеллектуальные занятия; Н. Буало, автор классических сатир и посланий, был неспособен к любовным отношениям — см. выше примеч. к стих. «Сравнение» («Не хочешь ли узнать, моя драгая...»), с. 735). Аналогичный прием был известен в русской эпиграмматической традиции; ср. приведенную П. А. Вяземским эпиграмму А. С. Хвостова на графа Д. И. Хвостова, сказанную во время бала, когда последний «проходил в польском неловко и неуклюже»: «Однофамилец мой, сказать то не в укор, Танцует, как Вольтер, и пишет, как Дюпор» (Вяземский. Т. 8. С. 240); Луи Дюпор — знаменитый французский танцор и балетмейстер, выступавший и на русской сцене. Л. Н. Майков (см.: АН 1899. Примеч. С. 336 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 346—347), а затем С. А. Венгеров (см.: Венг. Т. 1. С. 378) без достаточных оснований видели в эпиграмме Пушкина прямое подражание двустишию А. С. Хвостова.

⟨НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКОГО⟩

(«Ах! Боже мой, какую...»)

(С. 293 и 409)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА) — без заглавия и подписи. Напечатано: Акад. Т. 1. С. 291 (публ. М. А. Цявловского).

2) Черновая рукопись статьи В. П. Гаевского «Пушкин и литературный кружок в Царскосельском лицее» (использована М. А. Цявловским; хранилась в ГЛМ, в

настоящее время не разыскана) (Ст. Гаев.). Текст копии, сообщенный Гаевскому Ф. Ф. Матюшкиным и М. Л. Яковлевым, приводится дважды.

Впервые: Ефр. 1880. Т. 1. С. 58, под заглавием: «На гр. А. К. Разумовского». П. А. Ефремов получил эпиграмму от Матюшкина, «который удостоверял несомненность принадлежности ее Пушкину» (Там же. С. 512). Совпадает с текстом Ст. Гаев.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по СЛС, заглавие — по Ефр.

Датируется предположительно 1814—1816 гг. (обоснование см. ниже).

Адресат эпиграммы («Разумник») — Алексей Кириллович Разумовский (1758—1822), в 1810—1816 гг. министр народного просвещения, принимавший ближайшее участие в организации Лицея и входивший в подробности лицейских дел (в доме его проходили приемные экзамены; он организовал репетиции акта открытия Лицея и чтения Пушкиным стихов на переходном экзамене). С его именем связан и ряд лицейских запретов и ограничений (запрет выставлять доски с фамилиями отличившихся, сочинять и ставить театральные пьесы и т. д.). Разумовский определил и наказание за шалость Пушкину и его друзьям в 1814 г. (см. примеч. к стих. «Воспоминание. (К Пущину)», с. 664). В. П. Гаевский утверждал, что эпиграмма была написана Пушкиным в связи с получением Разумовским в 1811 г. ордена Владимира I степени (см. черновую рукопись его статьи «Пушкин в Лицее» — ПД, оп. 17, № 54, л. 24 об.). М. А. Корф, просмотревший статью, выразил сомнение в принадлежности этой эпиграммы Пушкину, ссылаясь на то, что Разумовского в Лицее уважали и считали благодетелем (см.: ПиС. Вып. 8. С. 25). Однако авторство Пушкина удостоверено чрезвычайно авторитетными свидетельствами Матюшкина и Яковлева.

Сложнее вопрос о дате и обстоятельствах сочинения эпиграммы. Датировка ее 1811 г. в статье Гаевского, очевидно, опирается не на свидетельство Матюшкина (П. А. Ефремов, также получивший текст от Матюшкина, датировал его без обоснований 1814 г.), а на соображения о времени получения Разумовским ордена Владимира (с лентой). Однако, как указал сам Гаевский, владимирская лента — не «голубая»; в эпиграмме явно имеется в виду орден Андрея Первозванного (один из высших в Российской империи), которого Разумовский никогда не получал. Датировке 1811 г. решительно противоречат косвенные данные (в том числе и популярность Разумовского в это время в лицейской среде). Слухи («весть смешная») о награждении Разумовского могли возникнуть в связи с просьбой его об отставке в 1814 г., на которую последовал высочайший рескрипт 31 августа 1814 г.: соглашаясь на отставку, Александр I удерживал Разумовского на посту министра до своего возвращения. Другой возможной датой распространения слухов о почетной отставке является время фактической отставки Разумовского — 19 августа 1816 г.

ТВОЙ И МОЙ

(«Бог весть за что философы, пииты...»)

(С. 294 и 409)

Автограф (на листке из «Лицейской антологии...» (ЛА)) — под заглавием: «Твой и Мой». Напечатано: Врем. ПК 1974. С. 5 (публ. Р. Е. Теребениной). Воспроизведение: Там же. С. 7.

Копии:

1) Лицейская тетр. (ЛТ). Текст рукою С. Г. Ломоносова, с исправлением Пушкина в ст. 6 и позднейшими поправками в ст. 4—5 и пометами у заглавия: «Пере⟨писать⟩» (переделано из «Не надо») и «14» (порядковый номер среди стихотворений ЛТ, предназначенных для включения в печатный сборник). Напечатано (с учетом поправок): Мор. 1887. Т. 1. С. 159; АН 1899. С. 216; Примеч. С. 281

и АН 1900—29. Т. 1. С. 203; Примеч. С. 291 (публ. Л. Н. Майкова); Брюсов. Лиц. стихи. С. 58.

2) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА).

3) Тетр. Никитенко (Ник) — с таким же исправлением в ст. 6, как и в ЛТ. Напечатано: Посм. Т. 9. С. 368 (по ТЖ); РП. С. 88—89 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

4) Тетр. Всеволожского (Вс). Текст, идентичный ЛТ после поправок, с правкой Пушкина (весна 1825 г.), после чего Пушкин зачеркнул все стихотворение. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 13, 46 (публ. Б. В. Томашевского).

5) Тетр. из архива Кавелина (Квл).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 368.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по автографу с поправками в ст. 6 по ЛТ; поздняя редакция — по Вс.

Датируется 1814—1816 гг., так как ЛА была составлена не позднее 1816 г.

С т. 1—2. *Бог весть за что философы, пииты На твой и мой давным-давно сердиты.* — По предположению Л. Н. Майкова, под «философами» понимаются здесь Б. Паскаль (1623—1661) и Ж.-Ж. Руссо. В «Мыслях» Паскаля (pt. 1, art. IX, N 53) есть изречение: «„Эта собака моя (ce chien est à moi), — говорили эти бедняги, — это мое место под солнцем". Вот начало и образ захвата всей земли». Близка к нему знаменитая формула Руссо, открывающая часть 2 «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755): «Первый, кто, отгородив участок земли, придумал заявить: „Это мое!" (ceci à moi) — и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества» (см.: АН 1899. Примеч. С. 282 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 292). Мысль Руссо широко варьировалась в социологических сочинениях. Однако более вероятно, что Пушкин имел в виду не конкретные философские высказывания, а общие места дидактической литературы и что «твой и мой» соответствует формуле «Le Mien et le Tien» (ср. его стихи «Tien et mien, — dit Lafontaine...», 1819). Нападки на «твой и мой» есть у Матюрена Ренье (1573—1613; сатира IV), Н. Буало (сатира XI, 1698), Вольтера («Светский человек» («Le Mondain»), 1736) и в баснях и сказках Ж. Лафонтена («Царь Кандавл...» («Le Roi Candaule...»), 1675; «Раздор» («La Discorde»), 1668) (см.: Томашевский. П. и Франция. С. 224—225).

К ДЕЛИИ

(«О Делия драгая!..»)

(С. 295 и 410)

Автограф (Музей чешской литературы, Прага) — черновой (недоработанная редакция), без заглавия; из лицейских бумаг, полученных Я. К. Гротом от Ф. Ф. Матюшкина. Фотокопия: ПД, ф. 244, оп. 1, Прил., № 3). Напечатано: Ефр. 1903—05. Т. 1. С. IV—V, 1—2 (по факсимильной публикации В. Францева в контаминации с текстом копии N — см. ниже). Факсимильные воспроизведения: *Францев В.* Автограф А. С. Пушкина в библиотеке Чешского музея в Праге // Изв. книжных магазинов товарищества М. О. Вольф. 1899. № 6. С. 125—126; Венг. Т. 1. С. 65; Пушкинская выставка 1924 г. в Пушкинском доме при Российской Академии наук: 20 воспроизведений с портретов и рукописей. [Л., 1924]. № 4 (датировано Б. Л. Модзалевским: «Около 1814 г.»).

Копии:

1) Неизвестного лицеиста (ПД, ф. 244, оп. 4, № 39) (N) — под заглавием: «Песня», с поправками, сделанными почерком, напоминающим пушкинский. Напечатано: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 158—159. Факсимильное воспроизведение: Альбом Пушкинской юбилейной выставки в имп. Академии наук в С.-Петербурге.

Май 1899 / Сост. под ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевского. М., 1899. Табл. 71 (в качестве автографа Пушкина).

2) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ).

3) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 297—298 (по ТЖ); РП. С. 38—39 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

4) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф). Напечатано: Грот. К лиц. стих. С. 234—235.

5) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 (Дол$_1$).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 297—298.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по Ник.

Датируется предположительно 1815—1816 гг. (см.: Акад. Т. 1. С. 484; Акад. в 10 т. (2). Т. 1. С. 498; Летопись 1991. С. 104). Оснований для более точной датировки нет. В. П. Гаевский считал стихотворение «одним из первых опытов» Пушкина и относил его к 1812 г. М. А. Цявловским оно по почерку условно датировалось 1814—апрелем 1815 г. (см.: Летопись. С. 89).

В. П. Гаевский, на основании изучения автографа и рассказов лицеистов, полагал, что Пушкин «написал окончательно только первую строфу, но не мог сладить с двумя другими и оставил стихотворение недоконченным. Илличевский, как рассказывают очевидцы, товарищи обоих поэтов, поднял брошенный Пушкиным листок и дописал стихотворение» (Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 158); публикуя текст, Гаевский выделил курсивом выражения, по его мнению, принадлежавшие Илличевскому. Часть их восходит, однако, непосредственно к вариантам чернового автографа; участие Илличевского, возможно, проявилось в редактировании отдельных строк, в особенности в концовке стихотворения; вероятно, ему же принадлежит и заглавие «Песня». В лицейских сборниках стихотворение подписано именем Пушкина. Первый куплет, по сообщению Гаевского, «часто распевался в Лицее на два голоса с гитарой, на музыку, сочиненную Корсаковым» (Там же. С. 159).

Имя Делии, героини элегий Тибулла, — одно из самых популярных во французской любовной лирике XVII—начала XIX в. Некоторые точки соприкосновения с пушкинским стихотворением обнаруживает «Призвание» Н. А. Цертелева (Благонамеренный. 1820. № 15. С. 187); возможно, оба стихотворения восходят к одному невыясненному источнику. В пушкинском тексте присутствуют также реминисценции из послания В. А. Жуковского «К Батюшкову» (ВЕ. 1813. № 9—10); ср.: «Заря ли угасает, Летит ли ветерок От дремлющия рощи, Или покровом нощи Одеянный поток В водах являет тени Недвижных берегов, И тихих рощей сени, И темный ряд холмов...» (ст. 568—576; ср.: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 159).

Внимание исследователей привлекала своеобразная строфа стихотворения — обычная для французской поэзии рифмовка: AbAbCCb, но в сочетании разностопных ямбических строк: 3-3-3-3-4-4-4 (см.: Томашевский. Строфика П. С. 85).

Ст. 12. *Филомела* — поэтическое наименование соловья (по имени дочери мифического афинского царя, превращенной в птицу).

«ТОШНЕЙ ИДИЛЛИИ И ХОЛОДНЕЙ, ЧЕМ ОДА...»

(С. 296)

Автограф неизвестен.

Копия (в «Собрании лицейских стихотворений» (СЛС)) — без подписи, с ошибочным заглавием: «Элегия на смерть друга» и искаженным ст. 1 («Тошней Идиллии — холодны чем Ода»). Единственный источник текста.

Впервые: Измайлов. С. 67—68 (с редакторской конъектурой в ст. 1, принятой всеми последующими изданиями).

В собрание сочинений впервые включено: ГИХЛ 1931. Т. 5, кн. 2.

Печатается по СЛС с исправлением в ст. 1.

Датируется 1814—1817 гг. по нахождению в СЛС. Твердых оснований для более точной датировки нет. М. А. Цявловским датировалось 1815—1816 гг. по стилистическим особенностям — «зрелости стихов» (Цявловский. Коммент.; Акад. Т. 1. С. 491; Летопись. С. 89; также: Худ. лит. в 10 т. Т. 1. С. 705).

Авторство Пушкина доказано С. М. Бонди (см.: *Бонди С.* Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М., 1931. С. 83—91). Конкретный повод эпиграммы неизвестен. Парафраза ее — в стихотворении В. К. Кюхельбекера «Разуверение» (1821): «Надо мною тяготеет Клятва друга первых лет! — Юношей связали музы, Радость, молодость, любовь — Я расторг святые узы! Он в толпе моих врагов! „Ни любовницы, ни друга Не иметь тебе вовек!" — Молвил гневом вдохновенный И пропал мне из очей — С той поры уединенный Я скитаюсь меж людей!» (ст. 13—24; Кюхельбекер. Т. 1. С. 152). Под «другом» здесь понимается Пушкин. В искаженном виде слухи об этом конфликте дошли до Л. Н. Павлищева, который сообщил, что «Разуверение» было записано в альбоме О. С. Павлищевой (Пушкиной) и было якобы сочинено ею от имени Кюхельбекера, после упрека, сделанного Кюхельбекеру Пушкиным за обидчивый нрав (см.: Новости. 1875. 7 янв. № 7; *Павлищев Л. Н.* Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890. С. 31—32).

ЭПИГРАММА НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА

(«Покойник Клит в раю не будет...»)

(С. 297 и 411)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА) — без заглавия.

2) Тетр. Никитенко (Ник) — под заглавием: «Эпитафия». Напечатано: Посм. Т. 9. С. 369 (по ТЖ); РП. С. 88 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$) — под заглавием: «Эпитафия».

4) Тетр. Щербакова (Щер).

Тексты копий идентичны.

Впервые: СН. 1817. Ч. 2. № 2. С. 68, с подписью: «Александр Пушкин»; перепечатано под заглавием «На смерть стихотворца»: Опыт русской антологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым. СПб., 1828. С. 102.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по СН.

Датируется предположительно маем 1814—маем 1817 г. (обоснование см. ниже).

Адресат эпиграммы, по-видимому, В. К. Кюхельбекер; ср. обозначение его условно-эпиграмматическим именем «Клит» в серии посвященных ему эпиграмм сборника «Жертва Мому...» (в том числе пушкинской — «Несчастие Клита», включенной в состав «Собрания лицейских стихотворений», — см.: Измайлов. С. 58—63). Комментируемая эпиграмма не вошла, однако, в сборник «Жертва Мому...», относящийся к январю—апрелю 1814 г.; вероятно, она была написана позже этого времени, но несомненно в Лицее, так как находится в лицейских сборниках. Сомнительно появление ее и накануне выпуска, когда происходил обмен прощальными посланиями (см. стих. «Кюхельбекеру» — наст. т., с. 284). Этими соображениями определяются хронологические границы стихотворения.

Тема эпиграммы, возможно, подсказана эпиграммой А. Пирона (Piron, 1689—1773) «Damon pleure sur ses ouvrages...» (см.: *Попов А.* Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII в. // Пушкинист, II. С. 210).

«ОТ ВСЕНОЩНОЙ ВЕЧОР ИДЯ ДОМОЙ...»

(С. 298 и 412)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) И. И. Пущина в рукописи «Записок о Пушкине» (Пущ).

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 ($Дол_2$).

3) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Эпиграмма».

Копия Ф. Ф. Матюшкина, которой пользовался П. А. Ефремов, а также копии, бывшие в распоряжении Н. В. Гербеля, А. И. Герцена и Н. П. Огарева (см. ниже), утрачены.

Впервые: Атеней. 1859. № 8. С. 517 (ст. 1—6; в составе «Записок о Пушкине» И. И. Пущина); Герб. С. 6; ПЗ 1861. С. 106 (полностью; публ. А. И. Герцена); Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861. С. 99 (полностью; публ. Н. П. Огарева).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по Пущ с исправлением по другим спискам ст. 5 («я уж позабыла» вместо «я забыла»), ст. 7 («с крестником Ванюшкою» вместо «с крестником Ванюшею») и ст. 14 («А всякого словами разобидишь» вместо «Словами ж всякого, пожалуй, разобидишь»).

Датируется временем пребывания Пушкина в Лицее (1814—1817); твердых оснований для более точной датировки нет.

О происхождении эпиграммы рассказывает И. И. Пущин: «Сидели мы с Пушкиным однажды вечером в библиотеке у открытого окна. Народ выходил из церкви от всенощной; в толпе я заметил старушку, которая о чем-то горячо, с жестами рассуждала с молодой девушкой, очень хорошенькой. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чем так горячатся они, о чем так спорят, идя от молитвы? Он почти не обратил внимания на мои слова, всмотрелся, однако, в указанную мною чету и на другой день встретил меня стихами ⟨следует текст⟩.

„Вот что ты заставил меня написать, любезный друг", — сказал он, видя, что я несколько призадумался, выслушав его стихи, в которых поразило меня окончание. В эту минуту подошел к нам Кайданов, — мы собирались в его класс. Пушкин и ему прочел свой рассказ.

Кайданов взял его за ухо и тихонько сказал ему: „Не советую вам, Пушкин, заниматься такой поэзией, особенно кому-нибудь сообщать ее. И вы, Пущин, не давайте воли язычку", — прибавил он, обратясь ко мне. Хорошо, что на этот раз подвернулся нам добрый Иван Кузьмич, а не другой кто-нибудь» (Пущин. С. 59).

«ПОЖАРСКИЙ, МИНИН, ГЕРМОГЕН...»

(С. 299)

Автограф неизвестен.

Копия: «Собрание лицейских стихотворений» (СЛС), отд. V (ЛА). Напечатано: КН. Т. 1. С. 74 (публ. М. А. Цявловского).

Впервые: Гаевский. П. в Лицее. № 7. С. 164 (вероятно, со слов лицеистов; в черновике статьи в тексте эпиграммы оставлены лакуны для последующего заполнения; видимо, текст не удалось вспомнить полностью; ст. 3 в публикации В. П. Гаевского дефектен: «Слог темен, напыщен»).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1 (П. А. Ефремов, по-видимому, ввел редакторскую конъектуру в ст. 3: «Слог темен, важен, напыщен»).

Печатается по СЛС.

Датируется временем пребывания Пушкина в Лицее (1814—1817); твердых оснований для более точной датировки нет.

«Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия. Лирическая поэма в трех песнях» (отд. изд.: СПб., 1807) — одно из основных произведений кн. Сергия Александровича Ширинского-Шихматова (1783—1837), высоко оцененное в «Беседе любителей русского слова»; в печатном отзыве А. С. Шишкова утверждалось, что поэма в некоторых местах не уступает сочинениям М. В. Ломоносова (см.: РВ. 1808. № 5. С. 113—138). После выхода «Пожарского, Минина, Гермогена...» Ширинский-Шихматов получает репутацию одной из наиболее значительных литературных величин в «Беседе...»; он пользовался особым покровительством Шишкова, что постоянно отмечалось в «арзамасских» памфлетах (см., например, «Певец ⟨...⟩ в Беседе Славено-Россов» К. Н. Батюшкова и А. Е. Измайлова; ср. также: «Арзамас» 1994, по указ.). Сочинения Шихматова были обычным предметом насмешек «арзамасцев», в особенности В. Л. Пушкина, задевшего их еще в «Опасном соседе» (см. также выше примеч. к стих. «Тень Фон-Визина» и эпиграмме «Угрюмых тройка есть певцов...», с. 654—655, 660); в марте 1816 г. при приеме в «Арзамас» В. Л. Пушкин произнес речь именно о Шихматове («Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 340—343); эпиграмму на Шихматова он включил и в письмо Пушкину от 17 апреля 1816 г. Пушкинская эпиграмма использует метрическую структуру заглавия поэмы, образующую (видимо, помимо желания автора) две строки правильного четырехстопного ямба; дописанные к нему две последние строки синтаксически ориентированы на подлинное заглавие, что придает им и пародийный эффект. Почти ту же оценку поэзии Шихматова Пушкин повторял и позднее, полемизируя с развернутой рецензией В. К. Кюхельбекера на поэму «Петр Великий. Лирическое песнопение» (1810), где было упомянуто и о поэме «Пожарский, Минин, Гермоген...» как о творении «менее совершенном», однако изобилующем «великими красотами» (Кюхельбекер. Путешествие. С. 468; впервые: СО. 1825. № 15). В письме от 1—6 декабря 1825 г. Пушкин писал Кюхельбекеру: «...кн⟨язь⟩ Шихматов, несмотря на твой разбор и смотря на твой разбор, бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля» (Акад. Т. 13. С. 248). О литературной позиции Шихматова см.: Поэты 1790—1810-х гг. С. 365—366, 841—843 (коммент. М. Г. Альтшуллера); *Альтшуллер М. Г.* Предтечи славянофильства в русской литературе: (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ardis: Ann Arbor, 1984. С. 106—136.

ОТРЫВКИ

«МЫ НЕДАВНО ОТ ПЕЧАЛИ...»
(С. 300)

Автограф неизвестен.

Копия И. И. Пущина (по-видимому, запись по памяти) — в рукописи «Записок о Пушкине» (Пущ). Единственный источник текста.

Впервые: Атеней. 1859. № 8. С. 517 (в составе «Записок о Пушкине» И. И. Пущина). В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по Пущ.

Датируется сентябрем 1814 г. на основании рассказа И. И. Пущина.

Экспромт Пушкина «по случаю гоголь-моголя» (см. примеч. к стих. «Воспоминание. (К Пущину)», с. 664). «Фома ⟨Лысаковский⟩ был дядька, который купил нам ром. Мы кой-как вознаградили его за потерю места. Предполагается, что песню поет Малиновский ⟨...⟩. Барон — для рифмы, означает Дельвига» (Пущин. С. 58).

Парафраза первой строфы стихотворения Д. Давыдова «Премудрость» (ВЕ. 1811. № 1): «Мы недавно от печали, Лиза, я да Купидон, По бокалу осушали и Премудрость гнали вон».

⟨НОЭЛЬ НА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГУСАРСКИЙ ПОЛК⟩

(С. 301)

Автограф неизвестен.

Фрагментарные записи:

1) П. И. Бартенева на отдельном листке почтовой бумаги без водяных знаков с выпуклым фабричным клеймом (под короной «ВАТН»). Текст заключает в себе 21 стих, считая обозначенную точками лакуну; в ст. 18 слова «хлыстом махая» вписаны позднее, начало ст. 19 «Хрис» переделано на «хлыстом» и затем зачеркнуто. Правка дает основания предполагать, что Бартенев записывал стихи под диктовку лица, припоминавшего отдельные места в целом забытого стихотворения. Стихи записаны подряд без знаков препинания (кроме ст. 7). После ст. 4 — многоточие, свидетельствующее о существовании лакуны. На левом поле в скобках перечислены имена лиц, выведенных в «⟨Ноэле...⟩». Листок со стихами был вложен в тетрадь текстов Пушкина и записей Бартенева по Пушкину начала 1850-х гг. Описание тетради см.: Лет. ГЛМ. С. 491—547. В настоящее время этот текст хранится: РГАЛИ, ф. 2558 (архив Цявловского), оп. 2, № 1794.

2) К. А. Бутенева в его неопубликованном письме к П. И. Бартеневу, со следующим примечанием: «Сообщаемые мною на обороте стихи, по словам Василия Васильевича Ильина, принадлежат Пушкину. Они составляли, вероятно, начало шуточного стихотворения, написанного, очевидно, в царскосельский период жизни Пушкина, когда он был знаком с офицерами лейб-гусарского полка. Левашов был командиром полка, а Голубцов служил в нем офицером. Сам Василий Васильевич поступил в лейб-гусарский полк юнкером в 1817 году и служил в нем, кажется, до 1828 года. Прилагаемый отрывок может иметь какое-либо значение, только ежели он написан Пушкиным, и вряд ли удобен для напечатания». Текст, сообщаемый К. А. Бутеневым, содержит 13 стихов, из них семь новых по сравнению с текстом, записанным Бартеневым. Письмо Бутенева вплетено в том писем к П. И. Бартеневу 1880 г. и других годов; хранится: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 572, л. 300—301.

Впервые: *Цявловский М. А.* Неизданные строки Пушкина // Изв. ЦИК. 1929. 29 нояб. № 279.

В собрание сочинений впервые включено: КН. Т. 1.

Печатается по записям Бартенева и Бутенева.

В Акад. (Т. 1. С. 304—305) на основании тех же записей текст был реконструирован М. А. Цявловским. Приводим обоснование произведенной реконструкции текста: «...строфа ноэля строится на разностопных ямбах: первые четыре стиха — трехстопные с перекрестными рифмами (1-й и 3-й — женские, 2-й и 4-й — мужские), 6-й и 7-й стихи — четырехстопные со смежной (мужской) рифмой. Строф в ноэле неограниченное количество. Восстанавливать ноэль на лейб-гвардии Гусарский полк Пушкина приходится, размещая данные записями стихи в указываемые строфой размеры. При этом обнаруживается, что ст. 18 записи Бартенева составлен из двух, которые могут быть лишь третьим или четвертым какой-нибудь строфы; стихи 16, 17, 20 не укладываются в размеры, к тому же рифмы „полк" и „филантроп" у Пушкина быть не могло. Каждый 7-й стих всех строф в записи Бартенева — трехстопен, как и последний, то есть стихи эти короче, чем должны быть. Три последних стиха в записи Бартенева дают столкновение двух мужских рифм. Таким образом, при реконструировании текста ноэля приходится жертвовать остроумными, но искаженными в записях стихами 16 и 17:

Конечно Иисус
К нам вступит в полк

и стихом 20:

И рад вам оказать.

Запись Бутенева дает столь же плохой текст, как и бартеневский. Правда, она подтверждает шесть стихов записи Бартенева: первые два и 8—11 ⟨правильно: 10—13⟩ (последние четыре в записи Бутенева), давая лишь один вариант.

Но фрагменты нового куплета (ст. 3—9 записи), посвященного Голубцову, дают текст, чрезвычайно искаженный. Не говоря о том, что все они записаны в случайной последовательности, стих „Ты из какой семьи?" заменяет собой стих, долженствующий рифмовать со стихом „Из Голубцовых я". Стихи 7 и 6 записи дошли не в полном виде; а 9-й — с лишним словом „прямо".

В скомпонованной нами II строфе ст. 6 и 7, может быть, шли в обратном порядке. Последовательность строф тоже произвольная. Несомненно лишь, что начинался ноэль первой из наших строф. Последняя из наших строф, может быть, была предпоследней у Пушкина: слово „вдруг" указывает на то, что перед тем должны были пройти несколько строф; описывается в строфе приход адъютанта с ударными словами о командире полка. После этой строфы, вероятно, шла традиционная концовочная строфа, где Мария или Христос произносят порицание по адресу дефилировавших лиц» (РГАЛИ, ф. 2558, оп. 2, № 72, л. 14—16).

Реконструкция М. А. Цявловского, произведенная с учетом метрики и строфики ноэля, при всех ее достоинствах, могла быть осуществлена только ценой деформации несовершенного исходного материала, а иногда и прямого отступления от него. Помимо оговоренного им сокращения стихов, необходимых для понимания смысла строк о «полковнике-филантропе» («Конечно, Иисус К нам вступит в полк ⟨...⟩ И рад вам оказать»), в его текст введена по неизвестному источнику строка, отсутствующая в записях Бартенева и Бутенева («Что, здесь ⟨...⟩ Христос живет?»). Все это заставляет нас изменить предложенный им текст, отказавшись от значительной части редакторских конъектур и приблизив его к реальным, неоформленным записям.

Он естественно делится на четыре строфы, каждая из которых состоит из семи стихов; недостающий ст. 8 обозначен (многоточием) только в строфе I записи Бартенева. Стихи записывались через несколько десятков лет после их создания со слов пушкинских современников, которые, естественно, не могли удержать в памяти значительное количество стихотворных строк в их первоначальном виде, тем более что форма ноэля чрезвычайно трудна для запоминания. Поэтому сохранившиеся строки следует печатать в том виде, в каком они дошли до нас, имея в виду, что это лишь материал, из которого строился ноэль; деление на строфы производим исходя из заключенного в каждой из них особого сюжета.

Возможно, в одной из строф, также до нас не дошедших, шла речь о Каверине; в Кав списку послания «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...» (1817)) было предпослано следующее примечание: «Пушкин в Noël на лейб-гусарский полк, не прочтя мне, поместил и на мой счет порядочный куплет и, чтоб извиниться, прислал через несколько дней следующее послание» (Щербачев. С. 60). В дореволюционной пушкиноведческой литературе содержащееся в стихах «К Каверину» извинение нередко связывалось со строкой «Каверина пьянство» из «Молитвы лейб-гусарских офицеров», якобы принадлежавшей Пушкину, но, по-видимому, написанной лейб-гусаром Василием Петровичем Завадовским (1799—1855) не ранее 1818 г. (Завадовский вступил в полк из юнкеров корнетом в феврале 1818 г.), когда послание к Каверину уже существовало (см.: *Кобеко Д. Ф.* Молитва лейб-гусарских офицеров // ПиС. Вып. 17—18. С. 9—12).

Датируется декабрем 1816 г. на основании содержания и примечания к копии послания «К Каверину» в Кав. Написано несколькими днями ранее послания (см. выше примеч. к этому стих., с. 743).

Жанр ноэля, в котором написано стихотворение, не характерен для русской поэзии; он заимствован из Франции (Noël — Рождество). С конца XVII в. в подражание поющейся на мотив рождественских церковных песнопений народной сатирической песне поэты стали сочинять к празднику Рождества ноэли — сатирические куплеты, где высмеивались отдельные лица (духовенство, представители власти,

деятели культуры и т. д.) и обыгрывались злободневные общественно-политические сюжеты, относящиеся к истекшему году. Строфа ноэля состоит из восьми стихов; первые четыре шестисложные, затем один двенадцатисложный, два восьмисложных и заключительный шестисложный. В России в подражание французским ноэлям писали также Д. П. Горчаков и П. А. Вяземский; ноэли последнего Пушкин упоминает в «Городке. (К***)» и «Послании В. Л. Пушкину» («Скажи, парнасский мой отец...») (см. выше примеч. к этим стихотворениям, с. 628, 756).

Стихотворение «⟨Ноэль на лейб-гвардии Гусарский полк⟩» представляет собой обличительные куплеты, в которых, в соответствии с традицией жанра, сатирически изображена галерея представлявшихся Марии и младенцу Христу лиц — знакомых Пушкину офицеров расквартированного в Царском Селе лейб-гвардии Гусарского полка: «Говоря о кружках, оставивших влияние на Пушкина, нельзя не упомянуть об офицерах лейб-гусарского полка, стоявшего в Царском Селе. Лицеисты встречались с ними в семейных домах и особенно в манеже ⟨...⟩. Хотя в известной „Молитве лейб-гусарских офицеров" Пушкин не особенно лестно отзывается об их большинстве ⟨речь должна идти о «⟨Ноэле на лейб-гвардии Гусарский полк⟩»⟩, но между ними были люди с европейским образованием и любившие литературу» (*Гаевский В. П.* О влиянии Лицея на творчество Пушкина // В память пятидесятилетия кончины А. С. Пушкина. СПб., 1887. С. 46).

Ст. 1—2. *В конюшнях Левашова Рождается Христос.* — По евангельской легенде, Мария, родив младенца Христа, положила его в ясли. Василий Васильевич Левашов (1783—1848) — генерал-майор, командир лейб-гвардии Гусарского полка (1815—1822; 1824—1826). По отзывам современников, он был человеком недалеким, отличавшимся дурным характером: «...Левашов, кроме того, что был весьма неприятный начальник, был пренесносный человек; он сохранил старые замашки фанфаронства, которыми отличался при Александре Павловиче весь Кавалергардский полк, где он прежде служил» (Семейная хроника: Записки А. В. Кочубея. 1790—1873. СПб., 1890. С. 143); ср. воспоминания С. Г. Волконского: «В числе других товарищей упомяну я о В. В. Левашове, к крайнему моему удивлению занимавшем впоследствии места государственные и вовсе не приготовленном к оным»; «Об Левашове что сказать? ⟨...⟩ был тогда, остался и после фанфароном» (Записки С. Г. Волконского (декабриста). 2-е изд. Пб., 1902. С. 5, 60).

Ст. 3. *Звезда сияет снова...* — По евангельскому преданию, появившаяся на востоке звезда привела волхвов в Вифлеем и остановилась над местом, где родился Христос.

Ст. 6. *Иосиф отпер ворота...* — Иосиф — муж Марии, матери Христа. В записи Бартенева на полях рядом с этой строкой помета в скобках: «Осип Ив⟨анович⟩ Юшков, лейб-гус⟨арский⟩ полковник, к⟨оторый⟩ зан⟨имался⟩ ваянием». Юшков был в 1816 г. ротмистром; произведен в полковники в августе 1817 г. Возможно, в недошедших стихах содержался сюжет, связанный с Осипом Юшковым (обыгрывалось тождество имен); не исключено, впрочем, что эта идентификация искусственна.

Ст. 11. *«Из Голубцовых я!»* — Пушкин имеет в виду Платона Ивановича Голубцова (1794—1870), в 1816 г. корнета лейб-гвардии Гусарского полка. Происходил из дворян Пермской губернии. Его формулярный список см.: РГВИА, ф. 395, оп. 81, № 135.

Ст. 18—19. *Лихого генерала Вбегает адъютант...* — Речь идет о Василии Дмитриевиче Олсуфьеве (1796—1858), корнете лейб-гвардии Гусарского полка, адъютанте полкового командира с 28 февраля 1815 г. Олсуфьев неоднократно встречался с Пушкиным и после выхода поэта из Лицея (см.: ПиС. Вып. 38—39. С. 216—218).

Ст. 21—22. *«А сам он не придет, От дев немного болен».* — О частых болезнях Левашова см., например, письмо А. М. Горчакова к Пещуровым от 7 марта 1817 г. (КА. 1936. Т. 6 (79). С. 199), а также запись в дневнике В. Д. Олсуфьева

от 10 ноября 1817 г. (ГАРФ, ф. 1019, оп. 1, № 528). Строка содержит намек и на бальные успехи Левашова, красавца и щеголя (см.: РС. 1880. № 9. С. 23).

Ст. 23—29. *«Конечно, Иисус к нам вступит в полк ~ Хоть тысячи услуг»*. — Строфа посвящена Дмитрию Ивановичу Крекшину (1789—1832), с 1 января 1816 г. полковнику лейб-гвардии Гусарского полка, обучавшему лицеистов верховой езде («хлыстом махая»). Имя Крекшина указано в записи текста «⟨Ноэля...⟩», сделанной Бартеневым. Варвара Петровна Пукалова (род. 1784) — жена статского советника, обер-секретаря Св. Синода Ивана Антоновича Пукалова, любовница А. А. Аракчеева: «Клейнмихель, Салов и мадам Пукалов были всесильны при Аракчееве» (*Маркевич Н. А.* Из записок // Глинка в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 135). В воспоминаниях Н. И. Греча об Аракчееве содержится следующее упоминание о Пукаловой: «...имел он ⟨Аракчеев⟩ ⟨...⟩ фаворитку из высшего класса ⟨...⟩ Варвару Петровну Пукалову, миловидную, умную и образованную женщину, которая, пользуясь своей властью над дикобразом, была посредницею между им и просителями» (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 556—557). Запись Бартенева о том, что «полковник-филантроп», «друг Пукаловой» — это Д. И. Крекшин, подтверждается эпистолярными и мемуарными свидетельствами. Известно, что летом 1819 г. В. П. Пукалова была в Карлсбаде на водах «с каким-то молодым полковником» (см. письмо А. Я. Булгакова к К. Я. Булгакову от 13 (25) июня 1819 г. — РА. 1900. Кн. 3. С. 205). Из Петербурга Пукалова выехала 21 января 1819 г. (СПбВед. 1819. № 6). В этот же день уволился в отпуск «лейб-гвардии Гусарского полка полковник Крекшин за границу до излечения болезни» (РИ. 1819. № 17). Любопытные сведения о В. П. Пукаловой и ее отношениях с Аракчеевым и Крекшиным содержатся в воспоминаниях Д. И. Никифорова:

«Рядом с домом деда был дом вдовы генерал-майора Варвары Петровны Крекшиной, по первому мужу Пуколовой, рожденной Мордвиновой. Мать этой Крекшиной была простая калмычка Оренбургских степей. Впоследствии Мордвинов, женившись на ней, узаконил дочь и выдал ее замуж за Пуколова, правителя дел Святейшего Синода и любимца всемогущего в то время графа Аракчеева, который оформил все для своей будущей жены. Варвара Петровна Крекшина (тогда еще Пуколова) играла большую роль в царствование императора Александра I по близким отношениям своим с знаменитым в то время Аракчеевым. Я помню один ее рассказ. По окончании каждого смотра или развода Аракчеев заезжал к ней. Как балованная барыня она лежала до 12 часов в постели. Генералы, приезжавшие к ней, ждали ее выхода в приемной зале, а главное, им хотелось показаться Аракчееву, когда он проходил в будуар к своей красавице и уходил обратно от нее. В один из дней посещения ее Аракчеевым она заспорила в чем-то с ним и держала пари à discrétion. Аракчеев проиграл. Что же сделала проказница? Она потребовала, чтобы Аракчеев вывез ее в одной батистовой рубашке на своих плечах в залу к собравшемуся генералитету и верхом на плечах всесильного временщика объехала в таком виде зал. Аракчеев был так ею очарован, что исполнял ее прихоти. Муж ее Пуколов был правителем дел у Аракчеева, не мешал своей жене и тем устраивал свою карьеру. Но своенравная красавица влюбилась в молодого гусара Крекшина, и хотя он посещал ее весьма скрытно, но Аракчеев узнал про их свидания. Говорят даже, что он был предупрежден покойным государем Александром I. Пуколова жила на даче. Ночью дача была окружена многочисленными секретами. Когда Крекшин шел к ней ночной порой, то был схвачен караульными и отведен на гауптвахту. Наутро Крекшина везли уже на курьерской тройке с жандармом как переведенного в армейский полк. Пуколова в тот же день поскакала на место ссылки Крекшина к нему и впоследствии по смерти первого мужа вышла за него замуж» (*Никифоров Д.* Воспоминания: Москва в царствование императора Александра II. М., 1904. С. 36—38). Куплет является отражением слухов об этой связи, распространившихся, по-видимому, в 1816 г. Смысл сатирического выпада заключается в следующем: Крекшин обещает оказать Марии «хоть тысячи услуг», в том числе и помочь Иисусу вступить в лейб-гвардии Гусарский полк.

⟨ОТРЫВКИ «ПРО СЕБЯ»⟩

(С. 302)

⟨1⟩

(«Я сам в себе уверен...»)

Автограф неизвестен.
Копия П. П. Каверина (см. ниже) утрачена.
Впервые: Щербачев. С. 104 (по копии Каверина).
В собрание сочинений впервые включено: Венг. Т. 6.
Печатается по тексту первой публикации.
Датируется предположительно сентябрем 1816—маем 1817 г.

⟨2⟩

(«Великим быть желаю...»)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Альбом Горчакова (Грч).
2) Тетр. Дашкова (Даш).
3) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт).
4) Тетр. Якушкина (Якуш).
5) Тетр. Тихонравова (Тих).
6) Тетр. Гаевского (Гв).
7) П. А. Ефремова (Е).
8) Копия ⟨А. И. Нордштейна⟩ из сборника «Всякая всячина» (ГИМ). Напечатано: Щукинский сборник. М., 1905. Вып. 4. С. 287 (публ. П. И. Щукина).

Утраченные копии:

1) Неизвестного лица. Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1. № 12. Стб. 370 (в составе публикации «Мелкие стихотворения А. С. Пушкина. (Из рукописных сборников)»).
2) Н. В. Гербеля. Напечатано: Герб. С. 102.
3) Н. П. Огарева. Напечатано: Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861. С. 77, с подзаголовком: «(В Лицее)».

Текст всех копий и публикаций идентичен. Заглавие везде: «Про себя», за исключением Грч, где озаглавлено: «Отрывок (про себя)».

Впервые: БЗ. 1858. Т. 1. № 12. Стб. 370.
В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1. Отд. «Dubia».
Печатается по Грч.
Датируется предположительно сентябрем 1816—маем 1817 г.

Ни творческая история, ни время написания четверостиший неизвестны, и самая принадлежность их Пушкину оспаривалась. В копии первого отрывка, внесенной в Тетрадь Каверина 24 марта 1825 г. (с пометой: «Калуга»), есть разъяснения П. П. Каверина: «Пушкин, еще бывши в Лицеи, куплет на себя сделал» (Щербачев. С. 104). По словам Ю. Н. Щербачева, текст этот, как приписываемый Пушкину, был известен и Л. Н. Майкову, который сомневался в его подлинности. Второй отрывок и в настоящее время печатался в отделе «Dubia» (см.: Акад. Т. 2. С. 491, 1201). Между тем принадлежность обоих четверостиший Пушкину удостоверяется достаточно авторитетными свидетельствами Каверина и А. М. Горчакова; альбом последнего с текстом второго отрывка был просмотрен и выправлен Пушкиным, вычеркнувшим приписанное ему стихотворение Б. М. Федорова «Всегда так будет, как бывало...» (см.: Акад. Спр. том. С. 23; Рукоп. П. 1937. С. 177). Судя по пометам в копиях Каверина и Огарева, оба отрывка написаны в Лицее, скорее всего в период интенсивного общения Пушкина с царскосельскими гусарами (сентябрь 1816—май 1817 г.). Есть основания думать, что оба четверостишия составляли часть единого несохранившегося текста или предназначались для одного произведения, задуманного, но не осуществленного. В

пользу такого допущения говорят как метрическая изоморфность, так и очевидная смысловая связь отрывков. Оба они написаны «на себя» (ср. помету Каверина и название второго «отрывка» во всех копиях, а также обозначение «отрывок» для второго четверостишия в Альбоме Горчакова) и представляют собою поэтический автопортрет. Содержание их соотносится с темами бесед в гусарской среде, где обсуждались и серьезные вопросы — о патриотизме, социальной ответственности личности, политическом положении страны и т. п. Уверенность в своем предназначении и возможностях была свойственна Каверину (см., например, его запись 1811 г. в тетради А. И. Михайловского-Данилевского: «Будущность за меня — время докажет» (РГБ, ф. 751.1.64); о его антидеспотических и антикрепостнических взглядах см.: Щербачев. С. 56—57; *Мандрыкина Л. А., Цявловская Т. Г.* Распространение вольнолюбивых стихов Пушкина Кавериным и Щербининым // ЛН. Т. 60, кн. 1. С. 393—404). О том, что Каверин был «любимым ⟨...⟩ собеседником» Пушкина, пишет М. А. Корф (Грот. Пушкин. 1899. С. 248). О Каверине см. выше примеч. к стих. «К портрету Каверина» («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...»), с. 739. Памфамир Христофорович Молоствов (1793—1828) — корнет (с ноября 1817 г. ротмистр) лейб-гвардии Гусарского полка, другой знакомец Пушкина, был также захвачен преддекабристскими общественными настроениями; по воспоминаниям Д. Н. Свербеева, он глубоко переживал, в частности, тот факт, что Россия мирится с крепостным правом (см.: *Свербеев Д. Н.* Записки (1799—1826). М., 1899. Т. 2. С. 239); ср. в стихотворении Пушкина 1824 г. «⟨К Сабурову⟩»: «Бранил Россию [с] Молоствовым» (Акад. Т. 2. С. 350). Об уме Молоствова упоминается также в приписываемом Пушкину стихотворении «⟨К портрету Молоствова⟩» («Не большой он русский барин, Дураком он не был ввек...») (Акад. Т. 2. С. 492). Ср. в заметках П. В. Анненкова со слов Я. И. Сабурова: «*Молоствов*, широкоплечий гусар, был просто пьяница горький и буйный, но умный. Цинизм времени выразился в нем шуткой: „лучшая женщина есть мальчик и лучшее вино — водка"» (*Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л., 1929. С. 336). О Молоствове см. также: *Молоствов Н. Г.* Четверостишие А. С. Пушкина к портрету П. Х. Молоствова // РА. 1898. Кн. 6. С. 332. «Ум» в 1810—1820-е гг. — этико-политическая категория, предполагающая сочувствие высоким идеям и чувствам; отсюда противопоставление вольнодумства «умника» посредственности, ординарности и косности «глупцов» (ср. в «Горе от ума»; в январе 1825 г. А. С. Грибоедов писал П. А. Катенину: «В моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека» (*Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. 3. С. 167)).

⟨1⟩

Ст. 2. *Я умник из глупцов...* — Ср. текстуальное совпадение с «⟨Ноэлем на лейб-гвардии Гусарский полк⟩»: «Я из глупцов» (наст. т., с. 301).

⟨2⟩

Ст. 1. *Великим быть желаю...* — Форма отрывка, возможно, подсказана популярной сатирической песней И. И. Дмитриева «Я моськой быть желаю...» (1796), вошедшей в «Карманный песенник...», составленный Дмитриевым (М., 1796. Ч. 1—3); ср.: *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стих. Л., 1967. С. 322 (Б-ка поэта; Большая сер.).

КОЛЛЕКТИВНОЕ

КУПЛЕТЫ НА СЛОВА «НИКАК НЕЛЬЗЯ — НУ ТАК И БЫТЬ» («Я прав, он виноват; решите...»)

(С. 303)

Копия А. М. Горчакова — при его письме к А. Н. Пещурову от 10 июля 1816 г. (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 260). Единственный источник текста.

Впервые: КН. Т. 1. С. 368—369 (публ. М. А. Цявловского).

В собрание сочинений впервые включено: КН.

Печатается по копии Горчакова.

Датируется июнем—началом июля 1816 г. Обоснование датировки и сведения об обстоятельствах создания см. ниже в примеч. к стих. «Куплеты на слова „С позволения сказать"», с. 783—784.

КУПЛЕТЫ НА СЛОВА «С ПОЗВОЛЕНИЯ СКАЗАТЬ» («С позволения сказать...»)

(С. 304)

Копии:

1) А. М. Горчакова, при его письме к А. Н. Пещурову от 10 июля 1816 г. (ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 260) — под заглавием: «На слова: (С позволения сказать). (Отрывок)» (строфы 1—4). Напечатано: КН. Т. 1. С. 369—370 (публ. М. А. Цявловского).

2) Сб. в частном собрании М. Д. Ромма (С.-Петербург). Копия первой половины 1820-х гг., без заглавия. Напечатано: Звезда. 1974. № 6. С. 200 (вариант ст. 39; публ. М. Д. Ромма).

3) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — по-видимому, с текста первой публикации.

Впервые: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 386—387 («со слов товарищей поэта»; строфы 1 (совпадает с копией Горчакова), 5—6); КН. Т. 1 (полностью).

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1869—71. Т. 1 (строфы 1, 5—6); КН. Т. 1 (полностью).

Печатается по копии Горчакова (строфы 1—4) и публикации В. П. Гаевского (строфы 5—6).

Датируется июнем—началом июля 1816 г. на основании письма А. М. Горчакова от 10 июля 1816 г.

Об обстоятельствах сочинения «Куплетов» Горчаков рассказывал в письме к А. Н. Пещурову: «Недавно составилось у нас из наших поэтов и нескольких рифмачей род маленького общества, которое собирается раз в неделю, обыкновенно в субботу; и, садясь в кружок, при чашке кофе, каждый читает маленькие стишки на предмет или лучше на слово, заданное в прежнем заседании; т. е. каждому дают какое-нибудь слово, на которое он должен изготовить к будущей субботе водевиль, на который наш виртуоз Корсаков сочиняет обыкновенно голос; голоса эти ему довольно часто удаются. Для смеху, забавы и *куриозу* присылаю вам два из этих маленьких соводевилей...» (КА. 1936. Т. 6 (79). С. 191). К письму прилагались куплеты на слова «Никак нельзя — ну так и быть» и «С позволения сказать». Слово «водевиль» (фр. vaudeville) употреблено здесь Горчаковым, очевидно, в значении «сатирическая песенка на злобу дня» (ср.: СЯП. Т. 1. С. 313). Один из лицейских «поэтов», о которых упоминает Горчаков, несомненно, Пушкин; другие, вероятно, А. А. Дельвиг или А. Д. Илличевский. Еще с большей определенностью указывал на авторство Пушкина (даже индивидуальное) Гаевский, сообщавший, что куплеты «С позволения сказать...» были

написаны Пушкиным для общества, собиравшегося по воскресеньям у лицейского учителя музыки и пения Теппера де Фергюсона (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 385—386).

Ст. 30. *Моськина* — по объяснению Гаевского, «жена одного из служивших в царскосельском дворцовом правлении» (см.: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 386).

Ст. 33. *Но гусары ведь невинны...* — Имеется в виду квартировавший в Царском Селе лейб-гвардии Гусарский полк.

«БОЖЕ! ЦАРЯ ХРАНИ!..»

(С. 306 и 412)

Автограф (ПД 16; на отдельном листе) — беловой текст ст. 8—21, с поправками (строфа, написанная В. А. Жуковским, отсутствует); на обороте — черновой текст ст. 15—21 в ранней редакции. Напечатано: АН 1899. Примеч. С. 323—324 и АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 334 (в виде вариантов по отношению к тексту Посм.; публ. Л. Н. Майкова); Грот. Пушк. лицей. С. 332—334. Факсимильное воспроизведение (л. 1): Венг. Т. 1. С. 365.

Копии:

1) Сб. «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ).

2) Тетр. Никитенко (Ник). Напечатано: Посм. Т. 9. С. 399 (по ТЖ); РП. С. 94 (непосредственно по Ник; публ. М. О. Гершензона).

3) Выписки Я. К. Грота из Тетр. Яковлева—Корфа (Як—Корф).

4) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 ($Дол_1$).

Тексты всех копий соответствуют последней редакции автографа.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 399.

В собрание сочинений впервые включено: Посм.

Печатается по беловому автографу.

Датируется сентябрем—октябрем (до 14) 1816 г.

По сведениям В. П. Гаевского, гимн был написан Пушкиным для празднования дня основания Лицея (19 октября 1816 г.) «на голос английского народного гимна „God save the King"» (Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 372). «God save the King» — песнопение, приобретшее особую популярность после исполнения его в Дрюри-Лейнском театре 28 сентября 1745 г. и в начале XIX в. получившее статус национального гимна. Текст и музыка, восходящие к образцам XVII в., варьировались. О пении лицеистами русского варианта гимна сообщает М. А. Корф: «...в летние вечера 1816 и 1817 годов, при Энгельгардте, когда мы имели уже постоянный хор и певали у директора на балконе, государь подходил к садовой решетке близ лестницы у дворцовой церкви и, облокотясь на нее, слушал по нескольку минут наше пение. И хотя балкон с этой стороны был задернут парусиною, но мы всегда узнавали через тайных соглядатаев близость государя и, бывало, тотчас начинали петь „Боже, царя храни!" по тогдашнему тексту и тогдашней английской мелодии» (Грот. Пушкин 1899. С. 247). К лету 1816 г. уже существовал русский перевод-вариация первой строфы — «Молитва русских» («Боже, царя храни!..») Жуковского, в 1815 г. напечатанный в «Сыне отечества» (№ 48). По-видимому, накануне торжеств по случаю основания Лицея возникла мысль о более полном русском тексте для публичного хорового исполнения; можно предполагать, что заказал его Пушкину сам Е. А. Энгельгардт. Торжества состоялись 14 октября, в день рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны; на них был исполнен гимн с текстом Жуковского и Пушкина (см.: Летопись 1991. С. 119—120). В ноябре 1816 г. Юлия Кюхельбекер просила брата «прислать ей похвальные стихи государю *Пушкина*, петые ⟨...⟩ на ⟨...⟩ лицейском празднике» (РС. 1875. № 7. С. 337). Не исключена возможность, что именно об этих «придворных куплетах» как о «страшном грехе» против поэзии Пушкин упоминал в одной из редакций послания «К Ш⟨ишк⟩ову» (см.: Другие редакции и варианты, с. 386, а также примеч. к этому стих., с. 728).

«ГАУНШИЛЬД И ЭНГЕЛЬГАРДТ...»

(С. 307 и 413)

Автограф (в сборнике «Дух лицейских трубадуров» (ДЛТ), л. 81) — поздняя запись (1833 г.; см.: Рукоп. П. 1937. С. 80; по сведениям В. П. Гаевского, «стихотворение это, о котором упомянуто в „Библиографических записках" 1861 г. (№ 19, стр. 594 и № 20, стр. 659), записано Пушкиным лишь за несколько месяцев до его смерти, 19 октября 1836 г., в кругу товарищей, собравшихся для празднования лицейской годовщины» (Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 397)). Напечатано: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 397.

Копия: Вторая тетр. Долгорукова (Долг) (по публ. Гаевского).

Впервые: Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 397.

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1869—71. Т. 1. В Ефр. 1887, Мор. 1887, Мор. 1903—06, АН 1899 и АН 1900—29. Т. 1 не вошло.

Печатается по автографу.

Датируется по содержанию маем—началом июня 1817 г.

Представляет собою одну из лицейских «национальных песен», которые, по свидетельству М. А. Корфа, «импровизировались ⟨...⟩ обыкновенно изустно целой толпой, и уже потом их кто-либо записывал для памяти» (Грот. Пушкин 1899. С. 277). По воспоминаниям И. И. Пущина, Пушкин принимал ближайшее участие в этих импровизациях (см.: Пущин. С. 55). «Национальные песни» сочинялись как непосредственный отклик на эпизоды повседневного лицейского быта и переписывались в рукописные журналы; сохранилась и отдельная тетрадь «Национальные песни» (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 215—239). Определить долю авторства в них Пушкина не представляется возможным. Комментарий к песне «Гауншильд и Энгельгард...» дал В. П. Гаевский, несомненно, со слов лицеистов (вероятнее всего, М. Л. Яковлева): «Для объяснения этой шутки скажем, что упоминаемый „отставной солдат" был лицейский дядька Прокофий, родом из Костромы. Во время ночного дежурства он, ходя по коридору, с обеих сторон которого были комнаты воспитанников, при всяком подозрительном звуке приговаривал своим особым выговором: „Господа.....!"» (Гаевский. П. в Лицее. № 8. С. 397).

Ст. 1. *Гауншильд и Энгельгардт...* — Фридрих Леопольд Август (Федор Матвеевич) Гауэншильд (1780—1830) — профессор немецкой словесности, в 1814—1816 гг. (до прихода Энгельгардта) исполнявший обязанности директора Лицея. Австрийский подданный, 28 декабря 1814 г. перешедший в русское подданство, Гауэншильд появился в Лицее в 1811 г. по протекции С. С. Уварова (по-видимому, знавшего его в Вене) как «профессор Венской академии»; в дальнейшем он сумел приобрести расположение А. К. Разумовского; его осведомленность ценили Н. М. Карамзин, Н. П. Румянцев и — позднее — М. М. Сперанский. А. Д. Илличевский писал П. Н. Фуссу 2 ноября 1814 г.: «Немецкого языка проф⟨ессор⟩ у нас — г. фон Гауэншильд, человек с большими познаниями; попечитель наш Уваров нарочно призвал его из Вены в Россию и доставил ему место в Лицее» (Грот. Пушк. лицей. С. 44). За короткое время Гауэншильд, однако, сумел приобрести неприязнь лицеистов, граничившую с ненавистью. Характеристику его дал Корф: «Исправлявший директорскую должность Гауэншильд был, может быть, столь же хороший профессор, сколько он был дурным учителем и еще худшим директором. Родом из Австрии, он не нравился нам уже потому, что был *немец* и очень смешно изъяснялся по-русски. Сверх того, при довольно заносчивом нраве, он был человек скрытный, хитрый, даже коварный. Доказательством общей к нему ненависти служит следующая *национальная песня*, которая певалась хором на голос гремевшего тогда по целой России „Певца во стане русских воинов" Жуковского — без всякого секрета и только что не самому Гауэншильду в лицо. ⟨...⟩

В лицейской зале тишина,
Диковинка меж нами:

Друзья, к нам лезет сатана
С лакрицей за зубами.
Друзья, сберемтеся гурьбой,
Дружнее в руки палку,
Лакрицу сплюснем за щекой,
Дадим австрийцу свалку.

⟨...⟩ Лекции свои Гауэншильд всегда читал на французском языке: это объяснялось тем, что некоторые из нас, и даже многие, не знали ни слова по-немецки; но все же странно было, что один живой язык преподавался на другом, еще страннее после, когда дело дошло уже до высшей литературы и ее истории» (Грот. Пушкин 1899. С. 230—231). Подозревали, что Гауэншильд был тайным австрийским агентом (см.: *Мейлах Б.* Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 132). О Гауэншильде см.: Черейский. С. 96; *Руденская М., Руденская С.* «Наставникам... за благо воздадим». Л., 1986. С. 293—297. См. также выше примеч. к ст. 15 стих. «Воспоминание. (К Пущину)», с. 665. Об Е. А. Энгельгардте см. выше примеч. к ст. 7 стих. «Портрет», с. 737.

Ст. 2. *Карцов и Кошанский...* — Яков Иванович Карцов (1784—1836) — адъюнкт-профессор физико-математических наук (1811—1816), с 1816 г. профессор. По характеристике Корфа, «математику он знал и преподавал довольно плохо. ⟨...⟩ Впрочем, математике мы все сколько-нибудь учились только в первые три года; после, при переходе в высшие ее области, она смертельно всем надоела, и на лекциях Карцова каждый обыкновенно занимался чем-нибудь посторонним. ⟨...⟩ Во всем математическом классе шел за лекциями и знал, что преподавалось, один только Вальховский. Сначала общая невнимательность всех прочих ужасно бесила Карцова; он долго бранился, жаловался, старался восстановить порядок и дисциплину в своем классе, но, видя наше упорство не сделаться математиками, наконец покорился судьбе или нашей непреклонной воле и в последнее время не вызывал уже никого более к ответам, кроме Вальховского, и ни с кем другим не занимался; к выпускному же экзамену роздал каждому из нас определенные роли, avec réplique ⟨с ответом — *фр.*⟩, которые все мы превосходно выучили. Сам он был человек неглупый, острый, язвительный; мы любили его беседу, наполненную множеством анекдотов и колкостей насчет ближнего, т. е. царскосельских жителей, потому что при нашем монастырском затворничестве мы никого более не знали. Бывало, когда он придет в класс, все соберутся вокруг него и, до начатия его уединенной беседы с Вальховским, помирают со смеха от его вовсе не математических россказней. Наш Илличевский написал на него следующую эпиграмму:

Поверь, тебя измерить разом
Немудрено, мой друг черняк;
Ты математик — *минус* разум,
Ты злой насмешник *плюс* ⟨дурак⟩.

Но эта игра слов совсем не отвечала истине в отношении к уму Карцова» (Грот. Пушкин 1899. С. 228—230). Пущин вспоминал об эпизоде, когда Карцов, после неудачной попытки Пушкина решить алгебраическую задачу, сказал ему: «Садитесь на свое место и пишите стихи» (Пущин. С. 60). О Н. Ф. Кошанском см. выше примеч. к стих. «Моему Аристарху», с. 665—666.

Ст. 3. *И танцмейстер Эбергард...* — Речь идет об Иване Ивановиче Эбергарде (ум. не ранее 1859), с 1816 г. учителе танцев в Лицее. См.: Черейский. С. 51; *Руденская М., Руденская С.* «Наставникам... за благо воздадим». С. 90—91.

Ст. 4. *И Эбергард Кавказский...* — Имеется в виду служивший в Лицее с августа 1816 г. гувернер Ермолай Андреевич Эбергард, по характеристике Корфа, «глупый, еще глупее Калинича», гувернер, постоянно носивший рыжий парик. Ему посвящена «национальная песня»:

Вот Эбергард, смотрите, господа!
С Кавказских гор прилетел сюда.

По грузинскому Эбергард уставу
В Лицее хочет ввести мудрую расправу.
Рыжий парик,
Глуп старик.
Не по нашему, не по нашему ты праву,
Убирайся за заставу!
(Грот. Пушк. лицей. С. 239;
ср.: Грот. Пушкин 1899. С. 241).

DUBIA

ДВУМ А⟨ЛЕКСАНДРАМ⟩ П⟨АВЛОВИЧАМ⟩
(«⟨Роман⟩ов и Зернов лихой...»)
(С. 308)

Копия (в «Собрании лицейских стихотворений» (СЛС)), отд. V (ЛА) — без подписи, под заглавием: «Двум А. П.», с зашифровкой фамилии «Романов» («-ов») и прочерком на месте слов: «под Австерлицем». Единственный источник текста. Факсимильное воспроизведение: Акад. Т. 1. Между с. 316 и 317.

Впервые: Пушкинист, IV. С. 13 (публ. Н. В. Измайлова; им же выдвинуто предположение о возможной принадлежности эпиграммы Пушкину).

В собрание сочинений впервые включено: КН. Т. 1. Отд. «Dubia».

Печатается по СЛС.

Включается в отдел «Dubia» в связи с отсутствием твердых данных, устанавливающих авторство.

Датируется 1813—1816 гг. по содержанию (см. ниже).

С т. 1. ...*Зернов лихой...* — Александр Павлович Зернов (род. 1781) был с 1811 г. помощником гувернера в Лицее. Зернов и Селецкий-Дзюрдзь, по воспоминаниям М. А. Корфа, «с титлом помощников гувернеров, стояли почти вровень с дядьками» и «были подлые и гнусные глупцы, с такими ужасными рожами и манерами, что никакой порядочный трактирщик не взял бы их к себе в половые» (Грот. Пушкин 1899. С. 243). «Зернов с проломанным носом, С бородкою небритой» упоминается в «национальной песне» «В лицейской зале тишина» (см. выше примеч. к стих. «Гаун-шильд и Энгельгард...», с. 785—786). См. также: Грот. Пушк. лицей. С. 218. Зернов служил в Лицее только до 1813 г., что и определяет традиционную предположительную дату стихотворения. С другой стороны, эпиграмма «Двум А⟨лександрам⟩ П⟨авловичам⟩» близка по форме эпиграмме В. Л. Пушкина «Сходство между Шихматовым и хромым почталионом» («Шихматов, почтальон! Как не скорбеть о вас? Признаться надобно, что участь ваша злая; У одного нога хромая, А у другого хром Пегас»), сообщенной в письме В. Л. Пушкина племяннику от 17 апреля 1816 г.; не исключено, что эта связь текстов не случайна и что последняя эпиграмма послужила своего рода импульсом для первой (указано Н. Н. Петруниной). Политическая направленность эпиграммы «Двум А⟨лександрам⟩ П⟨авловичам⟩» также говорит в пользу более позднего ее происхождения: сатирический выпад против Александра I маловероятен в 1813 г., в то время как в 1816 г., по свидетельству П. А. Вяземского, Пушкин был «в оппозиции против Энгельгардта и много еще кое-кого и кое-чего» (П. в восп. Т. 1. С. 152). Последний намек относится, конечно, к правительственным сферам и, может быть, персонально к Александру I. Сравнение с Зерновым (тезкой царя) могло возникнуть и после его ухода из Лицея: память о нем сохранялась в лицейском предании и в «национальных песнях»; мимический портрет Зернова входил и в репертуар М. Л. Яковлева (см.: Грот. Пушк. лицей. С. 80). Принимаем поэтому более широкую

датировку эпиграммы 1813—1816 гг.; в новейших изданиях датировка ее колеблется (1812(?)—1813(?) гг. — Летопись 1991. С. 641; 1813—1817 гг. (без специальных обоснований) — РЭ. С. 258).

Ст. 6. *Сравненье кончить шпицем?* — Шпиц (нем. Spitze) — острота, пуанта.

ГАРАЛЬ И ГАЛЬВИНА

(«Взошла луна над дремлющим заливом...»)

(С. 309 и 413)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Дашкова (Даш).

2) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — с примечанием: «Стихотворение это написано в Лицее и относится к одному времени с пьесами „Осгар" (изд. Анненкова, т. 2, стр. 190) и „Эвлега" (там же, стр. 193), если принять в соображение тон „Гараля и Гальвины", настроенный, хотя и ложно, под оссиановский. Пушкин находился в это время под влиянием французских поэтов и через призму Баур-Лормиановых стихов знакомился с Макферсоновыми подлогами. Форма „Гараля" также чисто французская форма начала нашего века и подражает „Chants élégiaques" Мильвуа и т. п., чему тогда заплатили дань Жуковский и Батюшков».

3) Тетр. Тихонравова (Тих).

4) П. А. Ефремова (Е).

Впервые: РА. 1876. Кн. 3, вып. 10. С. 223—225 (публ. Н. В. Гербеля).

В собрание сочинений впервые включено: КН. Т. 1. С. 81—83.

Печатается по РА.

Датируется условно 1814 г. по близости к стихотворениям «Эвлега» и «Осгар».

Вопрос о принадлежности стихотворения Пушкину был дискуссионным еще в 1850-е гг. П. В. Анненков исключил его из дополнительного тома, как одно из «ученических упражнений Пушкина, еще ходящих по рукам и ему приписываемых» (Анн. Т. 7. С. 9). Публикуя текст, Н. В. Гербель указывал, что мнения о нем разделяются: одни отрицают авторство Пушкина, другие, «весьма компетентные люди», утверждают его, основываясь на соображениях стилистической близости «Гараля и Гальвины» к оссианическим стихам лицейского периода («Осгар», «Эвлега»); Гербель придерживался последнего мнения, предоставляя критике окончательное решение вопроса. Он замечал, что «самая форма „Гараля и Гальвины" — чисто французская форма начала нашего века и напоминает всего более „Chants élégiaques" Мильвуа» (РА. 1876. Кн. 3, вып. 10. С. 225). С возражениями Гербелю выступил П. А. Ефремов, указавший, что стихи эти «лет 15—20 назад ⟨...⟩ встречались в рукописных сборниках с именем Пушкина» (в том числе и в сборнике самого Ефремова), но с тех пор был установлен истинный автор (см.: *Ефремов П. А.* А. С. Пушкин. Стихотворение «Моя родословная» по подлинной рукописи // РС. 1879. Т. 26. № 12. С. 730—731); в Ефр. 1880 (Т. 1. С. 508) и Ефр. 1882 (Т. 1. С. 468) он пояснил, что «стихотворение „Гараль и Гальвина", приписанное г. Гербелем Пушкину, в рукописях всегда встречается с именем А. Шидловского». Александр В. Шидловский — поэт 1820—1830-х гг., автор «дум» («Александр Тверской», «Карл Двенадцатый»), стихотворных повестей («Гребенской казак», «Пригожая казначейша»), участник альманахов А. Е. Измайлова и Б. М. Федорова (Календарь муз на 1826 и 1827 гг. СПб., 1826—1827; Памятник отечественных муз ⟨...⟩ на 1828 г. СПб., 1828), в 1830-е гг. — журналов «Библиотека для чтения», «Московский наблюдатель»; некоторое время провел в Иркутске, где входил в круг местных литераторов, выпускавших рукописный журнал (см.: *Вагин В. И.* Сороковые годы в Иркутске // Литературный сборник. СПб.: Изд. ред. «Восточного обозрения», 1885. С. 262). Списки «Гараля и Гальвины» с его именем в настоящее время неизвестны;

все имеющиеся списки указывают на Пушкина как на автора. С обоснованием авторства Пушкина (на основании стилистических сближений с лицейской лирикой) выступил М. А. Цявловский (доклад «„Гараль и Гальвина" и „Ноэль на Лейб-гусарский полк"» 15 ноября 1924 г. — см.: Гос. академия художественных наук: Отчет за 1921—1925 гг. М., 1926. С. 26). К тем же выводам пришел и Н. О. Лернер (см.: *Лернер Н. О.* Затерянное стихотворение Пушкина // Красная новь. 1927. № 9. С. 256—262 (перепечатано: Лернер. Рассказы о П. С. 38—47)). Стихотворение «Гараль и Гальвина» по метро-ритмическим характеристикам близко к ранним стихам Пушкина (см.: *Томашевский Б.* О стихе. [Л.], 1929. С. 251—253). Тем не менее принадлежность его Пушкину нельзя считать окончательно установленной.

ИСПОВЕДЬ БЕДНОГО СТИХОТВОРЦА

(«Кто ты, мой сын?..»)

(С. 312 и 413)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Сб. Соболевского «Avant les voyages» ($Соб_1$) — под заглавием: «Исповедь стихотворца».

2) Тетр. Дашкова (Даш).

3) Вторая тетр. Долгорукова (Долг).

4) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт).

5) Тетр. Тихонравова (Тих).

6) Тетр. Бартенева (Бар). Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 513 (в виде вариантов к $Соб_1$; публ. М. А. Цявловского).

7) Тетр. из собрания Вяземского (Вяз) — под заглавием: «Исповедь бедного стихотворца. Священник и стихотворец».

Копия А. И. Герцена, по которой осуществлена публикация ПЗ 1859, и копия неизвестного лица («из альбома, переполненного стихами и прозой многих русских литераторов» и составленного «в пятидесятых годах литератором-дилетантом»), по которой стихотворение напечатано гр. Е. А. Салиасом («Неизданные стихотворения А. С. Пушкина. I. На наводнение 1824 г. II. Исповедь бедного стихотворца») в «Полярной звезде» (1881. № 1. С. 1—4), утрачены.

Впервые: ПЗ 1859. С. 16—19, с датой: «1817» (в составе раздела «Стихотворения А. С. Пушкина»).

В собрание сочинений впервые включено: КН. Т. 2.

Печатается по $Соб_1$ с восстановлением заглавия и исправлением ст. 13 и 43 по ПЗ 1859 и другим авторитетным копиям.

Датируется предположительно 1814 г.

Принадлежность стихотворения Пушкину оспаривалась (см.: *А. С—кий.* Псевдо-Пушкин // ИВ. 1881. № 4. С. 244—246). Аргументы в пользу его авторства (наличие текста в копии Соболевского в числе четырнадцати несомненных стихотворений Пушкина, близость по теме и форме к ранней лицейской лирике Пушкина, в частности к посланию 1814 г. «К другу стихотворцу») выдвинуты М. А. Цявловским (см.: *Цявловский М.* Забытое стихотворение Пушкина «Исповедь стихотворца» // Новый мир. 1930. № 4. С. 169—174); тематические и лексические переклички с посланием 1814 г. обусловили и предложенную им дату стихотворения (предположительную). В Акад. (Т. 1. С. 321) включено в отдел «Dubia».

«Исповедь...» в травестированной форме воспроизводит ритуальные формулы исповеди в грехах и является одним из образцов раннего пушкинского «вольтерьянства». Литературные темы, затронутые в ней, ситуации и образы традиционны для сатирической литературы 1810-х гг.; к их числу относятся, например, тема бедного поэта-ремесленника, пишущего из куска хлеба (ср. в «Послании к стихам моим»

К. Н. Батюшкова (1804): «И бедный Стукодей, что прежде был капрал, Не знаю для чего теперь поэтом стал; Нет хлеба ни куска, а роскошь выхваляет» — *Батюшков К. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 336), мотивы усыпления (убийства) чтением стихов, их заимствования («кражи») и т. п. В стихотворении есть следы знакомства с полемической литературой карамзинистской ориентации (упоминание о «Графове» — графе Д. И. Хвостове).

Ст. 1—2. *Священник. Кто ты, мой сын? Стихотворец. Отец, я бедный однодворец, Сперва подьячий был, а ныне стихотворец.* — Ср. в послании «К другу стихотворцу» (первая редакция): «Постойте, — скажешь ты, — ведь я не однодворец. Могу я быть богат, хотя и стихотворец» (Другие редакции и варианты, с. 325). Тема бедности поэтов является одной из центральных в обоих стихотворениях.

Ст. 33—34. *...в передней Глазунова Я по три жду часа с лакеями Графова.* — Ср. «К другу стихотворцу»: «Творенья громкие Рифматова, Графова С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова» (см. соотв. примеч. к этим строкам стих., с. 580).

Ст. 47—48. *А правду вымолвить — я сущий Эпиктет, Воды не замутишь, предобренький поэт.* — Возможно, реминисценция из стихотворения Я. Б. Княжнина «От дяди стихотворца Рифмоскрыпа» (1787): «...вот добрый человек! Умно и смирно он проводит честный век. Водой не замутит. Душа его почтенна, что ей ни дай, ничем не будет огорченна. Он ангел во плоти; прямой он филозоф!» (*Княжнин Я. Б.* Избр. произв. Л., 1961. С. 663).

Ст. 82. *Будь добрый человек из грешного поэта.* — Ср. в ранней редакции послания «К Б⟨атюшк⟩ову» («Философ резвый и пиит...») (1814): «...Клит был добрый человек ⟨...⟩ Покамест не печатал од, Где здравый смысл вверх дном поставил» (Другие редакции и варианты, с. 333). Это противопоставление есть, в частности, в послании «К В. А. Ж⟨уковскому⟩» В. Л. Пушкина («Арист душою добр, но автор он дурной...» — Поэты 1790—1810-х гг. С. 695).

ВИШНЯ

(«Румяной зарею...»)

(С. 316)

Автограф неизвестен.

Копия — Тетр. Гаевского (Гв).

Копии, которыми пользовались П. В. Анненков, П. А. Ефремов и Н. В. Гербель (см. ниже), утрачены.

Впервые: Анн. Т. 7. С. 7—9 1-й паг., с подзаголовком: «Лицейское стихотворение» и датой: «1815» (ст. 1—28, 33—56). Недостающие стихи напечатаны: ст. 29—30, 32, 57—64, 73—84 — БЗ. 1861. Т. 3. № 19. Стб. 590 (публ. П. А. Ефремова); ст. 57—96 — Герб. С. 71—73, с датой: «1815» и разночтением в ст. 78 («В двух юных сердцах»). Цензурные купюры копии Анненкова (ст. 29—32, 57—60, 73—84, 89—96): *Щеголев П. Е.* Из жизни и творчества Пушкина, 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931. С. 365—366 (по выпискам из цензурных дел).

В собрание сочинений впервые включено: Анн.

Печатается по Гв, дающей разночтения с текстом Акад. в ст. 72 (в Акад.: «Был выгнан Адам») и 78 (в Акад.: «В двух пылких сердцах»). В Акад. напечатано по Анн., недостающие стихи — по Герб., ст. 78 — по БЗ.

Датируется условно 1815 г. по указаниям первых публикаций.

Принадлежность стихотворения Пушкину оспаривается. П. А. Вяземский на полях миниатюрного издания Герб. (см.: наст. т., с. 682) пометил: «Не мог в 1815 г. Пушкин написать такие безобразные стихи — разве гораздо ранее. „Пастух то зреть мог" и многие другие стихи чересчур плохи. И во всяком случае охота печатать такую дрянь. Это худая услуга и литературе, и памяти поэта» (СиН. Кн. 8. С. 35). В

АН 1899 и АН 1900—29 не включено. П. А. Ефремов, опубликовавший стихи из «Вишни» как пушкинские, позднее считал это стихотворение «более чем сомнительным», печатаемым «без малейших доказательств действительной принадлежности его Пушкину» (*Ефремов П. А.* Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб., 1903. С. 4). Тем не менее, начиная с Венг., оно включается в собрания сочинений в раздел «Dubia»; Н. О. Лернер допускал в нем «нечто „пушкинское" — грациозность, легкий стих, веселое настроение, наивно-юношеский эротизм» (Венг. Т. 1. С. 303). «Вишня» включена в Акад., Акад. в 10 т. (2), Госл. в 10 т. — критические издания Пушкина. Традиционно сохраняется и в настоящем издании, хотя и по отсутствию документальных подтверждений авторства, и по языку и поэтической технике атрибутирование стихотворения Пушкину вызывает серьезные сомнения.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В ЛИЦЕЙ

«DIS-MOI, POURQUOI „L'ESCAMOTEUR"...»
(С. 319)

«JE CHANTE CE COMBAT, QUE TOLY REMPORTA...»
(С. 320)

Автограф неизвестен.

Копия — в рукописи (рукой Н. И. Павлищева) статьи О. С. Павлищевой «Воспоминания о детстве А. С. Пушкина» (ПД, ф. 244, оп. 17, № 29). Относятся к 1851 г. Единственный источник текста. Напечатаны: Лет. ГЛМ. С. 454 (публ. М. А. Цявловского).

Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 14.

В собрание сочинений впервые включены: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатаются по копии.

Датируются по указанию в статье 1809—1811 гг.

О происхождении этих стихов Павлищева рассказывает: «...любимым его ⟨Пушкина⟩ упражнением сначала было импровизировать маленькие комедии и самому разыгрывать их перед сестрою, которая в этом случае составляла всю публику и произносила свой суд. Однажды как-то она освистала его пьеску „Escamoteur". Он не обиделся и сам на себя написал эпиграмму ⟨следует текст⟩. В то же время пробовал сочинять басни, а потом, уже лет десяти от роду, начитавшись порядочно, особенно „Генриады" Вольтера, написал целую героикомическую поэму, песнях в шести, под названием „Toliade", которой героем был карла царя-тунеядца Дагоберта, а содержанием — война между карлами и карлицами. Она начиналась так ⟨следует текст⟩.

Гувернантка подстерегла тетрадку и, отдавая ее гувернеру Шеделю, жаловалась, что m-r Alexandre занимается таким вздором, отчего и не знает никогда своего урока. Шедель, прочитав первые стихи, расхохотался. Тогда маленький автор расплакался и в пылу оскорбленного самолюбия бросил свою поэму в печку» (П. в восп. Т. 1. С. 47—48). Несколько иная версия — у Л. Н. Павлищева (см.: Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890. С. 14). «Воспоминания» Павлищева, однако, не заслуживают доверия: они являются контаминацией свободно переданных рассказов матери, печатных источников и, вероятно, собственных вымыслов. Возможно, к рассказу Павлищевой восходят и сведения, сообщенные в «Биографическом известии об А. С. Пушкине до 1826 года» Л. С. Пушкина: «Страсть к поэзии проявилась в нем с первыми понятиями: на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он

сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей» (П. в восп. Т. 1. С. 58). О ранних опытах Пушкина рассказывал П. И. Бартеневу П. В. Нащокин: «...первые стихи Пушкин написал на французском языке еще будучи 8 лет». Против этого места в рукописи Бартенева С. А. Соболевский пометил: «Поэму „Toliade"» (Рассказы о П. С. 32). Приведенный Павлищевой текст трудно считать полностью аутентичным; уже Анненков замечал: «Нельзя ручаться, чтобы стихи, приведенные здесь, не были невольно изменены и отчасти исправлены при передаче их после столь долгого времени» (Анненков. Материалы 1855. С. 14); это тем легче допустить, что Павлищева сама писала стихи. Критический анализ дошедших свидетельств см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 6—8.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Рукописные сборники

Ал	—	Сборник П. А. Александрова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 92).
Алм	—	Сборник И. Алмазова (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 2, № 116).
Арс	—	Тетрадь Н. Арсеньева из бумаг Д. В. Поленова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 96).
$БАН_1$	—	Первый сборник Библиотеки Академии наук (ПД, Р. II, оп. 1, № 598).
Бар	—	Тетрадь П. И. Бартенева (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 4).
Вел	—	Тетрадь из архива И. Е. Велнкопольского (ПД, ф. 37 (Великопольского), № 32129/7).
Вощ	—	Тетрадь Н. А. Вощиннна (ПД, ф. 244, оп. 8, № 81).
Вс	—	Тетрадь Н. В. Всеволожского (ПД 847).
Вяз	—	Тетрадь из собрания П. А. Вяземского (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5609).
Гаев	—	Листы из тетради В. П. Гаевского (ПД, ф. 244, оп. 8, № 12).
Гв	—	Тетрадь В. П. Гаевского (ПД, ф. 244, оп. 8, № 8).
ГК	—	Альбом П. В. Голенищева-Кутузова (РГАЛИ, ф. 143, оп. 1, № 426).
Гол	—	Тетрадь из архива Голохвастовых (РГАДА, ф. 1264, оп. 1, № 454).
Гор	—	Часть сборника стихотворений лицейских поэтов из архива А. М. Горчакова (ПД, ф. 244, оп. 4, № 207).
Грч	—	Альбом А. М. Горчакова (ПД 422).
Даш	—	Тетрадь П. Я. Дашкова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 34).
ДЛТ	—	Сборник «Дух лицейских трубадуров» (ПД 197).
$Дол_1$	—	Первая тетрадь Н. А. Долгорукова. Ч. 1 (ПД, ф. 244, оп. 8, № 100).
$Дол_2$	—	Первая тетрадь Н. А. Долгорукова. Ч. 2 (ПД, ф. 244, оп. 8, № 100).
Долг	—	Вторая тетрадь Н. А. Долгорукова (РГАЛИ, ф. 384, оп. 1, № 61).
Е	—	Копии из собр. П. А. Ефремова (дополнения и поправки к изд.: *Пушкин*. Соч.: В 7 т. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855—1857, вплетенные в т. 7) (собр. Б. В. Томашевского).
ЖМ	—	«Жертва Мому, или Лицейская антология» (ПД 418).
$Заб_2$	—	Вторая тетрадь из собрания И. Е. Забелина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 90).
Кав	—	Тетрадь П. П. Каверина.
Кап	—	Тетрадь П. И. Капниста.
Квл	—	Тетрадь из архива К. Д. Кавелина (ПД, ф. 244, оп. 4, № 137 (л. 1—2); РГАЛИ, ф. 248, оп. 1, № 101 (л. 3—34)).
Кон	—	Копии В. Г. Коноплева.

Корф — Тетрадь М. А. Корфа (РНБ, Кабинет библиотековедения (без шифра)).

Краев — Тетрадь из собрания А. А. Краевского (ПД, ф. 244, оп. 8, № 94).

Кр—Бел — Тетрадь А. А. Краевского и В. Г. Белинского (ПД, ф. 244, оп. 8, № 25).

ЛА — «Лицейская антология, собранная трудами пресловутого -и й ш и й» (ПД 419).

Лиц — Тетрадь из собрания Лицейского музея (ПД, ф. 244, оп. 8, № 33).

$ЛМ_1$ — Первая тетрадь из собрания Литературного музея (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 2, № 133).

$ЛМ_2$ — Вторая тетрадь из собрания Литературного музея (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 611).

Лон—Полт — Тетрадь М. Н. Лонгинова—С. Д. Полторацкого (РГБ, Полт, 162.1 (кн. 1), 162.2 (кн. 2)).

ЛТ — Лицейская тетрадь (ПД 829).

Мат — Тетрадь Ф. Ф. Матюшкина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 1).

Мк — Собрание Л. Н. Майкова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 7).

Мтш — Листы из тетради Ф. Ф. Матюшкина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 15).

$Нейш_1$ — Первая тетрадь из собрания В. И. Нейштадта (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 2, № 115).

$Нейш_2$ — Вторая тетрадь из собрания В. И. Нейштадта (РГАЛИ, ф. 384, оп. 3, № 6).

$Нейш_3$ — Третья тетрадь из собрания В. И. Нейштадта (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 2, № 329).

Ник — Тетрадь А. В. Никитенко (РГБ, Музейное собр., М 5261).

Ос — Сборник Остафьевского архива, № 8 (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5573).

Отб — Сборник «От безделья и от скуки» (ПД, ф. 244, оп. 8, № 88).

Полт — Тетрадь С. Д. Полторацкого (ПД 898).

$Пом_1$ — Первый сборник из архива И. В. Помяловского (ПД, ф. 244, оп. 8, № 98).

$Пом_2$ — Второй сборник из архива И. В. Помяловского (ПД, ф. 244, оп. 8, № 99).

Пут — Копии из собрания Н. В. Путяты (РГАЛИ, ф. 394, оп. 1, № 71).

$Рост_1$ — Первая тетрадь Е. П. Ростопчиной (РГАЛИ, ф. 433, оп. 1, № 18).

$Рост_2$ — Вторая тетрадь Е. П. Ростопчиной (ПД, ф. 244, оп. 8, № 114).

СЛС — «Собрание лицейских стихотворений» (ПД, ф. 244, оп. 8, № 37).

$Соб_1$ — Сборник С. А. Соболевского «Avant les voyages» (ПД, ф. 244, оп. 17, № 136).

Собр. стих. 1836 — Рукопись неосуществленного собрания стихотворений 1836 г. (ПД 848—859).

ТЖ — Тетрадь В. А. Жуковского (ПД, ф. 244, оп. 8, № 93).

Тих — Тетрадь Н. С. Тихонравова (РГБ, ф. 299 (Тихонравова), 1. 318).
$Усп_1$ — Первая тетрадь из собрания А. И. Успенского (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 602).
$Усп_2$ — Вторая тетрадь из собрания А. И. Успенского (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 557).
ЦР — Цензурная рукопись изд.: *Пушкин А. С.* Стихотворения. СПб., 1826.
Чеб — Чебоксарский сборник (РГАЛИ, ф. 384, оп. 2, № 13).
Шер — Тетрадь А. В. Шереметева (ПД, ф. 244, оп. 8, № 38).
Щер — Тетрадь В. Ф. Щербакова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 47).
Щерб — Альбом М. А. Щербинина (РГАЛИ, ф. 1136, оп. 1, № 76).
Як—Корф — Тетрадь М. Л. Яковлева—М. А. Корфа (ПД, ф. 244, оп. 8, № 2).
Якуш — Тетрадь Е. И. Якушкина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 60).

Архивохранилища

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург).
ПД — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. При отсутствии указания на фонд и опись имеется в виду ф. 244 (А. С. Пушкин), оп. 1 (автографы).
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва).
РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
РНБ — Российская Национальная библиотека (С.-Петербург).

Печатные источники

АбТ — Архив братьев Тургеневых. СПб.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Российской академии наук, 1911—1921. Вып. 1—6.
Акад. — *Пушкин.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 1—16; 1959. Справочный том: Дополнения и исправления; Указатели.
Акад. в 10 т. (2) — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956—1958.
Acad. в 6 т. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1—5; М.: ГИХЛ, 1938. Т. 6.
Алексеев. Пушкин — *Алексеев М. П.* Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1972.

Алексеев. П. и мировая лит. — *Алексеев М. П.* Пушкин и мировая литература. Л.: Наука, 1987.

АН 1899 — *Пушкин.* Соч. / Приготовил и примеч. снабдил Л. Майков. СПб.: Изд. имп. Академии наук, 1899. Т. 1.

АН 1900—29 — *Пушкин.* Соч. СПб., Л., 1900—1929. Т. 1—4, 9, 11 (СПб., Пг.: Изд. имп. Академии наук, 1900. Т. 1 (2-е изд.); 1905. Т. 2; 1912. Т. 3; 1914. Т. 11; 1916. Т. 4; Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. 9, кн. 1; 1929. Т. 9, кн. 2).

Анн. — *Пушкин.* Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855—1857. Т. 1—7 (1855. Т. 1—6; 1857. Т. 7).

Анненков. Материалы 1855 — *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина // Анн. Т. 1.

«Арзамас» — «Арзамас» и «арзамасские» протоколы / Ввод. ст., ред. протоколов и примеч. к ним М. С. Боровковой-Майковой; Предисл. Д. Благого. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

«Арзамас» 1994 — «Арзамас»: Сб. в 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацуро и А. Л. Осповата. М.: Худож. лит., 1994.

Аснаш, Яхонтов — *Аснаш С. М.*, *Яхонтов А. Н.* Описание Пушкинского музея имп. Александровского лицея / Под ред. И. А. Шляпкина. СПб., 1899.

Батюшков — *Батюшков К. Н.* Соч. / Изданы П. Н. Батюшковым; Вступ. ст. Л. Н. Майкова; Примеч. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова. СПб., 1885—1887. Т. 1—3.

Батюшков. Соч. 1934 — *Батюшков К. Н.* Соч. / Ред., ст. и коммент. Д. Д. Благого. М.; Л.: Academia, 1934.

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».

Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.

БЗ — журнал «Библиографические записки».

Библиотека П. — *Модзалевский Б. Л.* Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910 (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9—10; Отд. отт.). То же. М.: Книга, 1988. Репринтное изд.

Благой, I — *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Брюс. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Брюсова. М.: ГИЗ, 1919. Т. 1, ч. 1.

Брюсов. Лиц. стихи — *Брюсов В. Я.* Лицейские стихи Пушкина по рукописям Московского Румянцевского музея и другим источникам: К критике текста. М.: Скорпион, 1907.

Брюсов. Мой Пушкин — *Брюсов В.* Мой Пушкин: Статьи, исследования, наблюдения / Ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: ГИЗ, 1929.

ВЕ — журнал «Вестник Европы».

Венг. — *Пушкин.* Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., Пг.: Изд. Брокгауза—Ефрона, 1907—1915. Т. 1—6 (1907. Т. 1; 1908. Т. 2; 1909. Т. 3; 1910. Т. 4; 1911. Т. 5; 1915. Т. 6).

Виноградов. Стиль П. — *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941.

ВЛ — журнал «Вопросы литературы».

Врем. ПК 1962 — Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. [Вып. 1].

Врем. ПК 1963 — Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л.: Наука, 1966. [Вып. 2].

Врем. ПК 1964—1980 — Временник Пушкинской комиссии. 1964—1980. Л.: Наука, 1967—1983. [Вып. 3—18].

Врем. ПК 1981 — Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. 1981. Л.: Наука, 1985. [Вып. 19].

Врем. ПК 20—23 — Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. Л.: Наука, 1986—1989. Вып. 20—23.

Вяземский — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878—1896. Т. 1—12.

Гаевский. П. в Лицее — *Гаевский В. П.* Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения // Совр. 1863. Т. 107. № 7. Отд. I. С. 129—177; № 8. Отд. I. С. 349—399.

Генн. 1859 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1859. Т. 1—6; 1860. Прил.

Генн. 1869—71 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1869—1871 (1869. Т. 1; 1870. Т. 2—4; 1871. Т. 5—6).

Герб. — Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений: Дополнения к 6-ти томам петербургского издания / Под ред. Русского ⟨Н. В. Гербеля⟩. Berlin, 1861.

ГИХЛ 1931 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИХЛ, 1931—1933 (1931. Т. 1—3; 1932. Т. 4; 1933. Т. 5, кн. 1—2).

ГИХЛ 1935 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. 3-е изд. / Под общ. ред. С. М. Бонди, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского и М. А. Цявловского. М.; Л.: ГИХЛ, 1935.

Гозенпуд — *Гозенпуд А. А.* Пушкин и русский театр 10-х гг. XIX в. // ПИМ. Т. 12. С. 28—59.

Городецкий — *Городецкий Б. П.* Лирика Пушкина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Госл. в 10 т. — *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959—1962.

Гофман (1) — *Гофман М. Л.* Пушкин: Первая глава науки о Пушкине. Пб.: Атеней, 1922.

Гофман (2) — *Гофман М. Л.* Пушкин: Первая глава науки о Пушкине. 2-е изд., доп. Пб., 1922.

Грот. К лиц. стих. — *Грот К. Я.* К лицейским стихотворениям А. С. Пушкина // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. 361, кн. 10. Отд. II. С. 227—248.

Грот. Пушк. лицей — *Грот К. Я.* Пушкинский лицей (1811—1817): Бумаги I-го курса, собранные акад. Я. К. Гротом. СПб., 1911.

Грот. Пушкин 1887 — *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887.

Грот. Пушкин 1899 — *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Статьи и материалы. 2-е изд., доп. / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1899.

ДВ — журнал «Драматический вестник».

Дела III Отделения о П. — Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине / Собрал С. Сухонин. СПб., 1906.

Дельвиг. ПССт — *Дельвиг А. А.* Полн. собр. стихотворений / Ред. и примеч. Б. Томашевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934 (Б-ка поэта; Большая сер.).

Дельвиг. Соч. — *Дельвиг А. А.* Соч. / Сост., вступ. ст., коммент. В. Э. Вацуро. Л.: Худож. лит., 1986.

Ефр. 1880 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1878—1881 (1880. Т. 1—4; 1881. Т. 5; 1878. Т. 6).

Ефр. 1882 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. М.: Изд. Ф. Н. Анского, 1882. Т. 1—7.

Ефр. 1887 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. В. В. Комарова, 1887. Т. 1—7.

Ефр. 1903—05 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903—1905. Т. 1—8 (1903. Т. 1—7; 1905. Т. 8).

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Заборов — *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер: XVIII—первая треть XIX века. Л.: Наука, 1978.

Звенья — Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.: Academia, 1932—1936. Т. 1—6; М.: Госкультпросветиздат, 1950—1951. Т. 8—9.

ИВ — журнал «Исторический вестник».

Измайлов — *Измайлов Н. В.* Новый сборник лицейских стихотворений // Сборник Пушкинского Дома на 1923 г. Пг., 1922. С. 35—77.

ИРДТ — История русского драматического театра: В 7 т. М.: Искусство, 1977—1987.

КА — журнал «Красный архив».

Кат. выст. 1880 — Каталог Пушкинской выставки, устроенной Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1880.

Кат. выст. АН 1899 — Пушкинская юбилейная выставка в имп. Академии наук в С.-Петербурге: Каталог. СПб., 1899.

КН — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930—1931 (Прил. к журн. «Красная нива» на 1930 г.).

Кюхельбекер — *Кюхельбекер В. К.* Избр. произв.: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. В. Королевой. М.; Л.: Сов. писатель, 1967 (Б-ка поэта; Большая сер.).

Кюхельбекер. Дневник — *Кюхельбекер В. К.* Дневник: Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10—40-х годов XIX в. / Предисл. Ю. Н. Тынянова; Ред., введ. и примеч. В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. Л.: Прибой, 1929.

Кюхельбекер. Путешествие — *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи / Подгот. [М. Г. Альтшуллера], Н. В. Королевой и В. Д. Рака. Л.: Наука, 1979 (Лит. памятники).

Лернер. Рассказы о П. — *Лернер Н. О.* Рассказы о Пушкине. Л.: Прибой, 1929.

Лет. ГЛМ — Летописи Гос. литературного музея / Ред. В. Д. Бонч-Бруевича. М., 1936. Кн. 1: Пушкин / Ред. М. Цявловского.

Летопись — *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 1 (1799—1826).

Летопись 1991 — *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука, 1991. [Т. 1] (1799—1826).

ЛН — Литературное наследство.

Майков. Автографы П. — *Майков Л. Н.* Автографы Пушкина, принадлежащие гр. П. И. Капнисту // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Академии наук. СПб., 1896. Т. 1. № 3. С. 574—581.

Майков. Батюшков — *Майков Л. Н.* Батюшков, его жизнь и сочинения. 2-е изд., вновь пересмотр. СПб., 1896.

МВ — журнал «Московский вестник».

МВед — газета «Московские ведомости».

МОЛРС. Ист. зап. — Общество любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911: Историческая записка и материалы за сто лет. М., 1911.

Мор. 1887 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. и с объяснит. примеч. П. О. Морозова. СПб.: Изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, 1887. Т. 1—7.

Мор. 1903—06 — *Пушкин А. С.* Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб.: Просвещение, 1903—1906. Т. 1—8 (1903. Т. 1—3; 1904. Т. 4—6; 1905. Т. 7; 1906. Т. 8).

МТ — журнал «Московский телеграф».

Неизданный Пушкин — Неизданный Пушкин: Изд. подготовит. материалов к новому акад. Полн. собр. соч. А. С. Пушкина / Сост. сер. С. А. Фомичев. СПб.: Нотабене, 1996—1997 (1996. Вып. 1: *Фомичев С. А.* Новые тексты стихотворений А. С. Пушкина; 1997. Вып. 2: *Дубровский А. В., Красноборода Т. И., Левкович Я. Л., Фомичев С. А.* Творческие и биографические пометы в рукописях А. С. Пушкина).

НЛ — журнал «Новости литературы».

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1899—1913. Т. 1—4 / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова; 1909—1913. Т. 5, вып. 1, 2 / Под ред. и с примеч. П. Н. Шеффера.

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

Отчет АН за 1923 г. — Отчет о деятельности Российской академии наук за 1923 г. / Сост. С. Ф. Ольденбург. Л., 1924.

Отчет ОРЯС за 1918 г. — Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Российской академии наук за 1918 г. / Сост. И. С. Пальмов. Пг., 1919.

П. в восп. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст. В. Э. Вацуро; Подгот. текста, сост. и примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М.: Худож. лит., 1974 (Сер. лит. мемуаров).

П. в восп. 1950 — Пушкин в воспоминаниях современников / Подгот. текста и коммент. Д. И. Золотницкого и Г. М. Фридлендера. М.: ГИХЛ, 1950 (Сер. лит. мемуаров).

П. в восп. 1985 — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М.: Худож. лит., 1985 (Сер. лит. мемуаров).

П. в мировой лит. — Пушкин в мировой литературе: Сб. ст. Л.: ГИЗ, 1926 (Науч.-иссл. ин-т сравнит. изучения лит. и яз. Запада и Востока при Ленингр. ун-те).

П. в печати — *Синявский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М.: Соцэкгиз, 1938.

П. Врем. — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936—1941. [Т.] 1—6.

ПЗ 1823—1825 — Полярная звезда, карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности [на 1823, 1824, 1825 гг.], изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. СПб., 1823—1825.

ПЗ 1855—1869 — Полярная звезда. [Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева]. Лондон; Женева, 1855—1869. Кн. 1—8.

ПИМ — Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956—1962. Т. 1—4; Л.: Наука, 1967—1991. Т. 5—14.

ПиС — Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., Пг., 1903—1923. Вып. 1—36; Л., 1928—1930. Вып. 37—39.

Письма — *Пушкин*. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л.: ГИЗ, 1926—1928. Т. 1—2; Academia, 1935. Т. 3.

Пол. — *Пушкин А. С.* Соч. / С объяснениями их и сводом отзывов критики. М.: Изд. Л. Поливанова для семьи и школы, 1887. Т. 1—5.

ПОМ 1827 — Памятник отечественных муз / Изданный на 1827 год Борисом Федоровым. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1827.

Посм. — *Пушкин А.* Соч. СПб., 1838—1841. Т. 1—11 (1838. Т. 1—8; 1841. Т. 9—11).

Поэты XVIII в. — Поэты XVIII века: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст. Г. П. Макогоненко; Биогр. справки И. З. Сермана; Сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана; Подгот. текста и примеч. Н. Д. Кочетковой. Т. 2 / Биогр. справки И. З. Сермана; Сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана; Подгот. текста и примеч. Г. С. Татищевой. [Л.]: Сов. писатель, 1972 (Б-ка поэта; Большая сер.).

Поэты-сатирики — Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. Л.: Сов. писатель, 1959 (Б-ка поэта; Большая сер.).

Поэты 1790—1810-хх гг. — Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; Подгот. текста М. Г. Альтшуллера; Вступ. заметки, биогр. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. [Л.]: Сов. писатель, 1971 (Б-ка поэта; Большая сер.).

Поэты 1820—1830-х гг. — Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. / Вступ. ст. и общ. ред. Л. Я. Гинзбург; Биогр. справки, сост., подгот. текста и примеч. В. Э. Вацуро. [Л.]: Сов. писатель, 1972. Т. 1 (Б-ка поэта; Большая сер.).

ПРП — Пантеон русской поэзии, издаваемый Павлом Никольским. СПб., 1814—1815. Ч. 1—6, кн. 1—12 (1814. Ч. 1—4, кн. 1—8; 1815. Ч. 5—6, кн. 9—12).

Путеводитель — Путеводитель по Пушкину // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1931. Т. 6 (Прил. к журн. «Красная нива» на 1930 г.).

Пушкинист, II — Пушкинист: Историко-литературный сборник / Под ред. С. А. Венгерова. Пг., 1916. Т. 2.

Пушкинист, IV — Пушкинист: Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова / Под ред. Н. В. Яковлева. М.; Л.: ГИЗ, 1922. Т. 4.

Пущин — *Пущин И. И.* Записки о Пушкине; Письма / Ред., вступ. ст. и примеч. С. Я. Штрайха. М.: Гослитиздат, 1956 (Сер. лит. мемуаров).

РА — журнал «Русский архив».

Раб. тетр. — Пушкин А. С. Рабочие тетради: [В 8-ми т. Факсим. изд.] / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Консорциум сотрудничества с С.-Петербургом. Руководители совм. проекта Э. Холл, С. А. Фомичев. СПб.; Лондон; Болонья, 1995—1997.

Раевский. ПССт — *Раевский В. Ф.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст. А. В. Архиповой и В. Г. Базанова; Подгот. текста и примеч. В. Г. Базанова. М.; Л., 1967 (Б-ка поэта; Большая сер.).

Рассказы о П. — Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 гг. / Вступ. ст. и примеч. М. Цявловского. Л.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925.

РБ — журнал «Русский библиофил».

РИ — газета «Русский инвалид».

РЛ — журнал «Русская литература».

РМ — Российский музеум, или Журнал европейских новостей, издаваемый В. Измайловым.

РП — Лицейская тетрадь / Предисл. М. О. Гершензона; Собрал и приготовил к печ. М. О. Гершензон // Русские пропилеи. М., 1919. Т. 6. С. 1—95.

РС — журнал «Русская старина».

РСП — Русская стихотворная пародия (XVIII—начало XX в.) / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. Л.: Сов. писатель, 1960 (Б-ка поэта; Большая сер.).

Рукоп. П. Изд. О. К. — Рукописи Пушкина. 1. Автографы Пушкинского музея имп. Александровского лицея. СПб.: Изд. кн. Олега Константиновича, 1911. Вып. 1.

Рукоп. П. 1937 — *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В.* Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.

Рукоп. П. 1964 — *Соловьева О. С.* Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание. М.; Л.: Наука, 1964.

Рукою П. — Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л.: Academia, 1935.

Рукою П. 1997 — Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания; Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. 2-е изд., перераб. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.: Воскресенье, 1997. Т. 17 (доп.).

РЭ — Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. / Сост., подгот. текста и примеч. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко. Л.: Сов. писатель, 1975 (Б-ка поэта; Большая сер.).

СиН — Старина и новизна: Исторический сборник. СПб., Пг.; М., 1897—1917. Т. 1—22.

СЛЛ — *Пушкин А. С.* Стихотворения лицейских лет. 1813—1817 / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Ред. В. Э. Вацуро; Подгот. текста и примеч. В. Э. Вацуро, М. Н. Виролайнен, Ю. Д. Левина, О. С. Муравьевой, Н. Н. Петруниной, И. С. Чистовой. СПб.: Наука, 1994.

СН — журнал «Северный наблюдатель».

СО — журнал «Сын отечества».

СО и СА — Сын отечества и Северный архив, журнал словесности, политики и истории.

Совр. — журнал «Современник».
СПбВед — газета «Санкт-Петербургские ведомости».
СПб. вестн. — журнал «Санкт-Петербургский вестник».
СРС — Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским. М., 1810—1815. Ч. 1—6 (1810. Ч. 1—2; 1811. Ч. 3—5; 1815. Ч. 6).
Ст 1826 — *Пушкин А.* Стихотворения. СПб., 1826.
Ст 1829 — *Пушкин А.* Стихотворения. СПб., 1829. Ч. 1—2.
Ст 1832 — *Пушкин А.* Стихотворения. СПб., 1832. Ч. 3.
Стихотворная сказка — Стихотворная сказка (новелла) XVIII—начала XIX века / Вступ. ст. и сост. А. Н. Соколова; Подгот. текста и примеч. Н. М. Гайденкова и В. П. Степанова. Л.: Сов. писатель, 1969 (Б-ка поэта; Большая сер.).
СЦ — альманах «Северные цветы».
СЯП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1956—1961.
Томашевский. Новые материалы — *Томашевский Б. В.* Новые материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826). I. Тетрадь Всеволожского. — II. Капнистовская тетрадь // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 825—868.
Томашевский. П. и Франция — *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л.: Сов. писатель, 1960.
Томашевский. Пушкин, I — *Томашевский Б.* Пушкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Кн. 1 (1813—1824).
Томашевский. Пушкин, II — *Томашевский Б.* Пушкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837).
Томашевский. Строфика П. — *Томашевский Б. В.* Строфика Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 49—213.
Тр. МОЛРС — Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете.
Фатов — Описание пушкинских рукописей (бывш. Румянцевского музея) с полной транскрипцией текста / Сост. Н. Н. Фатов // Пушкин / Ред. Н. К. Пиксанова. М.: ГИЗ, 1924. Сб. 1. Прил. С. 1—32.
Франц. элегия — Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В. Э. Вацуро; Вступ. ст. и коммент. В. Э. Вацуро и В. А. Мильчиной. М.: Радуга, 1989.
Худ. лит. в 10 т. — *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1974—1978.
Цявловский. Коммент. — *Цявловский М. А.* Лицейские стихотворения Пушкина: Комментарии (ПД, ф. 244, оп. 27, № 54, гранки).
Цявловский. Новые пушкинские рукописи — *Цявловский М. А.* Новые пушкинские рукописи и материалы // Красный архив. 1928. Т. 6 (31). С. 155—159.
Цявловский. Статьи — *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
ЧБЛРС — Чтения в Беседе любителей русского слова.
Черейский — *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1988.

Щеголев. Из жизни и творчества П. — *Щеголев П. Е.* Пушкин: Исследования, статьи и материалы. М.; Л., 1931. Т. 2: Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп.

Щеголев. Пушкин 1912 — *Щеголев П. Е.* Пушкин: Очерки. СПб.: Изд. книгоиздательства «Шиповник», 1912.

Щеголев. Пушкин 1913 — *Щеголев П. Е.* Пушкин: Очерки. 2-е изд. СПб.: Изд. книгоиздательства «Прометей», 1913.

Щербачев — *Щербачев Ю. Н.* Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1913.

ЭиС — Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX века: В 2 т. М.; Л.: Academia, 1931—1932.

Эфрос — *Эфрос А.* Рисунки поэта. 2-е изд., расшир. и перераб. М.; Л.: Academia, 1933.

Якушкин — *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 2—12.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза 483
Аблесимов А. О. 571
Авзоний 594, 613
Агарева см. Огарева Е. С.
Азадовский М. К. 655, 682
Аксаков С. Т. 613, 627, 727
Александр II 780
Александр Невский, князь 46 («Невский герой»), 595
Александр I 57, 72 («герой», «внук Екатерины»), 107 («полнощи царь младой»), 130—132 («государь-император», «царь»), 176 («Благословенный»), 251 («российский полубог»), 308 («Александр Павлович»), 350, 351 («царь»), 433—435 («государь император»), 463 («государь-император»), 465 («Александр Павлович»), 483 («Александр Павлович»), 505, 512 («государь-император»), 525 («государь-император»), 534, 536, 540, 542, 549 («император»), 601, 613—615, 617, 637, 647, 648, 683, 688, 693, 695, 740, 771, 779, 787
Александр Тверской, князь 788
Александров П. А. 547, 681
Александровский Н. Т. 680
Алексеев М. П. 7, 571, 591, 605, 614, 622, 630, 632, 749, 767, 768
Алмазов И. 608, 658, 675, 742
Альбани (Альбан, Албан) (Albani) Ф. 14, 21, 162, 163, 191, 364, 576, 671, 704
Альтшуллер М. Г. 680, 697, 702, 776
Анакреон (Анакреонт) 54 («певец Тийский»), 105, 119, 121, 140, 146, 147, 152, 218, 224, 353, 354, 385, 425, 433, 455, 461, 462, 469, 472, 475, 477, 491, 498, 500, 506, 508, 509, 514—518, 522—525, 530, 534, 536, 541, 548, 565, 599, 650, 651, 656, 661—663, 667, 668, 670, 723, 725, 727
Анастасевич В. Г. 137, 654
Ангулемский Людовик Антуан, герцог 638
Андерсен Г.-К. 524, 718, 727
Анна Павловна, вел. княжна, впоследствии королева Нидерландская 686
Анненков П. В. 5, 417, 421, 423, 425, 430, 463, 464, 467, 471, 490, 493, 494, 519, 524, 528, 530, 536, 542—544, 553, 578, 582, 587, 591, 598, 606, 612, 615, 618, 619, 625, 627, 631, 635, 646, 649, 660, 667, 676, 681, 682, 693, 694, 710, 711, 713, 717, 730, 732, 737, 740, 747, 753, 754, 767, 782, 788, 790, 791, 792
Анненкова Г. А. 467
Анциферов Н. П. 770
Аракчеев А. А., граф 780
Арапов П. Н. 606
Арбетнот (Арбутнот) Д. 695
Арина Родионовна см. Яковлева А. Р.
Аринштейн Л. М. 668
Ариосто (Арьост) Л. 90, 588, 602, 626
Аристарх Самофракийский 667
Аристипп (Аристип) 218, 219, 723
Арно А.-В. 530
Арнольд Н. В. 755
Арсеньев Н. 742
Артуа Карл-Филипп, граф (впоследствии Карл X, король Франции) 638
Архангельский А. С. 617
Архимед 20 («мудрец, кем Сиракуз спасался»), 575
Аснаш С. М. 468, 471, 504, 505, 557, 607
Аспазия 219, 429, 651, 653, 656, 723
Астахова Е. И. (урожд. Ржанова) 592
Аттербур Ф. 695
Афанасьев А. Н. 528, 573, 603, 605, 679
Афиней 631
Ахматова А. А. 7, 615, 705

Бабичев Н. Т. 705
Базанов В. Г. 765
Базир К. 659
Бакунин А. П. 649
Бакунин М. М. 699
Бакунина В. И. 659, 691, 699 (?)
Бакунина Е. П. (в замуж. Полторацкая) 435, 436, 466, 643, 649, 650, 670, 699, 704, 710, 712, 713, 715, 734
Бакунины 692
Балобанова Е. В. 418
Баранов Д. О. 599
Баратынский Е. А. 448, 572, 764, 765
Бардовский Я. П. 699
Барков И. С. 4, 92 («детина»), 93 («Свистов»), 464, 556, 564, 572, 574, 580, 629, 651
Бартенев П. И. 422, 425, 502, 543, 544, 579, 587, 614, 635, 674, 677, 680, 685, 777, 778, 780, 789, 792
Батюшков К. Н. 54, 92 («насмешник смелый»), 105, 140 («певец Пенатов»), 141, 274 («русский Буфлер»), 333, 343, 417, 418, 420, 424—434, 438, 440—445, 447—450, 453, 455, 458, 460, 462, 463, 467, 477, 492, 493, 496, 503—505, 507, 534, 536, 537, 541, 544, 547, 558—561, 563, 567, 571, 574, 579, 580, 583—585, 588, 589, 593, 598—602, 604, 609, 610, 614—617, 619, 620, 625, 627—629, 634—636, 639—641, 643—646, 648, 651, 652, 657, 663, 664, 667, 669, 678, 680, 694, 696, 698, 703, 704, 711, 727, 732, 734, 746, 755, 761, 773, 776, 788, 790
Баур-Лормиан П.-М.-Л. 788
Бахирев В. 653
Бахрушин А. А. 511
Башомон (Bachaumont) Ф. де 724
Бекедин П. В. 683
Белецкий А. И. 588
Белинский В. Г. 417, 625, 626, 637, 671, 680, 711, 718
Бельчиков Н. Ф. 532, 658
Бем А. Л. 620
Бен де Сен-Виктор (Bins de Saint-Victor) Ж.-М.-Б. 581
Бенитцкий А. П. 657
Бенкендорф А. Х., граф 620
Бентам И. 451
Берг Н. В. 668
Березкин А. М. 569
Беркен (Berquin) А. 620
Бернар П.-Ж. 573, 621, 708, 767
Беррийский Карл-Фердинанд, герцог 638
Бертен (Bertin) А. де 436—438, 574, 669, 712
Бершу (Berchoux) Ж. 189, 703, 704
Бессмертных Л. В. 682
Бессонов П. А. 702
Бестужев-Рюмин М. А. 643, 730, 743
Бибиков М. И. 681
Бируков А. С. 524, 728
Благой Д. Д. 6, 8, 420, 425, 426, 579, 580, 600, 614, 615, 617, 634, 650, 745, 760
Бланк Б. К. 594, 727
Блудов Д. Н. 422, 588, 629, 634, 660, 697, 756
Бобров С. С. 16, 26 («Бибрус»), 125 («Безрифмин»), 139, 173, 325 («Бибрус»), 359, 428, 574, 580, 603, 604, 645, 678, 680
Богаевская К. П. 624
Богданович И. Ф. 91 («наперсник милый Психеи златокрылой»), 426, 429, 572, 590, 615, 627, 667, 727
Богословский Н. Г. 7
Болингброк Г., виконт 695
Бомарше П.-О.-К. де 571, 659, 660
Бонапарт см. Наполеон I Бонапарт
Бонди С. М. 6—8, 645, 690, 773
Борд Ш. 478
Боровков А. Д. 654
Боровский Я. М. 705, 745
Брауде Л. Ю. 524, 718
Бриксман М. А. 654
Броглио С. Ф., граф 610
Брюсов В. Я. 418, 446, 447, 449—451, 510, 511, 520, 554, 589, 608, 610, 612, 634, 638, 643, 645, 649, 650, 657, 661, 671, 675, 709, 710, 713—716, 718, 720—722, 724—726, 728, 734, 742, 744, 745, 747, 751, 752, 759, 765, 766, 769, 772
Буало (Буало-Депрео, Боало, Депрео) (Boileau-Despréaux) Н. 173, 183, 246, 292, 359, 390, 418, 428, 429, 432, 573, 579, 604, 615, 628, 647, 667, 698, 708—735, 772
Бужан (Bougeant) Г.-И. 646, 666
Булгаков А. Я. 780
Булгаков К. Я. 780
Булгарин Ф. В. 483, 624, 651, 680
Бунина А. П. 138 («невинная другиня»), 651, 655, 699, 702

Бурбоны 648, 687
Бурцов А. П. 478, 611, 641, 665, 676, 739
Бутенев К. А. 777, 778
Бутурлины 422
Буффлер (Буфлер) (Boufflers) С. де, маркиз 274, 594, 755
Бюргер Г.-А. 577
Бялый Г. А. 7

Вагин В. И. 788
Вакхилид 426
Валуева Е. П. 688
Вальховский см. Вольховский В. Д.
Васильев В. Е. 561
Васильчиков А. А. 696
Вацуро В. Э. 419, 561, 658, 570, 580, 592, 607, 615, 628, 645, 684, 699, 705, 709, 757, 759, 760
Великопольский И. Е. 640
Велио (Вельо) Ж. И. 741
Велио (Вельо) И., барон 576, 741
Велио (Вельо) С. Ив. (урожд. Северина) 741
Велио (Вельо) С. И. (в замуж. Ребиндер) 251 («прекрасная»), 740, 741
Велио (Вельо) Ц. И. 741
Велио (Вельо), семья 252, 741
Веллингтон (Wellington), герцог (Уэлсли Артур Коллей) 176 («герой Альбиона»), 687
Венгеров С. А. 5, 6, 418, 465, 511, 514, 554, 588, 592, 630, 770
Венгерова З. А. 418, 588
Вергилий (Публий Вергилий Марон) (Publius Vergilius Maro) 56, 90, 95, 105, 604, 629, 630, 647, 697, 699
Вержье (Vergier) Ж. 91, 425, 627
Верне (Вернет) (Vernet) К.-Ж. 576
Вернер З. 726
Верстовский А. Н. 511, 715
Веселова К. И. 478
Вигель Ф. Ф. 433, 654
Виельгорский М. Ю., граф 599
Вийон (Вильон) (Villon) (наст. имя — Монкорбье Ф. де) Ф. 14, 573, 574
Викери В. (У.) (Vickery) 573, 622, 767
Виланд (Wieland) К.-М. 158, 669
Вильгельм, принц Оранский (Вильгельм II, король Нидерландов) 176, 461, 491, 496, 499, 504, 512, 538, 567, 638, 648, 686, 687, 727, 728
Виноградов В. В. 8, 420, 434, 585, 598, 615, 637, 640, 676, 718
Винокур Г. О. 7, 420, 555, 566, 600, 601, 657
Виролайнен М. Н. 568
Висковатов С. И. 91 (?) («Визгов»), 334, 627
Витгенштейн П.-Х., граф 26, 325, 580, 655
Витте Н. де 621
Вишневский К. Д. 440, 441, 457
Владимир, князь 630
Владимиров П. В. 620
Вовенарг Л. де Клапье 645
Воейков А. Ф. 476, 576, 603, 628, 704, 729
Волк С. С. 682, 685
Волконская В. М., княжна 177, 446, 464, 500, 501, 507, 688—690
Волконская С. Г., светлейшая княгиня 690
Волконская Т. А., княжна 484
Волконский П. М., светлейший князь 688, 690
Волконский С. Г., князь 779
Вольпе Ц. С. 597, 603, 636
Вольтер (Voltaire) (наст. имя — Аруэ Ф.-М.) 14, 56, 61 («оракул Франции»), 90, 158, 190 («Кандид»), 218, 266, 267, 314, 325, 401, 414, 418, 424, 425, 429, 459, 461, 490, 491, 498, 511, 513, 514, 517, 518, 522, 523, 530, 538, 548, 553, 571, 573, 576, 581, 588, 592, 594, 600, 603—605, 626, 627, 629, 642, 657, 667, 669, 704, 723, 725, 746, 750—753, 770, 772, 791
Вольф М. О. 468, 772
Вольховский (Вальховский) В. Д. 508, 511, 610, 705, 736, 786
Востоков А. Х. 603, 621
Вощинин Н. А. 759
Всеволожский Н. В. 506, 511, 521—524, 530, 531, 568, 612, 614, 615, 632, 661, 675, 710, 711, 713—719, 721, 724, 728, 744, 748, 751, 756, 762, 766, 769, 772
Вуазенон (Voisenon) (наст. имя — Фюзе К.-А. де) (de Fusée) 575, 651
Вулих Н. В. 634
Вяземская В. Ф. 679, 691, 706
Вяземские 642, 711, 758
Вяземский П. А., князь 92 («князь, наперсник муз»), 172, 195 («Шапель Андреевич»), 275 («святки»), 366 («Шолье Андреевич»), 424, 427, 428, 431, 433, 441, 453, 464, 469,

470, 503, 516, 521, 567, 572, 579—582, 588, 599, 602, 610, 614, 624, 628, 629, 639, 640, 644, 647, 655, 676, 677, 679, 681, 683, 684, 687, 694, 696, 699, 700, 705—708, 715, 739, 755—757, 770, 779, 787, 790
Вяземский П. П. 470, 691

Гаврилова Т. М. 565
Гаевский В. П. 340, 417, 423, 437, 464, 471, 473, 474, 480, 481, 492—495, 497, 504, 560, 570, 572, 577, 578, 580—585, 594, 602, 610, 611, 613, 621—623, 625, 631, 632, 639, 642, 643, 647, 649, 650, 660, 662, 665, 666, 668, 681, 682, 686, 689, 691, 695, 701, 710, 716, 717, 721, 729—731, 738, 742, 744, 746—748, 752, 754, 757—759, 766, 767, 769—771, 773, 775, 781, 783—785
Галинковский Я. А. 577, 697
Галич А. И. 64, 67, 109—111, 123, 125, 335, 344, 345, 347, 418, 427—429, 462, 463, 492, 493, 504, 505, 526, 528, 531, 534, 537, 541, 549, 592, 602, 609, 610, 612, 625, 638, 639, 641, 644, 646, 666, 667, 678, 699
Гама В. де 605
Гамильтон (Hamilton) А. (Э.) 38, 418, 588
Ганнибал М. А. (урожд. Пушкина) 191 («мамушка»), 421 («бабушка»), 422, 668, 704
Ганнибалы 422
Гарт С. 695
Гаспаров М. Л. 442, 450
Гастфрейнд Н. А. 611, 757
Гауеншильд (Гауншильд) Ф. М. (Фридрих-Леопольд-Август) 149 («педант»), 307, 412, 464, 482, 497, 551, 664, 665, 785—787
Гельвеций К.-А. 735
Гельти Л.-Х.-Г. 577
Геннади Г. Н. 667, 689, 737, 742
Генрих III, король Франции 605
Георгиевский П. Е. 419, 575, 605, 634, 636, 644, 661, 676, 733
Гербель Н. В. 464, 465, 608, 711, 730, 775, 781, 788, 790
Гердер И.-Г. 577, 662, 711, 730, 767
Гермоген, патриарх 299, 464, 484, 507, 512, 604, 654, 776
Геростратъ 635
Герхардт (Gerchardt) Д. 767
Герцен А. И. 464, 671, 679, 741, 775, 789
Гершензон М. О. 419, 483, 498, 501, 502, 554, 570, 585, 586, 588, 594, 598, 602, 608, 641, 646, 686, 689—692, 703, 708—713, 719, 733, 734, 739, 740, 745, 747, 748, 752, 753, 757, 759, 768, 770, 773, 774
Герштейн Э. Г. 615, 705
Геснер С. 606
Гете И.-В. 491, 637, 662, 726
Гиллельсон М. И. 432, 684, 699, 702, 757, 760
Гингер 481
Гинзбург Л. Я. 431
Гиппиус В. В. 7
Гиппократ (Гипократ) 114, 567, 641
Глазунов И. П. 26, 313, 325, 479, 485, 488, 580, 790
Глассе А. 660
Глинка М. И. 768, 780
Глинка С. Н. 422
Глинка Ф. Н. 274, 613, 755
Глюк К.-В. 571
Гнедич Н. И. 450, 453, 577, 583, 606, 607, 727
Гнеушева Р. Д. 680
Годунов Борис, царь 573
Гозенпуд А. А. 571, 642
Голенищев-Кутузов П. В., граф 675
Голенищев-Кутузов П. И. 678
Голенищев-Кутузов Смоленский М. И., князь 71 («воитель поседелый»), 75 («воитель поседелый»), 601, 617
Голенищева-Кутузова Смоленская К. И., княгиня 655, 678
Голицын А. Н., князь 680
Голицына Е. И., княгиня 530
Голохвастовы 532, 675, 692, 721, 744
Голубцов П. И. 301, 777, 779
Гомер (Омир) 56 («болтун страны Эллинския»), 90, 485, 699
Гораций (Квинт Гораций Флакк) 90, 114, 125 («Тибурский мудрец»), 157, 275, 276, 425, 426, 461, 462, 478, 594, 614, 627, 629, 645, 697, 699, 723, 750, 756
Горбунов И. Ф. 526
Гордин А. М. 421
Городецкий Б. П. 5, 420, 423, 425, 433, 609, 616, 630, 634, 650, 768
Горохова Р. М. 581

Горчаков А. М., князь 22, 46, 65 («красавец молодой»), 67 («красавец молодой»), 278, 332, 336 («красавец молодой»), 403, 427, 437, 439, 461, 467, 472, 473, 475, 490, 492, 498, 500, 501, 507—513, 521, 522, 527, 530, 531, 535, 538—540, 542, 544, 546, 547, 549, 553, 557—559, 570, 582, 586, 590, 591, 593—595, 598, 608, 609—612, 622, 628, 638, 639, 642, 649, 657, 658, 660, 662, 668, 683, 686, 687, 689—691, 709, 711, 712, 714, 716, 721, 725, 733, 737, 740, 741, 744—746, 756, 758, 759, 761, 766, 779, 781—783
Горчаков Д. П., князь 22, 418, 576, 628, 750, 779
Горчакова С. Д. 525
Горчаковы 467
Гофман М. Л. 6, 301, 501, 520, 554, 555, 620
Гранвил (Гренвиль) Д. 695
Гревениц П. Ф., барон 623, 647, 668
Грей (Gray) Т. 38, 588
Грейг С. К. 616
Грекур (Grécourt) Ж.-В. 91, 425, 426, 627
Грессе (Gresset) Ж.-Б.-Л. 151 («певец прелестный»), 154 («певец прелестный»), 425, 428, 429, 437, 572, 587—589, 625, 626, 646, 647, 666, 667, 722
Греч Н. И. 431, 681, 780
Грибоедов А. С. 680—683, 739, 782
Грот К. Я. 418, 423, 470, 473, 476, 478, 482, 487, 492, 494, 527, 543, 570, 575, 576, 592, 595, 598, 602, 604, 606, 608, 609, 612, 617, 621, 624, 639, 641, 642, 646, 652, 657, 659, 664, 666, 667, 673, 674, 676, 677, 687, 692, 701—703, 709, 714, 721, 727, 733, 736—738, 740, 741, 745, 748, 751, 753, 757, 768, 772, 782, 784, 786, 787
Грот Я. К. 5, 465, 466, 468, 470, 473, 478—480, 484, 487, 489, 490, 492, 494, 533, 586, 591, 594, 598, 611, 621, 633, 641, 646, 666, 672, 674, 683, 686, 689, 702, 703, 708, 709, 723, 725, 735, 736
Грузинцев А. Н. 601, 697
Гуковский Г. А. 420, 435, 616, 671
Гурьев К. В. 736, 764
Гурьянов В. П. 578
Гусев В. Е. 592
Гюис (Guys) П.-О. 594

Давыдов А. Л. 662
Давыдов Д. В. 274 («Денис-храбрец»), 426, 428, 431, 433, 436, 438, 478, 611, 630, 639—641, 644, 659, 665, 676, 708, 711, 712, 739, 755, 756, 776
Давыдов Л. В. 599
Давыдова А. А. (урожд. герцогиня де Граммон) 762
Даламбер (Д'Аламбер) Ж.-Л. 634
Даль В. И. 547
Данзас Б. К. 495
Данзас К. К. 482, 495
Данилевский Р. Ю. 669, 782
Данилов В. В. 511, 564
Дашкевич Н. П. 622
Дашков Д. В. 422, 503, 507, 581, 588, 598, 617, 626, 629—630, 636, 644, 655, 677, 697—699, 701
Дашков П. Я. 545—547, 587, 608, 631, 635, 660, 670, 675, 678, 680, 701, 706, 707, 710, 717, 721, 742, 754, 758, 759, 781, 789
Дезульер А. 574
Делиль Ж. 574
Дельвиг А. А., барон 64, 65 (?) («остряк любезный»), 67, 119 («певец»), 121 («певец»), 125, 127—129, 264, 265, 300 («барон»), 336, 348, 349 («Д...»), 399, 400 («Д***»), 401, 421, 426, 427, 430, 448, 467, 468 («Д»), 479—501, 504, 505, 510—513, 516—518, 527, 531, 538, 541—543, 549, 551, 552, 559, 560, 565, 572, 577—580, 592, 594, 604, 609—611, 613, 622, 636, 641, 661, 662, 666, 674, 701, 703, 712, 726, 736, 748—750, 759, 776
Дельвиг М. А., баронесса (в замуж. Родзевич) 145, 169 («Маша»), 353, 461 («Маша»), 463, 471, 477, 490 («Маша»), 496 («Маша»), 506 («Маша»), 507, 512, 544—547, 550, 552 («Маша»), 611 («Маша»), 660, 661, 674, 675, 695, 734, 735, 757, 758, 763—765, 767, 768, 783
Дельвиги 674
Демокрит 705
Демосфен 135

Державин Г. Р. 26, 46, 70, 74, 90, 138, 139, 182, 325, 333 (?) («Клит»), 338 («лебедь стран Эллины»), 362, 426, 430, 433, 434, 440, 444—447, 449, 450, 457, 460, 470, 499, 527, 538, 580, 583, 585, 599, 601, 602, 611—617, 621, 622, 627, 629, 630, 640, 652, 656, 657, 663, 666, 669, 670, 693, 700, 702, 749
Димитрий Ростовский 572, 574—576
Диоген Синопский 219 («Злой Циник»), 723
Дмитриев (Дмитрев) И. И. 26, 90, 182, 274, 275 («поэт», «министр и сладостный певец»), 325, 421, 422, 426, 429, 571, 574, 575, 580, 581, 583, 593, 599, 610, 616, 617, 619, 622, 629, 634, 649, 653, 656, 657, 666, 680, 686, 691, 693, 695, 696, 704, 707, 715, 725, 727, 728, 740, 741, 750, 755, 756, 782
Дмитриев Л. А. 573, 576
Дмитриев М. А. 581, 627, 651, 662, 682
Дмитревский И. А. 642
Дмитрий Донской, князь 700
Долгорукий И. М. 476
Долгоруков Н. А., князь 494, 533, 536, 538, 539, 542, 543, 548, 552, 570, 577, 578, 582, 584, 585, 587, 590, 594—598, 602, 607, 612, 618, 619, 621, 624, 630, 631, 635, 636, 638, 640—644, 646, 647, 661, 664, 670, 678, 680, 685, 691, 692, 703, 706, 710—713, 715, 716, 718, 719, 721, 722, 724, 727, 729, 734, 735, 739, 740, 742, 747, 748, 751—754, 757—759, 762, 764—766, 768—770, 773—775, 783, 784, 788, 789
Домгер Л. В. 7
Дора К.-Ж. 573
Доранж (Dorange) Ж.-Н.-П. 643
Доримон (Dorimon) Л. 358, 677
Драйден Д. 695
Дубельт Л. В. 466, 487, 501
Дурново Н. Н. 573
Душина Л. Н. 671
Дюбарри М.-Ж. 570
Дюпор Луи 770
Дюсис Ж.-Ф. 600

Еврипид (Эврипид) 90, 626
Егунов А. Н. 577
Екатерина II 69 («Минерва Росская»), 70, 72, 73 («Минерва Росская»), 74, 131, 138, 351, 613, 615, 760
Елизавета Алексеевна, императрица 525, 531, 649, 688, 690
Елизавета Петровна, императрица 584
Ермак Тимофеевич 274
Ермакова-Битнер Г. В. 607, 653
Ершов И. З. 579
Ершов П. П. 762, 763
Ершова Е. С. (урожд. Жегулина) 47, 595
Есаков С. С. 465, 471, 509, 511, 710, 741
Ефремов П. А. 494, 504, 532, 543, 548, 552, 578, 610, 625, 668, 703, 715, 717, 719, 726, 729, 731, 742, 771, 775, 788, 790, 791

Жанлис (Genlis) С.-Ф., графиня де 38 («Жанлиса»), 328, 588
Жанна д'Арк 56 («Жанна Орлеанская»)
Женгене (Ginguené) П.-Л. 602
Жибер П. 571
Жильбер (Gilbert) Н. 758
Жирмунский В. М. 448, 451, 662
Жихарев М. И. 464, 687, 688
Жуковский В. А. 38 («певец Людмилы»), 55, 73 («певец», «Бард», «скальд»), 77 («скальд»), 128, 182, 338 («певец», «Бард»), 339 («славный певец»), 362, 381, 417, 422, 424, 426—428, 431—434, 436, 440—445, 447, 449, 453, 457, 458, 460, 461, 462, 470, 487, 491, 496, 499, 501—505, 507, 508, 513—515, 517, 519—521, 523, 530, 538, 539, 556, 570, 580, 583—585, 588, 589, 597, 599—603, 609, 612—614, 617, 618, 620, 625, 627—630, 636, 637, 639—641, 644, 646, 648, 655, 660—662, 667, 669, 671, 672, 677—679, 683, 687, 690, 692—695, 697—701, 704, 707, 712, 715, 716, 720, 722, 732, 734, 744, 749, 751, 755, 760, 773, 784, 786, 788, 790

Забелин И. Е. 658, 661, 675, 759
Заборов П. Р. 594, 605, 627
Завадовский В. П. 778
Загоскин М. Н. 728
Зайонц Л. О. 680

Замков Н. К. 654
Замятнин Д. Н. 490
Заозерский А. И. 7
Заславский И. Я. 592
Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
Зенон 218, 253, 391, 392, 723
Зернов А. П. 308, 483, 787
Золотарев М. А. 109, 638, 639
Зорин А. Л. 599, 636
Зубов А. Н. 463, 659, 761, 762
Зуев Д. П. 447

Иванов Ф. Ф. 599
Иванчин-Писарев Н. И. 580
Игорь, князь 174, 360, 424, 659, 684, 755
Измайлов А. Е. 429, 580, 601, 652—655, 660, 702, 727, 776, 788
Измайлов В. В. 578, 580, 582, 593, 645, 651, 755
Измайлов Н. В. 5—7, 419, 465, 480, 481, 483, 599, 614, 773, 774, 787
Иконников А. Н. 631, 632, 673, 674
Илличевский (Иличевский) А. Д. 65 (?) («остряк любезный»), 67 (?) («остряк любезный»), 125 (?) («милый остряк»), 277, 363, 402, 422, 426, 430, 462—464, 468, 471—481, 483, 488, 491—497, 499—501, 538, 540—543, 551, 564, 570, 579, 592, 593, 610, 612, 617, 622, 623, 632, 636, 639, 642, 645, 657, 659, 665, 666, 670, 672, 673—677, 683, 699, 701, 702, 709, 724, 727, 745, 757, 759, 763, 770, 773, 783, 785, 786
Ильин В. В. 777
Иоанн IV Васильевич Грозный 174, 360, 618, 683
Иоанн, епископ Новгородский, св. 572, 574—576
Иоанн Секунд (Johannes Secundus) (наст. имя — Jan Everaerts) 597
Исаков И. 551, 653
Исаков Я. А. 689

Кавелин К. Д. 529, 530, 630, 638, 661, 706, 710, 721, 724, 726, 729, 742, 748, 751, 754, 758, 759, 764, 772
Каверин П. П. 250, 253, 302, 391, 393, 435, 459, 463—465, 470, 471, 485, 486, 498, 500, 501, 535, 538, 541, 545—547, 549, 553, 565, 658, 659, 675, 710, 739, 742, 743, 750, 778, 780—782
Каверины 471
Кавос К. А. 591
Кайданов И. К. 590, 775
Калайдович К. Ф. 702
Калинич Ф. П. 541 («Калиныч»), 543 («Калиныч»), 551 («Калиныч»), 786
Каллаш В. В. 728
Кальв (Гай Лициний Кальв) 634
Каменская Л. З. 687, 688
Камерон Ч. 615
Камоэнс (Камоенс) (Camões) Л. 26, 56, 325, 581, 604, 605
Кант И. 64, 66, 610
Кантакузин Е. М. (урожд. княжна Горчакова) 590, 622, 623
Кантемир А. Д. 21, 483
Капнист В. В. 21, 63 («Арист»), 324 («Арист»), 326, 335 («Арист»), 463 («Арист»), 482 («Арист»), 483 («Арист»), 493 («Арист»), 507 («Арист»), 523, 534 («Арист»), 536 («Арист»), 537 («Арист»), 540 («Арист»), 543 («Арист»), 560 («Арист»), 561 («Арист»), 583, 594, 596 («Арист»), 606, 607, 642, 663, 790 («Арист»)
Капнист П. И. 523, 524, 717, 718, 728, 742, 766
Карабанов П. М. 571
Каразин В. И. 765
Карамзин Н. М. 91, 174, 182, 184, 360, 424, 426, 431, 434, 445, 446, 455, 464, 541, 542, 544, 545, 547, 550, 564, 571, 572, 575, 578, 580, 582, 583, 585, 591, 596, 603—606, 617, 620, 621, 627, 628, 632, 653, 656, 657, 677, 680—686, 690, 691, 693, 698, 701, 704, 707, 718, 725, 727, 732, 740, 741, 755, 756, 767
Карамзина Е. А. 691
Карамзины 530, 620, 691
Каратыгин П. А. 687
Карин Ф. Г. 581
Картавов 589
Карл VII, король Франции 574
Карл XII, король Швеции 788
Карцов Я. И. 307, 543, 590, 786
Касти Д. 634
Катенин П. А. 690, 693, 701, 719, 782
Катон Младший (Утический) 218, 636, 723

Катон Старший Марк Порций 453, 571, 610, 723
Катулл (Гай Валерий Катулл) 631, 634, 661
Кауфман А. 670
Качеповский М. Т. 183 (?) («Мевий»), 184 (?) («Мевий»), 314 (?) («Мевий»), 578, 580, 662, 701, 749, 750
Керн А. П. 702
Кий, легендарный князь 755
Кикин П. А. 254 («мирный воин»), 275, 756
Кино Ф. 735
Кипренский О. А. 624
Киреевский И. В. 614
Клейнмихель П. А. 779, 780
Клейст (Kleist) Э.-Х. фон 140, 426, 657
Клеман М. К. 520, 521, 657, 662
Клепиков С. А. 620
Клерон (Клерона) (наст. имя — Легри де Латюд К.) (Legri de Latude; Clairon) 116, 642
Климовский С. 591
Клопшток (Klopstock) Ф.-Г. 56, 577, 604, 605
Клушин А. И. 421, 571
Княжнин Я. Б. 91, 627, 790
Кобеко Д. Ф. 778
Кожевников В. 683
Козлов В. И. 226, 438, 728
Козлов В. П. 683, 684, 702, 727
Козмин Н. К. 5
Колбасин Е. Я. 469
Кольте (Colletet) Г. 597
Комовский С. Д. 511, 570, 611, 623, 624, 659, 666, 670, 675, 686
Конгрив (Конгрев) У. 695
Коноплев В. Г. 529, 729
Копылова Н. И. 672
Корнель П. 635, 700 («Корнелий»)
Корнилов А. А. 736
Коровин В. И. 431, 514, 614
Коровин Г. 660
Королева Н. В. 695
Корреджо (Корреджио) (Correggio) (наст. имя — Аллегри А.) 20, 575, 576, 750
Корсаков Н. А. 65 («милый наш певец»), 482, 491, 492, 494, 499, 500, 509, 511, 606, 611, 624, 668, 713, 736, 767, 773
Корсаков П. А. 600, 606, 623, 624, 689, 746, 783
Корф М. А., барон 417, 482, 484, 487, 490, 492—494, 501, 512, 533, 536, 539, 542, 543, 578, 582, 591, 593—596, 598, 604, 618, 621, 623—625, 631, 632, 646, 664, 666, 670, 674, 685, 686, 689, 703, 705, 708, 709, 725, 730, 731, 740, 741, 748, 753, 757, 759, 764, 768, 771, 773, 782, 784—787
Корш Ф. Е. 447
Костров Е. И. 26, 325, 581, 583, 584
Коцебу А.-Ф.-Ф. фон 314, 414, 582, 639
Кочубей А. В. 691, 779
Кочубей В. П., граф 765
Кочубей Н. В. 564, 609, 688, 689
Кошанский Н. Ф. 150 (?) («Аристарх»), 307, 355 (?) («Аристарх»), 418, 463 (?) («Аристарх»), 483, 506 (?) («Аристарх»), 509 (?) («Аристарх») 510 (?) («Аристарх»), 512 (?) («Аристарх»), 513 (?) («Аристарх»), 514 (?) («Аристарх»), 515 (?) («Аристарх»), 517 (?) («Аристарх»), 518 (?) («Аристарх»), 519 (?) («Аристарх»), 552 (?) («Аристарх»), 567 (?) («Аристарх»), 581, 583, 589, 596, 661, 663, 665—667, 706 (?) («Аристарх»), 708, 727 (?) («Аристарх»), 786
Кошелев В. А. 599
Краевский А. А. 658, 680, 742, 759
Крамер В. В. 643, 663, 753
Крамер К.-Ф. 596, 643, 663
Красноборолько Т. И. 565, 761
Красс (Гай Лициний Красс) 634
Крассус П. 597
Кребийон П. 600
Крез 124, 644
Крекшин Д. И. 301 («полковник-филантроп»), 780
Кривцов Н. И. 531
Кропотов А. Ф. 135 (Кропов), 429, 651, 652
Крылов И. А. 90, 92 («шутник бесценный»), 421, 424, 429, 571, 580, 603, 605, 617, 618, 627, 629
Ксантиппа (Ксантипа) 219, 723
Кузен Д'Аваллон Ш. И. 660
Кузьмина В. Д. 603, 704
Кулешов В. И. 768
Куломзина Е. Д. (урожд. Замятнина) 471, 622, 623, 671
Кумпан К. А. 677, 756
Куницын А. П. 419, 435, 590
Куртэн Ф., аббат 723

Кутузов П. И. см. Голенищев-Кутузов П. И.
Кучум, сибирский хан 755
Кюхельбекер В. К. 24 («Клит»), 66 («Вильгельм»), 68 («Вильгельм»), 188 («Клит»), 189 («Клит»), 284, 292 («Виля»), 297 («Клит»), 303 (?) («Клит»), 336 («Вильгельм»), 407, 409 («Виля»), 420, 423, 426, 427, 430, 439, 455, 459 («Виля»), 477 («Клит»), 479 («Виля»), 483 («Клит»), 488, 491—495, 497, 499, 511, 513, 523, 525, 530, 535, 536, 539, 540, 542, 549, 550 («Клит»), 552, 558, 564, 577, 579, 591, 594, 604, 607, 609, 611, 654, 658, 662, 695, 697 («Клит»), 726, 745, 751, 753, 756, 757, 766, 769, 771, 772, 775
Кюхельбекер Ю. К. 784

Лабуис-Рошфор (Labouisse-Rochefort) Ж.-П.-Ж.-О. де 632
Лагарп (Laharpe) Ж.-Ф. 91, 429, 474, 573, 574, 577, 587, 593, 621, 627, 629, 667, 698, 699, 733, 766
Ламартин А. 436, 637
Ланкло (Lanclos) Нинон де 218 («Нинон»), 723
Лапицкая Т. А. 569
Ларионова Е. О. 548, 568
Лафар (La Fare) Ш.-О. 154, 668
Лафонтен (Lafontaine) Ж. де 90, 91, 157, 418, 429, 574, 627, 669, 698, 724, 772
Левашов В. В. 301, 777, 779
Левин Ю. Д. 568, 583
Левкович Я. Л. 422
Левшин В. А. 603
Лемьер А.-М. 600
Лермонтов М. Ю. 443, 533, 568, 682
Лернер Н. О. 6, 418, 467, 471, 533, 572, 576, 579, 610, 652, 670, 682, 704, 710, 722, 746, 751, 789, 791
Лессинг Г.-Э. 670
Летурнер (Le Tourneur) П. 583, 584
Лефевр де Виллебрен Ж.-Б. 631
Лефельдт В. 566
Ливий Тит 696
Лобачевский Н. И. 618
Ломоносов М. В. 26, 139, 183, 325, 362, 443, 455, 580, 584, 614—616, 657, 663, 668, 670, 693, 697, 698, 725, 775
Ломоносов Н. Г. 53, 431, 462, 493, 504, 505, 509, 511, 534, 537, 541, 560, 561, 563, 597
Ломоносов С. Г. 597, 677, 684, 686, 720, 745, 764, 769, 771
Лонгинов М. Н. 545, 546, 570, 587, 597, 625, 660, 678, 681, 682, 685, 687, 689, 698, 742, 754, 758, 781, 788
Лотман М. Ю. 440
Лотман Ю. М. 566, 573, 605, 614, 620, 631
Лузянина Л. Н. 681
Лукан (Марк Анней Лукан) 634
Лурье С. Я. 705
Лыкошин Я. М. 654
Лысаковский Ф. 300 («Фома»), 776 («Фома»)
Львов Н. А. 591, 663, 670
Любавин М. А. 666
Любомудров С. И. 635
Людовик Великий (XIV) Бурбон, король Франции 626
Людовик XVIII Бурбон, король Франции 638, 687
Людовик XV Бурбон, король Франции 570
Людовик XVI Бурбон, король Франции 176
Люлли Д.-Б. 735

Майков В. И. 449
Майков Л. Н. 5, 378, 418, 426, 437, 467—472, 487, 497, 502, 504, 508—511, 514, 519, 520, 579, 587, 589, 592, 594, 598, 599, 602, 608, 610—612, 622, 625, 626, 628, 630, 638—640, 642, 645, 657, 658, 661, 662, 665, 670—672, 675, 687, 692—695, 705, 709—712, 715, 716, 718—722, 724—726, 728, 731, 733, 737, 740, 742, 744—747, 751, 752, 759, 761, 766, 767, 770, 772, 773, 781, 784
Майкова А. А. 467, 582
Макаров А. А. 431, 514, 614
Макаров М. Н. 727
Макаров П. И. 27 («Рамаков»), 326, 581, 582
Макогоненко Г. П. 634, 755
Макферсон (Macpherson) Дж. 583—585, 788
Малеин А. И. 634, 639, 665
Малерб Ф. 622

Малиновский И. В. 65 («повеса из повес»), 67 («повеса из повес»), 300 («я»), 491, 500, 512, 592, 609, 611, 649, 664, 683, 736, 746, 776
Мандрыкина Л. А. 782
Манзей К. Н. 739
Марин С. Н. 274, 599, 684, 755
Мария Федоровна, императрица 617, 686, 784
Маркевич А. Н. 470
Маркевич Н. А. 470, 590, 613, 614, 623, 659, 676, 688, 689, 693, 696, 731, 732, 742, 780
Маркова С. В. 623, 647
Мармонтель Ж.-Ф. 620
Маро (Марот) (Marot) К. 286, 407, 408, 506, 522, 523, 548, 549, 560, 565, 765, 766
Марон см. Вергилий
Мартынов А. И. 469, 482, 576, 591
Мартынов И. И. 558, 648, 657, 663, 670, 680, 735
Марциал (Марк Валерий Марциал) 661
Маслов Д. Н. 509, 511, 672, 736
Матюшкин Ф. Ф. 468, 478—480, 487—490, 501, 510, 511, 527, 584, 589, 594, 608, 612, 622—624, 671, 690, 702, 703, 705, 714, 719, 721, 726, 735, 737, 738, 745, 751, 753, 756, 757, 766, 769, 771, 772, 775
Матяш С. А. 439, 441, 443
Маяковский В. В. 449
Мевий 697, 749
Мегмет-Кул 274, 755
Медведева И. Н. 7, 700
Межевич В. С. 624
Мейлах Б. С. 5, 7, 419, 420, 435, 634, 661, 665, 677, 733, 737, 760, 765
Мелецкий см. Нелединский-Мелецкий Ю. А.
Мерзляков А. Ф. 591, 656, 690, 697
Местр К. де, граф 589
Метастазио П. 571
Милонов М. В. 436, 580, 597, 619, 620, 633, 684, 750, 755
Милославский А. 662
Мильвуа Ш.-Ю. 436, 788
Мильтон (Milton) Дж. 56, 574, 604, 605
Минин (Сухорук) К. 299, 464, 484, 507, 512, 604, 654, 776
Мироненко С. В. 726
Михайлова Н. И. 616
Михайловский-Данилевский А. И. 782
Мицкевич А. 592
Модзалевский Б. Л. 6, 418, 635, 677, 678, 707, 739, 772, 782
Модзалевский Л. Б. 7, 430, 465, 466, 474, 547, 577, 618, 650, 651, 702, 742
Молоствов Н. Г. 782
Молоствов П. Х. 302, 466, 659, 782
Мольер (Molière) (наст. имя — Поклен Ж.-Б.) 91, 418, 421, 627, 651, 677
Монтескье Ш. 634
Мордвинов П. 780
Мордовченко Н. И. 697
Морозов П. О. 5, 6, 418, 437, 511, 519, 520, 553, 598, 610, 629, 692, 700, 720, 732
Моцарт В.-А. 571
Муравьев М. Н. 583
Муравьев-Апостол М. И. 681
Муравьева О. С. 435, 568, 637
Мясоедов П. Н. 510, 511, 543, 675

Назон см. Овидий
Наполеон I Бонапарт 57 («Эльбы император»), 70 («коварством, дерзостью венчанный царь»), 71 («тиран»), 72 («любимый сын и счастья и Беллоны»), 74 («коварством, дерзостью венчанный царь»), 75 («тиран»), 76 («любимый сын и счастья и Беллоны»), 104, 130 («венчанный исполин»), 131 («грозный»), 139, 176 («злодей»), 337—339, 351 («гордый»), 423, 434, 435, 458, 460, 462, 504—506, 534, 550, 559, 562, 601, 605, 617, 636—638, 648, 656, 687
Нарышкина М. А. 22, 576
Наталья, актриса театра гр. В. В. Толстого 11—13, 17 (?), 21 (?), 116, 117 («молодая актриса», «Клоя»), 323, 345 («молодая актриса»), 427, 428, 453, 461, 467, 468, 489, 490 («молодая актриса»), 497 («молодая актриса»), 506 («молодая актриса»), 507, 512 («молодая актриса»), 537, 538, 542, 557, 558, 562, 570, 574, 588, 591, 642, 689, 720
Наташа, горничная княжны В. М. Волконской 178, 360, 361, 461, 472, 477, 478, 490, 491, 495, 496, 498, 512, 688—690
Нащокин П. В. 792

Невзоров М. И. 485 («издатель „Друга юношества"»)
Нейштадт В. И. 612, 638, 640, 658, 664, 675, 706, 712, 721, 742, 759
Некрасов Н. А. 444, 446, 447, 568
Нелединский-Мелецкий Ю. А. 225, 226, 386, 686, 727, 753
Непот Корнелий 639
Нечаева В. С. 678
Никитенко А. В. 419, 438, 462, 481, 483, 495, 497, 498, 501, 502, 506, 535, 536, 539, 554, 584—586, 589, 594, 602, 608, 641, 642, 646, 658, 663, 670—672, 689—692, 703, 705, 709—711, 713, 715, 716, 719, 725, 728, 733, 734, 739, 740, 745, 747, 751—753, 757, 759, 760, 768, 773, 774, 784
Никитенко С. А. 502
Никифоров Д. И. 780
Николев Н. П. 173, 359, 428, 627, 628, 680
Никольский Б. В. 615, 619, 629, 635, 667
Никольский В. В. 468, 471
Никольский П. А. 696
Никон, патриарх 183
Никон, сост. Первой русской летописи 183, 698
Новиков И. А. 616, 629, 696
Новиков Н. И. 616
Новикова А. М. 592
Нордштейн А. И. 781
Ньютон (Невтон) И. 20, 139, 393, 575

Обрезков А. 645
Овидий (Публий Овидий Назон) 55, 187, 334
Огарев Н. И. 690
Огарев Н. П. 775, 781
Огарева Е. С. (урожд. Новосильцева) 179, 479, 485, 488, 500, 501, 506, 512, 538, 690, 691, 699
Одоевский А. И. 464
Одоевский В. Ф. 658
Ожаровская Е. И., графиня 483, 666
Оже И. 762
Озеров В. А. 94, 184, 583, 606, 627, 637, 692, 693, 696, 698, 700
Оксман Ю. Г. 6—8, 505, 579, 767
Олег, князь 672
Оленин А. Н. 700
Олсуфьев В. Д. 301 («адъютант»), 779
Ольга, княгиня 423, 659, 684
Оранский принц см. Вильгельм
Орлов (Орлов-Чесменский) А. Г., граф 70, 74, 612, 616
Орлов А. Ф. 517, 525, 531, 645
Орлов В. Н. 634
Оссиан (Ossian) 28, 327, 418, 507, 537, 539, 559, 561, 582—586, 652
Остолопов Н. Ф. 456
Охотин Н. Г. 433, 635
Охрименко П. П. 591
Ошеров С. А. 631

Павлищев Л. Н. 774, 791
Павлищев Н. И. 791
Павлищева О. С. 38 («сестра»), 328 («сестра»), 417, 418 («сестра»), 428 («сестра»), 442 («сестра»), 443 («сестра»), 504 («сестра»), 505 («сестра»), 512 («сестра»), 540 («сестра»), 543 («сестра»), 544 («сестра»), 546 («сестра»), 547 («сестра»), 549 («сестра»), 587, 601, 603 («сестра»), 624, 627, 667 («сестра»), 668, 669, 694, 704, 726, 774, 791, 792
Павлова К. К. 452
Павлова Н. Г. 603, 604
Палицын А. А. 680
Паллад Александрийский 581
Панаев В. И. 620, 656, 730
Панчулидзев А. А. 669
Парни (Parny) Э.-Д. де 54, 91, 140, 152, 154, 225, 226, 242, 386, 418, 425, 436—438, 571, 583, 585, 586, 590, 597, 605, 621, 627, 632, 662, 664, 666, 667, 669, 670, 671, 692, 716, 717, 721, 727, 732, 733, 746, 747, 752, 758, 767, 776
Паскаль Б. 772
Паскаль, муж М. Смит 745
Пастернак Б. Н. 449
Паэзиэлло Дж. 571
Пезаровиус П. П. 727
Пенинский И. 614
Перикл 723
Перовский А. А. 576
Персий (Авл Персий Флакк) 633
Песков А. М. 428, 579
Пестель П. И. 745
Петр I 10, 88, 604, 655, 676
Петров В. П. 70, 74, 616
Петроний Арбитр 102 («Петрон»)

Петрунина Н. Н. 420, 423, 506, 508, 543, 569, 618, 649, 673, 693, 708, 766, 787
Пешель Ф. О. 175, 685, 686
Пещуров А. Н. 526, 611, 660, 662, 676, 683, 711, 712, 737, 744, 783
Пещурова Е. Н. 687, 690, 692, 711, 740
Пещуровы 608, 779
Пигарев К. В. 653
Пиксанов Н. К. 418, 531, 665
Пилецкий-Урбанович М. С. 247 («Мартын»), 422, 590, 623, 736, 737
Пиндар 139, 614, 627
Пирон (Piron) А. 774
Пиччини (Пичини) Н. 39, 328, 589
Платов М. И. 65, 67, 611
Платон 218, 219, 253, 336, 391, 392, 593, 610, 723
Плетнев П. А. 401, 461, 462, 524, 566, 597, 615, 616, 619, 633, 635, 675, 693, 694, 711, 713, 715, 741, 762—764
Плещеев А. А. 704
Плиний Младший (Гай Плиний Цецилий Секунд) 335 (?), 610, 626
Плиний Старший 335 (?), 705, 723
Плутарх 575
Плюскова Н. Я. 525, 531, 552, 688, 701
Пнин И. П. 620, 621
Погодин М. П. 533, 681—683, 761
Пожарский Д. М., князь 299, 464, 484, 507, 512, 604, 654, 776
Покровский И. 662
Покровский М. М. 605, 629, 723
Полевой К. А. 662, 708
Полевой Н. А. 708
Поленов Д. В. 488, 742
Поливанов Л. И. 747
Полиновский М. В. 618
Полторацкий С. Д. 545, 546, 570, 586, 587, 591, 597, 608, 612, 625, 658, 660, 670, 681, 685, 689, 721, 742, 753, 754, 758, 781, 788
Поляков А. С. 620
Помпей Вар 756
Помяловский И. В. 475, 476, 586, 592, 595, 608, 630, 635, 640, 643, 658, 664, 669, 672, 674, 675, 678, 689, 705, 709, 714, 721, 725, 729, 733, 734, 744, 751, 766
Понс де Верден Р. 580
Поп А. 695
Попов А. 597, 621, 774
Попов П. С. 7
Потемкин Г. А., князь 616
Прадон Н. 127, 129, 350, 428, 646, 647
Прач И. 591
Прийма Ф. Я. 592, 616, 696
Прокофий (Прокофьев), служитель Лицея 785
Пропп В. Я. 605
Пугачев Е. И. 10
Пуколов И. А. 780
Пуколова (Пукалова) В. П. (урожд. Мордвинова, во втором браке Крекшина) 301, 779, 780
Пуссен (Пуссин) (Poussin) Н. 576
Путята Н. В. 758
Путятин П. А., князь 468, 479
Пучкова Е. Н. 185, 186, 363, 364, 464, 465, 478, 480, 481, 484, 485, 488, 512, 542, 552, 607, 655, 700, 702, 703
Пушкин А. А. 470
Пушкин А. М. 599
Пушкин В. Л. 92 («Буянова певец»), 127 («дядюшка-поэт»), 173, 194, 196 («дядя»), 274, 276, 348 («дядюшка-поэт»), 359, 365, 402, 421, 422, 428—431, 441, 453, 454, 461 («дядя»), 479 («дядя»), 485 («дядя»), 486 («дядя»), 500 («дядя»), 501 («дядя»), 506 («дядя»), 512, 513, 522, 531, 540 («дядюшка»), 541, 542 («дядюшка»), 544, 546, 547, 549, 566, 571, 578—580, 582, 583, 586, 588, 592 («дядя»), 599, 614, 618, 626—630, 644, 646, 647, 655, 656, 660, 662, 677, 679, 683, 684, 694 («дядя»), 696, 697, 699, 700, 706—708, 723, 744, 750, 754—756, 763, 766, 779, 787, 790
Пушкин Л. С. 394, 417, 464, 465 («брат»), 587, 590, 615, 624, 653, 715, 724, 727, 731, 742, 743, 791
Пушкин С. Л. 421 («отец»), 422, 613, 614, 653, 694, 696, 707, 726, 727, 744, 754
Пушкина Н. Н. 467
Пушкина Н. О. 421 («мать»), 668
Пушкина О. С. см. Павлищева О. С.
Пушкины 422
Пущин И. И. 65 («товарищ милый»), 67 («товарищ милый»), 114, 119, 121, 149, 283, 285 («больной студент»), 300, 345, 346, 355, 406, 407 («больной студент»), 461, 462, 464, 469, 472, 475, 477, 481

(«больной студент»), 484 («больной студент»), 490, 493, 504, 508, 513, 522, 523, 531, 535, 537—539, 540 («больной студент»), 549, 551 («больной студент»), 552, 553, 558, 561, 562, 567, 590, 593, 608, 609, 611, 613, 623, 640—642, 644, 649, 657, 663, 664—668, 670, 674, 688, 709, 714, 741, 747, 757, 759, 760, 762—765, 767, 771, 775, 776, 785, 786
Пущина Е. И. (в замуж. Бароцци) 84 (?) («Eudoxie»), 623

Радищев А. Н. 56, 429, 455, 572, 573, 600, 603—606, 634, 704
Радлов Э. Л. 418
Раевский В. Ф. 637
Разумовские 696
Разумовский А. К., граф 293, 409, 465, 483, 613, 648, 664, 686, 695, 770, 771, 785
Рамо (Rameau) Ж.-Ф. 39, 328, 589
Расин Ж.-Б. 91, 183, 627, 646, 647, 697
Рафаэль (Рафаэль Санти) 576, 750
Ребиндер А. М. 740
Ренье М. 772
Ржевские 422
Ржевский А. А. 422
Ржевский Н. Г. 482
Рижский И. С. 620, 621, 676
Ринальди А. 616
Рихтер А. Ф. 653
Ровинский Д. А. 603
Роде П. 66
Родзянка (Родзянко) А. Г. 709
Родиславский В. И. 682
Розанов М. Н. 588
Романов О. К., вел. князь 469
Ромм М. Д. 783
Ронсар (Ronsard) П. де 622
Ростопчин Ф. В., граф 422
Ростопчина Е. П., графиня 680, 685, 686
Рубенс П.-П. 576
Руденская М. П. 666, 786
Руденская С. Д. 666, 786
Румянцев Н. П., граф 785
Румянцев П. А., граф 70, 74, 616
Руссо (Rousseau) Ж.-Б. 26, 325, 581, 597, 621, 622, 723, 746
Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. 38 («Жан-Жак»), 91, 576, 588, 620, 772
Рыбушкин М. С. 78, 463, 483, 537, 540, 543, 561, 562, 606, 618
Рылеев К. Ф. 633, 667

Сабуров Я. И. 630, 659, 739, 762, 782
Савич 488
Саврасов П. Ф. 510, 511
Сазонов К. 175, 482 («Созоновиада»), 685, 686
Саитов В. И. 517, 572
Саккини (Sacchini) А.-М.-К. 571, 642
Салиас Е. А., граф 789
Саллюстий (Саллустий) Гай Саллюстий Крисп 699
Салов 780
Самойлов В. М. 687
Сандомирская В. Б. 761
Сапожников Д. И. 465, 659
Свербеев Д. Н. 782
Свечин П. А. 484, 517, 541, 551
Свифт Д. 695
Свиясов Е. В. 594
Северин Д. П. 503, 599, 707
Селезнев И. Я. 627, 644, 736
Селецкий-Дзюрдзь Ф. Ф. 787
Селиванова С. Д. 762
Семевская А. М. 469
Семевская Е. М. 526
Семевский М. И. 468, 469, 735
Семенников В. П. 604
Семенова Е. С. 607
Семечкина Т. Б. 495
Сендерович М. 768
Сендерович С. Я. 768
Сенека (Луций Анней Сенека) 64, 66, 218, 335, 610, 723
Сенковский О. И. 573
Сент-Аман (Saint-Amant) М.-А.-Ж. 573
Сербинович К. С. 620
Сидяков Л. С. 566, 653
Симони П. К. 546
Сиповский В. В. 418
Ситников, лицо неустановленное 482
Слонимский А. Л. 6, 7, 633
Смирдин А. Ф. 696
Смирнов Ю. И. 592
Смит А. 451
Смит (Smith) М. (урожд. Шарон-Лароз, во втором браке Паскаль) 260, 261 («молодая вдова», «Лида»), 396 («молодая вдова»), 398 («Лида»), 461 («молодая вдова»), 467 («молодая вдова»), 468 («молодая

вдова»), 489 («молодая вдова»), 499 («молодая вдова»), 508 («молодая вдова»), 514 («молодая вдова»), 515 («молодая вдова»), 519 («молодая вдова»), 521 («молодая вдова»), 522 («молодая вдова»), 538 («молодая вдова»), 553 («молодая вдова»), 723, 738, 745 («молодая вдова»), 746
Соболевский С. А. 517, 789, 792
Соколов А. Н. 667
Соколовский М. М. 571
Сократ 218, 219, 723
Соловьев Н. В. 471
Соммерз (Соммерс) Д. 695
Сомов О. М. 730
Сорен Б.-Ж. 600
Софокл 699
Сперанский М. М. 785
Сперанский М. Н. 591
Спиноза Б. 767
Спиридов Г. С. 616
Старицкий А. И. 502
Стевен Ф. Х. 511, 718
Степанов В. П. 641, 653, 756
Степанов Н. Л. 420, 425
Степанов Н. Н. 634
Стерн Л. 698, 707
Ступель А. М. 738, 741
Стурдза А. С. 684
Суворов А. В. 70, 74, 616
Сумароков А. П. 183, 362, 363, 450, 454, 584, 604, 629, 697, 698, 724
Сумароков П. П. 724, 753
Сумцов Н. Ф. 591
Сушков Н. М. 669
Сушкова С. Н. (в замуж. Панчулидзева) 159 (?), 669

Тарановский (Taranovski) К. Ф. 445
Тассо (Тасс) Т. 90, 626
Таушев А. Ф. 476 («Т.....в»), 477 («Т....в»), 496 («Т—в»), 579 («Т—в»)
Тацит 64, 66, 610, 626, 634
Телѣтова Н. К. 422
Теппер де Фергюсон В. П. (Людвиг-Вильгельм) 737, 738, 741, 784
Теребенина Р. Е. 479, 564, 771
Тибулл Альбий 105, 226, 242, 636, 727, 733, 773
Тидге (Tiedge) Х.-А. 768
Тик Л. 726
Тилло В. К. 662
Тионвилль А.-М. де 659
Титов Н. С. 621, 715
Тиханов П. Н. 478, 479
Тихонравов Н. С. 544, 587, 608, 630, 631, 635, 660, 678, 754, 758, 781, 788
Тициан (Тициано Вечеллио) (Tiziano Vecellio) 21 («Цицианъ»), 576
Толбот (Тальбот) Ч. 695
Толстой В. В., граф 570, 591, 642
Толстой Ф. И., граф 528, 639
Томашевская Р. Р. 659
Томашевский Б. В. 6—8, 431, 432, 437, 441, 442, 444, 448, 449, 456, 457, 465, 466, 505—507, 521, 523, 528, 555, 565, 573, 579, 584, 594, 597, 598, 605, 610, 612—615, 618—621, 626, 627, 632, 633, 637, 640, 642, 647—649, 660—662, 667, 669, 672, 674, 675, 677, 687, 690, 692, 698, 702, 703, 705, 710, 711, 713—715, 717—719, 722, 724, 727, 728, 732, 740, 742, 744, 748, 751, 756, 758—760, 762, 764, 766, 767, 769, 772, 773, 789, 792
Томсон (Томпсон) (Thomson) Дж. 38, 588, 745
Тончи Н. И. (Сильвестр) 653
Треборн В. А. 762, 763
Тредиаковский (Тредьяковский) В. К. 24, 25 («отецъ Телемахиды»), 55, 183 («призракъ»), 184 («Телемахида»), 324 («отецъ Телемахиды»), 366 («стопосложитель хилый»), 428, 455, 577, 600, 697, 698
Тропинин В. А. 624
Трубецкой Н. И. 423, 504, 505, 625, 626
Туманский В. И. 751
Тургенев Ал. И. 516, 521, 572, 588, 590, 613, 614, 620, 691, 694, 696, 717, 744, 755, 756
Тургенев Андр. И. 692
Тургенев Н. И. 590, 739
Тургенев С. И. 739
Тургеневы 744
Тучков С. А. 480, 481, 484, 486, 702
Тынянов Ю. Н. 7, 420, 519, 528, 579, 604
Тырков А. Д. 664
Тютчев В. М. 658
Тютчев Ф. И. 528

Уваров С. С. 577, 613, 633, 655, 785
Уварова И. В. 615

Ульрика Прусская, принцесса 753
Унковский 674
Уолш (Вальс) В. 695
Усачев П. 618
Успенский А. И. 591, 675, 742, 759
Успенский Б. А. 680
Ушакова, лицо неустановленное 486
Уэлси 687

Фавар Ш. 571
Фальконе (Фальконет) (Falconet) Э.-М. 140, 657
Фатов Н. Н. 503, 509, 510, 514, 521, 722
Федоров Б. М. 138 («школяр-писатель»), 429, 525, 526, 564, 619, 620, 653, 655, 670, 718, 721, 722, 730—732, 781, 788
Федотова С. Б. 568
Фенелон Ф. 697
Феокрит 451
Фесенко Ю. П. 683—685
Феспид (Феспис) 699
Фет А. А. 447
Фокилид 631
Фома см. Лысаковский Ф.
Фомин Е. И. 571, 642, 661
Фомичев С. А. 566, 573, 602, 661, 713
Фонвизин (Фон-Визин) Д. И. 91, 134, 422, 423, 425, 429, 430, 451, 465, 469, 484 («Недоросль»), 507, 556, 558, 564, 571, 601, 627, 630, 651—653, 655, 656, 666, 667, 677, 704, 776
Фонвизин М. А. 763
Фонвизина Н. Д. 763
Фонвизины 763
Францев В. А. 772
Фридман Н. В. 598, 711
Фридрих II, король Пруссии 605
Фризман Л. Г. 692
Фролов С. С. 247, 469, 480, 511, 512, 664, 737
Фукидид 626, 699
Фусс П. Н. 473, 478, 570, 592, 610, 612, 636, 639, 642, 645, 659, 665, 675—677, 683, 727, 757, 785

Хвостов А. С. 770
Хвостов Д. И., граф 26 («Графов»), 96 («*Свистов*»), 128 («Графов»), 129 («Графов»), 136, 137, 141, 151 (?) («Свистов, Хлыстов или Графов»), 153 (?) («Свистов, Хлыстов или Графов»), 170, 173, 313 («Графов»), 333 («Графон»), 334 («Графон»), 348 («Пустов», «Графон» (?)), 349 («Графов», «Пустов» (?)), 350 («***»), 353 («Свистов»), 359, 364, 413, 428, 430, 451, 580, 600, 628, 630, 646, 647, 652—654, 667, 678, 702, 704, 724, 769, 770, 790
Хвостова А. П. (урожд. Хераскова), графиня 681
Хемницер И. И. 581, 666
Херасков М. И. 422, 483 («Россиада»), 540 («Россияда»), 551 («Россияда»), 571, 572, 580
Хованский Г. А. 753
Ходасевич В. Ф. 617, 669, 725
Холшевников В. Е. 440, 444, 445, 568, 663, 714, 718
Хомяков А. С. 602
Хрущев И. П. 487, 488

Цезарь (Гай Юлий Цезарь) 634
Цертелев Н. А. 773
Цицерон (Марк Туллий Цицерон) 218
Цявловская (Зенгер-Цявловская) Т. Г. 7, 8, 419, 557—559, 563—565, 568, 579, 622, 632, 648, 673, 703
Цявловский М. А. 6—9, 329, 418—420, 461, 465, 467, 475, 479, 494, 507, 508, 510—512, 514, 523, 530, 544, 547, 565, 568, 570, 572, 578—580, 582, 587, 589, 591—593, 596—598, 601, 602, 604—606, 611—613, 619—623, 625, 626, 631, 632, 633, 635, 637, 640, 641, 643—645, 658—666, 670—673, 678—680, 682, 683, 689, 690, 693, 695, 702, 703, 705—707, 710, 714, 717, 721, 722, 725, 726, 731, 732, 734, 735, 742, 745, 747—749, 752, 753, 757, 760, 761, 765, 767, 770, 773—775, 777, 778, 783, 789, 791

Чаадаев П. Я. 435, 466, 477, 687, 688
Чайковский П. И. 458
Черейский Л. А. 533, 597, 606, 618, 626, 727, 737, 741, 757, 762, 786
Чернышев В. И. 566
Чернышевский Н. Г. 722

Чертков А. Н. 742
Чимароза Д. 571
Чириков С. Г. 247 («карапузик наш, монах»), 342 («Ч.....»), 482, 484 («карапузик наш, монах»), 488 («карапузик наш, монах»), 604, 609, 631, 673, 674, 736
Чистова И. С. 530
Чубукова Е. В. 617, 634, 725

Шабо Ф. 659
Шадури В. С. 726, 727
Шаликов П. И., князь 137 («князь Шальной»), 483 («князь Ш.»), 651, 653—655, 702, 727, 750
Шапель (Chapelle) К.-Э.-Л. 151, 154, 425, 667, 708, 722
Шаплен (Шапелен) (Chapelain) Ж. 56, 183, 428, 573, 604, 698
Шатле Г.-Э. дю, маркиза 751
Шатров Н. М. 91 (?) («Глупон»), 482 («Глупон»), 627, 628
Шахвердов С. А. 440
Шаховской А. А., князь 22 (?) («Шиловской»), 144, 170 (?) («Клеон»), 183 («тот, верный своему мятежному союзу»), 195, 357, 483 («князь Ш.»), 576, 591, 651, 660, 677, 678, 684, 695, 698—700, 707
Шевченко Т. Г. 592
Шевырев С. П. 626, 632, 657, 722, 748
Шедель, гувернер и учитель Пушкина 791
Шекспир В. 600
Шеллинг Ф.-В. 639
Шереметев А. В. 521, 527, 528, 533, 590, 612, 638, 705, 717, 718, 742, 744
Шереметев С. Д., граф 470, 533, 675
Шереметьев А. Д., граф 532
Шестериков С. П. 632
Шидловский А. В. 788
Шиллер Ф. 426, 436, 491, 597, 620, 637, 722, 726, 735
Шильдер Н. К. 688, 740
Ширинский-Шихматов П. А., князь 581
Ширинский-Шихматов С. А., князь 26 («Рифматов»), 56 («Рифматов»), 89 (?) («Рифмов»), 148 («Славяно-Росс»), 144, 173, 299 («Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия»), 325 («Рифматов»), 333 («неуклюжий славянин»), 348 («Рифматов»), 349 (?) («Бестолков»), 350 (?) («Бестолков»), 352, 359, 428, 430, 477 («князь Ш.»), 580, 601, 604, 626, 646, 654, 655, 659, 660, 679, 684, 776, 787
Шихматов см. Ширинский-Шихматов С. А.
Шишков А. А. 225, 226, 385, 386, 462, 506, 510, 513, 518, 521, 522, 524, 531, 542, 726, 727, 748
Шишков А. С. 137, 144, 183 («Мевий»), 195, 352, 365, 421, 430, 434, 435, 439, 549, 565, 582, 607, 626, 659, 660, 673, 678, 679, 684, 687, 695, 697—700, 706, 707, 726, 728, 776, 784
Шишкова Д. А. 727, 728
Шлыкова Т. В. 533
Шляпкин И. А. 504, 623, 659, 664, 687, 737
Шодерло де Лакло (Laclos) П.-А.-Ф. 570
Шолье (Chaulieu) Г.-А. де 152, 154, 225, 386, 425, 426, 667, 708, 722, 727
Шоу (Shaw) Дж.-Т. 450, 454
Шредер, гувернантка в семье Велио 252, 741
Штрайх С. Я. 763

Щеголев П. Е. 6, 420, 467, 520, 572, 587, 726, 748, 790
Щербаков В. Ф. 531, 532, 680, 729, 759, 774
Щербачев Ю. Н. 465, 471, 529, 658, 675, 710, 739, 742, 743, 760, 778, 780—782
Щербинин М. А. 465, 526, 531, 742, 759, 782
Щукин П. И. 781

Эбергард Е. А. 307, 412, 786
Эбергард И. И. 307, 412, 786
Эзельдорф 58
Эйхенбаум Б. М. 7, 458, 459
Экушар-Лебрен (Écouchard-Lebrun) П.-Д. 574, 586, 692, 704, 705
Элиаш Н. М. 598, 617, 711
Энгельгардт В. В. 526, 530
Энгельгардт (Энгельгард) Е. А. 247, 307, 412, 464, 471, 482, 497, 510—512, 526, 530, 551, 665, 684, 688,

736, 737, 741, 744, 746, 759, 784, 785, 787
Эннекен П. 634
Эпафродит 218
Эпиктет 218 («раб Эпафродита»), 314, 610, 723
Эпикур 46, 64, 67, 335
Эристов Д. А., князь 467
Эткинд Е. Г. 455
Эфрос А. М. 517, 576
Эшенбург И.-И. 596, 663

Ювенал (Децим Юний Ювенал) 26, 55, 102, 104, 194, 326, 581, 634, 635, 699
Юдин П. М. 156, 356, 421, 463, 504, 510—512, 514, 518, 519, 552, 567, 668, 671
Юрфе (d'Urf´e) О. де 571
Юрьев Ф. Ф. 526, 761
Юшков И. И. 301 (?) («Иосиф»), 779

Яковлев В. И. 474
Яковлев М. Л. 125 («песельник») 417, 423, 467, 468, 471, 473, 474, 478, 480, 487, 491—495, 501, 509, 512, 533, 536, 539, 542, 559, 578, 582, 590, 591, 593—596, 611, 613, 618, 621, 623, 625, 631, 632, 641, 645, 646, 658, 664, 666, 669, 670, 674, 686, 689, 703, 705, 708, 709, 725, 730, 733, 746, 748, 751, 753, 757, 764, 766, 768, 771, 773—785, 787
Яковлев Н. В. 7
Яковлева А. Р. 421, 704
Якубович Д. П. 6, 7, 615
Якушкин В. Е. 5, 469, 470, 519, 528, 545, 553, 634, 668, 682, 720, 730, 731
Якушкин Е. И. 469, 528, 587, 589, 590, 610, 638, 665, 668, 675, 681, 705, 706, 711, 716, 717, 721,726, 730, 740, 742—744, 748, 751, 754, 760, 762, 781
Яновский Н. 571
Ярославцев А. К. 763
Яхонтов А. Н. 468, 471, 504, 505, 557, 607

Gresset см. Грессе Ж.-Б.-Л.
Hielscher K. 572, 603
Kind F. 768
Laharpe J.-F. см. Лагарп Ж.-Ф.
Lannes F. 588
Macpherson J. см. Макферсон Дж.
Parny É. см. Парни Э.-Д. де
Shaw J.-Th. см. Шоу Дж.-Т.
Taranovski K. см. Тарановский К. Ф.
Thompson S. 581
Vichery W. см. Викери В. (У.)
Voltaire см. Вольтер
Zeigengeist G. 737

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

	Текст	Варианты	Примечания
Амур и Гименей. (Сказка) («Сегодня, добрые мужья...»)	220	383	724
Амур и Гименей («Сегодня, добрые мужья...»). *Поздняя редакция*	221	384	724
«Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!..» см. К другу стихотворцу			
«Арист нам обещал трагедию такую...» см. ⟨Эпиграмма⟩			
«Ах! Боже мой, какую...» см. ⟨На гр. А. К. Разумовского⟩			
Батюшкову («В пещерах Геликона...»)	105	343	635
Безверие («О вы, которые с язвительным упреком...»)	255	394	743
Безверие («О вы, которые с язвительным упреком...»). *Поздняя редакция*	257	395	743
«Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...» см. К Жуковскому			
«Блажен, кто в шуме городском...» см. ⟨Из письма к кн. П. А. Вяземскому⟩			
«Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...» см. К Дельвигу			
Блаженство («В роще сумрачной, тенистой...»)	49	332	595
Бова. (Отрывок из поэмы) («Часто, часто я беседовал...»)	56	334	602
«Бог весть за что философы, пииты...» см. Твой и мой			
«Богами вам еще даны...» см. Друзьям. *Поздняя редакция*			
«Боже! царя храни!..»	306	412	784
«Больны вы, дядюшка? Нет мочи...»	290		769
«Бывало, прежних лет герой...» см. На Рыбушкина			
В альбом («Пройдет любовь, умрут желанья...»). *Поздняя редакция*	282	406	761
В альбом Илличевскому («Мой друг! неславный я поэт...»)	277	402	757
В альбом Пущину («Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок...»)	283	406	762
В альбом Пущину («Взглянув когда-нибудь на верный сей листок...»). *Поздняя редакция*	283	407	762
«В конюшнях Левашова...» см. ⟨Ноэль на лейб-гвардии Гусарский полк⟩			
«В молчаньи пред тобой сижу...» см. Экспромт на А⟨гареву⟩			
«В неволе скучной увядает...» см. Наслажденье			
«В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...» см. К портрету Каверина			

	Текст	Варианты	Примечания
«В нем радости мои; когда померкну я...» см. К письму			
«В пещерах Геликона...» см. Батюшкову			
«В последний раз, в сени уединенья...» см. Разлука. *Поздняя редакция*			
«В последний раз, в тиши уединенья...» см. Кюхельбекеру			
«В раю, за грустным Ахероном...» см. Тень Фон-Визина			
«В роще сумрачной, тенистой...» см. Блаженство			
«Вам восемь лет, а мне семнадцать било...» см. К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг			
«Вдали ты зришь утес уединенный...» см. Эвлега			
«Великим быть желаю...» см. ⟨Отрывки «Про себя»⟩			
«Вечерняя заря в пучине догорала...» см. Наполеон на Эльбе (1815)			
«Взглянув когда-нибудь на верный сей листок...» см. В альбом Пущину. *Поздняя редакция*			
«Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок...» см. В альбом Пущину			
«Взошла луна над дремлющим заливом...» см. Гараль и Гальвина			
Вишня («Румяной зарею...»)	316		790
«Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет...» см. Несчастие Клита			
Вода и вино («Люблю я в полдень воспаленный...»)	98	341	630
«Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных...» см. Красавице, которая нюхала табак; Красавице, которая нюхала табак. *Поздняя редакция*			
Воспоминание. (К Пущину) («Помнишь ли, мой брат по чаше...)»	149	355	663
Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой нощи...»)	69	337	611
Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой нощи...»). *Поздняя редакция*	73		611
«Вот Виля — он любовью дышет...»	292	409	770
«Вот здесь лежит больной студент...» см. Надпись на стене больницы			
«Вот зеркало мое — прими его, Киприда...» см. Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало			
«Вот карапузик наш, монах...» см. Портрет			
«Все в таинственном молчаньи...» см. Гроб Анакреона; Гроб Анакреона. *Поздняя редакция*			
«Все миновалось...» см. Измены			
«Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...» см. Князю А. М. Горчакову			
«Вчера за чашей пуншевою...» см. Слеза			
«Вчера мне Маша приказала...» см. К Маше			
«Вянет, вянет лето красно...» см. К Наташе			
Гараль и Гальвина («Взошла луна над дремлющим заливом...»)	309	413	788
«Гауншильд и Энгельгард...»	307	413	785

	Текст	Варианты	Примечания
«Где наша роза...» см. Роза			
«Где ты, ленивец мой?..» см. Послание к Г⟨аличу⟩			
«Глаза скосив на ус кудрявый...» см. Усы. Философическая ода; Усы. Философическая ода. *Поздняя редакция*			
«Глубокой ночи на полях...» см. Наездники			
Городок. (К***) («Прости мне, милый друг...»)	88	341	624
Гроб Анакреона («Все в таинственном молчаньи...»)	146	353	661
Гроб Анакреона («Все в таинственном молчаньи...»). *Поздняя редакция*	147	354	661
Двум А⟨лександрам⟩ П⟨авловичам⟩ («Р⟨оман⟩ов и Зернов лихой...»)	308		787
Делия («Ты ль передо мною...»)	288		768
Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью...»). *Поздняя редакция*	265	401	747
«Дитя харит и вдохновенья...» см. К живописцу. *Поздняя редакция*			
«Дитя харит и вображенья...» см. К живописцу			
«Довольно битвы мчался гром...» см. Принцу Оранскому			
«Друзья! досужный час настал...» см. Пирующие студенты; К студентам. *Поздняя редакция*			
Друзьям («К чему, веселые друзья...»)	213	381	718
Друзьям («Богами вам еще даны...»). *Поздняя редакция*	213		718
Дяде, назвавшему сочинителя братом («Я не совсем еще рассудок потерял...»)	196		708
Желание («Медлительно влекутся дни мои...»)	212	381	717
Желание («Я слезы лью; мне слезы утешенье...»). *Поздняя редакция*	212		717
«Забудь, любезный мой Каверин» см. К Каверину; К К⟨аверину⟩. *Поздняя редакция*			
Заздравный кубок («Кубок янтарный...»)	216	382	721
Заздравный кубок («Кубок янтарный...»). *Поздняя редакция*	217	383	721
«Заутра с свечкой грошевою...»	175		685
«Зачем из облака выходишь...» см. Месяц			
«Зачем кричишь ты, что ты *дева*...» см. На Пучкову			
«Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою...» см. Моя эпитафия			
«Знакомец милый и старинный...» см. К сну			
«И останешься с вопросом...»	252		741
«И ты, любезный друг, оставил...» см. К Н. Г. Л⟨омонос⟩ову			
⟨Из письма к кн. П. А. Вяземскому⟩ («Блажен, кто в шуме городском...»)	172		677

	Текст	Варианты	Примечания
⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩ («Христос воскрес, питомец Феба!..»)	173	359	678
«Известно буди всем...» см. ⟨Надпись к дивану⟩			
«Издавна мудрые искали...» см. Истина			
Измены («Все миновалось...»)	99	342	631
Исповедь бедного стихотворца («Кто ты, мой сын? — Отец, я бедный однодворец...»)	312	413	789
Истина («Издавна мудрые искали...»)	193	364	705
«Источник быстрый Каломоны...» см. Кольна. (Подражание Оссиану)			
«Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался»	133		649
К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг («Вам восемь лет, а мне семнадцать било...»)	145	353	660
К Б⟨атюшк⟩ову («Философ резвый и пиит...»)	54	333	598
К Г⟨аличу⟩ («Пускай угрюмый рифмотвор...»)	109	344	638
К Г⟨аличу⟩ («Когда печальный стихотвор...»). *Поздняя редакция*	110		638
К Делии («О Делия драгая!»)	295	410	772
К Дельвигу («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»)	264	399	747
К Д⟨ельвигу⟩ («Послушай, муз невинных...»)	127	348	645
К Д⟨ельвигу⟩. (Ответ) («Послушай, муз невинных...»). *Поздняя редакция*	128	350	645
К другу стихотворцу («Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!..»)	25	324	578
К живописцу («Дитя харит и воображенья...»)	162	356	669
К живописцу («Дитя харит и вдохновенья...»). *Поздняя редакция*	162		669
К Жуковскому («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...»)	182	362	692
К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин...»)	253	391	742
К К⟨аверину⟩ («Забудь, любезный мой Каверин...»). *Поздняя редакция*	253	393	742
К Лицинию. (С латинского) («Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице...»)	101	342	632
К Н. Г. Л⟨омонос⟩ову («И ты, любезный друг, оставил...»)	53		597
К Маше («Вчера мне Маша приказала...»)	169		674
К молодой актрисе («Ты не наследница Клероны...»)	116	345	641
К молодой вдове («Лида, друг мой неизменный...»)	260	396	745
К молодой вдове («Лида, друг мой неизменный...»). *Поздняя редакция*	261	398	745
К Наталье («Так и мне узнать случилось...»)	11	323	570
К Наташе («Вянет, вянет лето красно...»)	178	360	689
К ней («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»)	166	357	672
К ней («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»). *Поздняя редакция*	166		672
К письму («В нем радости мои; когда померкну я...»)	271		752
К портрету Каверина («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...»)	250	391	739

	Текст	Варианты	Примечания
К П⟨ущину⟩ (4 мая) («Любезный именинник...»)	114	345	640
К сестре («Ты хочешь, друг бесценный...»)	38	328	587
К сну («Знакомец милый и старинный...»)	208	377	715
К студентам («Друзья! досужный час настал...»). *Поздняя редакция*	66	336	607
«К чему, веселые друзья...» см. Друзьям			
К Ш⟨ишк⟩ову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...»)	225	385	726
Картины («С пятнадцатой весною...»)	230	388	729
К⟨ня⟩ж⟨не⟩ В. М. Волконской («On peut très bien, mademoiselle...»)	177		687
Князю А. М. Горчакову («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»)	278	403	758
Князю А. М. Горчакову («Пускай, не знаясь с Аполлоном...»)	46	332	594
«Когда на поклоненье...» см. Фиал Анакреона; Фиал Анакреона. *Поздняя редакция*			
«Когда печальный стихотвор...» см. К Г⟨аличу⟩. *Поздняя редакция*			
«Когда погаснут дни мечтанья...» см. ⟨Отрывок⟩			
«Когда пробил последний счастью час» см. Разлука			
Козак («Раз полунощной порою...»)	43	329	590
Кольна. (Подражание Оссиану) («Источник быстрый Каломоны...»)	28	327	582
Красавице, которая нюхала табак («Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных...»)	41	328	589
Красавице, которая нюхала табак («Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных...»). *Поздняя редакция*	42	329	589
«Кто с минуту переможет...» см. Опытность			
«Кто ты, мой сын? — Отец, я бедный однодворец...» см. Исповедь бедного стихотворца			
«Кубок янтарный...» см. Заздравный кубок; Заздравный кубок. *Поздняя редакция*			
Куплеты на слова «Никак нельзя — ну так и быть» («Я прав, он виноват; решите...»)	303		783
Куплеты на слова «С позволения сказать» («С позволения сказать...»)	304		783
Кюхельбекеру («В последний раз, в тиши уединенья...»)	284	407	764
Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало («Вот зеркало мое — прими его, Киприда...»)	45	332	593
Леда. (Кантата) («Средь темной рощицы, под тенью лип душистых...»)	82	340	621
«Лида, друг мой неизменный...» см. К молодой вдове; К молодой вдове. *Поздняя редакция*			
«Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице...» см. К Лицинию. (С латинского); Лицинию. *Поздняя редакция*			

	Текст	Варианты	Примечания
Лицинию («Лициний, зришь ли ты? На быстрой колеснице...»). *Поздняя редакция*	103	343	632
«Лишь благосклонный мрак раскинет...» см. Письмо к Лиде; Письмо к Лиде. *Поздняя редакция*			
«Любезный именинник...» см. К Пущину (4 мая)			
«Люблю я в полдень воспаленный...» см. Вода и вино			
«Любовь одна — веселье жизни хладной...»	242		732
«Любовью, дружеством и ленью...» см. Дельвигу. *Поздняя редакция*			
Любопытный («„Что ж нового?" — „Ей-богу, ничего"...»). *Поздняя редакция*	289		768
«Медлительно влекутся дни мои...» см. Желание			
Месяц («Зачем из облака выходишь...»)	205	376	713
Месяц («Зачем из облака выходишь...»). *Поздняя редакция*	205	376	713
Мечтатель («По небу крадется луна...»)	112	345	640
«Мечты, мечты...» см. Пробуждение			
«Младой Дафнис, гоняясь за Доридой...» см. Рассудок и любовь			
Мое завещание. Друзьям («Хочу я завтра умереть...»)	118	346	642
Мое завещание. Друзьям («Хочу я завтра умереть...»). *Поздняя редакция*	120	347	642
Моему Аристарху («Помилуй, трезвый Аристарх...»)	150	355	665
Моему Аристарху («Помилуй, трезвый Аристарх...»). *Поздняя редакция*	152	355	665
«Мой друг! неславный я поэт...» см. В альбом Илличевскому			
«Мой милый друг! расстался я с тобою...» см. Уныние. *Поздняя редакция*			
Монах («Хочу воспеть, как дух нечистый ада...»)	14	323	572
«Морфей! до утра дай отраду...» см. Морфею. *Поздняя редакция*			
Морфею («Морфей! до утра дай отраду...»). *Поздняя редакция*	208	378	715
Моя эпитафия («Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою...»)	122		643
«Мы недавно от печали...»	300		776
На Баболовский дворец («Прекрасная! пускай восторгом насладится...»)	251		740
На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году («Утихла брань племен; в пределах отдаленных...»)	130	350	647
На Пучкову («Зачем кричишь ты, что ты *дева*...»)	185	363	701
На Пучкову («Пучкова, право, не смешна...»)	186	364	702
⟨На гр. А. К. Разумовского⟩ («Ах! Боже мой, какую...»)	293	409	770
На Рыбушкина («Бывало, прежних лет герой...»)	78		618
«Навис покров угрюмой нощи...» см. Воспоминания в Царском Селе; Воспоминания в Царском Селе. *Поздняя редакция*			
Надпись в беседке («С благоговейною душой...»)	291	409	769

	Текст	Варианты	Примечания
Надпись к беседке («С благоговейною душой...»). *Поздняя редакция*	291		769
⟨Надпись к дивану⟩ («Известно буди всем...»)	168		673
Надпись на стене больницы («Вот здесь лежит больной студент...»)	285	407	765
Наездники («Глубокой ночи на полях...»)	200	368	710
Наездники («Уж полем всадники спешат...»). *Поздняя редакция*	202		710
Наполеон на Эльбе (1815) («Вечерняя заря в пучине догорала...»)	106		636
Наслажденье («В неволе скучной увядает...»)	244	389	733
«Не хочешь ли узнать, моя драгая...» см. Сравнение			
«Недавно, обольщен прелестным сновиденьем...» см. Сновидение			
«Недавно темною порою...» см. Окно			
Несчастие Клита («Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет...»)	24		577
⟨Ноэль на лейб-гвардии Гусарский полк⟩ («В конюшнях Левашова...»)	301		777
«О вы, которые с язвительным упреком...» см. Безверие; Безверие. *Поздняя редакция*			
«О Делия драгая!» см. К Делии			
«О, сжальтесь надо мною...» см. Погреб			
Окно («Недавно темною порою...»)	197	366	709
Она («Печален ты; признайся, что с тобой...»)	273		753
Опытность («Кто с минуту переможет...»)	48	332	595
«Опять я ваш, о юные друзья!..» см. Элегия; Элегия. *Поздняя редакция*			
Осгар («По камням гробовым, в туманах полуночи...»)	34		585
Осеннее утро («Поднялся шум; свирелью полевой...»)	180	361	691
Осеннее утро («Поднялся шум; свирелью полевой...»). *Поздняя редакция*	180	361	691
«От всенощной вечор идя домой...»	298	412	775
⟨Отрывки «Про себя»⟩ («Я сам в себе уверен...»; «Великим быть желаю...»)	302		781
⟨Отрывок⟩ («Когда погаснут дни мечтанья...»)	282	406	761
Певец («Слыхали ль вы за рощей глас ночной...»)	207	377	714
Певец («Слыхали ль вы за рощей глас ночной...»). *Поздняя редакция*	207	377	714
«Печален ты; признайся, что с тобой...» см. Она			
Пирующие студенты («Друзья! досужный час настал...»)	64	335	607
Письмо к Лиде («Лишь благосклонный мрак раскинет...»)	269		752
Письмо к Лиде («Лишь благосклонный мрак раскинет...»). *Поздняя редакция*	269	402	752
«По камням гробовым, в туманах полуночи...» см. Осгар			
«По небу крадется луна...» см. Мечтатель			

	Текст	Варианты	Примечания
Погреб («О, сжальтесь надо мною...»)	245	390	734
«Под вечер, осенью ненастной...» см. Романс; Романс. *Поздняя редакция*			
«Поднялся шум; свирелью полевой...» см. Осеннее утро; Осеннее утро. *Поздняя редакция*			
Подражание («Я видел смерть; она сидела...»). *Поздняя редакция*	211		716
«*Пожарский, Минин, Гермоген...*»	299		775
«Покойник Клит в раю не будет...» см. Эпиграмма на смерть стихотворца			
«Помилуй, трезвый Аристарх...» см. Моему Аристарху; Моему Аристарху. *Поздняя редакция*			
«Помнишь ли, мой брат по чаше...» см. Воспоминание. (К Пущину)			
Портрет («Вот карапузик наш, монах...»)	247		735
Послание к Г⟨аличу⟩ («Где ты, ленивец мой?..»)	123	347	644
⟨Послание к В. Л. Пушкину⟩ («Тебе, о Нестор Арзамаса...»)	194	365	706
Послание к Ю⟨дину⟩ («Ты хочешь, милый друг, узнать...»)	156	356	668
Послание Лиде («Тебе, наперсница Венеры...»)	218	383	722
Послание В. Л. Пушкину («Скажи, парнасский мой отец...»)	274		754
«Последним сияньем за лесом горя...» см. Сраженный рыцарь			
«Последним сияньем за рощей горя...» см. Сраженный рыцарь. *Поздняя редакция*			
«Послушай, муз невинных...» см. К Д⟨ельвигу⟩; К Д⟨ельвигу⟩. (Ответ). *Поздняя редакция*			
«Послушайте, я сказку вам начну...» см. Эпиграмма. ⟨На Карамзина⟩			
«Прекрасная! пускай восторгом насладится...» см. На Баболовский дворец			
Принцу Оранскому («Довольно битвы мчался гром...»)	176		686
Пробуждение («Мечты, мечты...»)	228	387	728
Пробуждение («Мечты, мечты...»). *Поздняя редакция*	228	388	728
«Пройдет любовь, умрут желанья...» см. В альбом. *Поздняя редакция*			
«Промчались годы заточенья...» см. Товарищам; Товарищам. *Поздняя редакция*			
«Прости мне, милый друг...» см. Городок. (К***)			
«Пускай, не знаясь с Аполлоном...» см. Князю А. М. Горчакову			
«Пускай поэт с кадильницей наемной...» см. Сон. (Отрывок)			
«Пускай угрюмый рифмотвор...» см. К Г⟨алич⟩у			
«Пучкова, право, не смешна...» см. На Пучкову			
П⟨ушки⟩ну («Что восхитительней, живей...»). *Поздняя редакция*	276	402	754
«Раз полунощной порою...» см. Козак			
Разлука («В последний раз, в сени уединенья...»). *Поздняя редакция*	284		764
Разлука («Когда пробил последний счастью час...»)	198	367	709
Рассудок и любовь («Младой Дафнис, гоняясь за Доридой...»)	37	327	586

	Текст	Варианты	Примечания
Роза («Где наша роза...»)	287	408	766
Роза («Где наша роза...»). *Поздняя редакция*	287		766
«⟨Роман⟩ов и Зернов лихой...» см. Двум А⟨лександрам⟩ П⟨авловичам⟩			
Романс («Под вечер, осенью ненастной...»)	79	340	619
Романс («Под вечер, осенью ненастной...»). *Поздняя редакция*	80	340	619
«Румяной зарею...» см. Вишня			
«С благоговейною душой...» см. Надпись в беседке; Надпись к беседке. *Поздняя редакция*			
«С позволения сказать...» см. Куплеты на слова «С позволения сказать»			
«С пятнадцатой весною...» см. Картины; Фавн и пастушка. Картины. *Поздняя редакция*			
«Сегодня, добрые мужья...» см. Амур и Гименей. (Сказка); Амур и Гименей. *Поздняя редакция*			
«Скажи, парнасский мой отец...» см. Послание В. Л. Пушкину			
«„Скажи, что нового". — „Ни слова"...» см. Эпиграмма			
Слеза («Вчера за чашей пуншевою...»)	142	351	657
Слеза («Вчера за чашей пуншевою...»). *Поздняя редакция*	142		657
Слово милой («Я Лилу слушал у клавира...»)	209	378	716
Слово милой («Я Лилу слушал у клавира...»). *Поздняя редакция*	209	378	716
«Слыхали ль вы за рощей глас ночной...» см. Певец; Певец. *Поздняя редакция*			
Сновидение («Недавно, обольщен прелестным сновиденьем...»)	272		753
Сон. (Отрывок) («Пускай поэт с кадильницей наемной...»)	187	364	703
Сравнение («Не хочешь ли узнать, моя драгая...»)	246	390	735
Сраженный рыцарь («Последним сияньем за лесом горя...»)	164	357	671
Сраженный рыцарь («Последним сияньем за рощей горя...»). *Поздняя редакция*	165	357	671
«Средь темной рощицы, под тенью лип душистых...» см. Леда. (Кантата)			
Стансы. (Из Вольтера) («Ты мне велишь пылать душою...»)	266	401	751
Стансы. Из Вольтера («Ты мне велишь пылать душою...»). *Поздняя редакция*	267	401	751
Старик. (Из Марота) («Уж я не тот любовник страстный...»)	286		765
Старик («Уж я не тот любовник страстный...»). *Поздняя редакция*	286	407	765
«Супругою твоей я так пленился...» см. Эпиграмма. (Подражание французскому)			
«Счастлив, кто в страсти сам себе...» см. Элегия; Элегия. *Поздняя редакция*			
«Так и мне узнать случалось...» см. К Наталье			
«Там — громкой славою...» см. «Боже! царя храни!..»			
Твой и мой («Бог весть за что философы, пииты...»)	294	409	771

	Текст	Варианты	Примечания
Твой и мой («Бог весть за что философы, пииты...»). *Поздняя редакция*	294	409	771
«Тебе, наперсница Венеры...» см. Послание Лиде			
«Тебе, о Нестор Арзамаса...» см. ⟨Послание к В. Л. Пушкину⟩			
Тень Фон-Визина («В раю, за грустным Ахероном...»)	134		650
Товарищам («Промчались годы заточенья...»)	280	404	759
Товарищам («Промчались годы заточенья...»). *Поздняя редакция*	281		759
«Тошней идиллии и холодней, чем ода...»	296		773
«Ты ль передо мною...» см. Делия			
«Ты мне велишь пылать душою...» см. Стансы (Из Вольтера); Стансы. Из Вольтера. *Поздняя редакция*			
«Ты не наследница Клероны...» см. К молодой актрисе			
«Ты хочешь, друг бесценный...» см. К сестре			
«Ты хочешь, милый друг, узнать...» см. Послание к Ю⟨дину⟩			
«Угрюмых тройка есть певцов...»	144	352	659
«Уж полем всадники спешат...» см. Наездники. *Поздняя редакция*			
«Уж я не тот любовник страстный...» см. Старик. (Из Марота); Старик. *Поздняя редакция*			
Уныние («Мой милый друг! расстался я с тобою...»). *Поздняя редакция*	199	368	709
Усы. Философическая ода («Глаза скосив на ус кудрявый...»)	170	358	675
Усы. Философическая ода («Глаза скосив на ус кудрявый...»). *Поздняя редакция*	171		675
«Утихла брань племен; в пределах отдаленных...» см. На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году			
Фавн и пастушка. Картины («С пятнадцатой весною...»). *Поздняя редакция*	235	388	729
Фиал Анакреона («Когда на поклоненье...»)	223	385	725
Фиал Анакреона («Когда на поклоненье...»). *Поздняя редакция*	224	385	725
«Философ резвый и пиит...» см. к Б⟨атюшк⟩ову			
«Хочу воспеть, как дух нечистый ада...» см. Монах			
«Хочу я завтра умереть...» см. Мое завещание. Друзьям; Мое завещание. Друзьям. *Поздняя редакция*			
«Христос воскрес, питомец Феба!..» см. ⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩			
«Часто, часто я беседовал...» см. Бова. (Отрывок из поэмы)			
«Что восхитительней, живей...» см. П⟨ушки⟩ну. *Поздняя редакция*			

	Текст	Варианты	Примечания
«„Что ж нового?" — „Ей-богу, ничего"...» см. Любопытный. *Поздняя редакция*			
«Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...» см. К Ш⟨ишк⟩ову; Ш⟨ишк⟩ову. *Поздняя редакция*			
Ш⟨ишкову⟩ («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...»). *Поздняя редакция*	226		726
Эвлега («Вдали ты зришь утес уединенный...»)	32	327	584
Экспромт на А⟨гареву⟩ («В молчаньи пред тобой сижу...»)	179		690
Элегия («Опять я ваш, о юные друзья!..»)	262	398	747
Элегия («Опять я ваш, о юные друзья!..»). *Поздняя редакция*	263	399	747
Элегия («Счастлив, кто в страсти сам себе...»)	204	376	712
Элегия («Счастлив, кто в страсти сам себе...»). *Поздняя редакция*	204		712
Элегия («Я видел смерть; она в молчаньи села...»)	210	378	716
Элегия («Я думал, что любовь погасла навсегда...»)	214	382	720
Элегия («Я думал, что любовь погасла навсегда...»). *Поздняя редакция*	215		720
«Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...» см. К ней; К ней. *Поздняя редакция*			
⟨Эпиграмма⟩ («Арист нам обещал трагедию такую...»)	63	335	606
Эпиграмма («„Скажи, что нового". — „Ни слова"...»)	289	408	768
Эпиграмма. ⟨На Карамзина⟩ («Послушайте, я сказку вам начну...»)	174	360	680
Эпиграмма на смерть стихотворца («Покойник Клит в раю не будет...»)	297	411	774
Эпиграмма. (Подражание французскому) («Супругою твоей я так пленился...»)	52		596
«Я видел смерть; она в молчаньи села...» см. Элегия			
«Я видел смерть; она сидела...» см. Подражание. *Поздняя редакция*			
«Я думал, что любовь погасла навсегда...» см. Элегия			
«Я Лилу слушал у клавира...» см. Слово милой; Слово милой. *Поздняя редакция*			
«Я не совсем еще рассудок потерял...» см. Дяде, назвавшему сочинителя братом			
«Я прав, он виноват; решите...» см. Куплеты на слова «Никак нельзя — ну так и быть»			
«Я сам в себе уверен...» см. ⟨Отрывки «Про себя»⟩			
«Я слезы лью; мне слезы утешенье...» см. Желание. *Поздняя редакция*			

	Текст	Варианты	Примечания
«Avez-vous vu la tendre rose...» см. Stances			
Couplets («Quand un poète en son extase...»)	248	390	737
«Dis-moi, pourquoi „L'Escamoteur"...»	319		791
«Je chante ce combat, que Toly remporta...»	320		791
Mon portrait («Vous me demandez mon portrait...»)	86	340	623
«On peut très bien, mademoiselle...» см. К⟨ня⟩ж⟨не⟩ В. М. Волконской			
Stances («Avez-vous vu la tendre rose...»)	84		622
«Quand un poète en son extase...» см. Couplets			
«Vous me demandez mon portrait...» см. Mon portrait			

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Варианты	Примечания
От редакции	5		
1813			
К Наталье	11	323	570
Монах	14	323	572
Несчастие Клита	24		577
1814			
К другу стихотворцу	25	324	578
Кольна. (Подражание Оссиану)	28	327	582
Эвлега	32	327	584
Осгар	34		585
Рассудок и любовь	37	327	586
К сестре	38	328	587
Красавице, которая нюхала табак	41	328	589
Красавице, которая нюхала табак. *Поздняя редакция*	42	329	589
Козак	43	329	590
Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало	45	332	593
Князю А. М. Горчакову («Пускай, не знаясь с Аполлоном...»)	46	332	594
Опытность	48	332	595
Блаженство	49	332	595
Эпиграмма. (Подражание французскому) («Супругою твоей я так пленился...»)	52		596
К Н. Г. Л⟨омонос⟩ову	53		597
К Б⟨атюшк⟩ову («Философ резвый и пиит...»)	54	333	598
Бова. (Отрывок из поэмы)	56	334	602
⟨Эпиграмма⟩ («Арист нам обещал трагедию такую...»)	63	335	606
Пирующие студенты	64	335	607
К студентам. *Поздняя редакция*	66	336	607
Воспоминания в Царском Селе	69	337	611
Воспоминания в Царском Селе. *Поздняя редакция*	73		611
На Рыбушкина	78		618
Романс («Под вечер, осенью ненастной...»)	79	340	619
Романс. *Поздняя редакция*	80	340	619

	Текст	Варианты	Примечания
Леда. (Кантата)	82	340	621
Stances («Avez-vous vu la tendre rose...»)	84		622
Mon portrait	86	340	623
1815			
Городок. (К***)	88	341	624
Вода и вино	98	341	630
Измены	99	342	631
К Лицинию. (С латинского)	101	342	632
Лицинию. *Поздняя редакция*	103	343	632
Батюшкову («В пещерах Геликона...»)	105	343	635
Наполеон на Эльбе (1815)	106		636
К Г⟨алич⟩у («Пускай угрюмый рифмотвор...»)	109	344	638
К Г⟨алич⟩у. *Поздняя редакция*	110		638
Мечтатель	112	345	640
К П⟨ущин⟩у (4 мая) («Любезный именинник...»)	114	345	640
К молодой актрисе	116	345	641
Мое завещание. Друзьям	118	346	642
Мое завещание. Друзьям. *Поздняя редакция*	120	347	642
Моя эпитафия	122		643
Послание к Г⟨алич⟩у («Где ты, ленивец мой?..»)	123	347	644
К Д⟨ельвигу⟩ («Послушай, муз невинных...»)	127	348	645
К Д⟨ельвигу⟩. (Ответ). *Поздняя редакция*	128	350	645
На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году...	130	350	647
«Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...»	133		649
Тень Фон-Визина	134		650
Слеза	142	351	657
Слеза. *Поздняя редакция*	142		657
«Угрюмых тройка есть певцов...»	144	352	659
К бар⟨онессе⟩ М. А. Дельвиг	145	353	660
Гроб Анакреона	146	353	661
Гроб Анакреона. *Поздняя редакция*	147	354	661
Воспоминание. (К Пущину)	149	355	663
Моему Аристарху	150	355	665
Моему Аристарху. *Поздняя редакция*	152	355	665
Послание к Ю⟨дину⟩	156	356	668
К живописцу	162	356	669
К живописцу. *Поздняя редакция*	162		669
Сраженный рыцарь	164	357	671
Сраженный рыцарь. *Поздняя редакция*	165	357	671
К ней («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»)	166	357	672
К ней. *Поздняя редакция*	166		672

	Текст	Варианты	Примечания
1816			
⟨Надпись к дивану⟩ («Известно буди всем...»)	168		673
К Маше	169		674
Усы. Философическая ода	170	358	675
Усы. Философическая ода. *Поздняя редакция*	171		675
⟨Из письма к кн. П. А. Вяземскому⟩ («Блажен, кто в шуме городском...»)	172		677
⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩ («Христос воскрес, питомец Феба!..»)	173	359	678
Эпиграмма. ⟨На Карамзина⟩ («Послушайте, я сказку вам начну...»)	174	360	680
«Заутра с свечкой грошевою...»	175		685
Принцу Оранскому	176		686
К⟨ня⟩ж⟨не⟩ В. М. Волконской	177		687
К Наташе	178	360	689
Экспромт на А⟨гареву⟩	179		690
Осеннее утро	180	361	691
Осеннее утро. *Поздняя редакция*	180	361	691
К Жуковскому («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...»)	182	362	692
На Пучкову («Зачем кричишь ты, что ты *дева*...»)	185	363	701
На Пучкову («Пучкова, право, не смешна...»)	186	364	702
Сон. (Отрывок)	187	364	703
Истина	193	364	705
⟨Послание к В. Л. Пушкину⟩ («Тебе, о Нестор Арзамаса...»)	194	365	706
Дяде, назвавшему сочинителя братом	196		708
Окно	197	366	709
Разлука («Когда пробил последний счастью час...»)	198	367	709
Уныние («Мой милый друг! расстался я с тобою...»). *Поздняя редакция*	199	368	709
Наездники	200	368	710
Наездники. *Поздняя редакция*	202		710
Элегия («Счастлив, кто в страсти сам себе...»)	204	376	712
Элегия. *Поздняя редакция*	204		712
Месяц	205	376	713
Месяц. *Поздняя редакция*	205	376	713
Певец	207	377	714
Певец. *Поздняя редакция*	207	377	714
К сну («Знакомец милый и старинный...»)	208	377	715
Морфею («Морфей! до утра дай отраду...»). *Поздняя редакция*	208	378	715
Слово милой	209	378	716
Слово милой. *Поздняя редакция*	209	378	716
Элегия («Я видел смерть; она в молчаньи села...»)	210	378	716
Подражание («Я видел смерть; она сидела...»). *Поздняя редакция*	211		716

	Текст	Варианты	Примечания
Желание	212	381	717
Желание. *Поздняя редакция*	212		717
Друзьям	213	381	718
Друзьям. *Поздняя редакция*	213		718
Элегия («Я думал, что любовь погасла навсегда...»)	214	382	720
Элегия. *Поздняя редакция*	215		720
Заздравный кубок	216	382	721
Заздравный кубок. *Поздняя редакция*	217	383	721
Послание Лиде («Тебе, наперсница Венеры...»)	218	383	722
Амур и Гименей. (Сказка)	220	383	724
Амур и Гименей. *Поздняя редакция*	221	384	724
Фиал Анакреона	223	385	725
Фиал Анакреона. *Поздняя редакция*	224	385	725
К Ш⟨ишк⟩ову	225	385	726
Ш⟨ишко⟩ву. *Поздняя редакция*	226		726
Пробуждение	228	387	728
Пробуждение. *Поздняя редакция*	228	388	728
Картины	230	388	729
Фавн и пастушка. Картины. *Поздняя редакция*	235	388	729
«Любовь одна — веселье жизни хладной...»	242		732
Наслажденье	244	389	733
Погреб	245	390	734
Сравнение	246	390	735

1817

Портрет	247		735
Couplets («Quand un poète en son extase...»)	248	390	737
К портрету Каверина («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...»)	250	391	739
На Баболовский дворец	251		740
«И останешься с вопросом...»	252		741
К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин...»)	253	391	742
К К⟨аверину⟩. *Поздняя редакция*	253	393	742
Безверие	255	394	743
Безверие. *Поздняя редакция*	257	396	743
К молодой вдове	260	396	745
К молодой вдове. *Поздняя редакция*	261	398	745
Элегия («Опять я ваш, о юные друзья!..»)	262	398	747
Элегия. *Поздняя редакция*	263	399	747
К Дельвигу («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»)	264	399	747
Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью...»). *Поздняя редакция*	265	401	747
Стансы. (Из Вольтера) («Ты мне велишь пылать душою...»)	266	401	751
Стансы. Из Вольтера. *Поздняя редакция*	267	401	751
Письмо к Лиде	269		752

	Текст	Варианты	Примечания
Письмо к Лиде. *Поздняя редакция*	269	402	752
К письму	271		752
Сновидение	272		753
Она	273		753
Послание В. Л. Пушкину («Скажи, парнасский мой отец...»)	274		754
П⟨ушки⟩ну («Что восхитительней, живей...»). *Поздняя редакция*	276	402	754
В альбом Илличевскому	277	402	757
Князю А. М. Горчакову («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»)	278	403	758
Товарищам	280	404	759
Товарищам. *Поздняя редакция*	281		759
⟨Отрывок⟩ («Когда погаснут дни мечтанья...»)	282	406	761
В альбом («Пройдет любовь, умрут желанья...»). *Поздняя редакция*	282	406	761
В альбом Пущину	283	406	762
В альбом Пущину. *Поздняя редакция*	283	407	762
Кюхельбекеру («В последний раз, в тиши уединенья...»)	284	407	764
Разлука («В последний раз, в сени уединенья...»). *Поздняя редакция*	284		764
Надпись на стене больницы	285	407	765

Стихотворения неизвестных годов

Старик. (Из Марота)	286		765
Старик. *Поздняя редакция*	286	407	765
Роза	287	408	766
Роза. *Поздняя редакция*	287		766
Делия	288		768
Эпиграмма («„Скажи, что нового". — „Ни слова"...»)	289	408	768
Любопытный («„Что ж нового?" — „Ей-богу, ничего"...»). *Поздняя редакция*	289		768
«Больны вы, дядюшка? Нет мочи...»	290		769
Надпись в беседке	291	409	769
Надпись к беседке. *Поздняя редакция*	291		769
«Вот Виля — он любовью дышет...»	292	409	770
⟨На гр. А. К. Разумовского⟩ («Ах! Боже мой, какую...»)	293	409	770
Твой и мой	294	409	771
Твой и мой. *Поздняя редакция*	294	409	771
К Делии	295	410	772
«Тошней идиллии и холодней, чем ода...»	296		773
Эпиграмма на смерть стихотворца	297	411	774
«От всенощной вечор идя домой...»	298	412	775
«*Пожарский, Минин, Гермоген*...»	299		775

	Текст	Варианты	Примечания
Отрывки			
«Мы недавно от печали...»	300		776
⟨Ноэль на лейб-гвардии Гусарский полк⟩	301		777
⟨Отрывки «Про себя»⟩	302		781
Коллективное			
Куплеты на слова «Никак нельзя — ну так и быть»	303		783
Куплеты на слова «С позволения сказать»	304		783
«Боже! царя храни!..»	306	412	784
«Гауншильд и Энгельгард...»	307	413	785
Dubia			
Двум А⟨лександрам⟩ П⟨авловичам⟩	308		787
Гараль и Гальвина	309	413	788
Исповедь бедного стихотворца	312	413	789
Вишня	316		790
Стихотворения, написанные до поступления в Лицей			
«Dis-moi, pourquoi „L'Escamoteur"...»	319		791
«Je chante ce combat, que Toly remporta...»	320		791
Другие редакции и варианты	321		
Комментарии	415		
В. Э. Вацуро. Лицейское творчество Пушкина	417		
В. Е. Холшевников. Стихосложение Пушкина-лицеиста	440		
М. А. Цявловский. Источники текстов лицейских стихотворений	461		
I. Состав лицейских стихотворений	461		
II. Автографы и авторизованные копии	466		
III. Ранние копии	472		
IV. Рукописные лицейские сборники	473		
1. «Жертва Мому, или Лицейская антология»	473		
2. Часть сборника стихотворений лицейских поэтов из архива А. М. Горчакова	474		
3. Первый сборник из архива И. В. Помяловского	475		
4. Второй сборник из архива И. В. Помяловского	476		
5. «Лицейская антология, собранная трудами преслову-того -ийший»	478		
6. «Собрание лицейских стихотворений»	481		
7. Тетрадь Ф. Ф. Матюшкина	487		
8. Тетрадь М. Л. Яковлева—М. А. Корфа	490		

Текст

9. «Дух лицейских трубадуров» 495
10. Тетрадь А. В. Никитенко 497
V. Лицейская тетрадь Пушкина 503
VI. Работа Пушкина над лицейскими стихотворениями в 1819—1820 и 1825 гг. и публикация их при жизни поэта 521
VII. Рукописные сборники с лицейскими стихотворениями Пушкина 525
1. Альбом А. М. Горчакова 525
2. Листы из Тетради Ф. Ф. Матюшкина 527
3. Тетрадь А. В. Шереметева 527
4. Тетрадь П. П. Каверина 529
5. Копии В. Г. Коноплева 529
6. Тетрадь из архива К. Д. Кавелина 529
7. Сборник Остафьевского архива № 8 531
8. Тетрадь В. Ф. Щербакова 532
9. Тетрадь из архива Голохвастовых 532
10. Первая тетрадь Н. А. Долгорукова 532
11. Тетрадь П. И. Бартенева 543
12. Тетрадь Н. С. Тихонравова 544
13. Тетрадь В. П. Гаевского 544
14. Листы из Тетради В. П. Гаевского 545
15. Тетрадь М. Н. Лонгинова—С. Д. Полторацкого . . 545
16. Тетрадь П. Я. Дашкова 546
17. Вторая тетрадь Н. А. Долгорукова 548
18. «Записки И. И. Пущина о Пушкине» 552
VIII. Тексты лицейских стихотворений 552
IX. Хронология лицейских стихотворений 557

Примечания к текстам стихотворений 564

Условные сокращения 793

Указатель имен 804

Алфавитный указатель стихотворений 821

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Том 1

Лицейские стихотворения
1813—1817

Печатается по постановлению
Бюро Отделения литературы и языка
Российской академии наук

Редактор издательства Т. А. Лапицкая
Художник-оформитель Л. А. Яценко
Художник-оформитель 200 экз. тиража А. И. Слепушкин
Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректоры Н. И. Журавлева, И. А. Крайнева,
Э. Г. Рабинович и Н. А. Тюрина
Компьютерная верстка Л. Н. Напольской

Лицензия № 020297 от 23 июня 1997 г.
Сдано в набор 8.12.98. Подписано к печати 19.04.99.
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Академия. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 68.3. Уч.-изд. л. 62.9. Тираж 5000 экз.
Тип. зак. № 3191. С 92.

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12